2043
141

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

1896.

ЯНВАРЬ.

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. СТИХОТВОРЕНІЕ. **В. К. Истомина** 5

II. ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА. Статья III. **Проф. С. А. Рачинскаго**..... 6

III. ВЪ ДОРОГѢ. Стихотвореніе. **Анатолія Александрова** . 20

IV. ОТХОЖІЕ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ. Гл. I—II. **Князя Н. В. Шаховского** 21

V. ВЧУЖЪ. Сказка для дѣтей пожилого возраста. **Графа Е. А. Саліаса** 56

VI. ЛЕГЕНДА ОБЪ ОЛИГАРХИЧЕСКИХЪ ТЕНДЕНЦІЯХЪ ВЕРХОВНАГО ТАЙНАГО СОВѢТА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ I. **Проф. А. С. Алексѣева**. 76

VII. ГОРДОСТЬ СЕМЬИ. Повѣсть. Часть первая. Гл. I—VIII. **А. В. Стернъ** 130

VIII. О ФАУСТѢ ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ ИЗОБРАЖЕНІИ И О ЗНАЧЕНІИ ПРЕДМЕТА ВЪ МУЗЫКѢ ВООБЩЕ. **Г. А. Лароша**..... 167

IX. ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ БѢЛОМЪ ШАРФѢ. Разсказъ **А. А. Смирнова**..... 183

X. ОПЫТЪ О СВОБОДѢ ВОЛИ. (Изъ посмертныхъ рукописей). **П. Е. Астафьева**. Съ предисловіемъ и примѣчаніями **Проф. А. И. Введенскаго**..... 220

XI. БЛАГОВѢСТЪ. Стихотвореніе. **П. П.**..... 233

XII. ИЗЪ ИСТОРІИ УЧЕНАГО МОНАШЕСТВА ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ. **Архіепископа Никанора**. Съ предисловіемъ **Свящ. С. Петровскаго**..... 234

XIII. ВОСПОМИНАНІЯ, ЗАМѢТКИ И ПИСЬМА. 1. А. В. Горскій. **Проф. Н. С—на** 259

XIV. ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО. I. Тетушка Прасковья Егоровна. **П. П. Суворова**..... 288

XV. „КОМУ ВЫНЕТСЯ, ТОМУ СБУДЕТСЯ“. (Погудка). Стихотвореніе. **Н. А. Чаева**..... 299

XVI. ВЪ СТРАНѢ РАБОВЪ. (Изъ посмертныхъ бумагъ). **А. В. Елисѣева** 301

XVII. ПИСЬМА КЪ Г. БЕРКГОЛЬЦУ. **Баронессы Раденъ**. (Перев. съ нѣмецк. **Е. Н. Б.**)..... 317

XVIII. КОРОНОВАНІЕ РУССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ. (Историческій очеркъ). **Г. П. Георгіевскаго** 327

XIX. НЕРВОЗЪ ЭТЬЕНЕТТЫ. Разсказъ **Жака Нормана**. (Перев. съ французскаго **Е. М. Поливановой**)..... 351

XX. О СОЕДИНЕНІИ ЦЕРКВЕЙ. (По поводу энциклики папы Льва XIII). **Проф. А. Д. Бѣляева**..... 376

XXI. ОЧЕРЕДНАЯ РЕФОРМА. **В. Іордана**..... 387

XXII. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ: 1) Отрывки изъ дневника: I. Письмо **Ѳ. М. Достоевскаго** и происхожденіе очерка „Именинникъ“. II. По поводу замѣтки **И. С. Тургенева** о „рус-

(См. слѣдующую страницу обертки.)

Digitized by Google

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Russkoe obozrienie

РУССКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1896.

Digitized by Google

AP20
.R95
v.4
Jan 1 ab
1896

82-504 001/s

Московского Городского
Библиотека

17090
40

96235

Digitized by Google

РУССКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

содержанія журнала за 1895 годъ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1896.

Digitized by Google

Дозволено цензурой. Москва, января 4 дня 1896 г.

Digitized by Google

Систематическій указатель содержанія «Русскаго Обозрѣнія» за 1895 годъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ манифестъ. Т. VI. Декабрь.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А) Романы, повѣсти, разсказы, очерки.

а) Оригинальные:

Въ житейскомъ омутѣ. Повѣсть *В. П. Желиховской.* Т. I. Янв., стр. 211. Февр., стр. 495. Т. II. Мартъ, стр. 59. Апр., стр. 571.

Въ поискахъ за квартирой. Разсказъ *Графини Е. Н. Толстой.* Т. IV, Авг., стр. 583.

Домой на праздникъ. Разсказъ *Н. Н. Павлова.* Т. II. Мартъ, стр. 225.

Король теноровъ. Повѣсть. *Н. Д'Эссаръ.* Т. IV. Іюль, стр. 125. Авг., стр. 639. Т. V. Сент., стр. 142. Окт., стр. 549.

Мечты и жизнь. Романъ *В. Л. Маркова.* Т. III. Май, стр. 278. Іюнь, стр. 662. Т. IV. Іюль, стр. 57. Авг., стр. 470. Т. V. Сент., стр. 28. Окт., стр. 467. Т. VI, Ноябрь, стр. 57. Дек.. стр. 546.

Милліонъ терзаній. Романъ *Ив. Щеглова.* Т. I. Янв., стр. 121. Т. II. Мартъ, стр. 137. Т. III. Май, стр. 138. Т. VI. Ноябрь, стр. 201. Дек., стр. 607.

Одиноній. Разсказъ *А. В. Стернъ.* Т. I. Февр., стр. 558.

„Одинъ изъ малыхъ сихъ". Идиллія *Княгини М. В. Волконской.* Т. II. Апр., стр. 683.

Осѣчка. Повѣсть изъ константинопольской жизни *В. А. Теплова.* Т. V. Сент., стр. 253. Окт., стр. 638 Т. VI. Ноябрь, стр. 160.

Ошибка Вирова. Повѣсть. *А. В. Стерна.* Т. VI. Дек., стр. 716.

Послѣднее разочарованіе. Повѣсть. *А. В. Стерна.* Т. III, Май. стр. 86. Іюнь. стр. 557.

Старые кадеты. Очерки. (Шамиль, Кощей, Лизокъ и Тупица, Дядька Савельичъ, Кашный бунтъ, Пиѳагоръ, Кадетъ въ обществѣ). *А. А. Фонъ-Риттера.* Т. V. Сент., стр. 322. Окт., стр. 789. Т. VI. Ноябрь, стр. 253. Дек., стр. 811.

Digitized by Google

У мельницы. Разсказъ *И. Шмелева.* Т. IV. Іюль, стр. 353.

Ѳедоръ Павловичъ. Новогодній разсказъ *Г. О.* Т. I. Янв., стр. 287.

б) Переводные:

Бабочка. Разсказъ *Э. Кастельнуово.* Перев. съ итальянскаго. *В. К. Б.* Т. VI. Дек., стр. 877.

Двѣ матери. Разсказъ *Бретъ-Гарта.* Переводъ съ англійскаго *К. Н. Цвѣткова.* Т. IV. Авг., стр. 687.

До конца вины. Соч. *Эд. Рода.* Переводъ съ французскаго *Е. М. Поливановой.* Т. I. Январь, стр. 323. Февр. стр. 666.

Женитьба Лоти. Романъ *Пьера Лоти.* Перев. съ французск. *В. П. Горленко.* Т. II. Мартъ, стр. 290. Апр., стр. 746. Т. III. Май, стр. 325. Іюнь, стр. 744. Т. IV. Іюль. стр. 208.

Новая утопія. Разсказъ *Джерома К. Джерома.* Перев. съ англійскаго *К. Н. Цвѣткова.* Т. II. Апр., стр. 799.

Полный отчетъ о первомъ съѣздѣ Грязе-Туманской ассоціаціи для споспѣшествованія всему. Посмертный разсказъ *Чарльза Диккенса.* Перев. съ англійскаго *К. Н. Цвѣткова.* Т. IV. Іюль, стр. 321.

Разсказы изъ польской жизни. 1) Куколка. 2) Наивное дитя и погоня за приданымъ. *Элизы Оржешко.* Перев. съ польскаго Ч. Т. III. Іюль. стр. 842.

Сцены изъ испанской народной жизни. I. Наборъ. *Дона Хозе-Маріи Де-Переда.* Переводъ съ испанскаго *И. Яковлева.* Т. I. Февраль, стр. 784.

Б) Драматическія произведенія.

Гамлетъ, Принцъ Датскій, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ *В. Шекспира.* Переводъ *Д. В. Аверкіева.* Въ приложеніи къ книгамъ Т. I. Январь, Февр., Т. II. Мартъ, Апр.

В) Стихотворенія.

Андрей Шенье. Сонетъ *Гр. П. Д. Бутурлина.* Т. IV. Іюль, стр. 32.

Богъ. *С. Обуховскаго.* Т. V. Окт., стр. 753.

Брага. *Н. А. Чаева.* Т. V. Окт., стр. 802.

„Весь день все небо было въ сѣрыхъ облакахъ“... *Н. Ѳ. Плахово.* Т. VI. Ноябрь, стр. 225.

Восторженное недоумѣніе. *Я. П. Полонскаго.* Т. I. Янв., стр. 90.

„Все полночь глухая да мракъ непроглядный“... *В. А. Гиляровскаго.* Т. II. Апр., 861.

„Все чаще, все яснѣй мнѣ слышенъ дальній звонъ“... *Гр А. А. Голенищева-Кутузова.* Т. I. Февр., стр. 479.

„Въ вечернемъ свѣтѣ солнечныхъ лучей“... *Н. Ѳ. Плахово.* Т. V. Сент., стр. 169.

Въ нѣкоторомъ царствѣ. *Н. А. Чаева.* Т. VI. Дек., стр. 671.

Въ храмѣ святой Софіи. *А. А. Смирнова.* Т. II. Мартъ, стр. 25.

„Греза волшебная, греза неясная“... *А. Д. Облеухова.* Т. VI. Ноябрь, стр. 382.

Digitized by Google

Дорожные силуэты. *А. А. Коринѳскаго.* Т. V. Сент., стр. 117.

„Дрогнула полночь, и мрака завѣса“... *В. А. Гиляровскаго.* Т. II. Апр., стр. 861.

„Зеркальный прудъ—душа поэта“... *Н. А. Чаева.* Т. IV. Августъ, стр. 619.

Зимою. *В. Ракитина.* Т. I. Февр., стр. 840.

Идеалы. *М. А Лохвицкой.* Т. VI. Ноябрь, стр. 130.

„Изъ-за себя въ тревогѣ вѣчной“... *М. А. Хитрово* Т. III. Іюнь, стр. 616.

Изъ лѣтнихъ впечатлѣній. *М. Ѳ. Караулова.* Т. VI. Дек., стр. 890.

Impromptu. *Е. А. Варженевской.* Т. III. Май, стр. 359.

„Какъ вторя тихому дрожанію лучей“... *Н. Ѳ. Плахово.* Т. III. Май, стр. 55.

„Какъ скованный орелъ опутана мечта“... *А. А. Александрова.* Т. IV. Авг., стр. 686.

„Когда-бъ могла душа на мигъ съ себя стряхнуть“... *М. А. Лохвицкой.* Т. III. Іюнь, стр. 727.

Къ надеждѣ. *В. С.* Т. IV. Іюль, стр. 374.

Quasi una fantasia. *В. С.* Т. II. Мартъ, стр. 356,

Лунная ночь. *Е. А. Варженевской.* Т. VI. Дек., стр. 783.

Лунный лучъ. *К. Д. Бальмонта.* Т. I. Февр., стр. 804.

Лунный свѣтъ. *Е. А. Варженевской.* Т. I. Февр., стр. 803.

„Между нами—живая святыня когда-то сіявшихъ намъ сновъ“... *Кн. Э. Э. Ухтомскаго.* Т. II. Апр, стр. 548.

„Мнѣ снилось, что должны мы ѣхать въ путь далекій“... *Н. Ѳ. Плахово.* Т. II. Мартъ, стр. 340.

Мое небо. *М. А. Лохвицкой.* Т. II. Апр., стр. 780.

Надпись. *Ѳ. Э. Ромера.* Т. IV. Авг., стр. 811.

„Не горюй надъ убогой могилой“... *К. А. Альбинскаго.* Т. VI. Ноябрь, стр. 282.

Не о себѣ. *Е. А. Варженевской.* Т. III. Іюнь, стр. 818.

Нерушимая стѣна. Сонетъ. *Гр. А. Салтыкова.* Т. V. Окт., стр. 455.

Ночные цвѣты. *Е. А. Варженевской.* Т. V. Сент., стр. 197.

Ночь подъ тропиками. *Гр. Е. И. Ностица.* Т. III. Іюнь, стр. 782.

„Нѣтъ, я себя чужимъ не чувствую съ народомъ“... *А. В. Крылова.* Т. I. Янв., стр. 256.

„Одинокій вдали свѣтъ блеститъ изъ окна“... *Н. Ѳ. Плахово.* Т. IV. Іюль, стр. 320.

Океанъ. Сонетъ. *К. Д. Бальмонта.* Т. III. Май, стр. 206.

„Окно открыто въ садъ, одѣтый тьмою“... *Н. Ѳ. Плахово.* Т. II. Апр., стр. 718.

Отголоски жизни. *А. А. Коринѳскаго.* Т. V. Окт., стр. 677.

Отрывокъ. *А. К. Соболева.* Т. V. Окт., стр. 770.

Памяти Императора Александра III. *Графа П. Апраксина.* Т. VI. Ноябрь, стр. 5.

Digitized by Google

Памяти Императора Александра III. *Д. И. Павлова.* Т. VI. Ноябрь, стр. 6.

Памяти Гр. П. Д. Бутурлина. Сонетъ *Н. А. Новина.* Т. V. Сент., стр. 423.

„Первый снѣгъ, первый снѣгъ"... *Гр. А. Салтыкова.* Т. VI. Дек., стр. 848.

Поэту. *Н. А. Чаева.* Т. IV. Іюль, стр. 191.

Призракъ. Поэма *К. К. Случевскаго.* Т. I. Янв., стр. 19.

„Пусть свободнѣй вздохнетъ утомленная грудь". *Н. Ѳ Плаховъ.* Т. II. Мартъ, стр. 340.

„Русь, утѣшься, помолися!.." *Н. А. Чаева.* Т. III. Іюнь, стр. 893.

„Сердца мнѣ не холодитъ морозъ"... *Гр. А. Салтыкова.* Т. VI. Дек., стр. 847.

„Слову крылъ не свяжешь"... *Н. А. Чаева.* Т. IV. Авг., стр. 619.

Титанія. *М. А. Лохвицкой.* Т. IV, Авг., стр. 562.

Удаль. *А. А. Коринѳскаго.* Т. II. Мартъ, стр. 276.

„Ужель высокія стремленья"... *К. А. Альбинскаго.* Т. III. Май, 408.

Царица Савская. *М. А. Лохвицкой.* Т. I. Февр , стр. 633.

II. ЦЕРКОВЬ И РЕЛИГІЯ.

Къ вопросу о духовной литературѣ для народа. *Православнаго.* Т. III. Іюнь, стр. 906.

Къ вопросу о „пересказахъ" житій святыхъ. *Православнаго.* Т. IV. Іюль, стр. 433.

Логика раскола. (Письма къ И. С. Аксакову). *Н. П. Гилярова-Платонова.* Съ предисловіемъ *Князя Н. В. Шаховскаго.* Т. V., Окт., стр. 456.

Норичскій конгрессъ. (Письмо изъ Лондона). *Православнаго.* Т. VI. Ноябрь, стр. 367.

Поступательное движеніе православія въ Соединенныхъ Штатахъ. (Письма изъ Нью-Іорка). *В. Н. Макъ-Гахань.* Т. IV. Авг., стр. 687. Т. V. Сент., стр. 198.

Правы-ли мы? Открытое письмо къ православнымъ отцамъ и матерямъ. *Православнаго.* Т. III. Май, стр. 409.

Обозрѣніе духовныхъ журналовъ. *Г. Г.* Т. IV. Іюль, стр. 410. Т. VI. Ноябрь, стр. 443.

III. НАУКА.

(Философія, исторія, естествознаніе, правовѣдѣніе, педагогика и друг.)

Въ какихъ убѣжденіяхъ таится истина? *П. П. Суворова.* Т. V. Окт., стр. 741.

Древне-русскія свадьбы [1]. II. Царскія свадьбы. *Г. П. Георгіевскаго.* Т. I. Февр., стр. 689.

---

[1] См. 1894. Т. VI. Дек., стр. 846.

Digitized by Google

Желательно-ли возрожденіе романтизма? *П. П. Суворова.* Т. II. Апр., стр. 770.

Задачи русской литературы. (Вступительная лекція). *Проф. П. А. Висковатова.* Т. IV. Авг., стр. 457.

Значеніе Бекона Веруламскаго въ исторіи философіи природы. *Проф. Н. А. Любимова.* Т. V. Окт., стр. 520. Т. VI. Ноябрь, стр. 33.

Значеніе воображенія въ жизни человѣка. *Ѳ. А. Витберга.* Т. IV. Авг., стр. 567. Т. V. Сент., стр. 170.

Историческій обзоръ теорій наслѣдственности. Періодъ до Дарвина. *Проф. Н. Ю. Зографа.* Т. III. Іюнь, стр. 819.

Кое-что о „дореформенномъ идеализмѣ". *П. П. Суворова.* Т. I. Февр., стр. 805.

Коронованіе русскихъ государей. (Историческій очеркъ). *Г. П. Георгіевскаго.* Т. VI. Ноябрь, стр. 327.

Къ вопросу о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты. *П. П. Суворова.* Т. IV. Іюль, стр. 148.

Направленіе общественной и научно-литературной мысли въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія. *С. Д. Крылова.* Т. I. Февр., стр. 810.

Новая составная часть воздуха. *Я. И. Вейнберга.* Т. IV. Августъ, стр. 798.

О такъ-называемомъ „дѣйствіи на разстояніи". *В. В. Розанова.* Т. II. Мартъ, стр. 279.

О пожарахъ въ Россіи. *И. У: Палимпсестова.* Т. I, Февр., стр. 749.

Отрывокъ изъ путешествія Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія. *Проф. Г. А. Муркоса.* Т. III. Май, стр. 360.

Поучительная исторія. (Къ школьному вопросу). *Свящ. І. И. Фуделя.* Т. V. Окт., стр. 754.

Смѣна міровоззрѣній. *В. В. Розанова.* Т. IV. Іюль, стр. 193.

Украинскіе казаки и паны въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмѣльницкаго. *П. А. Кулиша.* Т. I. Янв., стр. 298. Февр., стр. 610. Т. II. Мартъ, стр. 92. Апр., стр. 642. Т. III. Май, стр. 179.

Церковная школа. *Проф. С. А. Рачинскаго.* Т. III. Іюнь, стр. 541. Т. V. Окт., стр. 437.

Что выражаетъ собою красота природы? *В. В. Розанова.* Т. V. Окт., стр. 601. Т. VI. Ноябрь, стр. 132. Дек., стр. 639.

Что иногда значитъ „научно объяснить" явленіе? *В. В. Розанова.* Т. IV. Авг., стр. 596.

IV. ИСКУССТВО.

(Теоретическія статьи, художественная критика, обозрѣнія искусства).

Жажда лицедѣйствовоть. *N. N.* Т. IV. Дек., стр. 891.

Иконописцы-суздальцы. (Посв. академику Ѳ. И. Буслаеву). *В. Иларіонова.* Т. II. Мартъ, стр. 183. Апр., стр. 719.

Digitized by Google

Къ вопросу о народномъ театрѣ. (Мнѣніе о немъ покойнаго епископа Александра) *А. А. Шевелева.* Т. VI, Дек., стр. 900.

Опытъ изслѣдованія законовъ искусства. (Живопись, скульптура, архитектура и орнаментика). Окончаніе [1]. *Акад. В. І. Шервуда.* Т. І. Янв., стр. 56. Т. II. Февр., стр. 526.

Музыкальное обозрѣніе. *Проф. Н. Д. Кашкина.* Т. II. Апр., стр. 917. Т. III. Май, стр. 520. Т. VI. Дек., стр. 949.

Театральная хроника. *С. Васильева.* Т. І. Янв.. стр. 374.

V. ПУТЕШЕСТВІЯ.

Вдоль береговъ Трои. *А. В. Елисѣева.* Т. IV. Іюль, стр. 5. Авг. 514.

Въ странѣ восходящаго солнца. *Г. А. Де-Волмана.* Т. V. Сентябрь. стр. 93.

Домой по Волгѣ. Путевые очерки. *Е. Л. Маркова.* Т. І. Янв., стр. 172. Февр., стр. 585. Т. II. Мартъ, стр. 27. Апр., стр. 611. Т. III. Май, стр. 29. Іюнь, стр. 617.

Письма изъ Италіи. *М. П. Соловьева.* Т. III. Іюнь, стр. 711. Т. IV. Іюль, стр. 107. Авг., стр. 604. Т. V. Сент., стр. 183. Окт., стр. 579. Т. VI. Ноябрь, стр. 108. Дек., стр. 784.

По Ленѣ зимою. Путевыя картины *В. В. Птицына.* Т. II. Мартъ, стр. 259.

Поѣздка на Востокъ. (Выдержки изъ писемъ). *С. П. Бартенева.* Т. V. Окт.. стр. 691. Т. VI. Ноябрь, стр. 283. Дек., стр. 672.

Прогулка пѣшкомъ черезъ Симплонъ. *К. С. Н.* Т. V. Окт., стр. 663.

Путешествіе вокругъ Азіи верхомъ. Продолженіе [2]. *Кн. К. А. Вяземскаго.* Т. І. Февр., стр. 723. Т. IV. Іюль, стр. 272. Авг., стр. 653. Т. V. Сент., стр. 275. Т. VI. Ноябрь, стр. 226.

Цѣлебный край. *В. С.* Т. IV. Іюль, стр. 343.

VI. ВОСПОМИНАНІЯ, ЗАПИСКИ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ.

А) Мемуары, касающіеся различныхъ эпохъ общественной жизни.

Изъ прошлаго. (Посмертныя записки) *Н. П. Колюпанова.* Т. І. Янв., стр. 246. Февр., стр. 480. Т. II. Мартъ, стр. 5. Апр., стр. 527. Т. III. Май, стр. 5. Іюнь, стр. 596.

Мои воспоминанія. *А. Н. Муравьева.* (Съ примѣчаніями *А. А. Третьякова*). Т. III. Май, стр. 56. Т. VI. Дек., стр. 586.

Б) Воспоминанія, хроники, письма, біографическія данныя выдающихся лицъ.

Архимандритъ Никифоръ Дучичъ и его литературная дѣятельность. *А. К—ла.* Т. І. Янв., стр. 394.

---

[1] См. 1894 г. Т. IV. Іюль, стр. 270. Авг., стр. 543. Т. V. Сент., стр. 267. Окт., стр. 679. Т. VI. Ноябрь, стр. 299. Дек., стр. 640.

[2] См. 1894 г. Т. V. Сент., стр. 317. Окт., стр. 773.

Digitized by Google

Воспоминанія артиста. Автобіографическія записки *Шарля Гуно*. Перев. съ французскаго *Е. М. Поливановой*. Т. V. Сент., стр. 293. Т. VI. Ноябрь, стр. 303. Дек., стр. 849.

Воспоминанія о П. И. Чайковскомъ [1]. Окончаніе. *Проф. Н. Д. Кашкина*. Т. I. Янв., стр. 93. Т. II. Мартъ, стр. 249. Т. III. Май, стр. 392. Т. V. Сент., стр. 158. Окт., стр. 679. Т. VI. Ноябрь, стр. 262. Дек., стр. 772.

Георгій Конисскій, архіепископъ Бѣлорусскій. (1795—1895). *Е. В. Ливотова*. Т. II. Мартъ, стр. 366. Апр., стр. 862. Т. III. Іюнь, стр. 784.

Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ. (1826 — 1830). *Акад. Л. Н. Майкова*. Т. V. Сент., стр. 5.

Изъ воспоминаній о Н. И. Костомаровѣ. *И. У. Палимпсестова*. Т. IV. Іюль, стр. 155.

Изъ переписки И. С. Тургенева съ А. И. Герценомъ въ 1867 году. *Z.* Т. I. Янв., стр. 111.

Культурный идеалъ К. Н. Леонтьева. *Свящ. І. И. Фуделя*. Т. I. Янв, стр. 257.

Лекція о митрополитѣ Филаретѣ. (Письмо изъ Лондона). *С.* Т. V. Сент., стр. 119.

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и А. С. Хомяковъ. (По сочиненіямъ и письмамъ Гилярова). Съ приложеніемъ неизданной программы предисловія ко II т. соч. А. С. Хомякова Ю. Ѳ. Самарина. *Князя Н. В. Шаховского*. Т. VI. Ноябрь, стр. 14.

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и К. С. Аксаковъ. (По статьямъ и письмамъ Гилярова). *Князя Н. В. Шаховского*. Т. VI. Дек., стр. 509.

Обстоятельства оставленія Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ службы въ Московской духовной академіи. *Князя Н. В. Шаховского*. Т. IV. Авг., стр. 542.

Опредѣленіе Н. П. Гилярова-Платонова на свѣтскую службу. *Князя Н. В. Шаховского*. Т. V. Сент.. стр. 110.

О виленскомъ памятникѣ М. Н. Муравьеву. *А. П. Владимірова*. Т. III. Іюнь, стр. 876.

С. Т. Аксаковъ. I. Дѣтство и студенчество. *Проф. А. С. Архангельскаго*. Т. IV. Іюль, стр. 33. Авг., стр. 498. Т. V. Сент., стр. 63.

Статьи о М. Н. Катковѣ и А. И. Герценѣ: [2].

1) Полемика Каткова съ Герценомъ. Эпизодъ изъ шестидесятыхъ годовъ *Н. М. Павлова*. Т. III. Май, стр. 308.

---

[1] См. 1894 г., Т. V. Сент., стр. 106. Т. VI. Ноябрь, стр. 278.

[2] Для полноты упоминаемъ всѣ относящіяся къ этой полемикѣ статьи. Въ №№ 118, 123 и 125 газеты *Русское Слово* была перепечатана первая статья Н. М. Павлова, на которую въ № 139 послѣдовала замѣтка (не бывшая совсѣмъ въ *Р. Об.*). К. Н. Цвѣткова *Еще о Катковѣ и Герценѣ*. Въ № 244 *Р. Слова* напечатанъ *Добровольный отвѣтъ* г. *Цвѣткова*, помѣщенный потомъ въ *Р. Обозр.*

Наконецъ къ этой же полемикѣ имѣетъ отношеніе статья г. Spectator'a *Главная заслуга М. Н. Каткова* (въ рубрикѣ *Современные вопросы*, Т. VI. Ноябрь, стр. 383) и *Письмо въ редакцію* В. Н. Лясковскаго (Т. VI. Дек., стр. 1044).

Digitized by Google

2) Одна изъ нашихъ слабостей. (По поводу полемики **Каткова** съ Герценомъ) *Свящ. І. И. Фуделя.* Т. III. Іюнь, стр. 899.
3) Вынужденное объясненіе. *Н. М. Павлова.* Т. IV. Августъ, стр. 825.
4) Еще о М. Н. Катковѣ. Т V. Окт., стр. 833.
а) Отъ редакціи. б) Добровольный отвѣтъ на „вынужденное объясненіе" Н. М. Павлова *К. Н. Цвѣткова.* в) Въ заключеніе нашей полемики съ г. Цвѣтковымъ. *Н. М. Павлова.* г) Послѣднее слово Н. М. Павлову. *К. Н. Цвѣткова.*

В) Некрологи и мелкія біографическія замѣтки.

А. В. Елисѣевъ. (Некрологъ). Т. III. Іюнь, стр. 1027.

Памяти А. Н. Муравьева *А. А. Третьякова.* Т. I. Янв., стр. 281.

Памяти генералъ-лейтенанта А. И. Манькина-Невструева. *Академ. В. І. Шервуда.* Т. I. Янв., стр. 405.

Памяти графа П. Д. Бутурлина. *Н. Новина.* Т. V. Сент., стр. 422.

Памяти Д. А. Ровинскаго. *А. П. Новицкаго.* Т. V. Окт., стр. 803.

Г) Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей.

Т. I. Февраль, стр. 841. 1) Дѣло о погребеніи М. Ю. Лермонтова. (Неизданный документъ). Сообщ. *М. А. Кальневъ.* 2) Письма къ матери изъ Болгаріи (во время войны 1877 г.) *В. М. Гаршина.* Съ предисловіемъ *Е. С. Гиршиной.* 3) Послѣдніе дни жизни и дѣятельности В. В. Крестовскаго. *А. А. Сидорова.*

Т II. Мартъ, стр. 382. 1) А. С. Грибоѣдовъ. (Неизданные документы къ его біографіи). *С. А. Бѣлокурова.* 2) Н. Ф. Павловъ († 29 марта 1865 г.). *Д. П.* 3) Письма къ матери изъ Болгаріи (во время войны 1877 г.) *В. М. Гаршина.*

Апрѣль. стр. 881. 1) Письма къ С. П. и К. П. Побѣдоносцевымъ *И. И. Лажечникова.* Съ предисловіемъ *К. П. Побѣдоносцева.* 2) Письма къ матери изъ Болгаріи (во время войны 1877 г.). (Окончаніе). *В. М. Гаршина.* Съ приложеніемъ письма *И. Н. Аѳанасьева.*

Т. III. Іюнь, стр. 895. Отзывы о славянофилахъ *П. М. Павлова.*

Т. IV Августъ, стр. 838. 1) Письмо къ О. А. Новиковой. *И. С. Аксакова.* 2) Неизданное стихотвореніе. *Б. Н. Алмазова.*

Т V. Сентябрь, стр. 338. 1) Письмо къ О. А. Новиковой. *И. С. Аксакова.* 2) Листки изъ записной книжки интересныхъ знакомствъ, встрѣчъ и разсказовъ. Объ анекдотахъ. (Маленькое изслѣдованіе вмѣсто предисловія). I. С. П. Калошинъ. II. П. И. Якушкинъ. III. Н. Эдельсонъ. IV. Б. Н. Алмазовъ. *К. А.*

Октябрь, стр. 821. 1) Библіографія и библіографы въ Россіи (съ приложеніемъ двухъ писемъ В. И. Межова). *А. А. Ярцева.* 2) Листки изъ записной книжки интересныхъ знакомствъ, встрѣчъ и разсказовъ. V. П. С. Нахимовъ. VI. М. П. Погодинъ. VII. Митрополитъ Филаретъ. *К. А.*

Т. VI. Ноябрь, стр. 351. 1) Письма къ К. А. Губастову (1878). *К. Н. Леонтьева* [1]. 2) Листки изъ записной книжки интересныхъ зна-

[1] См. 1894 г. Т. V. Сент., стр. 363. Т. VI. Ноябрь, стр. 386.

Digitized by Google

комствъ, встрѣчъ и разсказовъ: VIII. Князь С. М. Голицынъ. IX. Актеръ Максинъ. X. Московскій городской голова Шестовъ. *К. А.*

Декабрь, стр. 926. 1) Письма къ В. Н. Каншерову. *И. С. Тургенева.* 2) Письма къ К. А. Губастову. *К. Н. Леонтьева.*

VII. ПУБЛИЦИСТИКА, ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ.

А) Отдѣльныя статьи.

Еврейское землевладѣніе въ центрѣ Россіи. *О. А. Минутко.* Т. IV. Авг., стр. 812-

Земскіе начальники, ихъ административная и судебная дѣятельность. *Я. Я. Литвинова.* Т. VI. Ноябрь. стр. 186.

Мысли обывателя. *А. Ф. Адамовича.* I. Объ активномъ участіи правительства въ хлѣбной торговлѣ и объ элеваторахъ. Т. II. Мартъ, стр. 310. II. Къ упорядоченію печатнаго дѣла. Т. II. Апр., стр. 835. III. О бюрократизмѣ. Т. IV. Іюль, стр. 375.

Новое выраженіе русской культурной мысли. *І. И. Фуделя.* Т. VI. Дек., стр. 914.

О русскомъ самодержавіи. *Н. И. Черняева.* Т. IV. Авг., стр. 761. Т. V. Сент., стр. 220.

Обзоръ мѣстнаго управленія и суда. *В. И. Бафталовскаго.* Т. II. Апр., стр. 813. Т. III. Май, стр. 375. Іюнь. стр. 728.

Памяти Великаго Самодержца. *Spectator*'а. Т. VI. Ноябрь, стр. 7.

Россія и Западная Европа въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. (По поводу минувшаго царствованія). *Проф. Д. В. Цвѣтаева.* Т. I. Февр., стр. 714.

Споръ съ западниками настоящей минуты. *А. А. Кирѣева.* Т. III. Май, стр. 207.

Б) Внутреннее обозрѣніе.

Е. А.

Т I. Январь, стр. 470. Новыя вѣянія новаго царствованія. — Милостивый манифестъ и его характеристическія черты.— Отставка І. В. Гурко.—Увольненіе министра Путей Сообщенія гофмейстера Кривошеина. - Ненормальность положенія этого министерства. — Необходимая реформа въ смыслѣ отдѣленія хозяйства государственнаго и народнаго. **Февраль**, стр. 978. Всеподданнѣйшій отчетъ министра Финансовъ при государственной росписи на 1895 годъ.—Положеніе нашего финансоваго и народнаго хозяйства.— Правила исчисленія обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ. **Т. II. Мартъ**, стр. 506. Правительственная закупка хлѣба. — Загадочная статья *Новаго Времени.* Разговоръ *Гражданина.* — Можетъ-ли министерство Финансовъ торговать хлѣбомъ? — Истинная цѣль правительственныхъ запасовъ.—Продовольственный законопроектъ.—Предложеніе Смоленскаго совѣщанія. — Приходы какъ мелкая единица. **Т. III. Май.** стр. 524. Новыя мѣропріятія министерства Финансовъ.— Реформа Крестьянскаго банка,— Новый вексельный уставъ, унификація Государственныхъ кредитныхъ займовъ.—Слухи о девальваціи.— Справка въ нашемъ историческомъ

Digitized by Google

прошломъ.—Мотивы для девальваціи у гр. Канкрина.—Возможные результаты девальваціи теперь. **Т. V. Октябрь**, стр. 909 [1]. Къ вопросу о биржевой реформѣ.—Забытая сторона тюремнаго дѣла. **Т. VI. Ноябрь**, стр. 493 [1]. Высокія назначенія. — Биржевая реформа. **Декабрь**, стр. 1028 [2]. Искусственныя агитаціи на политической подкладкѣ.—Сущность вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ.—Законъ о губернскихъ дорожныхъ капиталахъ и попытки измѣнить его цѣль.—Циркуляръ министра Внутреннихъ Дѣлъ по этому поводу.—Слухи о преобразованіи крестьянскаго банка.—Увеличеніе размѣра ссудъ и новое правило о покупкѣ земель самимъ банкомъ.

B) Иностранное обозрѣніе.

С. Ш.

Т. I. Январь, стр. 461.—Итоги прошлаго года. **Февраль**, стр. 988. Франція—Греція.—Германія. **Т. II. Мартъ**, стр. 517, Японія и Китай.—Германія.—Болгарія. **Апрѣль**, стр. 987 [1]. Японія и Китай.—Кильское торжество.—Сербія. **Т. III. Май**, стр. 537. Японія и Китай. **Т. IV. Іюль**, стр. 450. Россія, Франція и Германія.—Англія. **Августъ**. стр. 892. Болгарія. — Абиссинское посольство. **Т. V. Октябрь**, стр. 918 [1]. Армянскій вопросъ международной политики. **Т. VI. Ноябрь**, стр. 496 [1]. Окончаніе вопросовъ армянскаго и средне-азіатскаго. **Декабрь**, стр. 1041 [1]. Мѣры борьбы съ соціалъ-демократіей въ Германіи.

Г) Лѣтопись печати [3].

Л. А. Тихомирова.

Т. I. Январь. стр. 358. Передъ новымъ годомъ. **Февраль**, стр. 917. Высочайшій указъ 13-го января 1895 г. **Т. II. Мартъ**, стр. 436. Изъ современныхъ задачъ. **Апрѣль**, стр. 927. Русское дѣло и обрусеніе. **Т. III. Май**, стр. 458. Личное творчество и духовная связь съ родиной. **Т. V. Сентябрь**, стр. 373. Нѣчто о внѣшнихъ задачахъ. **Октябрь**, стр. 866. Что дѣлать нашей интеллигенціи? **Т. VI. Ноябрь**, стр. 420. Между прошлымъ и будущимъ. **Декабрь**, стр. 977. Молодежь и ея учители.

Д) Современные вопросы.

Spectator'a.

Т. I. Январь, стр. 344. I. Провозвѣститель нашей новой эры. **Февраль**, стр. 892. II. Пробные шары либерализма. **Т. II. Мартъ**, стр. 414. III. Что̀ означаетъ для Россіи слово „домой“ (Русскій отвѣтъ на „либеральный“ вопросъ). **Апрѣль**, стр. 900. IV. Законность и сердечность. **Т. III. Май**. стр. 425. V. Мнимая и истинная соціологія. **Іюнь**, стр. 935. VI. Наши „націоналъ-либералы“. **Т. VI. Ноябрь**, стр. 383. VII. Главная заслуга М. Н. Каткова. **Декабрь**, стр. 963. VIII. Истинное значеніе грамотности.

---

[1] Статьи, помѣченныя знакомъ [1]—не подписаны.

[2] Статья г. А. Букѣевскаго.

[3] Въ каждомъ № за поименованными статьями слѣдуетъ рубрика „Изъ газетъ и журналовъ“.

Digitized by Google

VIII. ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ.

Бумажныя деньги—товаръ[1]. *В. А. Панаева.* Т. II. Мартъ, стр. 341 Апр., стр. 781. Т. III. Май, стр. 342.

Къ вопросу о денежной реформѣ. *М. Ф. Филиппова.* Т. VI. Декабрь, стр. 830.

Новый уставъ Государственнаго Банка. *Талицкаго.* Т. III. Іюнь, стр. 803. Т. IV. Іюль, стр. 251.

О поземельномъ устройствѣ нашихъ крестьянъ. *Я. Литвинова.* Т. V. Окт., стр. 771.

IX. КРИТИКА И ВИБЛІОГРАФІЯ.

А) Отдѣльныя статьи.

Замѣтки о писателяхъ. 1) Иванъ Щегловъ. *В. П. Горленко.* Т. I. Январь. стр. 386.

Изъ исторіи русскаго романа. *К. Ѳ. Головина.* Сороковые и пятидесятые годы. Т. II. Мартъ, стр. 455. И. С. Тургеневъ. Т. III. Іюнь, стр. 911. И. А. Гончаровъ и А. Ѳ. Писемскій. Т. V. Сент., стр. 350.

Критическая замѣтка. *В. В. Розанова.* Т. III. Іюнь, стр. 933.

Къ характеристикѣ Чацкаго. Продолженіе[2]. *С. Васильева.* Т. I. Янв., стр. 196. Февр., стр. 636. Т. V. Окт., стр. 624.

Намѣренія, задачи и идеи романа „Обрывъ". Критическій очеркъ. *И. А. Гончарова.* (Сообщ. *Кн. М. В. Волконская*). Т. I. Янв., стр. 5.

Новыя книги Лоти и Додэ. *В. П. Горленко.* Т. II. Апр., стр. 955.

Нѣсколько словъ объ изданіи мелкихъ брошюръ. *Ревнителя православія.* Т. II. Мартъ, стр. 358.

Открытое письмо къ г. Алексѣю Веселовскому *В. В. Розанова.* Т. VI. Дек., стр. 905.

Очерки провинціальной печати. *А. Ш.* Т. I. Янв., стр. 420.

По поводу одного заграничнаго изданія и новыхъ идей графа Л. Н. Толстого. *Я. П. Полонскаго.* Т. II. Апр., стр. 549. Т. III. Май, стр. 119. Іюнь, стр. 646.

Русскіе символисты и кое-что о символизмѣ вообще, *Н. Н.* Т. V. Сент., стр. 362.

Б) Лѣтопись современной беллетристики.

W.

Т. I. Январь, стр. 409.—I. В Свѣтловъ. *Золоченая богема.* Романъ. (*Наблюдатель,* 1894, VII—X).—II. К. В. Назарьева. *Жертва иллюзіи.* Романъ. (*Наблюдатель,* 1894, VIII—X).—III. В. Г. Коро-

[1] Поправки къ этой статьѣ Т. III. Іюнь, стр. 1029.

[2] См. 1894 г. Т. I. Янв., стр. 171.

Digitized by Google

ленко. *Парадоксъ*. Очеркъ. (*Русск. Богатство*. 1894. V.) — IV. Евгеній Чириковъ. *Gaudeamus igitur*. Изъ уѣздной жизни. Очеркъ. (*Русск. Богатство*, 1894, VII).

Февраль, стр. 936.—V. В. Савихинъ. *Анна-воинъ*. Картинка минувшаго. (*Съв. Вѣстн.*, 1895, I).—VI. Маркъ Басанинъ. *Академикъ*. Разсказъ. (Ежемѣсячн. литерат. прилож. къ *Нивѣ*, 1895, № 1).—VII. Котъ-Мурлыка. *Не выдержалъ*. Рождественскій разсказъ. (Книжки *Недѣли*. 1895, № 1).

Т. II. Мартъ. стр. 470.—VIII. П. Боборыкинъ. *Съ убійцей*. Повѣсть. (*Съв. Вѣстн.*, 1895, II).—IX. С. Фонвизинъ. *Сплетня*. Повѣсть. (*Вѣстн. Евр.*, 1895, I—II)—X. Н. О. Барташевскій. *Разладъ*. Повѣсть. (*Русск. Вѣстн.*, 1895, I—II).—XI. Евгеній Чириковъ. *Въ лѣсу*. Въ лѣтопись голоднаго года. Разсказъ (*Русск. Богатство*, 1895, I).

Апрѣль, стр. 942.—XII. Новая повѣсть графа Толстого.

Т. III. Май, стр. 446.—XIII. А. П. Чеховъ. *Три года*. Разсказъ. (*Русск. Мысль*, 1895. I—II).—XIV. И. П. Потапенко. *Клавдія Михайловна*. Очеркъ. (*Русск. Мысль*, 1895, III).—XV. З. Гиппіусъ. *Въ жестиной и въ людской*. Разсказъ. (*Вѣстн. Евр.*, 1895, III).—XVI. А. В. Амфитеатровъ. (Old Gentelman) *Изъ-за океана къ домашнему очагу*. Быль. (*Наблюд.*, 1895. I). — XVII. Е. Лѣткова. *Праздники*. (*Съв. Вѣстн.*, 1895, IV).

Іюнь, стр. 961. XVIII. И. А. Саловъ. *Практикъ жизни*. Повѣсть. (*Русск. Мысль*, 1895, I—III).—XIX. Е. А. Красильникова. *Старая любовь*. Разсказъ. (*Нов. Слово*, 1895, III—IV). XX. И. Иванъ Порошинъ. *Долгъ Службы*. Разсказъ изъ недавняго прошлаго. (*Нов. Слово*, 1895, III—IV).

B) Новости иностранной журналистики.

Т. I. Февраль, стр. 944. (*Е. Г.*).—Т. III. Май, стр. 484. (*С.*).—Іюнь, стр. 975. (*Е. Г.*).—Т. IV. Авг., стр. 850. (*Е. Г.*).—Т. V. Сент., стр. 394. (*А. Ш—ва.*).—Т. VI. Дек., стр. 999. (*Е. Г.*).

Г) Библіографія.

Т. I. Январь.

1) **Точное изложеніе православной вѣры.** Твореніе св. Іоанна Дамаскина. Съ греческаго перевелъ магистръ богословія Александръ Бронзовъ, преподаватель С.-Петербургской Духовной Академіи. Спб. 1894. *Н. Н. Р—ва.* стр. 432.

2) **Старокатолицизмъ, его исторія и внутреннее развитіе.** Владиміра Керенскаго. Казань 1894. *Ю. К.*, стр. 437.

3) **Исторія русской архитектуры.** Сочиненіе академика А. М. Павлинова. *А. П. Новицкаго*, стр. 444.

Февраль.

1) **Акты Московскаго государства.** Изданіе Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей Н. А. Попова, члена-корреспондента Академіи, 1 т.—1890. 2 т.—1894. *Н. Н. Ардашева*, стр. 952.

Digitized by Google

2) **Библіотека и архивъ Московскихъ Государей въ XVI столѣтіи.** Н. Лихачевъ. Спб. 1894, стр. 152+81. *С. А. Бѣлокурова*, стр. 958,

3) **Стихотворенія.** Гр. А. А. Голенищева-Кутузова. Спб. 1894. *А. Д.*, стр. 960.

4) **Опасныя стороны полной женской эмансипаціи.** Очеркъ по женскому вопросу. Составила Аделія Крепацъ. Перев. съ нѣмецкаго М. Я. Кантора. Изд. К. П. Карбасникова. Ц. 40 к. *И. Л.*, стр. 963.

5) **Разсказы изъ жизни дѣтей и животныхъ въ Индіи.** Редіарда Киплинга. Перев. съ англійскаго М. Коршъ. (Съ 40 рисунками въ текстѣ). Изд. А. С. Суворина. 1895. *И. Л.*, стр. 965.

Т. II. Мартъ.

1) **Евсевія Памфилова, епископа Кесаріи Палестинской, о названіяхъ мѣстностей, встрѣчающихся въ Св. Писаніи, блаженнаго Іеронима, пресвитера Стридонскаго, о положеніи и названіяхъ еврейскихъ мѣстностей.** Перевелъ и объяснилъ И. Помяловскій. Спб. 1894. Съ двумя картами Палестины. III+548 стр. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Выпускъ 37-й. *Проф. Д. Ѳ. Бѣляева*, стр. 483.

2) **Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.** 90—93 гг. С. Петербургъ. 1894. *Н. Н. Ардашева*, стр. 491.

3) **О церковной власти.** (Основоположенія, характеръ и способы примѣненія церковной власти въ различныхъ формахъ устройства Церкви по ученію православно-каноническаго права Николая Заозерскаго, доцента церковнаго права въ Московской Духовной Академіи. Сергіевъ Посадъ, 1894. 8⁰ стр. IV+XIII+458. *N. N.*, стр. 497.

Апрѣль.

1) **Ученіе святаго Аѳанасія Великаго о Святой Троицѣ** (сравнительно съ ученіемъ о томъ же предметѣ въ три первые вѣка). Іеромонаха Кирилла Лопатина (нынѣ инспектора Московской Духовной Академіи). Казань 1894. 1—308 стр. *N. N.*, стр. 963.

2) **Систематическое описаніе славяно-россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова.** Въ четырехъ частяхъ, съ 13 снимками. Составилъ архимандритъ Леонидъ. Москва. 1893 — 1894 г. *Н. Н. Ардашева*, стр. 968.

3) **Левъ Тихомировъ.** Конституціоналисты въ эпоху 1881 года. Второе пересмотрѣнное изданіе. М. 1895. Ω.—'А. стр. 974.

4) **Ледяной домъ.** Сочиненіе И. И. Лажечникова, въ четырехъ частяхъ, съ рисунками П. И. Полякова. Изданіе и редакція Аркадія Сосницкаго. М. 1894. Ц. 2 р. *С. А—вскаго*, стр. 974.

5) **Н. Телешовъ.** На тройкахъ. Очерки и разсказы. Москва. 1895. Ц. 1 р. *А. Ш.*, стр. 976.

Т. III. Май.

1) **Записки Сергѣя Николаевича Глинки.** Спб. 1805. *Акад. К. Н. Бестужева-Рюмина*, стр. 500.

2) **Святый Благовѣрный Великій Князь Андрей Боголюбскій.** В. Георгіевскаго. Владиміръ. 1894. *А. А. Шевелева*, стр. 508.

Digitized by Google

3) **Изданіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Георгія Александровича.** Вліяніе морской силы на исторію (1660—1783). Изслѣдованіе капитана А. Т. Мэхэна (capitan A. T. Mahan). Переводъ съ англійскаго Н. П. Азбелева. *Н. Н.*, стр. 516.

4) **La science du point d'honneur** par Croabon avocat, Paris, 1894. *Ю. К.*, стр. 517.

Іюнь.

1) **Описаніе Амурской области.** По порученію министра Финансовъ составлено Г. Е. Грумъ-Гржимайло, подъ редакціей П. П. Семенова. С.-Петербургъ. 1893. I—V. 1—639. I—VIII Карта Амурской области. *Н. Н. Ардашева*, стр. 983.

2) **Ив. Ждановъ.** Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы. I—V. Спб. 1895. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Ц. 5 р. (стр. XII—661). *А. Э.*, стр. 998.

3) **Иванъ Ѳедоровъ.** Піонеръ просвѣщенія Великой Руси. Историческая повѣсть о началѣ книгопечатанія въ Россіи. Е. Ѳ. Шрекника. Изданіе Эдуарда Гоппе. Спб. 1895. *Н. Н.*, стр. 1003.

4) **Итальянецъ о Россіи.** Современная Россія. Очерки Т. Карлетти. Переводъ съ итальянскаго Анны Волховской. Спб. 1895. *А. Ш.*, стр. 1005.

Т. IV. Іюль.

1) **Я. К. Гротъ.** Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ. Спб. 1895. *Акад. К. Н. Бестужева-Рюмина*, стр. 436.

2) **Начатки теоріи музыки.** Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Ал. С. Фаминцынъ. 1895. *Н. Н.*, стр. 443.

Августъ.

А) Русская:

1) **С. А. Венгеровъ.** Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, отъ начала русской образованности до нашихъ дней. Томъ IV. Спб. 1895. *С. Васильева*, стр. 859.

2) **Что такое жизнь?** Религіозно-философское изслѣдованіе профессора Московскаго Университета протоіерея А. М. Иванцова-Платонова. Посвящается молодымъ людямъ, вступающимъ въ жизнь самостоятельную. Вновь издано, по соглашенію съ авторомъ, московскою коммиссіею Братства Преподобнаго Сергія въ пользу нуждающихся бывшихъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи. Москва. Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина. 1894. Цѣна 40 коп. *С. Д. Крылова*, стр. 869.

3) **Изданіе Министерства Финансовъ.** Китайскіе порты, имѣющіе значеніе для русской торговли на дальнемъ Востокѣ. Составлено Д. Д. Покотиловымъ подъ редакціей Д. Ф. Кобеко и П. М. Романова. Спб. 1895. *Н. Н.*, стр. 873.

Б) Иностранная:

1) **Menschen und Werke.** Essays von Georg Brandes. Francfurt a M. 1894 —*ка*, стр. 877.

2) **„Christ or Moses which?"** Preface by Madame Olga Novicoff *Е. Г.*, стр. 888.

Digitized by Google

Т. V. Сентябрь.

1) **Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій.** Русская родословная книга. Томы первый и второй. Изданіе второе. Спб. 1895. Стр. VIII+467. V+481. Ц. 6 р. Изданіе А. С. Суворина. *А. Э.*, стр. 402.

2) **В. К. Стукаличъ.** Бѣлоруссія и Литва. Очерки изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи. Витебскъ. 1894. Стр. 1–23+1—62. *А. Э—скаго*, стр. 405.

3) **Исторія русской словесности древней и новой.** Сочиненіе А. Галахова. Изданіе третье. Томъ I, отдѣлъ первый: Древнерусская Словесность, отдѣлъ второй: отъ Петра I до Карамзина. Томъ II: отъ Карамзина до Пушкина. Рекомендовано Ученымъ Комитетомъ министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ пособіе для гимназій и прогимназій. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмой „Наслѣдники братьевъ Салаевыхъ". М. 1894. Цѣна за оба тома 3 р. *С. Кр–ва*, стр. 410.

4) **Проф. А. Трачевскій.** Русская исторія. Т. I. Изданіе 2-е. Съ иллюстр. Спб. 1895. *А. Шевелева*, стр. 413.

Октябрь.

1) **В. Ф. Дерюжинскій.** Habeas Corpus. Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи и ихъ временнаго ограниченія. Юрьевъ. (Дерптъ), 1895, стр. XII+392+XXIV. *И. Т. Тарасова*, стр. 881.

2) **Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ.** Выпускъ третій. I. Да—Дя II. Поправки и опечатки. С.-Петербургъ. 1895. Цѣна 65 коп *С. К—ва*, стр. 898.

3) **Руководство къ истолковательному чтенію Библіи.** Священника I. Соловьева. Выпускъ I. Москва. 1894. *І. Ф.*, стр. 900.

4) **Св. Василія Великаго, архіепископа Кесаріе-Каппадокійскаго, наставленіе юношамъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями.** (Въ русскомъ переводѣ съ краткими предварительными свѣдѣніями о жизни св. Василія Великаго и твореніяхъ его). Свящ. I. Соловьева. Москва. 1895. *І. Ф.*, стр. 901.

5) **Св. мученица Татіана.** (Критическій разборъ историческихъ свидѣтельствъ о страданіи мученицы). Составилъ и издалъ А. Шевелевъ. Москва. 1895. *І. Ф.*, стр. 901.

6) **Отрывки изъ дневника Дмитрія Брянскаго.** Издалъ кн. Крапоткинъ. Москва. 1895. Ц. 50 к. *Н. Н.*, стр. 902.

Т. VI. Ноябрь.

1) **Оцѣнка значенія Императора Александра III въ Западной Европѣ.** Com—dt Grandin, Comandeur de l'ordre de St. Stanislas de Russie. Autour du Drapeau Russe. Alexandre III Empereur de Russie. Paris. 1895 *А. Ш.*, стр. 459.

2) **Кн. Э. Э. Ухтомскій.** Путешествіе Государя Императора Николая II на Востокъ (въ 1890—91 годахъ). Ч. IV. 247 стр. Спб. Лейпцигъ. 1895. *М. П. Соловьева*, стр. 462.

3) **Е. Поселянинъ.** Іосафъ Царевичъ. Христіанская повѣсть. Москва. 1895. *Свящ. І. Фудель*, стр. 476.

Digitized by Google

4) **Эдвинъ Арнольдъ.** Свѣтъ Азіи. С. (The Ligt of Asia). Переводъ въ стихахъ А. М. Ѳедорова. Изданіе книжнаго склада П. А. Прянишникова. Москва. 1895. Ц. 1 р. 50 к. *Н. Н.*, стр. 477.

5) **Альфредъ Теннисонъ.** Магдалина (Maud). Поэма. Переводъ А. М. Ѳедорова, со вступительною статьей Ив. Ив. Иванова „Теннисонъ и его поэзія“ и съ портретомъ Теннисона. Москва. 1895. Изданіе книгопродавца Д. В. Байкова. Ц. 50 к. *Н. Н.*, стр. 481.

6) **Альфредъ де-Мюссе.** Ночи. Перев. А. Д. Облеухова. Москва 1895. Ц 60 к. *Н Н*, стр. 483.

7) **Домъ и хозяйство.** Руководство къ раціональному веденію домашняго хозяйства. Въ двухъ томахъ. Маріи Ределинъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1895. Ц. за два тома 4 руб., съ перес. 4 р. 50 к. *Н. Н.*, стр. 484.

Декабрь.

1) **Императоръ Александръ III.** Спб. 1895. Цѣна 3 р. *А. Ш—въ*, стр. 1012.

2) **А. С.** Къ столѣтію третьяго раздѣла Польши. Варшава. 1895. *А. Ш—въ*, стр. 1013.

3) **К. Б.** Газенвинкель. Матеріалы для справочно-біографическаго словаря сибирскихъ дѣятелей.—Дѣятели XVI и XVII столѣтій. Князья Ростовскаго дома.—(Съ приложеніемъ родословной росписи). Тобольскъ. 1895. Стр. 26. *А. Э.*, стр. 1015.

4) **Преображенское и окружающія его мѣста.** Ихъ прошлое и настоящее. Составилъ и издалъ П. В. Синицынъ. Рисунки художника Нестерова. Гравировалъ Яновъ. М. 1895. *С—кій*, стр. 1017.

5) **Художникъ В. В. Верещагинъ.** 1) Наполеонъ I въ Россіи 1812. М. 1895. Ц. 1 р. 25 к. 2) Иллюстрированныя автобіографіи нѣсколькихъ незамѣчательныхъ русскихъ людей. II приложеніе къ каталогу картинъ, М. 1892. Ц. 1 р. 50 к. и 3) На Сѣверной Двинѣ. По деревяннымъ церквамъ. III приложеніе къ тому же каталогу. М. 1895. Ц. 1 р. 50 к. *Н. Н.*, стр. 1019.

6) **Аполлонъ Коринескій.** Черныя розы. Стихотворенія. 1893—1895. Ц. 1 р. *И. Кудиновъ*, стр. 1023.

X. КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

А) Иностранныя.

Англо-Русское Литературное Общество. (Письма изъ Лондона). *Протоіер. Е. К. Смирнова.* Т. IV. Іюль, стр. 303, Авг., стр. 620.

Письма изъ Рима. *Cti.* Переводъ съ рукописи *Е. Н. Б.* Т. I. Февр., стр. 906. Т. VI. Дек., стр. 932.

Б) Внутреннія:

а) Отдѣльныя статьи.

Деревенскія письма, *А. Л. Зиссермана.* Т. II. Апр., стр. 698.

Digitized by Google

б) Областной отдѣлъ.

Т. I. Январь.

Съ береговъ Вислы. *А. П. Липранди.* стр. 452.

Февраль.

1) Изъ Варшавы. *Пр.*, стр. 967.

2) Изъ Вильны. *А. П. Владимірова*, стр. 973.

Т. II. Мартъ.

Изъ Варшавы. *Пр.*, стр. 502.

Апрѣль.

Изъ Калуги. *Н. О.*, стр. 979.

Т. III. Май.

Изъ Варшавы. *Гл.*, стр. 522.

Іюнь.

Изъ Нижегородской губерніи. Школы грамоты и новые нападки на духовенство. *Акимовича*, стр. 1012.

Т. IV. Іюль.

Изъ Вологды. Народное образованіе. *Сѣверянина*, стр. 447.

Т. V. Сентябрь.

Изъ Юго-западнаго края. Нѣмцы и штунда. *А. П. Липранди*, стр. 424.

Октябрь.

1) Съ береговъ Вислы. *Л—ко*, стр. 905.

2) Изъ Владикавказа. *И. Б.*, стр. 909.

Т. VI. Ноябрь.

1) Изъ Вильны. Сельскохозяйственная выставка. *А. П. Владимірова*, стр. 486.

2) Изъ Астраханской губерніи. Школьное дѣло. *Ѳ. К. Моссевнина*, стр. 489.

Декабрь.

Изъ Вильны. *А. П. Владимірова*, стр. 1024.

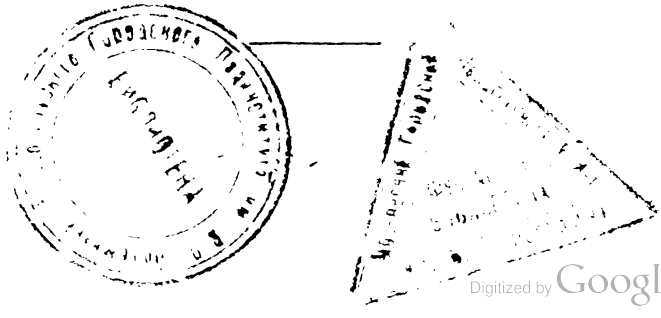
XI. ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Письмо въ редакцію. *В. В. Розанова.* Т. VI. Ноябрь, стр. 501.

Письмо въ редакцію. *В. Н. Лясковскаго.* Т. VI. Дек., стр. 1044.

XII. РИСУНКИ И ЧЕРТЕЖИ ПОМѢЩЕННЫЕ ВЪ ЖУРНАЛѢ.

Портретъ Филарета, митрополита Московскаго. (При статьѣ „Лекпія о митрополитѣ Филаретѣ". С.). Т. V. Сентябрь.



Digitized by Google

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОВЩІЙ АЛФАВИТЪ АВТОРОВЪ.

Аверкіевъ Д. В. Переводъ трагедіи въ пяти дѣйствіяхъ В. Шекспира *Гамлетъ Принцъ Датскій*. Въ приложеніи къ книгамъ: Т. I. Январь, Февр. Т. II. Мартъ, Апр.

Адамовичъ А. Ф. *Мысли обывателя.* 1) Объ активномъ участіи правительства въ хлѣбной торговлѣ и объ элеваторахъ. Т. II. Мартъ, стр. 310. 2) Къ упорядоченію печатнаго дѣла. Т. II. Апр., стр. 835. 3) О бюрократизмѣ. Т. IV. Іюль, стр. 375.

Акимовичъ. *Изъ Нижегородской губерніи.* Школы грамоты и новые нападки на духовенство. Т. III. Іюнь, стр. 1012.

Аксаковъ И. С. *Письма* къ О. А. Новиковой. Т. IV. Авг., стр. 838. Т. V. Сент., стр. 338.

Александровъ А. А. *Стихотвореніе.* Т. IV. Авг., стр. 686.

Алмазовъ Б. Н. *Неизданное стихотвореніе* Т. IV. Авг., стр. 839.

Альбинскій К. А. *Стихотворенія.* Т. III. Май, стр. 408. Т. VI. Ноябрь, стр. 282.

Апраксинъ графъ П. *Стихотвореніе.* Т. VI. Ноябрь, стр. 5.

Ардашевъ Н. Н. *Библіографическія замѣтки.* Т. I. Февр., стр. 952. Т. II. Мартъ, стр. 491. Апр., стр. 968. Т. III. Іюнь, стр. 983.

Архангельскій А. С. профессоръ. *С. Т. Аксаковъ.* Дѣтство и студенчество. Т. IV. Іюль, стр. 33. Августъ, стр. 498. Т. V. Сентябрь. стр. 63.

Аѳанасьевъ И. Н. *Письмо* къ Е. С. Гаршиной Т. II. Апр., стр. 897.

А—вскій С. *Библіографическая замѣтка.* Т. II. Апр., стр. 974.

А. Д. *Библіографическая замѣтка.* Т. I. Февр., стр. 960.

А. Ш. *Очерки провинціальной печати.* Т. I. Янв., стр. 420. *Библіографическія замѣтки.* Т. II. Апр , стр. 976. Т. III. Іюнь, стр. 1005. Т. VI. Ноябрь, стр. 459.

А. Э. *Библіографическія замѣтки.* Т. III. Іюнь, стр. 998. Т. V. Сент., стр, 402. Т. VI. Дек., стр. 1015.

Бальмонтъ К. Д. *Стихотворенія.* Т. I. Февр., стр. 804. Т. III. Май, стр. 206,

Бартеневъ С. П. *Поѣздка на Востокъ.* (Выдержки изъ писемъ). Т. V. Окт., стр. 691. Т. VI. Ноябрь, стр. 283. Дек., стр. 672.

Бафталовскій В. И. *Обзоръ мѣстнаго управленія и суда.* Т. II. Апр., стр. 813. Т. III. Май, стр. 375. Іюнь, стр. 728.

Digitized by Google

Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. академикъ. *Библіографическія замѣтки.* Т. III. Май, стр. 500. Т. IV. Іюль, стр. 436.

Бретъ-Гартъ. *Двѣ матери.* Разсказъ. Переводъ съ англійскаго К. Н. Цвѣткова. IV. Авг.. стр. 715.

Букѣевскій А. *Внутреннее обозрѣніе.* Т. VI. Дек., стр 1028.

Бутурлинъ графъ П. Д. *Стихотвореніе.* Т. IV. Іюль, стр. 32.

Бѣлокуровъ С. А. *А. С. Грибоѣдовъ.* (Неизданные документы къ его біографіи). Т. II. Мартъ, стр. 382. *Библіографическая замѣтка.* Т. I. Февр., стр. 958.

Бѣляевъ Д. Ѳ. профессоръ. *Библіографическая замѣтка.* Т. II. Мар., стр. 483.

Варженевская Е. А. *Стихотворенія.* Т. I. Февраль, стр. 803. Т. III. Май, стр. 359. Іюнь, стр. 818. Т. V. Сент., стр. 197. Т. VI. Дек., стр. 783.

Васильевъ С. *Къ характеристикѣ Чацкаго*[1]. Т. I. Янв., стр. 196. Февр., стр. 636. Т. V. Окт., стр. 624. *Театральная хроника.* Т. I. Янв., стр 374. *Библіографическая замѣтка.* Т. IV. Авг., стр. 859.

Вейнбергъ Я. И. *Новая составная часть воздуха.* Т. IV. Августъ, стр. 798.

Висковатовъ П. А. профессоръ. *Задачи русской литературы,* (Вступительная лекція). Т. IV. Авг., стр. 457.

Витбергъ Ѳ. А *Значеніе воображенія въ жизни человѣка.* Т. IV. Авг., 567. Т. V. Сент., стр. 170.

Владиміровъ А. П. *Изъ Вильны.* Т. I. Февр., стр. 973. Т. VI. Ноябрь, стр. 486. Дек., стр. 1024.. *О виленскомъ памятникѣ графу М. Н. Муравьеву.* Т. III. Іюнь, стр. 876.

Волконская княгиня М. В. *„Одинъ изъ малыхъ сихъ“.* Идиллія. Т. II. Апр., стр. 683. Сообщеніе критическаго этюда И. А. Гончарова *Намѣренія, задачи и идеи романа „Обрывъ“.* Т. I. Янв., стр. 5.

Вяземскій князь К. А. *Путешествіе вокругъ Азіи верхомъ*[2]. Т. I. Февр., стр. 723. Т. IV. Іюль, стр. 272. Авг., стр. 653. Т. V. Сент., стр. 275. Т. VI. Ноябрь, стр. 226.

В. К. Б. Переводъ съ итальянскаго разсказа Э. Кастельнуово *Бабочка.* Т. VI. Дек., стр. 877.

В. С. *Цѣлебный край.* Т. IV. Іюль, стр. 343.

В. С. *Стихотворенія.* Т. II. Мартъ, стр. 356. Т. IV. Іюль, стр. 374.

Гаршина Е. С. *Предисловіе къ письмамъ* В. М. Гаршина. Т. I. Февр., стр. 877.

Гаршинъ В. М. *Письма* къ матери изъ Болгаріи (во время войны 1877 г.). Съ предисловіемъ Е. С. Гаршиной и съ приложеніемъ письма И. Н. Аѳанасьева. Т. I. Февр., стр. 877, Т. II. Мартъ, стр. 404. Апр., стр. 888.

Георгіевскій Г. П. *Древне-русскія свадьбы*[3]. Т. II. Царскія свадьбы. Т. I. Февр., стр. 689. *Коронованіе русскихъ государей.* (Историческій очеркъ). Т. VI. Ноябрь, стр. 327.

---

[1] См. 1894 г. Т. I. Янв., стр. 171.

[2] См. 1894 г. Т. V. Сент., стр. 317. Окт., стр. 773.

[3] См. 1894 г. Т. VI. Дек., стр. 846.

Digitized by Google

Гиляровскій В. А. *Стихотворенія.* Т. II. Апр., стр. 861.

Гиляровъ-Платоновъ Н. П. *Логика раскола* (Письмо къ И. С. Аксакову). Съ предисловіемъ кн. *Н. В. Шаховского.* Т. V. Окт., стр. 456.

Голенищевъ-Кутузовъ графъ А. А. *Стихотвореніе.* Т. I. Февраль, стр. 479.

Головинъ К. Ѳ. *Изъ исторіи русскаго романа.* Сороковые и пятидесятые годы. Т. II. Мартъ, стр. 455. Тургеневъ. Т. III. Іюнь, стр. 911. И. А. Гончаровъ и А. Ѳ. Писемскій. Т. V. Сент., стр. 350.

Гончаровъ И. А. *Намѣренія, задачи и идеи романа „Обрывъ".* (Критическій очеркъ). Сообщено кн. М. В. Волконской. Т. I. Янв., стр. 5.

Горленко В. П. *Замѣтки о писателяхъ.* Иванъ Щегловъ. Т. I. Янв., стр. 386. *Новыя книги Лоти и Додэ.* Т. II. Апр., стр. 955. Переводъ съ французскаго романа Пьера Лоти *Женитьба Лоти.* Т. II. Мартъ, стр. 290. Апр., стр. 746. Т. III. Май, стр. 325. Іюнь, стр. 744. Т. IV. Іюль, стр. 208.

Гуно Ш. *Воспоминанія артиста.* Автобіографическія записки. Переводъ съ французскаго Е. М. Поливановой. Т. V. Сент., стр. 293. Т. VI. Ноябрь, стр. 303. Дек., стр. 849.

Гл. *Изъ Варшавы.* Т. III. Май, стр. 522.

Г. Г. *Обозрѣніе духовныхъ журналовъ.* Т. IV. Іюль, стр. 410. Т. VI. Ноябрь, стр. 443.

Г. О. *Ѳедоръ Павловичъ.* Новогодній разсказъ. Т. I. Янв., стр. 287.

Де-Волланъ Г. А. *Въ странѣ восходящаго солнца.* Т. V. Сентябрь, стр. 93.

Де-Пэрэда донъ-Хозе-Марія. *Сцены изъ испанской народной жизни.* I. Наборъ. Переводъ съ испанскаго. И. Яковлева. Т. I. Февраль, стр. 784.

Джеромъ К. Джеромъ. *Новая утопія.* Разсказъ. Перев. съ англійск. К. Н. Цвѣткова. Т. II. Апр.. стр. 799.

Диккенсъ Ч. *Полный отчетъ о первомъ съѣздѣ Грязе-Тумакской ассоціаціи для споспѣшествованія всему.* Посмертный разсказъ. Переводъ съ англійскаго К. Н. Цвѣткова. Т. IV. Іюль, стр. 321.

Д'Эссаръ Н. *Король теноровъ.* Повѣсть. Т. IV. Іюль, стр. 125. Авг., стр. 639. Т. V. Сент., стр. 142. Окт., стр. 549.

Д. П. *Н. Ф. Павловъ.* († 29 марта 1865 г.). Т. II. Мартъ, стр. 394.

Елисѣевъ А. В. *Вдоль береговъ Трои.* Т. IV. Іюль, стр. 5. Августъ, стр. 514.

Е. А. *Внутреннее обозрѣніе.* Т. I. Янв., стр. 470. Февр., стр. 878. Т. II. Мартъ, стр. 506. Т III, Май, стр. 524.

Е. Г. *Новости иностранной журналистики.* Т. I, Февр., стр. 944. Т. III. Іюнь, стр. 975. Т. IV. Авг., стр. 850. Т. VI. Дек., стр. 999. *Библіографическая замѣтка.* Т. IV. Авг., стр. 888.

Е. Н. Б. Переводъ съ рукописи *Писемъ изъ Рима* Cti. Т. I. Февр., стр. 906. Т. VI. Дек., стр. 932.

Желиховская В. П. *Въ житейскомъ омутѣ.* Т. I. Январь, стр. 211. Февр., стр. 495. Т. II. Мартъ, стр. 59. Апр., стр. 571.

Зиссерманъ А. Л. *Деревенскія письма.* Т. II. Апр., стр. 698.

Digitized by Google

Зографъ Н. Ю. профессоръ. *Историческій обзоръ теорій наслѣдственности.* Періодъ до Дарвина. Т. III. Іюнь, стр. 819.

Илларіоновъ В. *Иконописцы-суздальцы.* (Посв. академику Ѳ. И. Буслаеву). Т. II. Мартъ, стр. 183. Апр., стр. 719.

И. Б. *Изъ Владикавказа.* Т. V. Окт., стр. 909.

И. Л. *Библіографическія замѣтки.* Т. I. Февр., стр. 963, 965.

І. Ф. *Библіографическія замѣтки.* Т. V. Окт., стр. 900, 901.

Кальневъ М. А. *Дѣло о погребеніи М. Ю. Лермонтова.* (Неизданный документъ). Т. I. Февр., стр. 841.

Карауловъ М. Ѳ. *Стихотвореніе.* Т. VI. Дек., стр. 890.

Кастельнуово Э. *Бабочка.* Разсказъ. Переводъ съ итальянскаго В. К. Б. Т. VI Дек., стр. 877.

Кашкинъ Н. Д. профессоръ. *Воспоминанія о П. И. Чайковскомъ*[1]. Т. I. Янв., стр. 93. Т. II. Мартъ, стр 249. Т III. Май, стр. 392. Т. V. Сент., стр. 158. Окт., стр. 679. Т. VI. Ноябрь, стр. 262. Дек., стр. 772. *Музыкальное обозрѣніе.* Т. II. Апр., стр. 917. Т. III. Май, стр. 520. Т. VI. Дек., стр. 949.

Кирѣевъ А. А. *Споръ съ западниками настоящей минуты.* Т. III. Май, стр. 207.

Колюпановъ Н. П. *Изъ прошлаго.* (Посмертныя записки). Т. I. Янв., стр. 246. Февр., стр. 480. Т. II. Мартъ, стр. 5. Апр., стр. 527. Т. III. Май, стр. 5. Іюнь, стр. 596.

Коринѳскій А. А. *Стихотвореніе.* Т. II. Мартъ, стр. 276. Т. V. Сент., стр. 117. Окт., стр. 677.

Кругловъ А. В. *Стихотвореніе.* Т. I. Янв., стр. 256.

Крыловъ С. Д. *Направленіе общественной иначно-литературной мысли въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія.* Т. I. Февр., стр. 810. *Библіографическая замѣтка.* Т. IV. Авг., стр. 869.

Cti. *Письма изъ Рима.* Переводъ съ рукописи. Е. Н. Б. Т. I. Февр., стр. 906. Т. VI. Дек., стр. 932.

Кудиновъ И. Ф. *Библіографическая замѣтка.* Т. VI. Дек., стр. 1023.

Кулишъ П. А. *Украинскіе казаки и паны въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмѣльницкаго.* Т. I. Янв., стр. 298. Февр., стр. 610. Т. II. Мартъ, стр. 92. Апр., стр. 642. Т. III. Май, стр. 179.

К—лъ А. *Архимандритъ Никифоръ Дучичъ и его литературная дѣятельность.* Т. I. Янв., стр. 394.

Кр—въ С. *Библіографическія замѣтки.* Т. V. Сент., стр. 410. Окт., стр. 898.

К. А. *Листки изъ записной книжки интересныхъ знакомствъ, встрѣчъ и разсказовъ.* (Объ анекдотахъ I. С. П. Калошинъ. II. П. И. Якушкинъ. III. Н. Эдельсонъ. IV. Б. Н. Алмазовъ. V. П. С. Нахимовъ. VI. М П. Погодинъ. VII. Митрополитъ Филаретъ. VIII. Кн. С. М. Голицынъ. IX. Актеръ Максинъ. X. Московскій городской голова Шестовъ). Т. V. Сент., стр. 340. Окт., стр. 826. Т. VI. Ноябрь, стр. 359.

К. С. Н. *Прогулка пѣшкомъ черезъ Симплонъ.* Т. V. Окт, стр. 663.

---

[1] См. 1894 г. Т. V. Сент., стр. 106. Т. VI. Ноябрь, стр. 278.

Digitized by Google

Лежончиковъ И. И. *Письма* къ С. П. и К. П. Побѣдоносцевымъ. Съ предисловіемъ К. П. Побѣдоносцева. Т. II. Апр., стр. 881.

Леонтьевъ К. Н. *Письма* къ К. А. Губастову (1878)[1]. Т. VI. Ноябрь, стр. 351. Дек., стр. 930.

Ливотовъ Е. В. *Георгій Конисскій, архіепископъ Бѣлорусскій* (1795—1895). Т. II. Мартъ, стр. 366. Апрѣль, стр. 862. Т. III. Іюнь, стр. 784.

Липранди А. П. *Съ береговъ Вислы.* Т. I. Янв., стр. 452. *Изъ юго-западнаго края.* Нѣмцы и штунда. Т. V. Сент., стр. 424.

Литвиновъ Я. Я. *Земскіе начальники, ихъ административная и судебная дѣятельность.* Т. VI. Ноябрь, стр, 186 *О поземельномъ устройствѣ нашихъ крестьянъ.* Т. V. Окт., стр. 771.

Лоти П. *Женитьба Лоти.* Романъ. Перев. съ французск. В. П. Горленко. Т. II. Мартъ, стр. 290. Апр., стр. 746. Т. III. Май, стр. 325. Іюнь, стр. 744. Т. IV. Іюль, стр 208.

Лохвицкая М. А. *Стихотворенія.* Т. I. Февр, стр. 633. Т. II. Апр., стр. 780. Т. III. Іюнь, стр. 727, Т. IV. Авг., стр. 562. Ноябрь, стр. 130.

Любимовъ Н. А. профессоръ. *Значеніе Бекона Веруламскаго въ исторіи философіи природы.* Т. V. Окт., стр 520. Т. VI. Ноябрь, стр. 33.

Лясковскій В. Н. *Письмо въ редакцію.* Т. VI. Дек., стр. 1044.

Л—ко. *Съ береговъ Вислы.* Т. V. Окт., стр. 905.

Майковъ Л. Н. академикъ. *Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ.* (1826—1830). Т. V. Сент., стр. 5.

Макъ-Гаханъ В. Н. *Поступательное движеніе православія въ Соединенныхъ Штатахъ.* Т. IV. Авг., стр. 687. Т. V. Сент., стр. 198.

Макровъ В. Л. *Мечты и жизнь.* Романъ. Т. III. Май, стр. 278. Іюнь, стр. 662. Т. IV. Іюль, стр. 57. Авг., стр. 470. Т. V. Сент., стр. 28. Окт., стр. 467. Т. VI. Ноябрь, стр. 57. Дек., стр. 546.

Марковъ Е. Л. *Домой по Волгѣ.* Путевые очерки. Т. I. Янв, стр. 172. Февр., стр. 585. Т. II. Мартъ, стр. 27. Апр., стр. 611. Т. III. Май, стр. 29. Іюнь, стр. 617.

Межовъ В. И. *Письма* къ А. А. Ярцеву. Т. V. Окт., стр. 823.

Минутко С. А. *Еврейское землевладѣніе въ центрѣ Россіи.* Т. IV. Авг., стр. 812.

Мосевнинъ Ѳ. К. *Изъ Астраханской губерніи.* Т. VI. Ноябрь, стр. 489.

Муравьевъ А. Н. *Мои воспоминанія.* (Съ примѣчаніями А. А. Третьякова). Т. III. Май, стр. 56. Т. VI. Дек., стр. 586.

Муркосъ Г. А. профессоръ. *Отрывокъ изъ путешествія Антіохійскаго Патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія.* Т. III. Май, стр, 360.

Новикова О. А. Сообщ. *писемъ* къ ней И. С. Аксакова. Т. IV. Авг., стр. 838. Т. V. Сент., стр. 338.

Новинъ Н. *Памяти графа П. Д. Бутурлина.* Т. V. Сент., стр. 422.

---

[1] См. 1894 г. Т. V. Сент., стр. 363. Т. VI. Ноябрь, стр. 386.

Digitized by Google

Новицкій А. П. *Памяти Д. А. Ровинскаго.* Т. V. Окт., стр. 803. *Библіографическая замѣтка.* Т. I. Янв., стр. 444.

Ностицъ графъ Г. И. *Стихотвореніе.* Т. III. Іюнь, стр. 782.

Н. Н. *Русскіе символисты и кое-что о символизмѣ вообще.* Т. V. Сент., стр. 362. *Библіографическія замѣтки.* Т. III. Май, стр. 516. Іюнь, стр. 1003. Т. IV. Іюль, стр. 443. Августъ, стр. 873. Т. V. Окт., стр. 902. Т. VI. Ноябрь, стр. 477, 481, 483, 484. Дек., стр. 1019.

Н. О. *Изъ Калуги.* Т. II. Апр , стр. 979.

Облеуховъ А. Д. *Стихотвореніе.* Т. VI. Ноябрь, стр. 382.

Обуховскій С. *Стихотвореніе.* Т. V. Окт., стр. 753.

Оржешко Э. *Разсказы изъ польской жизни.* 1) Куколка. 2) Наивное дитя и погоня за приданымъ. Переводъ съ польскаго Ч. Т. III. Іюнь, стр. 842.

Павловъ Д. И. *Стихотвореніе.* Т. VI. Ноябрь, стр. 6.

Павловъ Н. М. *Отзывы о славянофилахъ.* Т. III. Іюнь, стр. 895. *Полемика Каткова съ Герценомъ.* Эпизодъ изъ шестидесятыхъ годовъ. Т. III. Май, стр. 308. *Вынужденное объясненіе.* Т. IV. Авг., стр. 825. *Въ заключеніе нашей полемики съ г. Цвѣтковымъ.* Т. V. Окт., стр. 852.

Павловъ Н. Н. *Домой на праздникъ.* Разсказъ. Т. II. Мартъ, стр. 225.

Палимпсестовъ И. У. *Изъ воспоминаній о Н. И. Костомаровѣ.* Т. IV. Іюль, стр. 155. *О пожарахъ въ Россіи.* Т. I. Февр., стр. 749.

Панаевъ В. А. *Бумажныя деньги—товаръ* [1]. Т. II. Мартъ, стр. 341, Апр., стр. 781. Т. III. Май, стр. 342.

Плахово Н. Ѳ. *Стихотворенія.* Т. II. Мартъ, стр. 340. Апр., стр. 718. Т. III. Май, стр. 55. Т. IV. Іюль, стр. 320. Т. V. Сент., стр. 169. Т. VI. Ноябрь, стр. 225.

Побѣдоносцевъ К. П. Предисловіе къ *письмамъ И. И. Лажечникова.* Т. II. Апр., стр. 881.

Поливанова Е. М. Переводы: *До конца вины* Э. Рода. Т. I. Янв., стр. 323. Февр., стр. 666. *Воспоминанія артиста,* автобіографическія записки Ш. Гуно. Т. V. Сент., стр. 293. Т. VI. Ноябрь, стр. 303. Дек., стр. 849.

Полонскій Я. П. *Стихотвореніе.* Т. I. Янв., стр. 90. *По поводу одного заграничнаго изданія и новыхъ идей графа Л. Н. Толстого.* Т. II. Апр., стр. 549. Т. III. Май, стр, 119. Іюнь, стр. 646.

Православный. *Правы-ли мы?* Открытое письмо къ православнымъ отцамъ и матерямъ. Т. III. Май, стр. 409. *Къ вопросу о духовной литературѣ для народа.* Т. III. Іюнь, стр. 906. *Къ вопросу о „пересказахъ" житій святыхъ.* Т. IV. Іюль, стр. 433.

Православный [2], *Норичскій конгрессъ.* Т. VI. Ноябрь, стр. 367.

Птицынъ В. *По Лени зимою.* Путевыя картины. Т. II. Мартъ, стр. 259.

Пр. *Изъ Варшавы.* Т. I. Февр., стр. 967. Т. II. Мартъ, стр. 502.

Ракитинъ В. *Стихотвореніе.* Т. I. Февр., стр. 840.

---

[1] Поправки къ этой статьѣ Т. III. Іюнь, стр. 1029.

[2] Псевдонимъ другаго лица.

Digitized by Google

Рачинскій С. А. профессоръ. *Церковная школа.* Т. III. Іюнь, стр. 541. Т. V. Окт., стр. 437.

Ревнитель православія. *Нѣсколько словъ объ изданіи мелкихъ брошюръ.* Т. II. Мартъ, стр. 358.

Родъ Э. *До конца вины.* Перев. съ французск. Е. М. Поливановой. Т. I. Янв., стр. 323. Февр., стр. 666.

Розановъ В. В. *Критическая замѣтка.* Т. III. Іюнь, стр. 933. *Открытое письмо къ г. Алексѣю Веселовскому.* Т. VI Декабрь, стр. 905. *О такъ-называемомъ „дѣйствіи на разстояніи".* Т. II. Мар., стр. 279. *Смѣна міровоззрѣній.* Т. IV. Іюль, стр. 193. *Что иногда значитъ „научно объяснить" явленіе.* Т. IV. Авг.. стр. 596. *Что выражаетъ собою красота природы?* Т. V. Окт., стр. 601. Т. VI. Ноябрь, стр. 132. Дек. стр. 639. *Письмо въ редакцію.* Т. VI. Ноябрь, стр. 501.

Ромеръ Ѳ. Э. *Стихотвореніе.* Т. IV. Авг., стр. 811.

Р—въ Н. Н. *Библіографическая замѣтка.* Т. I. Янв., стр. 432.

Салтыковъ графъ А. *Стихотворенія.* Т. V. Окт. стр. 455. Т. VI. Дек., стр. 847, 848.

Самаринъ Ю. Ѳ. *Неизданная программа предисловія* ко II т. соч. А. С. Хомякова. Т. VI. Ноябрь, стр. 28.

Сидоровъ А. А. *Послѣдніе дни жизни и дѣятельности В. В. Крестовскаго.* Т. I. Февр., стр. 888.

Случевскій К. К. *Стихотвореніе.* Т. I. Янв , стр. 19.

Смирновъ А. А. *Стихотвореніе.* Т, II. Мартъ, стр, 25.

Смирновъ Е. К. протоіерей. *Англо-Русское литературное Общество.* Т. IV. Іюль, стр. 303. Авг., стр. 620. *Лекція о митрополитѣ Филаретѣ.* Т. V. Сент., стр. 119.

Соболевъ А. К. *Стихотвореніе.* Т. V. Окт., стр. 770.

Соловьевъ М. П. *Письма изъ Италіи.* Т. III. Іюнь, стр. 711. Т. IV. Іюль, стр. 107. Авг., стр. 604. Т. V. Сент., стр. 183. Окт., стр. 579. Т. VI. Ноябрь, стр. 108. Дек., стр. 784. *Библіографическая замѣтка.* Т. VI. Ноябрь, стр. 462.

Spectator. *Современные вопросы.* Т. I. Янв., стр. 344. Февр., стр. 892. Т. II. Мартъ, стр. 414. Апр., стр. 900. Т. III. Май, стр. 425. Іюнь, стр. 935. Т. VI. Ноябрь, стр. 383. Дек., стр. 963. *Памяти Великаго Самодержца.* Т. VI. Ноябрь, стр. 7.

Стернъ А. В. *Одинокій.* Разсказъ. Т. I. Февр., стр. 558. *Послѣднее разочарованіе.* Повѣсть. Т. III. Май, стр. 86. Іюнь, стр. 557. *Ошибка Вирова.* Повѣсть. Т. VI. Дек., стр. 716.

Суворовъ П. П. *Въ какихъ убѣжденіяхъ таится истина?* Т. V. Окт., стр. 741. *Желательно-ли возрожденіе романтизма?* Т. II. Апр., стр. 770. *Кое-что о „дореформенномъ идеализмѣ".* Т. I. Февр., стр. 805. *Къ вопросу о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты.* Т. IV. Іюль. стр. 148.

Сѣверянинъ. *Изъ Вологды.* Народное образованіе. Т. IV. Іюль, стр. 447.

С—скій. *Библіографическая замѣтка.* Т. VI. Дек., стр. 1017.

С. *Лекція о митрополитѣ Филаретѣ.* (Письмо изъ Лондона). Т. V. Сент., стр. 119.

С. *Новости иностранной журналистики.* Т. III. Май, стр. 484.

Digitized by Google

С. Ш. *Иностранное обозрѣніе.* Т. I. Янв., стр. 461. Февр., стр. 988. Т. II. Мартъ, стр. 517. Т. III. Май, стр. 537. Т. IV. Іюль, стр. 450. Авг., стр. 892.

Талицкій. *Новый уставъ Государственнаго Банка.* Т. III. Іюнь, стр. 803. Т. IV. Іюль, стр. 251.

Тарасовъ И. Т. профессоръ. *Библіографическая замѣтка.* Т. V. Окт., стр. 881.

Тепловъ В. А. *Осѣчка.* Повѣсть изъ константинопольской жизни. Т. V. Сент., стр. 253. Окт., стр. 638. Т. VI. Ноябрь, стр. 160.

Тихомировъ Л. А. *Лѣтопись печати.* Т. I. Янв., стр. 358. Февраль, стр. 917. Т. II. Мартъ, стр. 436. Апр., стр. 927. Т. III. Май, стр. 458. Т. V. Сент., стр. 373. Окт., стр. 866. Т. VI. Ноябрь, стр. 420. Дек., стр. 977.

Толстая графиня Е. Н. *Въ поискахъ за квартирой.* Разсказъ. Т. IV. Авг., стр. 583.

Третьяковъ А. А. *Памяти А. Н. Муравьева.* Т. I. Январь, стр. 281. *Примѣчанія* къ „Моимъ воспоминаніямъ" А. Н. Муравьева. Т. III. Май, стр. 56. Т. VI. Дек., стр. 586.

Тургеневъ И. С. *Письма* къ В. Н. Каншерову. Т. VI. Дек., стр. 926.

Ухтомскій князь Э. Э. *Стихотвореніе.* Т. II. Апр., стр. 548.

Филипповъ М. Ф. *Къ вопросу о денежной реформѣ.* Т. VI. Декабрь, стр. 830.

Фонъ-Риттеръ А. А. *Старые кадеты.* Очерки. Т. V. Сент., стр. 322. Окт., стр. 789. Т. VI. Ноябрь, стр. 253. Дек., стр. 811.

Фудель І. И. священникъ. *Культурный идеалъ К. Н. Леонтьева.* Т. I. Янв., стр. 257. *Одна изъ нашихъ слабостей.* (Замѣтка по поводу полемики Каткова съ Герценомъ). Т. III. Іюнь, стр. 899. *Новое выраженіе русской культурной мысли.* Т. VI. Дек., стр. 914. *Поучительная исторія.* (Къ школьному вопросу). Т. V. Окт., стр. 754. *Библіографическая замѣтка.* Т. VI. Ноябрь, стр. 476.

Хитрово М. А. *Стихотвореніе.* Т. III. Іюнь, стр. 616.

Цвѣтаевъ Д. В. профессоръ. *Россія и Западная Европа въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.* По поводу минувшаго царствованія. Т. I. Февр., стр. 714.

Цвѣтковъ К. Н. Переводы: *Новая утопія.* Разсказъ Джерома К. Джерома. Т. II. Апр., стр. 799. *Полный отчетъ о Грязе-Туманской ассоціаціи для спосѣшествованія всему.* Посмертный разсказъ Ч. Диккенса. Т. IV. Іюль, стр. 321. *Двѣ матери.* Разсказъ Бретъ-Гарта. Т. IV. Авг., стр. 715. *Добровольный отвѣтъ на „вынужденное объясненіе" Н. М. Павлова.* Т. V. Окт., стр. 835. *Послѣднее слово Н. М. Павлову.* Т. V. Окт., стр. 859.

Чаевъ Н. А. *Стихотворенія.* Т. III. Іюнь, стр. 893. Т. IV. Іюль, стр. 191. Авг., стр. 619. Т. V. Окт., стр. 802. Т. VI. Дек., стр. 671.

Черняевъ Н. И. *О русскомъ самодержавіи.* Т. IV. Авг., стр. 761. Т. V. Сент., стр. 220.

Ч. Переводъ *Разсказовъ изъ польской жизни* Э. Оржешко. 1) Куколка. 2) Наивное дитя и погоня за приданымъ. Т. III. Іюнь. стр. 842.

Шаховской князь Н. В. *Обстоятельства оставленія Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ службы въ Московской духовной академіи.*

Digitized by Google

Т. IV. Авг., стр. 542. *Опредѣленіе Н. П. Гилярова-Платонова на свѣтскую службу.* Т. V. Сент., стр. 110. *Предисловіе къ „Логикѣ раскола“* Н. П. Гилярова-Платонова. Т. V. Окт., стр. 456. *Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и А. С. Хомяковъ.* (По сочиненіямъ и письмамъ Гилярова). Съ приложеніемъ неизданной программы предисловія ко II т. соч. А. С. Хомякова, Ю. Ѳ. Самарина. Т. VI. Ноябрь, стр. 14. *Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и К. С. Аксаковъ.* (По статьямъ и письмамъ Гилярова). Т. VI. Дек., стр. 509.

Шевелевъ А. А. *Къ вопросу о народномъ театрѣ.* (Мнѣніе о немъ покойнаго епископа Александра). Т. VI. Дек., стр. 900. *Библіографическія замѣтки.* Т. III. Май, стр. 508. Т. V. Сент., стр. 413.

Шекспиръ В. *Гамлетъ, Принцъ Датскій.* Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Перев. Д. В. Аверкіева. Въ приложеніи къ книгамъ. Т. I. Янв., Февр., Т. II. Мартъ, Апр.

Шервудъ В. І. академикъ. *Опытъ изслѣдованія законовъ искусства.* (Живопись, скульптура, архитектура и орнаментика) [1]. Т. I. Январь, стр. 56. Февр., стр. 526. *Памяти генералъ-лейтенанта А. И. Манькина-Невструева.* Т. I. Янв., стр. 405.

Шмелевъ И. *У мельницы.* Разсказъ. Т. IV. Іюль, стр. 353.

Ш—въ А. *Новости иностранной журналистики.* Т. V. Сентябрь, стр. 394. *Библіографическія замѣтки.* Т. VI. Дек., стр. 1012, 1013.

Щегловъ И. *Милліонъ терзаній.* Романъ. Т. I. Янв., стр. 121. Т. II. Мартъ, стр. 137. Т. III. Май, стр. 138. Т. VI. Ноябрь, стр. 201. Дек., стр. 607.

Э—скій А. *Библіографическая замѣтка.* Т. V. Сент., стр. 405.

Ю. К. *Библіографическія замѣтки.* Т. I. Янв., стр. 437. Т. III. Май, стр 517.

Яковлевъ И. Переводъ съ испанск. *Сценъ изъ испанской народной жизни.* Дона Хозе-Маріи Де-Пэрэда. Т. I. Февр., стр., 784.

Ярцевъ А. А. *Библіографія и библіографы въ Россіи* (съ приложеніемъ двухъ писемъ В. И. Межова). Т. V. Окт., стр. 821.

N. N. *Библіографическія замѣтки.* Т. II. Мартъ, стр. 497. Апрѣль, стр. 963.

N. N. *Жажда мщенія.* Т. VI. Дек., стр. 891.

W. *Лѣтопись современной беллетристики.* Т. I. Янв., стр. 409. Февраль, стр. 936. Т. II. Мартъ, стр. 470. Апр., стр. 942. Т. III. Май, стр. 446. Іюнь, стр. 961.

Z. *Изъ переписки И. С. Тургенева съ А. И. Герценомъ* въ 1867 г. Т. I. Янв., стр. 111.

Ω.—А. *Библіографическая замѣтка.* Т. II. Апр., стр. 974.

— къ. *Библіографическая замѣтка.* Т. IV. Авг., стр. 877.

---

[1] См. 1894 г. Т. IV. Іюль, стр. 270. Авг., стр. 543. Т. V. Сентябрь, стр. 267. Окт., стр. 679. Т. VI. Ноябрь, стр. 299. Дек., стр. 640.

Digitized by Google

* * *

Безсмысленно и праздно день проходитъ,
Безплодно для людей и для себя, —
А сердце бѣдное отрады не находитъ,
Томительно волнуясь и любя...

Весь прежній пылъ, богатство упованья —
Давно растрачены на жизненномъ пути...
Еще глядишь впередъ, но въ сумракѣ страданья
Едва мерцаетъ слѣдъ, чтобы по немъ идти...

Пора бы отдохнуть, пора бы отрезвиться,
Итоги прошлому спокойно подводить,
А сердце бѣдное все продолжаетъ биться,
Все продолжаетъ медленно любить!

В. Истоминъ.

Digitized by Google

ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА.

III.

И столбцы нашихъ газетъ и протоколы земскихъ собраній наполнены толками о начальномъ обученіи, всеобщемъ и обязательномъ. И не одни журналисты, не одни передовые представители земствъ объ этомъ толкуютъ. Вотъ что приходится слышать отъ крестьянъ, всего ближе заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ.

... „Надо такой указъ написать, чтобы *дѣвокъ* обязательно отъ десяти до тринадцати лѣтъ три года въ школу посылать, а которая не будетъ имѣть свидѣтельства, что Законъ Божій знаетъ и читать да писать умѣетъ, ту не вѣнчать,—вотъ и бабы образумятся: а то съ ними не сладить; а намъ надоѣло, что бабы наши—дуры, и кромѣ плясовыхъ пѣсенъ ничего не знаютъ; а школьницы и псалтырь читаютъ и молитвы поютъ".

Эти рѣчи я передаю дословно и спѣшу прибавить, что пожеланія эти слышатся отъ большинства крестьянъ въ приходѣ, въ коемъ уже двадцать лѣтъ существуетъ прекрасная школа для мальчиковъ и пять лѣтъ — еще лучшая для дѣвочекъ; что обѣ школы переполнены, что школьное дѣло въ этомъ приходѣ никогда не стоило крестьянамъ ни копѣйки; что обѣимъ школамъ посвятила всѣ свои силы, физическія и нравственныя, женщина высокообразованная, трудящаяся въ духѣ самомъ строго церковномъ; что правая ея рука—молодой діаконъ (изъ крестьянъ), ею-же воспитанный; что этимъ діакономъ и создана съ неимо-

[1] См. *Русское Обозрѣніе* № 6 и 10, 1895 г.

Digitized by Google

вѣрнымъ трудомъ школа для дѣвочекъ при отчаянномъ сопротивленіи бабъ и при неизмѣнномъ сочувствіи мужской половины приходскаго населенія.

Несмотря на исключительность всѣхъ этихъ обстоятельствъ, и именно въ силу этой исключительности, считаю приведенные мною крестьянскіе толки поучительными и важными.

Прежде всего бросается въ глаза, что возникли толки объ обязательномъ обученіи дѣвочекъ, а не мальчиковъ. И нельзя не согласиться съ тѣмъ, что лучшій путь для достиженія поголовной грамотности есть не провозглашеніе ея обязательности, а умноженіе грамотныхъ матерей.

Увы! Знаменскимъ прихожанамъ, хотя и зажиточнымъ, непосильно устройство въ разныхъ пунктахъ ихъ прихода пяти школъ для мальчиковъ и столькихъ-же для дѣвочекъ, подобныхъ тѣмъ двумъ, которыя они имѣютъ при своей церкви. А по топографическимъ условіямъ нужно не менѣе того, чтобы поголовное, обязательное обученіе ихъ дѣтей стало физически возможнымъ. Непосильно это дѣло и ихъ доброй помѣщицѣ. И по этому самому непосильно это дѣло ни земствамъ, ни самому государству, денежныя средства коихъ слагаются изъ денежныхъ средствъ безчисленныхъ единицъ, въ среднемъ выводѣ менѣе состоятельныхъ, чѣмъ приходъ Знаменскій. И есть иная сторона дѣла, еще болѣе затруднительная и важная. Можно сосредоточить въ одномъ приходѣ десятокъ учителей, спеціально подготовленныхъ, полноправныхъ и благонадежныхъ. Удесятереніе-же на всю Россію количества такихъ учителей—задача, разрѣшеніе коей требуетъ многихъ десятилѣтій.

Но вернемся къ Знаменскимъ прихожанамъ. Пожеланія ихъ, если устранить изъ нихъ элементъ принудительный, разумны и скромны; удовлетвореніе ихъ въ высшей степени желательно; самая сила и единодушіе этихъ желаній доказываютъ, что тутъ на-лицо одно изъ необходимыхъ условій ихъ осуществленія — убѣжденіе въ пользѣ школьнаго ученія; примѣръ существующей школы для дѣвочекъ, съ каждымъ годомъ разрастающейся, свидѣтельствуетъ о томъ, что со своими бабами они мало-по-малу справятся и безъ вмѣшательства государственной власти.

Тутъ прежде всего возникаетъ вопросъ: откуда взялось желаніе, столь единодушное и сильное, выражающееся въ формахъ столь рѣзкихъ? Очевидно, отъ того, что двѣ школы, дѣйствующія на ихъ глазахъ, школы, въ коихъ учатся ихъ дѣти и учились

Digitized by Google

многіе изъ крестьянъ возраста средняго, оказались имъ по-душѣ. При этомъ легко замѣтить, что радуетъ ихъ не прекрасный почеркъ учениковъ, не умѣніе ихъ быстро рѣшать сложныя ариѳметическія задачи, не почти совершенное отсутствіе орѳографическихъ ошибокъ въ экзаменаціонныхъ диктантахъ... Все это даютъ многія школы, къ коимъ окрестное населеніе относится довольно равнодушно. Радуетъ ихъ славянское чтеніе дѣтей, пѣніе ихъ въ церкви и въ школѣ, радуютъ добрыя книги, которыя они приносятъ съ собою изъ школы и отчетливо и сознательно читаютъ вслухъ дома. Книги эти—не исключительно содержанія духовнаго. Послѣднія остаются въ деревняхъ любимѣйшимъ чтеніемъ. Но рядомъ съ ними начинаютъ возбуждать живѣйшій интересъ и разсказы изъ русской исторіи и книги сельско-хозяйственныя.

Но этого мало. Со Знаменскою школой (для мальчиковъ) сохранили тѣснѣйшую связь бывшіе ея воспитанники, уже взрослые и семейные. Всѣ тѣ изъ нихъ, которые обладаютъ сколько-нибудь сноснымъ голосомъ, добиваются чести участвовать въ школьномъ хорѣ, правильно посѣщаютъ спѣвки, и потому пѣніе въ церкви—всегда прекрасное. Ничто не можетъ быть привлекательнѣе субботняго вечера въ Знаменской школѣ. Количество взрослыхъ пѣвцовъ столь велико (въ ихъ числѣ находится и волостной старшина, и церковный староста), что ихъ собирается всегда больше, чѣмъ нужно для укомплектованія хора мужскими голосами. Послѣ длинной, тщательной спѣвки происходитъ чаепитіе, а затѣмъ, до поздней ночи, безконечныя чтенія (на этотъ разъ содержанія исключительно духовнаго) и безконечныя бесѣды съ добрымъ отцомъ-діакономъ (бывшимъ учителемъ младшихъ изъ взрослыхъ), общимъ любимцемъ. Усердіе въ посѣщеніи этихъ спѣвокъ по истинѣ трогательно. Не прерываются онѣ и въ самую страдную пору. Бывали случаи, что пѣвцы, пришедшіе съ покоса, падали отъ усталости на полѣ и тутъ же засыпали, чтобы часа черезъ два встать свѣжими, бодрыми и протвердить свою партію къ завтрашней службѣ. Конечно, прекрасный тонъ этихъ собраній поддерживается несравненнымъ одушевленіемъ, авторитетомъ обожаемой попечительницы, которая сама, несмотря на лѣта и недуги, руководитъ всѣми спѣвками, правитъ на клиросѣ на всѣхъ службахъ.

Нельзя не замѣтить по этому поводу, что *дѣйствительное* общеніе между людьми, стоящими на крайнихъ ступеняхъ образо-

Digitized by Google

вательнаго и общественнаго неравенства, общеніе естественное, искреннее, только и возможно въ области вѣры и молитвы. Лишь равенство предъ Богомъ покрываетъ всѣ земныя неравенства.

Такимъ образомъ, Знаменская школа связана съ приходомъ цѣлымъ полкомъ пѣвцовъ и чтецовъ, которые, незамѣтно для себя, продолжаютъ свое школьное ученіе въ отрасляхъ его самыхъ существенныхъ и важныхъ. Это—лучшіе люди прихода. Они же составляютъ ядро приходскаго общества трезвости, принесшаго приходу неисчислимую пользу. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и такой же полкъ церковныхъ чтицъ и пѣвицъ разрастется около школы женской. Ея воспитанницы—любимицы прихода. Отцы не налюбуются на ихъ рукодѣліе и пѣніе, на ихъ опрятность и скромность. Отъ молодыхъ парней приходится слышать, что они не женятся, пока не подрастутъ невѣсты изъ Знаменской школы. И, конечно, когда подрастутъ онѣ, будетъ сокрушена бабья оппозиція противъ школьнаго обученія, и къ водворенію поголовной грамотности будетъ сдѣланъ шагъ самый существенный и важный.

Вотъ та почва, на которой возникли радикальныя пожеланія Знаменскихъ прихожанъ, и, прибавлю, та почва, на которой возможно, даже неизбѣжно, приблизительное ихъ осуществленіе.

Какъ я уже сказалъ, обѣ школы при Знаменской церкви, и мужская и женская, переполнены. Итакъ, для удовлетворенія возрастающей потребности въ обученіи предстоитъ постепенное открытіе по деревнямъ филіальныхъ школъ, а именно, школъ грамотности, пока удовлетворяющихъ потребностямъ населенія. Содержаніе такой школы, при часмой помощи отъ Государственнаго Казначейства (около 25 р.) и самомъ скромномъ пособіи со стороны мѣстныхъ благотворителей, посильно всякой маломальски людной и зажиточной деревнѣ. Учителя для этихъ школъ могутъ быть избраны и подготовлены изъ среды взрослой школьной братіи, и въ скоромъ времени приходъ будетъ располагать столь же благонадежнымъ контингентомъ учительницъ.

Какъ мнѣ извѣстно по опыту, устройство такихъ филіальныхъ школъ уменьшаетъ, развѣ въ самой незначительной мѣрѣ, количество учащихся въ школѣ центральной, но совершенно измѣняетъ ихъ составъ. Уменьшается группа новичковъ, и въ той же мѣрѣ усиливается группа старшая, въ которую переходитъ значительная доля дѣтей, два года обучавшихся въ школѣ де-

Digitized by Google

ревенской, чтобы приготовиться къ выпускному экзамену. Отсюда ясно, насколько желательно, чтобы учителями этихъ деревенскихъ школъ были именно воспитанники школы центральной, вполнѣ знакомые съ порядкомъ въ ней преподаванія, по силѣ вещей становящіеся помощниками ея учителя. Я въ первой моей статьѣ о церковной школѣ уже указывалъ на то, что скромное вознагражденіе, возможное въ школѣ грамотности, можетъ привлечь къ учительству благонадежныхъ тружениковъ только изъ жителей мѣстныхъ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что главнымъ факторомъ подобнаго развитія дѣла нужно считать учебное достоинство и строго церковный характеръ школы центральной. Матеріальныя выгоды, могущія проистечь отъ элементарнаго обученія (сверхъ льготы по воинской повинности), отдаленны и сомнительны. Духовно-нравственное же значеніе доброй школы типа церковнаго, для нашихъ интеллигентовъ мало понятное, ясно, какъ день, самому захолустному крестьянину, и только духовный, и именно церковный характеръ школы возбуждаетъ въ крестьянахъ желаніе посылать въ нее своихъ дѣтей.

Само собою разумѣется, что этотъ церковный характеръ можетъ имѣть школа любаго вѣдомства, что плодить около себя школы грамотности могли бы, въ силу внушаемыхъ населенію симпатій, и школы министерскія, и школы земскія. Но тутъ мы наталкиваемся на препятствіе, по своей безсмысленности, особенно досадное. Учебныя начальства, и министерскія и земскія, долгомъ считаютъ къ школамъ грамотности относиться враждебно, потому только, что, за неимѣніемъ контроля фактическаго (для нихъ совершенно невозможнаго, доступнаго однимъ лишь священникамъ), имъ не предоставленъ надъ этими школами контроль номинальный, и опасаться отъ нихъ какого-то соперничества, между тѣмъ какъ эти скромныя школки питаютъ школы разряда болѣе высокаго, разительно увеличивая численность ихъ выпусковъ, распространяя и усиливая потребность въ обученіи. Подъ вліяніемъ начальства и большинство полноправныхъ учителей относится къ этимъ школамъ недоброжелательно, что, конечно, ведетъ къ натянутымъ отношеніямъ между ними и священниками... Это обстоятельство самымъ существеннымъ образомъ тормозитъ у насъ развитіе школьнаго дѣла. Не нужно забывать, что, еще до изданія положенія о школахъ церковно-приходскихъ, на всѣхъ пунктахъ особенно населенныхъ, отличающихся распо-

Digitized by Google

ложеніемъ къ школьному ученію, въ громадномъ большинствѣ случаевъ при церквахъ уже были основаны школы земскія и министерскія, и что на долю школъ церковно-приходскихъ достались приходы самые бѣдные, мѣстности мало населенныя, что весьма многія церковно-приходскія школы вынуждены ютиться вдали отъ церквей, такъ какъ мѣсто при нихъ уже занято.

Но и большинство людей, не имѣющихъ къ школьному дѣлу никакого оффиціальнаго отношенія, никогда не прилагавшихъ къ нему рукъ, но имѣющихъ на него вліяніе въ силу мѣстнаго своего вѣса, относятся къ школамъ грамотности отрицательно и презрительно. Происходитъ это отъ того, что у всѣхъ въ памяти, отчасти еще на глазахъ, деревенская школа стараго типа, съ пьянымъ проходимцемъ-учителемъ, случайно забредшимъ въ деревню и плѣнившимъ безграмотныхъ родителей своею рѣчистостью и дешевизною. Между этими несчастными попадались нерѣдко люди умѣлые и талантливые, но польза отъ ихъ ученія, разумѣется, болѣе чѣмъ уравновѣшивалась дурнымъ ихъ примѣромъ. Но въ дѣлѣ столь новомъ, какъ правильное подчиненіе школъ грамотности школѣ церковно-приходской, установленіе между ними органической связи, намъ надлежитъ имѣть въ виду не то, чѣмъ была до сихъ поръ деревенская школа, возникшая случайно, безъ всякаго руководства и контроля, но то, чѣмъ она можетъ и должна быть, то, чѣмъ она стала въ тѣхъ случаяхъ, когда на нее обращено было должное вниманіе.

Къ лучшимъ моимъ школьнымъ впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ принадлежатъ посѣщенія школъ грамотности новаго типа, съ учителемъ—мѣстнымъ крестьяниномъ изъ лучшихъ учениковъ мѣстной доброй школы.

Убогая обстановка, отсутствіе всякихъ внѣшнихъ школьныхъ удобствъ, тѣснота и духота. И среди этого—трудъ напряженный, непрерывный, бодрый и любовный. Милыя и довѣрчивыя отношенія дѣтей къ учителю, который для нихъ—„дядя Андрей“ или „дядя Кузьма“, отношенія, тотчасъ переносящіяся на новаго дядюшку-посѣтителя. Множество дѣтей моложе школьнаго возраста, но которыхъ изъ школы не выживешь, потому что они также хотятъ учиться. И кое-чему выучиваются, напримѣръ чтенію, которое доступно и пятилѣтнимъ крошкамъ. Но прежде этой премудрости всѣ выучиваются по наслышкѣ правильно произносить употребительнѣйшія молитвы, и добрый дядюшка позволяетъ имъ участвовать, чѣмъ умѣютъ, въ общихъ моленіяхъ, вечернихъ и утреннихъ, что доставляетъ имъ величайшую ра-

Digitized by Google

дость. Случалось заѣзжать именно вечеромъ. Вечернія молитвы въ деревенскихъ школахъ лучше и торжественнѣе, чѣмъ въ школѣ центральной. Ибо вмѣстѣ съ дѣтьми приходятъ молиться родители. Благочестивыя старушки приносятъ съ собою свѣчи, и ярко озаряются потемнѣвшія иконы. Пѣніе въ школѣ—нехитрое, но распѣваемыя ежедневно молитвы (тропари троичные, Достойно есть и т. п.) поются стройно и трогательно. Нерѣдко, послѣ молитвы, учитель читаетъ собравшимся сосѣдямъ что-нибудь душеспасительное. И засиживаются въ школѣ и родители, и ихъ ребята. И надъ всѣмъ царитъ то благоговѣйное отношеніе къ книжному ученію, та твердая увѣренность, что оно прежде всего—ключъ къ познанію вещей божественныхъ, которая составляетъ драгоцѣннѣйшій залогъ доброй будущности нашихъ школъ. И такъ идетъ ученіе съ ранняго утра до поздняго вечера, и упорный трудъ неопытнаго учителя восполняетъ его неумѣлость, и быстро растетъ его умѣніе. Безмѣрно длинный учебный день даетъ время на всякія упражненія—и въ чтеніи, и въ письмѣ, и въ счетѣ,—и по прошествіи двухъ лѣтъ ученики убогой школки малымъ уступаютъ въ своихъ знаніяхъ и умѣніяхъ ученикамъ школы самой благоустроенной, обыкновенно превосходятъ ихъ въ церковно-славянскомъ чтеніи, благодаря тому почету, коимъ пользуется въ деревнѣ именно это умѣніе. По прошествіи двухъ лѣтъ такого ученія рецидивъ безграмотности немыслимъ. Но большинство учениковъ либо переходитъ доучиваться въ школу центральную, либо продолжаетъ ходить въ свою деревенскую школу, чтобы тверже навыкнуть письму, и нерѣдко школа грамотности доводитъ своихъ питомцевъ до вполнѣ удовлетворительнаго экзамена на льготу по воинской повинности.

Самъ учитель, уча, многому научается; нерѣдко, при помощи добрыхъ людей, онъ настолько умножаетъ свои знанія, что добивается оффиціальнаго учительскаго званія. При внѣшнихъ обстоятельствахъ благопріятныхъ, его школа обзаводится приличнымъ помѣщеніемъ и возводится на степень церковно-приходской.

Послѣ всего сказаннаго, нѣтъ нужды объяснять, почему школы деревенскія пользуются особымъ сочувствіемъ крестьянъ. Стремятся они именно къ школамъ того типа, который я попытался очертить. Но собственными силами создать ихъ удается имъ рѣдко. Тутъ необходимо самое энергическое содѣйствіе и церковныхъ причтовъ и благочестивыхъ прихожанъ образованныхъ классовъ. По силѣ вещей, повсемѣстнымъ можетъ быть лишь

Digitized by Google

доброе попеченіе о школьномъ дѣлѣ церковныхъ причтовъ. Все рѣже становятся просвѣщенные, благочестивые міряне, живущіе по деревнямъ, имѣющіе досугъ и матеріальныя средства, необходимыя для поддержки школьнаго дѣла, ибо поземельная собственность быстро переходитъ въ руки кулаковъ, кабатчиковъ и евреевъ. Въ этой повсемѣстности живой силы, призываемой къ дѣлу народнаго образованія, и во внутреннемъ смыслѣ этой силы и заключается вся важность обновленія церковной школы.

Но намъ возражаютъ на всѣ лады, что внутреннему этому смыслу не соотвѣтствуетъ наличное нравственное состояніе нашего духовенства, что священники истинно добрые слишкомъ рѣдки, что большинство священниковъ къ школьному дѣлу равнодушно, что многіе священники приносятъ этому дѣлу одинъ вредъ.

Спорить не стану. Священники истинно добрые, искренно преданные школьному дѣлу—составляютъ меньшинство, какъ все доброе, лишь медленно возрастающее. Но въ дѣлахъ свойства духовнаго, въ дѣлахъ неизмѣримой важности и длительности безграничной, каково дѣло народнаго образованія, нужно имѣть въ виду не только то, что есть, но и то, что можетъ и должно быть. Для всякаго творческаго акта нужна воля, нужна вѣра, хотя бы съ зерно горушечно—въ данномъ случаѣ вѣра въ несокрушимость церкви, какъ вѣчнаго союза и мірянъ и духовенства, какъ живаго тѣла съ Главою Небеснымъ, твердая воля осуществить этотъ союзъ во всѣхъ отправленіяхъ жизни духовной. Явленія такъ-называемой матеріализаціи, въ сферѣ вещественной призрачныя, совершаются ежедневно въ жизни духовной. Ссылаюсь на внутренній опытъ всѣхъ потрудившихся Бога для, всѣхъ немощныхъ, награжденныхъ осуществленіемъ чаяній, безмѣрно превышающихъ ихъ немощь.

Но, скажутъ мнѣ, вѣра не зависитъ отъ воли. Ей не даетъ пищи дѣйствительность, а безжалостно разбиваетъ ее... Да, это такъ, пока мы эту дѣйствительность только созерцаемъ, не внося въ нее всѣ силы своего разума и воли. Но все мѣняется, какъ только мы приложимъ сердце и руку къ этой самой дѣйствительности, въ полномъ сознаніи своего безсилія, безъ малѣйшей надежды на успѣхъ, а именно Бога для, во исполненіе святой Его воли. Тотчасъ почувствуемъ мы, съ убѣдительностію непререкаемою, съ ясностію непосредственнаго зрѣнія, что черезъ насъ и за насъ дѣйствуетъ Нѣкто, неизмѣримо сильнѣйшій, творитъ нѣчто лучшее, чѣмъ то, что могли мы предположить и

Digitized by Google

предпринять. Внѣшній опытъ никогда не дастъ намъ вѣры. Ее воспитываетъ опытъ внутренній, невозможный безъ напряженія воли. Ко всѣмъ намъ относятся слова поэта, обращенныя къ поэтамъ:

Мужайся, не слабѣй изнѣженной душою
Передъ заботою земною...
Ей исполинскій видъ дастъ твоя мечта.
Коснися облака безтрепетной рукою:
Исчезнетъ, и за нимъ опять передъ тобою
Обители духовъ откроются врата.

Такъ и въ школьномъ дѣлѣ. Далеки мы, по многообразнымъ немощамъ и мірянъ и духовенства, отъ идеала школы истинно церковной. Глядя на дѣло со стороны, легко въ немъ отчаяться. Но стоитъ только смиренно и искренно приложить руки къ этому дѣлу, чтобы никогда болѣе ихъ не отнимать,—такъ отраденъ, такъ многозначителенъ каждый малѣйшій шагъ на этомъ пути. Тутъ всякое впечатлѣніе настоящаго усиливается, дополняется лучшими отголосками минувшаго, лучшими чаяніями будущаго. Тутъ нѣтъ и тѣни того разлада, того насилія, которое неизбѣжно въ школахъ, устроенныхъ по иностранному образцу, никогда не удовлетворяющихъ полусознательнымъ требованіямъ родителей, инстинктамъ учениковъ. Къ школѣ, въ коей во главѣ преподаванія, не на словахъ, а на дѣлѣ, поставленъ Законъ Божій, къ школѣ, въ коей на днѣ сознанія учащихъ постоянно свѣтитъ мысль о Богѣ, водворяется полное довѣріе, полная увѣренность, что и все прочее, безграмотнымъ родителямъ мало понятное, преподается на пользу ученикамъ. Утверждается довѣріе не только къ данной школѣ, но и ко всему школьному дѣлу—лучшій залогъ его расширенія. Какъ видятъ читатели, довѣріе это, вызванное именно школами строго-церковными, доходитъ въ крестьянской средѣ до возникновенія толковъ объ обученіи обязательномъ.

Строки эти обращены къ мірянамъ, участіе коихъ, и матеріальное и нравственное, въ созиданіи школы церковной необходимо для осуществленія полной ея церковности, не только оффиціальной, но и дѣйствительной. Но могутъ онѣ проникнуть и въ иныя сферы, въ среду сельскаго духовенства, учащихъ и учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ среду, призванную къ ближайшему, непосредственному труду въ области церковной школы. Не могу не обратить нѣсколькихъ словъ и къ этимъ

Digitized by Google

уже нынѣ призваннымъ или чающимъ призыва труженикамъ на Божіей нивѣ.

Есть моменты въ исторіи народовъ, въ которые для отдѣльной личности хожденіе по протоптаннымъ тропамъ, хотя-бы осторожное и благообразное, становится недостаточнымъ и опаснымъ, въ которые каждый изъ насъ можетъ участвовать въ дѣлѣ, настоятельно необходимомъ, исполнить свою долю долга, возложеннаго на всѣхъ Провидѣніемъ, лишь прокладывая стези новыя, прямыя и точно направленныя. Такой моментъ насталъ въ Россіи для всѣхъ, трудящихся въ области духа, и, прежде всего, для русскаго духовенства. Болѣе, чѣмъ когда-либо, требуется отъ каждаго изъ насъ, въ особенности-же отъ каждаго священника, бдительности ума, напряженія воли, любви искренней, нелицемѣрной. Молодые люди, готовящіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ принятію священнаго сана, должны сознать всю неизмѣримую важность возлагаемой на нихъ обязанности. Поставленъ вопросъ о возможно широкомъ распространеніи народнаго обученія, этого перваго шага темныхъ массъ къ жизни сознательной. Дѣйствительно повсемѣстно, истинно плодотворно этотъ шагъ можетъ быть совершенъ лишь при искреннемъ, поголовномъ содѣйствіи сельскаго духовенства.

Пусть-же будущіе пастыри сосредоточатъ свои помышленія на предстоящемъ имъ трудѣ. Курсы дидактики, образцовыя школы при семинаріяхъ знакомятъ ихъ съ техникой элементарнаго преподаванія. Пусть они усвоятъ ихъ твердо, ибо имъ придется руководить учителями неумѣлыми, создавать учителей новыхъ. Имъ-же самимъ предстоитъ школьное преподаваніе въ области самой существенной, въ области Закона Божія. Въ приготовленіи къ этому дѣлу неизмѣримой важности нельзя имъ довольствоваться примѣромъ законоучителя образцовой школы, указаніями съ каѳедры наставниковъ. Каждый изъ нихъ проводитъ и лѣто и святки въ деревнѣ, среди крестьянъ. Каждому изъ нихъ не слѣдуетъ упускать случая бесѣдовать о вещахъ Божественныхъ съ людьми грамотными и безграмотными, со взрослыми и дѣтьми. Слѣдуетъ имъ создавать эти случаи. Только такими бесѣдами (возбуждающими въ людяхъ темныхъ глубокую благодарность) пріобрѣтутъ они то чутье степени пониманія своихъ слушателей, безъ коего безплодна самая искусная рѣчь. Во многихъ селахъ уже практикуются внѣбогослужебныя собесѣдованія: на нихъ они могутъ оказать драгоцѣнную помощь своимъ отцамъ и братьямъ и въ то же время многому отъ нихъ научиться. Въ

Digitized by Google

нашихъ разбросанныхъ приходахъ единственное время, удобное для этихъ собесѣдованій, есть промежутокъ между утреней и обѣдней, такое время, въ которое священникъ часто бываетъ отвлекаемъ случайными требами. Между тѣмъ это—время драгоцѣнное, ибо тутъ всегда на лицо есть слушатели, находящіеся въ должномъ настроеніи; именно въ это время всякому священнику, ведущему собесѣдованія, особенно дорогъ надежный помощникъ. И на этихъ-то бесѣдахъ, и формальныхъ и случайныхъ, выясняется будущему пастырю тѣсная связь между учительствомъ школьнымъ и церковнымъ. Вѣдь послѣднее безъ перваго совершенно призрачно. Всякое предложеніе въ самой образцовой по своей простотѣ проповѣди, дословно понятной воспитаннику доброй школы, для человѣка абсолютно безграмотнаго требуетъ чуть-ли не часоваго объясненія. И чѣмъ выше стоитъ школа, тѣмъ шире, тѣмъ глубже становится область доступной приходу церковной проповѣди...

Рядомъ съ этимъ необходимо зорко присматриваться къ положенію школьнаго дѣла и въ своемъ, и въ сосѣднихъ приходахъ, къ отношеніямъ къ нему и духовенства, и крестьянъ, и мірянъ образованныхъ. Всѣ эти наблюденія пригодятся въ будущей пастырской практикѣ.

Но все это—лишь внѣшняя сторона дѣла. И школьныя умѣнія священника и способности его къ плодотворной церковной рѣчи пропадаютъ даромъ, если нравственный строй его жизни не придаетъ ему авторитета и дерзновенія, необходимаго пастырю душъ. Предметъ обширный, почти безграничный. Но не могу не указать тутъ на нѣкоторыя изъ тяжелыхъ гирь, которыя влекутъ долу наше духовенство, которыя налегаютъ на нашихъ священниковъ еще на школьной скамьѣ, и которыя они могли-бы, на школьной-же скамьѣ, сбросить съ себя навсегда.

Во-первыхъ — пьянство. Количество священниковъ, отъ него погибающихъ, поистинѣ ужасно. Между тѣмъ, это ярмо люди возлагаютъ на себя еще въ школьномъ возрастѣ, и именно въ этомъ возрастѣ оно можетъ быть сброшено усиліемъ воли безъ особеннаго труда. Чѣмъ позже, тѣмъ труднѣе, ибо пьянство прежде всего подкашиваетъ именно волю. Всѣхъ ужасовъ, про исходящихъ отъ этого порока, перечислять не стану: они на глазахъ у учащагося духовнаго юношества. Но оно должно понять, что *это* пятно оно обязано снять съ своего сословія, въ моментъ, когда отъ трезвости каждаго отдѣльнаго священника зависитъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ, возрожденіе къ сознательной

Digitized by Google

вѣрѣ, къ жизни разумной—сотенъ и тысячъ людей темныхъ, жаждущихъ свѣта. Церковная школа съ пьянымъ священникомъ во главѣ есть ложь и позоръ.

Во-вторыхъ — корыстолюбіе. Знаю, что во всякой семинаріи выдѣляется замѣтное меньшинство юношей, свободныхъ отъ этого порока, и что большинство, не безъ насмѣшки, прозвало ихъ идеалистами. Но вѣдь идеалистами, въ этомъ смыслѣ, могутъ, въ настоящее время, безъ всякой опасности, сдѣлаться всѣ семинаристы. Можно-ли, положа руку на сердце, назвать бѣдностію имущественное положеніе средняго сельскаго священника? На памяти людей пожилыхъ, доходность сельскихъ приходовъ значительно возросла отъ быстраго роста народонаселенія, отъ повышенія цѣнности церковныхъ земель. Приходы, исключительно бѣдные, по своему малолюдству, по развитію въ нихъ сектантства, уже теперь получаютъ денежную помощь, которая съ каждымъ годомъ будетъ усиливаться и мало-по-малу распространяться и на причты, менѣе обездоленные. Всѣ будущіе священники доживутъ до положенія скромнаго, но совершенно безбѣднаго. Съ расширеніемъ дѣятельности духовенства, несомнѣнно возрастутъ и заботы о немъ правительства. О чемъ-же заботиться? А между тѣмъ эта забота играетъ слишкомъ видную, гибельную роль въ помышленіяхъ ищущихъ священства. Ведетъ она къ неосторожнымъ бракамъ, ведетъ и къ кривымъ отношеніямъ съ прихожанами, и къ двусмысленному отношенію къ школьному дѣлу, доходность коего разъ на всегда должна быть вычеркнута изъ расчетовъ духовенства. То, что отъ него требуется по этому дѣлу, не можетъ быть оплачено никакимъ жалованіемъ. Это—не требоисправленіе, а такой актъ любви и воли, который сдѣлалъ бы его почетнѣйшимъ сословіемъ въ Россіи, послѣ коего сомнѣваться въ безбѣдности его имущественнаго положенія было бы просто смѣшно.

Въ третьихъ — ложь. Всѣмъ извѣстенъ неисчислимый вредъ, который приноситъ церковно-школьному дѣлу лживость оффиціальныхъ о немъ донесеній, лживость, унаслѣдованная отъ вошедшихъ въ пословицу благочинническихъ отчетовъ. „Ложь конь во спасеніе“ до сихъ поръ приводится слышать отъ старыхъ священниковъ, въ томъ кощунственномъ смыслѣ, который придаютъ священному тексту полуграмотные грамотѣи, и чудовищное это толкованіе еще недавно, на ряду съ истиннымъ, допускалось въ семинарскомъ преподаваніи. Каково это спасеніе, испытываютъ

Московского Городского Педагогическаго Института Библиотека

Digitized by Google

на себѣ всѣ добрые труженики по дѣлу церковной школы, коимъ, сверхъ другихъ препятствій, приходится бороться съ недовѣріемъ общества, искусно раздуваемымъ врагами ихъ дѣла.

Благодареніе Богу! Умножается число священниковъ, сбросившихъ съ себя всѣ эти позорныя путы, трудящихся безкорыстно и искренно, чистыхъ и сердцемъ и нравами. Многихъ вразумляютъ и совѣсть, и грозныя знаменія времени, и проснувшаяся въ темныхъ массахъ жажда свѣта, и неусыпныя заботы правительства о подъемѣ нашего бѣлаго духовенства. Привѣтъ имъ всѣмъ, и Божія помощь!

Но число ихъ все-таки слишкомъ мало. Пора нашему духовному юношеству сознать, что въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, къ великому таинству священства надлежитъ приступать во всеоружіи добрыхъ нравовъ и твердой воли, безкорыстія и правдивости. Требованія высокія, но высоки и цѣли, достижимыя совокупными усиліями людей, ставящихъ себѣ такія требованія.

Конечно, дѣятельность единичнаго труженика по народному образованію можетъ быть лишь каплей въ морѣ. Но изъ примѣра Знаменскихъ школъ видно, сколь драгоцѣнна можетъ быть эта капля. Укоренить добрымъ ученіемъ, хотя бы въ предѣлахъ одного прихода, всеобщее убѣжденіе въ желательности обученія поголовнаго — подвигъ скромный, но истинно добрый. Отражается онъ благодѣтельно и на всѣхъ школахъ окрестныхъ. Подвигъ этотъ можетъ быть совершенъ образованнымъ мірянином или мірянкой, живущими въ деревнѣ, проникнутыми духомъ истинно церковнымъ. Но само собою разумѣется, что разсчитывать на повсемѣстное появленіе подобныхъ дѣятелей было бы безуміемъ. Единственный путь, коимъ, волной широкою и благотворною, можетъ влиться въ наши темныя массы доступное имъ образованіе — повсемѣстная иниціатива въ этомъ дѣлѣ нашего сельскаго духовенства, въ коемъ никакія невзгоды не смогли искоренить духа истинной церковности, которое поголовно обладаетъ образованіемъ, достаточнымъ для руководства начальною школой.

Дѣло многотрудное и сложное. Для возбужденія такой иниціативы, повсемѣстной и искренней, нашего сельскаго духовенства, недостаетъ еще многихъ условій. Я уже указалъ на необходимость оздоровленія нашихъ духовно-учебныхъ заведеній. Предпринятое уже улучшеніе матеріальнаго положенія нашего духовенства принесетъ свои плоды, лишь когда обезпеченіе причтовъ

Digitized by Google

будетъ доведено до minimum'а, ставящаго ихъ въ независимость отъ платы за требы обязательныя. Школьное дѣло, руководимое священниками, можетъ процвѣтать лишь при постоянномъ, искреннемъ содѣйствіи, матеріальномъ и нравственномъ, образованныхъ и благочестивыхъ мірянъ, ибо священникамъ поручается школа не сословная, не духовная, а *церковная*, во всемъ широкомъ смыслѣ этого слова. Убѣдить наше образованное общество, умственно незрѣлое, нравственно распатанное, въ настоятельной необходимости размножать начальныя школы, дающія, сверхъ голой грамотности, тотъ хлѣбъ насущный, коего алчутъ темныя массы, безъ коего чахнутъ и самые высокіе умы, едва-ли не самая трудная сторона дѣла.

Но—вѣдь трудно всякое дѣло доброе. „Царство небесное нудится", и не только царство небесное въ смыслѣ спасенія личности, но и въ смыслѣ хотя-бы малѣйшаго отраженія небеснаго Царства въ дѣлахъ человѣческихъ, въ томъ числѣ и въ области начальнаго обученія. Остается только со смиреніемъ и вѣрой работать, не покладая рукъ, надъ этимъ сложнымъ и труднымъ дѣломъ, возлагающимъ неисчерпаемые труды и на людей государственныхъ и на каждаго извѣстнаго священника и клирика, на каждаго скромнаго учителя деревенской школки. На людей же мысли и слова оно возлагаетъ обязанность строгаго размышленія, сердечнаго участія, осторожнаго слова.

Началъ я мою бесѣду съ передачи простодушныхъ пожеланій Знаменскихъ прихожанъ. Окончу ее повтореніемъ этихъ пожеланій, въ формѣ нѣсколько измѣненной.

Дай Богъ, чтобы *никогда* не приходилось писать указовъ, обязующихъ безграмотныхъ родителей, подъ страхомъ наказаній, посылать въ школу своихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Но дай Богъ, чтобы плодились и множились школы, подобныя Знаменскимъ, школы, созданныя и разрастающіяся совмѣстными трудами мірянъ и духовенства, школы, соотвѣтствующія и высокимъ задачамъ, поставленнымъ имъ Верховною Властію, и темнымъ чаяніямъ народныхъ массъ; школы, убѣждающія и людей безграмотныхъ въ спасительности ученія, и потому самому вѣрнѣе ведущія къ обученію поголовному, истинному, а не мнимому, чѣмъ неисполнимыя попытки обученія принудительнаго.

С. Рачинскій.

Digitized by Google

ВЪ ДОРОГѢ.

Бѣлое поле, чуть видны селенья
Съ Божьими храмами въ снѣжной дали, —
Вотъ онъ очагъ и труда и терпѣнья
Русской великой земли...

Стойте-жь вы, крылья чудовищной птицы,
Стой, подожди, паровозъ:
Русской деревнѣ отъ русской столицы
Зѣмный поклонъ я привёзъ!

Анатолій Александровъ.

Digitized by Google

ОТХОЖІЕ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

ВВЕДЕНІЕ.

Опредѣленіе промысловъ крестьянъ.—Промыслы мѣстные и отхожіе.—Отхожіе не сельско-хозяйственные и сельско-хозяйственные.—Неустройство послѣднихъ въ настоящее время.—Возникновеніе отхожаго движенія сельскихъ рабочихъ въ существующемъ видѣ.—Возникновеніе вопроса о необходимости упорядоченія этого движенія.—Образованіе для сего особой Коммиссіи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

Вездѣ, гдѣ хозяйство русскаго крестьянина не даетъ ему необходимыхъ средствъ для существованія и уплаты повинностей, способомъ пополненія этого недостатка служатъ ему промыслы.

Промыслы бываютъ *мѣстными*, когда крестьяне находятъ заработокъ на мѣстѣ своего жительства, и *отхожими*, когда имъ приходится искать его вдали отъ дома.

Мѣстные промыслы можно раздѣлить на: 1) *сельско-хозяйственные* или близкіе къ сельскому хозяйству, когда крестьяне нанимаются въ сельскіе рабочіе къ сосѣднимъ помѣщикамъ или крестьянамъ, а также снимаютъ въ аренду по сосѣдству земли для обработки, или когда они занимаются гонкой смолы, дегтя, рубкой и возкой дровъ, рыбною ловлей, охотой; 2) *фабрично-заводскіе*, если крестьяне поступаютъ работниками на фабрики и заводы, находящіеся въ мѣстѣ ихъ жительства и 3) *кустарные*, когда они занимаются издѣліями преимущественно для крестьянскаго же обихода, продаваемыми на мѣстѣ или сбываемыми на ближніе и дальніе рынки.

Digitized by Google

Мѣстные промыслы распространены, можно сказать, повсемѣстно на территоріи Европейской Россіи, причемъ сельскохозяйственные, служа какъ-бы продолженіемъ собственнаго хозяйства крестьянъ, не могутъ подлежать никакому, хотя-бы самому отдаленному, учету. Мѣстные-же промыслы остальныхъ изъ указанныхъ выше категорій представляютъ собою болѣе удобное поле для изслѣдованій. Въ частности относительно кустарныхъ промысловъ нашихъ крестьянъ, начиная съ 50-хъ годовъ [1], уже предпринятъ рядъ систематическихъ изученій, приведшихъ къ образованію въ 1872 году при совѣтѣ Торговли и Мануфактуръ „Коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи". Эта Коммиссія уже нынѣ издала множество матеріаловъ по означенному вопросу, заключающихся въ „Трудахъ" Коммиссіи, коихъ первый томъ вышелъ въ 1879 году. Изъ мѣстныхъ промысловъ отчасти фабрично-заводскіе, а въ особенности кустарные—пополняютъ собою тотъ естественный досугъ, который для исключительно земледѣльческаго населенія, каковымъ является наше крестьянство, даетъ долгая и суровая наша зима.

Продолжительные зимніе мѣсяцы служатъ преимущественно временемъ для занятія сими промыслами, почему они и развиты въ особенности въ сѣверной полосѣ Россіи. Здѣсь въ этихъ мѣстныхъ промыслахъ у крестьянъ-промышленниковъ сохраняется связь и съ домомъ и съ обычнымъ земледѣльческимъ трудомъ, а также съ пользою въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи употребляется промежутокъ между періодами земледѣльческой работы.

Совершенно въ иныхъ условіяхъ поставлены отхожіе промыслы крестьянъ. Въ „отходъ" идутъ преимущественно люди лишніе, которымъ дома, вслѣдствіе разныхъ мѣстныхъ условій, дѣлать нечего и именно тогда нечего, когда совершается самый упорный и напряженный трудъ нашего земледѣльца—въ лѣтнюю страду. На зиму-же, то-есть на ту пору, когда вообще земледѣльцу дѣлать нечего, они возвращаются уже съ промысла домой.

Второе отличіе отхожихъ промысловъ отъ мѣстныхъ состоитъ именно въ необходимости этой временной отлучки изъ дома, въ

[1] Труды коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи.

Digitized by Google

пребываніи, въ теченіе иногда нѣсколькихъ мѣсяцевъ, среди совершенно чуждыхъ и по интересамъ, и по отношенію къ нимъ людей, для коихъ они служатъ только орудіемъ извлеченія извѣстныхъ выгодъ. Такая неестественность положенія отхожихъ рабочихъ объясняется тѣмъ, что они представляютъ собою невольную жертву и какъ-бы искупленіе исторически сложившейся неравномѣрности въ распредѣленіи населенія по лицу земли Русской.

Значеніе ихъ для государства огромно. Безъ отхожихъ промысловъ совершенно немыслима была-бы въ Россіи городская жизнь и многія отрасли частнаго, общественнаго и государственнаго хозяйства. Вліяніе ихъ на народную жизнь очень велико и многосторонне и проявляется не въ экономическихъ только, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ [1]. Размѣры отхожаго движенія рабочихъ весьма значительны: въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (напримѣръ, Ярославской) уходило на промыслы 14 и болѣе процентовъ всего населенія [2].

Отхожіе промыслы крестьянъ подраздѣляются на двѣ большія группы: а) сельско-хозяйственные и б) неимѣющіе непосредственной связи съ сельскимъ хозяйствомъ.

Къ послѣдней группѣ принадлежатъ всѣ уходящіе изъ деревень на заработки крестьяне, владѣющіе какимъ-нибудь особымъ мастерствомъ или ремесломъ (какъ, напримѣръ, плотники, столяры, маляры, каменьщики, штукатуры, шерстобиты и пр.), а также инымъ спеціальнымъ занятіемъ, напримѣръ, грабари, рыбаки, плотовщики и сплавщики лѣса, пильщики, коновалы, извощики, дворники, фабричные. Такіе отхожники иногда отправляются на свой промыселъ и по окончаніи полевыхъ работъ, если ихъ занятія такого рода, что могутъ производиться и въ зимніе мѣсяцы.

Большую часть отхожниковъ не сельско-хозяйственныхъ притягиваютъ столицы и вообще большіе города и крупные населенные центры, и сравнительно небольшой процентъ ихъ расходится по селамъ и отдѣльнымъ хозяйствамъ. Они въ большинствѣ случаевъ знаютъ, куда идутъ, и, владѣя спеціальнымъ

---

[1] „Къ вопросу объ упорядоченіи отхожихъ промысловъ". К. Н. *Русскія Вѣдомости* 1891 г. № 99.

[2] Отхожіе промыслы крестьянъ Ярославской губерніи. Ярославль. 1896 г. Изд. Губернск. Ст. Ком., стр. 1.

Digitized by Google

знаніемъ, не остаются въ массѣ безъ заработка [1], коего размѣръ вообще довольно изрядный, повидимому, установился довольно прочно, въ зависимости отъ свойствъ самаго мастерства или ремесла.

Наемъ такихъ рабочихъ производится обыкновенно заблаговременно подрядчиками, которые ставятъ ихъ на работы, причемъ къ мѣсту работы ихъ отправляютъ обыкновенно на счетъ нанимателей [2].

Съ постепенно усиливающимся ростомъ нашихъ городовъ увеличивается и потребность въ отхожихъ рабочихъ, владѣющихъ знаніемъ спеціальнаго дѣла, и движеніе крестьянъ на такіе заработки находится болѣе или менѣе въ соотвѣтствіи съ умножающимся на нихъ спросомъ. Конечно, и у такихъ отхожниковъ бываютъ неудачи, и они не всегда находятъ работу, а съ нею и необходимый заработокъ, ибо нигдѣ въ мірѣ не достигнуто полнаго равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ. Вообще нельзя не примѣтить, что наименьшую обезпеченность въ заработкѣ имѣютъ тѣ виды отхожихъ промысловъ, которые, отдаляясь отъ ремесла и вообще мастерства, приближаются къ безхитростному труду чернорабочаго. Такимъ напримѣръ, является промыселъ сплавщиковъ лѣса по рѣкамъ, который посему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (по рѣкѣ Днѣпру и его притокамъ) соединяется и съ промысломъ сельско-хозяйственнымъ.

Самымъ непрочнымъ и случайнымъ изъ всѣхъ видовъ крестьянскихъ заработковъ является отхожій промыселъ сельско-хозяйственный.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что сельско-хозяйственные рабочіе выходятъ почти исключительно изъ центральной полосы Европейской Россіи, въ которую входятъ губерніи: Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Нижегородская, Пензенская, Воронежская, Казанская, Симбирская, Харьковская, Полтавская, Кіевская, Подольская, Волынская, Черниговская. Эта полоса по самому богатству своей почвы естественно искони сосредоточивала весь крестьянскій трудъ на земледѣліи, чему значительно способствовало крѣпостное право.

---

[1] Отвѣты Вольному Экономическому Обществу Пронской и Сѣвской Управъ Рязанской губ., Павелковскаго Волост. писаря Балахн. уѣзд. Нижегородской губ.; Московскому Общ. Сел. Хоз. Предсѣдателя Роменской Упр. и Предсѣд. Дмитровской Упр.; помѣщика Лидерсъ.

[2] Отвѣты Уржумской Уѣзд. Упр. Вольному Экономическому Обществу; Предсѣдателя Дмитровской Упр. М-му О. С. Х.

Digitized by Google

Земледѣльческіе рабочіе изъ указанныхъ губерній ежегодно массами направляются въ южную и юго-восточную степную черноземную полосу, обильную пажитями, но бѣдную рабочей силой. Эту полосу можно раздѣлить на четыре района: 1) *Новороссія* съ губерніями Екатеринославской, Таврической, Херсонской и Бессарабской; 2) *Донскую область*; 3) *Заволжье*, съ губерніями Самарской, Оренбургской, Уфимской и областью Уральской; 4) *Предкавказье*, съ губерніей Ставропольской и областями Кубанской и Терской.

Вся производительность нашего юга сосредоточена преимущественно на сельскомъ хозяйствѣ и основанной на немъ промышленности. Представляя собою хлѣбороднѣйшую часть Россіи, истинную ея житницу, способную давать огромное количество хлѣба—наши южныя и юговосточныя губерніи и области не могутъ обойтись безъ труда пришлыхъ рабочихъ. Зависимость всякаго болѣе или менѣе значительнаго хозяйства—принадлежитъ ли оно помѣщику, крестьянину, казаку или колонисту—отъ приходящей рабочей силы такъ велика, что не будь притока ея хоть-бы въ теченіе одного лѣта и могло бы оказаться повсемѣстное банкротство южныхъ хозяйствъ [1]. Такое положеніе дѣла, въ виду тѣсной связи процвѣтанія земледѣлія съ государственнымъ бюджетомъ, ставитъ вопросъ о снабженіи юга рабочими на высоту первостепенныхъ государственныхъ задачъ. Съ другой стороны государство не менѣе заинтересовано и въ томъ, чтобы избытокъ населенія центральныхъ губерній, бременящій своихъ домашнихъ и односельчанъ, имѣлъ заработокъ достаточный для пропитанія и покрытія падающихъ на его долю государственныхъ повинностей и сборовъ. Гонимый крайнею нуждой, принадлежащій къ бѣднѣйшей части населенія [2], сельско-хозяйственный отхожій рабочій, въ поискахъ за необходимыми ему заработками, дѣлаетъ такимъ образомъ безсознательно государственное дѣло огромной важности, ибо только благодаря своему труду на чужой сторонѣ дастъ возможность нашему югу быть житницей Россіи. Если бы

[1] Херсонскій помѣщикъ Агарковъ въ отвѣтъ И. М. О. Сел. Хоз. на вопросъ о пришлыхъ рабочихъ, между прочимъ, говоритъ: „главное въ нашемъ хозяйствѣ—это рабочій вопросъ, у насъ рабочіе—всѣ пришлые, и мы, хозяева-наниматели, и все наше хозяйство положительно зависимъ отъ рабочихъ“.

[2] Протоколы засѣданій Соединненаго XII Тарифнаго и XXXVII Конвенціоннаго Общаго Съѣзда представителей русскихъ жел. дор. 1893 г. стр. 34.

Digitized by Google

по какимъ-либо обстоятельствамъ прекратилось движеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на югъ, то государству, въ видахъ экономическаго самосохраненія, пришлось бы его создавать искусственно и притомъ на льготныхъ и поощрительныхъ началахъ, на каковыхъ и происходило уже заселеніе части нашего юга пришлыми колонистами, преимущественно нѣмецкаго происхожденія.

Въ настоящее же время это столь настоятельно необходимое въ интересахъ не только нашего юга, но и всего государства, движеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ изъ центральныхъ черноземныхъ губерній на югъ и юго-востокъ, зачастую не удовлетворяетъ ни интересамъ южнаго хозяйства, ни интересамъ самихъ рабочихъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что кромѣ своей необезпеченности въ матеріальномъ отношеніи сельско-хозяйственный отхожій рабочій является еще необезпеченнымъ и въ смыслѣ незнакомства въ массѣ ни съ какимъ другимъ дѣломъ, кромѣ земледѣльческаго, что̀ ставитъ его въ прямую зависимость отъ нахожденія заработка только въ южныхъ хозяйствахъ. Такіе необезпеченные въ своей матеріальной и рабочей силѣ сельско-хозяйственные отхожники оказываются вполнѣ необезпеченными и увѣренностью (даже просто вѣроятіемъ), что есть дѣйствительно требованіе на трудъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда они идутъ. Отправляются сельско-хозяйственные рабочіе ежегодно по проторенным путямъ на обычныя мѣста найма—„на авось“, не имѣя обыкновенно никакихъ свѣдѣній ни объ урожаѣ въ привычныхъ мѣстахъ спроса, ни о размѣрахъ потребности рабочихъ. Основаніемъ же направленія движенія служатъ обыкновенно—примѣры прошлогодняго заработка или особыя свойственныя крестьянскому быту примѣты, напр. увѣренность, что послѣ абсолютнаго неурожая въ данной мѣстности долженъ быть непремѣнно великолѣпный урожай. Этой слѣпой увѣренности даже не въ силахъ побѣдить горькій опытъ, который ясно показываетъ, что урожайные годы далеко не чередуются съ неурожайными. При сознаніи своей необезпеченности и стремленіи заработать какъ можно больше, развивается у такихъ отхожниковъ страстная довѣрчивость ко всякимъ слухамъ и особливо печатнымъ извѣстіямъ, сулящимъ въ той или другой мѣстности баснословные заработки. Въ такихъ случаяхъ движеніе рабочихъ въ отходъ иногда оказывается чрезмѣрнымъ, такъ что уходятъ не только лишніе, но даже необходимые для мѣстныхъ нуждъ рабочіе, ставя мѣстныхъ хозяевъ—нанимателей въ критическое положеніе,

Digitized by Google

причемъ послѣднимъ приходится обращаться къ найму рабочихъ изъ другихъ губерній по довольно высокой цѣнѣ". [1]

При такихъ условіяхъ,—неудержимо стремящіеся на югъ рабочіе попадаютъ въ мѣстность, гдѣ работа ихъ, въ противоположность отхожникамъ-ремесленникамъ и мастеровымъ, должна происходить *вдали отъ людныхъ центровъ*, въ глубинѣ степи, въ отдѣльныхъ хозяйствахъ. Куда идти, въ какой сторонѣ имъ выгоднѣе работать и хозяевамъ необходимѣе ихъ трудъ? Этихъ вопросовъ разрѣшить сами рабочіе не въ силахъ, ибо у нихъ нѣтъ своихъ организованныхъ агентуръ, а владѣльцы не приходятъ къ нимъ на помощь, устройствомъ какихъ-либо справочныхъ по этой части учрежденій. Правда, практика установила какъ бы нѣкоторый средній путь въ духѣ народномъ,—это такъ-называемые „рынки найма", то-есть рабочіе базары, происходящіе въ особенно населенныхъ центрахъ, расположенныхъ на пути движенія рабочихъ. Сюда, навстрѣчу приходящимъ рабочимъ, спѣшатъ прибыть изъ разсѣянныхъ въ глубинѣ степи экономій сами хозяева или ихъ управляющіе и прикащики, чтобъ запастись необходимою рабочею силой для лѣтнихъ работъ.

Но тутъ ждутъ рабочаго и хозяина всевозможныя случайности: то рабочихъ прибыло на рынокъ слишкомъ много, сравнительно со спросомъ на нихъ, и большинство ихъ должно идти дальше искать счастья на слѣдующемъ рынкѣ, на которомъ ихъ можетъ ожидать подобная же неудача, то рабочіе, перехваченные въ другихъ мѣстахъ, пришли на рынокъ въ слишкомъ недостаточномъ числѣ, да еще, понимая, что они крайне нужны для хозяевъ, начинаютъ къ тому же запрашивать съ нихъ непомѣрно высокія цѣны за работы,—и хозяева въ отчаяніи и въ тревогѣ отъ перспективы огромныхъ потерь.

Иногда рядомъ въ двухъ сосѣднихъ мѣстностяхъ — въ одной недородъ, а въ другой урожай. Рабочіе, находившіе въ первой мало нанимателей, подъ впечатлѣніемъ слуха объ огромномъ урожаѣ въ сосѣдней мѣстности, чрезмѣрно подымаютъ цѣну на трудъ и спѣшатъ всею массой въ урожайную мѣстность, сильно

---

[1] Сельско-хозяйст. и Статист. свѣдѣнія по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Выпускъ V-й. Вольнонаемный трудъ въ хозяйствахъ владѣльческихъ и передвиженіе рабочихъ, въ связи съ статистико-экономическимъ обзоромъ Европейской Россіи въ сельско-хозяйственномъ и промышленномъ отношеніяхъ. Составилъ С. А. Короленко. Изд. Департ. Земл. и Сел. Пром. стр. 82.

Digitized by Google

понижая тамъ цѣну на работы и лишая мѣсто первоначальнаго прибытія того количества рукъ, которое было необходимо. Рабочіе также питаютъ увѣренность, что чѣмъ дальше идти, тѣмъ заработокъ будетъ лучше, потому очень часто бываетъ, что они минуютъ мѣсто большаго спроса на сельскій трудъ и остаются безъ заработка, а хозяева при сильномъ движеніи рабочихъ въ предѣлахъ своихъ экономій остаются безъ рабочихъ рукъ.

При данныхъ условіяхъ неурожай на югѣ безусловно гибеленъ для пришлыхъ рабочихъ. Тутъ-то и начинаются эти тяжкія скитанія рабочаго въ погонѣ за работою, о которыхъ столь много говорилось и въ печати и въ земскихъ собраніяхъ, а также и въ ученыхъ сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ обществахъ. Истративъ на дорогу и на странствія по рынкамъ и экономіямъ всѣ свои скудныя средства, иногда „прохарчивъ“ даже часть своей одежды, [1] голодные рабочіе толпами скопляются въ населенныхъ центрахъ, на большихъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, представляя изъ себя горючій матеріалъ, способный воспламениться для всякаго насилія и воспламенявшійся уже неоднократно до необходимости прекращенія буйства военною силой. Въ такіе годы пришлымъ сельско-хозяйственнымъ рабочимъ приходится или Христовымъ именемъ пробираться обратно безъ копѣйки заработка, или же служить и работать только за одни харчи или же быть высылаемымъ на родину по этапу.

Само собою разумѣется, что возвратившись на родину, рабочіе становятся непосильною обузой для своихъ домашнихъ, ибо, вмѣсто того, чтобы сдѣлать вкладъ въ скудный достатокъ своихъ семей, они отняли у нихъ и тѣ средства, которыя были ими растрачены въ погонѣ за работою.

Въ урожайные годы—другая бѣда: съ рабочими зачастую сладу нѣтъ, особенно если они приходятъ въ меньшемъ противъ потребности числѣ. Они становятся непомѣрно требовательными. Требованія удвоенія, учетверенія и даже удесятеренія платы,—явленія самыя обыкновенныя. Такъ, напримѣръ, въ 1888 году при маломъ наплывѣ рабочихъ на югѣ цѣны на нихъ во время уборки повышались до 4—5 руб. въ сутки одному работнику и до 7 руб. парѣ, то-есть мужчинѣ и женщинѣ. [2] Такія непомѣрныя повышенія заработной платы сельско-хозяйственному рабочему неблагопріятно отзываются не только на сельскомъ хозяйствѣ, но и

[1] Отвѣтъ изъ Бузинскаго уѣзда, Симбирской губерніи.

[2] Проектъ снабженія юга Россіи рабочими Ѳ. Баталина, стр. 1.

Digitized by Google

на остальныхъ отрасляхъ промышленности, такъ какъ повышеніе заработной платы въ одномъ случаѣ ведетъ къ требованію повышенія ея и въ другихъ. Разъ косарь получаетъ 3—5 руб. въ день, то и маляръ, столяръ, плотникъ и всякій другой рабочій требуетъ такую же плату. Такое ни съ чѣмъ несообразное повышеніе заработной платы вноситъ почти смуту въ населеніе на югѣ Россіи: пастухи, конюхи, кухарки и разные другіе дворовые рабочіе бросаютъ свои занятія и бѣгутъ изъ хозяйствъ владѣльческихъ. Но этимъ еще дѣло не ограничивается, и смута проникаетъ во всѣ отрасли промышленности и даже въ города, такъ какъ въ такіе годы не только рабочіе съ заводовъ, фабрикъ и т. д., но даже прислуга и торговые люди изъ городовъ бѣгутъ въ степи, чтобы участвовать въ этомъ торжествѣ произвола рабочихъ. [1]

Такимъ образомъ настоящее неупорядоченное движеніе отхожихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ не удовлетворяетъ важной государственной потребности, которой, такъ-сказать, ощупью и безсознательно служитъ—быть средствомъ къ тому, чтобы сгладить неравномѣрность въ распредѣленіи въ странѣ населенія, давая возможность избытку рабочихъ изъ мѣстностей густо населенныхъ найти себѣ вѣрный заработокъ въ мѣстахъ слабо населенныхъ, и въ то же время послѣднимъ предоставить необходимое количество рабочихъ. Напротивъ, теперь не обезпеченъ ни наниматель, ни рабочій, и является неравномѣрность въ распредѣленіи по отдѣльнымъ нуждающимся въ рабочихъ мѣстностямъ прибывающей рабочей силы и несправедливость въ огромныхъ колебаніяхъ по отдѣльнымъ экономіямъ заработка за одинъ и тотъ же трудъ. Кромѣ того, не представляя хозяевамъ юга вполнѣ надежнаго элемента для успѣшнаго веденія хозяйства, отхожіе промыслы не остаются, при теперешнемъ своемъ положеніи, безъ вреднаго и деморализующаго вліянія на самихъ рабочихъ: пріобрѣтается привычка къ бродячей жизни и легкое отношеніе къ ней, къ извѣстному риску. Но еще пагубнѣе отзываются эти промыслы на подросткахъ, въ особенности на молодыхъ дѣвушкахъ, которыя вдали отъ надзора родителей почти поголовно падаютъ въ нравственности, а мальчики пріучаются къ пьянству и разгулу. При этомъ настоящимъ бичемъ являются дурныя болѣзни, заразившись которыми, парни и дѣвки по возвращеніи домой, заражаютъ своихъ односельчанъ.

[1] Сельск.-хозяйст. и статист. свѣдѣнія, стр. 88.

Digitized by Google

Такое ненормальное положеніе дѣла выдвигаетъ вопросъ объ упорядоченіи движенія рабочихъ изъ центральныхъ губерній Россіи въ южныя и юго-восточныя губерніи и области на сельско-хозяйственные заработки—на первую очередь изъ общаго вопроса о другихъ видахъ отхожаго промысла. Упорядоченіе промысла сельско-хозяйственныхъ отхожниковъ тѣмъ болѣе благовременно, что самый этотъ промыселъ своимъ возникновеніемъ въ томъ видѣ и тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ происходитъ, принадлежитъ къ послѣднимъ десятилѣтіямъ настоящаго времени. Можно сказать, что его породило освобожденіе крестьянъ и воспитало и пріумножило проведеніе желѣзныхъ дорогъ. Въ до-реформенное время помѣщики были озабочены въ силу статьи 1107 IX т. Св. Зак. (по которой помѣщичьи крестьяне отбирались въ казенное вѣдомство, если у помѣщика при нихъ оставалось на душу мужскаго пола менѣе 4½ десятины земли) переселеніемъ избытка крестьянъ въ другія слабонаселенныя мѣста, для чего ими покупались пустопорожнія земли. Съ освобожденіемъ крестьянъ сами собою прекратились заботы о переселеніи избытка населенія изъ мѣстностей, гдѣ онъ оказывался. Крестьяне же самостоятельно хотя и продолжали выселяться, но далеко не въ достаточномъ количествѣ и главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что при полной дезорганизаціи переселенческаго дѣла многіе переселенцы испытывали большія неудачи, довольно часто кончавшіяся полнымъ разореніемъ и возвращеніемъ Христовымъ именемъ на родину [1]. Между тѣмъ естественный приростъ сельскаго населенія заставлялъ лишнихъ людей искать выхода изъ затруднительнаго матеріальнаго положенія хотя во временныхъ заработкахъ. Такіе заработки открылись почти сразу и притомъ въ поразительныхъ размѣрахъ. Какъ только нашъ югъ прорѣзали возникавшія быстро одна за другою желѣзныя дороги, явился спросъ на хлѣбъ, который достигъ цѣны небывалой до того времени. Въ южно-русскихъ степяхъ цѣлина все болѣе и болѣе исчезала и смѣнялась посѣвами пшеницы, ржи и льна. [2] Цѣнность земли стала непомѣрно возвышаться и въ теченіе десяти лѣтъ возросла въ десять разъ противу прежняго. Началось азартное пшеничное хозяйство, осыпавшее въ первые годы предпріимчивыхъ людей золотомъ. При

[1] Короленко 82. „Сельск. Хов. и Ст. Свѣд."
[2] „Русск. Вѣд.", 1895, № 145.

Digitized by Google

стоимости земли въ 15—20 руб. за десятину при ничтожной арендной платѣ, пшеница, дававшая баснословные урожаи, продавалась по 12—15 руб. за четверть. Южно-русское хозяйство, дотолѣ державшееся на овцеводствѣ, сразу приняло другое направленіе. Хозяева принялись прежде всего за сплошную распашку и засѣвъ степи. Сильное и быстрое развитіе хлѣбопашества, чрезмѣрныя, непосильныя запашки вызвали потребность въ огромномъ количествѣ рабочихъ рукъ, которыхъ край самъ по себѣ доставить не могъ. Такимъ образомъ сельско-хозяйственный рабочій изъ средней черноземной полосы былъ до извѣстной степени искусственно приманенъ на югъ внезапностью требованій, а также огромными заработками, надолго его соблазнившими возможностью своихъ повтореній.

Необходимость организаціи движенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ сознавалась Правительствомъ, которое сдѣлало на встрѣчу этой потребности нѣсколько шаговъ въ 1888—1889 гг. 13 октября 1888 г. министръ Финансовъ обратился къ министру Внутреннихъ Дѣлъ съ отношеніемъ (№ 2210) въ коемъ сообщалъ, что въ Министерствѣ Финансовъ имѣются указанія лицъ, изучавшихъ условія хозяйства степныхъ губерній,—на бѣдствія, претерпѣваемыя весьма часто партіями рабочихъ, ежегодно отправляющихся на лѣтніе земледѣльческіе заработки изъ густо населенныхъ мѣстностей центральныхъ губерній въ многоземельныя степныя губерніи. Рабочіе эти въ большинствѣ случаевъ выбираютъ направленіе пути на-удачу, не зная, гдѣ они найдутъ работу и по какой цѣнѣ, а вслѣдствіе этого нерѣдко скопляются въ большомъ числѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ они не нужны, въ то время какъ въ другихъ мѣстностяхъ, наоборотъ, ощущается чрезвычайный недостатокъ рабочихъ рукъ, крайне разорительно вліяющій на хозяйство частныхъ землевладѣльцевъ. Устраненіе этого зла представляется весьма желательнымъ, но принятіе какихъ-либо положительныхъ мѣръ по этому предмету требуетъ, по мнѣнію министра Финансовъ, предварительнаго сообразованія ихъ съ хозяйственными особенностями тѣхъ мѣстностей, въ которыя движеніе земледѣльцевъ-рабочихъ преимущественно направляется. Въ виду этого министръ Финансовъ полагалъ бы полезнымъ, предварительно какихъ-либо мѣропріятій по этому дѣлу, предложить обсужденію на первый разъ уѣздныхъ земскихъ собраній двухъ степныхъ губерній—Самарской и Екатеринославской вопросъ о томъ, какія мѣры могли бы быть приняты со стороны земства

Digitized by Google

и правительственныхъ учрежденій къ достиженію правильнаго распредѣленія отправляющихся въ отходъ земледѣльческихъ рабочихъ между различными мѣстностями, соразмѣрно существующему на нихъ въ каждой мѣстности спросу.

Къ мнѣнію министра Финансовъ о необходимости предложить вопросъ объ упорядоченіи рабочаго движенія на обсужденіе земствъ указанныхъ двухъ степныхъ губерній присоединился и министръ Государственныхъ Имуществъ,[1] который, съ своей стороны, признавалъ не безполезнымъ получить по этому дѣлу заключенія также и земствъ нѣкоторыхъ центральныхъ губерній, каковы, напримѣръ, Полтавская и Курская.—Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, найдя полезнымъ обсужденіе подлежащими земскими учрежденіями вопроса о мѣрахъ къ упорядоченію движенія рабочихъ партій, ежегодно отправляющихся на лѣтніе земледѣльческіе заработки изъ центральныхъ губерній въ степныя, обратилось къ губернаторамъ Екатеринославскому, Полтавскому и Курскому съ предложеніемъ — передать настоящій вопросъ на обсужденіе подлежащихъ земскихъ собраній. Въ началѣ 1890 года поступили въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ отзывы земскихъ учрежденій.[2] Одновременно съ приведенною перепиской въ правительственныхъ вѣдомствахъ, въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ тоже возникъ вопросъ объ изученіи существующихъ условій найма отхожихъ рабочихъ и о мѣрахъ къ урегулированію ихъ движенія. Для сего при II Отдѣленіи Общества была образована, подъ предсѣдательствомъ г. Богушевича, въ 1889 году особая коммиссія по вопросу объ отхожихъ рабочихъ. Приступивъ къ дѣлу и находя необходимымъ, для всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, собрать достаточно полныя и компетентныя указанія со стороны учрежденій и лицъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ удовлетворительномъ разрѣшеніи вопроса объ отхожихъ рабочихъ, коммиссія обратилась съ программой вопросовъ объ условіяхъ найма сельскихъ рабочихъ и мѣрахъ для урегулированія ихъ движенія къ сельско-хозяйственнымъ обществамъ, земскимъ управамъ и тѣмъ хозяевамъ и дѣятелямъ, которые могли бы помочь желательному разрѣшенію задачи коммиссіи. Черезъ

[1] Отношеніе министра Финансовъ къ министру Внутреннихъ Дѣлъ отъ 31-го октября 1888 года, № 2.299.

[2] Эти отзывы войдутъ въ матеріалъ настоящаго обзора отхожихъ промысловъ.

Digitized by Google

Сельскій Вѣстникъ коммиссія пригласила отозваться на вопросъ и волостныхъ писарей. На эту программу не замедлили откликнуться свѣдущіе голоса со всѣхъ концовъ Россіи. Коммиссіей было получено 130 отвѣтовъ, изъ коихъ 49 упадаетъ на долю земствъ, 20 частныхъ лицъ и 61 отвѣтъ послѣдовалъ отъ волостныхъ писарей.

Этотъ матеріалъ также имѣлся въ виду при составленіи настоящаго обзора.

Затѣмъ вопросъ объ отхожихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ подвергался обсужденію въ 1889 и 1890 годахъ въ Донскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, преимущественно въ примѣненіи къ Донской области, и въ 1893 году въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, гдѣ онъ разсматривался съ принципіальной точки зрѣнія. Московское Общество выработало программу вопросовъ по движенію рабочихъ на югъ и разослало лѣтомъ 1893 г. въ земскія управы, къ земскимъ начальникамъ и частнымъ лицамъ. Отвѣтовъ получено было свыше 70. Сводъ этимъ отвѣтамъ былъ напечатанъ въ „Трудахъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства“ вып. XXXVII, 1894 года. [1]

Но вопросъ объ упорядоченіи движенія отхожихъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ на лѣтніе заработки не только возбуждалъ теоретическій интересъ, но вызывалъ и нѣкоторыя отдѣльныя попытки къ организаціи на практикѣ. Главнѣйшія изъ этихъ попытокъ были сдѣланы въ 1874—1875 годахъ Сызранскимъ земствомъ Симбирской губерніи, въ 1875 г. Ростовскою и Маріупольскою уѣздными земскими управами Екатеринославской губерніи, въ 1886 году Александровскою земскою управой той же губерніи. Эти попытки организаціи движенія рабочихъ, о коихъ будетъ подробно изложено на своемъ мѣстѣ, кончились полнѣйшею неудачей, всегда сопровождающею частный починъ въ рѣшеніи вопросовъ, которое подъ силу только правительственной власти.

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи служебной переписки вѣдомствъ, принципіальнаго интереса экономическихъ обществъ и безрезультатныхъ попытокъ организаціи со стороны отдѣльныхъ земствъ находился вопросъ объ упорядоченіи движенія отхожихъ рабочихъ на лѣтніе заработки до 1893 года, когда

[1] Всѣ эти отвѣты были любезно предоставлены въ наше пользованіе г. президентомъ Импер. Моск. Общ. Сельск. Хоз. кн. А. Г. Щербатовымъ.

Digitized by Google

Его Императорскому Величеству благоугодно было обратить на это дѣло свое Монаршее вниманіе.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за столь несчастный для русскаго сельскаго хозяйства 1892 годъ орловскій губернаторъ удѣлилъ нѣсколько строкъ вопросу объ отхожихъ заработкахъ крестьянъ. „Отправляясь на сторонніе заработки, писалъ онъ, крестьяне либо идутъ на-угадъ и зачастую, попадая въ такія мѣстности, гдѣ въ ихъ работѣ не представляется надобности, возвращаются домой, не принося никакого заработка, либо идутъ въ слишкомъ большомъ числѣ на одну и ту же работу, которая была выгодна для первой отправлявшейся партіи и становится чуть-ли не нищенскимъ промысломъ для послѣдующихъ.

„Въ этомъ вопросѣ весьма важномъ, смѣю думать, являлась-бы болѣе живая и правильная дѣятельность земскихъ исполнительныхъ органовъ, какъ въ мѣстахъ спроса рабочихъ, такъ и въ мѣстахъ предложенія.

„Если-бы земскія управы тѣхъ обширныхъ мѣстностей, гдѣ является потребность въ рабочей силѣ, своевременно предупреждали о семъ земскія управы густо-населенныхъ и мало-земельныхъ уѣздовъ, сіи послѣднія могли-бы правильно организовать партіи рабочихъ и направлять ихъ въ данную мѣстность въ твердой увѣренности, что они не только прокормятся, но и вернутся съ хорошими заработками.

„Такая дѣятельность земствъ была-бы болѣе цѣлесообразна и попечительна, чѣмъ постоянное испрашиваніе отъ правительства пособій на прокормленіе населенія, причемъ эти пособія не могутъ быть достаточными для полной поддержки ими народа, а часто повторяемыя, могутъ имѣть весьма нежелательное развращающее вліяніе“.

На приведенныя выше строки, касающіяся важности „болѣе живой и правильной дѣятельности земскихъ исполнительныхъ органовъ“, послѣдовала собственноручная отмѣтка Государя Императора: „Это было-бы хорошо“.

Г. министръ Внутреннихъ Дѣлъ, въ исполненіе сей Высочайшей воли, въ виду сложности и полной неразработанности вопроса объ отхожемъ движеніи крестьянъ на лѣтніе заработки, призналъ необходимымъ образовать 27 мая 1894 года для разсмотрѣнія вопроса объ упорядоченіи отхожихъ промысловъ особую при земскомъ отдѣлѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ коммиссію подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министра тайнаго совѣтника Звегинцова.

Digitized by Google

I.

Губерніи, изъ коихъ уходятъ сельско-хозяйственные рабочіе.

Опредѣленіе размѣра отхожаго движенія: а) по даннымъ Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности и б) по свѣдѣніямъ о количествѣ выданныхъ въ 1891 году паспортовъ. Причины ухода рабочихъ: а) малоземелье, б) слабое развитіе внѣземледѣльческихъ занятій, в) низкія мѣстныя цѣны на земледѣльческій трудъ, г) высокія арендныя цѣны на землю, д) мѣстами плохія свойства почвы, е) нѣсколько неурожаевъ подрядъ, ж) по мѣстамъ дальность рынковъ и затруднительность сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, з) стихійное и стадное чувство, и) рискъ, к) довѣрчивость къ слухамъ объ урожаѣ, л) заработокъ денегъ на приданое (чигиринскія дѣвушки), м) бродяжническіе инстинкты. Чрезмѣрность движенія

Районъ, изъ котораго идутъ въ отходъ сельско-хозяйственные рабочіе на югъ, заключаетъ въ себѣ, какъ уже сказано, губерніи: Курскую, Орловскую, Тульскую, Рязанскую, Нижегородскую, Пензенскую, Воронежскую, Казанскую, Симбирскую, Харьковскую, Полтавскую, Кіевскую, Подольскую, Волынскую и Черниговскую. Онъ на сѣверѣ граничитъ съ сѣвернымъ предѣломъ чернозема, на югѣ съ началомъ степной черноземной полосы, на западѣ онъ прилегаетъ къ Галиціи и Сѣверо-Западному краю, а на востокѣ упирается въ Волгу. Вообще можно сказать, что передвиженіе сельскихъ рабочихъ происходитъ почти исключительно въ предѣлахъ черноземной полосы [1].

Опредѣлить сколько-нибудь точно размѣры этого движенія не представляется возможнымъ при совершаемыхъ нынѣ первыхъ шагахъ въ изслѣдованіи вопроса объ отхожихъ земледѣльцахъ. Если-бы существовалъ опросъ уходящихъ рабочихъ въ губерніяхъ, ихъ отпускающихъ, съ выдѣленіемъ въ особую группу идущихъ на лѣтнія сельско-хозяйственныя работы, то представлялась-бы возможность путемъ сложенія добыть не только достовѣрную цифру всего движенія, но и численность его по отдѣльнымъ губерніямъ, уѣздамъ и даже волостямъ. Нынѣ такой статистики въ губерніяхъ, отпускающихъ рабочихъ, не ведется. Только Харьковскій губернскій статистическій комитетъ вмѣстѣ

[1] Чаславскій. „Земледѣльческіе отхожіе промыслы, въ связи съ переселеніемъ крестьянъ". Сборникъ Государственныхъ Знаній. II т. 1875 г. стр. 183.

Digitized by Google

съ Харьковскимъ обществомъ сельскаго хозяйства [1] выработали программу изслѣдованія отхожихъ промысловъ для полученія свѣдѣній отъ волостныхъ правленій, мѣщанскихъ и городскихъ управъ о рабочихъ, уходящихъ на далекіе заработки [2].

Теперь-же отдѣльные изслѣдователи пытаются рѣшить вопросъ объ избыткѣ рабочихъ рукъ въ районѣ выхода рабочихъ путемъ теоретическимъ. Такъ, въ выпускѣ V „Сельско-хозяйственныхъ и статистическихъ свѣдѣній по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ", изданія Департамента Земледѣлія и Сельской промышленности, составитель его С. А. Короленко подходитъ къ опредѣленію числа лишнихъ рабочихъ путемъ предварительнаго изслѣдованія вопросовъ: 1) объ установленіи нормальнаго отношенія между числомъ сельскихъ жителей и количествомъ удобныхъ земель и 2) объ установленіи нормальнаго отношенія между площадью посѣвовъ и количествомъ необходимыхъ рабочихъ для ея обработки. Для рѣшенія перваго вопроса оказалось необходимымъ опредѣлить численный составъ средней крестьянской семьи и размѣръ ея рабочихъ силъ. На основаніи ряда соображеній, а также данныхъ научныхъ изслѣдованій въ Европейскихъ государствахъ, г. Короленко признаетъ средній составъ крестьянской семьи равнымъ 6 душамъ обоего пола, при трехъ взрослыхъ рабочихъ. Этотъ выводъ подтверждается и данными земской статистики нѣкоторыхъ губерній. Въ 123 уѣздахъ земская перепись зарегистрировала семейный составъ

[1] „Къ вопросу объ организаціи статистики отхожихъ земледѣльческихъ промысловъ". М. Н. Соболевъ. Докладъ, читанный въ статистическомъ отдѣленіи Московскаго юридич. общ. 22 ноября 1895 года.

[2] Первая солидная попытка къ регистраціи отхожихъ рабочихъ была сдѣлана Херсонскимъ земствомъ, которое съ 1892 года пріурочило собираніе статистическихъ данныхъ о движеніи рабочихъ въ предѣлахъ Херсонск. губ. къ открытымъ съ этого времени по губерніи врачебно-продовольственнымъ пунктамъ, число коихъ въ 1895 году достигло 17. На практикѣ выяснились уже слѣдующіе недостатки этой регистраціи: 1) она не охватываетъ всѣхъ рабочихъ, такъ какъ часть ихъ или совсѣмъ минуетъ врач.-продов. пунктъ или не попадается на глаза завѣдующимъ пунктомъ, 2) при отсутствіи записи имени и фамиліи лица нельзя составить вѣрнаго итога пришлыхъ рабочихъ, 3) занесеніе свѣдѣній о рабочихъ на артельныя карточки является нецѣлесообразнымъ, главнымъ образомъ потому, что артель далеко не всегда составляется изъ односельчанъ, 4) свѣдѣнія въ карточкахъ рабочихъ партій не согласованы со свѣдѣніями карточекъ обѣдающихъ, не могутъ быть объединены въ общіе итоги и не могутъ служить другъ другу пополненіемъ и исправленіемъ. (Тамъ же).

Digitized by Google

2.983.733 крестьянскихъ дворовъ. Въ этихъ дворахъ насчитывается 8.945.770 мужчинъ и 9.050.547 женщинъ, а всего 17.996.317 душъ обоего пола. Такимъ образомъ въ среднемъ на крестьянскую семью, по исчисленію земской статистики, приходится ровно шесть душъ [1]. Предѣломъ семейнаго участка для обработки силами одной семьи г. Короленко принимаетъ 15 десятинъ, что̀ составляетъ на одну рабочую душу 5 десятинъ, то-есть на $^1/_2$ десятины больше того размѣра, который въ дореформенное время для помѣщичьихъ крестьянъ былъ предусмотрѣнъ ст. 1107 т. IX Св. Зак. изд. 1857 г. или 2,5 десятинъ вообще на душу обоего пола.

Что касается до вопроса объ установленіи нормальнаго отношенія между площадью посѣвовъ и количествомъ необходимыхъ рабочихъ для ея обработки, то на основаніи „цѣлой массы вычисленій и сопоставленій“, г. Короленко получилъ въ результатѣ цифру 7, означающую среднее число десятинъ подъ посѣвами на всякаго рода владѣніяхъ, которые соотвѣтствуютъ рабочей силѣ средней семьи или по $2^1/_3$ десятинъ посѣва въ среднемъ на одного рабочаго. Чтобы затѣмъ вычислить число лишнихъ рабочихъ въ губерніяхъ, отпускающихъ земледѣльцевъ, слѣдуетъ опредѣлить прежде всего дѣйствительный средній размѣръ крестьянскаго надѣла на семью и сопоставить его съ исчисленнымъ нормальнымъ надѣломъ въ 15 десятинъ. По произведенному въ упомянутомъ изданіи Департамента Земледѣлія и Сельской промышленности вычисленію оказалось, что средній размѣръ существующаго крестьянскаго надѣла на семью въ 6 душъ обоего пола въ районѣ отпуска рабочихъ колеблется между 4 (Кіевская, Подольская) и 10 десятинами (Рязанская, Саратовская), причемъ во многихъ губерніяхъ сего района средній размѣръ надѣла не многимъ превышаетъ 6 десятинъ (Волынская, Черниговская, Орловская, Тульская, Рязанская, Симбирская). Но при этой скудости надѣльной земли крестьяне имѣютъ источникъ для сельско-хозяйственныхъ заработковъ на мѣстѣ. Рядомъ съ крестьянскою землей существуютъ земли частновладѣльческія, государственныя и удѣльныя. Всѣ онѣ могутъ быть обрабатываемы не иначе, какъ помощью труда мѣстныхъ крестьянъ въ соотвѣтствіе его рабочей силѣ, опредѣленной въ $2^1/_3$ десятины

[1] Поземельныя задачи А. З. Слонимскаго. *Вѣстникъ Европы* 1894 года. Августъ, стр. 835—836.

Digitized by Google

на одного работника. При дѣленіи остальныхъ удобныхъ земель, кромѣ крестьянской, на $2^1/_2$ получается количество рабочихъ рукъ, которыя къ нимъ будутъ постоянно прикованы. Такимъ образомъ на одну крестьянскую семью въ 6 душъ приходится теперь удобной земли вообще отъ 9 (Полтавская, Кіевская, Подольская) до 14 десятинъ (Волынская), причемъ преобладающій размѣръ составляетъ 11—12 десятинъ (Курская, Черниговская, Орловская, Тамбовская, Тульская, Рязанская, Казанская, Симбирская).

Какъ оказалось, ни въ одной изъ губерній разсматриваемаго района количество существующей удобной земли не соотвѣтствуетъ тому количеству, которое необходимо для содержанія нормальной крестьянской семьи въ 6 душъ обоего пола. Остающійся излишекъ рабочихъ, за вычетомъ того количества рукъ, которое потребно для занятія—фабрично-заводскимъ и кустарнымъ промыслами а также и для обработки культурныхъ растеній, требующихъ особаго ухода (табакъ, свекла, кукуруза, картофель), по исчисленію г. Короленко выражается въ слѣдующихъ цыфрахъ:

Губерніи:	Воронежская	110.909
„	Харьковская	129.715
„	Полтавская	258.082
„	Кіевская	281.065
„	Подольская	115.940
„	Волынская	111.312
„	Курская	141.848
„	Орловская	109.610
„	Тульская	50.222
„	Тамбовская	168.098
„	Черниговская	172.379
„	Рязанская	217.612
„	Пензенская	43.655
„	Казанская	147.574
„	Симбирская	86.232
„	Нижегородская	139.180

Общая цыфра лишнихъ рабочихъ рукъ, которыя должны искать себѣ заработковъ на сторонѣ, достигаетъ по этому разсчету 2,233.533.

Digitized by Google

Есть одна цыфра, правда приблизительная, которая поможетъ провѣрить исчисленное г. Короленко количество избытка населенія центральныхъ губерній—это цыфра выданныхъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ района выхода рабочихъ въ 1891 году паспортовъ. Свѣдѣніе это приведено въ „Запискѣ объ отходѣ рабочихъ на земледѣльческіе заработки въ южныя степныя губерніи", составленной тарифнымъ отдѣломъ общаго съѣзда представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ на основаніи данныхъ земской статистики и другихъ источниковъ.

Согласно запискѣ количество выданныхъ въ 1891 г. паспортовъ и билетовъ составляло:

Губерніи.	Одно-мѣс.	3-хъ мѣс.	½ год.	Годов.	Всего.	Г. Короленко.
Подольская	60.360	4.175	17.610	26.140	108.285	115.940
Кіевская.....	118.830	8.820	31.900	31.940	101.490	281.065
Полтавская	102.900	17.070	29.570	23.480	173.020	258.082
Черниговская ...	58.070	11.280	39.560	24.630	134.140	172.379
Харьковская. ...	96.360	14.770	24.240	21.910	157.280	129.715
Воронежская. ...	130.550	11.150	26.800	24.000	192.500	110.909
Курская.....	109.230	19.070	53.630	32.960	214.890	141.848
Орловская.	65.117	12.050	57.130	32.410	166.707	109.610
Рязанская	124.230	11.280	147.890	84.090	367.490	214.612
Тамбовская.....	83.930	3.160	46.940	30.121	164.150	168.098
Пензенская	70.280	6.660	38.510	14.900	130.350	43.655
Итого	1.020.457	119.485	513.780	346.580	2.000.320	1.745.813

Въ запискѣ тарифнаго отдѣленія не имѣется свѣдѣній о числѣ паспортовъ разныхъ сроковъ, выданныхъ по губерніямъ Волынской, Нижегородской, Симбирской, Казанской и Тульской. Поэтому общее число паспортовъ по всему району выхода рабочихъ должно значительно превысить 2,000.320. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что приведенное въ запискѣ число выданныхъ въ 1891 г. паспортовъ вѣроятнѣе можно считать уменьшеннымъ чѣмъ увеличеннымъ, ибо скорѣе можно предположить, что откуда нибудь свѣдѣній не доставлено, чѣмъ что доставлены лишнія данныя.

Такимъ образомъ разсчетъ, приведенный въ трудѣ г. Короленко, при провѣркѣ его результатовъ цыфрою выданныхъ въ 1891 г. паспортовъ, слѣдуетъ признать близкимъ къ дѣйствительности. Какая же часть изъ этого огромнаго $2^1/_2$ милліоннаго числа уходящихъ на сторонній заработокъ рабочихъ упадаетъ на долю сельско-хозяйственныхъ рабочихъ? На этотъ вопросъ имѣющійся матеріалъ не даетъ никакого отвѣта. Въ данныхъ, предоставленныхъ въ наше распоряженіе Императорскимъ Воль-

Digitized by Google

нымъ Экономическимъ Обществомъ, встрѣчаются отдѣльныя цыфры отхожниковъ по нѣкоторымъ волостямъ, но и въ этихъ цыфрахъ сельско-хозяйственные рабочіе не всздѣ выдѣлены изъ общаго числа другихъ уходящихъ на заработки крестьянъ.[1] Въ виду того, что разсматриваемый районъ служитъ единственнымъ поставщикомъ сельскихъ рабочихъ для всего нашего юга и юго-востока, можно безъ преувеличенія заключить, что во всякомъ случаѣ не менѣе половины (1.100.000) всего числа уходящихъ рабочихъ должно отнести къ сельско-хозяйственнымъ.

Такое огромное количество уходящихъ изъ центральныхъ губерній рабочихъ указываетъ на самую основную и постоянную причину отхода рабочихъ—на малоземеліе. Выше было уже упомянуто, что въ разсматриваемый районъ, вслѣдствіе особенно благопріятныхъ почвенныхъ условій было наиболѣе значительное привлеченіе крѣпостныхъ рукъ [2], что повело при освобожденіи крестьянъ къ надѣленію крестьянскаго населенія меньшими противу сѣверной и южной Россіи надѣлами, причемъ въ этихъ надѣлахъ не оказалось ни достаточныхъ сѣнокосовъ, ни выгоновъ, ни, наконецъ, лѣса, и все это крестьянамъ нынѣ прихо-

---

[1] Какъ неполны и случайны эти свѣдѣнія, свидѣтельствуетъ перечень всѣхъ данныхъ указаннаго источника, относящихся до ухода собственно сельско-хозяйственныхъ рабочихъ:

Изъ Вышнедеревенской волости, Льговскаго уѣзда, Курской губ.	200	чел.
Краснослободскаго уѣзда Пензенск. губ.	3.000—3.500	„
Пензятской волости Инсарск. уѣзда.	200	„
Нижнеломовской волости Н. Л. уѣзда.	100	„
Изъ Мринской волости Нѣжин. у. Черниг. губ.	200—300	„
Буинскаго уѣзда, Симбир. губ.	3.000	„
Сенгилеевскаго у.	70	„
Нижнедѣвицка, Воронеж. губ.	10.000	„
Павловскаго уѣзда.	3.537	„
Землянскаго.	318	„

Имѣются такимъ образомъ въ этомъ матеріалѣ отрывочныя данныя по отдѣльнымъ мѣстностямъ только 5 изъ 17 губерній.

[2] Въ этой полосѣ крѣпостное право было изстари развито, и большая часть земель находилась подъ хозяйствомъ помѣщиковъ и ихъ крѣпостныхъ крестьянъ, служившихъ большей части барщину. Число крѣпостныхъ крестьянъ составляло въ Полтавской, Курской, въ сѣверныхъ уѣздахъ Харьковской, Черниговской, Тамбовской, Пензенской, Орловской и Рязанской губерніяхъ отъ 40 до 60% всего сельскаго населенія. Въ Симбирской число крѣпостныхъ и удѣльныхъ крестьянъ составляло 91%; въ Подольской крѣпостныхъ было 76%, въ Кіевской 89. Чаславскій, стр. 191.

Digitized by Google

дится нанимать на сторонѣ [1]. Наиболѣе обезпеченными надѣлами являются бывшіе государственные и удѣльные крестьяне. Въ средѣ же бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ нерѣдкость въ разсматриваемой полосѣ составляютъ такъ называемые четвертные надѣлы (отъ $^3/_4$—1 десятины).

По свѣдѣніямъ, приведеннымъ въ „Сводѣ статистическихъ матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи [2]“, количество наличныхъ мужскаго пола душъ съ надѣломъ не свыше 1 десят. на ревизскую душу числилось въ 1877—78 гг.

Въ	Тульской	губ.	6.002
„	Орловской	„	10.157
„	Рязанской	„	25.739
„	Пензенской	„	54.877
„	Тамбовской	„	47.196
„	Черниговской	„	23.357
„	Курской	„	32.697
„	Казанской	„	24.949
„	Нижегородской	„	30.824
„	Симбирской	„	40.872
„	Харьковской	„	16.647
„	Воронежской	„	50.070
„	Полтавской	„	74.517
„	Волынской	„	5.125
„	Кіевской	„	4.811
„	Подольской	„	5.596
		Всего.....	453.436

Изъ получившихъ четвертные надѣлы образовалось и теперь уже полубродячее населеніе, которое должно искать постоянныхъ заработковъ на сторонѣ, нѣчто вродѣ будущихъ батраковъ [3]. Но не обезпечены надѣломъ и крестьяне, владѣющіе 2-мя десятинами на ревизскую душу. И такихъ, по даннымъ Канцеляріи Комитета Министровъ, въ сѣверной и средней черноземной полосѣ не малое количество. По свѣдѣніямъ „Свода Стати-

[1] Тамъ же, стр. 192—193.

[2] Изданіе Канцеляріи Комитета министровъ.

[3] Чаславскій „Земледѣльческіе отхожіе промыслы“ стр. 193.

Digitized by Google

стическихъ матеріаловъ" крестьянъ, владѣющихъ надѣломъ не свыше 2-хъ десятинъ, въ 1877—78 гг. насчитывалось въ губерніяхъ:

Казанской	18.821
Нижегородской	49.164
Симбирской	33.726
Тульской	48.991
Орловской	32.057
Рязанской	56.279
Пензенской	36.111
Тамбовской	67.631
Черниговской	97.322
Курской	97.115
Харьковской	80.069
Воронежской	58.331
Полтавской	255.807
Волынской	31.507
Кіевской	162.332
Подольской	220.716
Всего....	1.775.883

А вмѣстѣ съ надѣленными четвертою частью надѣла такихъ малоземельныхъ крестьянъ въ полосѣ, отпускающей земледѣльцевъ на лѣтніе заработки, оказывается 2.238.319 ч. по даннымъ 1877—78 годовъ, которыя теперь, 17 лѣтъ спустя, конечно, значительно уступаютъ дѣйствительной цыфрѣ. Такая необезпеченность бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ земельными надѣлами повела уже къ развитію въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ полнаго крестьянскаго безземелія, которое, наприм., въ Курской губерніи достигаетъ 37.500 мужского пола душъ, въ 12 уѣздахъ Полтавской—болѣе 20.000, въ 10 уѣздахъ Воронежской губ. свыше 16.000 [1]. Количество такихъ обдѣленныхъ землей крестьянъ уже достигаетъ вышеприведенной цыфры рабочихъ, уходящихъ изъ разсматриваемой полосы на сторонніе заработки.

Въ тѣсной связи съ недостаткомъ въ земляныхъ угодьяхъ находится низкій уровень крестьянскаго сельскаго хозяйства [2]. При малоземельи приходится расширять пахатныя

[1] Сводъ Статистическихъ матеріаловъ стр. X. I.

[2] Отхожіе промыслы крестьянъ Ярославской губерніи въ связи съ общей характеристикой районовъ отхода въ экономическомъ отношеніи. Ярославль. 1896 изд. Яр. губ. Стат. Комит. стр. 187.

Digitized by Google

земли на счетъ выгоновъ, луговъ и лѣсовъ, послѣдствіемъ чего является уменьшеніе кормовыхъ средствъ и лѣсныхъ матеріаловъ. Уменьшеніе кормовыхъ средствъ ведетъ за собою недостаточность количества скота, столь необходимаго для хозяйства крестьянина.

На мѣстѣ излишекъ свободныхъ рукъ не можетъ находить себѣ достаточнаго примѣненія въ виду того, что на черноземной полосѣ, внѣ сферы земледѣлія, не была развита промышленность, При густотѣ населенія вся земля, которая могла быть распахана, была распахана, и вся эта полоса представляется почти сплошнымъ пахатнымъ полемъ, особенно пространство на западѣ отъ береговъ Цны вплоть до Австрійской границы. Пашни расширены въ ущербъ выгонамъ и сѣнокосамъ до такой степени, что подъ лугами во многихъ мѣстностяхъ остались одни только заливныя мѣста, которыхъ уже нельзя распахать [1]. Крестьянскій трудъ, прилагавшійся только къ земледѣлію, не развилъ вообще внѣ-земледѣльческимъ занятій, которыя могли бы дать исходъ лишнимъ рукамъ.

По даннымъ Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности, въ районѣ, отпускающемъ рабочихъ, занимаются работой на фабрикахъ и заводахъ изъ 15.708.505 взрослыхъ рабочихъ 123.995 чел., въ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ 34.492 чел. и горно-заводскою промышленностью—28.358 чел., всего занято внѣ-земледѣльческимъ трудомъ только 186.845 человѣкъ. Кустарная промышленность, представляющая такое прекрасное подспорье земледѣльца, развита здѣсь тоже вообще слабо, исключая впрочемъ нѣкоторыя губерніи, какъ Нижегородская, Рязанская, Симбирская, Тульская, отчасти Орловская и Казанская.

Не находя исхода въ внѣ-земледѣльческихъ занятіяхъ большинство лишняго населенія не можетъ прилагать своего труда и къ земледѣлію на мѣстѣ. Этому препятствуетъ прежде всего то обстоятельство, что цѣны на трудъ вообще въ районѣ выхода рабочихъ весьма низки. По свѣдѣніямъ Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности поденная цѣна рабочему на хозяйскихъ харчахъ въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, во время посѣва 20—27 к., во время сѣнокоса 33—37 и въ жатву 45—52 к. Она составляетъ почти половину среднихъ поденныхъ цѣнъ рабочихъ на югѣ Россіи.

(Тавр. губ. сѣнокосъ....66 жатва....91
Дон. обл. „ ....61 „ ....86)

[1] Чаславскій, стр. 193.

Digitized by Google

Не надо забывать, что лѣтняя страда есть тотъ періодъ крестьянскаго труда, которымъ обезпечивается крестьянская семья на весь годъ запасами, сѣменами для будущихъ посѣвовъ и средствами для уплаты повинностей.

Слишкомъ малая выручка въ это время ставитъ крестьянина, необезпеченнаго земельнымъ надѣломъ, въ критическое положеніе въ виду предстоящей зимы, особенно при незнакомствѣ его съ какимъ-либо ремесломъ.

Если невыгодно идти въ работники на мѣстѣ, то представляется другой заработокъ—это аренда земель. Сперва, дѣйствительно, послѣ освобожденія, крестьяне, увлекаемые надеждами на урожай, бросились на съемку земель. Но когда открылись желѣзныя дороги, усилился спросъ на хлѣбъ и возвысились на него цѣны, аренда земель изъ обработки съ извѣстной части урожая перешла въ денежную, и арендныя цѣны стали быстро расти. Теперь цѣны эти чрезвычайно высоки, особенно въ полосѣ, идущей отъ Тамбова и Моршанска вплоть до Полтавской губерніи. Особенно высоки онѣ тамъ, гдѣ желѣзныя дороги сходятся узлами: напримѣръ, въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Курской губерніи и въ Малоархангельскомъ уѣздѣ Орловской губерніи цѣна десятины подъ озимь доходила въ 70-хъ годахъ до 20 р., подъ ярь—до 13—15 руб.; въ Козловскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи цѣна за пару десятинъ (одну подъ озимь, другую подъ ярь) доходила до 50 руб. При такихъ цѣнахъ барыши крестьянъ-съемщиковъ невелики, и часто они не могутъ свести концовъ съ концами.

Иногда изъ сѣверной и средней черноземной полосы гонитъ рабочихъ на югъ встрѣчающееся по мѣстамъ плохое качество почвы. Такъ Кузнецкая управа Саратовской губерніи сообщила II Отдѣленію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, что въ большей части уѣзда—дурная почва, дающая крайне незначительные урожаи, которыхъ едва достаетъ крестьянамъ, да и то не всегда, на годовое продовольствіе. Отсюда—обиліе свободныхъ рукъ, ищущихъ сторонникъ заработковъ.

Плохіе урожаи, особенно если они повторяются подрядъ нѣсколько лѣтъ, служатъ тоже побудительною причиной къ уходу крестьянъ на сторонніе земледѣльческіе заработки. Эти причины, впрочемъ, дѣйствуютъ не только въ предѣлахъ полосы, вообще отпускающей рабочихъ, но и въ мѣстахъ, которыя обыкновенно пользуются для обработки земли трудомъ пришлыхъ рабочихъ.

Digitized by Google

Такъ, по словамъ волостнаго писаря Малоперекопновской волости, Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, при урожаѣ крестьянамъ здѣшней волости достало бы работы на мѣстѣ, но такъ какъ вотъ уже три года существуетъ здѣсь неурожай, то крестьяне до того выбились изъ силъ, что на слѣдующій годъ многіе совсѣмъ не посѣютъ ничего, почему придется $^1/_5$ всего населенія здѣшней волости идти на чужія работы даже и въ томъ случаѣ, если на крестьянскомъ посѣвѣ будетъ хорошій урожай. Равнымъ образомъ, по сообщенію въ Императорское Вольное Экономическое Общество изъ волостей Клевенской и Таволжанской, Николаевскаго уѣзда той же губерніи, въ который приходитъ масса рабочихъ изъ внутреннихъ губерній, въ неурожайные годы, уходила часть крестьянъ (изъ Клевенской волости въ 1889 году—75 человѣкъ) въ Уральскую область на лѣтніе заработки.

Мѣстами дальность рынковъ и затруднительность непосредственнаго сбыта земледѣльческихъ продуктовъ понижаетъ выручку отъ продажи этихъ продуктовъ до такого уровня, что этой выручкой никакъ не могутъ быть удовлетворены всѣ нужды крестьянской семьи, какъ личныя, такъ и общественнаго характера (уплата государственныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ). [1]

Къ указаннымъ чисто экономическимъ причинамъ ухода рабочихъ изъ центральныхъ губерній на сельскіе заработки присоединяются еще причины, свойственныя вообще складу характера нашего крестьянства, способнаго проявлять геройскіе подвиги наряду съ самыми легкомысленными и случайными порывами. Къ такимъ причинамъ слѣдуетъ отнести стихійное и, такъ-сказать, стадное чувство, заставляющее идти одного туда, куда идутъ другіе, не разбирая зачастую послѣдствій движенія. Особенно сильно это чувство сказывается у крестьянства, живущаго въ сосѣдствѣ степныхъ пространствъ, манящихъ его не только молвой о бывающихъ тамъ урожаяхъ, но и не угасшими еще въ крестьянской средѣ преданіями о степномъ привольѣ и легкой, разгульной, широкой жизни въ степномъ просторѣ.

Неоднократные примѣры бѣдствій, претерпѣваемыхъ рабочими въ степяхъ, возвращеніе на родину Христовымъ именемъ или по этапу—не искореняютъ въ крестьянствѣ этого манящаго къ себѣ представленія о степи и сокровищахъ, которыя она сулитъ.

---

[1] Отхожій промыселъ крестьянъ Ярославской губерніи. Стр. 187.

Digitized by Google

При этомъ не послѣднее значеніе имѣетъ и рискъ, къ которому такъ склоненъ русскій человѣкъ и который именно въ примѣненіи къ земледѣльческимъ заработкамъ въ нашихъ степяхъ увѣнчивался иногда такимъ необыкновеннымъ и въ другомъ мѣстѣ невозможнымъ успѣхомъ. Обычный трудъ земледѣльца, какъ зависящій отъ капризовъ природы, заключаетъ въ себѣ нѣкоторый рискъ, который особенно развивается въ предпріимчивыхъ людяхъ, не разъ уже ходившихъ въ сторону на сельскую работу. Этого чувства не могутъ въ неурожайные годы заглушить даже явныя неудачи, постигшія уже первыя партіи рабочихъ на югѣ: вторыя все-таки идутъ, ибо всякій разсчитываетъ, что онъ найдетъ мѣсто, а другой останется не причемъ.

Къ этому присоединяется необыкновенная въ народѣ довѣрчивость къ слухамъ объ урожаяхъ на югѣ и огромныхъ заработкахъ, ожидающихъ пришлыхъ рабочихъ. Крестьянинъ оставляетъ обычную недовѣрчивость, когда до него случайно доходитъ слухъ, что въ какой-нибудь мѣстности внезапно объявлялся спросъ на огромное количество рабочихъ рукъ и что каждому человѣку платятъ чуть-ли не по червонцу въ день. Цѣлыя деревни, не внимая ни совѣтамъ, ни убѣженіямъ, вдругъ пускаются въ путь, отказываясь иногда даже повиноваться распоряженіямъ начальства, удерживающимъ ихъ отъ легкомысленнаго движенія.

Напримѣръ, позднею осенью 1889 года между крестьянами Кіевской губерніи, по свѣдѣніямъ А. А. Ярошко, помѣщика Таврической губерніи, благодаря какимъ-то вздорнымъ слухамъ, вдругъ началось необычайное въ это время движеніе на заработки въ Таврическую губернію. Кіевскій генералъ-губернаторъ графъ Игнатьевъ обратился къ Таврическому губернатору съ просьбой по телеграфу сообщить ему, дѣйствительно ли у мѣстныхъ землевладѣльцевъ существуетъ спросъ на рабочія руки и въ какихъ преимущественно уѣздахъ. Таврическій губернаторъ сдѣлалъ по этому поводу запросъ Губернской Управѣ, которая сообщила, что вслѣдствіе низкихъ цѣнъ на рабочія руки минувшимъ лѣтомъ, значительное количество пришлыхъ рабочихъ осталось на зиму и, такъ какъ спросъ на рабочія руки бываетъ только въ Ялтинскомъ уѣздѣ, то движеніе рабочихъ изъ Кіевской губерніи въ Таврическую не оправдывается въ настоящее время дѣйствительною потребностью. Благодаря принятымъ вслѣдствіе этого отзыва на мѣстѣ мѣрамъ, движеніе было пріостановлено

Digitized by Google

въ началѣ и собравшіяся нахлынуть въ Крымъ толпы остались дома. [1]

Къ изложеннымъ причинамъ, такъ сказать, общаго свойства и экономическому положенію разсматриваемой полосы и народному характеру, присоединяются еще и частныя по отдѣльнымъ мѣстностямъ причины, которыя толкаютъ рабочихъ въ отходъ на сельскіе заработки. Такъ напримѣръ, дѣвушки Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, идутъ на сельско-хозяйственные промыслы въ Новороссію съ цѣлью заработать себѣ средства на покупку приданаго. Дѣвушка, которая больше ходила въ Таврію, покупаетъ „скрыню“ и каждый годъ употребляетъ на пополненіе ея разною одеждой весь свой заработокъ. Чѣмъ болѣе она побывала въ Тавріи, тѣмъ она богаче. Многія запасаются въ эту пору холстомъ, сукномъ и разною одеждой чуть-ли не на всю послѣдующую жизнь.

Однихъ побуждаетъ ходить на заработки скопидомство, другихъ, наоборотъ, тянутъ бродяжническіе инстинкты, желаніе погулять на чужой сторонѣ, вдали отъ глазъ своихъ родичей. Эти стремленія иногда входятъ въ плоть и кровь и создаютъ привычку къ бродяжничеству, просыпающуюся каждую весну съ наступленіемъ „рабочаго движенія“. Къ этой категоріи рабочихъ можно, кажется, отнести такъ называемыхъ „бурлаковъ“, состав-

---

[1] Другимъ примѣромъ непомѣрной довѣрчивости народа къ подобнымъ слухамъ можетъ служить сообщенный тѣмъ же лицомъ разсказъ о томъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вдругъ, среди крестьянъ центральныхъ губерній распространился слухъ объ устройствѣ Перекопскаго канала въ Таврической губерніи и о томъ, что съ открытіемъ весны приступятъ къ работамъ по его прорытію. Началось массовое движеніе рабочихъ въ Таврическую губернію къ Перекопу, чтобы рыть каналъ. Многіе, разсчитывая на большіе барыши, явились со своими повозками и упряжью, были и такіе запасливые, которые захватили изъ дому даже лопаты. На предложеніе по пути наниматься въ экономіи, они на отрѣзъ отказывали, а когда ихъ увѣряли, что каналъ—выдумка, то они недовѣрчиво отходили. Изъ разговоровъ съ рабочими выяснилось, что у пришедшихъ „на каналъ“ уже составилось глубокое убѣжденіе о заработной платѣ, которую они будутъ получать: рабочій съ подводою 60 руб. въ мѣсяцъ, пѣшій—30 рублей. Эти цифры опредѣлились откуда-то еще дома и оказались настолько соблазнительными, что побудили тронуться въ путь даже тѣхъ, которые на полевыя работы никогда не приходили. Само собою разумѣется, что этихъ рабочихъ постигло и горькое разочарованіе и полное разореніе, ибо они прохарчили и тѣ скудныя средства, которыя взяли съ собою на дорогу изъ дома.

Digitized by Google

ляющихъ, по свидѣтельству г. Ярошко, истинный бичъ для южнорусскихъ хозяйствъ. Бурлакъ это человѣкъ, отбившійся отъ родины, отъ дома, отъ семьи, составившій себѣ совершенно новую жизнь; сидѣть дома на одномъ мѣстѣ или заниматься одною работой бурлакъ не можетъ: то онъ занимается рыбною ловлей на Азовскомъ морѣ, то онъ бьетъ плантажи подъ виноградники вблизи Ялты и Алушты, то онъ коситъ хлѣбъ въ степи, то ломаетъ соль на соляномъ озерѣ, то онъ таскаетъ на пароходы мѣшки съ пшеницей въ Севастополѣ. Заработавъ то тамъ, то здѣсь кое-какія деньги, и иногда не малыя, благодаря своей расторопности, смѣлости и умѣлости,—бурлакъ спѣшитъ прокутить свой заработокъ. Кабатчики особенно любятъ бурлаковъ, какъ людей, не дорожащихъ деньгами. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя особенно обилуютъ бурлаками, кабаки обыкновенно располагаются цѣлыми рядами, гнѣздятся одинъ на другомъ. Помѣщики избѣгаютъ нанимать бурлаковъ не потому, чтобы работа ихъ была плоха или небрежна, но потому, что сами бурлаки народъ не надежный, который въ каждую данную минуту склоненъ загулять до самозабвенія, бросивъ свое дѣло и даже спустивъ на вино хозяйское добро.

Наконецъ, на сторонніе заработки устремляется вообще мѣстный дурной элементъ—лѣнтяи, пьяницы, которыхъ сосѣдніе хозяева избѣгаютъ нанимать, какъ неблагонадежныхъ. Семейныя ссоры, тяжесть семейной жизни тоже толкаютъ крестьянъ уходить изъ дома на дальнюю работу.

Таковы причины, вызывающія движеніе крестьянъ изъ центральныхъ губерній Россіи на сельскія работы въ южныя степи. Нельзя не примѣтить, что къ основной экономической причинѣ—малоземелію и съ нимъ соединеннымъ затрудненіямъ въ нахожденіи заработковъ на мѣстѣ жительства—присоединяются и причины, не имѣющія ничего общаго съ экономическимъ положеніемъ населенія. Послѣднія двигаютъ уже не лишнихъ людей, а тѣхъ, которыхъ трудъ могъ бы съ успѣхомъ прилагаться дома.

Отсюда, движеніе рабочихъ представляется въ нѣкоторомъ отношеніи чрезмѣрнымъ. Факты подтверждаютъ такой выводъ. Такъ, напр., во время уборки хлѣба въ 1894 г.[1] недостатокъ въ рабочихъ замѣчался въ губерніяхъ Курской, Полтавской, Черниговской, Кіевской, Орловской, Тульской, Рязанской. Затѣмъ, ни одна изъ губерній, отпускающихъ рабочихъ на югъ, не бы-

[1] 1894 годъ въ сельско-хозяйств. отношен. Изъ Ден. Земледѣл., вып. III.

Digitized by Google

ваетъ въ свою очередь свободна отъ прихода въ нее рабочихъ замѣняющихъ въ полевыхъ работахъ ушедшихъ. Напримѣръ, по свѣдѣніямъ Департамента Земледѣлія и Сельско-хозяйственной Промышленности—въ *Воронежскую* губернію приходятъ рабочіе изъ Тульской, Рязанской, Тамбовской, Орловской и Курской губерній исключительно на земледѣльческія работы. Равнымъ образомъ для тѣхъ же работъ приходятъ рабочіе въ *Казанскую* г. изъ Уфимской, Симбирской и Нижегородской, въ *Курскую*—изъ Орловской, Черниговской, Тульской и Калужской, въ *Нижегородскую* — изъ Пензенской, Тамбовской и Симбирской, въ *Орловскую*—изъ Калужской, Тульской и Смоленской, въ *Пензенскую*, — изъ Тамбовской, въ *Подольскую* — изъ Полтавской, Черниговской, Кіевской и изъ Галиціи, въ *Полтавскую* — изъ Курской, Харьковской, Черниговской, въ *Рязанскую*—изъ Тульской и Тамбовской, въ *Симбирскую*—изъ Пензенской, Тамбовской, Казанской, Нижегородской и Саратовской, въ *Тамбовскую*—изъ Тульской, Воронежской и Рязанской, въ *Тульскую*—изъ Калужской, Курской, Орловской, Черниговской и Тамбовской, въ *Харьковскую* — изъ Воронежской, Курской, Черниговской, Орловской и Полтавской, въ *Черниговскую*—изъ Полтавской и Орловской.

Не трудно видѣть, что среди самой полосы, отпускающей рабочихъ на югъ, происходитъ какой-то безпорядочный внутренній обмѣнъ сельско-хозяйственными рабочими: точно тульскіе земледѣльцы болѣе на мѣстѣ въ Тамбовской губерніи, чѣмъ у себя дома, на такой-же черноземной почвѣ, и наоборотъ тамбовскій крестьянинъ пригоднѣе для обработки тульскаго чернозема.

II.

Особенности района, нуждающагося въ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

Географическія свойства района.—Недостатокъ рабочихъ рукъ.—Рѣзкія колебанія атмосферы.—Обильные посѣвы яровой пшеницы.—Распредѣленіе землевладѣнія.

Мѣстность, привлекающая къ себѣ рабочія руки изъ центральныхъ губерній, тянется широкою полосой отъ предгорій Кавказа на сѣверо-западъ, побережьемъ Чернаго моря до Румын-

Digitized by Google

ской границы и соприкасается съ южною частью района, отпускающаго рабочихъ; на сѣверъ она простирается по рѣкѣ Дону и его притокамъ, а также по Волгѣ отъ Царицына до Симбирска, на сѣверо-востокъ—вплоть до предгорій Уральскаго хребта. Эту мѣстность можно раздѣлить на 4 района: 1) Новороссія, съ губерніями Таврическою, Херсонскою, а также Екатеринославскою и Бессарабскою, 2) Донская область, 3) Заволжье съ губерніями Самарской, Оренбургской, Уфимской и Уральской областью и 4) Предкавказье съ губерніею Ставропольской и областями Терскою и Кубанскою.

Въ качествѣ переходной, такъ сказать, полосы, между губерніями, отпускающими рабочихъ и въ нихъ нуждающимися, соединяющей въ себѣ и значительный спросъ, а также и отпускъ рабочихъ,—слѣдуетъ назвать губернію Саратовскую.

Вся эта мѣстность представляется почти ровною степью, съ небольшими холмистыми возвышенностями по склонамъ отроговъ Уральскаго хребта и въ нѣкоторыхъ пунктахъ Донской области и Предкавказья. Вся эта степь покрыта довольно толстымъ слоемъ плодороднаго чернозема, который по окраинамъ, обращеннымъ къ Каспійскому морю, дѣлается бѣднѣе и тоньше, все болѣе и болѣе пересѣкается солончаками и переходитъ мѣстами въ сѣрый суглинокъ, имѣющій сравнительно небольшое содержаніе черноземныхъ частей. Онъ составляетъ очень хорошую почву, на которой отлично родится пшеница [1]. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, во всей этой полосѣ было преимущественно развито скотоводство. Затѣмъ постепенно и самарскія степи и сѣверный Кавказъ освободились отъ набѣговъ и грабежей кочевниковъ и горцевъ, понемногу стали заселяться земледѣльческимъ населеніемъ, и въ нихъ развилось земледѣліе, которое нынѣ составляетъ преобладающее занятіе населенія.

О Новороссійскомъ краѣ и превращеніи его степей въ сплошное пахотное поле было уже говорено выше [2].

Для обработки земли и въ этомъ огромномъ районѣ мѣстныхъ рабочихъ рукъ далеко не хватаетъ. Какъ велико число недостающихъ рабочихъ, свидѣтельствуютъ данныя Департамента Земле-

---

[1] Чаславскій, стр. 200.

[2] Цѣлые уѣзды представляютъ собою сплошную распаханную ниву,—цѣль и стремленіе каждаго хозяина, начиная съ крупнаго помѣщика и кончая послѣднимъ крестьяниномъ, вспахать и засѣять, какъ можно больше.

Digitized by Google

дѣлія и Сельской Промышленности, на основаніи которыхъ, для обработки земли требуется:

Въ Бессарабской	губ.....	253.769	чел.
„ Екатеринославской	„	107.695	„
„ Таврической	„	268.445	„
„ Херсонской	„	514.843	„
всего въ Новороссіи	„	1.104.752	„
„ Донской области	„	708.204	„
„ Самарской	„	88.656	„
„ Оренбургской	„	88.526	„
„ Саратовской	„	85.908	„
всего во всей полосѣ, выключая Предкавказье	„	2.076.046	чел.

Цифры эти, выведенныя на основаніи теоретическихъ исчисленій и нынѣ устарѣлыхъ уже данныхъ статистики, оказываются однако значительно преувеличенными противъ дѣйствительной потребности въ нахожихъ рабочихъ нашего степнаго юга. По сообщенію главнаго мѣстнаго начальства губерній и областей этого района въ коммиссію по упорядоченію отхожихъ промысловъ (отъ 1894—95 гг.) съ каждымъ годомъ сокращающійся (отъ разныхъ причинъ, о коихъ рѣчь будетъ ниже) размѣръ нужды въ нахожихъ рабочихъ выражается нынѣ по разнымъ мѣстностямъ въ слѣдующихъ цифрахъ:

Губерн. и Обл.	Сред. колич.	
Оренбургская	27.000	чел.
Уфимская.....	7.600	„
Уральская	30.000	„
Самарская	230.000	„
Таврическая	100.000	„
Бессарабская.....	45.000	„
Херсонская.....	125.000	„
Екатеринославская.....	63.000	„
Ставропольская.....	40.000	„
Терская.....	1.500	„
Кубанская.....	200.000	„
Донская.....	200.000	„
Итого...	1089.100	„

Digitized by Google

Эта цифра ближе подходитъ къ приведенному выше исчисленію количества сельскихъ рабочихъ, ежегодно отправляющихся изъ губерній средней полосы на сторонній сельскій заработокъ.

При такихъ размѣрахъ потребности въ пришлыхъ земледѣльцахъ, не всегда всѣ идущіе сюда изъ центральныхъ губерній рабочіе находятъ себѣ работу, не смотря на то, что отправляются они повидимому въ числѣ, не превышающемъ потребности въ нихъ. Это обстоятельство стоитъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ одной изъ важнѣйшихъ особенностей разсматриваемой полосы, сообщающей сельско-хозяйственному труду рабочихъ крайнюю неустойчивость. Рѣчь идетъ о природѣ степнаго пространства, представляющей собою столь неожиданныя и рѣзкія колебанія атмосферы, при которыхъ сельское хозяйство подвергается непредусматриваемымъ случайностямъ [1]. Степное пространство вообще страдаетъ недостаткомъ рѣкъ и рѣчекъ, и, главное, дождя, особенно осенью и въ началѣ лѣта, когда молодой хлѣбъ нуждается въ немъ болѣе всего. Бываютъ годы, когда во время роста хлѣба не выпадаетъ ни одного дождя. Тогда случаются въ степяхъ такіе неурожаи, о какихъ въ средней Россіи нельзя себѣ составить и понятія: выгораетъ все — и хлѣбъ и кормъ, такъ что степь дѣлается черною и небольшой вѣтеръ поднимаетъ цѣлыя облака черноземной пыли. Но за то два-три хорошихъ дождя во время—и урожай приходитъ баснословный. Бываетъ иногда много дождей, но какъ разъ въ то время, когда ихъ въ видахъ урожая ненужно, напр. въ концѣ мая, іюня и іюля; сухія и безснѣжныя зимы и засухи лѣтомъ являются на голову хозяина совершенно неожиданно, послѣ самыхъ разнообразныхъ предвѣстниковъ и не даютъ ему возможности вести сознательно борьбу съ силами природы. Оттого одинъ хозяинъ называетъ степную природу не только „капризною“, но даже „разнузданною“, въ смыслѣ непостоянства [2]. Вотъ ввиду этихъ-то климатическихъ условій, при которыхъ нѣсколько дней засухи или нѣсколько своевременно выпавшихъ дождей могутъ вдругъ совершенно измѣнить виды на урожай [3], всякія забла-

[1] Урожайность въ степныхъ хозяйствахъ, а особенно въ Донской области ставится въ исключительную зависимость отъ метеорологическихъ случайностей. Докладъ Безсалова Дон. О-ву С-го Х-ва въ 1889 г.

[2] Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губ. кн. VI, стр. 60.

[3] Докладъ Екатеринославской Губернской Управы Губернскому Земскому Собранію объ урегулированіи передвиженія рабочихъ на лѣтніе сельскохозяйственные заработки въ 1889 г.

Digitized by Google

говременныя предположенія о будущемъ урожаѣ дѣлаются весьма сомнительными, а съ этимъ вмѣстѣ заранѣе нѣтъ возможности опредѣлить число рабочихъ рукъ, которое понадобится хозяевамъ для лѣтнихъ работъ. Эти особенности природы, съ коими надо считаться какъ съ фактомъ, котораго не обойдешь ничѣмъ, представляютъ главные тормазы упорядоченію рабочаго движенія на сельскія работы въ степи. Будь климатическія условія постоянны, практика уже выработала бы извѣстныя, болѣе устойчивыя, отношенія между работодателемъ и рабочимъ, какъ это существуетъ въ другихъ видахъ отхожихъ промысловъ, находящихся внѣ вліянія такого неуловимаго дѣятеля, какъ природа,—гдѣ представляется возможность опредѣлить болѣе устойчивую заработную плату въ зависимости отъ свойства самаго производства,—а не внѣ его лежащихъ явленій.

Къ природнымъ условіямъ степной полосы, дающимъ своеобразную особенность ея сельскому хозяйству, относятся также малоснѣжныя или мѣстами и вовсе безснѣжныя суровыя зимы, при знойномъ лѣтѣ. Отъ этого хозяева предпочитаютъ сѣять яровой хлѣбъ, преимущественно яровую пшеницу. Такая особенность хозяйствъ дѣлаетъ необходимымъ, въ виду потребности въ обработкѣ большаго количества полей для яровыхъ посѣвовъ, ранній приходъ партій рабочихъ изъ центральныхъ губерній на весеннія работы. Затѣмъ посѣвъ пшеницы засѣваютъ почти одновременно во всей степной полосѣ, что требуетъ сосредоточенія огромнаго числа рабочихъ рукъ въ опредѣленное время и притомъ въ небольшой срокъ 2—3-хъ недѣль на уборку хлѣба, отъ успѣшности которой зависитъ все благосостояніе края, вся доходность хозяйства. Отсюда происходятъ эти колебанія поденной платы, этотъ азартъ среди рабочихъ, перебѣгающихъ въ страдное время отъ одного хозяина къ другому, надѣясь въ горячую пору работы получить побольше платы. Такимъ образомъ самыя климатическія свойства степного района и на нихъ основанныя особенности хозяйства отчасти объясняютъ существующую неурядицу въ движеніи сельскихъ рабочихъ въ южныя степи.

Относительно распредѣленія землевладѣнія, степной край представляетъ также рѣзкое отличіе отъ центральной полосы: въ немъ крѣпостное право было слабо развито, и число крестьянъ, принадлежавшихъ помѣщикамъ, выражалось самою ничтожною цифрой. Здѣсь въ частныхъ рукахъ сосредоточены огромныя

Digitized by Google

имѣнія [1]. Колонистамъ, преимущественно нѣмецкаго происхожденія, принадлежитъ: 1.822.001 дес. [2], крестьянамъ бывшимъ владѣльческимъ въ Новороссіи и Донской области принадлежитъ 1.732.408 дес., то-есть на сто тысячъ десятинъ менѣе, чѣмъ колонистамъ. Бывшіе государственные крестьяне владѣютъ площадью въ 4.595.125 дес. Земли частно-владѣльческія простираются до 10.733.045 дес. [3]. Такой перевѣсъ частнаго владѣнія, впрочемъ, преимущественно имѣетъ мѣсто въ Новороссійскомъ краѣ, въ которомъ, по присоединеніи его къ Россіи, множество земель было роздано въ частные руки. Въ Донской области [4] замѣчается иное отношеніе землевладѣнія. Изъ $14^1/_2$ милліон. десятинъ общей площади земель области, войсковому запасу принадлежитъ около 12 милліоновъ дес. и только $2^1/_2$ милліона дес. принадлежатъ частнымъ лицамъ. Изъ этихъ $2^1/_2$ милліоновъ большая часть земель арендуется крестьянскими обществами и частными лицами. Только около 1 мил. дес. занято хозяйствомъ частныхъ лицъ, если не считать 800.000 дес., временно отведенныхъ подъ частныя коннозаводства, гдѣ коневодство составляетъ второстепенную отрасль хозяйства. Кромѣ того казаки, составляющіе $^2/_3$ всего населенія области, въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ, поголовно заняты отбываніемъ воинской повинности и, слѣдовательно, не принимаютъ участія въ производствѣ полевыхъ работъ, точно также теряется для казаковъ въ возрастѣ отъ 25 до 29 лѣтъ одинъ лѣтній мѣсяцъ, въ который они призываются на ученіе и смотры. Этими мѣстными

---

[1] Напримѣръ, въ Таврической губерніи Фальцъ-Фейнъ владѣетъ ..... 200.000 дес.
Графъ Модрвиновъ ..... 80.000 „
„ Поповъ ..... 60.000 „
„ Вассалъ ..... 60.000 „
„ Дуранте ..... 50.000 „
„ Шредеръ ..... 40.000 „
„ Люстигъ ..... 30.000 „
„ Шмидтъ ..... 30.000 „
„ Дикъ ..... 30.000 „
„ Скадовскій ..... 20.000 „
и множество владѣльцевъ имѣютъ отъ 10 до 25 тысячъ десятинъ. По свѣдѣніямъ А. Ярошко.

[2] Свѣд. Департ. Землед. и Сельск. Пром.

[3] Тамъ-же.

[4] Изъ отвѣта М-му О. С. Х. землевладѣльца Области войска донского И. М. Попова.

Digitized by Google

условіями объясняется огромное требованіе рабочихъ рукъ для Донской области, причемъ кромѣ казаковъ главнымъ нанимателемъ рабочихъ пришлыхъ являются болѣе зажиточныя общины, ведущія хозяйство частью на общественныхъ, частью на арендуемыхъ земляхъ. Вслѣдствіе преобладанія такого рода нанимателей, которые сами прилагаютъ свой трудъ къ обработкѣ полей, для области требуются большею частью поденные рабочіе. Заволжье представляетъ собою рѣзкое преобладаніе крестьянскаго землевладѣнія надъ частнымъ. Такъ,

въ Самарской губерніи крестьянскимъ общинамъ принадлежитъ	6.561.495	дес.
частнымъ владѣльцамъ	3.060.608	„
въ Уфимской губ. крестьянамъ	6.318.342	„
частнымъ лицамъ.....	2.719.442	„
въ Оренбургской губ. крестьянамъ и казакамъ	9.385.342	„
частнымъ лицамъ.....	4.254.644	„

Въ соотвѣтствіи съ преобладаніемъ крестьянскаго землевладѣнія является и большій спросъ на поденный трудъ пришлыхъ рабочихъ, являющихся сюда въ маѣ прямо на косовицу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кн. Н Шаховской.

Digitized by Google

ВЧУЖЪ.

Сказка для дѣтей пожилого возраста.

I.

Да, со стороны-то глядя, вчужѣ, сдается оно совсѣмъ не такъ! Изъ себя выходитъ Амишка, волнуется, насколько можетъ волноваться ея собачья порода: то встанетъ, то сядетъ, полаетъ, глазъ не спуская съ одного предмета, то завизжитъ жалобно, повертится, покрутится и опять сядетъ на полъ. Заѣла ее зависть, а ничего не сдѣлаешь.

Повертѣвшись, чуть не завыла Амишка съ горя и злости, залѣзла подъ диванъ и оттуда уже грустными, умными глазами все-таки поглядываетъ.

Смотритъ она, какъ сидитъ Петя у окошка, глазѣетъ чрезъ двойныя рамы на улицу и держитъ въ рукахъ сладкій пирожекъ. Восьмилѣтній Петя—сластена какихъ нѣту, а бабушка балуетъ его. И сколько разъ въ день перебываютъ у него въ рукахъ всякія сласти! Теперь вареньемъ вымазалъ онъ себѣ руки, все лицо и даже рубашенку.

Петя и далъ бы кусочекъ Амишкѣ, да не до того ему. Уписывая пирожекъ, глазъ не спускаетъ онъ съ улицы. Тутъ, прямо подъ окошкомъ стоитъ извощикъ, котораго онъ давно знаетъ.

Еремѣй возитъ его съ нянѣй разъ-два въ недѣлю покататься или въ лавки и всегда стоитъ на углу улицы подъ окошкомъ ихъ квартиры.

Петя часто сидитъ на подоконникѣ, глазъ не спуская съ извощика и лошади. А пуще всего нравятся ему возжи. Почему?—онъ и самъ не знаетъ... Потому-ли, что въ нихъ вся сила?

Digitized by Google

И вотъ съ этой зимы Петя и во снѣ, и на яву бредитъ Еремѣемъ, а пуще всего его возжами. Вотъ кабы ему быть извощикомъ! Катался бы онъ по цѣлымъ днямъ по всей Москвѣ вмѣсто того, чтобы бродить по горницамъ квартиры.

Онъ бы, пожалуй, всѣ свои пирожки отдалъ за то, чтобы сидѣть на козлахъ, держать эти возжи въ рукахъ. Дернешь направо, дернешь налѣво, потянешь или ударишь и припустишь лошадку. Вотъ это жизнь!

— Хочется мнѣ въ извощики! не разъ говорилъ онъ нянѣ.

— Глупый ты, глупый! отвѣчала няня. — Нешто они катаются — они возятъ.

Но Петя ничего въ этихъ словахъ не понялъ.

А покуда онъ съ подоконника завидовалъ, Еремѣй — пожилой мужикъ, стоя на перекресткѣ, отчаянно приставалъ къ прохожимъ.

— Поѣдете? Свезти, что-ли? пожалуйте!

Не мало ругаютъ его за это прохожіе и говорятъ иногда даже злобно:

— Что у меня языка, что-ли, нѣтъ? Коли нужно нанять, самъ позову. Черти!

И послѣ каждаго раза, что его обругаютъ, Еремѣй вздыхаетъ и ёжится на козлахъ, иногда съ холода, иногда со скуки, иногда съ думанья, что его одолѣваетъ.

На деревнѣ — жена, старая тётка, четверо ребятишекъ, землицы всего полторы десятины. Была корова, да пала, есть савраска, ея прошлую зиму кормить нечѣмъ было, и по сю пору справиться не можетъ. На одномъ хлѣбѣ семья сидѣла, да и за то спасибо! А тутъ, въ Москвѣ, еле-еле обернешься: извощиковъ расплодилось—туча, а господа какъ-то перевелись — настоящіе. Теперь всякій—баринъ. И всякій-то этотъ баринъ наровитъ въ десять верстъ конецъ за гривенникъ сдѣлать.

Да, пожалуй, если бы не жена и ребятишки, то вотъ угодилъ бы хоть съ моста въ рѣку. Или ужь того хуже — въ кабакъ.

Но Еремѣй, уже двадцать лѣтъ занятый извозомъ, не изъ таковскихъ: кабаки его еще не видѣли.

Стоитъ мужикъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ разъ противъ лавки, гдѣ продается всякая всячина, куда то и дѣло шныряетъ народъ и тащитъ оттуда всякую всячину: и мыло, и чай, и яблоки, и свѣчи.

Digitized by Google

Помнитъ Еремѣй—была тутъ лавочка мѣщанина Большакова, вся-то въ чуланчикъ. И товару въ ней было на грошъ. А вывѣска полиняла года три висѣла на бокъ; но что было на ней написано, даже разобрать было трудно.

И вотъ на глазахъ Еремѣя лѣтъ за десять изъ лавочки сдѣлался магазинъ. Яркая, золотая вывѣска и много маленькихъ кругомъ покрыли весь небольшой фасадъ дома. А внутри чуланчикъ преобразился. Цѣлую квартиру взялъ Большаковъ и, изъ первыхъ двухъ горницъ выломавъ стѣну, сдѣлалъ большой магазинъ.

Дѣло, не столько налаженное, сколько по просту насиженное, шло своимъ чередомъ, и теперь уже нѣтъ мѣщанина, а есть купецъ Большаковъ. Сказываютъ, что у него капиталъ.

Недавно Еремѣй возилъ купца на Полянку, гдѣ онъ домъ торгуетъ и покупаетъ. А какая его работа? Стоитъ или сидитъ за прилавкомъ, мальчишекъ ругаетъ, покупателю ухмыляется, отвѣшиваетъ, да отмѣриваетъ, да чай пьетъ, и каждый вечеръ выручку считаетъ.

И каждый-то вечеръ, коли на десять рублей продалъ, такъ десять барыша получилъ. А тутъ тебѣ за полтора цѣлковыхъ во весь день и умаешься и натреплешься по Москвѣ изъ конца въ конецъ, пройдетъ мѣсяцъ — хвать! Туда-сюда; пролетку починилъ, себѣ что сшилъ, должишко старый кузнецу отдалъ... И нечего на деревню ребятамъ послать.

А чѣмъ бы Еремѣю не быть купцомъ и хоть самую маленькую лавочку держать? Иные съ ничего начинаютъ. Хоть бы вотъ и этотъ самый лавочникъ Большаковъ.

II.

А купецъ-лавочникъ — хоть и ладно идетъ у него дѣло, хоть и изъ нищихъ мѣщанъ попалъ въ третью гильдію, все подумываетъ: лучше бы во второй быть. Этакіе-то, какъ онъ, въ потомственные почетные граждане выходятъ.

Да и мудреное это дѣло, думаетъ Большаковъ, всякія эти провизіи и съѣстные товары. Торговать теперь не въ примѣръ хуже, чѣмъ прежде. Дошло дѣло до такихъ „глупостевъ“, что коли ты продалъ какому ни на есть ледащему мужику соленой рыбы, что-ли, съ душкомъ, то онъ, ее слопавъ, захвораетъ и

Digitized by Google

замѣсто аптеки въ полицію бѣжитъ. А кто же ее, рыбу-то знаетъ? Что же въ нее влѣзешь, что-ли? Сами покупаемъ... И что же это такое: за двадцать лѣтъ скопить сорокъ тысячъ? На Ильинкѣ есть купцы, что за пятнадцать, двадцать лѣтъ съ двухъ двугривенныхъ нажили полмилліона.

А главная бѣда, заноза въ сердцѣ, это сынъ. Вмѣсто того, чтобы помогать отцу работать, двадцатилѣтній сынъ Большакова только пьянствовалъ и безобразничалъ на всѣ лады, отца въ грошъ не ставя.

А другимъ живется—масляница! Вотъ, напротивъ, въ домѣ, живетъ баринъ Лихонинъ. Сказываютъ: три имѣнія въ трехъ губерніяхъ, собственный домъ на Арбатѣ. Денегъ—куча. А онъ наровитъ еще сорвать: на биржѣ играетъ и страшные куши выигрываетъ. Тутъ отложишь за день-то двадцать рублей барыша, а онъ съѣздитъ на биржу—хватитъ въ полчаса тысячъ десять. Вотъ это жизнь!

И часто поглядываетъ Большаковъ на большія зеркальныя стекла дома, гдѣ живетъ богачъ—статскій совѣтникъ Лихонинъ. Часто видитъ онъ—стоитъ баринъ у окна, тараща глаза на вывѣску его лавки и упершись точно быкъ какой. Знать дѣлать нечего, отъ тоски на улицу смотритъ, да и не на прохожихъ, а такъ... въ одно мѣсто. Съ жиру или съ-дуру. Сущій „статуй!“

И правда, господинъ Лихонинъ по цѣлому часу стоялъ у окна, упершись глазами въ противоположную стѣну, гдѣ висѣли всякія большія и маленькія вывѣски, гласившія о шоколадѣ, папиросахъ и „монпансе“.

Часто случалось, что Лихонину привозилъ его повѣренный по десяти и пятнадцати тысячъ выигрыша, какъ-бы отъ азартной игры въ карты, и только дивился счастію г. Лихонина.

— Впрочемъ, надо сказать, думалось этому повѣренному, больно ужь онъ азартенъ. Не будь такого дурацкаго счастья, давно бы провалился. Случись какое крупное событіе, упади все на биржѣ хоть на три дня, и г. Лихонинъ—готовъ! А между тѣмъ получавшему легко нажитыя деньги, этому счастливцу, будто всегда бывало не до нихъ. Броситъ Лихонинъ деньги на письменный столъ, а самъ подойдетъ къ окошку противъ лавки Большакова и упрется, какъ сказываетъ тотъ, быкомъ. И стоитъ, молчитъ...

Немудрено ему было „статуй“ изображать. Всего лѣтъ пять тому назадъ женился онъ по любви на молодой дѣвушкѣ, только что покинувшей институтъ.

Digitized by Google

Красавица и умница Надя была шустрая хохотунья, которой только и шло на умъ одно весселье: театры, балы, концерты...

Онъ объяснился въ любви ей самой, предложилъ руку оффиціально ея отцу, души въ ней не чаявшему. Надя сама рѣшила, никто её не неволилъ, и приняла предложеніе.

Годъ прожили они въ раю. На второй годъ начался уже, по выраженію Лихонина, не рай, а этакое пограничное пространство съ совсѣмъ другимъ мѣстомъ. На третій годъ они уже были въ этомъ мѣстѣ, по имени пургаторій. На четвертый же годъ они очутились, какъ и слѣдовало ожидать, въ немъ самомъ... въ кромѣшномъ...

И этотъ семейный адъ продолжается вотъ уже болѣе года. Да какой адъ! Какой и чертямъ во снѣ не снился... Что черти? Они только на сковородахъ грѣшниковъ жарятъ, а Надежда Павловна Лихонина, благовѣрнаго своего супруга, и жаритъ, и печетъ, и варитъ, и на кусочки рѣжетъ, и всякими горячими и кислыми соусами поливаетъ. И въ этомъ видѣ подноситъ своимъ любовникамъ.

Да, было время, онъ узналъ такое, чему сначала не вѣрилъ, потомъ повѣрилъ, потомъ слегъ и вылежалъ мѣсяцъ въ постели. А затѣмъ всталъ, заговорилъ о мщеніи, но черезъ недѣлю помирился и простилъ.

Ошибка... Увлеченіе... Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ? Мерзавецъ опуталъ молодую женщину. Она сама не знаетъ, какъ это произошло.

Но должно быть расплодилось этихъ мерзавцевъ больно ужь много. Не прошло шести мѣсяцевъ, какъ опять какой-то другой тоже опуталъ. А этотъ ужь и совсѣмъ былъ маленькій, худенькій офицерикъ съ черненькими усиками и съ такими шпорами, что за пять комнатъ слышно было, когда онъ шагалъ. Ужь тутъ и невѣдомо, по правдѣ, кто кого опуталъ.

Ну, а тамъ, уже стало и нелюбопытно. Всякія репетиціи надоѣдаютъ.

Теперь Надежда Павловна считается самою веселою дамой въ Москвѣ, денегъ тратитъ пропасть и на всякій попрекъ или жалобу мужа отвѣчаетъ черезъ плечо, презрительно и омерзительно:

— Я же вамъ тысячу разъ говорила. Какъ вы желаете?.. Мнѣ все равно!

А тысячу разъ говорила Надежда Павловна мужу про легкость по времени получить разводъ. Но вотъ онъ-то не хочетъ.

Digitized by Google

Не можетъ! Какая-то дьявольская сила приковала его къ этой женщинѣ.

И знаешь, что обтираешь губами своими чужіе поцѣлуи, и все-таки, какъ тварь какая, не отдерешься отъ этой твари! разсуждалъ Лихонинъ, ненавидя жену, презирая себя и злобно озираясь не только на переулокъ и лавку Большакова, но и на всю Москву и на весь міръ Божій.

„Вотъ счастливецъ, этотъ толстопузый купецъ,—думалъ онъ, видя Большакова. Что ему? Наколачиваетъ мошну грошами! Будь у него двадцать женъ и всѣ онѣ срамись по всѣмъ городамъ Россійской Имперіи, ему, дьяволу, было бы все равно. Да и не одинъ онъ! Есть люди кругомъ, которымъ во всемъ везетъ. Да, всѣмъ подлецамъ везетъ на свѣтѣ, а пуще всего дуракамъ“...

И, перечисляя своихъ знакомыхъ, Лихонинъ ясно видѣлъ, что кругомъ него всѣ, конечно болѣе или менѣе, счастливы. Онъ же—хуже нельзя! А есть и такіе, что, какъ говорится, въ сорочкѣ родились.

Недалеко ходить. Его хорошій пріятель—генералъ Кремневъ—здоровья непозволительнаго, даже, такъ сказать, преступнаго. Этакихъ бы людей судить и въ Сибирь ссылать, при нашемъ всеобщемъ худосочіи. Это какой-то Ротшильдъ среди пролетаріевъ.

Тутъ отъ малѣйшаго соуса хвораешь двое сутокъ, а генералъ Кремневъ за обѣдомъ въ клубѣ полъ-пирога съ рыбой и съ визигой, ромстэкъ въ два фунта, да полъ-индѣйки съѣстъ, бутылки полторы или двѣ трехъ сортовъ вина выпьетъ. Подай ему не только говядины, а хоть голышъ съ соусомъ á la Stroganoff, и его онъ перегрызетъ собственными своими, родовыми, а не благопріобрѣтенными зубами. И все переваритъ, какъ ты баранку не переваришь. Не желудокъ у него, а горнило.

При этомъ состояніе большое, благоустроенное, только получай каждый годъ доходы отъ разныхъ управляющихъ.

Наконецъ, не только пороха не нюхавшій, но никогда никакой частью не командовавшій, никогда со времени поручичьяго чина въ строю не бывавшій, Кремневъ между тѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ—генералъ-майоръ, мѣтящій въ лейтенанты. Вотъ это карьера! Да и счастливъ всячески.

Digitized by Google

III.

И дѣйствительно, со стороны поглядѣть—генералъ Кремневъ, съ его апетитомъ, его длинными бакенбардами и звѣздами всякихъ европейскихъ и внѣ-европейскихъ государствъ, какъ сыръ въ маслѣ катается.

Однако, самъ генералъ, когда ему объ этомъ намекали, изъ себя выходилъ.

— Удивительный народъ! Судятъ по себѣ! У меня вонъ, не говоря о Скобелевѣ, цѣлая дюжина товарищей, что въ сорокъ лѣтъ мѣтили въ полные генералы, а въ пятьдесятъ то всѣ попадали. У меня аппетитъ хорошій—дался имъ. Что же я ихъ, что-ли, кусаю да грызу? Вольно же было кочерыжками на свѣтъ являться! Мельчаетъ человѣческій родъ! Дойдутъ люди до того, что будутъ родиться и жить на свѣтѣ въ видѣ Коховской запятой. Ужь и теперь заѣдешь въ театръ или на балъ—не публику видишь, а ходятъ все какіе-то микробы. Ордена мои? Да чорта-ли въ нихъ! Все бирюльки! Третьей, да четвертой степени побрякушки! Каролины да Эрнестины, чуть не Акулины, а Анну на силу, съ трудомъ себѣ выкляньчилъ! А теперь жди Владиміра лѣтъ шесть-семь. А покуда Бѣлый Орелъ прилетитъ, да сядетъ на тебя, такъ товарищи по полку будутъ, гляди, уже пріобщены къ Андрею... А тебя-то пріобщатъ только иначе... предъ смертію.

— Все бы ничего, кабы главное ладилось! Деньги, слава Богу, есть, жена—добрая и хозяйка хорошая, и уважаютъ ее во всей Москвѣ. Дѣти тоже—сыновья не шуты, дочери не дурнорожи. Ну, да все обстоитъ, какъ слѣдуетъ. Только одно — не везетъ. Пролѣзъ въ генералы такъ, что бока обмяли и застрялъ. А спросили бы, каково было лѣзть! Это не то, что Иванъ Андреевичъ Недюжевъ. У него не бирюльки! У него даже прусскій Красный Орелъ, даже Анунціата. Итальянскій король двоюроднымъ братцемъ причитается чрезъ эту общую сестрицу. А изъ своихъ—Александра-Невскаго уже давно ожидаетъ. Вотъ это карьера! Вотъ это счастіе! Помню Недюжева еще въ кадетскомъ корпусѣ, мы его „Туркой“ звали. И не за лицо, а за то, что всякій на немъ свою силу пробовалъ, хлопая его по башкѣ. Одно было только поразительно. Ужасно любили его всякіе надзиратели, учителя и самъ

Digitized by Google

директоръ. А теперь въ Петербургѣ его этакъ же любятъ. Такой талантъ! И теперь что же? На дняхъ мнѣ сказали, что онъ изъ членовъ Совѣта мѣтитъ повыше: не нынче-завтра въ товарищахъ будетъ, а тамъ гляди и самъ премьеромъ станетъ. Да! Министръ Недюжевъ? А ты тутъ съ разными Аннушками, да заграничными Эрнестинами и Акулинами только въ Англійскомъ клубѣ почетомъ пользуешься. Да еще въ добавокъ только за то, что въ карты вѣчно проигрываешь.

И правъ былъ въ этомъ генералъ Кремневъ, что карьера его товарища по корпусу, Недюжева, была быстрая и блестящая. Пробывъ военнымъ всего десять лѣтъ, онъ перешелъ въ статскую службу, обмѣнивъ чинъ ротмистра гвардіи на крупный статскій чинъ, такъ какъ эти много дешевле тѣхъ. Вѣроятно, потому, что на нихъ хоть спросъ и великъ, а предложеніе еще сильнѣе. Въ военной службѣ доходятъ до чиновъ, а въ статской—досиживаютъ.

Разумѣется, Недюжеву помогло и то обстоятельство, что онъ въ молодости былъ извѣстенъ коротко, а затѣмъ сталъ любимцемъ двухъ великихъ князей... Помогло и то, что Недюжевъ безвыѣздно сидѣлъ всю свою жизнь въ Петербургѣ и дальше Тулы и Рязани никогда не ѣздилъ. Францію и сѣверную Италію зналъ онъ однако такъ же хорошо, какъ и Петербургъ, потому что ѣздилъ постоянно на морскія ванны въ Біаррицъ, послѣ чего отдыхалъ въ Ниццѣ. Но ему было это необходимо — Богъ велѣлъ, такъ какъ все остальное время года онъ работалъ, какъ лошадь.

Не было коммиссіи, въ которую бы онъ не попадалъ. Будучи членомъ совѣта уже давно, онъ считался таковымъ, въ отсутствіи котораго всякое дѣло лучше обождать рѣшать.

Послѣдняя его работа былъ проектъ административной реформы, гдѣ главнымъ пунктомъ было назначеніе трехъ вице-губернаторовъ при каждомъ губернаторѣ, такъ же какъ во Франціи, гдѣ при всякомъ префектѣ можетъ быть до семи подпрефектовъ.

Этотъ проектъ надѣлалъ много шума главнымъ образомъ потому, что сразу создавалось около ста пятидесяти мѣстъ вице-губернаторовъ. А этакій кличъ кликнуть на всю Россію — кого не поднимешь на ноги, кого не всполошишь?

И дѣйствительно, Недюжева всегда поминаютъ, каждый разъ, что какой-нибудь товарищъ министра уходитъ.

Благодаря Бога, въ Россіи Недюжевъ можетъ мечтать сдѣ-

Digitized by Google

ляться и министромъ. Это не за-границей! Тамъ про министерство говорятъ: оно пало! А у насъ говорятъ это только про скотину. И когда за-границей какой министръ палъ, надо, чтобы цѣлая туча народу согласилась пустить тебя занять мѣсто падшаго. Тамъ проектомъ о вице-губернаторахъ пожалуй что и не выскочишь!

Впрочемъ, Недюжевъ не роптalъ на свою судьбу. Одному только всю жизнь завидовалъ онъ: здоровью, свободѣ и семейной жизни. Онъ же самъ былъ холостякъ и совершенно больной съ молодости. Еще въ корпусѣ товарищи забижали его, потому что онъ былъ слабосиленъ, золотушенъ и нервенъ. Поэтому и не пришлось ему влюбиться, не пришлось и жениться. А, можетъ быть, просто и некогда было. Когда онъ былъ военнымъ, пожалуй еще, а съ тѣхъ поръ, что перешелъ въ статскую службу, работа и визиты къ вліятельнымъ людямъ брали все время.

И хотя теперь, пожалуй, толкуютъ о немъ, какъ о будущемъ министрѣ, да вѣдь это хорошо „имъ“ видѣть въ этомъ что-то особенное. А ему, по его натурѣ, собственно говоря, было-бы лучше совсѣмъ иное положеніе. Вотъ хотя бы положеніе его друга—барона Штирлица.

Министрамъ, правда, оказываютъ извѣстный почетъ. Повсюду одно слово „министръ“ какъ-то странно звучитъ надъ ухомъ. Скажи вотъ кому-нибудь хоть на улицѣ: „за вами министръ идетъ“! На сто тысячъ пари держать можно, что этотъ и всякій-то человѣкъ, самый нелюбопытный—все-же обернется.

Но есть другое положеніе и званіе, которое равнозначуще—именно то, что его другъ Штирлицъ. Скажи кому на улицѣ: „за вами милліонеръ идетъ“! Всякій такъ обернется, что только-бы шею не свихнуть.

IV.

Да, Штирлицъ—архимилліонеръ. Сколько у него ихъ, милліоновъ, — совершенно неизвѣстно даже ему самому. Однажды баронъ признался:

— Сегодня, кажется, одиннадцать, но если придете спросить черезъ недѣлю, то вѣрно вамъ говорю, что будетъ больше двѣнадцати, а, можетъ быть, и десять. Но изъ этого пункта, надѣюсь, никогда не выйти, все буду прыгать — за предѣломъ десяти—вверхъ и внизъ, но ниже десяти никогда не опущусь.

Digitized by Google

Если завтра предложать барону Штирлицу идти проситься на мѣсто „падшаго“, то онъ отвѣтитъ:

— Ни падшимъ мужчинамъ, ни падшимъ женщинамъ я не завидую и на ихъ мѣсто не прошусь.

Да и на что барону власть и почетъ, когда и теперь при произнесеніи его имени всѣ и вся оборачиваются, кидаются, окружаютъ его и со страстною нѣжностью въ голосѣ справляются объ его здоровьи. Иной такъ спрашиваетъ о здоровьи барона, какъ если-бы оно было его собственное.

А между тѣмъ этотъ Штирлицъ холодно-любезенъ со всѣми и вѣчно угрюмъ, вѣчно не только не въ духѣ, а будто у него поутру или вчера вечеромъ случилось не вѣсть что худое въ жизни.

Дѣйствительно, баронъ Штирлицъ былъ самый суровый человѣкъ на свѣтѣ. Дѣла были въ блестящемъ положеніи. Самъ Ротшильдъ говорилъ, что онъ былъ-бы счастливъ, если-бы въ его дѣлахъ была та же „ясность“, какая была въ дѣлахъ россійскаго Штирлица.

А между тѣмъ баронъ не былъ счастливъ. По ночамъ, случалось, онъ просыпался вдругъ, какъ отъ удара, вскакивалъ на постели, садился, крестился, вздыхалъ. Иногда, по поводу какого-нибудь пустяка, чего-либо случившагося на улицѣ, прочитаннаго въ газетахъ, или сказаннаго въ разговорѣ съ знакомыми, Штирлицъ будто слегка мѣнялся въ лицѣ, косился, озирался, подавлялъ тяжелый тайный вздохъ. Однимъ словомъ, у Штирлица было что-то такое на душѣ, чего не дай Богъ никому. Что именно—конечно, онъ никогда никому не сказалъ, не сказалъ даже на исповѣди, но часто, часто мысленно говорилъ это Богу, прося прощенія, вѣруя, что и послѣднему разбойнику за одну секунду искренняго раскаянія простятся всѣ грѣхи его и даже иной великій, тягчайшій грѣхъ.

Карьеры блестящей и почета съ ней связаннаго Штирлицъ даже не понималъ. Двадцати двухъ лѣтъ онъ уже унаслѣдовалъ отъ отца два милліона, и уже тогда его часто называли „превосходительствомъ“. За-границей величали его графомъ и княземъ. Въ Петербургѣ самыя крупныя личности, находящіяся у кормила правленія, обтоптали порогъ его дома.

Власть министра и вообще власть — да, это завидная доля. Но зачѣмъ власть? Для чего, съ какой точки зрѣнія, съ какой цѣлью? Власть приноситъ громадную пользу людямъ, власть дѣлать добро ближнимъ, власть, наконецъ, прославить свое оте-

Digitized by Google

чество, — да вѣдь это что-же?! Вотъ власть: измѣнять карту Европы! Гремѣть не въ ней одной и даже не въ полушаріи, а въ обоихъ! Вести свой народъ державною рукой туда, гдѣ ждетъ его и благосостояніе, и величіе, и слава,—вотъ это власть!

Вотъ, когда баронъ бывалъ въ Берлинѣ, тогда онъ завидовалъ. Онъ являлся въ своемъ мундирѣ съ безчисленнымъ количествомъ всякихъ звѣздъ, данныхъ ему за пожертвованія, и представлялся сребровласому старцу — императору съ чудными глазами, съ чѣмъ-то дѣйствительно августѣйшимъ, разлитымъ во всей его фигурѣ, во всѣхъ движеніяхъ. Земная доля или миссія Вильгельма, который, когда-то сдѣлавшись королемъ, дрожалъ за свою собственную личность среди улицъ Берлина, переполненныхъ бунтарями, а теперь былъ уже владыкой обширной имперіи и побѣдителемъ всѣхъ, объединителемъ своего отечества, казалась Штирлицу—завидною.

Вотъ быть императоромъ Вильгельмомъ — это другое дѣло! Вести цѣлую націю за собой и изъ прусскаго короля, собиравшагося бѣжать изъ Берлина отъ черни, баррикадъ и насилій, стать императоромъ германскимъ—это завидная доля! Тутъ все. И какой слѣдъ останется въ исторіи! О деньгахъ мечтаютъ лишь тѣ, у кого ихъ нѣтъ. А что же мнѣ мои милліоны? Для счастія человѣка нужно лишь извѣстное количество червонцевъ — тутъ тоже есть предѣлъ. Колеса своей кареты не обдѣлаешь бриллiантами, яхонтами и изумрудами? А если и будешь ѣздить на лошадяхъ съ золотыми подковами, если монтируешь каретный ходъ у ювелира, и вставишь на карету вмѣсто фонаря—„Коги-Нуръ“ или „Регента“ или другой какой брилліантъ, то отъ этого счастливѣе не будешь.

Для императера Вильгельма есть предѣлъ его власти, но этотъ предѣлъ у геркулесовыхъ столбовъ, за которыми уже начинается чрезмѣрное, бѣдственное, незаконное и нелѣпое. Переступи онъ этотъ предѣлъ, то станетъ бичемъ Божіимъ.

Когда баронъ Штирлицъ представлялся императору Вильгельму, онъ изумлялся и даже внутренно наслаждался, глядя на его свѣтлые чудные глаза, его лицо съ серебряными волосами, серебряными бакенбардами и усами.

„Вотъ это человѣкъ счастливый! думалъ баронъ. Его жизнь не прошла безслѣдно! И чѣмъ дальше будутъ чередоваться десятилѣтія и вѣка, тѣмъ, быть можетъ, все больше и больше будетъ расти его личность. И станетъ, наконецъ, легендарною“.

Digitized by Google

А между тѣмъ баронъ помнилъ, какъ однажды, послѣ краткой бесѣды съ императоромъ, который его зналъ давно лично и относился къ нему милостиво, онъ пріѣхалъ домой и задумался. Императоръ сказалъ ему по поводу разговора объ удачѣ и счастіи:

— Знаете-ли, милый баронъ, не я, а вотъ котъ—самое счастливое существо на свѣтѣ!

И онъ указалъ на огромнаго и толстаго кота съ прозвищемъ „Тамерланъ", который вѣчно на подоконникѣ кабинета монарха грѣлся на солнцѣ. Дѣйствительно, императоръ любилъ этого Тамерлана, котъ повсюду слѣдовалъ за нимъ, сидѣлъ у него на колѣнахъ, а поэтому понятно, что когда котъ проходилъ важно чрезъ весь дворецъ, то всѣ сторонились, а иные камергеры такъ давали ему дорогу, что выходило, будто они кланяются и ножкой коту шаркаютъ.

И разумѣется, во всемъ дворцѣ всѣ ласкали и любили кота, разумѣестя, во всемъ Берлинѣ котъ былъ столько-же извѣстенъ, сколько и князь Бисмаркъ. Разумѣется, вся Германія слыхала про Тамерлана; про него и въ газетахъ не разъ говорили, да и не одни пресмыкающіеся.

Однимъ словомъ, монархъ былъ правъ: ужь если житье-бытье этого кота считать несчастливымъ, такъ кто-же тогда счастливъ. У него были только права, а обязанностей не было. Такъ гдѣ-же монарху, какому ни на есть, сравниться съ нимъ, не говоря уже объ остальномъ человѣчествѣ:

Разумѣется, баронъ Штирлицъ, вспоминая выраженіе императора, улыбался иногда разсказывая и смѣялся, что германскій императоръ какъ-бы завидуетъ судьбѣ собственнаго домашняго животнаго.

V.

Прошелъ годъ, и Штирлицъ, прочтя однажды газеты, ахнулъ, вскочилъ съ мѣста и вскрикнулъ:

— Бѣдный старикъ! Въ его годы, послѣ всего, что онъ сдѣлалъ! Это ужасно! Въ какое время мы живемъ?!

Онъ прочелъ о страшномъ злодѣяніи — покушеніи на жизнь сребровласаго и кроткаго монарха, сдѣланномъ однимъ человѣкомъ, который его никогда не видалъ и который поднялъ на

Digitized by Google

него руку. Во имя злобы, ненависти, зависти, мести? Нѣтъ! Во имя утопіи, марева! Монархъ оказался виноватъ предъ нимъ лишь въ томъ, что не всѣ люди на землѣ равно счастливы.

Читая въ газетахъ, какъ старца Монарха принесли изъ Unter den Linden во дворецъ всего окровавленнаго, баронъ былъ пораженъ и задумался.

Онъ пересталъ завидовать Вильгельму. Анархизмъ все разгорался въ Германіи, и старецъ Императоръ могъ ожидать всякій день—быть убитымъ.

А баронъ Штирлицъ любилъ жизнь. Существованіе земное казалось ему благомъ—и единственнымъ. Все остальное на свѣтѣ представлялось ему обманомъ чувствъ, самообманомъ, миражемъ, условною комедіей среди людей, безсмысленными сновидѣніями, надъ которыми долженъ разумъ издѣваться, а не преклоняться.

— Да. Земное существованіе — вотъ благо... Да и что такое жизнь? Калифъ на часъ! думалось барону.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ грустно улыбнулся, когда его пріятель Недюжевъ завидовалъ его положенію архимилліонера, человѣка, обладающаго властью, здоровьемъ и свободой передвиженія.

Все-бы хорошо... Еслибы не одно нѣчто, что никому ни разу не повѣдалъ и не объяснилъ Штирлицъ, что лежало гнетомъ на его душѣ и было игомъ всего его существованія.

Недюжевъ, не зная тайны барона, могъ завидовать, но еслибы онъ зналъ все... Тогда навѣрно онъ отнесся бы къ положенію барона совершенно иначе.

Однажды, среди зимы, Недюжевъ однако былъ озадаченъ, даже взволнованъ.

По Петербургу молніей пронеслось извѣстіе, что Штирлицъ застрѣлился... Сначала весь городъ подумалъ, что милліонеръ раззорился, обанкрутился и не захотѣлъ пережить нищету и позоръ.

Оказалось, что банкирское дѣло было въ полномъ, идеальномъ порядкѣ.

Баронъ оставилъ письмо, въ которомъ объяснялъ, что почти всю жизнь несъ тяжкое иго... Какое? Это тайна, которая должна быть унесена имъ въ могилу. Еслибы онъ остался живъ, то эта тайна, скрываемая сорокъ лѣтъ, огласилась бы. И онъ предпочитаетъ смерть... Только одно на свѣтѣ понималъ и любилъ

Digitized by Google

онъ—жизнь! Существованіе!.. И вотъ злая судьба отняла это единственное цѣнное для него. Тысячу разъ предпочелъ бы онъ стать нищимъ, бродягой, но видѣть солнце и небо синее еще съ десятокъ или два лѣтъ.

Присутствуя на пышныхъ похоронахъ барона, Недюжевъ все время размышлялъ о томъ, какъ вчужѣ можно зря судить и ошибаться. Если положить всѣ десять милліоновъ покойнаго на одну чашку вѣсовъ, а на другую чашку такую тайну, сорокъ лѣтъ скрываемую, отъ которой, наконецъ, надо застрѣлиться, то... То — что же? Да никто этихъ милліоновъ не согласится взять.

Между тѣмъ судьба самого сановника и кавалера многихъ русскихъ и иноземныхъ орденовъ, которымъ такъ завидовалъ генералъ Кремневъ, вдругъ настолько измѣнилась, что Недюжеву—грѣхъ было-бы кому-бы то ни было позавидовать. Недюжевъ сталъ вдругъ, въ минуту, когда наименѣе ожидалъ—„товарищемъ“.

Говорятъ, что изъ всѣхъ товариществъ, какія существуютъ на свѣтѣ, самые плохіе и ненадежные товарищи—у министровъ, потому что... спятъ и видятъ перестать быть товарищемъ и своихъ завести.

Генералъ Кремневъ, узнавъ, что Недюжевъ въ товарищахъ, озлобился:

— Вотъ ужь дуракамъ только да хворымъ—счастье на землѣ вообще и въ Россіи въ особенности! злился генералъ. Поглядѣть, что онъ? Дохлый да чахлый.

А между тѣмъ генералъ сейчасъ согласился бы быть этимъ дуракомъ, сейчасъ отдалъ бы свое желѣзное здоровье за чахлость Недюжева.

Чрезъ полгода Кремневъ вдругъ разсвирѣпѣлъ. По Петербургу пронесся слухъ, что „товарищъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ его товарищъ по школьной скамьѣ назначается министромъ.

— Мы на его башкѣ силу пробовали! Мы его „Туркой“ звали. Его только лѣнивый не билъ, вопилъ генералъ дома, въ гостяхъ и въ клубѣ.

Разумѣется, самъ Недюжевъ, всю жизнь проработавшій за столами канцелярій и департаментовъ, будучи на зенитѣ своей служебной карьеры—не былъ просто доволенъ или счастливъ... Онъ, казалось, временно потерялъ разсудокъ.

Digitized by Google

Недѣлю тянулось дѣло... Министръ его долженъ былъ „слетѣть“ или „вылетѣть“, а онъ на его мѣсто „попасть“.

Такими словами опредѣляютъ всѣ, какъ всегда, движеніе служебное высшихъ сановниковъ въ Петербургѣ. Сначала министръ долженъ былъ „вылетѣть“, то-есть получить отставку съ сохраненьемъ содержанія и причисленьемъ, а затѣмъ оказалось, что онъ просто „слетитъ“ при будущемъ своемъ докладѣ...

Недюжева поздравлялъ весь городъ. Онъ совершенно лишился разсудка... Оставаясь одинъ у себя въ кабинетѣ, онъ подходилъ постоянно къ зеркалу и все глядѣлъ на себя... Онъ даже замѣтилъ вдругъ, что плеча его слишкомъ покаты и что надо будетъ „тогда“ приказать портному подложить ваты. Такъ, съ полъвершка...

А главное, надо будетъ „тогда“ сдѣлаться спокойнѣе въ своихъ движеніяхъ, въ ходьбѣ, даже въ рѣчахъ... Необходима внушительная медленность во всемъ. Эдакая августѣйшая степенность. Развѣ монархи кричатъ, спорятъ, машутъ руками, шагаютъ, какъ посыльные?..

VI.

Однажды вечеромъ Недюжевъ почувствовалъ себя слабымъ. Здоровье его, всегда плохое, не выдерживало пытки ожиданія „полета“ его министра. Онъ вспомнилъ, что уже недѣлю почти не спитъ, почти не ѣстъ отъ внутренняго волненія.

— Ну вотъ, завтра конецъ! рѣшилъ онъ. Весь Петербургъ, любезно поздравлявшій сегодня и вчера, завтра явится поздравлять опять, но не просто любезно, а почтительно-любезно...

На третій день вечеромъ генералъ Кремневъ, узнавъ новость, бѣгавшую по столицѣ, разинулъ ротъ и выговорилъ:

— Батюшки!!. Что вы?!.

Оказалось, что Недюжевъ при смерти... Случилось нѣчто простое... Министръ дѣйствительно слетѣлъ, но на его мѣсто былъ назначенъ „товарищъ“ изъ другого министерства. При этомъ извѣстіи какія-то мурашки забѣгали по тѣлу Недюжева, потомъ всѣ собрались вмѣстѣ около его щекъ и висковъ...

Больше онъ ничего не ощутилъ и не помнилъ. Когда же онъ пришелъ въ себя, то не думалъ уже о постѣ министра, а мечталъ только о постѣ или мѣстѣ среди живыхъ людей, такъ какъ у него сдѣлался ударъ.

Digitized by Google

И Недюжевъ поправился за-границей на водахъ, но былъ и остался въ отставкѣ, такъ какъ парализія позволяла жить, но не дозволяла служить.

Генералъ Кремневъ былъ доволенъ...

— Спасибо, что на эдакихъ кандидатовъ въ министры, говорилъ онъ, на эдакихъ честолюбцевъ, если суда общественнаго нѣтъ, такъ, по крайней мѣрѣ, „Кондрашка“ есть.

И странное дѣло, многіе люди, такъ же какъ и генералъ, не жалѣли Недюжева. Подвергнуться параличу изъ-за честолюбія— всѣмъ казалось забавнымъ.

— А я еще все этой „Туркѣ“ завидовалъ, упрекалъ себя Кремневъ. Вотъ онъ теперь, говорятъ, половину россійскихъ словъ забылъ, а другую половину такъ произноситъ, что понять нельзя... Вмѣсто „Евдокія“ говоритъ „обмокни“, какъ тетушка Бурдюкова свое завѣщаніе подписала. А я-то при своемъ здоровьѣ сто лѣтъ проживу и еще поди многихъ обгоню.

И генералъ былъ правъ. Не одинъ Лихонинъ завидовалъ его желѣзному здоровью и его аппетиту. Живи Кремневъ въ глуби прошлыхъ вѣковъ, то навѣрное лакомился бы такъ, какъ гигантъ въ сказкѣ „Мальчикъ съ пальчикъ“.

Однако, однажды Лихонинъ, удрученный болѣе чѣмъ когда-либо своими семейными дѣлами, поведеньемъ жены и завидовавшій генералу, узналъ нѣчто простое, но поразительное... Всякій день такое случается, а люди все дивятся.

Генералъ Кремневъ раньше вернулся домой изъ клуба, чувствуя себя скверно... Это было въ десять часовъ вечера... Въ полночь послали за докторомъ.

Всю ночь генералъ былъ боленъ... Болѣзнь его была простая, но названіе болѣзни было страшное, ужасное. Даже можно сказать, что не самая болѣзнь, а названіе было смертельное. Холера.

— Вотъ тебѣ и здоровье! говорилъ Лихонинъ чрезъ сутки, прочтя въ газетахъ объявленіе родственниковъ генерала о „непродолжительной, но тяжкой болезни.“

Не болѣзнь конечно, а названіе болѣзни свернуло генерала въ четырнадцать часовъ времени. Онъ узналъ поутру, что въ городѣ холера, въ сумерки чувствовалъ ознобъ, вечеромъ послѣ обѣда желудокъ разстроился, какъ бывало у генерала не разъ, но не чаще трехъ разъ въ году... Сообразивъ, что у него разстройство желудка, а въ городѣ холера, генералъ отъ сочетанія этихъ двухъ разсужденій пришелъ къ умозаключенію, что онъ

Digitized by Google

боленъ серіозно, а чрезъ часъ послѣ этого и къ ощущенію, что онъ совсѣмъ плохъ...

Чрезъ восемь часовъ онъ былъ въ безпамятствѣ, а чрезъ четырнадцать на томъ свѣтѣ. Назови доктора болѣзнь генерала какъ ни на есть, но иначе, хоть „жупеломъ“, хоть „абракадаброй“— Кремневъ былъ бы живъ.

— Нѣтъ, ужь лучше возиться со срамною женой... Поживетъ— остепенится, скандалы забудутся всѣми, думалъ Лихонинъ. Лучше съ катаромъ желудка жить, чѣмъ безъ катара въ гробу лежать. Разумѣется, мнѣ не красно живется. За то вотъ денегъ куча... Валитъ и валитъ. А иной и моему положенью завидуетъ.

Лихонинъ не зналъ, что именно его vis-à-vis, лавочникъ Большаковъ, постоянно завидуетъ барину, у котораго пропасть домовъ въ городѣ.

VII.

Но прошелъ годъ, и Большаковъ, узнавъ о томъ, что приключилось съ бариномъ Лихонинымъ, ахнулъ и спросилъ удивляясь!

— Да почему же эдакое на биржѣ бываетъ?

— Такъ потрафляется! объяснили ему. И даже зачастую Что ни день—эдакое...

Приключилось простое дѣло. Лихонинъ, изъ-за какого-то Большакову непонятнаго событія за границей, потерялъ сразу полъ-состоянія, затѣмъ, пожелавъ поправить проруху—баринъ потерялъ все... Все до послѣдняго гроша. Дома всѣ были проданы... Разумѣется, одновременно и супруга его, госпожа Лихонина, предпочла уѣхать въ Біаррицъ, съ извѣстнымъ фабрикантомъ не то посуды, не то бархата... который по состоянію былъ большой московскій тузъ, а по привычкамъ большой Донъ-Жуанъ.

И очутился г. Лихонинъ сразу соломеннымъ вдовцомъ и на улицѣ нищимъ. Куда онъ скрылся, было никому неизвѣстно. Извощикъ Еремѣй говорилъ, что свезъ барина на Курскую желѣзную дорогу съ махонькимъ сакъ-вояжемъ. Багажа у барина будто бы совсѣмъ не было, когда онъ бралъ билетъ...

— Вотъ тебѣ и биржа! говорилъ Большаковъ. Спасибо—мы этимъ дѣломъ не занимаемся. Намъ прогорѣть нельзя во вѣки вѣковъ. Свѣчи да сахаръ да всякое такое всегда покупателя дождутся. Грѣхъ завидовать людямъ. А главное „глупство“. Гляди

Digitized by Google

лучше почаще на тѣхъ, кому хуже тебя... Вонъ сказываетъ Еремѣй, извощикъ, что я у Христа за пазухой... Да... А не знаетъ Еремѣй, мою занозу. Сынокъ мой...

Дѣйствительно, сынокъ Большакова что ни день все пуще огорчалъ лавочника. Прежде онъ пьянствовалъ и кутилъ съ товарищами, молодцами, отцовъ и матерей которыхъ Большаковъ зналъ лично. За послѣднее же время сынокъ сдружился съ такими странными и удивительными личностями, что сыну лавочника, казалось бы, должны быть и не парой.

Всѣ эти новые друзья сынка были франты въ высокихъ городскихъ шляпахъ, съ перстнями на пальцахъ и при деньгахъ, которыя швыряли. Сынокъ тянулся за ними, и Большаковъ давалъ, давалъ и, наконецъ, проухавъ въ послѣдній годъ четыре тысячи изъ-за сынка, пересталъ давать.

— Послѣ моей смерти получишь все... сказалъ онъ. Получишь чистыми сорокъ семь тысячъ—умри я сейчасъ. А проживу,—можетъ, и всѣ сто тебѣ оставлю. А теперь ни... ни алтына больше не дамъ. Хорошо твоимъ франтамъ - пріятелямъ эдакъ кутить, коли они дворяне да богачи... А мы изъ мужиковъ...

И сынокъ Большаковъ въ отвѣтъ на рѣшительный отказъ отца давать денегъ—скрылся и пропалъ безъ вѣсти...

Съ полгода горевалъ купецъ Большаковъ. Одинъ сынъ и тотъ пропалъ. Да говорятъ еще, что его друзья-пріятели не дворяне саврасы, а простые жулики, живущіе всякими мошенничествами. Главный, что ходилъ съ брильянтовымъ перстнемъ на пальцѣ—ужь въ острогѣ сидитъ чуть не за убійство...

Но скоро у Большакова была радость въ домѣ. Блудный сынъ вернулся, покаялся во всемъ и просилъ прощенія у отца, обѣщаясь исправиться совсѣмъ и сдѣлаться его помощникомъ въ торговлѣ.

Всѣ объ этомъ въ околодкѣ узнали и обрадовались счастію Большакова, такъ какъ всѣ покупатели любили и уважали степеннаго и добраго купца.

— Одна бѣда была у купца, говорилъ извощикъ Еремѣй нянюшкѣ съ Петей, которыхъ каталъ по городу... Одна бѣда—сынокъ. Но и это благодаря Бога наладилось. Повинился и за прилавкомъ стоитъ. Полно дебоширничать съ острожниками и жуликами. Торгуетъ и отцево дѣло ведетъ. Да какъ повелъ то еще? Большаковъ ахаетъ. По новому! На тысячи рублей въ ре-

Digitized by Google

дить ему дають фабрики. Скоро переведутъ магазинъ изъ переулка нашего на Вознесенскую улицу.

Однако вмѣсто этой перемѣны у Большаковыхъ случилось вдругъ страшное и темное дѣло.

Среди ночи купецъ былъ зарѣзанъ, а сынъ его пораненъ неизвѣстными злоумышленниками.

Началось слѣдствіе...

И вдругъ однажды молодой Большаковъ, торговавшій въ лавкѣ съ подвязанною рукой, которая была поранена злодѣями въ злополучную ночь... молодой купецъ былъ взятъ подъ стражу и попалъ въ предварительное заключеніе. Молодца самого подозрѣвали въ убійствѣ отца, и улики были тяжкія.

Чрезъ девять мѣсяцевъ какая-то женщина явилась наслѣдовать послѣ Большаковыхъ, такъ какъ если одинъ былъ на кладбищѣ, то другой въ Сибири, на каторгѣ безъ срока.

— Вотъ дѣло-то! Ахъ, Господи! вздыхалъ Еремѣй. На моихъ глазахъ разжился, и на моихъ почитай глазахъ зарѣзанъ. Да и кѣмъ? Роднымъ сыномъ!

И Еремѣй, катая по городу Петю съ нянюшкой, винился имъ, что, бывало, „закидывалъ“ на Большакова „завидущее око“.

А мальчуганъ Петя, слушая страшные разсказы Еремѣя про купца, глядѣлъ на его лошадку и возжи и соображалъ свое.

— Какъ бы я сейчасъ въ извощики пошелъ! Жалуется Еремѣй, денегъ мало у него... Да это совсѣмъ не нужно. За то возжи!

VIII.

Прошелъ годъ, была снова зима, суровая, бѣдовая со страшными морозами.

Петя, поумнѣвъ за годъ, поглядывая по прежнему чрезъ двойныя рамы, часто жалѣлъ пріятеля Еремѣя, который сидѣлъ на облучкѣ своихъ саней съ серебряною бородой и съ серебряными волосами на вискахъ. Но не отъ старости Еремѣй былъ бѣлъ и сѣдъ, а отъ инея.

И какъ-то разъ Петя чуть не заплакалъ отъ жалости. Не видя извощика подъ окномъ, онъ сталъ справляться о немъ у няни.

Няня справилась чрезъ людей и узнала, что бѣдный Еремѣй въ больницѣ. Извощикъ такъ отморозилъ себѣ ноги и руки, что

Digitized by Google

сказываютъ, что ему будто нѣсколько пальцевъ на рукѣ и одну ногу, лѣвую, хотятъ отнять, отрѣзать.

— Отрѣжутъ ногу! ахнулъ Петя.

И, конечно. побожился мальчуганъ никогда извощикамъ и ихъ возжамъ не завидовать.

Въ то же время оставалось одно существо, маленькое и лохматое, которое продолжало злиться и визжать, когда Петя ѣлъ сладкіе пирожки.

Амишка, по своей собачьей глупости, не знала и не понимала, что если у Пети бываютъ въ рукахъ пирожки, то бываютъ теперь и книжки, надъ которыми онъ плачетъ, зубря уроки.

И однажды эти книжки привели къ тому, что Амишка, забившись со страху подъ диванъ, взирала на Петю и дрожала всѣмъ тѣломъ.

Мальчугана Петю мамаша сѣкла за лѣнь. Держа его лѣвою рукой за руку, правою она размахивала пучкомъ розогъ и шлепала по бархатнымъ шароварамъ мальчика.

Амишка, глядя умными глазами, будто смекала: „Нѣтъ, ужь я лучше одною говядинкой обойдусь. Что мнѣ его пирожки, если эдакъ-то бываетъ съ нимъ“!..

Гр. Салiасъ.

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

ОБЪ ОЛИГАРХИЧЕСКИХЪ ТЕНДЕНЦІЯХЪ ВЕРХОВНАГО ТАЙНАГО СОВѢТА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ I.

ВВЕДЕНІЕ.

Верховный тайный совѣтъ въ русской исторической литературѣ.

Еще Соловьевъ отмѣтилъ необоснованность того взгляда, который видитъ въ эпохѣ, смѣнившей періодъ реформъ Петра, „время печальное, непривлекательное, время малоспособныхъ правителей, дворцовыхъ переворотовъ, недостойныхъ любимцевъ". [1]

И хотя съ тѣхъ поръ издано не мало новыхъ документовъ, относящихся къ этому времени, тѣмъ не менѣе предвзятое воззрѣніе все еще не хочетъ уступить мѣсто объективной и безпристрастной точкѣ зрѣнія. И это предвзятое воззрѣніе съ особеннымъ упорствомъ и настойчивостью проводится въ тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя посвящены исторіи нашихъ учрежденій, причемъ Верховный Тайный Совѣтъ является излюбленнымъ примѣромъ неустойчивости и безпорядочности, господствовавшихъ будто бы въ нашей администраціи въ эту „злосчастную эпоху".

Первымъ писателемъ, который особенно выпукло и рѣзко охарактеризовалъ Верховный Тайный Совѣтъ, какъ учрежденіе вредоносное, вызванное низменными инстинктами, властолюбивыми влеченіями и корыстными стремленіями немногихъ, былъ покой-

[1] Соловьевъ—„Исторія Россіи" т. XVIII. Москва 1879 г. стр. 269.

Digitized by Google

ный профессоръ Градовскій. Въ своей магистерской диссертаціи *Высшая Администрація Россіи XVIII вѣка*, а затѣмъ и въ *Началахъ русскаго государственнаго права*—онъ не жалѣетъ мрачныхъ красокъ для изображенія темныхъ сторонъ этого учрежденія. „По всему ходу дѣла видно", говоритъ онъ, „что учрежденіе Совѣта принадлежитъ къ разряду самыхъ неожиданныхъ и внезапныхъ государственныхъ переворотовъ. Ничего подготовленнаго гласно и всенародно, какъ подготовлялъ свои преобразованія Петръ; никакой откровенности, никакой основательности въ мотивахъ. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта точно боятся чего-нибудь... Сенатъ пораженъ указомъ; онъ, любимое дитя Великаго Петра, вчерашній повелитель Россіи, сегодня становится въ разрядъ простыхъ коллегій". [1] Верховный Тайный Совѣтъ, по мнѣнію Градовскаго, долженъ былъ удовлетворить притязаніямъ двухъ элементовъ: военнаго управленія, тяготившагося подчиненіемъ Сенату и старыхъ дворянскихъ родовъ, „для которыхъ владычество Сената соединялось съ понятіемъ о табели о рангахъ, о необходимости служебнаго достоинства для повышенія въ службѣ, о строгой диктатурѣ Сената надъ совокупностью служилаго сословія". Учрежденіемъ Совѣта было дано средство военному элементу избавиться отъ подчиненія Сенату, для придворныхъ же была дана „возможность удовлетворить своему честолюбію, не проходя служебнаго поприща и найти пріятное занятіе, не предаваясь серіозному труду"... „Но неожиданнымъ для всѣхъ образомъ въ Тайномъ Совѣтѣ прорвалось другое начало, повидимому, забытое Россіей. Должности членовъ Совѣта попадаютъ въ руки придворныхъ боярскихъ родовъ, быстро складывается у насъ олигархія, дѣло заходитъ о перемѣнѣ основы и формы правленія и это положило конецъ существованію Совѣта". [2] „Такимъ образомъ уже съ самаго начала обнаружились стремленія партіи, создавшей Совѣтъ, она хотѣла унизить Сенатъ въ угоду олигаріи временщиковъ; она хотѣла взять подъ свою опеку Верховную власть, сдѣлавъ Тайный Совѣтъ какъ-бы частью этой власти". [3] Въ указахъ Екатерины I, опредѣлившихъ отношеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта къ Сенату и коллегіямъ, Градовскій

[1] Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры. С.-Петербургъ 1866 г. стр. 137.

[2] Тамъ же, стр. 138.

[3] Начала Русскаго Государственнаго Права т. II. С.-Петербургъ 1876 стр. 130.

Digitized by Google

видитъ рядъ произвольныхъ захватовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, стремившагося сдѣлаться верховнымъ трибуналомъ въ государствѣ наряду съ властью государя. „Трудно опредѣлить", говоритъ онъ, „какія дѣла предоставилъ себѣ Совѣтъ; очевидно то, что онъ стремится сосредоточить все управленіе въ своихъ рукахъ... Узурпируя власть Сената, онъ не могъ взять меньше, чѣмъ имѣлъ онъ, а постарался взять больше"... [1] „Учрежденный сначала для важнѣйшихъ дѣлъ, Совѣтъ постепенно подчиняетъ себѣ всѣ части управленія"... [2] „Верховный Тайный Совѣтъ", по опредѣленію Градовскаго, „боярская дума, получившая самостоятельное политическое существованіе, родовая аристократія, соединенная въ коллегію безъ ея организаціи". [3] Но эта „революціонная попытка", какъ и послѣдующая (учрежденіе Кабинета), не могли, по словамъ Градовскаго, поколебать учрежденій Петра и „пали жертвой собственнаго безсилія". „Неудавшіеся захваты Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета привели, наконецъ, къ возстановленію его учрежденій". [4]

Этотъ взглядъ профессора Градовскаго на Верховный Тайный Совѣтъ, столь рѣзко и энергично выраженный въ приведенныхъ словахъ, опредѣлилъ взглядъ послѣдующихъ писателей на это учрежденіе. Правда, профессоръ Казанскаго Университета, Корсаковъ относится благосклоннѣе къ Верховному Тайному Совѣту, отдавая справедливую дань его дѣятельности, но и онъ не можетъ освободиться отъ взгляда на Верховный Тайный Совѣтъ, какъ на учрежденіе, стремившееся къ политическому господству и къ ограниченію самодержавной власти. „При отсутствіи дѣйствительнаго самодержца на престолѣ", говоритъ онъ, „у родословныхъ людей развивалась и другая мысль: о большемъ расширеніи и распространеніи коллегіальнаго порядка, введеннаго Петромъ Великимъ въ его государственныхъ учрежденіяхъ. „Въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ", говорилъ Петръ, мотивируя преимущества коллегіальнаго порядка передъ управленіемъ единоличнымъ. Князь Меншиковъ былъ полнымъ олицетвореніемъ именно такой единой персоны, преисполненной страсти, и родословные люди весьма естественно приходятъ къ мысли о необходимости верховной коллегіи. Такою коллегіей явился

[1] Высшая администрація стр. 139.
[2] Начала Русскаго Государственнаго Права т. II, стр. 130, 131.
[3] Высшая Администрація стр. 146.
[4] Тамъ же стр. 165.

Digitized by Google

Верховный Тайный Совѣтъ, учрежденный въ 1726 году." [1] „Въ правленіе князя Меншикова, продолжаетъ проф. Корсаковъ, — Верховный Тайный Совѣтъ стремился упрочить за собою высшую правительственную власть. Въ присягѣ гг. министровъ (членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта) и сенаторовъ, изданной вслѣдъ за учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, императрица Екатерина I не имѣетъ титула самодержицы..." [2]

Проф. Ярославскаго Лицея Щегловъ въ своемъ обширномъ историко-юридическомъ изслѣдованіи: „Государственный Совѣтъ въ Россіи," какъ и профессоръ Корсаковъ, подчеркиваетъ плодотворную дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта ко благу всей страны, но и онъ, какъ и почтенный казанскій профессоръ, видитъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ аристократическое учрежденіе, пытавшееся ограничить власть монарха. „По кончинѣ Петра I, говоритъ онъ,—при дворѣ обозначились двѣ аристократическихъ партіи, изъ которыхъ первая состояла изъ родовитыхъ вельможъ, другая—изъ вельможъ, къ которой принадлежали члены новой выслужившейся при Петрѣ I аристократіи." [3] „Чтобы помирить враждебныя партіи знати и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить свою власть, Екатерина рѣшилась образовать такое учрежденіе, въ которомъ подъ ея предсѣдательствомъ могли бы участвовать на равныхъ правахъ важнѣйшіе сановники Имперіи. Такимъ учрежденіемъ явился Верховный Тайный Совѣтъ." [4] „Члены Совѣта не замедлили укрѣпить за нимъ, а слѣдовательно, и за собою первенствующее и исключительное положеніе въ управленіи." [5] „Екатерина согласилась предоставить Верховному Тайному Совѣту всѣ важнѣйшія правительственныя дѣла, вручить ему всѣ функціи управленія." [6]. „Въ такой чрезвычайно широкой по своему объему дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта при Екатеринѣ I сказалось, конечно, стремленіе Совѣта—аристократическаго органа — стать первымъ учрежденіемъ въ государствѣ. Сенатъ—монархическое учрежденіе—долженъ былъ уступить Совѣту всѣ свои права." [7]

---

[1] Д. А. Корсаковъ. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Казань 1880, стр. V.

[2] Тамъ же, стр. VII.

[3] Государственный Совѣтъ въ Россіи, 1892, стр. 528.

[4] Тамъ же, стр. 531.

[5] Тамъ же, стр. 534.

[6] Тамъ же, стр. 536.

[7] Тамъ же, стр. 545.

Digitized by Google

„Верховный Тайный Совѣтъ дѣйствовалъ именемъ Екатерины I, но въ дѣйствительности онъ былъ органомъ несмѣняемыхъ знатныхъ членовъ Совѣта, подъ вліяніемъ которыхъ императрица находилась въ теченіе своего краткаго царствованія". [1]

П. Н. Милюковъ въ своемъ изслѣдованіи „Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII ст." также касается Верховнаго Тайнаго Совѣта, причемъ подробнѣе останавливается на исторіи его возникновенія. Онъ полагаетъ, что устройство Верховнаго Тайнаго Совѣта было уступкой той боярской партіи, которая примирила ее съ воцареніемъ Екатерины I. „Въ ближайшее время послѣ Петра", говоритъ г. Милюковъ, „вопросъ о реорганизаціи высшаго центральнаго управленія получилъ другой смыслъ; административно-техническія цѣли этой реорганизаціи отошли на задній планъ передъ цѣлями политическими; устройство Верховнаго Совѣта было первымъ шагомъ къ конституціонному проекту 1730 г." [2].

Только-что приведенные писатели: Корсаковъ, Щегловъ и Милюковъ, не отказываясь отъ взгляда на Верховный Тайный Совѣтъ, какъ на учрежденіе, при помощи котораго родовитое дворянство стремилось захватить власть въ свои руки, внесли, однако, существенныя поправки въ воззрѣніе Градовскаго на это учрежденіе. Они принимаютъ въ сужденіяхъ о немъ и болѣе умѣренный тонъ, и воздерживаются отъ тѣхъ рѣзкихъ приговоровъ, которые такъ рѣшительно высказываетъ петербургскій профессоръ.

Съ этого пути, идя по которому можно было доискаться исторической правды, круто сворачиваетъ новѣйшій лѣтописецъ Верховнаго Тайнаго Совѣта проф. Филипповъ [3]. Онъ рѣшительно становится на прежнюю точку зрѣнія Градовскаго и безпощадностью и рѣзкостью своихъ отзывовъ еще превосходитъ, если это только возможно, автора „Исторіи высшей администраціи".

Верховный Тайный Совѣтъ, по утвержденію проф. Филиппова, „учрежденіе не-юридическое", „не руководствовавшееся какими-либо строго установленными формами" [4]; оно „незакономѣрно

[1] Тамъ же, стр. 546.

[2] Стр. 677—680.

[3] Исторія Сената въ Правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета. Часть 1. Сенатъ въ Правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Юрьевъ, 1895 годъ.

[4] Стр. 122.

Digitized by Google

устроено“ [1]; это учрежденіе „самовластительное“ [2]. „Совѣтъ въ качествѣ учрежденія политическаго твердо и неуклонно проводилъ лишь одну идею, идею собственнаго верховенства, дѣйствуя въ дѣлахъ активнаго управленія и суда безо всякаго плана и порядка“ [3]. „Уже къ концу царствованія Совѣту удалось быстро, безъ опредѣленнаго заранѣе и вполнѣ яснаго плана, *разрушить* прежнюю организацію Сената. Компетенція его была сведена къ наименѣе важнымъ дѣламъ управленія, его учрежденія *частью были уничтожены*, частью *искалѣчены*, его значеніе было сильно подорвано *самовластительствомъ Совѣта*“ [4]. Совѣтъ не только попиралъ право, но, по увѣренію нашего автора, былъ крайне неразборчивъ въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ плановъ и въ стремленіяхъ къ политическому владычеству былъ даже готовъ идти на неблаговидные поступки [5]. Политическія тенденціи, которыя мѣшали Совѣту быть дѣловымъ учрежденіемъ и парализировали его законодательную и правительственную дѣятельность, носили, по мнѣнію г. Филиппова, олигархическую окраску. Онъ ихъ называетъ поэтому „олигархическо-политическими“ [6]. Самыхъ членовъ Совѣта онъ не безъ оттѣнка не то презрѣнія, не то насмѣшки обзываетъ „россійскими“ олигархами [7] и говоритъ объ ихъ „олигархическихъ затѣяхъ“. Г. Филипповъ видитъ въ самомъ учрежденіи Совѣта уступку боярской партіи. По его словамъ, въ новомъ учрежденіи открывалась возможность для этого боярства играть политическую роль [8]. Нашъ авторъ совершенно серьезно доказываетъ, что кондиціи, предложенныя Аннѣ Іоанновнѣ, „не вносили фактически ничего новаго въ дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта, который и раньше, отчасти уже при Екатеринѣ I, пользовался всѣмъ тѣмъ, что онъ хотѣлъ себѣ юридически гарантировать при воцареніи Анны“ [9].

Воззрѣнія проф. Филиппова на Верховный Тайный Совѣтъ,

---

[1] Стр. 189.
[2] Стр. 189, 481 и мн. др.
[3] Стр. 481.
[4] Стр. 480, 189.
[5] Стр. 186.
[6] Стр. 124.
[7] Стр. 76.
[8] Стр. 28, 29.
[9] Стр. 135, 136.

Digitized by Google

какъ видитъ читатель, не новы. Сложились они на фонѣ того ходячаго представленія, по которому Верховный Тайный Совѣтъ „сборище олигарховъ, преслѣдовавшихъ исключительно свои эгоистическія цѣли". [1] На фонѣ этого ходячаго представленія проф. Филипповъ выводитъ цѣлую сѣть узоровъ, которые, въ свою очередь, представляютъ собою ничто иное, какъ болѣе подробное развитіе тезисовъ, выставленныхъ Градовскимъ, Корсаковымъ, Щегловымъ и Милюковымъ. Проф. Филипповъ беретъ, такимъ образомъ, краски для своей картины съ чужой палитры, но онъ ихъ не только сильно сгущаетъ, но и устраняетъ изъ нихъ всѣ тѣ, которыя могли бы придать его мрачной картинѣ болѣе мягкій тонъ. Онъ не хочетъ видѣть въ дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта никакихъ свѣтлыхъ сторонъ, на которыя указываютъ Корсаковъ и Щегловъ. Въ его книгѣ находитъ откликъ только то, что можетъ набросить тѣнь на Верховный Тайный Совѣтъ: это учрежденіе, по мысли проф. Филиппова, было безсильно творить добро, оно умѣло творить только зло, оно умѣло только „захватывать" чужія права, „искалѣчивать" испытанныя учрежденія, „разрушать" исторически сложившійся строй.

Тотъ поэтому, кто хотѣлъ-бы ознакомиться съ отрицательными взглядами нашей исторической литературы на Верховный Тайный Совѣтъ, тотъ можетъ смѣло взять за руководство книгу проф. Филиппова. И мы, которые поставили себѣ задачей провѣрить эти взгляды и указать на ихъ односторонность, возьмемъ за отправную точку работу г. Филиппова. Наши замѣчанія будутъ, поэтому, поневолѣ носить полемическій характеръ, но это будетъ полемикой не съ г. Филипповымъ, а провѣркой тѣхъ отрицательныхъ взглядовъ, которые воспроизведены въ его книгѣ. И цѣль этихъ замѣчаній—отнюдь не разборъ изслѣдованія г. Филиппова, а попытка дать по возможности безпристрастную характеристику Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ его задумала Екатерина I. Мы ограничимся поэтому изученіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта при первой преемницѣ Петра; мы не будемъ заглядывать въ ту эпоху, когда съ воцареніемъ малолѣтняго императора наступили въ нашей государственной жизни чрезвычайныя условія, исказившія первоначальный характеръ Верховнаго Тайнаго Совѣта и измѣнившія его личный составъ, выдвинувъ взамѣнъ птенцовъ Петра любимцевъ царя-отрока.

[1] Корсаковъ, стр. VI.

Digitized by Google

ГЛАВА I.

Возникновеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта

1. Исторія происхожденія Верховнаго Тайнаго Совѣта.

„Устройство Верховнаго Тайнаго Совѣта было первымъ шагомъ къ конституціонному проекту 1730 г.“ Этотъ тезисъ, выставленный г. Милюковымъ, всего рѣзче формулируетъ то ходячее воззрѣніе на происхожденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, которое лежитъ и въ основаніи изложенія гг. Филиппова и Щеглова. Между тѣмъ тезисъ этотъ не имѣетъ никакого оправданія въ тѣхъ историческихъ событіяхъ, которыя привели къ возникновенію Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Съ этими событіями мы и хотимъ прежде всего познакомить читателя, чтобы затѣмъ перейти къ разбору доводовъ тѣхъ изслѣдователей, которые видятъ въ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта первый шагъ къ перемѣнѣ существующей формы правленія.

Возникновенію при Екатеринѣ I совѣщательнаго учрежденія, раздѣляющаго сферу непосредственной дѣятельности монарха, способствовали тѣ особенныя условія, при которыхъ пришлось дѣйствовать императрицѣ. Екатерина получила отъ своего предшественника тяжелое наслѣдіе, разобраться въ которомъ она могла только при содѣйствій сотрудниковъ Петра, людей болѣе опытныхъ и болѣе испытанныхъ, чѣмъ была она. И если уже при Петрѣ мы встрѣчаемся съ совѣщаніями министровъ, въ которыхъ принимали участіе „тайные и дѣйствительные тайные совѣтники“, то еще болѣе нуждалась въ такихъ совѣщаніяхъ Екатерина. И мы дѣйствительно видимъ, что императрица къ нимъ прибѣгаетъ и въ первый годъ своего царствованія очень часто созываетъ министровъ на совѣщанія [1].

[1] Объ этихъ совѣщаніяхъ мы находимъ интересныя свѣдѣнія у Кампредона. Уже въ письмѣ отъ 24 марта 1725 г. онъ говоритъ о предложеніи графа Толстаго, представлявшаго царицѣ, „что Совѣтъ иностранныхъ дѣлъ слишкомъ малочисленъ и что какъ въ интересахъ службы, такъ и для личной увѣренности совѣтниковъ въ хорошемъ веденіи дѣла надо чтобы Ея Величество соизволила увеличить число членовъ Совѣта. (Сборникъ *Русскаго Историческаго Общества* т. LVIII стр. 65). Сообщая 31 марта

Digitized by Google

Но пока эти совѣщанія въ Тайномъ Совѣтѣ не были урегулированы закономъ, личный ихъ составъ не опредѣленъ учредительнымъ актомъ, компетенція ихъ не установлена, до тѣхъ поръ они не могли вполнѣ достигать своей цѣли. Въ этихъ совѣщаніяхъ должны были участвовать то одни, то другія лица, смотря по тому, кто въ данную минуту пользовался довѣріемъ государыни, или кто случайно выдвигался, благодаря той или другой интригѣ или „политической конъектурѣ". Изъ донесеній иностранныхъ агентовъ мы знаемъ, какъ быстро мѣнялись роли тѣхъ, которые окружали императрицу: то мы узнаемъ, что Шафировъ въ опалѣ, то намъ говорятъ, что онъ опять въ милости; то насъ извѣщаютъ о паденіи кредита Головкина, то о томъ, что онъ опять привлекается къ совѣщаніямъ; то Ягужинскій въ ссорѣ съ Меньшиковымъ, то онъ опять принадлежитъ къ его сателлитамъ; то Остерманъ обиженъ государыней и уклоняется отъ участія въ дѣлахъ, то онъ душа этихъ дѣлъ, и безъ него ничего не рѣшается. Но не только долженъ былъ постоянно мѣняться личный составъ Совѣта, самый ходъ совѣщаній въ немъ не могъ быть правильнымъ, пока ни государыня ни ея министры не были связаны нормами, которыя обязывали бы ихъ вносить всѣ важнѣйшія дѣла на обсужденіе этого Совѣта; поэтому то мы и видимъ, что рядомъ съ засѣданіями въ этомъ Совѣтѣ происходятъ совѣщанія и въ Сенатѣ, происходятъ консиліи министровъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и наконецъ

о предполагаемыхъ членахъ этого Совѣта. Кампредонъ говоритъ, что, по совѣту герцога Гольштинскаго. „министрамъ этимъ повелѣно подавать государынѣ письменное изложеніе ихъ мнѣній, на основаніи коего она уже и будетъ постановлять свое окончательное рѣшеніе. Первый рапортъ, продолжаетъ Кампредонъ, должны были подать сегодня, но я еще о немъ ничего не успѣлъ разузнать. (Тамъ же т. LVIII стр. 77) 7 апрѣля онъ доноситъ о совѣщаніяхъ по иностраннымъ дѣламъ, въ которыхъ принимали участіе министры и сенаторы. (Тамъ же т. LVIII стр. 93) 25 мая онъ пишетъ, что здѣсь происходило большое движеніе въ Сенатѣ и частыя засѣданія Совѣта въ присутствіи императрицы. Два раза туда призывали Мардефельда, а нѣкоторые русскіе министры даже ночевали во дворцѣ. (Тамъ же т. LVIII стр. 333). Въ письмѣ отъ 12 іюня онъ опять упоминаетъ о совѣщаніи въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. (Тамъ же т. LVIII стр. 376—377). Въ письмѣ отъ 9 октября онъ нѣсколько разъ упоминаетъ о мнѣніи Государыни и Ея Совѣта (С. Р. И. О. т. LXIV стр. 5 и 6) Такія извѣстія о Тайномъ Совѣтѣ Императрицы мы находимъ въ письмахъ отъ 11 декабря 1725 г. и отъ 3 января 1726 г. (Тамъ же т. LIV стр. 130, 173).

Digitized by Google

частныя бесѣды императрицы съ людьми, ей наиболѣе близкими бесѣды, на которыхъ нерѣдко созрѣвали наиболѣе важныя рѣшенія [1].

Крайне неблагопріятно на совѣщанія въ Тайномъ Совѣтѣ, пока отношенія между членами его не были организованы закономъ, должно было вліять и то, что въ немъ рѣшающій голосъ естественно принадлежалъ наиболѣе сильнымъ и смѣлымъ членамъ, которые заглушали мнѣнія другихъ. При томъ громадномъ вліяніи, которымъ тогда пользовался Меньшиковъ, этотъ подавляющій голосъ силою вещей долженъ былъ принадлежать ему. И онъ въ этомъ сознавался открыто Мардефельду, говоря, что на всѣхъ совѣщаніяхъ, какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ дѣламъ, онъ одинъ имѣетъ рѣшающій голосъ и всегда въ состояніи привлечь на свою сторону большинство [2].

Понятно, что такое положеніе вещей не могло быть въ интересахъ императрицы. Она не нуждалась въ Совѣтѣ, который своимъ авторитетомъ прикрывалъ-бы только личное правленіе Меньшикова и который своимъ то и дѣло мѣнявшимся личнымъ составомъ подносилъ-бы ей пестрыя мнѣнія случайнаго большинства. Ей былъ нуженъ Совѣтъ, который, напротивъ, служилъ-бы сдержкою честолюбія сильныхъ персонъ и который-бы давалъ ей возможность выслушивать совѣты не того или другого властнаго человѣка, а достодолжнымъ образомъ взвѣшенныя мнѣнія цѣлаго учрежденія, организованнаго на началѣ равноправности членовъ. Такимъ учрежденіемъ и явился Верховный Тайный Совѣтъ.

Но если интересы правленія и указывали ясно на тѣ начала, на которыхъ долженъ былъ быть устроенъ Совѣтъ, то самое практическое осуществленіе такого совѣщательнаго органа, силою вещей, наталкивалось на цѣлый рядъ серьезныхъ препятствій. Нужно было, чтобы Совѣтъ обнималъ по возможности наиболѣе опытныхъ и вліятельныхъ сотрудниковъ Петра, между

---

[1] Кампредонъ разсказываетъ намъ, что все, что говорится императрицей немъ взвѣшивается и направляется ночью ею и Толстымъ—ловкимъ дипломатомъ, который только дѣлаетъ видъ, будто бы отдаляется отъ дѣлъ. С. Р. И. О. т. LVIII стр. 360. Онъ же доноситъ, что нѣкоторые вельможи искусственно отвлекаютъ отъ дѣлъ императрицу, даютъ этимъ дѣламъ не въ мѣру накопиться, чтобы этимъ лишить ее возможности лично разрѣшить ихъ и вынудить ее предоставить ихъ рѣшеніе Сенату. Тамъ же стр. 404—405.

[2] С. Р. И. О., т. LV, стр. 274.

Digitized by Google

тѣмъ, при ихъ взаимномъ соперничествѣ, было трудно объединить ихъ въ одно учрежденіе: нельзя было враждующихъ лицъ посадить рядомъ въ Совѣтъ и ожидать отъ нихъ плодотворной дѣятельности. Вліятельными министрами того времени были: Меньшиковъ, Толстой, Ягужинскій, Шафировъ, Остерманъ; между тѣмъ они вмѣстѣ умѣститься въ Совѣтѣ не могли: Ягужинскій былъ врагъ Меньшикова, Шафировъ былъ близокъ Меньшикову, но ненавидѣлъ Остермана, а безъ Остермана нельзя было обойтись въ Совѣтѣ: онъ былъ душою Иностранной Коллегіи, имъ дорожили, какъ свѣдущимъ и ловкимъ дипломатомъ. Неудивительно поэтому, что мысль объ учрежденіи Совѣта, возникшая въ самомъ началѣ царствованія Екатерины, нашла свое осуществленіе лишь въ февралѣ 1726 года. Неудивительно далѣе, что во всѣхъ извѣстіяхъ, касающихся возникновенія этого учрежденія, мы встрѣчаемъ съ одной стороны одинъ и тотъ-же взглядъ на цѣль и характеръ этого учрежденія, съ другой—противорѣчивыя свѣдѣнія объ его предполагаемомъ личномъ составѣ.

Уже 1 марта 1725 года Лефортъ доноситъ: „Поговариваютъ объ учрежденіи Верховнаго Совѣта (un conseil du cabinet suprême). Онъ будетъ состоять изъ Царицы, герцога Голштинскаго, Меньшикова, Шафирова и Макарова“ [1]. Въ этомъ спискѣ мы встрѣчаемъ Шафирова, участіе котораго исключаетъ изъ Совѣта его врага—Остермана. Въ это же время, а именно 3 мая совершенно согласно съ Лефортомъ Кампредонъ пишетъ: „Шафировъ, очень сблизившійся съ княземъ Меньшиковымъ, которому служитъ теперь своими совѣтами, начинаетъ пользоваться нѣкоторымъ довѣріемъ царицы. Поговариваютъ даже, что онъ будетъ назначенъ членомъ Совѣта при кабинетѣ ея величества, который государыня хочетъ учредить и въ который войдутъ князь Меньшиковъ, графъ Толстой, баронъ Шафировъ и кабинетъ-секретарь Макаровъ. Многіе думаютъ, что князь Долгоруковъ тоже, можетъ быть, взойдетъ въ этотъ Совѣтъ, гдѣ станутъ рѣшаться самыя важныя дѣла“ [2]. Эти свѣдѣнія Лефорта и Кампредона о предполагаемомъ личномъ составѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта расходятся, какъ видитъ читатель, лишь въ томъ, что послѣдній, кромѣ лицъ, указанныхъ первымъ, упоминаетъ еще о графѣ Толстомъ и князѣ Долгоруковомъ. Извѣстіе Кампредона,

[1] С. Р. И. О., т. III, стр. 409.
[2] Тамъ же т. LVIII, стр. 247.

Digitized by Google

касающееся участія графа Толстаго, заслуживаетъ довѣрія, ибо графъ Толстой, какъ мы увидимъ ниже, былъ излюбленнымъ совѣтникомъ Екатерины и принималъ самое близкое и горячее участіе въ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Что же касается Долгорукова, то тѣ, которые думали, что онъ будетъ назначенъ членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, были, очевидно, не хорошо освѣдомлены, ибо уже въ іюлѣ этого года онъ былъ удаленъ изъ Петербурга въ почетное изгнаніе въ Варшаву. Черезъ два приблизительно мѣсяца, а именно, 30 іюня Кампредонъ опять сообщаетъ намъ интересные слухи, касающіеся личнаго состава Верховнаго Тайнаго Совѣта. „Герцогу Голштинскому", пишетъ онъ—„хочется самому стать во главѣ кабинета, послѣ себя помѣстить Толстаго, потомъ Меньшикова и четвертымъ Остермана или Шафирова, по выбору Толстого; канцлера Головкина устранить совсѣмъ. Ягужинскаго же удалить подъ предлогомъ назначенія посломъ" [1]. Слухи о назначеніи Долгорукова въ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта оказались, такимъ образомъ, какъ и слѣдовало ожидать, лишенными основанія. Ягужинскій по прежнему остается исключеннымъ изъ состава Верховнаго Тайнаго Совѣта. Мало того, мы не находимъ въ спискѣ будущихъ членовъ Совѣта его тестя, канцлера Головкина. Кто же, спрашивается, замѣнитъ его? Если Шафировъ,—то Остерманъ, личный врагъ послѣдняго,—не останется вице-канцлеромъ; назначить же Остермана на этотъ важный постъ нельзя: это была бы слишкомъ большая честь для скромнаго и боязливаго нѣмца; кромѣ того императрица въ это время не успѣла еще оцѣнить его по достоинству и не особенно его долюбливала. И вотъ колеблятся между различными кандидатами. Но всѣ эти сомнѣнія разрѣшаются Головкинымъ, связь котораго съ его зятемъ не оказалась настолько тѣсной, чтобы онъ рѣшился пожертвовать ради него своимъ вліятельнымъ постомъ: онъ соглашается принять участіе въ Совѣтѣ и безъ Ягужинскаго. А разъ Головкинъ оставался канцлеромъ, въ Шафировѣ больше не нуждались и его врагъ, Остерманъ, оставаясь вице-канцлеромъ, не встрѣчалъ болѣе препятствій къ вступленію въ Верховный Тайный Совѣтъ.

Такимъ образомъ выяснился постепенно кругъ тѣхъ лицъ, которыя могли взойти въ составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.

---

[1] Тамъ же т. LVIII, стр. 406.

Digitized by Google

Но кто же руководилъ этими переговорами? Кто взялъ на себя трудную и щекотливую задачу примирить притязанія различныхъ кандидатовъ и такъ организовать Совѣтъ, чтобы никого не обойти изъ сильныхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ умѣстить на равныхъ правахъ въ этомъ новомъ учрежденіи? Въ дѣлѣ организаціи Совѣта, конечно, всего болѣе заинтересована сама императрица. Между тѣмъ самымъ близкимъ ей въ это время лицомъ былъ ея зять герцогъ Голштинскій. Его интересы, кромѣ того, въ данномъ случаѣ совпадали съ интересами императрицы. Герцогъ хотѣлъ играть въ государственныхъ дѣлахъ первенствующую роль, главнымъ же препятствіемъ его вліянію служило всемогущество Меньшикова. Всесиліе послѣдняго стѣсняло и императрицу, которая очень желала видѣть своего зятя на первомъ мѣстѣ и которая надѣялась, что окрѣпнувшее вліяніе герцога будетъ служить противовѣсомъ тяготѣвшему надъ ней авторитету Меньшикова. Неудивительно поэтому, что герцогъ Голштинскій принимаетъ самое близкое участіе въ организаціи Верховнаго Тайнаго Совѣта. „Идея Верховнаго Тайнаго Совѣта, говоритъ Кампредонъ въ своемъ письмѣ отъ 3 мая, подана герцогомъ Голштинскимъ“. [1] А 30 іюня онъ пишетъ, что „герцогъ Голштинскій всячески старается привлечь его (графа Толстого) къ своимъ интересамъ и составить Тайный Совѣтъ при кабинетѣ царицы“. [2] 23 февраля 1726 г., когда уже былъ учрежденъ Верховный Тайный Совѣтъ, Кампредонъ лишній разъ подчеркиваетъ то участіе, которое принималъ герцогъ Голштинскій въ его устройствѣ, „Вы помните, пишетъ онъ, „что я болѣе полугода тому назадъ сообщалъ вамъ, что герцогъ Голштинскій и его министръ (Бассевичъ) хлопочатъ объ учрежденіи Тайнаго Совѣта, который, завися вполнѣ отъ царицы, далъ-бы Государынѣ больше свободы въ рѣшеніяхъ“. [3] Мардефельдъ подтверждаетъ это извѣстіе письмомъ отъ того-же числа, говоря, что учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ который императрица пригласила присутствовать своего зятя, „какъ сына и близкаго“, вліяніе герцога, а косвенно и его перваго министра на всѣ важнѣйшія дѣла быстро возрастетъ. [4]

---

[1] Тамъ же, т. LXIV, стр. 253.

[2] Тамъ же, т. LVIII, стр. 406.

[3] Тамъ же, т. LXIV, стр. 253.

[4] Отсюда Мардефельдъ выводитъ для своего короля „крайнюю необходимость поддерживать доброе расположеніе“ и герцога, и его министра.

Digitized by Google

Лефортъ также приписываетъ министру герцога Голштинскаго участіе въ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и думаетъ, что онъ дѣйствовалъ тутъ заодно съ Шафировымъ. „Проектъ Верховнаго Тайнаго Совѣта“, доноситъ Лефортъ въ своемъ письмѣ отъ 26-го февраля, „какъ я сказалъ выше, давно на разсмотрѣніи, онъ былъ предложенъ Шафировымъ и Бассевичемъ съ тѣмъ условіемъ, что они примутъ въ немъ участіе. Бассевичъ, думавшій въ это время держать жезлъ аароновъ, предложилъ приведеніе въ исполненіе проекта князю Меньшикову, чтобы черезъ это увеличилась власть герцога Голштинскаго и его собственная, такъ какъ онъ твердо убѣжденъ, что герцогъ будетъ управлять Россіей и тогда его умные совѣты выскажутся во всемъ блескѣ.“ [1] Рѣшающее вліяніе на устройство Верховнаго Тайнаго Совѣта Лефортъ приписываетъ тутъ, очевидно, голштинскому двору. Если онъ упоминаетъ и объ участіи Шафирова, то мы должны въ этомъ видѣть отголосокъ того фазиса въ переговорахъ о личномъ составѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, о которомъ мы говорили выше, и который относится къ тому времени, когда считали невозможнымъ назначеніе Головкина въ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, и когда его мѣсто долженъ былъ занять Шафировъ. Понятно, что послѣднему эта комбинація была очень по вкусу и вполнѣ естественно, что онъ усердно хлопоталъ объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, съ устройствомъ котораго ему раскрывалась такая заманчивая перспектива.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что иниціатива организаціи В. Т. Совѣта исходила отъ человѣка, стоявшаго въ это время всего ближе къ Екатеринѣ, отъ человѣка, въ которомъ она видѣла своего ближайшаго родственника, своего сына, лучшаго истолкователя наиболѣе дорогихъ ея сердцу интересовъ. Но этотъ человѣкъ, столь близкій Екатеринѣ, именно этою своею близостью возбуждалъ недовѣріе высшихъ сановниковъ. Онъ кромѣ того былъ иностранцемъ, плохо знавшимъ русскихъ людей и русскія отношенія. Онъ былъ, наконецъ, и новичкомъ при петербургскомъ дворѣ и не обладалъ тою опытностью и тѣми дип-

---

„По своему крайнему разумѣнію, я считаю умѣстнымъ, прибавляетъ онъ, при этомъ случаѣ подать всеподданнѣйшій совѣтъ не отказывать герцогу въ титулѣ королевскаго высочества. (Тамъ же. Т. XV, стр. 305—306).

[1] Тамъ же, т. III, стр. 433.

Digitized by Google

ломатическими способностями, которыя были нужны для веденія труднаго и щекотливаго дѣла, порученнаго ему императрицей.

И вотъ онъ ищетъ себѣ союзника и находитъ его въ лицѣ графа Толстого. Этотъ ловкій и умный министръ былъ какъ-бы созданъ для этой роли. Графъ Толстой не любитъ Меньшикова, хотя, какъ умный человѣкъ, знаетъ, что безъ содѣйствія свѣтлѣйшаго князя ничего добиться нельзя. Но эта тайная вражда Толстого къ Меньшикову на руку герцогу, который хлопочетъ о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, какъ о средствѣ умѣрить вліяніе Меньшикова и ввести его власть въ желанныя границы. Толстой, кромѣ того, пользуется особеннымъ довѣріемъ императрицы, посвященъ во всѣ ея планы и принимаетъ участіе во всѣхъ ея рѣшеніяхъ. Ему, наконецъ, рожденному дипломату, съ его изворотливымъ умомъ и гибкой натурой, вполнѣ по силамъ та трудная задача, которую возложила Екатерина на своего зятя. Въ самомъ дѣлѣ, кто лучше его зналъ тайныя пружины сложныхъ интригъ и политическихъ „конъектуръ“ и кто лучше его могъ воспользоваться ими для своихъ цѣлей,—лучше того Толстого, котораго Меньшиковъ называетъ ловкимъ итальянцемъ, умѣющимъ надѣвать плащъ то на одно, то на другое плечо, смотря по тому, откуда вѣетъ вѣтеръ, [1] того Толстаго, котораго Кампредонъ характеризуетъ искуснымъ кормчимъ, плывущимъ между двумя теченіями и не высказывающимся, пока не увидитъ, какое изъ нихъ окажется сильнѣе? [2]

Что герцогъ Голштинскій поручилъ именно Толстому переговоры, которые должны были повести къ окончательной организаціи Верховнаго Тайнаго Совѣта, объ этомъ сохранились очень ясныя свѣдѣнія въ донесеніяхъ Кампредона и Лефорта. Мы уже привели выше выдержку изъ письма французскаго посланника отъ 30-го іюня, въ которомъ говорилось, что герцогъ всячески старается привлечь къ своимъ интересамъ графа Толстого и при его содѣйствіи устроить Верховный Тайный Совѣтъ при императрицѣ. „Герцогъ, по словамъ Кампредона, хотѣлъ даже сдѣлать его канцлеромъ, если-бы Толстой согласился на этотъ планъ... Онъ разсчитываетъ установить этимъ способомъ прочное управленіе (administration solide) при императрицѣ и не допустить завѣдомо недоброжелательныхъ людей, обманывать ее

[1] Тамъ же, т. XV, стр. 274.
[2] Тамъ же, т. LVIII, стр. 406.

Digitized by Google

и сбивать съ толку. Зная, продолжаетъ Кампредонъ, какъ я желаю добра царицѣ и думая, что имѣю вліяніе на Толстаго, герцогъ Голштинскій, сообщая мнѣ свой замыселъ, просилъ меня разузнать, можетъ-ли онъ надѣяться на дружбу Толстого и на согласіе его дѣйствовать для общаго блага Россіи и для собственной выгоды." [1] Это письмо было написано 30-го іюня, а уже 25-го августа Лефортъ доноситъ, что старанія герцога Голштинскаго привлечь Толстаго къ своимъ интересамъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. [2] А въ письмѣ, въ которомъ Кампредонъ бросаетъ ретроспективный взглядъ на исторію возникновенія Верховнаго Тайнаго Совѣта мы читаемъ: „Ловкій Толстой, судьба коего, такъ же какъ и Меньшикова, вполнѣ зависитъ отъ положенія царицы, сумѣлъ извлечь существенную выгоду изъ этихъ явственныхъ признаковъ движенія. Предложивъ учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, предсѣдательницей коего должна быть царица, а совершенно равноправными членами главные вельможи, онъ одновременно и укрѣпилъ власть своей государыни и нѣкоторымъ образомъ удовлетворилъ всѣ партіи,—вотъ къ чему привели наконецъ тайныя совѣщанія графа Толстого съ княземъ Меньшиковымъ и Голицынымъ и съ адмираломъ Апраксинымъ." [3]

Но прежде, чѣмъ достигнуть этого желаннаго результата графу Толстому пришлось не мало потрудиться. Главное затрудненіе, которое онъ долженъ былъ встрѣтить, заключалось въ томъ противодѣйствіи, которое Меньшиковъ оказывалъ задуманному плану. Всѣ смотрѣли на новое учрежденіе, какъ на средство уравновѣсить чрезмѣрное вліяніе Меньшикова и поставить предѣлъ его всемогуществу. Объясняя то значеніе, которое будетъ имѣть Верховный Тайный Совѣтъ для усиленія власти государыни, Кампредонъ продолжаетъ: „Ограничиваемая отнынѣ власть князя Меньшикова не станетъ болѣе возбуждать справедливой зависти, такъ какъ ему уже нельзя будетъ ничего рѣшать иначе какъ съ единогласнаго согласія всего Совѣта, который подъ именемъ царицы сдѣлается въ сущности истиннымъ господиномъ положенія." [4] Такъ же смотритъ на Верховный Тайный Совѣтъ и Мардефельдъ. „Ея величество царица, пишетъ онъ, старается

[1] Тамъ же, т. LVIII, стр. 406, 407.
[2] Тамъ же, т. III, стр. 419.
[3] Тамъ же, т. LXIV, стр. 254.
[4] Тамъ же т. LXIV, стр. 254.

Digitized by Google

по возможности укрѣпить авторитетъ герцога въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Члены послѣдняго, повидимому, весьма довольны этимъ, ибо ихъ голоса, такимъ образомъ, не только освобождаются отъ вліянія князя Меньшикова при обсужденіи важныхъ дѣлъ, но также уравновѣшивается надменное и имъ ненавистное первенство послѣдняго персоною герцога." [1] Но Меньшиковъ никому этого первенства даромъ, конечно, уступить не хотѣлъ и не могъ добровольно содѣйствовать устройству учрежденія, которое должно было служить сдержкой его власти. Чтобы заручиться его содѣйствіемъ, нужно было дать ему компенсацію, нужно было купить его согласіе и купить притомъ дорогою цѣной. Ловкій Толстой съумѣлъ, однако, сладить и съ такимъ тугимъ продавцомъ. Графъ Толстой понялъ, что нужно было пожертвовать однимъ сильнымъ человѣкомъ, чтобы заручиться содѣйствіемъ другого сильнаго человѣка. Своей жертвой онъ намѣтилъ Ягужинскаго.

Почему-же именно Ягужинскаго?

Причинъ тому было нѣсколько. Толстой не любилъ Ягужинскаго: онъ былъ слишкомъ близокъ къ императрицѣ и умѣлъ пользоваться ея слабостями, чтобы отстранять отъ нея другихъ близкихъ ей совѣтниковъ и нерѣдко даже и его, Толстого. Ягужинскій кромѣ того, былъ слишкомъ горячъ и несдержанъ, чтобы служить удобнымъ союзникомъ, на котораго можно было-бы положиться. [2]

Но если Толстой не любилъ Ягужинскаго, то Меньшиковъ ненавидѣлъ его. Ягужинскій одинъ умѣлъ и передъ Меньшиковымъ отстаивать свои мнѣнія и не боялся говорить ему правду, прямо въ лицо, не стѣсняясь при этомъ выраженіями, которыя нерѣдко переходили въ грубую брань. О враждѣ между Ягужинскимъ и Меньшиковымъ и объ ихъ постоянныхъ ссорахъ мы имѣемъ не мало свидѣтельствъ въ донесеніяхъ иностранныхъ агентовъ. Кампредонъ въ письмѣ отъ 3 мая 1725 г. пишетъ:

---

[1] Тамъ же, т. XV, стр. 307.

[2] „Толстой, разсказываетъ Кампредонъ, говоритъ, когда его только осторожно разспрашиваютъ, что его считаютъ очень неразумнымъ человѣкомъ, если предполагаютъ его способнымъ связывать свои интересы съ кознями такого сумасброда, какъ Ягужинскій, который въ пьяномъ видѣ выдаетъ все на свѣтѣ. Замѣтно что Толстой недоволенъ происходящимъ и тѣмъ, что Императрица недостаточно слушается его совѣтовъ. (Тамъ же, т. LVIII, стр. 406).

Digitized by Google

„Въ самый день совѣщанія этихъ министровъ Ягужинскій, напившись пьянымъ у герцога Голштинскаго и, наговоривъ кучу дерзостей князю Меньшикову и адмиралу Апраксину, отправился въ церковь къ тѣлу покойнаго государя и принялся вслухъ умолять его встать изъ гроба и взглянуть, какъ попираютъ всѣ его завѣты и оскорбляютъ его слугъ. Эта сумасбродная выходка чуть не стоила головы Ягужинскому.“ [1] Въ письмѣ отъ 9 іюня того-же года Лефортъ доноситъ: „У Меньшикова и Ягужинскаго были новыя ссоры въ присутствіи всего Сената, и они наговорили другъ другу дерзостей; первый поклялся въ погибели Ягужинскаго, и это легко можетъ ему удастся.“ [2] Въ письмѣ отъ 4 августа мы встрѣчаемся съ подобнымъ же извѣстіемъ: „Ягужинскій снова дѣйствуетъ по-прежнему въ Петергофѣ; онъ имѣлъ споръ съ Бассевичемъ, дошедшій даже до дерзостей, которыя въ другихъ странахъ стоили бы одному изъ нихъ жизни. Это происходитъ отъ того, что Ягужинскій имѣлъ новыя ссоры съ Меньшиковымъ и желалъ помириться, но Меньшиковъ согласился не иначе, какъ если онъ представитъ ручательство за будущее поведеніе.“ [3]

Ягужинскій—личный врагъ Меньшикова и всюду становится ему поперекъ дороги. Ягужинскій, между тѣмъ, крупная величина, съ которой, ему, Меньшикову, несмотря на его силу, нельзя не считаться.

Ягужинскій—генералъ-прокуроръ Сената; но это еще не такъ важно, съ этимъ можно, пожалуй, и помириться, важнѣе то, что Ягужинскій—адъютантъ государыни, умѣющій пользоваться своей близостью къ ней. Онъ, по словамъ Лефорта, вмѣстѣ съ другимъ адъютантомъ Девьеромъ позволяетъ ходить къ императрицѣ только тому, кто ему понравится [4]. Онъ-же устраиваетъ при дворѣ празднества, на которыхъ, пользуясь непринужденнымъ настроеніемъ веселаго общества, наушничаетъ императрицѣ про другихъ и, конечно, и про него; онъ-же этими празднествами отвлекаетъ императрицу отъ дѣлъ, которыя силою вещей передаются Сенату, гдѣ все дѣлается по его указанію [5].

---

[1] Тамъ-же, т. LVIII, стр. 238.

[2] Тамъ-же, т. III, стр. 411.

[3] Тамъ-же, т. III, стр. 416.

[4] Тамъ-же. Т. III, стр. 412.

[5] „Герцогъ Голштинскій, пишетъ Кампредонъ, и самъ опасается, что если будутъ продолжаться эти развлеченія, къ которымъ ее, то-есть импе-

Digitized by Google

Меньшиковъ имѣлъ, такимъ образомъ, достаточно основаній ненавидѣть Ягужинскаго и желать его удаленія. Но для того, чтобы цѣной этого удаленія купить согласіе Меньшикова на учрежденіе Верховнаго Тайваго Совѣта, а слѣдовательно, и на умаленіе своей власти для этого Толстому, если онъ хотѣлъ дѣйствовать наверняка, нужно было дождаться благопріятнаго момента, а именно особенно остраго періода въ враждебныхъ отношеніяхъ между Меньшиковымъ и Ягужинскимъ, который разжегъ бы до-бѣла ненависть Меньшикова къ своему сопернику. Только такая ненависть, возведенная въ пылъ страсти, могла помутить сужденіе Меньшикова настолько, чтобы побудить его ради отплаты своему врагу поступиться частью своей власти. И такой острый періодъ враждебныхъ отношеній между Меньшиковымъ и Ягужинскимъ наступилъ осенью 1725 года. Минихъ, строившій Ладожскій каналъ, требовалъ на работы войска, которыя Меньшиковъ, во многомъ неодобрявшій дѣйствія иностраннаго инженера, отпустить не хотѣлъ. Произошла въ Сенатѣ крупная схватка между Меньшиковымъ и Ягужинскимъ, который отстаивалъ справедливость требованія Миниха. Обыкновенно въ спорахъ съ свѣтлѣйшимъ княземъ долженъ былъ уступать Ягу-

---

ратрицу, пріучили въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ, то Сенатъ пріобрѣтетъ слишкомъ большое вліяніе на дѣла, а Царица незамѣтно утратитъ и часть своей власти и уваженія и преимущество, заслуженное ея великими дарованіями. Развлеченія эти заключаются въ почти ежедневныхъ, продолжающихся всю ночь и добрую часть дня, попойкахъ въ саду съ лицами, которыя, по обязанности службы, должны всегда присутствовать при дворѣ. Самые снисходительные люди думаютъ, что императрица ведетъ себя такъ по примѣру царя, чтобы подобно ему, вывѣдывать сокровенныя мысли главнѣйшихъ вельможъ. Но стоящіе ближе къ дѣлу и которымъ извѣстны устраивающіе эти забавы справедливо полагаютъ, напротивъ, что именно вельможи стараются отдалить отъ государыни наиболѣе довѣренныхъ министровъ, лишая ихъ возможности бесѣдовать съ нею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвлекая ее отъ дѣлъ и внушая ей отвращеніе къ занятію ими. Тѣмъ временемъ дѣлъ накопляется столько, что она вынуждена поневолѣ предоставить ихъ рѣшеніе Сенату. Руководитъ этой тактикой Ягужинскій. Какъ генералъ-адъютантъ, онъ четыре раза въ году дежуритъ при особѣ царицы, а какъ генералъ-прокуроръ, онъ пользуется первымъ рѣшающимъ голосомъ въ Сенатѣ, гдѣ безъ него ничего постановлено быть не можетъ. Между тѣмъ со временемъ прощенія, дарованнаго емуЦарицей по просьбѣ герцога Голштинскаго, онъ бываетъ тамъ очень рѣдко. Ему удалось втереться въ ея довѣріе, благодаря генераламъ-маіорамъ гвардіи Ушакову и Юсупову, которыхъ онъ увѣрилъ, будто князь Меньшиковъ презираетъ ихъ". (Тамъ-же. Т. LVIII, стр. 404, 405).

Digitized by Google

жинскій. Но на этотъ разъ онъ, поддержанный герцогомъ Голштинскимъ, взялъ верхъ надъ Меньшиковымъ. Государыня одобрила планъ Миниха, и Ягужинскій одержалъ побѣду надъ своимъ соперникомъ [1].

Въ письмѣ, въ которомъ Кампредонъ разсказываетъ объ этой побѣдѣ Ягужинскаго, онъ называетъ его заклятымъ врагомъ Меньшикова. И другіе иностранные агенты, повѣствующіе объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, прямо указываютъ на эту вражду между Меньшиковымъ и Ягужинскимъ, какъ на причину исключенія послѣдняго изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. „При вышеозначенной перемѣнѣ въ правленіи, говоритъ Мардефельдъ, былъ чрезвычайно оскорбленъ Ягужинскій. Царица положительно не хотѣла назначить его въ Совѣтъ, ибо не считаетъ его расположеннымъ къ себѣ, что слѣдуетъ приписать его неукротимой ненависти къ Меньшикову и малой умѣренности въ употребленіи вина“ [2]. Лефортъ прямо говоритъ, что „учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Меньшиковъ добился своей цѣли устранить Ягужинскаго. Князь Меньшиковъ далъ установиться этому плану (учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта),

---

[1] Объ этомъ эпизодѣ, который имѣлъ для Ягужинскаго такія роковыя послѣдствія, разсказываетъ намъ и Лефортъ, и Кампредонъ. „Князь Меньшиковъ, доноситъ Лефортъ, чтобы помѣшать Миниху въ его дѣлахъ, устроилъ такъ, что войска получили приказаніе удалиться на зимнія квартиры... Вслѣдствіе этого приказа, генералъ Минихъ явился сюда и представилъ Сенату, что не считая остановки, издержки возрастаютъ до 300 тыс. руб. Въ прошлую среду были оправданы доводы Миниха. Царица пригласила его на обѣдъ, гдѣ онъ изъяснилъ свои основанія и напомнилъ прежнее сбереженіе, которое не дѣлаетъ чести Меньшикову. Этотъ послѣдній былъ позванъ. У него не оказалось достаточныхъ доводовъ, чтобы опровергнуть доводы Миниха“. (Тамъ-же. Т. III, стр. 420, 421). Подробнѣе и нѣсколько съ иной точки зрѣнія пишетъ о томъ-же Кампредонъ. „Что касается Ладожскаго канала, разсказываетъ онъ, то былъ онъ предпринятъ генералъ-лейтенантомъ нѣмцемъ, по имени Минихомъ, который еще при покойномъ царѣ прибралъ это дѣло къ своимъ рукамъ въ ущербъ князю Меньшикову, поддерживавшему русскихъ предпринимателей. Проектъ и планъ, по коимъ царь приказалъ рыть каналъ, составлены инженеромъ, подданнымъ Вашему Величеству. Стали поговаривать, будто бы Минихъ отступилъ отъ этого проекта и въ холодное время года губитъ на работахъ много народа. Князь Меньшиковъ осматривалъ эти работы и съ нѣкоторыми инженерами: онѣ оказались мѣстами въ плохомъ состояніи, но Минихъ, поддерживаемый въ Сенатѣ Ягужинскимъ, все-жедобился одобренія своего труда“. (Тамъ-же. Т. LXIV, стр. 45, 46).

[2] Тамъ-же. Т. XV, стр. 306.

Digitized by Google

чтобы извлечь оттуда всю сущность, въ особенности, чтобы лишить Ягужинскаго всякой власти и важныхъ свѣдѣній" [1].

Но Меньшиковъ слишкомъ много терялъ, дѣлаясь на равныхъ правахъ съ другими членомъ Совѣта, чтобы помириться съ его учрежденіемъ цѣною одного только удаленія своего врага—Ягужинскаго. Чтобы заручиться его согласіемъ, нужно было дать другое болѣе крупное удовлетвореніе его честолюбію—удовлетвореніе, которое явно указывало бы на его привиллегированное положеніе среди членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Такимъ удовлетвореніемъ и явился указъ 12 февраля 1726 года, который изъялъ важнѣйшія и требующія тайны военныя дѣла изъ компетенціи Верховнаго Тайнаго Совѣта [2]. Этимъ указомъ Меньшиковъ, какъ президентъ Военной Коллегіи, становился въ непосредственныя отношенія къ Государынѣ и въ исключительное положеніе относительно другихъ членовъ: онъ получалъ право докладывать о важнѣйшихъ военныхъ дѣлахъ непосредственно императрицѣ, минуя Верховный Тайный Совѣтъ. Понятно, что этотъ указъ былъ очень важной уступкой и служилъ лишнимъ доказательствомъ того вліянія, которымъ пользовался Меньшиковъ въ это время. Неудивительно поэтому, что современники съ одной стороны видятъ въ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта сдержку власти Меньшикова, съ другой — усматриваютъ въ исторіи его возникновенія явные признаки его авторитета. Лефортъ, напримѣръ, прямо говоритъ, что важныя перемѣны, сдѣланныя въ государственныхъ учрежденіяхъ, служатъ вѣрнымъ доказательствомъ вліянія и полной власти Меньшикова [3].

Въ Верховный Тайный Совѣтъ должны были силою вещей войти всѣ вліятельные министры императрицы, принимавшіе участіе въ совѣщаніяхъ неоффиціальнаго совѣта, который, хотя и не былъ учрежденъ закономъ, но какъ мы видѣли фактически существовалъ въ первый годъ царствованія Екатерины.

Изъ предшествовавшаго изложенія уже ясно вытекаетъ, кто были эти лица. Но мы можемъ для провѣрки воспользоваться еще спискомъ, который находимъ у Кампредона; здѣсь перечислены всѣ тѣ сановники, которые должны были содѣйствовать заключенію договора Россіи съ Франціей, и каждому изъ нихъ назначалось

---

[1] Тамъ же. Т. III, стр. 434.
[2] Полное Собраніе Законовъ. Т. VII, № 4835.
[3] С. Р. И. О. Т. III, стр. 433.

Digitized by Google

за это содѣйствіе извѣстное вознагражденіе. Въ этомъ спискѣ значатся: Головкинъ, Толстой, Остерманъ, Степановъ, Меньшиковъ, Апраксинъ, Голицынъ, Долгорукій, Макаровъ, Ягужинскій, Бассевичъ, Сава, Діуровъ. [1] Изъ этого списка мы должны исключить только тѣхъ лицъ, которыя въ силу своего положенія не могли взойти въ составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а именно Степанова — секретаря Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Макарова—личнаго секретаря императрицы, Бассевича—министра герцога Голштинскаго, камергера Діурова, графа Саву, впослѣдствіи посланника въ Китаѣ. Если вычеркнуть этихъ лицъ, остаются въ спискѣ: Меньшиковъ, Головкинъ, Толстой, Апраксинъ, Голицынъ, Остерманъ, князь Долгоруковъ и Ягужинскій. Этотъ списокъ былъ составленъ 3-го мая, въ іюлѣ же князь Долгоруковъ отправился въ почетное изгнаніе въ Варшаву, Ягужинскій же по изложеннымъ выше причинамъ въ Верховный Тайный Совѣтъ войти не могъ; остаются, такимъ образомъ, Меньшиковъ, Головкинъ, Толстой, Апраксинъ, Голицынъ, Остерманъ, то-есть тѣ именно лица, которыя въ силу учредительнаго акта 8-го февраля дѣйствительно и вошли въ составъ новаго совѣщательнаго учрежденія.

Подведемъ итоги предшествующему изложенію.

Верховный Тайный Совѣтъ былъ учрежденъ въ отвѣтъ на потребность, чувствовавшуюся еще ранѣе, но особенно настоятельно сказавшуюся при воцареніи Екатерины. Супруга Петра, какого бы мнѣнія объ ея характерѣ и ея дарованіяхъ мы ни были, уже какъ женщина и какъ правительница, занявшая престолъ помимо внука Петра, который въ глазахъ большинства былъ единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ, должна была особенно ясно сознавать необходимость окружить себя опытными совѣтниками, которые помогли бы ей нести бремя правленія. Уже въ первый годъ своего царствованія она до извѣстной степени удовлетворяетъ этой потребности, созывая на совѣщанія своихъ министровъ и вліятельнѣйшихъ сановниковъ — Меньшикова, Ягужинскаго, графа Толстаго, Головкина, Апраксина, Репнина, Остермана, Долгорукова, Голицына. Но эти неорганизованныя совѣщанія, дававшія полный просторъ соперничеству сильныхъ людей и случайнымъ партійнымъ „конъекктурамъ", не могли служить Екатеринѣ той надежной опорою, въ которой она

[1] Тамъ же, т. LVIII, стр. 284—85.

Digitized by Google

нуждалась. Сознаніе необходимости упорядочить эти совѣщанія, опредѣлить разъ навсегда кругъ совѣтниковъ, урегулировать ихъ взаимныя отношенія, однимъ словомъ: сознаніе необходимости возвести эти совѣщанія съ ихъ неопредѣленнымъ кругомъ вѣдомства и съ ихъ пестрымъ и часто мѣнявшимся личнымъ составомъ на степень прочно организованнаго учрежеенія и вызвало указъ 8-го февраля, которымъ былъ созданъ Верховный Тайный Совѣтъ.

Осуществить идею этого учрежденія Екатерина не хотѣла поручить сильнымъ людямъ, (какъ Меньшиковъ), которые не могли желать измѣненія въ государственномъ строѣ, грозившаго стѣснить ихъ авторитетъ. Она могла поручить его только людямъ, ей близкимъ, расположеннымъ входить въ ея интересы. Такимъ человѣкомъ и былъ герцогъ Голштинскій. Онъ и взялъ на себя, при содѣйствіи умнаго и ловкаго Толстого, организацію Верховнаго Тайнаго Совѣта и послѣ долгихъ переговоровъ устранилъ тѣ препятствія, которыя стояли на пути къ устройству Верховнаго Тайнаго Совѣта. Однимъ изъ этихъ препятствій было властолюбіе Меньшикова: пожертвовавъ ради него Ягужинскимъ и сдѣлавъ ему другія важныя уступки, герцогу Голштинскому и графу Толстому и удалось, наконецъ, организовать Верховный Тайный Совѣтъ въ февралѣ 1726 г.

2) Воззрѣнія Градовскаго, Милюкова и Филиппова на возникновеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Предшествующее изложеніе, во многомъ противорѣчитъ взглядамъ нашихъ историковъ на возникновеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Градовскій приписываетъ первую роль въ устройствѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта иниціативѣ и организаторскому таланту Остермана. Такое воззрѣніе врядъ ли въ настоящее время можетъ еще найти сторонниковъ. Изданные послѣ выхода книги Градовскаго документы не даютъ ни малѣйшей опоры для такого воззрѣнія и самымъ неопровержимымъ образомъ доказываютъ, что Остерманъ въ эту эпоху вовсе еще не былъ близкимъ лицомъ Екатеринѣ и не игралъ вліятельной политической роли.

П. Н. Милюковъ видитъ въ Меньшиковѣ главную причину тѣхъ политическихъ комбинацій, которыя вызвали къ жизни Верхов-

Digitized by Google

ный Тайный Совѣтъ. „Ближайшимъ поводомъ къ учрежденію Верховнаго Тайнаго Совѣта, говоритъ П. Н. Милюковъ, какъ кажется (?), было желаніе Меньшикова уничтожить значеніе Сената и этимъ путемъ свалить ненавистнаго ему генералъ-прокурора Ягужинскаго. Эта цѣль и была достигнута. Но Меньшиковъ, продолжаетъ Милюковъ, только овладѣлъ идеей, существовавшей раньше... Составленіе проекта этого учрежденія, задуманнаго уже 3 мѣсяца спустя смерти Петра, „хорошо освѣдомленный дипломатъ“ Лефортъ приписываетъ Шафирову и Бассевичу, которые при этомъ преслѣдовали свои личныя цѣли. „Однако же Меньшиковъ, перехватившій идею, эксплоатировалъ ее въ свою пользу“. Онъ обошелъ своихъ союзниковъ, вошелъ въ сдѣлку съ своими противниками, и представитель старой знати Дмитрій Михайловичъ Голицынъ былъ введенъ въ составъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. [1] Боярская же партія, во главѣ которой стоялъ Голицынъ, „немедленно послѣ смерти Петра“, по увѣренію П. Н. Милюкова, „начала мечтать о политической самостоятельности. Опираясь на украинскую армію, находившуюся подъ командою брата, князь Д. М. Голицынъ былъ очень силенъ и опасеніе, что онъ двинетъ эту армію на защиту правъ Петра II раздѣлялось многими. Весьма возможно (?), что устройство Верховнаго Совѣта было той уступкой боярской партіи, которая примирила ее съ воцареніемъ Екатерины I... [2] „Устройство Верховнаго Тайнаго Совѣта, заключаетъ свои разсужденія П. Н. Милюковъ, было первымъ шагомъ къ конституціонному проекту 1730 года.“ [3]

Это объясненіе возникновенія Верховнаго Тайнаго Совѣта воспроизведено г. Филипповымъ, въ его изслѣдованіи, но онъ повторяетъ его въ нѣсколько, измѣненной редакціи. Эта редакція придаетъ болѣе рѣшительный тонъ утвержденіямъ П. Н. Милюкова и устраняетъ тѣ оговорки, которыя мы отмѣтили вопросительными знаками. То, что только кажется П. Н. Милюкову или считается имъ только весьма возможнымъ, это для проф. Филиппова, „конечно“, существовало въ дѣйствительности. По его увѣренію можно согласиться съ мнѣніемъ, что Меньшиковъ, перехватившій идею о необходимости высшей инстанціи

[1] Милюковъ. Государственное Хозяйство Россіи стр. 677 и 678.
[2] Тамъ же стр. 679.
[3] Тамъ же стр. 680.

Digitized by Google

у Шафирова и Бассевича,—о чемъ доносилъ, какъ мы видѣли, Лефортъ,—затѣмъ обошелъ и Шафирова и герцога Голштинскаго, войдя въ то же время въ сдѣлку съ своими противниками изъ старой знати, въ виду того, конечно, соображенія, что они были слишкомъ сильны, чтобы можно было устроить Верховный Тайный Совѣтъ безъ ихъ участія. Вновь созданный Верховный Тайный Совѣтъ, отвѣчая необходимости объединить первыхъ сенаторовъ-министровъ въ одномъ общемъ учрежденіи въ то же время въ извѣстной степени давалъ выходъ къ стремленіямъ власти стараго родовитаго и новаго худороднаго дворянства. То и другое могло, что затѣмъ и случилось, вступить въ борьбу за власть въ самомъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. [1]

Приведенныя разсужденія могутъ служить образчикомъ того, какъ въ нашей литературѣ построяется исторія, какъ составляются окрыленныя теоріи, которыя, закрѣпленныя научнымъ авторитетомъ выставившихъ ихъ профессоровъ, получаютъ право гражданства въ наукѣ и засимъ, какъ безспорныя истины, проникаютъ въ литературу и въ общество. П. Н. Милюковъ въ историко-экономическомъ изслѣдованіи, поставившемъ себѣ задачею изучить государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст., дѣлаетъ мимоходомъ небольшія экскурсіи въ исторію нашихъ учрежденій и между прочимъ касается и возникновенія Верховнаго Тайнаго Совѣта, посвящая ему нѣсколько страницъ, выдержки изъ которыхъ мы только что привели. На этихъ страницахъ онъ, ссылаясь на отрывочныя мѣста изъ донесеній Лефорта и Кампредона и не провѣряя ихъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, по другимъ свидѣтельствамъ, высказываетъ нѣкоторыя предположенія о возможномъ ходѣ событій, приведшихъ къ образованію Верховнаго Тайнаго Совѣта. Проф. Филипповъ въ сочиненіи, спеціально посвященномъ исторіи высшихъ учрежденій въ эпоху Екатерины I, заимствуетъ эти предположенія, но уже возводитъ ихъ, не приводя никакихъ новыхъ данныхъ, на степень безспорныхъ утвержденій. И вотъ мы имѣемъ готовое объясненіе историческаго явленія, уснащенное звучными разсужденіями о борьбѣ двухъ политическихъ партій съ ихъ стремленіями къ политической самостоятельности... Это объясненіе, несомнѣнно, имѣетъ всѣ шансы на то, чтобы имѣть успѣхъ и доставить истинное удовольствіе многимъ читателямъ и чита-

[1] Филипповъ. Исторія Сената и т. д. стр. 28.

Digitized by Google

тельницамъ ученыхъ историческихъ сочиненій: тутъ есть все: и интрига злодѣя пьесы властолюбиваго Меньшикова, и коварные замыслы иностранца Бассевича, и наконецъ, какъ вѣнецъ всего зданія,—конституціонный проектъ...

Мы не будемъ долго останавливаться на опроверженіи этого воззрѣнія на возникновеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Приведенныя выше данныя достаточно ясно обнаруживаютъ его слабыя стороны. Мы не будемъ повторять, что Меньшиковъ, ради ограниченія власти котораго былъ, между прочимъ, созданъ Верховный Тайный Совѣтъ, не могъ быть ни его иниціаторомъ, ни его организаторомъ. Мы не будемъ также вновь останавливаться на приведенномъ выше свидѣтельствѣ Лефорта, въ которомъ говорится, что Шафировъ и Бассевичъ предложили проектъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Мы уже подробно объяснили, какъ нужно истолковать это показаніе Саксонскаго посланника. Мы остановимся только на тѣхъ утвержденіяхъ г. Милюкова и г. Филиппова, которыя говорятъ объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ о результатѣ сдѣлки между двумя партіями: партіей худородныхъ съ Меньшиковымъ во главѣ и партіей родовитыхъ бояръ съ Голицынымъ во главѣ.

Никакой партіи худородныхъ дворянъ, способной дѣйствовать солидарно, у насъ въ эту эпоху не было и быть не могло. Были при Екатеринѣ худородные министры, но никогда они, какъ политическое цѣлое, не выступали. Такими худородными дворянами, игравшими политическую роль въ первый годъ царствованія Екатерины, были Меньшиковъ, Ягужинскій, Шафировъ, пожалуй, еще Остерманъ. Но для всякаго, хотя сколько-нибудь знакомаго съ эпохой, звучитъ прямо насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ говорить о нихъ, какъ объ объединенномъ въ цѣлое политическомъ факторѣ. Эти сильныя персоны не образовали ни „партіи“, ни „элемента“—это были царедворцы, подкапывавшіеся другъ подъ друга; это были люди, которые, какъ выражается Кампредонъ, искали только вліянія и царскихъ милостей въ ущербъ одинъ другому. Они не только не дѣйствовали за одно противъ родовитыхъ бояръ, а наоборотъ, враждуя другъ съ другомъ, постоянно сближались съ тѣмъ или другимъ изъ родовитыхъ бояръ для преслѣдованія своихъ личныхъ цѣлей. Меньшиковъ стоялъ ближе къ Апраксину и Голицыну, чѣмъ къ Ягужинскому, Остерманъ служилъ поочередно то Толстому, то Меньшикову, то Долгоруковымъ. Не менѣе странно говорить о

Digitized by Google

родовитыхъ вельможахъ, какъ о партіи стремившейся къ политической самостоятельности и нашедшей въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ выходъ этимъ стремленіямъ. Послѣ смерти Петра были вельможи, желавшіе воцаренія его внука: то были, между прочимъ, Репнинъ, Долгоруковъ, Голицынъ и были вельможи, которые желали воцаренія Екатерины. Это были не только худородные вельможи, а и вельможи изъ средняго и высшаго дворянства, это были не только Меньшиковъ и Ягужинскій, но и Толстой, и Головкинъ, и Апраксинъ. Какъ послѣдніе не были объединены никакою политическою программой, а только желаніемъ сохранять за собой первенствующую роль, такъ точно и первые не были носителями какихъ-либо политическихъ идеаловъ, а надѣялись только съ устраненіемъ супруги Петра выдвинуться на первыя мѣста и занять вліятельное положеніе.

Когда воцарилась Екатерина, были опять довольные и были недовольные. Были довольны тѣ, которые получили много и были недовольны тѣ, которые получили мало. Были очень довольны и князь Меньшиковъ и графъ Толстой; они получили очень много: они были теперь ближайшими совѣтниками императрицы и вліятельнѣйшими людьми. Еще болѣе доволенъ былъ герцогъ Голштинскій, которому 21 мая 1725 г. была дана въ супруги старшая цесаревна. Были довольны, хотя далеко не въ такой степени, и князь М. М. Голицынъ, произведенный того же числа въ фельдмаршалы, и князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, и князь Д. М. Голицынъ, и графъ Петръ Апраксинъ: они были произведены въ тотъ же счастливый день въ дѣйствительные тайные совѣтники. Но изъ первыхъ двухъ Дмитрій Голицынъ былъ болѣе доволенъ, чѣмъ Долгоруковъ, ибо онъ оставался въ неоффиціальномъ совѣтѣ 1725 г., а съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта 1726 г. сталъ его членомъ; Василій же Лукичъ Долгоруковъ былъ назначенъ въ Варшаву и долженъ былъ оставить Петербургъ. Недоволенъ былъ Репнинъ, назначенный въ Ригу, въ отчаяніи былъ Ягужинскій, не попавшій въ число членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ эту эпоху, такимъ образомъ, оба элемента — худородные и родовитые вельможи то и дѣло перемѣшиваются и сливаются, дѣйствуя однако на общемъ поприщѣ—на поприщѣ исканія царскихъ милостей.

Осенью 1726 г. политическія „конъенктуры“ получаютъ иной оборотъ, политическія стремленія — иныя цѣли и группировки партій—новый обликъ. Болѣзнь императрицы, обнаружившаяся

Digitized by Google

къ этому времени, выдвигаетъ снова вопросъ о престолонаслѣдіи. Вельможи опять раздѣляются на приверженцевъ внука Петра и на сторонниковъ Екатерины, желавшихъ видѣть на престолѣ ея потомство. Но на сторонѣ Петра уже другія лица. Во главѣ его сторонниковъ не родовитый вельможа, а худородный Меньшиковъ: онъ теперь за одно съ Голицынымъ. На противоположной-же сторонѣ стоятъ въ первыхъ рядахъ герцогъ Голштинскій графъ Толстой. Элементъ худородный опять такъ смѣшался съ элементомъ родовитымъ, что противопоставлять ихъ, какъ два враждебныхъ фактора, нельзя. И все историческое построеніе г. Филиппова, основанное на этомъ противопоставленіи, теряетъ подъ собою почву и расплывается въ туманную картину, въ которой нельзя распознать ни одного конкретнаго отношенія, ни одного реальнаго лица...

3) Свидѣтельства иностранцевъ, имѣющія отношеніе къ вопросу о возникновеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта.

А. Свидѣтельства Лефорта и Мардефельда.

Мы переходимъ къ разбору тѣхъ свидѣтельствъ, на которыя ссылаются наши историки, видящіе въ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта первый шагъ къ конституціонному проекту 1730 г.

Мы начнемъ со свидѣтельствъ Лефорта, котораго П. Н. Милюковъ выдвигаетъ на первый планъ, считая его очень хорошо освѣдомленнымъ.

Петръ умеръ 8 февраля 1725 г., а 10 февраля Лефортъ пишетъ: „До сихъ поръ никто не говоритъ о сынѣ царевича, а между тѣмъ это предметъ, требующій многихъ размышленій. Меньшиковъ на вершинѣ своего могущества; онъ пользуется тѣмъ-же расположеніемъ. Не знаю, что дворянство подумаетъ объ этомъ. Бассевичъ даетъ понять, что онъ съ Меньшиковымъ причина тому, что произошло. Не сомнѣваются въ славномъ царствованіи, но сердца на сторонѣ царевича.“ [1] Въ этихъ словахъ мы о политическихъ стремленіяхъ боярской партіи пока ничего не слышимъ, а узнаемъ только объ настроеніи большинства, стоящаго на сторонѣ царевича. Въ письмѣ отъ 13-го февраля Лефортъ доноситъ: „Усиленно стараются расположить въ свою

[1] С. Р. И. О., т. III, стр. 401.

Digitized by Google

пользу дворянство и войско. Этимъ только и можно объяснить помилованіе Шафирова. Несомнѣнно, что вельможи дѣлаютъ только видъ, что довольны. Если удастся заручиться Голицынымъ въ Украйнѣ, у котораго самый большій отрядъ войска, то волненія нечего будетъ опасаться, если-же нѣтъ, то Богъ знаетъ, что случится. Что касается до духовенства, то имъ заручились черезъ посредство его начальника, который былъ всегда любимцемъ царицы. Уже завидуютъ сильной власти, которую пріобрѣлъ Меньшиковъ." [1] Въ письмѣ отъ 17 февраля Лефортъ пишетъ: „Увѣряютъ, что приказъ генералу Голицыну пріѣхать сюда былъ посланъ ему еще при жизни царя... Этотъ приказъ, говорятъ, былъ повторенъ съ тѣмъ предостереженіемъ, что если онъ замедлитъ послѣдовать ему, то будетъ арестованъ. *Начинаютъ воспѣвать счастливое освобожденіе отъ тираніи и очень хорошо чувствуютъ, что царствованіе женщины не будетъ такимъ деспотичнымъ, но я вижу, что тронъ ускользаетъ.* Царица имѣетъ много причинъ остерегаться и окружать себя хорошими совѣтниками. Гарнизонъ старой Ладоги удвоили. Мнѣ кажется, что Голштинскій дворъ слишкомъ вольничаетъ въ странѣ, гдѣ онъ на хлѣбахъ изъ милости." [2] Въ письмѣ отъ 17 марта мы читаемъ: „Фракціи и партіи начинаютъ обрисовываться. Меншиковъ всѣмъ ворочаетъ и избралъ себѣ Толстого... императрица, повидимому, избрала себѣ этихъ двухъ своими руководителями, которымъ безусловно подчиняется. Меншиковъ старается лишить Репнина всякаго вліянія и такъ его принижаетъ, что въ этомъ униженіи чувствуется рѣшимость окончательно погубить его. Головкинъ лишился своего значенія, не знаю, пріобрѣтетъ ли онъ его снова; это произошло отъ того, что во время выборовъ онъ предложилъ воспользоваться голосомъ народа и съ тѣхъ поръ хотѣлъ интересоваться судьбою великаго князя, сына царевича. Ягужинскій изо всѣхъ силъ старается принадлежать къ партіи Меншикова и Толстого... Голицыны и Долгорукіе и дворянство соединились вмѣстѣ и отражаютъ удары, которые имъ наносятъ, они, однако, не выражаютъ недовольства и собираются съ силами, чтобы воспрянуть. Шафировъ пересталъ оказывать сопротивленіе Меншикову и Толстому".

Въ донесеніи отъ 25 августа Лефортъ повѣствуетъ о борьбѣ партій, но о партіи бояръ не упоминаетъ, а говоритъ только,

[1] Тамъ же, т. III, стр. 403.

[2] Тамъ же т. III стр. 404, 405.

Digitized by Google

что Голштинскому двору удалось, наконецъ, совершенно привлечь на свою сторону Толстого. Толстой даетъ тому доказательства, противодѣйствуя противоположной партіи, которая состоитъ изъ Головкина, Ягужинскаго и Остермана. Другая же партія—Голштинскій дворъ, Меньшиковъ, Толстой и Шафировъ мнѣ представляется гораздо болѣе сильной." [1]

Изъ этихъ писемъ Лефорта прежде всего вытекаетъ, что явленіемъ, которое всего болѣе поражало наблюдателя, слѣдившаго за ходомъ событій при русскомъ дворѣ въ первый годъ царствованія императрицы, было то вліятельное положеніе, которое заняли Меншиковъ и герцогъ Голштинскій. Надменное поведеніе послѣдняго особенно рѣзко подчеркивается Лефортомъ, оно-то, по его мнѣнію, и поддерживаетъ недовольство русскаго общества и въ особенности дворянства, симпатіи котораго были на сторонѣ сына несчастнаго царевича; но это недовольство, по словамъ Лефорта, ничѣмъ не выражается и дворяне дѣлаютъ видъ, будто мирятся съ новымъ положеніемъ вещей. ***Ни о какихъ стремленіяхъ русскаго боярства къ политической самостоятельности,*** „очень хорошо освѣдомленный" Лефортъ ***ничего не знаетъ.*** Но если это такъ, то чѣмъ же объяснить, спроситъ читатель, ссылку П. Н. Милюкова именно на Лефорта? П. Н. Милюковъ не приводитъ ни одного изъ выписанныхъ нами свидѣтельствъ Лефорта, а ссылается только на одну фразу саксонскаго агента, а именно на ту, которую мы подчеркнули въ приведенномъ нами выше письмѣ отъ 17 февраля, и которая гласитъ: „начинаютъ воспѣвать счастливое освобожденіе отъ тиранніи и очень хорошо чувствуютъ, что правленіе женщины не можетъ быть столь деспотичнымъ." Ни одинъ непредубѣжденный читатель не увидитъ въ этой фразѣ указаній на какія бы то ни было стремленія къ политической самостоятельности. Смыслъ этихъ словъ до такой степени ясенъ, что не даетъ мѣста ложному истолкованію: здѣсь, очевидно, Лефортъ высказываетъ очень простую мысль, а именно, что послѣ смерти Петра и съ воцареніемъ Екатерины русское общество почувствовало облегченіе, не испытывая болѣе тяготѣнія суроваго режима Петра и надѣясь, что правленіе женщины будетъ болѣе мягкимъ. Нужно надѣть густо окрашенные очки, чтобы не усмотрѣть яснаго смысла этой фразы и приводить ее въ доказательсто того, что русскіе бояре не-

[1] Тамъ же т. III ст. 419.

Digitized by Google

медленно послѣ смерти Петра начали мечтать о политической самостоятельности.

Настоящій смыслъ приведенной фразы еще яснѣе выступитъ передъ читателемъ, когда онъ сопоставитъ ее съ слѣдующею выпиской изъ письма Мардефельда отъ 10 февраля 1725 г.: „Предпринимаются во всемъ государствѣ всевозможныя мѣры для укрѣпленія настоящаго правленія. Духовенство задабривается, объявлено о значительныхъ льготахъ въ недоимкахъ, полки получаютъ свое жалованье и освобождаются отъ тяжелыхъ и безполезныхъ работъ. Графъ Мамоновъ посланъ въ Москву, чтобы принять присягу войска, многія сотни каторжниковъ отпущены съ каторги, многіе преступники, какъ высокопоставленные, такъ и простые помилованы, многимъ должникамъ прощены ихъ долги. ***Всѣ надѣются на весьма кроткое и милостивое правленіе*** [1]. Вотъ объ этой то надеждѣ на „весьма кроткое и милостивое правленіе“, очевидно, и говоритъ Лефортъ, когда пишетъ, что воспѣваютъ счастливое освобожденіе отъ тираннизма и чувствуютъ, что правленіе женщины не будетъ столь деспотичнымъ. Въ письмѣ отъ 20 февраля Мардефельдъ снова говоритъ объ оживленіи общества при новомъ царствованіи. „Императрица“. по его словамъ, „принимаетъ такія мѣры, которыя сдѣлаютъ ее на цѣлую треть могущественнѣе и значительнѣе покойнаго императора, при которомъ, несмотря на его чрезвычайно великую славу, государство дошло до крайняго положенія и клонилось къ упадку, такъ что онъ внѣ своего государства не могъ предпринять ничего, не рискуя вызвать возстаніе. Доказанное великое милосердіе императрицы оживило все вновь. Однако при этомъ было объявлено, что противящіеся ея авторитету и приказаніямъ понесутъ заслуженную кару“ [2]. Въ письмѣ отъ 27 февраля Мардефельдъ снова подтверждаетъ, что „императрица стала значительно могущественнѣе искреннею любовью, пріобрѣтенною ею у всей націи“ [3].

Показанія Мардельфельда вообще вполнѣ подтверждаютъ донесенія Лефорта и служатъ къ нимъ прекраснымъ дополненіемъ. И онъ знаетъ о тѣхъ опасеніяхъ, которыя внушалъ Голицынъ со своею украинскою арміей. „Что, повидимому, еще безпокоитъ

---

[1] Тамъ же т. XV стр. 255.
[2] Тамъ же т. XV стр. 261.
[3] Тамъ же т. XV стр. 262.

Digitized by Google

дворъ", пишетъ онъ въ своемъ письмѣ отъ 10 февраля—„это князь Голицынъ, который находится въ Украйнѣ во главѣ шестидесятитысячнаго войска и который сердечно преданъ, какъ старому правленію, такъ и молодому Великому Князю. Къ нему посланъ вѣрный офицеръ съ приказомъ явиться сюда". [1]. Но уже 13 марта Мардефельдъ спѣшилъ сообщить, что всѣ эти опасенія оказались напрасны. „Здѣсь, впрочемъ", пишетъ онъ, „все идетъ по желанію императрицы и готовится къ твердому и благоустроенному царствованію. *Украинская армія присягнула императрицѣ съ тѣми же изъявленіями радости и при томъ же спокойствіи, какъ и здѣшняя* [2]. Это интересное свидѣтельство Мардельфельда, показывающее, что опасенія, которыя внушала украинская армія, оказались лишенными основанія, обходятъ молчаніемъ тѣ изъ нашихъ изслѣдователей, которые говорятъ о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, какъ объ уступкѣ боярской партіи; объ этомъ свидѣтельствѣ умалчиваетъ и П. Н. Милюковъ, утверждающій, что Голицынъ, представитель этой партіи, былъ опасенъ Екатеринѣ именно той опорой, которую онъ находилъ въ украинской ярміи, предводительствуемой его братомъ [3].

Другихъ показаній, относящихся къ 1725 г. и имѣющихъ отношеніе къ занимающему насъ вопросу, мы въ письмахъ

---

[1] Тамъ же т. XV стр. 255.

[2] Тамъ же т. XV стр. 267.

[3] Мардефельдъ, какъ и Лефортъ, подчеркиваетъ то выдающееся положеніе, которое заняли Меньшиковъ и герцогъ Голштинскій въ первый годъ царствованія императрицы Екатерины. Въ своемъ письмѣ отъ 10 февраля Мардефельдъ пишетъ, что первою заботой императрицы было представить герцога Голштинскаго ассамблеѣ, какъ своего роднаго сына, что всѣхъ расположило къ тому мнѣнію, что доброе намѣреніе, которое имѣлъ покойный императоръ относительно герцога, должно быть исполнено. Герцогъ можетъ быть этимъ вполнѣ доволенъ, ибо ежедневно будетъ находиться около императрицы и присутствовать въ Совѣтѣ, тогда какъ предусмотрительность покойнаго Императора и трудность, съ которою послѣдній принималъ окончательное рѣшеніе, весьма затрудняли ходъ его дѣла". (Тамъ же т. XV стр. 257). Въ донесеніи отъ 13 февраля Мардефельдъ называетъ Меньшикова „всесильнымъ" и разсказываетъ, что императрицѣ надѣлали много хлопотъ зависть вельможъ къ князю и опасеніе, что онъ станетъ злоупотреблять своимъ авторитетомъ, какъ злоупотреблялъ имъ при царѣ: по этому дѣлу были отправляемы тайныя депутаціи къ императрицѣ. Но онѣ получили отъ нея весьма умный и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительный, твердый отвѣтъ; герцогъ Голштинскій, который пользуется полнымъ ея довѣріемъ, старается умѣрить горячность и высокомѣріе князя, такъ что

Digitized by Google

Мардефельда не находимъ. Намъ остается только подчеркнуть, что какъ у Лефорта, такъ и Мардефельда нѣтъ никакихъ указаній на стремленія боярства къ политической самостоятельности, будто бы обнаружившихся непосредственно послѣ смерти Петра.

В. Свидѣтельства Кампредона.

Мы можемъ теперь перейти къ донесеніямъ Кампредона, болѣе богатымъ свѣдѣніями.

И онъ говоритъ о первенствующихъ роляхъ, выпавшихъ въ первый годъ царствованія Екатерины на долю Меньшикова и герцога Голштинскаго.

Въ письмѣ отъ 14-го апрѣля 1725 г. Кампредонъ пишетъ: „Вообще-же здѣсь все спокойно. Если-же и происходитъ нѣкоторое внутреннее волненіе въ умахъ министровъ, то лишь изъза стремленія ихъ поколебать вліяніе Меньшикова и обратить въ свою пользу преимущества монаршей милости, отнявъ часть ея у герцога Голштинскаго. Съ завистью и не безъ страха смотрятъ они на возрастающее къ нему довѣріе императрицы, особенно тѣ, которые пренебрежительно и даже съ презрѣніемъ относились къ нему при жизни покойнаго царя. Только козни ихъ безполезны. Царица, которая отчасти поддерживаетъ его на ступеняхъ трона Швеціи и которая не безосновательно надѣется

и это дѣло приметъ исходъ, благопріятный для всѣхъ. (Тамъ же т. XV стр. 260.) „Герцогъ", пишетъ Мардефельдъ въ письмѣ отъ 27 февраля, „участвуетъ въ самыхъ секретныхъ совѣщаніяхъ. Русская императрица его весьма уважаетъ и питаетъ къ нему полное довѣріе за его умъ и умѣнье сохранить тайну". (Тамъ же т. XV стр. 263). Очень поучительно письмо Мардефельда отъ 24 апрѣля, въ которомъ онъ говоритъ о полновластіи Меньшикова и передаетъ сужденіе послѣдняго о Головкинѣ, Толстомъ и Остерманѣ. „Сказанный князь, пишетъ онъ, теперь не только предсѣдатель военной коллегіи, но и засѣдаетъ во всѣхъ совѣтахъ, собираемыхъ по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ. Онъ далъ мнѣ, между прочимъ, понять, что во всѣхъ важныхъ и разногласныхъ дѣлахъ имѣетъ одинъ онъ рѣшающій голосъ и въ состояніи привлечь на свою сторону большинство голосовъ, и вице-канцлеръ Головкинъ—чистѣйшій нуль, ничего не понимаетъ; тайный же совѣтникъ Толстой—истый итальянецъ, держащій носъ по вѣтру; Остерманъ—единственный способный и надежный министръ, но онъ слишкомъ боязливъ и осмотрителенъ. (Тамъ же т. XV, стр. 374). Эта характеристика вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что мы знаемъ о главнѣйшихъ совѣтникахъ Екатерины и мы примемъ ее къ свѣдѣнію, когда будемъ говорить о распредѣленіи ролей между различными членами Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Digitized by Google

въ случаѣ надобности получить черезъ него военную помощь этой державы,—*Царица видитъ въ герцогѣ свою вѣрнѣйшую опору.* Она убѣждена, что у него отнынѣ не можетъ быть интересовъ, отдѣльныхъ отъ нея и ея семьи, и что онъ, поэтому, можетъ лишь желать того, что выгодно и почетно для нея, вслѣдствіе чего она съ своей стороны можетъ вполнѣ полагаться на добросовѣстность его совѣтовъ и на честность его отношеній къ ней. *Точно также смотритъ она и на князя Меньшикова, такъ что можно, не рискуя ошибиться, сказать, что рѣшающее вліяніе на самыя важныя дѣла будетъ отнынѣ принадлежать этимъ двумъ лицамъ.*“ [1] Въ письмѣ отъ 3-го мая Кампредонъ подтверждаетъ, что Меньшиковъ пользуется „величайшею властью, какая только можетъ выпасть на долю подданнаго“. [2] Въ письмѣ отъ 21-го апрѣля Кампредонъ доноситъ, что „милости къ Меньшикову все увеличиваются.“ [3] Эти милости не могли не раздражать прочихъ приближенныхъ императрицы. Они и жаловались на него императрицѣ, но получали отъ нея довольно суровый отпоръ. „Адмиралъ Апраксинъ, разсказываетъ Кампредонъ въ своемъ письмѣ отъ 17-го февраля, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы замѣтить царицѣ, что князь Меньшиковъ начинаетъ черезчуръ выдвигаться впередъ; что его надменность оскорбляетъ его товарищей, и что поэтому онъ, адмиралъ, умоляетъ ея величество заставить князя держаться, согласно своему долгу, въ границахъ равенства съ прочими сенаторами, а не выдѣляться, какъ онъ это дѣлаетъ. „Прость же ты“, отвѣтила царица адмиралу, „если думаешь, будто-бы я позволю Меньшикову пользоваться хоть единой каплей моей власти. Я этого человѣка знаю лучше васъ ты и твои товарищи только и дѣлали, что преслѣдовали его, я его поддерживала изъ жалости, а подчасъ и для того, чтобы защитить отъ несправедливости и отъ насилія. Я ему жизнь спасла, да и тебѣ также, —и вотъ вы, господинъ адмиралъ, позаботьтесь своимъ добрымъ поведеніемъ сохранить эту жизнь и впредь.“ [4]

Если Меньшиковъ былъ силенъ и вліятеленъ и эта сила обусловливалась его прошедшимъ и тѣми услугами, которыя онъ оказалъ императрицѣ при ея воцареніи, то герцогъ Голштин-

[1] Тамъ-же, т. LVIII, стр. 117.
[2] Стр. 254.
[3] Стр. 157.
[4] Стр. 11.

Digitized by Google

скій стоялъ къ ней въ тѣхъ тѣсныхъ отношеніяхъ, которыя обусловливаются родственной связью и общими личными интересами. „Интересы герцога, говоритъ Кампредонъ, сдѣлались ей особенно дороги со времени смерти царя, потому что она видитъ въ герцогѣ свою надежнѣйшую опору. Онъ помѣстился въ самомъ близкомъ разстояніи отъ дворца, чтобы чаще видѣться съ государыней. Мнѣ разсказывали, что съ тѣхъ поръ, какъ она имѣетъ случай чаще интимно бесѣдовать съ нимъ, она открыла въ немъ солидный умъ, твердый характеръ и разныя другія способности, присутствія которыхъ не подозрѣвала прежде." [1] Въ письмѣ отъ 24-го февраля Кампредонъ доноситъ, что „вліяніе герцога на императрицу ростетъ съ каждымъ днемъ," [2] а 21-го апрѣля онъ пишетъ, что „герцогъ имѣетъ рѣшающее вліяніе на самыя важныя дѣла." [3] Въ донесеніи отъ 24-го апрѣля онъ называетъ его „правой рукой могущественной государыни, которую честь и узы крови обязываютъ непремѣнно сдѣлать для его блага все, что она въ состояніи сдѣлать." [4] Онъ увѣряетъ, что „императрица любитъ его со всею горячностью матери, желающей счастія своей семьѣ." [5]

Меншиковъ и герцогъ Голштинскій были, такимъ образомъ, несомнѣнно вліятельнѣйшими людьми того времени. Но окружали императрицу и другія лица, къ совѣтамъ которыхъ она любила прислушиваться.

И тутъ на первомъ мѣстѣ стоитъ графъ Петръ Андреевичъ Толстой. Кампредонъ считаетъ его самымъ умнымъ изъ русскихъ министровъ [6] и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне властолюбивымъ, не терпѣвшимъ соперниковъ; [7] это человѣкъ хитрый и себѣ на умѣ. Толстой, говоритъ онъ, самый тонкій изъ русскихъ министровъ, плыветъ, такъ сказать, между двумя теченіями, не высказываясь до тѣхъ поръ, пока не увидитъ, на чью сторону склоняются вѣсы. [8] Между тѣмъ этотъ ловкій министръ, по словамъ французскаго агента, имѣетъ большое вліяніе на императрицу. Въ

---

[1] Стр. 14.
[2] Стр. 24,50.
[3] Стр. 162.
[4] Стр. 173.
[5] Стр. 76.
[6] Стр. 406.
[7] Стр. 103.
[8] Стр. 406.

Digitized by Google

письмѣ отъ 17-го февраля мы читаемъ: „Наиболѣе довѣреннымъ лицомъ изъ ея министровъ является Толстой; — это человѣкъ даровитый, опытный и умѣющій хранить тайны.“ [1] А въ письмѣ отъ 3-го марта онъ еще рѣзче подчеркиваетъ то выдающееся положеніе, которое занималъ Толстой при императрицѣ; этотъ министръ сталъ теперь правою рукой царицы. Въ послѣднихъ событіяхъ онъ служилъ ей съ ловкостью и успѣхомъ изумительными, это лучшая голова въ Россіи. Онъ прожилъ до старости посреди государственныхъ дѣлъ и ведетъ ихъ искусно и осторожно. Бывшій прежде всемогущимъ Ягужинскій ухаживаетъ за нимъ и Толстой, какъ истинно ловкій и хитрый политикъ, умѣетъ, отнюдь не высказывая превосходства своего надъ товарищами, заставить ихъ всѣхъ принять все то, что онъ порѣшилъ на тайныхъ своихъ совѣщаніяхъ съ царицей.“ [2] Въ своемъ письмѣ отъ 24-го апрѣля, упоминая о Толстомъ, онъ опять говоритъ о немъ, какъ о самомъ довѣренномъ и безспорно самомъ искусномъ изъ министровъ царицы. [3] Въ письмѣ отъ 3-го мая Кампредонъ увѣряетъ, что „Толстой будетъ всегда принимать выдающееся участіе въ правительственныхъ дѣлахъ, какой бы оборотъ они ни приняли. Царица, съ которой его связываютъ личные интересы, рѣшительно не можетъ обойтись безъ его совѣта. Это человѣкъ тонкаго ума, твердаго характера, умѣющій давать ловкій оборотъ дѣламъ, которымъ желаетъ успѣха.“ [4] Въ письмѣ отъ 26-го мая онъ доноситъ, что „вліяніе Толстаго все растетъ“. [5] Онъ увѣряетъ даже, что совѣты и мнѣнія, предлагаемыя императрицѣ днемъ герцогомъ Голштинскимъ, провѣряются сю ночью въ бесѣдахъ съ Толстымъ, который, какъ ловкій дипломатъ, дѣлаетъ видъ, будто отдаляется отъ дѣлъ и не вмѣшивается ни во что, кромѣ совѣщаній въ Сенатѣ.“ [6]

Другимъ вліятельнымъ совѣтникомъ Екатерины былъ Остерманъ. Онъ, по словамъ Кампредона, настоящая душа русской и иностранной политики, онъ ее не дурно понимаетъ съ русской точки зрѣнія и безъ него здѣсь обойтись не могутъ, особенно потому, что онъ знаетъ языки—нѣмецкій, французскій и

[1] Стр. 8.
[2] Стр. 33, 34.
[3] Стр. 179.
[4] Стр. 254, 255.
[5] Стр. 348.
[6] Стр. 360.

Digitized by Google

итальянскій. Главное искусство этого человѣка заключается въ изворотливости, тонкой проницательности и скрытности. Онъ не очень прямодушенъ (Il a peu de droiture) и этимъ-то и заслужилъ довѣріе покойнаго царя. Мнѣ кажется, что онъ не долюбливаетъ Францію и Англію и вліяніе его не такъ велико теперь какъ въ прошлое царствованіе, но, однако, еще достаточно сильно, чтобы вредить, если онъ захочетъ, потому что своими придирками онъ всегда можетъ затормозить дѣло, успѣха коего не желаетъ. [1]

Обратимся теперь къ Кампредону за свѣдѣніями, которыя помогли-бы намъ отвѣтить на вопросъ: была-ли власть императрицы и ея приверженцевъ съ одной стороны такъ слаба, какъ утверждаютъ наши историки, а могущество приверженцевъ великаго князя настолько сильно, что Екатерина была вынуждена дѣлать уступки боярской партіи, выразившіяся, между прочимъ, въ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и въ приглашеніи въ его составъ Д. М. Голицына? Въ письмѣ отъ 17-го февраля Кампредонъ пишетъ: „Все совершается послѣдовательно къ удовольствію новой государыни. Ей повинуются съ тою-же покорностью, какъ и покойному царю, супругу ея. Третьяго дня всѣ принесли ей присягу, формулу которой прилагаю здѣсь въ переводѣ. У царицы не будетъ недостатка ни въ твердости, ни въ умѣньи удержаться на мѣстѣ, ни въ мужествѣ стать во главѣ арміи, если понадобится. Въ этомъ смыслѣ она уже и высказалась. *Большинство здѣшнихъ вельможъ существенно заинтересованы сами въ сохраненіи ей вѣрности, такъ какъ безопасность ихъ имуществъ и ихъ виды на будущее зависятъ всецѣло отъ положенія царицы. Въ числѣ ея противниковъ нѣтъ ни одного настолько значительнаго лица, чтобы стать главою партіи* [2]. Это свидѣтельство, которое вполнѣ согласуется съ приведенными выше показаніями Лефорта и Мардефельда, обходится молчаніемъ тѣми писателями, которые во что бы то ни стало хотятъ увѣрить насъ, что престолу Екатерины грозила опасность со стороны политическихъ стремленій боярской партіи. Въ письмѣ отъ 3 марта мы находимъ еще болѣе опредѣленное и характерное показаніе. „Власть императрицы утверждается все болѣе и болѣе; все идетъ согласно съ ея желаніями, и если происходятъ

[1] Стр. 255.
[2] Стр. 8.

Digitized by Google

кое-какія ссоры и движенія между министрами, то *единственно изъ-за вліянія и монаршихъ милостей, которыя каждый хлопочетъ пріобрѣсть въ свою пользу.* Изумительныя дарованія государыни развиваются съ каждымъ днемъ. Всѣ тѣ, которые считали прежде возможнымъ успѣшно провести какую-нибудь интригу противъ нея, нынѣ вполнѣ согласны въ томъ, что царицу необходимо поддерживать на престолѣ и именно съ размѣрами власти, обусловленными въ принесенной ей присягѣ. Повѣрьте, я хорошо знаю здѣсь все, что дѣлается. У меня есть вѣрнѣйшій другъ, имѣющій вполнѣ свободный доступъ въ кабинетъ царицы и пользующійся довѣріемъ всѣхъ наиболѣе вліятельныхъ къ ней лицъ. Поэтому, когда я вамъ говорю, что къ здѣшнему правительству слѣдуетъ относиться болѣе осмотрительно даже, чѣмъ къ правительству королевы Елизаветы англійской, потому что власть царицы безъ всякаго сравненія болѣе неограничена, чѣмъ была власть помянутой королевы, то это истина, которая не замедлитъ обнаружиться. Насколько вообще возможно человѣческое предвидѣніе, настолько кажется совершенно невѣроятной какая-либо перемѣна здѣсь къ невыгодѣ новой монархини, потому что она принимаетъ всѣ необходимыя и весьма разумныя мѣры, чтобы предупредить всякаго рода неудовольствія, улучшить положеніе духовенства, и заставить свой народъ дѣлать добровольно и изъ благодарности—допустивъ, что онъ способенъ къ ней,—то, что въ предыдущее царствованіе дѣлалось имъ лишь по приказанію.“ [1] Въ письмѣ отъ 10 марта Кампредонъ снова подтверждаетъ что *интриги и распри министровъ исключительно клонятся къ пріобрѣтенію наибольшаго вліянія въ ущербъ другъ другу, а отнюдь не къ ограниченію власти государыни* [2]. Кампредонъ не перестаетъ и въ послѣдующихъ письмахъ настаиваетъ на томъ-же утвержденіи, чтобы не оставить никакого сомнѣнія въ дѣйствительномъ положеніи вещей и устранить всякіе ложные толки о возможныхъ посягательствахъ на неприкосновенность самодержавной власти Императрицы. „Изъ моихъ писемъ отъ 10-го февраля и послѣдующихъ пишетъ онъ 7 апрѣля, ваше сіятельство узнали, что правленіе царицы установилось въ тѣхъ же размѣрахъ и съ тою-же неограниченной властью, какой обладалъ покойный царь-супругъ ея. Принимаются тѣ-же мѣры,

[1] Стр. 33.
[2] Стр. 53.

Digitized by Google

какъ и при немъ и будутъ слѣдовать во всемъ тѣмъ-же правиламъ." [1] Въ письмѣ отъ 14-го апрѣля—тѣ же увѣренія: „Здѣсь дѣло укрѣпленія самодержавной власти царицы идетъ все лучше и лучше. Еслибъ кто-либо изъ недовольныхъ, а таковые всегда бываютъ, это уже неизбѣжно при перемѣнѣ правительства, — и вздумалъ поставить какую-нибудь преграду сказанному дѣлу, то единственнымъ плодомъ такой попытки была-бы собственная гибель пытавшагося." [2] Того-же числа Кампредонъ пишетъ маркизу де-Фенелону: „Ваше сіятельство знаете уже изъ газетъ все, что произошло при вступленіи царицы на русскій престолъ. Она заняла его противъ желанія многихъ, какъ внутри, такъ и внѣ государства, особенно тѣхъ, которые, завидуя могуществу покойнаго царя, надѣялись, что онъ унесъ въ могилу и дѣятельную силу этого могущества и средства поддержать репутацію, пріобрѣтенную его короной, благодаря его неусыпнымъ трудамъ и неизмѣнному мужеству. Но эта надежда оказалась неосновательною, новая государыня располагаетъ такою-же властью, какая была при прежнемъ царствованіи; можно даже сказать, что она пользуется большею любовью своихъ подданныхъ и всѣми мѣрами старается поддержать въ нихъ это чувство. Незамѣтно никакого движенія, кромѣ развѣ изъявленія радости." [3] Странное дѣло, иностранные свидѣтели воцаренія Екатерины слышатъ только изъявленія радости по адресу государыни, а русскіе историки въ ихъ отчетахъ вычитываютъ свѣдѣнія о политическихъ притязаніяхъ боярской партіи, обнаружившихся немедленно послѣ смерти Петра и направленныхъ противъ императрицы!

Но неужели въ донесеніяхъ иностранныхъ агентовъ, на которыя такъ усердно ссылаются наши изслѣдователи, нѣтъ никакихъ указаній на существованіе этихъ притязаній? Такихъ указаній нѣтъ, а встрѣчаются слѣдующія свидѣтельства о настроеніи высшаго боярства.

Въ письмѣ отъ 24-го февраля Кампредонъ передаетъ свой разговоръ съ герцегомъ Голштинскимъ: „Повѣрьте, сказалъ герцогъ, что царствованіе нынѣшней государыни будетъ прочнѣе, славнѣе и полезнѣе для ея друзей, чѣмъ предыдущее... Царица—неограниченная повелительница военныхъ силъ, сухопутныхъ и

[1] Стр. 92, 93.
[2] Стр. 116.
[3] Стр. 129, 130.

Digitized by Google

морскихъ; не осталось болѣе ни одного вождя враждебной партіи, способнаго пальцемъ шевельнуть. Единственный, который могъ-бы предпринять что-нибудь, князь Голицынъ, находится во власти правительства, прочіе-же робки и слишкомъ дорожатъ своимъ добромъ, чтобы осмѣлиться шевельнуться. Къ тому же приняты такія хорошія мѣры, что внутри государства безусловно не произойдетъ никакого движенія и если за границей иначе думаютъ о здѣшнихъ дѣлахъ, то это ничто иное, какъ добровольный самообманъ. И дѣйствительно, продолжаетъ Кампредонъ, дѣла именно кажутся такими, какими рисуетъ мнѣ герцогъ Голштинскій. Въ Москву уже дошло извѣстіе о кончинѣ царя, а вѣсть о восшествіи царицы была принята тамъ также спокойно и при такихъ-же кликахъ восторга, какъ и въ Петербургѣ. Правда, Голицыны, Трубецкіе, Долгорукіе и Апраксины часто видятся и совѣщаются между собою. Но царица и герцогъ Голштинскій пристально слѣдятъ за ними и все, что удалось до сихъ поръ открыть на счетъ этихъ совѣщаній — это то, что старые бояре стараются добиться большаго вліянія, чѣмъ это было доселѣ и чтобы императрица не могла ничего рѣшать иначе, какъ по совѣщанію съ сенатомъ. По словамъ герцога Голштинскаго, она на это никогда не согласится, потому что это не только ограничило бы ея самодержавную власть, но и сдѣлало-бы невозможнымъ сохраненіе тайнъ въ наиболѣе важныхъ дѣлахъ.“ [1] Притязанія боярства, о которыхъ здѣсь говоритъ Кампредонъ, очень скромны, они сводятся къ тому, чтобы имѣть совѣщательный голосъ въ сенатѣ. *Но и эти притязанія, какъ о томъ спѣшитъ сообщить намъ Кампредонъ въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ (отъ 7-го апрѣля) оказались плодомъ досужей фантазіи голштинскаго министра Бассевича.* „Ихъ пытались, пишетъ онъ, обвинить въ тайныхъ сборищахъ, на которыхъ они будто-бы замышляютъ и изыскиваютъ средства измѣнить форму правленія. *Но оказалось, что никакого, кромѣ фантазіи Бассевича, основанія къ этимъ подозрѣніямъ нѣтъ.* [2]

Чтобы лучше уяснить себѣ настроеніе боярской партіи въ эту эпоху, не безполезно привести свѣдѣнія, которыя сообщаетъ Кампредонъ объ ея главнѣйшихъ представителяхъ. Этими представителями были, какъ извѣстно, фельдмаршалъ князь Ани-

[1] Стр. 17, 18.
[2] Стр. 102.

Digitized by Google

кита Ивановичъ Репнинъ, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, князья Дмитрій и Михаилъ Михайловичи Голицыны. Мы знаемъ уже изъ донесенія Лефорта отъ 17 марта, что Меньшиковъ ненавидѣлъ Репнина и старался лишить его вліянія. И Кампредонъ въ письмѣ отъ 7 марта подтверждаетъ это извѣстіе и разсказываетъ, что Репнинъ уѣхалъ въ Ригу, куда онъ назначенъ губернаторомъ, уѣхалъ недовольный, потому что назначенъ туда единственно для того, чтобы снова поставить Меньшикова во главѣ военной коллегіи, президентомъ коей былъ Репнинъ.[1] Такимъ образомъ Репнинъ удаленъ, за нимъ сходитъ со сцены Долгоруковъ, который, какъ сообщаетъ Кампердонъ въ своемъ письмѣ отъ 14 іюля, получилъ назначеніе въ Польшу, куда онъ въ іюлѣ и отправился.[2] На это назначеніе Долгоруковъ, говоритъ Кампредонъ, смотритъ, какъ на почетное изгнаніе, хотя царица и подарила ему нѣсколько имѣній, будто въ вознагражденіе за расходы по посольству.[3] Долгоруковъ увѣрялъ, что подозрѣнія относительно его образа мыслей лишены основанія. „На дняхъ“, разсказываетъ Кампредонъ, „Бассевичъ... завелъ съ Долгоруковымъ длинную бесѣду о современномъ положеніи дѣлъ и при этомъ князь высказалъ, что главная причина его холодности въ томъ, что имъ, по его мнѣнію, пренебрегаютъ, скрываютъ отъ него намѣренія царицы и даже, какъ онъ убѣжденъ, назначаютъ его въ Польшу лишь ради почетнаго изгнанія. Бассевичъ возразилъ ему, что онъ ошибается, что царица уважаетъ его, какъ искуснаго министра, способнаго оказать ей большія услуги, и если бы она могла только положиться на его вѣрность и преданность, онъ скоро самъ на дѣлѣ убѣдился бы въ ея довѣріи. Долгоруковъ объяснилъ, что она вполнѣ можетъ положиться на то и на другое, что онъ и въ помышленіи не держитъ, да и не въ его интересахъ служить ей не такъ, какъ слѣдуетъ ревностному вѣрноподданному“.[4]

Если Репнинъ и Долгоруковъ удалены одинъ въ Ригу, а другой въ Варшаву, несмотря на ихъ увѣренія въ вѣрноподданническихъ чувствахъ, то князя Д. М. Голицына считаютъ безвреднымъ и спокойно оставляютъ въ Петербургѣ. Онъ держитъ сторону

---

[1] Стр. 105.
[2] Стр. 425.
[3] Стр. 103, 104.
[4] Стр. 135.

Digitized by Google

Меньшикова и въ совѣщаніи, на которомъ обсуждался союзъ Франціи съ Россіей и на которомъ произошла горячая схватка между свѣтлѣйшимъ княземъ и Ягужинскимъ, Голицынъ стоялъ на сторонѣ перваго и вмѣстѣ съ адмираломъ Апраксинымъ, Толстымъ и Остерманомъ противъ Головкина, Долгорукова и Репнина. Можетъ быть въ виду этого расположенія къ французскому союзу Кампредонъ охотно выдаетъ ему въ письмѣ отъ 3 мая хорошую аттестацію. Въ этомъ письмѣ онъ даетъ обстоятельную характеристику тѣхъ лицъ, въ расположеніи которыхъ французскій дворъ долженъ заискивать; онъ подробно говоритъ здѣсь о Меньшиковѣ, Толстомъ и Остерманѣ и очень кратко объ Апраксинѣ и объ Голицынѣ. Адмиралъ Апраксинъ, говоритъ онъ, принадлежитъ къ одному изъ самыхъ знатныхъ родовъ Россіи и благодаря этому, а равно и должности, имъ занимаемой, будетъ всегда имѣть вліяніе. Это, впрочемъ добрѣйшій вельможа, пріятель Толстаго, вполнѣ раздѣляющій всѣ его чувства, къ тому же на него всегда можно повліять чрезъ графа Саву, короткаго друга его и Толстаго... Князь Голицынъ тоже изъ знатнаго рода, человѣкъ весьма разумный, его голосъ всегда будетъ имѣть и значеніе и вліяніе, какъ это обнаружилось на совѣщаніи, гдѣ почти всѣ присутствующіе не безъ сомнѣнія обсуждали вопросъ, надо ли или нѣтъ заключать союзъ съ Франціей и Англіей. [1] Голицыну, какъ и другимъ, была обѣщана тайная награда за содѣйствіе этому совѣту. Но если Меньшикову, Толстому, Апраксину и Остерману было назначено по шести тысячъ дукатовъ, то князь Голицынъ долженъ былъ удовлетвориться сообразно его значенію и вліянію болѣе скромною суммой, а именно четырьмя тысячами дукатовъ, еще меньше было назначено Долгорукову, которому было ассигновано всего три тысячи. [2]

Мы уже видѣли, что Мардефельдъ засвидѣтельствовалъ всю безосновательность опасеній тѣхъ, которые думали, что украинская армія подъ предводительствомъ М. М. Голицына можетъ угрожать Екатеринѣ. Кампредонъ вполнѣ подтверждаетъ это свидѣтельство; въ письмѣ отъ 14 апрѣля онъ пишетъ, что „всѣ войска съ величайшею готовностью принесли царицѣ присягу вѣрности, не исключая и украинской арміи; главнокомандующій

[1] Стр. 254, 255.
[2] Стр. 285.

Digitized by Google

послѣдней, князь Голицынъ, котораго многіе подозрѣвали въ злыхъ умыслахъ, отличался особеннымъ выраженіемъ покорности и радости." [1]

Эти злые умыслы во всякомъ случаѣ не заключались въ стремленіяхъ къ политической самостоятельности. Въ эту эпоху у насъ, какъ мы показали выше, не существовало, да и не могло существовать политической партіи, которая стремилась бы произвести государственный переворотъ съ цѣлью установить у насъ „правительственную форму" на подобіе англійской или шведской. Опасность, грозившая Екатеринѣ и дававшая поводъ говорить объ злыхъ умыслахъ Голицына, была совершенно иного рода; она заключалась въ томъ, что Екатерина, занявъ русскій престолъ, вытѣснила прямаго наслѣдника, единственнаго мужскаго представителя дома Романовыхъ, и въ этомъ крылась причина недовольства, о которомъ говорятъ приведенныя свидѣтельства. Это было недовольство не той или другой партіи, а народнаго большинства. Но это было недовольство глухое, ничѣмъ рѣзко не выражавшееся. Въ письмѣ отъ 24 марта Кампредонъ упоминаетъ о начавшемся было движеніи въ Москвѣ, скоро однако прекратившемся. „Внутренно", продолжаетъ онъ, „многіе навѣрно втайнѣ благопріятствуютъ великому князю, внуку царя, иначе и не можетъ быть при обстоятельствахъ, подобныхъ нынѣшнимъ. Многіе были даже недовольны, что на церемоніи погребенія герцогъ Голштинскій шелъ впереди него. И дѣйствительно, онъ болѣе близкій родственникъ и принцъ крови, такъ что нельзя не признать такого обращенія съ нимъ не совсѣмъ ловкимъ. Но все же сомнительно, чтобы оно повело къ какимъ-либо послѣдствіямъ, развѣ только сами Голштинцы подадутъ къ тому поводъ своимъ чрезмѣрнымъ высокомѣріемъ. Впрочемъ, великій князь очень дурно воспитанъ и въ немъ замѣтны признаки темперамента желчнаго и жестокаго. Такимъ образомъ люди, желающіе посадить его на престолъ въ ущербъ царицѣ, не только много бы потеряли въ ея лицѣ, но и ничего не выиграли бы въ отношеніи суровости, которую столь часто проявлялъ дѣдъ великаго князя. Все это, впрочемъ, одни разсужденія, потому что доселѣ въ Россіи царствуетъ полнѣйшее спокойствіе." [2] Въ письмѣ отъ 14 іюля мы читаемъ: „Императри-

[1] Стр. 130.
[2] Стр. 66, 67.

Digitized by Google

ца старается мѣрами кротости пріобрѣсти любовь народа и упрочить свое правленіе, но безуспѣшно. Недовольство вельможъ, дворянства и духовенства усиливается съ каждымъ днемъ. Впрочемъ я видѣлъ пріятеля, о которомъ говорилъ выше, полученное имъ достовѣрное извѣщенія на счетъ одного хода, замышленнаго царицей съ цѣлью подкупить расположеніе народа, чтобы потомъ выиграть у него самую большую ставку. Она знаетъ, что у царевича есть друзья и очень вліятельные сторонники, которые не успокоятся, пока не увидятъ его на принадлежащемъ ему по праву престолѣ, хотя бы имъ пришлось своею кровью заплатить за это. Царица всячески постарается избѣжать этой крайности, но въ случаѣ надобности она, чтобы сохранить за собою положеніе правительницы, торжественно объявитъ юнаго князя своимъ наслѣдникомъ. Она думаетъ успокоить этимъ своихъ враговъ, а тѣмъ временемъ найти средства отдѣлаться отъ находящагося въ ея рукахъ наслѣдника и передать престолъ младшей принцессѣ, дочери своей, выдавъ ее замужъ за когонибудь изъ самыхъ знатныхъ русскихъ вельможъ“ [1]. Если и позволительно сомнѣваться въ достовѣрности этого плана, приписываемаго Екатеринѣ, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что недовольство народа, духовенства, дворянства и вельможъ, о которомъ говоритъ здѣсь Кампредонъ, заставляли императрицу остерегаться сторонниковъ царевича, которые могли въ своихъ личныхъ видахъ воспользоваться этимъ недовольствомъ и побуждали ее внимательно слѣдить за ихъ интригами. „Я изъ достовѣрныхъ источниковъ слышалъ, писалъ Кампредонъ еще отъ 13 февраля, что государыня намѣрена держать Шафирова въ такомъ мѣстѣ, откуда онъ могъ бы наблюдать за дѣйствіями, движеніями и интригами партіи Голицына, и тайно, безъ вѣдома кого-бы то ни было доносить ей объ этомъ. Помогалъ ей въ этомъ отношеніи и герцогъ Голштинскій, который, по словамъ Кампредона, старается привлечь *князей Голицыныхъ, Апраксиныхъ, Репниныхъ и князя Долгорукова, коихъ онъ считаетъ не особенно расположенными къ правительству, потому что они оказывали чуть замѣтную искру доброжелательства къ великому князю, когда послѣ смерти царя, зашла рѣчь о престолонаслѣдіи*“ [2]. Кампредонъ считаетъ, однако, всѣ эти мѣры предосто-

[1] Стр. 423, 424.
[2] Стр. 102.

Digitized by Google

рожности излишними. Онъ думаетъ, что власть императрицы безспорна, и что ей, опиравшейся на преданность обожавшаго ее войска, нечего бояться интригъ сторонниковъ Царевича, не имѣющихъ вождя и преслѣдующихъ исключительно личныя цѣли, сводящіяся къ тому, чтобы захватить теплое мѣстечко поближе къ солнцу и погрѣться на немъ. „Если великій князь, пишетъ онъ въ своемъ письмѣ отъ 3 мая, останется живъ, а государыня между тѣмъ лишитъ его всякой надежды наслѣдовать ей со временемъ на престолѣ, то многіе изъ старыхъ боярскихъ родовъ станутъ втайнѣ роптать. Царицѣ это извѣстно, ибо она знаетъ бояръ. Но она такъ хорошо располагаетъ свои мѣры, что даже въ случаѣ общаго возстанія русскаго народа она, обезпеченная преданностью войскъ своихъ и шведскихъ, всегда сохранитъ за собою обладаніе вновь завоеванными здѣсь землями... Она вся безусловно проникнута однимъ желаніемъ—царствовать съ блескомъ. И глядя на бросающееся въ глаза равнодушіе, съ которымъ она относится къ своему внуку, не слѣдуя даже поданному ею совѣту удѣлить этому юному принцу хотя бы одинъ лучъ благопріятной надежды, надо думать, что она отыметъ у него всякую возможность какимъ-либо способомъ воспротивиться исполненіямъ ея плановъ; *не видно также никакого главы партіи, способнаго на это, такъ какъ недовольство главнѣйшихъ вельможъ все исчерпывается стремленіемъ занять первое мѣсто въ довѣріи и кабинетѣ Царицы* [1].

Мы привели много свидѣтельствъ, относящихся къ интересующему насъ вопросу, и читатель могъ убѣдиться, что они плохо вяжутся съ господствующимъ воззрѣніемъ на происхожденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Но мы оставили пока въ сторонѣ тѣ именно свидѣтельства, на которыя всего усерднѣе ссылаются наши ученые и которыя приводятся и Милюковымъ, и Филипповымъ, и Щегловымъ. Къ ихъ разбору мы теперь и обратимся. Но мы должны прежде всего оговориться, что эти свидѣтельства, относясь къ 1726 г., никоимъ образомъ не могутъ служить подтвержденіемъ того воззрѣнія г. Милюкова, по которому наше боярство *непосредственно послѣ смерти Петра*, то-есть, въ началѣ 1725 года обнаружило стремленія къ политической самостоятельности. Это воззрѣніе во всякомъ случаѣ не можетъ быть обосновано свидѣтельствами, относящимися къ болѣе позднему времени.

[1] Стр. 242, 243.

Digitized by Google

Всѣ эти свидѣтельства взяты у Кампредона и относятся къ началу 1726 г. Это—письма Кампредона отъ 3 и 15 января и отъ 23 февраля 1726 года.

Выдержки изъ этихъ писемъ приводятся нашими авторами внѣ всякой связи съ другими свидѣтельствами Кампредона, относящимися къ той же эпохѣ. А между тѣмъ только эта связь и даетъ ключъ къ пониманію смысла тѣхъ цитатъ, на которыя они опираютъ свои утвержденія. Мы поэтому считаемъ необходимымъ познакомить читателя поближе съ содержаніемъ и тономъ писемъ Кампредона, относящихся къ этому позднѣйшему времени.

Въ первые мѣсяцы царствованія Екатерины (весной и лѣтомъ 1725 г.). Кампредонъ съ большимъ усердіемъ и съ горячимъ рвеніемъ ведетъ переговоры съ русскими министрами о заключеніи союза Франціи съ Россіей. Эти переговоры идутъ успѣшно и обѣщаютъ скорое заключеніе союза. Кампредонъ видитъ себя уже близкимъ къ цѣли своей миссіи и очень доволенъ ходомъ дѣла, которое онъ, убѣжденный сторонникъ этого союза, принимаетъ очень близко къ сердцу. Выдержки изъ его писемъ, относящихся къ этому времени, мы приводили выше. Въ этихъ письмахъ Кампредонъ увѣряетъ, что всѣ слухи о непрочности престола Екатерины лишены основанія и что ей не грозитъ никакой опасности ни извнѣ, ни извнутри. Но вотъ, осенью 1725 г. въ переговорахъ между Россіей и Франціей происходитъ крутая перемѣна. Въ сентябрѣ въ Петербургѣ узнаютъ, что Франція заключила договоръ съ Англіей и Пруссіей противъ Австріи и Испаніи. Россіи не могло быть выгодно ссориться съ Австріей, для которой Турція была такой же опасный сосѣдъ, какъ и для насъ; отношенія къ Австріи, кромѣ того, требовали особенной осторожности и потому, что великій князь Петръ Алексѣевичъ былъ близкимъ родственникомъ австрійскаго императора, готоваго поддерживать его притязанія на русскій престолъ. Какъ бы то ни было, въ это время въ отношеніяхъ между Франціей и Россіей наступаютъ охлажденіе, а между петербургскимъ и вѣнскимъ дворами завязываются переговоры о союзѣ, которые, какъ извѣстно, въ 1727 г. и увѣнчались успѣхомъ. Вмѣстѣ съ этимъ переворотомъ въ отношеніяхъ Россіи къ Франціи измѣняется и тонъ писемъ Кампердона. Склонность его изображать все происходящее въ Россіи въ благопріятномъ свѣтѣ уступаетъ теперь мѣсто другой крайности. Если прежде слухи о замыслахъ бояръ по провѣркѣ оказывались измышленіемъ досужей фан-

Digitized by Google

тазіи Бассевича, то теперь Кампредонъ видитъ вездѣ ядъ и кинжалы, ему не перестаетъ мерещиться страшныя картины будущихъ бѣдствій, угрожающихъ Россіи и всѣ эти бѣдствія накличутъ на Россію, по увѣренію Кампредона, злосчастные переговоры съ Австріей. Между Вѣной и княземъ Голицынымъ въ Украйнѣ идутъ уже переговоры; Кампредонъ знаетъ это изъ достовѣрнаго источника, изъ Украйны же, по словамъ Кампредона, послѣдуетъ и первый ударъ; [1] революціонное броженіе уже началась, дорога между Петербургомъ и Москвой занята разбойниками, а разбойникамъ всегда помогаютъ, по увѣреніямъ Кампредона, бояре; этимъ, по его словамъ, всегда начинаются революціи въ Москвѣ, [2] бояре уничтожатъ невыносимую власть князя Меньшикова, они установятъ форму правленія, подобную существующей въ Швеціи или, по крайней мѣрѣ, въ Англіи и ограничатъ деспотическую власть своей Государыни [3].

Кампредонъ не сомнѣвается, что подъ тяжестью такихъ ударовъ Россія должна погибнуть. Въ стремленіи бояръ ограничить деспотическую власть Государыни онъ видитъ предвѣстникъ гибели русскаго государства, ибо, замѣчаетъ онъ глубокомысленно, у народовъ свирѣпыхъ и привыкшихъ къ рабству — это самый ясный признакъ грядущаго паденія. Кампредонъ не будетъ жалѣть объ этомъ паденіи: Россія заслужила свою судьбу, отвернувшись отъ союза съ Франціей и пустивъ волка въ овчарню. Кампредонъ, который въ іюнѣ 1725 года увѣрялъ, что радъ душой вспоспѣшествовать славѣ правленія царицы, въ январѣ 1726 года думаетъ, что наступило время поработать надъ

[1] Тамъ же т. LXIV стр. 199, 200.

[2] Стр. 210, 211.

[3] Стр. 187, 200. Кампредонъ вездѣ видитъ явные признаки скораго наступленія революціонной эры. „За кулисами, говоритъ онъ, множество людей тайно вздыхаютъ и жадно ждутъ минуты, когда можно будетъ обнаружить свое недовольство и непреодолимое расположеніе свое къ Великому Князю, происходятъ небольшія тайныя сборища, гдѣ пьютъ за здоровье Царевича, каждый день тайкомъ вѣшаютъ людей, которымъ случится проболтаться, но этимъ, разумѣется, нельзя засыпать бездонную пропасть. Царица поступила какъ нельзя хуже для себя, послѣдовавъ недоброму совѣту и пустивъ волка въ овчарню, то-есть принявъ императорскаго министра къ своему двору. (Стр. 105). Этотъ министръ дѣйствуетъ въ союзѣ съ сторонниками Великаго Князя, а эти сторонники предвѣщаютъ императрицѣ, что если она только не послѣдуетъ ихъ совѣту, турки не только вытѣснятъ ее съ Каспійскаго моря, но и изъ Астрахани а пожалуй, двинутъ даже Татаръ за самую Москву. (Стр. 44.).

Digitized by Google

униженіемъ этого государства, и даетъ въ этомъ смыслѣ совѣты своему правительству. Онъ предлагаетъ тайное запрещеніе англійскимъ негоціантамъ, хотя бы въ теченіе одного года вести торговлю съ Россіей; это, по его мнѣнію, нанесетъ намъ значительный ущербъ, ибо мы безъ этой торговли обойтись не можемъ. Если же, паче чаянія, это средство не достигнетъ цѣли, то у него наготовѣ другой планъ: онъ посовѣтовалъ бы тогда соединить союзомъ Данію со Швеціей, снабдить ихъ субсидіей и натравить на Россію. Какъ бы то ни было, державы, сдѣлавшія хотя и тщетно все отъ нихъ зависящее для обезпеченія себя союзомъ съ Россіей, имѣютъ теперь, по его мнѣнію, „полное основаніе потрудиться надъ униженіемъ этого государства, которое едва ли могло бы когда-либо оправиться, если бы подверглось сильному, равняющемуся раззоренію, удару, какъ, напримѣръ, нашествію татаръ на Украйну, а оттуда на Москву.“ [1]

Вотъ изъ этихъ-то писемъ Кампредона, дышащихъ такою ненавистью къ Россіи и написанныхъ, очевидно, подъ впечатлѣніемъ дипломатическихъ неудачъ, разбираемые нами авторы, извлекаютъ свои цитаты, причемъ, минуя все остальное содержаніе, не исключая и злобныхъ выходокъ противъ Россіи, выписываютъ только тѣ фразы, въ которыхъ упоминается о стремленіяхъ вельможъ вернуть прежнюю свободу, установить новую форму правленія и ограничить деспотическую власть государыни.

Мы приведемъ эти письма цѣликомъ, упуская лишь тѣ мѣста, на которыя мы ссылались выше.

3-го января Кампредонъ пишетъ: „Не подлежитъ сомнѣнію, какъ я уже разъ имѣлъ честь докладывать, что если Царица разъ предастся австрійскому двору, она станетъ беззавѣтно помогать ему во всемъ. Государыню увлекаютъ на этотъ путь сторонники великаго князя. Весьма многіе русскіе вельможи, втайнѣ враждебные герцогу Голштинскому и оскорбленные тѣмъ, что ему удалось своимъ вліяніемъ привести ко всѣмъ этимъ рѣшеніямъ, понимаютъ и знаютъ всю ихъ опасность, но они хранятъ мертвое молчаніе, въ надеждѣ, что послѣдуетъ какое-нибудь пораженіе, которое позволитъ имъ выступить впередъ съ полной увѣренностью въ успѣхѣ. Тогда *они уничтожатъ невыносимую власть князя Меньшикова, возвратятъ себѣ прежнюю свободу и установятъ форму правленія, подобную существующей*

[1] Стр. 188.

Digitized by Google

въ Швеціи, или, по крайней мѣрѣ, въ Англіи. Таковы, Государь, желанія и стремленія большой части бояръ. Весьма вѣроятно, что они, воспользовались бы первыми же внутренними смутами, могущими возникнуть въ обширныхъ русскихъ земляхъ, для выполненія этого плана, къ чему Голштинцы сами не разъ подали бы поводъ, если бы имъ предоставили дѣйствовать по всей ихъ волѣ. Но, надо полагать, императоръ, какъ скоро ему удастся овладѣть довѣріемъ здѣшняго двора и помѣстить при немъ вліятельнаго министра, позаботится о томъ, чтобы сохранить во всемъ ихъ объемѣ права самодержавной власти, дабы передать ее въ цѣлости своему племяннику и сдѣлать ее орудіемъ своихъ обширныхъ плановъ."[1] Наши авторы въ подтвержденіе своего тезиса о политическихъ стремленіяхъ родовитаго боярства приводятъ только тѣ строки изъ этой выдержки, которыя подчеркнуты нами. Все остальное, очевидно, не представляетъ для нихъ интереса. Въ самомъ дѣлѣ, приведенное мѣсто, взятое въ цѣломъ, не только не подтверждаетъ ихъ взгляда, а напротивъ, опровергаетъ его, вкладывая въ подчеркнутыя слова вовсе не тотъ смыслъ, который они хотятъ вложить въ него. Кампредонъ говоритъ здѣсь, съ одной стороны, о приверженцахъ великаго князя, которые поддерживаютъ союзъ съ императоромъ, близкомъ родственникѣ великаго князя, съ другой — о вельможахъ, которые противодѣйствуютъ этому союзу. Эти послѣдніе, а не родовитые вельможи, сторонники великаго князя, мечтаютъ о перемѣнѣ формы правленія. Приведенное мѣсто отнюдь поэтому не можетъ служить подтвержденіемъ воззрѣній гг. Милюкова и Филиппова, противупоставляющихъ худородныхъ вельможъ съ Меньшиковымъ во главѣ, родовитымъ боярамъ съ Голицынымъ во главѣ и утверждающихъ, что эти послѣдніе непосредственно по смерти Петра стали мечтать о политической самостоятельности..

Кампредонъ въ этомъ письмѣ продолжаетъ думать, что императоръ не намѣренъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, а хочетъ сохранить въ цѣлости не только русскія земли, но и русское самодержавіе, чтобы передать ихъ неприкосновенными своему племяннику. Но не далѣе, какъ черезъ 12 дней, а именно 15 января, онъ уже другого мнѣнія и видитъ австрійскаго императора въ союзѣ съ княземъ Голицынымъ, который во главѣ украинской арміи наноситъ первый ударъ Россіи. „Я уже имѣлъ

[1] Стр. 187—88.

Digitized by Google

честь докладывать вамъ, пишетъ Кампредонъ, что большинство *именитѣйшихъ русскихъ людей думаютъ о томъ, какъ-бы ограничить деспотическую власть своей Государыни*, а это у народовъ свирѣпыхъ и привыкшихъ къ рабству, самый ясный признакъ грядущаго паденія. Если они будутъ ждать, пока Царевичъ возмужаетъ и, взойдя на престолъ, самъ въ состояніи будетъ управлять страной, то пытаться имъ достичь успѣха станетъ уже поздно. *Поэтому есть основаніе опасаться, что тѣ, которые разсчитываютъ забрать впослѣдствіи въ руки значительную долю власти, постараются учредить правленіе на подобіе англійскаго*, и что они, главнымъ образомъ, поэтому не противятся ни исполненію голштинскихъ затѣй, ни союзу съ Вѣной, въ который голштинцы-же вовлекаютъ царицу. Бояре надѣятся, что послѣдствіемъ этихъ событій явятся такія обстоятельства, которыя позволятъ имъ добиться своей цѣли. *Я даже слышалъ изъ вѣрнаго источника, что уже составленъ проектъ новой формы правленія и посланъ къ главнокомандующему князю Голицину въ Украйну, откуда, вѣроятно, и послѣдуетъ первый ударъ;* князь-же этотъ имѣетъ сношенія съ Вѣной черезъ генерала Вейсбаха, нѣмца, преданнаго императору. Оба они ревностные сторонники царевича и весьма возможно, что если вѣнскій дворъ одобритъ виды друзей императорскаго племянника, то царевичъ вступитъ на престолъ при первомъ-же движеніи, къ которому подадутъ поводъ." [1] Въ этомъ письмѣ прежде всего неясно, о какихъ именитыхъ людяхъ идетъ рѣчь. Эти именитѣйшіе люди и не одобряютъ союза съ австрійскимъ императоромъ, стремящимся обезпечить престолъ великому князю и вмѣстѣ съ тѣмъ они и союзники этого императора и при его содѣйствіи и при помощи украинской арміи замышляютъ государственный переворотъ, имѣющій цѣлью посадить царевича на русскій престолъ. Наши историки и не приводятъ выписанное свидѣтельство цѣликомъ, а цитируютъ только подчеркнутыя строки. Но они не только урѣзываютъ свидѣтельства Кампредона, но и прибавляютъ къ нему то, о чемъ въ немъ нѣтъ и помину. Всѣ подчеркнутые нами строки изъ писемъ Кампредона приводятся ими въ связь съ исторіей возникновенія Верховнаго Тайнаго Совѣта и цитируются въ подтвержденіе своего основнаго тезиса, что Верховный Тайный Совѣтъ—былъ первый шагъ къ консти-

[1] Стр. 200.

Digitized by Google

туціонному проекту 1730 г. Между тѣмъ, какъ видитъ читатель, въ приведенныхъ письмахъ Кампредона отъ 3 и 15 января, какъ и во всѣхъ его донесеніяхъ, говорящихъ о политическомъ броженіи, наступившемъ въ Россіи послѣ отклоненія русско-французскаго союза, нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ на Верховный Тайный Совѣтъ. Всѣ эти свидѣтельства французскаго посланника стоятъ въ связи съ тѣми коварными замыслами, которые онъ приписываетъ австрійскому императору, союзъ Россіи съ которымъ помѣшалъ союзу съ Франціей. И вотъ, чтобы установить эту несуществующую въ дѣйствительности связь приведенныхъ свидѣтельствъ съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, проф. Филипповъ прибѣгаетъ къ совершенно необычайному въ научномъ изслѣдованіи пріему. Приведя извѣстія Лефорта отъ 1 мая и Кампредона отъ 3 мая о предположеніи учредить Верховный Тайный Совѣтъ г. Филипповъ продолжаетъ: „Въ донесеніи отъ 15 января 1726 г. Кампредонъ опять повторяетъ слухъ о новомъ учрежденіи, хотя и нѣсколько въ другой формѣ: инициатива учрежденія, по его новому разсказу, исходитъ уже не отъ Государыни, а отъ именитѣйшихъ русскихъ людей, которые думаютъ о томъ, какъ-бы ограничить деспотическую власть своей государыни..." [1] Читатель имѣетъ передъ глазами письмо отъ 15 января; въ немъ ни слова не говорится о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; утвержденіе г. Филиппова поэтому является совершенно произвольнымъ истолкованіемъ приведенной имъ цитаты...

Въ письмѣ отъ 23 февраля Кампредонъ доноситъ своему правительству объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта. „*Имѣю честь*, пишетъ онъ, *дать сегодня отчетъ о событіи, тѣмъ болѣе важномъ, что подъ внѣшнимъ видомъ желанія укрѣпить власть и правительство царицы, оно, кажется, кладетъ первый камень того зданія, которое русскіе вельможи замыслили воздвигнуть незамѣтно, то-есть усиленіе ихъ власти и ихъ настоящаго и будущаго широкаго участія въ управленіи дѣлами съ здѣшней стороны*". Затѣмъ слѣдуетъ показанія Кампредона, которыя мы привели выше и въ которыхъ говорится, что планъ Верховнаго Тайнаго Совѣта исходитъ отъ герцога Голштинскаго и его министра, что онъ направленъ противъ неумѣренной власти князя Меньшикова и что Толстой велъ переговоры объ его учрежденіи съ Меньшиковымъ, Голицынымъ и Апраксинымъ. Сообщивъ далѣе

[1] Филипповъ—Исторія Сената, стр. 24.

Digitized by Google

объ личномъ составѣ новаго Совѣта, объ его отношеніяхъ къ другимъ учрежденіямъ и въ особенности къ Сенату, разсказавъ о томъ, что Меньшиковъ выговорилъ себѣ исключительное положеніе въ военной коллегіи и что Ягужинскій, не попавшій въ Совѣтъ, въ отчаяніи, — Кампредонъ продолжаетъ: „Интересно посмотрѣть, какъ разовьется учрежденіе, нынѣ чрезвычайно пріятное для честолюбія и власти Царицы. Она сказала, что покажетъ всему свѣту, что умѣетъ заставить повиноваться себѣ и поддержать добрую славу своего правленія. Верховному Совѣту легче всѣхъ судить, насколько основательно это притязаніе. Вообще, пока члены новоучрежденнаго Совѣта согласны между собою и находятъ въ этомъ свою выгоду, до тѣхъ поръ Совѣтъ этотъ будетъ, надо полагать, служить опорой для Царицы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нетрудно видѣть, что по существу своему онъ представляетъ *первый шагъ къ перемѣнѣ формы правленія*. Русскіе стремятся сдѣлать его менѣе деспотичнымъ, и многихъ удержало въ этомъ стремленіи только малолѣтство Великаго Князя и то, что у нихъ не было вождя, способнаго вести и поддержать ихъ. Теперь, когда наступитъ благопріятный случай, они этому риску не подвергнутся болѣе, такъ какъ постараются, безъ сомнѣнія, утвердить свое вліяніе и незамѣтно ограничить самодержавную власть, *заставляя ее жаловать такія привилегіи, которыя создадутъ возможность учредить и поддержать правленіе, подобно англійскому. Весьма вѣроятно, что учрежденіе Верховнаго Совѣта именно въ этихъ то видахъ и послѣдовало.* По крайней мѣрѣ, такихъ послѣдствій ожидаютъ отъ него наиболѣе разумные люди, и это мнѣніе вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что самому мнѣ извѣстно изъ стремленій русскихъ вельможъ“ [1].

Для вѣрной оцѣнки приведеннаго письма, изъ котораго наши авторы цитируютъ по обыкновенію только нѣкоторыя строки, нами подчеркнутыя, нужно умѣть отличать въ немъ, съ одной стороны, сообщеніе фактовъ, которымъ Кампредонъ былъ самъ свидѣтелемъ, отъ его предположеній, касающихся будущихъ судебъ новаго учрежденія. Тѣ его показанія, которыя говорятъ о возникновеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта и свидѣтельствуютъ объ участіи въ его устройствѣ герцога Голштинскаго, графа Толстого и князя Меньшикова, относятся къ пер-

[1] С. Р. И. О. Т. LXIV. Стр. 253, 256.

Digitized by Google

вой категоріи: и мы могли ими воспользоваться, такъ какъ они вполнѣ согласуются съ показаніями другихъ свидѣтелей, съ характеромъ дѣйствующихъ лицъ и съ общимъ ходомъ историческихъ событій. Нельзя сказать того же о второй категоріи свидѣтельствъ; они не находятъ никакого подтвержденія ни въ показаніяхъ Лефорта и Мардефельда, ни въ письмахъ самого Кампредона, относящихся къ тому времени, когда его дипломатическая миссія еще обѣщала успѣхъ. Ихъ трудно также согласовать и съ тѣмъ, что говорилъ Кампредонъ въ предшествующихъ, выше, нами цитированныхъ письмахъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто были эти вельможи, которые стремились ограничить самодержавную власть учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта? Всего больше хлопотали объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ свидѣтельствуетъ самъ Кампредонъ, герцогъ Голштинскій и графъ Толстой. Утверждать же, что зять Императрицы и ея ближайшій совѣтникъ желали ввести у насъ парламентарную форму правленія, значитъ прямо утверждать абсурдъ. И съ такимъ мнѣніемъ, конечно,не согласятся ни г. Филипповъ, ни г. Милюковъ, которые не имъ, а родовитымъ боярамъ приписываютъ стремленіе къ политической самостоятельности. Но если ни герцогъ Голштинскій, ни Толстой не преслѣдовали политическихъ цѣлей при учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, то остается только предположить, что эту цѣль имѣлъ въ виду князь Голицынъ, ибо никто же не станетъ подозрѣвать въ политическихъ замыслахъ остальныхъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, ни боязливаго и осторожнаго Остермана, ни худороднаго Меньшикова, стремившагося только къ усиленію своей личной власти, ни стариковъ Головкина и Апраксина, притязанія которыхъ не шли далѣе желанія спокойно и мирно прожить остатокъ дней своихъ. Но именно Голицыну, Кампредонъ, если онъ только не хотѣлъ отречься отъ своихъ прежнихъ показаній, и не могъ приписывать намѣренія учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта ограничить власть Императрицы: Въ письмѣ отъ 15 января онъ „изъ достовѣрнаго источника“ сообщаетъ намъ, что не мирнымъ путемъ, не путемъ реорганизаціи нашихъ учрежденій и никакъ не въ союзѣ съ Голштинцами, а во главѣ украинской арміи и при содѣйствіи австрійскаго императора Голицыны намѣревались свергнуть съ престола Екатерину и сразу учредить правленіе „на подобіе англійскаго“.

Digitized by Google

Но довольно... Слишкомъ ясны тѣ противорѣчія, въ которыхъ запутался Кампредонъ, чтобы стоило дольше на нихъ настаивать: мы уже и безъ того утомили читателя пространнымъ разборомъ свидѣтельствъ Кампредона и основанныхъ на немъ утвержденій нашихъ ученыхъ. Но мы не будемъ жалѣть о потраченномъ трудѣ, если этими скучными страницами намъ удалось доказать, что учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта не стоитъ ни въ какой связи съ какими бы то ни было политическими притязаніями русскаго боярства, и что пора выбросить за бортъ нашей исторической литературы старую легенду объ олигархическомъ происхожденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

А. С. Алексѣевъ.

Digitized by Google

ГОРДОСТЬ СЕМЬИ.

Повѣсть.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Было часовъ 11 утра. Лѣтнее солнце уже высоко стояло въ небѣ и ударяло на крытую террасу большого каменнаго деревенскаго дома, самая незначительная часть которой оставалась еще въ тѣни.

На террасѣ было оченъ жарко, и на ней никого не было, кромѣ большого чернаго сетера-гордона, лежавшаго растянувшись на самомъ припекѣ. Онъ изрѣдка шевелилъ ушами, или, слишкомъ обезпокоенный какою-нибудь назойливою мухой, просыпался на мгновеніе, щелкалъ своими крѣпкими зубами и, уронивъ голову на лапы, вздохнувъ раза два, вновь засыпалъ.

Въ домѣ и вокругъ террасы было совершенно тихо. Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе полдня, утренняя свѣжесть пропала, чириканье и пѣніе птицъ затихло, и слышалось только, какъ прибивающая волна, усиленное жужжаніе насѣкомыхъ.

Вдругъ на порогѣ балконной двери неслышно, точно выросла, показалась небольшая фигурка.

Это былъ мальчикъ лѣтъ 9-10 въ синемъ полотняномъ матросскомъ костюмѣ. Его головка съ темными коротко остриженными, какъ-то красиво облегавшими бѣлый лобъ его, слегка вьющимися волосами, правильныя мелкія черты его лица, его

Digitized by Google

маленькій ротикъ, красивые зеленоватые глаза—все взятое вмѣстѣ должно было бы производить пріятное впечатлѣніе, если бы не лежало на этитъ чертахъ выраженія какой-то робости.

Онъ нерѣшительно какъ-то оглядѣлся по сторонамъ, подбѣжалъ къ собакѣ и сталъ ласкать ее, все время оглядываясь.

— Милая, милая Жоли, говорилъ онъ, лаская ея морду.

Дѣтскій голосокъ его звучалъ мягко и ласково; собака вздыхая повернулась бокъ и громко ударяла о половицы хвостомъ.

— Пойдемъ со мною, Жолиша, хочешь? Жоли, со мною пойдешь?..

Онъ всталъ и нерѣшительно сталъ звать за собою собаку, какъ-будто не былъ увѣренъ—можно это сдѣлать или нѣтъ.

Вдругъ онъ громко ахнулъ, схватившись за голову и совсѣмъ уже боязливо оглянулся на окна дома. Оттуда могли видѣть, что онъ вышелъ на балконъ безъ шляпы.

Онъ поспѣшно вбѣжалъ въ домъ и, уже только отыскавъ и надѣвъ свою соломенную съ широкими полями шляпу, сбѣжалъ съ террасы, оглядываясь на собаку. Та послѣдовала за нимъ.

Обѣжавъ цвѣтникъ, разбитый передъ домомъ, онъ вступилъ въ тѣнистую аллею стараго сада. Ему было позволено добѣжать до самаго конца ея, но эта аллея была такъ мрачна даже въ полдень, онъ не любилъ ея, ему гораздо болѣе нравилась правая сторона сада, гдѣ деревья были не такъ густо насажены, гдѣ были прогалинки, лужайки, освѣщенныя солнцемъ.

Онъ опять оглянулся на домъ—это оглядыванье вошло у него уже въ привычку — и взялъ направо, собака бѣжала передъ нимъ, обнюхивая кустики. Мальчикъ безпрестанно звалъ ее, хвалилъ за послушанье, когда она подбѣгала на его зовъ, гладилъ ее морду; когда же она не слушалась, онъ старался догнать ее и заставить идти за собою. Чувствовать себя повелителемъ очевидно было ему пріятно.

Мальчикъ добѣжалъ до любимой полянки, на которой росли колокольчики и гвоздики, и остановился какъ вкопанный: на противоположной тѣневой сторонѣ ея виднѣлось розовое пятнышко.

Жоли тоже остановился, навостривъ уши и вдругъ, не смотря на усиленные крики мальчика:—иси, иси!—побѣжалъ со всѣхъ ногъ къ маленькому розовому комочку.

И не успѣлъ мальчикъ догнать собаки, какъ со стороны розовой точки раздались вопли.

Digitized by Google

— Не бойся, не бойся, дѣвочка, собака не укуситъ, кричалъ издали ребенокъ.

Жоли, дѣйствительно, обнюхивалъ со всѣхъ сторонъ дѣвочку, не имѣя никакого поползновенія кусать ее, но та отмахивалась, кричала и въ своемъ страхѣ дѣлала напрасныя усилія вскочить на ноги.

— Пошелъ, противный! у, гадкій! стараясь сдѣлать голосъ свой грубымъ, говорилъ, запыхавшись, мальчикъ, оттаскивая собаку, потомъ, ставъ на корточки передъ дѣвочкой, началъ уговаривать ее.

— Чего же ты перепугалась, говорилъ онъ нѣжно, развѣ ты не видишь, какой онъ добрый, онъ только обнюхалъ тебя— надо же ему познакомиться.

Хорошенькая дѣвочка улыбнулась, но большіе темные глаза ея все такъ же дико и испуганно смотрѣли на мальчика,—такъ по крайней мѣрѣ ему казалось.

— Ты все еще боишься? Ну посмотри на нее, какъ улеглась у твоихъ ногъ. Зачѣмъ ты на меня смотришь? Ты на Жолишу посмотри.

— Я совсѣмъ не смотрю на тебя, сказала дѣвочка,—я слѣпенькая.

Мальчикъ багрово покраснѣлъ, въ первый разъ еще онъ видѣлъ слѣпаго человѣка, и мысль о такомъ ужасномъ несчастіи заставила сильнѣй биться его сердце.

— Какъ, ты совсѣмъ не видишь? спросилъ онъ, придя въ себя и все еще стоя передъ ней на корточкахъ.

— Совсѣмъ, совсѣмъ.

— Кто же ты такая? Какъ зовутъ тебя?

— Я Лёля,—управляющаго дочь.

Онъ вспомнилъ, что у новаго управляющаго, какъ говорили, много дѣтей.

— А тебя какъ звать? спросила слѣпая.

— Я—Вадимъ.

— Ва-адимъ? Это имя? вотъ смѣшное имя!—Она тихо засмѣялась. А ты кто такой? Кто же твой отецъ?

— Я сынъ барина, Григорія Григорьевича, не безъ нѣкоторой гордости выговорилъ Вадимъ.

— Ты, значитъ, барчукъ?

— Да, барчукъ.

Digitized by Google

— Ишь?—дай, *посмотрю*, какой ты такой. И она протянула къ нему ручки и стала ощупывать голову и лицо.

Теперь Вадимъ стоялъ на колѣняхъ передъ нею, вытянувъ шею, подставляя ей лицо свое; ему было пріятно чувствовать, какъ маленькіе мягкіе пальчики ея бродили по лбу и щекамъ его.

— Ты славный, добрый, сказала она, и лицо ея освѣтилось улыбкой.

Вадимъ усѣлся на травѣ около нея; дѣвочка немного посторонилась, какъ-бы давая ему мѣсто, точно она видѣла, и повернула къ нему голову.

— Вотъ же ты видишь, воскликнулъ мальчикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я слѣпенькая.

— Какъ же ты пришла сюда? продолжалъ онъ допрашивать, все еще не вполнѣ довѣряя ея слѣпотѣ.

— Мама привела. Тамъ, около нашего флигеля-то, нечистота, мухъ сколько, а здѣсь благодать, травка нѣжная, цвѣточки!..

И опять показалось Вадиму, что она видитъ,—такимъ увѣреннымъ жестомъ показала она на цвѣточный коверъ.

— Вотъ видишь, продолжала она, я сижу тутъ и вѣнки плету—хочешь, тебѣ сплету? Съ куклой тоже играю, вотъ какая она у меня!—Она показала ему тряпичную куклу и съ нѣжностью прижала къ груди.—Милая ты моя!

— А ты не боишься тутъ одна-то?

— Собаки твоей испугалась, а то ничего,—кто-жъ убогенькую обидитъ? Тутъ хорошо.

Выраженіе нѣжнаго участія замѣнило на лицѣ Вадима выраженіе робости. Онъ искалъ въ своемъ умѣ, чтóбы такое пріятное сдѣлать дѣвочкѣ.

— Пряники любишь? спросилъ онъ, вспомнивъ, что бабушка вчера дала ему пряникъ, который онъ еще не весь съѣлъ.

— Ишь, что спрашиваетъ! воскликнула засмѣявшись дѣвочка,—кто же не любитъ пряники?

Онъ сунулъ руку въ одинъ карманъ, въ другой:—пряника съ нимъ не было.

— Я принесу сейчасъ, подожди, крикнулъ онъ и пустился бѣжать къ дому. Онъ бѣжалъ, весь отдавшись мысли сдѣлать что-нибудь пріятное несчастной Лёлѣ, которую страстно жалѣлъ и потому нѣжно любилъ въ эту минуту.

Но, увидѣвъ домъ, онъ какъ-будто опомнился, остановился, лицо его приняло опять выраженіе нерѣшительности и, онъ по-

Digitized by Google

шелъ тихими, колеблющимися шагами, безпрестанно взглядывая на окна.

Въ свою комнату онъ старался пробраться незамѣтнымъ образомъ черезъ дѣвичье крыльцо. И, дѣйствительно, успѣлъ въ этомъ.

Въ игрушечномъ ящикѣ своемъ онъ нашелъ коврижку, торопливо супулъ ее въ карманъ, пробѣжалъ корридоромъ и уже готовъ былъ вступить въ дѣвичью, когда кто-то окликнулъ его.

— Вадимъ, мой дорогой, ты это куда же?

Онъ весь вздрогнулъ, покраснѣлъ и совсѣмъ смѣшался. Передъ нимъ стояла бабушка, Прасковья Антоновна, величественная старуха лѣтъ 68—70, со строгимъ профилемъ и съ большими ясными еще темными глазами.

— Я такъ, бабушка... мама позволила мнѣ въ аллеѣ до 12 часовъ...

— Я видѣла, мой дорогой, ты давно ужъ пробѣжалъ въ садъ, зачѣмъ же ты домой-то вернулся?

— За... за... за платкомъ, бабушка, совралъ Вадимъ, краснѣя и невольно хватаясь за карманъ, въ которомъ покоилась коврижка.

— Ну, пробѣгись разокъ, да къ бабушкѣ приходи, я покажу тебѣ кое-что. Она вдругъ схватила его голову и съ порывомъ безконечной нѣжности, на которую, казалось бы, она была неспособна, судя по строгому выраженію лица, стала цѣловать ребенка въ лобъ, въ глаза, въ губы, приговаривая:

— Радость моя, гордость моя, счастье мое, оправдаешь-ли ты мои ожиданія?

II.

Будучи еще во чревѣ матери, Вадимъ Безобразо-Свирскій былъ уже гордостью семьи. Его мать была беременною всего 5—6 мѣсяцевъ, но всѣ уже безповоротно знали, что родится мальчикъ, всѣ называли его по имени и отчеству. Вадимъ—было одно изъ привилегированныхъ и самыхъ употребительныхъ именъ въ семействѣ Свирскихъ. Прапрадѣдъ Григорія Григорьевича, отца Вадима, самый знаменитый изъ Безобразо-Свирскихъ, сподвижникъ Петра, былъ Вадимомъ; въ его-то честь и долженъ былъ быть названъ первенецъ Григорія Григорьевича. Прасковья

Digitized by Google

Антоновна, величественная мать Свирскаго, иначе не величала будущаго внука, какъ „нашъ посланникъ“. Она собственноручно сшила все приданое будущему посланнику, ни разу не усомнившись, что невѣстка ея родитъ сына,—приданое она шила исключительно для мальчика—все съ голубымъ, и, если бы судьба вздумала обмануть ея ожиданія, она, вѣроятно, возненавидѣла бы внучку и ея мать.

Впрочемъ, Прасковья Антоновна никогда не любила Анну Николаевну, жену сына. Она никогда не могла простить невѣсткѣ, что та вытѣснила ее—мать изъ жизни сына, замѣнила ее около Григорія, этого единственнаго, оставшагося у нея дорогаго существа, которому, ей казалось, она была такъ необходима.

Уже давно Григорій оставался единственнымъ кумиромъ Прасковьи Антоновны. Вдовѣла она лѣтъ 7, когда и старшій сынъ ея Вадимъ, подававшій самыя блестящія надежды, ея гордость, любимѣйшій изъ двухъ сыновей, умеръ 16 лѣтъ, не окончивъ блистательно начатаго курса наукъ. И все что было нѣжности въ сердцѣ, всѣ свои горделивыя упованія Прасковья Антоновна перенесла на младшаго сына, 15-лѣтняго Григорія.

Она любила его страстною ревнивою любовью, она разстраивала его пріятельскія отношенія со многими товарищами, опасаясь, какъ бы кто изъ нихъ не имѣлъ на него бо́льшаго вліянія, чѣмъ она. Вліянія женщины она боялась еще больше, чѣмъ вліянія товарищей. Къ ея счастію, Григорій Григорьевичъ обладалъ холоднымъ темпераментомъ; кромѣ того его съ юныхъ лѣтъ гораздо болѣе увлекали честолюбивыя мечты, раздутыя матерью, чѣмъ мечты любовныя.

Юные годы Григорія Григорьевича прошли довольно благополучно для Прасковьи Антоновны. Ея честолюбіе какъ матери было удовлетворено: онъ почти такъ же блистательно учился, какъ Вадимъ, и теперь стяжалъ чины и награды на служебномъ поприщѣ. Собственно наука его привлекала больше, чѣмъ служба, но онъ долженъ былъ пренебречь ученою карьерой ради матери, которая не видѣла въ ней ничего привлекательнаго для своего единственнаго сына. Григорій принадлежалъ всецѣло ей, всѣ помыслы его были, казалось, ей извѣстны.

Ему было далеко за двадцать, но онъ сохранялъ еще привычку каждый вечеръ, какъ бы поздно онъ ни возвратился, зайти въ спальню матери и, усѣвшись на краюшекъ ея постели, разсказать ей все, что произошло съ нимъ за день, что̀ думалъ онъ,

Digitized by Google

даже иногда, что̀ чувствовалъ. Это были лучшія минуты въ жизни Прасковьи Антоновны.

Видя сына въ тихомъ свѣтѣ лампады, сидящаго такимъ образомъ на ея постели, держа въ своей рукѣ его руку и слушая его правдивый пересказъ происшествій дня, она долго думала, что онъ всецѣло принадлежитъ ей одной.

Но когда изъ юноши Григорій Григорьевичъ перешелъ въ такъ-называемаго еще-молодого человѣка, когда она сама стала замѣчать, что волосы его рѣдѣютъ, что образовались морщинки около глазъ, что губы приняли какую-то слишкомъ серіозную складку,—смутное опасеніе стало терзать ее. Не проведетъ же жизнь онъ холостякомъ? Вѣроятно, онъ ужъ и думаетъ о женитьбѣ...

И она сама рѣшилась заговорить съ нимъ объ этомъ страшномъ для нея переворотѣ въ жизни сына.

— Вотъ ты бываешь теперь такъ много въ обществѣ, сказала она однажды, когда онъ только-что передалъ ей, что̀ дѣлалъ за этотъ день и гдѣ былъ,—ты видаешь много дѣвушекъ, неужели ни одна не подала тебѣ мысли о женитьбѣ?

— О женитьбѣ? Онъ засмѣялся,— а это бы очень испугало васъ, матушка? Нѣтъ, я не женюсь, я ужь слишкомъ старъ для этого.

— Что ты, Grégoir, старъ! ты старъ?—ей казалось еще такъ недавно то время, какъ онъ бѣгалъ въ русскихъ рубашкахъ,— совсѣмъ не старъ. И я бы такъ желала видѣть тебя счастливымъ! Но, дитя мое, это такой страшный шагъ—женитьба. Особенно въ наше время, когда дѣвушки такъ испорчены, такъ лживы. Остерегайся, Гриша! Я бы была покойна за тебя, еслибъ только сама могла выбрать тебѣ невѣсту.

— Да право, матушка, я и не думалъ жениться.

Несмотря на его протестъ, она всякій день заговаривала съ нимъ объ испорченности нынѣшнихъ женщинъ, собирала и разсказывала ему разные ужасные случаи измѣнъ, обмановъ и т. п. Она всѣми силами старалась предотвратить ударъ, но ударъ однако разразился надъ нею. И не она даже выбрала невѣстку, а самъ Григорій выбралъ себѣ жену.

Женитьбу сына она считала такимъ несчастіемъ, что сравнивала только съ потерей мужа и старшаго сына.

Она говорила даже, что тѣ утраты были не такъ ужасны, что тогда у нея оставалось все-таки утѣшеніе, теперь же у нея все отнято въ жизни.

Digitized by Google

Какъ ни увѣрялъ Григорій, что онъ останется все тѣмъ же ея послушнымъ, нѣжнымъ сыномъ, ревнивая мать ничего не слушала. И, не видя еще, не взлюбила будущую невѣстку.

Однако, она ничего не могла сказать противъ избранной невѣсты сына, Анны Николаевны. Та была настолько еще молода, что, сохраняя всю свою красоту, вошла уже въ возрастъ благоразумія—ей было 23 года, она была умна, добра, привлекательна, принадлежала къ хорошей фамиліи и имѣла даже состояніе. Прасковья Антоновна ничего не могла сказать противъ нея, однако она отыскала въ ней недостатокъ.

— Помяни мое слово, сказала она сыну,—она—безплодная смоковница, я лишена послѣдняго утѣшенія: у меня не будетъ внуковъ!

— Почему же, матушка: Анна Николаевна здоровая дѣвушка!

— Ну вотъ увидишь, увидишь, мой другъ!

И предсказаніе Прасковьи Антоновны какъ нарочно осуществилось: первые 3 года у Анны не было дѣтей.

— Какъ хотите вы, говорила Прасковья Антоновна своей пріятельницѣ графинѣ Х, чтобы я любила эту женщину, когда я знаю, что она сдѣлала несчастіе моего Григорія.—Онъ такъ любитъ дѣтей, онъ и женился-то только въ этой надеждѣ, а она, эта женщина, отняла у него мать и не дала ему сыновей.

Съ тѣхъ поръ, какъ сынъ женился, Прасковья Антоновна не жила съ нимъ и постоянно жаловалась на то, что не видитъ его, хотя онъ буквально всякій день являлся къ ней. Встрѣчаясь съ невѣсткой, она всегда старалась быть любезною, но никогда не преминула, чтобы не уязвить ее ея безплодіемъ, если не было другаго какого-нибуть повода, болѣе язвительнаго.

— Вы, душа моя, говорила она не разъ невѣсткѣ, не можете судить о чувствахъ женщины, вы женщина не вполнѣ, вы не были матерью.

— Но я могу еще быть ею, говорила та, краснѣя.

Свекровь сомнительно качала головой.

— Вотъ видишь, говорила она сыну,—ты мнѣ не вѣрилъ, а мать то вышла и права!

Когда Прасковья Антоновна узнала, что Анна беременна, она одинъ моментъ была какъ-бы разочарована: какъ, неужели она могла такъ ошибиться! Но, впрочемъ, радость имѣть внука замѣнила вскорѣ это разочарованіе. Она чувствовала еще нѣкото-

Digitized by Google

рую ревность, но, поразмысливъ немного, она считала уже ея сына своимъ собственнымъ достояніемъ.

Она стала снисходительнѣй относиться къ невѣсткѣ, навѣщала ее всякій день и освѣдомлялась о здоровьѣ ихъ будущаго *знаменитаго Вадима Григорьевича*. Она сердилась на невѣстку, когда та, по ея понятіямъ, дѣлала какую-нибудь неосторожность.

— Если вы не хотите думать о себѣ, моя милая, подумайте о нашемъ Вадимѣ, о гордости нашей семьи.

— Эта женщина, кажется, не понимаетъ своего счастія!—внутренно восклицала Прасковья Антоновна.

Но она ошибалась—Анна понимала свое счастіе.

Анна вышла замужъ за Свирскаго, какъ большинство свѣтскихъ дѣвушекъ, — потому что Свирскій былъ партіей вполнѣ подходящею, отказать которому *всему свѣту* показалось бы безумiемъ, и потому наконецъ, что „въ 23 года пора выходить замужъ“. Григорій Григорьевичъ былъ ей непротивенъ, напротивъ онъ нравился ей, она гордилась тѣмъ, что изъ всѣхъ дѣвушекъ ихъ круга именно ее онъ замѣтилъ и выбралъ. Она гордилась его положеніемъ, его солидностью, его умомъ.

Выходя за него замужъ, она знала, на что идетъ, ничего себѣ не поэтизировала, ничего особеннаго не ждала отъ брачной жизни.

Впродолженіе трехъ лѣтъ она довольствовалась тѣмъ, что у нея прекрасно обставленная квартира, туалеты, сшитые у модной портнихи, назначенные дни для пріема, экипажъ, что лакеи и швейцары величаютъ ее превосходительствомъ. Довольствовалась нѣжно-почтительными, но какими-то далекими отношеніями супруга, котораго мало видѣла и которому рѣдко когда было время поговорить съ нею. Они вели розную жизнь. Она вставала тогда, когда ужъ онъ давно былъ занятъ. Едва успѣвала она выйти къ утреннему чаю, какъ онъ ужъ въ вицъ-мундирѣ со шляпой забѣгалъ въ столовую, наскоро перекидывался съ нею двумя-тремя словами, цѣловалъ ея руки и торопился на службу.

Весь день она проводила одна за своими маленькими дѣлами, съ своими визитами, прогулками и съ своими мыслями, которыми дѣлиться ей было не съ кѣмъ.

Обѣдали они всегда вмѣстѣ, но только первое время супружества онъ находилъ себя обязаннымъ занимать разговоромъ жену, потомъ онъ пересталъ стѣсняться; онъ за столъ притаски-

Digitized by Google

валъ газету, которую не успѣлъ прочесть утромъ, перелистывалъ вновь полученную неразрѣзанную книгу журнала, наскоро глотая кушанье и изрѣдка перекидываясь словами съ женой.

Послѣ обѣда онъ цѣловалъ ей руку и въ лобъ и уходилъ отдохнуть, а тамъ опять садился за работу, длившуюся иной разъ далеко за полночь.

Эта жизнь сначала ей казалась тягостною, но потомъ она привыкла, — вечера проводила или внѣ дома или звала къ себѣ родныхъ, друзей, знакомыхъ. И когда въ концѣ такого вечера выходилъ изъ своего кабинета Григорій Григорьевичъ, его приходъ казался какимъ-то страннымъ явленіемъ. Аннѣ было точно неловко въ его присутствіи, и она рада была, когда онъ уходилъ опять въ свою „коптильню“. Все казалось шло отлично, всѣ были довольны и не жаловались. Но иногда на Анну находило точно просвѣтленіе—или скорѣе затменіе.—Что же это за человѣкъ? вдругъ просыпался въ ней вопросъ, какія у него мысли, чувства? Я ему жена, и я такъ же мало знаю его, какъ перваго встрѣчнаго на улицѣ. Иногда въ такія минуты она тихонько пробиралась къ кабинету и, если тамъ не было должностныхъ лицъ, садилась на диванъ прямо противъ мужа и смотрѣла ему въ лицо, ища отвѣта на свои вопросы.

Онъ чувствовалъ ея взгзядъ, поднималъ голову и съ недоумѣніемъ спрашивалъ:

— Анна, тебѣ что-нибудь нужно? зачѣмъ ты пришла?

— Развѣ я тебѣ мѣшаю? нѣсколько обиженно, вопросомъ на вопросъ отвѣчала Анна.

— Нѣтъ, мой другъ, не мѣшаешь конечно. И онъ улыбался ей снисходительною, даже немного виноватою улыбкой. Его улыбка ее всегда трогала, и иной разъ ей хотѣлось, чтобы онъ не удовольствовался этою улыбкой, чтобы онъ всталъ, подошелъ и приласкалъ ее. Можетъ быть, и ему хотѣлось приласкать ее въ эту минуту—лицо его дышало мягкостью, но ему было некогда, уже и такъ жена отвлекла его отъ главной мысли, онъ старался не замѣчать ея присутствія и погружался въ свои дѣла.

Нѣтъ, Анна не могла довольствоваться этою жизнью, Анна обладала натурой страстною, хотя и долго сдерживаемою. Въ ея груди таился еще цѣлый запасъ нетронутой нѣжности, и ребенокъ въ ея несогрѣтой любовью жизни являлся новою эрой, откровеніемъ, онъ еще не родился, и она уже чувствовала себя иною.

Digitized by Google

Когда она ощущала внутри себя движеніе ребенка, она вся трепетала отъ восторга. Ей казалось, что она любитъ его съ какою-то нечеловѣческою страстностью... Она нисколько не боялась предстоящихъ ей страданій, какъ боятся обыкновенно женщины, нѣтъ, она жаждала ихъ. Перенести страданія изъ-за него, изъ-за обладанія такимъ сокровищемъ, казалось ей блаженствомъ. Вадимъ,—она тоже звала его Вадимомъ, былъ ея любовью, ея гордостью. Она смѣялась надъ горделивыми замыслами бабушки,—не все-ли равно, будетъ-ли Вадимъ послушникомъ или инымъ чѣмъ, но онъ будетъ лучшимъ изъ людей, лучшимъ, лучшимъ!

Все что есть въ ея умѣ, въ ея сердцѣ самаго лучшаго, возвышеннаго, нетронутаго, чистаго, она вложитъ въ него, она будетъ лелѣять дары, данные ему природой и удесятеритъ ихъ; онъ будетъ ея гордостью. Но какое ей дѣло до профессіи—не все-ли равно профессія! Конечно ей хотѣлось видѣть его артистомъ или поэтомъ—только поэтъ можетъ вполнѣ выразить всю полноту своей души! О, моя гордость, о, любовь моя!

Такъ чувствовала и такъ мечтала будущая мать.

Если перспектива имѣть ребенка перевернула весь внутренній міръ Анны Николаевны, то не менѣе былъ взбудораженъ и внутренній міръ Григорія Григорьевича.

За эти два года мать пріучила его къ мысли не имѣть дѣтей, и извѣстіе о томъ, что онъ будетъ отцомъ—просто потрясло его. Онъ ходилъ нѣсколько дней ошеломленный! Да и много спустя онъ чувствовалъ себя измѣнившимся. Онъ не могъ такъ сосредоточенно, такъ усидчиво работать, какъ прежде. Иной разъ въ самый разгаръ занятій мысль о сынѣ такъ тѣснила ему голову, что онъ долженъ былъ встать и пройтись по комнатѣ.

Для него этотъ будущій Вадимъ былъ тоже и любовью и гордостью.

Оставивъ свои дѣла, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, Григорій Григорьевичъ предавался мечтамъ, онъ представлялъ себѣ своего сына уже юношей съ умнымъ вдумчивымъ взглядомъ. Сынъ—это его товарищъ и другъ. Онъ сильно любилъ мать, онъ знаетъ, что страстно любимъ ею, онъ любитъ жену. Но можетъ-ли женщина вполнѣ понять мужчину? Въ сущности онъ такъ одинокъ, столько невысказанныхъ мыслей, непонятыхъ идей! Сынъ его пойметъ. Онъ передастъ ему результаты своихъ мыслей. Онъ, его Вадимъ, его гордость, будетъ не только продолжателемъ его рода, но продолжателемъ его идей. Онъ, Григорій

Digitized by Google

Григорьевичъ, ломовая лошадь, онъ не имѣлъ времени заняться любимою наукой, но Боже сохрани его Вадима отъ чиновничьей карьеры. Въ Вадимѣ осуществится мечта его жизни: Вадимъ будетъ ученымъ, Вадимъ докончитъ начатое, и неконченный трудъ Григорія Григорьевича возстанетъ подъ перомъ Вадима.

И этотъ серіозный человѣкъ предавался мечтамъ, какъ юноша. Иногда съ увлаженными глазами онъ проходилъ въ будуаръ жены и, поцѣловавъ въ тонкій проборъ ту, которая готовила ему такое счастье и гордость, садился опять за занятія.

И какъ-будто чувствуя всю отвѣтственность и тяжесть возлагаемыхъ на него упованій, Вадимъ Григорьевичъ, явившись на свѣтъ, страшно сморщился и громко заувякалъ.

III.

Съ самой ранней поры своего дѣтства, Вадимъ зналъ, что онъ гордость семьи, и несъ на своихъ дѣтскихъ плечикахъ эту тяжелую обузу.

— Ты не долженъ шалить, говорила бабушка Прасковья Антоновна, въ твоей семьѣ не было шалуновъ, видишь какой папа умный и серіозный. А ты долженъ быть еще умнѣе, ты будешь походить на прапрадѣдушку!

И она подводила его къ портрету и, заставляя смотрѣть въ это строгое, почти свирѣпое лицо, разсказывала ему исторію Вадима Перваго.—Не правда-ли, спрашивала она ребенка, ты будешь гордостью нашей семьи, какъ и онъ?

Мальчикъ боязливо искоса поглядывалъ на страшнаго дѣдушку и робко отвѣчалъ, что онъ будетъ гордостью семьи.

Иногда Григорій Григорьевичъ ловилъ маленькаго сына, залучалъ его къ себѣ, сажалъ на колѣни и раскрывалъ передъ нимъ какія-то большія книги со странными рисунками и старался истолковать ему, старался заставить понять.

— Понимаешь? спрашивалъ онъ со страхомъ, глядя въ глаза ребенка, боясь прочесть въ нихъ непониманіе.

Мальчикъ понималъ только одно—страхъ отца,—онъ не хотѣлъ огорчить его и говорилъ:

— Понимаю, папа.

— Ты моя гордость! съ восторгомъ восклицалъ Григорій Григорьевичъ, прижимая сына къ груди, и продолжалъ показы-

Digitized by Google

вать и разсказывать ему что-то совсѣмъ ребенку непонятное, пока тотъ не блѣднѣлъ отъ тоски.

— Тебѣ скучно, ты усталъ?

— О, нѣтъ! И мальчикъ старался думать о чемъ-нибудь другомъ, о чемъ-нибудь, что не утомляло бы его бѣдной головы.

— Ну, иди, побѣгай, мой милый, гордость моя! говорилъ отецъ, спуская мальчика съ колѣнъ.

Не смотря на радость освобожденія, Вадимъ очень тихо выходилъ изъ комнаты, онъ находилъ уже необходимымъ прибѣгать къ хитрости. Ему ужъ было тяжело разочаровывать отца. Онъ пускался бѣжать съ рѣзвостью дитяти только тогда, когда дверь затворялась за нимъ, и онъ думалъ, что отецъ не слышитъ топота его ножекъ.

А мать? эта страстно любящая его мать?.. Съ той было, пожалуй, еще хуже!

Та не допускала въ немъ никакихъ погрѣшностей. Онъ былъ ея единственною любовью, ея гордостью, вмѣстителемъ всѣхъ ея идеаловъ, всѣхъ совершенствъ на землѣ. Онъ не могъ, онъ не смѣлъ обмануть ея ожиданій.

Ея требованія были такъ велики, что мальчикъ никогда не зналъ, когда онъ правъ, когда виноватъ передъ нею.

Всякая иниціатива поступковъ пропадала въ ея присутствіи, онъ робко, вопросительно смотрѣлъ на нее. Онъ не зналъ, чего она ждетъ отъ него, но твердо зналъ, что онъ не въ силахъ ей дать того, чего она ожидаетъ.

Онъ боялся ея пуще бабушки, пуще отца.

Каждая погрѣшность ребенка вызывала въ ней цѣлую бурю страсти. За самый обыкновенный ребячій проступокъ Анна Николаевна накидывалась на сына, какъ на преступника.

— Ты, ты осмѣлился это сдѣлать? Ты, мой сынъ, мой кумиръ, моя гордость,—она отталкивала отъ себя мальчика и принималась страстно рыдать. Вадимъ весь трясся, какъ въ лихорадкѣ, и тоже плакалъ... Вдругъ она привлекала его къ себѣ, прижимала, покрывала его поцѣлуями и шептала:

— Пойми,— ты моя единственная любовь, мой кумиръ, мое все, пусть другіе все это дѣлаютъ, другимъ это простительно, но ты долженъ быть совершененъ. И она до боли прижимала его къ сердцу своему, какъ-будто этимъ страстнымъ объятіемъ желала передать ему то, что наполняло ея сердце. Ты долженъ быть совершенствомъ—пойми!

Digitized by Google

Но это было такъ трудно, такъ трудно бѣдному мальчику! Онъ чувствовалъ, что изнемогаетъ подъ своею тяжелою отвѣтственностью. У него была слабая воля и часто, прегрѣшивъ сегодня, онъ на завтра впадалъ въ тотъ-же проступокъ, но тогда онъ старался скрыть его. Онъ такъ боялся повторенія вчерашней сцены, что вывертывался и лгалъ, чтобы избѣжать ея.

Этому единственному и такъ страстно обожаемому ребенку такъ трудно жилось на свѣтѣ!

Когда Вадиму исполнилось 8 лѣтъ, Григорій Григорьевичъ составилъ программу его ученья... Эта программа такъ занимала его, что онъ охладѣлъ даже къ своей службѣ и на лѣто взялъ долгій отпускъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность уѣхать къ себѣ въ деревню и тамъ на досугѣ заняться сыномъ.

Выработанный Григоріемъ Григорьевичемъ методъ преподаванія состоялъ въ томъ, чтобы ребенку передать какъ можно болѣе свѣдѣній самымъ легкимъ способомъ, чтобы онъ все могъ постичь и поглотить, такъ сказать, разжеванное. Къ 12 годамъ, по разсчету Григорія Григорьевича, Вадимъ, которому нужно было торопиться, такъ какъ онъ былъ гордостью семьи, а не обыкновеннымъ ребенкомъ,—къ 12-ти годамъ этимъ способомъ онъ долженъ былъ быть готовымъ къ четвертому классу гимназіи, ранѣе этого времени родители не хотѣли отдавать его въ школу. Благодаря методу Григорія Григорьевича, начало ученья было легко для Вадима; онъ скучалъ конечно, сидя въ душной комнатѣ, тогда какъ на дворѣ было такъ чудно хорошо, но воспринималъ онъ легко, такъ какъ и воспринимать то было почти нечего, такъ все было разжевано, такъ все было приспособлено. Для всего была своя клѣточка, и ребенокъ не шевелилъ мозгами, переставлялъ только клѣточки.

Урокъ задавался ему самый небольшой, но и тотъ помогала учить мать. Онъ даже никогда не вспоминалъ объ этомъ урокѣ, такъ какъ вполнѣ былъ увѣренъ, что мать напомнитъ и выучитъ съ нимъ. Никогда Анна Николаевна не была такъ за одно съ мужемъ, какъ теперь, ибо и ея стремленіе было то же, что и его—представить міру нѣчто необыкновенное въ лицѣ ихъ единственнаго сына. Къ замысламъ мужа она присоединяла еще и другіе замыслы. Она не только хотѣла развить умъ Вадима, она хотѣла развить его сердце, его чувствительность, чутье ко всему прекрасному.

Съ этою цѣлью она не давала ему читать дѣтскихъ глупыхъ,

Digitized by Google

книжекъ, а сама читала ему своихъ любимыхъ авторовъ, читала увлекаясь иногда по цѣлымъ часамъ. Если въ Вадимѣ и была поэтическая жилка, то это былъ самый легкій способъ убить ее. Утомленный урокомъ отца, мальчикъ рвался на воздухъ, на просторъ, а мать его сажала слушать „Семейную хронику“ Аксакова. Герой хроники интересовалъ его и конечно гораздо болѣе захватилъ бы его воображеніе, если-бы ему дали прочесть книгу своевременно, еслибы это чтеніе не продолжалось часами и служило бы ему наградой, а не обязательствомъ.

IV.

Обѣдали въ Знаменскомъ рано, такъ какъ и вставали рано—въ программу воспитанія Вадима входило раннее вставаніе,—въ половинѣ девятаго онъ уже сидѣлъ за урокомъ съ отцемъ. За обѣдъ садились въ два.

Посрединѣ просторной и высокой столовой накрытъ массивный четырехугольный столъ только на четыре куверта. При мальчикѣ не было ни няни, ни гувернёра, ни гувернантки. Противъ Анны Николаевны, занимавшей голову стола, сидитъ ея мужъ, по правую ея руку—свекровь, по лѣвую—сынъ.

Блѣдное съ прямымъ носомъ, покрытое мелкими морщинками старое лицо Прасковьи Антоновны красиво и теперь. Взглядъ ея нѣсколько уже выцвѣтшихъ глазъ проницателенъ, почти суровъ, твердо сложенныя губы говорятъ о непреклонной волѣ. Она сухощава, держится прямо. На ней темно-сѣрое свободное платье стариннаго фасона съ поясомъ и большимъ отложнымъ батистовымъ воротникомъ, сѣдые волосы прикрываютъ большой батистовый чепецъ. Вся она прямая и важная на этомъ стулѣ съ высокою спинкой походитъ на старинный портретъ, вышедшій изъ своей рамы.

Григорій Григорьевичъ моложавъ, хотя далеко некрасивъ, ему нельзя дать его 40 лѣтъ. Онъ сухощавъ, какъ мать, но не держится такъ прямо, какъ она. Его желтоватое, нѣсколько болѣзненное лицо, обрамленное скудною растительностью, съ гладко причесанными жидкими волосами, осталось бы всюду незамѣченнымъ, еслибъ не проницательный взглядъ небольшихъ свѣтлыхъ глубоко ушедшихъ въ орбиты глазъ съ маленькими, какъ точки, проницательными зрачками. Губы тоже характерны и говорятъ о твердой волѣ, какъ у матери.

Digitized by Google

Голосъ его тихій и жидкій, какъ у несложившагося еще юноши, и является совершенною неожиданностью при этомъ стальномъ взглядѣ глазъ.

Анна Николаевна высокая брюнетка. Теперь, когда загаръ тронулъ ея лицо, оно имѣетъ почти бронзовый оттѣнокъ, но это не портитъ его при большихъ, темныхъ, мрачныхъ, нѣсколько безпокойныхъ глазахъ; при безукоризненномъ профилѣ, этотъ бронзовый цвѣтъ лица очень хорошъ. Самая непріятная и вмѣстѣ съ тѣмъ характерная черта въ лицѣ Анны Николаевны—это ротъ, широкій съ большими бѣлыми зубами, очень нервный, какой-то безпокойный ротъ.

Молодой красивый лакей и сѣдовласый дворецкій безшумно, безъ всякой суеты служатъ господамъ. Въ большой столовой царствуетъ совершенная тишина, даже мухи не жужжатъ, такъ какъ въ этомъ комфортабельномъ благоустроенномъ домѣ въ открытыя окна вставляются металлическія сѣтки. Нѣтъ мухъ, но и воздуха мало отъ этихъ сѣтокъ.

Прямой, худенькій, безпрестранно краснѣя и моргая своими большими, какъ у матери, и свѣтлыми, какъ у отца, глазами, сидитъ Вадимъ между этими серіозными людьми, взоры которыхъ безпрестанно обращаются на него.

Если эти взрослые люди перекидываются словами, то только тѣми, что касаются его, Вадима. Онъ одинъ интересуетъ всѣхъ троихъ одинаково, Вадимъ—звѣно ихъ соединяющее.

— Ну что, моя радость, начитался ты вволю? спросила бабушка.

Она нѣсколько насмѣшливо относилась къ этимъ литературнымъ препровожденіямъ времени своей невѣстки.

— Не понимаю, говорила она, что тутъ можетъ быть интереснаго для ребенка! Я своихъ заставляла читать историческія, героическія вещи,—это, по крайней мѣрѣ, возвышаетъ духъ, а это... м... м...

Мальчикъ, услышавъ вопросъ бабушки, задвигался на стулѣ, бросая взгляды на мать, которая уже впилась въ него глазами. Она всегда точно хотѣла помочь ему своимъ взоромъ, точно этимъ взоромъ она хотѣла передать ему свою мысль, но взоръ ея не достигалъ своей цѣли—напротивъ, онъ смущалъ мальчика, ему казалось, что онъ скажетъ не то, что хочетъ мама, а ему такъ хотѣлось сказать именно то, что она хочетъ.

— Да, сказалъ онъ, неопредѣленно улыбаясь и все еще косясь въ сторону матери, начитались.

Digitized by Google

— Что вы теперь читаете? спросилъ отецъ.

— Дѣтство... боясь ошибиться, онъ вскинулъ глаза на мать.

— Такъ, мой другъ, такъ, продолжай-же — Дѣтство Багрова, внука—Аксакова.

— ... Аксакова, повторилъ, какъ эхо, Вадимъ.

— И что-же, тебѣ нравится? опять, спросилъ отецъ.

— Ничего... нравится очень,—и вдругъ оживившись:—Коляска больше нравится.

— А, скажите какой литераторъ!—Чье-же это сочиненіе—Коляска? спросилъ Григорій Григорьевичъ.

Вадимъ заметался и посмотрѣлъ на Анну Николаевну. Она дѣлала большіе глаза и шевелила губами. Всякая мысль, всякое воспоминаніе вылетѣло у него изъ головы, онъ повисъ на этихъ нервныхъ страшныхъ для него губахъ, стараясь по нимъ угадать имя автора.

— Аксаковъ... выговорилъ онъ, задыхаясь, на одну секунду обративши лицо въ сторону отца и сейчасъ опять смотря на мать. По багровымъ пятнамъ, выступившимъ на ея щекахъ, по расширеннымъ строгимъ глазамъ, онъ понялъ, что сказалъ не то, что слѣдовало.

— Какой ты дуракъ! воскликнула она. Съ тобою не стоитъ читать, смѣшиваешь Аксакова съ Гоголемъ.

Ребенокъ поджималъ губы, его нѣжная маленькая ручка какъ-то умоляюще протянулась къ матери, она отстранила ее.

— Оставь, нѣтъ, я брошу читать съ тобою.

— Et á vrai dire, chere Анна, вы будете правы! сказала Прасковья Антоновна по-французски — Вадимъ мало еще понималъ этотъ языкъ.—Вмѣсто того, чтобы набивать ему голову вашими русскими авторами, я бы учила его языкамъ: нѣмецкому, французскому, заставляла бы въ подлинникѣ читать его Телемака. А этихъ вашихъ всероссійскихъ-то онъ всегда успѣетъ.

Прасковья Антоновна была воспитана на французахъ, русскихъ литераторовъ, кромѣ Алексѣя Толстаго, не уважала, а къ Гоголю питала даже какое-то отвращеніе, считала его циникомъ и не единаго раза въ жизни не прочла „Мертвыхъ Душъ“. Вкусы своей невѣстки она считала очень низменными.

Та старалась уступать ей, старалась не спорить, сдерживать себя, пока Прасковья Антоновна гостила у нихъ въ деревнѣ. Но и уступкой своею она рѣдко чего достигала. Прасковья Антоновна въ деревнѣ-то именно и была болѣе раздражена, чѣмъ

Digitized by Google

гдѣ-либо: здѣсь она была когда-то полновластною хозяйкой, и видѣть на своемъ мѣстѣ другую постоянно возмущало ея духъ. Она находила, что Анна ведетъ хозяйство изъ рукъ вонъ плохо, и частенько отводила душу со старухой экономкой Авдотьей Васильевной, которая, сразу отлично отгадавъ, чѣмъ можетъ подольститься къ старой барынѣ, приходила иногда на таинственныя бесѣды и косвеннымъ образомъ, какъ-бы боясь назвать, продергивала молодую барыню.

Послѣ обѣда, цѣлуя по обыкновенію руку жены, Григорій Григорьевичъ тихонько шепнулъ ей:

— Право, ты кажется слишкомъ требовательна къ Вадѣ.

— Ахъ, пожалуйста, не старайся представить меня извергомъ, сказала громко, съ дрожью въ голосѣ, Анна, и такъ уже многіе хотятъ меня представить какимъ-то пугаломъ, я не знаю чѣмъ...

Она отвернулась отъ мужа и, чувствуя, что зашла слишкомъ далеко, и досадуя на себя за это, удалилась въ гостиную и сѣла къ открытому, заставленному впрочемъ сѣткой, окну за работу.

Григорій Григорьевичъ хотѣлъ было идти за нею, но ему было некогда: въ деревнѣ, кромѣ уроковъ Вадѣ, онъ былъ занятъ своимъ ученымъ сочиненіемъ. Утромъ онъ давалъ урокъ сыну и былъ занятъ приготовленіемъ уроковъ къ слѣдующему дню, послѣ обѣда онъ отдавался весь своему сочиненію.

Мужъ и жена разошлись каждый по своимъ угламъ. Прасковья Антоновна каждому изъ нихъ посмотрѣла вслѣдъ и пожала плечами. Внукъ оставался въ ея власти.

— Пойдемъ къ бабушкѣ, Вадинька.

Мальчикъ, смотрѣвшій вслѣдъ матери, нерѣшительно подалъ ей руку.

Онъ надѣялся, что, по крайней мѣрѣ, не всѣ несчастія обрушатся на него сразу, что бабушка дастъ ему новаго лакомства, не спросивъ его о коврижкѣ, которую дала ему вчера съ тѣмъ, чтобы онъ раздѣлилъ ее на двѣ половины, одну изъ которыхъ ему надлежало съѣсть только сегодня послѣ обѣда.

Бабушка занимала не ту комнату, которую занимала бывало до *несчастія*, то-есть до женитьбы сына; ту она предоставила невѣсткѣ, о чемъ съ Авдотьей Васильевной вела нескончаемые разговоры; она занимала комнату немного поменьше, но гораздо болѣе удобную и покойную, чѣмъ прежняя. Съ поломъ, устланнымъ мягкимъ ковромъ, съ развѣшенными по стѣнамъ портретами, уставленная разными этажерками и полочками съ различ-

Digitized by Google

ными старинными вещами, комната эта имѣла уютный видъ, и Вадя очень любилъ ее. И теперь вѣроятно предался-бы созерцанію занятныхъ и интересныхъ вещей, еслибы не мысль о коврижкѣ.

Онъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, когда бабушка, погремѣвъ ключами и отыскавъ одинъ завѣтный, отперла имъ шифоньерку и на Вадю пахнуло пряным запахомъ различной вкусной снѣди. Она уже взяла кисть крупнаго изюму, нѣсколько винныхъ ягодъ и хотѣла было опустить все это въ подставленныя руки Вади, какъ вдругъ вспомнила:

— А вчерашняя коврижка цѣла?

— Цѣла, наобумъ отвѣчалъ Вадя.

— Ну-ка принеси.—И она отложила въ сторону лакомства.

Съ отсутствіемъ всякой мысли въ головѣ, побѣжалъ Вадимъ въ дѣтскую. Хотя онъ и молилъ Бога, чтобы бабушка не вспомнила о коврижкѣ, но онъ ничего еще не придумалъ, что совретъ на ея счетъ. Совретъ-то онъ ужъ непремѣнно совретъ, не соврать онъ не можетъ, ибо—начать съ того—онъ не сказалъ никому изъ своихъ о знакомствѣ своемъ со слѣпою. Почему? Потому что онъ никогда не былъ увѣренъ въ томъ, насколько его поступки вяжутся съ высотой его положенія. Онъ былъ въ этомъ отношеніи ученый воробей. Сколько разъ, считая себя совершенно правымъ, онъ не скрывалъ своихъ поступковъ и былъ за это наказанъ. Почемъ онъ зналъ, съ какой стороны посмотрятъ на его встрѣчу со слѣпою. Ему было позволено пройтись по аллеѣ, а онъ взялъ въ сторону, уже за это одно могла подняться цѣлая буря.

Онъ порылся въ игрушечномъ ящикѣ, гдѣ лежала коврижка, нашелъ одну крошечку, положилъ на языкъ, постоялъ надъ ящикомъ и, съ тѣмъ-же отсутствіемъ какой-бы то ни было мысли или плана дѣйствія, побѣжалъ обратно къ бабушкѣ.

— Ну гдѣ-же коврижка? спросила бабушка.

— Не нашелъ, сказалъ мальчикъ краснѣя.

— Какъ не нашелъ! Да куда-же ты положилъ ее, мой другъ?

— Въ игрушечный ящикъ, на барабанъ. Ну и нѣтъ, должно быть мыши... (эта мысль только сейчасъ пришла ему въ голову).

Прасковья Антоновна недовѣрчиво покачала головой.

— Вздоръ, мой милый, цѣлую коврижку не могутъ стащить мыши. Послушай, Вадя милый, признайся... ты самъ ее скушалъ? Я не стану тебя бранить, никому не скажу—ты самъ скушалъ?..

Digitized by Google

Это предположеніе показалось ему до того обиднымъ, что онъ вдругъ разразился слезами.

— Вотъ еще... не ѣлъ я вашихъ коврижекъ... ничего я не хочу, ничего, ничего.

— Ну, ну, вѣрю, что не ѣлъ, ну поди сюда, милый, дорогой, посланникъ мой, прости старую бабку.

Она ласкала его, а онъ все плакалъ, прижимаясь къ ней. Одну минуту ему пришла въ голову мысль разсказать всю правду.

Но почемъ онъ зналъ, что̀ изъ этого выйдетъ! Бабушка разскажетъ папѣ, папа мамѣ, пойдутъ разспросы, увѣщанія, можетъ быть еще запретятъ ему видаться съ маленькою слѣпой, а этого то онъ главное и не желалъ. Онъ обѣщалъ ей, что придетъ завтра на то же мѣсто и уже, нетерпѣливо ждалъ этого свиданія.

— Но куда-же дѣлась твоя коврижка?

— Я-то почемъ же знаю, бабушка? всхлипывая говорилъ Вадимъ.

— Авдотья Васильевна! Полюбуйся, матушка, что у насъ дѣлается! обратилась взволнованная старуха къ вошедшей со стакано̀мъ морса немолодой худенькой женщинѣ, съ желчнымъ лицомъ, какъ и подобаетъ экономкѣ.—Ребенокъ въ свой игрушечный ящикъ положилъ коврижку, а ее стащилъ кто-то! Не сто̀итъ изъ-за коврижки поднимать исторію, но каковы люди! Какихъ людей-то держутъ въ этомъ домѣ—скверной коврижки въ комнатѣ оставить нельзя! А еще Анна Николаевна кичится тѣмъ, что не запираетъ своихъ комодовъ,—нѣтъ-съ, у меня все на запорѣ, все на запорѣ!

— Э, матушка, какъ это можно не запирать!—здѣсь народъ воръ—одно слово... Да развѣ вы не изволили слышать, какъ позапрошлымъ лѣтомъ... Ключница, поставивъ стаканъ съ морсомъ на столъ, начала всѣмъ извѣстную исторію о томъ, какъ изъ кладовой, три года тому назадъ, пропали двѣ банки варенья.

— И воровъ знаю, ой знаю, только А́нна Николаевна слушать меня не хотятъ.

Замѣтивъ, что разговоръ перешелъ на другую, интересную обѣимъ женщинамъ, тему, мальчикъ соскользнулъ съ колѣнъ бабушки, взялъ свою порцію лакомствъ и тихонько вышелъ изъ комнаты.

Мысль о разсерженной имъ матери сильно безпокоила его. Чтобы умилостивить ее, онъ отыскалъ томъ „Семейной Хроники“

Digitized by Google

и, держа большую книгу въ рукахъ, робко пробрался въ гостиную.

Анна Николаевна сидѣла у окна, не работая; ея красивыя брови были сдвинуты, глаза смотрѣли въ неопредѣленную точку.

Вадя маленькими шажками, съ своимъ личикомъ хорошенькой дѣвочки, подошелъ къ ней и тихонько дотронулся до ея руки. Анна вздрогнула. Она вздрогнула не отъ неожиданности,—она видѣла, что Вадя вошелъ, но прикосновеніе его маленькой, теплой, мягкой ручки всегда заставляло ее вздрагивать, а сердце—сильнѣе биться.

— Мамуся!..

— Ну, зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ, скажи пожалуйста?!

— Можетъ быть... можетъ быть, ты хочешь почитать? тихо сказалъ онъ, своими свѣтлыми робкими глазами глядя въ ея глаза.

— Да развѣ, сказала она съ особенною страстностью, развѣ я читаю для себя?!

Вадя понялъ, что онъ опять попался въ просакъ, сказалъ не то, что слѣдовало. Мать притянула его къ себѣ, положила ему руки на плечи и, глядя въ его глаза, спросила:

— Скажи мнѣ, развѣ я для себя читаю?!

Губы мальчика тряслись, онъ рѣшительно не зналъ, что ему отвѣтить.

— Не знаю, тихо сказалъ онъ.

Этотъ отвѣтъ вызвалъ новый взрывъ.

— Не знаешь, не знаешь!.. Ты никогда ничего не знаешь, никогда не хочешь подумать... Не для себя читаю я! Я все это съ дѣтства знаю наизусть... Я читаю для тебя, чтобы тебѣ доставить удовольствіе, чтобы тебя познакомить съ великими умами нашей родины. Я хочу, чтобы ты понималъ и любилъ все прекрасное, я хочу, чтобы ты съ малолѣтства умѣлъ цѣнить нашихъ великихъ авторовъ, а ты путаешь Аксакова съ Гоголемъ. Точно ты глупый безсмысленный четырехлѣтній ребенокъ. Ты не хочешь разсуждать, не хочешь думать. Неужели ты не понимаешь, какъ огорчаешь меня?

Вадѣ казалось, что исторія уже подходитъ къ концу, что ему только стоитъ остеречься, не говорить ни слова, и онъ молча протянулъ къ ней губы.

Она обхватила его обѣими руками и прижала къ себѣ.

— Ахъ, говорила она, пойми же, пойми, что ты для меня все

Digitized by Google

на свѣтѣ, что я хочу тебя видѣть лучшимъ, умнѣйшимъ изъ людей, пойми, какъ сильно я тебя люблю!

Губы ея трепетали, слезы текли по ея щекамъ.

— И я тебя люблю, лепеталъ мальчикъ, прижимаясь къ ней. Мама, милая, не плачь, я буду умнымъ, мама милая!..

— Вотъ ты говоришь, ты любишь меня, сказала мать, и горькая усмѣшка скользнула по ея губамъ, а между тѣмъ ты оставляешь огорченную маму и идешь къ бабушкѣ и лакомишься тамъ, когда знаешь, что мама огорчена.

— Я не буду больше лакомиться, мамочка, не плачь, я не буду больше лакомиться.

V.

Въ теорію воспитанія Анны входило правило давать сыну часъ или полтора совершенной свободы. Это пріучаетъ его къ самостоятельности, говорила она, то-есть объ употребленіи этого часа никто не имѣлъ права его спрашивать, но мѣсто нахожденія ограничивалось большою аллеей, на которой легко было контролировать его дѣйствія.

Однако, прошла цѣлая недѣля, и никто не замѣтилъ, что мальчикъ въ свой свободный часъ не находился на назначенномъ мѣстѣ.

По окончаніи утренняго урока, за которымъ онъ сидѣлъ, тщетно стараясь сосредоточиться, Вадимъ бѣжалъ на излюбленную поляну. Леля слабая и нѣжная, какъ подснѣжникъ, съ своими большими невидящими глазами и бѣлокурыми кудрями, завладѣла его дѣтскими мыслями. Маленькая слѣпая уже ждала его. Она чуткимъ ухомъ издали еще слышала его спѣшный шагъ и улыбалась ему своею блаженною улыбкой.

— Вотъ и я, говорилъ онъ, съ разбѣга опускаясь передъ ней на колѣни и беря ея протянутыя къ нему руки.

Они цѣловались въ губы, она проводила рукой по его лицу, точно опасаясь, что его подмѣнили и онъ сталъ не тѣмъ за эти сутки. И, удостовѣрившись, что онъ все тотъ же, она опять блаженно улыбалась.

— Ужь я давно тебя жду, говорила она. Еще когда мамаша привела меня сюда, сижу и гадаю: придетъ—не придетъ.

— А я вотъ и прибѣжалъ.

Digitized by Google

Слѣпая тихо начинала смѣяться. И вдругъ лицо ея принимало хитрое выраженіе.

— Отгадай, что̀ я тебѣ принесла.

Она ощупывала карманъ свой и вытаскивала что-то завернутое въ бумагу. Это была или лепешка изъ чернаго тѣста или кусокъ пирога съ морковью. И когда Вадимъ начиналъ ѣсть принесенный ею гостинецъ, она съ восторгомъ восклицала:

— Ѣстъ! ѣстъ! Ахъ, ты мой сластена! Что же у васъ—у баръ—пироговъ такихъ не пекутъ?

Онъ говорилъ, что не пекутъ.

— Ну, а разскажи, что вы тамъ у себя ѣдите? Какъ живете?

Онъ начиналъ разсказывать, нарочно приплетая мудреныя названія—форшмакъ, маіонезъ.

— Маіонезъ? переспрашивасть она, хвастаешь! такъ выдумываешь, какой такой маіонезъ.

— Ну, вотъ, стану я тебѣ выдумывать!

Любитъ она тоже заставить его поразсказать про то, что окружаетъ ее и что ощупать руками она не можетъ.

Онъ разсказываетъ ей про небо, про звѣзды, про солнце, про море, котораго не видѣлъ, но о которомъ читалъ и разсказывалъ ему отецъ. Слѣпая внимательно, сосредоточенно слушаетъ. Несмотря на все несовершенство разсказа маленькаго товарища, передъ ея умственными глазами, очевидно, возникаютъ какіе-то плѣнительные образы. Какая-то мечтательная тихая улыбка блуждаетъ на ея губахъ.

— Ну что же ты остановился? разсказывай, разсказывай, понукаетъ она Вадима. Ахъ, хорошо, хорошо на Божьемъ свѣтѣ!.. Слышишь, птичка какъ заливается... И какая она такая эта птичка? Хоть бы ты мнѣ на минуточку изловилъ ее, чтобы мнѣ ее пощупать.

Вадимъ обѣщаетъ въ слѣдующій разъ поймать ей птичку.

— Ты у меня умный, говоритъ она убѣжденно, того и гляди, впрямь поймаешь!

Всякій разъ, когда онъ собирается уходить, она убѣждаетъ его остаться еще немного.

— Куда ты торопишься? говоритъ она, кого боишься? Или ужь очень страшная мама-то твоя?.. Коли начнетъ она тебя бранить, ты ей скажи—молъ слѣпенькая меня просила остаться, дѣвочка такая малюсенькая, жалкенькая—она тебя проститъ.

Она никакъ не могла уразумѣть, чего онъ можетъ бояться,

Digitized by Google

такъ какъ онъ говорилъ ей, что мама его любитъ и никогда не браниться, а только *сорчается*.

Но Вадимъ тщательно скрывалъ свои свиданія со слѣпою. Нѣсколько разъ онъ былъ готовъ открыть ихъ матери, но что то удерживало его. Онъ боялся, что признаніемъ своимъ онъ положитъ конецъ этимъ свиданіямъ; кромѣ того, какое-то стыдливое чувство, чувство впервые влюбленнаго, удерживало его отъ разговоровъ о маленькой слѣпой. Его нѣжное лицо покрывалось краской, когда произносили имя отца Лели, новаго управителя, котораго онъ иногда видалъ въ кабинетѣ отца и очень изрѣдка за обѣденнымъ столомъ. Это былъ широкоплечій загорѣлый человѣкъ, угрюмаго вида, застѣнчивый и скрывающій свою застѣнчивость подъ личиной заносчивости. Вадимъ слышалъ неоднократно, какъ мать и бабушка съ нѣкоторою насмѣшкой отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ „невоспитанномъ“. Онъ дѣйствительно ѣлъ съ ножа съ простонародными оттяжками, боялся услужить дамамъ, чтобы не приняли его за „подлизу“, и когда Прасковья Антоновна протягивала ему стаканъ, прося налить изъ графина, онъ звалъ человѣка. А когда однажды Анна Николаевна стала разсказывать при Вадимѣ о маленькой слѣпой, которую въ этотъ день видѣла впервые, онъ такъ сконфузился, что безсознательно полѣзъ подъ диванъ.

Ни къ одному изъ любимыхъ имъ и любящихъ его существъ Вадимъ не чувствовалъ того, что чувствовалъ къ Лелѣ. Передъ нею онъ чувствовалъ себя взрослымъ, ея покровителемъ. Онъ испытывалъ неизъяснимое блаженство, когда держалъ ея маленькую ручку въ своей и осторожно велъ въ глубь парка, думая о томъ, что можетъ же вдругъ изъ-за куста выскочить волкъ, и, о! какъ онъ будетъ тогда защищать свою пріятельницу!

Ему доставляло наслажденіе охранять ее отъ прыжковъ Жоли и уговаривать не бояться. Разсказывать ей было тоже наслажденіе. Это было существо, которое безусловно вѣрило ему, признавало его силу и довѣрялось ей. Въ этомъ-то и было то новое неиспытанное наслажденіе, которое доставляло ему присутствіе дѣвочки. Когда онъ былъ съ нею, лицо его преображалось, глаза его не бѣгали безпокойно, не искали сочувственныхъ кивковъ, оно дѣлалось пожалуй еще мягче, но это была мягкость взрослаго, смотрящаго на маленькое безпомощное существо, въ этой мягкости было что-то тихое и спокойное.

Онъ, какъ и она, вѣроятно подражая ей, любилъ принести

Digitized by Google

слѣпой какой-нибудь сюрпризъ. То онъ вытаскивалъ изъ своего игрушечнаго ящика цимбалы и, прячась отъ старшихъ, приносилъ ей, то какого-нибудь казака на лошади верхомъ, то конфектную коробочку. Всѣ эти вещи доставляли слѣпой неизъяснимое удовольствіе. Она перевертывала ихъ на всѣ лады, щупала, прижимала къ лицу и смѣялась своимъ внутреннимъ смѣхомъ.

— Вотъ милый какой, говорила она Вадиму, вотъ ты какой добрый, хорошій—жалѣешь слѣпенькую... Хорошій ты, хорошій! продолжала она какъ-бы мечтательно, проводя рукой по принесенной вещи, но болѣе относя эту ласку къ Вадиму, чѣмъ къ его подарку.

VI.

— Вадя, займись чѣмъ-нибудь, сказала Анна Николаевна въ одинъ ненастный воскресный день.

Мальчикъ, скакавшій на одной ножкѣ по гостиной и поглядывавшій отъ времени до времени въ окно—не увидитъ ли слѣпую или хоть кого-нибудь изъ родни ея, сконфузился, покраснѣлъ. Онъ взялъ первую попавшуюся ему книгу изъ его дѣтскихъ книгъ—у него была особая полка на этажеркѣ—и развернулъ ее на угадъ.

— Что это у тебя за книга? черезъ нѣсколько минутъ спросила мать.

Вадимъ хотѣлъ было взглянуть на заглавный листъ, но, видя на себѣ упорный взглядъ матери, совсѣмъ растерялся и со слезами въ голосѣ отвѣчалъ, что не знаетъ.

— Зачѣмъ же ты берешь книгу, которая не интересуетъ тебя, взволнованно замѣтила Анна Николаевна.—Поди сюда.

Вадимъ покорно всталъ съ кресла и подошелъ къ матери.

— Ты не хочешь читать?

Вадимъ молчалъ, опустивъ голову.

— Я спрашиваю тебя, Вадя, ты читать не хочешь?

Вадимъ робко вскинулъ глаза на мать, ища, что бы отвѣтить такое, чтобъ не разсердить ее.

— Господи Боже мой, вдругъ страстно воскликнула она, за что ты меня наказуешь!.. Вадя, умоляю, скажи хоть слово одно.

Но Вадя уже тяжело дышалъ, глаза его были полны слезъ.

Digitized by Google

— Я... я... лепеталъ онъ, я не знаю.

— Чего ты не знаешь—хочешь ли читать или нѣтъ?.. Но развѣ этого можно не знать! Если не хочешь читать — скажи откровенно.

— Я не хочу читать, внезапно радостно воскликнулъ мальчикъ.

— Но развѣ я принуждала тебя? Зачѣмъ же ты взялъ книгу, Вадя, если не хотѣлъ читать.

— Я... я... я боялся.

— Чего? Господи Боже мой! какъ же мнѣ внушить тебѣ, что нечего бояться выражать свое мнѣніе? Вѣдь ты свободный человѣкъ, съ своею волей. Хочешь читать—читай, хочешь играть—играй. Вѣдь я не приказываю тебѣ, я только хочу направить твою дѣтскую слабую волю—понимаешь, мое дитя, дорогое мое дитя?

Въ тонѣ этихъ послѣднихъ словъ было столько неподдѣльной страстной любви, что мальчикъ довѣрчиво взглянулъ на мать и прильнулъ къ ней. Изъ ея словъ онъ понялъ конечно только одно, что его не станутъ бранить за то, что онъ не хочетъ читать.

— Ты понялъ, что говоритъ тебѣ мама? Ты понимаешь, какъ она любитъ тебя, какъ хочетъ, чтобы ты былъ лучшимъ изъ людей? Понимаешь, Вадя?

— Понимаю, отвѣчалъ онъ уже съ нѣкоторымъ страхомъ, боясь какъ бы не затянулась эта исторія и не окончилась опять непонятными для него словами и слезами матери.

— Ну, иди же играть, мой другъ, выбери какую-нибудь не шумную игру, у тебя столько игрушекъ, выбрать есть изъ чего.

Вадимъ былъ радъ, что его отпустили, и съ облегченнымъ сердцемъ побѣжалъ въ дѣтскую.

— Вадя, окликнула мать, что̀ же ты возьмешь?

— Не знаю, необдуманно отвѣчалъ мальчикъ.

— Какъ же это ты бѣжишь, не обдумавъ, что возьмешь? Прежде чѣмъ сдѣлать что̀ бы то ни было, надо подумать о томъ, что̀ ты будешь дѣлать. Принеси складную картинку, ты давно ея не складывалъ.

Мальчикъ уже не радостнымъ бѣгомъ, а какимъ-то виноватымъ длиннымъ шагомъ вышелъ изъ гостиной.

Дѣло въ томъ, что вырѣзную складную картинку, о которой говорила мать, онъ отдалъ слѣпой, которая очень заинтересовалась отыскиваньемъ и складываньемъ подходящихъ кусочковъ.

Digitized by Google

Въ дѣтской Вадимъ забылъ непріятное ощущеніе, вызванное приказаніемъ матери, которое онъ не могъ исполнить. Только внѣ присутствія старшихъ онъ ощущалъ себя свободнымъ. Онъ сталъ на колѣни передъ своимъ ящикомъ съ игрушками и сталъ перебирать любимое старье. У него былъ тоже шкафъ съ игрушками. Тамъ стояли новыя заводныя блестящія игрушки, но ихъ онъ не любилъ, его тянуло именно къ этому ящику со старьемъ.

Вотъ онъ отыскалъ возжи и старый кнутъ. Все это обтрепано, истерзано, но мило его сердцу.

— Хорошо бы въ лошадки поиграть, стулъ что-ли заложить бы, ахъ хорошо! Да мама не любитъ: безсмысленная игра, говоритъ.

И такъ какъ мама не приказываетъ ему запрягать стулья, онъ садится на полъ, запрягаетъ собственныя ноги и начинаетъ топотать ими,—это настоящій маленькій кентавръ, соединяющій въ одномъ лицѣ и кучера и лошадь.

— Пру, пру, милая, не шали! покрикиваетъ онъ, усиленно дергая возжей свою правую ногу, ишь занеслась! Тише съ горы, тише!

Вдругъ онъ вспоминаетъ, что ему надо идти въ гостиную. Что же онъ понесетъ такое, вмѣсто складной картинки?

— Лучше не думать, поиграть еще.

— Но, но, милая, пошевеливайся!..

Но вотъ онъ слышитъ шаги около своей двери, вскакиваетъ и поскорѣй суетъ возжи въ ящикъ.

Входитъ Даша, горничная Анны Николаевны.

— Что же это вы такъ долго, барчукъ, мамаша соскучились, васъ ждутъ.

Вадимъ тяжело вздыхаетъ, беретъ ящикъ съ кубиками и лѣнивымъ шагомъ бредетъ въ гостиную.

— Что такъ долго возился, Вадя? спрашиваетъ мать.

— Такъ...

Онъ садится подальше отъ матери и на полу начинаетъ строить изъ кубиковъ башню.

— Почему же ты картинку не принесъ? спрашиваетъ Анна Николаевна.

— Мнѣ захотѣлось въ кубики поиграть, говоритъ Вадимъ, краснѣя.

— Захотѣлось въ кубики?.. Ну и прекрасно, мой другъ, прекрасно. А картинка твоя жива? Ты не растерялъ ея?

— Жива, мама, жива.

Digitized by Google

— Гдѣ же она—въ ящикѣ?

— Въ шкафу, на послѣдней полкѣ, увѣренно говоритъ Вадимъ и продолжаетъ разставлять кубики.

Онъ начинаетъ уже увлекаться своею постройкой. Онъ строитъ мостъ и плотину, черезъ которую сейчасъ прорвется „какъ будто бы“ вода и разрушитъ все.

Въ самый интересный мигъ мать замѣчаетъ:

— Ты бы лучше домъ построилъ или крѣпость, а то такъ городишь зря!

Съ этими словами она встаетъ и выходитъ.

Во время отсутствія матери вода стремительно набѣгаетъ на плотину и разрушаетъ ее. Кирпичи съ грохотомъ разлетаются въ разныя стороны.

Хорошо, что мамы нѣтъ, думаетъ мальчикъ, а то бы не обошлось безъ сцены.

Онъ знаетъ уже это слово—сцена,—бабушка довольно часто произносила его при немъ.

Онъ сооружаетъ новую плотину и, только окончивъ ее, начинаетъ удивляться долгому отсутствію матери. Ужь не пошла ли она въ шкафъ провѣрять его слова и искать складную картинку? Кровь бросается ему въ голову.

— Господи, Господи, что-то будетъ?!. Но лучше ужь не думать, пусть будетъ, что будетъ!..

Вдругъ, откуда ни возьмись, вода... волны, волны, большія такія, огромныя ш...ш..ш...шумятъ, клокочутъ, идутъ, бѣгутъ!!.

Онъ хмуритъ брови и дѣлаетъ соотвѣтствующіе волнамъ жесты рученками.

... Бѣгутъ, и прямо на плотину... Трръ!.. все разрушено.

Въ то время, какъ кирпичики разлетались во всѣ стороны, вошла Анна Николаевна. Лицо ея было серьезно и блѣдно.

— Вадя, сказала она, поди сюда.

Еле передвигая ногами, опустивъ голову, онъ подошелъ къ ней.

— Я не нашла на нижней полкѣ складной картинки. Гдѣ она?

Молчаніе.

— Я тебя спрашиваю, Вадя, уже съ дрожью въ голосѣ продолжала Анна Николаевна. Гдѣ картинка? Куда ты ее дѣлъ?

— Не... не... не знаю...

— Зачѣмъ-же ты мнѣ сказалъ, что она на послѣдней полкѣ? Ты зналъ, что она не на послѣдней полкѣ?.. Я тебя спрашиваю—ты зналъ?

Digitized by Google

— Не знаю.

— Ты не знаешь—зналъ-ли. О Господи, Господи, Боже мой!..

При такихъ восклицаніяхъ Вадя начиналъ трепетать.

— Отецъ, воскликнула Анна Николаевна дрожащимъ драматическимъ голосомъ, услыша, что Григорій Григорьевичъ возвратился домой изъ города,—отецъ, иди полюбуйся на сына!

Григорій Григорьевичъ вошелъ, еще вытирая необсохшую грязь на лицѣ.

— Что такое, что такое случилось?

— Случилось то, продолжала Анна Николаевна, трагически сдвигая брови надъ темными невыразимо страшными теперь для Вадима глазами и нервно подергивая губами,—случилось то, что сынъ твой лгунъ.

И она, не соображая, насколько трагическій тонъ не подходитъ къ разсказу о картинѣ, разсказала, что не нашла этой картинки ни въ шкафу, ни въ ящикѣ съ игрушками, нигдѣ.

Григорій Григорьевичъ серіозно выслушалъ жену и взялъ за плечо сына.

Вадимъ менѣе боялся отца, чѣмъ матери, но на этотъ разъ натянутые нервы не выдержали: прикосновеніе отца заставило его взвизгнуть.

— Куда ты дѣлъ картинку? своимъ тонкимъ, почти визгливымъ голосомъ спросилъ отецъ.

Вадимъ ужь не могъ говорить, онъ дрожалъ, захлебывался, ничего не понимая.

Созванъ былъ весь домъ, картинку разыскивали, какъ иголку, разспрашивали всѣхъ.

— Ахъ батюшки, воскликнула Даша, я точь точь такую картинку видѣла у управительской слѣпой.

Даша была дѣвушка лѣтъ тридцати пяти съ дурнымъ рябымъ лицомъ и необыкновенно энергичнымъ пѣтушинымъ, загнутымъ книзу, носомъ, что придавало всей ея физіономіи и ея словамъ особенную авторитетность.

— Какъ у слѣпой? Почему у слѣпой? Начался настоящій допросъ.

Когда, наконецъ, дѣло разъяснилось и оказалось, что Вадимъ подарилъ картинку слѣпой, съ которою давно водитъ дружбу, и что онъ злокозненно скрылъ отъ родителей, какъ то, такъ и другое,—когда все это обнаружилось, Анна Николаевна заломила руки и сперва начала смѣяться, а потомъ рыдать.

Digitized by Google

VII.

Отецъ увелъ маленькаго Вадима къ себѣ въ кабинетъ и сталъ вразумлять его. Онъ старался говорить какъ можно мягче, чтобы не пугать его, старался сдѣлать взглядъ своихъ небольшихъ безцвѣтныхъ проницательныхъ глазъ, какъ можно добрѣе.

— Вадимъ, говорилъ онъ, поставивъ сына между ногъ, Вадимъ, понимаешь-ли ты, какъ огорчилъ меня и мать?!. Ты безъ позволенья, безъ вѣдома нашего подружился съ незнакомою намъ дѣвочкой. И болѣе двухъ недѣль скрывалъ отъ насъ это. Почему? Потому что ты чувствовалъ, что сдѣлалъ дурно, ты чувствовалъ, что тебѣ не слѣдовало дружиться безъ вѣдома отца и матери. И вотъ первый дурной поступокъ повелъ за собою второй, худшій поступокъ. Ты подарилъ дѣвочкѣ игрушку, которую ты не имѣлъ права дарить... Это вещь тебѣ не принадлежащая...

На этомъ мѣстѣ своей рѣчи Григорій Григорьевичъ нѣсколько сбился—почему-же эта игрушка не принадлежитъ ему, и онъ не можетъ ею распорядиться? подумалъ онъ, не я ли самъ въ рожденье подарилъ ему эту вещь. Но онъ мгновенно выпутался изъ затрудненья:

— Эта вещь не принадлежитъ тебѣ, потому, что даже ты самъ не принадлежишь себѣ, ты такъ еще малъ и неразуменъ, что не отвѣтственъ за свои поступки. Ты принадлежишь намъ, какъ и все находящееся въ твоемъ владѣніи... Ты не имѣешь права распоряжаться самою маленькою вещью, тебѣ принадлежащею...

„А, вотъ мнѣ принадлежащей“, подумалъ Вадимъ.

... Подарокъ чужаго—это воровство. Мнѣ страшно выговорить это слово, Вадимъ, но ты укралъ игрушку, чтобы подарить ее этой дѣвочкѣ, укралъ и потомъ, чтобы скрыть свой дурной, мерзкій поступокъ, ты лгалъ, — матери лгалъ... Понимаешь ли, Вадимъ, какъ это ужасно!

На свѣтлыхъ глазахъ Григорія Григорьевича дрожала слезинка. Но Вадимъ, закоренѣлый преступникъ, не плакалъ. Рѣчь отца длилась такъ долго, что онъ пересталъ даже бояться, ему только было скучно, скучно!

„Когда-то папа отпуститъ меня?“ думалъ мальчикъ.

Но когда Григорій Григорьевичъ отпустилъ Вадима, его потребовали къ мамашѣ.

Digitized by Google

Въ комнатѣ матери было совсѣмъ темно. Сторы были спущены. Пахло какимъ-то лекарствомъ. Анна Николаевна лежала въ постели, укутанная плэдомъ.

— Вадимъ, сказала она черезъ силу,—посмотри, что ты сдѣлалъ съ мамой твоей: твой поступокъ, твоя ложь, твоя скрытность уложили ее въ постель. О, не этого, не этого я отъ тебя ждала!

Она откинулась на подушку, и Даша поспѣшила ей растереть виски и дала ей чего-то понюхать.

— Понимаешь ты, Вадимъ, что ты сдѣлалъ? Всякому человѣку Богъ далъ свободную волю, и ты свою волю употребилъ на то, чтобъ обмануть мать. Развѣ я мѣшаю тебѣ, распоряжаться твоими вещами? Онѣ принадлежатъ тебѣ и ты хоть все можешь раздарить, но надо сказать объ этомъ матери! Не лгать, не увертываться... Ахъ, это ужасно, ужасно!

Мальчикъ заплакалъ.

Тогда она взяла его на постель и стала страстно ласкать.

Она говорила ему о томъ, какимъ человѣкомъ желала бы видѣть его. Гордую мечту свою она хотѣла вложить въ его душу. Она страстно говорила ему о той правдѣ, которой онъ будетъ носителемъ, о знаніи, которымъ онъ будетъ дѣлиться съ другими людьми, о поэзіи, которая совьетъ гнѣздо въ груди его.

Мальчикъ слушалъ и хлопалъ своими невинными глазенками. Онъ думалъ о томъ, что пожалуй теперь ему ужь не позволятъ больше видаться съ слѣпымъ его другомъ, думалъ о томъ, что ему хочется ѣсть и что давно пора бы ему дать обычную порцію молока. Онъ былъ очень радъ, когда мать его перекрестила, сказавъ:

— Иди къ себѣ, подумай хорошенько о томъ, что я тебѣ говорила.

Скушавъ съ аппетитомъ свою обычную порцію молока съ хлѣбомъ, Вадимъ, пользуясь тѣмъ, что мама съ папой—по своимъ комнатамъ, а бабушка уѣхала къ сосѣдкѣ, старой графинѣ Хорзухиной, съ которою любила отводить душу, побѣжалъ въ переднюю къ пріятелю своему, старому дворецкому Якову Петровичу, повѣренному всѣхъ его сердечныхъ дѣлъ.

— Яковъ Петровичъ! окликнулъ онъ своимъ тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ.

— Я здѣсь, батюшка, что угодно? сказалъ старикъ, выползая изъ своей каморки.

Digitized by Google

— Ты... нерѣшительно началъ Вадимъ, — ты... ты не видѣлъ Лёлю?

— Не видѣлъ, батюшка... Вотъ видите, началъ онъ наставительно, — какихъ вы дѣлъ надѣлали—все боитесь, все боитесь, скрываетесь, не говорите матушкѣ, анъ Богъ-то видитъ всѣ ваши затѣи, родителямъ-то и открываетъ... То-то вотъ и есть-то. Вотъ и теперь пришли въ переднюю, развѣ это вамъ позволяется?.. Идите, идите, батюшка!

— Да я вѣдь только сказать, что лампу зажечь надо въ дѣтской.

— Дашѣ бы сказали.

— Приходи самъ, Яковъ Петровичъ, Даша не умѣетъ.

— И то, гдѣ ей бабѣ лампу зажечь! съ снисходительною насмѣшкой сказалъ старикъ. — Идите, идите, батюшка мой, ужь самъ приду вамъ лампу зажигать.

Вадимъ съ опаской, озираясь, чтобы кто изъ родителей не засталъ его за запрещеннымъ дѣломъ, пробѣжалъ къ себѣ въ комнату.

Яковъ засталъ его въ полутемной комнатѣ, стоящимъ въ раздумьи надъ ящикомъ съ игрушками.

„Мои или не мои? думалъ онъ, хоть бы Якова Петровича спросить, да нѣтъ не съумѣю растолковать, онъ не пойметъ, лучше ужь и самому не думать!“

Всѣ свои сомнѣнія онъ обыкновенно рѣшалъ этимъ способомъ.

— Яковъ Петровичъ, сказалъ онъ, глядя вверхъ на старика, пока тотъ медлительно снималъ съ лампы стекло и вынималъ изъ кармана спички,—Яковъ Петровичъ, знаешь, что я думаю?

— Не знаю, батюшка. Гдѣ мнѣ знать старику твои дѣтскія думы!

— Я думаю, не позволятъ мнѣ больше видаться съ Лёличкой.

— И, конечно, не позволятъ—очень просто, и прекрасно, что не позволятъ.

— Вотъ какой ты не добрый... не ожидалъ я, поджимая губы дрожащимъ голосомъ вымолвилъ Вадимъ,—что жь тутъ хорошаго, я такъ люблю Лёличку, она такая славная, а ты говоришь...

Вадимъ откровенно заплакалъ.

— Ну, ну, чего же плакать-то! ставя спички на столъ, не зажегши лампы и присѣдая на корточки передъ Вадимомъ, сказалъ старикъ. Ну, конечно, Лёля хорошая дѣвочка и семья-то вся славная — и отецъ и мать всѣ хорошіе люди — это правда

Digitized by Google

твоя, мой голубчикъ, ты у насъ человѣкъ справедливый, издалека видишь людей. Ну о чемъ же плакать-то, о чемъ плакать! Прости старика, такъ онъ сдуру сбрехнулъ! говорилъ Яковъ Петровичъ, лаская ребенка, который довѣрчиво жался къ нему.

— Такъ-то, мой голубчикъ, успокойся, и то наплакался за день-то. Дай лампу зажгу, а ты и ложись. Утро вечера мудренѣе, миленькій ты мой.

— А ты со мною посидишь? уже радостнымъ голосомъ спрашивалъ Вадимъ.—Уложишь меня? Ты такъ хорошо умѣешь подоткнуть одѣяло.

— Хорошо, хорошо, ужь уложу! Дарья-то Степановна, кажется, къ прикащику ушла.

— Я тебя гораздо больше Даши люблю, съ восторгомъ вымолвилъ мальчикъ, обнимая животъ рослаго старика.

— Знаю, что любишь, и я вѣдь за тебя въ огонь готовъ, мой батюшка! Ну, молись, молись! Перво-на-перво — Богу надо помолиться.

Вадимъ сталъ передъ образомъ читать свои молитвы, старикъ стоялъ и внимательно слушалъ.

— А отъ себя-то ничего не прибавишь? спросилъ онъ.

— За тебя помолюсь да за Лёлю.

— Нѣтъ, ты за себя, братецъ, помолись, умудри-молъ, Господи, душу мою, дай мнѣ понятіе, чтобы родителевъ моихъ понимать, такъ-то, дитятко! Родители у тебя умные, а ты еще глупенекъ... Ну, ложись, ложись, не шали. Я посижу, покуда не заснешь. Христосъ съ тобой, батюшка!

Старикъ перекрестилъ и поцѣловалъ ребенка въ губы.

Убавивъ свѣтъ въ лампѣ, Яковъ Петровичъ сѣлъ въ кресло.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнатѣ раздавалось тихое дыханіе наволновавшагося за день ребенка и носовой присвистъ задремавшаго старика.

VIII.

Опасенія Вадима не сбылись: исторія со складною картинкой не разъединила его съ Лёлей,—напротивъ, на другой же день маленькая слѣпая была призвана въ господскій домъ; Анна Николаевна обласкала ее, и ей было позволено приходить каждый день въ извѣстный часъ играть съ Вадимомъ въ присутствіи старшихъ.

Digitized by Google

Это разрѣшеніе Лёлѣ приходить въ домъ сначала очень обрадовало Вадима; но, когда изо дня въ день Лёля стала являться въ домъ, онъ, къ удивленію своему, не находилъ больше той прелести въ бесѣдахъ съ ней, какую находилъ прежде, когда они видались тайкомъ въ паркѣ.

Игры шли вяло, разговоры тоже. Хотя Лёля и не видѣла устремленныхъ на нее пытливыхъ взоровъ Анны Николаевны, но она чувствовала стѣсненіе Вадима и сама стѣснялась. И мало по малу Лёля перестала приходить въ домъ.

Разъ какъ-то Анна Николаевна увидала слѣпую въ саду и подошла къ ней.

— Лёля, милая, сказала она ласково, почему ты больше не ходишь къ Вадиму?

Дѣвочка покраснѣла.

— Не знаю, сказала она, не хочется что-то.

— Ты разлюбила его?

— О, нѣтъ, нѣтъ, не разлюбила! съ силой воскликнула она.

Лёля появилась въ гостиной Свирскихъ только уже въ послѣднихъ числахъ сентября, когда въ усадьбѣ стали поговаривать о скоромъ отъѣздѣ господъ, но и въ эти послѣдніе дни дѣти не оживлялись.

Вадимъ шепотомъ, оглядываясь на мать, предлагалъ своей маленькой пріятельницѣ какую-нибудь игру. Но игра съ самаго начала не клеилась. Лёля съ своей стороны просила мальчика что-нибудь разсказать ей, что онъ такъ хорошо разсказывалъ въ саду, но языкъ его былъ точно связанъ.

Наканунѣ дня, назначеннаго къ отъѣзду, Лёлю привели въ барскій домъ.

Игра дѣтей по обыкновенію не ладилась. Передавая какую-то игрушку своей пріятельницѣ, Вадимъ нагнулся къ самому ея уху и прошепталъ:

— Уходи.

Та точно инстиктивно поняла его, не обидѣлась и, кивнувъ головой, тоже шепотомъ сказала:

— Хорошо.

Черезъ минуту, покраснѣвъ, какъ обыкновенно, когда онъ говорилъ съ матерью, Вадимъ объявилъ ей, что Лёля хочетъ домой,—не позволитъ-ли мама проводить ее?

— Зачѣмъ же тебѣ провожать, вели проводить Никитѣ или кому-нибудь изъ дѣвушекъ.

Digitized by Google

Свѣтлые глаза мальчика наполнились слезами. Онъ никогда не смѣлъ противорѣчить матери, но на этотъ разъ желаніе его было такъ сильно, что онъ рискнулъ протестовать.

— Мама, позволь пожалуйста, вымолвилъ онъ дрожащими губами, я... я... я... сейчасъ вернусь.

Поколебавшись и взвѣсивъ, вѣроятно, всѣ pro и contro, Анна Николаевна согласилась на просьбу сына, потребовавъ отъ него обѣщанія, что онъ вернется сейчасъ-же.

Дѣти, держась за руки, чинно вышли изъ гостиной. Но едва очутились они одни въ корридорѣ, какъ, точно послѣ долгой разлуки, они кинулись другъ-другу на шею и крѣпко обнялись. Послѣ этого они опять молча взялись за руки и, топоча ноженками, побѣжали по корридору въ дѣвичью.

— Вы куда, Вадимъ Григорьевичъ? крикнула имъ въ догонку Даша.

— Лёлю провожать, весело откликнулся Вадимъ, осторожно сводя слѣпую съ крутаго дѣвичьяго крыльца и опять пускаясь бѣгомъ по саду.

— Куда же ты? улыбаясь своею блаженною улыбкой и простирая впередъ свободную руку, кричала Леля.—Ты не домой меня ведешь! куда ты, миленькій?

Но Вадимъ, не отвѣчая, во всю прыть маленькихъ ножекъ, бѣжалъ въ паркъ, увлекая за собою свою маленькую пріятельницу.

Вскорѣ ножки ихъ усиленно стали шуршать по палому листу и путаться въ высокой высохшей травѣ. Вадимъ пошелъ тише, пробираясь въ чащѣ высокихъ кленовъ и липъ, почти совершенно обнаженныхъ теперь. И вотъ они очутились на полянѣ, гдѣ впервые узнали другъ-друга.

— Сядемъ, сказалъ Вадимъ, еле переводя дыханіе и покровительственно нагибаясь, чтобы усадить Лёлю на пенекъ.

Усадивъ ее, онъ самъ примостился бочкомъ около и обнялъ дѣвочку, чтобы не упасть. Дѣти оба молчали нѣкоторое время, переводя дыханіе.

— Вотъ тутъ опять хорошо и весело, первый заговорилъ Вадимъ, нагибаясь и заглядывая въ слѣпые глаза Лёли, какъ-будто въ нихъ онъ могъ прочесть, согласна она съ нимъ или нѣтъ.

— Да, тутъ весело, сказала дѣвочка, крѣпче прижимаясь къ Вадиму и блаженно улыбаясь. А я думала, что не можетъ быть хорошо и весело.

Digitized by Google

— И я тоже, воскликнулъ Вадимъ, радуясь, что мысли слѣпой такъ хорошо совпали съ его мыслями,—я изъ всѣхъ силъ старался, чтобы было весело, и всё вспоминалъ, что́ мы тутъ дѣлали такого, что такъ хорошо было, но я не могъ вспомнить... а ты?

— Я какъ-будто помнила.

— Помнила, а не повторила!

— Я не могла повторить, выговорила она какъ-то таинственно,—мѣшало...

— Вотъ и мнѣ... и знаешь,—оживленно прервалъ себя мальчикъ,—я даже пересталъ любить тебя, право! я вотъ совсѣмъ, совсѣмъ не любилъ тебя тамъ, и когда ты приходила, я совсѣмъ не радовался, и мнѣ становилось такъ скучно, скучно, скучно! А тебѣ было скучно? Ты переставала любить меня? опять съ любопытствомъ заглядывая ей въ лицо, спросилъ онъ.

Она покачала головою.

— Я не переставала, а вотъ скучно было, ску-чно, ску-чно! протянула она.

— Я знаю, почему тутъ весело, а тамъ скучно, таинственно сказалъ онъ. И глаза его заблистали какимъ-то фіолетовымъ блескомъ.—Это все волшебство!

— Какое волшебство?

— А вотъ какъ въ сказкахъ сказывается... Помнишь, я тебѣ разсказывалъ? Здѣсь, должно быть, живетъ добрая волшебница; сидитъ гдѣ-нибудь подъ кусточкомъ и радуется на насъ, когда намъ весело. Смотри, кажется чего хуже—листья съ деревьевъ облетѣли, стоятъ они голыя, сучья со всѣхъ сторонъ черные торчатъ, трава высохла, только листъ шумитъ подъ ногами—анъ нѣтъ! намъ весело: вѣроятно, добрая волшебница смотритъ на насъ съ синяго неба вмѣстѣ съ солнышкомъ, потому намъ и весело... А дома, продолжалъ онъ, хмуря брови, дома—навѣшаны сторы, гардины, не видно солнца, и темно, темно. И не добрая волшебница смотритъ на насъ, а мама смотритъ и боится, что я сдѣлаю что-нибудь дурное... А когда я чувствую, что она боится—и я боюсь, и мнѣ страшно и скучно.

Онъ вдругъ вспомнилъ, что мать его пустила только проводить Лёлю до дому.

— О, все равно, посидимъ еще!

Но Лёля не хотѣла болѣе сидѣть, не хотѣла подвергать наказанію своего маленькаго товарища.

Digitized by Google

Тутъ они вспомнили оба, что разстаются на долгую, долгую разлуку, и оба въ голосъ заплакали. И громко всхлипывая, держа другъ-друга за руку, побѣжали они обратно къ флигелю управителя. Тамъ они молча обнялись и поцѣловались.

Плача навзрыдъ, пробѣжалъ Вадимъ мимо Даши, которая укладывалась въ дѣвичьей, и забился въ дѣтской за любимый свой ящикъ съ игрушками.

Анна Николаевна была взволнована, она ожидала его возвращенія, чтобы излиться укорами, но, найдя его за ящикомъ въ слезахъ, она была обезоружена. Да и некогда было читать ему нравоученіе за непослушаніе, надо было укладываться.

На другой день утромъ Свирскіе уѣзжали. Степанъ Степановичъ Ивановъ, управитель, этотъ человѣкъ съ угрюмымъ, строгимъ взглядомъ, котораго Вадимъ боялся, провожалъ господъ. Несмотря на робость свою передъ этимъ человѣкомъ и на страхъ, что дѣлаетъ не то, что слѣдуетъ, въ самый послѣдній моментъ, передъ тѣмъ какъ садиться въ экипажъ, Вадимъ, вспомнивъ, что это отецъ Лёли, вдругъ бросился къ Иванову, протягивая руки. Широкоплечій гигантъ удивленно нагнулся къ ребенку, и тотъ обвилъ свои бѣленькія рученки вокругъ загорѣлой могучей шеи. Ивановъ, какъ перышко, поднялъ Вадима и, нѣжно прижавъ къ себѣ, понесъ къ экипажу.

Когда дормёзъ проѣзжалъ мимо домика управителя, на крыльцо высыпала вся многочисленная семья его, съ красавицей женой во главѣ; впереди всѣхъ, укутанная платкомъ, стояла Лёля. Всѣ кланялись, она одна стояла не кланяясь, вытянувъ шейку, съ широкооткрытыми глазами, и долго потомъ Вадиму чудились эти большіе, свѣтлые глаза, какъ-будто слѣдившіе за удалявшимся экипажемъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

А. В. Стернъ.

Digitized by Google

О Фаустѣ въ музыкальномъ изображеніи и о значеніи предмета въ музыкѣ вообще.

Въ Маріинскомъ театрѣ (въ Петербургѣ) изъ года въ годъ дается *Фаустъ*, дается кромѣ него *Мефистофель*; тотъ же *Фаустъ* идетъ на сценѣ всякой частной оперы, на какомъ-угодно языкѣ и съ какими-угодно средствами. И царитъ этотъ Фаустъ вотъ уже тридцать пять лѣтъ, и все еще не предвидится конца его царствованію. Я сказалъ просто „Фаустъ", а не *Фаустъ* Гуно, потому что ошибиться невозможно: масса меломановъ знаетъ только одного. Онъ сразу очаровалъ ее и сразу разозлилъ критику, что иногда тоже признакъ успѣха. Особенно разозлились тѣ, которые не могутъ видѣть передѣлки безъ того, чтобы не кричать о „святости" и „неприкосновенности" первоначальнаго произведенія и о „профанаціи". Естественно, что такихъ критиковъ всего больше нашлось въ Германіи, въ которой культъ своихъ національныхъ поэтовъ строже и ревнивѣе, чѣмъ гдѣ-либо; притомъ тутъ примѣшался „патріотизмъ", то-есть, въ переводѣ, давнишняя нелюбовь къ сосѣду. „*Французъ* осмѣлился къ гётевскому сюжету написать музыку, въ сравненіи съ которой *Марта* или *Прекрасная Елена*—шедѣвры." Такія и имъ подобныя фразы писались не сгоряча въ газетахъ, а солиднымъ манеромъ для книгъ; не помнящая себя ругань увѣковѣчена въ учебникахъ. Къ обще-германской кошачьей музыкѣ присталъ и Рихардъ Вагнеръ: „парижскій композиторъ... безъ всякаго честолюбія" закатываетъ, молъ, „переводъ гётевской поэмы на жаргонъ эффектничанія", нужный его бульварной публикѣ;" „отвратительное, слащаво-пошлое, на манеръ лоретокъ жеманное издѣліе, съ музы-

Digitized by Google

кою низменнаго таланта, желающаго пролѣзть куда-то и со страху хватающагося за всякое средство." (*Deutsche Kunst und deutsche Politik*, въ Gesammelte Schriften, 1873, томъ VIII, стран. 117). Но время сдѣлало свое, и теперь не только Нѣмцы вообще, но даже умѣренные вагнеристы, какъ Гуго Риманъ, говорятъ объ „отвратительномъ издѣліи" съ уваженіемъ, хотя и безъ энтузіазма. О другихъ народахъ и говорить нечего. „Фаустъ Гуно" давно уже пересталъ быть „Фаустомъ Гуно" и для оперной публики сдѣлался просто „Фаустомъ". Предшественниковъ, писавшихъ оперы на тотъ же сюжетъ, Гуно затмилъ своимъ эффектнымъ и трогательнымъ созданіемъ, да и преемникамъ своимъ надолго помѣшалъ браться за ту же задачу съ шансами серіознаго успѣха. Въ сферѣ концертной музыки мы имѣемъ *Фауста* Берліоза, причудливаго, массивнаго и эфирнаго, обаяніе котораго, при всей „учености" и (для большинства) неудобоваримости музыки, столько разъ наполняло слушателями огромныя залы; имѣемъ строгаго и скромнаго *Фауста* Шумана, мало извѣстнаго въ Россіи, но составляющаго въ Германіи предметъ культа и едва-ли не главную причину отвращенія, питаемаго Нѣмцами вообще (а не одними только шуманистами) къ берліозовскому *Фаусту*; имѣемъ неистовыя и судорожныя иллюстраціи Листа (симфонію—къ трагедіи Гёте, *Ночное шествіе* и вальсы Мефистофеля—къ отрывкамъ изъ поэмы Ленау); имѣемъ увертюры Рубинштейна, Рихарда Вагнера и другихъ, не говоря уже о „пѣсняхъ Маргариты" и подобныхъ лирическихъ произведеніяхъ, хотя и вдохновленныхъ *Фаустомъ* (и по бо́льшей части даже гётевскимъ *Фаустомъ*), но въ которыхъ связь съ его основною идеей чувствуется слабо. Трагедія Гёте въ большинствѣ случаевъ, а въ остальныхъ—самая легенда или другія ея поэтическія обработки настоящія сирены для композиторовъ. Изъ поколѣнія въ поколѣніе раздается ихъ призывный голосъ, бѣлѣетъ надъ морскою зыбью фантастическое тѣло и сулитъ незрѣлому юношѣ и искушенному опытомъ мужу сладкія мученія борьбы, сладкую награду торжества.

Мнѣ неоднократно случалось читать жалобы на это общее увлеченіе сюжетомъ, въ которомъ (какъ впрочемъ и въ другихъ) лавры доставались весьма и весьма немногимъ. Между прочимъ находятъ, что идея *Фауста*, какъ философская идея, представляетъ собой отвлеченность, все же отвлеченное—чуждо музыкѣ и не можетъ быть выражено ея языкомъ.

Digitized by Google

По этому поводу должно замѣтить, что разсужденія о непригодности Фауста, какъ „предмета“ или какъ „сюжета“ для музыки относятся къ ходячимъ разглагольствованіямъ о сюжетахъ и программахъ, какъ часть къ цѣлому. О томъ, что такой-то предметъ“ неудобенъ для музыки, недостаточно „лирическій“, недостаточно „серіозенъ“, слишкомъ „опереточенъ“, слишкомъ полонъ метафизики, слишкомъ „мелодраматиченъ“, слишкомъ отдаетъ „классицизмомъ“, недостаточно „романтиченъ“, недостаточно „драматиченъ“, слишкомъ близокъ къ нашей будничной дѣйствительности, слишкомъ далекъ отъ требованій современной жизни, слишкомъ полонъ или слишкомъ чуждъ злобы дня и вообще „недостоинъ свѣтлаго искусства божественныхъ звуковъ“, каждый изъ насъ, вѣроятно, начитался до-сыта. Трудно въ этой, съ такою любовью обработанной, хотя, повидимому, тѣсной области открыть или изобрѣсти что-нибудь новое. Придирки къ сюжетамъ въ операхъ, ораторіяхъ, кантатахъ, симфоническихъ поэмахъ и увертюрахъ составляютъ въ наши дни самый любимый пріемъ критики и самую модную тему разговоровъ между музыкантами. Предположите трехъ композиторовъ А, Б и В. Предположите, что разнесся слухъ, якобы А написалъ оперу *Семирамиду*, Б—симфоническую поэму *Илья Муромецъ*, а В—увертюру *Крейцерова Соната*. Въ такомъ случаѣ Б и В удивляются, какъ можно въ наши дни писать *Семирамиду*, А и В иронически спрашиваютъ, что Б нашелъ музыкальнаго въ Ильѣ Муромцѣ, а наконецъ А и Б негодуютъ на выборъ *Крейцеровой Сонаты*. У меня въ жизни бывали полосы, что я иного разговора почти не слышалъ. Въ теченіе одного сезона отъ октября до апрѣля я имѣлъ удовольствіе узнать отъ собесѣдниковъ, принадлежавшихъ къ разнымъ лагерямъ, что г. Римскій-Корсаковъ напрасно выбралъ сюжетомъ *Младу*, что Чайковскій напрасно выбралъ сюжетомъ *Пиковую даму*, что Масканьи напрасно выбралъ сюжетомъ *Сельскую честь*, что Масене напрасно выбралъ сюжетомъ *Эсмеральду*, что г. Глазуновъ напрасно выбралъ сюжетомъ *Море* и что Антонъ Григорьевичъ напрасно выбралъ сюжетомъ *Антонія и Клеопатру*. Иногда я думалъ, что неутомимое и нескончаемое ковырянье въ сюжетахъ происходитъ отъ неумѣнія сказать что-нибудь про суть дѣла, то есть, про музыку. Но нѣтъ: говоренью предаются не только невѣжды и наивные люди, а также и солидные музыканты и даже выдающіеся дѣятели. Особенно съ легкой руки Рихарда

Digitized by Google

Вагнера завелась эта манера судить *исполненіе* задачи по ея *замыслу* и заранѣе изрекать смертный приговоръ надъ цѣлою партитурой, основываясь на литературномъ разборѣ *текста*. Примѣръ такого упрощеннаго дѣлопроизводства можно найти хотя бы въ слѣдующемъ „внушеніи", одномъ изъ многихъ которыя онъ посылалъ въ лейпцигскую *Neue Zeitschrift für Musik*, органъ его рьяныхъ сторонниковъ, въ то время, когда онъ жилъ изгнанникомъ въ Цюрихѣ: „Недавно прислали мнѣ либретто *Странствованія Розы*. Отчего это никому не приходитъ въ голову схватить музыкальное произведеніе, подобное шумановскому, за самое основаніе, то-есть, прежде всего обличить чудовищное убожество поэмы, а потомъ спросить, каковъ же долженъ быть тотъ, кого подобное издѣліе можетъ вдохновить на большое сочиненіе, и чего наконецъ можно ждать отъ такой музыки". [1] Вѣра Вагнера въ губительную и спасительную чудотворную силу текста не имѣла границъ: относительно оперы онъ прямо находитъ, что хорошая ситуація въ либретто *замѣняетъ композиторскій талантъ*. „Въ музыкѣ Мейербера", говоритъ онъ въ своей книгѣ *Oper und Drama* (Gesammelte Schriften, 1873, томъ III, стр. 376), „обнаруживается такая пугающая пустота, мелкота и художественное ничтожество, что мы склонны—особенно въ сравненіи съ большинствомъ современныхъ ему композиторовъ—считать его музыкальное дарованіе равнымъ нулю." Но—„при очевидиѣйшей неспособности знаменитаго композитора собственными музыкальными средствами явить малѣйшій признакъ художественной жизни, онъ тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей оперной музыки возвышается до уровня безспорнѣйшаго, величайшаго дарованія. Эти мѣста—плоды дѣйствительнаго вдохновенія, и если ихъ разсмотрѣть ближе, мы поймемъ, чѣмъ вдохновеніе это было вызвано, а именно—дѣйствительно поэтическою ситуаціей. Тамъ, гдѣ поэтъ... слѣдуя по своему драматически-компилятивному пути, невольно натыкался на моментъ, въ который онъ могъ дышать свободнымъ, освѣжительнымъ воздухомъ человѣческой жизни—онъ и музыканту сообщалъ это окрыляющее дыханіе, и композиторъ, истощившій всѣ средства своихъ музыкальныхъ предшественниковъ и не могшій проявить ни одной черты настоящаго изобрѣтенія, теперь сразу пріобрѣталъ умѣніе найти богатѣй-

[1] *Richard Wagner's Briefe an Theodor Uhlig, Wilhelm Fischer, Ferdinand Heine*, Leipzig, 1888, письмо къ Улигу отъ 31 мая 1852 г.

Digitized by Google

шее, благороднѣйшее, душу охватывающее музыкальное выраженіе". Указавъ на „извѣстную, раздирающую любовную сцену въ четвертомъ дѣйствіи *Гугенотовъ*", Вагнеръ прославляетъ „дивно-поразительную мелодію въ Ges-dur, выросшую благоуханнѣйшимъ цвѣткомъ изъ ситуаціи, охватывающей всѣ фибры человѣческаго сердца сладкою болью,—мелодію, на ряду съ которой можно поставить лишь весьма немногое и, конечно, лишь совершеннѣйшее изъ области музыки... Мы принуждены съ восторгомъ убѣдиться, что способность къ правдивому художественному творчеству находитъ и на самаго испорченнаго кропателя музыки, коль скоро онъ вступаетъ въ область необходимости, которая сильнѣй его собственнаго, себялюбиваго произвола, и его превратное стремленіе внезапно къ его же благу обращается на истинный путь настоящаго искусства".

Конечно, если ноты пишетъ не „себялюбивый произволъ", то-есть, не самъ композиторъ, а всемогущая „необходимость", то-есть, ситуація, данная либреттистомъ, то незачѣмъ имѣть мелодическій даръ, незачѣмъ прислушиваться къ народной пѣснѣ, не зачѣмъ учиться контрапункту, незачѣмъ играть или пѣть классиковъ. Найди хорошаго либреттиста и спи безмятежнымъ сномъ: „необходимость" сама возьметъ перо въ руки и напишетъ во всякомъ случаѣ лучше тебя, простаго смертнаго. Одно только меня беретъ сомнѣніе: если два „испорченные кропателя музыки" оба возьмутъ скрибовскій текстъ и напишутъ каждый свою благоуханную мелодію, будетъ-ли она у обоихъ въ Ges-dur, или нѣтъ?

Кажется, что большинство не раздѣляетъ моихъ сомнѣній и либо приняло вагнеровское ученіе на вѣру, либо, не читавши Oper und Drama, самостоятельно дошло до сходнаго результата. Ибо отъ вопроса, какова музыка, все болѣе и болѣе отвиливаютъ, прячась за дешевую и безплодную критику поэзіи.

Закрываю скобку и возвращаюсь къ вопросу о *Фаустѣ*. Годится онъ для музыки, или нѣтъ?

Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ отличить *оперу* отъ вокальной піесы для *концертнаго* исполненія (ораторіи, отдѣльнаго хора, романса), а затѣмъ ту и другую отъ чисто-инструментальной піесы (симфоніи, увертюры, симфонической поэмы).

Я нахожу, что легенда о докторѣ Фаустѣ—*сюжетъ* въ высшей степени пригодный для лирической сцены, что отдѣльныя въ *Фаустѣ* Гёте лирическія стихотворенія въ высшей степени бла-

Digitized by Google

годарны для концертной вокальной музыки и, наконецъ, что *идея Фауста*, взятая въ самомъ общемъ и неопредѣленномъ смыслѣ, какъ нельзя болѣе музыкальна и потому способна воспламенить фантазію также чисто-инструментальнаго композитора (все равно: симфоническаго, камернаго или фортепіаннаго). Такимъ образомъ тяготѣніе къ этой идеѣ музыкантовъ въ теченіе вотъ уже скоро столѣтія вполнѣ понятно и законно.

Относительно оперы могло быть сомнѣніе, пока не существовало либретто Барбье и Карре, послужившее, какъ извѣстно, канвой для музыки Гуно. Но теперь сомнѣнію нѣтъ мѣста. Можно пожалуй найти, что это либретто—драматизованный фантастическій романъ, а не правильная драма съ завязкой и развязкой. Но точно такого же упрека заслуживаютъ добрыя девять десятыхъ всѣхъ оперныхъ либретто; въ данномъ же случаѣ отсутствіе узла и правильно-развитой интриги не вредитъ сценическому эффекту, но вредитъ внѣшнему успѣху піесы (о томъ, что оно не вредитъ его внутреннему, поэтическому достоинству нечего и распространяться). Впрочемъ, если ужь дѣлать упрекъ, то Гёте, а не Барбье и Карре, такъ какъ свободное, *эпическое* послѣдованіе сценъ они заимствовали именно у него. Для сценическаго композитора благодарна не легенда и не основная идея *Фауста*, а именно *исторія о Фаустѣ и Маргаритѣ*, то-есть, именно Гётевскій сюжетъ съ образомъ наивной, обольщенной, преступной и казненной мѣщаночки и съ аксессуарами народныхъ воскресныхъ сценъ, подброшеннаго ожерелья, любовнаго объясненія въ саду, терзанія передъ образомъ Богоматери, поединка между любовникомъ и братомъ и сцены сумасшествія въ темницѣ. Но драма Гёте не только допустила превосходную передѣлку въ оперное либретто, она и такъ, какъ есть, какъ ее задумалъ поэтъ, *требуетъ* музыки во многихъ своихъ частяхъ. Цѣлый міръ разнообразно-смѣняющихся настроеній и полныхъ жизни образовъ проносится въ драмѣ Гёте передъ зрителемъ или читателемъ; волны этой широкой рѣки захватываютъ и уносятъ самыя различныя художническія натуры; ихъ дѣйствіе на современнаго человѣка сильнѣе, чѣмъ дѣйствіе *Божественной Комедіи* или греческихъ трагиковъ. Особенно лирическія стихотворенія разбросанныя въ поэмѣ (пасхальный хоръ, хоръ солдатъ, хоръ духовъ, двѣ пѣсни и молитва Маргариты) до того просятся на музыку, что вѣроятно еще долго будутъ воспламенять творческую фантазію и становиться канвою для вокальныхъ сочиненій са-

Digitized by Google

мыхъ разнообразныхъ формъ, какъ въ отдѣльныхъ нумерахъ (напримѣръ, пѣсни Маргариты Шуберта, Глинки и др.), такъ и въ большихъ, цѣльныхъ музыкальныхъ иллюстраціяхъ поэмы, или для сценическаго исполненія (музыка къ *Фаусту* князя Радзивила, Линдпайнтнера, Фукса и многихъ другихъ), такъ и самостоятельно, для исполненія концертнаго (Шуманъ, Берліозъ).

Если, такимъ образомъ, Гётевская драма представляетъ для оперы—счастливую канву, для концертной вокальной музыки—массу вдохновляющаго элемента и въ цѣломъ и въ частностяхъ, она для чисто-инструментальной музыки, имѣетъ еще другое значеніе. Также какъ вокальной концертной, она и ей можетъ давать частности, можетъ вдохновлять композитора тѣмъ или другамъ эпизодомъ, тѣмъ или другимъ образомъ или характеромъ; но кромѣ этого въ инструментальной музыкѣ съ наибольшею свободой и шириной можетъ сказаться основная идея.

Здѣсь коренная противоположность моего воззрѣнія и того, которое гласитъ, что „музыкѣ недоступны философскія идеи“, обыкновенно прибавляя, что „дѣло музыки—выражать чувства.“ Нельзя, конечно, прямо утверждать обратное. Положеніе: „музыкѣ недоступно выраженіе чувствъ; ея дѣло—передавать философскія идеи,“ также не будетъ вѣрно, особенно во второй своей половинѣ; но оно гораздо ближе перваго къ истинѣ. Публика и особенно сами музыканты привыкли считать музыкальные звуки средствомъ, „которыми композиторъ изображаетъ любовь, мужество, благоговѣніе или восторгъ“ (цитую изъ несравненнаго писателя, впервые внесшаго свѣтъ въ путаницу музыкальной эстетики, изъ Эдуарда Ганслика). Восхищаются въ музыкѣ не столько ею самой, сколько „шопотомъ нѣжности, бурленіемъ воинственнаго духа“.

„Чтобы добраться до твердой почвы,“ продолжаетъ Гансликъ, „мы должны прежде всего безпощадно раздѣлить эти издавна сплоченныя метафоры. Шопотъ? Да, но отнюдь не „нѣжности“. Бурленіе? Да, но совсѣмъ не „воинственнаго духа“. Музыка имѣетъ одно, не имѣя другаго: она можетъ шептать, бурлить, шумѣть потокомъ, но любовь или гнѣвъ въ нее вносится лишь нашимъ собственнымъ сердцемъ“. Чувства въ душѣ нашей не стоятъ особнякомъ, а „вызываются представленіями, сужденіями, находятся въ связи со всею областью разсудочнаго и разумнаго мышленія... Чувство надежды неразрывно связано съ представленіемъ объ ожидаемомъ болѣе счастливомъ состояніи, кото-

Digitized by Google

рое мы сравниваемъ съ настоящимъ... Любовь немыслима безъ представленія о любимой личности, безъ желанія и стремленія осчастливить, превознести эту личность и обладать ею". На вопросъ: „что же въ чувствахъ можетъ изображать музыка, если не ихъ содержаніе?" Гансликъ послѣдовательно отвѣчаетъ: „Только *динамическую* въ нихъ сторону. Она можетъ подражать движенію психическаго процесса въ разсужденіи быстроты и медленности, силы и слабости, возрастанія и паденія. Но движеніе есть не болѣе какъ свойство чувства, его признакъ, но не оно само... Увѣреніе теоретиковъ, что музыка не имѣетъ задачей изображать отвлеченныя понятія—излишне; такой задачи не имѣетъ *ни одно искусство.* Само собою разумѣется, что предметомъ художественнаго воплощенія могутъ быть только *идеи*, то-есть, понятія ставшія живыми...

„Въ изысканіяхъ о сущности и дѣйствіи музыки до сихъ поръ страннымъ образомъ пренебрегали понятіемъ *движенія*", внѣ котораго „все, что въ музыкѣ намъ кажется изображеніемъ опредѣленныхъ состояній души, есть нѣчто *символическое*".

Впечатлѣніе средней руки читателя такое, что философъ грубою рукой вырвалъ у музыки самое драгоцѣнное, издавно признанное за нею достояніе. И не только сентиментальный любитель, но и музыкантъ-спеціалистъ—и тѣмъ болѣе, чѣмъ дороже и святѣе ему его искусство—протестуетъ съ негодованіемъ. Но то, что Гансликъ отнимаетъ у музыки одною рукой, онъ щедро возвращаетъ ей другою.

„Есть кругъ идей, которыя музыка собственными своими средствами можетъ выразить богатѣйшимъ образомъ. Таковы, сообразно съ воспринимающимъ органомъ, — всѣ тѣ идеи, которыя находятся въ связи съ доступными слуху измѣненіями въ силѣ, въ движеніи, въ пропорціяхъ,—напримѣръ, идея возрастанія, замиранія, движенія спѣшнаго или замедленнаго, затѣйливаго сплетенія, простаго движенія впередъ и т. п."

Какое все это имѣетъ отношеніе къ *Фаусту?*

На основаніи популярнаго взгляда, что дѣло музыки — выражать чувства, взгляда равно примѣняемаго къ вокальной и къ инструментальной музыкѣ—слѣдовало бы остерегаться тѣхъ сюжетовъ (или „задачъ" или „программъ"), въ которыхъ элементу чувства отведено мало мѣста, въ которыхъ, напримѣръ, надъ чувствомъ преобладаетъ образъ или мысль. Публика и музыканты равно вѣрятъ, что сюжетъ *чувствительный* гораздо музыкаль-

Digitized by Google

нѣе сюжета обильнаго внѣшнимъ дѣйствіемъ или картинностью. А такъ какъ самое красивое изъ чувствъ — любовь, то отъ посылки къ заключенію, отъ заключенія къ новой посылкѣ додумались или, вѣрнѣе, ощупью дошли до того, что любовь признана лучшимъ сюжетомъ, главнымъ „содержаніемъ“ музыки. Не одни итальянскіе композиторы приберегаютъ лучшія свои силы для сцены признанія, ревности, измѣны, конечной разлуки и т. д.: ихъ примѣру слѣдуютъ болѣе или менѣе всѣ, да и въ поэзіи любовь играетъ невѣроятно-большую роль, не соотвѣтствующую ея значенію въ дѣйствительной жизни. Въ инструментальной музыкѣ, разумѣется, то же самое, и если въ старину писались каприччіо „на отъѣздъ друга“ или сонаты „на исторію Товита“, то такая свобода, такое разнообразіе болѣе и болѣе съуживаются въ пользу программъ съ преобладающимъ любовнымъ характеромъ, изъ древнихъ и новыхъ поэтовъ, воспѣвавшихъ нѣжную страсть то въ эпосѣ, то въ лирикѣ, то въ драмѣ.

Намъ же, гансликіянцамъ, это пристрастіе музыкантовъ къ одному изъ чувствъ кажется такимъ же недоразумѣніемъ, какъ и вся „эстетика чувства“ (употребляя опять слово Ганслика), то-есть, какъ и все стремленіе выражать музыкой чувства. Въ любви даже особенно видно, что чувство находится въ связи съ мыслями, дѣйствіями и событіями, и что эстетическій интересъ его возбуждается не столько имъ самимъ, сколько этими условіями или сопровождающими обстоятельствами. Музыкальное же изображеніе дѣйствій или событій возможно только тогда, когда они (какъ было выше показано) представляютъ аналогію съ явленіями музыкальными, а выразить мысль—дѣло поэзіи или философіи.

Внѣшнія событія, которыхъ много и въ гётевской и въ другихъ обработкахъ сюжета, могутъ давать и даютъ прекрасный поводъ къ увертюрамъ, симфоническимъ поэмамъ и т. д., но не въ этомъ главная привлекательность *Фауста*. Его главная сила—тотъ общій характеръ броженія и неудовлетворенности, который имѣется во многихъ и лирическихъ и драматическихъ произведеніяхъ, названія которыхъ у всѣхъ на устахъ, но который у Гёте сказывается съ особенною сжатою силой, страстнымъ паѳосомъ и чарующею простотой. Общая идея *Фауста*—вотъ что манитъ и будетъ манить композиторовъ, потому что она-то именно и музыкальна въ высшей степени.

Есть люди, острящіе надъ *Нирваной* Ганса фонъ-Бюлова. Поль-

Digitized by Google

зуясь тѣмъ, что Бюловъ, при извѣстной ловкости, при отличномъ слухѣ и самомъ возвышенномъ стремленіи, не имѣлъ оригинальнаго творчества, былъ даже менѣе изобрѣтателенъ своего прототипа Листа и писалъ, такъ же какъ и Листъ, не для массы, они говорятъ: „вотъ ужь подлинно *Нирвана*,—вотъ музыка вполнѣ дающая ничтожество,—ничтожество такъ и зіяетъ въ каждомъ тактѣ“ и т. д.

Я думаю, что авторъ такихъ прекрасныхъ критическихъ статей, какіе писалъ Бюловъ (между прочимъ и о русской музыкѣ) не задавался задачей изобразить математическій нуль. Изобразить ничто въ музыкѣ невозможно, потому что невозможно въ искусствѣ вообще; немузыкальность предмета здѣсь входитъ въ его неэстетичность, какъ часть въ цѣлое. Нулю мѣсто въ математикѣ, понятію „ничто“ — въ метафизикѣ.

Симфоническая поэма вполнѣ можетъ называться „Нирваной“ и не только быть хорошею музыкой, но и по характеру вполнѣ подходитъ къ *идеѣ* буддійскаго ученія, и даже не съ одной стороны. Она можетъ, согласно духу этого ученія, выразить тревогу и мракъ земнаго искуса въ контрастѣ съ вѣчнымъ покоемъ; она можетъ даже (если понять названіе *иронически*) изобразить одну тревогу, одинъ мракъ, какъ-бы говоря, что погруженіе въ ничто—недостижимый идеалъ, и что все живое осуждено вѣчно влачить вериги бытія. Для меня недостатокъ сюжета „Нирваны“ совсѣмъ въ другомъ: слово это означаетъ состояніе, а не процессъ, косность, а не стремленіе, такъ что музыкальная иллюстрація, если будетъ стремиться къ возможной вѣрности и выпуклости, то рискуетъ впасть въ подражаніе неподвижнымъ произведеніямъ изобразительныхъ искусствъ, если же не захочетъ насиловать природу искусства звуковъ, то будетъ принуждена съ особеннымъ удареніемъ говорить о фазисахъ *приготовительныхъ* къ Нирванѣ, то-есть, давать поэтической идеѣ весьма распространительное толкованіе.

То ли дѣло идея Фауста! Какая неизъяснимая прелесть въ представленіи этой титанической борьбы, этого отчаяннаго стука въ запертыя на вѣки ворота! Здѣсь не одинъ застывшій моментъ, а нескончаемая линія, которую вы вольны представить себѣ какъ рядъ состояній или какъ безостановочное движеніе. Между чистою идеей и ея музыкальнымъ изображеніемъ промежуточная ступень—поэтическое воплощеніе—можетъ принимать несравненно болѣе разнообразныхъ видовъ, нежели въ *Нирванѣ:* въ *Фа-*

Digitized by Google

уста вопросъ богословскій или вообще религіозный окружается и усложняется цѣлою вереницей другихъ вопросовъ, потому что умственная атмосфера трехъ поколѣній пріучила насъ видѣть въ Фаустѣ воплощеніе всякаго неразрѣшеннаго вопроса духа, всякаго неосуществленнаго стремленія къ обладанію высшими благами. Оспаривать пригодность такой задачи для музыки значитъ закрывать глаза на тотъ фактъ, что многія другія поэтическія воплощенія идеи тождественной или сходной съ идеей Фауста также, хотя не въ той же степени, плѣняли и вдохновляли музыкантовъ. Что такое *Манфредъ* Шумана и первая часть *Манфреда* Чайковскаго, что такое *Прометей* Листа, какъ не варіаціи на фаустовскую тему, записанную съ голоса не Гёте, а Гердера и Байрона? Я не открою Америки, если скажу, что даже Донъ-Жуанъ (не Донъ-Жуанъ того или другаго поэта, а опять-таки чистая *идея* Донъ-Жуана) очень близокъ къ фигурѣ виттенбергскаго чернокнижника. Ибо Донъ-Жуанъ, хотя не богословъ, не метафизикъ и вообще не одержимъ никакими идеальными стремленіями ниже сомнѣніями, все-таки по своей ненасытной погонѣ за наслажденіемъ и по своей сатанинской гордости принадлежитъ къ той же семьѣ безсмертныхъ и, въ глубинѣ души, любимыхъ нами безумцевъ, стремящихся „объять необъятное“. Я думаю, что если бы Моцартъ прожилъ лѣтъ на пятнадцать, на двадцать долѣе, онъ подарилъ бы міру своего *Фауста;* теперь же мы имѣемъ родственное, тѣсно связанное съ фаустовскою идеей изліяніе его могучаго и страстнаго духа во второмъ финалѣ Донъ-Жуана, въ сценѣ командора на ужинѣ.

Мнѣ хочется пойти еще на одинъ шагъ далѣе. Лѣтъ десять тому назадъ, въ статьѣ *По поводу концерта посвященнаго Бетховену* я дерзнулъ сказать, что первое аллегро бетховенской симфоніи-кантаты на *Радость* Шиллера (сочиненія неправильно называемаго *Девятою Симфоніей*), есть музыкальная передача или музыкальное выраженіе идеи *Фауста*, и по этому поводу прибавилъ, что гётевскій Фаустъ — музыкальнѣйшее изъ всѣхъ произведеній литературы. „Могу ли я“—продолжалъ я — „покушаться на такое смѣлое толкованіе чисто инструментальной композиціи, не впадая тѣмъ самымъ въ противорѣчіе съ собою, не измѣняя основнымъ началамъ ганслікіанства?.. Можетъ-ли инструментальная музыка *выражать* что-нибудь опредѣленное? *Что-нибудь опредѣленное*—нѣтъ, но идею *Фауста*, именно Фауста, да, ибо идея эта далеко заходитъ за предѣлы всякаго

Digitized by Google

частнаго, точнаго и словеснаго опредѣленія... Міровая скорбь допускаетъ такъ много отдѣльныхъ словесныхъ толкованій, каждое чувство Фауста допускаетъ такъ много переводовъ на языкъ логическаго мышленія, что вся поэма... стоитъ на порогѣ двухъ искусствъ, что она дѣйствуетъ на насъ съ непосредственною силой аккордоваго послѣдованія... Она есть воплощеніе *диссонанса* въ самомъ общемъ и идеальномъ смыслѣ слова. Для достиженія такого невѣроятнаго дѣйствія Гёте долженъ былъ превозмочь самое свойство языка, на каждомъ шагу увлекавшаго его въ сферу осязательныхъ образовъ и логически яснаго мышленія" (какъ видитъ читатель, я въ той статьѣ не такъ строго, какъ нынѣ, дѣлаю различіе между *поэмой* Гёте во всей ея совокупности и *идеей* поэмы). Бетховену въ его сферѣ задача была легче, и безо всякаго виртуознаго усилія съ его стороны геніальное аллегро его мечется и плачетъ, стонетъ и бушуетъ, какъ океанъ безбрежнаго и безвыходнаго страданія.

Я дерзнулъ, вопреки самымъ элементарнымъ требованіямъ Гансликовой теоріи, *подсунуть* инструментальному сочиненію поэтическій смыслъ, самимъ композиторомъ не обозначенный. Положимъ, сочиненіе это — первая часть якобы симфоніи, въ которой четвертая часть замѣнена большимъ хоромъ съ партіями соло, и такъ какъ характеръ этой первой части рѣзко контрастируетъ съ характеромъ послѣдней, слова которой на лицо, то мы, выражая словами идейное содержаніе, *противоположное* съ тѣмъ, которое находимъ въ словахъ этого хора, не рискуемъ очутиться слишкомъ далеко отъ истины. Но отъ идеи вообще противоположной идеѣ шиллеровской *Радости* до фаустовской идеи еще довольно далеко.

Боюсь, что, по скудости таланта или по слабости философскихъ знаній, я недостаточно сильно, отчетливо и убѣдительно выскажу свою мысль. Скажу какъ умѣю. Мнѣ сдается, что музыка въ существѣ своемъ имѣетъ нѣчто сродное основной идеѣ *Фауста*. Стремленіе „объять необъятное", разрѣшить міровую борьбу въ конечномъ примиреніи, найти полный отвѣтъ на сомнѣнія духа, мнѣ кажется сходнымъ со многими явленіями нашего искусства: со стремленіемъ музыкальнаго диссонанса къ разрѣшенію, со стремленіемъ возбужденнаго ритма піесы къ конечному замедленію и т. д. Конечно, аналогическія явленія замѣчаются въ каждомъ искусствѣ и даже можно сказать, что идея примиренія контрастовъ лежитъ въ основаніи всякаго ху-

Digitized by Google

дожественнаго творенія (какъ лежитъ она въ основаніи любви, понимаемой въ самомъ реальномъ и въ самомъ идеальномъ смыслѣ), но мнѣ нравится именно *неопредѣленность*, составляющая особенность вожделѣній Фауста. Его желанія такъ обширны, что элементъ *динамическій* въ нихъ преобладаетъ надъ содержаніемъ: превратившись въ юношу и отдавши богословіе и чернокнижіе за Маргариту, Фаустъ въ сущности не перемѣнился, и прежняя жажда, подъ новымъ названіемъ, уноситъ его дальше и дальше, дразня надеждой найти обѣтованный ключъ. Не та ли же неопредѣленность съ тѣмъ же характеромъ *движенія* господствуетъ и во всемъ царствѣ музыки? Быть можетъ Шопенгауеръ, когда онъ говорилъ, что музыка есть „изображеніе воли", разумѣлъ подъ этимъ другое (изъ его дальнѣйшихъ разсужденій о музыкѣ, пожалуй, что такъ и выходитъ), но я легко могу перевести это опредѣленіе на мой языкъ и сказать, что всеобщее въ мірѣ стремленіе, всеобщее тяготѣніе къ чему-то неизвѣстному, желательному и примирительному, представляетъ аналогію съ стремленіемъ *Фауста* (или вѣрнѣе, что Фаустъ—отдѣльный примѣръ, отдѣльная иллюстрація этого тяготѣнія) и что языкомъ этого всеобщаго тяготѣнія, столь же неопредѣленнымъ какъ оно, мнѣ (въ числѣ другихъ языковъ, быть-можетъ, безконечно многихъ) представляется музыка.

Я высказалъ не болѣе, какъ личное мнѣніе. Если оно справедливо, то снисходительность великаго основателя моей вѣры къ инструментальной музыкѣ съ поэтическими заглавіями и программами—снисходительность неоднократно имъ выказанная въ качествѣ музыкальнаго рецензента—получитъ новое оправданіе. Но и тогда, еслибъ я ошибался, ганслиціанцы сохранили бы полное право оставаться при своемъ ученіи и въ то же время признавать „програмную музыку вообще и восхищаться отдѣльными ея произведеніями за близость и вѣрность „изображенія". Мы только желаемъ, чтобы гиперболическое или метафорическое употребленіе словъ не принималось за буквальное. Повторяю еще разъ, что давать *адекватное* выраженіе чувства, *адекватное* изображеніе объекта, музыка не въ состояніи. Но было бы ослѣпленіемъ отрицать, что ея феномены представляютъ *аналогію* съ феноменами жизни и что вдохновенный композиторъ можетъ пользоваться этими сходствами для кажущагося изображенія, для кажущагося выраженія предмета или чувства. Районъ „кажущагося"—цѣлая обширнѣйшая градація между неловкою по-

Digitized by Google

пыткой подражать музыкѣ и геніально-схваченнымъ сходствомъ, какъ на портретѣ, писанномъ великимъ живописцемъ. Нужно только помнить, что это сходство съ натурой можетъ *совмѣщаться* съ красотой музыки, но отнюдь ея не *составляетъ* и даже отъ нея не *зависитъ*, какъ и она отъ него.

Цѣль моя была заступиться за композиторовъ, пишущихъ каждый своего вокальнаго или инструментальнаго *Фауста*. Но, возвращаясь къ началу моей статьи, я нахожу, что защита именно этого выбора есть только отдѣльный примѣръ, отдѣльное примѣненіе положенія болѣе общаго. Отрицая въ музыкѣ *необходимую* связь между поэтическимъ текстомъ или программой и звуками, сочиненными на этотъ текстъ или по поводу этой программы, и признавая только свободную, болѣе или менѣе чистую связь, болѣе или менѣе уловимую аналогію, мы, конечно, весьма ограничиваемъ значеніе „выраженія“ въ музыкѣ и изъ рѣшающаго верховнаго фэктора низводимъ его на степень вполнѣ терпимаго иногда красиваго придатка. Но—какъ мнѣ кажется—послѣдовательно-проведенное ученіе Ганслика, непремѣнно должно раздвинуть область предметовъ, дозволительныхъ въ музыкальной иллюстраціи, расширить и углубить бассейнъ, изъ котораго черпаются тексты для вокальныхъ сочиненій или заглавія и программы для сочиненій. Однимъ словомъ, мы должны открыть музыкѣ новыя перспективы или оправдать въ ней массу явленій, до сихъ поръ считавшихся грустными или смѣшными.

Музыка и не такъ умна, и не такъ краснорѣчива, какъ думаютъ многіе; но она вполнѣ такъ же поэтична, какъ тотъ суррогатъ или комментарій поэзіи, который исправляетъ ея должность у Спенсера, у Адольфа-Бернгарда Маркса, у Карьера, у Рихарда Вагнера, у Амброса, а также у всѣхъ почти русскихъ музыкальныхъ критиковъ (назову хотя бы почтеннаго патріарха нашихъ передовыхъ эстетиковъ, В. В. Стасова). Затѣмъ она гораздо пластичнѣе, податливѣе и многостороннѣе, чѣмъ думаютъ тѣ же искатели „чувства“ и „опредѣленныхъ образовъ“. Способная выражать общія идеи (какъ выше было показано), она столь же способна изображать внѣшній, матеріальный міръ, во всемъ, что онъ имѣетъ подвижнаго, во всѣхъ явленіяхъ, связанныхъ съ временемъ. Здѣсь совсѣмъ не идетъ рѣчь о *звукоподражаніи*, составляющемъ лишь самую отдаленную и незначительную окраину громаднаго царства. Музыкальное изображеніе тѣмъ похоже на объектъ, что оно есть родъ *движенія*, что оно живетъ во

Digitized by Google

времени. Я, напримѣръ, вполнѣ могу, даже не безъ нѣкотораго сердечнаго трепета могу представить себѣ симфоническую поэму, изображающую контрастъ между кометнымъ міромъ и міромъ планетъ. Разумѣется, безъ надписи вы не догадаетесь, въ чемъ дѣло. Но негодовать или смѣяться намъ рѣшительно незачѣмъ.

А затѣмъ—если бы даже выборъ сюжета для оперы, поэтическаго текста для концертнаго сочиненія, программы или заглавія былъ сдѣланъ съ нѣкоторымъ уклоненіемъ отъ прямыхъ задачъ музыки или хотя бы искусства вообще—неужели вы такъ увѣрены, что сочиненіе ложное въ цѣломъ, ложное въ первоначальномъ замыслѣ, ни въ какомъ случаѣ не вознаградитъ васъ достоинствомъ выполненія, силою и граціей подробностей? Изъ корня, повидимому, нездороваго или поврежденнаго, можетъ развиться растеніе, если не идеально-стройное, то все же дарящее насъ прекрасными и благоуханными цвѣтами. Есть въ архитектурѣ произведенія, планъ которыхъ основанъ на мѣстныхъ условіяхъ, или на соображеніяхъ практической пользы, повидимому, убійственныхъ для свободной игры вдохновенія. И между тѣмъ, такія произведенія содержатъ геніальныя красоты.

Важнѣе всего, драгоцѣннѣе всего, святѣе всего, чтобы сюжетъ нравился художнику, чтобы въ выборѣ художникъ былъ свободенъ отъ внѣшняго давленія (между прочимъ и отъ *нашего*, отъ давленія теоретиковъ), чтобы онъ въ избранномъ имъ сюжетѣ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ. Если Богъ далъ ему талантъ, если техника его здоровая и крѣпкая, если стремленіе его честное, если, наконецъ, къ нему хотя въ гости являются собственныя мысли и собственныя настроенія, то, повѣрьте, онъ и на самомъ уродливомъ семи-угольникѣ выстроитъ зданіе полное чувства и фантазіи, онъ и на страничку изъ адресъ-календаря напишетъ речитативъ или романсъ, полный юмора и аттической соли.

Кстати объ аттической соли. Я нахожу, что музыка и къ воспроизведенію комическаго чрезвычайно способна, и что напрасно композиторы такъ мало пользуются этою ея стороной (прости меня тѣнь Гервинуса, прости угрюмый Моцарто-ненавистникъ!) Сколько вы ни будете стараться о вѣрности „принципу“, сколько вы ни будете стоять проглотивши аршинъ, вы не будете художникомъ, если въ васъ нѣтъ живой искры, свободнаго духа, индивидуальности, ревниво охраняющей свою независимость. И наоборотъ: если они въ васъ есть, вы рано или поздно придете къ тому, что въ силу требованій этого духа, этой искры вы по-

Digitized by Google

жертвуете строгимъ проведеніемъ принципа. Скажу еще разъ: изъ начала противорѣчиваго и чреватаго мрачными предсказаніями *можетъ* вырости нѣчто такое, что мы найдемъ достойнымъ и уваженія, и любви и съ чѣмъ мы ни подъ какимъ видомъ не согласились бы разстаться.

Развѣ не то же видимъ мы и въ дѣйствительной жизни? Въ старину браки заключались увозомъ въ мирное время, а въ военное—заборомъ плѣнныхъ и распродажей по сходной цѣнѣ; въ наше время, говорятъ, они наоборотъ являются иногда результатомъ коммерческой сдѣлки между родителями. А между тѣмъ, вопреки и логикѣ и этикѣ, вопреки здравому смыслу, вопреки очевидности—наградой преступленія часто является долгое, невозмутимое обоюдное счастіе.

Г. Ларошъ.

Digitized by Google

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ БѢЛОМЪ ШАРФѢ.

Разсказъ.

Петръ Ивановичъ Волковъ очень удивился, когда слуга доложилъ ему, что его желаетъ видѣть Николай Николаевичъ Столешниковъ. Давно уже не видались они и никогда не переписывались, хотя еще въ полку были очень дружны. Среди товарищей-гусаровъ ловкій и красивый Столешниковъ считался однимъ изъ самыхъ блестящихъ офицеровъ; на балахъ, на смотру, на пирушкахъ, всюду онъ былъ изъ первыхъ; затѣвалась ли какая-нибудь отчаянная продѣлка, грозила ли дуэль или надо было выручить товарища изъ бѣды — Николай Николаевичъ всегда являлся главнымъ дѣятелемъ. Его любили и солдаты и офицеры.

Хорошее это было время! Петръ Ивановичъ Волковъ—теперь женатый, семейный человѣкъ — чувствовалъ, какъ съ плечъ его спадала добрая половина прожитыхъ имъ сорока пяти годовъ, чуть рѣчь заходила про полкъ, про молодость, про товарищей.

Оба пріятеля оставили полкъ почти одновременно, лѣтъ десять тому назадъ. Столешниковъ не могъ продолжать службу въ гусарахъ; его значительное состояніе было окончательно запутано. Онъ вышелъ въ отставку и, послѣ двухлѣтняго пребыванія за границей, поселился въ Москвѣ, у брата. Волковъ встрѣчалъ иногда ихъ обоихъ. Дѣла Николая Николаевича были въ то время не блестящи, и Волкову казалось, что онъ стѣснялся и какъ будто сторонился отъ него. Въ это время, какъ разъ кстати, скончался какой-то дядя, оставившій Столешнико-

Digitized by Google

вымъ большое наслѣдство. Бывшій гусаръ отправился хозяйничать въ доставшееся ему имѣніе и только во время своихъ рѣдкихъ пріѣздовъ въ Москву видался съ Волковымъ. Въ послѣдній свой пріѣздъ, лѣтъ пять тому назадъ, Столешниковъ сообщилъ своему товарищу, что собирается жениться.

— Достойная, достойная женщина! повторялъ онъ, не называя ея;—въ сорокъ лѣтъ нельзя оставаться холостякомъ.

Но свадьба эта почему-то разстроилась, и съ тѣхъ поръ, вотъ уже почти пять лѣтъ, Столешниковъ безвыѣздно жилъ въ деревнѣ.

— Все зову его сюда... а то онъ тамъ совсѣмъ одичаетъ, говорилъ Волкову на вопросъ о братѣ младшій Столешниковъ;— сочинительствомъ занимается, пишетъ что-то по сельскому хозяйству.

Понятно, какъ обрадовался Петръ Ивановичъ, когда ему доложили о пріѣздѣ стараго товарища.

— Другъ! вотъ обрадовалъ!! воскликнулъ онъ, съ объятіями бросаясь на встрѣчу гостя.

Николай Николаевичъ былъ мужчина средняго роста; съ глубокою морщиной на лбу, совершенно сѣрыми волосами и утомленнымъ взглядомъ, онъ казался много старше своихъ сорока пяти лѣтъ. Онъ отпустилъ бороду, и Волковъ не узналъ бы его, если бы—не правильныя, красивыя черты, не та же молодецкая походка, которая такъ шла къ гусарскому мундиру.

— Узналъ ли? Очень ли я постарѣлъ? спрашивалъ пріѣзжій, пытливо вглядываясь въ лицо хозяина.

Волковъ тоже глядѣлъ на своего друга, положивъ ему руки на плечи; подъ вліяніемъ взгляда Столешникова, онъ невольно смягчилъ свой отзывъ.

— Нѣтъ, не очень. Вонъ волосы посѣдѣли... къ тому же борода... Что же, братецъ, годы наши такіе. Вотъ у меня уже сыну скоро десять. Ну, а я какъ?

— Ты совсѣмъ молодцомъ. Только вотъ волосъ что-то... гдѣ же твои кудри? Помнишь, какъ про тебя написали: „шелковыя, золотистыя“...?

— Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ!.. трагически продекламировалъ Волковъ.—Ты, конечно, съ нами обѣдаешь; жена будетъ такъ рада.

Гость съ замѣшательствомъ поглядѣлъ вокругъ и поправилъ свой галстухъ.

— Видишь-ли,—сказалъ онъ, помолчавъ,—мнѣ сегодня не-

Digitized by Google

возможно... совершенно невозможно. Знаешь, когда пріѣдешь не надолго, то столько дѣлъ. Не сердись на меня, Волковъ...

— Ну, братецъ, и одичалъ же ты! вырвалось у Петра Ивановича,—вѣдь ты просто стѣсняешься; ты, голубчикъ, совсѣмъ отъ людей отвыкъ.

Столешниковъ смутился еще болѣе.

— Право же... пробормоталъ онъ,—невозможно, увѣряю тебя.

— Экій, право... ну, дѣлай, какъ знаешь. На сегодня я тебя прощаю, но въ другой разъ—ужь не взыщи: не выпущу, и дѣло съ концомъ!

— А что—вдругъ спросилъ гость, прерывая короткое молчаніе и недовѣрчиво глядя на хозяина:—правда, скажи—одичалъ я? ты находишь меня страннымъ?

Онъ съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта, что Волкову снова показалось неудобнымъ открыто выразить свое мнѣніе.

— Пять лѣтъ безвыѣздно просидѣть въ берлогѣ,—уклончиво отвѣтилъ онъ,—это хоть кто одичаетъ.—Я слышалъ, ты книгу пишешь о сельскомъ хозяйствѣ?—прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Пишу. Да плохо подвигается. Послѣдній годъ я вовсе залѣнился.

— О чемъ же собственно ты пишешь?

Столешниковъ въ нѣсколькихъ словахъ довольно безучастно разсказалъ содержаніе своего труда и замолкъ, устремивъ взоръ въ пространство.

„Однако, какъ онъ постарѣлъ!“—подумалось Волкову.

Онъ попробовалъ заговорить о прошломъ, о товарищахъ. Гость нѣсколько оживился, съ любопытствомъ разспрашивалъ: гдѣ такой-то? что сталось съ тѣмъ-то?

Посидѣвъ съ полчаса, онъ всталъ и простился. Хозяинъ проводилъ гостя до крыльца, взявъ съ него обѣщаніе зайти на дняхъ.

Пока Николай Николаевичъ черезъ дворъ направлялся къ воротамъ, Волковъ остановился на крыльцѣ, лаская свою охотничью собаку, которая лѣниво потягивалась и помахивала хвостомъ.

Надъ Москвой стоялъ ясный весенній день; солнце пригрѣвало такъ пріятно. Изъ сада, рѣшеткой отдѣленнаго отъ двора, доносился запахъ цвѣтущей сирени, слышались веселые голоса дѣтей Волкова.

Петръ Ивановичъ прислушался къ этимъ звонкимъ голосамъ, заглушаемымъ шумомъ города.

Digitized by Google

„Постарѣлъ, постарѣлъ“... подумалъ онъ про Столешникова.

Вдругъ собака подняла голову, насторожила уши и залаяла. Отъ воротъ къ крыльцу бѣжалъ человѣкъ; Волковъ съ удивленіемъ узналъ Столешникова и понялъ, что произошло нѣчто необычайное. Пріятель его былъ блѣденъ, какъ полотно, выраженіе ужаса застыло въ его широко-раскрытыхъ глазахъ.

— Что съ тобою? Милый другъ, что случилось? спрашивалъ Волковъ, поймавъ его дрожащую руку.—Воды... воды скорѣе... торопливо говорилъ онъ подбѣжавшимъ дворнику и лакею.

Столешниковъ тащилъ Волкова въ комнаты.

— Войдемъ... шепталъ онъ.

Обнявъ и поддерживая своего пріятеля, Петръ Ивановичъ провелъ его черезъ переднюю и гостиную въ кабинетъ, гдѣ и усадилъ его въ удобное кресло. Николай Николаевичъ послушно сѣлъ и закрылъ лицо рукой. Человѣкъ принесъ воды.

— Вотъ, выпей... сказалъ Волковъ, подавая стаканъ. — Не послать ли за докторомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... поднимая голову, почти съ испугомъ проговорилъ Столешниковъ.

Но руки его сильно дрожали, и онъ расплескалъ на себя воду изъ стакана.—Когда лакей вышелъ, онъ быстро обратился къ Волкову:

— Не надо доктора. Ничего не надо. Сейчасъ пройдетъ. Только не уходи... побудь со мною.

Они сидѣли молча другъ около друга. Столешниковъ, казалось, началъ постепенно успокоиваться.

— Извини, Волковъ, сказалъ онъ наконецъ,—я напугалъ тебя... это бываетъ со мною.

— Нервный припадокъ. Тебѣ надо лѣчиться.

Николай Николаевичъ махнулъ рукой и раздраженно промолвилъ:

— Совсѣмъ не надо... не вылѣчатъ.

— Полно; отчего же нѣтъ?

Столешниковъ поблѣднѣлъ и въ сильномъ раздраженіи стукнулъ кулакомъ по ручкѣ кресла.

— Не надо. Говорю, не вылѣчатъ... крикнулъ онъ въ порывѣ внезапнаго гнѣва.

Волковъ промолчалъ.

„Вонъ онъ какой нервный сталъ, думалось ему,—что это съ нимъ?“

Digitized by Google

Видимо смущенный всѣмъ случившимся, Столешниковъ долго сидѣлъ насупившись; потомъ, успокоившись немного, онъ заговорилъ тихимъ голосомъ:

— Я погорячился... не сердись на меня, Волковъ. Если бы ты только зналъ, до какого больнаго мѣста ты дотронулся...

Такая глубокая боль, такое страданіе звучали въ этихъ словахъ, что Волковъ съ горячимъ сочувствіемъ обратилъ къ собесѣднику свое доброе лицо.

— Я вижу, братецъ — у тебя есть что-то на душѣ... ласково и сердечно вымолвилъ онъ.

У гостя на глазахъ навернулись слезы, и онъ крѣпко пожалъ пріятелю руку. Въ немъ видимо происходила борьба; ему хотѣлось сказать что-то, но онъ долго не рѣшался.

— Ты знаешь, милый другъ, сказалъ онъ наконецъ,—какъ я всегда любилъ тебя... Я хочу сказать тебѣ—тебѣ одному,—что со мною происходитъ и что меня мучитъ. Обѣщай мнѣ только, что эта тайна умретъ съ нами. Я не рѣшился ее повѣрить ни одному живому существу... обѣщаешь?

— Обѣщаю... произнесъ Волковъ, съ безпокойствомъ глядя на вновь измѣнившееся лицо пріятеля, на его забѣгавшіе глаза.

Столешниковъ собрался съ силами и тихо, едва слышно выговорилъ:

— Есть одно ужасное существо, которое меня мучитъ вотъ уже больше трехъ лѣтъ... Я сейчасъ опять видѣлъ его.

Волковъ съ изумленіемъ глядѣлъ на гостя.

— Мучитъ тебя?.. сказалъ онъ;—но чѣмъ же?

— Онъ подходитъ ко мнѣ... и глядитъ и какіе-то знаки дѣлаетъ. Ты знаешь, я никогда не былъ трусомъ, но „этотъ“ для меня просто ужасенъ—онъ странную власть надо мною имѣетъ.

— Кто же онъ?

— Не знаю.

— Гдѣ онъ живетъ? Гдѣ ты его встрѣчаешь?

Столешниковъ нервно замахалъ руками.

— Не спрашивай... Не спрашивай... съ отчаяніемъ произнесъ онъ и, помолчавъ мгновеніе, прибавилъ:—въ томъ-то все и дѣло, что онъ всюду, какъ тѣнь, слѣдуетъ за мною, хотя появляется лишь изрѣдка... мнѣ кажется иногда, будто я знаю, что онъ такое...

— Ну? въ волненіи проговорилъ Волковъ.

Столешниковъ не отвѣчалъ, но такая странная улыбка скольз-

Digitized by Google

нула по его губамъ, что Петръ Ивановичъ не рѣшился повторить вопроса.

„Онъ сумасшедшій"... мелькнуло въ его головѣ.

Они нѣсколько мгновеній молчали и такъ пристально глядѣли другъ другу въ глаза, что у обоихъ выступили слезы.

Вдругъ Николай Николаевичъ порывисто откинулся назадъ и измѣнившимся, упавшимъ голосомъ сказалъ:

— Я знаю... Ты думаешь, что я сошелъ съ ума.

Волковъ постарался овладѣть собою.

— Другъ мой, сказалъ онъ, какъ могъ спокойнѣе, — ты боленъ, у тебя нервы разстроены... это галлюцинація.

— Галлюцинація... Столешниковъ грустно усмѣхнулся.—Увѣряю тебя, что я бы сталъ лѣчиться, если бы это было такъ... Но развѣ призракъ можно ударить? Чувствовать его прикосновеніе? Нѣтъ, ты не увѣришь меня, что я боленъ... Всѣми своими чувствами я владѣю вполнѣ, и я знаю, что онъ существуетъ... что для меня эта страшная, непонятная сила принимаетъ иногда матерьяльную форму... Эта сила противъ меня направлена... если я не одолѣю ее, она сломитъ меня... И не увѣряй меня, что другіе могутъ „его" видѣть и ощущать... Я здоровъ и разсудка еще не потерялъ...

— Да вѣдь обликъ-то у него человѣческій?

— Совершенно... самый простой обыкновенный человѣкъ— только бѣлый шарфъ всегда повязанъ на его шеѣ. Онъ нашихъ лѣтъ, даже постарше, бритый; на немъ всегда не то пальто, не то сюртукъ коричневый, шляпа мягкая... и потомъ, знаешь, онъ говорить не умѣетъ...

Столешниковъ вдругъ остановился, прислушался и замеръ, весь поблѣднѣвъ. Увидавъ его остановившіеся, полные ужаса глаза, Петръ Ивановичъ почувствовалъ, какъ мурашки пробѣжали у него по спинѣ.

— Онъ... это онъ ходитъ... прошептали посинѣвшія губы Столешникова.

Нѣсколько мгновеній друзья молча прислушивались: вдали раздавался городской шумъ, съ балкона и изъ сада неслись голоса дѣтей Волкова.

— Перестань! несмѣло вымолвилъ хозяинъ;—успокойся... никого тамъ нѣтъ; тебѣ показалось.

Онъ—самъ не зная, почему—говорилъ тоже шепотомъ.

Digitized by Google

— Да, конечно, ты не слышишь... но я знаю... пойми же, вѣдь я чувствую... онъ ходитъ гдѣ-то близко...

— Можетъ быть, и прошелъ кто-нибудь изъ домашнихъ... Вотъ я сейчасъ погляжу.

Онъ хотѣлъ встать, но рука Столешникова опустилась ему на плечо.

— Ради Бога... умоляю... какъ-то взвизгивая отъ страха едва выговорилъ онъ:—не уходи... а то онъ сюда... при тебѣ этого не будетъ...

Онъ уцѣпился за Волкова и не выпускалъ его плеча и руки, и тотъ снова сѣлъ, стараясь успокоить своего гостя, убѣждая его не тревожиться. Столешниковъ долго еще сидѣлъ, не поднимая головы. Наконецъ онъ точно рѣшился на что-то, встряхнулся и поднялся съ мѣста.

— Если можно, Волковъ, пошли за каретой... мнѣ надо домой, а то братъ ждать будетъ.

— Хочешь, я провожу тебя?

— Что ты! какъ можно... что подумаетъ Михаилъ... Нѣтъ, нѣтъ я въ каретѣ прекрасно доѣду. А ты на дняхъ навѣсти... и, ради Бога, никому ни слова...

Карета вскорѣ была подана, и онъ уѣхалъ. Проводивъ его, Волковъ прошелъ черезъ гостиную и столовую на большой балконъ въ садъ, гдѣ играли его младшія дѣти.

— Папа, папа... закричали они ему,—онъ уже ушелъ.

— Кто ушелъ?

— Человѣкъ въ бѣломъ шарфѣ.

— Кто такой?

— Подходилъ какой-то со двора къ самой рѣшеткѣ... неохотно отвѣтила старушка няня, оставившая чулокъ и поднявшаяся съ мѣста при входѣ барина. Садъ, съ трехъ сторонъ обнесенный высокою каменною стѣной, только отъ двора отдѣлялся рѣшеткою.—Надо бы, баринъ, сказать дворникамъ, продолжала старушка,—чего они смотрятъ? мало-ли кто во дворъ можетъ зайти.

— Да ты его видѣла, няня?

— Такъ поглядѣла отсюда, съ балкона. Подошелъ къ рѣшеткѣ и смотритъ въ садъ. Господь его знаетъ, что за человѣкъ, только не нищій... а такъ—ровно юродивый, или умомъ поврежденный.

— Какой же онъ изъ себя?

— Не молодой уже, бритый... шляпа мягкая, на шеѣ бѣлый шарфъ намотанъ. Не разглядѣла я...

Digitized by Google

— Мы, папа, сперва испугались, а потомъ подошли къ рѣшеткѣ, сказалъ старшій изъ дѣтей—мальчикъ лѣтъ шести;— Татя ему гривенничекъ давала, онъ не взялъ... онъ добрый старичекъ... только говорить не можетъ... такъ все, мычитъ какъ-то...

Петръ Ивановичъ былъ пораженъ; онъ немедленно послалъ за дворникомъ, но словоохотливый дворникъ, выпившій лишнее по случаю какого-то праздника, клялся и божился, что никто чужой въ ворота не проходилъ.

II.

Вся жизнь Столешникова рѣзко раздѣлялась на двѣ части: жизнь полковая и жизнь въ отставкѣ, и только первая была настоящею жизнью. Всѣ интересы его связаны были съ полкомъ; онъ былъ центромъ и душой офицерскаго кружка, баловнемъ общества, гдѣ вращались его товарищи. Гордо и изящно носилъ онъ блестящій мундиръ, свято соблюдалъ полковыя преданія, горячо ратовалъ за честь полка. Онъ такъ сжился съ этою обстановкой, что невозможно было вообразить Столешникова иначе, какъ въ гусарскомъ мундирѣ. Жизнь полка—служба, товарищи, солдаты наполняли его существованіе такимъ интересомъ, что и на все кругомъ онъ смотрѣлъ съ добродушіемъ человѣка, живущаго полною жизнью. Развѣ только неудавшійся романъ, или денежныя затрудненія вызывали порой непродолжительные часы хандры.

И вдругъ это счастливое, беззаботное существованіе оборвалось: Николай Николаевичъ окончательно запутался въ долгахъ. Онъ никогда не считалъ денегъ; кто-бы не попросилъ у него, онъ не умѣлъ отказывать. Карты, скаковыя лошади и другія затѣи поглощали все, что не разбиралось товарищами въ долгъ. Оставался еще одинъ послѣдній источникъ: у братьевъ Столешниковыхъ было имѣніе, доставшееся имъ отъ матери и нераздѣленное. Николай Николаевичъ рѣшился ѣхать въ Москву и предложить брату купить и другую половину имѣнія, чтобы удовлетворить самыхъ назойливыхъ кредиторовъ.

Младшій Столешниковъ—Михаилъ Николаевичъ жилъ и служилъ въ Москвѣ, гдѣ онъ женился и обзавелся семьей. Николай Николаевичъ всегда высоко цѣнилъ способности и силу характера своего брата, но особенно дружны и откровенны между

Digitized by Google

собою они никогда не были. Женитьба Михаила еще болѣе отдалила ихъ другъ отъ друга; жена младшаго Столешникова, принесшая ему большое приданое, происходила изъ стариннаго дворянскаго рода и была сухая, чопорная женщина. Къ счастію для Николая, незадолго до его финансоваго кризиса она нашла, что московскій воздухъ разстраиваетъ ей нервы и уѣхала заграницу.

Михаилъ Столешниковъ встрѣтилъ брата довольно холодно и съ безъучастнымъ видомъ выслушалъ его просьбу.

— Хорошо, сказалъ онъ ему, положимъ — я покупаю твою часть. А что-же потомъ?

Потомъ!? этотъ вопросъ никогда не тревожилъ Николая; потомъ дѣла, конечно, какъ-нибудь устроятся.

— Я—отецъ, продолжалъ Михаилъ Николаевичъ,—и не имѣю права разорять своихъ дѣтей. Пока ты служишь въ гусарахъ, тебѣ не перемѣнить образа жизни... я куплю твою часть только въ такомъ случаѣ, если ты подашь въ отставку.

Эта мысль показалась совершенною нелѣпостью Николаю Николаевичу; онъ въ отвѣтъ только улыбнулся какою-то безпомощною улыбкой. Братъ Михаилъ никогда не отступалъ отъ разъ сказаннаго слова.

Столешниковъ возвратился въ полкъ сильно огорченный и отказомъ брата и особенно его холоднымъ дѣловымъ тономъ. Нѣсколько мѣсяцевъ удалось ему еще изворачиваться между кредиторами и денежными затрудненіями.

Въ это время подошла перемѣна полковаго командира, въ полку подготовлялись преобразованія. Нѣкоторые изъ ближайшихъ друзей Столешникова, въ томъ числѣ Волковъ, собирались оставить службу. Понемногу и онъ самъ началъ привыкать къ неизбѣжности такого исхода.

Выйдя, наконецъ, въ отставку и уплативъ изъ полученныхъ отъ брата денегъ кое-какіе долги, онъ уѣхалъ за-границу, откуда лишь черезъ два года возвратился въ Москву.

Тогда-то Волковъ, также поселившійся съ семьей въ Москвѣ, въ первый разъ послѣ выхода изъ полка увидѣлъ Столешникова. Онъ съ перваго же раза замѣтилъ, что товарищъ его опустился и словно полинялъ. При встрѣчахъ Николай Николаевичъ еще радостнѣе и дружественнѣе чѣмъ прежде относился къ Волкову, съ оживленіемъ вспоминалъ минувшіе годы,— но Петру Ивановичу сдавалось, что онъ торопился уйти въ воспоминанія о про-

Digitized by Google

шедшемъ, для того, чтобы позабыть настоящее, которое его видимо тяготило.

Какъ разъ въ это время явилось неожиданное наслѣдство дяди. На Столешникова словно живою водой брызнули; онъ снова былъ богатъ, онъ строилъ планы, собираясь хозяйничать въ имѣніи; къ нему воротились замашки избалованнаго барина, но прежняго блеска и обаянія въ немъ уже не было.

Онъ самъ мучительно сознавалъ это. Ему казалось, что когда обстоятельства заставили его покинуть полкъ, онъ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ: новая жизнь на совсѣмъ иныхъ началахъ не удовлетворяла его, онъ не умѣлъ къ ней примѣниться. Тѣмъ не менѣе теперь, когда въ рукахъ его снова было большое состояніе—Столешникова уже не тянуло назадъ въ полкъ. За эти три—четыре года тамъ все измѣнилось; новая молодежь смѣнила многихъ прежнихъ товарищей, связанныхъ боевыми воспоминаніями. Все это были люди новые, совсѣмъ другаго направленія и, хотя оставалось въ ихъ числѣ нѣсколько старыхъ сослуживцевъ, общій духъ былъ уже не тотъ, — полкъ казался Столешникову чужимъ, и прежняя полковая жизнь уцѣлѣла лишь въ воспоминаніяхъ ихъ кружка.

Николай Николаевичъ рѣшилъ поселиться въ доставшемся ему отъ дяди имѣніи.—Онъ началъ самъ заниматься хозяйствомъ, распредѣлялъ работы, ѣздилъ въ поле, входилъ во всѣ мелочи. Принялся онъ за дѣло горячо и дѣятельно, но съ непривычки ему оказалось не подъ силу управлять сложнымъ механизмомъ большаго хозяйства. Къ тому же онъ былъ выбранъ въ гласные земства, и эта новая дѣятельность казалась ему болѣе по душѣ. Мало по малу всѣ заботы по хозяйству вновь перешли въ руки расторопнаго управляющаго.

Но не смотря на всѣ старанія углубиться въ какое-либо занятіе, Столешникова, непривыкшаго къ уединенной помѣщичьей жизни, охватывала иногда невыносимая безысходная тоска. Хуже всего было то, что онъ не зналъ, куда уйти отъ нея. Въ губернскомъ городѣ, отстоявшемъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ его имѣнія, онъ почти никого не зналъ, да ему и не хотѣлось заводить новыхъ знакомствъ, кромѣ двухъ-трехъ сосѣдей помѣщиковъ; въ Москву къ брату его не тянуло, хотя онъ и ѣздилъ туда изрѣдка по дѣламъ. Тамъ онъ всегда радъ былъ видѣть Волкова, живо напоминавшаго ему прошлое, но и у Волкова была теперь своя семья, новая жизнь и интересы, ко-

Digitized by Google

торые становились между ними и словно отдаляли ихъ другъ отъ друга.

Раза два ѣздилъ онъ въ свой полкъ: офицеры шумно встрѣчали своего бывшаго однополчанина, и онъ не безъ волненія входилъ въ „свои“ казармы, въ конюшни, въ офицерскую столовую. Ему казалось на мгновеніе, что онъ тутъ по прежнему „свой“, что онъ дома и только по какой-то странной случайности одѣтъ въ статское платье, вмѣсто мундира. Но видя вокругъ почти сплошь новыя, молодыя лица, толкуя съ двумятремя „стариками“ о разныхъ перемѣнахъ, о томъ, что нынче все „не то“—онъ вдругъ словно просыпался и въ умѣ его появлялась мысль, что шампанское въ офицерской столовой льется какъ-будто на его поминкахъ, что живой связи между нимъ и полкомъ—нѣтъ, что не осталось ничего кромѣ воспоминаній. И имъ овладѣвало такое тяжелое чувство, что онъ спѣшилъ уѣхать и рѣшилъ наконецъ не ѣздить въ полкъ, продолжая, впрочемъ, „аккуратно посылать въ день полковаго праздника поздравительную телеграмму командиру и товарищамъ.

Земская дѣятельность сначала занимала его, но уже въ концѣ перваго трехлѣтія онъ не поладилъ съ предсѣдателемъ земской управы и отказался отъ вторичнаго избранія.

— Николай Николаевичъ, говорилъ про него предсѣдатель, прекрасный былъ офицеръ, но онъ вовсе не земскій дѣятель.

Столешниковъ занялся тогда сочиненіемъ по сельскому хозяйству. Открылись пыльные шкафы библіотеки, изъ Москвы выписанъ былъ цѣлый ящикъ книгъ... но сочиненіе подвигалось медленно, и приступы сильной тоски все чаще и чаще посѣщали Столешникова.

Къ этому времени относится намѣреніе его жениться на Марьѣ Матвѣевнѣ. Такъ называлась племянница главнаго управляющаго, вдова лѣтъ тридцати. На ней лежали всѣ домашнія заботы; цѣлый день бродила она изъ кухни въ амбаръ, изъ амбара въ погребъ, изъ погреба въ домъ, гдѣ подъ ея надзоромъ поочередно чистили и провѣтривали парадныя комнаты. Она казалась добрымъ геніемъ пустыннаго барскаго дома, она оживляла его своимъ присутствіемъ, своимъ умѣніемъ сдѣлать уютнѣе его нежилые покои.

Марья Матвѣевна не отличалась красотой, и Столешниковъ сперва почти не замѣтилъ ея, не замѣтилъ, какъ постепенно для него сдѣлалась необходимостью близость этой молчаливой

Digitized by Google

женщины. Однажды, когда, согласно данному обѣту, Марья Матвѣевна на три недѣли отправилась въ Кіевъ на богомолье, Николай Николаевичъ впервые почувствовалъ, какъ сильно ему недоставало ея. Кофе по утрамъ подавали невкусный, обѣдъ холодный, пыль на письменномъ столѣ или вовсе не стиралась или, если стиралась, то совершенно нарушая порядокъ между книгами и тетрадями. Даже цвѣты на окнахъ начали блекнуть. Во всемъ сказывалось отсутствіе заботливой женской руки, и Столешниковъ впервые понялъ и оцѣнилъ значеніе, которое имѣла въ домѣ Марья Матвѣевна. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ ея возвращенія и искренне ей обрадовался. Она тоже рада была вернуться, она глубоко была привязана къ Горкамъ, гдѣ она выросла, къ дому, къ тѣнистому саду, къ безконечнымъ хозяйственнымъ хлопотамъ.

Они сблизились какъ-то совершенно незамѣтно; и мало-помалу между ними какъ-то постепенно возникли совсѣмъ иныя отношенія. Онъ—никогда съ нею не разговаривавшій—пожелалъ узнать впечатлѣнія ея путешествія въ Кіевъ. Она робко и неумѣло отвѣчала ему; вообще, когда онъ заговаривалъ о чемъ-либо постороннемъ хозяйству, она тревожно раскрывала глаза и видимо смущалась. Но понемногу она начала привыкать къ ласковому отношенію „барина“, и заботы объ его домѣ, его удобствѣ, получили для нея двойной смыслъ. На посторонній взглядъ она ничуть не измѣнилась; такъ же усердно посѣщала она церковныя службы, тотъ же скромный темный платокъ покрывалъ ея голову, такъ же молчаливо скользила она по дому, тихимъ голосомъ отдавая приказанія. Но если бы кто увидѣлъ, какъ оживлялось ея лицо при встрѣчѣ со Столешниковымъ, тотъ понялъ бы, какимъ чувствомъ полна была ея душа.

Онъ мало говорилъ съ ней; Марья Матвѣевна была женщина простая, необразованная; ничего кромѣ „божественныхъ“ книгъ она не читала, а все касавшееся религіи ни мало не интересовало Столешникова. Это безразличіе было самымъ больнымъ мѣстомъ Марьи Матвѣевны.

Разъ предложила она ему отслужить молебенъ по случаю окончанія перестройки флигеля и застольной. Онъ согласился, но въ день молебна съ утра уѣхалъ въ городъ и возвратился только къ вечеру.

— Не терплю я съ попами возиться! говорилъ онъ, и эти „грѣшныя“ слова бросали въ жаръ и холодъ Марью Матвѣевну.

Digitized by Google

— Вѣдь вотъ ужь какой прекрасный человѣкъ, съ горечью говорила она своей пріятельницѣ-попадьѣ,—а живутъ, прости Господи, какъ нехристь...

Такъ текла жизнь въ Горкахъ до того дня, когда Марья Матвѣевна почувствовала себя нездоровою. Не могло быть никакого сомнѣнія на счетъ рода ея болѣзни, и открытіе это произвело самое тяжелое впечатлѣніе на молодую женщину. Она заперлась у себя въ комнатѣ и цѣлые дни просиживала тамъ одна въ молчаніи съ застывшимъ, убитымъ выраженіемъ лица. Ночами она долго молилась о „своемъ грѣхѣ“, о томъ, чтобы Богъ простилъ ее... Иногда только просыпалось въ ней ожиданіе свѣтлыхъ радостей материнства; она любила дѣтей, но ея единственный сынъ умеръ во время ея недолгаго замужества, и она никогда не могла утѣшиться въ своей потерѣ. Въ эти рѣдкіе часы Марья Матвѣевна была спокойная, радостная и счастливая.

Столешниковъ тоже почти не выходилъ изъ своей комнаты. До поздняго вечера можно было слышать, какъ онъ ходилъ изъ угла въ уголъ въ тяжеломъ раздумьѣ.—Много передумалъ онъ за эти дни. Онъ чувствовалъ, что одинокая жизнь становится ему не подъ силу. Мысль о женитьбѣ и прежде не разъ приходила ему въ голову; даже когда онъ переселился въ деревню, между немногочисленными знакомыми ему помѣщиками были двѣ-три барышни, къ которымъ онъ приглядывался; но ихъ родители такъ явно шли на встрѣчу богатому жениху, да и барышни оказались такими обыкновенными провинціальными дѣвами,—что Столешниковъ не сдѣлалъ рѣшительнаго шага. Это вызвало охлажденіе между нимъ и родными молодыхъ особъ, такъ что Николай Николаевичъ постепенно пересталъ у нихъ бывать.—Теперь обстоятельства были нѣсколько иныя: Столешниковъ вдругъ почувствовалъ необыкновенную нѣжность къ тому, кто имѣлъ появиться на свѣтъ, и сама Марья Матвѣевна предстала его воображенію въ какомъ-то особенномъ ореолѣ. Конечно—они не пара, но она такая прекрасная женщина, такъ привязана къ нему; онъ чуялъ, что въ ней есть и сила и глубина, какихъ у него не было. — Ему хочется имѣть семью, наслѣдника, но кто же пойдетъ теперь за него, а если и пойдетъ, то не будетъ-ли въ рѣшеніи первенствующую роль играть его богатство? Не лучше-ли, не честнѣе-ли предложить руку Марьѣ Матвѣевнѣ и обезпечить такимъ образомъ будущность своего ребенка?.. Но противъ всего этого возмущалась и „Столешни-

Digitized by Google

ковская“ спѣсь и привычка легкомысленно относиться къ женщинѣ. Наконецъ, горячее желаніе имѣть уголъ, семью и заботы о воспитаніи ребенка взяли верхъ, но онъ предполагалъ не открываться до поры до времени Марьѣ Матвѣевнѣ. Онъ объявилъ ей только, что ему по разнымъ дѣламъ надо съѣздить въ Москву, куда и отправился на другой же день. Его прощаніе съ Марьей Матвѣевной, необыкновенно почтительное и даже торжественное, нѣсколько ее встревожило.

Въ Москвѣ дѣйствительно надо было устроить кое-какія дѣла, закупить кое-что для деревни и „между прочимъ“ поговорить съ братомъ о предстоящемъ событіи.—Собственно это „между прочимъ“ Николай Николаевичъ мысленно прибавлялъ только чтобы обмануть себя. Онъ зналъ, что шагъ, на который онъ рѣшился, не встрѣтитъ сочувствія Михаила Николаевича, но онъ хотѣлъ попытаться уговорить брата, расположить его къ доброй и безхитростной Марьѣ Матвѣевнѣ и къ своей будущей семьѣ; онъ хотѣлъ отвоевать для нихъ хоть долю родственнаго расположенія своихъ близкихъ. И это было однимъ изъ главныхъ поводовъ его поѣздки въ Москву.

Во все время пути мысли о домѣ, о томъ, что онъ оставилъ назади—не покидали его. Что-то тамъ въ Горкахъ? все-ли благополучно? Ему думалось, что, можетъ-быть, въ будущую отлучку изъ дому тамъ останется его жена и сынъ (у нихъ непремѣнно родится мальчикъ), и его будетъ тянуть домой, къ своему гнѣзду..

Долго молчалъ младшій Столешниковъ, выслушавъ исповѣдь брата. Потомъ онъ сказалъ вздохнувъ, что если бы не этотъ дѣловой тонъ, онъ не предположилъ бы, что они говорятъ сердечно, что ему, Михаилу Столешникову, не вѣрится и теперь:—неужели за пять лѣтъ братъ его такъ страшно измѣнился и опустился. „Это твоя затворническая жизнь въ деревнѣ!“ воскликнулъ онъ горячо: „Вѣдь это обломовщина! Сознайся, что пять лѣтъ назадъ тебѣ бы это и въ голову не пришло“...

Михаилъ Николаевичъ говорилъ убѣдительно и краснорѣчиво; онъ любилъ говорить и самъ любовался красотой своей рѣчи. Онъ изложилъ брату свои взгляды на бракъ, требовалъ сходства въ привычкахъ, въ воспитаніи и въ развитіи. Словомъ, допуская бракъ лишь между людьми одного круга, онъ при всякихъ другихъ условіяхъ считалъ его несчастною ошибкой. „Останься здѣсь, въ Москвѣ“, сказалъ онъ,—„если ужь ты непремѣнно хочешь жениться, мы тутъ тебѣ найдемъ прекрасную невѣсту. Но

Digitized by Google

не дѣлай безразсуднаго шага, не женись на женщинѣ, которая совершенно не подходитъ къ тебѣ".

Николай Николаевичъ хотѣлъ возражать, но братъ рѣшительно его остановилъ.

— Прошу тебя, сказалъ онъ, — не будемъ больше говорить объ этомъ. Ты воленъ думать и поступать, какъ тебѣ вздумается; я же высказалъ уже свое мнѣніе и ни въ какомъ случаѣ не измѣню его. Если-бы я могъ, то оставилъ-бы тебя въ Москвѣ, чтобы удалить отъ всякихъ вліяній... Во всякомъ случаѣ это— твое дѣло...

На этомъ разговоръ ихъ прекратился.

Николай Николаевичъ хотѣлъ вернуться въ Горки, едва кончены будутъ дѣла. Но они какъ на зло затянулись, и, странно, чѣмъ дольше жилъ Столешниковъ въ Москвѣ, тѣмъ менѣе тянуло его назадъ въ деревню. Даже самое исполненіе его намѣренія жениться, всѣ деревенскія обстоятельства и заботы казались ему порой очень отдаленными и неясными.

Два раза въ недѣлю онъ получалъ короткія письма отъ управляющаго съ извѣщеніемъ, что „все благополучно". Марья Матвѣевна написала въ самомъ началѣ не длинное и не совсѣмъ грамотное письмо, но, видно, трудъ этотъ ей былъ не подъ силу, и она болѣе не поддерживала переписку. Такъ прошло около мѣсяца, дѣла подходили къ концу и пора было подумать о возвращеніи, когда новая коротенькая записочка отъ Марьи Матвѣевны, лично переданная Столешникову знакомымъ купцомъ изъ сосѣдняго города, крайне удивила Николая Николаевича. Въ запискѣ была лишь просьба не заботиться о ней и увѣреніе, что ея здоровье теперь совершенно поправляется. „Господь наказалъ меня"—было приписано въ концѣ.

Купецъ Сойниковъ былъ свой человѣкъ въ Горкахъ; изъ его магазина забирались всѣ „бакалейные" товары, и самъ онъ нерѣдко, то проѣздомъ, то по какому-либо дѣлу, появлялся въ домѣ Столешникова. Николай Николаевичъ слышалъ, что Сойниковъ питалъ глубокое чувство къ Марьѣ Матвѣевнѣ и даже предлагалъ ей свою руку и сердце. Можетъ быть, вслѣдствіе этого Столешниковъ всегда чувствовалъ себя какъ-то неловко въ его присутствіи.

Изъ разсказа купца Николай Николаевичъ узналъ, что почти черезъ недѣлю послѣ его отъѣзда Марья Матвѣевна оступилась, спускаясь съ лѣстницы, упала съ несчастными послѣдствіями и

Digitized by Google

десять дней была между жизнью и смертью. Когда она приходила въ себя, главною заботой ея было, чтобы „баринъ“ не узналъ про ея болѣзнь и не обезпокоился. Она упросила дядю—управляющаго писать въ Москву, что „все благополучно“. Когда Сойниковъ передъ отъѣздомъ въ Москву былъ въ Горкахъ, больная уже начинала поправляться; она сама призвала его къ себѣ и вручила ему записку.

Извѣстіе это поразило Столешникова какъ громомъ. Онъ изо всѣхъ силъ старался передъ Сойниковымъ показаться равнодушнымъ и чувствовалъ въ то же время, что краснѣетъ, какъ ребенокъ. А купецъ, какъ нарочно, разсказывая все это, глядѣлъ прямо въ лицо Столешникова, и въ проницательномъ взглядѣ этихъ черныхъ глазъ, Николай Иколаевичъ, казалось, видѣлъ упрекъ за бѣдную Марью Матвѣевну.

— Развѣ онъ можетъ знать? Развѣ онъ имѣетъ право залѣзать въ мою совѣсть и упрекать меня? въ волненіи думалъ онъ. Ему хотѣлось еще хоть на минуту удержать Сойникова, уже взявшагося за шляпу; ему необходимо было убѣдиться, что ничего особеннаго нѣтъ во взглядѣ купца, что ему показалось...

Онъ спросилъ гостя: зачѣмъ собственно пріѣхалъ онъ въ Москву? и смѣло поглядѣлъ на него.

— Мы каждую весну пріѣзжаемъ за товаромъ, отвѣтилъ Сойниковъ. Взоры ихъ встрѣтились и снова Столешниковъ отвернулся—онъ не могъ вынести этого взгляда.

Къ вечеру Николай Николаевичъ чувствовалъ себя совершенно больнымъ. Онъ велѣлъ приготовить свои вещи къ отъѣзду и объявилъ, что уѣзжаетъ на другой день. У Михаила Николаевича были гости; узнавъ, что братъ не выйдетъ къ обѣду, онъ, вставъ изъ-за стола, самъ зашелъ къ нему часовъ около десяти.

Николай въ двухъ словахъ разсказалъ ему сущность полученныхъ изъ деревни извѣстій.

— Я такъ и думалъ, что ты, главнымъ образомъ, хочешь жениться изъ-за ребенка,—сказалъ Михаилъ, выслушавъ брата;—и только потому не хотѣлъ возражать тебѣ рѣшительно. Но теперь, когда это обстоятельство болѣе не существуетъ, я увѣренъ, что ты самъ оставишь свое намѣреніе.

Николай Николаевичъ промолчалъ, но, странно,—послѣ словъ брата, ему самому стало казаться, что при настоящихъ обстоятельствахъ совершенно нѣтъ необходимости жениться.

Digitized by Google

Всю ночь онъ проспалъ тревожно. Его душилъ какой-то кошмаръ. Порой казалось ему, что онъ сидитъ съ братомъ и съ его гостями въ гостиной. Лампы зажжены, лакеи подаютъ чай. И вдругъ Николай Николаевичъ начинаетъ чувствовать странное, неопредѣленное волненіе. Онъ оглядывается, ищетъ тому причины, но ничего особеннаго нѣтъ: такъ же разговариваютъ гости, такъ же прислуга разноситъ чай. А между тѣмъ непріятное, необъяснимое чувство растетъ, оно охватываетъ Столешникова, какъ лихорадкой. Наконецъ онъ вскакиваетъ со стула и тутъ только замѣчаетъ какого-то гостя, который сѣлъ далеко, въ мало освѣщенный уголъ гостиной,—сѣлъ одинъ и изъ своего убѣжища не отрываясь слѣдитъ за Столешниковымъ неподвижнымъ, глубоко непріятнымъ взглядомъ. Въ полумракѣ видны лишь большіе черные глаза, и Столешниковъ напрасно отворачивается, его преслѣдуетъ, въ душу ему заглядываетъ остановившійся, пронизывающій взглядъ.

— Чьи это глаза? Гдѣ я ихъ видѣлъ? просыпаясь спрашиваетъ себя Столешниковъ, и жутко ему становится и сердце бьется такъ, что въ темнотѣ, кажется, слышны его удары.

Хотя на утро онъ чувствовалъ себя и усталымъ, и разбитымъ, ему не хотѣлось откладывать отъѣзда. Нужны были еще кое-какія послѣднія закупки, и онъ съ утра вышелъ за ними изъ дому.

Яркій весенній день выгналъ на улицу всю Москву. Прохожіе такъ и сновали туда и сюда. Среди общаго оживленія, пригрѣтый лучами весенняго солнышка, Столешниковъ не торопясь ходилъ изъ магазина въ магазинъ. Купивъ и заказавъ все, что было нужно, онъ повернулъ наконецъ домой.

На перекресткѣ вниманіе его привлекъ какой-то человѣкъ, быстро переходившій улицу и какъ будто прямо шедшій на Николая Николаевича. Человѣкъ этотъ былъ одѣтъ довольно странно: длинная темно-коричневая одежда—не то сюртукъ, не то подрясникъ,—мягкая, пуховая шляпа и бѣлый шарфъ на шеѣ. Перейдя улицу, онъ пошелъ рядомъ со Столешниковымъ и, повернувъ къ нему лицо, пристально глядѣлъ, словно узнавая его. Николай Николаевичъ взглянулъ сначала на его необыкновенный нарядъ и лишь потомъ поднялъ взглядъ на его обритое, уже немолодое лицо.

Незнакомецъ необыкновенно пристально смотрѣлъ на него тѣми самыми глазами, которые онъ видѣлъ ночью. Ни лица его,

Digitized by Google

ни фигуры Столешниковъ, кажется, не видѣлъ до сихъ поръ, но эти глаза, съ ихъ проницательнымъ глубокимъ взглядомъ, были несомнѣнно тѣ же...

— „Купецъ Сойниковъ“... съ ужасомъ промолвилъ онъ, и улица, и прохожіе запрыгали передъ нимъ, и онъ схватился за голову, чувствуя, что въ глазахъ его темнѣетъ.

Въ ту же минуту лицо незнакомца перекосилось злорадною, какъ показалось Столешникову, улыбкой, и онъ, съ оживленіемъ размахивая руками, началъ выкрикивать что-то странное.

У Николая Николаевича, словно завороженнаго этимъ взглядомъ, закружилась голова, и онъ тщетно старался вслушаться въ дикіе, совершенно непонятные звуки его рѣчи...

Онъ пришелъ въ себя въ магазинѣ, гдѣ вокругъ него суетились прикащики и подавали ему воды.

Странное явленіе такъ и осталось непонятнымъ Николаю Николаевичу; онъ, конечно, никому не разсказалъ про него и уѣхалъ въ Горки со смутнымъ чувствомъ боязни чего-то и недовѣрія къ самому себѣ.

III.

Марья Матвѣевна, не подозрѣвавшая цѣли поѣздки Столешникова въ Москву, едва встала съ постели, когда онъ возвратился. Онъ нашелъ, что она сильно похудѣла и ослабѣла. „За грѣхъ мой покаралъ меня Господь!“ съ тихими слезами сказала она ему. Его пріѣздъ видимо ее оживилъ, хотя Николай Николаевичъ отнесся къ ней сдержанно, словно ему хотѣлось установить извѣстныя границы въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ дѣйствительности эти ея первыя слова ужасно поразили его: изъ нихъ онъ вдругъ яснѣе понялъ, что перестало существовать нѣчто, окружавшее ее такимъ ореоломъ, что ему нечего ждать, что будущаго нѣтъ... и въ то же время онъ укорялъ себя въ малодушіи, въ чрезмѣрной уступчивости обстоятельствамъ. Ему совѣстно было встрѣчаться съ нею, хотя она ничего не подозрѣвала о томъ, что происходило въ его внутренней жизни.

Она опять стала робѣть и смущаться въ его присутствіи, какъ это было въ первое время ихъ сближенія, но теперь къ ея смущенію примѣшивалось мучительное чувство недоумѣнія. Глядя на его всегда угрюмый видъ, на его раздражительность, когда

Digitized by Google

кто-нибудь нарушалъ обычное уединеніе его кабинета, она спрашивала себя—въ чемъ провинилась она передъ нимъ и далеко за полночь молилась о дарованіи ему мира и спокойствія.

Время шло, и Николай Николаевичъ совершенно оборвалъ знакомство съ сосѣдями; онъ почти не выѣзжалъ за предѣлы своего имѣнія, развѣ только изрѣдка отправлялся въ городъ по дѣламъ. Сочиненіе по сельскому хозяйству подвигалось медленно, хотя Столешниковъ нерѣдко цѣлые дни просиживалъ за книгами, запершись въ своемъ кабинетѣ.

Такъ прошло три съ половиною года. Николай Николаевичъ постарѣлъ и смотрѣлъ старикомъ, хотя ему было всего сорокъ три. Чаще стали его посѣщать разные недуги: то разыграется застарѣлый ревматизмъ, захваченный на Балканахъ, то начнется невралгія.

„Отживаю свой вѣкъ!“ говорилъ онъ про себя и удваивалъ заботы о своемъ здоровьѣ, но, не любя докторовъ и называя ихъ всѣхъ шарлатанами, предпочиталъ лѣчиться домашними средствами. Ихъ приготовляла та же неизмѣнно молчаливая и кроткая Марья Матвѣевна. Она тоже не помолодѣла: темный платокъ ниже прежняго спустился на ея лобъ, она стала, кажется, еще богомольнѣе. Съ самаго возвращенія изъ Москвы, Николай Николаевичъ отдалился отъ нея, и она напрасно ломала себѣ голову, отыскивая причину этой перемѣны. Она замѣчала только его сѣдѣющіе волосы, его морщины и тревожный взглядъ—и всѣ эти наблюденія составляли для нея источникъ безконечной, мучительной заботы.

А надъ нимъ неизмѣнно тяготѣла одна дума: жизнь прожита глупо, безцѣльно прожита, впереди остается лишь одинокая и недужная старость. У всѣхъ другихъ людей есть жизнь;—есть семья, служба, заботы; есть, наконецъ, живые интересы, участіе въ обширной, иногда и призрачной задачѣ. Но у Николая Николаевича ничего нѣтъ; въ сорокъ три года у него осталось только прошлое, рядъ воспоминаній. Онъ жилъ—да, безъ сомнѣнія, онъ широко жилъ—и вотъ отчего теперь у него нѣтъ будущаго—вѣдь и на пожарищѣ остается лишь пепелъ да угли. Другіе успѣваютъ такъ или иначе наполнить эту пустоту; вотъ, напримѣръ, развѣ жизнь Марьи Матвѣевны не полна—съ ея заутренями, обѣднями, престольнымп праздниками? Но Николай Николаевичъ молиться не умѣлъ, а религію привыкъ считать слабостью и безразсудствомъ. Ему и въ голову не прихо-

Digitized by Google

дило, что кромѣ попеченій о „божественномъ“ жизнь Марьи Матвѣевны наполняется, главнымъ образомъ, самоотверженными заботами объ окружающихъ, вполнѣ чуждыми эгоизма, волненіями за его собственное здоровье... Онъ живетъ для себя, а не для другихъ; пускай же другіе живутъ, какъ угодно; они ему не нужны., онъ и безъ нихъ доживетъ, онъ будетъ смотрѣть прямо въ глаза подходящей старости, онъ самъ будетъ слѣдить за постепеннымъ разрушеніемъ своего организма. А между тѣмъ понятія „старость“ и „разрушеніе“ вызываютъ въ немъ содроганіе и необъяснимый страхъ. Вѣдь не ребенокъ же онъ, чтобы не знать, что и то и другое неизмѣнно стоятъ въ концѣ жизни. Или эти слова получаютъ страшное значеніе, только когда ихъ приходится примѣнять къ самому себѣ? Отчего другіе принимаютъ ихъ безропотно и не задумываются надъ ними? Можетъ быть, онъ не съ той стороны приближается къ неизбѣжному концу? Жилъ-ли онъ такъ, какъ слѣдуетъ?

Онъ начинаетъ перебирать прошедшее съ мельчайшими подробностями; попадаются дѣла, мысли такія, въ которыхъ невозможно признаться, которыя даже теперь, въ уединеніи кабинета, яркимъ румянцемъ крокотъ щеки Столешникова. Такихъ постыдныхъ дѣлъ вспоминается не мало; попадаетъ въ ихъ число и весь оборванный имъ романъ съ Марьей Матвѣевной. Да кто же судья, такъ или не такъ все это было? Половины этихъ дѣлъ никто не знаетъ, другія всѣ позабыты, странно даже вспоминать о нихъ. Развѣ мыслимъ какой-нибудь разсчетъ за нихъ?

Въ такомъ заколдованномъ кругу, какъ бѣлка въ колесѣ, вертѣлись мысли Николая Николаевича. Онѣ отнимали у него покой и сонъ. Напрасно вставалъ онъ ночью съ постели, по многу разъ зажигалъ свѣчу, клалъ на голову компрессы, бралъ книгу— сонъ не приходилъ иногда по нѣсколько ночей подрядъ. На утро онъ вставалъ блѣдный, чувствовалъ легкое головокруженіе. Чтобы вызвать усталость онъ приказывалъ въ такихъ случаяхъ сѣдлать себѣ лошадь и до самыхъ сумерекъ предпринималъ далекую прогулку.

Однажды, послѣ такой прогулки, онъ заѣхалъ въ городъ, замѣшкался съ разными дѣлами и отправлялся въ Горки почти съ наступленіемъ ночи. Лѣто уже было на исходѣ, ночь приближалась темная, ненастная; небо было покрыто тучами, съ востока надвигалась гроза, глухо гремѣлъ громъ и сверкали молніи.—Кончились заборы и огороды расползшагося пригорода;

Digitized by Google

Столешниковъ рысцой проѣхалъ версты двѣ полями, гдѣ среди мрака онъ все-таки различалъ сѣрую дорогу. Потомъ начался лѣсъ, раскинувшійся на много верстъ въ стороны, а вдоль дороги доходившій безъ малаго до самыхъ Горокъ. Тутъ уже вовсе было темно, и пришлось ѣхать шагомъ. Молнія, сверкавшая по временамъ, вдругъ съ неожиданными подробностями озаряла на мгновеніе и дорогу, и лѣсъ, и стволы и вѣтви придорожныхъ деревьевъ. Еще непроглядиѣе казался мракъ послѣ такой вспышки, и глухіе удары грома съ торжествомъ прокатывались въ темнотѣ. Лошадь Николая Николаевича тревожно поводила ушами, вздрагивала и останавливалась. Ея страхъ невольно передался сѣдоку и Столешниковымъ овладѣло какое-то непріятное чувство среди этой темноты, и онъ радъ былъ, когда молнія озаряла ему путь.

„Что же это?“ думалъ онъ, уловивъ тревожное замираніе сердца:—„Кажется, я становлюсь трусомъ... никогда еще этого не бывало“.

Лѣтомъ въ лѣсу попадались иногда бродяги изъ города, но конечно не ихъ боялся Николай Николаевичъ: встрѣча съ живымъ существомъ могла бы только ободрить его—но развѣ могъ живой человѣкъ оставаться ночью въ лѣсу въ такую грозу? Столешникову было жутко именно отъ этого одиночества, ему было страшно самого себя, страшно того, что могло ему показаться.

— „Совѣсть не чиста“... повторилъ онъ Богъ вѣсть откуда промелькнувшую въ его умѣ мысль.

— „Какія глупости! Кто же можетъ знать что у меня на совѣсти? Кто можетъ спросить отчета?“..

И вдругъ дыханіе его замерло отъ ужаса: ему показалось, что кто-то съ силою удержалъ лошадь подъ уздцы. Онъ однако опомнился сейчасъ же и въ темнотѣ замахнулся ногайкою на неизвѣстнаго; но сверкнула молнія,—и ногайка Столешникова безсильно опустилась въ его рукѣ.

Передъ нимъ стоялъ тотъ же призракъ, который онъ видѣлъ на улицѣ въ Москвѣ; то же бритое лицо, тотъ же долгополый сюртукъ и бѣлый шарфъ, тѣ же яркіе, черные глаза, при одномъ воспоминаніи о которыхъ дрожь пробѣгала по спинѣ Николая Николаевича. Незнакомецъ крѣпко уцѣпился за уздечку, точно радъ былъ, что поймалъ ее, словно хотѣлъ сказать: „Нѣтъ, ужъ теперь не уйдешь!“...

Встрѣтя странный, „обвиняющій“ взглядъ, Столешниковъ съ

Digitized by Google

ужасомъ понялъ, что всѣ думы его извѣстны этому призраку, что онъ можетъ требовать и потребуетъ отчета... И онъ остановился недвижимъ подъ непреодолимою силою этого нечеловѣческаго взгляда—бездоннаго, безпредѣльнаго... безумнаго...

Все это произошло въ одно мгновеніе. Всадникъ, не помня себя, сильно дернулъ уздечку; конь взвился на дыбы, рванулся въ сторону, сдѣлалъ нѣсколько скачковъ по неровной почвѣ. Какіе-то мокрые листья хлестнули Столешникова по лицу, сучокъ сильно оцарапалъ ему щеку. Но лошадь нашла дорогу и вскачь понеслась по ней.

Когда, передавъ лошадь конюху, Николай Николаевичъ, словно кто гнался за нимъ, торопливо вошелъ въ комнаты,—Марья Матвѣевна, обезпокоенная его позднимъ возвращеніемъ, ахнула, увидя его окровавленную щеку.

— Ничего... пробормоталъ онъ; это я оцарапался... лошадь испугалась и понесла...

Ему самому было совѣстно своей лжи, и онъ торопился пройти къ себѣ.

Онъ старался не думать о непонятномъ видѣніи и подъ предлогомъ нездоровья рано легъ спать. Но когда человѣкъ его, Василій, взявъ платье, хотѣлъ уйти, на Столешникова напалъ такой страхъ, что онъ приказалъ Василію лечь въ сосѣдней комнатѣ. „Можетъ быть, что-нибудь понадобится“... сказалъ онъ.

Съ этихъ поръ Василій спалъ неизмѣнно у дверей барской спальни, и въ часы безсонницы на Николая Николаевича успокоительно дѣйствовалъ его храпъ, долетавшій порою.

Въ первые дни послѣ встрѣчи въ лѣсу Столешниковъ никакъ не могъ опомниться, но понемногу, впечатлѣніе стало сглаживаться.

„Ну, что же? разсуждалъ онъ самъ съ собою;—почудилось... это и со здоровымъ можетъ случиться!“

Но черезъ нѣсколько дней онъ снова увидѣлъ человѣка въ бѣломъ шарфѣ. Гуляя въ солнечный августовскій день, Столешниковъ забрелъ въ уединенную долину надъ ручьемъ, и тамъ подъ деревомъ увидѣлъ неподвижно стоявшаго незнакомца. Онъ словно молился: глаза его были подняты къ небу и губы слегка шевелились. Какъ вкопанный остановился Столешниковъ; ему хотѣлось уйти, убѣжать отъ роковой встрѣчи, но ноги ему не повиновались. Незнакомецъ почувствовалъ, что на него смотрятъ, и тихо повернулъ голову,—и снова взглядъ этихъ черныхъ глазъ,

Digitized by Google

въ которомъ чудилось что-то неподчиненное человѣческому разуму, непонятною силой сковалъ волю и движенія Столешникова. Спокойное лицо незнакомца вспыхнуло сознаніемъ своего торжества; онъ повернулся и медленно сталъ приближаться къ Николаю Николаевичу, у котораго сердце перестало биться и холодныя капли пота выступили на лбу. Подойдя близко, близко, человѣкъ въ бѣломъ шарфѣ поднялъ руку и медленно погрозилъ пальцемъ. Потомъ онъ также тихо пошелъ дальше.

„Бѣжать за нимъ?.. спросить: кто онъ? Что ему надо? Какъ онъ смѣетъ?..“ промелькнуло въ головѣ Столешникова.—„Я совсѣмъ съ ума сходить начинаю,“ думалось ему черезъ мгновеніе;—„хочу говорить съ призракомъ!“

И, съ неожиданною рѣшимостью, онъ со всѣхъ ногъ бросился за уходящимъ призракомъ. Онъ догналъ его и схватилъ за плечо — это было настоящее плечо живаго человѣка — но отъ этого прикосновенія словно иголками закололо все тѣло Столешникова. Всѣ силы свои собралъ онъ и рѣзкимъ, звучащимъ какъ натянутая струна, голосомъ спросилъ:

— Кто вы? Что вамъ надо?

Что-то еще болѣе дикое мелькнуло во взорѣ неизвѣстнаго, ротъ его вдругъ перекосился; протянувъ руку и быстро махая пальцами передъ самымъ лицомъ Столешникова, онъ не то закричалъ, не то замычалъ такъ гнѣвно, дико и такъ неожиданно, что мурашки пробѣжали по спинѣ Николая Николаевича.

Но вдругъ онъ почувствовалъ, что въ немъ тоже съ неудержимою силой закипаетъ гнѣвъ.

— А!? ты не хочешь говорить!? внѣ себя закричалъ онъ и, весь блѣдный и дрожащій отъ бѣшенаго гнѣва, онъ съ большимъ размахомъ ударилъ незнакомца палкой по головѣ. Раздался короткій, сухой ударъ, мягкая шляпа свалилась на землю съ полусѣдой, лысоватой головы неизвѣстнаго; присѣвъ на землю и безпомощно скорчившись, онъ со стономъ прикрылъ рукой обнаженную голову.

Послѣ этого Столешниковъ уже ничего не видѣлъ: въ глазахъ у него позеленѣло и запрыгали огненные круги. Ничего не видя и не слыша, онъ продолжалъ наносить удары по чему попало—по землѣ, по кустамъ, пока судорога не свела его усталыхъ рукъ и онъ безъ сознанія не упалъ на землю.

Въ такомъ видѣ нашелъ его крестьянинъ, проходившій по со-

Digitized by Google

сѣдмой полосѣ. Больнаго привезли домой, и болѣе мѣсяца пролежалъ онъ въ нервной горячкѣ.

Начавъ поправляться, онъ все разспрашивалъ свою безсмѣнную сидѣлку Марью Матвѣевну, какъ и гдѣ нашли его больнаго.

Крестьянинъ наткнулся на него... онъ лежалъ на травѣ безъ памяти...

— И никого подлѣ не было? не разъ спрашивалъ онъ Марью Матвѣевну.

— Никого. Да кто же могъ быть въ полѣ? просто отвѣчала она. А развѣ вы кого встрѣтили?

— Нѣтъ, нѣтъ... я такъ только спрашиваю. Конечно, никого не могло быть тамъ.

А между тѣмъ онъ зналъ, что человѣкъ въ бѣломъ шарфѣ былъ тамъ; онъ ясно помнитъ, какъ онъ ухватилъ его за плечо, онъ еще слышитъ его стонъ и видитъ движеніе рукъ, силящихся защитить полусѣдую голову.

И въ то же время больной Столешниковъ лежалъ одинъ, когда его нашли. Никакой жалобы на то, чтобы кто-нибудь былъ избитъ въ полѣ, не слыхать. „Его“ никогда никто не видѣлъ,— вѣдь онъ и въ Москвѣ шелъ по людной улицѣ, и ни одинъ изъ прохожихъ не останавливался, не обращалъ вниманія на его странную одежду. Очевидно „онъ“ не обыкновенный человѣкъ: это какая-то сила, какой-то духъ, который только для него, Столешникова, облекается въ матеріальную форму, который только надъ нимъ имѣетъ могучую, неопредѣленную власть, отъ котораго онъ не можетъ скрыть ни одного движенія мысли, ни одного помысла... все извѣстно ему.

Или... но другое предположеніе совершенно невозможно... или тутъ обманъ зрѣнія, слуха, осязанія, безсиліе воли побороть призракъ,—словомъ, Столешниковъ больной, ненормальный человѣкъ.

Почти всю зиму Николай Николаевичъ не выходилъ изъ дому. Лишь раза три-четыре выѣзжалъ онъ верхомъ прокатиться по окрестностямъ и бралъ съ собою въ этихъ случаяхъ верховаго конюха.

Время проходило въ томъ-же безплодномъ сидѣніи надъ начатою рукописью и надъ раскрытыми на тѣхъ-же страницахъ книгами, только мысли еще тревожнѣе метались въ узкой обла-

Digitized by Google

сти безконечнаго разбора личныхъ ощущеній, въ вѣчныхъ самоугрызеніяхъ... метались словно боясь столкнуться въ темнотѣ съ какою-то страшною, непонятною силой...

При этихъ условіяхъ поѣздка въ Москву, необходимая по хозяйственнымъ дѣламъ, являлась настоящимъ подвигомъ. Долго не рѣшался на нее Столешниковъ, долго откладывалъ, но наконецъ собрался уже въ самомъ концѣ мая.

Понятно, какъ потрясла его въ Москвѣ у самаго дома Волкова новая встрѣча съ человѣкомъ въ бѣломъ шарфѣ.

На Волкова обстоятельства свиданія со старымъ товарищемъ произвели самое смутное впечатлѣніе. Разсказъ дѣтей, что они видѣли существо, принятое Петромъ Ивановичемъ за созданіе больнаго воображенія его друга, заставилъ его серіозно призадуматься.

„Какое-нибудь необъяснимое совпаденіе, необыкновенная случайность!“ повторялъ онъ про себя ничего не объясняющія слова.

IV.

Черезъ день Волковъ заѣхалъ навѣстить Столешникова. Михаилъ Николаевичъ, у котораго братъ по обыкновенію остановился, жилъ въ прекрасномъ собственномъ домѣ. По широкому двору Петръ Ивановичъ прямо подкатилъ къ подъѣзду; швейцаръ въ ливреѣ распахнулъ передъ нимъ дверь.

— Николай Николаевичъ нездоровы,—сказалъ онъ на вопросъ Волкова.

— Что съ нимъ? Надѣюсь, ничего серіознаго?

— Такъ-съ... просто отъ слабости здоровья. — Второй день не выходятъ изъ комнаты.

— Доложите обо мнѣ,—сказалъ Волковъ, доставая визитную карточку.

Швейцаръ подозвалъ лакея, сидѣвшаго съ газетой въ глубинѣ передней.

— Вотъ, — сказалъ онъ ему, передавая карточку; — Николая Николаевича желаютъ видѣть. Самъ-то не тревожь ихъ, черезъ Василія доложи.

— Черезъ минуту лакей пошелъ и показался уже изъ другой двери.

— Просятъ,—лаконически произнесъ онъ, раскрывая эту дверь.

Digitized by Google

Волковъ прошелъ за нимъ черезъ двѣ или три парадныя комнаты, потомъ по длинному широкому корридору, устланному мягкимъ половикомъ. Въ небольшой проходной комнатѣ, примыкавшей къ помѣщенію Николая Николаевича, лакей сдалъ Волкова съ рукъ на руки собственному человѣку его—Василію, который осторожно постучался у запертой двери.

Столешниковъ видимо обрадовался гостю, такъ что тотъ невольно упрекнулъ себя за то, что вчера еще не собрался навѣстить товарища.

Лицо у больнаго было желтое, взглядъ тревожный. Онъ приподнялся съ кушетки, на которой лежалъ, и оттолкнулъ ногой валявшуюся на полу скомканную газету.

— Что же это ты? Нездоровится?

— Простуда, должно быть... да и шумъ здѣшній разстраиваетъ меня,—отвѣтилъ больной, провожая глазами уходящаго Василія.

— Послушай, Волковъ,—быстро и въ волненіи заговорилъ онъ, едва захлопнулась дверь;—я очень радъ, что ты зашелъ... я хотѣлъ писать тебѣ. Помни, что ты мнѣ обѣщалъ никому ни слова не говорить про то... Кромѣ тебя, никто не знаетъ. Сохрани же все въ тайнѣ... не погуби меня...

Онъ смотрѣлъ на пріятеля умоляющимъ взглядомъ.

— Ты обѣщаешь? неправда-ли?

— Да, конечно, конечно... Какъ могъ ты сомнѣваться?.. Но знаешь-ли, что я думалъ? Слѣдовало бы выслѣдить этого человѣка, узнать кто онъ такой, какъ онъ смѣетъ мучить тебя...

— Что ты... что ты!?—Столешниковъ въ страхѣ замахалъ руками,—пойми, онъ власть надо мною имѣетъ, у меня волосы дыбомъ становятся, когда я его вижу... въ глазахъ темнѣетъ, языкъ отнимается... Нѣтъ, это вполнѣ невозможная вещь!

Онъ помолчалъ немного.

— Да еслибы это даже и было мыслимо... Ну, положимъ—я привожу его въ полицію; что же скажу я? Что онъ мнѣ сдѣлалъ? Мнѣ останется только объяснить, что онъ нѣсколько разъ попадался мнѣ на встрѣчу и что однажды я—ни съ того, ни съ сего, палкой раскроилъ ему голову. Факты таковы—а вѣдь не могу же я выворачивать передъ полиціей ихъ подкладку и объяснять, зачѣмъ онъ ко мнѣ приходитъ,—все равно они не поймутъ, какая у него сила и власть... Вздоръ, вздоръ! Да и потомъ...

Digitized by Google

Онъ остановился.

— Что „потомъ“—спросилъ Волковъ, слушавшій его съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Потомъ?... Все это невозможно—потому что... такого человѣка нѣтъ...

— Постой, перебилъ его Петръ Ивановичъ,—постой: не ты-ли самъ говорилъ...

— Знаю, съ раздраженіемъ возразилъ Столешниковъ:—я говорилъ, что онъ существуетъ. Но, во-первыхъ, это существо не человѣкъ, а, во-вторыхъ, онъ и существуетъ то только для меня. Это что-то непонятное, роковымъ образомъ со мною связанное, какая-то часть меня самого... Мнѣ-ли не знать этого? Вѣдь когда я его билъ—около меня никого не нашли, никто на меня не жаловался... Третьяго дня на улицѣ всѣ шли мимо, и никто не замѣчалъ его... онъ шелъ посреди толпы...

— Знаешь, когда-ты ушелъ, мнѣ дѣти говорили, что они видѣли кого-то, не то нищаго, не то... ужь не знаю. Онъ былъ нѣмой и въ бѣломъ шарфѣ.

Волковъ старался сказать это тономъ нѣсколько небрежнымъ, чтобы не сразу поразить больнаго, но тотъ въ сильномъ раздраженіи замахалъ руками.

— Перестань, перестань... мало-ли въ Москвѣ нѣмыхъ нищихъ! ты говоришь, чтобы успокоить меня.

— Однако, дѣти видѣли...

— Ничего они не видали,—горячо возразилъ Столешниковъ;—или, можетъ быть, и видѣли, да совсѣмъ не то, что я вижу. Что же, по твоему, простой нищій могъ бы на меня такъ дѣйствовать? Неужели же я не знаю, что въ немъ страшная, нечеловѣческая сила... Прошу тебя, перестань утѣшать меня тѣмъ, что дѣти видѣли... Я не дитя...

— Но, позволь, — попытался еще возразить Волковъ,— если никто кромѣ тебя его не видитъ, то... это галлюцинація.

— Но, и что же тогда?

— Тогда—тебѣ надо лѣчиться.

— Галлюцинацію можно ударить? у нея есть походка, шумъ шаговъ?—въ сильномъ гнѣвѣ негодующимъ шепотомъ произнесъ Столешниковъ, вскочивъ съ мѣста.— Да и кому какое дѣло до моихъ счетовъ съ этимъ существомъ!? И отъ какой болѣзни стали бы меня лѣчить шарлатаны?—я здоровъ...

Онъ бросился въ кресло и закрылъ лицо руками.

Digitized by Google

Волковъ сидѣлъ смущенный.

— Самое большое одолженіе, о которомъ я буду тебя просить, заговорилъ черезъ минуту Николай Николаевичъ,—это чтобы ты никогда, никому и ни подъ какимъ видомъ не разсказывалъ того, что я имѣлъ глупость сообщить тебѣ. И прошу тебя—и мнѣ не напоминай того, что я такъ хотѣлъ бы забыть...

Онъ замолкъ и потомъ наклонившись поднялъ съ полу скомканную газету.

— Вотъ пробовалъ читать... сказалъ онъ уже совсѣмъ другимъ голосомъ,—и не могу; такую все чепуху пишутъ.

Разговоръ не клеился, и Петръ Ивановичъ, посидѣвъ немного, простился съ пріятелемъ.

Въ передней онъ столкнулся съ хозяиномъ дома, возвращавшимся съ прогулки.

Младшій Столешниковъ, Михаилъ Николаевичъ, былъ мужчина около сорока лѣтъ, довольно высокій, съ мягкими, холеными усами. Онъ начиналъ полнѣть и былъ этимъ крайне недоволенъ. Его многіе считали красивымъ, но лицо у него было довольно обыкновенное и нѣсколько неподвижное.

— Вы отъ брата?—спросилъ онъ, здороваясь съ Волковымъ.— Какъ вы его нашли?

— Не совсѣмъ хорошо... но это пройдетъ. Онъ говоритъ, что простудился...

Михаилъ Николаевичъ отрицательно мотнулъ головой.

— Могу я васъ попросить о большомъ одолженіи? Если вы никуда не торопитесь, то не зайдете-ли ко мнѣ на минуту? Я хотѣлъ поговорить съ вами... зная ваше участіе къ Николаю, я увѣренъ, вы не откажете.

Онъ провелъ гостя въ обширный, богато убранный кабинетъ. Усадивъ Волкова на широкій турецкій диванъ, онъ подвинулъ къ нему низенькій столъ съ папиросами, спичками и пепельницей.

— Я вамъ очень благодаренъ, сказалъ онъ;—мнѣ собственно хотѣлось спросить васъ, какъ нашли вы Николая послѣ его затворничества въ деревнѣ?

— Вашъ братъ постарѣлъ,—отвѣчалъ Волковъ;—отвыкъ отъ общества и какой-то нервный сталъ...

— Вотъ именно нервный,—подхватилъ хозяинъ;—такой нервный... Онъ навѣрно вамъ разсказывалъ... пытливо прибавилъ онъ, глядя гостю въ глаза.

Этотъ взглядъ какъ-будто говорилъ: „видишь, я смотрю тебѣ

Digitized by Google

прямо въ глаза!“ Хотя Волковъ чувствовалъ, что Михаилъ Николаевичъ чѣмъ-то смущенъ.

— Нѣтъ... ничего не разсказывалъ,— поторопился отвѣтить Петръ Ивановичъ, но слова его прозвучали вовсе неувѣренно.

— Право же,—продолжалъ хозяинъ, словно не слыхалъ возраженія гостя, и лицо его загорѣлось яркимъ румянцемъ.— Право же онъ самъ виноватъ. И началось все изъ-за сущихъ пустяковъ. Вы извините, я буду съ вами говорить совершенно откровенно. Все вышло изъ-за того, что видя, его болѣзненную нервность, его постоянный необъяснимый страхъ, я просто посовѣтовалъ ему воспользоваться пребываніемъ въ Москвѣ и поговорить съ докторомъ. Вотъ этотъ-то совѣтъ и вывелъ его изъ себя. Онъ навѣрно жаловался вамъ, что я хочу запереть его въ съумасшедшій домъ, а имѣнія взять подъ опеку...

— Право же... возразилъ было Волковъ, но Столешниковъ не слушалъ его.

— Видитъ Богъ! сложивъ руки и поднимая глаза къ потолку, патетически говорилъ онъ: — видитъ Богъ, что мнѣ не нужно богатства моего брата. Никакой дурной мысли у меня не было, и сказалъ я ему о докторѣ, единственно заботясь объ его здоровьѣ. Мнѣ жаль брата...

— Право же,—снова возразилъ Волковъ,—онъ ни на что не жаловался, ничего не говорилъ. И при томъ, мнѣ кажется, между двумя братьями,—посторонній—не судья...

— Отчего же? вы — другъ Николая, онъ вамъ довѣряетъ... Онъ все-таки говорилъ съ вами, выслушайте же и меня. Я не хочу, чтобы надо мною висѣло какое-нибудь обвиненіе.—Столешниковъ снова покраснѣлъ. — Когда четыре съ небольшимъ года тому назадъ онъ пріѣхалъ сюда съ цѣлью устроить дѣла и жениться на своей ключницѣ—я протестовалъ... да-съ, я протестовалъ и не скрываю этого. Я врагъ неравныхъ браковъ и, по принципу, не допускаю ихъ. Я находилъ, что она не пара брату, что онъ только и себя и ее сдѣлалъ бы несчастными. Но самъ Николай подтвердитъ, что я особенно горячо возсталъ противъ этой женитьбы лишь послѣ того, какъ было получено извѣстіе о паденіи и о всей катастрофѣ. Пока имѣлось въ виду появленіе на свѣтъ наслѣдника... это былъ такой деликатный вопросъ, и я менѣе чѣмъ кто-либо могъ его затронуть...

Михаилъ Николаевичъ остановился на мгновеніе, стараясь преодолѣть свое смущеніе.

Digitized by Google

— Наконецъ была же она столько лѣтъ ключницей, къ чему же это мѣнять и зачѣмъ ей становиться бариней? Вы знаете тонкую, деликатную натуру брата; развѣ такая жена ему нужна?—И Николай сдался на мои убѣжденія, и все у нихъ тамъ въ деревнѣ осталось по прежнему. Не грѣшно-ли ему теперь бросать мнѣ въ глаза всѣ эти упреки? Его вооружаютъ противъ меня... эта женщина хочетъ поссорить насъ; это она внушила ему подозрѣніе объ опекѣ и о съумасшедшемъ домѣ... Видитъ Богъ, я этого не заслужилъ!

Нѣсколько мгновеній собесѣдники сидѣли молча; у хозяина на глазахъ навернулись слезы. Онъ всталъ и пожалъ руку Волкова.

— Спасибо вамъ за то, что выслушали меня. Я хотѣлъ оправдать себя передъ вами. Можетъ быть, братъ послушаетъ васъ, если вы попробуете его успокоить.

Прощаясь съ хозяиномъ, Волковъ на другой день обѣщалъ заѣхать навѣстить больнаго и поговорить съ нимъ.

Но ему не удалось увидѣть товарища. Когда онъ пріѣхалъ на другой день, швейцаръ сообщилъ ему, что Николай Николаевичъ наканунѣ вечеромъ внезапно собрался и уѣхалъ въ деревню. Михаила Столешникова не было дома.

V.

Совершенно разстроенный вернулся Николай Николаевичъ въ Горки. Марья Матвѣевна, радостно бросившаяся ему на встрѣчу, остановилась, съ недоумѣніемъ взглянувъ на его пожелтѣвшее, осунувшееся лицо, на безпокойно блуждавшій взоръ, и невольныя слезы навернулись у нея на глазахъ.

Съ перваго же дня она замѣтила въ его характерѣ большую перемѣну: онъ сталъ необычайно подозрителенъ и недовѣрчивъ. Каждый шорохъ заставлялъ его вздрагивать всѣмъ тѣломъ, онъ избѣгалъ неосвѣщенныхъ комнатъ и по прежнему приказалъ Василью спать около дверей своей спальни.

Еще грустнѣе прежняго потянулись въ Горкахъ унылые дни. Иногда Столешниковъ цѣлыми днями ни съ кѣмъ не говорилъ. Онъ часами сидѣлъ за своею работой, но Марья Матвѣевна замѣчала, что тѣ же самыя страницы его сочиненія и книгъ покрывались пылью; онъ запрещалъ кому бы то ни было ихъ ка-

Digitized by Google

саться. Не разъ видѣла она въ щелку дверей, что онъ даже не читаетъ, а сидитъ неподвижно, откинувъ голову на спинку креселъ, и думаетъ...

„О чемъ онъ думаетъ?“ съ мучительнымъ недоумѣніемъ спрашивала себя бѣдная женщина, и страдальческое выраженіе лица ея „барина“ надолго врѣзывалось у ней въ памяти.

„Помяни, Господи, покой въ сердце раба твоего Николая!“ горячо молилась она каждый вечеръ.

„Глупо... все глупо устроено въ этомъ мірѣ,“—думалъ Николай Николаевичъ, сидя надъ своими запыленными книгами;—„живешь, хлопочешь объ успѣхѣ, объ удовольствіяхъ, и совершенно незамѣтно подходишь къ той неизбѣжной минутѣ, когда приходится сказать себѣ: „Твоя пѣсня спѣта!“ И тутъ уже ничѣмъ не вернешь ни молодыхъ силъ, ни спокойствія духа. Я не одинъ—многіе живутъ такъ... вездѣ это торопливое, беззаботное желаніе жить, наслаждаться, безъ всякаго разсужденія о томъ, что будетъ, когда силы измѣнятъ. Въ итогѣ усталость, пустота,—ужасная, ничѣмъ непополнимая пустота, тоскливое ожиданіе минуты, когда судьбѣ вздумается тебя прихлопнуть; два-три свѣтлыхъ воспоминанія и длинный, длинный списокъ постыдныхъ мыслей, дрянныхъ поступковъ... Кто же сказалъ, что за все это надо отвѣчать? Кто же можетъ спросить съ меня за нихъ?“

Онъ задумывался надъ этими вопросами; ему смутно чувствовалось, что за все дурное должно быть возмездіе—но гдѣ? какъ? Его болѣзненное лицо принимало безпомощное выраженіе. Онъ дѣйствительно былъ жалокъ. Семья, забота о насущномъ хлѣбѣ, любимое занятіе, наука, искусство, религія—все это было чуждо ему, ничто не будило интереса къ жизни, интереса къ людямъ. Ему казалось искусственнымъ все то, что наполняетъ жизнь другихъ людей, и, воображая, что всѣ живутъ подобно ему, онъ разбирался лишь въ собственныхъ мысляхъ и ощущеніяхъ, всегда возвращаясь къ непонятному факту появленій человѣка въ бѣломъ шарфѣ. Ему ясно было одно, что онъ видитъ что-то для другихъ невидимое, что для него воплощается какая-то темная невѣдомая сила, которая, можетъ быть, и составляетъ часть его самого, но все таки является силой глубоко ему враждебною, съ которою рано или поздно ему придется еще помѣряться. Иногда ему сдавалось, что это таинственное существо знаетъ всѣ его мысли, все, что онъ хотѣлъ бы скрыть, и что оно-то и является къ нему за разсчетомъ за прошлое.

Digitized by Google

„Никому нѣтъ дѣла до всего этого“,—думалъ онъ, „уже потому, что только для меня онъ существуетъ. Если бы я имѣлъ больше силы и смѣлости, я могъ бы безнаказанно уничтожить „его“, какъ отрубаютъ ногу, зараженную гангреной. А если у меня раскрылись глаза, и я имѣю способность видѣть его—развѣ это значитъ, что я съумасшедшій и что меня слѣдуетъ взять подъ опеку?—Ничуть! Я не долженъ даже бояться, разъ это раздвоеніе существуетъ... „онъ“ всегда можетъ быть со мною... да не стоитъ-ли онъ и теперь тамъ сзади, въ темномъ углу кабинета“?..

Холодный ужасъ охватывалъ Столешникова; онъ пугливо отворачивалъ взоръ отъ угла, гдѣ сгущались уже ночныя тѣни, и задыхающимся голосомъ начиналъ звать Василія.

Ему дѣлалось легче, едва шаги его человѣка раздавались въ сосѣдней комнатѣ.

— Василій, зажги лампу... темно становится... И не уходи далеко—можетъ быть, что-нибудь понадобится.

Особенно мучительны были для Николая Николаевича безсонныя ночи, когда все тѣ же мысли, съ разными подробностями, но все съ тѣми же выводами кружились въ его головѣ. Иногда, проснувшись среди ночи, онъ не осмѣливался оглядѣть озаренную тусклымъ свѣтомъ ночника комнату; ему казалось, что кто-то шевелится въ полумракѣ и, крѣпко зажмуривъ глаза, весь похолодѣвъ, неподвижно лежалъ онъ до разсвѣта.

Разъ какъ-то у себя въ кабинетѣ онъ вслухъ произнесъ нѣсколько словъ. Василій, думавшій, что его зовутъ, вошелъ въ комнату, но, видя, что баринъ не обращаетъ на него вниманія и говоритъ самъ съ собою, остановился въ недоумѣніи. Николай Николаевичъ замѣтилъ его лишь черезъ нѣсколько минутъ,—когда тотъ хотѣлъ уйти,—замѣтилъ и вскочилъ съ мѣста, весь позеленѣвъ отъ гнѣва.

— Тебѣ что надо?!. закричалъ онъ громовымъ голосомъ:— подсматривать!?. подслушивать!?. Вонъ!!. чтобы духу твоего въ моемъ домѣ не оставалось! Подкупленный доносчикъ! Шпіонъ!

Не мало усилій стоило Марьѣ Матвѣевнѣ уговорить Столешникова не прогонять Василія и оставить его при себѣ. Она такъ и не могла добиться, въ чемъ состояла собственно его вина. Она замѣтила только, что чѣмъ горячѣе защищала она Василія, тѣмъ съ большею подозрительностью взглядывалъ на нее Николай Николаевичъ, тѣмъ съ большимъ недовѣріемъ спрашивалъ онъ ее: „да вамъ-то что?“

Digitized by Google

VI.

Мѣсяца черезъ три, уже въ іюлѣ, Столешниковъ попалъ подъ сильный дождь и промокъ до костей. Въ сумерки, сидя у себя въ кабинетѣ, онъ почувствовалъ жаръ, ознобъ и сильную головную боль. Боясь расхвораться, онъ рѣшилъ попросить заварить себѣ липоваго чаю.

Для этого онъ прошелъ въ проходную „диванную", гдѣ Марья Матвѣевна обыкновенно сидѣла за работой. И теперь, хотя уже смеркалось, она вязала чулокъ у раскрытаго окна.

— Марья Матвѣевна,—сказалъ ей Столешниковъ,—заварите-ка мнѣ на ночь липоваго чаю. Мнѣ что-то не по себѣ.

Онъ остановился, оглядывая потонувшую въ полумракѣ комнату. Ему показалось, что кто-то шевельнулся невдалекѣ отъ Марьи Матвѣевны. Дѣйствительно въ темнотѣ простѣнка поднялась со стула какая-то тѣнь. Странная, необъяснимая тревога внезапно объяла Николая Николаевича. Широко раскрывъ глаза, глядѣлъ онъ передъ собою. У Марьи Матвѣевны не рѣдкость была застать гостя, но на этотъ разъ посѣтитель показался знакомымъ Столешникову.

— Кто тутъ?—не своимъ голосомъ спросилъ онъ и, раньше чѣмъ кто-нибудь успѣлъ отвѣтить, онъ почувствовалъ, что вся кровь бросилась ему въ голову и въ виски застучало, какъ молоткомъ.

Съ мягкою шляпой въ рукѣ передъ нимъ стоялъ человѣкъ въ бѣломъ шарфѣ. Столешниковъ въ первый разъ видѣлъ его въ комнатѣ, безъ шляпы. Весь блѣдный, широко раскрывъ глаза, попятился онъ назадъ... Но страшный призракъ приближался къ нему, беззвучно шевеля губами, пронизывая его взглядомъ, страннымъ, безумнымъ взглядомъ...

Николай Николаевичъ отчаянно замахалъ руками, закричалъ нечеловѣческимъ голосомъ и во весь ростъ грохнулся навзничь на полъ...

Онъ пришелъ въ себя вечеромъ въ постели. У изголовья его сидѣла Марья Матвѣевна и при свѣтѣ ночника вязала чулокъ.

— Господь съ вами, Николай Николаевичъ,—сказала ему она, замѣтя, что онъ очнулся.—Какъ вы теперь? Бульону не хотите-ли? Или липоваго чаю?

Digitized by Google

Она отложила чулокъ и встала, чтобы поправить ему подушки.

— Кто-нибудь былъ у васъ? страннымъ голосомъ спросилъ больной.

— Когда?

— Когда я вошелъ... нетерпѣливо добавилъ онъ.

— Былъ. Андрей Ефремовичъ былъ; недавно изъ Москвы пріѣхалъ, такъ зашелъ.

— Андрей Ефремовичъ... повторилъ онъ недовѣрчиво;—кто такой Андрей Ефремовичъ?

— Будто вы не знаете? изъ города... Навѣрно не разъ встрѣчали... поврежденный онъ... Да вы же его знаете, онъ тутъ часто бродитъ.

Лицо Столешникова вспыхнуло гнѣвомъ.

— Лжете вы!—закричалъ онъ;—у васъ никого не было. Вы молчали, когда я вошелъ... что же онъ нѣмой, что-ли?

— Нѣмой, нѣмой... торопливо подтвердила она.

Онъ поглядѣлъ на нее съ негодованіемъ и недовѣріемъ.

— Отчего же у него глаза купца Сойникова? Вы, пожалуй, скажете, что они родня... братья, не правда-ли?

— Я же говорю, что вы его знаете... конечно, онъ купцу Сойникову доводится своднымъ братомъ...

— Это ужь ни на что не похоже!—внѣ себя закричалъ онъ,—вы повторяете все, что я вамъ говорю!!

Онъ съ сердцемъ поворотился къ стѣнѣ и замолчалъ.

— За что же вы сердитесь?—кротко замѣтила она:—вѣдь вы же сами знаете его...

— Да, я знаю... снова поворачиваясь къ ней, проговорилъ онъ;—я знаю его... но вы-то его знать не можете!—Зачѣмъ же онъ былъ у васъ и почему онъ этотъ бѣлый шарфъ надѣлъ?

— Онъ завсегда такъ одѣвается. Божій онъ человѣкъ.

— А!? Онъ—Божій человѣкъ!—въ страшномъ гнѣвѣ закричалъ Столешниковъ.—Вы все лжете... васъ подучили! васъ подкупили! Его нѣтъ—этого Божьяго человѣка, слышите-ли—его нѣтъ и не было...

„Бредитъ... онъ не въ полной памяти“,—подумала она, замѣтя лихорадочный блескъ его взора.

Николай Николаевичъ лежалъ, откинувъ голову на подушки и широко раскрывъ глаза.

— Никого нѣтъ... все вздоръ! Зачѣмъ вы меня хотите обмануть? Вѣдь не можете же вы позвать его?

Digitized by Google

— Можно. Кажется, онъ въ застольной ночевать остался. Можно разбудить... просто сказала Марья Матвѣевна.

Столешниковъ такъ и закатился истерическимъ хохотомъ.

— Это чудесно!.. ха, ха, ха, ха... вы его позовете... ха, ха, ха... зовите же скорѣе... слышите... скорѣе...

Онъ задыхался въ припадкѣ нервнаго смѣха. Даже Василій проснулся въ сосѣдней комнатѣ и робко заглянулъ въ дверь. Марья Матвѣевна позвала его.

— Василій,—налей, голубчикъ, скорѣе стаканъ воды... я имъ голову подержу. Ишь вѣдь—закатились!

Но хохотъ Столешникова не утихалъ.

— Зовите... Скорѣе... повторялъ онъ въ промежуткахъ.

— Кого зовутъ-то? шепотомъ спрашивалъ оробѣвшій Василій,—священника, что-ли?

— Священника... съ горечью повторила Марья Матвѣевна.— Нѣтъ, Андрея Ефремовича хотятъ видѣть.

Мало по малу Николай Николаевичъ началъ успокаиваться. Онъ закрылъ глаза и лежалъ тихо, по временамъ только вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Позвать, что-ли, Андрея Ефремовича-то? шепотомъ спросилъ Василій:—онъ на застольной ночуетъ.

— Позови, что же? Онъ человѣкъ Божій... Да пошли Степана верхомъ въ городъ за докторомъ. Разсердятся они, да что же дѣлать?—можетъ быть, докторъ ихъ хоть сонныхъ посмотрятъ.

Василій ушелъ.

Андрей Ефремовичъ дѣйствительно съ утра прибылъ въ Горки и остался ночевать. Это былъ сводный братъ купца Сойникова, лѣтъ десять тому назадъ послѣ легкаго удара потерявшій языкъ и разсудокъ. Ѣздя весной въ Москву за товаромъ, Сойниковъ обыкновенно привозилъ къ себѣ на лѣто больного брата; остальное время онъ жилъ у сестры въ Москвѣ. Старожилы губернскаго города помнили его еще совершенно здоровымъ и принимавшимъ дѣятельное участіе въ торговлѣ подъ фирмою „братьевъ Сойниковыхъ“. Онъ былъ кротокъ и тихъ, какъ ребенокъ; въ околоткѣ его знали всѣ и по окрестнымъ имѣніямъ онъ обыкновенно бродилъ одинъ. Иногда ему давали работу: чистить что-нибудь или отбирать ягоды, и онъ все это дѣлалъ безпрекословно.—„Справедливый человѣкъ“,—говорила про него Марья Матвѣевна. Зная нелюбовь Столешникова ко всякимъ странникамъ, монахамъ и юродивымъ, она и Андрея Ефремовича при-

Digitized by Google

нимала гдѣ-нибудь въ далекой комнатѣ, чтобы онъ не попался барину на глаза.

Андрей Ефремовичъ уже спалъ въ застольной на нарахъ, когда прибѣжалъ за нимъ Василій. Совершенно не понимая, куда и зачѣмъ зовутъ его, онъ всталъ, надѣлъ свое, бережно сложенное на ночь, пальто, намоталъ на шею бѣлый шарфъ и послушно побрелъ за Василіемъ.

Столешниковъ лежалъ безъ движенія; въ полузабытьи онъ слышалъ, что кто-то вошелъ въ комнату.

Вотъ привели его,—сказала ему Марья Матвѣевна.

— Кого?—спросилъ онъ, широко раскрывая горящіе глаза.

— Андрея Ефремовича... объясняла она, показывая ему куда-то рукой.

— Какого? Зачѣмъ?—Онъ поглядѣлъ по направленію ея руки, и мускулы его лица дрогнули. Съ ужасомъ вытаращивъ глаза, онъ приподнялся, сбросилъ покрывало, путаясь въ полахъ халата, спустилъ на полъ босыя ноги и, сидя на кровати, словно замеръ, вглядываясь... Въ двухъ шагахъ отъ него невѣрно озаренный мерцающимъ свѣтомъ лампы-ночника, съ мягкою шляпой въ рукахъ, стоялъ человѣкъ въ бѣломъ шарфѣ...

Свѣту не взвидѣлъ Николай Николаевичъ; въ одно мгновеніе ока вскочилъ онъ съ постели и съ дикимъ крикомъ: „а! ты здѣсь... такъ вотъ же тебѣ"!—какъ коршунъ бросился на вошедшаго, какъ клешнями схватилъ его за горло и началъ душить, но силы его оставили, голова откинулась назадъ, и онъ рухнулъ безъ чувствъ къ ногамъ испуганнаго Андрея Ефремовича.

Больнаго перенесли на постель и долго терли ему виски. Наконецъ онъ вздохнулъ, проговорилъ что-то невнятное и, поудобнѣе разлегшись на постели, кажется задремалъ. Андрей Ефремовичъ исчезъ, едва освободили его изъ рукъ больнаго. Василій перетащилъ свой тюфякъ въ самую спальню, улегся на полу, у дверей, и вскорѣ заснулъ. Не спала среди ночной тишины только Марья Матвѣевна, заботливо глядѣвшая на подушки, въ которыхъ утонуло исхудалое лицо ея „барина".

— Его нѣтъ и не было никогда... вдругъ явственно произнесъ онъ.

Она молчала, затая дыханіе.

— Ахъ, право!.. да, говорите же... вѣдь не было, не было никогда? Марья Матвѣевна—я съ вами говорю—настойчивымъ тономъ повторилъ онъ.

— Не было, не было... какъ утѣшаютъ дѣтей, поспѣшно сказала она.

Digitized by Google

Онъ поднялъ голову.

— Ага! теперь—„не было“... а прежде—что вы говорили? о, неподкупная!..

Она молчала.

— Даже для меня больше нѣтъ его... я задушилъ... Если я себѣ палецъ отрѣжу—кому есть дѣло?

— Да не тревожьтесь, Николай Николаевичъ, ему ничего не сдѣлалось... тихо произнесла Марья Матвѣевна.

— Кому?

— Да Андрею Ефремовичу...

— Какому?

— Что приходилъ сюда... въ бѣломъ шарфѣ.

— Въ бѣломъ шарфѣ!?—Онъ сѣлъ на постелѣ.—Вы его видѣли?

— Ахъ, Господи, конечно видѣла.

— Лжете!! крикнулъ онъ такъ, что Василій вскочилъ спросонокъ и сѣлъ на своемъ тюфякѣ, протирая заспанные глаза.

Больше онъ не сталъ говорить и, откинувшись на подушки, казалось заснулъ.

Онъ проснулся среди ночи. Марья Матвѣевна дремала въ креслѣ. Лампа слабо освѣщала комнату и крѣпко спавшаго у дверей Василія. Столешниковъ оглянулся на окно, выходившее на балконъ, въ садъ, и потъ холодными каплями выступилъ на его лбу. Съ балкона, прижавшись лицомъ къ стеклу, глядѣлъ въ комнату своими страшными глазами человѣкъ въ бѣломъ шарфѣ.

Неожиданное рѣшеніе внезапно созрѣло въ разгоряченной головѣ больнаго. Онъ быстро всталъ и, поправляя на плечахъ халатъ, скользнулъ къ окну. Но призракъ уже исчезъ. Больной открылъ окно: темная іюльская ночь пахнула на него свѣжестью; онъ перешагнулъ черезъ подоконникъ на балконъ и, не слышно ступая босыми ногами, спустился въ темный садъ.

Обрывки дикихъ, чудовищныхъ мыслей кружились въ его головѣ... машинально шелъ онъ впередъ, даже не запахивая своего халата отъ ночной сырости. Шнурокъ пояса, вися сзади, мелъ своими кистями песокъ дорожки...

На разсвѣтѣ Столешникова нашли въ саду повѣсившимся на шнуркѣ отъ своего халата.

За гробомъ его шли убитая горемъ Марья Матвѣевна рядомъ съ человѣкомъ въ бѣломъ шарфѣ.

Алексѣй Смирновъ.

Константинополь.

Digitized by Google

ОПЫТЪ О СВОБОДѢ ВОЛИ.

(Изъ посмертныхъ рукописей.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ числѣ рукописей покойнаго Петра Евгеніевича Астафьева сохранился обширный и законченный трактатъ о свободѣ воли. Вопросъ о свободѣ воли, по собственнымъ словамъ философа, „глубоко и издавна интересовалъ“ его, и свой взглядъ на этотъ предметъ онъ считалъ „выраженіемъ самой сущности своего міровоззрѣнія, въ его *итогѣ*“ (см. его брошюру: „Къ вопросу о свободѣ воли,“ М. 1889, предисл.). По свидѣтельству лицъ, близко стоявшихъ къ покойному, онъ придавалъ своему труду о свободѣ воли особенное значеніе и предназначалъ его къ печати. Было бы дѣйствительно очень жаль, если бы онъ не увидалъ свѣта: какъ бы кто ни смотрѣлъ на его постановку и его основную мысль, во всякомъ случаѣ каждый, надѣемся, согласится, что это — результатъ тщательнаго изученія вопроса и серіозной работы мысли, — трудъ, который и въ настоящее время, несмотря на довольно долгій, почти двадцатилѣтній періодъ (по точному указанію самого П—а Е—ча, онъ составленъ въ 1874—76 годахъ,—см. цит. брош.), истекшій со времени его составленія, представляетъ отнюдь не одинъ только историко-біографическій интересъ.

Къ сожалѣнію, рукопись оказалась въ формѣ далеко неисправной. Закончивъ свой трудъ, авторъ неоднократно возвращался къ нему,—вносилъ въ него поправки, дополненія и дѣлалъ изъ него извлеченія (такъ, изъ него взято почти все содержаніе первыхъ четырехъ главъ брошюры: „Къ вопросу о свободѣ воли“). Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, а отчасти и вслѣдствіе другихъ, чисто внѣшнихъ, причинъ въ рукописи оказались пробѣлы и иногда довольно значительные (къ

Digitized by Google

сожалѣнію, страницы въ рукописи не вездѣ проставлены, такъ что не всегда даже можно опредѣлить, сколькихъ именно страницъ въ томъ или другомъ мѣстѣ недостаетъ). Все это могло бы слишкомъ затруднить изданіе рукописи и даже сдѣлать его совсѣмъ невозможнымъ, если бы счастливая случайность не сохранила среди разрозненныхъ листочковъ, затерявшихся въ большой связкѣ оставшихся послѣ покойнаго черновиковъ, маленькаго наброска плана или конспекта первой (наиболѣе пострадавшей) части рукописи. Этотъ-то конспектъ, вмѣстѣ съ упомянутою уже нами брошюрою: „Къ вопросу о свободѣ воли," и даетъ возможность возстановить, хотя, къ сожалѣнію, и не въ полномъ составѣ, трудъ нашего даровитаго мыслителя.

Принявъ на себя редакцію рукописи, мы почитали своею нравственною обязанностію возможно бережнѣе относиться къ этому осиротѣвшему дѣтищу покойнаго философа и поэтому поставили своею главною задачей воспроизвести трудъ автора по возможности такъ, какъ онъ задуманъ и выполненъ имъ самимъ. Вслѣдствіе этого, мы удерживаемъ не только планъ рукописи, но и всѣ детали и лишь въ крайнихъ и необходимыхъ случаяхъ позволяемъ себѣ дѣлать въ ней измѣненія, сокращенія и вставки (въ важнѣйшихъ случаяхъ они вездѣ оговорены). Заглавіе сочиненія нами взято изъ черноваго наброска конспекта: въ самой рукописи этого заглавія нѣтъ, такъ какъ вопросъ о свободѣ воли, повидимому, входилъ, какъ частный отдѣлъ, въ болѣе обширное сочиненіе, которое, по замыслу автора (насколько можно судить о немъ по двумъ-тремъ уцѣлѣвшимъ страничкамъ), должно было представлять нѣчто въ родѣ Системы Метафизики.

Алексѣй Введенскій.

Сергіевъ Посадъ,
Іюль, 1895 г.

Digitized by Google

ВВЕДЕНІЕ [1].

I.

Значеніе вопроса о свободѣ воли для мысли и жизни.

Понятіе о ***нравственной свободѣ*** составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ философіи. Только, когда намъ удастся сохранить понятіе свободы въ ея настоящемъ значеніи, и понятіе религіи получитъ свою прочную опору: только свободная индивидуальность способна стоять въ дѣйствительно религіозномъ отно-

---

[1] Никакого „Введенія" въ рукописи нѣтъ. Подъ этимъ заголовкомъ мы объединяемъ здѣсь два вопроса, входившіе по первоначальному плану автора, въ составъ *первой главы*. Къ сожалѣнію, только эти два вопроса изъ нея и уцѣлѣли. Всѣ-же остальные утрачены (впрочемъ, какъ видно изъ сличенія, ниже помѣщаемаго нами, конспекта первой главы съ брошюрою: „Къ вопросу о свободѣ воли", большая часть содержанія первой главы вошла въ составъ первыхъ четырехъ главъ названной брошюры,— по крайней мѣрѣ, самъ авторъ говоритъ въ предисловіи, что двѣ главы онъ взялъ изъ рукописи „почти цѣликомъ").—Мы относимъ два, предлагаемые здѣсь, отрывка рукописи къ *„Введенію"*, руководствуясь исключительно ихъ содержаніемъ: никакихъ указаній для этого ни въ рукописи, ни въ „конспектѣ" нѣтъ.—Вотъ конспектъ первой главы, набросанный рукою самаго П—а Е—ча.

§ 1. Задача сочиненія.—Значеніе вопроса для этики и спекулятивной науки.—Дилеммы, въ которыя ставитъ вопросъ.

§ 2. Моменты, существенные для изслѣдованія.—Обыкновенный пріемъ въ рѣшеніи вопроса.—Два возраженія на свободу воли.—Предположеніе, лежащее въ основаніи обоихъ.

§ 3. Различеніе вопроса о свободѣ воли отъ вопроса о свободѣ дѣйствія.—Различное отношеніе къ той и другой принужденія и необходимости.—Основное условіе вмѣненія.—Формула вопроса о свободѣ или несвободѣ воли.—Примѣры путаницы, производимой отклоненіями отъ нея.—Ходъ разсужденія детерминизма.—Внѣшность нравственнаго качества „характеру" въ ученіи детерминизма.—Общая характеристика ученія.

§ 4. Несостоятельность замѣны вопроса о свободѣ воли вопросомъ о ея нравственномъ качествѣ, преим. у Гегеля и Гегеліанцевъ. Какъ возможенъ выходъ изъ детерминизма.—Попытка искать этого выхода въ единствѣ и всеобщности *я*.—Предположеніе, вслѣдствіе котораго эта попытка кончается ничѣмъ; его односторонность.—Выходъ въ ученіе трансцендентальной свободы.—Общія ученіямъ трансцендентальной свободы и детерминизма черты. Заключительная характеристика обоихъ ученій.

А. Введ.

Digitized by Google

шеніи къ Богу. Съ другой стороны, нѣкоторые философы, какъ напр. Гамильтонъ, связываютъ съ вопросомъ о свободѣ воли человѣка даже самый вопросъ о бытіи Бога. По мнѣнію Гамильтона, „рокъ или необходимость могутъ объяснять матеріальныя явленія и помимо Бога. Только бытіе человѣческаго свободнаго духа необходимо предполагаетъ и Творца, который есть свободный духъ. Если наше вѣрованіе въ свободу—иллюзія, если нашъ духъ есть только продуктъ матеріальной природы,—то мы имѣли бы основаніе вывести отсюда, что и *вообще* проявленія духа и цѣли въ природѣ могутъ быть сведены, въ концѣ концовъ, на матеріальную необходимость". И дѣйствительно, несомнѣннѣйшее изъ всѣхъ доказательствъ бытія Божія есть доказательство *нравственное*, выходящее изъ нравственной природы человѣка и его нравственнаго назначенія. Итакъ, дѣйствительно-ли можетъ человѣкъ *автоматически* располагать своими силами, вносить въ жизнь отъ самаго себя *нѣчто новое*, не предопредѣленное въ природѣ предшествующими дѣйствію условіями, или же онъ составляетъ только одинъ изъ моментовъ въ объясненіи природы, одинъ изъ переходныхъ пунктовъ общихъ космическихъ силъ въ непрерывномъ ряду механическаго причиненія, вещь въ ряду вещей?

Важность этого вопроса видна уже изъ того громаднаго труда, какое искони тратила спекуляція на его рѣшеніе. И должно сознаться, что результаты ея усилій не особенно благопріятны нашей задачѣ. Спекуляція знаменательно склоняется къ детерминистической сторонѣ рѣшенія вопроса, и даже богословіе (преимущественно протестантское) охотно заимствуетъ оттуда конечные выводы. Всѣ системы, признающія предопредѣленіе, становятся тѣмъ самымъ на путь детерминизма; и даже ученія ничего не знающія о предопредѣленіи сходятся, однако же, съ этимъ ученіемъ въ томъ, что отрицаютъ у человѣка свободу въ смыслѣ способности къ добру, слѣдовательно урѣзываютъ понятіе свободы по крайней мѣрѣ съ одной стороны. Можно заранѣе ожидать, поэтому, что отстоять понятіе свободы будетъ не легко.

Но всего менѣе дозволительно отчаяваться вовсе въ конечномъ рѣшеніи вопроса и закончить, сказавъ себѣ non l'guet, какъ сдѣлалъ это, напр., Юмъ. Въ этомъ случаѣ мы за одно отказались бы и отъ всей науки, по крайней мѣрѣ отъ такой, которая стремится *понять* природу и духъ. Для обѣихъ областей оставалось бы въ этомъ случаѣ только эмпирическое раз-

Digitized by Google

смотрѣніе тѣхъ случайныхъ связей и послѣдованій явленій, подпавшихъ нашему наблюденію, которыя ничего не могутъ дать для нашихъ высшихъ задачъ. Но если въ какой-нибудь области и возможно ограничиться простымъ *описаніемъ* фактовъ и ихъ послѣдованій, отказавшись отъ *объясненія* ихъ, отказавшись отъ всякаго исканія *началъ*, объясняющихъ и оправдывающихъ эти факты, то всего менѣе возможно это въ области нравственной. Можно смѣло сказать, что *нравственности вовсе нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ сознаннаго начала ея*, гдѣ мѣсто такого сознаннаго начала заступали бы, напр., привычка, инстинктъ, чувство и т. п. основанія, полагаемыя иными quasi-философствующими моралистами въ основаніе этики. Какое достоинство ни имѣла бы, въ виду задачъ общежитія, моя привычка, мой нравственный инстинктъ и мое нравственное чувство, какую пользу ни приносили бы они моимъ ближнимъ и согражданамъ, но, сами по себѣ, *какъ естественные продукты* моего естественнаго развитія, они не имѣютъ никакого преимущества передъ другими, также естественно необходимо развившимися привычками, инстинктами и чувствами—они *сами по себѣ не различаются отъ послѣднихъ, какъ добрыя отъ злыхъ, какъ должныя отъ недолжныхъ*. Продукты естественнаго необходимаго развитія—всѣ равно естественны, равно необходимы. Въ ихъ непосредственной естественности нѣтъ *никакого* основанія для различенія между ними какъ добрыми или злыми, истинными или ложными, прекрасными или безобразными. Не выходя изъ области естественной необходимости, мы никогда и не найдемъ этихъ различій (чему лучшій примѣръ—Спиноза, да и весь пантеизмъ вообще). Различія же эти полагаются только съ точки зрѣнія *цѣлей*, началъ нашего сознанія. Только въ нихъ находимъ мы основаніе утверждать, что нѣчто *должно* мыслиться, совершаться и быть, а не просто мыслится, совершается и есть,—что мысли, дѣйствія и образы имѣютъ разную логическую, нравственную и эстетическую *цѣну*, разное достоинство.

Такимъ образомъ, безъ *сознаннаго* начала нравственности, послѣдней, собственно, вовсе нѣтъ, а есть только нравственно-безразличное естественное бываніе, полезное для однихъ, вредное для другихъ. Что нравственнаго сознаннаго начала не могутъ замѣнить непосредственно-проявляющіяся въ насъ привычки, инстинкты и чувства, явствуетъ,—помимо того, что послѣднія какъ только существующіе факты не даютъ никакихъ *нормъ*, ни-

Digitized by Google

чего долженствующаго быть, никакого различія добра и зла,— еще и изъ слѣдующихъ соображеній.

1) Возможно допустить, что сложившіеся во мнѣ нравственные инстинкты, привычки и чувства сдѣлаютъ меня способнымъ *вѣрно* оцѣнить чужіе, не относящіеся до меня, поступки, какъ нравственно-добрые или злые; но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы я могъ, съ ихъ помощью, *безпристрастно* судить о себѣ самомъ и о дѣйствіяхъ, непосредственно затрогивающихъ мое личное благосостояніе, такъ какъ и инстинктъ и чувство спеціально предназначены для служенія моему собственному благу и самосохраненію, то—указывая мнѣ соотвѣтствующія тому цѣли, то—оцѣнивая, съ этой точки зрѣнія, испытываемыя мною явленія. Затѣмъ, 2) и привычка и инстинктъ и чувство, слагаясь во мнѣ путемъ накопленія предшествовавшихъ опытовъ (моихъ-ли личныхъ, моихъ-ли предковъ), могутъ и быть компетентными цѣнителями—судьями только въ случаяхъ, *подобныхъ* уже встрѣчавшимся въ этомъ прежнемъ опытѣ, передъ *новыми же*, непривычными случаями они безсильны, теряются и оставляютъ меня безъ всякаго испытаннаго руководителя, на произволъ случайности. Наконецъ,—3) и привычка, и инстинктъ, и чувство вовсе не такъ исключаютъ другіе противоположные или различные инстинкты, привычки и чувства, какъ одна мысль, противуположная по содержанію другой, или различная отъ нея, исключаетъ послѣднюю, такъ что возможность неразрѣшимой коллизіи мыслей неисчислимо меньшая, чѣмъ возможность неразрѣшимыхъ коллизій привычекъ, инстинктовъ и чувствъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ что, руководясь одними инстинктами, привычками и чувствами, мы и не такъ объективно судимъ о себѣ какъ о другихъ и не готовы заранѣе для произнесенія нравственнаго сужденія о *всякомъ* возможномъ въ дѣйствительности случаѣ, и не гарантированы заранѣе отъ такого столкновенія однихъ инстинктовъ, привычекъ и чувствъ съ другими, въ которыхъ бы мы остались безъ указанія—какимъ изъ нихъ именно слѣдовать. Сужденія привычки, инстинкта и чувства оказываются такимъ образомъ и 1) *необъективными*, и 2) *невсеобщими*, и 3) *не необходимыми*. Для полученія же сужденій и объективныхъ, и всеобщихъ, и необходимыхъ даетъ средства только *сознанное* нравственное начало, нравственный *принципъ*. Напомнивъ, вдобавокъ ко всему сказанному, что въ человѣкѣ, одаренномъ сознаніемъ, привычки, инстинкты и чувства дѣйствуютъ

Digitized by Google

слабѣе и неопредѣленнѣе, чѣмъ въ любомъ животномъ и тѣмъ слабѣе, чѣмъ развитѣе наша сознательная жизнь, мы должны повторить, уже какъ несомнѣнное, положеніе, что *нравственности вовсе нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ сознаннаго начала нравственности*, что, отказываясь отъ установленія и разумнаго оправданія такого начала, ограничиваясь одной привычкой, инстинктивной моралью, *мы отказываемся тѣмъ самымъ и отъ всей нравственности вообще.*

Но, признавъ однажды необходимость установленія и конечнаго оправданія начала нравственности, мы уже тѣмъ самымъ признаемъ, что и помянутое non liquet,—наложеніе запрещенія на вопросъ о свободѣ воли,—равносильно полному отрицанію нравственности, такъ какъ именно въ свободѣ воли высшее оправданіе и объясненіе всей нравственной жизни человѣка. Ибо, если нѣтъ свободы хотѣть того или другаго, но все совершается необходимо, то нѣтъ и смысла въ различіи понятій о должномъ и недолжномъ. Вопросъ о началѣ и существѣ нравственной жизни тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ вопросомъ о свободѣ воли; у нѣкоторыхъ же философовъ, какъ напр. у Канта, оба вопроса даже совершенно совпадаютъ. Вслѣдствіе этой-то тѣсной связи вопроса о свободѣ воли съ тѣмъ, что есть святѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго для человѣка, и такъ ничтожно число философовъ, рѣшающихся *прямо* и безъ оговорокъ отрицать свободу человѣческой воли, во имя спекулятивной, теоретической необходимости и послѣдовательности своихъ системъ. Всего чаще встрѣчаются попытки сдѣлки, компромисса. Большинство системъ поэтому допускаютъ самое понятіе свободы, но при этомъ позволяютъ себѣ такія толкованія его, при которыхъ оно теряетъ всякое содержаніе и смыслъ. Не всѣ рѣшаются такъ честно, какъ Спиноза, вовсе отказаться отъ этого понятія, принимая заранѣе и всѣ послѣдствія такого отказа.

II.

Понятіе свободы.

Можно было бы ожидать, что по крайнѣй мѣрѣ понятіе предмета, о которомъ такъ долго разсуждали, точно установлено; но на дѣлѣ оказывается иное: споры о нашемъ вопросѣ даже скорѣе увеличили спутанность понятій въ этой области и въ свою очередь питались ею.

Digitized by Google

1) Исходя изъ обыкновеннаго словоупотребленія, мы приписали бы слову „свобода“ очень широкое значеніе: маятникъ колеблется свободно, если ничто его движенія не задерживаетъ; животное свободно, если клѣтка не препятствуетъ ему осуществить свое естественное стремленіе къ движенію. Но здѣсь идетъ рѣчь не объ этихъ двухъ видахъ свободы. Первый видъ движенія, наоборотъ, очень несвободный: обусловленное всецѣло внутреннею механикою машины, движеніе здѣсь слѣдуетъ закону необходимости, также и движеніе животнаго всецѣло принадлежитъ физической природѣ, какъ она противополагается нравственной свободѣ. Но и этихъ примѣровъ довольно для опредѣленія понятія свободы приблизительно, по крайней мѣрѣ съ отрицательной стороны. Свободнымъ окажется въ этомъ опредѣленіи все, что не опредѣлено чѣмъ-либо *инымъ*, но всецѣло *само* себя опредѣляетъ: маятникъ въ своихъ колебаніяхъ слѣдуетъ все-таки собственнымъ законамъ своего механизма.

2) Перенося это опредѣленіе на нравственную область, мы назвали бы свободнымъ того человѣка, который опредѣленъ не чѣмъ-либо отвнѣ, но самимъ собою. Однако, этого еще далеко не достаточно для нашего понятія, мы еще далеко не затронули этимъ опредѣленіемъ настоящаго, *нравственнаго* момента понятія. Можно бы представить себѣ, что дѣйствіе является слѣдствіемъ внутренней природы человѣка въ томъ же смыслѣ, какъ колебаніе маятника—слѣдствіе его внутренняго механизма; оно могло бы представиться какъ самъ собою разумѣющійся продуктъ нашей организаціи, при чемъ получилась бы только связь причины и дѣйствія, слѣдовательно, опять-таки обусловленность,—если и не отвнѣ, то изнутри,—обусловленность, которая была бы опять необходимостью, противополагаемой свободѣ. Недостаточно смотрѣть на дѣйствія человѣка, какъ на слѣдствіе его природы, хотя и соотвѣтствующее ей, но *неизбѣжное*; оно должно быть независимо не только отъ внѣшняго принужденія, но и отъ собственной природы,—*оно не должно представляться развитіемъ одного момента изъ другаго*. Здѣсь умѣстно будетъ указать и на двусмысленность выраженія „природа“ по отношенію къ человѣку. Между тѣмъ, какъ вся природа вещей состоитъ лишь въ той или иной внутренней механикѣ,—въ той или иной данной организаціи, въ которой уже всесторонне предопредѣленъ, какъ необходимое ихъ слѣдствіе, и родъ реакціи вещи на то или другое вліяніе отвнѣ,—природа человѣка содержитъ въ себѣ нѣкоторую

Digitized by Google

двойственность: наряду съ внутренней механикой, организаціей къ природѣ человѣка принадлежитъ еще и *самосознаніе*, дѣлающее человѣка *личностью* и между тѣмъ часто ничего не знающее о внутренней механикѣ, организаціи физическаго индивида. Между тѣмъ, какъ природа физическаго индивида, животнаго въ человѣкѣ съ такой-же необходимостью реагируетъ на внѣшнія вліянія, какъ и въ любой вещи,—въ самосознаніи человѣческомъ многіе философы видятъ именно основаніе свободы; ибо, относя, въ силу своей самосознательности, всѣ свои представленія, помыслы, желанія *къ себѣ*, сознавая ихъ, какъ *свои*, человѣкъ eo ipso перестаетъ уже опредѣляться ими, какъ причинами, съ необходимостью, но получаетъ возможность относиться къ нимъ *объективно*,—возможность подвергать *данныя* представленія, помыслы и желанія критикѣ, выбирать изъ нихъ и слагать въ себѣ *новыя*. Въ этомъ же самосознаніи, въ которомъ, какъ мы сказали, многіе философы видятъ основаніе свободы,—въ его единствѣ,—и единственное основаніе *единства нравственной личности*. Личность существуетъ въ той мѣрѣ, нравственное существо постольку едино, тождественно себѣ, поскольку оно *само* себя сознаетъ единымъ; между тѣмъ, какъ единство человѣка, какъ существа физическаго, можетъ существовать и помимо собственнаго сознанія индивида, только для сторонняго внѣшняго наблюдателя. Отсюда видно, что не все совершаемое человѣкомъ, какъ физическимъ индивидомъ, есть дѣйствіе *его*, какъ нравственной личности. Какъ такой, ему могутъ быть приписаны лишь дѣйствія самосознательныя, ибо внѣ единства его самосознанія, какъ сказано, нѣтъ и единства его нравственной личности. Приписывая человѣку его дѣйствія *безсознательныя*, проистекшія *только* изъ безсознательнаго въ немъ (напримѣръ, безсознательнаго характера, хотѣнія), или даже *наперекоръ* его сознательному хотѣнію,—какъ дѣлаютъ философы безсознательнаго, Шопенгауэръ и Гартманнъ,—мы, такимъ образомъ, очевидно, упускаемъ изъ виду *единство агента, какъ нравственнаго, самосознающей личности, и можемъ имѣть въ виду лишь единство агента физическаго*, представляющееся стороннему наблюденію. Не игнорируя же нравственной личности въ агентѣ, мы можемъ ему приписывать только дѣйствіе его сознательнаго рѣшенія и хотѣнія. Эти соображенія особенно важны по отношенію къ *вмѣняемости* человѣческихъ дѣяній, къ отвѣтственности человѣка за нихъ. Очевидно, что всѣ ученія, вмѣняющія нравственной личности,

Digitized by Google

самосознающему человѣку (вмѣненіе-же вещи, напримѣръ, снѣгу—его холода, нелѣпо) дѣйствія, вытекающія въ концѣ-концовъ только изъ *без*—или *предсознательнаго* въ немъ (таковы ученія детерминизма и трансцендентальной свободы [1]),—имѣютъ дѣло уже не съ *единымъ* нравственнымъ субъектомъ, но съ двумя различными, нравственнымъ и физическимъ, такъ что субъектъ *судимый* есть иной, чѣмъ субъектъ, *совершившій* дѣйствіе. Вмѣненіе же, при такихъ условіяхъ, есть нелѣпость и съ юридической, и съ нравственной, и съ логической точекъ зрѣнія. Человѣкъ, какъ пользующійся своею свободой, долженъ представляться прежде всего *отвѣтственнымъ*, но это было-бы немыслимо, если-бы дѣйствіе было заранѣе предопредѣлено чѣмъ бы то ни было, даже собственною природой индивида, ибо въ послѣднемъ случаѣ отвѣтственность лежала бы не на агентѣ, но на томъ, что создало его природу именно такъ, а не иначе опредѣленною. Если, напримѣръ, гнѣвъ, въ припадкѣ котораго я совершаю насильственное дѣйствіе, есть конечное объясненіе послѣдняго, и имѣетъ основаніе въ моемъ холерическомъ темпераментѣ, въ такой, а не иной комбинаціи нервныхъ токовъ моего тѣла, то я дѣйствовалъ бы иначе, если-бы природа дала мнѣ иную организацію, и она, природа, а не я, отвѣчаетъ, конечно, за этотъ фактъ. Свобода, такимъ образомъ, опредѣляется какъ независимое не только отъ внѣшнихъ вліяній, но и отъ собственной опредѣленности, и въ этомъ именно парадоксальность понятія свободы, не уживающагося ни съ какимъ представленіемъ о связи, о порядкѣ состояній, событій etc.

3) Въ виду предшествующаго, свобода, повидимому, является даже тождественною со *случайностью*, такъ какъ ея результаты могутъ быть во всякомъ данномъ случаѣ прямо противоположны: въ силу свободы своей я равно могу и совершить дѣйствіе и не совершить его. Эта-то *возможность совершить и то и другое и составляетъ существенное предположеніе свободы*; слѣдовательно—возможность совершенно различныхъ результатовъ изъ одного и того же источника. Это именно мы и называемъ *случаемъ*, природа котораго и состоитъ въ одинаковой возможности наступленія и ненаступленія, въ полной независимости отъ пред-

[1] О недостаткахъ *детерменизма* и теоріи, такъ называемой, *трансцендентальной свободы* см. брошюру П-а Е-ча: „Къ вопросу о свободѣ воли“, гл. III—IV.

А. Введ.

Digitized by Google

шествующаго ряда причинъ. Это видимое совпаденіе понятій свободы и случая побуждало многихъ къ отрицанію свободы. Укажемъ, поэтому, уже здѣсь на важную неточность, въ которой должно упрекнуть всѣхъ почти, кто отрицаетъ свободу воли, какъ *чистую случайность*,—на томъ основаніи, что свободная воля есть воля, *опредѣленія которой не имѣютъ причинъ*, отождествляя такимъ образомъ понятіе *случайнаго* (безосновнаго) съ понятіемъ безпричиннаго, не опредѣленнаго *причинами*. Въ такомъ отождествленіи прежде всего проступокъ противъ словоупотребленія, ибо случайнымъ зовутъ люди не то, что̀ предполагаютъ не имѣющимъ причинъ (такого предположенія нѣтъ) или чему причинъ они еще *не знаютъ*,—но̀ главнымъ образомъ то, что̀ представляется несоотвѣтствующимъ никакой цѣли разума, безцѣльнымъ, неразумнымъ, слѣпымъ и т. п.—таковъ былъ древній fatum (и такое значеніе понятія случайности не безызвѣстно логикамъ). Но далѣе — въ указанномъ отождествленіи случайнаго съ безпричиннымъ заключается и чреватая ошибками *фактическая* и *научныя* неточность. *Случайно* только тогда не опредѣленное *причинами*, когда оно подъ сурдиной предполагается неопредѣленнымъ и никакими цѣлями, или же когда мы заранѣе приняли уже, безъ критики, за вѣрное—положеніе, *что цѣли разума опредѣляютъ послѣдній какъ причины*, суть, какъ и всѣ причины, безусловно — (неизмѣнно) предшествующія его опредѣленій. Но это предположеніе невѣрно уже потому, что „цѣль“ никогда не входитъ въ сознаніе *готовою* изъ безсознательной психической жизни или изъ области психическаго механизма. Даны сознанію готовыми изъ этого механизма — *потребности*, *желанія*, но не цѣли. Цѣль, какъ такая, непремѣнно *конструируется* сознаніемъ. Иначе и не можетъ быть, такъ какъ въ понятіи цѣли выражается не одна данная субъективная опредѣленность потребности или желанія, такъ же какъ и не одна данная опредѣленность объективнаго, внѣшнихъ, окружающихъ субъектъ условій—но не данное еще для сознанія приноровленіе, примѣненіе послѣдняго (объекта) къ первому (субъекту). Это же примѣненіе, въ случаѣ *непривычныхъ*, автоматичныхъ актовъ, должно необходимо быть дѣломъ *сознательной работы*. Ergo—понятія цѣли въ сознаніи *нѣтъ*, пока послѣднее ее не конструировало, а потому *цѣли* сознанія и не могутъ опредѣлять его подобно *причинамъ*, такъ какъ всякая причина, дабы быть ею, произвести слѣдствіе, должна быть *дана* съ готовою

Digitized by Google

опредѣленностью.[1] Мы должны, далѣе, назвать эту своболу произволомъ, совершенно неотличимымъ здѣсь отъ свободы, и—*эквилибристической* или *формальной свободой*, состоящей въ чистой возможности и способности къ дѣйствію (agilitas) ни въ чемъ еще не предопредѣляющей содержаніе послѣдняго. Всѣ эти соображенія неизбѣжны для насъ, пока мы заботимся о сохраненіи понятія нравственной и юридической отвѣтственности. Свобода должна, съ этой точки зрѣнія, состоять въ *возможности* начать рядъ нравственныхъ событій дѣйствительно сначала, съ дѣйствительною причинностью; ее невозможно опредѣлить иначе, какъ свободой распоряженія своими силами съ исключеніемъ всякаго принужденія, какъ отвнѣ, такъ и изнутри. Если нельзя удержать понятія свободы въ этомъ смыслѣ, то ея вообще нѣтъ: всѣ попытки видоизмѣнить это опредѣленіе свободы уничтожаютъ самое ея понятіе.

4) Такъ, напримѣръ, вносятся совершенно чуждые этому понятію моменты, когда мы опредѣляемъ свободу, какъ способность дѣйствовать хорошо и дурно. При этомъ, во-первыхъ, не устраняется то затрудненіе, что изъ одной причины могутъ произойти противуположные результаты; здѣсь уже примѣшивается къ тому или иному образу дѣйствія его нравственное качество между тѣмъ, какъ требуется еще понять послѣднее. Затѣмъ это опредѣленіе непримѣнимо по меньшей мѣрѣ къ Богу, относительно котораго возможность зла должна быть, конечно, отрицаема. Но понятіе свободы, повидимому, должно быть одно и то же и для абсолютнаго, и для сотвореннаго духа, такъ какъ оно совершенно совпало съ понятіями духа, личности.

5) Другое возможное видоизмѣненіе понятія, съ цѣлью избѣжать указанныхъ неудобствъ, состоитъ въ томъ, что свободу опредѣляютъ какъ способность только къ одному роду нравственныхъ дѣйствій, добрыхъ или злыхъ. Такъ смягченное уче-

[1] Замѣтимъ теперь же, что указанное предположеніе необходимо (не говоря о матерьялистахъ, для которыхъ вообще сознаніе, а слѣдовательно и понятіе цѣли, есть только—*опредѣляемое* причинами, но само ничего и никакъ не опредѣляющее) только въ школѣ Гербарта, ибо по ея психологіи наши представленія, понятія etc. суть *механическія силы, сами по себѣ* уже опредѣленныя въ своемъ механическомъ взаимодѣйствіи и только опредѣляющія сознаніе (какъ и всякая *сила*, то-есть причинно), а не опредѣляемыя имъ. Поэтому всего чаще мы и находимъ отождествленіе случайнаго съ безпричиннымъ у Гербарта и гербартіанцевъ; ср. напр., *Krobisch*: Moral. Statist. u. Willensfr., pp. 62—63).

Digitized by Google

ніе предопредѣленія приписываетъ человѣку только свободу къ злу, сводя его способность къ добру на помощь свыше, слѣдовательно на опредѣленіе отвнѣ. Наоборотъ, общепринятое опредѣленіе свободы, въ смыслѣ свободы реальной, находитъ ее только въ выборѣ добра, между тѣмъ какъ зло остается актомъ несвободы и выводится изъ нѣкотораго рода рабства человѣка его чувственнымъ пожеланіямъ. Обѣ эти попытки взаимно уничтожаютъ одна другую уже потому, что свидѣтельствуютъ одна противъ другой; во всякомъ случаѣ при этомъ тотъ родъ дѣйствій, который исключается изъ сферы свободы вмѣстѣ съ тѣмъ терялъ бы значеніе *нравственнаго*, eo ipso потерялъ бы это значеніе и противоположный родъ дѣйствій, неисключенный, такъ какъ свое нравственное опредѣленіе добрыя дѣйствія получаютъ только по противоположенію злымъ, и наоборотъ. Поэтому остается только принять выставленное уже выше опредѣленіе свободы. *Свобода есть или власть нашъ надъ своими хотѣніями, рѣшеніями для дѣйствія или бездѣйствія, для такого или иного дѣйствія,—или же ея вовсе нѣтъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

П Е. Астафьевъ.

Digitized by Google

БЛАГОВѢСТЪ.

Колоколовъ протяжный гулъ
Всѣ мысли суетно-мірскія,
Какъ мухъ докучливыхъ, спугнулъ
И разбудилъ сердца людскія.

Но замеръ благовѣстъ вдали,
Послѣднимъ звукомъ слухъ лелѣя,
И цѣпи тяжкія земли
Еще намъ стали тяжелѣе...

Но счастливъ, кто повѣрить могъ,
Что не солгалъ намъ звонъ вечерній,
Вѣщая межъ сомнѣнья терній
О томъ, что есть надъ нами Богъ.

П. П.

Digitized by Google

ИЗЪ ИСТОРІИ УЧЕНАГО МОНАШЕСТВА ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ этой статьи, или, по собственному его выраженію, „памятной записки"—Высокопреосвященный Никаноръ, Архіепископъ Херсонскій и Одесскій († 27 декабря 1890 г.). Записка составлена имъ въ 1880 году. Оставалась ненапечатанною въ теченіе десяти лѣтъ съ 1880 по 1890 г. „по совѣту друзей", какъ замѣчаетъ самъ Высокопреосвященный Никаноръ на оригиналѣ; въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ не печаталась по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ наслѣдника его неизданныхъ литературныхъ трудовъ. Что желаніемъ Высокопреосвященнаго автора было обнародовать „записку" по смерти его неотложно, видно изъ имѣющейся на оригиналѣ слѣдующей собственноручной его надписи: „въ случаѣ моей смерти немедленно отпечатать въ *Старинѣ*, или гдѣ-либо повидимѣе".

Воспроизводимый текстъ представляетъ точный снимокъ съ оригинала отъ первой строки до послѣдней. Примѣчанія, вынесенныя подъ строку, принадлежатъ Высокопреосвященному Никанору и сдѣланы имъ въ 1890 году.

Оригиналъ „записки" носитъ заглавіе нѣсколько иное, чѣмъ то, подъ какимъ она издается. Именно въ оригиналѣ стоитъ: „Прежде смерти умершій іеромонахъ Валеріанъ. Памятная записка Александра Б." (то-есть Александра Бровковича—мірское имя Архіепископа Никанора). Наслѣдникъ неизданныхъ литературныхъ трудовъ покойнаго позволилъ себѣ дать ей другое заглавіе, болѣе общаго характера, руководясь слѣдующими соображеніями. Некрологъ іеромонаха Валеріана послужилъ только поводомъ къ составленію этой „записки" и личность Валеріана не составляетъ въ ней центральной фигуры, точнѣе—заслоняется другими историческими личностями изъ ученаго монашества 60-хъ годовъ. „Записка" имѣетъ важное біографическое значеніе при изученіи личности самого Высокопреосвященнаго Никанора.

Digitized by Google

Здѣсь сообщаются факты не только такіе, очевидцемъ которыхъ онъ былъ, но и факты, имѣвшіе мѣсто въ его личной жизни. Глубокій психологическій анализъ жизни ученаго монаха 60-хъ годовъ—копія съ натуры, причемъ авторъ нерѣдко имѣлъ въ виду самого себя. Какъ литературное произведеніе, наконецъ, эта „записка“ характеризуетъ условія жизни, идеалы, стремленія, положеніе въ обществѣ не отдѣльнаго лица, а цѣлаго класса лицъ, и именно лицъ, монашествовавшихъ въ 60-хъ годахъ. Для современныхъ представителей этого класса она представляется въ нѣкоторомъ родѣ катихизисомъ, по выраженію одного изъ читавшихъ „записку“ въ подлинникѣ, съ каковою характеристикой былъ вполнѣ согласенъ и почившій Высокопреосвященный Никаноръ.

Вотъ соображенія, лежащія въ измѣненіи заглавія „записки“. Интересъ ея отъ этой замѣны, по нашему убѣжденію, нисколько, однако, не ослабѣваетъ, а напротивъ увеличивается.

С. Петровскій.

„Ложь и клевета“,—поднявшись въ волненіи сказалъ я самъ себѣ, лишь только дочиталъ этотъ болѣе многихъ другихъ печальный некрологъ В. А. Орлова до словъ: „и странное дѣло: виновникомъ *невольнаго* поступленія Орлова въ монашество былъ тотъ самый *Іоаннъ*, впослѣдствіи епископъ *Смоленскій, который самъ былъ жертвою той же самой системы*... Онъ, заставъ однажды Орлова въ какой-то студенческой пирушкѣ, объявилъ ему, что онъ или долженъ выйти изъ академіи или *постричься въ монахи*! Орловъ избралъ послѣднее“... [1] Это комокъ грязи въ двѣ могилы. Но одна и безъ того полна уже таковою. А въ другую могилу и въ зарытую въ ней историческую личность, если ужь и кидать, то напередъ нужно крѣпко подумать. Очевидно, авторъ некролога или не знаетъ дѣла, или же увлекается предвзятою идеей въ рѣзкую крайность. Во всякомъ случаѣ онъ не скрываетъ своего нерасположенія къ монашеству и, очевидно, готовъ кидать грязью не только въ лица, но и въ цѣлое учрежденіе.

Онъ пишетъ: „такая исключительная личность, какъ покойный В. А. Орловъ, со всѣми своими положительными и отрицательными качествами имѣетъ *историко-общественное значеніе*“...

---

[1] *Церк.-Общ. Вѣст.* 1880 г., № 6-й.

Digitized by Google

Почти согласенъ. То обстоятельство, что такія высоко-развитыя личности, какъ *архимандритъ Ѳеодоръ Бухаревъ*, *іеромонахъ Валеріанъ* и нѣкоторые другіе, въ послѣдніе годы сняли иноческій и священный санъ, чего въ прошлыя времена не было слышно, что теперь мы мало видимъ и слышимъ о новыхъ поступленіяхъ образованныхъ молодыхъ людей въ чинъ монашествующихъ, тогда какъ въ недавно прошедшіе годы это было обычнымъ явленіемъ, этотъ фактъ дѣйствительно имѣетъ общественно-историческое значеніе. Можно допустить и то, что имена архимандрита Ѳеодора и іеромонаха Валеріана не потонутъ въ рѣкѣ забвенія, какъ не забылись противоположнаго качества имена преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, основателей монашества на святой Руси. Сіи блаженной памяти мужи начали собою первое, а тѣ печальной памяти лица начинаютъ собою второе тысячелѣтіе Русской церковной исторіи. Преподобный Антоній и Ѳеодосій Кіево-печерскіе были восходящія свѣтила на зарѣ зарождающагося утра народной жизни. А Ѳеодоръ и Валеріанъ—ихъ какъ назвать? Развѣ спадшими съ неба звѣздами въ началѣ надвигающейся ночи? Думаю, да, имена эти будутъ безспорно историческими, какъ знаменія надвигающейся эпохи,—печальныя-ли, веселыя-ли знаменія, то Богъ Святый знаетъ; но по сравненію съ свѣтлымъ прошедшимъ скорѣе и вѣрнѣе слѣдуетъ ждать, что печальныя и мрачныя... Впрочемъ, повѣрьте, что даже этимъ невольно пришедшимъ сейчасъ подъ перо сопоставленіемъ я не хочу кого-либо осудить, слѣдуя внушенію св. Апостола: *безотвѣтенъ еси, о человѣче, всякъ судяй: имъ же бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши.*

Если же не только Іоанну Смоленскому, но и Валеріану суждено перейти въ исторію, то пусть же перейдутъ въ свѣтѣ дѣйствительности, какъ я могу ее припомнить. А о томъ и другомъ, по однимъ воспоминаніямъ, даже безъ документовъ подъ руками, я могъ бы составить цѣлую біографію, по крайней мѣрѣ о томъ періодѣ ихъ жизни, который прошелъ у меня предъ глазами. Впрочемъ скажу только о постриженіи Валеріана и объ истинныхъ причинахъ смерти преосв. Іоанна Смоленскаго. Само-собою разумѣется, что всего сказать я не могу, что знаю; а съ другой стороны и не солгу. Случится, быть можетъ, измѣнить истинѣ развѣ только тамъ, гдѣ намъ самимъ измѣнитъ наше воспоминаніе. Но главнѣйшія обстоятельства, о которыхъ хочу говорить, я вижу въ воспоминаніи какъ свѣтъ этихъ двухъ

Digitized by Google

свѣчей, которыя вотъ горятъ на столѣ предъ моими глазами и освѣщаютъ мою работу.

Въ первый разъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи я увидѣлъ Василія Орлова въ обществѣ іеромонаха І., теперь епископа, въ мірѣ І. Д—ва [1]: оба тверяки-земляки. Одинъ только-что кончилъ курсъ въ Академіи магистромъ и отправлялся на службу инспекторомъ хорошей видной семинаріи [2]; а другой только поступалъ изъ родной имъ обоимъ Тверской семинаріи въ Академію. При первомъ взглядѣ на юношу Орлова меня поразила въ немъ типически русская красота, не женственная красота, что иногда бываетъ въ недоросткахъ-юношахъ или мальчикахъ, а чисто мужская: этотъ бѣло-молочный, на щекахъ ярко румяный, цвѣтъ лица, эти длинныя рѣсницы, каріе глаза, открытый вызывающій блескъ, на который весело было смотрѣть, этотъ по-русски вздернутый носъ, впрочемъ правильно очерченный, намекавшій на откровенность, на нѣкоторое легкомысліе, на отвагу, даже на дерзость, эти яркія пухлыя губы, около нихъ пока еще ни уса, ни бороды, на головѣ богатѣйшая темно-каштановая растительность, длинные бѣлые пальцы на довольно большихъ, но соотвѣтственныхъ корпусу и элегантнаго очертанія рукахъ, высокій ростъ еще не вполнѣ сложившейся юности, нѣкоторая неловкость, но далеко не грубость, не деревенскій складъ манеръ, звонкій пѣвучій голосъ, щеки, съ которыхъ пока еще не совсѣмъ сбѣжала дѣтская припухлость,—все это черты не часто встрѣчающіяся въ одномъ лицѣ. Ясно было, что вижу предъ собою недозрѣлаго, но полно-жизненнаго и привлекательнаго юношу. Онъ, помнится, поступилъ въ Академію очень молодымъ, лѣтъ 18—19. Подумалось при первомъ взглядѣ, что за диво! Что за явленіе? Въ Духовныхъ Академіяхъ новыя личности, въ родѣ ново-пріѣзжихъ студентовъ, встрѣчаются старшими обыкновенно съ нѣкоторою чопорностью. Но тутъ было явное исключеніе, рѣдкій продуктъ природы. Разговорились тотчасъ же, несмотря на нѣкоторое неравенство лѣтъ и положеній. Впрочемъ, несмотря на первую благопріятную встрѣчу, поглощенный тогда трудами, года на два я совсѣмъ почти потерялъ Орлова изъ виду; такъ что не помню о немъ изъ этихъ двухъ лѣтъ почти ничего. Памятенъ остался только одинъ забавный случай. Разъ прихожу по долгу службы

[1] Іосифа Дроздова; скончался въ званіи епископа Смоленскаго 1890 г.
[2] Рижской.

Digitized by Google

навѣстить Академическую больницу и, увидѣвъ тамъ Орлова въ больничномъ халатѣ, самымъ заботливымъ образомъ освѣдомляюсь у него: „что это у васъ щеки какъ распухли?“ А вышло на дѣлѣ, что на Академическихъ хлѣбахъ Орловъ и возмужалъ и еще больше располнѣлъ, боленъ былъ онъ не щеками, а какою-то другою мелочью, или такъ просто пришелъ въ больницу отдохнуть. По разрядным спискамъ въ первые два года, въ низшемъ отдѣленіи, при двухгодичномъ курсѣ, Орловъ шелъ, помнится, выше середины, однако же не въ числѣ первыхъ. Но съ переходомъ въ высшее отдѣленіе Орловъ загремѣлъ. Ректоръ Академіи, именитѣйшій іерархъ, митрополитъ Московскій Макарій, поставилъ ему на мѣсячномъ сочиненіи высшій баллъ. У многихъ другихъ наставниковъ онъ получилъ лучшіе же баллы и скоро въ разныхъ спискахъ очутился первымъ. И никто не говорилъ, что это не по праву. Всѣ, напротивъ, признавали въ этомъ студентѣ и трудолюбіе, и многосторонность свѣдѣній, и способность къ ученой работѣ при замѣчательныхъ дарованіяхъ, при свободномъ дарѣ слова, при живости характера, а также и представительной наружности, которая рѣдко вредитъ, а напротивъ весьма часто помогаетъ жизненному успѣху. Поведеніе его, насколько оно было извѣстно Академической инспекціи, было не только аккуратно, но и безупречно. Студенческая пирушка, о которой свидѣтельствуютъ его сокурсники въ № 6 *Церковнаго Вѣстника*, осталась секретомъ между его товарищами и о. инспекторомъ Іоанномъ. Ничего подобнаго даже я не слыхалъ ни прежде, ни послѣ, тогда какъ я пользовался двустороннею близостью и по начальству и между нѣкоторыми студентами, кромѣ того имѣлъ особыя личныя причины вникнуть въ мотивы, побудившіе г. Орлова принять монашество. Дѣло происходило иначе.

Для Духовной Академіи монахи нужны были по многимъ соображеніямъ. Такъ скудость тогдашнихъ профессорскихъ окладовъ заставляла большую часть свѣтскихъ наставниковъ смотрѣть на академическую службу, какъ на переходную. При удобномъ случаѣ нѣкоторые изъ нихъ оставляли ее очень охотно. Нѣкоторые же, оставаясь преподавателями въ Академіи, брали на себя службу священниковъ—или приходскихъ, или же всего чаще законоучителей въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Причемъ академическая служба, какъ менѣе и даже скудно вознаграждающая, становилась побочною. Разработка академической науки подви-

Digitized by Google

галась слабо. Этому, впрочемъ, были и другія причины. Главная изъ нихъ заключалась въ духѣ того вѣка. Всѣ преподаватели Академіи боялись тогда выступить съ какою бы то ни было самодѣятельностію на поприщѣ богословской науки. До сихъ поръ живъ и все еще здравствуетъ, и да здравствуетъ многая лѣта маститый іерархъ [1], который иногда повторяетъ, какъ ему новопоступившему еще въ первыхъ 30-хъ годахъ въ Академію профессору и инспектору его времени ректоръ архимандритъ Виталій внушалъ: „Боже тебя сохрани! Боже тебя сохрани писать что-либо отъ себя“... Пугали обыкновенно Филаретомъ. То было время бѣдственныхъ исторій протоіерея Павскаго, протоіерея Красноцвѣтова, протоіерея Сидонскаго, перевода Библіи на русскій языкъ и т. д. Одни труженики науки пострадали въ своемъ положеніи; труды другихъ просто не прошли и легли навсегда въ цензурныхъ архивахъ, а всѣ прочіе были запуганы. Благотворный толчекъ къ разработкѣ богословской науки въ нашихъ академіяхъ дали Оберъ-Прокуроръ Св. Сунода графъ Протасовъ, ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи епископъ Аѳанасій и только что начавшій тогда Макарій, митрополитъ Московскій. Честь поддержанія этого новаго движенія безспорно принадлежитъ графу Протасову; его крѣпкая рука понадобилась, чтобы сдержать порывы придирчивой цензуры и тогда, когда новое движеніе начинало уже приносить свои полезные плоды. Въ эту пору, желая пріобрѣсть для Академіи побольше работниковъ, наиболѣе усидчивыхъ и постоянныхъ, ректоръ епископъ Аѳанасій вызвалъ въ С.-Петербургскую Академію уже готовыхъ іеромонаховъ Макарія и Ѳеофана, питомцевъ Кіевской Академіи, и Іоанна, питомца Московской Академіи. Приглашалъ-ли епископъ Аѳанасій, во время своего ректорства, кого-либо изъ студентовъ принять монашество, мнѣ это положительно неизвѣстно, хотя и тогда я былъ вхожъ въ студенческій міръ. Впрочемъ и нужды въ такихъ приглашеніяхъ не было. Монаховъ въ Академіи было довольно и безъ того, особенно изъ вдовыхъ священниковъ. Одинъ изъ нихъ преосв. Герасимъ, епископъ Астраханскій [2]. Были-ли подобныя приглашенія при кроткомъ и осмотрительномъ преемникѣ Аѳанасія, преосв. епископѣ Евсевіи, до нашего поступленія въ Академію, не знаю, не слышалъ. Изъ XVII курса

[1] Кіевскій митрополитъ Платонъ. 1890 г.

[2] Скончался въ 1880 году.

Digitized by Google

монаховъ было довольно; изъ нихъ были Кириллъ, епископъ Мелитопольскій, изъ нихъ же Леонтій, архіепископъ Холмскій и Варшавскій. Сіи приняли монашество вольною волею; это мнѣ достовѣрно извѣстно. Воспитанникъ XVIII курса о. ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи [1] сказалъ одному новопосвященному архіерею: „вотъ и мнѣ предлежалъ подобный же жребій монашества, да Богъ судилъ иначе, какъ видите“,—намекая, повидимому, на то, что когда онъ былъ студентомъ, ему намекали о постриженіи въ монашество. Однако же, его несогласіе на постриженіе не помѣшало ему ни кончить курсъ первымъ магистромъ, ни остаться баккалавромъ въ Академіи, которую вскорѣ онъ оставилъ доброю волей, принявъ мѣсто священника за-границею, кажется, въ Висбаденѣ. Изъ XIX курса еще въ Академіи заявляли желаніе поступить въ монашество 8 студентовъ. Четыремъ изъ нихъ дозволено принять монашество [2],—всѣ епископы; намѣреніе трехъ другихъ не могло быть тотчасъ же осуществлено, какъ не вполнѣ созрѣвшее; а рѣшительное желаніе одного было отклонено по неувѣренности въ его характерѣ. Это несомнѣнно. Впослѣдствіи сей послѣдній женился, принялъ священство и вскорѣ же умеръ. Кажется, и остальные трое впослѣдствіи женились. Помнится, еще одинъ, уже девятый по счету, по окончаніи курса, однако же еще прежде назначенія на мѣсто, также изъявлялъ рѣшимость принять мѣсто миссіонера въ Абхазіи въ чинѣ монаха. Но какъ дѣло его чѣмъ-то замялось, то онъ женился и, принявъ мѣсто священника около Петербурга, вскорѣ овдовѣлъ [3]. Изъ того же XIX курса принялъ монашество и еще одинъ, по счету десятый, уже на учебной службѣ, изъ свѣтскихъ наставниковъ семинаріи на крайнемъ Сѣверо-Востокѣ Россіи. Этотъ съ теченіемъ времени впалъ въ меланхолію и сдѣлался неспособенъ къ службѣ. Теперь уже скончался. А еще одинъ, по счету одиннадцатый, принялъ монашество, послѣ того какъ былъ женатъ, принялъ священство и рано овдовѣлъ,—теперь епископъ [4]. Достовѣрно и то, что тогдашній ректоръ Академіи [5], съ нескрываемою осмотрительностію, медлилъ постриженіемъ въ монашество одного [6] и изъ первыхъ

[1] Протопресвитеръ Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ.
[2] Герману, Никанору, Іосифу и Серапіону.
[3] И сошелъ съ ума.
[4] Палладій, архіепископъ Волынскій.
[5] Евсевій.
[6] Никанора.

Digitized by Google

четырехъ, которые удостоены пострига въ самой Академіи, еще во время студенчества. Несомнѣнно и то, что его давнюю, заявленную по меньшей мѣрѣ съ 17-ти-лѣтняго возраста, рѣшимость быть инокомъ, сдерживали два почтеннѣйшіе іеромонаха, духовники Лавры, съ которыми онъ совѣтовался, и одинъ ученый архимандритъ [4], его воспитатель, не говоря о свѣтскихъ наставникахъ, въ томъ числѣ и Димитріи Ивановичѣ Ростиславовѣ, которые принимали въ юношѣ теплое участіе. Не подумайте, однако же, что эти совѣтники говорили что-либо укоризненное о монашествѣ. Сохрани Богъ, нѣтъ. А только участливо предостерегали. Означенный о. архимандритъ, весьма многоопытный, говорилъ: „помни ты, N. N., что навѣрное ¾ ученыхъ монаховъ погибаютъ; много всякихъ опасностей... Но всего больше сохрани Богъ отъ вина: вино рождаетъ отчаянные помыслы“. Одинъ свѣтскій профессоръ семинаріи [2] говорилъ: „повѣрьте любезный, я самъ въ ваши лѣта босой ходилъ по святымъ мѣстамъ, по монастырямъ Новогородскимъ, думая быть монахомъ, а видите, чѣмъ кончилъ“. Въ ту пору этотъ профессоръ былъ уже пожилой отецъ семейства.

Отчего бы эти юноши шли въ монашество? Отъ честолюбія? Нѣтъ, слово чести. Сохрани Богъ. Но разсудите, отчего идутъ въ целибатство и монашество сотни и тысячи воспитанниковъ римско-католическихъ духовныхъ семинарій и институтовъ? Пишущему привелось по душѣ, въ интимномъ кругѣ, разсуждать объ этомъ съ римско-католическими духовными воспитателями юношества. У нихъ юноши-питомцы еще въ стѣнахъ заведенія принимаютъ постригъ. Принимаютъ вслѣдствіе безусловной замкнутости въ школѣ, вслѣдствіе невинности и неопытности, вслѣдствіе всесторонне обдуманной системы благочестиваго воспитанія, ежедневнаго слушанія обѣдни, еженедѣльнаго, да въ случаѣ потребности и ежедневнаго испытанія совѣсти предъ духовникомъ, вслѣдствіе крайней трудности проникнуть въ стѣны интерната какому бы то ни было мірскому соблазну чрезъ книгили, чрезъ сообщество-ли съ людьми. Юношей-питомцевъ тамъ берегутъ сосудами христіанской чистоты и невинности, усиливаясь неустанно очищать ихъ благочестивымъ ученіемъ, молитвами и таинствами, неотступно согрѣвая ихъ сердца духомъ

[4] Аристіонъ.

[2] П. И. Боголюбовъ.

Digitized by Google

церкви. Прочитайте, кто не вѣритъ и не знаетъ этой системы, уставы католическихъ семинарій; въ началѣ 60-хъ годовъ они были разосланы по нашимъ семинаріямъ для руководства. Но не отъ того-ли католическіе воспитанники даютъ обѣты дѣвства, что предвидятъ распущенность въ будущемъ? Тысячу разъ нѣтъ. Да и думать такъ было бы кощунствомъ противъ Бога и человѣческаго сердца. То фактъ, что католическіе ксендзы борются съ собою не мало. Даже Эмиль-Золя имѣетъ добросовѣстность признавать это въ своихъ романахъ. Даютъ обѣты дѣвства и чистоты, принося себя въ жертву Богу и церкви, въ юношеской невинности сердца, которая въ римско-католическихъ духовныхъ школахъ соблюдается строже и систематичнѣе, и въ сердечной благочестивой теплотѣ, которая возгрѣвается тамъ искуснѣе и заботливѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иныхъ школахъ. Это я утверждаю не по однимъ только книгамъ, а и по личному, короткому, даже близкому знакомству съ одною римско-католическою семинаріей [1] и ея руководителями.

Отчего идутъ въ монашество наши? Идутъ часто отъ сиротства: такъ всѣ четыре студента XIX курса, принявшіе монашество въ Академіи, всѣ были сиротами, имѣли матерей, сиротъ — братьевъ и сестеръ, и приняли монашество между прочимъ, чтобы поддержать въ жизни своихъ присныхъ. Идутъ въ монашество отъ замкнутости въ дѣтствѣ, въ школахъ, вслѣдствіе отдаленности отъ родства, отчужденности отъ свѣта, отъ обыденной семейной жизни. Идутъ оттого, что съ ранняго дѣтства наслушались отъ дѣдовъ и бабушекъ псальмъ и поэтически легендарныхъ сказаній о святомъ градѣ Іерусалимѣ или Кіевѣ, о подвижническихъ пещерахъ, о пустыняхъ и отшельникахъ, о святыхъ праведныхъ чернецахъ и черницахъ; оттого, что съ ранняго же дѣтства по нѣскольку разъ прочитали весь кругъ Четій-Миней, патериковъ и другихъ подвижническихъ сказаній, и прочитали, какъ дѣти, которымъ принадлежитъ царствіе небесное, не мудрствуя лукаво, свято вѣруя каждому прочитанному церковному слову, соревнуя славѣ святыхъ, ревнуя о спасеніи собственной души, мечтали о подвижничествѣ гдѣ-либо въ глухой пустынѣ, на тихомъ берегу рѣки или ручья, въ удаленіи отъ міра, въ содружествѣ съ медвѣдями, въ одинокой борьбѣ съ темными силами. Вы думаете, что картина инока Серафима, который въ пустынѣ кормитъ изъ

[1] Саратовскою.

Digitized by Google

рукъ медвѣдя, или стоитъ на колѣняхъ въ одинокой пустынной кельѣ, почивши сномъ смерти, что эта и подобныя картины мало дѣйствуютъ на воображеніе дѣтей и простыхъ людей? А посмотрѣли бы вы на древнія древне-кіевскаго стиля церкви, въ родѣ великой церкви Кіево-Печерской Лавры, въ родѣ соборныхъ церквей древнихъ монастырей Юго-Западнаго края, въ которыхъ всѣ стѣны отъ полу до главы церкви испещрены священно-историческими, всего же больше подвижническими, апокалипсическими и даже мистическими изображеніями. Посмотрѣли бы вы на нихъ не теперь, а наглядѣлись бы на нихъ въ вашемъ дѣтствѣ, когда дѣтское сердце „горя́ бѣ въ насъ“, когда разъѣдающаго умственнаго скептическаго анализа не было ни слѣда. Чтобы повѣрить насъ хоть сколько-либо, постойте или хотя посидите среди такихъ церквей, когда ихъ посѣщаетъ и разглядываетъ простой народъ. Прислушайтесь къ тому, что народъ говоритъ, какъ переносится въ надземный или преисподній, во всякомъ случаѣ, потусторонній міръ. Шли въ монашество потому, что съ дѣтскихъ лѣтъ съ умиленіемъ сердечнымъ 100 разъ прочитали Новый Завѣтъ, нѣсколько разъ всю библію отъ доски до доски; оттого, что съ дѣтства же прочитали, не только въ церкви прослушали, а нарочито сами прочитали весь кругъ богослужебныхъ книгъ,— что многое болѣе поэтическое въ нихъ, напр., пасхальную службу, знали съ дѣтства наизусть, изучивъ ее, конечно, не въ видѣ заданнаго урока, но по увлеченію поэтичностью свѣтло-пасхальныхъ дней и службъ, по стремленію возстановить для себя эти службы и въ другіе дни года, для чего тихонько отъ родныхъ брали пасхальную книжку и восторженно пѣли пасхальную службу гдѣ-либо въ уединенномъ уголку, чтобъ старшіе не увидали, такъ какъ пѣть пасхальныя пѣсни въ непасхальные дни считалось грѣхомъ. Шли въ монашество потому, что Апокалипсисъ прочитали еще въ раннемъ дѣтствѣ, прежде прочихъ книгъ Новаго Завѣта, и Апокалипсисъ поражающимъ образомъ подѣйствовалъ на дѣтское воображеніе. Шли въ монашество оттого, что съ дѣтства насквозь проникнуты и пропитаны были музыкальностью высокоумилительныхъ церковныхъ напѣвовъ, какъ простыхъ, такъ и сложныхъ хоровыхъ, проникнуты и пропитаны были несказанною въ словѣ всегда, но проникающею особенно дѣтскія сердца трогательностію и глубокою умилительностію церковныхъ службъ, каковы великопостныя пассіи, крестный ходъ въ недѣлю Ваій, умовеніе ногъ, страсти

Digitized by Google

Господни, вечерня Великаго Пятка, великосубботняя утреня, пасхальная ночь, пасхальная вечерня, рождественскія пѣсни: *Дѣва днесь, Слава въ вышнихъ Богу, Днесь Христосъ въ Виѳлеемѣ рождается отъ Дѣвы* и т. д. безъ конца. Шли оттого, что все свое эстетическое развитіе почерпнули изъ церкви, изъ ея пѣсней, молитвъ, Евангелія. [1] Испытайте сами, переживите сами, что пережито другими, и тогда увидите, что все это святая истина. А когда современное поколѣніе воспитывается на кое-какихъ театрахъ или на *Что дѣлать. Чернышевскаго*, то какъ же изъ него выйдутъ монахи? Какъ оно даже повѣритъ другимъ, когда само воспитывается въ совершенно противуположномъ духѣ? Какъ слѣпорожденные повѣрили бы зрячимъ, что есть на свѣтѣ солнце не только теплое, но и свѣтлое, если бы все человѣчество искони вѣковъ состояло только изъ слѣпорожденныхъ, а зрячихъ было бы на землѣ человѣкъ 100—1000, не болѣе? Вѣдь не вѣрятъ же спиритамъ, хотя между ними имѣются люди достопочтенные, въ родѣ Крукса, Бутлерова, Вагнера, которые увѣряютъ, что ощущаютъ матеріализацію отпадшихъ душъ всѣми своими чувствами. *Слово крестное погибающимъ было и есть юродство, Іудеямъ соблазнъ, Эллинамъ же безуміе.* Для современныхъ судей монашества постриженіе въ монашество—насиліе и низость, лицемѣріе и подлость,—какъ же иначе? Для кривыхъ глазъ все криво. Шли въ монашество потому, что безъ умственнаго не то анализа,—анализа было много,—а безъ разрушающей критики вѣрили въ подлинный святой смыслъ словъ: миссія (буквально миссія, напримѣръ, въ Америкѣ подъ руководствомъ святителя Иннокентія, впослѣдствіи московскаго, а не служеніе

---

[1] Одинъ изъ подобныхъ въ ранніе годы (10—14) любилъ останавливаться съ чувствами, которыя теперь невозстановимы и, конечно, неизобразимы, предъ одною иконою Воскресенія. Чрезъ 25—30 лѣтъ онъ нарочно повѣрилъ себя: отчего это онъ останавливался именно предъ этою иконой Воскресенія? Оказалось, что это картина знаменитаго Боровиковскаго. Въ одной провинціальной церкви вглядывается въ запрестольный образъ и чувствуетъ къ смущенію своему, что на глаза набѣгаютъ слезы. На большой картинѣ темнаго вечерняго освѣщенія только двѣ фигуры: лежитъ мертвый Спаситель, и на грудь ему упала голова жены Мироносицы; ея корпусъ на противуположной отъ зрителя сторонѣ, видны только голова, разсыпавшіеся золотистые волосы и ни одной черты лица, но такъ и слышатся изъ-подъ этого невидимаго лица глухія рыданія. „Какъ зашла сюда эта икона"?—„Прислана изъ Петербурга И. У. Базилевскимъ (знаменитымъ богачомъ). Работа такого-то академика".

Digitized by Google

при посольскихъ церквахъ), служеніе Церкви, служеніе Богу, принесеніе себя въ жертву ради Бога, ради Церкви, — потому что носились предъ очами исчезающіе изъ духа современнаго человѣчества возвышеннѣйшіе христіанскіе идеалы. Шли оттого, что соблюли отъ дней дѣтства дѣвственную непорочность, да и полагали, что и въ жизни соблюсти ее будетъ развѣ только немногимъ тяжелѣе, чѣмъ было въ дѣтствѣ и даже юности въ закрытомъ заведеніи. Была-ль это неопытность? Была-ль это наивность? Ни мало. Эти люди были развиты, насколько могутъ быть развиты самыя отборныя молодыя дарованія, проглотивъ всю тогдашнюю беллетристическую и поэтическую русскую литературу, подлинную и переводную, пройдя 16-лѣтній курсъ школьнаго, сверхъ домашняго воспитанія, начавъ съ серіознаго классическаго, подъ руководствомъ такихъ разнообразныхъ и капитальныхъ дарованій, каковы А. И. Мишинъ, который для знавшихъ его могъ служить свидѣтельствомъ печальнаго факта, что великое, почти геніальное дарованіе можетъ уйти въ другой міръ, не оставивъ не то что ни слѣда, а ни одной примѣрно печатной строчки,—каковы А. Хр. Михайловъ, П. И. Савваитовъ, протоіерей В. П. Полисадовъ,—каковы Д. И. Ростиславовъ, В. Н. Карповъ, М. А. Голубевъ, В. А. Левиссонъ, В. И. Долоцкій, К. И. Лучицкій, Е. И. Ловягинъ,—каковы доктора богословія епископы Кириллъ и Іоаннъ, каковъ многоученѣйшій митрополитъ Макарій, каковъ архіепископъ могилевскій Евсевій, котораго его питомцы, возмужавъ и умудрившись опытомъ жизни, назвали „идеальнымъ архіереемъ“ за его святительскую кротость и непорочность: „правило вѣры и образъ кротости“... Но ужели не было разсчетовъ честолюбія? Ужели не манила архіерейская шапка? Не манила. Могу смѣло сказать, что считали грѣхомъ и думать объ этомъ. А нѣкоторыхъ, да, честолюбіе манило, но честолюбіе другаго, совсѣмъ уже высшаго рода— быть труженіками, быть безраздѣльными работниками Церкви, не говорю,—быть подвижниками...

Въ этой-то вотъ атмосферѣ воспитались монахи и XX курса— архіепископъ кишиневскій Павелъ, епископъ владимірскій Ѳеогностъ, епископъ харьковскій Іустинъ. Въ этомъ же курсѣ воспитывались и вдовые священники, которые всѣ въ Академіи же приняли иноческій постригъ—*Асинкритъ*, скончавшійся въ санѣ архимандрита, благороднѣйшая душа, любезнѣйшее сердце, свѣтлый умъ,—архимандриты *Анатолій и Поліевктъ*, и епископъ

Digitized by Google

полоцкій *Викторинъ* — всѣ магистры. Впослѣдствіи на службѣ принялъ монашество также магистръ этого же XX курса архимандритъ Іосифъ.[1] Среди этой же атмосферы приняли въ Академіи монашество и изъ XXI курса—*Діодоръ*, скоро скончавшійся, сынъ благочестиваго отца, рязанскаго протоіерея магистра Ильдомскаго, самъ благочестивый юноша, и тутъ же, помнится, первымъ изъ XXI курса принялъ постригъ *Василій Орловъ*, въ монашествѣ Валеріанъ.

Нужно сказать, что при ректорѣ епископѣ Макаріи академическая жизнь потекла съ особою энергіей во всѣхъ отношеніяхъ. Крѣпко работали при немъ всѣ, не только монахи, но и свѣтскіе. А все же въ монахахъ была нужда, чтобы монашеское преемство не прерывалось въ Академіи; да и для всей Россіи, чтобъ источникъ образованнаго монашества не изсякалъ. Забота о пріобрѣтеніи монаховъ для Академіи дѣйствительно была. Это можно видѣть изъ печальной исторіи Александра *Соколова*, предшествовавшей постригу Валеріана. Этотъ г. Александръ Соколовъ былъ первый магистръ какого-то курса Казанской Духовной Академіи. По сношенію академическихъ начальствъ, с.-петербургскаго и казанскаго, назначенный въ баккалавра Академіи С.-Петербургской, Соколовъ по особому предложенію далъ въ Казани обѣщаніе принять вмѣстѣ съ тѣмъ и монашество. Такъ значилось и по бумагамъ. Когда представляли его уже въ С.-Петербургѣ митрополиту Никандру лично, первосвятитель сказалъ: „Боже васъ благослови. Поживите, отдохните, а тамъ и примете постригъ.“ Но Соколовъ самымъ бѣдственнымъ для себя и обиднымъ для начальства образомъ сталъ уклоняться отъ исполненія обѣщанія, къ которому его ровно никто не принуждалъ. Въ этомъ человѣкѣ вѣяло какъ будто уже новымъ, чуждымъ для С.-Петербургской Академіи духомъ. Онъ, конечно, не читалъ *Церковно-Общественнаго Вѣстника*, но дѣйствовалъ какъ разъ по его программѣ. Обѣщаніемъ принять монашество думалъ уловить выгоды столичной карьеры. Но... у преосвященнаго ректора С.-Петербургской Академіи Макарія при логичномъ ясномъ умѣ и рука была сильна! Кстати же Соколовъ оказался и наставникомъ вялымъ, безголосымъ. Поэтому тотчасъ же указали ему дорогу изъ Академіи въ С.-Петербургскую семинарію. Въ скоромъ времени онъ выискалъ себѣ мѣсто священника за

[1] Впослѣдствіи епископъ, викарій подольскій.

Digitized by Google

границею и пустился по Петербургу свататься. Живы свидѣтели и комизма этого сватовства и трагичности развязки. Предложилъ руку, но не сердце, одной невѣстѣ, дѣвицѣ достойной во всѣхъ отношеніяхъ, дочери заслуженнаго протоіерея Раевскаго. Но передъ самымъ уже обрученіемъ, сталъ съ почтеннымъ отцомъ торговаться о приданомъ, взялъ шапку и ушелъ, а отецъ вслѣдъ ему разставилъ руки отъ изумленія. Быстро къ изумленію всего духовнаго Петербурга свернулъ свадьбу съ другою невѣстой, юнымъ и прелестнымъ почти ребенкомъ, только-что выпущенною изъ заведенія институткою, вопреки ея не только нежеланію, но буквально даже сопротивленію. Быстро вогналъ ее въ гробъ. Скоро же легъ во гробъ и самъ, кажется, на чужбинѣ, въ Стокгольмѣ. [1] Вообще надъ монахами явенъ для внимательныхъ очей перстъ Божій. Иногда явна бывала и Немезида, и явна даже надъ такими, которые пока только давали обѣщаніе принять монашество, но послѣ измѣнили данному слову. Немезида явна и на отцѣ Александрѣ Соколовѣ, какъ и на отцѣ Тяжеловѣ, какъ и на Иванѣ Ивановичѣ Лобовиковѣ. Помнится, отцу Тяжелову, который чуть ли прежде не подавалъ просьбу о постригѣ въ монашество, а тутъ явился съ прошеніемъ о разрѣшеніи жениться на извѣстной Петербургу Маріи К.,— Тяжелову предсказалъ что-то тяжкое преосвященный Венедиктъ, викарій С.-Петербургскій; а какова была его жизненная судьба, грустная судьба, въ Петербургѣ всякій старожилъ изъ духовныхъ знаетъ хорошо. А когда *Лобовиковъ*, даровитѣйшій изъ даровитѣйшихъ академическихъ умовъ, наложилъ на себя руки (наложилъ въ ту пору, когда самоубійство было рѣшительно еще не въ модѣ), или кто-либо изъ друзей наложилъ на него руку, [2] и когда объ этомъ доложено оберъ-прокурору графу Протасову, тотъ сказалъ: „такъ, такъ, я этого ожидалъ. Я ему предлагаю ѣхать въ миссію (помнится, въ Лондонъ), и спрашиваю, въ какомъ же чинѣ онъ хочетъ ѣхать—священникомъ или

[1] Знающій человѣкъ говорилъ, что Соколову его судьба была предречена извѣстною разслабленною, „которую въ ту пору очень чтили въ Казанской Духовной Академіи.“

[2] Это я говорю не даромъ, хотя и вопреки оффиціальнымъ документамъ. Въ ту же пору А. И. Мишинъ и Д. И. Ростиславовъ, а въ послѣдствіи (въ шестидесятыхъ годахъ) отецъ-протоіерей Горизонтовъ увѣряли меня, будто Лобовиковъ не самоубійца; послѣдній же, отецъ Горизонтовъ, называлъ даже убійцу въ лицѣ одного изъ друзей покойнаго.

Digitized by Google

монахомъ; а онъ отвѣчаетъ мнѣ: „какъ угодно вашему сіятельству.“ Какъ, какъ угодно!? Съ тѣхъ поръ я такъ и ждалъ, что онъ этимъ кончитъ.“ Лобовиковъ, несомнѣнно, далъ отцу-ректору Академіи, архимандриту Николаю обѣщаніе принять монашество, и объ этомъ его обѣщаніи напоминалъ ему преемникъ отца Николая епископъ Аѳанасій.

Послѣ, и даже чуть ли не вслѣдствіе неудавшейся исторіи съ отцомъ Александромъ Соколовымъ, именно, кажется, намекнуто было Валеріану, то-есть Василію Орлову о принятіи монашества. Но именно намекнуто, никакъ не болѣе,—это и фактически вѣрно, и ясно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа. И было намекнуто, кажется, не инспекторомъ архимандритомъ Іоанномъ, а преемникомъ его отцомъ-архимандритомъ Кирилломъ. [1]

Знаю только то, что всѣ дѣла по монашеству велись тогда чрезъ о. Кирилла. А о. Іоаннъ держалъ себя въ сторонѣ и, повидимому, даже не сочувствовалъ ни монашеству студентовъ, ни монахамъ-студентамъ. Вѣрно то, что онъ ни мало не покровительствовалъ монахамъ-студентамъ, а напротивъ относился къ нимъ довольно жестоко и пренебрежительно, какъ, впрочемъ, и ко всѣмъ и ко всему. А о. Кириллъ держался системы противоположной. Онъ обладалъ и сердцемъ теплымъ, и особенно теплымъ, мягкимъ, назидательнымъ словомъ. За то къ нему всѣ

---

[1] Это набросано мною прежде полученія и прочтенія всѣхъ прибавленій къ некрологу В. А. Орлова, напечатанныхъ, какъ въ *Церковномъ*, такъ и *Церковно-Общественномъ Вѣстникахъ* Редакція послѣдняго усиливается доказать, что Орловъ былъ казненъ монашествомъ именно „за пирушку“. Но г. редакторъ забылъ, что суровости Протасовской эпохи въ преслѣдованіи нетрезвости между студентами сглаживались постепенно, начиная отъ ректорства епископа Аѳанасія, чрезъ ректорства Евсевія и Макарія и до послѣдующихъ уже расшатавшихся временъ. Два примѣра этого послабленія рѣзко памятны мнѣ еще въ XIX курсѣ. Студентъ этого курса *Иванъ Васильевичъ Головинъ* вошелъ въ столовую одинъ на глазахъ помощника инспектора отца Кирилла, шатаясь отъ нетрезвости и въ полубезсознательномъ состояніи. Въ наказаніе онъ просидѣлъ дня два за голоднымъ столомъ. Скончался священникомъ Петропавловскаго собора. Предъ самымъ окончаніемъ курса студентъ И. В. А. принесенъ былъ въ Академію въ ослабѣвшемъ состояніи. Помнится, пролежалъ ночь въ подвальномъ этажѣ, небольше; и это не помѣшало ему кончить курсъ магистромъ. Удаленъ былъ изъ Академіи только какой-то новый студентъ, забылъ фамилію (помнится, Метальниковъ), за то, что на Масляной недѣлѣ ушелъ изъ Академіи обманомъ и, напившись, провалялся ночь въ снѣгу, а на-завтра доставленъ полиціей съ отмороженными руками и ногами.

Digitized by Google

студенты, не чуждавшіеся монашества, и прибѣгали со всѣми своими нуждами, вопросами и тревогами совѣсти. Валеріанъ по монашеству также и даже болѣе, чѣмъ всѣ прочіе, былъ приближенный питомецъ о. Кирилла. Если бы тутъ была хотя тѣнь принужденія, то мнѣ это стало бы извѣстно или отъ о. Кирилла, или отъ студентовъ, или же изъ города, или, наконецъ, отъ самого о. Валеріана, съ которымъ впослѣдствіи приводилось бесѣдовать откровенно до задушевности. Говоря по совѣсти, полагаю, что Орловъ самъ выразилъ готовность на постригъ, начальство только благосклонно встрѣтило (надуманную уже давно, какъ окажется) созрѣвшую готовность этого высоко-даровитаго студента.

Была рѣчь и о пирушкѣ. Не объ этой ли пирушкѣ я слышалъ уже чрезъ годы и въ такой формѣ? Дѣло происходило будто-бы, когда Валеріанъ уже былъ Валеріаномъ, а Ильдомскій уже Діодоромъ. Студенты сряду по окончаніи курса имѣютъ обыкновеніе кутить. Это бывало и въ старые наши годы, не смотря даже на большую строгость, съ какою въ наши годы преслѣдовались въ академіи всякіе кутежи. Въ учебное время въ академическихъ стѣнахъ они были просто немыслимы. Но по окончаніи курса и наши товарищи, хотя и съ возможною скрытностью, въ такъ называемыхъ катакомбахъ, въ подвальномъ этажѣ, просто въ служительскихъ помѣщеніяхъ, тихонько, хотя и основательно, покучивали. Въ монашествѣ нашъ курсъ не пилъ, а на радостяхъ только скромно попѣлъ: „кончили курсъ, кончили курсъ, кончили, кончили, кончили курсъ“.

Но XXI курсъ, курсъ Валеріана, не поберегся, и стряслась съ нимъ маленькая бѣда. Блаженныя памяти о. Діодоръ и бывшій о. Валеріанъ кутнули порядкомъ, — это бы не бѣда. Но большая бѣда въ томъ, что на-веселѣ забрались они въ Академическій садъ, часа въ 2—3 свѣтлой сѣверной ночи. И это пока еще небольшая бѣда. Да поскидали клобуки (а монахи тогда и въ саду гуляли не иначе, какъ въ клобукахъ), да и грянули какую-то не то разгульную, не то грустную, но всячески не церковнаго содержанія пѣсенку. По тогдашнимъ нравамъ это было не малое нарушеніе господствующаго тона. Тамъ гдѣ-то спитъ ректоръ архіерей, тамъ инспекторъ архимандритъ, а тутъ въ саду! въ Академическомъ! съ боку Лавры и Митрополичьяго дома! раздается пѣсня! и кто же поютъ?! Юные подвыпившіе монахи! Только не больше. Шума дѣло не произвело; но пошептались,

Digitized by Google

что не ладно. Конечно, ни у кого не оказалось ни малѣйшаго желанія скомпрометировать неосторожную юность, обязанную по сану быть всегда на-сторожѣ, въ самонаблюденіи. То были строгія времена, строгіе нравы, чопорные обычаи. А быть можетъ, они-то и помогли другимъ уберечься въ жизни. Но скоро они, эти обычаи, измѣнились, съ перемѣной начальствовавшихъ лицъ, да и духъ времени быстро измѣнился. И едва-ли не эта перемѣна помогла Валеріану быстро спуститься къ упадку и погибели. А нужно взять на вѣсы и темпераментъ Валеріана, типичный, холерико-сангвиническій. Вѣдь Валеріанъ былъ живая натура, какихъ свѣтъ мало производитъ, говорунъ, хохотунъ, острякъ, весельчакъ, пѣвецъ всяческихъ пѣсенъ, и церковныхъ и мірскихъ, а въ хмелю и вздорникъ — свойства естественныя и, быть можетъ, даже привлекательныя въ свѣтскомъ молодомъ человѣкѣ, но далеко неудобныя въ монашествѣ.

Были-ль въ Валеріанѣ тѣ добрыя мысли, добрыя намѣренія, добрая подготовительность къ монашеству, о которыхъ мы выше говорили, которыя безспорно были въ его сверстникахъ и ближайшихъ предмѣстникахъ? И это все было, но и другое кое-что было. Во всякомъ человѣкѣ на ряду съ закономъ ума живетъ и инъ законъ, законъ грѣховный, противовоюющъ закону ума. Былъ онъ, этотъ грѣховный законъ и въ Валеріанѣ и чуточку въ излишествѣ. Выше сказанныхъ сверстниковъ своихъ онъ былъ моложе только 2—4 годами; но въ сущности это значило, что былъ моложе цѣлымъ поколѣніемъ. Выступленіе Валеріана на поприще общественнаго служенія пало какъ разъ на 1855 г. А какой переворотъ идей принесъ съ собой этотъ годъ для всей Россіи, о томъ говорить не нужно,—всякій знаетъ. Повидимому, Валеріанъ еще прежде окончанія академическаго курса успѣлъ уже начитаться кое-чего отрицательнаго; повидимому, онъ еще юношей былъ принятъ въ дворянскихъ кругахъ своей Тверской родины, или нахватался отъ нихъ кое-чего съ задняго крыльца. По крайней мѣрѣ онъ тогда уже (1855 — 56 г.) разсказывалъ кое о чемъ изъ быта этихъ круговъ и пѣлъ одну пѣсню, будто бы все пѣтую въ этихъ кругахъ, которую я слышалъ только изъ его устъ, а нигдѣ ни въ печати, ни въ рукописи видѣть ее не привелось,—ни тогда, ни впослѣдствіи,—пѣсню непозволительно-характерную. Впослѣдствіи она, какъ будто помнится, появилась въ заграничныхъ изданіяхъ. Скоро по постриженіи его сдѣлалось извѣстнымъ и внѣ круга товарищей, что онъ, первый острякъ-

Digitized by Google

весельчакъ между товарищами студентами, позволялъ себѣ иногда пройтись и на счетъ монашества, пройтись кощунственно, въ духѣ *Церковно-Общественнаго Вѣстника*. Для того времени это было очень рано и приводило на память пословицу: „рано пташечка запѣла, какъ бы кошечка не съѣла“. Ранній развратъ мысли—недобровѣщій признакъ во всякомъ юношѣ, а тѣмъ болѣе въ будущемъ монахѣ. *Не судите, да не судими будете. Имже судомъ судите, судятъ вамъ*,—роковой законъ. Тутъ онъ и оправдался. Вдругъ говорятъ: *Васинька Орловъ—монахъ*! Кто могъ это подумать? О немъ позволительно было предугадывать это менѣе, чѣмъ о комъ-либо другомъ. Грустное предчувствіе кольнуло меня въ сердце при этой неожиданной вѣсти. Помню какъ теперь, что я переѣзжалъ Неву въ лодкѣ, когда мой спутникъ сказалъ рѣшительно эту новость. Помню, что я наклонился черезъ бортъ лодки въ молчаливой грусти и сталъ чертить пальцемъ на текущей водѣ что-то въ родѣ: *дивны дѣла твои Господи*! Постригли. А какой красавецъ сталъ онъ въ рясѣ! И имя дали—*Валеріанъ*! Извѣстно, что ряса скрываетъ недостатки корпуса почти всегда, а въ Валеріанѣ и скрывать было нечего, развѣ только ноги казались нѣсколько длинны. Но студенческій довольно неуклюжій сюртукъ и ряса,—это разница. Длинная, свободно и широко падающая ряса сдѣлала этотъ ростъ не только высокимъ, но и въ высшей степени статнымъ. Появилась темно-каштановая курчавая бородка, пали длинные волосы на плечи. А колеръ лица, а блескъ и цвѣтъ глазъ, а длинныя рѣсницы, а элегантныя руки остались тѣ же. А серіозности и престижа прибыло. Юный монахъ, красавецъ, первый магистръ, богатое развитіе, баккалавръ Академіи, труженикъ науки, прекрасный преподаватель, рѣчь быстро текучая, какъ обильный потокъ, пестрая и цвѣтущая, какъ лучъ, дарованіе безспорное и работящее, любимецъ и надежда начальства. Увы! Какъ оглянуться назадъ, сколько человѣческихъ разсчетовъ съ тѣхъ поръ разлетѣлось! Ну и самолюбіе, и заносчивость у скороспѣлаго любимца монашеской фортуны стали расти не по днямъ, а по часамъ. Всего только и былъ пока первый годъ (1855—56) его академической службы. Но вотъ случай. Вечеромъ въ первый день Пасхи кружокъ юныхъ сослуживцевъ собрался у пищущаго, одни почти тремя, другіе почти пятью годами старше, всѣ наставники Валеріана, самаго юнаго изъ гостей. Валеріанъ пришелъ уже нѣсколько по праздничному готовый и сѣлъ на первомъ мѣстѣ на диванъ. Поднялся говоръ,

Digitized by Google

скоро перешелъ въ споръ, наконецъ въ споръ непріятный и рѣзкій по тону со стороны о. Валеріана. Онъ не любилъ уступать другимъ нить разговора и трезвый, а тутъ и въ головѣ шумѣло. Святой пасхальный вечеръ, къ огорченію прежде всѣхъ самого хозяина, былъ испорченъ. Всѣ прочіе замолчали и одинъ по единому вышли. Хозяинъ не вышелъ только потому, что хозяинъ. Но по выходѣ послѣднимъ и Валеріана заходитъ къ товарищу, теперь сравнительно высоко поставленному человѣку, И. А. Чистовичу. И тотъ говоритъ слѣдующія знаменательныя слова: „помянете мое слово, не будетъ добра изъ этого молодого монаха. Мы находимся въ такихъ же отношеніяхъ къ Моусею Александровичу (Голубеву) и къ Евграфу Ивановичу (Ловягину). А какъ мы всегда почтительны. Всегда помнимъ, что они были нашими наставниками. А онъ съ нами какъ обращается! Для насъ Василій Андреевичъ (старый профессоръ Еврейскаго и Нѣмецкаго языковъ) Василій Андреевичъ; а у него съ языка не сходитъ Левиссонъ, да Левиссонъ“.— Это prophetia не ex eventu,—повѣрьте слову,—за много лѣтъ. Помню еще глубоко памятный вечеръ. Работящія мыслящія головы отдыхали вечеромъ же въ какой-то праздничный день. Сидѣло трое почти сверстниковъ, одинъ теперь именитый человѣкъ. У него и сидѣли. Кто могъ предугадать тогда, какъ и чѣмъ кончатъ эти три человѣка? Судьбы Божіи неисповѣдимы. Испили по братски не только чаю, но и вина для одушевленія бесѣды, и дѣйствительно въ высшей степени радушно болтали. Господствовалъ въ разговорѣ, конечно, Валеріанъ, и въ этотъ только разъ я и видѣлъ его истинно увлекательнымъ; часто бесѣдовать съ нимъ не приходилось. Въ ударѣ онъ сталъ вспоминать свою раннюю юность, еще лѣтъ съ 15, еще на родинѣ въ Тверской губерніи. Передать содержаніе его откровенности непозволительно. Но сущность была въ томъ, что красоту и много обѣщающую увлекательность его юности другой полъ замѣтилъ очень рано, и вышло такъ, что неудобная по общественному положенію привязанность дала ему печальное самоотверженное завѣщаніе: „иди же по крайней мѣрѣ въ монахи“. Послушался, пошелъ и погибъ... Подумалось тогда же, что Немезида погонится. Я знаю не одинъ опытъ, что вступленіе въ монашество изъ за несчастной любви или неудачнаго сватовства оканчивалось болѣе или менѣе печальнымъ исходомъ. Такъ вышло и съ Валеріаномъ.

Затѣмъ мы разошлись по разнымъ житейскимъ дорогамъ. За-

Digitized by Google

тѣмъ я слышалъ, какъ одинъ многоопытный Іерархъ [1], возвратившись изъ Петербурга, гдѣ видѣлъ Валеріана, выражался о немъ съ похвалой, но какъ-будто и съ печальнымъ предчувствіемъ: „Ахъ, Валеріанъ! Молодецъ, красавецъ, заглядѣнье, чисто русская красота, кровь съ молокомъ. Ахъ, Валеріанъ"! Случайно, въ проѣздъ чрезъ Петербургъ, я видѣлъ, какъ юный монахъ Валеріанъ проспалъ утреню во вторникъ первой недѣли Великаго поста, что въ наше недавно-прошедшее время—было немыслимо. Слышалъ, будто отецъ Валеріанъ, на какомъ-то публичномъ обѣдѣ имѣлъ совершенно неумѣстный споръ съ знаменитымъ для всякаго, и особенно для того времени графомъ Іаковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ. Толковали объ этомъ въ Петербургѣ; а это много, и почти всегда вредно, когда толкуютъ въ Петербургѣ. Толкуютъ въ Петербургѣ—значитъ бранятъ, такъ какъ хвалить что-либо, удивляться чему-либо Петербургъ не привыкъ. Слышалъ, будто Валеріанъ въ Петербургѣ сталъ дѣлать частые разъѣзды по гостямъ, гдѣ оказывался неосторожень относительно вина. Все это однакоже не помѣшало Валеріану, на третьемъ или четвертомъ году службы, сдѣлаться инспекторомъ Кіевской Духовной Академіи,—быстрота и значительность повышенія, другой примѣръ которой мы видѣли только въ знаменитомъ Макаріи, владыкѣ Московскомъ. Затѣмъ пошли уже только грустные толки. Былъ такой свѣдущій проходимецъ, который и на восточной окраинѣ Русской земли разсказывалъ всѣ подробности Кіевской Академической исторіи того времени. Узнано было, что и въ огромномъ тогда *Колоколѣ* прозвонили объ этихъ нестроеніяхъ, и прозвонили со стороны грозной для о. инспектора, главнымъ образомъ съ той, что къ исполненію служебныхъ обязанностей онъ является грузенъ. Скоро же узнано было со всѣхъ сторонъ, что отецъ Валеріанъ посланъ въ братство одного изъ Харьковскихъ монастырей. Само собою рождался вопросъ: сниметъ санъ, или не сниметъ. Вопросы подобнаго рода тогда носились въ воздухѣ. Печальное ожиданіе не обмануло. Со стороны отца Валеріана отвѣчено было фактомъ снятія священно-монашескаго чина. Архипастырю [2], который постригалъ его, пришлось и разстричь... Далѣе пошли уже крайне нескладные слухи о злоключеніяхъ его въ Полтавѣ, о томъ, что

[1] Платонъ, тогда архіепископъ Рижскій 1890 г.

[2] Макарію,—своего рода Немезида.

Digitized by Google

онъ избралъ себѣ путь жизни не только самый непочтенный для себя, но и самый вредный для многихъ другихъ, путь соблазна для малыхъ сихъ, въ этой безобразной, лишенной нравственныхъ принциповъ, вознѣ бывшаго инспектора Академіи, теперь пьянаго разстриги-забулдыги, съ полтавскими школьниками. Довести себя до низости, чтобы существовать писаніемъ задачекъ полтавскимъ семинаристамъ и получать отъ нихъ подачки даже не шкаликами, а помадными банками, наполненными горе-горькимъ питьемъ... о, не приведи Богъ. Самый видъ его долженъ былъ производить на семинаристовъ двухстороннее впечатлѣніе: съ одной стороны былъ соблазнителемъ до послѣднѣйшей крайности, а съ другой поучительнѣе Эллинскаго илота, котораго, напоивъ до безобразія, сѣкли для примѣра предъ глазами благородныхъ дѣтей. Слышалъ, что и въ Полтавѣ добрыя сердца усиливались поддержать несчастнаго,—будто-бы даже мѣстный губернаторъ приблизилъ было его къ своему семейству въ качествѣ наставника своихъ дѣтей. Слышалъ, что и Петербургскіе товарищи, бывшіе сослуживцы и друзья, употребляли съ своей стороны разнообразныя усилія поддержать его. Все напрасно. Въ винѣ онъ потопилъ свой образъ Божій и человѣческій. Слышалъ, что въ Кіевѣ онъ протягивалъ руку Христа ради. Въ толпѣ нищихъ онъ узнанъ былъ о. намѣстникомъ Лавры—Варлаамомъ.—„Это ты Василій"!—Я, Ваше Высокопреподобіе. „Ахъ, Боже мой!"

Откуду сему сія? Откуда эта глубина нравственнаго паденія? Это-то и слѣдуетъ назвать паденьемъ въ буквальнѣйшемъ смыслѣ слова. Приходится нерѣдко повторять немощной братіи урокъ: „пока нашъ братъ держится еще на ногахъ, многое можетъ сойти съ рукъ, многое не вмѣниться, многое игнорироваться, многое прикрыться прощеніемъ; но когда братъ нажпваетъ страсть къ винопитію, когда сваливается съ ногъ, и ставимый сторонними усиліями на ноги не держится,—о тогда только Богъ можетъ спасти его". Въ Валеріанѣ же его быстрое ниспаденіе было естественнѣйшимъ плодомъ всего прожитаго, плодомъ даже его счастья, даже его природныхъ достоинствъ, даже его образованія и учености.

Ученыхъ монаховъ, по отзывамъ знающихъ людей, сбивалось съ пути $^2/_3$—$^3/_4$. Какъ-бы это объяснить? Какъ-бы раскрыть тотъ психологическій процессъ, какимъ они доходили сперва до неровностей въ поведеніи, затѣмъ до паденія, а далѣе и до окончательной гибели?

Digitized by Google

Ученыхъ монаховъ, въ разныхъ отношеніяхъ, нужно раздѣлить на роды,—на роды по мотивамъ постриженія, по темпераментамъ, по условіямъ быта, по разнообразію развитія. Самые неблагонадежные къ успѣхамъ въ жизни были бы тѣ, которые пострижены насильственно или обманомъ. Но такихъ на своемъ вѣку я не зналъ ни одного. Слышалъ анекдотъ, будто митрополитъ С.-Петербургскій Серафимъ принялъ монашество не совсѣмъ по доброй волѣ. Но въ этомъ святителѣ было много замѣчательныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ достоинствъ: мягкости, красоты, здравомыслія; и счастье ему сопутствовало. Зналъ, что одинъ магистръ изъ несомнѣнно-чахоточнаго семейства, получивъ наиболѣе монашеское воспитаніе, выросши при монастырѣ, склонился на убѣжденіе, что ему лучше принять монашество, чѣмъ жениться; иначе и онъ, какъ его родные братья, можетъ умереть рановременно, оставивъ вдову и сиротъ. Предсказаніе о смерти сбылось, въ жизни нѣсколько колебался. Бывали монахи полуневольные изъ вдовыхъ священниковъ. Впрочемъ, на моей памяти, на моихъ глазахъ, изъ вдовыхъ священниковъ поступали въ Академію только тѣ, которые боялись влачить вдовую жизнь въ приходахъ; и, такимъ образомъ, избравъ путь монашества вольною волей, по указанію перста Божія, и вооружившись страхомъ Божіимъ, совершаютъ жизненное теченіе еще болѣе твердыми, въ отношеніи житейской опытности и стойкости, столпами, чѣмъ вполнѣ вольные постриженники. Но за прежніе курсы изъ бывшихъ священниковъ нѣкоторые не могли, повидимому, забыть о горестной жизненной утратѣ и стушевывались въ жизни какъ-то не замѣтно. Сохрани Богъ, если при этомъ, съ момента потрясающаго факта потери жены, пріобрѣтенъ хоть малый навыкъ къ гореутоляющей влагѣ. Этотъ навыкъ разовьется и принесетъ свои горькіе плоды. Такъ на нашихъ глазахъ колебался въ жизни одинъ превосходнѣйшій, умнѣйшій, привлекательнѣйшій человѣкъ, пока и не легъ въ рановременную могилу, дорогое и достолюбезнѣйшее воспоминаніе для всѣхъ его близкихъ [1]. Огромное значеніе въ жизни ученыхъ монаховъ имѣютъ темпераменты. Такъ, при постриженіи одного изъ нихъ, когда онъ, по чину при постриженіи, лежа долго на полу въ церкви, громко рыдалъ, а присутствующіе были въ смущеніи, извѣстный старый, мудрый и богобоязненный профессоръ-философъ *В. Н. Карповъ*

[1] О. Асинкритъ.

Digitized by Google

тутъ-же въ церкви произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова: „много ихъ на моемъ вѣку прошло предъ моими глазами. Коли кто изъ нихъ такъ себѣ серединка, флегма, то, что называется ни шатко, ни валко, такіе въ жизни идутъ себѣ своею дорогой тихо и ровно и преуспѣваютъ и высокихъ степеней достигаютъ. А эти даровитые, да энергичные, да пылкіе всегда почти погибаютъ". Поразительнѣйшій примѣръ этому—Валеріанъ, который былъ, конечно, изъ самыхъ даровитыхъ, изъ самыхъ энергичныхъ, изъ самыхъ пылкихъ. Впрочемъ и наоборотъ, немного шансовъ на жизненный успѣхъ имѣли также монахи изъ людей, обдѣленныхъ природой, тихоней, меланхоликовъ, странныхъ, узкихъ, недоносковъ или по уму, или по нравственному характеру или даже по организаціи. Увы! Такіе уже въ самыхъ природныхъ своихъ недостаткахъ имѣли задатки не блестящаго жизненнаго хода. На моей памяти, нѣкоторые изъ подобныхъ впадали то въ строптивую раздражительность, то въ меланхолію,—во всякомъ случаѣ, не долго держались на ученой службѣ и даже рано сходили въ могилу. Наконецъ, еще одинъ признакъ раздѣленія между студентами, принимающими монашество,—навыкъ къ нетрезвости или отсутствіе этого бича, при вступленіи въ монашество, не касаясь другихъ нравственныхъ качествъ. Еще студенту въ Академіи, говорилъ мнѣ о. инспекторъ архимандритъ Макарій: „потому я такъ строго и держу студентовъ, такъ строго и преслѣдую нетрезвость, что видѣлъ печальные опыты по другой Академіи: тамъ каждый курсъ выпущенныхъ студентовъ даетъ значительный процентъ такихъ, которые на службѣ спиваются и теряются окончательно". А у монаха бываетъ много причинъ спиться быстрѣе, чѣмъ у другихъ, если у него есть уже склонность къ винопитію. Какія это исключительныя причины, скажемъ дальше. Есть еще особый исключительный родъ монаховъ: бывало въ жизни таковыхъ что-то роковое. Видѣлъ и я одинъ печальный примѣръ и слышалъ о другихъ, что на плечи нѣкоторыхъ сваливается нѣчто роковое, непостижимо-странное и мрачное тотчасъ по постриженіи. Вчерашній прекрасный, по крайней мѣрѣ порядочный человѣкъ, пока былъ свѣтскимъ, становится не узнаваемъ, лишь только надѣлъ клобукъ; разсужденія становятся рѣзки, поступки странны, высказывается неуваженіе именно къ монашеству и даже къ религіи. И такая перемѣна происходитъ очень быстро, въ двѣ-три недѣли по постриженіи, даже въ два-три дня. А продолжаетъ такимъ образомъ человѣкъ цѣлые годы. Или

Digitized by Google

вчерашній тихоня начинаетъ выкидывать непостижимыя бравады: напримѣръ, одинъ, скоро по постриженіи, надѣлъ клобукъ на пальцы правой руки и давай вертѣть его предъ студентами въ классѣ, причемъ креповое покрывало описывало широкій кругъ, къ изумленію всѣхъ. Наконецъ большую разницу въ ходѣ жизни ученыхъ монаховъ, какъ и во всѣхъ человѣческихъ кругахъ, дѣлаютъ разныя условія жизни, случайныя обстоятельства, удача, счастье.

Большое счастье для всѣхъ ученыхъ монаховъ долго жить въ центрахъ, каковы, во-первыхъ, Петербургъ, далѣе Москва, Кіевъ и отчасти Казань. Тамъ монахи имѣютъ и дѣлаютъ около себя свою собственную монашескую атмосферу; въ сверстникахъ находятъ свою братію, товарищей, собесѣдниковъ, въ старшихъ покровительство, въ высокопоставленныхъ лицахъ изъ монашества видятъ живой примѣръ, который и служитъ поддержкой духа. „Живутъ же люди“, говорилъ одинъ юный кандидатъ монашества, выросшій въ Петербургѣ, почтеннѣйшему профессору [1], который убѣждалъ его не торопиться, осмотрѣться въ жизни, одуматься и тогда уже принять постригъ,—„живутъ же люди, проживу какъ-нибудь и я, дотяну до гробовой доски. Богъ поможетъ“. Тамъ въ центрахъ монашества человѣка-монаха поддерживаютъ часто, почти постоянно, доброе слово высокаго сановника, даже взглядъ, даже безъ слова и взгляда безмолвное назначеніе къ торжественнымъ богослуженіямъ; тамъ ободряетъ непрерывающійся рядъ установленныхъ наградъ; успокоительнымъ образомъ дѣйствуетъ постоянная мѣна разнообразныхъ повышеній даже другихъ лицъ. Тамъ не пугаетъ ожиданіе ревизоровъ, наѣзда сановниковъ, проѣзда разчыхъ начальственныхъ дозорцевъ; тамъ всегда всѣ власти предъ глазами, къ нимъ приглядѣлись, къ нимъ привыкли. Если и родится въ высшихъ сферахъ какое недоразумѣніе или даже неудовольствіе, тамъ сейчасъ же имѣется возможность его разсѣять, объясниться, оправдаться, даже, не оправдываясь, дать къ себѣ приглядѣться. Лишь бы только сейчасъ же не погнали съ глазъ куда-либо въ глушь, въ... окраину. Тамъ въ большихъ городахъ, наконецъ, значительное, сравнительно почти полное отсутствіе провинціальныхъ сплетенъ. А это отсутствіе сплетенъ въ столицахъ для монаховъ столь же великое благо, насколько въ провин-

[1] Долоцкому.

Digitized by Google

ціяхъ эти сплетни, которыя, какъ щупальцы морскаго полипа, опутываютъ и гложутъ всякую репутацію, огромное, по крайней мѣрѣ, пребезпокойное и преопасное зло. Сообразите, кто видѣлъ, знаетъ и помнитъ, тѣ факты, что, напримѣръ, въ Петербургѣ мы знаемъ, на большомъ протяженіи времени, одного-двухъ ученыхъ монаховъ не болѣе, которые кончили неблагополучно. А въ провинціяхъ есть центры, въ которыхъ всѣ монахи до одного кончили не добромъ, въ которыхъ вспоминаются разныя трагическія исторіи. Я знаю одинъ такой провинціальный уголъ, гдѣ не добромъ кончили не только всѣ инспекторы-монахи, не только всѣ (съ незначительнымъ исключеніемъ) ректоры-монахи, но даже два [1] сряду ректора уже изъ протоіереевъ. Значитъ, въ самой атмосферѣ мѣста скрывается что-то неблагопріятное для этого рода службы и дѣятельности.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Архіепископъ Нижегородскій.

[1] Даже больше.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ, ЗАМѢТКИ И ПИСЬМА.

1. А. В. Горскій.

Александръ Васильевичъ Горскій, профессоръ, а потомъ, въ санѣ протоіерея, ректоръ Московской Духовной Академіи (род. въ 1812, ум. въ 1875 г.), останется незабвеннымъ въ академическихъ лѣтописяхъ, какъ человѣкъ свѣтлаго ума, обширной и основательной учености, рѣдкой доброты, высокихъ нравственныхъ качествъ и глубокаго, нелицемѣрнаго благочестія, всецѣлой преданности православію и церкви православной. Такое, полагаю, воспоминаніе сохранилъ о немъ каждый, кто имѣлъ счастіе знать его и находиться въ болѣе или менѣе близкихъ съ нимъ сношеніяхъ.

Когда въ 1848 году поступилъ я въ Академію студентомъ, Александру Васильевичу не было еще и сорока лѣтъ; но онъ казался пожилымъ человѣкомъ, много старѣе своихъ лѣтъ. Наружность его была примѣчательна. Онъ былъ немного выше средняго роста и сложенія мужественнаго, даже съ нѣкоторою наклонностью къ полнотѣ. По тогдашнему обычаю, онъ брился, и потому крупныя черты лица его выступали еще рельефнѣе, — широкій, съ пріятною улыбкой, ротъ крупный, широкій же носъ, сѣрые, привѣтливо смотрѣвшіе глаза подъ необыкновенно густыми черными, уже съ просѣдью, бровями; большая характерная голова была уже значительно обнажена спереди, и черные съ просѣдью волосы онъ зачесывалъ на виски. Когда потомъ, по принятіи священнаго сана, онъ отростилъ великолѣпную, большую окладистую, совершенно сѣдую бороду, наружность его, съ обнаженнымъ

Digitized by Google

сократовскимъ лбомъ, была чрезвычайно характерна. Одѣвался онъ всегда въ черное,—сюртукъ, хорошо, но не по модѣ сдѣланный, всегда чистый и опрятный, былъ непремѣнно ниже колѣнъ. Вообще, и будучи свѣтскимъ человѣкомъ, онъ производилъ впечатлѣніе духовнаго лица. Жилъ онъ въ небольшой, но одной изъ лучшихъ, казенной квартирѣ при Академіи (въ Лаврѣ), въ такъ-называвшемся тогда баккалаврскомъ корпусѣ. Квартира была въ три окна по фасаду: изъ передней налѣво маленькая столовая, она же и спальня, прямо зала и вмѣстѣ гостиная, скромно меблированная, изъ залы направо длинный, съ однимъ окномъ, кабинетъ. Кабинетъ, отчасти и спальня, были биткомъ набиты книгами. Здѣсь-то, въ этомъ кабинетѣ, онъ и проводилъ большую часть своего времени за учеными трудами. Впослѣдствіи къ его квартирѣ была прибавлена еще большая комната въ два окна, которая и сдѣлалась его кабинетомъ. При огромной грудѣ книгъ, разумѣется, нельзя было соблюсти въ комнатахъ порядокъ и чистоту; но порядокъ и опрятность онъ любилъ, и въ этомъ отношеніи представлялъ совершенную противоположность своему пріятелю и сотруднику въ описаніи Синодальной Библіотеки — Капитону Ивановичу Невоструеву. Въ комнатахъ Александра Васильевича былъ особый, специфическій, хотя не непріятный запахъ: онъ курилъ, и въ большомъ количествѣ, особенно за работой, сигары, разумѣется, невысокаго достоинства, — и вотъ запахомъ этихъ сигаръ были пропитаны его комнаты и все, что въ комнатахъ. Бывало, по этому запаху сейчасъ узнаешь книгу, взятую у Александра Васильича. Своею привычкой курить сигары, онъ очень стѣснялся; но оставить ее долго не могъ, пока особымъ обстоятельствомъ не убѣлился въ рѣшительной необходимости оставить. Въ его автобіографіи разсказывается, что однажды, именно *23 октября* 1849 г, когда онъ былъ по дѣламъ у митрополита Филарета, послѣдній, во время откровенной съ нимъ бесѣды, предваривъ его словами: „ты объ этомъ никому не скажешь кромѣ ректора,“ прочиталъ ему изъ какой-то тетради мѣсто, гдѣ говорилось, что воспитанники духовныхъ школъ, выходя на службу, худо ведутъ себя, играютъ въ карты „курятъ табакъ“. Послѣ этого,—разсказываетъ Александръ Васильичъ,—владыка сказалъ: „Вотъ какъ внимательно смотрятъ за нами. А я могу сказать, что профессоръ Горскій *въ октябрѣ* 1849 года явился курившимъ табакъ.“ Я долженъ былъ сознаться въ томъ.—„Это мелочи, продолжалъ владыка,—но профессору будутъ подражать и студенты.

Digitized by Google

Это мелочи; но читанное мною представлено было Государю, а объясненіе еще дойдетъ ли до его рукъ. Привыкши къ куренію въ свѣтскомъ званіи, трудно будетъ отстать отъ него и сдѣлавшись священникомъ... Впрочемъ, ты не гнѣвайся на мое замѣчаніе. Надобно быть во всемъ осторожну. Церковь наша точно воинствующая—отовсюду терпитъ нападенія, и можетъ быть это писано кѣмъ-нибудь изъ нашихъ ренегатовъ." При томъ благоговѣніи, какое Александръ Васильевичъ питалъ къ митрополиту Филарету и каждому его слову, замѣчаніе такого рода, безъ сомнѣнія, произвело на него впечатлѣніе; но отчасти, можетъ быть, и благодушіе, съ какимъ оно сдѣлано митрополитомъ, было причиной, что Александръ Васильичъ не оставилъ своей привычки. А когда черезъ шесть лѣтъ послѣ этого ректоръ Академіи получилъ извѣстное теперь и въ печати письмо митрополита Филарета о табакѣ, [1] то Александръ Васильичъ, прочитавъ его, сказалъ: „какъ же мы будемъ требовать отъ студентовъ, чтобы не курили, когда сами подаемъ имъ въ этомъ примѣръ!"—и, воротясь въ свою квартиру, выбросилъ всѣ свои сигары, и съ тѣхъ поръ не курилъ уже никогда.

Въ первые два года студенчества (на младшемъ курсѣ, какъ тогда говорили) мы видали Александра Васильича только за церковными службами и въ библіотекѣ. Своей церкви при Академіи тогда не было,—митр. Филаретъ находилъ ее излишнею при обиліи церквей въ Лаврѣ. Подъ воскресенье и каждый праздникъ всенощныя, а также постомъ вечерни, утрени и часы, служились въ актовомъ академическомъ залѣ, изъ котораго устроена потомъ, въ ректорство Александра Васильевича, академическая церковь, теперь уже совсѣмъ передѣланная и значительно расширенная. Когда-же въ Лаврѣ живалъ митрополитъ, особенно

[1] Помню обстоятельства, послужившія поводомъ къ написанію этого письма. Послѣ коронаціи императора Александра II, въ числѣ сопровождавшихъ его лицъ прибылъ въ Лавру принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Ему отведено было помѣщеніе въ Академіи, въ студенческомъ корпусѣ, въ квартирѣ инспектора. Вставши рано утромъ, принцъ спустился въ первый этажъ и прошелъ въ студенческія комнаты и чайную. Такого ранняго посѣщенія, конечно, не ожидали: въ комнатахъ пахло табакомъ, а въ чайной студенты пили чай, причемъ нѣкоторые курили. Принцъ разсказалъ это въ царскомъ семейномъ кругу, о чемъ дошло и до свѣдѣнія митрополита Филарета. Вотъ тогда-то онъ и написалъ къ ректору свое знаменитое письмо, въ которомъ такъ мѣтко охарактеризовалъ прихоть табакокуренія и раскрылъ неприличіе его для духовныхъ воспитанниковъ.

Digitized by Google

лѣтомъ, послѣ Сергіева дня, въ пору экзаменовъ, ко всенощной студенты ходили въ домовую при митрополичьихъ покояхъ церковь и здѣсь правили службу, за которой, особенно за чтеніемъ и пѣніемъ студентовъ, митрополитъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ и свои одобрительныя, или неодобрительныя замѣчанія сообщалъ ректору, обыкновенно заходившему въ его келью послѣ всенощной. Всенощныя академическія въ эти два года обыкновенно служилъ студентъ старшаго курса, изъ вдовыхъ священниковъ, Иванъ Михаиловичъ Тихомировъ (нынѣ Савва архіепископъ Тверской),—его служеніе очень нравилось намъ. Близъ средняго окна съ правой стороны отъ входа, бывшаго противъ ректорской квартиры, стояли у поставленныхъ стульевъ, на которые впрочемъ никогда не садились, ректоръ (Алексій, скончавшійся въ санѣ архіепископа Тверскаго), и инспекторъ Академіи (Сергій, нынѣ митрополитъ Московскій); за ними, отступя, стоялъ единственный тогда монахъ изъ баккалавровъ о. Ѳеодоръ (Бухаревъ); за нимъ, еще далѣе, къ углу отъ двери, стояли профессора и баккалавры,—стояли чинно, не разговаривая, какъ нынѣ бываетъ, ибо всѣ хорошо понимали, что церковная служба не время для разговоровъ, да и нѣкоторый страхъ стоявшаго впереди начальства удерживалъ отъ поползновеній къ праздничнымъ бесѣдамъ. Подъ большіе праздники, когда неголосистый отецъ Іоаннъ начиналъ пѣснь величанія, ему обыкновенно подтягивали всѣ наставники, у кого былъ голосъ, и особенно отличался при этомъ, обладавшій прекраснымъ басомъ и искусствомъ пѣнія, баккалавръ логики Ипполитъ Михайлычъ Богословскій-Платоновъ, бывшій потомъ протоіереемъ Троицкой на Арбатѣ церкви. Студенты стояли съ лѣвой стороны, вдоль парт. Послѣ Евангелія всегда происходила церемонія прикладыванія къ оному, или, подъ праздники, къ праздничной иконѣ. Сначала прикладывалось начальство, потомъ профессора и баккалавры по чину,—ихъ шествіе обыкновенно открывалъ Александръ Васильичъ, быстрымъ шагомъ, со сложенными на груди руками (его любимая манера ходить и стоять въ церкви). Наконецъ шли студенты по нумерамъ, то-есть, отдѣльно живущіе въ каждой комнатѣ, по два врядъ. Этотъ порядокъ давалъ возможность начальству слѣдить, всѣ ли студенты за службой. Живо помню, какъ передъ этимъ подходилъ ко мнѣ милѣйшій Илья Васильевичъ Бѣляевъ, нашъ нумерной старшій, и мы открывали съ нимъ шествіе нашего нумера. Илья Васильичъ былъ деликатнѣйшій, самый умный

Digitized by Google

и талантливый изъ своихъ товарищей-москвичей, между которыми иные воображали себя какими-то „интеллигентами“, „цивилизаторами“ остальнаго „провинціальнаго“ студенчества, что̀ выходило довольно смѣшно. У Ильи Васильича совсѣмъ не было этой фанаберіи „москвича“, и потому мы очень его любили. По выходѣ изъ Академіи онъ былъ профессоромъ Московской Семинаріи и продолжалъ ученыя занятія. Его изслѣдованіе о Стоглавѣ и другія составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу историческую науку, для которой онъ безъ сомнѣнія сдѣлалъ бы много, еслибы смерть не похитила его такъ рано. По своимъ убѣжденіямъ онъ принадлежалъ къ кругу славянофиловъ, въ которомъ его принимали очень внимательно. Но возвратимся къ нашему разсказу.

Къ обѣднямъ мы ходили обыкновенно въ лаврскую трапезную церковь, въ которой митрополитомъ предоставлено было служить по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ поздніе литургіи академическому духовенству для студентовъ. Служенія были торжественныя,—всегда служилъ или ректоръ, или инспекторъ; на обоихъ клиросахъ пѣли студенты; здѣсь же студенты по очереди произносили проповѣди своего сочиненія. Александръ Васильевичъ, неопустительно посѣщавшій церковныя службы, становился обыкновенно за лѣвымъ клиросомъ. Благоговѣніе, съ какимъ онъ слушалъ богослуженіе и молился, несомнѣнно благотворнымъ образомъ дѣйствовало на большинство студентовъ, между которыми вольномысліе было тогда еще рѣдкимъ явленіемъ (хотя были конечно и такіе, что съ подозрѣніемъ относились ко всякому проявленію благочестія и готовы были видѣть въ немъ ханжество).

Чаще приходилось встрѣчаться съ Александромъ Васильевичемъ въ библіотекѣ. Онъ уже былъ тогда библіотекаремъ, и занималъ эту должность до самаго назначенія въ ректоры. Библіотекарь онъ былъ идеальный, — зналъ библіотеку, какъ свои пять пальцевъ, — и не только съ внѣшней ея стороны, относительно размѣщенія и расположенія книгъ по шкафамъ и полкамъ, но и съ внутренней,—рѣдкая книга не была имъ прочитана и многія испещрены по полямъ его замѣчаніями. Для студентовъ онъ самъ былъ ходячая и вполнѣ доступная библіотека. Бывало, только получатъ темы для сочиненій, спѣшатъ въ библіотечные залы (въ старомъ, платоновскомъ, теперь передѣланномъ въ столовую, зданіи) и обступаютъ Александра Васильевича съ просьбами,—ука-

Digitized by Google

зать книги, гдѣ можно почитать на данную тему,—и никто не уйдетъ съ пустыми руками. Къ студентамъ, болѣе даровитымъ и болѣе усердно занимающимся, онъ оказывалъ при этомъ особое вниманіе и обильнѣе снабжалъ ихъ книгами. У него было пристрастіе къ нѣмецкимъ книгамъ, которыя преимущественно и выписывалъ въ библіотеку: ими-то и надѣлялъ онъ щедро лучшихъ студентовъ.

На третьемъ академическомъ году, перейдя на старшій курсъ, познакомились мы съ Александромъ Васильевичемъ, какъ съ профессоромъ. Онъ читалъ тогда общую церковную исторію и отчасти исторію русской церкви (для нея тогда еще не было особой каѳедры); ту и другую зналъ онъ въ совершенствѣ, по первоисточникамъ, и внимательно слѣдя за разработкой ихъ русскими и иностранными учеными. Къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ онъ относился съ рѣдкимъ вниманіемъ, на лекціи являлся неопустительно и аккуратно въ положенное время. О характерѣ его чтеній по церковной исторіи не стану говорить, такъ какъ значительная часть ихъ уже напечатана и каждый желающій можетъ съ ними познакомиться. Укажу только на рѣдкую теперь особенность этихъ чтеній — на ихъ строго православный характеръ, при полномъ соблюденіи научности и ученой критики. Нельзя также не упомянуть, что его лекціи (особенно Евангельская исторія) и самое произношеніе ихъ были согрѣты живымъ религіознымъ чувствомъ.

Но важнѣйшую заслугу Александра Васильевича для развитія у насъ церковно-исторической и вообще богословской науки составляютъ не лекціи его, читанныя на каѳедрѣ, а его печатные научные труды и особенно его содѣйствіе появленію на свѣтъ множества такихъ трудовъ, предпринятыхъ другими учеными. Перечислять ученые труды его по исторіи Восточной и Русской церкви, напечатанные по преимуществу въ академическомъ журналѣ (*Творенія святыхъ отцевъ въ русскомъ переводѣ съ прибавленіями*), хорошо всѣмъ извѣстные, разумѣется, нѣтъ надобности; достаточно напомнить капитальнѣйшее изъ нихъ— „Описаніе“ рукописей Синодальной библіотеки, которое послѣ извѣстной классической книги Востокова, не имѣютъ себѣ равнаго и доселѣ не найдетъ достойнаго продолжателя [1]. Нужно

[1] Какъ любилъ А. В — чъ занятія по изученію древней русской письменности, хорошо показываетъ его письмо къ Ал. И. Хлудову, по поводу

Digitized by Google

впрочемъ замѣтить, что печатные труды Александра Васильевича не такъ многочисленны и обширны, какъ-бы слѣдовало ожидать отъ такого неутомимаго работника, какимъ онъ былъ. Это, кажется, надобно объяснять тѣмъ, что большую половину его времени отнимали у него ученыя работы *для другихъ*. Онъ представлялъ весьма рѣдкое и потому особенно достойное благодарной памяти явленіе среди ученыхъ, — у него совсѣмъ не было той, всему почти ученому цеху свойственной, эгоистической черты, чтобы таить отъ другихъ свои ученыя открытія и изысканія, изъ опасенія, какъ-бы кто не восхитилъ ихъ и не предупредилъ обнародованіемъ; напротивъ, какъ истинный ученый, желая только преуспѣянія наукѣ, онъ охотно дѣлился своими знаніями со всякимъ, кто обращался къ нему за совѣтомъ, или указаніями: подъ его руководствомъ и при его содѣйствіи явилось на свѣтъ очень много капитальныхъ ученыхъ трудовъ. Эти почти постоянныя ученыя работы для другихъ, дѣйствительно, похищали у него очень много времени, и въ этой его готовности помогать всякому, въ особенности серіозно занимающемуся ученымъ трудомъ, нужно признать не только примѣчательную, высоконравственную черту его характера, но и великую заслугу его для науки.

Кто только ни обращался къ нему за совѣтомъ, указаніемъ, за пособіемъ, или ученой справкой! Здѣсь, разумѣется, прежде всего слѣдуетъ назвать студентовъ. На третьемъ году академическаго курса одно изъ сочиненій всегда писали на тему изъ церковной исторіи, по назначенію Александра Васильевича: сочиненіемъ этимъ всегда занимались студенты съ особеннымъ вниманіемъ, и здѣсь-то первый разъ приходилось испытывать, съ какою готовностію давалъ онъ нужныя пособія, совѣты и указанія для назначенной работы. Студентовъ, съ особымъ успѣхомъ написавшихъ сочиненіе, онъ имѣлъ обычай потомъ приглашать къ себѣ и бесѣдовать съ ними по поводу ихъ работы. Тутъ большею частію опредѣлялось, кто будетъ писать ему и „курсовое“ сочиненіе, какъ называли тогда сочиненія на степень. И вотъ эти, кому приходилось въ теченіе года писать Александру Васильевичу курсовое сочиненіе и которые тѣмъ самымъ обре-

---

полученнаго имъ, чрезъ мое посредство, извѣстнаго „Описанія рукописей Хлудовской библіотеки“, составленнаго А. Н. Поповымъ. Письмо это А. И. Хлудовъ отдалъ мнѣ, и теперь неизлишне напечатать его.

Digitized by Google

кались на серіозный и тяжелый трудъ, могли уже въ полной мѣрѣ оцѣнить его готовность руководить ихъ и помогать имъ въ ученомъ трудѣ. Сколькими книгами и рукописями (если сочиненіе относилось къ исторіи Русской церкви) надѣлялъ онъ ихъ, какъ часто приглашалъ къ себѣ для совѣтовъ и указаній, и съ какимъ тщаніемъ разсматривалъ потомъ ихъ работу! Многія изъ этихъ сочиненій явились потомъ въ печати. Они и доселѣ не утратили своего ученаго достоинства, и кромѣ того имѣютъ еще то достоинство, что совершенно чужды того отрицательнаго направленія, того стремленія указывать по преимуществу темныя стороны въ церковно-исторической жизни Востока и Россіи, оставляя безъ вниманія и даже подвергая отрицанію ея свѣтлыя стороны, какое явилось потомъ. Послѣ студентовъ за совѣтами и пособіями въ своихъ трудахъ чаще всего обращались къ Александру Васильевичу сами преподаватели, особенно молодые, только что оставленные на службу въ должности „баккалавровъ", по тогдашнему названію. Доселѣ съ благодарностью воспоминается то живое участіе, съ какимъ онъ принималъ всякую подобнаго рода просьбу. Случалось, по сосѣдству, придти къ нему ночью за какою-нибудь справкой, за разрѣшеніемъ встрѣтившагося затрудненія, и если нужной книги не было у него подъ руками, онъ немедленно накидывалъ на плеча свою шинельку, бралъ фонарь (а то и безъ фонаря), бѣжалъ въ библіотеку, вынималъ изъ шкафа (иногда ощупью) и приносилъ требующуюся книгу. И старѣйшіе изъ академическихъ преподавателей, экстра-ординарные и ординарные профессора, въ своихъ ученыхъ трудахъ, особенно назначавшихся для печатанія въ академическомъ журналѣ, не обходились безъ его пособія. Затѣмъ весьма часто обращались къ нему за указаніями и справками знакомые ему духовные писатели, не принадлежавшіе къ Академіи,—и тутъ уже приходилось не только давать книги, или устныя указанія, но дѣлать выписки изъ книгъ, иногда писать цѣлые трактаты, на что, какъ само собою понятно, немало требовалось времени. Чаще другихъ, въ свое время, обращался къ нему съ такими просьбами его другъ, совмѣстно трудившійся съ нимъ еще въ Академіи,— архіепископъ Черниговскій Филаретъ: объ этихъ его сношеніяхъ съ Александромъ Васильичемъ достаточно свидѣтельствуютъ напечатанныя теперь письма его къ послѣднему, и можно съ увѣренностію сказать, что безъ содѣйствія Александра Васильевича едва-ли

Digitized by Google

бы явились на свѣтъ такіе труды Филарета, какъ „Исторія русской церкви“, даже „Историческое ученіе объ отцахъ церкви“. Много помогалъ также Александръ Васильичъ своими указаніями А. Н. Муравьеву, именно въ составленіи его книги „Житія святыхъ русской церкви, также иверскихъ и славянскихъ“; удивляясь обширнымъ познаніямъ Александра Васильича, Андрей Николаичъ обыкновенно звалъ его, и въ письмахъ, и въ глаза „премудростью“. Наиболѣе важныя и требовавшія тщательнаго труда ученыя работы поручалъ ему митрополитъ Филаретъ, скоро оцѣнившій въ немъ основательнаго ученаго и впослѣдствіи приблизившій его къ себѣ до такой степени, что вступалъ съ нимъ въ интимныя бесѣды о церковныхъ дѣлахъ стараго времени и о своемъ въ нихъ участіи: эти въ высшей степени интересныя и важныя бесѣды Александръ Васильевичъ имѣлъ обыкновеніе немедленно записывать [1]. Нельзя не упомянуть, что иногда обращался къ Александру Васильичу съ вопросами церковно-историческими и иными касающимися церкви, очень уважавшій его оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода графъ А. П. Толстой, или чрезъ посредство своего товарища князя С. Н. Урусова (въ исполненіи одного изъ этихъ порученій пришлось и мнѣ принять участіе), или чрезъ Т. И. Филиппова, состоявшаго при немъ въ должности чиновника особыхъ порученій [2]. Даже такія свѣтскія лица изъ интересующихся церковными дѣлами, какъ, напримѣръ, гр. А. Д. Блудова, глубоко уважавшая Александра Васильевича, къ нему-же прибѣгали за разрѣшеніемъ интересовавшихъ ихъ церковныхъ вопросовъ [3]. Наконецъ и большинство нашихъ ученыхъ историковъ и археологовъ нахо-

---

[1] Эти записки напечатаны покойнымъ ректоромъ Академіи прот. С. К Смирновымъ; нѣчто изъ нихъ, не напечатанное еще, есть у насъ, и объ нихъ будемъ говорить особо.

[2] У насъ имѣется собственноручное (черновое) письмо А. В. Горскаго къ Т. И. Филиппову, писанное по поводу одного изъ такихъ порученій отъ гр. Толстого. Печатаемъ его въ виду несомнѣнной важности его содержанія.

[3] Такъ чрезъ посредство В. Д. Кудрявцева, жившаго въ Петербургѣ для чтенія уроковъ философіи Цесаревичу Николаю, гр. Блудова обращалась къ А. В. Горскому съ однимъ вопросомъ по церковной исторіи, имѣющимъ, какъ ей казалось, отношеніе къ распрѣ между болгарами и греками. У насъ имѣются письмо А. В. Горскаго къ В. Д. Кудрявцеву и отвѣтное этого послѣдняго. То и другое весьма интересны и потому печатаются ниже.

Digitized by Google

дились не только въ сношеніяхъ съ Александромъ Васильевичемъ, но и пользовались его услугами для своихъ работъ,—назову изъ умершихъ, кромѣ В. М. Ундольскаго, К. И. Невоструева, А. Е. Викторова, его учениковъ по Академіи,—М. П. Погодина, И. М. Снегирева, И. И. Срезневскаго [1].

Излагая наши личныя, отрывочныя воспоминанія объ А. В. Горскомъ, мы, само собою разумѣется, вовсе не думали писать его біографію, для которой едвали настало и время, хотя во всякомъ случаѣ она очень желательна [2]. Въ дальнѣйшихъ воспоминаніяхъ намъ еще не разъ придется касаться достолюбезнаго имени Александра Васпльевича Горскаго.

Н. С—къ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Письмо А. В. Горскаго къ А. И. Хлудову.

(Писано въ 1872 г.)

Милостивый Государь
Алексѣй Иванычъ.

Чрезъ Николая Иваныча получилъ я отъ васъ великолѣпный экземпляръ описанія славянскихъ рукописей и книгъ вашей библіотеки: даръ весьма цѣнный для меня—и по вашему особенному благорасположенію ко мнѣ, и по достоинству труда, и по изяществу изданія.

---

[1] Помнимъ, что пріѣзжалъ въ Академію къ А. В—чу для занятій и Костомаровъ,—жилъ у него въ квартирѣ около недѣли. Изъ Петербурга онъ прислалъ потомъ письмо къ А. В—чу, тогда бывшему уже протоіереемъ, съ такимъ адресомъ: „Его Превелебію“ (вмѣсто Высокопреподобію),—А. В—чъ съ удивленіемъ показывалъ мнѣ этотъ адресъ. А чтобы дать понятіе о томъ, съ какою внимательностію относился А. В—чъ къ просьбамъ нашихъ ученыхъ о сообщеніи имъ тѣхъ, или иныхъ указаній, или замѣчаній къ ихъ трудамъ, печатаю имѣющіяся у меня: подлинное письмо И. М. Снегирева къ А. В—чу о просмотрѣ его сочиненія о иконописаніи, и черновыя—отвѣтное письмо А. В—ча и самыя его замѣчанія на сочиненіе Снегирева. Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности провѣрить, воспользовался ли и на сколько воспользовался Снегиревъ этими замѣчаніями.

[2] Преосвящ. Николай еп. Алеутскій, учившійся въ Академіи во время ректорства А. В. Горскаго и сохраняющій благоговѣйную память о немъ, внесъ въ Академическое правленіе сумму, для выдачи тому, кто напишетъ удовлетворительную біографію протоіерея Горскаго. Въ минувшемъ году дана была эта работа одному изъ студентовъ, въ качествѣ диссертаціи на степень, и читавшими, какъ мы слышали, данъ о ней добрый отзывъ.

Digitized by Google

Наслажденіемъ для меня было въ вашемъ собраніи рукописей проходить по знакомымъ статьямъ и книгамъ, надъ которыми работали мы съ достопочтеннымъ сотрудникомъ моимъ Капитономъ Иванычемъ [1], и въ то же время, при помощи надежнаго руководителя [2], находить для себя новые предметы ученой любознательности. Какъ разгаралась душа, встрѣчая въ отчетливомъ описаніи вашихъ старописьменныхъ сокровищъ много совершенно неизвѣстнаго, или мало изслѣдованнаго. Какое богатство у васъ древнихъ богослужебныхъ рукописей, и какъ бы желательно было, чтобы они послужили къ разъясненію исторіи нашего богослуженія, представляя намъ списки большею частію другихъ славянскихъ церквей! Сколько любопытнаго содержатъ въ себѣ №№ 162 и 195. Но съ этими достопоченный авторъ описанія по крайней мѣрѣ хорошо познакомилъ посредствомъ обильныхъ выписокъ [3]; а сколько еще драгоцѣннаго таится для ученаго изслѣдователя въ другихъ, о которыхъ по необходимости могло быть сообщено только краткое свѣдѣніе.

О, священная старина! Сколько въ ней разумнаго! Въ одной изъ приписокъ писецъ, оговариваясь насчетъ своихъ погрѣшностей въ богослужебной книгѣ, говоритъ: „чѣ медъ и на черовѣ (д. б. церокѣ) корѣ е, нь благъ е (то-есть, хотя бы медъ былъ и на дубовой корѣ, имѣющей въ себѣ горечь, но онъ все медъ): такъ и словеса Божія аще су груба и неисправена, но Божіи суть". О, если бы и православные и отклоняющіеся отъ православія хорошо это помнили всегда!

Приношу еще разъ вамъ, достоуважаемый споспѣшникъ духовнаго просвѣщенія, глубочайшую благодарность за обнародованіе свѣдѣній о вашихъ ученыхъ пріобрѣтеніяхъ и за честь, которую изволили оказать мнѣ незаслуженнымъ для меня способомъ.

Вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга,
Ректоръ М. Д. Академіи
протоіерей Александръ Горскій.

---

[1] Невоструевъ.

[2] Разумѣется составитель Описанія А. Н. Поповъ.

[3] Подъ № 162 описанъ Трефологій XIV вѣка, подъ № 195 Торжественникъ тоже XIV вѣка. Дѣйствительно, описаніе этихъ весьма рѣдкихъ рукописей сдѣлано очень обстоятельно, съ приведеніемъ важнѣйшихъ статей въ цѣломъ ихъ составѣ.

Digitized by Google

2. Письмо А. В. Горскаго къ Т. И. Филиппову. [1]

Досточтимѣйшій и любезнѣйшій
Тертій Ивановичъ!

Простите меня, что я не отвѣчалъ Вамъ еще и на предыдущее письмо Ваше. Причиною было частію то, что я находился тогда не на своемъ мѣстѣ, частію то, что Ваше нерѣшительное извѣстіе о ходѣ академическаго дѣла въ Св. Синодѣ еще заставляло ожидать новыхъ свѣдѣній отъ Васъ. Какъ бы то ни было однако же, мы весьма благодарны Вамъ и за то, что Вы сообщили, тѣмъ болѣе, что ни отъ кого болѣе не слышимъ. Я сказалъ, что предшествовавшее письмо Ваше застало меня не дома. Въ то время былъ я въ Москвѣ, главнымъ образомъ для того, чтобы по порученію комитета [2] представить святителю [3] переводъ первыхъ десяти главъ Ев. Марка и принять отъ него замѣчанія къ исправленію. Подивитесь усердію и ревности Первосвященника Божія: при всѣхъ своихъ дѣлахъ, при всѣхъ отвлеченіяхъ постороннимъ, при всемъ оскудѣніи силъ въ восмидесятилѣтнемъ возрастѣ, онъ сдѣлалъ по этому предмету пять засѣданій отъ двухъ до четырехъ часовъ каждое. Видно, чувствуетъ онъ долгъ своего званія; видно, сознаетъ нужду и пользу дѣла для св. церкви.

Теперь буду отвѣчать на второе письмо ваше. Но прежде всего усерднѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать милостивѣйшему начальнику нашему, его сіятельству [4], глубочайшую благодарность мою за благосклонное снисхожденіе его ко мнѣ, и душевную преданность ему.

Евгеній Голубинскій, сочинитель разсужденія: „О образѣ дѣйствованія православныхъ государей греческихъ противъ еретиковъ“, не родственникъ покойнаго нашего профессора, отца протоіерея Ѳеодора Александровича, но только землякъ ему и мнѣ. Весьма радъ я, что трудъ Голубинскаго обратилъ на себя милостивое вниманіе начальства. Долженъ я вамъ сказать, что

[1] Безъ даты; но по содержанію слѣдуетъ отнести его къ 1858 г.

[2] Составленный при Академіи комитетъ для перевода на русскій языкъ книгъ Свящ. Писанія Новаго Завѣта.

[3] То-есть, митрополиту Филарету.

[4] То-есть, графу А. П. Толстому.

Digitized by Google

и задача эта была дана святителемъ нашимъ [1] и поручена Голубинскому по благонадежности его. На конференціи, послѣ окончанія экзаменовъ, при общемъ разсмотрѣніи всѣхъ магистерскихъ сочиненій, святитель выслушалъ ее около половины, назначая тѣ или другія мѣста для чтенія [2], и остался ею доволенъ. Почему онъ самъ не назначилъ ее для печатанія, я не знаю: можетъ быть потому, что уже было напередъ избрано имъ другое сочиненіе (Объ антихристѣ) для печати, [3] или потому что миновали обстоятельства, по которымъ была предложена задача, или почему другому. Если теперь милостивымъ опредѣленіемъ начальства разрѣшено будетъ напечатать это сочиненіе, то мы бы желали, и отецъ ректоръ проситъ, чтобы предоставлено было напечатать его въ нашемъ изданіи. Это можно будетъ сдѣлать въ первой книжкѣ будущаго года, а отдѣльными оттисками и ранѣе. Сочинителю мы дали бы и приличное вознагражденіе. Благоволите только выслать диссертацію съ разрѣшеніемъ [4].

Сколько я понялъ другой вопросъ вашъ, онъ касается права мірянъ на участіе въ рѣшеніи вопросовъ догматическихъ. Вы

---

[1] Митр. Филаретъ назначалъ иногда темы для „курсовыхъ“ сочиненій студентовъ. Настоящая, очевидно, дана имъ въ видахъ разъясненія, каковы должны быть правильныя, установленныя практикой временъ глубокой христіанской древности, отношенія православной государственной власти къ раскольникамъ.

[2] Это былъ у митр. Филарета обычный способъ знакомиться съ представленными на степень сочиненіями студентовъ, чтобы потомъ произнести объ нихъ одобрительное, или неодобрительное сужденіе.

[3] Сочиненіе объ антихристѣ, принадлежавшее студенту Сабурову, стоявшему въ спискѣ нѣсколько выше Голубинскаго, и потому ранѣе прочитанное, было напечатано въ *Приб. къ твор. сов. отцевъ* за 1858 г.

[4] Любопытно, что на сочиненіе г. Голубинскаго, въ которомъ, на основаніи достовѣрныхъ историческихъ показаній, раскрыто, что православные императоры IV—VI вв. считали своею священною обязанностію помогать Церкви въ искорененіи ересей и расколовъ, подвергая еретиковъ и раскольниковъ карамъ, иногда крайне суровымъ, и что такой образъ ихъ дѣйствованія имѣлъ благотворныя для церкви послѣдствія, откуда само собою слѣдовало, что всякое послабленіе со стороны нашего правительства раскольникамъ не соотвѣтствуетъ характеру дѣятельности первыхъ христіанскихъ императоровъ и не можетъ быть благотворно для Церкви,—любопытно, говорю, что на такое сочиненіе обратили особенное вниманіе въ Петербургѣ, куда оно, вмѣстѣ съ другими магистерскими сочиненіями, было препровождено на окончательное разсмотрѣніе. Желаніе петербургскихъ властей видѣть сочиненіе напечатаннымъ было исполнено: оно дѣйствительно появилось въ первой книжкѣ Академическаго журнала за 1859 годъ. На раскольниковъ оно, разумѣется, произвело тяжелое впечатлѣніе; напротивъ, ревнители православія встрѣтили его съ большою радостію. Одинъ изъ нихъ, В. А. Сапелкинъ даже испросилъ дозволеніе издать сочиненіе (и издалъ въ 1860 г.) особою книжкой, которую усердно распространялъ. О всемъ этомъ назидательно вспомнить теперь, когда тотъ же г. Голубинскій за свои новѣйшія сочиненія о расколѣ сдѣлался у раскольниковъ persona grata.

Digitized by Google

предлагаете его какъ вопросъ историческій, а не юридическій. И отвѣчаю на него исторически.

Какъ разрѣшала этотъ вопросъ древняя церковь, это видно изъ 64 правила собора Трульскаго: „не подобаетъ мірянину предъ народомъ произносити слово, или учити, и тако брати на себя учительское достоинство, но повиноватися отъ Господа преданному чину, отверзати ухо пріявшимъ благодать учительскаго слова и отъ нихъ поучатися божественному“ и д. Все это правило, опираясь на словахъ Апостола и на изъясненіи ихъ св. Григоріемъ Богословомъ, ясно показываетъ, какъ церковь вселенская, отъ временъ апостольскихъ, понимала отношенія мірянъ къ учительству. Не выписываю его вполнѣ: книга правилъ, конечно, у васъ подъ рукой. Укажу еще на нѣсколько фактовъ изъ древней исторіи церковной.

Когда Констанцій хотѣлъ добиться отъ епископовъ православныхъ церковнаго признанія аріанства, съ осужденіемъ защитника православія св. Аѳанасія Александрійскаго, объявивъ на соборѣ Медіоланскомъ: „чего я хочу, то и да будетъ вамъ правиломъ“, тогда православные епископы скорѣе согласились идти въ ссылку, нежели признать это правило. А св. Осія Кордовскій писалъ императору: „не вступайся въ дѣла существенно церковныя и не давай намъ приказаній объ оныхъ; а лучше принимай ученіе отъ насъ. Тебѣ вручилъ Богъ царство, а намъ ввѣрилъ дѣла церкви. Какъ восхищающій себѣ твою власть противорѣчитъ учредителю Богу: такъ бойся и ты, чтобы, захватывая въ свои руки церковныя дѣла, не подпасть отвѣтственности въ тяжкой винѣ“ (Твор. св. Аѳанасія въ русс. пер., ч. 2, стр. 119).

Императоръ Ѳеодосій младшій, назначая вселенскій соборъ въ Ефесѣ, писалъ св. Кириллу Александрійскому, что „вопросы о благочестіи (или православіи) не должны оставаться неизслѣдованными, и судіями въ рѣшеніи ихъ должны предсѣдательствовать всѣ предстоятели священства: чрезъ нихъ и мы будемъ тверже въ истинномъ ученіи“. Тотъ-же императоръ, назначая на соборъ Ефесскій чиновника отъ себя, писалъ къ собору, что онъ посылаетъ этого человѣка „не затѣмъ, чтобы участвовать ему въ изслѣдованіяхъ о догматахъ: ибо непозволительно сущему внѣ списка святѣйшихъ епископовъ замѣшиваться въ церковные вопросы“, но съ тѣмъ, чтобы онъ 1) толпы народа и монашествующихъ, собравшихся, или имѣющихъ собраться въ городъ, гдѣ назначенъ соборъ вселенскій, удалялъ отъ го-

Digitized by Google

рода; 2) заботился о прекращеніи несогласій между членами собора; 3) наблюдалъ, чтобы никто изъ членовъ собора не удалялся изъ города ранѣе окончанія дѣла и 4) чтобы, наконецъ, не занимались на соборѣ дѣлами посторонними (Binii, concilium Ephes. p. 163, 166, 167).

Когда императоръ Левъ Исаврянинъ указомъ захотѣлъ отмѣнить церковное почитаніе святыхъ иконъ, св. Іоаннъ Дамаскинъ писалъ въ своихъ окружныхъ посланіяхъ: „Не позволимъ себѣ слѣдовать царскому опредѣленію, которое угрожаетъ превращеніемъ обычаю, преданному отцами... Рѣшать такіе вопросы дѣло соборовъ, а не царей. Не царямъ далъ Христосъ власть вязать и рѣшать, но Апостоламъ и ихъ преемникамъ, пастырямъ и учителямъ".—„Что говоритъ божественный Апостолъ? *Овыхъ положи Богъ въ церкви, первѣе Апостоловъ, второе пророковъ, третіе (пастырей) и учителей для совершенія церкви.* Не сказалъ: царей. Также: *поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ.* Не цари глаголаша намъ слово Божіе, но апостолы и пророки, пастыри и учители... Повинуемся тебѣ, государь, въ дѣлахъ относящихся до жизни, во всемъ, что касается даней, оброковъ, пошлинъ, что поручено тебѣ надъ нами; но что касается до церковнаго устройства, то у насъ есть пастыри, глаголавшіе намъ слово Божіе и утвердившіе церковное законоположеніе". S. Ioh Damasc. opr. t. 1, p. 329, 335, 336.

Утверждающіеся на словѣ Божіемъ и общемъ преданіи церковномъ догматы церковь не воспрещала изъяснять, на пользу вѣрнымъ, въ своихъ сочиненіяхъ и мірянамъ; но требовала, чтобы это дѣлалось съ ея вѣдома и одобренія. Установленіе духовной цензуры не новое учрежденіе въ православной церкви. Соборъ Константинопольскій при патріархѣ Львѣ (1134—1143), по случаю появленія въ публикѣ нѣкоторыхъ неправомысленныхъ сочиненій, постановилъ, чтобы „никакое новоявившееся сочиненіе не было допускаемо до общаго чтенія, прежде нежели оно будетъ представлено каѳолической церкви и, по разсмотрѣніи, будетъ одобрено и признано какъ благочестивое и полезное". (Συνταγμε τ. Θείων κανόνων Т. 5, с. 81).

Участіе императоровъ въ рѣшеніяхъ вселенскихъ соборовъ означало не утвержденіе собственно ихъ постановленій, но присоединеніе самихъ государей, яко первыхъ членовъ церкви, къ голосу собора, для того, чтобы исповѣдывать постановленное не

Digitized by Google

только самимъ, но и со всѣми своими подданными,—такъ сказать, перенести рѣшеніе изъ области церкви въ область государства.

Простите, что, спѣша дать требуемые отвѣты, писалъ я такъ дурно. А переписать письмо нѣтъ теперь времени". [1]

3. Письмо А. В. Горскаго къ В. Д. Кудрявцеву.

Достолюбезнѣйшій и душевноуважаемый мною
Викторъ Дмитричъ!

Извиняться не въ чемъ. Не обременили мы другъ-друга перепиской. Не часто я получаю отъ васъ вопросы и порученія. Напротивъ того, я очень благодаренъ вамъ, что вы доставили мнѣ случай, хотя издали, побесѣдовать съ вами. Да и вопросы ваши не затруднили справками.

Дѣянія соборовъ Ясскаго 1642 и Іерусалимскаго 1672 г., по дѣлу патр. Кирилла Лукаря, изданы въ собраніи: Libri Simbolici Ecclesiae Orientalis, нашимъ нѣмцемъ Киммелемъ въ 1843 году въ Германіи. Изданіе это посвящено бывшему нашему о. прокурору гр. Протасову. Здѣсь перепечатанъ текстъ греческій съ латинскимъ переводомъ, p. 325—487. Дѣянія собора Ясскаго входятъ въ составъ собора Іерусалимскаго, какъ часть, p. 408 et sq. Не указываю вамъ на другія, древнія изданія, которыя труднѣе найти; но я думаю, въ Публичной библіотекѣ и тѣ есть. А что касается до Киммелева изданія, то между прочими мѣстами, гдѣ оно должно продаваться, указанъ въ Петербургѣ магазинъ Курта и комп. (не знаю, гдѣ онъ стоитъ).

Догматическая часть опредѣленій собора Іерусалимскаго, который членамъ вѣроисповѣданія кальвинскаго, ложно приписываемымъ церкви Восточной Православной, противопоставилъ истинно-православное исповѣданіе, издана и въ переводѣ на русскій языкъ въ 1838 году, въ извѣстномъ небольшомъ собраніи: „Царскія и патріаршія грамоты о учрежденіи Св. Синода, съ приложеніемъ православнаго исповѣданія Восточно-каѳолической церкви". Это „изложеніе" и есть то самое, которое написано на соборѣ Іеру-

[1] Письмо не подписано и, очевидно, не отправлено. По всей вѣроятности, оно все-таки было переписано и, быть можетъ, въ исправленомъ видѣ послано по назначенію.

Digitized by Google

салимскомъ, какъ это сказано и въ грамотѣ патріаршей с. 19. Оно же было впослѣдствіи патріархами сообщено англичанамъ и въ такомъ видѣ переслано въ 1723 г. къ намъ. Русскій переводъ догматическихъ постановленій собора Іерусалимскаго нельзя назвать буквальнымъ: мѣстами въ русскомъ изданіи изложеніе точнѣе, чѣмъ въ греческомъ текстѣ; иное и пропущено. Но сущность дѣла и большая часть самаго изложенія вѣрно переданы.

На русскомъ языкѣ о Кириллѣ Лукарѣ въ недавнее время помѣщена была статья въ *Духовной Бесѣдѣ*. Спросите у Михаила Владиміровича[1] 1859 г. Статья впрочемъ не совсѣмъ стройно составлена и болѣе имѣетъ апологетическій характеръ.

Если хотите, исторіей Кирилла занимается и Киммель въ предисловіи къ своему изданію, p. XXI—L., подробно также говоритъ и о соборѣ Іерусалимскомъ, p. LXXV et sq.

Сообщивъ вамъ требуемыя свѣдѣнія, я не нахожу нужнымъ посылать вамъ самыя книги. Киммелево изданіе, я думаю, можетъ быть найдено и у хорошихъ книгопродавцевъ и безъ сомнѣнія есть въ Публичной Библіотекѣ. Патріаршія грамоты продаются въ книжной лавкѣ Св. Синода. Все это у васъ подъ рукой. Въ лѣсъ дровъ не возятъ.

Неожиданныя вѣсти о себѣ слышу отъ васъ, любезнѣйшій Викторъ Дмитріевичъ. На сырной недѣлѣ, бывши въ Москвѣ, имѣлъ я случай, не думая впрочемъ вовсе о какомъ-либо приложеніи къ себѣ, говорить со святителемъ о предположеніи—отправить на Востокъ кого-либо изъ духовныхъ для содѣйствія къ примиренію Грековъ и Болгаръ. Но и тогда, также какъ и теперь, казалось мнѣ, что отъ этого нельзя ожидать никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій. Споръ зашелъ далеко. Наши агенты обыкновенно посылаются съ самыми ограниченными правами. Да въ такомъ дѣлѣ не легко и принять на себя отвѣтственность въ какомъ-нибудь рѣшительномъ дѣйствіи, особенно при недостаткѣ единства во взглядѣ на самый споръ. Итакъ, слава Богу, что никакое предположеніе меня не коснулось.—Отправиться на Востокъ съ учеными цѣлями было бы, конечно, хорошо; но для этого нужно бы еще нѣсколько приготовить себя[2]. Да теперь

[1] Шавровъ, нашъ общій товарищъ по Академіи; былъ профессоромъ въ Спб. Семинаріи и редакторомъ *Духовной Бесѣды*, потомъ чиновникомъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода.

[2] Вотъ какъ серіозно смотрѣлъ на заграничныя поѣздки съ ученою цѣлію этотъ истинно ученый мужъ!

Digitized by Google

и время на Востокѣ весьма не спокойное. Итакъ видно, что и эта мечта должна быть отложена до ясныхъ дней [1].

Посмотрѣть около себя: и тутъ намъ много дѣла, много борьбы. Не знаю, слѣдите-ли вы нынѣ за свѣтскою литературой, какъ прежде; а мнѣ кажется—ожесточеніе противъ всего духовнаго, церковнаго, съ усиленіемъ матеріалистическаго направленія, съ расширеніемъ либеральныхъ стремленій, съ каждымъ мѣсяцемъ становится сильнѣе. Нельзя появиться никакой серіозной книгѣ духовнаго писателя, которой бы не разругали. Противъ дѣльныхъ замѣчаній — ни слова; но насмѣшка, усиліе представить все отсталымъ, схоластическимъ, ни къ чему въ настоящее время не годнымъ, ясно показываетъ желаніе все смѣшать съ грязью. И это простирается далѣе нашей незрѣлой литературы. Итакъ въ то время, какъ мы беремся устроять чужія дѣла, у насъ крыша падаетъ...

Не удавалось-ли вамъ сходиться гдѣ съ великимъ философомъ современнымъ, который взялъ на себя теперь трудъ дирижировать изданіемъ Энциклопедическаго лексикона и наполнять его своимъ безвѣріемъ?—Разумѣю Лаврова.

Нѣтъ-ли у васъ, любезнѣйшій Викторъ Дмитричъ, времени что-нибудь сдѣлать для нашего изданія? Выборъ предмета вполнѣ въ вашей волѣ. А вопросовъ много. Повглядитесь-ка, да напишите намъ что-нибудь. Въ настоящее время нужно проводить въ публику, путемъ размышленія, свѣтлыя руководящія истины откровенія. Посмотрите, какъ въ Кіевѣ подвизаются. Въ Петербургѣ В. Н. Карповъ переводитъ Евсевіеву книгу **Praeparatio Evangelica**. Не скажу, чтобы трудъ былъ современный; но каждый дѣлаетъ по силамъ. И въ общей сложности, можетъ быть, пригодится и этотъ матеріалъ, который выкопать изъ земли, конечно, не мало стоило труда...

Душевно желаю вамъ всѣхъ благъ отъ Господа.

Преданный вамъ всѣмъ сердцемъ

А. Горскій.

15 апр. 1861 г.

---

[1] И не суждено было осуществиться этой его „мечтѣ“!

Digitized by Google

4. Письмо В. Д. Кудрявцева къ А. В. Горскому.

Мая 23, 1861 г. Царское Село.

Многоуважаемый
Александръ Васильевичъ!

Извините, пожалуста, что до сихъ не успѣлъ поблагодарить васъ за ваше радушное содѣйствіе и помощь нашему незнанію. Книгу, о которой вы писали, я нашелъ очень легко; но графиня Блудова не нашла въ ней, чего желала. Какъ оказалось, ее занималъ каноническій вопросъ: могутъ-ли епископы, собравшись на соборъ, обвинить и отлучить своего патріарха за ересь, или за другія вины? Этотъ вопросъ былъ возбужденъ нынѣшними распрями между Болгарами и Греками, — и ей, какъ кажется, хотѣлось узнать, могутъ-ли имѣть какое-нибудь основаніе Болгаре, отвѣчая отлученіемъ патріарха на его отлученіе отъ церкви Болгарскаго духовенства. Ей казалось, что на соборѣ Ясскомъ принимали главное участіе Русскіе и Молдавскіе епископы. Понятно, что въ дѣяніяхъ собора Ясскаго она не могла найти удовлетворительнаго отвѣта на свой вопросъ, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія о немъ очень смутны, да и подписи лицъ, участвовавшихъ на этомъ соборѣ, въ книгѣ Киммеля не приведены. Я съ своей стороны, по малому знакомству съ церковною исторіей, также не могъ припомнить примѣровъ, которые бы могли оправдать любимыхъ ею Болгаръ. Лѣтомъ едва-ли придется видѣться съ Блудовыми, такъ какъ они переѣзжаютъ на дачу въ совершенно противоположной сторонѣ отъ Царскаго; жаль, потому что это единственный домъ, гдѣ приходилось узнавать что-нибудь новенькое и притомъ достовѣрное.

Довольно одностороннее, чтобы не сказать болѣе, направленіе литературы, особенно тѣхъ ея органовъ, которые наиболѣе имѣютъ вліяніе, занимаетъ многихъ и здѣсь. Особенно жалуются на упадокъ научнаго образованія въ Университетахъ: вмѣсто науки студенты занимаются quasi-политическими демонстраціями. Былъ составленъ изъ гр. Строганова, Панина и Долгорукаго комитетъ, съ цѣлію уяснить настоящее положеніе Университетовъ и средства улучшить его. Но теперь, съ назначеніемъ новаго министра Народнаго Просвѣщенія гр. Путятина, дѣйствіе этого Комитета пріостановили. Гр. Строгановъ приписывалъ всѣ недостатки совре-

Digitized by Google

меннаго положенія Университетовъ причинѣ, какъ кажется, довольно мелкой,—допущенію въ нихъ вольныхъ слушателей. Нельзя сказать, чтобы въ свѣтскихъ кругахъ были довольны назначеніемъ гр. Путятина; боятся его религіознаго направленія и дружбы съ нашимъ Владыкой и гр. Толстымъ. Посмотримъ, что будетъ; но, кажется, однихъ административныхъ мѣръ недостаточно для того, чтобы перемѣнить господствующее направленіе общества. Журнальныя статьи, конечно, не имѣли бы вліянія, если-бы въ самомъ обществѣ не было предрасположенія подчиняться ихъ вліянію. Противъ идей должно сражаться идеями, а не внѣшнимъ оружіемъ силы... Кажется, и вы съ этимъ согласны. Но дѣло въ томъ, что эта борьба должна быть дѣломъ свободнымъ и что въ стремленіи къ какому-то идеальному совершенству не должно останавливать хотя и слабыхъ, но благонамѣренныхъ попытокъ противодѣйствовать одностороннимъ мнѣніямъ. А примѣръ, хотя бы о. Ѳеодора [1], показываетъ противное. Нельзя ожидать успѣха, когда не будетъ средины между направленіемъ Аскоченскаго и *Современника*. Вотъ, напримѣръ, прекрасная статья Ѳаворова въ Кіевскомъ журналѣ, а я сильно сомнѣваюсь, чтобы она могла пройти въ большей части нашихъ духовныхъ журналовъ: для однихъ она будетъ слишкомъ отвлеченна и учена, для другихъ недостаточно современна, для третьихъ не вполнѣ обработана и т. д.

Недѣли двѣ тому назадъ я переѣхалъ въ Царское село и кажется останусь здѣсь до глубокой осени, мѣсяца до ноября. Въ Петергофъ, куда Дворъ переселится въ половинѣ іюня, думаю ѣздить отсюда, потому что къ сентябрю онъ возвратится въ Царское. Уроки мои у Государя Наслѣдника продолжатся до конца августа; затѣмъ онъ недѣли на три уѣдетъ въ Крымъ. У Николая Максимиліановича уроки прекращаются въ первыхъ числахъ іюня и начнутся въ сентябрѣ.

Глубоко уважающій васъ и душевно преданный вамъ

Викторъ Кудрявцевъ.

---

[1] О. Ѳеодоръ (Бухаревъ) много писалъ тогда въ духѣ сближенія свѣтскаго общества съ духовно-нравственными потребностями и за то былъ безпощадно преслѣдуемъ Аскоченскимъ.

Digitized by Google

5. Письмо И. М. Снегирева къ А. В. Горскому.

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ!

Постоянная ваша любовь къ отечественной древности и благорасположеніе ко мнѣ обнадеживаютъ меня, что вы не потяготитесь прочесть приложенное здѣсь *Обозрѣніе русскаго иконописанія.* Если же гдѣ я *не дописалъ*, или *переписалъ*, то прошу покорнѣйше отмѣтить. Всякое ваше замѣчаніе, какъ благонамѣренный отзывъ, я приму за доказательство вашего усердія. Объ этомъ я хотѣлъ было также просить достопочтеннаго Ѳедора Александровича [1]; но опасаюсь его обременять. Видно, что онъ много занятъ; потому что я до сихъ поръ не получилъ обѣщаннаго отвѣта на мое письмо. Вы меня крайне одолжите, если не задержите моей тетради.

У Максима Грека есть замѣчанія объ иконописи. Васъ надобно поздравить съ возвращеніемъ его твореній въ Сергіеву обитель.

Черезъ достопочтеннаго Александра Петровича [2] я послалъ вамъ каталогъ библіотеки Царскаго, гдѣ довольно есть монастырскихъ рукописей, поступившихъ въ нее отъ одного археографа [3].

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашъ покорнѣйшій слуга
И. Снегиревъ [4].

Москва,
февраля 26, 1849.

---

[1] Ѳ. А. Голубинскій, тогдашній профессоръ философіи въ Моск. Дух Академіи.

[2] Святославскій, секретарь митр. Филарета, всегда сопровождавшій его въ Лавру. Снегиревъ жилъ неподалеку отъ Троицкаго подворья, былъ принятъ у митрополита и знакомъ съ окружающими его.

[3] Имѣется въ виду, конечно, самъ Строевъ, описатель библіотеки. И. М. Снегиревъ любилъ такого рода замѣчанія.

[4] Письмо занимаетъ страницу большаго листа почтовой бумаги; слѣдующія двѣ бѣлыя страницы А. В. Горскій исписалъ карандашомъ,—это отрывочныя замѣтки, вошедшія потомъ въ составъ посланныхъ Снегиреву замѣчаній.

Digitized by Google

6. Письмо А. В. Горскаго къ И. М. Снегиреву.

Съ удивленіемъ получилъ я пакетъ и письмо отъ вашего имени съ просьбою прочитать приложенную статью о Русскомъ иконописаніи. Помилуйте, Иванъ Михаилычъ! Да мы у васъ учились и учимся разумѣть эту грамоту, не при насъ писанную. Мнѣ не приводилось изучать древніе памятники нашего иконописанія, какъ только по книгамъ и рисункамъ.

Впрочемъ, поелику въ статьѣ вашей есть вопросы и не художническіе, касающіеся исторіи Церкви, то я осмѣлился предложить вашему вниманію и опытности на разсмотрѣніе нѣсколько разрозненныхъ замѣчаній. Если они окажутся не дѣльными, то вините сами себя за то, что выбрали такого плохаго судью. Я бы не осмѣлился предложить ихъ, если бы не былъ къ тому вызванъ вами же самими.

Получилъ я *Описаніе рукописей Царскаго*; но въ надеждѣ видѣться съ вами на сырной недѣлѣ въ Москвѣ отлагалъ писать къ вамъ объ этомъ и усерднѣйше благодарить васъ за ваше благорасположеніе. Но предположеніе мое не сбылось, и я доселѣ остаюсь предъ вами неблагодарнымъ. Простите Бога ради! Вы обогатили меня и вашими собственными учеными трудами.

Ѳеодору Александровичу я не представлялъ ни вашей статьи, ни своихъ замѣчаній, чтобы чрезъ то еще не замедлить отсылкою тетрадей къ вамъ. Онъ дѣйствительно занятъ трудами для оптинскихъ иноковъ [1]. Къ тому же посѣтила его новая скорбь: онъ лишился племянницы въ Москвѣ.

Замѣчанія на статью Снегирева объ иконописи [2].

1. Занятое у западныхъ ученыхъ названіе иконописи Византійскою, кажется, не лучше обыкновеннаго у насъ названія для нея: *Греческое письмо*. Послѣднее и потому уже предпочтительнѣе, что обнимаетъ не только произведенія собственно Ви-

[1] Нѣкоторыя изданія Оптиной пустыни были на разсмотрѣніи у Ѳ. А. Голубинскаго, какъ у члена духовной цензуры.

[2] Такое заглавіе сдѣлалъ карандашомъ А. В. на черновыхъ листахъ замѣчаній, по которымъ они и печатаются.

Digitized by Google

зантійскихъ, или Константинопольскихъ иконописцевъ, но и другихъ, даже Корсунскихъ художниковъ.

2. Есть-ли основаніе въ самыхъ памятникахъ различать иконописаніе Корсунское отъ Византійскаго? Не по одному-ли тому обстоятельству мы различаемъ ихъ, что знаемъ о принесеніи иконъ изъ Корсуни святымъ Владиміромъ? Въ такомъ случаѣ это не есть особый видъ, или *ошибъ*. Безъ сомнѣнія, Корсунскія иконы смѣшались съ иконами существовавшими и вновь потомъ принесенными изъ Константинополя. И до обращенія св. Владиміра были церкви въ Кіевѣ, слѣдовательно были и иконы, и, вѣроятно, изъ Греціи. Если-же и остались нѣкоторыя съ наименованіемъ Корсунскихъ, то можетъ быть не по характеру письма, но по другимъ, не зависящимъ отъ искусства, обстоятельствамъ, напримѣръ, потому, что они тамъ первоначально прославились чудесами.

3. „Византійскіе зографы (*а почему не зографы?*) передали намъ не только самое искусство и его произведенія, но и *типы лицъ*, кои *были утверждены соборами и отцами церкви*". Чѣмъ можно доказать эту мысль, что типы лицъ въ иконописи греческой утверждены соборами? Ни на одномъ изъ извѣстныхъ соборовъ не видимъ разсужденій объ этомъ. На соборѣ Трульскомъ постановлено было не писать изображеній І. Христа въ видѣ Агнца. И только на седьмомъ вселенскомъ соборѣ были представляемы нѣкоторыя изображенія святыхъ въ книгахъ, но не для утвержденіе типовъ, а съ другою цѣлію [1].

4. *Свитки* и *книги* греческихъ иконописцевъ, въ Кіево-Печерской Лаврѣ сохранившіеся до временъ *Симона*, едва ли суть *эскизы* и *прориси* Византійскихъ художниковъ. Въ рукописи Патерика, откуда взято это извѣстіе, читается такъ: „суть же и нынѣ свиты ихъ на полатахъ и книги ихъ гречаные блюдомы въ память таковаго чудеси" (то-есть чудеснаго явленія имъ Антонія и Ѳеодосія въ Константинополѣ и найма для работы въ

[1] Далѣе написано было, но зачеркнуто, слѣдующее: „Мѣсто это любопытно. Можетъ быть не попадались вамъ въ руки полныя дѣянія VII вселенскаго собора. Потому я выпишу его изъ имѣющагося у насъ изданія. Когда діаконъ Константинопольской Софійской церкви Дмитрій представилъ книгу, изъ которой иконоборцами вырѣзано было нѣсколько листовъ, относящихся до св. иконъ, тогда одинъ изъ присутствовавшихъ Леонтій, εἶπε: κἰ ἄλλο, πατέρες, ϛαυμασας, ἐς ἰνὲν λ βυβτῆϛιο ταὐτη. ὡς ορᾶτε γὰρ ἀργύρας πτυχας ἔχει.

Digitized by Google

Кіевѣ). Не знаю, почему Карамзинъ напечаталъ *свитки* вмѣсто *свиты*. Дѣло идетъ о вещахъ, сохраненныхъ на память чуда, а не о руководствахъ къ иконописи. И еслибы то были дѣйствительно руководства, почему бы не сказать Симону, что тѣ и другія хранятся у живописцевъ на полатахъ? Но о свитахъ онъ говоритъ, что онѣ на *полатахъ*, а о книгахъ говоритъ особо. Притомъ книги называются греческими. Если бы то были *прориси*, то къ чему это прибавленіе: *греческія?* Слову *свита* въ томъ же Патерикѣ въ другомъ мѣстѣ дается значеніе нижней одежды. Напримѣръ, въ сказаніи о Спиридонѣ просфорникѣ: „се же вземь свою монатью закры устье печи, *свиту* же завязавъ рукава и сю вземъ, тече на кладязь, и ту наліявъ воды, скоро течѐше“.

5. Ἑρμηνεία τῆς ζωγραφικῆς, найденное Дидрономъ на Аѳонѣ, въ настоящемъ своемъ видѣ не можетъ относиться къ XI или XII в., какъ думалъ издатель. Въ немъ упоминаются между святыми нѣсколько лицъ, которыя жили гораздо позднѣе этого времени, напримѣръ, Григорій Палама, который жилъ въ XIV вѣкѣ, на стр. 317 и 390, патріархъ Филоѳей, то же XIV в., стр. 337. Да и у васъ ниже приводится изъ сей иконографіи мѣсто, гдѣ говорится о пріемахъ московскихъ художниковъ. А когда Русь стала называться у иностранцевъ по Москвѣ? Когда Москва пріобрѣла такое значеніе, что ея имя начало распространяться на цѣлый народъ.

Впрочемъ, можетъ быть и найдутся подобныя руководства, болѣе или менѣе полныя, ранѣе XIV в. Замѣчательна въ Синодальной библіотекѣ между греческими рукописями, по каталогу Маттея подъ № CI статья, хотя не обширная: περὶ Χαρακτήρων Θεοφορῶν πατέρων, изъ которой отрывокъ онъ напечаталъ на стр. 105 своего изданія: Bin-я Orationes Gregorii Naz. 1780 in 4°. Рукопись эта писана въ 993 году. Еще болѣе опредѣлительныя руководства къ изображенію святыхъ можно находить въ самыхъ изображеніяхъ ихъ, помѣщаемыхъ въ древнихъ рукописяхъ, содержащихъ житія ихъ, или сочиненія. Въ этомъ отношеніи опять можно указать на рукописи Синодальной библіотеки по каталогу Маттея подъ № CLXXXIV, sec. XI., о которой онъ говоритъ: hic codex **muntorum sanctorum imaginibus insignis est**; и между типографскими, по его же каталогу, X вѣка, in 4° подъ № 1 (p. 297), въ которой находится 24 изображенія къ 24 икосамъ и кондакамъ акаѳиста Божіей Матери. А еще ближе сюда идетъ упомянутый и въ приведенныхъ у васъ словахъ такъ-называемый „Подлин-

Digitized by Google

никъ“ (ркп. Царскаго), Менологіумъ имп. Василія, только не Македонянина (IX в.), а Булгороктона (X вѣка). Онъ изданъ, и съ лицевыми изображеніями святыхъ, въ Римѣ 1728 г. и есть въ нашей библіотекѣ [1]. Только, къ сожалѣнію, въ рукописи греческой найдена одна первая половина года (съ сентября мѣсяца) съ изображеніями; въ другой ихъ нѣтъ. При изображеніяхъ нѣтъ описанія святыхъ, какъ бываетъ въ подлинникахъ, но только краткія біографическія свѣдѣнія о святыхъ, какія обыкновенно заключаются въ Прологахъ. Изъ этой рукописи нѣсколько изображеній помѣщено Д'Ажинкуромъ въ его Histoire de l'Art par les monumens, т. VI, Tabl. XXXI—XXXIII. При нѣкоторыхъ изображеніяхъ поставлены даже имена писавшихъ, чего нѣтъ и въ вышеупомянутомъ римскомъ изданіи. Это изданіе также есть въ нашей библіотекѣ.

Въ приведенныхъ вами словахъ изъ „Подлинника“ говорится между прочимъ, что съ тѣхъ „греческихъ мѣстныхъ иконъ (то-есть менологія Васильева, сохранившагося, какъ тамъ же сказано, съ лицевыми изображеніями на Аѳонѣ) въ Кіевѣ и Новгородѣ древними иконописцами списанъ подлинникъ *словесно* (то-есть уже безъ картинъ) на хартіяхъ“. Хотя этому свидѣтельству и противорѣчитъ существованіе такихъ подлинниковъ не только на русскомъ языкѣ, но, какъ показываетъ списокъ Дидрона, и на греческомъ: во всякомъ случаѣ это свидѣтельство не въ пользу вышеприведеннаго толкованія, будто *свиты* и *книги* греческихъ иконописцевъ въ Лаврѣ содержали въ себѣ эскизы и прориси. Рукописный нашъ подлинникъ не знаетъ сохранившихся въ Кіевѣ свитъ и книгъ, но указываетъ на Аѳонъ, откуда происходилъ и Дидроновъ списокъ.

6. „Иконопись на стѣнахъ по штукатуркѣ называется бытейскимъ письмомъ“. Ко всѣмъ ли изображеніямъ, помѣщаемымъ на стѣнахъ, относится это названіе? Изъ актовъ, относящихся до собора на Висковатова, видно, что кромѣ бытейскихъ дѣяній писались и „притчи“, а иногда, конечно, и лики святыхъ. Точно ли и это называлось бытейскимъ письмомъ?

7. На какомъ основаніи поименованіе извѣстнаго стиля иконописнаго Корсунскимъ производится не только отъ Корсуня Таврическаго, но и отъ Корсуня-Кіевскаго. Кажется, въ лѣтописяхъ для этого нѣтъ указаній.

---

[1] То-есть, въ академической.

Digitized by Google

8. Для отличенія одного пошиба отъ другаго (напримѣръ Новгородскаго отъ Московскаго и др.) нельзя ли указать какихъ-нибудь еще другихъ признаковъ, кромѣ пріемовъ художническихъ, не всегда удобно опредѣлимыхъ? Въ концѣ вашей статьи вы слегка коснулись этого вопроса. Но, мнѣ кажется, онъ требовалъ бы бо̀льшаго раскрытія. Вамъ, какъ знатоку дѣла, ясны и малѣйшіе признаки различія; а намъ профанамъ хотѣлось бы видѣть болѣе яркіе и очевидные. Икону св. Софіи, премудрости Божіей, по образцу Новгородскому мы различимъ отъ Кіевскаго. Нельзя ли указать подобныхъ признаковъ, болѣе или менѣе свойственныхъ каждому пошибу, въ самомъ содержаніи изображеній? Свидѣтельства лѣтописи о пріѣздѣ по временамъ греческихъ художниковъ для расписанія той или другой церкви,— свидѣтельства, встрѣчающіяся нечасто (въ $1^1/_2$ столѣтія два раза), повидимому не отнимаютъ надежды доискаться до существующихъ въ самыхъ изображеніяхъ признаковъ той или другой школы. Чѣмъ далѣе мы отступали отъ начала церкви, когда должны были заимствоваться отъ Грековъ, тѣмъ болѣе налагали свою печать на усвоенномъ. Уже первый списокъ съ греческой (иконы) навѣрное много отлпчался отъ оригинала, а новый списокъ со списка еще болѣе. Съ другой стороны при первоначальной раздѣленности Россіи на разныя княженія удобно эти разности могли укорениться въ разныхъ областяхъ и развиваться по своему.

Такимъ образомъ подъ вліяніемъ болѣе или менѣе даровитыхъ художниковъ въ той или другой школѣ могли развиться разныя направленія въ живописи: собственно *историческое*, изображающее лица и событія, священныя для православнаго христіанина; *олицетворительное*, воплощающее мысль извѣстнаго стиха библейскаго, пѣсни церковной, молитвы и т. п. въ формы ясныя, простыя, безъ иносказанія выражающія то, что̀ предполагалось выразить; и *символическое*, передающее мысль художника въ какихъ-нибудь произвольно взятыхъ образахъ, „притчахъ“. Тогда въ олицетвореніи мысль художника становится наглядною, въ символахъ она закрывается. Мнѣ думается, что изъ этой разности направленій, отдѣльно въ различныхъ школахъ развившихся, и потомъ въ половинѣ XVI ст. столкнувшихся въ Москвѣ, можно изъяснить волненія того времени.

9. Вы полагаете: Іоанъ Спаситель не есть ли Іоанъ списатель? и такимъ образомъ не онъ ли въ Москвѣ примѣшалъ къ

Digitized by Google

московскому пошибу нѣкоторыя черты фряжской иконописи? Но, во-первыхъ, Іоаннъ былъ-ли живописецъ? — этого не видно. Во-вторыхъ, списатель не могло значить живописецъ. Расписаніе церквей у насъ называлось *подписаніемъ*, а не списаніемъ, что относилось къ сочиненію, или къ списыванію. Въ-третьихъ, наименованіе *Спаситель* могло быть не странно въ той странѣ, откуда онъ происходилъ. Такъ былъ въ Италіи живописецъ Сальваторъ Роза. Въ-четвертыхъ, волненія въ Москвѣ изъ-за иконъ въ половинѣ XVI ст. должны были раскрыть начало этого смѣшенія стилей (русскаго и фряжскаго), еслибы оно существовало въ главныхъ соборныхъ храмахъ въ концѣ XV ст. или началѣ XVI в. Вмѣсто этого современные акты показываютъ иную причину споровъ. Гдѣ на стоглавомъ соборѣ говорилось о поврежденіи иконописи отъ подражанія латинскимъ образцамъ?— этого нѣтъ.

10. Упомянутыя иконы не тогда вновь появились въ церквахъ русскихъ. Сильвестръ, на. отвѣтственности котораго находилось расписаніе Успенскаго собора и другихъ церквей и палатъ, говоритъ, что ничего вновь не изобрѣтали, все сдѣлано по старымъ образцамъ. „И ты, государь, св. митрополитъ и весь освященный соборъ, обыщите и разсудите, *аще едину черту язъ приложилъ* своего разума: всѣ отъ древняго преданія, какъ иконописцы пишутъ по образцамъ, каковы будутъ у нихъ есть святыя и истинныя иконы, и бытійская дѣянія и иныя многія притчи“ (Чтен. 1848 г. № 3. Московскіе соборы XVI в. стр. 21). Митрополитъ Макарій защищалъ всѣ иконы и изображенія, противъ которыхъ возражалъ Висковатый, какъ противъ необыкновенныхъ. Итакъ, иконы и изображенія не были вновь придуманы; но они до сихъ поръ болѣе извѣстны были по другимъ городамъ, чѣмъ въ Москвѣ; особенно много перенесено новыхъ для Москвы образовъ изъ Новгорода и Пскова; тамошніе и художники ихъ приготовляли. Вотъ что произвело смуты (Объ этомъ ясно говорится въ указанныхъ актахъ Моск. соб. XVI в.). А это ведетъ къ вышеприведенному соображенію, что въ раздробленной по разнымъ областямъ Россіи мало-по-малу образовались свои направленія, свои типы и въ иконописи, какъ они существовали и во всей жизни. Само собою разумѣется, что теперь, когда Россія стала тѣснѣе подъ властью единодержавнаго царя между собою соединяться, эти разности скоро должны были раскрыться. Макарій и Сильвестръ, пришедшіе изъ Новгорода, думали пере-

Digitized by Google

нести въ Москву свой вкусъ, свои олицетворенія, свои символическія начертанія. И вотъ въ лицѣ Висковатаго выразилось недовольство Москвы на эти нововведенія.

11. Икона „Страшнаго суда" навѣрное стала извѣстна у насъ не съ конца XIV ст. Она является еще въ исторіи обращенія св. Владиміра; въ греческой церкви извѣстна еще въ VI столѣтіи. На чемъ основана мысль, что эта икона только съ началомъ XV ст. начала распространяться въ сѣверо-восточной Россіи? Развѣ мысль о близкой кончинѣ міра, которою были тогда всѣ заняты при непрерывныхъ моровыхъ болѣзняхъ, могла чаще устремлять взоры къ этому изображенію?

12. Желательно бы видѣть подтвержденіе на то, что образа: Господь Савооѳъ съ семью вѣками, I. Христосъ съ колчаномъ и лукомъ и въ подобіи агнца—заимствованы у латинянъ. Что касается до перваго, то можно думать, что мысль о немъ взята изъ полнаго житія Андрея Юродиваго. Между сочиненіями Максима Грека есть замѣчанія, очень невыгодныя объ этомъ житіи, именно касающіяся вопроса *о семи вѣкахъ*. Образъ Спасителя съ колчаномъ и лукомъ защищалъ Макарій на соборѣ противъ Висковатова греческими отцами (Чтен. р. 13). Изъ этого защищенія можно было бы выводить, что образъ этотъ самонзобрѣтенный, на основаніи нѣкоторыхъ выраженій библейскихъ и отеческихъ. Образъ Спасителя въ подобіи агнца извѣстенъ и въ греческой церкви, хотя и запрещенъ на соборѣ Трульскомъ.

Что такое *св. Троица съ чинами?*

13. Правда-ли, что орелъ почитается аттрибутомъ св. Марка, а левъ—Іоанна въ латинской церкви? Писатели латинской церкви говорятъ, что у нихъ, согласно съ нами, орелъ признается принадлежностью Іоанна, а левъ—Марка. Только у св. Иринея (Противъ ересей, кн. III, гл. 2) аттрибуты перемѣшаны согласно съ названнымъ у васъ латинскимъ порядкомъ; однако же его авторитетомъ церковь римская не увлекалась.

Marcus frendens ore Leonis, говоритъ одинъ толкователь символовъ XIII в.

Что касается до образа Спасителя, именуемаго Pietas, то вотъ что пишетъ объ немъ Максимъ Грекъ въ письмѣ къ какому-то архіерею: „Священное образованіе священныя и поклоняемыя иконы Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, глаголемое по-римски: піетасъ, еже есть по-русски милосердіе, или благочестіе, а не уныніе, нѣсть се человѣческія премудрости замышленіе, но самъ Спасъ такова показа себе списателю душе-

Digitized by Google

полезныхъ бесѣдъ, яже къ Петру, своему діакону, показа себе во время церковныхъ литургій священнодѣйствующу страшную и безкровную жертву святѣйшему Григорію, внегда влагаше въ потиръ четвертую часть святаго и поклоняемаго Агнца. Сицево нерукотвореніе (ное) божественное образованіе видѣвъ священный Григорій, стояще противу святаго потира, умилися, якоже лѣпо бѣ, и въ слезы духовныя снесенъ бысть. Преудивився Спасову неизреченному схожденію, и якоже видѣ очима въ Дусѣ Святѣ, тако сказа иконописцемъ писати прочее таково Спасово священное образованіе. И оттолѣ начать сицево священное образованіе Спасово въ святыхъ Божіихъ храмѣхъ писатися. Сице азъ пріяхъ отъ достовѣрныхъ мужей Италіанѣхъ, у нихъ живый время доволно, юнъ еще сый, держася мірскаго житія". Только у Максима.

14. Расколы и ереси вслѣдствіе отступленія отъ завѣтныхъ первообразовъ". Гдѣ же они въ XVI вѣкѣ? Висковатый возставалъ противъ нововведеній, и его-же обвинилъ Макарій съ соборомъ; но и онъ, какъ самъ говоритъ, еретикомъ Висковатова не назвалъ (Чтен. р. 8).

15. „Мѣстный образъ св. Троицы въ Троице-Сергіевой лаврѣ". Но у насъ ихъ два. Одинъ стоитъ на правой сторонѣ, подлѣ царскихъ вратъ, другой—на лѣвой и считается поступившимъ въ даръ отъ царя Ивана Васильевича.

16. „Могла-ли процвѣтать иконопись въ Кіевѣ"? Замѣчательны слова Петра Могилы въ его книгѣ *Камень* о Супрасльскомъ монастырѣ: „Спроси кого-нибудь въ томъ монастырѣ: гдѣ тѣ древнія иконы, которыя украшены были серебряными позлощенными ризами? и узнаешь, что онѣ обращены уніатами на свои надобности; вмѣсто же серебряныхъ иконъ поставлены въ церкви полотняныя итальянскія. Хорошо мѣняются съ Богомъ: Ему полотно писанное, а себѣ серебро вызолоченное".

17. Ежели Каппоніевы иконописныя святцы писаны русскими художниками въ Москвѣ, и притомъ такъ поздно, въ XVII в., то нужно бы объяснить, почему въ этихъ святцахъ нѣтъ ни одного святаго изъ русскихъ. Ибо хотя Ассемани въ своихъ Calendaria и объясняетъ имена нѣкоторыхъ русскихъ святыхъ, но всегда по другимъ мѣсяцесловамъ, а не по Каппоніевымъ святцамъ, съ которыхъ оттискъ приложенъ къ его книгамъ.

18. На иконопись у насъ въ XVII в. есть прямыя жалобы: Востокова Опис. Рум. музея, стр. 554, 575. И патріаршее предписаніе, вѣроятно, вслѣдствіе сихъ жалобъ. Акты Арх. Ком., т. 1.

Digitized by Google

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

I.

Тетушка Прасковья Егоровна.

Памятна мнѣ тётушка Прасковья Егоровна. Она была двоюродная сестра моего отца, но, кажется, старше его годами. Маленькая ростомъ, тщедушная, съ лицомъ, какъ печеное яблоко, тётушка имѣла замѣчательную способность: залпомъ выпускать тысячу словъ. На лѣвой ея рукѣ постоянно болтался большой ридикюль, вышитый яркими бабочками. Его хозяйка никогда съ нимъ не разставалась. Отецъ увѣрялъ, что въ этомъ ридикюлѣ готовыми лежали сто жалобъ, сто кляузъ. Если ридикюль уменьшался хотя на одну жалобу, тётушка приходила въ безпокойство, придиралась къ кому-нибудь, чтобы наполнить свой завѣтный мѣшокъ опредѣленнымъ количествомъ бумагъ. Онѣ были ея страстью, ея болѣзнью. Присутственныя мѣста, помѣщавшіяся въ крѣпости города Казани, страшно боялись знакомаго дребезжанія допотопной коляски на стоячихъ рессорахъ, принадлежавшей тётушкѣ. На высокихъ козлахъ возсѣдалъ старикъ Кузьма, худощавый, какъ смерть, мрачный, какъ вельзевулъ, одѣтый въ толстый суконный кафтанъ домашняго производства, порыжѣлый отъ времени. Въ рукахъ Кузьмы дрожали веревочныя возжи. Рядомъ съ нимъ помѣщался въ нанковомъ сюртукѣ такой-же старый, какъ и Кузьма, лакей Филатъ съ испитымъ, рябоватымъ лицомъ. Пролетку везли двѣ клячи, съ отвислыми губами, которымъ вмѣстѣ было не менѣе пятидесяти лѣтъ. Тётушка сидѣла важно, не смотря по сторонамъ, и трясла

Digitized by Google

головой. Завидя въ окна ее, подъѣзжавшею къ присутственному зданію, писцы бѣжали торопливо къ столамъ и наклонялись низко надъ ними, дабы избѣжать взглядовъ тётушки. Бѣда была несчастному, обратившему ея вниманіе! Прасковья Егоровна тыкала дерзкаго въ плечо и произносила:

— Вставай, крапивное сѣмя! Что уставился на меня, точно быкъ, котораго ведутъ на убой? Не бойся, не съѣмъ. Куда девался секретарь? Отчего онъ не на мѣстѣ? Все, чай, по мамзелькамъ бѣгаетъ. Вы привыкли только обирать всѣхъ. Гдѣ предсѣдатель палаты? Небось, еще глазъ не продралъ послѣ картежнаго вечера? Ахъ, вы, лежебоки, дармоѣды этакіе!

Тётушка оглядывалась и высматривала, гдѣ-бы удобнѣе присѣсть и разложить бумаги. Неожиданно она подходила къ избранному чиновнику и сгоняла его со стула.

— Ну, ты, разсѣлся, точно важная персона! Слѣзай-ка. Передъ дворянкою можешь и постоять.

Старушка вынимала изъ бездоннаго ридикюля, къ удивленію оробѣвшаго чиновничества, большую кучу документовъ, измятыхъ и истрепанныхъ. Въ нихъ таились жалобы на всю губернію.

Тогдашній предсѣдатель гражданской палаты, Николай Алексѣевичъ Пѣхтинъ, также близкій родственникъ отца, былъ человѣкъ воспитанный, кроткій; съ дамами таялъ, какъ сахаръ. Узнавъ отъ секретаря о готовящемся свиданіи съ тётушкой, онъ тоскливо вздыхалъ въ своемъ роскошномъ кабинетѣ, съ удвоеннымъ усердіемъ курилъ благовонную сигару и пугливо оглядывался на отворявшуюся дверь. Вотъ въ ней показалась Прасковья Егоровна. Но это не обыденная Прасковья Егоровна. Она точно выросла среди предсѣдательской обстановки и, гордо глядя на Пѣхтина, потрясла своимъ ридикюлемъ.

— За правдой къ тебѣ пріѣхала! произнесла старуха, усаживаясь въ глубокое кресло.

Замѣтивъ у двери стоявшаго чиновника, она прибавила:

— Ты его держи въ строгости. Онъ за мамзельками гоняется. А на нихъ много надо.

Чиновникъ скрылся. Николай Алексѣевичъ сказалъ:

— Чѣмъ могу служить, глубокопочитаемая Прасковья Егоровна?

Гостья замотала головой.

Digitized by Google

— Правду ищу, ваше превосходительство, да нигдѣ ея не найду. Богатый сосѣдъ мой, Сила Львовичъ Балуевъ, проѣзжалъ какъ-то чрезъ плотину у моей мельницы, четверикомъ, да завязъ. Разсердился онъ и темной почью велѣлъ своимъ людямъ прорыть плотину и спустить прудъ. Однихъ убытковъ я понесла нѣсколько сотъ рублей. Балуевъ говоритъ, что не боится ни исправника, ни губернскихъ властей. Даже архіерей, по его мнѣнію, не особа. Мнѣ, говоритъ, плевать на всѣхъ! Я самъ владѣтельный принцъ! Разсуди ты. Что я могу подѣлать съ такимъ разбойникомъ? Не оставаться же у него въ долгу? Я приказала людямъ также ночью сжечь у Балуева нѣсколько стоговъ сѣна. Все-таки убытковъ своихъ я пожаромъ не наверстала. Къ тебѣ пришла за совѣтомъ. Можно-ли съ Силы Львовича доискать убытки судебнымъ порядкомъ? Я и просьбу приготовила.

Тётушка закопошилась въ своемъ ридикюлѣ, а Пѣхтинъ съ ужасомъ всплеснулъ руками.

— Матушка! Да вы уголовное дѣло совершили! Вѣдь оно Сибирью пахнетъ! Не убытки вамъ искать съ Силы Львовича надобно, а просить его не жаловаться на васъ.

Старушка нервно затряслась на креслѣ и ударила маленькимъ кулачкомъ по столу съ такой силою, что зазвенѣла чернильница и заколебалось зерцало.

— Я къ тебѣ за правдою пріѣхала, а ты говоришь такія вещи! Да слыхано-ли, чтобы можно было обижать безнаказанно столбовую дворянку? Онъ мою запруду разрушилъ, а я не смѣй у него сжечь какіе-то грошевые стожонки сѣна. Что же ты за предсѣдатель, коль не можешь толкомъ разсудить того, что не я начала пакостить, а мой сосѣдъ. Онъ первый зачинщикъ, и ему первый кнутъ. А я не только за правду сѣно сожгу—и тебя самого поджарю!

Пѣхтинъ при этихъ страшныхъ словахъ вскочилъ съ мѣста. Онъ растерянно смотрѣлъ на Прасковью Егоровну и бормоталъ:

— Меня поджарить? Матушка пощади! Я, ей-Богу, не поросенокъ въ сметанѣ!

И Пѣхтинъ кротко смотрѣлъ на Прасковью Егоровну. Она, въ свою очередь съ недоумѣніемъ глядѣла на предсѣдателя палаты, и укоризненно говорила:

— Вотъ, ты всегда такой странный, Николай Алексѣевичъ. Я тебѣ о своемъ важномъ дѣлѣ докладываю, а ты о какомъ-то поросенкѣ въ сметанѣ толкуешь. Чай, обѣдать еще рано.

Digitized by Google

Тётушка до крайности была вспыльчива. Въ минуту гнѣва она не сознавала, не помнила, что̀ говорила, и простодушно удивлялась, когда другіе ей передавали ея же рѣчи. Привыкнувъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ, властвовать надъ многочисленной дворней и надъ тремя стами душъ крестьянъ, она потеряла ясное сознаніе того, что̀ законно и что̀ незаконно, что̀ дозволительно и что̀ претитъ долгу гражданина. Не бывши злою отъ природы, старушка неразсудительно творила зло и часто искренно въ немъ раскаивалась. Въ ея городскомъ большомъ деревянномъ домѣ отъ каждой вещи пахло стариной. Длинные диваны и высокія кресла были обиты кожею. Краснаго дерева столы, пузатые бюро и комоды—по краямъ имѣли мѣдныя украшенія. Диванная комната была уставлена мебелью изъ корельской березы, а ея спальню украшала громадная кровать, рѣзанная изъ дуба и съ ангелами по концамъ. Кровать стояла подъ темно-зеленымъ балдахиномъ. Золоченый кіотъ во всю вышину комнаты былъ уставленъ фамильными иконами, блестѣвшими драгоцѣнными камнями. Тутъ въ ночные часы тётушка молилась о томъ, чтобы Богъ простилъ ей обиды, содѣянныя ею людямъ, а наипаче дворовымъ, которымъ чаще приходилось отъ нея терпѣть.

— Господи! взывала тётушка съ Евангеліемъ въ рукахъ. — Сегодня я ударила горничную Варьку за то, что, расчесывая голову, она уколола меня гребнемъ. Ей-же, ей, я не совсѣмъ виновна. Боль она мнѣ причинила, боль и я ей причинила. Прости меня, что я велѣла дать пять розогъ старику Филькѣ. Немощенъ онъ, но вывелъ изъ терпѣнія, чуть не уронивъ меня при выходѣ изъ саней. Грѣшна я предъ Тобою, что отдала въ рекруты Ѳомку, оторвавъ его отъ большой семьи. Но, что̀ творить мнѣ, Господи, когда приходится сына отправлять на царскую службу, а денегъ нѣтъ?..

Такъ чистосердечно каялась Прасковья Егоровна. Десятки серебряныхъ лампадокъ освѣщали комнату, а старушка все стояла на колѣняхъ предъ образами, и далеко за полночь слышался шепотъ ея грѣшной молитвы. Но, вотъ, она погрузилась въ пухлыя перины, искусно взбитыя горничными. Точно изъ преисподней явились двѣ красивыхъ дѣвушки съ засученными рукавами, и стали осторожно тереть пятки своей госпожи. Пожилая экономка Василиса присусѣдивалась у барскаго изголовья

Digitized by Google

и разсказывала тихо городскія или деревенскія сплетни. Слышался сонный голосъ тётушки.

— Ахъ, она мерзкая! Или: Что жь ты мнѣ раньше не говорила! Напомни написать мнѣ объ этомъ въ земскій нижній судъ. Или: А ужь Ѳенька добѣгается, что я прикажу обрѣзать ей косу и сослать на птичій дворъ! Охъ, Господи! Прости меня грѣшную!

Въ молодости тётушка была, говорятъ, рѣзвая барышня. Воспитывалась она въ одномъ изъ провинціальныхъ институтовъ и влюбилась въ преподавателя французскаго языка. Она написала ему признаніе и вложила надушенную записочку въ книжку, которую и подала въ классѣ учителю. Французъ прочелъ не заказанное институткамъ сочиненіе, и представилъ его начальницѣ. Съ тѣхъ поръ Прасковья Егоровна рѣшила, что всѣ мужчины—подлецы, и больше въ нихъ не влюблялась. Замужъ она вышла совершенно равнодушною за совѣтника Уголовной Палаты, Акима Степановича Ратищева, человѣка пожилаго и грубаго, происходившаго изъ духовнаго званія. Ратищевъ былъ не взяточникъ, но любилъ судебные процессы, какъ мастеръ; наслаждался разслѣдованіемъ преступленій, старался сбить показанія виновнаго, влѣзть въ его душу. Дома онъ только и велъ разговоры съ женою о томъ, что читалъ въ Палатѣ, чѣмъ рѣшено такое-то дѣло. Молодая женщина слушала мужа, и такъ втянулась въ судейскія козни, что, когда Акима Степановича постигъ ударъ, то она настояла, чтобы было произведено строжайшее слѣдствіе о причинѣ его смерти. Несмотря на то, что губернаторъ и прокуроръ старались ее увѣрить, что слѣдствіе излишне, что всѣ знаютъ, что покойный былъ счастливъ въ семейной жизни, Прасковья Егоровна сердилась и кричала:

— Правду, мнѣ нужно правду! А ея только чрезъ судъ добудешь. Допрашивайте меня, всю дворню садите въ тюрьму, а правду подавайте.

Началось дѣло и продолжалось долго. Ратищева ѣздила въ Палату, подавала многочисленныя бумаги, и такъ запутала простой фактъ о кончинѣ бѣднаго Акима Степановича, что предсѣдатель Палаты разъ ей сказалъ:

— А, вѣдь, васъ придется арестовать.

— Сдѣлай, батюшка, милость! Когда прикажешь садиться?

Палата, уставъ читать писанія неугомонной слѣдовательницы, порѣшила предоставить дѣло волѣ Божіей; Сенатъ утвердилъ такое рѣшеніе. Прасковья Егоровна не удовольствовалась исхо-

Digitized by Google

домъ процесса. Она подала прошеніе на Высочайшее имя и высказала, что ея Акимъ Степановичъ всю жизнь искалъ правды, и умеръ, по всей вѣроятности, отъ руки тѣхъ, которые не хотѣли выпустить правду на свѣтъ; что губернаторъ, прокуроръ и предсѣдатель Палаты состояли скрытыми врагами ея мужа, и что она проситъ вновь пересмотрѣть. Ратищева получила отказъ на прошеніе, и такъ разсердилась на Уголовную Палату, что перенесла боевыя дѣйствія въ Палату Гражданскую.

Мы знаемъ изъ начала разсказа, какого страху задавала тетушка казанскому чиновничеству. Въ это время ея единственная дочь Олимпіада, съ золотушными пятнами на лицѣ, была уже на возрастѣ, а сынъ Василій, малоспособный и лѣнивый, находился въ седьмомъ классѣ гимназіи. Разгоралась Венгерская кампанія. Извѣстія изъ Австріи читались жадно всею Россіей. Молодые дворяне, достигшіе 18-тилѣтняго возраста и находившіеся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, просились у родителей отпустить ихъ сражаться за отечество. Отцы и матери, наэлектризованные геройскими подвигами нашихъ солдатъ за границею, съ радостью отпускали своихъ дѣтей воевать съ мятежными Мадьярами. Заразилась общимъ чувствомъ и тетушка. Она призвала неуклюжаго Васю и начала такъ:

— Никакихъ радостей отъ тебя не вижу. Въ ученьѣ плохъ, а балуешься съ дѣвками. Ни одну изъ деревни во дворъ взять нельзя. Всякую испортишь. Поѣзжай воевать. Тамъ хоть тебя научатъ дворянскимъ артикуламъ.

Василія живо собрали. При немъ назначенъ состоять тотъ самый Филатъ, который сопровождалъ Прасковью Егоровну въ присутственныя мѣста, и несмотря на старость подвергался иногда за пьянство тѣлесному битью. Но Филатъ былъ въ трезвомъ состояніи честнымъ человѣкомъ. Надъ каждою барскою вещью онъ дрожалъ; каждый ржавый гвоздь берегъ. Въ періодъ же запоя Филатъ спускалъ все, что попадало подъ руку. Въ такія минуты, когда его упрекали въ воровствѣ, онъ говаривалъ:

— Чего лаетесь? Для пьяницы, какъ для вора, нѣтъ запора!

Старушка остановилась на Филатѣ вслѣдствіе того, что запой у него бывалъ рѣдко, и что онъ, кромѣ пристрастія къ вину, не былъ замѣченъ ни въ чемъ дурномъ. Прасковья Егоровна велѣла зажечь предъ кіотомъ всѣ лампады, разостлать по спальнѣ парадный фамильный коверъ, передававшійся изъ поколѣнія въ

Digitized by Google

поколѣніе. На немъ изображенъ былъ рыцарскій турниръ съ фигурами почти въ натуральный ростъ и замѣчательно художественной отдѣлки. На грудь главнаго рыцаря тетушка и поставила колѣнопреклоненнаго Филата. Чувствуя торжественность наступающаго мгновенія, старикъ, блѣдный и взволнованный, мученически смотрѣлъ на иконы и на свою барыню.

— Филатъ! произнесла она, я ввѣряю твоей охранѣ молодого барина, служи ему по правдѣ; охраняй его, удерживай отъ мотовства. Не води къ нему всякую дрянь, а старайся разузнать, какого поведенія дѣвушка, понравившаяся барину. Денегъ я присылать много не буду, а что пришлю, расходуй ты. Я даю тебѣ зашитые въ особомъ кожаномъ мѣшечкѣ пять червонцевъ. Ты ихъ трать, когда барину придется ужь очень плохо. Василью объ этихъ деньгахъ ничего не говори. Ну, теперь молись!

Старикъ не только клалъ земные поклоны, но и плакалъ отъ умиленія. Онъ ползалъ по роскошному ковру, цѣловалъ руки и ноги Прасковьи Егоровны. Она перекрестила три раза Филата и надѣла на его шею изящный мѣшечекъ съ завѣтными червонцами. Тихо вышелъ Филатъ отъ барыни, и выраженіе лица у него было точно у святого.

Наступилъ день отъѣзда. Стояло холодное осеннее утро; накрапывалъ мелкій дождь. Въ домѣ Ратищевой происходила суматоха. Къ барскому крыльцу былъ подвезенъ двумя кучерами старый рыдванъ на громадныхъ колесахъ. Въ него влѣзали посредствомъ складной лѣсенки, придѣланной къ подножкамъ экипажа. Козлы торчали, какъ эшафотъ. Безпрестанно изъ комнатъ выбѣгали лакеи и горничныя, тащившіе къ рыдвану то подушки и перины, то разные кульки съ съѣстными принадлежностями. Въ воздухѣ разносился рѣзкій голосъ тетушки. Приближался часъ разставанья. Родные и знакомые будущаго героя собрались въ обширной залѣ, обвѣшанной фамильными портретами. На всѣхъ лицахъ виднѣлась печаль; слышались вздохи. Вдругъ послѣдовало восклицаніе:

— Да гдѣ-же Филатъ? Зовите Филата!

Тутъ только вспомнили всѣ про драгоцѣннаго слугу, типичнаго отпрыска крѣпостного права. Его искали всюду: въ кухнѣ, въ сараяхъ, въ конюшнѣ, въ подвалахъ, даже подъ скамейками и столами. Филатъ исчезъ; нѣтъ нигдѣ Филата.

Прасковья Егоровна кричала:

Digitized by Google

— Я его, мошенника, велю запороть! Въ солдаты отдамъ! Въ Сибирь сошлю!

Долго горячилась тетушка, но и она угомонилась. Нѣкоторые изъ гостей, бывшіе свидѣтелями скандала, поторопились уѣхать. Остались лишь близкіе родные, дѣлавшіе наставленіе юному воину, какъ онъ долженъ себя вести въ арміи, и помнить, что онъ, хотя съ отцовской стороны и изъ поповичей происходитъ, но съ материнской—чуть не доходитъ до одного изъ богатырей святого Владиміра.

Въ залу вбѣжала Василиса и доложила, что барыня слегла въ постель, а молодой баринъ сегодня не поѣдетъ. Изъ квартала пришелъ солдатъ доложить, что въ часть доставили Филата, избитаго, растерзаннаго, въ безчувственномъ видѣ. Когда тетушка сказала, что у мерзавца зашито на шеѣ пять червонцевъ, то солдатъ поспѣшилъ доложить о нихъ квартальному, который и сталъ допрашивать старика о червонцахъ „съ пристрастіемъ".

На другой день воинъ уѣхалъ въ заманчивую даль безъ своего Санхо-Панса.

Намъ ничего неизвѣстно о дальнѣйшей участи Филата, но преданіе говоритъ, что его дочь была взята въ дворовыя дѣвушки, обучена грамотѣ, и что Прасковья Егоровна оставила ей, по завѣщанію, сто рублей.

Другая исторія произошла у старушки при выдачѣ замужъ ея дочери Олимпіады. Мы о ней уже упомянули вскользь. Олимпіада была некрасива, рыжевата, съ веснушками и подслѣповатыми глазами. Талантами не блистала. Воспитываясь въ институтѣ, дѣвушка любила лежать въ лазаретѣ и обожала институтскаго дьякона. Вообще, Олимпіада проявляла наклонности въ родъ отца, оттого и не была любима ни подругами, ни учителями, ни классными дамами. Когда ей минуло двадцать пять лѣтъ, то мать со страхомъ спохватилась: что дѣлать съ дочкой?

— Ахъ, рожа! рожа! говорила укоризненно Прасковья Егоровна и всплескивала руками. Въ кого ты уродилась? Отецъ твой былъ видный мужчина, а обо мнѣ говорили, что я хорошенькая!

Печально смотрѣла старушка на Олимпіаду и мрачно задумывалась. Знала она, что изъ такъ-называемаго „общества" никто не возьметъ ея дочери. Стала Прасковья Егоровна всматриваться въ чиновниковъ гражданской палаты, въ которой бывала чуть не каждый день. Замѣтила она, что протоколистъ Терентій Мартыновичъ Новокрещенскій ей старался первымъ подать стулъ,

Digitized by Google

очинить перышко, закрыть окно отъ вѣтра. Онъ былъ вдовецъ, а курсъ окончилъ въ семинаріи. Дослужился онъ до чина коллежскаго асессора и получилъ право на потомственное дворянство. Извѣстенъ фактъ, что когда Терентій Мартыновичъ баллотировался въ секретари губернскаго предводителя, то въ избирательномъ ящикѣ оказался мѣдный пятакъ. Собраніе разсмѣялось, а Новокрещенскій громко заявилъ, обращаясь къ дворянамъ:

— Еслибъ вы, господа, всѣ положили мнѣ по пятаку, то цѣлый годъ на вашъ счетъ я ѣлъ-бы калачи.

Съ тѣхъ поръ Новокрещенскаго стали въ городѣ звать „мѣднымъ пятакомъ". Его-то тетушка и намѣтила въ женихи Олимпіады. Она пріѣхала къ предсѣдателю палаты Пѣхтину, и вела съ нимъ конфиденціальный разговоръ:

— Скажи, много-ли доходишку имѣетъ Новокрещенскій? Думаешь-ли ты его повысить?

Пѣхтинъ, бывши человѣкомъ честнымъ, сконфузился вопроса, поставленнаго слишкомъ безцеремонно.

— То-есть, какъ? произнесъ онъ, заикаясь. Протоколистъ у насъ получаетъ очень немного.

Но Прасковья Егоровна лукаво улыбнулась, нагнулась къ уху предсѣдателя и прошептала:

— Ну, полно, полно скрывать-то. Я знаю, что иные чинюги шкуру дерутъ съ просителя. Такихъ въ зятья никогда не возьму. Мнѣ нуженъ зять съ совѣстью, чтобы бѣднаго не обижалъ, а отъ благодарности богатаго не отказывался-бы. Каковъ твой Терентій Мартыновичъ будетъ? Отвѣчай на-прямки.

Николай Алексѣевичъ Пѣхтинъ, оправившись отъ неожиданнаго натиска тетушки, постарался ее успокоить и далъ блестящую аттестацію о Новокрещенскомъ. Смыслъ аттестаціи былъ таковъ, что женихъ притѣсненій никому не чинитъ и себя не забываетъ, съ малолѣтства выучилъ твердо десять заповѣдей, а одиннадцатую („не зѣвай") пріобщилъ къ своимъ познаніямъ, находясь уже на службѣ.

Свадьба Олимпіады вскорѣ состоялась. Прасковья Егоровна успокоилась, встрѣтивъ въ зятѣ почтительность и скромность. Года чрезъ четыре, когда у молодыхъ было уже двое сыновей— Евтихій и Иродіонъ и дочь Мамика, старушка передала все свое состояніе въ управленіе Терентію Мартыновичу. Тутъ съ ней и приключилась бѣда. Новокрещенскій составилъ себѣ отъ имени тещи такую довѣренность, которая предоставила ему право за-

Digitized by Google

кладывать и продавать ея имѣніе. Оно очутилось въ рукахъ зятя. Ратищева, съ юныхъ лѣтъ выучившаяся судебной каверзѣ, ловко была обведена природнымъ протоколистомъ. Тетушка долго не подозрѣвала, что она давно юридически лишилась власти надъ своимъ имуществомъ. Она, какъ прежде, ѣздила въ палату, писала прошенія, тормошила чиновниковъ. Терентій Мартыновичъ помогалъ ей по многимъ бумагамъ. Но какъ-то Прасковья Егоровна получила письмо отъ сына Василія, бывшаго уже въ чинѣ капитана. Онъ сообщалъ, что потерялъ казенныя деньги, и если мать не пришлетъ ему немедленно трехъ тысячъ рублей, то его предадутъ суду и разжалуютъ въ солдаты. Какъ ни была скупа старуха, но скорбная участь единственнаго сына ее тронула. Наличныхъ денегъ у нея не было, и она рѣшила заложить домъ. Онъ неожиданно оказался заложеннымъ Новокрещенскимъ. Прасковья Егоровна взбѣленилась. Она кричала, топала ногами, ругалась, грозилась, призывала въ свидѣтели чертей для того, чтобы они видѣли, куда она запрячетъ своего любезнаго зятюшку. Гнѣвъ окончился тѣмъ, что тетушка безсильно упала предъ иконами, и, можетъ быть, въ первый разъ искренно заплакала. Изъ богатой она стала нищей, изъ барыни обратилась въ приживалку у своей дочери.

Терентій Мартыновичъ повелъ съ ней такую рѣчь:

— Матушка, прошу васъ выслушать меня спокойно. Если вы будете кричать, я уйду; но знайте, къ вамъ никто не придетъ. Въ домѣ я хозяинъ. Я не виноватъ, что вы, посвятивъ жизнь судебнымъ процессамъ, оказались настолько мало знакомыми съ людскимъ сердцемъ, что не постигли, что̀ я за человѣкъ. А я васъ проникъ насквозь. Вы любите смиренство, почтеніе, угодливость. Вотъ я васъ и объѣхалъ. Я знаю, что вы имѣете много яду, и потому предупреждаю васъ: при первой попыткѣ сдѣлать мнѣ и Олимпіадѣ мерзость, вы будете выброшены на улицу и умрете съ голоду.

Новокрещенскій вытянулся во весь ростъ и безучастно взглянулъ на старуху. Онъ прибавилъ:

— Я васъ не жалѣю, и дочь вамъ руку помощи не протянетъ.

Терентій Мартыновичъ повернулся и хотѣлъ выйдти изъ комнаты.

Сзади раздался крикъ:

— Извергъ! Я проклинаю тебя и твоихъ...

Digitized by Google

Прасковья Егоровна не договорила страшнаго слова. Ее постигъ нервный ударъ. Она застыла у кресла, опираясь одною рукой о его ручку, а другую простирая къ комнатѣ внуковъ. Чепецъ слѣзъ съ головы тетушки, открывъ на черепѣ рѣдкія пряди пожелтѣвшихъ отъ древности волосъ. Ротъ былъ открытъ, глаза мертвенно смотрѣли въ пространство, а завѣтный ридикюль съ выпавшими изъ него бумагами валялся на бархатномъ коврѣ. Таковы были послѣднія мгновенія старушки. Много она хлопотала; въ сущности была не злая женщина, что-то совершала, что-то любила, и умерла, не возбудивъ ничьего сожалѣнія.

Съ кончиной Прасковьи Егоровны Терентій Мартыновичъ сдѣлался крупнымъ человѣкомъ въ губерніи. Онъ владѣлъ нѣсколькими стами душъ крестьянъ, имѣлъ до десятка дѣтей, которымъ давалъ самыя странныя имена для того, чтобы удерживались отъ празднованія своихъ имянинъ. Онъ игралъ въ дворянскомъ клубѣ по гривеннику въ проферансъ. Одного не могъ добиться Новокрещенскій: уваженія и довѣрія мѣстнаго столбоваго дворянства. Въ выборныя должности онъ былъ забаллотированъ; никто изъ заслуженныхъ дворянъ не навѣщалъ „мѣднаго пятака“. Даже въ семьѣ своей Терентій Мартыновичъ не пользовался любовью. Его сыновья, окончивъ учебныя заведенія, разбрелись по свѣту, и не переписывались съ отцомъ. Дочь Мамика, дурная, какъ грѣхъ, и злая, какъ вѣдьма, находила отраду въ монастыряхъ, и то въ мужскихъ. Получивъ послѣ смерти старика львиную часть наслѣдства, она распредѣлила его по церквамъ. Братья затѣяли съ нею процессъ, но, кажется, проиграли. Какъ вышелъ Терентій Мартыновичъ изъ праха, такъ и то, что̀ пріобрѣлъ и оставилъ онъ послѣ себя, все обратилось въ прахъ.

П. Суворовъ.

Digitized by Google

«КОМУ ВЫНЕТСЯ, ТОМУ СБУДЕТСЯ».

(Погудка)

Для горячихъ щей люди женятся,
А отъ добрыхъ женъ постригаются;
Въ дѣвкахъ сижено—горе мыкано,
Замужъ выдано—вдвое прибыло.
Жена шей, пряди, мужикъ гужъ тяни,
Хоть гайтанъ порви, а семью корми.

Кому вынется, тому сбудется,
А и сбудется, не минуется.

Лихо мужъ дуритъ—полдвора горитъ,
А жена вздуритъ—все до тла сгоритъ.
За то кладомъ кладъ, какъ съ женою ладъ,—
Горе—полгоря, радость—вдвое радъ.

Кому вынется, тому сбудется,
А и сбудется, не минуется.

Вотъ бѣда моя, какъ ворчитъ жена,
День пилитъ пила, ночью нѣтъ ей сна;
А какъ бить учнетъ, не кажись въ народъ;
И не то смѣшно, жена мужа бьетъ,
А смѣшнѣй всего, мужъ рёвма реветъ.

Digitized by Google

Нападетъ, давай приговаривать,
Да чужихъ мужей принахваливать:
—„У другихъ же женъ мужья вонъ каки,
А у насъ, горюхъ, все вотъ эдаки“.

Кому вынется, тому сбудется,
А и сбудется, не минуется.

Не честь куриць пѣтухомъ кричать,
Пѣтуху не стать безъ пути орать.
Жена по̀ мужѣ, а и такъ живетъ,
По разумницѣ мужъ уменъ слыветъ.

Кому вынется, тому сбудется,
А и сбудется, не минуется.

12-го ноября, 1876 г.
Москва.

Н. Чаевъ.

Digitized by Google

ВЪ СТРАНѢ РАБОВЪ.

(Изъ посмертныхъ бумагъ).

— Двѣнадцать лѣтъ я томлюсь въ неволѣ, говорилъ другу моему, Шарлю Гюберу [1], негръ изъ племени Галласовъ, бывшій въ рабствѣ у одного изъ знатнѣйшихъ шейховъ Геджаса.—Двѣнадцать долгихъ годовъ я не видалъ солнца своей родины, своихъ родныхъ горъ, роднаго племени, покинутой молодой жены и трехъ оставшихся малютокъ-дѣтей. Грозный набѣгъ египтянъ лишилъ свободы и счастья многихъ братьевъ моего племени, но всѣхъ тяжелѣе судьба выпала на долю несчастнаго Метаа. Посмотри на спину мою, благородный господинъ, она вся изсѣчена ударами курбача, на шеѣ моей видны еще слѣды тяжелой колодки, на рукахъ и ногахъ моихъ еще не совсѣмъ поджили шрамы отъ сабель, которыми жестокіе господа хотѣли вразумить непокорнаго Метаа. Они хотѣли, чтобы сынъ Галласовъ сталъ поклонникомъ пророка, но Метаа остался вѣрнымъ своимъ богамъ Ваку, Сайтану и Бовентича. Господа мои забыли, что они могутъ имѣть власть только надъ моимъ тѣломъ, но духа Метаа имъ не покорить никогда; пусть тѣло раба истлѣетъ въ цѣпяхъ, но душа его вернется снова на родину и соединится съ духами предковъ „ильмъ орма“ [2].

Прекрасныя слова простого раба-негра были, разумѣется, отголоскомъ убѣжденій, гнѣздившихся глубоко въ сердцѣ чернаго раба; темнокожій дикарь, котораго его господа не считали, вѣроятно, и за человѣка, въ своемъ глубокомъ униженіи искалъ

[1] Извѣстный французскій путешественникъ по Аравіи, убитый измѣнническими своими проводниками въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ.

[2] То-есть, „благородныхъ сыновъ людей“, какъ себя называютъ галласы.

Digitized by Google

утѣшенія въ философскомъ воззрѣніи на свободу души. Какъ живо эти слова простаго негра напоминаютъ намъ изреченіе мудраго Сенеки, смотрѣвшаго такъ же на духовную свободу раба. „Ошибаются тѣ, говорилъ нѣкогда великій римскій мудрецъ, которые думаютъ, что рабство охватываетъ всего человѣка; лишь одно тѣло подчинено господину и закрѣпощено имъ, духъ же раба свободенъ и ничѣмъ не связанъ, такъ что охватывающая его темница вовсе не препятствуетъ ему совершать великіе поступки и стремиться къ небесамъ..." Въ прекрасномъ типѣ „дяди Тома", безсмертномъ твореніи Бичеръ-Стоу, мы видимъ эту побѣду сильнаго духа надъ слабою плотью—идеалъ, къ которому стремился и великій римскій мудрецъ, и простой темнокожій дикарь.

Мы помнимъ живо типъ другаго чернаго раба негра Нгами [1], который провожалъ насъ въ Сахару вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ Ибнъ Салахомъ изъ Гадамеса. Въ длинныя ночи, проведенныя у костровъ въ пустынѣ, я слышалъ несложную, но страшную эпопею—одну изъ безчисленныхъ страничекъ изъ огромной исторіи рабства, до сихъ поръ позорящаго Африку и весь цивилизованный міръ. Негръ Нгами былъ вѣрнымъ слугою, несмотря на то, что до своего рабства былъ самъ господиномъ и имѣлъ другихъ черныхъ рабовъ. Ставши рабомъ, онъ былъ послѣдователенъ въ своихъ воззрѣніяхъ и, забывъ все свое прошлое, отдался всецѣло тѣломъ и душею своему хозяину, который, правда, сумѣлъ оцѣнить преданность вѣрнаго раба. Служа безупречно Ибнъ-Салаху, черный Нгами сдѣлался вѣрнымъ слугою и для меня съ той самой поры, какъ я сталъ гостемъ его хозяина и направлялся съ его караваномъ въ Гадамесъ. Какъ вѣрный тѣлохранитель, онъ слѣдовалъ по пятамъ за мною въ пустынѣ, и не было, казалось, того момента, когда я не чувствовалъ на себѣ зоркаго взгляда все наблюдавшаго Нгами. Я помню, какъ однажды я пошелъ ночью прогуляться вокругъ нашей стоянки, желая хотя на нѣсколько минутъ остаться одному со своими мечтами; вначалѣ я и не замѣтилъ, что черный Нгами, какъ тѣнь, слѣдовалъ, крадучись какъ змѣя, по моимъ стопамъ; только шелестъ травы выдавалъ его недалекое присутствіе.

— Что тебѣ Нгами? спросилъ я своего спутника.

---

[1] См. мою статью „Въ странѣ Туареговъ". *Русск. Вѣст.* 1885 г.

Digitized by Google

— Вѣрный песъ слѣдуетъ за своимъ хозяиномъ, а преданный рабъ идетъ слѣдомъ за своимъ господиномъ, отвѣчалъ Нгами, стараясь сдѣлать ласковую улыбку на своемъ черномъ лицѣ.

Позднѣе я еще ближе узналъ Нгами, который во все время моего пребыванія въ Сахарѣ былъ не только конвойнымъ и слугою, но и настоящимъ товарищемъ по путешествію — единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ я могъ побесѣдовать на пути. Я испыталъ не разъ безкорыстную преданность Нгами, когда впослѣдствіи я покинулъ Гадамесъ; среди всѣхъ ужасовъ перехода по безводной пустынѣ, среди грозной песчаной бури, грозившей засыпать наши караваны, подъ пулями Туареговъ и въ гостепріимномъ Эль-Уэдѣ, куда мы вышли изъ песковъ Сахары,—вездѣ и во всѣхъ случаяхъ я видѣлъ возлѣ себя вѣрнаго Нгами въ качествѣ перваго друга и слуги. Онъ отдалъ своему господину себя всецѣло, не только свои тѣлесныя силы, но и всѣ силы своей души онъ принесъ въ жертву своему хозяину, забывъ совершенно о прошломъ, когда онъ самъ былъ богатъ, имѣлъ много домовъ и невольниковъ въ Кано и велъ караванную торговлю въ пустынѣ. Ради своего новаго господина Нгами принялъ даже исламъ и сталъ такимъ ревностнымъ мусульманиномъ, какимъ только можетъ быть обитатель Сахары. Въ Нгами мы видимъ поэтому другой типъ раба, совершенно не схожій съ Метаа; послѣдній упорно отстаивалъ свободу своей души и въ самомъ рабствѣ, тогда какъ Нгами, словно слѣдуя евангельскому изреченію, разъ судьба его сдѣлала рабомъ, воздалъ Кесарево Кесарю...

* * *

И Нгами, и Метаа были все-таки вѣрными и добрыми рабами, но, разумѣется, далеко не всѣ черные рабы приближаются къ типу этихъ идеальныхъ, каждый по своему, слугъ. Натура негра все-таки болѣе пассивна, чѣмъ активна; онъ легко свыкается со всякими своими положеніями, и рабство не слишкомъ угнетаетъ его. Рабъ на родинѣ, если онъ находится въ полномъ распоряженіи своихъ кровожадныхъ царьковъ, негръ сравнительно легко переноситъ свое рабство и внѣ своей родины, и если что-нибудь угнетаетъ его—такъ это страшная тоска по родинѣ, отъ которой нерѣдко на чужбинѣ чахнетъ и умираетъ не одна сотня черныхъ рабовъ. „У негровъ, какъ и у женщинъ,

Digitized by Google

говоритъ извѣстный Реклю, есть тотъ большой недостатокъ, что они находятъ удовольствіе въ повиновеніи во что бы то ни стало и готовы жертвовать собой за тѣхъ, кто ихъ угнетаетъ и презираетъ... На черномъ континентѣ нѣтъ народа, который бы не имѣлъ своихъ невольниковъ, а у многихъ племенъ половина населенія состоитъ въ рабствѣ у другой половины. Нерѣдко негръ даже самъ отдается въ рабство, чтобы избѣжать голода...“

Хотя въ общемъ и справедливы слова извѣстнаго географа, тѣмъ не менѣе ихъ нельзя примѣнить ко всѣмъ негритянскимъ племенамъ безъ исключенія. Не только племена, къ которымъ принадлежали Метаа и Нгами, но и многія другія, даже въ той обширной области охоты на рабовъ, которою представляется до настоящаго времени Суданъ, далеко не такъ легко смотрятъ на рабство и всѣми силами стараются его избѣжать. Страшные набѣги турокъ и египтянъ, дѣлаемые давно на Суданъ съ цѣлью добычи черныхъ рабовъ, обезлюдили нѣкоторыя части этого послѣдняго, и остатки темнокожихъ прячутся въ дебри дѣвственныхъ тропическихъ лѣсовъ, гдѣ ихъ не могли бы найти добыватели чернаго товара. Исламъ запрещаетъ своимъ послѣдователямъ имѣть рабами мусульманъ; разъ рабъ становится правовѣрнымъ, онъ уже выходитъ изъ состоянія рабства, хотя и остается въ извѣстной зависимости своего господина. Охота на рабовъ поэтому можетъ быть производима среди языческихъ негритянскихъ племенъ, которыхъ нерѣдко египтяне называютъ однимъ презрительнымъ словомъ „аабидъ“ или рабы. Вся срединная Африка отъ одного океана до другого представляетъ огромную площадь, населенную почти двумя стами милліоновъ людей, среди которыхъ рабство и охота за рабами составляютъ самое обыкновенное явленіе. Вся эта необозримая страна, можно сказать, есть обширный паркъ, единственный въ мірѣ, гдѣ постоянно производится человѣкомъ охота за подобными себѣ людьми. Долгое время само египетское правительство вело съ недостойною энергіей это позорное дѣло; подъ предлогомъ религіозныхъ войнъ, предпринимаемыхъ противъ язычниковъ, паши Хартума высылали цѣлые отряды правительственныхъ войскъ съ обозами и артиллеріею въ земли нечестивыхъ „аабидъ“. Эти походы, носившіе названіе „россуа“ считались поэтому даже богоугоднымъ дѣломъ, которымъ похвалялись солдаты и офицеры, бывшіе въ трудныхъ россуа въ Белледъ-Суданъ.

Вслѣдъ за правительствомъ въ землю язычниковъ потянулись

Digitized by Google

и частные предприниматели, въ числѣ которыхъ не послѣднюю роль, къ стыду Европы, принимали и разные выходцы и отребье цивилизованныхъ націй, преимущественно же греки и итальянцы. Эти предприниматели организовывали цѣлые вооруженные отряды, которые проникали въ земли язычниковъ подъ тою же благовидною цѣлью обращенія этихъ послѣднихъ въ исламъ, а на самомъ дѣлѣ единственно для добычи черныхъ рабовъ. Подобные правительственные и частные россуа нѣсколько десятковъ лѣтъ опустошали земли черныхъ, лежащія въ бассейнѣ Верхняго Нила и мѣстами обезлюдили страну. Многіе десятки тысячъ черныхъ рабовъ были выведены изъ родныхъ лѣсовъ и степей, еще больше несчастныхъ туземцевъ, осмѣливавшихся защищать свою свободу, было перебито усовершенствованнымъ оружіемъ солдатъ, принимавшихъ участіе въ этихъ россуа. Многія негритянскія племена сильно пострадали въ года энергично веденныхъ россуа; особенно памятны они Шиллукамъ, Динкамъ, обитателямъ Теккелійскихъ горъ, Нуэра, Галласамъ и нѣкоторымъ другимъ племенамъ Габеша. По самому скромному вычисленію, за послѣдніе 20—30 лѣтъ, до оффиціальнаго уничтоженія россуа, было выведено болѣе трехъ милліоновъ рабовъ изъ Судана. Не мудрено, поэтому, что негритянскія племена, живущіе по Бѣлому и Голубому Нилу, не смотря на отчаянное сопротивленіе этимъ набѣгамъ, чтобы не быть окончательно стертыми съ лица земли, поспѣшили уйти подалѣе отъ береговъ Нила и скрыться въ дѣвственные лѣса Белледъ-Судана, куда за ними труднѣе угнаться кровожаднымъ воинамъ россуа. Въ самую глубину тропическихъ чащъ спрятались многія деревушки туземцевъ, но и тамъ порою достигаютъ до нихъ охотники за людьми. Еще въ 1881 году, то-есть, въ годъ появленія грознаго мстителя Судана—махди, россуа, вышедшія изъ Сенаара, привели нѣсколько сотенъ рабовъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ было до тридцати оскопленныхъ галласовъ, высокая стоимость которыхъ покрыла съ лихвою всѣ расходы по снаряженію россуа.

* * *

Много на Востокѣ намъ пришлось видѣть и наблюдать евнуховъ, представляющихъ самую позорную степень рабства, но только одинъ изъ нихъ возбудилъ въ насъ достаточно симпатіи. Этого евнуха, состоявшаго при гаремѣ одного изъ пашей Леван-

Digitized by Google

та, звали Ибрагимъ-ара [1]; намъ пришлось ѣхать съ нимъ вмѣстѣ на пароходѣ впродолженіе нѣсколькихъ дней. Ибрагимъ-ара, въ противуположность большинству своихъ товарищей, былъ довольно общителенъ, порядочно говорилъ по-французски и былъ достаточно образованъ для своего положенія. Со словъ его мы познакомились нѣсколько съ этимъ позорнѣйшимъ видомъ африканскаго рабства, насилующимъ не только тѣло, но и самую душу человѣка. Абиссинецъ родомъ, Ибрагимъ-ара недалеко отъ Кессалы попался въ руки охотниковъ за людьми, возвращавшихся изъ удачнаго россуа въ земли Габеша, вмѣстѣ со своею сестрой—молодою дѣвушкой замѣчательной красоты и нѣсколькими прислужниками. Ибрагимъ безъ всякаго сопротивленія былъ взятъ въ плѣнъ и присоединенъ къ длинной вереницѣ рабовъ, тянувшихся за отрядомъ египетскихъ солдатъ. Сестра его Мирри только первые два дня раздѣляла участь прочихъ невольниковъ и несла на своей прекрасной шеѣ тяжелую колодку шэба... Начальникъ россуа молодой египетскій бей освободилъ дѣвушку изъ колодки и взялъ ее къ себѣ въ палатку, несмотря на все ея сопротивленіе, надѣясь все-таки затѣмъ, по минованіи надобности, продать въ три-дорога прекрасную плѣнницу. Со слезами на глазахъ Мирри просила своего брата отомстить бею за свой позоръ и рабство,—но что могъ сдѣлать несчастный Ибрагимъ, прикованный къ желѣзному пруту съ тяжелою шэба на плечахъ?.. Молодая Абиссинка рѣшилась сама отомстить за себя и своего брата; въ глухую ночь она вытащила изъ ноженъ саблю бея и ударила его по головѣ. Ударъ однако былъ слишкомъ слабъ, рана оказалась ничтожною, а взбѣшенный бей въ порывѣ своего гнѣва зарубилъ дѣвушку, покушавшуюся на его жизнь, потерявъ вмѣстѣ съ нею и надежду на богатую плату. Начальникъ россуа сталъ вымещать свою злобу на ни въ чемъ неповинномъ братѣ погибшей Мирри. Ни на одного изъ плѣнниковъ не сыпалось столько ударовъ пурбага, какъ на Ибрагима, ни одинъ изъ рабовъ не носилъ двойной колодки, которая была наложена на плечи брата Мирри; не довольствуясь и этимъ, жестокосердый бей приказалъ еще оскопить Ибрагима, чтобы, превративъ его въ евнуха и продавъ его поэтому подороже, хотя отчасти возместить потерю, нанесенную неожиданною смертью прекрасной рабыни. Ущемивъ въ тѣсные колодки руки и ноги несчастнаго

[1] „Ара“ значитъ собственно евнухъ.

Digitized by Google

Ибрагима, распростертаго на землю, солдаты произвели надъ молодымъ плѣнникомъ безчеловѣчную операцію въ виду цѣлой сотни трепетавшихъ рабовъ и рабынь. Страшная рана была залита кипящимъ масломъ и перевязана руками солдата, исполнявшаго обязанности знахаря или фельдшера при россуа. Послѣ жестокой пытки Ибрагимъ двѣ недѣли не могъ стать на ноги, и его несли на носилкахъ попеременно шестеро изъ сотоварищей по рабству. Въ Хартумъ молодой абиссинецъ пришелъ уже подъ кличкою Ибрагима-ара и тотчасъ же былъ купленъ однимъ богатымъ негроторговцемъ и отвезенъ въ Кордофанъ. Измученный физическп и нравственно безчеловѣчною пыткой, Ибрагимъ измѣнился совершенно и упалъ духомъ настолько, что безъ особаго колебанія принялъ исламъ и сталъ привиллегированнымъ лицомъ въ Эль-Обеидѣ. Жизнь для него стала отнынѣ пыткою; Ибрагимъ давно бы наложилъ на себя руки, если бы не далъ страшную клятву мстить за свое униженіе во всю остальную свою жизнь. Эта клятва и сопряженная съ нею месть нѣсколько примирили съ жизнью несчастнаго евнуха, и онъ сдержалъ свое слово не разъ. Пользуясь повсюду почетомъ и уваженіемъ своихъ господъ, онъ исподтишка мстилъ имъ своеобразною местью, отравляя все ихъ спокойствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ не наводя на себя никакого подозрѣнія. Много гаремовъ за свое тридцатилѣтнее пребываніе въ званіи евнуха перемѣнилъ Ибрагимъ-ара, и повсюду онъ оставлялъ печальную память, сдѣлавъ несчастными много женщинъ, которымъ онъ мстилъ и за себя, и за жизнь погубленной сестры. Онъ ловилъ бѣдныхъ гаремницъ въ малѣйшей невѣрности, въ одномъ нескромномъ взглядѣ или непристойномъ движеніи, а порою даже оклеветывалъ неповинныхъ, подвергая ихъ черезъ это жестокимъ истязаніямъ и даже смерти. Много пышныхъ цвѣтковъ увяло преждеременно въ гаремахъ, сорванныхъ безжалостною рукой Ибрагима-ара; но не мало помучилъ онъ и своихъ господъ, раскрывая передъ ними тайны, будто-бы открываемыя во-время усердіемъ вѣрнаго слуги. Никогда рука Ибрагима-ара не дрожала, когда опускалась съ ременнымъ бичемъ на плечи молодой тюремницы; съ особою затаенною радостью онъ смотрѣлъ на истязанія и казнь погрѣшившихъ передъ своимъ владыкою женъ; но еще болѣе наслажденія доставляли ему тѣ мученія господъ, которыя онъ доставлялъ имъ, дѣлая тѣ или другія внезапныя открытія.

Digitized by Google

Но прошли года, и устарѣлъ Ибрагимъ-ара; улеглась въ сердцѣ его и ненасытимая жажда мести; потухли еще болѣе его безцвѣтные, тусклые глаза, еще болѣе отвисли его жирныя безбородыя щеки, но зато проснулось къ его сердцѣ какое-то новое, до сихъ поръ неизвѣданное чувство жалости и любви къ человѣку. Ему стыдно стало своихъ поступковъ, родъ его занятій показался ему позорнымъ, и старый евнухъ задумалъ провести иначе остатки дней своихъ. Какъ мусульманинъ, онъ былъ давно свободенъ; какъ евнухъ, служившій въ лучшихъ домахъ, достаточно богатъ для безбѣднаго существованія... Остановившись на этой мысли, Ибрагимъ-ара покинулъ богатый гаремъ и отправился на свою родину, которой не видалъ болѣе тридцати лѣтъ. Тамъ, думалъ старикъ, окончу дни своей несчастной жизни, употребляя свое богатство на пользу своихъ полудикихъ земляковъ.

Родина однако обманула ожиданія старика Ибрагима; земляки сторонились отъ стараго евнуха, никто не считалъ его своимъ, принимая его за шпіона египтянъ. Подъ конецъ соочичи ограбили совершенно старика, и золота, добытаго цѣною позорной жизни, не стало опять у Ибрагима. Безъ грусти на этотъ разъ старый евнухъ покинулъ свою родину и вернулся къ прежнему ремеслу, но это былъ уже не прежній грозный Ибрагимъ-ара, при одномъ имени котораго трепетали сердца обитательницъ гарема. Обновленный Ибрагимъ въ противуположность другимъ евнухамъ, становящимся подъ старость настоящими демонами, былъ не грознымъ надсмотрщикомъ, а добрымъ отцомъ ввѣренныхъ его попеченію молодыхъ женъ и рабынь. Съ каждымъ своимъ горемъ и заботами обращались онѣ къ первому дѣдушкѣ-Ибрагиму, какъ теперь называли его въ гаремахъ,—и старый евнухъ, словно стараясь загладить преступленія прежней жизни, дѣлалъ все возможное для своихъ дѣтокъ, которыми онъ теперь считалъ заключенницъ гарема. Я встрѣтилъ Ибрагима-ара въ качествѣ дѣдушки гарема, ввѣреннаго его попеченію, благодаря которому познакомился не только съ исключительнымъ положеніемъ евнуха на Востокѣ, но и многими особенностями жизни гарема.

* * *

Не разъ въ своихъ разспросахъ о происхожденіи евнуховъ я получалъ отвѣтъ, что большинство этихъ послѣднихъ привозилось изъ Абиссиніи. Восточные христіане, похваляющіеся своею стой-

Digitized by Google

костью въ Христовой вѣрѣ, со временъ глубокой древности сохранили отвратительный обычай кастраціи своихъ плѣнныхъ не только чуждыхъ имъ національностей, но и своихъ соотечественниковъ, попадающихся въ плѣнъ при частыхъ междоусобицахъ, волнующихъ Абиссинію. Не рѣдко подобная операція производилась на цѣлой массѣ плѣнныхъ, что особенно часто практикуется въ землѣ галласовъ. По словамъ Ибрагима, въ 1862 г. на его глазахъ было кастрировано до двухсотъ абиссинцевъ изъ Шоа и сомолійцевъ, сдѣлавшихъ набѣгъ на землю галласовъ. Часть этихъ пострадавшихъ была продана затѣмъ въ рабство, такъ какъ галласы презираютъ кастратовъ, считая ихъ существами нечистыми и даже недостойными погребенія. Оскопленіе галласа поэтому для этого послѣдняго является самымъ большимъ несчастьемъ, преслѣдующимъ его и за гробомъ. По словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, галласы, подобно древнимъ израильтянамъ, кастрируютъ павшихъ враговъ, живыхъ и даже мертвыхъ, и приносятъ домой отвратительные трофеи, какъ знаки побѣды надъ врагами. Въ виду того, что между отдѣльными родами и даже самыми галласами идутъ безконечныя войны родовой мести, можно себѣ представить, какъ велико число кастрируемыхъ постоянно въ этой землѣ галласовъ. Въ Абиссиніи кастрація примѣняется и въ качествѣ особаго наказанія за преступленія, но здѣсь этихъ несчастныхъ все-таки не презираютъ, и они находятъ себѣ легко пріютъ и въ Тигрѣ, и Ахмарѣ, и Шоа.

Хотя постоянныя междуусобныя войны между различными народами Абиссиніи и поддерживаютъ кастрацію, доставляя такимъ образомъ постоянный контингентъ евнуховъ въ гаремы Востока, тѣмъ не менѣе свободный абиссинецъ, даже подвергнувшійся этой гнусной операціи, неохотно идетъ въ ряды хранителей гаремовъ, и потому участники россуа заботятся и сами о добываніи черныхъ евнуховъ, въ которыхъ превращаютъ нерѣдко часть захваченныхъ въ плѣнъ мужчинъ; значительная цѣна, существующая на кастрированнаго раба, поддерживаетъ эту гнусную торговлю такъ же, какъ и междоусобныя войны Габеша.

Нерѣдко поэтому среди евнуховъ можно встрѣтить не только обитателей Абиссиніи, но и представителей различныхъ негритянскихъ племенъ Судана; въ самомъ Хартумѣ, не говорю уже о другихъ городахъ послѣдняго, несмотря на бдительный глазъ

Digitized by Google

европейцевъ, еще въ семидесятыхъ годахъ существовали спеціалисты, превращавшіе мальчиковъ въ евнуховъ, причемъ гибло до 25% несчастныхъ. Во всякомъ случаѣ одно сильное повышеніе цѣны на евнуховъ на всемъ Востокѣ указываетъ на то, что добываніе этихъ послѣднихъ стало трудно, что условіе полученія ихъ обставлено большими препятствіями и что это зло не развивается, а приближается къ угасанію. Евнухи въ настоящее время встрѣчаются лишь въ самыхъ богатыхъ городахъ Востока, а нѣкоторые изъ нихъ, не находя подходящаго мѣста, принуждены искать себѣ другихъ занятій.

Надо самому побывать на Востокѣ и приглядѣться къ отвратительнымъ лицамъ этихъ блюстителей нравственности гаремовъ, чтобы составить себѣ понятіе объ этихъ несчастныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ злобныхъ существахъ, одинъ видъ которыхъ внушаетъ отвращеніе. Эти жирныя лоснящіяся лица, отвислые подбородки и щеки, припухшіе мѣшки подъ глазами, толстыя губы, мутные глаза, смотрящіе съ презрѣніемъ и жестокостью на все окружающее, сатанинская улыбка, толстые пальцы, усѣянные драгоцѣнными перстнями, все это, характеризующее большинство черныхъ евнуховъ, производитъ самое отталкивающее впечатлѣніе. Ни одинъ разбойникъ-курдъ, или вороватый арабъ не внушалъ мнѣ такого отвращенія, какъ самодовольныя лица евнуховъ, двигающихся съ сознаніемъ собственнаго достоинства и презрѣніемъ ко всему окружающему; только исповѣдь Ибрагима-ара заставила меня взглянуть съ иной точки зрѣнія на этихъ несчастныхъ и не презирать, а сожалѣть ихъ болѣе, чѣмъ всякаго другого раба. Къ этому послѣднему виду рабства не могутъ быть отнесены даже тѣ слова Сенеки и Метаа о свободѣ духа надъ тѣломъ, которыя могутъ служить утѣшеніемъ для другаго раба.

Хотя Европа, много старавшаяся о прекращеніи рабства на Востокѣ, ничего и не сдѣлала для того, чтобы искоренить обычай кастраціи, тѣмъ не менѣе Египетъ, долгое время бывшій страною, поставлявшею евнуховъ въ гаремы всего Востока, сталъ какъ-будто бы стыдиться этой спеціальности, и въ настоящее время кастрація молодыхъ негровъ, если и производится во владѣніяхъ хедива, то лишь втайнѣ и то на границахъ Судана. Еще во времена Клотъ-бея города Сіутъ и Джирджехъ были резиденціями кастратовъ, и изъ одной деревеньки подъ Сіутомъ выходило не менѣе трехсотъ евнуховъ въ годъ. Въ настоящее

Digitized by Google

время большинство евнуховъ доставляется Абиссиніею и тѣми походами въ страну невѣрныхъ, которые извѣстны подъ именемъ россуа.

* * *

— Валлахи (клянусь Богомъ)! Какъ хорошо было въ доброе старое время, говорилъ мнѣ, сѣтуя и вспоминая прежніе годы, почтеннѣйшій шейхъ Абдулла изъ Тлемсена (Алжирія) [1]. Какъ удобно и легко было прежде добыть себѣ, если не райскую гурію, то любую красавицу Востока.

Не только изъ Африки и Азіи, но и съ Кавказа, Албаніи, Арменіи и Эллады шли хорошенькія рабыни на невольничьи рынки Востока. Живой товаръ, можно сказать, самъ навязывался въ руки покупателя: „были бы деньги, да охота—и всѣ красавицы у твоихъ ногъ“; не только въ Стамбулѣ, Каирѣ, Дамаскѣ, Багдадѣ, Алжирѣ и другихъ большихъ городахъ Востока, но и въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ центрѣ—стоило только почтенному эффенди пройти на базаръ, чтобы на невольничьемъ рынкѣ выбрать себѣ любую красавицу. „Алджаибъ (просто удивительно!), говаривалъ тотъ же Абдулла, занимавшійся въ доброе старое время почтеннымъ ремесломъ добывателя рабынь,—чего только не было на томъ рынкѣ, что уничтожили въ Каирѣ завистливые франки! Какой огромный выборъ, какъ хорошо былъ размѣщенъ товаръ“!

Я позволю себѣ со словъ досточтимаго шейха Абдуллы описать прелести невольничьяго рынка, потому что самъ уже не засталъ этихъ гуманныхъ учрежденій, а о небольшой конторѣ живого товара, посѣщенной мною въ Каирѣ, скажу затѣмъ нѣсколько словъ.

— Словно ряды перелетныхъ птицъ, усѣвшихся на зеленомъ болотѣ, размѣстились разнообразныя красавицы на циновкахъ и коврахъ невольничьяго рынка. Тутъ есть рабыни всѣхъ оттѣнковъ и цвѣтовъ; слабые глаза Абдуллы ихъ не могли даже различать... Смуглыя и желтоватыя, какъ и песокъ ихъ родныхъ пустынь, красавицы Геджаса и Сахеля, черноглазыя и темнолицыя аравитянки Неджеда, оливкокожія египтянки, матово-черныя дочери Судана, темнокожія нубійки и красавицы Габеша, ряды черныхъ, какъ глаза лани, невольницъ глубокой Африки, красноватыя фульбянки, стройныя и полныя граціи берберки Ма-

[1] А. Елисѣевъ. Положеніе женщины на Востокѣ. *Сѣверный Вѣстникъ.*

Digitized by Google

греба, подобныя гуріямъ Ягуди (Еврейки) Алжира, полныя страсти и огня Арабки Месопотоміи, разнообразныя по цвѣту и красотѣ куртинки, большеглазыя Армянки, самыя красивыя дочери Эллады, Албаніи, Болгаріи, Сиріи и Ливана, блѣднолицыя красавицы Франгистана и наконецъ несравненныя гуріи Кавказа— всѣ онѣ были собраны вмѣстѣ на утѣху правовѣрныхъ и на усладу ихъ очей. Излишнія одежды не скрываютъ красоты продаваемыхъ рабынь, а красавицамъ нечего стыдиться наготы, прелестью которой одарилъ ихъ милосердный Аллахъ... Купцы любезно предлагаютъ проходящимъ осмотрѣть внимательно выставленный товаръ и хотя присмотрѣться къ нему... Аллахъ создалъ красоту женщины для мужчины, продолжалъ глубокомысленный Абдулла, какъ сотворилъ розу для услады очей человѣка. Никто изъ правовѣрныхъ не проходилъ безъ того, чтобы не полюбоваться на выставленныхъ рабынь... Да, онѣ, клянусь пророкомъ, въ десять разъ были дешевле, чѣмъ въ настоящее время...

На этомъ я и кончаю цитаты изъ разсказа Абдуллы, потому что самая операція осмотра и смаковки, которой онъ посвятилъ много словъ, а также пріемы сдѣлки и покупки слишкомъ гнусны и отвратительны для нашего чувства, чтобы о нихъ распространяться, тѣмъ болѣе, что времена публичной продажи невольницъ даже въ глухихъ уголкахъ Востока уже исчезли безвозвратно, и европейскій путешественникъ только съ великимъ трудомъ можетъ натолкнуться на практикуемую и понынѣ продажу.

Вербовка красавицъ въ прежнее время облегчалась и тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые торговцы, особенно Черкесы, ходили со своими красивыми дочерями по домамъ, предлагая ихъ, какъ у насъ предлагаютъ циплятъ. У писателей середины этого столѣтія и даже шестидесятыхъ годовъ можно встрѣтить краснорѣчивыя описанія этой гнусной продажи въ рабство дѣтей ихъ родителями, унижающей всякое человѣческое достоинство; но, къ счастью для человѣчества, подобный отвратительный торгъ уже прекращается и на Востокѣ. Доброе старое время миновало и для Востока безвовратно; нѣтъ уже ни въ Стамбулѣ, ни въ Каирѣ, ни въ Алжирѣ невольничьихъ рынковъ, и оборванные Черкесы и Арабы не рѣшаются продавать тамъ открыто своихъ дѣтей. Съ теченіемъ времени измѣняются не только формы проявленія тѣхъ или другихъ обычаевъ старины, но и сами эти послѣдніе пропадаютъ мало-по-малу или проявляются не такъ безобразно. Для того, чтобы дать понятіе о

Digitized by Google

томъ, какъ производится нынѣ продажа невольницъ, я приведу двѣ сцены изъ грустной исторіи современнаго рабства.

Въ одномъ изъ уголковъ Стараго Каира, куда можно пробраться только съ помощью человѣка, хорошо знающаго эти трущобы, за цѣлымъ лабиринтомъ темныхъ улицъ, корридоровъ, лѣсенокъ и переходовъ помѣщается современный невольничій рынокъ, или скорѣе, контора его въ столицѣ Египта. То, что было прежде на показъ, прячется теперь по угламъ, подальше отъ всевидящаго глаза проклятаго Франка. Туда и привелъ меня провожатый, старый Гамидъ, взявъ съ меня слово никому не говорить въ Египтѣ о томъ, что я увижу. Хотя и немного мнѣ пришлось увидѣть здѣсь, такъ какъ почтенный хозяинъ Кіамиль-эффенди, не довѣряя Франку, не показавъ всего своего товара, но и того достаточно было для меня, чтобы убѣдиться въ существованіи торговли живымъ товаромъ до настоящаго времени.

Послѣ ряда предосторожностей Кіамиль-эффенди, оставивъ Гамида на сторожѣ, ввелъ меня въ длинную комнату, гдѣ продавались добываемыя со всѣхъ уголковъ Востока рабыни. Ихъ было десятка полтора, и почти всѣ онѣ были Феллахини и Арабки Египта; темнокожія невольницы, какъ и бѣлолицыя красавицы, которыми особенно дорожилъ Кіамиль, помѣщались отдѣльно. Почти всѣ еще не достигшія полнаго развитія, смотрѣвшія какъ-то робко и боязливо, эти полуженщины - полудѣти были такъ грубо выставлены на показъ, что становилось обидно и грустно за человѣка, могущаго продавать себѣ подобныхъ. Для желающихъ почтенный пѣстунъ заставлялъ и совершенно обнажаться несчастныхъ, пѣть, плясать и вообще показывать свои таланты... Ничего этого, разумѣется, мы и не потребовали, поспѣшивъ скорѣе удалиться изъ этого печальнаго мѣста, гдѣ человѣкъ приравнивается къ цѣнной вещи и скоту. Двухъ другихъ отдѣленій своей богатой конторы не показалъ мнѣ Кіамиль, вѣроятно, потому, что, несмотря на авторитетъ стараго Гамида, не довѣрялъ молодому Москову и не думавшему ничего покупать. Почтенный торговецъ этотъ имѣетъ большія связи на всемъ Востокѣ и получаетъ своихъ невольницъ различными путями... Подобныя описанной тайныя конторы, замѣнившія прежніе открытые невольничьи рынки, гдѣ можно купить до настоящаго времени любую рабыню, существуютъ въ тихомолку не въ одномъ Каирѣ. Въ самомъ Стамбулѣ, говорятъ, еще есть уголки, гдѣ почтенные

Digitized by Google

османлисы могутъ облюбовать даже привезенную изъ Европы красавицу; о Багдадѣ, Дамаскѣ и друг. большихъ городахъ Востока, еще не вполнѣ подвергнутыхъ строгому контролю Европейца, не приходится уже и говорить; въ каждомъ изъ нихъ туземецъ можетъ указать такихъ эффенди, черезъ которыхъ можно пріобрѣсти хорошенькую рабыню.

Благодаря вмѣшательству „проклятыхъ Франковъ“ всякая торговля живымъ товаромъ на великое горе правовѣрныхъ сильно затруднена, а во многихъ случаяхъ и совершенно прекращена. Купить хорошенькую рабыню теперь очень нелегко, и если въ старое время живой товаръ приходилъ чуть не самъ на домъ къ любителю и покупщику, то желающему въ настоящее время надо принять не мало трудовъ для того, чтобы его отыскать. Только благодаря сильному покровительству многихъ высокопоставленныхъ сановниковъ Востока, гнусныя конторы живаго товара могутъ еще обдѣлывать хорошія дѣлишки, практикуя de facto то, что de jure запрещено. Даже при дворахъ восточныхъ властителей есть люди, которые, отдавая дань вѣку и требованіямъ европейцевъ, на словахъ и на бумагѣ, повидимому, стараются стѣснить всѣми мѣрами продажу живаго товара, а на самомъ дѣлѣ всячески потворствуютъ ей, даже поддерживая эту коммерцію. Есть губернаторы цѣлыхъ провинцій—вали, не только смотрящіе сквозь пальцы на практикующуюся довольно открыто продажу рабынь въ предѣлахъ ввѣренныхъ имъ областей, но и сами пользующіеся услугами женопродавцевъ для пріобрѣтенія хорошенькихъ одалисокъ. При такихъ условіяхъ не мудрено, что въ разныхъ уголкахъ Востока, обусловливаясь главнымъ образомъ разнообразными взглядами администраціи, процвѣтаетъ болѣе или менѣе тайно торговля молоденькими рабынями.

* * *

Живой товаръ у продавцевъ, подобныхъ Кіамилю-эфенди, добывается самыми разнообразными способами — сманиваніемъ и покупкой молодыхъ дѣвочекъ у бѣдныхъ родителей, сводничествомъ, а чаще всего—похищеніемъ какъ женщинъ, такъ и дѣтей. Еще не далеки тѣ времена, когда на побережіяхъ Сиріи и въ самомъ цивилизованномъ Бейрутѣ, гордящемся нынѣ двумя университетами, практиковалось весьма обыкновенное въ тѣхъ странахъ похищеніе красивѣйшихъ дочерей Ливана. Теперь на Сирійскомъ побережьѣ уже не крадутъ хорошенькихъ Гречанокъ,

Digitized by Google

Евреекъ и Левантинокъ, но зато въ Египтѣ похищеніе дѣвушекъ практикуется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ едва не до сихъ поръ. Одинъ изъ недавнихъ случаевъ настоящей продажи молоденькихъ женщинъ, по всей вѣроятности похищенныхъ въ разныхъ уголкахъ Востока, намъ удалось наблюдать лично въ 1881 году на западныхъ берегахъ Акабинскаго залива на Синайскомъ полуостровѣ [1].

Придя на берегъ Краснаго моря послѣ долгихъ странствованій изъ Синайскаго монастыря, я встрѣтилъ тамъ ладью одного изъ закоснѣлыхъ женоторговцевъ Юсуфа; этотъ послѣдній, принявъ меня (по рѣдкости путешественниковъ въ этихъ странахъ) за одного изъ покупателей живаго товара, быть можетъ, и командированнаго спеціально съ этою цѣлью изъ Каира, гдѣ у стараго Юсуфа есть хорошіе покупатели, выложилъ передо мною весь свой товаръ. Онъ состоялъ всего изъ четырехъ женщинъ: двухъ Арабокъ, одной Негритянки и одной бѣлокожей дѣвушки. Но послѣдняя, по всей вѣроятности Армянка или Левантинка, была женщиной замѣчательной красоты и носила поэтическое названіе „Розы пустыни“. Всѣ эти дѣвушки были уже спеціально подготовлены для помѣщенія въ гаремы, и старый Юсуфъ не напрасно хвастался ими. Предлагая мнѣ купить одну изъ этихъ рабынь и въ особенности „Розу пустыни“, онъ запрашивалъ страшныя деньги, которыя показывали, что товаръ его всегда въ хорошей цѣнѣ. За „Розу пустыни“ торговецъ Юсуфъ спросилъ 600 лиръ (лира 2—3 франка), за Арабокъ по 300 и за черную женщину 250—цѣны страшныя, объясняемыя только рѣдкостью и красотой товара. Одна высота приведенныхъ цѣнъ, назначенныхъ за простую рабыню, показываетъ, насколько трудно и дорого въ настоящее время иногда правовѣрному купить себѣ хорошенькую невольницу. „Эти женщины достались мнѣ не легко, говорилъ старый торговецъ Юсуфъ, я купилъ ихъ своею кровью и за свою кровь хочу получить золото. Свою кровь и свой трудъ, эффенди, вѣдь я имѣю право продавать“. Такъ отвѣчалъ на мой вопросъ о правѣ торговли людьми въ оправданіе своего гнуснаго ремесла Юсуфъ; но всетаки много труда мнѣ стоило удержаться отъ того, чтобы не освободить несчастныхъ рабынь изъ рукъ стараго торговца; только перспектива погибнуть въ пустынѣ съ освобожденными, для которыхъ у насъ

[1] См. Мою статью „На берегу Краснаго моря“. *Вѣстн. Европы.* 1883.

Digitized by Google

не было ни верблюдовъ, ни провіанта, остановила тогда мой горячій, молодой порывъ...

Хотя въ настоящее время такихъ явныхъ продавцевъ женщинъ, какъ Юсуфъ и Кіамиль, осталось немного, но зато роль ихъ съ успѣхомъ играютъ торговцы тайные; по разсказамъ моихъ проводниковъ, сопровождавшихъ меня черезъ пустыни каменистой Аравіи, продажа невольницъ существуетъ не только на аравійскихъ, но и на африканскихъ берегахъ Краснаго моря почти на глазахъ строгаго египетскаго правительства. Каменистая Аравія, по разсказамъ моихъ проводниковъ, относящимся къ восьмидесятымъ годамъ, служитъ однимъ изъ опорныхъ базисовъ работорговли. Спеціалисты - похитители, сманивающіе, покупающіе и крадущіе дѣвушекъ, съ береговъ Средиземнаго моря бѣгутъ со своимъ товаромъ на Синайскій полуостровъ, переходятъ пустыню отъ Эль-Ариша къ Акабинскому заливу, на берегахъ котораго уже сбываютъ свой товаръ или непосредственно покупателямъ или коммиссіонерамъ, доставляющимъ его въ Сирію или Египетъ. Восточный и западный берега Акабинскаго залива, и особенно побережье отъ Акабы до параллели Мединѣ служатъ временными пристанищами многихъ десятковъ женоторговцевъ: на дикихъ, едва доступныхъ берегахъ Акабинскаго залива ихъ было особенно много, а за мысомъ Расъ-Фартукъ, по словамъ Рашида, существовала еще въ 1880 г. цѣлая станція продавцевъ рабынь, гдѣ можно было сдѣлать огромный выборъ. Туда-то и отправлялись коммиссіонеры египетскихъ и турецкихъ гаремовъ, вербующіе невольницъ.

По словамъ того же проводника, неоднократно побывавшаго въ этихъ гнусныхъ притонахъ, въ числѣ невольницъ „Арабовъ моря“, какъ онъ называлъ женоторговцевъ Краснаго моря, постоянно попадаются не только Арабки, Коптянки и черныя женщины, но и Гречанки, и Еврейки и Леватинки, очень ловко похищаемыя въ прибрежныхъ сирійскихъ городахъ. Другой мой проводникъ, Юза, подтвердилъ, что въ бытность его въ Газѣ (южная Палестина), въ 1880 году, Арабы, пришедшіе съ нимъ въ одномъ караванѣ, украли красавицу Еврейку и увезли ее въ пустыню за Эль-Аришъ, гдѣ и слѣдъ ихъ совершенно простылъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

А. Елисѣевъ.

Digitized by Google

ПИСЬМА БАРОНЕССЫ РАДЕНЪ КЪ Г. БЕРКГОЛЬЦУ.[1]

(Переводъ съ нѣмецкаго **Е. Н. В.**).

I.

Ницца, 7 (19) ноября 1856 г.

Приношу Вамъ сердечную благодарность за Ваши привѣтливыя строки и пріятную посылку; книги и газеты пришли во время; всѣ желанія исполняются въ этой прославленной странѣ красоты, и ласковыя слова друга съ далекаго сѣвера гармонируютъ съ полнозвучнымъ аккордомъ, который наполняетъ мнѣ умъ и сердце. Я радуюсь, что могу сказать Вамъ, какъ хороша Италія, и хотя Вы и смѣетесь надо мною въ настоящую минуту, но всетаки сочувствуете мнѣ, и такъ какъ я не могу въ достаточной мѣрѣ высказывать здѣсь своего душевнаго восторга, то за то Вамъ я буду вполнѣ выражать его. Барону Р. было холодно и неудобно во время всей дороги, и онъ совершено невыносимо распространялся о каждомъ капуцинѣ въ теченіе 24-хъ дней, которые мы провели въ экипажѣ, старался читать лекціи о неправильной постройкѣ домовъ и нецѣлесообразныхъ финансовыхъ мѣрахъ въ Сардиніи, и это неблагодарное занятіе нѣсколько успокоивало его.

М-lle Эйлеръ очень скоро устаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ поученически—добросовѣстно любознательна, что стремится узнать исторію всѣхъ вещей съ сотворенія міра, — и эта основательность совсѣмъ не соотвѣтствуетъ моей итальянской впечатли-

[1] О баронессѣ Раденъ см. *Русск. Обозр.* 1894 г., январь, стр. 399—401. *Ред.*

Digitized by Google

тельности. Только доктора я избираю себѣ въ товарищи, — онъ храбро ходитъ со мною, много учится наканунѣ по вечерамъ, по временамъ поучаетъ меня, безпрерывно говоритъ и отдаетъ мнѣ свой досугъ для моихъ фантастическихъ скитаній. Вчера мы пробродили цѣлыхъ три часа, то внизъ по берегу темно-синяго моря, то наверхъ между рядами кактусовъ и алоэ, чрезъ садъ, гдѣ пышныя, осыпанныя цвѣтами, вьющіяся розы доходили до самой вершины темныхъ кипарисовъ, гдѣ въ блестящей зелени свѣтились золотистые апельсины, лавровыя деревья поднимали свои могучія кроны къ вѣчно-ясному небу и одинокія пальмы покачивали въ тѣни своими колеблющимися вѣтвями. И все это дѣйствительность, и я нахожусь среди этихъ давно желанныхъ восторговъ! Когда я утромъ подхожу къ своему окну, восхитительная панорама открывается передъ моими глазами: горы, съ высоты которыхъ смотрятъ старые замки, привѣтливыя, окруженныя садами, виллы, и море, и небо, и ароматы тысячи цвѣтовъ, но болѣе всего—это невыразимое чувство красоты, которая какъ восходящее солнце, разсѣиваетъ всѣ душевные туманы, чтобы распространить тепло и свѣтъ. Уже по дорогѣ я получила много удовольствій; особенно Миланъ, гдѣ я цѣлые часы проводила въ соборѣ и не могла оторваться отъ Тайной Вечери Леонардо, оставилъ въ моей памяти нѣкоторые незабвенные моменты, которые останутся для меня святыми. Къ ужасу барона, я объявила свое намѣреніе слить свою личность, для лучшаго пониманія Италіи, съ духомъ и характеромъ страны. Католическая церковь и мѣстныя увеселенія имѣютъ высокую цѣну въ моихъ глазахъ,—съ испугомъ взглядываетъ онъ по временамъ на меня, по этому поводу; когда же, наоборотъ, я начинаю восхищаться проявленіями средневѣковаго произвола, онъ одобрительно улыбается моимъ аристократическимъ пристрастіямъ. Великая Княгиня чувствуетъ себя недурно, она тоже восхищается чарующею обстановкой. На-дняхъ мы устраиваемъ прогулку на ослахъ въ живописно лежащій монастырь, на самой отвѣсной вершинѣ окружающаго Ниццу хребта; оттуда я погляжу въ сторону вѣчнаго города, куда меня влечетъ душевное стремленіе. — Представьте себѣ! нашъ садовникъ Альфонсъ Карръ наполняетъ комнаты Великой Княгини множествомъ цвѣтовъ, занимаясь теперь цвѣтами какъ заработкомъ, съ тѣхъ поръ какъ родныя власти выгнали его за неблаговоспитанныя выходки. Я еще не познакомилась съ нимъ, но на-дняхъ хочу это попробовать. Дѣти

Digitized by Google

Гарибальди здѣсь, онъ самъ капитаномъ на купеческомъ кораблѣ; много возвышеннаго слышу я о его античномъ характерѣ. Въ Генуѣ я познакомилась съ д-ромъ Рапетти, который былъ прежде врачемъ на королевскомъ сардинскомъ пароходѣ, предоставленномъ въ распоряженіе Великой Княгини Елены Павловны; позднѣе въ Венеціи онъ устраивалъ не мало непріятностей Австрійцамъ и наконецъ въ іюлѣ 1849 г. съ большимъ трудомъ избѣжалъ готовившейся ему петли. Вы можете себѣ представить, съ какимъ благодушіемъ мы оба относились къ коварной Австріи!

Тысяча привѣтовъ отъ насъ всѣхъ! Великая Княгиня благодаритъ Васъ за добрыя пожеланія. Пишите часто, много и подробно. Вы интересуете всѣхъ и сверхъ того радуете меня. Кавелину поклонъ, фонъ-Бреверну [1] сердечный привѣтъ; онъ вѣрно понимаетъ мои итальянскіе восторги. Странно, но можетъ быть и совершенно естественно при моей натурѣ: въ минуты совершеннаго восторга мнѣ кажется, что мрачное привидѣніе будущихъ страданій стоитъ за моими плечами, и мнѣ становится грустно, безконечно грустно на душѣ, подъ мрачною тѣнью прошлаго и будущаго,—что̀ нужно этимъ ночнымъ птицамъ при солнечномъ свѣтѣ? Будьте здоровы, не забывайте заботиться о своихъ интересахъ. Возможно-ли писать что-либо подобное въ Петербургѣ? Скорѣе дайте мнѣ вѣсточку и о себѣ, и обо всемъ.

Эдита фонъ-Раденъ.

II.

Прежде всего, сердечныя поздравленія, г. коллежскій секретарь! Я не могу и выразить Вамъ, какъ я радуюсь перемѣнѣ въ Вашей судьбѣ, потому что,—теперь я скажу это откровенно,—я ничего не хотѣла дѣлать противъ Вашего митавскаго [2] плана, но должна была по холодному разсудку согласиться съ нимъ, хотя въ сердцѣ я была самою жестокою противницей Вашего на-

[1] Георгъ фонъ-Бревернъ—извѣстный лифляндскій историкъ, секретарь и членъ Государственнаго Совѣта въ Петербургѣ. 1807—1892 г.

[2] Беркгольцъ имѣлъ серіозное намѣреніе занять освободившееся по случаю смерти г. Пфингстена мѣсто старшаго учителя нѣмецкаго языка въ митавской гимназіи.

Digitized by Google

мѣренія и инстинктивно постоянно отвергала его мысленно. Дурное слово „инстинктъ"! унизительное съ одной стороны, съ другой— точно созданное для насъ женщинъ, какъ обозначеніе той полной предчувствія и безсознательно дѣйствующей способности познанія, которая безошибочно угадываетъ правду, не смущаясь ни чужими, ни собственными представленіями. Боже мой! къ чему эти, безполезныя, чисто-нѣмецкія отступленія?

Солнце свѣтитъ ясно и тепло въ мою комнату; Альфонсъ Карръ прислалъ мнѣ массу розъ и фіалокъ, которыя распространяютъ свое нѣжное благоуханіе. Сейчасъ я читала Уго Тосколо [1] на его божественно-гармоничномъ языкѣ; я прилежно учусь по-итальянски,—Данте лежитъ на моемъ столѣ, и я съ горячимъ чувствомъ смотрю на закрытое сокровище. Но все, что меня окружаетъ, такъ прекрасно: море, небо, растительность,—и начинаетъ казаться, что и душа должна быть, за одно съ природой, такою же свѣтлою, такою же чистою. Боже мой! еслибъ это было такъ! Мы живемъ довольно тихо; по вечерамъ я бываю нужна Великой Княгинѣ для чтенія вслухъ, днемъ мы много гуляемъ, читаемъ, пишемъ, дѣлаемъ или принимаемъ визиты. Здѣсь есть нѣсколько очень интересныхъ людей, которые доставляютъ мнѣ большое удовольствіе, между прочимъ Проспѐръ Мериме [2]. Я живу подъ счастливою звѣздой въ этомъ отношеніи: мнѣ удается завязывать самыя пріятныя знакомства, и здѣсь, гдѣ никто не занятъ дѣлами, есть досугъ для разговора. Такъ за обѣдомъ у маркиза Эли я встрѣтила сэра Джона Броуна, крымскаго генерала, и знаменитую пѣвицу Крувелли— баронессу Вижье.

Мериме полонъ остроумія и учености, насмѣшливъ какъ немногіе, хорошо знакомъ съ нашею литературой, но страннымъ образомъ врагъ Гоголя, котораго онъ перевелъ. Если я должна сказать Вамъ, кто мнѣ больше всего нравится изъ тѣхъ лицъ, которыхъ я видаю, такъ это евангелическій проповѣдникъ Леонъ Реатте; представьте себѣ нетронутую, первобытную энергію чело-

[1] Уго Тосколо родился въ 1777 г. на Занте, умеръ въ 1827 г. въ Лондонѣ. Наиболѣе извѣстное его произведеніе Ultime Lettere di Jacopo Ortis, 1802 г.

[2] Проспѐръ Мериме (род. 1803 ум. 1873 г. въ Каннѣ)—инспекторъ историческихъ памятниковъ во Франціи, гораздо болѣе извѣстенъ своими историческими романами и повѣстями, чѣмъ научными работами. Послѣ его смерти вышли интересныя и остроумныя Lettres à une inconnue.

Digitized by Google

вѣка изъ народа,—до 18 лѣтъ онъ былъ каменьщикомъ,—въ соединеніи съ необычайною интеллигентностью и блестящимъ ораторскимъ талантомъ; рѣзкость во внѣшнемъ выраженіи, такъ какъ у него наружность отталкивающая и грубая, смягчается чистымъ свѣтомъ глубокой доброты, благородства мыслей и языка, которыя я встрѣчала только у пастора Вальтера. Церковь Валденсовъ составляетъ для меня любимый предметъ изслѣдованія.—Боже! какъ много у меня будетъ для Васъ разсказовъ! Богатые, неисчерпаемые источники самаго разнообразнаго содержанія текутъ ко мнѣ со всѣхъ сторонъ; впечатлѣнія, мысли, чувства смѣняются въ моей душѣ; мнѣ недостаетъ лишь руки помощи, которая бы, приводя въ порядокъ, руководила и направляла меня при обработкѣ матеріаловъ.

Съ барономъ М. я могу иногда касаться предметовъ, которые меня интересуютъ, и пользоваться его обильными свѣдѣніями, а то у насъ дома принято или молчать и этимъ довольствоваться, или слушать и говорить никогда не договаривая, никогда не додумываясь до внутренняго смысла какого-либо предмета.

Великая Княгиня—внимательная аудиторія для меня, за что я ей сердечно благодарна. Ея Императорское Высочество поручила мнѣ сказать вамъ, что она рада тому, что у нея есть на службѣ лишній хорошій чиновникъ и что вы должны выкинуть безполезныя мысли изъ своей головы. Я не могу скрыть отъ васъ, что Великая Княгиня не стѣсняясь воскликнула, когда я ей сообщила о вашихъ сомнѣніяхъ: „Какой вздоръ“! Въ моихъ глазахъ это самое лестное заявленіе.

Если вы думаете, что миръ царитъ въ этихъ хоромахъ, то вы жестоко ошибаетесь: мрачная вражда возгорѣлась между m-lle *** и ***,—и, такъ какъ я, къ сожалѣнію, вынуждена принимать въ ней участіе, между нами установились противъ моей воли натянутыя отношенія. Мать д-ра Арнета [1] пріѣхала сюда и проводитъ зиму въ Ниццѣ; надняхъ я, вѣроятно, познакомлюсь съ нею. Всѣ вамъ кланяются и сердечно помнятъ васъ. Передайте съ своей стороны мои поклоны Бреверну,—неужели онъ мнѣ совсѣмъ не напишетъ?—и всѣмъ, кто меня помнитъ; я даю вамъ *carte blanche*.—Будьте здоровы; я пишу вамъ охотно и часто буду это дѣлать. Ваши петербург-

[1] Г-жа фонъ Арнетъ, будучи еще Тони Адамбергеръ была невѣстой Теодора Кернера.—О ея знакомствѣ съ Великою Княгиней и пребываніи въ Ниццѣ см. А. Фонъ Арнетъ: *Aus meinem Leben* II, 55, 51, 1893.

Digitized by Google

скія новости очень интересуютъ Великую Княгиню; не лѣнитесь вспоминать отсутствующихъ, и, когда можете, дайте знать о себѣ.

Свѣтло свѣтитъ солнце въ мое открытое окно,—все та же чарующая, привѣтливая красота! Кажется, что весенняя жизнь уже хочетъ пробудиться во всѣхъ деревьяхъ и цвѣтахъ, молодыя почки надуваются, фіалки благоухаютъ сильнѣе, трава становится пышнѣй и зеленѣй, жизнь и сила всюду, только не въ людяхъ. Знаете, если не отдаешься беззавѣтно, не вдумываясь, хочу я сказать, наслажденію красотой, то становится очень грустно при видѣ полнаго паденія духа въ этой благословенной странѣ. Подобное состояніе деморализаціи казалось мнѣ невозможнымъ издали. Но въ Пьемонтѣ что-то зашевелилось, что̀ напоминаетъ гражданское самосознаніе и нравственное мужество. Въ Пьемонтѣ возможно пониманіе свободы, и я предполагаю, что корни ея глубже въ народѣ, чѣмъ думаютъ,—но какъ они удручены безсодержательною декламаціей, адвокатскимъ пустословіемъ и безнравственнымъ веденіемъ дѣлъ. Управленіе тамъ, говорятъ, порядочное, а по сравненію съ остальною Италіей—замѣчательно честное.

Постепенно на сѣверѣ Италіи адвокаты по вліянію своему занимаютъ мѣсто духовенства; нельзя назвать эту перемѣну счастливою и утѣшительною, но она имѣетъ свои выгоды, потому что, по крайней мѣрѣ, выводитъ изъ грубаго невѣжества и возмутительнаго гнёта мрака и прокладываетъ путь къ развитію личности. Скоро ли придетъ день, когда это движеніе пробьетъ себѣ путь сквозь хламъ и грязь, къ свѣту—это боги знаютъ! Въ Римѣ и Неаполѣ люди изо дня въ день погружаются все въ большее униженіе. Все мыслящее презираетъ правительство и представителей Церкви, въ душѣ возмущаясь противъ ихъ гнета, и въ горечи сердца своего думаетъ, что иностранное владычество есть единственно возможное въ Италіи. Сотня благомыслящихъ людей не можетъ сойтись въ Италіи хотя бы на одинъ часъ для общаго дѣла. Это чудесное дерево, повидимому, истощилось, и на немъ только пустоцвѣтъ, но оно уже не приноситъ плодовъ. Можетъ быть, когда-нибудь снова придетъ Гогенштауфенъ черезъ Альпы и воскреситъ благородный германскій духъ на павшемъ величіи Рима? Гдѣ тѣ времена, когда это было возможно? Хочется погрузиться въ прошедшее, ничего не знать о настоящемъ и еще менѣе думать о будущемъ—въ Италіи. У насъ иначе.

Digitized by Google

IV.

Наши письма разошлись; въ настоящую минуту у васъ вѣроятно мое послѣднее мрачное посланіе, и вы удивляетесь недовольному тону его; я, со своей стороны, читаю ваши привѣтливыя строки и качаю головой надъ послѣдними словами, которыя глядятъ на меня съ грустною улыбкой. Мнѣ почти начинаетъ казаться, что жизнь иначе поступаетъ, чѣмъ художники, при постановкѣ пестрыхъ картинъ, составляющихъ галлерею. Если нужно показать повыгоднѣе совершенное произведеніе, художникъ выбираетъ блѣдно-зеленый или великолѣпный красный фонъ,—какъ онъ выдѣляетъ и цвѣта и рисунокъ! Въ жизни иначе: вся длинная, разнообразная галлерея расположена на черномъ фонѣ... Какъ не показаться колориту картинъ сѣрымъ!

Я часто писала вамъ, когда свѣтило солнце; сегодня полный мѣсяцъ свѣтитъ въ мое окно, серебромъ отливаетъ море вдали, все тихо, и въ мысляхъ должна бы была быть тишина и миръ при подобномъ освѣщеніи; внѣшній свѣтъ не можетъ этого сдѣлать,—я хочу, чтобы вѣчный свѣтъ духовныхъ звѣздъ взошелъ надо мною, тогда дѣйствительно возникнетъ въ душѣ благоговѣйное, торжественное настроеніе, и сами собой замолкнутъ мелкія ежедневныя суеты и горькія заботы передъ лицомъ неугасающаго свѣта! Я странствую, какъ умѣю, въ Аду и Чистилищѣ (Дантовыхъ), часто останавливаюсь передъ затворенными дверями и жду, не разрушитъ ли освобождающее слово этихъ чаръ,—часто я получаю радость пониманія и читаю опять и опять золотыя слова. Старый Шлоссеръ прочиталъ девять разъ Божественную Комедію и только тогда могъ насладиться ею; знаете, такое неизмѣнное постоянство передъ величіемъ и красотой, въ которыя вѣришь, кажется мнѣ чѣмъ-то въ родѣ богослуженія. Я здѣсь встрѣтила барона Икскуль и его жену, рожденную Вальтеръ; она разумная и любезная женщина, съ которою легко говорится. Тысячу благодарностей за проповѣдь, я не читала ее, но дала ее тотчасъ Икскуль. Музыка Рубинштейна дастъ мнѣ великое, истинное наслажденіе; ума у него тоже—достаточно. Мы прощаемся съ блестящими днями; оба Киселева изъ Рима и Царижа были здѣсь; баронъ Зебахъ еще здѣсь, княгиня Юсупова со своимъ мужемъ тоже. Эти различныя появленія вно-

Digitized by Google

сили бодрое оживленіе въ нашъ міръ. При этомъ погода—какъ въ іюнѣ, мы каждый день дѣлаемъ загородныя прогулки; сегодня ѣдемъ въ Торренту, деревню по дорогѣ въ Туринъ, которая находится у подножія высокой горы, на которой расположенъ развалившійся замокъ. Дорога туда, говорятъ, миніатюрный снимокъ съ Via mala, на вершинахъ блеститъ ослѣпительный снѣгъ, внизу растетъ свѣжая, пышная трава и всѣ дѣти продаютъ душистыя фіалки. Налѣво отъ Торренты, на высокихъ горахъ вы видите развалины покинутаго города; недостатокъ воды заставилъ жителей удалиться, и печально глядитъ нѣмой, какъ привидѣніе, городъ въ долину. Отрекшійся герцогъ пармскій, очаровательно хорошенькая герцогиня манчестерская съ мужемъ и Зебахъ, дѣятельный дипломатъ, были самыми выдающимися изъ нашихъ спутниковъ. Какое странное сопоставленіе!

Покойной ночи! Я охотно пишу вамъ,—значитъ, вскорѣ опять. Съ сердечною дружбой ваша

Эдита Раденъ.

Сейчасъ получила ваше весьма интересное письмо,—тысячу благодарностей за него! Отставки Миддендорфа я давно боялась. Кланяйтесь Бреверну и поблагодарите его за прекрасную посылку. Вскорѣ напишу опять,—и, надѣюсь, веселѣе.

V.

Ницца, 10 (22) Марта, 1857.

Ваши письма очень длинны и все-таки слишкомъ коротки; когда, поворачивая послѣдній листъ, я съ большимъ вниманіемъ стараюсь убѣдиться, не пропустила ли я по ошибкѣ цѣлаго листа, увѣренность въ противномъ меня не радуетъ. И такъ я считаю долгомъ съ вашей стороны, который вы должны выплатить мнѣ до послѣдняго гроша, то, что вы въ вашемъ письмѣ изложете мнѣ, во-первыхъ, статью о положеніи крестьянъ въ Лифляндіи, а во-вторыхъ—біографію барона Икскуль. То и другое вы должны сдѣлать, и, по Высочайшему желанію, принимайтесь за дѣло. Тысячу благодарностей за остальныя вѣсти! Графъ Кейзерлингъ былъ или будетъ въ Петербургѣ; какъ бы онъ не оказалъ поддержки антилиберальнымъ стремленіямъ сосѣдей. О, *Крестовая Газета!* представительница маленькой, но могущественной партіи, что ты готовишь? Любитель

Digitized by Google

искусства, прусскій король съ живѣйшею поспѣшностью пользуется прирожденными, какъ предполагаютъ, каждому человѣку братскими чувствами и убѣгаетъ подъ защитой братской любви изъ своей песчаной столицы, отъ своихъ скучныхъ камеръ и отъ своихъ проповѣдующихъ покаяніе пасторовъ. Онъ ѣдетъ въ Римъ, чтобы видѣть Государыню. Императрица ѣдетъ съ дѣтьми и пребывающимъ здѣсь братомъ, принцемъ Карломъ, въ Вѣчный городъ.

Въ наше время поразительно, что любовь къ искусству и знанію нисходитъ къ простому любопытству. Прежде великія души съ горячею жаждой увлеченія стремились къ могучему идеалу, и жертва цѣлой жизни, отреченіе отъ земныхъ благъ не считались слишкомъ высокою цѣной для достиженія драгоцѣннаго сокровища, которымъ было для души осуществленіе давно лелѣемаго идеала. Въ наши времена существуютъ желѣзныя дороги и въ уменьшенномъ видѣ статуи. Всякій простой буржуа хотя разъ въ жизни съѣздитъ въ Римъ, чтобы видѣть хорошенькую мѣстность или купить своей бряньчащей дочери гипсовый снимокъ съ Аполлона Бельведерскаго, и это все можно получить за пару серебряныхъ монетъ! Какой успѣхъ цивилизаціи! Можетъ быть, скоро государство будетъ даромъ раздавать на площадяхъ учащейся молодежи модели св. Петра или св. Марка для развитія общедоступнаго пониманія искусства съ практическими и популярными указаніями, какъ можно скоро и дешево построить подобные монументы. А идеалъ съ надломленными крыльями вернулся въ небесное отечество! Божественнаго купить нельзя—для этого надо трудиться, страдать, проливать свою кровь,—кто теперь сдѣлаетъ это для идеала, который не приноситъ процентовъ! Если я буду такъ продолжать излагать вамъ мои размышленія, то вы, конечно, найдете мое письмо слишкомъ длиннымъ, потому что я, несомнѣнно, могла бы писать вамъ другое и лучшее изъ Италіи. Мы въ самомъ расцвѣтѣ весны, а дней восемь, самымъ необычнымъ, чрезвычайно раздражающимъ меня образомъ, на небѣ висятъ тяжелыя облака; воздухъ мягокъ и тепелъ, какъ вечеромъ въ самый жаркій іюльскій день; сирокко дуетъ ежедневно по цѣлымъ часамъ съ дикою и гнетущею силой въ долинѣ, разрываетъ по временамъ сѣрый покровъ на горизонтѣ, и, сіяя вѣчнымъ великолѣпіемъ, солнце бросаетъ жгучій взоръ на изнывающую землю, которая посылаетъ ему навстрѣчу тысячи своихъ цвѣтовъ и свѣжихъ листьевъ.

Просидѣвъ довольно долго на берегу моря, мы недавно въ

Digitized by Google

одинъ изъ такихъ дней поѣхали по дорогѣ въ Геную. Насъ было четверо: m-lle Эйлеръ, d-r Горовицъ, Рубинштейнъ и я. Въ чудномъ разнообразіи видѣли мы глубокія долины, между высокими, отвѣсными скалами, цвѣтущіе обрывы, темныя аллеи кипарисовъ и розовые, какъ розы, лѣсочки персиковъ и миндальныхъ деревьевъ, свѣжія по весеннему, зеленыя плакучія ивы на благоухающихъ фіалками лугахъ, и постоянно свѣтлое, голубое, величественно вздымающееся море на горизонтѣ. Такъ достигли мы значительной высоты, вышли изъ экипажа и нѣкоторое время шли пѣшкомъ. Легкія облака тянулись между горами у нашихъ ногъ, и вдругъ одно изъ нихъ охватило насъ и распустилось небольшимъ дождемъ. Въ эту минуту показалось солнце и сіяя преобразило всю окрестность. Бѣдными кажутся мнѣ мои слова; какъ смѣю я говорить вамъ о вещахъ, которыя надо чувствовать и видѣть? Мы сѣли на обломкахъ скалъ у отвѣснаго обрыва горной дороги; къ счастію, всѣ мы были въ одинаковомъ настроеніи, и каждый давалъ чувству живой красоты просторъ въ своимъ сердцѣ. Рубинштейнъ—слишкомъ геніальная натура, чтобы его не тронуло душевно и не привело въ экстатическое благоговѣніе созерцаніе вѣчной красоты. Словъ было мало, но духъ нашъ былъ взволнованъ, въ этомъ я увѣрена. Какъ часто я думаю о васъ при подобныхъ случаяхъ, я не могу и сказать вамъ; я разсказываю вамъ совершенно свободно, что́ другіе люди осмѣютъ и что́ все-таки въ насъ самое лучшее. Думайте обо мнѣ и пишите мнѣ, прошу васъ, о себѣ.

Эдита фонъ-Раденъ.

Гагерна намъ не нужно. Что касается вашихъ дѣлъ, то я отвѣчу со слѣдующею почтой; я хочу позондировать почву, но думаю, что лучше подождать до нашего возвращенія. Объ этомъ въ слѣдующій разъ, по зрѣломъ обсужденіи.

M-lle Эйлеръ сердечно кланяется вамъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

КОРОНОВАНІЕ РУССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ.

(Историческій очеркъ).

(*Продолженіе*). [1]

IV.

Съ началомъ XVIII вѣка въ исторіи коронаціоннаго чина наступаетъ новый и послѣдній періодъ его окончательнаго образованія въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ совершается въ настоящее время. Не коснувшись существенныхъ и основныхъ частей чина, этотъ періодъ измѣнилъ почти всю его внѣшнюю обстановку.

Измѣненію подвергся прежде всего самый церковный чинъ коронованія. Въ него внесены были нѣкоторыя новыя подробности, благодаря которымъ онъ принялъ цѣльный видъ особаго молебнаго пѣнія. Раньше мы видѣли, что коронованію всегда предшествовалъ молебенъ, совершавшійся передъ Владимірскою иконой Божіей Матери. Передъ отпустомъ этого молебна и совершалось особымъ самостоятельнымъ чиномъ вѣнчаніе на царство. Теперь молебенъ и коронованіе соединены были вмѣстѣ въ одно священнодѣйствіе, вслѣдствіе чего самое чинопослѣдованіе получило новый видъ особаго молебнаго пѣнія. Въ составъ его необходимо должны были войти и вошли нѣкоторыя дополненія, какъ-то: ектенія, тропарь, паремія изъ пророковъ и чтенія изъ Апостола и Евангелія. Древнія молитвы вѣнчанія оста-

[1] См. *Русское Обозрѣніе* № 11, ноябрь, 1895 г.

Digitized by Google

лись неприкосновенными въ чинѣ, но къ нимъ прибавлены еще двѣ, изъ которыхъ одну сталъ колѣнопреклонно произносить самъ вѣнчанный государь, а другую — священнодѣйствующій іерархъ.

Вмѣстѣ съ составомъ чина коронованія измѣнилась и вся его внѣшняя обстановка. Древнія царскія облаченія уступили свое мѣсто новымъ, прежняя боярская свита замѣнена новыми военными и придворными чинами, нѣкоторые старые обряды совсѣмъ отмѣнены. Такъ, шапка царская замѣнена европейскою короной, древняя царская одежда, бармы и цѣпь животворящаго креста замѣнены порфирой съ цѣпью ордена св. апостола Андрея Первозваннаго, бояре и дьяки уступили мѣсто генераламъ и другимъ новымъ чинамъ, осыпаніе золотыми монетами совсѣмъ отмѣнено, и т. п.

Причиной такой реформы коронаціоннаго чина было принятіе московскимъ царемъ императорскаго титула и перенесеніе на Русь западно-европейскихъ порядковъ и обычаевъ. Высокое значеніе новаго титула, пышность и блескъ императорскаго двора требовали соотвѣтственныхъ измѣненій во всемъ обиходѣ царскаго дома, между прочимъ и въ чинѣ коронованія императора. Но самъ виновникъ новаго теченія русской жизни, императоръ Петръ I уже былъ вѣнчанъ на царство. Однако-же онъ самъ совершилъ первое коронованіе по новому чину, вѣнчавъ императорскою короной свою супругу императрицу Екатерину I.

Уже вскорѣ послѣ принятія царемъ Петромъ I императорскаго титула возникъ вопросъ и о титулѣ его супруги и дѣтей. 23-го декабря 1721 года сунодъ и сенатъ, будучи въ Москвѣ, имѣли въ сунодальней крестовой палатѣ сужденіе по вопросу о томъ, какъ-бы съ титуломъ его величества императора и самодержца Всероссійскаго согласить титулъ и государыни царицы и дѣтей его величества. Разсуждали долго и согласились именовать ея величество императрицей или цесаревой, а дѣтямъ именоваться цесаревнами; а что въ прежнемъ многолѣтіи употреблялось въ титулѣ *тишайшему*, *избранному*, *почтенному*, и то заблагоразсудили выключить; также и тамъ, гдѣ въ титулахъ вспоминалось великому князю (Петру Алексѣевичу) и цесаревнамъ *благородство*, признали приличнѣе употреблять слово *благовѣрные*, потому что титуловаться благородствомъ ихъ высочеству по нынѣшнему употребленію низко, ибо благородство и шляхетству

Digitized by Google

дается. Петръ согласился съ этимъ рѣшеніемъ, только вмѣсто *цесаревнъ* велѣлъ возглашать *императрицъ ея цесаревину величеству* [1].

Въ 1723 году Петръ вознамѣрился „почтить“ свою супругу императрицу Екатерину еще большею честію, именно „коронаціей короны“.

Намѣреніе императора являлось необычнымъ для того времени. На Руси никогда еще ни одна царица не была коронована [2]. Поэтому, прежде чѣмъ исполнить свое желаніе, Петръ призналъ необходимымъ оправдать его какъ историческими основаніями, такъ и высокими заслугами императрицы. Съ этою цѣлію 15 ноября 1723 года имъ изданъ былъ манифестъ, въ которомъ онъ объявилъ свое желаніе вскорѣ же короновать свою супругу. Свое намѣреніе Петръ основывалъ на примѣрахъ многихъ православныхъ царей греческихъ, которые имѣли обыкновеніе короновать императрицъ, а также на постоянныхъ трудахъ императрицы на пользу отечества, на ея помощи въ дѣлахъ государственныхъ и самоотверженіи „во многихъ воинскихъ дѣйствахъ“, „а наипаче въ Прутской баталіи съ Турки“ [3].

---

[1] Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева, т. XVIII, М. 1868, стр. 243–244.

[2] Самозванческая затѣя, кощунственно выразившаяся въ возложеніи царскаго вѣнца на голову Марины Мнишекъ, конечно, не можетъ считаться коронованіемъ и служить прецедентомъ.

[3] Манифестъ былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Понеже всѣмъ вѣдомо есть, что во всѣхъ христіанскихъ государствахъ непремѣнно обычай есть потентамъ супругъ своихъ короновать, и не точію нынѣ, но и древлѣ право у славныхъ императоровъ греческихъ сіе многократно бывало, а именно: императоръ Василискъ супругу свою Зиновію, императоръ Іустиніанъ супругу свою Люпицію, императоръ Ираклій супругу свою Мартинію, императоръ Левъ Премудрый супругу свою Марію императорскимъ вѣнцемъ короновали, и прочіе тоже чинили, о которыхъ здѣсь пространно изображать за потребно не разсудили.

„И понеже не невѣдомо есть, что въ прошедшей двадцатиединолѣтней войнѣ коль тяжкіе труды и самой смертной страхъ отложа собственной нашей персонѣ за отечество наше полагали, что съ помощію Божіею и окончали, что еще Россія такъ честнаго и прибыточнаго мира не видала и во всѣхъ дѣлахъ славы такой никогда не имѣла, въ которыхъ вышеписанныхъ нашихъ трудахъ наша любезнѣйшая супруга, государыня императрица Екатерина великою помощницею была, и не точію въ семъ, но и во многихъ воинскихъ дѣйствіяхъ, отложа немощь женскую, волею съ нами

Digitized by Google

Въ манифестѣ предположено было совершить коронацію въ ту же зиму, но болѣзнь императора задержала совершеніе ея до весны. Лишь 7 мая 1724 года коронація Екатерины I совершена была въ Москвѣ съ великимъ торжествомъ.

Первое на Руси императорское коронованіе потребовало особыхъ приготовленій для своего совершенія. Впрочемъ сплошное подражаніе Западной Европѣ избавляло отъ необходимости самостоятельно создавать церемонію, соотвѣтствующую новому титулу государя и государыни. Поэтому, по западно-европейскому образцу приготовлены были регаліи и одежды императорскія: корона, мантія, роба съ шлейфомъ и юбкой пурпуроваго цвѣта, шитая серебромъ, шнурованье, бѣлыя лайковыя перчатки, подвязки пунцовыя шитыя серебромъ, башмаки серебряной парчи на высокихъ каблукахъ. По тому же образцу приготовлены были одежды и знаки для свиты, какъ-то: маршальскій жезлъ и т. п. Для правильности и блеска самой церемоніи предположено было составить особый церемоніалъ коронаціи и составленіе его поручено барону Остерману. Чтобы церемоніалъ этотъ какъ можно больше походилъ на европейскій, Остерманъ нѣсколько разъ при составленіи его приглашалъ къ себѣ на конференціи голштинскаго посланника Штамке [1].

Среди другихъ приготовленій къ коронованію, составленъ былъ и церковный чинъ его.

Нужно замѣтить, что для свѣдѣнія духовенства, участвовавшаго въ коронованіи, Святѣйшимъ Синодомъ составленъ былъ и опубликованъ особый, такъ сказать, церемоніалъ, касающійся ближайшимъ образомъ церковнаго порядка коронаціи. Церемоніалъ этотъ назывался „Чинъ церковный въ день коронованія Благочестивѣйшей Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны". Проектъ этого акта исправленъ во многихъ мѣстахъ

присутствовала, и елико возможно вспомогала, а наипаче въ Прутской баталіи съ Турки (гдѣ нашего войска 22,000, а Турокъ 270,000 было) почитай отчаянномъ времяни, какъ мужески, а не женски поступала, о томъ вѣдомо всей нашей арміи, и отъ нихъ несумнѣнно всему государству. Того ради данною намъ отъ Бога самовластію за такіе супруги нашея труды коронаціею Короны почтить, еже Богу изволившу, нынѣшнія зимы въ Москвѣ имѣетъ совершено быть. Сіе наше намѣреніе объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, къ которымъ мы нашею императорскою милостію неотмѣнно благосклонны пребываемъ".

[1] Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, 4-я часть, М. 1863, стр. 43.

Digitized by Google

вице-президентомъ Святѣйшаго Синода Ѳеодосіемъ, архіепископомъ новгородскимъ, собственноручно. Нѣкоторыя же слова въ немъ написаны собственноручно Императоромъ Петромъ (ниже эти слова напечатаны курсивомъ) [1]. Любопытный документъ этотъ буквально гласитъ слѣдующее:

1) Ко дню священнаго коронованія во всѣхъ соборахъ, монастыряхъ и приходскихъ церквахъ праздновать со всенощнымъ храмомъ, въ которомъ соборѣ и монастырѣ и въ которой приходской церкви, какой начальный храмъ именуется.

2) Въ самый день коронованія благовѣстъ въ соборѣ да будетъ рано въ большой колоколъ, потомъ въ другіе съ переборомъ, какъ обыкновенно въ ходъ со кресты, въ которой благовѣстъ собравшися архіереи и власти въ соборную великую церковь молебствуютъ о многолѣтномъ здравіи Императорскаго Величества и Государыни Императрицы.

3) По окончаніи же молебна и часовъ литургійныхъ ожидаютъ въ священномъ одѣяніи пришествія Ихъ Величества.

4) Егда начинается шествіе Ихъ Величества изъ палатъ императорскихъ предносимой коронѣ и прочіимъ знаменіямъ царственнымъ, тогда быть звону во вся соборные колокола.

5) Едва оная знаменія будутъ приближаться къ южнымъ двереmъ соборной великой церкви, тогда всѣ архіереи и прочія власти въ священномъ одѣяніи выступятъ изъ церкве на рундукъ, и изъ первыхъ архіереевъ почтутъ оная знаменія кажденіемъ и воды священной кропленіемъ. Носящіе же оная знаменія палатные люди идутъ своимъ чиномъ внутрь церкви съ ними и поставляютъ ихъ на уготованномъ столѣ, и стоятъ сами близь ихъ.

6) Архіереи же и власти ожидаютъ на прежнемъ, внѣ церкви, мѣстѣ пришествія Ихъ Величества. И егда изволятъ приближаться къ помянутому рундуку, тогда первіи архіереовъ, единъ поднесетъ благословящій крестъ къ цѣлованію, а другій покропитъ Ихъ Величества священною водою. И предъидутъ архіереи и власти внутрь церкви (духовникъ же Государевъ предъ Ихъ Величествомъ кропитъ путь священною водою), а пѣвчіе запоютъ псаломъ 100, „Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи“.

7) Вшедше въ церковь ставятся архіереи и власти на своихъ

[1] Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи, томъ IV, Спб. 1876.

Digitized by Google

мѣстахъ по обѣ стороны постепенно, подлѣ скамей, стоящихъ на полу церковномъ, а Ихъ Величества изволятъ пойти на троны, уготованные подъ балдахиномъ, у западныхъ дверей, и сядутъ на нихъ. Тогда архіереи и первостепенные архимандриты сядутъ же на оныхъ скамьяхъ, а прочіе стоятъ (звону перестать).

8) По престаніи же звона и умолчаніи пѣвчихъ, востанутъ архіереи и прочіи и по повелѣнію приступятъ ближе къ Императорскому Величеству. А Императорское Величество, сидя, изволитъ сказать краткую рѣчь по приложенной формѣ или той подобной: „Честные отцы, что Мы прежде объявили манифестомъ вѣрнымъ подданымъ нашимъ о любезной Нашей Супругѣ, тое нынѣ дѣломъ желаемъ совершить". И тогда единъ изъ первыхъ архіереовъ противъ той рѣчи скажетъ: „Благочестивѣйшая Великая Государыня наша Императрица, надлежитъ нынѣ Вашему Величеству въ слухъ вѣрноподданыхъ Вашихъ Величествъ исповѣдать православно-каѳолическую вѣру". И прочтется отъ Ея Величества Символъ Вѣры, по которомъ глаголетъ той же архіерей въ слухъ: „Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ Тобою"; а прочіи тожъ тайно рекутъ.

9) По семъ начнется дѣйство по чиновнику вѣнчанія царскаго. По прочтеніи первой молитвы пріемлютъ два первые архіереи отъ стола, близь стоящаго съ царственными знаменіями, порфиру или епанчу коронователную и подаютъ Императорскому Величеству. По возложеніи епанчи на Ея Величество речетъ первый архіерей: „Миръ всѣмъ", а протодіаконъ: „Главы ваша Господеви приклоните". И прочтется главоприклонная молитва. По прочтеніи той, тѣжъ первые архіереи съ помянутаго стола пріемлютъ и вручаютъ Самому Императорскому Величеству *корону*. А Императорское Величество возлагаетъ Самъ *оную* на Ея Величество (и егда изволитъ вручать скипетръ и владомое яблоко), тогда надлежитъ быть рѣчи по приложенной формѣ, или подобной той: „Любезнѣйшая Моя (Супруга), за вѣрный Твой ко мнѣ союзъ и за великую помощь въ трудахъ Моихъ великихъ, сообщаемъ Тебя всего Нашего царствія (или владѣнія, или всей Нашей державѣ) вѣчно". Протодіаконъ же Государевъ возгласитъ многолѣтіе Ихъ Величествамъ. Тогда пѣвчіе пропоютъ по обыкновенію Ихъ Величествамъ многолѣтіе; а Ихъ Величества изволятъ сидѣть на тронахъ. Потомъ можно духовнымъ и всѣмъ свѣтскимъ чинамъ поздравлять Ея Цесаревино

Digitized by Google

Величество съ счастливою коронаціею, и можетъ быть единъ разъ пальба изъ пушекъ и изъ ружья мелкаго отъ воинства, стоящаго въ парадѣ, на Ивановской площади, и звонъ во вся, обычайной къ литургіи, и начинается литургія, на которой литургіи Ея Цесаревино Величество, для тягости цесарственныхъ уборовъ, изволитъ сидѣть, только въ нѣкоторыя времена вставать, а имянно: на первомъ входѣ съ Евангеліемъ, на чтеніи Евангелія, на великомъ входѣ въ Херувимской, на словахъ Христовыхъ и Достойнѣ, когда скажетъ архіерей: „Святая Святымъ“.

10) Егда начнется пѣть кинонікъ, тогда управляется путь отъ палатныхъ людей къ шествію Ея Величества до царскихъ дверей къ мѵропомазанію и причащенію, и близь самыхъ царскихъ дверей постилается богатый коверъ, или иное что тому подобное.

11) По окончаніи кинонika, егда отверзутся царскія двери, тогда Ея Величество изволитъ шествовать къ царскимъ дверемъ со славою, провождаема отъ опредѣленныхъ къ тому персонъ, и изволитъ стать на помянутомъ богатомъ коврѣ и помазуется отъ архіереовъ святымъ мѵромъ по чиновнику.

12) По мѵропомазаніи, поднесется крестъ Ея Величеству къ цѣлованію. Въ то время пѣвчіе поютъ продолжительно кинонікъ или иное что приличное. Потомъ изволитъ причаститься Пречистыхъ Таинъ. По причащеніи, на томъ же мѣстѣ изволитъ принять антидоръ, запить теплотою и умыть уста. Потомъ изволитъ возвратиться на тронъ свой, въ которое время можетъ быть другая пальба изъ пушекъ и изъ ружья жъ, подобна первой.

13) При окончаніи литургіи можетъ быть отъ проповѣдника непродолжительное слово, въ которомъ словѣ можно привѣтствовать и поздравлять Ихъ Величество ото всѣхъ чиновъ народа.

14) По окончаніи слова и литургіи да будетъ Ея Величество поклоняема и поздравляема отъ духовныхъ и отъ всѣхъ свѣцкихъ чиновъ благочинно. Потомъ изволитъ шествовать изъ церкви, провождаема всѣми первѣйшими чинами, какъ и въ церковь.

15) Егда изволитъ выступить изъ церкви, тогда надлежитъ быть третіей пальбѣ, подобной первымъ, и звону во всѣ колокола въ соборѣ и во всѣхъ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ до вечерни. И тако кончится церковная церемонія.

А въ соборъ Архангельской и въ Вознесенской монастырь отправятся два архіерея, которые встрѣтятъ Ея Величество съ

Digitized by Google

крестомъ въ соборѣ на паперти, а въ монастырѣ въ воротахъ монастырскихъ. Поднесши же крестъ къ цѣлованію, предъидутъ предъ Ея Величествомъ съ крестомъ въ церковь. И когда станетъ Ея Величество посредѣ церкви, тогда прочтется отъ діакона ектенія, по данной изъ Сунода формѣ, и отъ архіерея отпустъ. Потомъ возгласится отъ діакона, по данной же изъ Сунода формѣ, многолѣтіе. Тѣмъ временемъ Ея Величество изволитъ поклониться къ мощамъ царевича Димитрія и ко гробамъ предковъ Императорскаго Величества; потому же и въ Вознесенскомъ монастырѣ. А для утружденія тогдашняго Ея Цесаревина Величества, дабы кто не дерзнулъ изъ церковниковъ, или изъ монахинь, ниже сами архіереи подходить къ рукѣ Ея Величества, о семъ подтвердить изъ Сунода накрѣпко. Потомъ изволитъ Ея Величество со славою шествовать къ Красному крыльцу и въ домъ свой съ миромъ.

V.

22 марта 1724 прибылъ въ Москву императоръ, а 27-го и императрица, и остановились въ Преображенскомъ. Съ этого момента начались особенно спѣшныя приготовленія къ коронаціи. „Генеральша Балкъ увѣряла, сообщаетъ Берхгольцъ въ своемъ Дневникѣ подъ 10-мъ числомъ апрѣля, что коронованіе императрицы будетъ не прежде, какъ черезъ двѣ недѣли. Императору, говорятъ, хотѣлось, чтобъ оно было черезъ недѣлю, въ день рожденія герцога (голштинскаго), но оказалось, что невозможно справиться со всѣми приготовленіями. По словамъ генеральши, и платья дамъ едвали могутъ быть готовы прежде двухъ недѣль, а что касается до 24-хъ дамъ, которыя должны явиться на коронацію въ робахъ, то онѣ будутъ назначены лишь завтра. Ни одной дамѣ не позволено быть въ совершенно золотомъ платьѣ, потому что это предоставляется только императрицѣ; но золото и серебро вмѣстѣ онѣ могутъ употреблять, и имѣютъ право изъ серебряной матеріи дѣлать платья, относительно богатства какія имъ угодно“.

18-го апрѣля объявляли съ барабаннымъ боемъ, чтобы къ будущему воскресенью всѣ большія улицы были вымощены, а маленькія выложены бревнами и вычищены, изъ чего нѣкоторые выводили, что коронація будетъ въ этотъ день.

Digitized by Google

21 и 22 апрѣля всѣ иностранные и русскіе купцы должны были присылать своихъ лошадей къ князю Меншикову, который 60 самыхъ лучшихъ изъ нихъ приказалъ выбрать на время коронаціи для вновь учрежденной роты кавалергардовъ. Нѣкоторые купцы должны были дать отъ 4-хъ до 6-ти лошадей, а у другихъ, собственно для себя, не осталось ни одной. Владѣльцамъ выбранныхъ лошадей запрещено выѣзжать на нихъ до коронаціи. Впрочемъ, 30-го апрѣля, распоряженіе о лошадяхъ иностранныхъ купцовъ было отмѣнено, такъ какъ всѣхъ лошадей должны были поставить русскіе вельможи и купцы.

Одновременно шли приготовленія и въ самомъ Кремлѣ. Здѣсь тоже спѣшно готовились по всѣмъ частямъ согласно съ выработаннымъ церемоніаломъ.

На площади, передъ императорскимъ дворцомъ, для коронаціоннаго шествія устроены были два помоста, шириной каждый 15 футовъ. Одинъ изъ нихъ велъ отъ Краснаго крыльца до Успенскаго собора, а другой отъ Успенскаго собора до собора Архангельскаго. Оба помоста были украшены перилами и устланы „хорошимъ“ краснымъ сукномъ.

Богатство и великолѣпіе внутренняго убранства Успенскаго собора вполнѣ отвѣчало общему блеску всей церемоніи [1]. Посрединѣ собора, противъ алтаря, былъ утвержденъ тронъ. Онъ представлялъ собою четырехугольное возвышенное мѣсто въ три аршина вышиной и по шести аршинъ шириной и длиной. На возвышеніе это вели двѣнадцать ступеней. Весь тронъ былъ позолоченъ и украшенъ живописью. Полъ его и ступени обиты были кармазиннымъ бархатомъ съ золотыми галунами. Вокругъ трона и по обѣимъ сторонамъ ступеней до самаго низа укрѣплены были перила, въ три фута вышиной, изъ различныхъ фигуръ и рѣзьбы. Надъ тономъ висѣлъ большой великолѣпный балдахинъ четырехугольный, изъ карамазиннаго бархата, богато обложенный золотомъ, съ вышитыми гербами внутри: „вышитъ былъ гербъ Всероссійской орелъ черной, у котораго на грудяхъ святый Георгій, въ кругѣ его кавалерія съ крестомъ свя-

[1] Въ „Описаніи коронаціи“ замѣчено: „соборная церковь, гдѣ коронаціи церемонія отправлена быть имѣла, украшена была всякимъ дражайшимъ убором, сколько по греческому закону позволяется (ибо по греческому закону не позволено образы святыхъ какими шпалерами или иными украшеніями покрывать).“ (4 стр.).

Digitized by Google

таго Андрея. А по сторонамъ того Всероссійскаго герба, шесть гербовъ: Кіевской, Владимірской, Новгородской, Казанской, Астраханской и Сибирской, каждой своимъ надлежащимъ колеромъ вышитъ". Балдахинъ этотъ былъ прикрѣпленъ въ срединѣ свода веревкой въ руку толщины, обитою парчей, и четырьмя золотыми шнурами, протянутыми отъ его угловъ. Подъ балдахиномъ, на самомъ тронѣ, были поставлены два кресла,—одно по правой сторонѣ для императора, другое по лѣвой сторонѣ для императрицы,—послѣднее съ ручками. Оба кресла были древней работы и богато украшены драгоцѣнными каменьями. Направо отъ кресла императора, на тронѣ же, былъ поставленъ длинный столъ для императорскихъ регалій. Столъ накрытъ былъ великолѣпною золотой парчей, спускавшеюся до самаго пола, съ вышитыми по ней коронами.—Все пространство отъ трона до алтаря устлано было дорогими золотыми коврами. По обѣимъ сторонамъ отъ трона до алтаря были поставлены скамьи для архіереевъ и духовныхъ властей, обитыя кармазиннымъ сукномъ. Близъ клироса устроены были мѣста для императора и императрицы, гдѣ они должны стоять во время литургіи. Мѣста эти какъ внутри, такъ и снаружи обиты были золотою парчей, а подъ ногами алымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ, и украшены богатыми золотыми подушками.

Вокругъ трона были устроены особыя мѣста для всѣхъ участвовавшихъ въ церемоніи. Между двумя большими столбами, съ правой стороны трона приготовлено было богато украшенное возвышеніе, обтянутое золотыми и серебряными матеріями, съ котораго государыни цесаревны потомъ смотрѣли на церемонію коронаціи. Съ этой же стороны трона, немного ближе ко входнымъ дверямъ, позади обыкновеннаго императорскаго мѣста, было устроено отдѣльное мѣсто для герцога голштинскаго. По лѣвой сторонѣ обыкновеннаго царицына мѣста было устроено, въ формѣ амфитеатра, особое возвышенное мѣсто для пяти дамъ, назначенныхъ слѣдовать за императрицей и нести шлейфъ ея, когда она выйдетъ изъ кареты при посѣщеніи Вознесенскаго монастыря. Для этого были назначены супруги генералъ-лейтенантовъ Ягужинскаго и Матюшкина и генералъ-маіоровъ Гинтера, Балка и князя Трубецкаго. У южныхъ дверей собора было сдѣлано возвышеніе, длиной 12 футовъ и шириной 8 футовъ. На немъ должны были стоять шесть генералъ-маіоровъ: Чекинъ, Волковъ, Ушаковъ, князь Юсуповъ, Салтыковъ и контръ-адми-

Digitized by Google

фалъ Синявинъ. Они назначены были нести балдахинъ надъ императрицей, во время слѣдованія ея изъ Успенскаго въ Архангельскій соборъ. Богато устроенный балдахинъ былъ укрѣпленъ на шести серебряныхъ столбикахъ, украшенныхъ орлами съ коронами, по восьми на каждомъ, и вызолоченными цвѣтниками, по четыре на каждомъ. Съ балдахина спускались золотые снуры и кисти. У западной стѣны собора устроены были амфитеатромъ двѣ галлереи. Одна съ правой стороны, перегороженная, для генераловъ и другихъ знатныхъ особъ, а за перегородкой для знатныхъ дамъ и дѣвицъ. Лѣвая галлерея, тоже перегороженная, назначалась для иностранныхъ пословъ и министровъ и за перегородкой для прочихъ господъ и кавалеровъ иностранныхъ. Галлереи эти оканчивались перилами и были обиты богатыми обоями. Подобныя же этимъ галлереи были построены по обѣимъ продольнымъ стѣнамъ собора для всѣхъ знатныхъ обоего пола особъ, а предъ ними нѣсколько ниже имѣлись мѣста для депутатовъ городовъ и знатныхъ офицеровъ. Всѣмъ этимъ особамъ, допущеннымъ присутствовать въ соборѣ при коронаціи, выданы были билеты и предписано было въ какихъ являться платьяхъ: „всѣ они должны быть: дамы въ богатыхъ парчевыхъ робахъ, а кавалеры въ кафтанахъ, вышитыхъ золотомъ и обкладенныхъ галунами.“ — „Словомъ, замѣчаетъ Голиковъ, для сего знаменитаго праздника употреблено было монархомъ все возможное великолѣпіе и пышность, каковой еще во всю жизнь его величества не было подобной“.

Всѣ эти приготовленія потребовали значительнаго времени, такъ что не смотря на желаніе императора какъ можно скорѣе короновать супругу, совершеніе церемоніи стало возможнымъ лишь въ маѣ 1724 года.

5-го мая Москва узнала наконецъ день давно ожидаемаго торжества. Въ этотъ день по городу стали ѣздить трубачи и литаврщики и возвѣщать о коронованіи императрицы, назначенномъ на четвергъ 7-го мая [1]. Берхгольцъ слышалъ отъ камеръ-пажа императрицы, будто ея величеству хотѣлось, чтобы коронацію отсрочили до воскресенья; но императоръ никакъ не соглашался на это, желая, чтобы поскорѣй все было кончено.

[1] День того торжества объявленъ былъ народу отъ кабинетъ-секретаря, предъ которымъ ѣхалъ офицеръ съ шестью трубачами, и съ двумя литаврщиками. „Житіе Петра Великаго“ пер. Писарева, Спб. 1772, стр. 470.

Digitized by Google

Такъ какъ въ церемонію входило и причащеніе св. Таинъ за обѣднею послѣ коронованія, то императрица заранѣе начала говѣть, поститься и готовиться къ великому таинству.

6-го мая, наканунѣ церемоніи, продолжали извѣщать по всей Москвѣ о предстоявшемъ на другой день коронованіи государыни. Около пяти часовъ дня прибыли въ Кремль царевны, а позднѣе ихъ прибыла въ кремлевскій дворецъ и императрица изъ лѣтняго Преображенскаго дворца. Между прочимъ путь ея лежалъ черезъ Нѣмецкую слободу, гдѣ жило голштинское посольство съ герцогомъ во главѣ. Проѣзжая мимо посольскаго дома, по словамъ Берхгольца, императрица милостиво отвѣчала на поклонъ герцога и внимательно смотрѣла на тріумфальныя ворота, устроенныя имъ въ честь ея къ завтрашнему дню; врата эти, говоритъ онъ, задуманы и исполнены очень хорошо и возбуждаютъ всеобщія похвалы; стоили они герцогу много, потому что онъ для императрицы не жалѣлъ денегъ.

Вечеромъ этого дня во всѣхъ церквахъ Москвы совершено было всенощное бдѣніе, обыкновенное передъ коронаціею.

VI.

7-го мая, въ самый день торжества коронаціи, рано утромъ данъ былъ сигналъ изъ пушекъ съ площади и съ бастіоновъ всѣхъ сторонъ вокругъ города для оповѣщенія всѣхъ персонъ и полковъ, назначенныхъ къ церемоніи. По сигналу оба полка гвардіи и нѣсколько армейскихъ баталіоновъ пришли въ Кремль и были поставлены въ строю на Ивановской площади, подъ командою генералъ-бригадира и гвардіи маіора Румянцева. У самаго же пути, по которому должно было слѣдовать церемоніальное шествіе, по обѣимъ сторонамъ были выстроены гвардіи гренадеры. Въ тоже время знатнѣйшія особы и всѣ назначенные къ церемоніи собирались въ большой дворцовой залѣ.

Въ началѣ 9-го часа утра, съ колокольни Ивана Великаго раздался торжественный благовѣстъ въ большой колоколъ. Въ Успенскій соборъ прибыли архіереи и духовныя власти и отправили молебенъ о здравіи императора и императрицы. По окончаніи молебна, совершены были часы, и затѣмъ все духовенство въ великолѣпныхъ облаченіяхъ вышло къ дверямъ церковнымъ и здѣсь ожидало высочайшаго шествія.—Внутренность собора бли-

Digitized by Google

стала отъ множества зажженныхъ восковыхъ свѣчей. Особенно выдѣлялось великолѣпное, огромное Морозовское серебряное паникадило; оно висѣло среди собора и было украшено множествомъ золоченыхъ свѣчей.

Между тѣмъ во дворцѣ въ столовой залѣ всѣ собравшіеся ожидали высочайшаго выхода. Когда все было готово, императоръ вышелъ изъ своихъ покоевъ въ лѣтнемъ кафтанѣ небесно-голубаго цвѣта, богато вышитомъ серебромъ руками императрицы, въ красныхъ шелковыхъ чулкахъ и въ шляпѣ съ бѣлымъ перомъ. Когда императрица окончила свой уборъ, и всѣ чины заняли свои мѣста, началось торжественное шествіе въ соборъ по заранѣе опредѣленному церемоніалу.

Впереди шла половина недавно сформированной роты кавалергардовъ, въ сапогахъ со шпорами и съ карабинами въ рукахъ. За ними шли подъ предводительствомъ своего гофмейстера, двѣнадцать пажей императрицы, всѣ въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ, парчевыхъ камзолахъ, въ бѣлокурыхъ парикахъ и съ бѣлыми перьями на шляпахъ. За ними слѣдовали четыре взрослыхъ пажа или деньщика императора. Затѣмъ шелъ первый церемоніймейстеръ, бригадиръ Шуваловъ, имѣя въ рукахъ жезлъ своего достоинства, во главѣ лифляндскихъ, эстляндскихъ и прочихъ депутатовъ отъ провинцій, также бригадировъ, генералъ-маіоровъ, всего генералитета и другихъ должностныхъ лицъ, „въ тѣхъ ротахъ находящихся“. За ними шли оба герольдмейстера Плещеевъ и графъ Санти, со знаками своего достоинства въ рукахъ и въ церемоніальныхъ платьяхъ изъ кармазиннаго бархата съ вышитыми золотомъ императорскими гербами. Послѣ этого несены были императорскія регаліи на богатыхъ золототканныхъ подушкахъ. Впереди императорскую мантію несли на двухъ подушкахъ тайные совѣтники князь Голицынъ и баронъ Остерманъ. Мантія эта сдѣлана была изъ золотаго штофа съ вышитыми по нему двуглавыми орлами и подбита горностаями чудной бѣлизны; грифы ея, которыми она застегивалась спереди, были сдѣланы изъ множества большихъ брилліантовъ. За мантіей князь Долгоруковъ несъ на подушкѣ державу Мономахову, а дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Мусинъ-Пушкинъ несъ на подушкѣ же Мономаховъ скипетръ. За ними генералъ графъ Брюсъ на подушкѣ несъ новую великолѣпную императорскую корону. Корона эта, какъ мы уже знаемъ, устроена была

Digitized by Google

по указу Императора Петра I, нарочно для коронованія императрицы Екатерины I. Верхъ ея былъ сдѣланъ сквозной, крестообразнымъ переплетомъ. Вѣнецъ ея былъ весь осыпанъ драгоцѣнными каменьями, которыхъ было 2564. Особенно замѣчателенъ былъ въ этой коронѣ лалъ или рубинъ величиною больше голубинаго яйца; онъ вставленъ былъ на самомъ верху вѣнца подъ бриллiантовымъ крестомъ, вмѣсто глобуса; камень купленъ былъ въ Пекинѣ русскимъ посломъ, по указу царя Алексѣя Михайловича. Для украшенія императрицыной короны Петръ I приказалъ вынуть еще довольное число алмазовъ изъ своей державы.—За короной шелъ верховный маршалъ графъ Толстой съ маршальскимъ серебрянымъ жезломъ въ рукахъ: на верхнемъ концѣ жезла красовался золотой двухглавый орелъ, и надъ нимъ изумрудъ величиной съ яйцо. Затѣмъ шелъ Императоръ, а немного позади его, по обѣ стороны, шли два ассистента генералъ-фельдмаршалы князь Меншиковъ и князь Репнинъ. Вслѣдъ за государемъ слѣдовала императрица подъ руку съ герцогомъ голштинскимъ. Императрица была въ богатѣйшемъ платьѣ, сдѣланномъ по испанской модѣ и въ головномъ уборѣ, осыпанномъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Платье на ней было изъ пурпуровой штофной матеріи съ богатымъ и великолѣпнымъ золотымъ шитьемъ; шлейфъ его несли пять статсъ-дамъ—княгиня Меншикова, графиня Головкина и Брюсова, генеральша Бутурлина и княгиня Трубецкая. По обѣимъ сторонамъ императрицы шли два ассистента генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ и канцлеръ графъ Головкинъ, а немного позади шли генералъ-прокуроръ Ягужинскій и генералъ-маіоръ Мамоновъ. По обѣимъ сторонамъ дамъ, несшихъ шлейфъ, шли другъ за другомъ камергеры и кавалеры двора императрицы. Непосредственно за ними, по свидѣтельству Берхгольца, слѣдовали шесть статсъ-дамъ императрицы: Олсуфьева, Кампенгаузенъ, Вилльбуа, сестра княгини Меншиковой, Волынская и сестра ея дѣвица Нарышкина, всѣ въ богатыхъ платьяхъ. Затѣмъ шли попарно прочія дамы, принадлежавшія къ свитѣ императрицы, именно тринадцать замужнихъ и двѣнадцать незамужнихъ, за ними нѣкоторые придворные кавалеры, полковники, офицеры и дворянство, назначенные по церемоніалу. Заключала шествіе другая половина императорскихъ кавалергардовъ.

Когда началось церемоніальное шествіе изъ императорскаго дворца, съ колокольни Ивана Великаго раздался звонъ во всѣ

Digitized by Google

колокола. Стоявшіе въ строю по площади полки отдали честь шествію ружьемъ, барабаннымъ боемъ, музыкой и преклоненіемъ знаменъ.

Когда императорскія регаліи приблизились къ дверямъ Успенскаго собора, то архіереи и духовенство вышли изъ храма, чтобы встрѣтить ихъ на ступеняхъ входа. Первенствующіе изъ архіереевъ, преосвященные Новгородскій Ѳеодосій и Псковскій Ѳеофанъ, почтили ихъ кажденіемъ и окропленіемъ святою водой. Когда взошли на ступени императоръ и императрица, то преосвященный Новгородскій поднесъ ихъ величествамъ святой крестъ для цѣлованія, а Псковскій окропилъ ихъ святою водой. При вступленіи духовенства и ихъ величествъ въ соборъ, пѣвчіе запѣли 100-й псаломъ ***Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи.***

Вошедши въ соборъ, духовенство заняло свои мѣста у скамей, приготовленныхъ для него. Капитанъ и поручикъ кавалергардіи, генералъ-поручикъ Ягужинскій и генералъ-маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ стали по обѣимъ сторонамъ внизу трона, а два другіе офицера кавалергардіи, бригадиръ Леонтьевъ и полковникъ князь Мещерскій, по обѣимъ сторонамъ средняго приступа при всходѣ на тронъ; всѣ четверо имѣли въ рукахъ знаки своего достоинства. Два герольдмейстера взошли на тронъ впереди несшихъ регаліи; послѣднія были положены на приготовленный столъ, и потомъ герольдмейстеры стали по обѣимъ сторонамъ первыхъ ступеней трона, а несшіе регаліи стали по старшинству на ступеняхъ трона.

Герцогъ Голштинскій довелъ императрицу до трона и удалился на назначенное для него мѣсто. Императоръ взялъ подъ руку супругу и возвелъ ее на тронъ. Ставши на тронѣ, ихъ величества милостиво поклонились присутствовавшимъ. Императоръ отдалъ шляпу князю Меншикову, и подалъ знакъ императрицѣ сѣсть на приготовленный для нея стулъ, „но она, передаетъ Берхольцъ, не хотѣла исполнить этого до тѣхъ поръ, пока его величество напередъ самъ не сѣлъ на свой стулъ по правую сторону“. За ихъ величествами сѣли и архіереи на приготовленныхъ для нихъ мѣстахъ. На тронѣ остались четыре ассистента—князья Меншиковъ и Репнинъ и графы Апраксинъ и Головкинъ,—стоявшіе немного позади креселъ императорскихъ. Дамы, несшія шлейфъ мантіи, заняли мѣста позади креселъ императрицы. Верховный маршалъ, съ жезломъ въ рукахъ, сталъ

Digitized by Google

на нижней ступени трона. Всѣ прочія особы заняли опредѣленныя имъ мѣста. „Все происходило съ великимъ порядкомъ".

Когда окончилось пѣніе псалма и умолкъ колокольный звонъ, ихъ величества встали съ своихъ креселъ, и императоръ, взявъ въ руки скипетръ, лежавшій на столѣ вмѣстѣ съ другими регаліями, повелѣлъ верховному маршалу графу Толстому пригласить на тронъ архіереевъ и прочія власти. Когда приблизилось духовенство, императоръ слѣдующею рѣчью предложилъ ему совершить коронованіе императрицы. Онъ сказалъ, обратившись къ архіереямъ: „Понеже намѣреніе наше изъ публикованнаго манифеста нашего о коронованіи нашея любезнѣйшія супруги уже всѣмъ извѣстно, того ради извольте оное нынѣ совершить по чину церковному".

Выслушавъ эту рѣчь, архіереи приступили къ совершенію священнодѣйствія. Первенствующій среди нихъ, архіепископъ Новгородскій Ѳеолосій, подошедши къ императрицѣ, произнесъ слѣдующую рѣчь, приглашая Государыню исповѣдать православную вѣру вслухъ всѣхъ: „Благочестивѣйшая великая государыня императрица! понеже благоволеніемъ Божіимъ и его императорскаго величества, нашего всемилостивѣйшаго государя, вашего же вселюбезнаго супруга изволеніемъ, имѣетъ нынѣ въ семъ первопрестольномъ храмѣ совершиться императорское ваше коронованіе и святымъ мѵромъ помазаніе: того ради по обычаю древнихъ христіанскихъ монарховъ, и Богомъ вѣнчанныхъ вашихъ предковъ, да соблаговолитъ величество ваше вслухъ вѣрныхъ подданныхъ вашихъ исповѣдать православно-каѳолическую вѣру. Како вѣруеши?"

На это приглашеніе императрица прочитала вслухъ Символъ вѣры, а тотъ же архіепископъ вслухъ произнесъ: „Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ тобою"; прочіе архіереи тихо повторили тоже самое.

Послѣ этого тотчасъ же началось совершеніе самаго чина коронованія.

„И по прочтеніи отъ ея величества символа православныя вѣры, ея величество изволила на уготованной подушкѣ стать на колѣни, архіерей же осѣня верхъ главы ея крестообразно и положа руку на главу ея, прочиталъ молитву сію во услышаніе

Digitized by Google

всѣмъ, безъ шапки: *Господи Боже нашъ, Царю царствующихъ и Господи господствующихъ*“ [1].

По прочтеніи молитвы, императрица встала; преосвященные же архіереи Новгородскій и Псковскій взяли со стола императорскую мантію и поднесли ее императору, а императоръ, не выпуская изъ руки своей скипетра, возложилъ ее, при помощи ассистентовъ, на императрицу.

Послѣ этого императрица снова преклонила колѣна, а архіепископъ прочиталъ вторую молитву *Тебѣ единому Царю человѣковъ*.

По окончаніи молитвы тѣ же преосвященные поднесли императору корону, которую государь, не выпуская же скипетра, возложилъ на главу императрицы, стоявшей на колѣнахъ, а придворныя дамы прикрѣпили корону. Архіепископъ, осѣняя главу ея, произнесъ: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа*. „У ея величества въ это время по лицу скатилось нѣсколько слезъ“, замѣчаетъ Берхгольцъ. Послѣ этого архіепископъ поднесъ державу, которую императоръ вручилъ государынѣ. „Государыня вслѣдъ за этимъ, говоритъ тотъ же авторъ, обратилась къ его величеству императору и, преклонивъ правое колѣно, хотѣла какъ бы поцѣловать его ноги, но онъ, съ ласковою улыбкой, тотчасъ же поднялъ ее“.

Когда императоръ и императрица, въ коронѣ и регаліяхъ, встали на своихъ мѣстахъ, пѣвчіе запѣли многолѣтіе. Въ это время начался торжественный звонъ колоколовъ на Иванѣ Великомъ, а по сигнальному выстрѣлу изъ пушки, поставленной передъ соборомъ, раздался генеральный залпъ изъ всѣхъ орудій, находившихся въ городѣ, и загремѣлъ бѣглый огонь всѣхъ полковъ, расположенныхъ на дворцовой площади. Духовенство и всѣ особы, присутствовавшія въ соборѣ, засвидѣтельствовали ея величеству свое поздравленіе трикратнымъ поклоненіемъ.

Духовенство тотчасъ же сошло съ трона и удалилось въ алтарь. Императоръ передалъ скипетръ, а императрица державу—тѣмъ лицамъ, которыя несли ихъ въ процессіи, и они снова положили ихъ на столъ. Послѣ этого императоръ и императрица въ коронѣ и мантіи вмѣстѣ сошли съ трона и разошлись на свои обыкновенныя царскія мѣста. Императоръ шелъ впереди, а по сторонамъ его, немного позади, князья Меншиковъ и Реп-

[1] Описаніе коронаціи Ея Величества Імператрицы Екатерины Алексіевны, Москва, 1724.

Digitized by Google

нинъ. Императрица слѣдовала за государемъ въ сопровожденіи своихъ ассистентовъ, графовъ Апраксина и Головкина. Впереди ихъ величествъ шелъ верховный маршалъ графъ Толстой, проводившій ихъ до мѣстъ и ставшій на первой ступени отъ алтаря, противъ императрицы. Ассистенты стали у мѣстъ ихъ величествъ, а дамы, несшія шлейфъ, въ меньшемъ амфитеатрѣ по лѣвую сторону государынина мѣста.

Началась литургія. Во время совершенія ея императрица для облегченія снимала корону, которую тогда держалъ тайный кабинетъ-секретарь Макаровъ.

Когда начали пѣніе запричастнаго стиха, тогда отъ мѣста императрицы до царскихъ дверей былъ постланъ двоеморховый кармазинный бархатъ, сшитый въ два полотнища, а у самыхъ царскихъ дверей, поверхъ бархата, постланъ былъ золотой парчевый коверъ, а на немъ положена золотая подушка.

По окончаніи запричастна, императоръ подошелъ къ государынѣ и, взявъ ее за руку, подвелъ ее въ коронѣ и мантіи по разостланному бархату къ царскимъ дверямъ. Здѣсь императрица сняла корону и стала на положенную подушку на колѣна. Въ это время второй архіерей принесъ на блюдѣ святое мyро въ древнемъ сосудѣ, а первый архіепископъ, омочивъ во святое мyро сучецъ, помазалъ государыню крестообразно на челѣ, на персяхъ и на обѣихъ рукахъ, произнося при каждомъ помазаніи: *Печать дара Духа Святаго*; другой архіерей отеръ помазанныя мѣста чистою хлопчатою бумагой, каковую и сжегъ въ горнѣ алтарномъ. Вставши, императрица отошла къ лѣвой сторонѣ. Протодіаконъ, стоя въ царскихъ дверяхъ со святою чашей, возгласилъ: *Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите.* Императрица снова подошла къ царскимъ дверямъ, и здѣсь первый архіерей причастилъ ее Святыхъ Таинъ, а два другіе архіерея поднесли ей антидоръ и теплоту. Послѣ этого два соборные протопопа, Успенскій и Благовѣщенскій, поднесли золотую лахань, а Троицкій архимандритъ—золотой рукомойникъ съ водой для умовенія устъ и рукъ; архимандриты Чудовской и Симоновскій подали утиральникъ.

По причащеніи, государь и государыня въ прежнемъ порядкѣ направились къ своимъ обычнымъ церковнымъ мѣстамъ. Въ это время за стѣнами собора снова раздался звонъ колокольный и загремѣлъ второй залпъ изъ пушекъ и ружей.

Digitized by Google

Литургія продолжалась обычнымъ порядкомъ. По окончаніи ея архіепископъ Псковскій Ѳеофанъ произнесъ слово, „въ которомъ духовный сей витія изобразилъ прекрасною кистью всѣ ея величества добродѣтели, и коль она достойна учиненныя ей отъ Бога и отъ великаго супруга своего сея награды, и заключилъ поздравленіемъ ихъ величествамъ отъ лица чиновъ россійскихъ и народа".

Этимъ и закончился чинъ церковнаго коронованія. Тотчасъ же послѣдовало шествіе въ соборъ Архангельскій. Между прочимъ, императоръ, по слабости здоровья, не принялъ участія въ этомъ шествіи, но прямо прослѣдовалъ изъ Успенскаго собора во дворецъ. Во дворецъ же вернулись и царевны вмѣстѣ съ герцогинями курляндской и мекленбургской и оттуда смотрѣли на церемоніальное шествіе.

Верховный маршалъ графъ Толстой приказалъ церемоніймейстерамъ устроить шествіе изъ Успенскаго собора въ Архангельскій по предписанному порядку. Участвовали въ этомъ шествіи тѣ же лица и въ томъ же порядкѣ, какъ и при слѣдованіи императрицы изъ дворца въ Успенскій соборъ.

Впереди шли кавалергарды. Государыня шла съ короной на головѣ и въ императорской мантіи и ведена была герцогомъ Голштинскимъ подъ богатымъ балдахиномъ съ золотымъ шитьемъ и такою же бахрамой. Держался онъ на шести серебряныхъ столбикахъ и несенъ былъ шестью генералъ-маіорами. Четыре флотскихъ лейтенанта придерживали его еще съ боковъ, чтобъ онъ не подавался ни въ какую сторону. За государыней шли пять статсъ-дамъ, несшихъ шлейфъ, шесть придворныхъ дамъ, прочія дамы, которыя были въ робахъ и двѣнадцать пажей. Адмиралъ Апраксинъ и канцлеръ Головкинъ, вмѣстѣ съ двумя старшими офицерами кавалергардіи, шли по сторонамъ императрицы.

Князь Меншиковъ, шедшій позади государыни, бросалъ въ народъ золотыя и серебряныя медали, выбитыя по случаю коронаціи. За нимъ несли ихъ два комиссара въ большихъ красныхъ бархатныхъ мѣшкахъ, на которыхъ вышитъ былъ императорскій орелъ. Медалей этихъ приготовлено было на сумму болѣе 15.000 рублей.

Digitized by Google

Когда императрица вышла изъ собора, въ третій разъ зазвучали колокола и загремѣли орудія вмѣстѣ съ трубами и литаврами.

У дверей Архангельскаго собора императрицу встрѣтилъ одинъ изъ архіереевъ, съ крестомъ въ рукахъ, окруженный духовенствомъ въ богатыхъ облаченіяхъ. Герцогъ и дамы остались внѣ собора. Въ соборѣ протодіаконъ прочиталъ ектенію и возгласилъ многолѣтіе. Императрица приложилась къ святымъ иконамъ, святымъ мощамъ св. благовѣрнаго царевича Димитрія и поклонилась гробамъ почивающихъ въ соборѣ россійскихъ государей.

Выйдя изъ собора въ сопровожденіи герцога, императрица направилась въ каретѣ, церемоніальнымъ шествіемъ, въ Вознесенскій монастырь для поклоненія почивающимъ тамъ россійскимъ государынямъ. Герцогъ остался у дворца ожидать возвращенія государыни.

Церемоніальный поѣздъ въ Вознесенскій монастырь слѣдовалъ въ такомъ порядкѣ.

Впереди ѣхалъ генералъ-поручикъ Ягужинскій съ половиной кавалергардовъ верхомъ; здѣсь же были и музыканты, игравшіе во время пути въ серебряныя литавры и трубы. За ними шли пѣшіе 24 придворныхъ лакея, по четыре въ рядъ, и двѣнадцать пажей съ ихъ гофмейстеромъ. Далѣе въ парадной придворной каретѣ ѣхалъ верховный маршалъ съ пажами. За нимъ слѣдовала императрица въ богатѣйшей каретѣ, передъ которою шли четыре скорохода. По обѣ стороны кареты шли камергеры и другіе придворные чины императрицына двора и шестнадцать гайдуковъ. Берхгольцъ, описывая карету государыни, замѣчаетъ, что это была огромная машина съ богатой позолотой и живописью. Дѣлали ее, говорятъ, въ Парижѣ, и она въ серединѣ, на верху кузова, украшалась серебряною вызолоченною императорскою короной. Императрица своею большою мантіей заняла почти всю внутренность этой машины. Карету везли восемь прекрасныхъ лошадей. Возлѣ кареты верхомъ ѣхали генералъ Ласси и два герольда и бросали въ народъ на обѣ стороны дороги золотыя и серебряныя медали. За ними слѣдовали шесть придворныхъ араповъ, одѣтыхъ, какъ и всѣ придворные служители, въ богатыя новыя ливреи, блестѣвшія золотомъ и серебромъ. Далѣе слѣдовала другая карета въ шесть лошадей,

Digitized by Google

въ которой ѣхали ассистенты императрицы графы Апраксинъ и Головкинъ съ пажами; они назначены были вести императрицу въ монастырскій храмъ, вмѣсто герцога Голштинскаго. Заключала поѣздъ другая половина кавалергардовъ.

Поклонившись гробамъ россійскихъ государынь, императрица въ прежнемъ порядкѣ возвратилась ко дворцу. У Краснаго крыльца ее встрѣтилъ герцогъ голштинскій, который и проводилъ ее во дворецъ, подъ балдахиномъ, въ сопровожденіи тѣхъ же лицъ и въ томъ же порядкѣ, какъ совершались предыдущія шествія. Во дворцѣ императрица снова приняла поздравленія, какъ отъ императора, такъ и ото всѣхъ чиновныхъ особъ.

VII.

Этимъ и закончился коронаціонный выходъ, но не закончились еще коронаціонныя торжества.

Въ этотъ же день въ Грановитой палатѣ состоялся парадный обѣдъ. Къ этому обѣду палата была великолѣпно украшена, и въ ней приготовлены были пять столовъ. На возвышенномъ мѣстѣ, подъ богатымъ балдахиномъ, стоялъ императорскій столъ. По лѣвую сторону его накрытъ былъ отдѣльный небольшой столъ для герцога Голштинскаго. На нѣкоторомъ разстояніи отъ этого стола былъ приготовленъ столъ для девятнадцати знатнѣйшихъ пастырей. По правую сторону отъ императорскаго стола былъ столъ для знатнѣйшихъ свѣтскихъ особъ, а противъ стола для духовенства—для дамъ и фрейлинъ. По лѣвую сторону дверей помѣстился оркестръ музыкантовъ.

Государь и государыня послѣдовали къ столу со всею императорскою помпой, въ предшествіи церемоніймейстеровъ, двухъ оберъ-шенковъ, (изъ которыхъ младшій графъ Андрей Апраксинъ имѣлъ званіе оберъ-форшнейдера), оберъ-гофмейстера графа Олсуфьева и оберъ-маршала графа Толстаго съ ихъ жезлами.

Когда ихъ величества взошли на свой тронъ, первенствовавшій архіерей благословилъ трапезу ихъ, и всѣ сѣли на своихъ мѣстахъ. Передъ императорскимъ столомъ стали съ правой стороны оберъ-маршалъ, съ лѣвой—гофъ-маршалъ, а по обѣимъ сторонамъ возлѣ трона – генералъ-лейтенантъ Ягужинскій и генералъ-маіоръ Мамоновъ. Оберъ-шенкъ Апраксинъ разрѣзывалъ кушанья при императорскомъ столѣ. Два генералъ-адъютанта,

Digitized by Google

камергеръ Нарышкинъ и Астраханскій губернаторъ Волынской, прислуживали („стояли для перемѣны тарелокъ“) императору, а камергеры Монсъ и Балкъ—императрицѣ. Знатные же придворные и военные чины прислуживали и въ другихъ случаяхъ во время обѣда; кушанья носили подполковники въ предшествіи у каждой перемѣны церемоніймейстеровъ, оберъ-гофмейстера и оберъ-маршала. Весь столовый приборъ, чаши, блюда, соусники, тарелки, ножи и проч., были изъ чистаго золота. Впродолженіе обѣда игралъ большой оркестръ, состоявшій изъ сорока слишкомъ музыкантовъ подъ управленіемъ герцогскаго перваго скрипача Гюблера. При питіи здравицъ, раздавалась кромѣ того пушечная пальба.

Въ то же время передъ дворцомъ на Ивановской площади, на двухъ рундукахъ приготовлены были для народа два жареные быка, начиненные всякихъ родовъ птицами, а по сторонамъ изъ двухъ фонтановъ текли въ бассейнъ красное и бѣлое вина.

Предъ окончаніемъ обѣда князь Меншиковъ всталъ съ своего мѣста и изъ краснаго бархатнаго мѣшка, который несъ за нимъ статсъ-коммиссаръ Принценштіернъ, началъ раздавать всѣмъ присутствовавшимъ большія золотыя медали, вѣсомъ отъ 10 до 12 червонцевъ, выбитыя для сей коронаціи. Съ одной стороны медалей изображены были портреты государя и государыни съ надписью: *Петръ императоръ*, *Екатерина императрица*. На оборотной сторонѣ былъ изображенъ императоръ, возлагающій корону на главу супруги, съ подписью: *Коронована въ Москвѣ*, а внизу годъ *1724*.

Между прочимъ, нѣкоторыя любопытныя подробности коронаціоннаго обѣда записалъ Берхгольцъ. По его словамъ, столы были два раза уставляемы кушаньями. „Послѣ первой подачи князь Меншиковъ роздалъ медали. Въ это время обѣ царевны и обѣ герцогини вышли изъ своей ложи и отправились, безъ сомнѣнія, такъ же кушать. Послѣ того за всѣми столами пили первый тостъ—за здоровье императора. Во второй разъ на столы поданы были однѣ сласти, при чемъ на столахъ императора и его высочества (то-есть, герцога Голштинскаго) перемѣнили скатерти (которыхъ накрыто было двѣ, одна на другую), салфетки, ножи и вилки. Въ то же время отданъ былъ народу большой жареный быкъ, стоявшій передъ дворцомъ среди площади, на высокомъ, обитомъ краснымъ холстомъ, помостѣ, на

Digitized by Google

который со всѣхъ сторонъ вели ступени. По обѣимъ сторонамъ его стояли два фонтана, которые били вверхъ краснымъ и бѣлымъ виномъ, нарочно проведеннымъ, посредствомъ трубъ, съ высокой колокольни Ивана Великаго подъ землю и потомъ прямо въ фонтаны, для сообщенія имъ большей силы. Народъ и солдаты веселились при этомъ на славу, и его величество императоръ самъ нѣсколько времени съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ изъ оконъ, радуясь въ то же время случаю, который позволилъ ему наконецъ встать на нѣсколько минутъ и освободиться отъ долгаго сидѣнья. Онъ самъ обнаружилъ это, сказавъ, что продолжительное и уединенное сидѣнье за обѣдомъ, должно быть, выдумано въ наказаніе большимъ господамъ. Когда государь сѣлъ опять въ свое кресло, начали пить и за здоровье императрицы. Послѣ того ихъ величества встали, и всѣ сидѣвшіе за столами послѣдовали ихъ примѣру. Весь обѣдъ продолжался около двухъ часовъ. Черезъ полчаса ихъ величества въ прежнемъ порядкѣ вышли изъ обѣденной залы, и герцогъ провелъ императрицу до ея комнаты".

Коронаціонный день окончился иллюминаціей Москвы.

На другой день, 8 мая утромъ, императрица въ кремлевскомъ дворцѣ принимала, въ торжественной аудіенціи, оффиціальныя поздравленія по поводу совершившагося коронованія. Поздравленіе приносили герцогъ Голштинскій, иностранные министры и всѣ знатнѣйшія русскія духовныя и свѣтскія особы. Государыня сидѣла на тронѣ, окруженная съ одной стороны сенаторами, генералами и другими знатными лицами, а съ другой дамами. Послѣ герцога и его свиты подводимы были къ трону и цѣловали руку государыни сначала всѣ иностранные министры, потомъ царевны, за ними всѣ знатныя дамы и кавалеры, и наконецъ такъ же нѣкоторые иностранные купцы. Въ числѣ поздравителей находился и самъ императоръ. Онъ, какъ генералъ и полковникъ гвардіи, по порядку старшинства принесъ свое поздравленіе императрицѣ, поцѣловавъ ее въ руку и въ губы.

По окончаніи этой церемоніи, вечеромъ, государыня оставила Кремль и проѣхала черезъ весь городъ въ Преображенскій дворецъ. Императоръ уѣхалъ изъ Кремля еще вечеромъ въ день коронаціи.

10 мая императрица въ кремлевскомъ дворцѣ снова принимала поздравленія отъ лицъ, неуспѣвшихъ исполнить это

Digitized by Google

раньше. Въ этотъ же день во дворцѣ состоялся обѣдъ, а вечеромъ происходило большое торжество, и въ заключеніе сожженъ былъ великолѣпный фейерверкъ. Не думаю, говоритъ Берхгольцъ, чтобъ бывало на свѣтѣ много подобныхъ ему.

11 мая, поутру, повѣщено было съ барабаннымъ боемъ, чтобы къ полудню всѣ верейки и боты собрались на назначенномъ мѣстѣ, потому что императору хотѣлось со всѣмъ дворомъ и нѣкоторыми вельможами повеселиться за городомъ и предпринять поѣздку водой вплоть до стараго царскаго дворца въ селѣ Коломенскомъ.

Въ Походномъ журналѣ этого дня отмѣчено, что „его императорское величество и ея величество государыня императрица, и ихъ высочества государыни цесаревны, и всѣ министры и духовныя особы путь воспріяли въ Коломенское; и его императорское величество и ея величество и министры ночевали подъ Кожуховымъ, на лугу, въ шатрахъ, а ихъ высочества поѣхали прямо въ Коломенское".

12 мая императоръ поѣхалъ изъ Кожухова водой; кушалъ подъ Перервой и прибылъ въ Коломенское. Въ этотъ же день прибылъ туда и герцогъ Голштинскій.

14 мая, въ день Вознесенія, императорская фамилія послѣ обѣда возвратилась изъ Коломенскаго въ Москву, а 16 закончились и всѣ торжества коронаціи. За всѣ эти дни сожжено было нѣсколько фейерверковъ, даны были маскарады, театральныя представленія и различныя другія увеселенія. Въ то же время императоръ изливалъ свои милости на подданныхъ, соразмѣрно заслугамъ и положенію каждаго.

16 іюня, утромъ, императоръ выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, а 21, оправившись послѣ болѣзни, послѣдовала за нимъ и императрица.

Такъ совершилось въ Москвѣ первое императорское коронованіе и вмѣстѣ первое коронованіе супруги Русскаго государя.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Григорій Георгіевскій.

Digitized by Google

НЕРВОЗЪ ЭТЬЕНЕТТЫ.

Разсказъ **Жака Нормана.**

(Переводъ съ французскаго **Е. М. Поливановой**).

I.

Подобно всякой парижанкѣ, которая уважаетъ себя, хорошенькая г-жа Шамбле страдала нервозомъ, маленькимъ, ничтожнымъ, ничуть не опаснымъ, но все же нервозомъ. Медицинскій факультетъ, спрошенный въ лицѣ одного изъ своихъ самыхъ славныхъ представителей, объявилъ, что эта молодая женщина нервозна, нервопатична или же истерична, какъ хотите.

Въ чемъ собственно состоялъ этотъ нервозъ, г-жа Шамбле въ точности опредѣлить этого не умѣла, такъ какъ болѣзнь, по общему опредѣленію, главнымъ образомъ, заключалась въ безконечной разновидности болѣзненныхъ явленій.

То у нея появлялась непреодолимая сонливость, особенно послѣ двухъ, трехъ баловъ кряду; то она страдала неваренiемъ желудка, преимущественно послѣ обѣдовъ двѣнадцати въ гостяхъ; то она становилась до крайности раздражительна, особенно если портниха портила ей платье; то ею овладѣвала ничѣмъ необъяснимая зѣвота въ театрѣ, преимущественно по вторникамъ, когда исполнялись классическія вещи.

— Въ сущности только все это, говорила со вздохомъ миловидная Этьенетта, но этого достаточно, чтобъ отравить всю жизнь!

Она рѣшила энергически приняться за свое лѣченіе. Ей была предписана гидротерапія: въ нынѣшнее время все лѣчатъ хо-

Digitized by Google

лодною водой! Г-жа Шамбле начала курсъ лѣченія у доктора Дюбардона, стоявшаго во главѣ большаго водолѣчебнаго заведенія въ кватралѣ Монсо.

Знаменитый врачъ принялъ молодую женщину съ обычною ему любезностью и, тихонько похлопывая ее по рукѣ, проговорилъ:

— Понялъ, понялъ... Нервы ваши излѣчимъ, ручаюсь вамъ.

Г-жа Шамбле была препровождена въ отдѣленіе для душей. Со своимъ нѣжно-смягченнымъ свѣтомъ, со своими легкими колонками, со своими блестящими, какъ золото, кранами, со своимъ бѣлымъ мраморнымъ бассейномъ, зала, гдѣ находились души, являла собой истинный храмъ богини Гидротерапіи.

Новая паціентка доктора Дюбардона скоро ознакомилась со всѣми наслажденіями воды горячей, теплой и холодной; она извѣдала и пріятность перекрестныхъ струй, и грубость большихъ обливаній сверху, и рѣзкія разнообразія шотландскаго душа.

Каждое утро, какая бы ни была погода, просто одѣтая и сопровождаемая своимъ чернымъ пуделемъ въ серебряномъ ошейникѣ, она пѣшкомъ отправлялась къ Дюбардону. Пять минутъ на раздѣваніе, двѣ минуты душъ, десять минутъ на одѣваніе, и она быстрыми шагами для возбужденія реакціи спѣшила къ себѣ домой. Ничто бы не было въ состояніи воспрепятствовать ей въ этой утренней прогулкѣ. Когда она говорила: „Мой душъ!“ или „Я иду брать душъ!“ чувствовалось, что это дѣло касается чего-то очень серіознаго, почти благоговѣйнаго.

Ея настойчивость была вознаграждена только отчасти. Послѣ шести мѣсяцевъ лѣченія отъ нервоза своего она все-таки не излѣчилась. Онъ только измѣнилъ свою форму. И это уже былъ прогрессъ, но крайне незначительный. Теперь ее особенно смущали гости: ей все время представлялось, что она начнетъ говорить вещи невозможныя, странныя, можетъ быть дерзкія. Она трепетала при мысли вдругъ сдѣлаться похожей на эту бѣдную г-жу X...., которая лаетъ, или на г-жу Z...., которая не могла сказать трехъ фразъ кряду, чтобъ ни съ того ни съ сего не начать повторять: „Шалунъ! шалунъ! шалунъ!“

Она вообразила себѣ также, что она не въ состояніи проходить черезъ площадь или оставаться одна въ комнатѣ, не чувствуя, что ей валится на голову потолокъ... „Агорофобія и клаустрофобія одновременно“, съ любезностью опредѣляли врачи. Что же касается до неопреодолимой зѣвоты, то она продолжала упорствовать по-прежнему, но теперь она нападала на Этье-

Digitized by Google

нетту не по вторникамъ во французскомъ театрѣ, а по пятницамъ въ оперѣ. Простое перемѣщеніе, вотъ и все. Въ дѣйствительности же, все та же мука, все та же нестерпимая жизнь. Истинная пытка!

Этьенетта совѣтывалась съ тремя свѣтилами науки. Оказалось три различныхъ совѣта: одинъ врачъ предписывалъ ей поѣздку въ Дивонну, другой въ Рагацъ, третій въ Нерисъ. Четвертое свѣтило, къ которому она обратилась для провѣрки остальныхъ, рѣшилъ: Нерисъ. Всѣ колебанія рушились: скорѣе, скорѣе въ путь!

Въ сопровожденіи своей преданной горничной Бернардины г-жа Шамбле прибыла въ Нерисъ въ іюлѣ. Жара стояла невыносимая. Этьенетта стала бороться противъ нея ваннами, ваннами чрезвычайно продолжительными. Сперва она сидѣла въ ваннѣ полчаса, потомъ часъ, потомъ полтора часа! И вдругъ новый нервный страхъ мало по малу началъ овладѣвать ею: ей стало представляться, что она можетъ растаять въ водѣ, какъ какой-нибудь кусочекъ сахара, растаять живо, незамѣтно... и вдругъ трр!.. и нѣтъ больше Этьенетты!

Первые дни своего пребыванія здѣсь она употребляла на то, что мѣняла по нѣскольку разъ въ день платья и шляпы, а вечера проводила въ Казино. Понемножку она познакомилась съ нѣсколькими купальщиками. Стали устраиваться прогулки. Она досконально изучила всю страну, страну довольно жалкую, всю изрѣзанную холмами и заборами. По дорогамъ расхаживали стада гусей, которые громко гоготали, широко разставляя свои перепончатыя лапы, вытягивая впередъ свои оранжевые клювы и тараща свои круглые глаза. По вечерамъ въ сторонѣ Монмосона, фабричныя трубы чернѣлись на небѣ, пламенѣвшемъ красивымъ заревомъ заката.

Этьенетта любила и животныхъ, и природу; однако, послѣ цѣлаго мѣсяца глядѣнья на солнечные закаты и стада гусей, она не безъ удовольствія вернулась въ Парижъ по окончаніи курса своего лѣченія.

Разумѣется, она добилась нѣкотораго улучшенія въ состояніи своего здоровья, но улучшенія самаго ничтожнаго! Видимо, водянаго лѣченія было недостаточно, необходимость лѣченія хорошимъ цѣлебнымъ воздухомъ представлялась сама-собою. Воздухъ, подобно водѣ, является однимъ изъ существеннѣйшихъ двигателей современной терапевтики. Выборъ въ данномъ случаѣ палъ

Digitized by Google

на Сенъ-Морицъ въ Энгодинѣ, находящійся на высотѣ 1.800 метровъ надъ уровнемъ моря.

Этьенетта вздохнула и приказала Бернардинѣ укладываться.

— Когда же я наконецъ буду здорова! воскликнула она съ отчаяніемъ.

II.

Была-ли она дѣйствительно больна? И если она дѣйствительно была больна, то происходилъ-ли ея нервозъ отъ чисто физическихъ причинъ?

Еслибъ Этьенетта съ полною добросовѣстностью поставила себѣ этотъ вопросъ, то была бы вынуждена отвѣтить на него отрицательно. Ея истиннымъ недугомъ, или вѣрнѣе причиной всѣхъ ея недуговъ, была скука. И скука эта олицетворялась въ особѣ г. Жоржа Шамбле, ея супруга.

Это былъ добрый малый, лѣтъ сорока, бѣлокурый, крѣпкаго сложенія, съ вѣчно сіяющимъ лицомъ, столь же сангвинически-уравновѣшанный, насколько Этьенетта была нервна и порывиста. Лишь бы ему совершать свою верховую прогулку по утру въ Булонскомъ лѣсу, играть между 5 и 7 часами въ какую-нибудь игру въ клубѣ, не слишкомъ часто бывать въ гостяхъ и театрѣ, ложиться спать не позже 12 часовъ, путешествовать какъ можно меньше,—и онъ чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ. Главною его страстью были книги, и страсть эта была вполнѣ безобидная. Мало-по-малу онъ собралъ себѣ превосходную библіотеку, которая, впрочемъ, щеголяла скорѣе красотой переплетовъ, чѣмъ выборомъ самихъ книгъ, такъ какъ онъ покупалъ безъ разбора все, что только выходило новенькаго. Одинъ новый книгопродавецъ, подмѣтивъ его манію, принялъ на себя обязанность снабжать его всѣми новостями литературы, заставляя его тратиться на самыя дорогія изданія и, по его словамъ, на всевозможныя библіофильскія рѣдкости.

Ежедневно послѣ завтрака Шамбле закуривалъ трубку, отправлялся въ свою библіотеку и любовался своими книгами. Взобравшись на складную лѣсенку, онъ перебиралъ книги одну за другою, сдувалъ съ обрѣза пыль, любовно проводилъ рукою по корешку, хлопалъ переплетомъ, приложивъ руку, большимъ пальцемъ быстрыми движеніями перелистывалъ каждую книжку,

Digitized by Google

образуя страницами подобіе вѣера, и затѣмъ заботливо снова ставилъ на полку каждую книгу... никогда ее не читая. Что дѣлать? хотя онъ учился, какъ и всѣ, но особеннымъ любителемъ литературы онъ себя не чувствовалъ. За исключеніемъ газетъ, общераспространенныхъ романовъ да обязательныхъ для всѣхъ журналовъ онъ не читалъ ничего, или почти что ничего. Онъ видѣлъ, что количество его книгъ все возрастаетъ, зналъ, что онѣ тутъ у него подъ рукой, всѣ хорошо разставлены, всѣ какъ слѣдуетъ занесены въ каталогъ,—и этого съ него было достаточно. Его любовь къ книгамъ была чувствомъ чисто платоническимъ.

Совсѣмъ не таковы были его чувства къ Этьенеттѣ, которую онъ любилъ нѣжно и положительно. Если онъ не испытывалъ къ ней несовмѣстной съ его природой романтической страсти, зато чувство его къ ней было прочное, вполнѣ обезпеченное отъ какихъ бы то ни было увлеченій, какъ юношескихъ, такъ и зрѣлаго возраста!

Будучи несравненно богаче ея, онъ женился на ней единственно по любви, и любовь его къ ней продолжала оставаться неизмѣнною. Онъ постоянно окружалъ ее одинаковыми внимательностью и заботливостью, предупреждая ея малѣйшія желанія и предоставляя ей ту драгоцѣнную свободу, которая вмѣстѣ съ мужемъ иногда, съ дѣтьми часто, а съ брилліантами всегда, составляетъ въ глазахъ молодой дѣвушки самое завидное преимущество замужества. И Шамбле предоставлялъ полную свободу Этьенеттѣ не по равнодушію къ ней, а по чувству къ ней полнаго довѣрія. Да, онъ вѣрилъ Этьенеттѣ, считалъ ее непослѣдовательною, сумасбродною, но совершенно неспособною на какой-либо дѣйствительный проступокъ. И онъ не ошибался, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ; однако, когда женщина начинаетъ скучать...

Въ сущности, почему эта скука? И какой упрекъ могла бы Этьенетта сдѣлать этому чудесному товарищу своей жизни? Она бы очень затруднилась отвѣтить на это. Скука есть чувство какое-то неопредѣленное, развѣ возможно подвергнуть его вполнѣ точному изслѣдованію? Тѣмъ не менѣе старательно отыскивая противъ мужа обвиненія, она упрекала его въ томъ, что онъ относится къ ней недостаточно серіозно, считая ее черезъ-чуръ ребенкомъ. Какъ будто легко было проникнуться чувствомъ почтенія къ этому вѣтреному, неуловимому созданію, исполненному всевозможныхъ причудъ!

Digitized by Google

Затѣмъ Этьенетта ставила своему мужу упрекъ чисто литературнаго свойства. Она упрекала его въ отсталости, въ отсутствіи воспріимчивости къ чему бы то ни было новому. Развѣ онъ самъ не осмѣливался признаваться въ томъ, что ему еще доставляетъ удовольствіе чтеніе произведеній Дюма-отца? что въ романѣ ему нужна исторія съ началомъ, серединой и концомъ, и при томъ исторія все время интересная? Что за жалкое пониманіе искусства! Она, наоборотъ, наслаждалась только самыми новѣйшими произведеніями современной литературы. Въ поэзіи она обожала стихи, въ которыхъ слишкомъ много стопъ и слишкомъ мало рифмъ, словомъ стихи ультра-декадентскіе. Ея любимыми писателями по части прозы были ново-мистики, преисполненные какихъ-то пареній, томныхъ экстазовъ, всякихъ умиленныхъ чувствованій. Съ искреннимъ желаніемъ проникнуться ихъ красотами, Шамбле, по настоянію жены, пытался читать рѣдкостныя произведенія ея любимцевъ. Тщетное усердіе! Онъ всегда засыпалъ на 20 страницѣ. „Нѣтъ! съ нимъ положительно ничего не подѣлаешь!“ вздыхала она, отбирая у него книгу. И едва замѣтное пожатіе ея плечиковъ свидѣтельствовало о глубинѣ ея литературнаго презрѣнія къ человѣку, съ которымъ она соединила свою жизнь.

Было у нея еще и третье недовольство противъ мужа, недовольство, возникнувшее совсѣмъ недавно и чрезвычайно странное. Однимъ февральскимъ вечеромъ, когда дулъ столь тягостный для невропатовъ сѣверный вѣтеръ, Этьенетта возвращалась домой къ обѣду. Она сдѣлала десять визитовъ, поднялась на тридцать этажей, примѣрила два платья. Всѣ нервы ея были натянуты; она была въ самыхъ разстроенныхъ чувствахъ; это былъ одинъ изъ ея худшихъ дней. Влетѣвъ какъ вихрь въ кабинетъ мужа, она застала его сидящимъ у камина и мирно читающимъ газеты. Онъ былъ въ туфляхъ, туфляхъ ей незнакомыхъ, которыя онъ надѣлъ сегодня въ первый разъ. Эта подробность ее поразила. Этотъ новый предметъ, къ которому не привыкли ея глаза, былъ ей нервно непріятенъ.

— На васъ новыя туфли? проговорила она, снимая перчатки и шляпу.

— Да. Не правда-ли, какія славныя?

— Не нахожу.

Она сразу ихъ возненавидѣла. Усѣвшись противъ продолжавшаго свое чтеніе Шамбле, она опять заговорила:

Digitized by Google

— Вамъ это очень нравится?

— Что?

Она указала на туфли, произнести самое названіе которыхъ ей казалось ужаснымъ.

— Да, очень... а что?

— А то, что еслибъ ты былъ очень добръ... то ты не сталъ бы больше ихъ надѣвать!

Шамбле поднялъ глаза съ газеты.

— Опять причуда?

— Ты доставилъ бы мнѣ такое удовольствіе!

Въ первое мгновеніе онъ готовъ былъ согласиться. Онъ такъ нѣжно любилъ свою сумасбродку! Онъ ужь сдѣлалъ ей такое множество всякихъ уступокъ... Одною уступкой больше, одною меньше, не все-ли равно? Но нѣтъ, на этотъ разъ это ужь черезчуръ!

Его милыя туфли, въ которыхъ было такъ удобно и вовсе не скользко лазить по лѣсенкѣ въ своей библіотекѣ, чтобъ уставлять книги и смахивать съ нихъ пыль!.. И вдругъ лишить его ихъ!.. Нѣтъ, это значило бы посягнуть на его благосостояніе, болѣе того, на его собственное *я!* значило бы нанести ущербъ одному изъ жизненныхъ его наслажденій, правда, наслажденій вполнѣ второстепенныхъ, но ежедневное повтореніе подобныхъ ничтожныхъ наслажденій собственно и составляютъ прелесть жизни! А между тѣмъ туфли его вовсе не безобразны. Напротивъ, у него никогда не было болѣе красивыхъ туфель! Онѣ сдѣланы по самой послѣдней модѣ. Его сапожникъ увѣрялъ его, что онъ сшилъ множество такихъ туфель. Онъ называлъ громкія имена, даже титулы. Туфли были сдѣланы изъ прелестнаго цвѣта желтой кожи, а свѣжесть ихъ лакей долженъ былъ поддерживать смазкой бѣловатою жидкостью весьма мудренаго состава. Подошвы у нихъ были пробковыя, покрытыя тонкимъ слоемъ войлока съ граціозно загибавшимися кверху носками, что̀ въ общемъ придавало имъ видъ и чего-то турецкаго, и чего-то англійскаго: изящество здѣсь соединялось съ прочностью, Константинополь здѣсь соединялся съ Лондономъ, Золотой Рогъ съ Пиккадильи. И вдругъ отказаться отъ этихъ туфлей? Никогда!

Этьенетта просила, умоляла. Она охотно признавала, что фантазія ея была нелѣпа, просьба смѣшна. Безъ всякаго сомнѣнія, это—безуміе, но безуміе такое невинное, такъ легко его вполнѣ успокоить! Пусть онъ надѣваетъ все, что ему вздумается: бо-

Digitized by Google

тинки, штиблеты, лаковыя бальныя башмаки, деревянныя башмаки, лапти, высокіе сапоги, австрійскіе, русскіе, сапоги верховые, охотничьи, болотные; пусть онъ надѣнетъ все, все... даже другія туфли, только не эти, не *желтыя*, не эти ужасныя *желтыя* туфли, которыя ужасаютъ ее!

Шамбле не уступалъ. Онъ сознавалъ, что на сей разъ затронуто чувство его собственнаго достоинства. И ноги его въ тѣ же самые часы отдыхали въ тѣхъ же туфляхъ, а Этьенетта, глядя на нихъ, испытывала все ту-же пытку! Мало-по-малу непріятное впечатлѣніе стало превращаться въ какую-то мучительную неотступную мысль, въ манію. Такъ шло дѣло всю весну. Къ концу іюня она уже была не въ силахъ болѣе выносить этого состоянія... И такимъ образомъ однимъ іюльскимъ вечеромъ г-жа Шамбле уѣхала въ Швейцарію въ сопровожденіи своей вѣрной Бернардины, между тѣмъ какъ добрякъ Шамбле остался въ своихъ туфляхъ въ Парижѣ.

III.

Прошелъ мѣсяцъ. Недовольная Сенъ-Морицемъ, гдѣ постоянное движеніе воздуха доводило ее до безумнаго раздраженія, Этьенетта черезъ нѣсколько дней поселилась въ Понтразинѣ. Она жила здѣсь жизнью на открытомъ воздухѣ, жизнью альпійскою. То пѣшкомъ, то на мулѣ, она совершила всѣ главныя экскурсіи, которыя рекомендуются туристамъ въ качествѣ нетрудныхъ и неутомительныхъ; впрочемъ, она поднималась и на Пизъ Лангардъ, истинное путешествіе на высоту 3.200 метровъ надъ площадью Трувилля.

Положительно, высота приноситъ ей больше пользы, чѣмъ всякія холодныя воды д-ра Дюбардона или горячія воды въ Нерисѣ. Кровь съ большей быстротой обращается у нея въ жилахъ; она чувствуетъ чрезвычайную легкость, и ея хорошенькое личико покрывается болѣе живымъ румянцемъ. А какой у нея аппетитъ! Съ какимъ удовольствіемъ поглощаетъ она по утру чашку густаго молока, благоухающаго всѣми альпійскими цвѣтами, да въ добавленіе къ этому еще кушаетъ вкусные поджаренные сухарики!.. А что за сонъ у нея! Она и не запомнитъ, чтобъ со времени своего пребыванія въ монастырѣ она когда-либо такъ хорошо спала. Столь лѣнивая до сихъ поръ, она

Digitized by Google

поднимается съ зарей, чтобъ насладиться зрѣлищемъ чудной панорамы глетчеровъ, алѣющихъ при лучахъ утренняго солнца. Она начинаетъ сознавать и чувствовать всю прелесть ранняго утра, этихъ сладостныхъ мгновеній, когда отдохнувшее тѣло совершенно бодро и, еще не тронутое утомленіемъ дня, не составляетъ никакого бремени душѣ, не мѣшаетъ ей уноситься въ страну мечтаній и грезъ и наслаждаться ими.

Еще новое открытіе: совершенно неожиданно для самой себя она замѣчаетъ въ себѣ страстную любовь къ природѣ. Цѣлыми днями сидитъ она на террасѣ отеля и любуется красивыми очертаніями горъ, вершины которыхъ часто бываютъ окутаны облаками. Она понимаетъ, что въ мірѣ существуютъ и другія вещи, кромѣ аллеи акацій, ограниченной Монтъ-Валеріаномъ; понимаетъ, что за этими горами есть другія и еще другія горы, и долины, и равнины, и поля, и цѣлыя страны, и цѣлый обширный міръ, въ которомъ человѣческія существа рождаются, живутъ, страдаютъ и умираютъ, повинуясь вѣчному закону.

При этихъ мысляхъ нѣсколько смутной философіи ея маленькая головка успокаивается. Она сознаетъ, какъ ничтожна она, она, Этьенетта Шамбле, въ сравненіи съ этою подавляющею природой. Она говоритъ себѣ, что ея маленькія страданія, ея волненія, ея нервные приступы передъ природой ничтожнѣе самой малой песчинки; что, имѣя такъ мало времени прожить на землѣ, съ ея стороны очень глупо постоянно мучить самое себя; что среди людскихъ существъ, разбросанныхъ по поверхности земнаго шара, она пожалуй принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ можно всего менѣе жалѣть.

Да, всѣ эти мысли проходятъ въ ея головѣ, и для нея начинаетъ наступать успокоеніе какъ нравственное, такъ и физическое: теперь выздоровленіе близко, оно не замедлитъ вполнѣ воспослѣдовать. И зачѣмъ только случай занесъ въ Понтрезину поэта Октава Флорели, Флорели, автора *Трепетовъ*, одной изъ книжекъ со стихотвореніями, обратившими на себя наибольшее вниманіе минувшею весной въ Парижѣ?

Октавъ Флералъ,—потому-что имя Флорели было только его псевдонимомъ,—считался въ числѣ самыхъ модныхъ людей въ Парижѣ. Еще два года тому назадъ совершенно неизвѣстный писатель, онъ быстро составилъ себѣ имя въ новѣйшей литературѣ. Происхожденія онъ былъ болѣе нежели скромнаго. Онъ увидѣлъ свѣтъ въ пятомъ этажѣ въ Сенъ-Мартенскомъ пред-

Digitized by Google

мѣстьи, что̀ онъ, впрочемъ, тщательно скрывалъ. Первая его книжка послужила началомъ шумной и нездоровой репутаціи, а вслѣдъ затѣмъ въ одной изъ весьма распространенныхъ газетъ стали появляться его болѣе чѣмъ грязныя статьи. Скандальная дуэль изъ-за женщины окончательно создала ему положеніе. Мало-по-малу ему удалось пробраться въ свѣтъ. Принцъ Отрантскій подавалъ ему руку. Онъ былъ всюду принятъ. Весьма гибкій, весьма вкрадчивый, чрезвычайно практичный, онъ сдѣлался особой. Бывшій бродяга, любившій выпить въ кабачкѣ, онъ превратился въ корректнаго, даже черезчуръ корректнаго джентльмена. Одѣваясь слишкомъ хорошо, онъ какъ будто хотѣлъ наверстать потерянное время. Его говоръ, съ интонаціями парижскихъ предмѣстьевъ, и его выхоленныя, но вульгарной формы руки представляли какой-то странный контрастъ съ его крайне изящною манерой держаться, съ его чудесными галстуками и англійскими перчатками. Что же до его души, то она оставалась все та же, по существу своему самая посредственая, крайне честолюбивая, очень сухая, безгранично эгоистическая.

Этьенетта познакомилась съ Флорели всего черезъ нѣсколько дней по выходѣ въ свѣтъ его книжки *Трепеты*. Они встрѣтились у общихъ знакомыхъ на званомъ обѣдѣ. Зная объ этой встрѣчѣ заблаговременно и дабы быть на высотѣ положенія, Этьенетта купила книжку его произведеній. Она читала и перечитывала эти странные, курьезно безсвязные стихи, въ которыхъ самыя ничтожныя чувства разбирались съ тончайшей тщательностью, въ которыхъ самыя чувственныя ощущенія прикрывались столь же ловкимъ, сколько и туманнымъ мистицизмомъ. Она не особенно много поняла въ этихъ стихахъ, но вѣдь непонятное теперь въ модѣ, не правда ли?

Съ самаго же начала обѣда Флорели завладѣлъ вниманіемъ молодой женщины. Взоры ея съ благосклонностью останавливались на этомъ блѣдномъ, гладко выбритомъ лицѣ съ тонкими чертами, съ свѣтлыми, словно золотистыми глазами, глубоколежащими въ глазныхъ впадинахъ. Она замѣтила и изящное очертаніе его носа, и его густые, темные волосы, искусно раздѣленные проборомъ и пышно приподнимавшіеся на затылкѣ, и его совершенно своеобразный костюмъ, имѣвшій претензію быть во вкусѣ 1830 года. Со свойственнымъ Парижанкамъ чутьемъ, она тотчасъ же поняла, что если Флорели и есть „нѣкто“, то во всякомъ случаѣ не свѣтскій человѣкъ въ полномъ смыслѣ

Digitized by Google

этого слова; но въ этомъ она находила только еще одно лишнее обаяніе.

Поэтъ Флорели былъ далеко не блестящимъ собесѣдникомъ. Однако, когда разговоръ внезано перескочилъ отъ велосипеда къ живописи, то ледъ его растаялъ, и онъ заговорилъ о Бёрнѣ Джонсѣ, о Боттичелли и о художникахъ XIV столѣтія въ столько же восторженныхъ, сколько и неясныхъ выраженіяхъ. Этьенетта понятія не имѣла ни объ одномъ изъ этихъ художниковъ, но тѣмъ не менѣе поддерживала разговоръ ничего не говорящими фразами, вродѣ: „Конечно... Вы совершенно правы!.. Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе...“ подтверждая каждую фразу еще и утвердительнымъ движеніемъ своей хорошенькой, свѣтлокудрой головки.

Послѣ обѣда, когда мужчины закурили папиросы, разговоръ изъ общаго сдѣлался частнымъ, и Этьеннетта еще болѣе одобрительно стала кивать своею головкой. Когда она вскользь упомянула о своихъ нервныхъ недугахъ, Флорели тотчасъ же заговорилъ о своихъ нервныхъ страданіяхъ, потому что онъ также былъ невропатомъ.

Точно такъ же, какъ и у Этьенетты, въ его болѣзни не было ничего вполнѣ опредѣленнаго, но какое-то общее недомоганіе, совершенно особенное состояніе духа. Порою онъ испытывалъ ощущеніе пустоты въ головѣ, а въ ногахъ слабость, ахъ, но какую слабость!.. Въ желудкѣ же чувствовалась удивительная, необъяснимая тяжесть... А затѣмъ плохой сонъ, о, эта ужасная безсонница!.. Чтобы быть вполнѣ правдивымъ, ему слѣдовало бы прибавить, что вся эта масса недуговъ обрушивалась на него главнымъ образомъ тогда, когда онъ узналъ объ успѣхѣ какого-нибудь своего собрата. Въ подобныхъ случаяхъ приступы болѣзни были внезапны, но ужасны, особенно мучительны потому, что онъ не желалъ сознаться самому себѣ въ причинѣ своего недуга.

И такимъ образомъ между Этьенеттой и имъ составился дуэтъ о печали жизни, о тревогахъ психологическихъ и физіологическихъ, опасеніяхъ, страхахъ, разочарованіяхъ, и безконечномъ сонмѣ человѣческихъ страданій...

Возвращаясь вечеромъ въ каретѣ вмѣстѣ съ мирнымъ Шамбле по Булонскому лѣсу, кишащему всевозможными экипажами, Этьенетта мечтала. Она снова видѣла передъ собой молодаго поэта, его блѣдное, ярко освѣщенное лицо, его худыя, матовой

Digitized by Google

бѣлизны руки; ей слышался снова среди цыганскихъ вальсовъ его нѣсколько глухой, но пріятный голосъ, говорившій такія правдивыя истины... Да, вотъ, наконецъ, человѣкъ, который понималъ ее!.. вотъ, наконецъ, истинно родственная душа!

Со времени этого обѣда въ Арменонвиллѣ Этьеннетта не имѣла болѣе случая видѣться съ Флорели, но она часто думала о немъ. Со свойственной романтическимъ женщинамъ способностью создавать себѣ въ воображеніи различные образы, она мало-по-малу создала себѣ изъ поэта идеалъ. И, такимъ образомъ, когда однажды она неожиданно столкнулась съ нимъ лицомъ къ лицу на улицѣ, въ Понтрезинѣ, то ощутила истинное волненіе.

У молодаго же поэта сохранилось о ней лишь какое-то весьма смутное воспоминаніе. Узнавъ ее, онъ почувствовалъ лишь пріятное ощущеніе увидѣть хорошенькое женское личико, видѣнное въ Парижѣ и являющееся теперь въ совершенно иной рамкѣ.

— Г-жа Шамбле! вы — здѣсь? По всей вѣроятности, изъ-за вашихъ бѣдныхъ нервовъ?

— Да, лѣчусь горнымъ воздухомъ.

— Я также. Только что пріѣхалъ.

— Вы увидите... эта жизнь на свѣжемъ воздухѣ дѣлаетъ просто чудеса. Мой докторъ человѣкъ геніальный.

И разговоръ ихъ былъ продолженіемъ ихъ бесѣды въ Арменонвиллѣ. Они разсказывали другъ другу о своихъ болѣзняхъ, страданіяхъ, которыя съ каждымъ днемъ становились все болѣе сходными. О, что за множество всякихъ точекъ соприкосновенія! Этьенетта въ дѣйствительности чувствовала себя несравненно лучше и сначала искренно въ этомъ призналась, но развѣ возможно совсѣмъ перестать быть нервною? Когда она заявила объ улучшеніи состоянія своего здоровья, то во взорѣ Флорели, какъ ей показалось, мелькнуло выраженіе почти порицающаго недоумѣнія... Она уже болѣе не нервозна, она, Этьенетта?.. Нѣтъ. это невозможно! Это почти что какое-то нравственное паденіе! И мало-по-малу, черезъ десять мннутъ разговора, она уже дошла до того, что стала утверждать, да и сама уже успѣла въ этомъ убѣдиться, что пребываніе въ возвышенной мѣстности не принесло ей ни малѣйшей пользы, ни малѣйшей, никакой! Она чувствовала себя такъ же плохо, какъ и при своемъ прибытіи, и никогда не поправится. Что же до ея доктора, то онъ смыслитъ столь же мало, какъ и всѣ другіе врачи: онъ оселъ, настоящій

Digitized by Google

оселъ! Впрочемъ, медицина нисколько впередъ не двигается, между тѣмъ какъ хирургія—совсѣмъ дѣло иное!

Флорели пѣлъ ей въ тонъ. Онъ находился какъ разъ въ припадкѣ грусти. Какой-то его собратъ, изъ вовсе неизвѣстныхъ до сихъ поръ писателей, осмѣлился издать книжку *Мимолетныя мысли*, которая въ сущности была лишь плоскимъ подражаніемъ его *Трепетамъ*, но которая пользовались почти равнымъ успѣхомъ съ его собственнымъ произведеніемъ. Обстоятельство это вызвало острый приступъ его болѣзни; онъ и теперь еще чувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ.

Между этими двумя жертвами злого рока чрезвычайно быстро установилась большая близость, благопріятствуемая близкимъ сосѣдствомъ. Живя въ одномъ и томъ же отелѣ, Этьенетта и Флорели безпрестанно видались между собою. Въ Понтрезинѣ, переполненной Англичанами и Нѣмцами, замѣчается отсутствіе французскаго элемеита: Французы предпочитаютъ болѣе свѣтскій и болѣе элегантный Сенъ-Морицъ. Слѣдовательно знакомства мало, свобода полная. Они вдвоемъ совершали экскурсіи, сдѣланныя раньше Этьенетой въ одиночествѣ, предпринимали и экскурсіи новыя. Они были вмѣстѣ съ самаго утра, были вмѣстѣ вечеромъ за *table d'hote*'омъ и затѣмъ еще позднѣе сидѣли на верандѣ отеля, глядя на небо и звѣзды... Словомъ, черезъ нѣсколько дней эти двѣ родственныя души сдѣлались неразлучными, а развязка, которую возможно было предвидѣть, была та, что Этьенетта сильно увлеклась Флорели.

Какой бы опасности могъ подвергаться бѣдный Шамбле, еслибъ чувство ея раздѣлялось. Къ счастью для него авторъ *Трепетовъ* трепеталъ только въ своихъ стихахъ. А затѣмъ постоянная забота о своемъ слабомъ здоровьи дѣлала его въ высшей степени бережливымъ по отношеніи къ чувству любви. Онъ пріѣхалъ сюда отдыхать, дышать воздухомъ, пить молоко, жить растительной жизнью. Какъ бы прелестна она ни была, интрига была ему вовсе не по вкусу. Такимъ образомъ онъ видѣлъ въ Этьенеттѣ лишь очень милую спутницу въ странствованіяхъ по горамъ, очень пріятную хорошенькую женщину, которая, повидимому, восхищалась въ немъ всѣмъ, столько же его талантомъ, сколько и его внѣшностью. Впрочемъ, развѣ не рѣдкостный по своей пріятности выпалъ ему на долю случай—на подобной высотѣ встрѣтить такое заманчивое развлеченіе, какъ оригинальный маленькій флиртъ? Воскурять себѣ фиміамъ онъ позволялъ не

Digitized by Google

только съ благосклонностью, но даже съ удовольствіемъ. Что же до любви или даже до простаго влеченія, то онъ объ этомъ и не помышлялъ.

Но мало-по-малу лѣченіе горнымъ воздухомъ возъимѣло и на него свое воздѣйствіе. Читая однажды утромъ хвалебную статью одному изъ своихъ собратовъ, онъ былъ крайне удивленъ тѣмъ, что не почувствовалъ обычной схватки въ горлѣ и вкуса горечи во рту, который онъ обыкновенно ощущалъ въ подобныхъ случаяхъ. Положительно состояніе его здоровья улучшилось.

Когда такимъ образомъ его эгоизмъ нѣсколько успокоился, онъ пересталъ вглядываться въ самого себя, чтобъ поглядѣть вокругъ. Онъ восхищался горами, сверкающимъ блескомъ бѣловатыхъ глетчеровъ, чудными озерами, романтичными какъ озера какихъ-нибудь легендъ; словомъ, восхищался всею природой Энгадины, природой совсѣмъ особенной, гдѣ альпійскія рѣзкости смягчаются ласками почти итальянскаго неба. Онъ любовался всѣмъ этимъ, а еще болѣе любовался глазами Этьенетты, столь же синими, какъ воды озеръ, ея шелковистыми золотистыми подъ лучами солнца волосами, ея задорнымд носикомъ, ея тонкимъ гибкимъ станомъ.

Какъ ни стремись разыгрывать мудреца, близость хорошенькой женщины всегда тревожно дѣйствуетъ на молодого человѣка, какъ бы ни былъ онъ благоразуменъ и какъ бы безчувственъ онъ ни желалъ быть. Совершенно незамѣтно Флорели дошелъ до того, что, если не полюбилъ Этьенетту, то все же сталъ испытывать къ ней нѣкоторое чувственное влеченіе.

Сидя рядышкомъ въ узенькомъ легкомъ экипажѣ, употребляемомъ въ Энгадинѣ, они отправились однимъ утромъ на Грюмъ, въ одну изъ самыхъ очаровательныхъ и въ то же время самыхъ нетрудныхъ экскурсій. Несмотря на то, что стоялъ іюль мѣсяцъ, было довольно свѣжо, и въ воздухѣ порхали по временамъ снѣжные хлопья; но въ этой странѣ воздухъ такъ удивительно пріятенъ, что ощущенія холода почти не существуется. Наоборотъ, даже почти наслажденіе чувствовать прикосновеніе къ лицу бѣлыхъ тотчасъ-же таящихъ снѣжинокъ, оставляющихъ послѣ себя быстро преходящее ощущеніе вродѣ едва замѣтныхъ ожоговъ. Чувствуется, что вмѣстѣ съ легкимъ прикосновеніемъ этихъ снѣжинокъ въ васъ вливается здоровье, вливается къ вамъ въ легкія, въ кровь, во все ваше существо.

Послѣ продолжительнаго и восхитительнаго подъема съ видомъ

Digitized by Google

на глетчеръ Мортерагъ, они добрались до Бернины. Здѣсь, въ огромной еловой залѣ со звонкимъ поломъ, они весело позавтракали за столомъ, за которымъ сидѣло нѣсколько другихъ путешественниковъ. Обѣ родственныя души ощущали чрезвычайный аппетитъ. Они вполнѣ сдѣлали честь и скромному столу, и прелестному мѣстному вину, искрившемуся въ маленькихъ графинчикахъ съ высокимъ узкимъ горлышкомъ. Затѣмъ, сѣвъ каждый на отдѣльнаго мула, они двинулись къ Альпъ-Грюму, куда и прибыли при ясной погодѣ и свѣтломъ небѣ.

Сойдя съ своихъ муловъ, они опустились другъ возлѣ друга на траву и безмолвно предались созерцанію.

Въ этой обширной рамкѣ сосредоточивалось все величіе и вся поэзія этой горной области. Справа, отдѣленный узкою долиной, волнообразно поднимался глетчеръ Палю, окутанный бѣлою пеленой, тамъ и сямъ прорѣзанной вершинами темныхъ утесовъ. На синевѣ неба отчетливо вырисовывались ледяные зубцы, словно вырѣзанные ножомъ. А тамъ въ глубинѣ, въ далеко—далеко сверкающимъ пятномъ блестѣло маленькое озерцо Носкіаво, а еще дальше виднѣлась словно одѣтая дымкой Вальтелинская долина. Все было спокойно, въ воздухѣ не было ни малѣйшаго вѣтерка. Торжественная нагорная тишина нарушалась лишь однообразнымъ звономъ колокольчиковъ въ стадѣ. Позади путниковъ ихъ проводники тихонько разговаривали между собою на мѣстномъ нарѣчіи. А въ высотѣ, надъ ихъ головами, парили орлы.

Долгое время Этьенетта и Флорели оставались безмолвны. Они испытывали ощущеніе, будто они совершенно одни въ цѣломъ мірѣ. Для нихъ однихъ природа была такъ величественна и такъ прекрасна, солнце такъ ярко, воздухъ такъ чистъ. Соединяя ихъ въ этомъ заброшенномъ уголкѣ громадной вселенной, развѣ сама судьба не говорила, что они должны принадлежать другъ другу, что ихъ жизни, до сихъ поръ раздѣльныя, должны слиться между собою?

Романтическая и искренняя Этьенетта смотрѣла на этотъ союзъ, какъ на полное самоотреченіе, увлеченіе преданностью и самопожертвованіемъ; Флорели же видѣлъ въ немъ лишь сильное удовлетвореніе самолюбія, счастье, котораго безъ сомнѣнія онъ считалъ себя вполнѣ достойнымъ, но которое онъ никакъ не могъ предполагать столь великимъ и столь близкимъ, рѣдкимъ благополучіемъ, которымъ онъ охотно готовъ былъ воспользоваться и которое разумѣется будетъ продолжаться... нѣкоторое время.

Digitized by Google

Но въ данную минуту ни одинъ изъ нихъ не занимался изслѣдованіемъ своего чувства. Ихъ соучастницей была природа; она захватила ихъ, пьянила ихъ, сливала ихъ. И Флорели, нарушивъ безмолвіе, трепетнымъ голосомъ тихо прошепталъ:

Этьенетта!

Впервые названная имъ такъ, по имени, молодая женщина вздрогнула; легкая краска выступила у нея на лицѣ, рѣсницы ея опустились,—и вдругъ неожиданно:

— Другъ мой! прошептала она, не отнимая у него своей руки, которою онъ завладѣлъ.

Въ это самое мгновеніе, съ трубкой въ зубахъ взобравшись на свою лѣсенку въ библіотекѣ, добрякъ Шамбле старательно смахивалъ пыль съ рѣдкостнаго экземпляра книги *Опасныя связи* и затѣмъ, не читая ея, снова заботливо уставлялъ ее на полку.

IV.

— Умоляю васъ!

— Нѣтъ! нѣтъ!

— Но вѣдь я люблю васъ!

— Вотъ такъ основаніе... Надобно бы, чтобъ и я васъ также любила.

— А вы меня не любите?

— Я очень восхищаюсь вами, чувствую къ вамъ симпатію...

— Мнѣ нужно бо́льшаго!

— Не настаивайте, а то я разсержусь!

— Это такъ не трудно, о чемъ я васъ прошу!

— Вы находите?

— Никто не догадается... Моя большая дверь выходитъ прямо въ садъ, въ уровень съ землею... она будетъ отперта...

— Вы съ ума сошли!

— Простое дружеское посѣщеніе... Вамъ опасаться нечего... Вы для меня святыня... Лишь только пасть къ вашимъ ногамъ! сохранить, по вашемъ уходѣ, воспоминаніе о небесномъ видѣніи, о чудной волшебницѣ, воспоминаніе, которое все освѣтитъ лучезарнымъ блескомъ...

— Повторяю вамъ...

Digitized by Google

— Кто поручится намъ въ томъ, что этотъ блаженный день для насъ не послѣдній? Можетъ быть завтра насъ ожидаетъ неизвѣстное, невѣдомое... Между тѣмъ какъ сегодня въ этотъ чудный вечеръ, при таинственныхъ лучахъ луны... О, Этьенетта! Этьенетта!

— Осторожнѣе! идутъ!

Въ концѣ террасы появилась парочка: молодой корректный англичанинъ съ сигарой въ зубахъ и съ цвѣткомъ въ петличкѣ и молоденькая миссъ въ свѣтломъ платьѣ съ цвѣтами въ волосахъ. Какой-нибудь флиртъ, разумѣется. Они сѣли и стали шепотомъ разговаривать. Секунду спустя новая парочка молодыхъ англичанъ, еще и еще... Вскорѣ тамъ и сямъ по террасѣ, занятой англичанами, раздался шепотъ голосовъ, сдержанный смѣхъ, къ которому присоединились звуки отдаленнаго вальса, исполнявшагося на фортепіано въ салонѣ. Настоящая симфонія флирта въ мажорномъ тонѣ передъ одѣтыми туманомъ безстрастными горами. Въ амбразурахъ высокихъ оконъ мелькали тѣни слугъ, убиравшихъ посуду съ *table de hôte'a*.

Наклонившись еще ближе, Флорели продолжалъ шептать еще нѣжнѣе:

— Нѣтъ! вы не можете такъ меня отталкивать... Любовь законъ жизни... Взгляните вокругъ... Прислушайтесь къ этимъ сердцамъ, которыя бьются, посмотрите на эти уста, которыя шепчутъ такія сладостныя рѣчи... Неужели у васъ хватитъ жестокости отказать мнѣ въ одномъ блаженномъ мгновеніи, котораго я прошу у васъ...

— Не настаивайте, мой другъ...

— Стало быть никогда, никогда!

Лихорадочнымъ движеніемъ онъ схватилъ ея руку и поднесъ къ своимъ губамъ. Она быстро вскочила:

— Нѣтъ! Вы съума сошли... мы оба безумны... это невозможно...

— Вы уходите отъ меня?

— Я совершенно разбита отъ утомленія... До завтра!

Она видимо была сильно взволнована. Человѣкъ болѣе влюбленный и менѣе тщеславный, чѣмъ Флорели, не сталъ бы настаивать. Онъ удовольствовался бы этою первою побѣдой, преддверіемъ полнаго торжества. Но самолюбіе Флорели играло первенствующую роль. Избалованный мелкими побѣдами, онъ надѣялся на болѣе быструю развязку. И, не выпуская ея руки, ласкающимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мрачнымъ голосомъ продолжалъ:

Digitized by Google

— Ну, что же уходите, оставляйте меня... но вы придете? да? придете?.. умоляю васъ!..

Снова она сбиралась сказать *нѣтъ*, но онъ предупредилъ ее:

— Да!.. я васъ буду ждать... съ трепетомъ сердца, съ огнемъ въ душѣ... Я буду ждать васъ до полуночи... Если до 12 часовъ вы не придете...

Она вопросительно смотрѣла на него, безмолвная, неподвижная. Онъ сдѣлалъ усталое движеніе, испустилъ глубокій вздохъ, и тихо, тихо, еле слышно прошепталъ:

— Жизнь такой пустякъ... И такъ скоро можно съ нею покончить!

— Октавъ!

Позабывъ все на свѣтѣ, она почти вслухъ сдѣлала это восклицаніе. Воркованье флиртирующихъ сразу оборвалось. Нѣкоторыя головы поднялись съ любопытствомъ. Этьенетта вспыхнула и вырвала свою руку:

— Это безуміе... Обѣщайте мнѣ... поклянитесь мнѣ...

— Обѣщайте мнѣ сами!..

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

Она поспѣшно ушла, оставивъ Флорели одного, нѣсколько смущеннаго. Онъ видѣлъ, что на него смотрятъ, и не посмѣлъ идти за нею.

V.

Этьенетта вернулась къ себѣ съ сильно бьющимся сердцемъ и задыхаясь отъ волненія. Она лихорадочно ходитъ по комнатѣ, не будучи въ состояніи остановиться на мѣстѣ, хватаясь рукой то за одинъ предметъ, то за другой. Затѣмъ, вдругъ въ изнеможеніи она падаетъ въ кресло... Нѣтъ! ужь только она не пойдетъ на это тайное свиданіе! потому что это ничто иное, какъ тайное свиданіе, хотя самое слово и не было произнесено. Пускай себѣ Флорели обѣщаетъ ей полнѣйшее почтеніе,—извѣстно, какое значеніе имѣютъ подобныя обѣщанія! Опасность была бы слишкомъ велика. Она недостаточно увѣрена въ себѣ.!. Любитъ ли она его? Развѣ любятъ такъ скоро! Во всякомъ случаѣ онъ пріобрѣлъ надъ нею ужасное вліяніе. И это ужь черезчуръ. Она желаетъ и будетъ бороться. Достигнетъ ли она побѣды? По крайней мѣрѣ, она будетъ стараться изо всѣхъ

Digitized by Google

силъ... Да и кромѣ того, развѣ не было со стороны этого поэта дерзостью осмѣлиться такъ говорить съ нею? Размышляя теперь объ этомъ, она спрашивала себя, какъ могло хватить у него такой смѣлости! И неужели у нея хватитъ малодушія и низости подвергнуться такому позору, уступить желанію, выраженному съ такимъ нахальствомъ? Въ самомъ дѣлѣ, какъ еще достало у нея силъ совладѣть съ собою, слушая подобныя рѣчи?..

Съ негодованіемъ ударивъ своимъ кулачкомъ по ручкѣ кресла, Этьенетта вскочила на ноги. Она снова начинаетъ быстро ходить по комнатѣ: О, нѣтъ! она не пойдетъ на это свиданіе! Она уѣдетъ завтра же, чтобъ не видать болѣе Флорели, чтобъ избѣжать всякой опасности въ дальнѣйшемъ. Она сейчасъ позвонитъ Бернардину и прикажетъ ей все приготовить къ отъѣзду. Но вдругъ она останавливается. Глазамъ ея представляется еще болѣе поблѣднѣвшее лицо молодаго человѣка съ кровавою раной во лбу. Онъ исполнилъ свою угрозу, онъ покончилъ съ собою изъ-за нея, изъ-за нея, Этьенетты!

Нѣтъ, этого не можетъ быть. Подобныя вещи говорятся, но никогда не исполняются... А между тѣмъ, какъ знать? Онъ говорилъ сейчасъ съ такимъ убѣжденіемъ, голосъ его дрожалъ, движенія его были трагичны. А затѣмъ, вѣдь, подобно, ей онъ человѣкъ нервозный, несчастный... Увы! ей слишкомъ хорошо извѣстно, какъ въ извѣстныя минуты такіе больные мало владѣютъ собой, до какой степени они часто зависятъ отъ какого-нибудь самаго простаго нервнаго потрясенія... О, эти нервы, эти ужасные нервы! Онъ, бѣдный юноша, также страдаетъ нервами! Подобно ей, онъ является жертвой неумолимаго рока, наслѣдственнаго недуга, вырожденія... „Жизнь такой пустякъ“... Какъ справедливы эти слова! Зачѣмъ держаться за жизнь, если она вамъ приноситъ лишь постоянно отчаяніе, тоску, съ каждымъ днемъ все менѣе излѣчимую и все болѣе глубокую? Да, безъ сомнѣнія онъ исполнитъ свою ужасную угрозу. Для него, для человѣка столь возвышеннаго и столь разочароваинаго, смерть была бы освобожденіемъ, радостью! Но она, Этьенетта, не имѣетъ права толкать его на это. Пусть онъ уничтожитъ себя ради самого себя, ради своего собственнаго удовольствія, и ничего не можетъ быть лучше, или, по крайней мѣрѣ, ничего не можетъ быть законнѣе этого. Но подумать, что она можетъ тутъ быть при-

Digitized by Google

чемъ-нибудь... нѣтъ! нѣтъ! Это было бы для нея вѣчнымъ угрызеніемъ, которое отравило бы ей и безъ того уже столь отравленную жизнь. Чтобъ изъ-за нея человѣкъ лишилъ себя жизни! Нѣтъ, это невыносимо!..

И чтобы воспрепятствовать ему въ исполненіи этого замысла, чтобъ удержать его на этой землѣ, которая, разумѣется, только юдоль слезъ, но на которой все-таки еще имѣются кое-какіе отрадные уголки, ей стоитъ только пойти на нѣсколько мгновеній къ нему! Въ сущности это было бы только безразсудствомъ. Преступленіемъ это могло бы сдѣлаться лишь въ случаѣ еще бо́льшаго безразсудства. Это же зависитъ отъ нея, отъ ея силы сопротивленія. Ужь не слишкомъ ли она сомнѣвается въ своихъ силахъ? Человѣку честному,—а Флорели честный человѣкъ,—женщина даетъ лишь то, что сама заблагоразсудитъ дать ему. Правда, онъ былъ смѣлъ, болѣе чѣмъ смѣлъ, даже дерзокъ, и заслуживалъ бы хорошаго урока... Но ей ли упрекать его за эту дерзость?.. Еслибъ онъ не любилъ ея, то развѣ сталъ бы онъ говорить ей подобныя вещи? И развѣ не лестно возбудить такое горячее, такое внезапное чувство въ замѣчательномъ авторѣ *Трепетовъ*, юномъ поэтѣ, нарождающееся дарованіе котораго признается всѣми?... Его дарованіе? Если смерть сокрушитъ этотъ превосходный умъ, сколькихъ чудныхъ шедевровъ, которые бы онъ могъ создать, лишится міръ? И не ляжетъ ли на нее отвѣтственность за эту гибель изъ-за ея чрезмѣрнаго ригоризма, изъ-за ея смѣшной боязни опасности, которую она преувеличиваетъ и которую нѣкоторая доля твердости способна отклонить? Да! она обязана идти на это свиданіе, хотя бы изъ одного чувства долга. Это средство рискованное, безъ сомѣнія, но это единственное средство для избѣжанія непоправимаго несчастія. Она пробудетъ у него только одно мгновеніе, чтобъ успѣть сказать ему: „Вы видите... я имѣла довѣріе къ вамъ... я пришла... поклянитесь мнѣ, что вы откажетесь отъ своего роковаго намѣренія“... Она скажетъ ему только это и удалится...

Теперь ею принято рѣшеніе. Пока она колебалась, время шло. Который часъ? Четверть перваго! Боже Праведный! Слишкомъ поздно. Она увидитъ его въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онъ ей представился во время ея ужасной галлюцинаціи. Скорѣй, нельзя терять ни минуты! Она набрасываетъ на плечи кружевную мантилью и выходитъ изъ комнаты: сердце ея разрывается отъ волненія на части.

Digitized by Google

Передъ нею тянется слабо освѣщенный корридоръ отеля съ своими нумерованными дверями и толстыми башмаками передъ каждой дверью. Изъ-за тонкихъ перегородокъ раздается то громкій, то слабый, точно сдержанный храпъ. Какъ они мирно спятъ, всѣ эти люди! Что за безконечный корридоръ!... Наконецъ, лѣстница. Спускаясь по ней, она встрѣчается съ метръ-д'отелемъ; онъ безъ сюртука, бѣлый галстукъ его снятъ, глаза заспанные. Онъ почтительно прислонился къ стѣнѣ, чтобъ пропустить ее, но она чувствуетъ на себѣ его грубый и какъ бы испытующій взглядъ... Вотъ она, наконецъ, на залитой блѣднымъ луннымъ сіяніемъ террасѣ. Направо, на томъ концѣ нѣсколько ступенекъ, которыя ведутъ въ садъ. Она быстро сходитъ по нимъ, заворачиваетъ за уголъ павильона... Передъ ней стеклянная дверь комнаты Флорели. Сквозь ставни пробивается мягкій свѣтъ... Онъ тутъ, онъ ждетъ ее, если только онъ уже... Этьенетѣ кажется, что сердце ея сейчасъ разорвется, она задыхается. Ноги ее уже не держатъ. Она принуждена прислониться къ стѣнѣ... Надобно собраться съ мужествомъ! Она выпрямляется и ступаетъ шагъ впередъ... Въ тишинѣ ночи песокъ хрустнулъ у нея подъ ногами... Онъ услыхалъ ее, онъ сейчасъ появится... Нѣтъ!.. Боже мой, неужели ужасныя предположенія справедливы?.. Она дѣлаетъ еще два шага, притрогивается къ ставнѣ и шепотомъ говоритъ:

— Это я...

Затѣмъ громче:

— Октавъ!..

Ни звука!.. Сомнѣнья нѣтъ: ея предчувствіе ее не обмануло! Онъ тутъ, въ двухъ шагахъ отъ нея, лежитъ безжизненный на коврѣ, глаза его широко раскрыты и неподвижны, рука судорожно сжала револьверъ, во лбу кровавая рана... Боже, что она сдѣлала! Все равно, она желаетъ, хочетъ видѣть, хочетъ убѣдиться... И, быстрымъ движеніемъ пріотворивъ ставень, она заглядываетъ въ комнату...

Подъ лампой, освѣщающей его блѣдное лицо, молодой человѣкъ дѣйствительно лежитъ, но не на землѣ. Тѣло его покоится на мягкой кушеткѣ. Глаза его не широко раскрыты и неподвижны, а прикрыты вѣками. Рука же его не сжимаетъ никакого оружія, а небрежно свѣсилась до земли. Ровное дыханіе приподнимаетъ ему грудь: онъ спитъ.

Digitized by Google

У Этьенеты вырывается глубокій вздохъ облегченія. Всѣ ея страхи исчезаютъ. Онъ тутъ, живой, совсѣмъ живой! Ахъ, какъ пріятно успокоиться послѣ такихъ волненій!.. И, безмолвно прислонившись къ косяку двери, она продолжаетъ смотрѣть на него.

Да, она очень, очень счастлива, но также и удивлена немножко. Она не ожидала подобной развязки. Что онъ не исполнилъ своей угрозы, не покончилъ съ жизнью, какъ обѣщалъ, это онъ, разумѣется, сдѣлалъ прекрасно. Это было бы безуміемъ, преступленіемъ противъ искусства, доказательствомъ великой любви, которой она, Этьеннетта, вовсе не стоитъ... Но заснуть такъ спокойно и сладко, когда онъ ее ждалъ, когда онъ долженъ былъ трепетать при мысли увидѣть ее... Стало-быть угроза покончить съ собою, если она не придетъ, была только мелодраматичною фразой, банальнымъ средствомъ, чтобъ тронуть ее, и ничего болѣе?—О, нѣтъ! она не хочетъ этого думать. Онъ былъ искренъ... по крайней мѣрѣ, когда говорилъ. Затѣмъ онъ, можетъ быть, сталъ размышлять, и, видя, что часъ, назначенный для свиданья, уже миновалъ, не смотря на рѣшимость выполнить свое обѣщаніе, мужества на это у него не хватило, онъ предпочелъ остаться жить. Еще разъ, онъ сдѣлалъ прекрасно: она бы никогда не утѣшилась въ его смерти... но, когда человѣкъ прошелъ черезъ такія треволненія, какъ можетъ онъ такъ сладко спать? Это служитъ доказательствомъ, что природа его несравненно менѣе впечатлительна, нежели она предполагала...

Потому-то онъ продолжаетъ и продолжаетъ крѣпко спать. Вотъ онъ пошевельнулся... Онъ, навѣрное, сейчасъ проснется... Этьенетта отступила. Нѣтъ!.. это поднимается его повисшая рука и добродушнымъ движеніемъ довольнаго прелата соединяетъ съ друго рукой и мирно укладывается на животикѣ. Въ то же время все тѣло его еще болѣе вытягивается на кушеткѣ. ротъ раскрывается еще шире, ровное дыханіе усиливается и переходитъ въ храпъ... О, ужасъ! авторъ *Трепетовъ* храпитъ, какъ самый заурядный буржуа, какъ храпятъ всѣ прозаичные обитатели отеля, къ которымъ минуту назадъ она испытывала такое презрѣніе! По устамъ Этьенетты пробѣгаетъ улыбка. Сердце у нея доброе, она не хочетъ быть несправедливою. Она думаетъ о томъ, что бѣдный малый долженъ быть утомленъ цѣлымъ днемъ, проведеннымъ на открытомъ воздухѣ, что пребываніе на горныхъ высотахъ должно отзываться на организмѣ... Она думаетъ все

Digitized by Google

это про себя и мало по малу начинаетъ склоняться къ снисходительности; можетъ быть, она это позабудетъ, проститъ, какъ вдругъ взоръ ея, оторвавшись на мгновеніе отъ лица Флорели, скользитъ по комнатѣ, и, вглядываясь въ глубину, она замѣчаетъ у постели на коврѣ съ безобразнымъ изображеніемъ леопарда пару желтыхъ туфель съ загнутыми кверху носками и мягкими подошвами, словомъ точь въ точь такихъ же, каковы туфли ея мужа!

И изъ-за этого-то она сдѣлала сотни миль, пріѣхала въ Швейцарію, взбиралась на горныя вершины посреди глетчеровъ, поднималась на высоту 1800 метровъ! Изъ-за этого она дрожала, трепетала, замирала отъ волненія!.. Тѣ же самыя туфли! Это просто какое-то сумасшествіе въ нынѣшнемъ году эти туфли!.. Онѣ у всѣхъ, у всѣхъ, даже у поэтовъ.

И по внезапному сопоставленію она видитъ Флорели въ этихъ туфляхъ, который читаетъ газеты у камина, какъ то дѣлалъ Шамбле... находитъ ихъ прелестными, какъ Шамбле... отказывается пожертвовать ими, какъ Шамбле... Все, все, какъ Шамбле!.. Ахъ, нѣтъ! не все. Нѣтъ, въ первыя времена ихъ союза Шамбле бы не заснулъ такъ, ожидая ее! Онъ не писалъ стиховъ, не произносилъ никакихъ обѣтовъ, не грозилъ покончить съ собою: фразъ у него не было, были только поступки; онъ постоянно проявлялъ лишь все ту же нѣжность, ту же мужественную привязанность, ту же постоянную о ней заботливость, и она испытывала на себѣ обаяніе его чувства къ ней. Ахъ, и она сильно любила его, въ сущности и до сихъ поръ любитъ своего добраго, вѣрнаго, преданнаго друга... Она вспоминаетъ объ его снисходительности къ ней, ко всѣмъ ея причудамъ: она видитъ его добрые ласковые глаза, когда онъ улыбается, глядя на свою сумасбродку! А его великодушное безграничное къ ней довѣріе, которымъ до сихъ поръ она никогда еще не злоупотребляла! Ахъ, какъ мучительно, какъ жестоко былъ бы пораженъ этотъ честнѣйшій человѣкъ, если-бы онъ ее увидѣлъ въ настоящую минуту!

Сама не отдавая себѣ въ томъ отчета, Этьенетта отвела свой взоръ отъ Флорели. Нравственный и физическій обликъ мужа мало-по-малу возстаетъ передъ нею. Она отвернула голову отъ окна и, глядя на сверкающее звѣздами небо, наслаждается чуднымъ зрѣлищемъ тихой ясной ночи. Вдали сѣрѣетъ волнистая линія горъ, на которыхъ тамъ и сямъ серебрятся бѣлыми пят-

Digitized by Google

нами пещеры. Луна мирнымъ сіяніемъ обливаетъ и бѣловатыя долины и темную зелень елей. Однообразный шумъ потока одинъ только и нарушаетъ ночную тишину. Воображенію рисуется образъ какого-то гигантскаго ландшафта невѣдомой планеты, на которой еще не существуетъ рода людскаго. И снова, какъ до пріѣзда Флорели, Этьенетта чувствуетъ, что къ ней въ душу нисходитъ какой-то глубокій, почти благоговѣйный покой, который, подобно чистому дуновенію, разгоняетъ всѣ омрачающіе ее туманы. Вѣчная и благодѣтельная природа снова завоевала ее, и на сей разъ уже окончательно...

Она сознаетъ весь ужасъ того, что она собиралась сдѣлать, даже удивляется, какъ могла сложиться подобная мысль у нея въ головѣ. Если-бы этотъ чудесный поэтъ не спалъ, до чего бы могли они дойти? Она и думать даже объ этомъ не хочетъ! Взглядомъ благодаритъ она его за этотъ спасительный сонъ, которымъ она только-что обижалась. Поощряемая шаловливымъ духомъ Парижанки, она дѣлаетъ ему при лунномъ свѣтѣ глубокій реверансъ. Затѣмъ тою же дорогой, по которой она спѣшила съ такимъ лихорадочнымъ трепетомъ, она возвращается къ себѣ въ комнату и звонитъ Бернардину:

— Укладывайтесь сейчасъ-же... Мы уѣзжаемъ завтра, съ первымъ поѣздомъ!

VI.

Стоя на своей лѣсенкѣ въ библіотекѣ, Шамбле уставляетъ купленную наканунѣ книгу, когда дверь распахивается:

— Ты?.. какими судьбами?..

Они смотрятъ другъ на друга: Этьенетта—свѣженькая и цвѣтущая, стоя внизу, онъ—пораженный изумленіемъ и съ книгой въ рукахъ, наверху,

— Вотъ ужъ не ждалъ!.. Почему ты не предупредила меня?..

— Такъ, нелѣпая фантазія... и послѣдняя!.. Да спускайся же съ своей лѣстницы!

Въ одинъ прыжокъ онъ уже внизу и смотритъ на разрумянившееся личико путешественницы:

— Какой у тебя славный видъ! Повидимому, возвышенная мѣстность...

— Я вылѣчилась, совсѣмъ вылѣчилась!

Digitized by Google

Она бросается къ нему въ объятія. Онъ же, глубоко счастливый возвращеніемъ своей милой сумасбродки, крѣпко прижимаетъ ее къ своей широкой груди и долгимъ поцѣлуемъ цѣлуетъ ее въ мѣстечко среди завитковъ возлѣ ушка, мѣстечко, которое онъ особенно любилъ. А Этьенетта во время этого поцѣлуя опускаетъ свои глазки внизъ и съ улыбкой смотритъ на милыя желтыя туфли, носочки которыхъ, сознавая вѣроятно свою побѣду, весело и задорно еще круче загибаются кверху.

Жакъ Норманъ.

Digitized by Google

О СОЕДИНЕНІИ ЦЕРКВЕЙ.

По поводу энциклики папы Льва XIII отъ 20 іюня 1894 года.

„Для возстановленія согласія, равно какъ и для распространенія Евангелія, переживаемое нами время кажется особенно благопріятнымъ, вслѣдствіе того, что въ умахъ съ особенною силой живетъ сознаніе человѣческаго братства, и никогда ни въ какомъ вѣкѣ человѣкъ не стремился съ такимъ стараніемъ къ тому, чтобы узнать подобныхъ себѣ и придти имъ на помощь; поѣзда и корабли съ невѣроятною быстротой пробѣгаютъ огромныя пространства земли и моря, представляя неоцѣнимыя удобства не только для торговли и изслѣдованій ученыхъ, но также и для распространенія Слова Божія отъ восхода до заката солнца“.

Такъ говоритъ папа въ заключеніе своей обсуждаемой нами энциклики или окружнаго посланія. Дѣйствительно, едва-ли было другое время, когда бы объединительное движеніе между людьми выражалось столь разнообразно и простиралось столь широко, какъ въ наши дни; и уже безъ всякаго сомнѣнія люди никогда не имѣли столь легкихъ, удобныхъ, почти чудесныхъ средствъ для быстролетнаго передвиженія самихъ себя, своихъ словъ и всевозможныхъ продуктовъ природы и человѣческой дѣятельности и для сношеній съ самыми отдаленными концами земли.

Промышленность и торговля и всегда сближали одни народы съ другими, а нынѣ, при улучшенныхъ путяхъ сообщенія, въ особенности; на всемірныя выставки и международные конгрессы съѣзжаются люди всякихъ національностей изъ самыхъ

Digitized by Google

отдаленныхъ странъ; единоплеменные, но разрозненные политически, народы стали живѣе сознавать свое кровное родство другъ съ другомъ и стремиться къ объединенію; такъ, въ недавнее время совершилось объединеніе Италіи, потомъ Германіи и пробудилось стремленіе къ объединенію въ племенахъ славянскихъ.

Современное движеніе къ взаимообщенію и единенію, проявившись во всѣхъ сферахъ жизни, коснулось и жизни религіозной, церковной. Такъ, въ истекающемъ столѣтіи были попытки, хотя слабыя и безрезультатныя, къ сближенію и соединенію Англиканской епископальной церкви съ Православною церковію, и не далѣе какъ въ концѣ прошлаго года на церковномъ съѣздѣ въ Норичѣ былъ пространно обсуждаемъ вопросъ о томъ, съ какою церковію должна соединиться вся церковь Англиканская— съ Римскою, или съ Восточною. Затѣмъ сближенія, а можетъ быть и соединенія, съ Восточною церковію домогаются старокатолики. Наконецъ, на нашихъ глазахъ совершился никогда небывалый и даже почти невозможный фактъ объединительнаго религіознаго движенія въ видѣ всемірнаго конгресса представителей религій въ Чикаго, на всемірной Колумбовой выставкѣ, въ 1893 г. На этомъ удивительномъ конгрессѣ, который по своей необычайности почти можетъ быть названъ восьмымъ чудомъ свѣта, вмѣстѣ сидѣли, мирно бесѣдовали и безпрекословно провозглашали съ каѳедры свои религіозныя вѣрованія греческій православный епископъ, латинскіе епископы и патеры, англиканскіе епископы и священники, лютеранскіе и реформатскіе пасторы, учители разнообразныхъ протестантскихъ сектъ, еврейскіе раввины, буддійскіе бонзы, мухаммеданскіе муллы, индусскіе брамины и проч. Правда, ни къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ этотъ конгрессъ не привелъ; но уже самый замыселъ созвать такой конгрессъ показываетъ, что устроители его затѣвали это дѣло не безъ разсчета на пробудившуюся въ наши дни потребность людей къ братскому общенію и единенію. Еще знаменательнѣе то, что конгрессъ дѣйствительно состоялся и даже былъ очень многолюденъ. Это показываетъ, что поклонники различныхъ религій менѣе непріязненны другъ другу, чѣмъ какъ обыкновенно полагаютъ, и что настоящее время особенно благопріятно для установленія дружелюбныхъ сношеній между представителями различныхъ религій и для распространенія Христіанства между иновѣрными народами.

Но хотя конгрессъ представителей религій на Колумбовой

Digitized by Google

выставкѣ является, такъ сказать, самымъ яркимъ проявленіемъ объединительнаго движенія нашего времени въ области религіозной жизни, однако наше вниманіе привлекаетъ теперь не этотъ эфемерный и уже почти забытый конгрессъ религій, а другой, еще болѣе новый, опытъ объединенія разрозненныхъ религій и исповѣданій: разумѣемъ призывъ папы Льва XIII, обращенный къ государямъ и народамъ и приглашающій всѣхъ людей соединиться въ одно общество согласно-вѣрующихъ подъ главенствомъ папы.

Конечно, такой призывъ—не новость: папы въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ никогда не теряли надежды присоединить къ своей церкви православный Востокъ, и, лишь только представлялись благопріятныя обстоятельства, они употребляли всевозможныя усилія къ осуществленію своихъ желаній и надеждъ. Однако, призывъ папы Льва XIII къ соединенію имѣетъ важную особенность: прежніе папы домогались присоединить къ своей церкви только Восточную церковь, которая не питаетъ вражды къ Латинской церкви и въ своихъ догматахъ и обрядахъ не очень далеко отстоитъ отъ нея; но у нихъ не доставало смѣлости призывать съ высоты своего престола и весь протестантскій міръ склониться къ подножію этого престола: вѣдь протестанты съ такою сильною и нескрываемою злобой относятся къ папѣ и къ Латинской церкви и въ своей вѣрѣ и обрядахъ столь далеко отстоятъ отъ Латинства, что призывать ихъ къ возсоединенію съ Латинскою церковію значитъ терять только слова. Папа Левъ XIII оказался смѣлѣе и рѣшительнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ: онъ призываетъ соединиться съ Латинскою церковію и признать его своимъ главою не только православный Востокъ, но и протестантовъ всѣхъ исповѣданій.

Но смѣлость папскаго призыва и громадность его замысловъ возрастутъ въ нашихъ глазахъ еще болѣе, когда мы узнаемъ, для какой цѣли папа приглашаетъ всѣхъ христіанъ объединиться подъ его властію. Онъ какъ бы такъ говоритъ: „Если всѣ католики, всѣ православные и всѣ протестанты соединятся вмѣстѣ подъ моею властію, то составится чуть не полмилліарда людей. Не одинъ всемірный завоеватель не имѣлъ въ своемъ распоряженіи и малой доли столь огромнаго числа людей. Силою такой объединенной громады мы завоюемъ весь міръ. Всѣхъ сопротивляющихся намъ, если только такіе смѣльчаки найдутся, мы уничтожимъ, сметемъ съ лица земли. Затѣмъ двинемся на міръ

Digitized by Google

иновѣрный. Правда, въ немъ можно насчитать свыше милліарда людей; тѣмъ не менѣе онъ не можетъ оказать намъ серьезнаго сопротивленія. Онъ безсиленъ, такъ какъ не имѣетъ образованности и распадается на множество непріязненныхъ одна другой и истребляющихъ одна другую группъ. Не имѣетъ онъ ни вещественнаго видимаго центра, ни духовнаго принципа, которые сплотили бы разсѣянныя по лицу земли племена. Язычниковъ, мухаммеданъ, іудеевъ,—всѣхъ обратимъ въ католическую вѣру; и тогда исполнятся слова Христа: *и будетъ одно стадо и одинъ пастырь*. Одно стадо—это всѣ народы, одинъ пастырь—это я, папа Римскій".

И кто же лелѣетъ такіе замыслы? Кто не только лелѣетъ ихъ въ сердцѣ, но и провозглашаетъ ихъ всенародно, всемірно обращаясь ко всѣмъ царямъ и народамъ земли?

Не Григорій VII, Гильдебрандтъ, не Иннокентій III, или какой другой средневѣковый папа, которые обращались съ королями, какъ господа съ рабами, которые за ослушаніе своей воли имѣли силу отлучать отъ церкви цѣлыя царства, которые почти однимъ мановеніемъ руки воздвигали несмѣтныя полчища крестоносцевъ, и эти крестоносцы съ радостію шли въ далекую Палестину на опасную борьбу съ страшными тогда и могущественными Турками. Нѣтъ, такъ говоритъ папа Левъ XIII, Ватиканскій узникъ, которому въ лицѣ его духовенства и его церкви оказываютъ намѣренное неуваженіе и дерзкое противодѣйствіе правительства и народы даже въ странахъ католическихъ, у котораго даже въ этихъ странахъ найдутся милліоны враговъ, относящихся къ нему и его духовенству и церкви то съ обиднымъ пренебрежніемъ и презрѣніемъ, то съ злобными насмѣшками и наглыми ругательствами, и издающихъ законы стѣснительные для духовенства и монашескихъ орденовъ, который много лѣтъ не показывался на улицахъ „своего города", опасаясь, какъ бы уличные мальчишки, дѣти озлобленныхъ враговъ папы, не стали бросать въ него грязью. Папство низвержено съ прежней высоты, а между тѣмъ папа смѣло обращается съ рѣчью къ царямъ и народамъ и самоувѣренно всѣхъ зоветъ стать подъ свое знамя.

Уже это одно невольно привлекаетъ вниманіе къ словамъ папы. Самъ-собою рождается вопросъ, голосъ-ли это исполина мысли и дѣла, или праздныя слова пустаго мечтателя и безсильнаго фантазера.

Digitized by Google

Свой призывъ къ соединенію всѣхъ людей вокругъ папскаго престола Левъ XIII высказалъ въ энцикликѣ, изданной 20-го іюня 1894 г. по слѣдующему поводу.

Въ 1893 году совершилось пятьдесятъ лѣтъ епископскаго служенія папы. Само-собою понятно, что латинская церковь съ великою торжественностью отпраздновала полувѣковой юбилей своего главы. Торжественныя и шумныя проявленія покорности и почтенія, любви и преданности, выраженныя Латинянами папѣ по случаю его юбилея, очень тронули и обрадовали папу. Въ порывѣ охватившей его радости папа составилъ и издалъ энциклику, которая по предмету своему должна быть названа энцикликой о соединеніи церквей и всѣхъ людей подъ главенствомъ папы.

Упомянувши въ началѣ энциклики о многочисленности и разнообразіи заявленій преданности, выразивши по этому поводу свою радость и заявивши о задачахъ своего служенія, папа дѣлаетъ затѣмъ слѣдующую характерную оговорку: „Но для полнаго и всецѣлаго утѣшенія не доставало еще многаго, потому-что среди самыхъ этихъ заявленій народной радости и почтительности нашъ духъ смущался мыслью, что существуетъ еще огромное множество людей, которые остались чуждыми этого единодушнаго движенія католиковъ, частью потому, что они совсѣмъ не знаютъ евангельской мудрости, частью потому, что, хотя и посвященные въ христіанскую вѣру, состоятъ въ разрывѣ съ католическою вѣрой. Этимъ обстоятельствомъ мы тяжело были смущены и смущаемся: нельзя безъ глубокаго чувства скорби думать объ этой части человѣческаго рода, которая давно уклонилась отъ насъ, вступивъ на ложный путь“.

Папу огорчила мысль о томъ, что поздравленія ему принесла только одна Латинская церковь, которая, какъ ни велика она, все-таки составляетъ едва седьмую часть всѣхъ жителей земнаго шара. Гдѣ же остальныя шесть седьмыхъ людей? Увы! изъ этого безчисленнаго сонма людей никто не пришелъ на поклонъ къ папѣ, никто не прислалъ ему привѣтствія. Цѣлый милліардъ людей,—язычники и мухаммедане,—даже и не слыхали о юбилеѣ папы, да совсѣмъ и не знаютъ, что есть на свѣтѣ папа, что живетъ онъ въ Римѣ, что пока онъ—глава только Латинянъ, но желаетъ быть главой всей вселенной и плачетъ о томъ, что безчисленные народы и племена его совсѣмъ не знаютъ. Да что говорить о невѣжественныхъ и лжевѣрующихъ

Digitized by Google

язычникахъ и мухаммеданахъ—даже и христіане- нелатиняне: сто милліоновъ православныхъ, сто милліоновъ протестантовъ, хотя и знаютъ, что въ Римѣ есть папа, а иные слышали и о юбилеѣ его, но никто изъ нихъ не выразилъ сочувствія ему. Все это папа знаетъ, и вотъ самая полнота сочувствія, выраженнаго ему Латинскою церковью, сдѣлалась для него хотя и сладкою, но отравленною горькимъ ядомъ чашей.

Почему же, однако, папа не довольствуется почетомъ, оказаннымъ ему Латинянами по случаю его юбилея? Вѣдь и этотъ почетъ столь великъ, что папѣ можетъ позавидовать любой изъ самыхъ могущественныхъ государей. Чего ему еще не достаетъ?

Мы полагаемъ, что главнѣйшій источникъ недовольства папы заключается въ томъ свойствѣ человѣческой природы, которое,—идетъ-ли человѣкъ по пути добра, или по пути зла,—побуждаетъ человѣка идти дальше и дальше. Такъ, человѣкъ, погруженный въ науку, изо-дня въ день пріумножаетъ свои познанія, но чѣмъ болѣе обогащается ими, тѣмъ менѣе они удовлетворяютъ его, тѣмъ шире раздвигаются предъ его взорами предѣлы непознаннаго и тѣмъ незначительнѣе представляются ему размѣры познаннаго. Такъ, счастливый завоеватель, одержавши нѣсколько побѣдъ, покоривши два—три народа, не останавливается въ своемъ побѣдоносномъ шествіи, но замышляетъ покорить еще другія царства, а покоривши ихъ, мечтаетъ завоевать всѣ царства, весь міръ, чтобы одному владычествовать надъ всею вселенною. Еслибы случилось невозможное: если бы всѣ народы признали папу своимъ главой, остался-ли бы онъ тогда вполнѣ доволенъ? Едва-ли. Скорѣе, подобно одному изъ великихъ древнихъ завоевателей, онъ сказалъ бы въ сердцѣ своемъ: „Взойду на небо, выше звѣздъ Божіихъ вознесу престолъ мой“. Папа и теперь даже говоритъ: „такъ какъ мы занимаемъ на землѣ мѣсто Бога Всемогущаго... то это даетъ намъ достаточныя основанія употребить всѣ средства къ тому, чтобы всѣхъ людей, призвать и привлечь къ единству божественной вѣры“. Если папа считаетъ себя намѣстникомъ всемогущаго Бога на землѣ, то можетъ-ли онъ довольствоваться подчиненіемъ ему только нѣкоторой части людей. Всемогущаго Бога знаютъ и почитаютъ всѣ люди: и папу должны знать и почитать всѣ люди. А такъ какъ великое множество людей не знаетъ папы и не подчинено ему, то это обстоятельство тяжко смущаетъ и огорчаетъ папу.

Однако, печаль не довела его до унынія и апатіи. У этого

Digitized by Google

восьмидесятипятилѣтняго старца, стоящаго уже на краю могилы, не опустились въ изнеможеніи руки, а, напротивъ, онъ съ юношескимъ жаромъ, съ твердою рѣшимостью и, повидимому, съ непоколебимою вѣрой въ правоту своего дѣла и въ успѣхъ его объявляетъ всему свѣту, что онъ будетъ употреблять всѣ средства къ тому, чтобы всѣхъ призывать и привлекать къ себѣ.

Однимъ изъ этихъ средствъ является и самое заявленіе папы, что онъ будетъ употреблять ихъ. Такимъ же средствомъ служитъ и разсматриваемая энциклика или „апостольское посланіе святѣйшаго господина Божіимъ промышленіемъ папы Льва XIII".

Въ этомъ посланіи, послѣ вступительныхъ замѣчаній о своемъ юбилеѣ, папа обращаетъ свою рѣчь прежде всего къ не-христіанскимъ народамъ, говоря, что—какъ всегда, такъ и теперь—католическіе проповѣдники Евангелія самоотверженно распространяютъ среди нихъ свѣтъ христіанской вѣры. Затѣмъ папа обращается къ христіанскимъ народамъ, которые, по его словамъ, отпали отъ Римской церкви. Относительно восточныхъ или православныхъ церквей онъ высказываетъ надежду, что онѣ скоро возсоединятся съ Римскою церковью, такъ какъ, будто бы, различія между ними и Римскою церковью незначительны и ученіе о главенствѣ папы надъ всею церковью, составляющее главный пунктъ разногласія, будто бы подтверждается фактами изъ исторіи церкви первыхъ вѣковъ.

Указавши далѣе на то, что въ настоящее время, будто-бы, на Востокѣ замѣтно снисходительное и даже благоволительное отношеніе къ католикамъ, папа убѣждаетъ всѣхъ восточныхъ христіанъ возсоединиться съ Римскою церковію. Сказавши вообще о восточныхъ христіанахъ, папа въ частности высказываетъ нѣсколько любезностей по адресу Славянъ. О Россіи и Русскихъ папа не упоминаетъ ни однимъ словомъ; но, безъ сомнѣнія, говоря о восточныхъ церквахъ, онъ имѣетъ въ виду и Россію. Послѣ рѣчи къ православному Востоку папа обращается къ протестантамъ. Отмѣтивши главные недостатки протестанскаго исповѣданія, папа убѣждаетъ протестантовъ соединиться съ Латинскою церковію. Послѣ этого папа обращается къ Латинянамъ и убѣждаетъ ихъ не тяготиться властію церкви, а охотно подчиняться ей, такъ какъ она не злоупотребляетъ своими правами и своимъ могуществомъ, между тѣмъ какъ теперь многіе относятся къ церкви съ презрѣніемъ, ненавистію и завистію, государство посягаетъ

Digitized by Google

на права церкви, и между нимъ и церковію существуетъ пагубное разногласіе. Другая опасность для единства, по мнѣнію папы, заключается въ масонскомъ обществѣ, которое повсюду стремится захватить верховную власть, враждебно относится къ христіанству и ведетъ людей къ язычеству. Папа приглашаетъ свергнуть недостойное иго этой секты.

Если бы церкви соединились съ Римскою церковію, если бы установилось согласіе между церковію и государствомъ и было бы уничтожено масонство, то „сколько", восклицаетъ папа, „получилось бы дѣйствительныхъ средствъ для борьбы со зломъ и какое было бы богатство благъ!" „Церковь заняла бы должный ей рангъ чести", и „это принесло бы особенное благоденствіе государствамъ". „Между народами произошло бы превосходное взаимообщеніе, желательное особенно теперь для предотвращенія ужасовъ войнъ. Тогда теперешнія огромныя вооруженія, истощающія царства и народы и сдѣлавшіяся невыносимымъ бременемъ, были бы не нужны, потому что подавить честолюбіе, алчность, духъ соперничества—этотъ троякій очагъ, гдѣ обыкновенно загорается война, ничто не можетъ лучше, какъ христіанскія добродѣтели и особенно справедливость". „Тогда были бы обезпечены и внутренній миръ и безопасность, нарушаемые теперь обществами мятежниковъ, которые угрожаютъ жизни гражданъ и домогаются ниспровергнуть правительства". Обсуждаемые теперь два важнѣйшіе вопроса: соціальный—объ отношеніи труда къ капиталу, трудящихся классовъ общества къ имущимъ, и государственный—объ отношеніи между свободою и властію, между народами и правительствами, самое мудрое и справедливое рѣшеніе могутъ получить только при содѣйствіи христіанской вѣры. „Наконецъ, разсуждаетъ папа, если принять во вниманіе, что̀ можетъ сдѣлать церковь въ качествѣ матери и примирительницы между народами и государями, предназначенная помогать своею властію и совѣтами тѣмъ и другимъ, то будетъ понятно, какъ важно, чтобы всѣ народы въ отношеніи христіанской вѣры одинаково мыслили и одинаково исповѣдывали..." „Сила этихъ благодѣяній не ограничилась бы предѣлами образованныхъ народовъ, а разливалась бы далеко и широко, какъ самый обильный потокъ..." „Безконечное множество народовъ цѣлые вѣка ожидаютъ, отъ кого бы получить свѣтъ истины и цивилизаціи. Если и доселѣ зловредное суевѣріе разлито по различнымъ странамъ земли, то это нужно приписать отчасти злополучнымъ раздорамъ касательно религіи".

Digitized by Google

Какъ бы сознавая, что эти желанія и планы походятъ на несбыточныя мечты, папа въ заключеніе говоритъ: „Потребуются долгіе и тяжелые труды прежде, чѣмъ возникнетъ тотъ порядокъ вещей, установленія котораго мы желаемъ; быть можетъ, не будетъ недостатка и въ тѣхъ, которые думаютъ, что мы слишкомъ предаемся надеждѣ и стремимся къ тому, чего скорѣе можно желать нежели ожидать. Но мы всю свою надежду возлагаемъ на Спасителя человѣческаго рода Іисуса Христа, памятуя, что въ древности совершено было безумiемъ Креста и его проповѣди предъ лицомъ смущенной и пораженной мудрости міра сего. Мы особенно просимъ государей и главъ государствъ, чтобы они, во имя своего гражданскаго благоразумія и добраго попеченія о народахъ, поистинѣ оцѣнили наши совѣты и посодѣйствовали имъ своимъ благоволеніемъ и своею властію. Если бы даже совершилась только часть желаемыхъ плодовъ, то и это было бы уже не малое благодѣяніе,—въ виду столь быстраго упадка во всемъ, когда недовольство настоящимъ соединяется съ опасеніемъ за будущее. Конецъ прошлаго вѣка оставилъ Европу утомленною своими бѣдствіями, еще трепещущею отъ волновавшихъ ее потрясеній; настоящій вѣкъ, приближающійся къ своему концу, не оставитъ ли, наоборотъ, въ наслѣдство человѣческому роду залогъ согласія съ надеждой на лучшія блага, которыя содержатся въ единствѣ христіанской вѣры?“

Вотъ главныя мысли энциклики. Раскрывая одну идею, проходящую по всей энцикликѣ красною нитью,—ту идею, что всѣ христіанскіе народы должны возсоединиться съ Латинскою церковью, что всѣ иновѣрные народы должны принять Латинскую вѣру, что тѣ и другіе должны признать папу своимъ главой, и что нѣкогда все это непремѣнно совершится,—папа попутно касается многихъ важныхъ предметовъ и жизненныхъ вопросовъ, рѣшаетъ не одни только вопросы церковные, или богословскіе, но и государственные и соціальные.

Какъ словесное произведеніе, энциклика написана мастерски. Строгое единство въ раскрытіи разнообразнаго содержанія энциклики, представляющей развитіе одной идеи; постепенность и методичность раскрытія основной идеи; продуманность и строгая выдержанность плана; равномѣрность частей; искусство въ постановкѣ и развитіи доказательствъ; легкость въ переходахъ отъ одного предмета рѣчи къ другому; дипломатическая тонкость въ постановкѣ и рѣшеніи вопросовъ трудныхъ и щекотливыхъ; обиліе мыслей и разнообразіе обсуждаемыхъ предметовъ; смѣ-

Digitized by Google

лость замысловъ и грандіозность плановъ; замѣчательная эластичность оборотовъ рѣчи, тщательно закругленныхъ и какъ-бы отшлифованныхъ; пріятная мягкость тона; изысканная вѣжливость и утонченная деликатность въ обращеніяхъ и оцѣнкахъ; конкретность, живость и драматичность рѣчи, выражающей то радость и восторженность, то печаль и сожалѣніе, и оживляемой то молитвенными восклицаніями къ Богу, то пастырскими воззваніями къ царямъ и народамъ; непоколебимая вѣра въ успѣхъ дѣла соединенія церквей и упорная рѣшимость достигать осуществленія его всѣми средствами — все это далеко выдвигаетъ разсматриваемую энциклику изъ ряда другихъ папскихъ окружныхъ посланій и увлекаетъ читателя, даже и не богослова.

Но въ достоинствахъ энциклики заключаются и ея слабыя стороны. Энциклика болѣе похожа на тонкій и искусно составленный дипломатическій документъ, нежели на окружное посланіе епископа. Отъ нея вѣетъ свѣтскимъ духомъ. Папа неоднократно призываетъ на помощь Бога, разсуждаетъ о пользахъ Церкви, желаетъ всѣхъ людей сдѣлать участниками спасенія, и, тѣмъ не менѣе, энциклика производитъ впечатлѣніе дѣловой канцелярской бумаги, или государственнаго проекта. Въ ней мало церковности и истинной религіозности. Нѣтъ въ ней и той безискусственной простоты, той какъ-бы наивности, плѣнительной какъ безъискусственная красота полеваго цвѣтка, которыми обыкновенно запечатлѣны творенія генія и писанія святыхъ мужей. Такъ и кажется, что ужь не цѣлый-ли конклавъ духовныхъ лицъ и богослововъ фабриковалъ это посланіе, обсуждая каждую мысль, выковывая каждую фразу. Повидимому, составитель (или составители) этого посланія прилагалъ всѣ старанія къ тому, какъ бы не промахнуться, не проговориться, не сказать чего лишняго, какъ бы искуснѣе замаскировать свои затаенныя намѣренія, выгоднѣе оттѣнить и освѣтить свои предложенія, предотвратить подозрѣнія и возраженія, произвести наибольшій эффектъ. Многіе факты и вопросы, важные, но не мирящіеся съ цѣлями энциклики, намѣренно замолчены, или стушеваны, а все дѣйствительно или мнимо благопріятствующее имъ выдвинуто на первый планъ и ярко освѣщено. Въ энцикликѣ высказано много важныхъ и безспорныхъ истинъ, но другія изреченія ея показываютъ, что авторъ ея до такой степени отуманенъ и ослѣпленъ вѣроисповѣдными предразсудками, что не видитъ и не признаетъ, или не хочетъ видѣть и признать, достовѣрныхъ истинъ и

Digitized by Google

общеизвѣстныхъ фактовъ; онъ упорно держится укоренившихся въ Латинской церкви и въ папской системѣ заблужденій, и безъ колебанія жертвуетъ истиной и правдой, если это кажется ему нужнымъ для достиженія его будто-бы святой и великой цѣли. Это, замаскированное фразами, пренебреженіе истиной, неумѣстное особенно въ такомъ произведеніи, которое надписывается: „Апостольское посланіе святѣйшаго господина нашего Божіимъ промышленіемъ папы Льва XIII“, и которое обращено „къ государямъ и всѣмъ народамъ“, разочаровываетъ читателя энциклики, роняетъ достоинство ея и низводитъ ее въ рядъ прочихъ тенденціозно-вѣроисповѣдныхъ произведеній латинско-церковнаго пера, которымъ давно уже никто не вѣритъ кромѣ самихъ Латинянъ, да и то не всѣхъ. Конечно, людямъ, не получившимъ богословскаго образованія и въ частности незнакомымъ съ духомъ, характеромъ и пріемами письменности Латинскихъ богослововъ, и въ голову не придетъ заподозрить энциклику въ фальши: до такой степени она подкупаетъ неопытнаго читателя краснорѣчіемъ, нѣжною пастырскою попечительностью папы о благѣ всѣхъ людей, его религіозною ревностію о дѣлѣ соединенія всѣхъ народовъ въ одной Церкви, его пламеннымъ желаніемъ привести ко спасенію всѣхъ людей, безъ различія мѣста, времени, національности! Но знающій литературные пріемы латинскихъ богослововъ и способы дѣйствованія ихъ не можетъ отрѣшиться отъ подозрѣнія, что утонченная вѣжливость рѣчи въ энцикликѣ есть коварная вкрадчивость, а изысканная деликатность есть заискивающая лесть, что подъ личиной нѣжнаго отца и многопопечительнаго пастыря скрываются ненасытныя честолюбіе, властолюбіе и даже тираннія деспота, что религіозная ревность папы, пусть даже она искренна, не свободна отъ фанатизма, и, при односторонникъ, а отчасти и лживыхъ началахъ, лежащихъ въ основѣ всей папской системы, можетъ принести не столько пользы и добра, сколько вреда и зла. Къ энцикликѣ вполнѣ приложима русская пословица: „мягко стелетъ, да жестко спать“. Энциклика — это голосъ поющей сирены,— голосъ сладкій, но потому-то особенно и опасный. Папа распѣваетъ серенаду подъ окнами восточныхъ церквей; но ошибается онъ, если надѣется и вѣритъ, что онѣ прельстятся его заманчивыми обѣщаніями, украшенными цвѣтами латинскаго краснорѣчія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Александръ Бѣляевъ.

Digitized by Google

ОЧЕРЕДНАЯ РЕФОРМА.

Быстро бѣгущая, вѣчно прогрессирующая жизнь видвинула въ послѣднее время на очередь вопросъ о наилучшей организаціи общественнаго самоуправленія ремесленниковъ. Вопросъ этотъ является очень важнымъ не только въ административномъ, но и въ соціально-экономическомъ отношеніи. Онъ ближайшимъ образомъ затрогиваетъ существеннѣйшіе интересы представителей одной изъ наиболѣе распространенныхъ формъ производительнаго труда и въ тоже время—интересы той отрасли отечественной промышленности, которой суждено еще долго играть видную роль въ народномъ хозяйствѣ Россіи. Всего этого вполнѣ достаточно для того, чтобы ремесленный вопросъ имѣлъ право на серіозное къ нему вниманіе.

Какъ извѣстно, фабрично-заводское производство еще не успѣло вытѣснить въ Россіи ремесленное на столько, какъ въ другихъ государствахъ; поэтому ремесла еще долго будутъ удовлетворять многочисленнымъ и широкимъ потребностямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставлять средства къ существованію многочисленному классу тружениковъ. Судьбы же ремесленной промышленности въ значительной степени зависятъ отъ того, насколько предоставленное ремесленнымъ обществамъ самоуправленіе соотвѣтствуетъ своей главнѣйшей цѣли—развитію началъ самодѣятельности и самопомощи въ средѣ этихъ обществъ. Къ сожалѣнію, существующія нынѣ формы общественно-ремесленнаго самоуправленія представляются далеко несовершенными. Повсюду въ Россіи, за исключеніемъ обѣихъ столицъ и нѣсколькихъ другихъ городовъ, примѣняется ремесленно-цеховая орѓанизація, начертанная еще Петромъ Великимъ и подтвержденная въ 1785 году „Ремесленнымъ Положеніемъ“, вошедшимъ въ составъ „Жалованной грамоты на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи“. Это

Digitized by Google

„Положеніе“ почти цѣликомъ перешло въ дѣйствующій въ настоящее время „Ремесленный Уставъ. Въ нѣкоторыхъ, преимущественно небольшихъ городахъ, съ 1852 года введено „упрощенное ремесленное устройство“, изложенное въ ст. 185—200 того же „Устава“ и, наконецъ, съ 1862 г. въ обѣихъ столицахъ дѣйствуетъ тоже „упрощенное ремесленное устройство“, видоизмѣненное особыми правилами, изложенными въ приложеніи къ ст. 661 т. IX, зак. о сост. (Правила объ управленіи городскихъ сословій въ столицахъ).

Наиболѣе распространенная въ Россіи ремесленно-цеховая организація, какъ извѣстно, лишена историческихъ корней и пересажена на русскую почву съ Запада. Но въ Западной Европѣ ремесленные цехи образовались въ глухую пору средневѣковаго безправія и насилія, когда отдѣльный человѣкъ могъ сохранить неприкосновенность своего политическаго и матеріальнаго бытія не иначе, какъ подъ защитой и покровительствомъ какой-либо корпораціи. Ремесленники, соединяясь въ цехи, получали возможность болѣе или менѣе успѣшно защищать свою сословную и матеріальную самостоятельность и вступать въ борьбу съ другими корпораціями. Съ постепеннымъ же историческимъ и экономическимъ развитіемъ западно-европейской жизни политическая роль цеховъ сдѣлалась ненужною, а въ экономическомъ отношеніи замкнутость и обособленность цеховъ, обусловливающія вообще застой, стали тормазомъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія ремесленной промышленности. Но въ то самое время, какъ на собственной родной почвѣ ремесленные цехи сдѣлались анахронизмомъ, въ Россіи, подъ вліяніемъ всеобщаго преклоненія передъ внѣшними формами западно-европейской жизни, произведена была при Петрѣ Великомъ первая попытка создать у насъ въ городахъ западно-европейское цеховое устройство на вполнѣ отжившихъ началахъ сословной замкнутости и крайняго развитія началъ регламентаціи.

Существенными основаніями оставшейся отъ Петровыхъ временъ ремесленно-цеховой организаціи служитъ: дѣленіе лицъ, занимающихся ремеслами, по роду ремеслъ, на цехи; причемъ лица эти дѣлятся на вѣчно-цеховыхъ, то-есть, причисленныхъ въ цехи на неограниченное время и временныхъ, то-есть, лицъ другихъ сословій, приписанныхъ въ цехи на то лишь время, пока они занимаются ремеслами, безъ перемѣны своего званія и по сроки ихъ паспортовъ. Всѣ ремесленники, записанные

Digitized by Google

вѣчно и временно въ цехи, составляютъ общество, во главѣ котораго стоитъ ремесленный голова. Каждый цехъ, состоя изъ вѣчно и временно-цеховыхъ одного и того же ремесла, имѣетъ свою цеховую управу, какъ органъ исполнительный, и свой цеховой сходъ, какъ органъ совѣщательный и распорядительный. Въ каждой цеховой управѣ засѣдаютъ старшина и два его товарища, избираемые цеховымъ сходомъ, въ составъ котораго входятъ всѣ наличные хозяева ремесленныхъ заведеній даннаго цеха. Каждый цехъ имѣетъ свою отдѣльную кассу. Общее управленіе ремесленными дѣлами, децентрализованное по цехамъ, сосредоточивается въ общей ремесленной управѣ, состоящей изъ ремесленнаго головы и цеховыхъ старшинъ. Избраніе головы производится цеховыми старшинами и двумя избирающимися для сего отъ каждаго цеха гласными. При общей ремесленной управѣ созывается общій ремесленный сходъ, состоящій изъ хозяевъ-мастеровъ всѣхъ цеховъ. Каждая цеховая управа вѣдаетъ дѣла своего цеха, и цеховой сходъ устанавливаетъ денежные сборы въ цеховую казну на нужды и пользы цеха. Общая ремесленная управа вѣдаетъ дѣла, касающіяся всѣхъ ремесленниковъ, а общій ремесленный сходъ устанавливаетъ сборы въ общую ремесленную казну со всѣхъ ремесленниковъ безъ различія цеховъ. При каждой управѣ состоитъ цеховой маклеръ для засвидѣтельствованія разнообразныхъ актовъ, возникающихъ изъ отправленія содержателями ремесленныхъ мастерскихъ своей профессіи, и особенно для засвидѣтельствованія договоровъ о наймѣ подмастерій и учениковъ. Ремесленныя подмастерья также имѣютъ свое самоуправленіе,—подмастерскіе сходы по цехамъ и подмастерскія управы, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ подмастерскаго выборнаго съ двумя повѣренными, и свою отдѣльную кассу—„подмастерскій ларецъ“, какъ выражено въ законѣ.

Главный недостатокъ этой организаціи состоитъ въ крайней и совершенно излишней ея сложности при громадномъ числѣ самыхъ разнообразныхъ коллегіальныхъ инстанцій и полчищъ должностныхъ лицъ. Эта крайне сложная организація прежде всего неудобна уже потому, что обходится очень дорого и до крайности замедляетъ ходъ общественныхъ дѣлъ. Сплошь и рядомъ ремесленники дѣлятся въ городахъ на 25—30 цеховъ. Личный составъ ремесленнаго управленія, при раздѣленіи общества на 25, напримѣръ, цеховъ, долженъ состоять изъ нижеслѣдующихъ коллегіальныхъ учрежденій, инстанцій и должност-

Digitized by Google

ныхъ лицъ: изъ ремесленнаго головы, 25 цеховыхъ старшинъ, 50 старшинскихъ товарищей, общей ремесленной управы, 25 цеховыхъ управъ, общаго ремесленнаго схода, 25 цеховыхъ сходовъ, присяжнаго маклера при общей управѣ и 25 присяжныхъ маклеровъ при цеховыхъ управахъ, общей ремесленной кассы и 25 цеховыхъ кассъ, 25 подмастерскихъ управъ съ 25 подмастерскими выборными, 50 подмастерскими повѣренными и 25 подмастерскими кассами, не считая письмоводителей, бухгалтеровъ и другихъ канцелярскихъ служащихъ. Всѣмъ этимъ должностнымъ лицамъ и служащимъ нужно платить жалованье изъ средствъ, собираемыхъ съ ремесленниковъ. Кромѣ того при такой сложной организаціи движеніе дѣлъ замедляется до крайности, канцелярская волокита господствуетъ въ полномъ расцвѣтѣ. Самое же важное это то, что существованіе въ одномъ и томъ же обществѣ множество отдѣльныхъ кассъ вызываетъ раздробленіе общественныхъ суммъ, исключающее возможность такихъ предпріятій на общую пользу всего общества, которыя требуютъ объединенія его средствъ; тотъ или другой цехъ въ отдѣльности не можетъ, по недостатку средствъ, предпринять ту или другую всѣми признанную полезною мѣру; соединить же средства всѣхъ цеховъ мѣшаетъ существующая между ними рознь, даже вражда. Вражда эта нерѣдко крайне обостряется, въ особенности по поводу разграниченія ремеслъ между цехами.

Нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ и практическихъ дѣятелей склонны стоять на сторонѣ цеховаго устройства, видя въ немъ признаки корпоративнаго начала, получившаго такое удачное практическое выраженіе въ русской артели. Конечно, и устроитель ремесленныхъ цеховъ въ Россіи имѣлъ въ виду предоставить извѣстной общественной группѣ широкое самоуправленіе въ дѣлахъ, касающихся ея хозяйственныхъ интересовъ, вдохнуть въ нее духъ единенія, солидарности между товарищами по профессіи, общинный духъ съ примѣненіемъ началъ самодѣятельности и самопомощи. По всему „ремесленному уставу“ красною чертой проведено это доброе намѣреніе; многія статьи „Устава“ исполнены кромѣ того высокой гуманности и, не ограничиваясь чисто профессіональною стороной быта ремесленниковъ, устанавливаютъ взаимопомощь между ними даже въ частной жизни. Но дѣло въ томъ, что „Ремесленный Уставъ“ устанавливаетъ широко-общественное начало лишь въ предѣлахъ единицы—цеха; цѣлое уже общество слагается изъ единицъ

Digitized by Google

съ отдѣльными, обособленными интересами. Такимъ образомъ, ремесленно-цеховая организація, вмѣсто того, чтобы, какъ предполагалось, соединить всѣхъ ремесленниковъ въ одно единодушное цѣлое, создаетъ напротивъ между ними рознь, разъединяетъ ихъ силы и главное—дробитъ общественныя средства.

„Упрощенное ремесленное устройство“ опредѣляемое стт. 185—200 „Ремесленнаго Устава“, состоитъ въ томъ, что всѣ ремесленники въ городѣ, не раздѣляясь на цехи, составляютъ одно ремесленное сословіе, находящееся въ вѣдѣніи общей ремесленной управы при существованіи общаго ремесленнаго схода. Сходъ созывается время отъ времени для избранія должностныхъ лицъ, раскладки общественныхъ сборовъ и составленія смѣты расходовъ, а также для рѣшенія наиболѣе важныхъ общественныхъ дѣлъ.

Что-же касается организаціи ремесленнаго управленія въ столицахъ на основаніи правилъ, изложенныхъ въ приложеніи къ ст. 661 т. IX., закон. о сост., то она представляетъ собою то же упрощенное ремесленное устройство съ нѣкоторыми лишь измѣненіями; по упрощенному устройству въ общемъ ремесленномъ сходѣ участвуютъ всѣ наличные въ городѣ хозяева-ремесленники, что, при немногочисленности самостоятельныхъ хозяевъ въ небольшихъ городахъ, не представляетъ большихъ неудобствъ; въ столицахъ-же, гдѣ такіе хозяева считаются тысячами, постоянно созывать ихъ всѣхъ на сходы невозможно; въ виду этого, общіе ремесленные сходы въ столицахъ замѣнены собраніями выборныхъ, избираемыхъ тѣми-же общими сходами срокомъ на три года. Затѣмъ сходы эти созываются лишь въ очень немногихъ, указанныхъ въ законѣ случаяхъ. Собранію выборныхъ принадлежитъ распорядительная власть, а исполнительная сосредоточивается въ ремесленной управѣ. Таковы главныя основанія этой организаціи, представляющей значительныя удобства уже потому, что она упрощаетъ слишкомъ сложное цеховое устройство и устраняетъ ту рознь между ремесленниками, ту замкнутость, стремленіе къ сепаратизму по цехамъ, какія возникаютъ при цеховомъ устройствѣ; но дѣло въ томъ, что какъ при составленіи правилъ объ управленіи ремесленныхъ сословій въ столицахъ, такъ и при примѣненіи ихъ на практикѣ были сдѣланы очень существенныя отступленія отъ главныхъ основаній новосозданной организаціи,—отступленія породившія впослѣдствіи множество серіозныхъ недоразумѣній.

Digitized by Google

Согласно примѣчанія къ ст. 661, собранія выборныхъ состоятъ: въ Петербургѣ въ числѣ не менѣе 100 и не болѣе 150, а въ Москвѣ въ числѣ 100 выборныхъ. Во главѣ ремесленнаго сословія, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, стоитъ сословный старшина, предсѣдательствующій въ Управѣ; но составъ управъ опять-таки не одинаковъ; въ Москвѣ управа состоитъ, въ предсѣдательствѣ сословнаго старшины, изъ товарища сословнаго старшины, двухъ членовъ и двухъ засѣдателей; старшина, его товарищъ и члены управы избираются собраніемъ выборныхъ; одинъ засѣдатель избирается общимъ сходомъ временныхъ цеховыхъ-русскихъ, а другой засѣдатель—общимъ сходомъ ремесленниковъ-иностранцевъ. Въ Петербургѣ же при управѣ нѣтъ засѣдателя отъ ремесленниковъ-иностранцевъ; послѣдніе имѣютъ свое отдѣльное управленіе, которое сосредоточивается въ особой управѣ иностранныхъ ремесленныхъ цеховъ.

Эти отступленія отъ общихъ правилъ вызваны, конечно, соображеніями мѣстнаго характера и не нарушаютъ стройности, единства организаціи; но рядомъ съ ними, вслѣдствіе неясной редакціи приложенія къ ст. 661 на практикѣ возникли недоразумѣнія въ высшей степени серьезнаго свойства и управленія ремесленными обществами, образованныя въ обѣихъ столицахъ на основаніи одного и того же закона, оказались совершенно непохожими въ существеннѣйшихъ чертахъ одно на другое. Въ Петербургѣ одно, въ Москвѣ—совсѣмъ другое. Въ Петербургѣ рядомъ съ устройствомъ общаго ремесленнаго управленія, начертаннаго приложеніемъ къ ст. 661, сохранилось цеховое устройство, децентрализированное по отдѣльнымъ цехамъ. Въ Москвѣ же это цеховое устройство было вполнѣ упразднено. Чтобы уяснить значеніе такого упраздненія, необходимо замѣтить, что „Ремесленный Уставъ“ дѣлитъ ремесленниковъ на двѣ категоріи,—на вѣчно-цеховыхъ и временно-цеховыхъ русскихъ и иностранцевъ. Собственно ремесленное *сословіе* составляютъ вѣчно-цеховые, то-есть, лица, навсегда приписанныя къ этому сословію, независимо отъ того, занимаются-ли они ремеслами, или нѣтъ; временно-цеховые—это лица другихъ сословій, дворяне, купцы, мѣщане, крестьяне, входящіе въ составъ ремесленнаго общества только временно, и именно на то лишь время, пока они занимаются ремеслами; цеховые иностранцы числятся на однихъ основаніяхъ съ временно-цеховыми русскими подданными. До введенія правилъ объ управленіи ремесленными сословіями

Digitized by Google

въ столицахъ на основаніи приложенія къ ст. 661, какъ вѣчно-цеховые, такъ и временно-цеховые, равномѣрно входя въ составъ цеховъ, пользовались одинаковыми правами участія въ ремесленно-общественномъ управленіи; но съ введеніемъ этихъ правилъ временно-цеховые утратили свои права въ Петербургѣ отчасти, а въ Москвѣ совсѣмъ. Какъ въ той, такъ и въ другой столицахъ въ избирательныя собранія для составленія собранія выборныхъ, замѣнившаго собой прежніе общіе ремесленные сходы, стали допускаться исключительно одни только вѣчно-цеховые; само собою разумѣется, что только изъ нихъ избирались и выборные. Такимъ образомъ временно-цеховые, лишенные возможности имѣть въ собраніи выборныхъ своихъ представителей, перестали участвовать въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ, касающихся отдѣльныхъ ремеслъ и всѣхъ ремесленниковъ вообще; перестали также участвовать въ избраніи должностныхъ лицъ; не принимали участія ни въ установленіи сборовъ, ни въ распредѣленіи собранныхъ денегъ, и съ теченіемъ времени даже общественныя богадѣльни и другія учрежденія, устроенныя и содержимыя на счетъ суммъ, собираемыхъ со всѣхъ ремесленниковъ, сдѣлались для нихъ недоступными. Въ Петербургѣ временно-цеховые пользовались и пользуются все-таки правомъ участія въ сохранившемся въ извѣстныхъ предѣлахъ цеховомъ управленіи; имѣютъ кромѣ того представителей въ управѣ въ лицѣ засѣдателей, а иностранцы-ремесленники получили свое особое управленіе. Въ Москвѣ же единственными представителями интересовъ временно-цеховыхъ являлись два засѣдателя, избиравшіеся одинъ — собраніемъ временно-цеховыхъ русскихъ подданныхъ и другой—иностранныхъ подданныхъ.

Между тѣмъ статистическія данныя о числѣ ремесленниковъ въ Москвѣ и приходо-расходныя смѣты московскаго ремесленнаго общества съ неопровержимою ясностью доказываютъ, что ремесленная промышленность въ Москвѣ и общественно-ремесленное хозяйство поддерживаются главнѣйшимъ образомъ временно-цеховыми, которые, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе очевиднаго недоразумѣнія, были лишены права участія въ дѣлахъ ремесленнаго общества. По свѣдѣніямъ Московскаго губернскаго управленія, въ Москвѣ числится мастеровъ хозяевъ ремесленныхъ заведеній 18.974 человѣкъ, подмастерьевъ 40.248 и учениковъ 7.173, а всего ремесленниковъ 66.395 человѣкъ. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, сословіе вѣчно-цеховыхъ состоитъ изъ 15.757 че-

Digitized by Google

ловѣкъ, подлежащихъ окладу; но ремеслами занимается только около 3.000 человѣкъ. Итакъ, временно-цеховые составляютъ подавляющее большинство — 63.000 противъ 3.000. Въ то же время самою значительною статьей доходовъ ремесленной казны является сборъ, взимаемый съ лицъ, производящихъ ремесла; а такъ какъ изъ числа вѣчно-цеховыхъ ремеслами занимается лишь небольшая часть, то становится очевиднымъ, что главнѣйшую часть ремесленнаго сбора доставляютъ тѣ же временно-цеховые. Такимъ образомъ временно-цеховые составляютъ въ общей массѣ московскихъ ремесленниковъ подавляющее большинство и въ то же время—наиболѣе значительную платежную силу. Тѣмъ не менѣе это большинство было лишено права участія въ общественномъ управленіи и въ дѣлахъ, касающихся судебъ столь близкой имъ ремесленной промышленности. Оно не участвовало въ постановленіяхъ объ обложеніи въ явное нарушеніе справедливости и „Ремесленнаго Устава", по которому обложеніе это должно совершаться не иначе какъ по принципу самообложенія, „добровольной складки". Оно было даже лишено права распоряжаться тѣми капиталами, которые составлялись изъ ихъ же взносовъ. Все управленіе очутилось исключительно въ рукахъ небольшой группы вѣчно-цеховыхъ. Громадное большинство дѣйствительныхъ ремесленниковъ и общественныхъ плательщиковъ было подчинено незначительному меньшинству, и большинству предоставлялось только платить, молчать и безропотно повиноваться.

Надо замѣтить еще, что устраненіе временно-цеховыхъ отъ участія въ общественно-ремесленномъ управленіи, существовавшее до конца 1892 года въ Москвѣ и существующее въ Петербургѣ до настоящаго времени, являлось не только величайшею несправедливостью въ отношеніи цѣлой массы ремесленниковъ, но и устраняло отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ лучшія силы, лучшихъ людей ремесленнаго общества. Такъ какъ выборные избирались исключительно изъ среды вѣчно-цеховыхъ, между которыми ремеслами занимаются лишь немногіе, то и въ собраніи выборныхъ,—въ высшемъ органѣ общественно-ремесленнаго управленія,—большинство состояло изъ лицъ, никогда никакимъ ремесломъ не занимавшихся, не понимавшихъ истинныхъ нуждъ и потребностей ремесленниковъ и нерѣдко даже относившихся враждебно къ мѣропріятіямъ на пользу ремесленнаго дѣла. Въ любомъ изъ вопросовъ, касающихся раз-

Digitized by Google

витія ремесленной промышленности, большинство видѣло праздные вопросы, вызывающіе лишь излишніе расходы. Неудивительно послѣ этого, что, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, такія неотложныя задачи, какъ устройство школъ грамотности для ремесленныхъ учениковъ и профессіонально-ремесленныхъ школъ для подготовки подмастерьевъ, какъ мѣры къ поднятію многихъ въ послѣднее время сильно упавшихъ ремеслъ, какъ организація кредита для ремесленниковъ, улучшеніе условій покупки необработанныхъ матеріаловъ и сбытъ готовыхъ издѣлій, упорядоченіе внутренняго быта мастерскихъ, и множество тому подобныхъ первостепенной важности вопросовъ, до сихъ поръ не вышли изъ сферы желаній и предположеній.

Выборные, или по крайней мѣрѣ большинство ихъ, могли въ отношеніи ремеслъ сказать:

Что я Гекубѣ
И что Гекуба мнѣ?

что въ переводѣ на московскій жаргонъ обозначаетъ: „Нешто я отъ рукомесла хлѣбъ ѣмъ?“

И собраніе выборныхъ, и прислушивавшаяся къ его камертону ремесленная управа полагали всю задачу общественнаго управленія лишь въ развитіи благотворительной части, но, къ сожалѣнію, на совершенно ложной почвѣ, въ достиженіи фискальныхъ цѣлей ради увеличенія общественной казны, въ выдачѣ паспортовъ и исполненіи различныхъ формальностей. Сухая, безжизненная канцелярщина, бюрократизмъ—совершенно подавляли живое дѣло, свѣжую мысль, и если что-либо и дѣлалось въ области пользъ и нуждъ ремесленной промышленности, то обыкновенно безъ всякаго участія общественно-ремесленнаго управленія. Портные какъ-то возбудили ходатайство объ измѣненіи таможенныхъ ставокъ на привозное готовое платье въ томъ смыслѣ, чтобы русскіе рабочіе не были лишены заработка; затѣмъ ювелиры, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера возбудили ходатайство о пересмотрѣ устарѣвшаго пробирнаго устава, а общественно-ремесленное управленіе и въ томъ и въ другомъ случаяхъ стояло въ сторонѣ, словно-бы вопросы эти нисколько его не касались. Въ первой въ Россіи спеціально-ремесленной выставкѣ 1885 года въ Москвѣ, увѣнчавшейся такимъ крупнымъ успѣхомъ, общественно-ремесленное управленіе принимало лишь очень скромное участіе. Артели ремесленниковъ для сбыта ихъ издѣлій были учреждены также безъ малѣйшаго участія этого

Digitized by Google

управленія. Лѣчебница и поликлиника для ремесленниковъ, основанныя на счетъ частныхъ благотворителей и приносящія очень значительную пользу рабочему люду, получили полнѣйшій отказъ, когда они обратились къ общественно-ремесленному управленію съ просьбой о незначительной субсидіи. Дѣло ремесленнаго клуба застыло въ самомъ началѣ, не смотря на то, что уставъ его уже давно утвержденъ правительствомъ и что въ такомъ учрежденіи чувствуется настоятельная потребность. Клубъ этотъ, при правильной его постановкѣ, могъ бы съ успѣхомъ послужить къ тому, чтобы облагородить развлеченія, которымъ предаются теперь ремесленники, могъ-бы отучить ихъ отъ трактира, содѣйствовать увеличенію общенія между ремесленниками и, въ концѣ концовъ, путемъ популярныхъ лекцій, облагороженныхъ развлеченій и общенія съ лучшими представителями ремесленнаго общества послужить къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня ремесленниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ поднятію ихъ соціальнаго положенія. За-границей въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Парижѣ— ремесленники занимаютъ въ обществѣ почетное мѣсто, какъ представители производительнаго труда, какъ лица, на трудѣ которыхъ зиждется благосостояніе страны. У насъ почетное званіе „мастеръ“ выродилось въ презрительное „мастеровщина“ и „цеховой“ стало чуть-ли не браннымъ словомъ. Достаточно, наконецъ, вспомнить, какъ равнодушно отнеслось московское общественное правленіе къ вопросамъ о пересмотрѣ таможеннаго тарифа, имѣющаго такое сильное вліяніе на отечественную ремесленную промышленность; достаточно припомнить дебаты о возстановленіи въ обиходѣ ремесленнаго ученичества „розги“, происходившіе при составленіи доклада съѣзду дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, чтобы понять всю ненормальность такого порядка вещей, при которомъ дѣлами ремесленными заправляли не-ремесленники. А въ это время временно-цеховые, среди которыхъ не мало не только превосходныхъ мастеровъ, но и лицъ вполнѣ развитыхъ, образованныхъ, глубоко знающихъ положеніе ремеслъ и нужды ремесленниковъ, были устранены отъ всякаго участія въ дѣлахъ, столь близко касающихся той отрасли труда, которой они посвятили свои силы.

Такая вопіющая несправедливость длилась въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, съ 1862 г. по 1892 годъ. Наконецъ, вслѣдствіе протеста одного изъ временно-цеховыхъ, разсматривавша-

Digitized by Google

гося въ различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и доходившаго до сената, московское губернское правленіе разъяснило, что собраніе выборныхъ, составляющее высшій распорядительный органъ въ общественно-ремесленномъ управленіи, должно состоять не только изъ вѣчно, но изъ временно-цеховыхъ въ числѣ, пропорціональномъ общей численности тѣхъ и другихъ. Въ силу этого разъясненія и было образовано въ ноябрѣ 1892 г. обновленное собраніе выборныхъ, въ которомъ временно-цеховые получили, конечно, численный перевѣсъ надъ вѣчно-цеховыми; въ составъ собранія отъ первыхъ вошло 73 и отъ вторыхъ только 27 выборныхъ. Введеніемъ временно-цеховыхъ въ составъ собранія выборныхъ устранена дѣйствительно вопіющая несправедливость по отношенію къ этимъ бывшимъ пасынкамъ ремесленнаго общества; но этимъ еще не разрѣшенъ капитальный по своему значенію для ремесленниковъ вопросъ о наилучшей организаціи общественно-ремесленнаго управленія. Прежде всего реформа этого управленія въ Москвѣ совершена по указаніямъ московскаго губернскаго правленія, обязательнымъ только въ предѣлахъ московской губерніи, тогда какъ въ данномъ случаѣ требуется такое компетентное рѣшеніе вопроса, которое было бы обязательнымъ закономъ для всѣхъ городовъ Россіи. Если вопросъ будетъ предоставленъ частнымъ рѣшеніямъ губернскихъ правленій, то въ организаціи ремесленныхъ обществъ явится совершенно неумѣстная и неудобная разноголосица. Въ Москвѣ—одно, въ Петербургѣ—другое, въ Кіевѣ—третье и т. д. до безконечности. Самое же главное это то, что опредѣленіе губернскаго правленія далеко не чуждо нѣкоторыхъ погрѣшностей, неясностей и недомолвокъ, не долженствовавшихъ бы имѣть мѣсто въ такомъ серіозномъ дѣлѣ, какъ переустройство организаціи цѣлаго общества. Я укажу только на нѣкоторыя изъ этихъ погрѣшностей. 1) Допущеніе въ составъ собранія выборныхъ представителей отъ временно-цеховыхъ и притомъ въ количествѣ 73 противъ 27 вѣчно-цеховыхъ, лишило его возможности отправлять свои обязанности въ порядкѣ, указанномъ закономъ; по п. 5 прилож. къ ст. 661 т. IX закон. о сост., въ кругъ вѣдѣнія собранія выборныхъ входитъ множество чисто-сословныхъ дѣлъ, для рѣшенія которыхъ требуется присутствіе не менѣе 50 выборныхъ отъ сословія вѣчно-цеховыхъ. Дѣла эти: примѣненіе исправительныхъ наказаній и удаленіе порочныхъ членовъ сословія, раскладка общественнаго подушнаго

Digitized by Google

сбора и т. д. Между тѣмъ теперь, когда въ собраніи выборныхъ московскаго ремесленнаго общества числится всего 27 выборныхъ отъ сословія вѣчно-цеховыхъ, требуемыхъ закономъ 50-ти выборныхъ отъ этого сословія, естественно, не имѣется и, вслѣдствіе этого, происходятъ очень странныя вещи: коренныхъ цеховыхъ отправляютъ въ Сибирь на поселеніе не члены своего сословія, а крестьяне, мѣщане, купцы и дворяне; коренныхъ цеховыхъ облагаютъ общественнымъ подушнымъ сборомъ не свои люди, а крестьяне, мѣщане купцы—и только потому, что послѣдніе временно записаны въ цехи и то лишь на сроки ихъ паспортовъ. Члены однихъ сословій казнятъ и милуютъ, облагаютъ сборами, подвергаютъ экзекуціямъ и контрибуціямъ членовъ совершенно другаго сословія. Когда же крестьянинъ, мѣщанинъ или купецъ, хотя бы и записанный временно въ цехъ, уличенъ въ порочномъ поведеніи, то примѣненіе къ нему исправительныхъ наказаній и удаленіе изъ общества зависитъ не отъ ремесленнаго общества, а отъ того сословія, къ которому уличенный принадлежитъ по своему состоянію. Такимъ образомъ, сословіе вѣчно-цеховыхъ оказалось въ какомъ-то непозволительно странномъ положеніи. Достаточно кому-либо записаться въ одинъ изъ ремесленныхъ цеховъ, хоть бы на короткое время, по срокъ паспорта, и онъ получаетъ право суда, расправы и установленія сборовъ съ сословія вѣчно-цеховыхъ; но при этомъ самъ-то онъ не подвергается ни этому суду, ни расправѣ, ни сборамъ.

2) При прежнемъ порядкѣ, всѣ должностныя лица ремесленной управы: старшина, товарищъ его и два члена избирались вѣчно-цеховыми; представителями же временно-цеховыхъ въ управѣ служили два засѣдателя. Теперь же рядомъ съ предоставленіемъ временно-цеховымъ права избиранія старшины, его товарища и двухъ членовъ управы, сохранены еще и должности двухъ засѣдателей. Такимъ образомъ вѣчно-цеховымъ оставлено лишь право участія въ выборахъ управы, а временные, вслѣдствіе подавляющаго численнаго преобладанія ихъ въ собраніи выборныхъ, не только de facto избираютъ управу, но еще и имѣютъ своихъ особыхъ представителей въ лицѣ засѣдателей, то-есть, пользуются двойнымъ представительствомъ.

3) До „реформы“ временно-цеховые не участвовали въ раскладкѣ общественныхъ сборовъ и только платили ихъ; раскладка производилась исключительно вѣчно-цеховыми и такимъ

Digitized by Google

образомъ нарушался принципъ „самообложенія“, установленный „ремесленнымъ уставомъ“. Теперь обстоятельства измѣнились, но такъ, что вѣчно-цеховые оказались въ точно такомъ же положеніи, въ какомъ прежде находились временные. Въ „ремесленную казну“, изъ которой покрываются всѣ общественныя нужды и вѣчно и временно-цеховыхъ, послѣдніе платятъ только одинъ сборъ за право занятія ремеслами, а вѣчно-цеховые платятъ два сбора: тотъ же ремесленный и общественный подушный; но раскладку подушнаго сбора производятъ тѣже временные цеховые, которые его не платятъ. Здѣсь опять нарушается принципъ „самообложенія“.

Такимъ образомъ, всѣ существующія въ настоящее время въ Россіи формы общественно-ремесленнаго управленія оказываются неудачными, такъ какъ ни одна изъ нихъ не соотвѣтствуетъ современнымъ общественнымъ и экономическимъ потребностямъ ремесленниковъ. Въ виду этого вопросъ о наилучшей организаціи такого управленія поставленъ на ближайшую очередь; министерство внутреннихъ дѣлъ успѣло уже собрать обширный матеріалъ по данному вопросу, затребовавъ отъ губернаторовъ свѣдѣнія о числѣ ремесленниковъ въ каждой губерніи, о положеніи ихъ общественнаго хозяйства, о частныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью содѣйствіе ремесленной промышленности и ремесленникамъ, объ условіяхъ производства ремеслъ и сбыта ремесленныхъ издѣлій и проч. Свѣдѣнія эти послужатъ матеріаломъ для крупной законодательной работы съ участіемъ представителей отъ министерствъ финансовъ и юстиціи, имѣющей цѣлью выработать единообразную для всей Россіи и соотвѣтствующую требованіямъ времени форму общественно-ремесленнаго управленія.

Главный недостатокъ такого управленія во всѣхъ формахъ, какія нынѣ существуютъ, состоитъ въ томъ, что онѣ обоснованы на принципѣ сословности, а не на принципѣ профессіональности. Въ составъ ремесленныхъ сословій входятъ не только ремесленники по профессіи, но и ремесленники лишь по названію, такъ-называемые вѣчно-цеховые, большинство которыхъ ремеслами не занимается. Начало этому ненормальному явленію было положено Екатерининскимъ „ремесленнымъ положеніемъ.“ При начертаніи его, очевидно предполагалось, что лица, приписанныя къ ремесленному сословію, будутъ передавать свое ремесло преемственно отъ поколѣнія къ поколѣнію. Соображеніе это погрѣшило,

Digitized by Google

однако, тѣмъ, что оно не приняло во вниманіе будущаго; оно высказывалось въ то время, когда переходъ отъ одной профессіи къ другой для низшихъ слоевъ городскаго населенія, а тѣмъ болѣе для населенія сельскаго, былъ очень затруднителенъ. Но времена и условія городской жизни измѣнились, да къ тому-же послѣдовало освобожденіе крестьянъ, о которомъ составители „ремесленнаго положенія“ 1785 года не могли, конечно, допускать и мысли. Съ отмѣной крѣпостной зависимости множество дворовыхъ людей, оставшихся безъ земельныхъ надѣловъ, направилось въ города искать куска хлѣба; только небольшой процентъ ихъ владѣлъ знаніемъ ремесла въ качествѣ бывшихъ дворовыхъ плотниковъ, кузнецовъ, портныхъ, сапожниковъ; большинство-же не было пріучено къ какому-либо профессіональному труду. Всѣхъ ихъ нужно было приписать къ городскимъ сословіямъ; бывшихъ дворовыхъ-ремесленниковъ правительство распорядилось приписать къ ремесленному сословію, но вмѣстѣ съ дворовыми-ремесленниками приписались нелегальнымъ путемъ тысячи дворовыхъ, не знавшихъ ремеслъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, множество ремесленниковъ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ перемѣнили родъ занятій, оставляя ремесло, но продолжая, все-таки, числиться вѣчно-цеховыми. Въ концѣ концовъ сословіе вѣчно-цеховыхъ, долженствующее по духу закона состоять исключительно изъ ремесленниковъ по профессіи, считаетъ въ своемъ составѣ лишь ничтожный процентъ ихъ. Съ другой стороны, принадлежность вѣчно-цеховыхъ, не занимающихся ремеслами, къ „ремесленному сословію, создаетъ крайне тяжелое бремя какъ для временно-цеховыхъ, такъ и для вѣчно-цеховыхъ ремесленниковъ. Чтобы уяснить это положеніе, необходимо обратиться къ смѣтамъ ремесленныхъ обществъ.

Главнѣйшія статьи доходовъ Московскаго Ремесленнаго Общества составляютъ сборы общественый, подушный и ремесленный. Первый изъ этихъ сборовъ имѣетъ характеръ подати за право принадлежности къ сословію, и его, на основаніи статей 78, 159, 181 и 192 „Ремесленн. Устава“ обязаны платить 14.195 лицъ, числящихся вѣчно-цеховыми; на самомъ же дѣлѣ сборъ этотъ платили:

Въ 1890 году.....	3.789	челов.
„ 1891 „	3.448	„
„ 1892 „	3.163	„
Итого въ три года...	10.400	„

Digitized by Google

Такимъ образомъ, изъ 14.195 лицъ, приписанныхъ къ московскому ремесленному сословію въ качествѣ вѣчно-цеховыхъ, общественный подушный сборъ уплачивается, среднимъ числомъ, только 3.467 человѣками; всѣ остальные ничего не вносятъ въ общественную казну, пользуясь, однако, всѣми выгодами, сопряженными съ принадлежностью къ сословію. Надо замѣтить при этомъ, что число плательщиковъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше цифръ, постоянно уменьшается, и, вслѣдствіе этого, недоимка растетъ съ удивительною быстротой, достигнувъ уже громадной цифры—свыше 372.000 р.

Другимъ источникомъ общественныхъ доходовъ и, притомъ, наиболѣе значительнымъ, является „ремесленный“ сборъ, взимаемый на основаніи статей 79, 158, 176, 177, 178 и 179 „Ремесленнаго Устава“, въ видѣ пошлины за право производства ремесла; но такъ какъ громадное большинство вѣчно-цеховыхъ ремеслами не занимается, то оно и не платитъ „ремесленнаго“ сбора. Такимъ образомъ, вѣчно-цеховые, не занимающіеся ремеслами, или совсѣмъ не участвуютъ, или участвуютъ въ очень слабой степени въ накопленіи общественныхъ средствъ; тѣмъ не менѣе громадная часть этихъ средствъ употребляется на удовлетвореніе нуждъ тѣхъ же вѣчно-цеховыхъ. Такъ, напримѣръ, главнѣйшую статью расходовъ московскаго ремесленнаго сословія составляютъ: содержаніе ремесленной богадѣльни съ Александровскимъ при ней училищемъ, имѣющимъ характеръ пріюта для малолѣтнихъ, выдача ежемѣсячныхъ пособій бѣднѣйшимъ членамъ и вообще благотворительная часть. На этотъ предметъ тратится болѣе трехъ четвертей всѣхъ общественныхъ доходовъ, доставляемыхъ почти исключительно дѣйствительными ремесленниками, большинство которыхъ составляютъ временно-цеховые. Между тѣмъ призрѣваемые въ богадѣльнѣ принадлежатъ все къ тѣмъ же вѣчно-цеховымъ, не занимающимся ремеслами и ничего не платящимъ въ общественную кассу. Дѣйствительный ремесленникъ только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ бываетъ принужденъ обращаться къ общественной помощи; ремесло составляетъ для него прочный рессурсъ къ существованію; въ то же время лица, хотя и принадлежащія къ цеховому сословію, но занимающіяся иными профессіями, составляютъ контингентъ, всегда поставляющій главную массу кандидатовъ въ общественную богадѣльню; цеховой не-ремесленникъ по профессіи служитъ приказчикомъ, конторщикомъ, артельщикомъ, кучеромъ,

Digitized by Google

дворникомъ только до тѣхъ поръ, пока онъ крѣпокъ, здоровъ; съ упадкомъ силъ, съ разстройствомъ здоровья, съ наступленіемъ дряхлости, онъ обращается къ общественной благотворительности, требуя отъ сословія или угла въ богадѣльнѣ, или ежемѣсячнаго пособія. Въ результатѣ такого положенія дѣлъ оказывается, что цеховой, въ лучшую пору своей жизни ничего не вносившій въ общественную казну, не платившій, какъ не-ремесленникъ, ремесленнаго сбора и уклонявшійся отъ платежа общественнаго подушнаго сбора, требуетъ на себя отъ того же сословія наибольшихъ расходовъ, масса вѣчно-цеховыхъ не-ремесленниковъ сидитъ, такъ сказать, на шеѣ у дѣйствительныхъ ремесленниковъ.

Затѣмъ принадлежность къ ремесленному обществу многочисленнато контингента не-ремесленниковъ обусловливаетъ обремененіе общественно-ремесленнаго управленія дѣлами административнаго и чисто-сословнаго характера. Взиманіе сословныхъ сборовъ, регистрація, выдача паспортовъ, дѣла по воинской повинности и по принятію исправительныхъ мѣръ въ отношеніи порочныхъ членовъ, причисленіе въ сословіе и увольненіе изъ него и т. п. требуютъ значительныхъ расходовъ на канцеляріи,— требуютъ, кромѣ расходовъ, и значительной затраты времени.

Вообще, на общественно-ремесленное управленіе возложено столько чисто-сословныхъ дѣлъ и веденіе этихъ дѣлъ сопряжено съ такими затратами общественныхъ суммъ, что у него не остается ни времени, ни средствъ на одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, вводимыхъ „Ремесленнымъ Уставомъ“ въ кругъ его обязанностей, именно на „разныя предпріятія, одобренныя начальствомъ, къ улучшенію быта ремесленниковъ и состоянія ремеслъ въ городѣ“, (Ст. 167). Если и случается, что кто-либо изъ членовъ общественно-ремесленнаго управленія, принадлежащій къ числу дѣйствительныхъ ремесленниковъ, сдѣлаетъ попытку возбудить вопросъ о какомъ-либо предпріятіи на пользу ремеслъ, то попытка эта обыкновенно терпитъ неудачу, не только потому, что встрѣчается съ индифферентизмомъ и даже прямымъ несочувствіемъ выборныхъ не-ремесленниковъ, но и потому, что на это не достаетъ матеріальныхъ средствъ. Вообще масса вѣчно-цеховыхъ не-ремесленниковъ до крайности обременяетъ дѣйствительныхъ ремесленниковъ, и тѣ денежныя средства, которыя вносятся послѣдними въ общественную кассу, почти цѣликомъ уходятъ на нужды не-ремесленниковъ, а для „улучшенія ремеслъ въ городѣ“ ничего не остается.

Digitized by Google

Это именно обстоятельство и должно имѣть главнѣйшимъ образомъ въ виду при начертаніи правилъ объ общественно-ремесленномъ управленіи, соотвѣтствующемъ современнымъ нуждамъ и пользамъ ремесленниковъ.

Въ данномъ случаѣ необходима коренная реформа, и въ основаніе этой реформы должна быть положена замѣна принципа *сословности* принципомъ *профессіональности*. Необходимо, чтобы ремесленники были объединены не въ *сословіи*, а въ профессіональномъ *обществѣ* и притомъ такомъ, которое не только въ моментъ реформы, но и въ послѣдующее время состояло бы исключительно изъ лицъ, занимающихся ремеслами, то-есть, изъ мастеровъ-хозяевъ ремесленныхъ заведеній, подмастерьевъ и учениковъ. Для этого прежде всего необходимо будетъ отдѣлить отъ общества спеціально-ремесленнаго массу лицъ ремеслами не занимающихся и затѣмъ установить такія правила, при которыхъ и на будущее время такія лица не могли бы находиться въ средѣ спеціально-ремесленнаго общества. Нѣкоторые надѣятся достигнуть этого требованіемъ отъ лицъ, причисляющихся въ существующія ремесленныя сословія, доказательствъ о томъ, что они занимаются ремеслами, и совершеннымъ прекращеніемъ пріема въ эти общества не-ремесленниковъ; но такимъ путемъ будетъ предупрежденъ лишь наплывъ въ ремесленныя общества новыхъ членовъ изъ числа не-ремесленниковъ; а нынѣшніе вѣчно-цеховые не занимающіеся ремеслами, а съ вымираніемъ ихъ потомство ихъ, все-таки будутъ по прежнему составлять обременительную для ремесленниковъ массу. Кромѣ того, можетъ случиться, что потомство того или другаго изъ ремесленниковъ, вновь принятыхъ въ среду общества, перемѣнитъ профессію, но все-таки оно будетъ числиться въ составѣ ремесленнаго общества. Могутъ быть, наконецъ, и злоупотребленія; найдутся лица, которыя станутъ устраивать мастерскія лишь на короткое время съ исключительною цѣлью пріобрѣсти цензъ для причисленія въ ремесленное общество. Въ данномъ случаѣ необходимо поступить рѣшительно и вполнѣ упразднить отдѣльное сословіе вѣчно-цеховыхъ, приписавъ ихъ, какъ занимающихся, такъ и не занимающихся ремеслами, къ сословію мѣщанъ, то-есть, обратить ихъ въ то положеніе, въ какомъ они находились до изданія Екатерининской „Жалованной грамоты на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи“.

Такая мѣра была бы тѣмъ удобнѣе, что существованіе отдѣль-

Digitized by Google

наго сословія вѣчно-цеховыхъ на ряду съ мѣщанскимъ, при одинаковыхъ правахъ состоянія, является совершенно излишнимъ. По перечисленіи всѣхъ вѣчно-цеховыхъ въ сословіе мѣщанъ слѣдуетъ, придерживаясь буквальнаго смысла ст. 120 „Жалованной грамоты", „въ ремесленные цехи писать всякаго кто въ городѣ рукомесло или рукодѣліе производить желаетъ", образовавъ изъ этихъ представителей профессіонально-ремесленнаго труда самостоятельное *общество* ремесленниковъ. При такомъ порядкѣ ремесленное *общество* въ моментъ реформы будетъ состоять изъ нынѣшнихъ временно-цеховыхъ и только тѣхъ изъ нынѣшнихъ вѣчно-цеховыхъ, которые занимаются ремеслами; всѣ эти лица будутъ поставлены въ отношеніе своихъ сословныхъ правъ и обязанностей въ положеніе нынѣшнихъ временно-цеховыхъ или временныхъ купцовъ, то-естъ, отбывать въ подлежащихъ сословіяхъ повинности, пользоваться тамъ правомъ участія въ самоуправленіи и т. д. и числиться въ составѣ профессіонально-ремесленнаго *общества* только до тѣхъ поръ, пока будутъ получать или дозволеніе на право содержанія мастерской, или свидѣтельство на званіе мастера или подмастерья. Затѣмъ всѣ чины организованнаго такимъ образомъ *общества* ремесленниковъ должны пользоваться совершенно равными избирательными правами въ области своего общественнаго управленія. Само собою разумѣется, что лишь только кто-либо изъ членовъ организованнаго такимъ образомъ ремесленнаго *общества* перестанетъ заниматься ремесломъ, обратившись къ другимъ занятіямъ, то онъ будетъ подлежать немедленному исключенію изъ общества.

Такова должна быть организація ремесленнаго общества, порядокъ вступленія и выбытія изъ его состава. Что касается формы общественно-ремесленнаго самоуправленія, то наиболѣе совершенною все-таки надо считать ту, которая опредѣлена примѣчаніемъ къ ст. 661 т. IX, для столицъ, но съ нѣкоторыми измѣненіями, а именно: съ отмѣной существующаго въ Петербургѣ на ряду съ общимъ ремесленнымъ управленіемъ совершенно излишняго цеховаго устройства и съ установленіемъ—какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ—такихъ правилъ относительно порядка выборовъ представителей въ собраніе выборныхъ, при которыхъ каждый родъ мастерства имѣлъ бы въ собраніи своихъ представителей. Правила эти необходимы ради устраненія такихъ ненормальныхъ явленій, какія имѣютъ въ настоящее время

Digitized by Google

мѣсто въ Москвѣ. Тутъ въ составѣ собранія выборныхъ, состоящаго изъ ста лицъ, числится 50 булочниковъ; но въ то же время нѣтъ совсѣмъ представителей отъ нѣкоторыхъ широкораспространенныхъ ремеслъ. Такимъ образомъ, промыселъ, который по справедливости даже не можетъ быть названъ ремесломъ, представляется въ собраніи 50-ю выборными, готовыми во всякое время встать поголовно на защиту его интересовъ, а многія ремесла совсѣмъ лишены представительства, и интересы ихъ некому защищать. Въ устраненіе такого дѣйствительно ненормальнаго порядка необходимо, чтобы выборы производились не въ одномъ общемъ избирательномъ собраніи, а съ подраздѣленіемъ избирателей на группы по роду ремеслъ; для этого приходилось бы только передъ каждыми выборами приводить въ извѣстность наличное число ремесленниковъ, имѣющихъ право участвовать въ выборахъ по каждому ремеслу отдѣльно, и затѣмъ предоставить каждой группѣ избрать изъ своей среды то число выборныхъ, какое придется на него по разверсткѣ пропорціонально отношенію между численностью группы и общимъ числомъ избирателей. Только такимъ образомъ и можно добиться справедливости, чтобы каждое ремесло имѣло въ собраніи своихъ защитниковъ.

При такой организаціи управленія спеціально-ремесленнаго *общества*, послѣднее будетъ состоять и въ моментъ реформы и впослѣдствіи исключительно изъ ремесленниковъ по профессіи, не имѣя на своихъ плечахъ постояннаго бремени, какое представляетъ теперь масса цеховыхъ, не занимающихся ремеслами. Всѣ ремесленники будутъ пользоваться совершенно равными правами управленія дѣлами своего профессіональнаго общества. Улучшится и обновится составъ этого управленія, такъ какъ къ участію въ немъ будутъ допущены только лица, заинтересованныя въ судьбахъ ремесленной промышленности. Съ ремесленной управы и съ собранія выборныхъ будутъ сняты всѣ чисто-сословныя и административныя дѣла, и вся сфера общественнаго управленія ограничится лишь однимъ ремесленнымъ вопросомъ, то-есть, вопросомъ о развитіи ремесленной промышленности, и наконецъ всѣ денежныя средства, собранныя съ ремесленниковъ, будутъ употребляться исключительно „на улучшеніе быта ихъ и на улучшеніе состоянія ремеслъ въ городѣ“.

В. Іорданъ.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

1) Отрывки изъ дневника.

I.

Письмо Ѳ. М. Достоевскаго и происхожденіе очерка „Именинникъ“ [1].

Приводя въ порядокъ разнаго рода письменныя матеріалы давнихъ лѣтъ, я нашелъ *письмо ко мнѣ Ѳедора Михайловича Достоевскаго* отъ 11 января 1877 года, и цѣлая полоса нѣсколькихъ лѣтъ счастія встала передъ глазами.

Лѣтомъ 1872 года юношей 22 лѣтъ прибылъ я въ Кишиневъ на должность помощника инспектора Духовной Семинаріи, и сейчасъ-же, не внѣшнимъ только образомъ, но и душою своей, примкнулъ къ кружку кишиневскихъ педагоговъ, который объединялъ въ одну дружную семью лучшія силы всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній города. Хорошіе были люди, и хорошо, разумно, чисто, нравственно жилось среди нихъ... Старшими, такъ сказать, старшинами, являлись типичный своеобразностію своею директоръ гимназіи Вороной и инспекторъ гимназіи, а потомъ прогимназіи, В. К. Зозулинъ, человѣкъ весьма книжный и глубокомыслящій. Главнымъ связующимъ звеномъ были вопросы воспитанія и литературы. Часто устраивались въ складчину вечера, которые или всецѣло, или въ первой своей половинѣ, обыкновенно посвящались чтенію или критическому

[1] Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ этотъ отрывокъ *именно въ настоящее время*, въ виду исполненія въ текущемъ январѣ *пятидесятилѣтія* со времени появленія въ печати первой повѣсти Ѳ. М. Достоевскаго („Бѣдные люди“). *Ред.*

Digitized by Google

разбору всего выдающагося въ русской печати; вторую половину вечеровъ большею частію проводили въ пѣніи отдѣльныхъ лицъ и хоровомъ, музыкѣ и танцахъ; когда подавался ужинъ, рѣчи лились изъ сердца, а пустая болтовня даже и здѣсь бывала неумѣстна. Вечера свои мы называли *литературными* и веселились отъ души, безъ стѣсненія, кто какъ умѣлъ, но скромно и сдержанно, просто и воодушевленно... Не читать, не слѣдить за литературой у насъ нельзя было,—не читать значило отставать отъ своихъ, являться ничтожнымъ, не стоющимъ вниманія, не заслуживающимъ сочувствія, близкаго общенія. Нужно было вдумываться въ прочитанное; нужно было, устанавливая свои воззрѣнія и сужденія, быть готовымъ давать въ нихъ отчетъ, отстаивать ихъ не только въ частныхъ бесѣдахъ, но и передъ цѣлымъ сонмомъ свидѣтелей. И эта сторона нашей жизни, нашего времяпрепровожденія возбуждала покровительственное вниманіе даже высшихъ властей города и края. Любвеобильный, отзывчивый на всякое благое движеніе въ быту своихъ подчиненныхъ, истинно русскимъ сердцемъ пригрѣвавшій всѣхъ насъ, архіепископъ кишеневскій Павелъ, какъ высокопросвѣщенный администраторъ, ясно понималъ наши стремленія, видѣлъ добрыя стороны отношеній, благоплодность дѣятельности—и поощрялъ насъ. Онъ интересовался нашими собраніями, былп случаи и самъ присутствовалъ на нихъ, принималъ участіе въ бесѣдахъ, дѣлалъ мѣткія характеристки личностей и мнѣній, кротко, но сильно и выразительно резюмируя все прослушанное. Мнѣ, напримѣръ, никогда не забыть того литературнаго вечера въ епархіальномъ женскомъ училищѣ, когда рѣчь шла о задачахъ русскаго образованія, русской науки, литературы, русскаго народа въ жизни общеевропейской, общечеловѣческой, когда съ горячимъ увлеченіемъ свѣжей молодости высказывалъ я самыя завѣтныя свои убѣжденія, чаянія, пожалуй, и неисполнимыя мечты. Какъ свѣтло и тепло было тогда на душѣ, какое вниманіе и сочувствіе обнаруживали слушатели, какою прозорливою благостію обняли внутренняго во мнѣ человѣка тѣ немногія слова, которыя вылились тогда изъ русской души Владыки Павла... Да, хорошее было время, хорошіе были люди, подъ хорошими вліяніями шла жизнь. Потомъ все распалось, и большинство родныхъ по духу людей разошлось изъ Кишинева въ разныя стороны,—одни ушли уже въ могилу на иныхъ мѣстахъ служенія (напримѣръ, умершій въ Казани архіепископъ Павелъ,

Digitized by Google

умершій ректоромъ кишиневской семинаріи М. А. Ганицкій, умершій директоромъ аккерманской гимназіи П. Ѳ. Паховскій), другіе несутъ службу родной землѣ въ новомъ болѣе высокомъ положеніи; но и тѣ и другіе,—одни до могилы, другіе по сей день,—являли и являютъ себя крѣпко убѣжденными православно-русскими людьми, преданными Богу, вѣрѣ, Царю и отечеству...

Вдумчивое, идущее изъ тайниковъ сердца, слово Ѳ. М. Достоевскаго имѣло у насъ великое значеніе, а на меня производило громадное вліяніе, потому что удовлетворяло запросамъ духа, отвѣчало на самые жгучіе вопросы жизни... Случилось событіе, взволновавшее весь педагогическій мірокъ Кишинева, вызвавшее много думъ, оживленныхъ бесѣдъ, горячихъ споровъ: 8-го ноября 1876 года повѣсился отрокъ, ученикъ прогимназіи, въ наказаніе оставленный въ заведеніи до 5 часовъ вечера. Не въ силахъ будучи справиться съ наплывомъ мыслей и чувствъ, вызванныхъ страшною участью мальчика, теряясь въ разнообразныхъ сужденіяхъ по этому поводу, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разговоровъ, выяснявшихъ печальныя подробности несчастнаго случая, я рѣшился написать Ѳеодору Михайловичу, издававшему тогда свой *Дневникъ Писателя*. Писалось быстро, напряженно; содержаніе письма подробно вспомнить не могу; помнится, что, какъ всегдашній *читатель* и искренній *почитатель* великаго писателя, я просилъ *разъясненія* причинъ, вызвавшихъ самоубійство, и *вразумленія* относительно внутренней стороны событія; помнится, проводилась параллель прежняго и современнаго воспитанія, сравненіе дѣтей прежнихъ и нынѣшнихъ... Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ. Однажды въ половинѣ января 1877 года почтальонъ въ числѣ другой корреспонденціи подалъ мнѣ письмо, надписанное совершенно незнакомымъ нервнымъ почеркомъ, запечатанное большою ярко краснаго сюргуча гербовою печатью... Вскрываю и не вѣрю глазамъ,—оказалось, что Ѳеодоръ Михайловичъ удостоилъ меня слѣдующимъ собственноручнымъ отвѣтомъ:

Петербургъ. 11-го января 1877.

Милостивый Государь,
Михаилъ Андреевичъ!

Во-первыхъ извините меня, что долго не отвѣчалъ вамъ на письмо ваше отъ 11-го ноября 1876 года. Во-вторыхъ, позвольте искренно отклонить отъ себя лестное для меня выраже

Digitized by Google

ніе ваше на счетъ „вразумленія“. Вразумлять я никого не въ силахъ. А наконецъ позвольте поблагодарить васъ за сообщеніе факта самоубійства ребенка. Этотъ послѣдній фактъ очень любопытенъ, и безъ сомнѣнія о немъ можно кое-что сказать. Но не думаю, чтобы я успѣлъ это сдѣлать сейчасъ же; въ послѣднее время я уже довольно говорилъ о самоубійствахъ, и надобно выждать, тѣмъ болѣе, что объемъ моего изданія такъ невеликъ, что не достаетъ мѣста (да и времени) для ближайшихъ и текущихъ темъ. Но параллель дѣтей нынѣшнихъ и прежнихъ можетъ быть весьма интересна. Во всякомъ случаѣ, благодарю васъ, что обо мнѣ и о моемъ изданіи подумали.

Съ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою

Ѳ. Достоевскій.

Когда въ февралѣ мѣсяцѣ того же 1877 года вышелъ въ свѣтъ январьскій выпускъ *Дневника Писателя*, послѣдній IV отдѣлъ второй главы его, подъ заглавіемъ „Именинникъ“, былъ посвященъ занимавшему меня вопросу, и изъ письма моего Ѳеодоръ Михайловичъ привелъ нѣкоторыя мѣста, „не измѣняя въ выписываемомъ ни слова“. Отрадно было такое вниманіе великаго печальника земли русской; отрадно было и то, что свѣтлыя чувства мои искренно раздѣляли всѣ близкіе люди, всѣ наши; отрадно все тогда пережитое вспомнить теперь, среди горестей, невзгодъ и напастей,—придается бодрость духу, крѣпнетъ и растетъ нравственная сила...

II.

По поводу замѣтки И. С. Тургенева о „русскомъ языкѣ“.

Много лѣтъ назадъ, когда я былъ еще свѣтскимъ человѣкомъ и занимался россійскою словесностью, мнѣ предложенъ былъ вопросъ по поводу *Стихотворенія въ прозѣ* Тургенева, „Русскій языкъ“. Тогда меня спросили: „Что хотѣлъ сказать нашъ поэтъ нѣсколькими своими фразами о русскомъ языкѣ?“ Думалось и высказывалось то, что хочется сказать и теперь. Читалъ я прежде, прочелъ еще разъ *Стихотворенія въ прозѣ*... Отъ „Русскаго языка“ прихожу постоянно въ восторгъ; думаю, что это едва-ли не лучшій изъ этого рода набросковъ маститаго писателя.

Digitized by Google

Тургеневъ говоритъ:

„Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя— какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома? Нельзя не вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу.“

Всякій истинно русскій человѣкъ долженъ сознательно любить свое родное слово, долженъ усиленно трудиться надъ его изученіемъ, чтобы обогатить себя усвоеніемъ словъ, оборотовъ, законовъ и формъ своего языка: въ немъ сказываются отличительныя черты нашего народнаго духа, нашъ національный хкрактеръ со всѣми его особенностями. Что такое языкъ народа? Слово человѣка— внѣшнее обнаруженіе, внѣшняя оболочка всей его внутренней душевной дѣятельности. Всѣ свои мысли, всѣ свои чувства и желанія, всѣ впечатлѣнія, какія даетъ міръ Божій, даже самые мимолетные, едва уловимые порывы, движенія духа, всѣ созданныя его творческою силой образы — человѣкъ стремится выразить въ словѣ. Этого мало, — чаловѣкъ требуетъ отъ своего языка ясности, живости, образности, художественности, требуетъ того, чтобы и воочію другихъ его внутренній міръ, его отношенія къ міру внѣшнему и виновнику обоихъ этихъ міровъ— Богу являлись въ словѣ мощномъ, свѣтломъ, картинномъ. И чѣмъ шире міросозерцаніе народа, чѣмъ глубже его мысль, чѣмъ теплѣе чувство, чѣмъ воспріимчивѣе воображеніе и сильнѣе творческія способности, тѣмъ больше нужно народу словъ и оборотовъ для выраженія своихъ мыслей и выясненія ихъ, для изображенія многоразличныхъ тончайшихъ оттѣнковъ чувства, для красокъ при созданіи поэтическихъ картинъ и образовъ, Ноэтому у народовъ съ узкимъ міровоззрѣніемъ, съ слабыми духовными силами—и языкъ ничтоженъ, бѣденъ; у народовъ же съ богатымъ внутреннимъ содержаніемъ, съ несокрушимою духовною силой—языкъ блещетъ и нѣжнымъ сіяніемъ звѣздочки, и яркимъ свѣтомъ солнечнымъ, звучитъ и мягкимъ дуновеніемъ вѣтерка, и грохотомъ грозы небесной, способенъ передать и тихій вздохъ мольбы къ Спасителю Богу, и страшныя адскія проклятія всему существующему. Тургеневъ называетъ нашъ языкъ великимъ, правдивымъ, свободнымъ, и говоритъ это съ полнымъ авторитетомъ, какъ писатель всю жизнь свою изучавшій родной языкъ, какъ писатель много способствовавшій

Digitized by Google

созданію современнаго литературнаго языка нашего, какъ писатель отлично знакомый съ литературами и языками другихъ европейскихъ народовъ, какъ писатель путемъ долгаго сравненія выработавшій свой взглядъ на русскій языкъ, какъ человѣкъ въ глубинахъ души своей прозрѣвающій истинность того, о чемъ желаетъ повѣдать родной землѣ. Разумѣется, не перемѣшанный съ французскими фразами языкъ салонной болтовни, и не ту напыщенную тарабарщину, уснащенную множествомъ мудреныхъ иностранныхъ словъ, какую иногда любятъ употреблять наши „газетныхъ дѣлъ мастера“ чтобы придать своей рѣчи видъ большей серіозности и научности, и не то подражаніе площадному, фабричному и кабацкому языку, какимъ стараются щеголять нѣкоторые писатели, поддѣлывающіеся подъ народный складъ мысли и слова,—имѣетъ въ виду Иванъ Сергѣичъ. Онъ говоритъ о языкѣ религіозныхъ и поэтическихъ произведеній нашего народа, о разговорномъ языкѣ кореннаго русскаго простолюдина, о языкѣ его пословицъ, поговорокъ, присловій и т. д., о нашемъ литературномъ языкѣ у лучшихъ писателей. И предъ богатствомъ этого языка Тургеневъ съ глубокимъ почтеніемъ, съ теплою благодарностію, съ искреннимъ умиленіемъ клонитъ свою умную, сѣдую голову. Понять и оцѣнить значеніе этого поклона можетъ только тотъ, кто самъ воспиталъ свою мысль и свое слово, свое поэтическое чутье, свой эстетическій вкусъ на изученіи памятниковъ народной мудрости, народнаго чувства, народнаго творчества, кто прислушивался къ русской деревенской рѣчи, а также къ языку великорусскихъ городовъ. И если простой русскій человѣкъ, непросвѣщенный человѣкъ, совершенно безграмотный человѣкъ, среди суровой природы, среди лѣсовъ дикихъ, подъ завываніе и стоны непогоды, подъ вой звѣрей хищныхъ, въ постоянно тяжелыхъ трудахъ и заботахъ, въ неустанной борьбѣ съ природой и историческими врагами своими, еще въ незапамятныя времена язычества своего смогъ создать такой великій, могучій, правдивый, свободный, живой, образный, художественный языкъ,—то велика, могуча, неодолима та сила, которая скрывается въ нѣдрахъ русскаго духа и озарена, укрѣплена, освящена вѣрою православной; то должна наступить пора, когда сила эта обнаружитъ себя во всей своей полнотѣ предъ всѣмъ родомъ человѣческимъ; то „нельзя не вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу“ то всякъ русскій долженъ считать себя счастливымъ, что владѣетъ

Digitized by Google

этимъ языкомъ; то всѣ образованные или занимающіеся своимъ просвѣщеніемъ русскіе люди должны съ любовію изучать родной языкъ въ произведеніяхъ народной словесности, чтобы и свою рѣчь освѣжить, оживить, обогатить; то и судьба Руси святой, несмотря на печальныя явленія прежней и современной жизни ея, не можетъ быть печальна; то и назначеніе народа русскаго мужественно носить въ себѣ и съ свѣтлою доблестію и скромною лѣпотою являть мірови самыя высокія стороны духа человѣческаго, — въ простотѣ сердца являть въ себѣ неистощимый запасъ мужества истиннаго, настоящаго, спокойнаго, кроткаго, не показнаго, не ходульнаго, не напускнаго, не кичливаго, не кричащаго о себѣ, мужества выносливаго, терпѣливаго среди самыхъ тяжелыхъ несчастій, скорбей и лишеній, но самымъ безконечнымъ терпѣніемъ своимъ грознаго для всякаго врага, для всякаго зла, для всякой неправды; то Русскій народъ въ исторіи своей являлъ и всегда будетъ являть мірови душу чуткую и отзывчивую ко всему святому, всему прекрасному, соболѣзнующую горю и страданію даже враговъ своихъ, душу, всегда памятующую, что всѣ люди — всѣ человѣки, и надъ всѣми и за всѣхъ и чрезъ всѣхъ Господь Вседержитель; то Руси святой назначено отъ Бога являть мірови народъ, духовнымъ взоромъ своимъ способный охватить все величіе вселенной, въ тайникахъ сердца своего постигать безпредѣльную любовь Божію къ грѣшному человѣку и ко всей твари видимой и невидимой, народъ, готовый живымъ и дѣйственнымъ словомъ моленія, хвалы, благодаренія, прошенія отрѣшать себя и другихъ отъ всего темнаго, земнаго, тлѣннаго, преходящаго и возносить до третьяго небесе, чтобы очами души видѣть тамъ престолъ Божій и ушами сердца слышать лики ангельскіе.

И счастливы мы, русскіе люди, что такой именно языкъ далъ намъ Всевышній... И должны мы стремиться словомъ своимъ служить Вѣчному Слову, вѣчной правдѣ Божіей, Евангелію царствія Божія, идя изъ силы въ силу, отъ низшихъ степеней совершенства къ высшимъ, въ безпредѣльномъ усовершенствованіи себя и другихъ при воздѣйствіи зиждительной и всеисполняющей благодати Духа Божія.

Digitized by Google

III.

Письмо преосвященнаго Никанора о славянскомъ движеніи 70-хъ годовъ.

Котда началось великое движеніе земли русской для освобожденія славянскихъ народовъ изъ-подъ ига турецкаго, движеніе это захватило и мою русскую душу. Шло многознаменательное время второй половины 1876 года; Кишиневъ пріобрѣлъ особое значеніе, потому что становился центромъ готовящагося на брань русскаго воинства; около великихъ событій и маленькіе люди выростали, если способны были сознательно, искренно отдаться теченію жизни человѣчества; насколько дозволяли служебныя занятія и разнаго рода обстоятельства, дѣломъ, словомъ и перомъ служилъ я великой идеѣ, отдаваясь всецѣло святому чувству, иногда доводившему духъ до высшаго напряженія, до полнаго самозабвенія; званіе свѣтскаго человѣка не мѣшало мнѣ надѣвать стихарь и въ семинарской церкви произносить посвященныя славяскому вопросу проповѣди, которыя, съ благосклоннаго разрѣшенія архіепископа Павла, появлялись въ печати на скромныхъ страницахъ *Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей,* гдѣ помѣщались тогда и другія мои статейки.—Преосвященный Никаноръ, занимавшій въ то время постъ епископа Аксайскаго, викарія Донской епархіи, любовію своею съ давнихъ поръ поощрялъ всякое благое дѣло, всякое благородное стремленіе въ моей жизни внутренней и внѣшней; ему, какъ отцу души моей, я свѣтлымъ долгомъ считалъ, неуклонною и неодолимою потребностію сердца имѣлъ сообщать обо всемъ, что внятно говорило духу моему; поэтому нерѣдко приходилось писать владыкѣ большія письма, и писались они и принимались тепло, доставляли отрадныя минуты и мнѣ и преосвященному, который въ бесѣдахъ со мною и общими знакомыми говаривалъ, что любитъ читать мои „посланія“... Разумѣется, обо всемъ, что происходило въ Кишиневѣ и во мнѣ, что думалось, что чувствовалось среди приготовленій къ войнѣ, я писалъ Никанору, при чемъ указалъ на помѣщенное въ № 20 *Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* мое поученіе и приложилъ свою фотографическую карточку. На восторженныя изліянія получился такой отвѣтъ:

Digitized by Google

Ноября 17, 1876 г. Ново-Черкасскъ.

Любезный Михаилъ Андреевичъ. Спасибо за письмо и карточку. То и другое хорошо. Проповѣдь вашу я усмотрѣлъ прежде полученія письма. Прочиталъ—и нашелъ, что и она хороша, обнаруживаетъ даже ораторское движеніе, скомпанована вообще стройно. Великія событія настраиваютъ и лиры на высокій ладъ. Въ письмѣ вашемъ тоже. Оно подѣйствовало на меня печальнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что я живо почувствовалъ, что для насъ—для меня отжито почти все. Я, батюшка мой, почти ничего не чувствую. Наше поколѣніе свою очередь отчувствовало въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Мы теперь доживающіе свой вѣкъ, холодѣющіе трупы. Настала ваша очередь почувствовать за всю Русь святую,—очередь вашего поколѣнія, уже нашихъ по лѣтамъ дѣтей. Ну и чувствуйте съ Богомъ. Дай Богъ вашими устами да медъ пить. Несмотря на все это исполинское современное движеніе, во мнѣ преобладаетъ какъ-то больше чувство или предчувствіе разложенія, чѣмъ созиданія и роста. Вотъ симптомъ не нерѣзкій. Уже почти всѣ казацкіе полки вышли изъ Ново-Черкасска, вышли на войну, изъ которой многіе не воротятся. Начальство, свѣтско-военное, только и знаетъ, что провожаетъ. Но ни одинъ изъ полковъ, оставляющихъ родную страну для боеваго дѣла, не отслужилъ молебна. Уже пошли слухи о крупныхъ воровствахъ, появились скандалы этого рода и раздраженіе низшихъ противъ высшихъ... А о Богѣ отцовъ, въ этотъ великій, быть можетъ, и грозный историческій часъ, всѣ позабыли—не только среди мира, но и предъ лицомъ войны. О Богѣ ни помину. „Лишнее понятіе“, какъ говорилъ *Наполеону I*, кажется, *Лапласъ*... Прощайте, любезный Михаилъ Андреевичъ. Трудитесь, чтобы слишкомъ рано не зачерствѣть“.

Насколько оправдались предчувствія въ Бозѣ почившаго архипастыря, какъ и предсказанія Ѳ. М. Достоевскаго въ его *Дневникѣ Писателя*, показала, показываетъ и еще долго будетъ показывать наша русская жизнь, а также жизнь и отношенія къ Россіи родственныхъ намъ славянскихъ и другихъ народовъ.

Свящ. Михаилъ Юркевичъ.

Digitized by Google

2) Листки изъ записной книжки интересныхъ знакомствъ, встрѣчъ и разсказовъ.

XI.

Протодіаконъ А. А. Зиновьевъ.

Богъ да дастъ тебѣ глаголъ благовѣствующему силою многою.

Служебникъ.

Москва издавна любила благолѣпіе церковной службы, о чемъ въ особенности всегда заботились московскіе купцы, изъ которыхъ преимущественно бывали и теперь бываютъ церковные старосты.

Говоря о ревности московскаго купечества къ благолѣпію церковной службы, слѣдуетъ сказать, что и московскіе бары въ этомъ отношеніи часто не уступали купцамъ. Купцы бывали у службы въ своихъ приходахъ; бары же собирались въ домовыхъ церквахъ или въ тѣхъ приходскихъ, которыя славились благолѣпіемъ службы; такія церкви слыли подъ названіемъ *аристократическихъ*.

Принадлежностью благолѣпной службы всегда считался хорошій діаконъ, то-есть, діаконъ не только съ хорошимъ, но и съ громкимъ голосомъ. Голосистые діаконы цѣнятся и пользуются почетомъ. Соборные протодіаконы непремѣнно должны обладать большимъ голосомъ.

Протодіаконы московскаго Успенскаго собора отличались всегда своимъ громогласіемъ, потому что выбирались изъ числа многихъ за силу своего голоса.

Долгое время протодіакономъ Успенскаго собора бызъ знаменитый Александръ Антонычъ. Фамилія его была Зиновьевъ; но конечно, почти никто не зналъ его фамиліи, какъ это часто у насъ бываетъ и въ особенности бывало прежде: знаютъ человѣка, знаютъ его имя и отчество, но не знаютъ и не заботятся узнать его фамилію.

Вся Москва знала Александра Антоныча, и онъ имѣлъ много друзей и почитателей. У него былъ замѣчательно могучій голосъ, и любители велегласія восторгались искусствомъ Александра Антоныча и, какъ говорится, носили его на рукахъ.

Несомнѣнно между московскими старожилами сохранилась память объ Александрѣ Антонычѣ.

Digitized by Google

Александръ Антоновичъ былъ сынъ священника московской епархіи; родился въ 1798 году. Девятнадцати лѣтъ онъ былъ опредѣленъ дьячкомъ въ село Бѣлый Растъ московскаго уѣзда, черезъ шесть лѣтъ онъ былъ переведенъ діакономъ въ другое село. Въ 1825 году онъ переведенъ въ Москву въ Архангельскій соборъ, а въ 1833 году былъ назначенъ протодіакономъ Успенскаго собора, гдѣ и прослужилъ тридцать три года, уволившись въ 1866 году на покой.

Купцы очень любили Александра Антоныча, и онъ съ нимп водился, пользуясь ихъ широкимъ гостепріимствомъ.

Однажды зимой Александръ Антонычъ возвращался пѣшкомъ поздно ночью изъ-за Москвы-рѣки отъ какого-то купца съ именинъ и былъ въ нѣсколько возбужденномъ состояніи. Чуть-ли это не было на другой день Крещенья, когда бываютъ Иваны. Для сокращенія пути онъ переходилъ Москву-рѣку по-льду. Вдругъ подбѣжали къ нему какіе-то два неизвѣстные человѣка и остановили его со словами: „Александръ Антонычъ, отдавай шубу!“ Александръ Антонычъ былъ высокъ ростомъ, дороденъ и спленъ. Не долго думая, онъ схватилъ обоихъ жуликовъ за шиворотъ, одного правою рукой, другаго лѣвою, притащилъ ихъ къ ближайшей проруби и сталъ ихъ окунать въ прорубь съ пѣніемъ „Во Іорданѣ крещающуюся“. Допѣвъ до конца, онъ отпустилъ жуликовъ на всѣ четыре стороны.

Прежде у Каменнаго моста по сю сторону Москвы-рѣки, гдѣ теперь набережная Храма Спасителя, были бани. Это были самыя популярныя бани.

Въ такъ-называемыхъ *дворянскихъ* баняхъ меньше всего, конечно, бывало дворянъ, а бывали преимущественно купцы и духовенство. Всѣ посѣтители группировались сами собою сообразно своему общественному положенію и достатку. Одна комната была лучше другихъ обставлена и была предназначена для избранной публики. Она называлась просто *комнатой*. Туда не дерзали входить простолюдины. Здѣсь посѣтители знакомились и вели между собою бесѣду, часто очень оживленную. Это былъ въ своемъ родѣ клубъ. Говоря о *комнатѣ*, нельзя не упомянуть объ одномъ изъ прислужниковъ, многіе годы служившемъ въ этой комнатѣ. Кто бывалъ въ этихъ баняхъ, тотъ конечно помнитъ Маслова, такъ звали этого человѣка. Его всегда звали по фамиліи. Масловъ былъ постоянно въ веселомъ расположеніи духа. Онъ былъ большой балагуръ и умѣлъ со всѣми говорить.

Digitized by Google

Всѣ его любили, потому что онъ относился къ каждому одинаково вѣжливо и предупредительно.

Духовенство московскихъ соборовъ посѣщало эти бани, въ томъ числѣ, конечно, и Александръ Антонычъ.

Александръ Антонычъ, котораго знала вся Москва, привыкъ къ уваженію и почету, и ему, разумѣется, показалось бы страннымъ, если бы его гдѣ-нибудь не замѣтили. Когда онъ бывалъ въ банѣ, то, конечно, представлялъ собою предметъ общаго вниманія. Всѣ ему кланялись, здоровались; знакомые съ нимъ разговаривали, а незнакомые почтительно заговаривали съ нимъ.

Однажды какъ-то, находясь въ самой банѣ, Александръ Антонычъ увидалъ, что его не замѣчаютъ, что̀, можетъ быть, произошло отъ обилія пара. Это его удивило и, какъ привыкшаго ко всеобщему почету, даже обидѣло. Поэтому онъ счелъ нужнымъ обратить на себя вниманіе. Своимъ басомъ онъ сказалъ, какъ-бы про себя, нѣсколько словъ, вѣроятно, выражавшихъ сокрушеніе о грѣхахъ, въ родѣ: „грѣхи наши тяжкіе!“ Не успѣлъ Александръ Антоновичъ произнести эти слова, какъ всѣ бывшіе въ банѣ обратились въ его сторону, и отовсюду послышались привѣтствія. Такимъ образомъ самолюбіе его было удовлетворено, и возстановлена своего рода дисциплина.

Александръ Антонычъ былъ веселый собесѣдникъ. При освященіи церкви Московской 1-й гимназіи онъ служилъ съ митрополитомъ Филаретомъ. По окончаніи богослуженія, какъ водится, духовенству и присутствовавшимъ былъ предложенъ завтракъ. Въ ожиданіи завтрака приглашенные разговаривали. Около Александра Антоныча собрались довольно многіе; онъ разсказывалъ разные веселые анекдоты. Въ это время директору гимназіи Шпееру понадобилось что-то сказать одному изъ собесѣдниковъ Александра Антоныча. Шпееръ не могъ не замѣтить, что слушавшіе протодіакона *смѣялись*, но онъ однако все-таки съ напускною наивностью обратился къ Александру Антонычу со словами: „Извините, что я прерываю вашъ *благочестивый* разговоръ“...

О томъ, какой былъ могучій голосъ у Александра Антоныча, можно судить по тому, что когда онъ еще былъ дьячкомъ въ Бѣломъ Растѣ и пахалъ землю, то, когда онъ останавливалъ словомъ „тпру“ свою лошадь, останавливались почти всѣ лошади въ полѣ. Это даже напоминаетъ былины о русскихъ богатыряхъ...

Digitized by Google

XII.

И. Ѳ. Горбуновъ.

Милости жъ просимъ
Тѣхъ, кто охотникъ въ досужный часокъ пошутить, посмѣяться,
Сказки послушать; а тѣхъ, кто любитъ смотрѣть изъ-подлобья,
Всякую шутку считая за грѣхъ, мы просимъ покорно
Къ намъ не ходить, и дома сидѣть, да высиживать скуку

Жуковскій.

Chantons alors l'Aï qui nous inspire.
Ah? pour étouffer, n'étouffons que de rire.

Béranger.

24 декабря 1895 г. безвременно скончался Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ.

Его знала вся Россія.

Тяжело было узнать объ этой утратѣ людямъ, знавшимъ его лично, и въ особенности его друзьямъ.

Только на Руси могъ явиться такой человѣкъ, какъ Иванъ Ѳедоровичъ, потому что только русскій языкъ такъ богатъ и представляетъ собой неисчерпаемую сокровищницу для любителей роднаго слова.

Въ теченіе вѣковъ русскій языкъ постепенно измѣнялся. Современный русскій языкъ разнообразенъ: различно говорятъ въ разныхъ слояхъ общества и въ народѣ. Совокупность русскаго языка всѣхъ эпохъ и современнаго всѣхъ оттѣнковъ представляетъ богатый матеріалъ. Этимъ матеріаломъ Горбуновъ сумѣлъ искусно воспользоваться. Онъ понялъ и оцѣнилъ то свойство русскаго языка, что на немъ можно выражаться на всѣ лады.

Иванъ Ѳедоровичъ—основатель искусства *разсказывать*.

Надо было его слышать, чтобы достойно оцѣнить всю высоту его художественнаго дарованія. У него явилось множество подражателей. Но Иванъ Ѳедоровичъ былъ художникъ, а его подражатели—ремесленники.

Вся прелесть разсказовъ Горбунова заключалась не въ анекдотической ихъ сторонѣ, а въ языкѣ.

Очень много разсказовъ не напечатано, и жаль, если они исчезнутъ и не найдется никого, кто бы ихъ записалъ, пока они въ памяти тѣхъ, кому довелось ихъ слышать.

Послѣднее время Горбуновъ мало разсказывалъ новаго, но, какъ собесѣдникъ, онъ всегда обладалъ неизсякаемымъ остроуміемъ.

Нѣкоторые его разсказы состоятъ лишь изъ нѣсколькихъ словъ. Но сколько въ нихъ остроумія, знанія людей!

Digitized by Google

Горбуновъ зналъ русскаго человѣка всѣхъ слоевъ общества и всякаго званія, какъ рѣдко кто знаетъ.

Старинный другъ Ивана Ѳедоровича Тертій Ивановичъ Филипповъ посвятилъ его памяти прекрасную статью въ *Новомъ Времени*.

„Мои особенныя отношенія къ почившему", пишетъ онъ, „не дозволяютъ мнѣ молча проводить его въ могилу и повелительно требуютъ слова. Какъ свидѣтель всего пройденнаго имъ пути, какъ послѣдній за его смертью членъ того литературнаго кружка „молодаго *Москвитянина*", въ которомъ онъ получилъ свое художественное воспитаніе, я погрѣшилъ бы и противъ его братской ко мнѣ дружбы, и противъ его близкихъ и почитателей, если бы въ минуту земной съ нимъ разлуки остался безмолвнымъ и не послалъ бы ему прощальнаго привѣта".

„Иванъ Ѳедоровичъ", говорится далѣе въ этой статьѣ, „зналъ въ совершенствѣ языкъ древне-русскій и могъ поддѣлываться подъ него съ неподражаемымъ искусствомъ. Составленное имъ описаніе поѣздки древняго русскаго боярина въ Эмсъ ввело даже опытныхъ археологовъ въ крайнее недоумѣніе. Думая, что это подлинный статейный списокъ XVII столѣтія, ученый П. И. Савваитовъ долго не могъ придти въ себя отъ удивленія, вообразивъ, что рулетка существовала уже въ XVII вѣкѣ".

„Равнымъ образомъ Иванъ Ѳедоровичъ былъ знакомъ и съ языкомъ церковно-славянскимъ и могъ писать на немъ свободно шутливыя привѣтственныя слова и поздравленія по разнымъ случаямъ. Такая переписка происходила неоднократно и между нами".

Я читалъ въ спискѣ письмо Ивана Ѳедоровича къ нынѣ царствующему Государю; въ письмѣ этомъ выражается благодарность за дарованіе средствъ для лѣченія болѣзни. Письмо это просто chef-d'eouvre. Это образецъ слога. Въ немногихъ словахъ сказано много. Ни одного иностраннаго слова. Это письмо слѣдовало бы помѣстить въ хрестоматіяхъ.

Иванъ Ѳедоровичъ вездѣ и всегда былъ желаннымъ гостемъ.

Надо радоваться, что и теперь есть еще покровители искусствъ. Наши меценаты дружественно относились къ Ивану Ѳедоровичу, что̀, конечно, онъ умѣлъ цѣнить, и что̀ поддерживало въ немъ благодушное настроеніе.

К. А.

30 декабря 1895
Москва.

Digitized by Google

3) Отрывки изъ воспоминаній.

I.

Празднованіе столѣтія Московскаго университета.

Странно, я старикъ, а до сихъ поръ не утратилась у меня душевная связь съ университетомъ: ѣдешь по Моховой, взглянешь на зданіе, и сердце каждый разъ дрогнетъ, забьется сильнѣе, перекликнется съ прошлымъ, далекимъ, но незабвеннымъ, дорогимъ временемъ.

Пріѣхавъ изъ Риги, гдѣ я служилъ, на столѣтіе Московскаго университета, я озаботился, разумѣется, прежде всего достать въ оный билетъ на актъ; прихожу въ правленіе,—желающихъ гибель: кто изъ Сибири, кто изъ Архангельска, кто изъ Одессы. „Билетовъ не даютъ“, толкуютъ въ толпѣ. „Какъ не даютъ“? „Такъ, говорятъ, больше нѣтъ“. Поднялся ропотъ; явился какой-то чиновникъ; мы къ нему. „Помилуйте, мы пріѣхали за тысячу верстъ, я за двѣ...“ „Подождите, я узнаю“, отвѣчаетъ чиновникъ, идетъ въ присутствіе къ ректору. Мы въ ожиданіи здороваемся со знакомыми, бранимъ университетское невнимательное къ намъ начальство и т. д. Въ это время въ правленіе входитъ Тимоѳей Николаевичъ Грановскій. Мы поклонились. Онъ остановился, заговорилъ съ нами. Между прочимъ мы объявили ему, что не можемъ добиться билетовъ. Грановскій пожалъ плечами и, уходя, обратился къ намъ со слѣдующими словами: „Жаль, господа; но вы, вѣроятно, получите билеты; если же нѣтъ, то можете утѣшиться тѣмъ, что первыя мѣста будутъ заняты бригадными генералами и ихъ адъютантами“.

Билеты мы получили, но тѣснота была ужасная; не только мы, не-знаменитости, но покойный И. С. Тургеневъ жался вмѣстѣ съ нами въ дворянскомъ мундирѣ, въ дверяхъ библіотеки. Въ началѣ акта пріѣзжаетъ А. П. Ермоловъ; мы сжались, чтобы пропустить богатыря, раскланивавшагося и на право и на лѣво, въ отвѣтъ на наши привѣтствія. Кто-то изъ насъ протѣснился къ попечителю В. И. Назимову; тотъ сейчасъ же подошелъ и повелъ Алексѣя Петровича въ первый рядъ креселъ, гдѣ съ большимъ трудомъ солдаты принесли и поставили для него кресло у самой каѳедры. Говорятъ, уѣзжая, онъ сказалъ попечителю: „На второе столѣтіе университета я не пріѣду“.

Digitized by Google

Кстати объ университетѣ,—сообщу здѣсь пѣсню, пѣвшуюся хоромъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ студентами; пѣли ее на извѣстный всѣмъ голосъ: „Слава Богу на небѣ, Слава“. Вотъ она; начала не помню:

...А какъ будете, дѣти, студентами,
Не ломайте головъ надъ моментами,
Будьте ближе, друзья, съ ассистентами...
А какъ кончите курсъ эминентами,
Замѣните дипломы патентами,
Говорите всегда комплиментами,—
Наградятъ васъ чинами и лентами,
Обошьютъ вамъ зады позументами.

Послѣ каждаго стиха всѣмъ хоромъ пѣли мы: „слава“.

Н. Ч.

4) К. Н. Леонтьевъ—К. А. Губастову.
(1880 годъ).

XVII.

Оптинскій Скитъ. 3-го сентября 1880 года.

Мы не шутя думали, Губастовъ, что съ вами случилось что-то особенное; спрашивали себя даже: „не умеръ ли онъ внезапно?“ Такъ ваше молчаніе и ваша *неисполнительность* были на васъ непохожи. Наконецъ, все объяснилось вашимъ письмомъ, недавно здѣсь мною полученнымъ,—тою тоской и раздраженіемъ, о которыхъ вы пишете. Благодарю васъ, что вы обо мнѣ вспомнили. Нынѣшнее лѣто судьба наша была почти одинакова, то-есть оба мы провели его въ тоскѣ и раздраженіи. Я пріѣхалъ въ маѣ домой къ своимъ именинамъ изъ Москвы больной и простуженный до того, что до половины іюля изъ своего флигеля почти не выходилъ. Не успѣлъ я придти въ себя отъ этого, какъ Л. [1] очень опасно занемогла. Она была у насъ, въ Кудиновѣ, пріѣхала дня на два, и вдругъ заразилась дизентеріей, на которую было въ это время повѣтріе, и осталась у насъ почти на мѣсяцъ въ постели. Это поставило весь домъ вверхъ-дномъ; родныя ея и мы дѣлили издержки пополамъ, изъ Калуги

[1] Сосѣдка по имѣнію. *Ред.*

Digitized by Google

нарочно пріѣзжалъ докторъ для консультаціи со мною. Совѣщаясь съ другимъ, потому что болѣзнь была не проста и съ разными тонкими и опасными осложненіями, я вынужденъ былъ слѣдить за лѣченіемъ самъ, и въ *то же почти время* писалъ тѣ возраженія Достоевскому, которыя вы читали въ *Варшавскомъ Дневникѣ*. Вѣрьте, мнѣ стоилъ этотъ трудъ большихъ усилій; вы это поймете: вообразите только себѣ совпаденіе серіознаго труда мысли—и труда срочнаго—съ заботами о дорогомъ человѣкѣ, съ отвѣтственностью за жизнь его, лежащею прямо и почти исключительно на васъ!

Едва-едва мы ее подняли и отправили домой; я въ первый разъ въ жизни былъ радъ, что она уѣхала,—до того я былъ измученъ!

Только-что я отдохнулъ отъ этого, вдругъ отвѣтъ отъ князя Голицына: „Къ сожалѣнію, не могу даже и срока назначить, когда вышлю вамъ деньги!“ Весь іюль и половину августа мы все въ ожиданіи его денегъ жили въ долгъ, заживали аренду впередъ и т. п. Можете опять себѣ вообразить наше положеніе! Къ счастью еще, что, уплативши во время долгъ свой въ одинъ изъ Калужскихъ Банковъ, я сохранилъ себѣ тѣмъ кредитъ, и мнѣ дали еще 300 рублей на девять мѣсяцевъ; я заплатилъ все, что нужно было, слугамъ и въ Щелкановскія лавки, и съ *самымъ небольшимъ* остаткомъ уѣхалъ сюда и поселился, по прежнимъ примѣрамъ, въ скиту, и даже въ кельѣ самого покойнаго о. Климента, и пишу на томъ столѣ, на которомъ и онъ писалъ. Успокоеніе сердца моего началось только *со вчерашняго дня*, здѣсь, въ скиту (до вчерашнаго дня было тысячу вещественныхъ неудобствъ и терзаній, неизбѣжныхъ каждый разъ при томъ переломѣ, который совершается при измѣненіи помѣщичьей независимости и хозяйской власти на монастырское подчиненіе). Что будетъ дальше—не знаю: предпочитаю даже и не думать, ибо денегъ у меня *только до 1 октября, и ничего въ виду*, кромѣ милости Божіей... Около мѣсяца, по полученіи княжеской телеграммы, я, каюсь, былъ въ такомъ унынiи, что объявилъ всѣмъ окружающимъ: Марьѣ Владиміровнѣ, Николаю, Варѣ и т. д., что я ничего не знаю, и знать не хочу, и пусть они сами обо всемъ—и въ томъ числѣ обо мнѣ—заботятся... Не писалъ съ тѣхъ поръ—ни въ Кудиновѣ, ни здѣсь на гостинницѣ, а только молился и шлялся... Не писалъ не только повѣстей для Каткова или статей, но даже самыхъ пустыхъ писемъ, и постоянно завидовалъ одной здоровой черной свиньѣ, которую я видѣлъ проѣздомъ въ ту минуту, когда она съ такимъ вос-

Digitized by Google

торгомъ чесалась объ уголъ сруба. Я не шучу!.. Увѣряю васъ, что я не шучу... Дѣло, наконецъ, ни въ однѣхъ деньгахъ, но во многомъ, во многомъ; и прежде всего въ томъ, что самый *Варшавскій Дневникъ* гибнетъ безъ поддержки и утѣхи... И это послѣ всѣхъ тѣхъ *словъ*, которыя я слышалъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Я не князя осуждаю, ни минуты я его бѣднаго не осуждалъ, а *русскую подлость*... И это не мое только, пристрастное, быть можетъ, сужденіе. Эта исторія *Варшавскаго Дневника*, о которой одинъ изъ здѣшнихъ очень умныхъ іеромонаховъ воскликнулъ: „Нѣтъ! это отвратительно! у англичанъ этого бы не случилось... Сколько словъ, и никакой поддержки!..“ Я надѣюсь, что вы меня за этотъ мѣсяцъ нравственной и умственной „Нирваны“ не осудите. Вы согласитесь, что есть предѣлъ всякому — даже и *моему въ литературныхъ дѣлахъ*—терпѣнію! Дѣло это поднялъ не я!.. Даже и не вы (вамъ я *благодаренъ*), *а судьба*. Вы были правы, вызвавъ меня... Но Россія! Эта г.... ная интеллигенція? Эти единомышленники, имѣющіе имя, деньги, власть? Отдѣльно взятые, они всѣ окажутся словно и правыми. Но въ совокупности что же это за слабость и за предательство!

Не довольно ли объ этомъ?

Вотъ уже около 20 дней все жду рѣшенія моей судьбы Лорисъ-Меликовымъ. Хотя, разумѣется, жизнь цензора я считаю тоже чѣмъ-то вродѣ жизни той свиньи, которая обезпечена и чешется объ уголъ сруба; но тѣмъ-то она и хороша... Покойнѣе, чѣмъ положеніе литературнаго *Икара* (вы знаете миѳъ о Дедалѣ и Икарѣ, летѣвшихъ съ острова Крита черезъ море?). Не знаю, почему нѣтъ до сихъ поръ рѣшительныхъ вѣстей... За ваше „неоставленіе“ на счетъ варшавскаго мѣста тоже искренно благодарю: приму все, что придется, съ удовольствіемъ... Но замѣтить надо, что варшавское мѣсто лучше даже московскаго, но въ томъ лишь случаѣ, если... *Дневникъ* рѣшатся, наконецъ, поддержать такъ или иначе.

Но я все пишу и пишу вамъ, а о главной новости не сказалъ еще. Лизавета Павловна [1] вернулась около мѣсяца тому назадъ... Теперь я нанимаю ей хорошенькую скромную квартирку въ Козельскѣ и даю ей на пропитаніе мою пенсію... При ней Варя и мать Николая.

Обнимаю васъ, вашъ **К. Леонтьевъ.**

[1] Супруга К. Н., гостившая передъ этимъ долгое время въ Крыму, у родственниковъ. *Ред.*

Digitized by Google

XVIII.

20-го декабря, 1880 г. Москва.

Константинъ Аркадьевичъ! Во-первыхъ, прошу васъ, извините меня, что я не отвѣтилъ въ свое время на вашу поздравительную телеграмму. [1] Отвѣтить телеграммой же—пожалѣлъ денегъ, которыхъ тогда было очень мало, а письмо писать было некогда. Передайте это и Хитрово съ благодарностью...

Сегодня я хочу посягнуть безсовѣстно на вашу обязательность и убѣдительно просить васъ съѣздить въ Сиротскій Судъ, чтобъ взять тамъ кое-какія бумаги, принадлежавшія моей покойной матери. Ея посмертныя желанія и т. д. Въ 1881 году будетъ 10-лѣтняя давность со дня ея кончины (въ февралѣ) и ихъ уничтожатъ... Я полагаю, что необходима для этого довѣренность, засвидѣтельствованная нотаріусомъ. Я ее въ понедѣльникъ (сегодня суббота) вышлю особо. Сегодня у насъ—Комитетъ, и къ тому же вы знаете, до чего я тягощусь всякимъ лишнимъ движеніемъ (да и *здоровье очень плохо—между нами прошу васъ*!) Я очень грѣшенъ и виноватъ передъ бѣдною матушкой, что не исполнилъ этого давно, но что дѣлать! Еслибы даже предположить, что срокъ 10-лѣтней давности опредѣляется не днемъ кончины (въ февралѣ 1871 года), а прямо *съ 1 января* 1881 года, то и тогда вамъ останется *до Рождества* дня два и до Новаго года дня два-три, я думаю, чтобы сдѣлать это при свойственной вамъ дѣятельности. Вы понимаете мое раскаяніе и мою нравственную потребность хотя и поздно, но исполнить это.

Послѣ Новаго Года я, вѣроятно, на недолго буду въ Петербургѣ. *Подъ величайшимъ секретомъ* сообщу вамъ вотъ что. К. (редакторъ *Пет. Вѣд.*) зоветъ меня пріѣхать на его счетъ для пользы консервативной партіи и т. п. Я хочу воспользоваться его деньгами больше для пользы *службы*, чѣмъ для пользы *публицистики*... Тайну эту я довѣряю только *Вамъ*; даже Т. И. Ф. она *не должна быть извѣстна*: его это можетъ очень огорчить и даже возстановить противу меня; онъ на меня *еще разсчитываетъ* какъ *на литератора*! А я только о томъ и думаю, какъ бы подальше отъ литературы и особенно отъ *публицистики*. Я убѣжденъ, что мои гражданскіе взгляды могутъ только повредить мнѣ въ глазахъ *либеральнаго* начальства, а мнѣ теперь, *теперь* кусокъ хлѣба важнѣе всего. Съ женой мы такъ сжились опять, какъ никогда...

---

[1] По случаю назначенія цензоромъ въ Москву. *Ред*

Digitized by Google

Я никогда ее такъ еще не любилъ и не жалѣлъ. *Я безъ нея здѣсь скучаю*, и когда вижу свѣтскихъ и образованныхъ женщинъ, то просто не понимаю ни ихъ, ни мужей ихъ!.. Равнодушіе мое къ литературѣ и т. п.—полное и все растетъ и растетъ... Я не знаю, какъ избавиться даже отъ повѣстей для Каткова (котораго *деньги* мнѣ нужны), и хотя время найдется, когда я больше привыкну къ *тонкостямъ* новой службы, но, вы понимаете, мнѣ *все равно*, кромѣ *жены* и Вари [1], съ которою онѣ очень сошлись (Богъ-то какъ милостивъ!), а Варя вдобавокъ становится такая прекрасная, вѣрная, серіозная *дочь*, что поискать такихъ! Оптинскіе старцы *ее уважаютъ*. Вся моя жизнь теперь въ нихъ и для нихъ!.. Я сейчасъ не въ силахъ ихъ выписать изъ Козельска; но терплю и смиряюсь.

Всѣ мои мечты—это *оставить* имъ *что-нибудь*... А вы знаете, какъ я запутался!.. Поэтому и литература теперь можетъ имѣть лишь *коммерческое* для меня значеніе!.. и т. д. и т. д. А я лично для себя прошу отъ Бога только одного: христіанской кончины живота, безболѣзненной, непостыдной, мирной, и *добраго отвѣта на страшномъ судилищѣ Христовомъ*! Я въ Угрѣшскомъ подрясникѣ былъ гораздо болѣе „мірянинъ“, чѣмъ теперь. И *Варш. Дневн.* сдѣлалъ свое *неизгладимое* дѣло... Стоитъ-ли такія, какъ моп, вещи писать? Для кого? Для 20 человѣкъ, для высокопоставленныхъ людей, которые, восхищаясь, не умѣли и не хотѣли ничего серіознаго сдѣлать ни для Голицына, ни для меня... какъ писателя? Серіознымъ я называю тысячъ 100—200. Нашлись-бы, еслибы была воля Божія на проповѣдь подобныхъ вещей въ Россіи. Но отчизна наша предана уже проклятію и ничего съ ней не сдѣлаешь!..

Я счастливъ теперь въ своей семьѣ и *не боюсь* болѣе смерти—чего же бо̀льшаго человѣку желать?..

Благодарю Бога—и за мѣсто, за „хлѣбъ насущный“, и за примиреніе съ женой, и за Варю, и за *равнодушіе* мое и къ Россіи, и къ своей собственной славѣ, и за друзей, которые меня не оставляютъ.

Простите, что все это сорвалось у меня съ пера... Исполните мою просьбу, и, еще разъ повторяю, не говорите никому пока *объ этомъ настроеніи моемъ*, потому что на *мою литературу* въ Петербургѣ иные *вліятельные* люди разсчитываютъ,—будьте всегда *гробомъ* тайнъ, какъ были.

К. Леонтьевъ.

---

[1] Служанка—воспитанница изъ крестьянскихъ дѣвочекъ. *Ред.*

Digitized by Google

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Двѣ новыя русскія оперы.

II.

(*Окончаніе*).

Только цѣною вторпчной поѣздки въ Петербургъ намъ удалось услышать на сценѣ Маріинскаго театра оперу ***Ночь передъ Рождествомъ*** Н. А. Римскаго-Корсакова, первое представленіе которой, назначенное на 21 ноября, было по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ отложено въ самый день спектакля. На состоявшемся 28 ноября первомъ представленіи намъ нельзя было присутствовать, и удалось попасть опять въ Петербургъ только къ пятому представленію, бывшему 7 декабря.

Опера ***Ночь передъ Рождествомъ*** написана на сюжетъ изъ одноименной повѣсти Гоголя, и либретто сдѣлано самимъ авторомъ музыки Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ. Не смотря на общеизвѣстность повѣсти Гоголя, мы считаемъ нужнымъ вкратцѣ пересказать сюжетъ, ради отступленій и добавленій, сдѣланныхъ въ либретто.

При поднятіи зановѣса театръ представляетъ улицу села Диканьки. Изъ трубы одной изъ хатъ вылетаетъ на помелѣ Солоха и запѣваетъ колядку, ей отвѣчаетъ съ другой хаты бѣсъ. Они вдвоемъ условливаются украсть мѣсяцъ и улетаютъ, скрываясь во мракѣ ночи. Подгулявшій Панасъ выходитъ изъ шинка; облака, похожія на бѣса съ вѣдьмой, подходятъ къ мѣсяцу и закрываютъ его, становится темно, и поднимается вѣтеръ съ метелью. На стукъ Панаса выходитъ Чубъ, и они отправляются къ дьяку на кутью, дивясь внезапно наставшей непогоди. Входитъ кузнецъ Вакула, останавливается у дверей хаты Чуба и говоритъ о любви своей къ Оксанѣ, Чубовой дочери. Видя свѣтъ въ окнѣ, Вакула

Digitized by Google

хочетъ войти въ хату къ Чубу, но тотъ, потерявъ въ темнотѣ Панаса, возвращается домой, а Вакула, не узнавъ его, пинками прогоняетъ прочь и входитъ въ хату. Картина вторая представляетъ внутренность хаты Чуба. Оксана сидитъ одна передъ зеркаломъ и любуется собой. Входитъ Вакула и говоритъ о своей любви, но та, кокетничая, смѣется надъ нимъ, и когда съ улицы приходятъ дивчата звать ее колядовать съ ними, то Оксана говоритъ, что выйдетъ за него замужъ, если онъ достанетъ ей черевики, какія носитъ сама царица, и затѣмъ всѣ уходятъ. Первая картина втораго дѣйствія представляетъ внутренность хаты Солохи, только что вернувшейся съ бѣсомъ съ ихъ полета; они поютъ и пляшутъ въ хатѣ. Но слышится стукъ, бѣсъ прячется въ мѣшокъ, и въ хату входитъ панъ Голова, зашедшій вмѣсто дьяка къ Солохѣ; онъ хочетъ провести съ ней вечеръ, но только что выпиваетъ поднесенную ему чарку водки, какъ снова раздается стукъ и входитъ самъ дьякъ, не дождавшійся своихъ гостей, а Голова прячетси въ другой мѣшокъ. Только что дьякъ готовится приступить къ любовнымъ объясненіямъ, какъ новый стукъ заставляетъ его спрятаться также въ мѣшокъ. Входитъ Чубъ, поетъ и любезничаетъ съ Солохой, но за дверью слышится голосъ Вакулы, Чубъ не хочетъ съ нимъ встрѣтиться, и Солоха, за неимѣніемъ другаго мѣста, прячетъ его въ тотъ же мѣшокъ, гдѣ уже сидитъ дьякъ, испускающій невольный крикъ, когда Чубъ наваливается на него всею тяжестью своей. Вошедшій Вакула горюетъ о своей судьбѣ, хочетъ однако очистить къ празднику хату и, взваливъ на плечи мѣшки со всѣми находящимися въ нихъ, уноситъ въ кузницу. Въ слѣдующей картинѣ представлена другая часть улицы Диканьки. Вакула приноситъ мѣшки и ставитъ ихъ возлѣ своей кузницы. На сцену входитъ толпа колядующихъ и между ними Оксана, которая снова подшучиваетъ надъ Вакулой и повторяетъ обѣщаніе выйти за него замужъ, если онъ достанетъ черевики. Общія насмѣшки выводятъ изъ себя Вакулу, онъ, держа на спинѣ малепькій мѣшокъ съ бѣсомъ, говоритъ: „Прощайте! Не поминайте лихомъ!“ и убѣгаетъ. Оксана сначала поражена, но потомъ, при видѣ оставленныхъ кузнецомъ мѣшковъ, забываетъ это, и всѣ бросаются развязывать мѣшки, изъ которыхъ одинъ за другимъ вылѣзаютъ сидѣвшіе въ нихъ: общее изумленіе однихъ и смущеніе другихъ. Дѣйствіе третье начинается въ хатѣ стараго запорожца Пацюка, знахаря, сидящаго передъ миской съ варениками, которые сами

Digitized by Google

прыгаютъ къ нему въ ротъ, какъ только онъ его открываетъ. Входитъ Вакула съ маленькимъ мѣшкомъ за плечами и проситъ Пацюка помочь ему; онъ готовъ хоть продать душу черту, лишь бы добыть Оксану. Обрадованный чортъ, сидящій у него въ мѣшкѣ, выскакиваетъ и вызывается нынче-жь достать Оксану, требуетъ съ Вакулы росписку, а тотъ, хватая его за хвостъ и угрожая знаменіемъ, овладѣваетъ имъ, заставляетъ обратиться въ крылатаго коня и нести къ царицѣ въ Петербургъ. Пацюкъ съ хатой исчезаетъ въ темнотѣ, а Вакула вскакиваетъ на бѣса, обратившагося въ коня и улетаетъ. Слѣдующая картина происходитъ въ воздушномъ пространствѣ. Сначала идетъ балетъ, танцы созвѣздій. Слетаются колдуны и вѣдьмы, среди которыхъ находятся Солоха и Пацюкъ, и начинается бѣсовская колядка съ пѣніемъ и дикой пляской; Вакула на своемъ конѣ проносится среди бѣсовской силы, тщетно пытающейся преградить ему дорогу. Сцена темнѣетъ, и вдали показывается горящій огнями Петербургъ. Декораціи мѣняются, и среди сцены придворнаго бала появляется въ толпѣ запорожцевъ Вакула, получающій свои черевички и тотчасъ же отправляющійся въ обратный путь. Снова воздушное пространство съ наступающимъ разсвѣтомъ. Кузнецъ Вакула проносится на своемъ конѣ въ обратную сторону. Въ небѣ восходитъ утренница (Венера), и при свѣтѣ утра движется поѣздъ Коляды и Овсеня, сопровождаемыхъ свѣтлыми духами. Когда поѣздъ скрывается, издали показывается Диканька, освѣщенная солнцемъ. Изъ трубъ хатъ валитъ дымъ и доносятся звуки колокола и пѣнія. Занавѣсъ опускается. Въ четвертомъ дѣйствіи на сценѣ—дворъ хаты Чуба. Утро въ день Рождества. Оксана тоскуетъ о Вакулѣ, а двѣ бабы наперерывъ сообщаютъ: одна, что кузнецъ повѣсился, а другая — что утопился. Вдругъ является Вакула съ черевиками для Оксаны и съ подарками и повинной къ Чубу. Оксана не хочетъ и черевиковъ, а Чубъ прощаетъ кузнеца, соглашается выдать за него Оксану и созываетъ всѣхъ съ улицы поздравлять жениха съ невѣстой. Опера оканчивается финальнымъ ансамблемъ въ память Гоголю.

Мы не можемъ сочувственно отнестись къ обильной добавкѣ фантастическаго элемента, сдѣланной въ либретто оперы. Добавка эта имѣетъ слишкомъ условный характеръ, а ея древнеславянское содержаніе и складъ совершенно не вяжутся съ бытовою шуткой изъ россійской жизни, созданной Гоголемъ. Самъ Гоголь устами пасичника рудаго Панько говоритъ, между

Digitized by Google

прочимъ, слѣдующее: „Говорятъ, что былъ когда-то болванъ Коляда, котораго принимали за бога, и что будто оттого пошли и колядки. Кто это знаетъ? Не намъ, простымъ людямъ объ этомъ толковать.“ Если же взять дѣйствующихъ лицъ повѣсти Гоголя, то они конечно, не могли сказать и того; для нихъ пѣсенное упоминаніе именъ Коляды и Овсеня утратило уже всякій опредѣленный смыслъ, и только изыскатели славянской древности, да и то гипотетически, даютъ имъ объясненіе, а попытка привести эти древнія вѣрованія въ связь съ христіанствомъ представляется намъ неудачной, хотя бы потому уже, что христіанство не знаетъ другихъ свѣтлыхъ духовъ, кромѣ ангеловъ Божіихъ, а всѣ остальныя представленія изъ области сверхъестественной разсматриваетъ, какъ враждебный ему элементъ. Какъ видно изъ нашего пересказа либретто, весь главный ходъ дѣйствій и многія детали въ немъ совершенно тождественны съ повѣстью, только чрезвычайно усилена окраска ея фантастической части. У Гоголя Солоха, Бѣсъ и Пацюкъ по отношенію къ ихъ сверхъестественному могуществу стоятъ на уровнѣ очень наивныхъ народныхъ вѣрованій и не представляютъ изъ себя ничего особенно грознаго, сильнаго; это просто бытовыя фигуры, прикрашенныя суевѣріемъ. Въ либретто бытовая сторона этихъ лицъ повѣсти отступаетъ на второй планъ, а на первый выдвигается ихъ сверхъестественное значеніе, что̀ является не только измѣненіемъ, но даже искаженіемъ первоначальнаго сюжета, отразившимся въ особенности на музыкальной характеристикѣ трехъ названныхъ лицъ, получившихъ чуждую имъ романтическую окраску германскихъ средневѣковыхъ сказаній. Что касается до фантастическихъ сценъ въ воздушномъ пространствѣ, то онѣ составляютъ простую уступку господствующему на нашихъ большихъ сценахъ стремленію къ чрезвычайной роскоши постановочныхъ эффектовъ во что бы то ни стало. Для насъ такое стремленіе представляетъ болѣзненное явленіе въ искусствѣ, являющееся какъ бы отрицаніемъ музыкальной драмы, чѣмъ предназначалось быть оперѣ при ея зарожденіи и къ чему вели усилія наиболѣе крупныхъ дѣятелей въ этой области искусства. Въ насильственной приставкѣ внѣшнихъ эффектовъ сцены какъ будто выражается недовѣріе къ могуществу драматической музыки, прибѣгающей за помощью и поддержкой къ декоратору, машинисту и завѣдующему свѣтовыми эффектами. Мы очень цѣнимъ достоинства художественно-богатой постановки, но лишь въ

Digitized by Google

предѣлахъ естественныхъ требованій сюжета, а все излишнее, какъ бы хорошо и богато ни было, можетъ только ослабить главную сущность художественнаго содержанія даннаго произведенія. Мы находимъ, что въ нашей современной публикѣ — и не только у насъ, но и на Западѣ—вполнѣ ясно обнаруживается склонность цѣнить внутреннюю силу драмы на спенѣ, а не роскошь ея аксессуаровъ; только этимъ мы и объясняемъ себѣ необычайно громкій успѣхъ такихъ малозначительныхъ произведеній, какъ *Сельская честь* Масканьи или совсѣмъ незначительныхъ, какъ *Паяцы* Леовковалло: публика требуетъ отъ оперы того же, что и отъ драмы, то-есть внутренней силы содержанія, а не внѣшнихъ прикрасъ. Въ томъ же насъ убѣждаетъ и *Ночь передъ Рождествомъ*, только въ отрицательномъ смыслѣ: какъ ни богаты, какъ ни разнообразны эффекты освѣщенія и машинъ, а также костюмовъ и декорацій въ третьемъ актѣ оперы, публика остается къ нимъ совершенно холодною и только высказываетъ критическія замѣчанія о томъ или другомъ не совсѣмъ удавшемся превращеніи, полетѣ и т. п. Оперным композиторамъ слѣдуетъ обратить на это вниманіе, потому что ошибочное даже отношеніе публики къ художеественнымъ произведеніямъ всегда заключаетъ въ себѣ долю правды и какое-нибудь вѣрное основаніе, а нерѣдко приговоръ публики представляетъ болѣе вѣрную оцѣнку, опережая оцѣнку художественной критики, чему въ исторіи искусства найдется не мало примѣровъ.

Переходя къ музыкѣ *Ночи передъ Рождествомъ*, мы хотимъ заранѣе изложить планъ, которому будемъ слѣдовать въ нашемъ разборѣ. Въ данномъ сдучаѣ мы не имѣмъ, какъ въ Орестейѣ, дѣла съ стилемъ вполнѣ однороднымъ во всѣхъ частяхъ оперы, и потому разбирать музыку *Ночи передъ Рождествомъ* мы будемъ не въ послѣдовательномъ порядкѣ ея нумеровъ, а постараемся соединить ея различные элементы въ группы и дать имъ общую характеристику, вдаваясь по возможности меньше въ техническія детали,—такъ, по нашему мнѣнію, можно дать болѣе ясное понятіе о ея достоинствахъ и недостаткахъ.

Мы раздѣлимъ оперу на оркестровые, въ томъ числѣ и *балетные* нумера, на закопченные вокальныя, и на речитативныя и аріозныя сцены, начиная съ послѣднихъ, то-есть, съ речитативовъ. Въ оперѣ г. Танѣева мы имѣли дѣло съ речитативомъ пѣвучимъ, въ оперѣ г. Римскаго-Корсакова онъ преимущественно декламаціонный; г. Танѣевъ стремился *выражать*, а г. Римскій-

Digitized by Google

Корсаковъ *описываетъ* очень остроумно. Мы должны признаться, что сухость речитатива въ *Ночи передъ Рождествомъ* насъ очень удивила, а между тѣмъ она является у композитора чѣмъ-то преднамѣреннымъ, умышленнымъ, онъ какъ будто хотѣлъ приблизиться къ простому разговорному тону, но въ такомъ случаѣ лучше было по образцу Французовъ употребить діалогъ безъ музыки между законченными музыкальными нумерами: аріями, дуэтами и т. п. потому что бѣдность или полное отсутствіе акомпанимента въ речитативахъ *Ночи передъ Рождествомъ* находится въ полномъ противорѣчіи съ богатствомъ гармоніи и роскошью оркестровой звучности во всемъ остальномъ, кромѣ речитатива. Если бы удовольствоваться простымъ діалогомъ, тогда по крайней мѣрѣ всѣ музыкальные нумера получили бы полную законченность, а теперь этого нѣтъ, и является отсутствіе стройности формы, а въ то же время и однородности содержанія въ цѣломъ. Для примѣра мы возьмемъ первую картину оперы. Начало образуетъ оркестровая интродукція, рисующая картину зимней, тихой, лунной ночи; эта интродукція очень хорошо сдѣлана и чаруетъ прелестью звучности, а также и удачнымъ замысломъ музыкально изобразить общій фонъ сцены. Оказывается однако, что композиторъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду ничего подобнаго, потому что съ поднятіемъ занавѣса прекрасная звуковая картина исчезаетъ и въ музыкѣ являются очень мало интересныя детали, какъ-то: описаніе полета вѣдьмы черезъ трубу, появленіе бѣса, характеризуемаго интерваломъ тритона, — и вмѣсто музыкальной роскоши интродукціи является изумительная бѣдность и угловатость музыки, какъ будто каррикатурность фигуръ Солохи съ Бѣсомъ составляетъ главную суть содержанія, заслоняющую все остальное. Дѣйствительный интересъ музыка пріобрѣтаетъ только къ концу сцены, въ дуэттино Солохи съ Бѣсомъ, а когда они улетаютъ въ высь, въ оркестрѣ опять появляется картина ночи, отмѣчается исчезновеніе мѣсяца и подымающаяся вьюга, но все это вдругъ обрывается съ выходомъ Панаса, а потомъ Чуба, и опять начинается речитативная пустота съ мелочными подчеркиваніями въ музыкѣ отдѣльныхъ словъ, а объ ночи и вьюгѣ музыка забываетъ, только съ уходомъ обоихъ въ оркестрѣ опять появляются гаммочки, изображающія завываніе вѣтра. Съ приходомъ Вакулы—новый перерывъ; онъ поетъ длинную, но не особенно интересную пѣсню, потомъ слѣдуетъ сцена съ Чубомъ, отчасти написанная въ томъ же бѣдномъ речитативномъ стилѣ,

Digitized by Google

о которомъ уже упоминалось, а подъ конецъ возвращается въ оркестрѣ изображеніе ясной ночи, и этимъ первая картина заканчивается. У композитора какъ будто имѣлось намѣреніе дать всему общую закругленность формы, основанную на музыкѣ интродукціи, но полное измѣненіе музыкальнаго стиля въ речитативахъ разбиваетъ все на отрывочные, безсвязные куски. Трудно себѣ объяснить, на чемъ основанъ такой пріемъ композиціи, но едва ли можно доказать его умѣстность въ данномъ случаѣ. Казалось бы естественнѣе и проще было провести непрерывную музыкальную нить въ оркестрѣ, и на этомъ общемъ фонѣ, видоизмѣняя его, напримѣръ, также какъ при исчезновеніи мѣсяца, провести всѣ сцены, не выдвигая на первый планъ мелочныхъ подробностей текста. Вся опера, за исключеніемъ балетныхъ фантастическихъ сценъ и картинъ, написана въ такомъ же перемежающемся стилѣ, какъ первая картина, и пріемъ этотъ производитъ очень невыгодное впечатлѣніе своею безсвязностью и отсутствіемъ единства музыкальнаго плана. Такимъ образомъ вся речитативная часть оперы представляется намъ совершенно неудовлетворительною по своему стилю, очень затемняющею многія красоты композиціи. Во всемъ остальномъ опера сдѣлана гораздо удачнѣе, и многое въ ней обличаетъ руку мастера. Сюда кромѣ музыки интродукціи относятся нѣкоторые изъ нумеровъ оперы, имѣющіе вполнѣ законченную форму. Такова, напримѣръ, арія Оксаны во второй картинѣ перваго акта медленной съ каватиной, богато расцвѣченной колоратурными пассажами и роскошью гармоніи съ прелестною оркестровою звучностью. За каватиной слѣдуетъ блестящее allegro, очень эффектное и благодарное для хорошей колоратурной пѣвицы. Вся арія имѣетъ концертный характеръ и вѣроятно сдѣлается одною изъ любимыхъ въ этомъ смыслѣ пьесъ. Хороша и вторая арія Оксаны въ послѣднемъ дѣйствіи, менѣе блестящая, но болѣе искренняя по выраженію чувства. Хорошо дуэттино съ большой кодой Солохи и Бѣса въ первой картинѣ, а также ихъ сцена во второмъ дѣйствіи. Хороша и характерна въ томъ же дѣйствіи тяжеловѣсная пѣсня пана Головы, пришедшаго къ Солохѣ, а потомъ пѣсня Чуба и Солохи. Хоры колядующихъ выдержаны въ характерѣ, интересно сдѣланы въ общемъ и деталяхъ и колоритны. Къ удачнымъ нумерамъ относится и заключительный ансамбль оперы въ память Гоголя. Очень характерна въ гармоническомъ отношеніи сцена у Запорожца Пацюка—съ фигурой скрипокъ и флейтъ

Digitized by Google

изображающихъ скачущіе къ Пацюку въ ротъ вареники,—но немного утомляетъ своею музыкальною изысканностію.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, мы упомянемъ еще о музыкѣ трехъ картинъ третьяго акта, слѣдующихъ за сценой у Пацюка. Балетныенумера намъ не всѣ нравятся, но многое въ нихъ скрашивается роскошью звучности оркестра. Бѣсовская колядка на тему старинной пѣсни о Колядѣ очень картинна и состоитъ изъ ряда варіацій на эту тему, мастерски сдѣланныхъ. Та же тема, только въ мажорѣ, служитъ для музыкальной картины, сопровождающей поѣздъ Коляды, Овсеня и свѣтлыхъ духовъ. Здѣсь тема получаетъ совершенно иную окраску, соотвѣтственно данному положенію и звучитъ очень красиво въ хорѣ и оркестрѣ, также, какъ и предшествующая ей оркестровая картина появленія утренницы и разсвѣта. Хоръ и полонезъ въ сценѣ придворнаго бала сдѣланы во вкусѣ торжественныхъ хоровъ конца прошлаго вѣка.

Въ музыкѣ *Ночи передъ Рождествомъ* сдѣлано довольно значительное примѣненіе *Leitmotiv'овъ*, не всегда достаточно рельефныхъ и относящихся иногда къ предметамъ второстепеннымъ; примѣненіе съ различными измѣненіями сдѣлано съ большимъ вкусомъ и очень изящно. Но во всякомъ случаѣ *Leitmotiv'ы* не заполняютъ все, какъ у Вагнера, но являются болѣе или менѣе исключительнымъ явленіемъ; чаще другихъ является мотивъ ясной ночи, то въ видѣ главной, то акомпанирующей фигуры.

Музыка оперы Н. А. Римскаго-Корсакова выдержана конечно въ малорусскомъ характерѣ, кажется съ заимствованіями народныхъ напѣвовъ. Мы не принадлежимъ къ знатокамъ малорусской народной музыки и знакомы съ ней очень поверхностно, тѣмъ не менѣе намъ очень многое въ мелодіяхъ не особенно нравится именно за то, что носитъ тотъ условно малорусскій пошибъ народной пѣсни, образцомъ которой можетъ служить извѣстная, но конечно не народная мелодія „Віютъ витры“. Для примѣра можно взять первую пѣсню кузнеца Вакулы, по нашему мнѣнію довольно слабую и своей сентиментальностью напоминающую разные романсы, выдаваемые за народныя пѣсни. Впрочемъ, мы вообще питаемъ убѣжденіе, что малорусскія пѣсни вообще очень далеко уступаютъ въ силѣ, оригинальности и красотѣ великорусскимъ, хотя многіе держатся совсѣмъ противуположнаго воззрѣнія. Въ *Ночи на Рождество* народная музыка лучше всего представлена въ мелодіи старинной колядки, играющей довольно важную роль

Digitized by Google

въ оперѣ; народность характера видна также въ хорахъ и отчасти въ двухъ аріяхъ Оксаны,—только въ первой изъ нихъ кавatина имѣетъ, кажется, скорѣе великорусскій, нежели малорусскій характеръ.

Блестящее дарованіе Н. А. Римскаго-Корсакова проявляется въ большой силѣ и въ послѣднемъ его произведеніи, разсмотрѣніемъ котораго мы занимались, но пестрота стиля, предумышленная конечно, мѣшаетъ въ немъ полнотѣ впечатлѣнія. Вообще какъ будто въ *Ночи передъ Рождествомъ* отведено много мѣста разсудочнымъ пріемамъ—и въ затѣйливыхъ гармоническихъ комбинаціяхъ, въ условной послѣдовательности ихъ проведенія, въ хроматизмахъ смѣшенія разныхъ тональностей и т. п. Что касается декламаціоннаго склада речитатива, то остается только пожелать, чтобы русскіе композиторы оставили наконецъ его въ покоѣ; это мертворожденная выдумка, годная развѣ для пѣсенокъ съ фортепьяннымъ акомпаниментомъ, вродѣ различныхъ опытовъ въ этомъ родѣ покойныхъ Даргомыжскаго и Мусоргскаго, но примѣненіе такого, спеціально петербургскаго, стиля къ оперѣ будетъ со стороны всякаго композитора поступкомъ самоубійственнымъ.

Н. Кашкинъ.

Digitized by Google

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

Рента—цѣль жизни.—Сберегательная книжка какъ элементъ нравственнаго воспитанія. — Страхъ передъ семейными обязательствами. — Проституція какъ охрана чистоты семьи. – Молодой человѣкъ, не вѣрующій въ Бога, но вѣрующій въ коммерцію.—Бракъ—союзъ капиталовъ.—Брачныя агентства.—Капиталъ дѣвушки-работницы.—Faux menages. Пьянство — результатъ стремленія къ сбереженію.—Рабочій-рантьеръ.—Первый выводъ.

Я уже говорилъ, что любовь къ комфорту и къ наслажденію жизнью составляетъ одну изъ характернѣйшихъ особенностей современнаго французскаго общества. Но подъ наслажденіемъ жизнью вовсе не слѣдуетъ понимать безпутное прожиганіе жизни въ попойкахъ, кутежахъ и мотовствѣ, по фразѣ—„лови минуты наслажденій“, а тамъ дальше хоть трава не расти. Это совсѣмъ не во французскомъ характерѣ. Въ противность установившемуся мнѣнію, Французы—народъ очень разсчетливый. На все у нихъ свой часъ и свое время. Когда они работаютъ, то, начиная отъ богатѣйшаго буржуа до плотника и каменщика, дѣлаютъ свое дѣло серьезно, быстро и красиво, съ почти артистическимъ увлеченіемъ. Сколько разъ приходилось мнѣ слышать отъ рабочихъ иностранцевъ, особенно отъ русскихъ, что во французскихъ мастерскихъ очень трудно работать, вслѣдствіе чрезвычайно развитаго ремесленнаго самолюбія французскаго рабочаго; каждый изъ нихъ стремится перещеголять своего собрата, упростить трудъ, придумать новый способъ, а потому „за нимъ не угоняешься“. Изобрѣтательность французскаго рабочаго—явленіе настолько обычное и общеизвѣстное, что предусматривается даже фабрикантами и заводчиками при наймѣ. Рабочій, сдѣлавшій усовершенствованіе въ домѣ, гдѣ работаетъ, обязанъ предоставить его въ распоряженіе хозяина, который воленъ дѣлать съ нимъ что хочетъ.

Digitized by Google

Я часто присматривался къ жизни мелкаго парижскаго торговца и положительно приходилъ въ недоумѣніе отъ массы развиваемой имъ энергіи въ отчаянной борьбѣ съ крупною промышленностью. Почти круглый годъ,—потому что въ Парижѣ торгуютъ также по праздникамъ,—отъ зари до 10 ч. вечера, сидитъ онъ въ магазинѣ вмѣстѣ съ женой, любезничаетъ съ кліентами, лазитъ по полкамъ, рыскаетъ по кредиторамъ, вѣчно дрожитъ за свою шкуру, потому что, если не заплатитъ въ срокъ по обязательствамъ, его непремѣнно обанкрутятъ и разорятъ. И вотъ, когда, послѣ такого безконечнаго дня, лавка запирается, начинается никѣмъ невидимая черная работа. Надо вычистить и вымыть магазинъ, уложить товары, свести счеты. Это какъ будто и пустяки, а за такою работой приходится провозиться до часа ночи. А между тѣмъ въ квартирѣ у него всегда чисто и мило убрано, мебель мягкая, обѣдъ хотя небогатый, но въ нѣсколько блюдъ, съ виномъ, хорошо приготовленный и сервированный. Умѣя хорошо поработать, Французъ умѣетъ и любитъ повеселиться, но веселье его имѣетъ границы, и онъ отлично знаетъ напередъ, что̀ ему это будетъ стоить, и больше опредѣленнаго не потратитъ ни сантима. Глядя на роскошно освѣщенные, всегда наполненные публикой парижскіе кафе, иностранцу можетъ показаться, что здѣсь усаживаются Богъ вѣсть какіе капиталы, а между тѣмъ вечеръ въ кафе обходится парижанину не больше франка: обыкновенно 50—60 сантимовъ.

Итакъ современный французъ предусмотрителенъ и расчетливъ во всемъ. Онъ думаетъ не только о настоящей минутѣ, но и о завтрашнемъ днѣ. Какъ только французъ начинаетъ зарабатывать больше чѣмъ ему нужно, чтобы удовлетворить свои первыя потребности,—по французскимъ понятіямъ, разумѣется,—онъ несетъ излишекъ въ сберегательную кассу или покупаетъ акцію.

Въ этомъ заключается другая характерная черта современнаго Француза. Сберегаетъ онъ не просто изъ жадности, а изъ желанія не только самому пользоваться комфортомъ на старости лѣтъ, но доставить эту возможность и своему потомству, если таковое имѣется. Дѣлать сбереженія—это принципъ, насквозь проникающій французское общество, онъ красуется на его знамени въ видѣ формулы: „par la caisse d'epargne on fait de la richesse qui moralise“. Съ этою формулой французская буржуазія думаетъ разрѣшить всѣ проклятые вопросы, вылечить все-

Digitized by Google

возможныя общественныя болѣзни, построить царство всеобщаго счастья и благополучія. Загляните въ аудиторію профессора, въ книгу моралиста или экономиста, въ ученые журналы, въ газеты, послушайте парламентскаго оратора, и неизмѣнно вездѣ вы наткнетесь на эту мысль, какъ на великую панацею. И эта мысль такъ глубоко вошла въ плоть и кровь современнаго французскаго общества, что проникла даже въ педагогику, составляя одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ моральнаго воспитанія.

Въ 1874 г. Дермануаръ издалъ книжку: ***Руководство для школьныхъ сберегательныхъ кассъ***. Въ короткое время книга выдержала девять изданій, и, по мысли автора, немедленно началась организація такихъ кассъ. Въ 1877 г. ихъ насчитывалось уже 3033, съ капиталомъ около трехъ милліоновъ фр., а число маленькихъ вкладчиковъ было 148.382. Черезъ четыре года число вкладчиковъ кассъ и капитала удвоилось.

И не подумайте, что это сдѣлалось по принужденію правительства. Правительство сдѣлало только „свободный призывъ“ къ обществу, и кассы стали расти, какъ грибы,—мало того, въ концѣ 1882 г. генеральные совѣты 53 департаментовъ высказались за необходимость скорѣйшаго учрежденія сберегательныхъ кассъ при мѣстныхъ школахъ, какъ „самаго лучшаго и вѣрнаго средства моральнаго воспитанія“. Эти кассы, по ихъ словамъ, „начальныя школы экономической жизни, гимназіи нравственной энергіи“.

Привычка дѣлать сбереженія до такой степени вошла въ нравы французскихъ крестьянъ, что у нихъ существуетъ даже бранное выраженіе для тѣхъ, кто этого не дѣлаетъ. „Il mange tout ce quil gagne“ въ устахъ французскаго крестьянина то же, что у насъ сказать „пропоица и лѣнтяй“.

* * *

Немудрено послѣ этого, если Французы относятся съ большимъ страхомъ къ браку. Жениться значитъ взять на себя очень тяжелыя экономическія обязанности, которыхъ непосредственнымъ результатомъ будетъ невозможность удовлетворить сложившимся условіямъ жизни. Другое дѣло—жениться выгодно, составить богатую партію. Но буржуа, который трудомъ цѣлой жизни копилъ, увеличивалъ капиталъ, не отдастъ вмѣстѣ съ дочерью своихъ денегъ человѣку, который не составилъ себѣ „position

Digitized by Google

sociale", и этимъ не доказалъ своихъ способностей выходить побѣдителемъ изъ остервенѣлой борьбы за существованіе. Не отдастъ, замѣтьте, даже богатому отцовскими сбереженіями человѣку. „Онъ ѣстъ отцовскія деньги, скажетъ буржуа, на что же онъ годенъ!" И вотъ, молодому человѣку приходится дѣлать une position sociale, что̀ обыкновенно сводится на продолженіе отцовскаго дѣла. Отецъ былъ нотаріусомъ и сынъ нотаріусъ, отецъ докторъ и сынъ докторъ и т. д. Личныя симпатіи въ этихъ случаяхъ рѣдко берутся въ разсчетъ; берется отцовская профессія потому, что она скорѣе ведетъ къ цѣли, доставляетъ готовыя связи и кліентель, а кліентель во Франціи—краеугольный камень всякой профессіи и всякой наживы. Доктору, напримѣръ, мало имѣть дипломъ и знать свое дѣло, ему нужны больные.

А они всѣ расхватаны людьми, которые по 20, по 30 лѣтъ сидятъ на одномъ мѣстѣ. Поэтому, когда молодой врачъ думаетъ начать свое ремесло, онъ начинаетъ съ того, что подыскиваетъ какого-нибудь стараго коллегу, который собирается „se retirer des affaires", и покупаетъ у него кліентель. Смотря по мѣсту, за нее платится десять - двадцать тысячъ фр. и больше. То же самое и въ чисто коммерческихъ предпріятіяхъ. Покупка и продажа такъ-называемая „fonds de commerce" здѣсь такъ развита, что на этомъ основана очень азартная и даже довольно мошеническая спекуляція.

Составить себѣ „position sociale" во Франціи, гдѣ охотниковъ такъ много и конкурренція такъ велика (замѣтьте еще ту особенность, что Французы не любятъ искать счастья внѣ родины), очень трудно. При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ раньше 30—35-лѣтняго возраста это не удается ни въ торгово-промышленной, ни въ средѣ либеральныхъ профессій. Является такимъ образомъ цѣлая армія молодыхъ людей, неженатыхъ и въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. А это, надо прямо сказать, особенно при французскихъ нравахъ и взглядахъ, вызываетъ колоссальный спросъ на проституцію, и непосредственно вліяетъ на увеличеніе разврата, что̀ подтверждается французскими же наблюдателями, данными полицейскими и уголовною статистикой.

Французская буржуазія отлично понимаетъ экономическую выгоду для себя женской проституціи, и поэтому безъ всякихъ стѣсненій часто философствуетъ устами своихъ публицистовъ на тему о морализующемъ вліяніи послѣдней на семью, что, еслибъ де небыло проституціи, то инстинкты, находящіе себѣ исходъ

Digitized by Google

въ „ней, направились бы на развращеніе семьи". Поэтому же дирижирующая буржуазія смотритъ сквозь пальцы на увеличеніе проституціи, какъ на явленіе будто-бы неизбѣжное, и всѣ силы ея въ этомъ отношеніи, направлены на то, чтобы сдѣлать ее безвредною въ медицинскомъ смыслѣ. На развратъ сынка буржуа смотритъ всегда благосклонно, лишь-бы это дѣлалось безъ увлеченія и съ разсчетомъ, и такъ, чтобы сынокъ не вступалъ ни въ какія обязательства относительно будущаго. А какъ относится къ этому само общество, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра.

Въ 1881 г. въ Парижѣ разбирался процессъ, очень обыденный, но который обратилъ на себя вниманіе, благодаря одному изъ участниковъ его. Д-ръ Каброль, бывшій лейбъ-медикъ фельдмаршала С. Арно, обвинялся въ томъ, что за деньги произвелъ выкидышъ у молодой дѣвушки Габріэль Берто, результатомъ чего была смерть послѣдней. Габріэль была дочь пѣвицы изъ кафе-шантана. Мать сдѣлала невѣроятныя и по истинѣ трагическія усилія, чтобы избавить Габріэль отъ того омута, въ которомъ сама провела свою жизнь. Она ревниво оберегала ее отъ своихъ знакомыхъ, скрывала отъ нея свою профессію, и помѣстила въ дорогой пансіонъ, чтобы ее приготовили къ учительской должности. Оказалось, однако, что такая дѣятельность была для Габріэль слишкомъ серіозна. Тогда мать отдала ее въ науку къ одной почтенной модисткѣ, поставивъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Габріэль спала въ одной комнатѣ съ матроной. И она дѣйствительно спала. Но это не помѣшало бѣдной дѣвочкѣ,—ей было 16 лѣтъ,—въ скоромъ времени забеременѣть. Черезъ одну свою подругу Габріэль познакомилась съ молодымъ и богатымъ коммерсантомъ Дюкрокомъ, у котораго имѣлась рояль. Габріэль стала ходить къ нему играть, и романъ быстро разыгрался. Когда дѣвушка узнала, что должна сдѣлаться матерью, она стала волноватся, искать способовъ отдѣлаться отъ нежеланнаго плода. Дюкрокъ, съ своей стороны, самъ того желалъ и предложилъ свести дѣвушку къ доктору, который считался большимъ виртуозомъ по этой части. Въ назначенный день карета Дюкрока остановилась передъ квартирою Каброль. Молодой человѣкъ безъ обиняковъ объяснилъ цѣль своего визита. Сторговались за сто франковъ, и д-ръ тотчасъ же приступилъ къ операціи... Въ этотъ вечеръ молодые люди праздновали,—какъ выразился прокуроръ,—свою побѣду надъ природой, но на другой день Габріэль слегла и уже больше не вставала.

Digitized by Google

При первомъ извѣстіи о болѣзни дочери, мать прикатила немедленно въ Парижъ и тутъ только узнала подробности всей исторіи. Прежде всего она помѣстила Габріэль въ больницу, затѣмъ полетѣла къ Дюкроку.

Молодой коммерсантъ принялъ ее дерзко и насмѣшливо. Сначала онъ даже не могъ припомнить, о какой дѣвушкѣ шла рѣчь, но потомъ вспомнилъ, что „такую дѣвушку встрѣчалъ на тротуарахъ".

— Вы пойдете на скамью подсудимыхъ, господинъ соблазнитель, вскричала бѣдная пѣвица,—если будете отмалчиваться и не женитесь на моей дочери.

— Жениться! отвѣтилъ Дюкрокъ.—Что скажетъ коммерческая палата!

— Ничего, вы не герцогъ Омальскій.

— Tenez! Возьмите деньги, я устрою Габріэль. Такъ лучше будетъ.

— Нѣтъ, мнѣ не надо денегъ, я хочу спасти жизнь и честь моей дочери. Женитесь, или вы пойдете подъ судъ ассизовъ.

Дюкрокъ предпочелъ сѣсть на скамью подсудимыхъ. Онъ зналъ, говорилъ онъ, что всѣ честные люди будутъ за него...

И онъ не ошибся.

Во все время суда, докторъ и его соучастникъ продолжали быть предметомъ дифирамбовъ множества газетъ всѣхъ оттѣнковъ. Ихъ имена произносились въ печати не иначе, какъ съ прибавленіемъ „почтенный, симпатичный, заслуженный". Что подсудимые были оправданы—нечего и говорить. Но вотъ, что было послѣ суда. „Третьяго дня, писали въ *Expresse*, толпа человѣкъ во сто ожидала его, Дюкрока, на улицѣ: его обнимали, ему бросали букеты, незнакомые люди подавали ему свои визитныя карточки, почтенныя женщины (des dames respectables) плясали отъ радости или плакали. Онъ же, при первой возможности, ускользнулъ отъ этой овація, желая отдохнуть. Сегодня онъ проводилъ день въ пріемѣ посѣтителей, въ чтеніи газетъ. Завтра онъ возвратится къ своимъ дѣламъ".

Та же радикальная газета познакомила насъ съ внутреннимъ состояніемъ своего героя. На другой день послѣ процесса она отправила къ нему своего сотрудника, который былъ никто иной, какъ Поль Алексисъ, извѣстный романистъ натуралистической школы, другъ и ученикъ Золя. Вотъ какъ онъ передавалъ свой разговоръ съ Дюкрокомъ:

Digitized by Google

„Интересный молодой человѣкъ въ креслѣ передъ каминомъ, съ сигарой въ зубахъ", а Поль Алексисъ смотрѣлъ черезъ его плечо на рояль, на которомъ еще такъ недавно играла Габріэль.

Дюкрокъ. Мои пять мѣсяцевъ тюрьмы прошли и очень медленно, и очень скоро. Странно, что я никогда не скучалъ. Камера моя была очень неудобна. Мнѣ очень долго не давали даже носоваго платка—изъ страха, чтобы я не повѣсился. Мой арестъ мнѣ показался сномъ до той самой минуты, пока меня заперли въ камерѣ. И эта минута была самою тяжелою во всей моей Одиссеѣ. Мое выраженіе: „что скажетъ коммерческая палата" показалось публикѣ неудачнымъ. Но она была неправа: то былъ крикъ, идущій изъ сердца коммерсанта, потому что *я вѣрую въ коммерцію, какъ вы вѣрите въ литературу...* Что касается отвѣта матери Габріэли: „вы не герцогъ Омальскій", сознаюсь — онъ оригиналенъ и красивъ. Но эта дама всетаки—скверная женщина, она была причиной моего несчастья, и особенно своей дочери... Не будь ея, еслибъ Габріэль, оставшись въ живыхъ, была сиротой и оказалась хорошею матерью,—кто знаетъ! — можетъ быть, я когда-нибудь и женился бы на ней... Мой патронъ умеръ въ прошломъ году, я наслѣдовалъ ему, обязавшись выплатить его вдовѣ 50.000 фр.„

Алексисъ прибавляетъ къ этому характерному монологу не менѣе характерныя размышленія: „Такъ говоритъ этотъ человѣкъ, еще молодой, но уже перенесшій тяжкое испытаніе, онъ ни на одну минуту не перестаетъ быть благоразумнымъ, умѣреннымъ и покорнымъ своей судьбѣ, и не обвиняетъ ни Бога, ни судьбу, ни общество.

* * *

Мы увидимъ впослѣдствіи, что люди въ родѣ Дюкрока не представляютъ собою исключительнаго явленія. Это соціальный типъ, пользующійся симпатіями среды, въ которой выросъ и воспитался. Дюкрокъ знаетъ напередъ, что „честные люди будутъ за него", и совѣсть у него чиста. Безъ амурной интриги ему прожить нельзя. „Отъ дѣлъ великихъ—отдыхъ нуженъ", номы видѣли, что Дюкрокъ считаетъ свое дѣло дѣйствительно великимъ. Онъ въ него даже вѣруетъ. Его романъ—легкій и пріятный, но нисколько не связывающій его съ завтрашнимъ днемъ, потому что обязательствъ у Дюкрока много и безъ того. Онъ долженъ выплатить прежде всего за свой fond de commerce, на что уйдутъ всѣ заработки первыхъ лѣтъ. А нужно вѣдь расширить

Digitized by Google

предпріятіе, нужно поддерживать новыя связи, жить пошире и побогаче, чѣмъ когда онъ былъ простымъ приказчикомъ. На все нужны капиталы. Буржуа, находящійся въ положеніи Дюкрока, долженъ, какъ говорятъ французы, lancer son entreprise съ помощью женитьбы. И чѣмъ выгоднѣе женитьба, тѣмъ дѣло обезпеченнѣе, тѣмъ коммерція пойдетъ шибче и правильнѣе. И вотъ, Дюкроки начинаютъ подыскивать себѣ невѣсту. Такъ какъ это дѣло чисто коммерческое, союзъ капиталовъ,—то о любви тутъ и рѣчи быть не можетъ. Жену ищутъ черезъ homme d'affaire, черезъ брачныя агентства.

Эти агентства играютъ во французскомъ обществѣ огромную роль, гораздо бо̀льшую, чѣмъ можно думать. Въ одномъ Парижѣ ихъ не менѣе 60 (и то еще я имѣю въ виду лишь большія, извѣстныя, ведущія дѣла въ богатомъ обществѣ). Они разсылаютъ своихъ агентовъ по всей Франціи и ведутъ дѣла милліонныя. Представители агентствъ имѣютъ доступъ въ богатые салоны и содержатъ даже сами таковые, не на свое имя, конечно. Въ Парижѣ всегда можно найти почтенную, но разорившуюся матрону, которая желаетъ вести прежнюю жизнь на широкую ногу. Вотъ, къ такой-то дамѣ являются на помощь брачныя агентства. Они даютъ ей возможность содержать салонъ, принимать молодыхъ людей и богатыхъ наслѣдницъ, и тамъ обдѣлываютъ свои дѣла. „Появленіе на горизонтѣ богатаго приданаго, разсказываетъ Фигаро, — есть цѣлое событіе въ мірѣ агентствъ. Такъ преслѣдуется браконьерами золотой фазанъ, попавшій въ лѣсъ, гдѣ находятся одни дрозды. Всѣмъ извѣстенъ милліонный бракъ, рѣшенный въ салонѣ, который составлялъ отдѣленіе агентства, въ двѣ минуты—время нужное, чтобы сварить яйцо“...

„Почти всегда бракъ дѣлается при помощи агентства, разумѣется, безъ вѣдома молодой дѣвушки. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе отвратительное, какъ видъ несчастныхъ дочерей милліонеровъ, за которыми съ утра до вечера гоняется хищная толпа агентовъ. И богатыя невѣсты отлично знаютъ, что̀ такое брачное агентство. Оно всегда—ихъ ужасъ и манія. Онѣ всегда подозрѣваютъ, что молодой человѣкъ, съ которымъ онѣ вальсируютъ, подосланъ какимъ-нибудь агентствомъ... И нерѣдко случается, что жена, въ одинъ прекрасный день, послѣ свадьбы, узнаетъ, что мужъ въ выборѣ ея игралъ гораздо менѣе самостоятельную роль, чѣмъ въ выборѣ свадебнаго ожерелья“.

Digitized by Google

Фигаро—очень компетентный судья въ этомъ вопросѣ, такъ какъ онъ самъ занимается брачнымъ сводничествомъ и печатаетъ всегда анонсы агентствъ, и вотъ какъ онъ характеризуетъ буржуазный бракъ... Бракъ сдѣлался ассоціаціей капиталовъ. Мужчина и женщина представляютъ собою только двѣ слагаемыя единицы: бракъ есть итогъ. Дитя, родящееся отъ умноженія этихъ двухъ факторовъ, есть продуктъ. Слова: любовь, честь, красота, молодость, такъ же мало имѣютъ тутъ мѣсто, какъ въ любомъ трактатѣ о лагоріемахъ. Молодежь, зрѣлые люди и даже старики съ одинаковою жадностью бросаются въ эту новую коммерческую сдѣлку. Союзъ мужчины и женщины не представляетъ собою весенняго желанія, поэтическаго сна въ лѣтнюю ночь; это—сонъ въ зимній морозъ... Глядя на это, можно подумать, что человѣкъ—растеніе, утратилъ свой прежній горячій и красный сокъ. Тутъ все холодно, какъ золотая монета. Это какая-то новая вавилонская башня, которая строится съ помощью снѣга и грязи.

* * *

На такихъ же точно основаніяхъ построенъ бракъ мелкой провинціальной буржуазіи и крестьянина-собственника. Если брачныя агентства не добрались еще сюда, то доберутся въ скоромъ времени. А пока мѣстные сваты и сами заинтересованныя стороны: семья молодой дѣвушки и молодой человѣкъ, который собирается жениться, отлично замѣняютъ ихъ роль. И тутъ это такая же коммерческая сдѣлка въ классѣ зажиточной буржуазіи. Дѣвушка, не имѣющая хорошаго приданаго, не имѣетъ никакихъ шансовъ найти себѣ жениха, развѣ только какого-нибудь бездомнаго пролетарія; но за такого она сама не выйдетъ безъ крайней нужды. Въ этомъ отношеніи положеніе женщины еще болѣе ухудшилось въ послѣднія 20 лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ между крестьянами стала входить въ обычай недѣлимость земли. Если у крестьянина есть сынъ и дочь, то первый получаетъ все наслѣдство, а вторая остается не при чемъ. Вслѣдствіе всего этого во французской деревнѣ, особенно въ сѣверныхъ департаментахъ, распространено стремленіе въ городъ на заработки. Идеалъ дѣвушки—сколотить себѣ маленькій капиталъ, приданое, и выйти замужъ. (Больше 20% сберегательныхъ книжекъ приходится на долю женской прислуги). Для достиженія этого идеала, крестьянская дѣвушка не останавливается ни передъ какою

Digitized by Google

жертвой. Такъ какъ самая выгодная профессія—мѣсто кормилицы (женщины изъ буржуазіи сами дѣтей не кормятъ), то крестьянская дѣвушка стремится прежде всего сдѣлаться „nourrice“. Существуетъ во Франціи особенное ремесло „mêneuse“, это—старуха, которая занимается поставкой кормилецъ въ бюро. Онѣ разъѣзжаютъ по деревнямъ и соблазняютъ дѣвицъ перспективой богатаго заработка и правильнаго житья: 60 — 70 франковъ жалованья въ мѣсяцъ, почетная роль въ домѣ, и подарки, въ видѣ городскаго гардероба, часовъ и проч. Перспектива очень соблазнительная! Поэтому съ первымъ попавшимся парнемъ производится на свѣтъ ребенокъ, и съ этимъ капиталомъ, подъ предводительствомъ mêneuse (поводарки—буквально) дѣвушка торжественно отправляется въ городъ. Мнѣ говорили доктора, что въ Парижъ, особенно почему-то зимой, приходятъ цѣлые поѣзда съ дѣвушками-кормилицами, ихъ набирается такъ много, что половина не можетъ найти мѣста. Тогда капиталъ непосредственно обращается въ тяжелую обузу, отъ которой стараются всѣми средствами отдѣлаться. И нерѣдко дѣвица, питавшая честолюбивые замыслы выйти замужъ съ приданымъ, попадаетъ въ публичный домъ, какъ въ послѣднюю пристань, провалandавшись и долго пробѣдствовавъ предварительно въ большомъ городѣ.

Другой идеалъ хорошаго мѣста для крестьянской дѣвушки—мѣсто прислуги, такое мѣсто, разумѣется, гдѣ работать пришлось бы возможно меньше, а получать возможно больше. Но такихъ мѣстъ очень мало. Французы не любятъ держать лишней прислуги—это стоитъ слишкомъ дорого, а разъ взявши одну, они заставляютъ ее работать, какъ вьючное животное. Рѣдко это приходится по вкусу деревенской „искательницы“ гдѣ лучше. Не затѣмъ она пришла въ городъ, гдѣ соблазновъ такъ много, чтобы съ шести часовъ утра до десяти вечера корпѣть на кухнѣ! Чѣмъ дѣло кончается въ большинствѣ случаевъ—отгадать не трудно...

Впрочемъ, не всѣ дѣвушки и желаютъ при такихъ условіяхъ идти въ прислуги. Большинство пристраивается на фабрикахъ, заводахъ, въ мастерскихъ, чтобы сохранить свою свободу.

Заработная плата здѣсь, если даже женщина исполняетъ работу мужчины, среднимъ числомъ 2—3 фр. въ день, часто меньше, очень рѣдко больше.

Въ Парижѣ хорошая швея зарабатываетъ больше 3 фр. въ

Digitized by Google

день, и отъ нея требуется, кромѣ умѣнья шить, быть прилично одѣтою. Изъ цѣнъ, которыя я привелъ выше, очевидно, что на эти деньги прожить нѣтъ никакой возможности, поэтому дѣвушкѣ остается только такая альтернатива: или выходить вечеромъ, послѣ работы на тротуаръ, дѣлать „пятую четверть дня", какъ говорятъ онѣ, или пользоваться покровительствомъ какого-нибудь молодаго человѣка, большею частью своего же брата рабочаго. Послѣдній выходъ для нея, разумѣется, желательнѣе. Но этого могутъ достигнуть только болѣе красивыя и разбитныя, такъ какъ городской рабочій на счетъ женскаго пола очень разборчивъ и не со всякою женщиной свяжется. Если работницѣ удалось плѣнить какого-нибудь рабочаго, ея карьера сдѣлана: она поселяется съ нимъ на одной квартирѣ, обзаводится хозяйствомъ и часто выдаетъ себя за законную жену. Эта форма брака — одна изъ самыхъ распространенныхъ среди рабочаго сословія и называется faux ménage. Рабочій предпочитаетъ ее другой легальной формѣ, потому, во-первыхъ, что идти къ мэру обходится очень дорого (около 36 франковъ); правда, законъ 10-го декабря 1850 года ставитъ мэрамъ въ обязанность женить бѣдныхъ даромъ, но рабочій изъ гордости рѣдко пользуется этою льготой, во-вторыхъ, эта форма оставляетъ всегда открытый путь къ отступленію, если жена надоѣла, или когда жизнь въ экономическомъ отношеніи становится слишкомъ тяжелою.

А жизнь средняго семейнаго рабочаго всегда тяжела. Заработка его хватаетъ лишь на то, чтобы прокормить себя самого,— не только дѣтей, жену содержать на него невозможно. Поэтому, сплошь да рядомъ, жена должна идти на заводъ или на фабрику, чтобы пополнить недостающій бюджетъ. Судьба работницы-жены и матери поистинѣ каторжная. Встаетъ она въ шесть часовъ утра, обрядитъ хозяйство, накормитъ дѣтей и въ семь должна уже стоять передъ громадными желѣзными воротами фабрики; если фабрика далеко отъ дома, приходится вставать часомъ раньше. Окончивши работу въ 6—7 часовъ вечера, нужно немедленно, не отдыхая, на голодное брюхо, браться за стряпню, за дѣтей, а затѣмъ обшивать и починять свое и мужнино платье и бѣлье. Что дѣлаетъ еще болѣе ужаснымъ положеніе рабочаго менажа, это то, что чѣмъ онъ бѣднѣе и угнетеннѣе, тѣмъ больше въ немъ дѣтей. Рабочій-ремесленникъ, хорошо зарабатывающій, обыкновенно предусмотрителенъ, боится потерять свой маленькій комфортъ, и потому больше одного-

Digitized by Google

двухъ дѣтей не имѣетъ. Но бѣднякъ на все махнулъ рукой, и дѣтей у него всегда куча. Уходя на работу, ихъ запираютъ на замокъ на цѣлый день, если онѣ не очень маленькія, напримѣръ, 2-3 лѣтъ; грудныхъ привязываютъ полотенцемъ къ подушкѣ, сунувши ему въ ротъ соску изъ сквернаго молока, сидра или даже изъ вина и водки съ хлѣбомъ. Дѣтей побольше отправляютъ въ asiles, которыхъ въ большихъ городахъ довольно много. До изданія закона о даровомъ и обязательномъ обученіи, 7-8-лѣтнихъ дѣтей уже отправляли на заводы и фабрики, гдѣ они неокрѣпшими, маленькими ручками вертѣли колеса. Теперь ихъ посылаютъ волей-неволей въ школу. О томъ, что пріобрѣтаютъ французскія дѣти въ школѣ, мы увидимъ послѣ. Но я долженъ тутъ же указать на тотъ печальный фактъ, что къ тому времени, когда дѣтей приходится отдавать въ школу, родители ихъ чаще всего бросаютъ на произволъ судьбы. Такихъ брошенныхъ дѣтей во Франціи насчитывается 150.000. Законъ, предусмотрѣвшій случаи, когда родители не пожелаютъ исполнить своихъ обязанностей, чтобы дать своимъ дѣтямъ духовную пищу, забылъ тѣ случаи,—увы, наиболѣе многочисленные! когда родители не пожелаютъ, или не будутъ въ состояніи дать имъ пищу матеріальную. А, между тѣмъ, безъ этой пищи и та въ прокъ идти не можетъ.

Дѣло въ томъ, что къ тому времени, когда дѣти начинаютъ подрастать, когда число семейныхъ ртовъ увеличивается, рабочій начинаетъ меньше зарабатывать. Сорока или даже тридцати-пятилѣтняго рабочаго уже неохотно нанимаютъ, ему предпочитаютъ болѣе молодыхъ и здоровыхъ товарищей его. Рабочій, протянувшій лямку 15—20 лѣтъ сряду, дѣйствительно человѣкъ истощенный. Интенсивный способъ производства, при которомъ нужно произвести какъ можно больше, чтобы получить большую выгоду, основанъ на томъ, чтобы извлечь всѣ соки изъ рабочаго, вытянуть изъ его мускуловъ всю массу жизненной энергіи, какую они могутъ дать. Не только контръ-метръ, съ бдительностью цербера, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы работа шла безъ отдыха и остановки, но еще придуманы способы, чтобы заинтересовать рабочаго въ этомъ. Вотъ почему французскій предприниматель предпочитаетъ задѣльную плату поденной, и старательнаго рабочаго поощряетъ тѣмъ, что даетъ ему добавочную работу, работу по ночамъ и по праздникамъ. При такой работѣ французскому рабочему слѣдовало бы ѣсть вдвое больше противъ того, что онъ ѣстъ те-

Digitized by Google

перь. Но на это, при его потребностяхъ, не хватаетъ заработка. А такъ какъ мышечная энергія ему все-таки нужна во что бы то ни стало, то онъ прибѣгаетъ къ помощи ядовитаго вина и водки, какъ къ возбуждающимъ средствамъ. „Къ 3-4 часамъ, говорили мнѣ парижскіе рабочіе, обыкновенно такъ устаешь, что руки не дѣйствуютъ, ноги дрожатъ, а какъ хватишь шопинку, голова закружится, кровь волнуется, ничего не помнишь и не чувствуешь, и только руки съ какимъ-то бѣшенствомъ бѣгаютъ по работѣ... Чѣмъ дольше работаютъ, тѣмъ больше организмъ свыкается съ ядовитою жидкостью; она перестаетъ дѣйствовать по прежнему, и, чтобы получить обычную сумму мышечной энергіи, нужно ее вливать въ себя все больше и больше. А такого способа возбуждать мышцы совершенно достаточно, чтобы не будучи пьяницей, оставаясь, напротивъ, самымъ регулярнымъ и трудолюбивымъ рабочимъ, сдѣлаться алкоголикомъ, и въ сорокъ лѣтъ попасть на больничную койку съ зловѣщею надписью: „алкоголизмъ“! Этотъ способъ выжиманія жизненныхъ соковъ изъ рабочаго есть одна изъ главныхъ причинъ растущаго во Франціи въ такихъ размѣрахъ пьянства. Наблюденіе это сдѣлано въ первый разъ знаменитымъ парижскимъ клиницистомъ Лансеро и теперь провѣрено и признано лучшими французскими докторами. Еще въ 1878 г., на конгрессѣ противъ злоупотребленія спиртными напитками, Лансеро заявилъ: „Я давно уже замѣтилъ, что больше всего алкоголизированы не тѣ, которые наиболѣе предаются алкогольнымъ излишествамъ. Въ числѣ нашихъ госпитальныхъ больныхъ наибольшая часть довольствовалась ежедневно нѣсколькими рюмками водки или ликеровъ; нѣкоторые изъ нихъ не выпивали больше $1^1/_2$-2 литровъ вина въ день, и, тѣмъ не менѣе, они представляютъ собою самые серіозные случаи“.

Такимъ образомъ, къ сорока годамъ рабочій не только начинаетъ меньше зарабатывать, но, чтобы быть въ состояніи работать, долженъ пить все больше и больше. Отсюда до обычнаго пьянства уже одинъ шагъ, но если онъ даже не спивается окончательно, старость его—самая жалкая и трагическая: онъ дѣлается нищимъ послѣ многихъ лѣтъ непрерывнаго и тяжкаго труда; онъ принужденъ прибѣгать къ помощи общественной благотворительности или просто протягивать руку.

* * *

Digitized by Google

Теперь понятно, почему рабочій такъ боится брака, и особенно семьи. Наиболѣе предусмотрительные изъ нихъ, желая имѣть обезпеченную старость, вовсе не женятся, или, женившись, устраиваются такъ, чтобы не имѣть дѣтей. Я видѣлъ такіе менажи въ Парижѣ и въ провинціи. Имъ хочется и пожить по человѣчески, какъ живутъ, или стараются жить вокругъ, но страшный призракъ нищенской старости не даетъ имъ покою ни на минуту. И вотъ, каждый сантимъ высчитывается, прежде чѣмъ его потратить; если природа беретъ свое, если приходится когда-нибудь потратить лишній грошъ, погулять, угостить пріятелей (потому что французъ, въ какое бы положеніе его ни поставили, безъ общества жить не можетъ), начинается цѣлая недѣля урѣзываній себя на пищѣ и питьѣ. И когда цѣль, наконецъ, достигнута, когда рабочій дѣлается, наконецъ, рантьеромъ, его рента бываетъ такая ничтожная, что жить на нее можно опять таки по-нищенски, на два или три франка въ день.

Рабочіе-рантьеры живутъ обыкновенно по деревнямъ, сами работаютъ на огородѣ, сами моютъ себѣ бѣлье, носятъ сабо и блузу. И это еще самый счастливый случай. А то въ средѣ этихъ-то самыхъ бережливыхъ рабочихъ и рантьеровъ очень часто встрѣчаются алкоголики, жертвы своей собственной бережливости. Не могу не привести здѣсь случая, который произошелъ въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ назадъ и который очень ярко показываетъ, во что обходится рабочему его стремленіе къ бережливости. Одинъ ободранный старикъ-рабочій встрѣчается на улицѣ съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ и, не говоря ни слова, выпаливаетъ въ него въ упоръ изъ револьвера. Убійцу арестуютъ и подвергаютъ допросу. Оказывается, что онъ убилъ незнакомца потому, что тотъ будто „тайными чарами хотѣлъ похитить у него капиталъ“. При обыскѣ у старика дѣйствительно находятъ, въ одномъ изъ башмаковъ его, банковыхъ билетовъ на 5.000 фр. Онъ тридцать лѣтъ копилъ, будучи простымъ рабочимъ, чтобы обезпечить свою старость, остался холостымъ, не доѣдалъ, замѣнялъ недостающую пищу виномъ, и вотъ, одновременно съ тѣмъ, какъ онъ сдѣлался рантьеромъ, онъ получилъ и бѣлую горячку...

Надо замѣтить, впрочемъ, что средній рабочій рѣдко можетъ дѣлать сбереженія. На сто вкладчиковъ въ сберегательныя кассы приходится 27 приказчиковъ, 20,2 домашней прислуги, 15,5 военныхъ и моряковъ и только 17,6 рабочихъ. Но въ это число

Digitized by Google

входятъ еще контръ-метры и вообще привилегированные рабочіе; если выключить этихъ, то на долю настоящихъ рабочихъ-сберегателей окажется самый ничтожный процентъ.

Мелкій буржуа, привилегированный рабочій и крестьянинъ-собственникъ не желаютъ имѣть дѣтей, чтобы не потерять комфорта и не раздроблять состоянія, которое еще можетъ дать возможность прожить кое-какъ одному изъ его наслѣдниковъ, но никоимъ образомъ не можетъ прокормить ихъ нѣсколько.

Это понятно и извинительно. Но не совсѣмъ понятно то, что и богатая буржуазія придерживается тѣхъ же принциповъ. „Въ богатыхъ семьяхъ, говорилъ какъ-то на судѣ знаменитый адвокатъ Лашо,—съ однимъ-двумя ребятами еще мирятся, но трое дѣтей—это уже несчастіе. Въ этомъ тотчасъ видятъ бѣдность (gêne), раздробленіе состояній. Только бѣдныя семьи имѣютъ и желаютъ имѣть дѣтей". Эта же мысль подробнѣе развита статистикомъ Легуа въ его прекрасныхъ статьяхъ: „L'infécondité en France" (Révue Scientifique, авг. 1880 г.). Любовь къ благосостоянію, пишетъ онъ, которая есть почти неизбѣжное слѣдствіе прогресса цивилизаціи, страхъ потерять ето, когда оно пріобрѣтено, въ одинаково сильной мѣрѣ содѣйствуетъ безплодію нашей страны. Въ этой бѣшеной погонѣ за богатствомъ, за матеріальными наслажденіями, которыя оно доставляетъ, большая семья была бы препятствіемъ, она мѣшала бы двигаться, давая соперникамъ возможность опережать насъ. Буржуазія, убѣжденная, что при современномъ положеніи нашего общества, и не смотря на наши демократическіе нравы (на поверхности), богатство—самый вѣрный путь къ уваженію, самая твердая ступень къ власти; буржуазія, говоримъ мы, мечтаетъ для своихъ сыновей о блестящихъ бракахъ, которые соединятъ въ одинъ прекрасный день два богатыя наслѣдства. Дѣти, раздѣляя эти заботы родителей, рано пріучаются смотрѣть на этотъ важнѣйшій актъ въ жизни, какъ на счасливую спекуляцію"...

Прежде чѣмъ идти дальше, остановимся здѣсь, подведемъ итогъ сказанному выше.

Одинъ фактъ для насъ теперь ясенъ до очевидности: это сила и значеніе денегъ—золота и капитала въ современной французской жизни. Капиталъ, какъ нѣкое высшее начало, царитъ надъ этою жизнью, подчиняя себѣ все: семью, дѣтей, любовь, воспитаніе, здоровье, нравственность, все будущее цѣлаго народа. Чтобы сдѣлаться капиталистомъ-рантьеромъ, рабочій спивается,

Digitized by Google

молодая дѣвушка сознательно отдается разврату; чтобы не допустить раздробленія накопленнаго капитала, богатый человѣкъ отказывается отъ счастья имѣть потомство, и эту мысль о всесильномъ значеніи капитала стараются вбить въ голову даже маленькихъ школьниковъ, увѣряя ихъ, что при помощи сберегательной книжки накопляется богатство, которое дѣлаетъ *нравственнымъ*".

Это—коммерческій принципъ, возведенный на высоту евангелія, мѣсто котораго онъ занялъ въ средѣ современнаго французскаго общества, принципъ жалкій и прозаическій, съ зловредными послѣдствіями котораго Франціи нашихъ дней приходится считаться на каждомъ шагу.

И. Яковлевъ.

Digitized by Google

ЛѢТОПИСЬ ПЕЧАТИ.

ЧТО ДѢЛАТЬ МОЛОДЕЖИ?

I.

Недавно мнѣ приходилось разбирать поставленный печатью вопросъ „что дѣлать интеллигенціи“, и разсматривать направленіе, которое даютъ молодежи ея либеральные учители. Естественнымъ дополненіемъ къ сказанному въ этихъ статьяхъ можетъ послужить нижеслѣдующій отвѣтъ мой на письмо одной группы молодежи. Я нѣсколько задержался съ этимъ отвѣтомъ, такъ какъ необходимо было наконецъ отмѣтить и безъ того долго ждавшую проповѣдь профессора Карѣева. Думаю, однако, что настоящая статья объ *ученикахъ* становится даже болѣе умѣстна послѣ того, какъ я высказался хоть отчасти объ *учителяхъ*. Какъ бы то ни было—извиняюсь передъ моими молодыми оппонентами въ невольной задержкѣ отвѣта, отсылая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ указаннымъ предыдущимъ статьямъ.

Авторы письма—еще молодые люди, какъ видно изъ одного мѣста, около 20-лѣтняго возраста, настроены весьма радикально, и мое отрицаніе революціонной идеи ихъ огорчаетъ и приводитъ въ негодованіе. Революціонная идея, говорятъ они, „обѣщала людямъ хотя бы *приблизительное* равенство, хотя бы *сомнительное* братство и даже хотя бы *призрачную* свободу, но всетаки братство, равенство и свободу“. Я отрицаю эту идею. Что же вы, спрашиваютъ авторы письма, вмѣсто нея рекомендуете? „Полицейскій участокъ, какъ образецъ дисциплины, порядка и дѣла, желательнаго для всей Россіи“?

Мои молодые люди однако сами догадываются, что произносятъ только рѣзкую фразу, въ дѣйствительности не имѣющую въ отношеніи меня никакого смысла, такъ какъ, облегчивъ душу

Digitized by Google

нѣсколькими подобными восклицаніями, кончаютъ совсѣмъ инымъ запросомъ.

Вы, говорятъ они, должны „обосновать твердо, ясно и опредѣленно Ваши идеи и намѣтить идеалы дальнѣйшей жизни Россіи, опредѣлить ближайшія задачи молодаго поколѣнія и указать способы осуществленія ихъ,—проще говоря, согласовать нынѣшній режимъ со свободнымъ творчествомъ и искреннимъ желаніемъ служить родинѣ. Мы давно устали слушать взаимныя пререканія либераловъ и крѣпостниковъ, но до сихъ поръ еще не выслушали ничего положительнаго, что могло бы помочь намъ двинуть впередъ общими силами нашу родину, прославить ее, а не обезславить позорнымъ угнетеніемъ личности внутри страны и жалкимъ ползаньемъ передъ другими во внѣшнихъ сношеніяхъ. Скажите же откровенное и безпристрастное слово въ отвѣтъ на наше письмо. Но не забудьте одного. Отвѣчая намъ, Вы принуждены говорить передъ всею молодежью. Вспомните, что, уклонившись отъ отвѣта на это письмо, Вы покажете свою несостоятельность и докажете намъ, что учить холопству легко, но трудно воспитывать гражданъ. Наконецъ знайте, что тогда *мы поставимъ самостоятельно и самостоятельно разрѣшимъ вопросы, волнующіе насъ*“.

II.

Само собою разумѣется, я не имѣю никакихъ причинъ „уклоняться“ отъ отвѣта на поставленные запросы. Мало того: вотъ ужь нѣсколько лѣтъ я бо́льшую часть своихъ силъ, какъ публицистъ, трачу именно на разъясненіе ихъ. Я-ли виноватъ, если авторы письма не читали моихъ статей? А, какъ видно изъ самаго письма, они дѣйствительно не читали ничего изъ нихъ, кромѣ *одной* брошюры „Почему я пересталъ быть революціонеромъ“... Насколько я „состоятеленъ“ рѣшать вопросы, волнующіе ихъ—это окончательно будетъ видно скорѣе изъ суда потомства. Долженъ, однако, прежде всего замѣтить, что, къ несчастью, большихъ силъ въ себѣ я не нахожу, и пошли онѣ у меня главнымъ образомъ на то, чтобы самому вырваться изъ тумана революціоннаго прогресса. На собственно *положительную* работу я явился уже съ силами очень надорванными. Многаго я, конечно, не могу сдѣлать. Все мое значеніе—ужь если идти на откровенность—въ томъ, что я помогаю *другимъ* выйти на эту необходимую *положительную*, творческую работу раньше,

Digitized by Google

чѣмъ суждено было мнѣ. Въ этомъ отношеніи, полагаю,—молодые люди, если хотятъ, могутъ у меня получить нѣкоторую помощь. Но за симъ передъ ними остается огромная область умственнаго труда, гдѣ требуется именно ихъ *самостоятельная* работа. Я могу перейти къ отвѣту на ихъ письмо не иначе, какъ съ этою оговоркой. Нисколько не выдаю себя за какого-то учителя, постигшаго всю человѣческую премудрость. Совершенно увѣренъ я въ *основахъ* моего міросозерцанія. Но, къ сожалѣнію, въ очень многихъ частностяхъ я остаюсь и доселѣ *искателемъ*.

Сверхъ того, даже и въ предѣлахъ того, что я, по моему мнѣнію, *знаю* достовѣрно,—я собственно въ настоящей статьѣ могу отвѣтить лишь въ общихъ чертахъ.Причина этого—сложность предмета. Сверхъ того я не вижу причинъ *повторяться*, когда авторы запроса гораздо проще могутъ прочесть то, что уже писано мною. Я бы имъ предложилъ сначала сдѣлать это, а затѣмъ уже ставить мнѣ вопросы только по тѣмъ пунктамъ, которые имъ покажутся неясными или невѣрными. Нашъ разговоръ тогда будетъ болѣе производителенъ. Въ настоящемъ отвѣтѣ я считаю болѣе нужнымъ указать имъ *путь* къ рѣшенію вопроса, нежели самое *рѣшеніе*.

Итакъ перехожу къ письму. Въ немъ должно предварительно разграничить два совершенно различные вопроса, которые авторы его сливаютъ во-едино. Для меня большая разница между вопросомъ, какова должна была быть дѣятельность *русскихъ гражданъ* и что дѣлать *русской молодежи*. Авторы письма этой разницы, повидимому, не схватываютъ.

Они упоминаютъ о *своихъ* „рвущихся наружу силахъ“. Они спрашиваютъ, „въ чемъ ближайшія задачи *молодаго поколѣнія*“, придавая этому смыслъ: „Что могло бы помочь *молодежи* двинуть впередъ родину, прославить, а не обезславить ее“?.. Вообще у нихъ чувствуется мысль, будто бы *они*, молодежь 20-лѣтняго возраста, могутъ двинуть впередъ Россію...

Въ какой бы степени ни жила у нихъ эта мысль, я долженъ прежде всего рѣшительно противъ нея возразить. Въ отвѣтъ на *такой* вопросъ могу сказать одно. Вы, господа, въ этомъ своемъ возрастѣ, съ тѣми силами, знаніями, развитіемъ и опытомъ, какіе теперь имѣете—ничѣмъ вашу родину прославить *не можете*. Двинуть ее впередъ *не можете*. Если у молодежи есть учители, которые гонятъ ее въ 20 лѣтъ къ гражданской дѣятельности, то я подобныхъ учителей считаю либо глупцами, либо шарлатанами, либо тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Digitized by Google

Каждый возрастъ имѣетъ свои права и обязанности, сообразованные съ его силами и средствами. Человѣкъ зрѣлый подлежитъ упреку, если не дѣйствуетъ, какъ гражданинъ. Но если 10-лѣтній мальчикъ вздумаетъ брать на себя обязанность гражданина,—мы можемъ только улыбнуться. Молодежь, къ которой принадлежатъ авторы письма, уже не дѣти, но однако еще и не дѣятели. Ихъ обязанность, наряду съ усвоеніемъ мудрости старшаго поколѣнія, самостоятельно работать надъ развитіемъ своей личности, сознательно готовиться къ *будущей* роли гражданъ. Но эта роль остается все-таки для молодежи только *будущимъ*, а не есть дѣло ея *настоящаго*. Ея настоящее, ея „ближайшая задача" состоитъ въ *ученіи*, *выработкѣ себя* и вообще въ *подготовкѣ* къ будущей дѣятельности.

Если молодые люди желаютъ прославить, а не обезславить нашу родину, то они должны прежде всего понять, что не могутъ сдѣлать втораго шага, не сдѣлавши перваго. Дѣйствіе, созиданіе, борьба, — все это требуетъ, во-первыхъ, *знанія*, во-вторыхъ, *личной выработки*. Дѣйствовать, не зная, это значитъ дѣйствовать съ завязанными глазами. Тутъ полезное можетъ выйти развѣ случайно. Ожидать же съ вѣроятностью можно лишь того, что слѣпой, не знающій человѣкъ на каждомъ шагу будетъ дѣлать ошибки и промахи, уничтожать, можетъ быть, доброе, помогать злу. Этого-то знанія, необходимаго для дѣйствія, еще *нѣтъ* у молодежи, пока она молодежь, а когда пройдутъ годы ученья, она уже перестаетъ быть „молодежью". До какой степени мало знанія у 20-лѣтней молодежи на каждомъ шагу—показываетъ само письмо, на которое я отвѣчаю. Что сказать, напримѣръ, о сужденіяхъ его авторовъ относительно *внѣшней* политики Россіи? Вѣдь эту фразу о какомъ-то „жалкомъ ползаньи", право, совѣстно читать... не за политику, а за обличителей, которые очевидно даже и понятія не имѣютъ о предметѣ своего обличенія. Или взять хотя бы ихъ выходки противъ меня, всѣ эти фразы о „полицейскомъ участкѣ", какъ „идеалѣ", о „проповѣди холопства". Ну, какъ же такъ судить, порицать, не зная ни статей моихъ, ни того, что я дѣлаю, ни какія именно помѣхи на дорогѣ у меня? Я не отношусь къ авторамъ письма съ какимъ либо особеннымъ порицаніемъ, но почему? Только потому, что они люди очень молодые, къ которымъ я не могу прикидывать отвѣтственности зрѣлаго возраста. Однако, молодые люди должны понимать, что они потому же самому не могутъ быть *дѣятелями*.

Digitized by Google

Какъ они будутъ дѣйствовать съ недостаткомъ точныхъ свѣдѣній, не выработавъ еще у себя ни способности сужденія, ни даже привычки сначала *узнать* дѣло, а потомъ уже *судить*? Не ясно ли, что безъ *знаній* и безъ *выработки* въ себѣ зрѣлой личности мы неизбѣжно осуждены на ошибки въ дѣйствіи; будемъ поступать зря... Положимъ, все это по недоразумѣнію, да легче ли отъ этого родинѣ, которую мы думаемъ „прославить", а вмѣсто того разоряемъ и обезславливаемъ?

Но одного книжнаго, теоретическаго обученія еще недостаточно.

Это лишь первая ступень. Далѣе нужна нѣкоторая практическая подготовка, тоже, пожалуй, дѣятельность, только сообразованная съ силами. Знанія книжныя становятся *творческою* силой только тогда, когда мы сколько-нибудь *самостоятельно* владѣемъ ими. Средство же на это даетъ только *личное* наблюденіе, впечатлѣніе, опытъ, даваемые практикой. Они освѣщаютъ намъ книжное знаніе, дѣлаютъ его творческимъ орудіемъ нашей дѣятельности. Вотъ этого-то необходимѣйшаго условія творчества у молодежи особенно мало, и оно особенно трудно достается людямъ. Поэтому молодой человѣкъ, достаточно развитый для пониманія своихъ силъ, не позволитъ себѣ мѣшаться въ крупную общественную дѣятельность. Но его задача — кромѣ теоретическаго изученія—также еще внимательно и осторожно приглядѣться къ жизни и людямъ на дѣлахъ болѣе простыхъ и мелкихъ, въ которыхъ, во-первыхъ, легче осмотрѣться, во-вторыхъ же,—въ случаѣ ошибки,—нѣтъ риску надѣлать серіознаго зла. Такая дѣятельность (которую я всегда порекомендую) относится больше къ выработкѣ и подготовкѣ *самого себя*, и въ общей сложности не измѣняетъ моего отвѣта на вопросъ: что дѣлать молодежи?

Дѣло это одно: *учиться, вырабатываться, подготовляться*. Это и есть „ближайшая задача молодежи..."

III.

Но, учась и вырабатывая себя, нужно однако знать, къ чему готовиться, нужно представлять себѣ, какъ связываются наши идеалы съ дѣятельностью въ данныхъ, предстоящихъ намъ черезъ нѣсколько лѣтъ условіяхъ? Безъ сомнѣнія. Въ этомъ смыслѣ только и законенъ предъявляемый мнѣ запросъ авторовъ письма.

Digitized by Google

Они однако ставятъ и его нѣсколько неправильно. Они спрашиваютъ, „какъ согласовать свободное творчество съ существующимъ *режимомъ*“. Позволю себѣ ихъ попросить видоизмѣнить вопросъ.

Не о *режимѣ* должны думать авторы письма, а объ *основахъ*. Во всякой странѣ существенное значеніе имѣютъ господствующія въ ней основы ея жизни и развитія. Это величина *постоянная*, въ теченіе десятковъ и даже сотенъ лѣтъ остающаяся по существу, одинаковой хотя и развивающейся. *Режимъ*, напротивъ, есть величина постоянно измѣняющаяся. Я еще не старикъ, а на своемъ вѣку пережилъ уже нѣсколько весьма различныхъ „режимовъ“. Для *дѣйствующаго* человѣка необходимо знать, каковъ режимъ даннаго момента, чтобы сообразовать съ нимъ свою систему дѣйствія. Но для человѣка еще только *учащагося* и *подготовляющагося* вопросъ о режимѣ имѣетъ очень мало значенія. Вѣдь сегодня режимъ одинъ, а черезъ 3 — 4 года можетъ быть совсѣмъ другой. Какъ же готовиться къ неизвѣстной величинѣ? Такое загадыванье въ будущее не имѣетъ смысла, тѣмъ болѣе, что режимъ далеко не представляетъ рѣшающаго значенія для нашей работы. Конечно, когда дѣйствуешь, съ нимъ нельзя не сообразоваться. Но его значеніе довольно ограничено. Какія бы удобства дѣйствія ни давалъ мнѣ данный режимъ, все же у меня останутся на рукахъ огромныя трудности, порождаемыя состояніемъ и вліяніемъ *основъ*. И обратно, какія бы трудности ни ставилъ мнѣ режимъ, онъ не въ силахъ пресѣчь мнѣ возможности дѣйствія, коль скоро состояніе и вліяніе основъ создаютъ для этого почву и опору или даже дѣлаютъ это необходимымъ и неизбѣжнымъ. Молодые люди легко могутъ это видѣть на тысячахъ примѣровъ, даже самой свѣжей современности. Итакъ о *режимѣ* намъ съ молодежью вовсе не стоитъ толковать. Объ этомъ я могу говорить съ товарищами по дѣлу, но для молодежи важно уяснить себѣ совсѣмъ иное: смыслъ, цѣну и способность къ развитію тѣхъ *основъ*, на почвѣ которыхъ придется ей черезъ нѣсколько лѣтъ дѣйствовать.

Какъ совмѣстимо съ этими основами свободное творчество личности, какъ совмѣстимы съ ними идеалы, волнующіе молодежь? Вотъ вопросъ, который необходимо себѣ уяснить въ періодъ ученья и подготовки.

Этотъ именно вопросъ я болѣе всего стараюсь помнить въ своихъ статьяхъ, такъ какъ въ отношеніи его существуетъ много

Digitized by Google

непониманія не у одной молодежи, а между тѣмъ, не уяснивъ его себѣ,—нельзя даже судить правильно о „режимѣ“, ибо достоинства „режима“ болѣе всего заключаются именно въ его соотвѣтствіи съ основами жизни страны. Режимъ становится стѣснительнымъ или даже деспотическимъ и во всякомъ случаѣ плохимъ, именно въ случаяхъ такого несоотвѣтствія, а вовсе не по своимъ „либеральнымъ“ или „реакціоннымъ“ стремленіямъ. Вопросъ объ *основахъ* нашей жизни и о тѣхъ идеалахъ, которые съ ними совмѣстимы или несовмѣстимы, есть нашъ важнѣйшій вопросъ, отъ котораго зависитъ наше будущее, и служеніе родинѣ, и возможность „прославить ее, а не обезславить“.

На этотъ вопросъ усерднѣйше и настоятельнѣйше обращаю вниманіе и авторовъ письма.

IV.

Полагаю однако совершенно понятнымъ, что при этомъ молодые люди должны также подумать и о томъ, насколько правильны ихъ собственные идеалы. Я, напримѣръ, совершенно раздѣляю ихъ требованіе „свободнаго творчества“ личности. Оно прямо вытекаетъ изъ основъ христіанскаго міросозерцанія. Но это требованіе ставитъ извѣстныя обязанности не передъ однимъ обществомъ, а еще въ гораздо большей степени передъ самой личностью. Далеко не всегда имѣемъ мы право порицать общество за помѣхи нашему „свободному творчеству“. Нерѣдко такое сопротивленіе соціальной среды можетъ быть прямо поставлено ей въ заслугу. Наши идеалы—дѣло свободное, но это еще не означаетъ равноцѣнности всего, что̀ мы ни создадимъ. Есть идеалы высокіе, есть и совсѣмъ ничтожные. Свободные въ ихъ выработкѣ, мы однако несемъ нравственную отвѣтственность за ихъ содержаніе. Въ сферѣ нравственной природы нашей существуютъ вполнѣ твердыя мѣрила нашихъ идеаловъ. Лишь тѣ идеалы высоки, которыео добряются такою провѣркой. При столкновеніи личности съ обществомъ за „свободу творчества“—вопросъ о томъ, кто правъ и кто виноватъ, рѣшается разсмотрѣніемъ содержанія нашихъ идеаловъ, и личность вовсе не всегда оказывается при этомъ правою.

Итакъ, прежде чѣмъ предъявлять обществу требованіе дать мѣсто нашему свободному творчеству, мы имѣемъ нравственную

Digitized by Google

обязанность глубоко и добросовѣстно продумать, точно ли *мы* правы, точно ли нашъ идеалъ есть идеалъ, вытекающій изъ *лучшихъ* сторонъ человѣческой природы.

Я сильно сомнѣваюсь, чтобы авторы письма уже достаточно исполнили эту обязанность. Самъ я во всякомъ случаѣ не признаю выставленную ими формулу („свобода, равенство и братство“) сколько-нибудь удовлетворительнымъ выраженіемъ нашихъ лучшихъ требованій. Взятая изъ полузабытыхъ, полуискаженныхъ христіанскихъ понятій, эта формула, за уничтоженіемъ своей религіозной основы, почти лишена всякаго смысла. Критиковать ее подробно—значило бы далеко уклониться отъ нашей непосредственной темы. Ограничусь указаніемъ на прекрасную статью Фосильона (изъ *La Reforme Sociale*), которая скоро должна быть напечатана въ *Русскомъ Обозрѣніи* и разбираетъ именно этотъ вопросъ. Отъ себя пока лишь замѣчу, что можно глубоко стоять за свободу, братство и равенство въ ихъ *дѣйствительномъ* смыслѣ, и совершенно отрицать формулу первой революціи. Я ее не могу принять какъ мѣрило достоинствъ или недостатковъ нашего строя. Онъ—обѣщаетъ гораздо больше, нежели „приблизительное“ равенство“, „сомнительное“ братство и „призрачная“ свобода. Но для того, чтобы этого достигнуть, нужно именно согласовать наше свободное творчество съ содержаніемъ основъ русской жизни. Нужно не портить и не разрушать ихъ, а развивать и достраивать, для чего прежде всего ихъ должно *понимать*, а также и самимъ быть *достойными* той великой работы, которой возможность открываютъ эти основы.

V.

Итакъ, если молодые люди желаютъ понять, какъ совмѣстить свободное творчество во имя высшихъ человѣческихъ идеаловъ съ дѣйствіемъ на русской или какой другой почвѣ,—то передъ ними стоитъ очень *серьезная* работа. Наши основы—то-есть религіозное міросозерцаніе народа, Православная Церковь, Самодержавная Монархія, историческое воспитаніе народа въ духѣ крѣпкой государственности и общиннаго быта, выработанная этимъ привычка, съ одной стороны, уваженія къ авторитетамъ, съ другой—чрезвычайно упорный духъ независимости въ дѣлѣ „совѣсти“, убѣжденія, а также въ дѣлахъ мелкихъ соціальныхъ организацій (община, артель, приходъ и т. п.), какъ и вообще

Digitized by Google

существованіе всѣхъ этихъ мелкихъ организацій и духа сословности,—все это представляетъ превосходную почву развитія личности и общественнаго строя. Но для того, чтобы въ этомъ убѣдиться, нужно обстоятельно и добросовѣстно вдуматься въ каждый пунктъ этихъ основъ и въ ихъ совокупность. Еслибы молодые люди не захотѣли брать на себя этого труда, какъ же я имъ могу помочь? Вѣдь даже и профессоръ Карѣевъ,при всей ходячести проповѣдуемаго имъ прогресса, все же проситъ молодежь перечитать нѣсколько десятковъ книжекъ... Путь же, мною выбираемый, много сложнѣе, и требуетъ отъ молодежи гораздо бо̀льшаго. Я постоянно по мѣрѣ силъ разбираю въ своихъ статьяхъ то одну, то другую сторону этой программы. Укажу, напримѣръ, на „Носителя идеала“, гдѣ я старался показать основныя черты идеала монарха. Въ „Борьбѣ вѣка“ я очерчивалъ значеніе религіи для соціальнаго строя. О характерѣ православія и его значенія для выработки личности и для поддержанія строя—писалъ много и много разъ. Вопросъ о свободѣ я разсматривалъ чуть не цѣлый годъ въ спорѣ съ гг. Вл. Соловьевымъ, Соломономъ, Розановымъ, *Вѣстникомъ Европы* и т. д. Обращаясь съ запросомъ *ко мнѣ*, не мѣшало бы, кажется, перечитать хоть то, что я пишу. Но было бы крайне огорчительно, если бы кто вообразилъ такъ всё и порѣшить на однихъ моихъ статьяхъ. Вѣдь я же не первый и не послѣдній. Знаютъ ли мои молодые люди хотя бы Хомякова, Кирѣевскаго, Аксакова? Они не могутъ хоть по наслышкѣ не знать, что эти люди любили *свободу* не меньше, чѣмъ проповѣдники „сомнительнаго“ братства да „приблизительнаго“ равенства. Какъ же не ознакомиться хоть съ ними? Вообще по вопросамъ, волнующимъ молодежь, писано многое и многими... Авторы письма увѣряютъ будто бы они „давно устали слушать взаимныя пререканія либераловъ и крѣпостниковъ“, а до сихъ поръ ничего путнаго не выслушали. Откровенно сказать, не замѣчаю, чтобы они такъ ужъ много прослушали споровъ, и во всякомъ случаѣ нахожу, что „уставать“ слишкомъ скоро не полагается тому, кто желаетъ дѣйствительно разобраться въ волнующихъ его вопросахъ.

VI.

Въ ожиданіи запросовъ и возраженій *болѣе частныхъ*, ограничусь лишь краткою формулировкой того, почему считаю *свободное творчество* совмѣстимымъ съ основами нашей русской жизни.

Digitized by Google

Во-первыхъ, такое творчество, въ весьма разнообразныхъ формахъ, составляетъ общеизвѣстный *фактъ*. Развѣ же у насъ ничего не дѣлалось и не дѣлается? Укажу науку, искусство, литературу. Въ области чисто соціальной—въ сферѣ государственной—у насъ постоянно происходитъ множество измѣненій. Откуда они возникаютъ? Очевидно, опять изъ того же „свободнаго творчества", которое, рождаясь въ отдѣльныхъ лицахъ, пробиваетъ себѣ наконецъ дорогу въ общественномъ сознаніи и завершается государственными мѣрами. Что это именно *такъ*, молодые люди могутъ видѣть изъ того, что многое сначала считается неодобрительнымъ, и развивается даже въ противность желаніямъ власти, а потомъ допускается. Есть много явленій такого „творчества", которыя и прямо вредны, однако все-таки существуютъ. Есть многое чрезвычайно полезное, возникшее по чисто частной иниціативѣ, а потомъ ставшее образцомъ для правительственныхъ мѣръ (укажу въ новѣйшее время *школу* типа Рачинскаго или *миссію* типа Ильминскаго). Вообще, фактъ свободнаго творчества—Россіи знакомъ ничуть не менѣе, чѣмъ какой другой странѣ.

Стало быть *возможность*, его несомнѣнна.

Во-вторыхъ, фактъ этотъ совершенно понятенъ и теоретически.

Что нужно для свободнаго творчества? Прежде всего—нужна личность съ развитою способностью къ свободѣ и съ достаточнымъ внутреннимъ содержаніемъ. Но для развитія такой личности—нѣтъ лучше почвы, какъ народъ, глубоко *религіозный* и особенно *православный*. Именно религіозное міросозерцаніе, связывая личность съ Божествомъ, даетъ намъ внутреннюю *независимость*, силу духа, выше всего міра. Именно религіозное міросозерцаніе связываетъ въ одно живое цѣлое наши точныя знанія, наше стремленіе къ красотѣ, нашу нравственную жизнь. Въ числѣ же различныхъ религій человѣчества, ниодна не обладаетъ этими драгоцѣнными свойствами съ тою полнотой, гармоничностью и силой, какъ православіе, которое, какъ и естественно при его чистой богооткровенности, свободно отъ заблужденій и односторонностей увлеченій другихъ религій. Итакъ среда православнаго народа и православной Церкви даетъ намъ превосходную почву для нашего развитія. Не всѣ этимъ пользуются, но кто же виноватъ? Ужь, конечно, не среда, а сама личность, тѣмъ болѣе, что православіе *насильно* не ведетъ никого даже къ счастью и спасенію. Оно даетъ для этого необходимыя *данныя*, а засимъ дѣло нашей *свободы*—вести насъ, куда мы сами *хотимъ*.

Digitized by Google

Для дальнѣйшаго развитія личности весьма важно существованіе соціальной среды, внутренне организованной. Въ этомъ отношеніи русская нація дѣйствительно оставляетъ многаго желать, однако же она не ниже большинства другихъ народовъ, уступая развѣ можетъ быть Англіи и Швейцаріи, но ужь никакъ не остальнымъ народамъ запада.

Для свободнаго дѣйствія личности, для ея свободнаго творчества нужна далѣе извѣстная *внѣшняя свобода*, то-есть отсутствіе стѣсненій, помѣхъ. Въ этомъ отношеніи авторы письма, конечно, прежде всего думаютъ о юридическихъ *правахъ* и находятъ наши недостаточными. Но я замѣчу, что важно не „право“ само по себѣ, а „возможность“. Эта же возможность создается болѣе всего не „правомъ“, а *нравами, обычаемъ*. Нашъ строй въ этомъ отношеніи даетъ очень достаточный просторъ. Что касается *права*, то, во-первыхъ, оно и у насъ существуетъ, а, во-вторыхъ, въ отношеніи его дальнѣйшаго развитія, я имѣю не одни пожеланія, а также и оговорки.

Дѣло вотъ въ чемъ. Очень важна исходная точка зрѣнія *права*. Если она ошибочна, то развитіе его приводитъ къ послѣдствіямъ вовсе не хорошимъ. Развитіе права желательно въ томъ случаѣ, если оно не кончаетъ подрывомъ фактической *возможности* дѣйствія, а это именно и происходитъ, когда оно, по исходной точкѣ зрѣнія, ошибочно понимаетъ общество, а потому по мѣрѣ развитія, не устраиваетъ а разстраиваетъ его. Таково именно положеніе современныхъ странъ западной культуры. Въ нашемъ строѣ право недостаточно развито, но за то надъ нимъ высоко носится идея *справедливости*, и я, въ итогѣ, не считаю наше положеніе *худшимъ*. Для будущаго же оно обѣщаетъ больше.

Я желаю развитія нашего права, но именно съ тѣмъ, чтобы оно исходило изъ христіанскаго понятія *справедливости*, а не условныхъ и фиктивныхъ понятій „естественнаго права“ или „народной воли“. Я, собственно говоря, тоже признаю своего рода „естественное право“ личности, которое считаю выше правъ общества, но это „естественное право“ есть, точнѣе выражаясь, право „божественное“, то-есть оно устанавливается не нашимъ спорнымъ анализомъ, а безспорными указаніями *религіи*, голосомъ Божіимъ. Когда мы способны будемъ поставить свое право сознательно на эту почву — развитіе его кромѣ пользы ничего не дастъ. До тѣхъ же поръ, пока мы сами не знаемъ,

Digitized by Google

изъ чего созидаемъ свое „право“,—оно выходитъ такимъ, что одною рукой даетъ мнѣ свободу, а другою отнимаетъ. Я поэтому пока гораздо болѣе заинтересованъ сохраненіемъ въ обществѣ идеи *справедливости*, которая и теперь болѣе обезпечиваетъ нашу свободу, нежели право.

Если же мы сохранимъ свои основы міросозерцанія и будемъ ихъ развивать, то эта идея справедливости, легши въ основу правъ личности, создастъ положеніе гораздо болѣе высокое, нежели европейское, и, при одинаковой степени культуры, дастъ всегда *большее* количество свободы.

Мы доселѣ имѣемъ политическое условіе, дающее такое обѣщаніе для будущаго,—*Самодержавную Монархію*. Это единственное средство поставить „естественное“, то-есть, по нашей терминологіи, „божественное“ право личности выше посягательствъ *общества*. Пока есть Самодержавіе, обязанное охранять *справедливость*, наша свобода, при всѣхъ недоразвитостяхъ собственно „права“,—имѣетъ могучее обезпеченіе, которое фактически отражается на всемъ строѣ жизни, и наше будущее даетъ возможность самыхъ свѣтлыхъ ожиданій. [1]

Къ сожалѣнію, для должнаго функціонированія нашего основнаго политическаго принципа необходимы, условія находящіяся у насъ въ не особенно блестящемъ состояніи,—„внутренняя организація“ націи, ея жизнь сословная, общинная, корпоративная. У насъ цѣлые слои народа не находятъ себѣ организаціи. У насъ есть такія драгоцѣнныя ячейки, какъ приходъ, остающіяся въ захирѣломъ состояніи. Вотъ куда бы нужно было направить усилія для того, чтобы создать у насъ атмосферу свободы. Ничто не обезпечиваетъ личность лучше, какъ эти мелкія организаціи, съ которыми можно быть въ такой тѣсной, живой связи, и которыя составляютъ нашу защиту и оплотъ отъ всякихъ посягательствъ. Еще разъ повторяю,—въ сравненіи съ націями Европы—мы въ этомъ отношеніи *не хуже*. Тамъ—уже такъ все растрепали, что и взяться не за что. У насъ есть хоть возможность *творчества*... Но пользуемся-ли мы ею? Вотъ наше настоящее горе, настоящая язва. Бѣда—въ нашей „интеллигенціи“, которая такъ „иностранна“, такъ чужда *своему*, національному,

---

[1] Для анализа этого высокаго смысла самодержавія укажу сверхъ своего „Носителя идеала“ недавнюю статью В. Соловьева въ *Вѣстникѣ Европы* (Дек. 1895 г.), о которой скоро надѣюсь поговорить подробнѣе.

Digitized by Google

что и не понимаетъ его. Какое же тутъ будетъ „свободное творчество“, когда оно направлено, во-первыхъ, къ ухудшенію *типа* націи, а, во-вторыхъ, противурѣчитъ содержанію ея дѣйствительныхъ силъ?

VII.

Вотъ, господа, въ чемъ горе наше. Если бы *вы* сами были иными, если бы вы пропитывались *нашими* національными идеалами и стремились „прославить родину“ не тѣмъ, чтобы превратить ее изъ орла въ лягушку, а тѣмъ, чтобы выростить этого орла во всей его орлиной силѣ,—если бы *къ этому* направилось ваше будущее свободное творчество,—то не имѣлъ бы даже и я труда начертать для васъ программу дѣйствія. Да вѣдь не къ тому стремятся у насъ, и на настоящее русское дѣло постоянно не оказывается „людей“. Какъ же расти и крѣпнуть ему? Еще удивительно, что оно всетаки кое-какъ живетъ и дышетъ.

Безъ умнаго образованнаго класса, понимающаго основы жизни страны, имѣющаго идеалы, съ ними гармонирующіе, а потому развивающаго ихъ, а не ломающаго—никакая страна не можетъ создать великаго, хотя бы потенціально имѣла всѣ данныя на великое творчество. До сихъ поръ мы только клочками, урывками создаемъ кое-что, потому что все же въ образованномъ классѣ есть русскіе люди, есть оазисы нравственнаго родства со страной. Но этихъ обрывочковъ слишкомъ недостаточно, особенно если принять во вниманіе, что тутъ же, рядомъ, остальное большинство образованнаго класса только портитъ Россію, насколько силъ хватаетъ.

Дѣло, достойное молодежи, способной прославить, а не обезславить родину,—и состоитъ въ томъ, чтобы направить свое будущее свободное творчество, когда настанетъ ея время, на созданіе того, чѣмъ Россія до сихъ поръ обладаетъ такъ мало: *русскаго* образованнаго класса, дѣйствующаго сознательно въ направленіи *русскихъ* идеаловъ. Авторы письма какъ бы съ угрозой замѣчаютъ, что они „*самостоятельно* рѣшатъ“ волнующіе ихъ вопросы... Да я ничего лучше и не требую. Но только нужно быть дѣйствительно *самостоятельнымъ* человѣкомъ, а не мальчикомъ, довѣрчиво слушающимъ всякія глупости, печатаемыя лондонскими эмигрантами, или своихъ домашнихъ попугаевъ „прогресса“. Не составляетъ самостоятельности и простая дерзость невѣдѣ-

Digitized by Google

нія. Самостоятельность — въ томъ, чтобы дѣйствительно *знать* дѣло, *умѣть* разсудить, *умѣть* выбрать и *быть способнымъ* къ творчеству. Къ выработкѣ такой самостоятельности и должна стремиться молодежь, чтобы не быть „холопами“ *чужаго* просвѣщенія, не быть слѣпымъ орудіемъ агитаторовъ, а дѣйствительно *самостоятельными русскими людьми*, знающими себя, свою страну, ея нравственныя силы, ея идеалы... И тогда—очень буду радъ, если они, ставъ зрѣлыми, начнутъ *самостоятельно* дѣйствовать.

Л. Тихомировъ.

ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ВНИМАНІЮ „РУССКОЙ МЫСЛИ“.

Въ ноябрьской книжкѣ *Русской Мысли* помѣщено, въ отдѣлѣ библіографіи, возраженіе противъ моей статьи „Что дѣлать нашей интеллигенціи“ (*Русск. Обозр.* октябрь). Само собою разумѣется, что *Русская Мысль* совершенно несогласно со мною понимаетъ роль и задачи „интеллигенціи“. Аргументація журнала мнѣ кажется слабоватой, однако же я считалъ и считаю весьма небезполезнымъ отвѣчать на нее, отчасти въ виду важности вопроса, отчасти потому, что самъ когда-то способствовалъ установкѣ ошибочнаго взгляда, нынѣ защищаемаго *Русской Мыслью*. Я дѣйствитедьно еще въ 1882 году писалъ въ *Дѣлѣ* (№ 4) спеціальную статью „Въ защиту интеллигеціи“ (подъ псевдонимомъ И. Кольцова). Съ тѣхъ поръ либеральная печать не прибавила ни слова къ аргументаціи, мною тогда развитой, такъ что мнѣ тѣмъ любопытнѣе помочь „интеллигенціи“ разобраться въ ошибкахъ моихъ первичныхъ незрѣлыхъ стадій развитія.

Но ни въ декабрѣ, ни въ январѣ я уже не могъ снова посвятить вниманія этому „затяжному“ вопросу объ „интеллигенціи“. Отлагаю до одной изъ ближайшихъ книжекъ *Русскаго Обозрѣнія*. Но мнѣ тѣмъ болѣе необходимо сказать нѣсколько словъ по поводу клеветническаго элемента, которымъ *Русская Мысль* сочла нужнымъ обильно сдобрить свою статью. Редакція журнала, какъ бы чувствуя себя слабою въ честной аргументаціи, ищетъ пополнить недостатокъ силы самыми печальными средствами.

Digitized by Google

Русская Мысль переполняетъ свою статью неправдой и инсинуаціями. Она говоритъ обо мнѣ: „Этотъ столпъ самобытниковъ не только *отрицатель*, но и *софистъ*."—Въ чемъ я „отрицатель", остается покрыто туманомъ... Пусть, дескать, разбираются. Авось гдѣ-нибудь и подѣйствуютъ. Но почему я „софистъ?" Объ этомъ идетъ ужь прямое лганье. Я, изволите видѣть, говорю о „классовомъ" характерѣ „интеллигенціи", то-есть будто бы „забываю на время все, что говорилъ объ особенностяхъ русской жизни, особенностяхъ, которые не могутъ не заключаться между прочимъ и въ *отсутствіи классоваго строя и классовой борьбы*..."

Спрашиваю *Русскую Мысль*, гдѣ *я* говорилъ это? Никогда я ничего подобнаго не говорилъ, всегда доказывалъ, что расчлененіе на слои, сословія, классы есть *соціальный законъ* и не только доказывалъ, но даже, думаю, *доказалъ*, что этотъ законъ привелъ къ нулю мечты либеральнаго демократизма, какъ приведетъ къ нулю мечты соціальной демократіи. Не говоря объ отдѣльныхъ мелкихъ замѣчаніяхъ, эту мысль я подробно развивалъ въ „Соціальныхъ миражахъ современности" и въ „Борьбѣ вѣка".

Но l'appetit vient en mangeant, и съ простаго лганья *Русская Мысль* переходитъ далѣе уже къ клеветѣ.

По поводу насмѣшливаго отношенія моего къ „ребяческимъ" спорамъ о „капитализмѣ" журналъ гг. Гольцева и Лаврова замѣчаетъ:

„Вопросъ о томъ, быть или не быть капитализму, очевидно, для г. Тихомирова—вопросъ не національный. Конечно, *это очень удобно для капиталистовъ, промышленниковъ*, но навряд ли особенно удобно для самого большаго класса націи, для крестьянъ. *Повторяемъ, совершенно ясно, гдѣ тутъ собака зарыта.*" „Что же однако дѣлать интеллигенціи, по мнѣнію г. Тихомирова? „Мы, живя, работая, говоритъ онъ,—сами видимъ, что намъ лучше и удобнѣе, и сообразно съ этимъ каждый видоизмѣняетъ свои способы дѣйствія!.. Довольно *откровенное* признаніе, много *объясняющее* и подготовляющее насъ къ новымъ страннымъ признаніямъ. Г. Тихомировъ *намѣренъ поступать, какъ ему будетъ удобно*. Такъ и запишемъ."

Какой смыслъ этихъ подвоховъ? — Мои слова относились къ объясненію того, какъ въ обществѣ наростаютъ измѣненія способовъ дѣйствія, права... Сказано было совершенно ясно въ об-

Digitized by Google

щемъ смыслѣ, не имѣя никакого отношенія къ какимъ-либо личнымъ „признаніямъ“. Что же редакція ищетъ внушить читателямъ всѣмъ этимъ перевираньемъ?

Она хочетъ, очевидно, пустить слухъ, что, дескать, на взгляды Тихомирова вліяютъ какія-то отношенія къ капиталистамъ-промышленникамъ... Другого смысла „зарытая собака“ гг. Гольцевъ и Лаврова не имѣетъ. Но вѣдь это ложь, хотя, конечно, очень гадкая, въ видахъ *истолкованія* ея,—однако *сама по себѣ* просто смѣшная. Ну, если бы кто-нибудь сказалъ это о гг. Гольцевѣ или Лавровѣ, то можно бы предположить, что у нихъ, людей „дѣловыхъ“, есть хоть связи, дающія поводъ для выдумки. Если бы кто-нибудь сказалъ, что умѣренно-акуратный либерализмъ г. Гольцева объясняется любовью къ „удобствамъ“, это имѣло бы хоть видимость біографическаго правдоподобія. Но толковать о моихъ „удобствахъ“ немножко забавно. Тѣмъ болѣе, у меня вовсе нѣтъ и видимости какихъ-нибудь связей съ капиталистами и мѣста нѣтъ для связей. Тутъ ужь, кажется, и для вранья нѣтъ матеріала. Я покорнѣйше прошу редакцію *Русской Мысли* оставить инсинуаціи и *прямо*, *печатно* заявить, *какія и съ кѣмъ у меня связи въ мірѣ капиталистовъ?* Очень любопытно услыхать.

А засимъ отъ души совѣтую редакціи какъ-нибудь немножко почиститься, подтянуться. Можно имѣть различныя мнѣнія, особенно же по такому сложному вопросу, какъ соціальная роль интеллигенціи. Этотъ вопросъ интересенъ даже научно, и въ немъ не грѣхъ ошибаться даже и при бо̀льшихъ способностяхъ, нежели тѣ, которыя обнаруживаютъ мои либеральные оппоненты. Но *порядочность* обязательна для всѣхъ и загаживать литературу струями клеветы и личнаго облыганья — большой грѣхъ противъ профессіональнаго долга публициста и противъ обязанностей честнаго человѣка. Пора бы рѣшиться хоть ими не жертвовать журнальному политиканству.

Л. Тихомировъ.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

Къ исторіи Византіи.

Ѳ. Успенскій. *Очерки по исторіи византійской образованности.* С.-Петербургъ.

А. Лебедевъ. 1) *Очерки внутренней исторіи византійско-восточной Церкви въ IX, X и XI вѣкахъ.* Москва. 2) *Очерки исторіи византійско-восточной Церкви отъ конца XI до половины XV вѣка.* Москва.

Изученіе византійской исторіи въ послѣднее время не только на Западѣ, гдѣ оно никогда не останавливалось, но и у насъ, гдѣ такъ неохотно выступаютъ за предѣлы отечественной исторіи, привлекаетъ къ себѣ возрастающее число ученыхъ силъ и вниманіе образованнаго общества. Наряду съ интересами научными, загадочный христіанскій Востокъ выступаетъ въ качествѣ живой силы по мѣрѣ того, какъ ветшаетъ и распадается тяжкое многовѣковое иго мусульманскихъ поработителей его. Жизненная сила востока не въ исламѣ, не имѣющемъ точекъ соприкосновенія съ общечеловѣческою культурой, выработанною подъ воздѣйствіемъ и на основаніяхъ христіанства, а въ христіанствѣ, которое и самимъ магометанамъ дало возможность и средства сложиться временно въ формы цивилизованнаго общества и которое помогло христіанамъ востока вынести гнетъ мусульманъ, хотя христіанское населеніе и потеряло бо̀льшую часть своихъ единовѣрцевъ, принужденныхъ къ отпаденію отъ вѣры отцовъ невыносимыми насиліями. Но Греки искони занимали первенствующее и руководящее положеніе на христіанскомъ Востокѣ, и духовнымъ центромъ ихъ была Византія. Ни одна столица ни-

Digitized by Google

когда не обладала такою способностью и силой сосредоточивать въ себѣ всю духовную и политическую мощь государства. Имперія Юстиніана временно теряла почти всю европейскую территорію и расширяла свои предѣлы въ Малой Азіи и Сиріи, временно отступала передъ мусульманами и вновь овладѣвала областями до береговъ Дуная; не было бы удивительнымъ, если бы, при неудачѣ Магомета II подъ Константинополемъ, она вновь возстановила возможность дальнѣйшей жизни, пользуясь временно раздробленными греческими областями и опираясь на массы христіанъ, еще не совращенныхъ въ исламъ, которыхъ было тогда несравненно болѣе, чѣмъ теперь. Пока цѣлъ былъ Царьградъ, турки были одною изъ послѣднихъ бурь, колебавшихъ временно государственную систему Европы, и только паденіе Восточной Имперіи сдѣлало ихъ на три столѣтія грозой Европы и развращающимъ элементомъ европейской политики въ наше время, подобнымъ трупу, отравляющему воздухъ своимъ разложеніемъ.

Первенствующее положеніе Византіи на христіанскомъ Востокѣ выражается и до сихъ поръ въ томъ значеніи, которое, несмотря на расколы и ереси, не взирая на латинскую и протестантскую пропаганду, занимаетъ тамъ греческая Церковь, успѣвшая подчинить, хотя и не канонически, патріархатъ антіохійскій, александрійскій и іерусалимскій константинопольскому, вѣрному хранителю византійскихъ идеаловъ. Стойкость греческаго элемента была результатомъ высоко развитой византійской цивилизаціи, прямой и единственной наслѣдницы греко-римскихъ государственности и культуры. Какъ языческому, такъ и папскому Риму была нестерпима независимая Греція; какъ въ языческое время, онъ дождался ея гибели и точно также ей же обязанъ былъ своимъ духовнымъ расцвѣтомъ, своею наукой и художествами. Долговременная ненависть латинянъ къ православію установила ложное воззрѣніе на всю исторію Византіи. Изумительное существованіе Византіи среди непрерывныхъ опасностей, предъ которыми не устояло бы ни одно изъ современныхъ государствъ Запада, страннымъ образомъ въ глазахъ ея фанатическихъ враговъ уживалось съ предполагаемымъ духовнымъ застоемъ, неподвижными общественными и государственными формами и развращенными до жестокости нравами. Забывалось, что въ любой періодъ Византійской исторіи современное западное общество отличалось еще большими варвар-

Digitized by Google

ствомъ, невѣжественностью и нестроеніемъ. Новѣйшія изслѣдованія проливаютъ любопытный свѣтъ на важныя и рѣшительныя общественныя преобразованія, происходившія въ средневѣковой Византіи. Автократія оказывается болѣе близкой къ развитымъ формамъ нашего современнаго государства, нежели феодальные порядки тогдашней Европы. Неумиравшая духовная жизнь лучше всего доказывается двукратнымъ воздѣйствіемъ на европейскую мысль въ два критическіе момента ея: при зарожденіи схоластики и въ эпоху возрожденія. Для такого воздѣйствія, конечно, необходимо, чтобы философское мышленіе не прекращалось въ самой Византіи: выясненію этого капитальнаго факта посвящено превосходное изслѣдованіе проф. Успенскаго.

Историко-литературный памятникъ, положенный почтеннымъ византинологомъ въ основу своего труда, до сихъ поръ не обращалъ на себя надлежащаго вниманія; его выборъ и полное раскрытіе его значенія составляетъ важный оригинальный вкладъ въ науку. Христіанскому вѣроученію пришлось бороться съ языческими религіями и греческою философіей. Сломленныя вселенскимъ признаніемъ христіанской истины, враждебныя силы надѣли на себя личину христіанства и вновь явились въ видѣ ересей и расколовъ. Въ борьбѣ ихъ съ Церковью проявлялись древнія міросозерцанія и философскія системы, несогласныя съ христіанствомъ. Послѣднимъ натискомъ на Церковь было иконоборство, кстати сказать—до сихъ поръ незатронутое нашими византинистами. Побѣда Церкви надъ иконоборцами въ 842 году была увѣковѣчена установленіемъ праздника православія въ первое вокресенье великаго поста. Въ этотъ приснопамятный день было положено прочитать соборные акты 842 г., которыми отлучены были отъ церкви иконоборцы и увѣнчаны похвалами съ возглашеніемъ вѣчной памяти поборники иконопочитанія. Такъ зародился *синодикъ*, читаемый доселѣ въ недѣлю православія. Онъ былъ вырѣзанъ на камнѣ и поставленъ въ храмѣ св. Софіи, откуда султаны взяли его только въ XVI в. Во множествѣ списковъ онъ распространился въ другихъ церквахъ и сохранившіяся рукописи восходятъ къ XI и XII столѣтіямъ. Онъ сдѣлался даже одною изъ любимыхъ назидательныхъ книгъ въ древней Россіи, судя по многочисленнымъ, иногда иллюстрированнымъ рукописямъ, въ составъ которыхъ вошли также статьи повѣствовательныя, служащія поясненіемъ богословскихъ положеній. Основная часть синодика оставалась безъ измѣненія почти двѣсти лѣтъ,

Digitized by Google

но съ теченіемъ времени возникали новые вопросы, богословскіе и философскіе, церковь втягивалась въ разсмотрѣніе, ихъ и синодикъ добавлялся новыми именами. „Періоды распространенія синодика новыми статьями совпадаютъ съ періодами особеннаго напряженія умовъ въ Византіи и знаменуютъ собою глухую и малоотмѣченную писателями внутреннюю борьбу. Такъ какъ эта борьба отправлялась изъ важныхъ принциповъ: національность и космополитизмъ, свобода научнаго изслѣдованія, выработка новыхъ формъ гражданственности и, наконецъ, вопросъ о духѣ и буквѣ свѣтскихъ и церковныхъ писателей, то понятно, что такіе вопросы придаютъ особенную цѣну синодику". На основаніи синодика является возможнымъ прослѣдить эволюцію византійскаго общества и тѣмъ любопытнѣе получаемые здѣсь выводы, что ихъ можно поставить въ связь и по нимъ провѣрять параллельное развитіе западно-европейскихъ народовъ." Въ XI вѣкѣ византійское общество взволновано спорами о сравнительномъ авторитетѣ эллинской философіи и христіанскаго богословія, о теоріи міросданія, о переселеніи душъ, ученіи о двухъ естествахъ во Христѣ. Произведенія византійской учености послужили источникомъ и основаніемъ для существеннѣйшихъ положеній западныхъ схоластиковъ XII и XIII вѣковъ. Логика Аристотеля, разработанная Пселломъ и Италомъ, переложенная на латинскій языкъ Петромъ Шпанскимъ (Іоанномъ XXI,+1277), но, вѣроятно, извѣстная на западѣ раньше, господствовала въ западно-европейской наукѣ два вѣка. Борьба свободнаго мышленія, питаемаго твореніями древнихъ философовъ, съ церковнымъ авторитетомъ длится вплоть до паденія Византіи. Послѣднимъ актомъ ея является осужденіе Варлаама и Акиндина и побѣда солунскаго архіепископа Григорія Паламы.

Въ различныя эпохи философское мышленіе отвѣчало на господствующіе запросы текущей жизни, постоянно рвущейся за предѣлы и рамки установленнаго общественнаго уклада. Въ XVI и XVII вѣкахъ оно боролось съ злоупотребленіемъ церковнаго авторитета, въ XVIII силы его были направлены противъ церковнаго и политическаго абсолютизма; въ наше время развитіе матеріалистическихъ ученій идетъ рядомъ и совмѣстно съ крайними соціальными ученіями. Въ XIV вѣкѣ философскія ученія прикладывались къ богословію. Борьба Варлаама съ Паламой вращалась съ перемѣннымъ успѣхомъ около вопроса о Ѳаворскомъ свѣтѣ. Гиббонъ, проникнутый отрицательными ученіями

Digitized by Google

своего времени, не понялъ важной философской подкладки знаменитаго спора и называетъ его „образцомъ греческаго религіознаго безумія“ (гл. LXIII), между тѣмъ по поводу Ѳаворскаго свѣта разрѣшался вѣковѣчный вопросъ о способахъ богопознанія, о логикѣ и авторитетѣ, о раціонализмѣ и церковномъ ученіи.

Уроженецъ Калабріи, Варлаамъ получилъ первоначальное образованіе на западѣ и для дальнѣйшаго усовершенствованія переселился въ Грецію, гдѣ вскорѣ его талантъ и многосторонняя ученость создали ему видное и вліятельное положеніе въ столицѣ. Искренній ревнитель соединенія церквей, Варлаамъ, осуждая властолюбіе римскихъ папъ и догматическія заблужденія ихъ, въ то же время ясно видѣлъ темныя стороны восточной церкви. Съ цѣлью подготовить унію онъ отправился на Аѳонъ и встрѣтился тамъ съ іеромонахомъ Григоріемъ Паламой, подвизавшимся въ Есфигменовомъ монастырѣ. Монахи скита, въ которомъ поселился Варлаамъ, были *психасты*, занимавшіеся „умственною молитвой“ по способу Ксерокерскаго игумена Симеона (XI в.). Способъ же этотъ заключался въ слѣдующемъ [1]: „Заперши двери твоей кельи, сядь въ углу ея и отвлеки мысль твою отъ всего земнаго, тѣлеснаго и скоропреходящаго. Потомъ склони подбородокъ твой на грудь твою и устреми чувственное и душевное око твое на пупокъ твой; далѣе сожми обѣ ноздри твои такъ, чтобы едва можно было дышать и отыщи глазами приблизительно то мѣсто сердца, гдѣ сосредоточены всѣ способности души. Сначала ты ничего не увидишь сквозь тѣло свое, но когда проведешь въ такомъ положеніи день и ночь, тогда—о, чудо!—увидишь то, чего никогда не видалъ, увидишь весьма ясно, что вокругъ сердца твоего распространяется божественный свѣтъ“. Такія упражненія соединялись бы молчальничествомъ (психіей), которое посему и названо было божественною психіей. Аѳонскіе безмолвники содержали это ученіе втайнѣ и возводили начало его къ первымъ временамъ монашества, къ египетскимъ аскетамъ и подвижникамъ, видя образецъ въ Арсеніи Великомъ. Подобные пріемы, впрочемъ, извѣстны и нехристіанскимъ мистикамъ, дервишамъ и факирамъ. Внут-

[1] Ученія варлаамитовъ и паламитовъ подробно изложены въ академическомъ изданіи рукописей преосв. Порфирія Успенскаго: Исторія Аѳона, ч. III, стр. 209—278. Спб. 1892.

Digitized by Google

реннее озареніе, по мнѣнію психастовъ, происходитъ вслѣдствіе пріобщенія къ божественному свѣту, исходящему отъ Бога, тому самому, которымъ просіялъ Господь въ Преображеніи на горѣ Ѳаворѣ. Этотъ свѣтъ—свойство Божіе, *энергія* божественной сущности. Такимъ упражненіемъ, при святости жизни и чистотѣ помысловъ, человѣкъ можетъ тѣлесно соединяться съ самимъ Богомъ. Варлаамъ возсталъ противъ этого ученія, окрестивъ его именемъ омфалопсихіи, пупоумія или пуподушія. Онъ утверждалъ, что Ѳаворскій свѣтъ не составляетъ проявленія божественной сущности, но былъ вещественнымъ и тлѣннымъ, созданнымъ на тотъ конецъ, чтобы озарить *знаніемъ* учениковъ Христовыхъ, бывшихъ дотолѣ простецами. Богъ, — доказывалъ Варлаамъ,—будучи верховною истиной, можетъ быть по возможности постигаемъ посредствомъ науки, посредствомъ изученія древнихъ философовъ, однимъ же изъ наилучшихъ средствъ познанія истины является логика, и, при изслѣдованіи причинъ всего сущаго, главнѣйшая сила доказательности заключается въ силлогизмахъ. Кто не предается мудрости, не достигнетъ истины и, слѣдовательно, не найдетъ Бога; наоборотъ: познавшій истину познаетъ Бога и находится съ Нимъ въ постоянномъ общеніи. Психія и „умная молитва“ представляются безполезною суетой. Познаніе Бога не нуждается въ чувственныхъ органахъ, но сообщается посредствомъ духовнаго просвѣщенія тѣмъ, кто чистъ сердцемъ и исполняетъ заповѣди Божіи. Блаженное созерцаніе Бога заключается въ *мысленномъ* воспріятіи Божества, въ умственномъ просвѣтленіи, которое дается избраннымъ, но не въ пріобщеніи человѣку существа Божія, недоступнаго для тѣлесныхъ, внѣшнихъ чувствъ. Видѣть Существо Божіе и утверждать его существованіе такъ, какъ можетъ человѣкъ утверждать реальность видимыхъ предметовъ, невозможно. Психасты же считаютъ священное писаніе безполезнымъ, а науку—вредною.

Раскрытіе монашеской тайны смутило психастовъ, и Палама явился защитникомъ ихъ. Началась полемика, глубоко взволновавшая византійскую Церковь и общество. Противъ логики и внѣшней, не богословской, мудрости паламиты указывали на авторитетъ священнаго писанія и преданія и святоотеческія писанія, какъ на единственный надежный путь къ познанію сущаго. Ѳаворскій свѣтъ—по ихъ объясненіямъ — не есть самое существо Божіе, но, въ то же время, не призракъ и не мыслен-

Digitized by Google

ный образъ; онъ составляетъ неразлучно присносущное божественной сущности проявленіе и осуществленіе, другими словами: энергію и свойство божества. Но если осіяніе учениковъ на Ѳаворѣ было сообщеніемъ имъ божественнаго существа, то являлся вопросъ: какъ представлять себѣ свойства существа Божія? Можетъ ли Богъ быть доступенъ по существу человѣку и входить съ послѣднимъ въ общеніе? Если тотъ свѣтъ тождественъ съ существомъ Божіимъ, то оно можетъ сообщаться человѣку, быть доступнымъ человѣческому чувству. Такъ возражалъ Варлаамъ. Паламиты отвѣчали, что нужно различать существо Божіе, недоступное человѣку, отъ божественной энергіи, благодати и славы, удѣляемой отъ существа Божія святымъ. Но если такъ, возражалъ Варлаамъ, вы допускаете въ Богѣ высшую и низшую природу, то-есть, исповѣдуете двоебожіе. Палама защищался уподобленіемъ невидимаго солнечнаго диска и свѣта, его облекающаго. Существо Божіе имѣетъ, такъ-сказать, двѣ стороны: одну недоступную для человѣческаго пониманія, другую доступную; первая составляетъ существо Божіе, вторая его свойства. Въ Ѳаворскомъ свѣтѣ проявилась доступная человѣку сторона Божества. Варлаамъ удалился въ Италію, но борьбу съ паламитами продолжалъ монахъ Акиндинъ, извѣстный своимъ философскимъ образованіемъ. Акиндинъ училъ, что „есть возможность страдательная и возможность дѣятельная. Первой противоположно то осуществленіе или энергія, которое называется формой и первой энтелехіей; дѣятельной же возможности противополагается дѣятельное осуществленіе. Всякая возможность, разсматриваемая по отношенію къ противоположному ей осуществленію, есть нѣчто неисполненное. Разсмотримъ, можно-ли, и въ какомъ смыслѣ, говорить, что сущность Божія отлична отъ энергіи (осуществленія), и прежде всего скажемъ объ осуществленіи въ смыслѣ формъ и первой энтелехіи, ибо это осуществленіе есть первое и основное. Если было бы доказано, что въ Богѣ нѣтъ ни страдательной возможности, ни матеріи, которой присуще было бы осуществленіе какъ форма веществу, но что Богъ есть форма сама по себѣ существующая, то необходимо было бы признать, что осуществленіе (энергія) въ Богѣ есть его сущность“. Вслѣдствіе этого Акиндинъ отвергалъ различіе, которое устанавливалъ Палама и, поддерживая воззрѣнія Варлаама, утверждалъ, что Ѳаворскій свѣтъ былъ сотвореннымъ и что въ Богѣ существо Его, свойства и дѣйствія разли-

Digitized by Google

чаются только нашимъ разсудкомъ, а въ дѣйствительности составляютъ одно и то же Божеское существо.

Такимъ образомъ споръ о Ѳаворскомъ свѣтѣ поднималъ основные вопросы метафизики, надъ разрѣшеніемъ которыхъ человѣческая мысль работаетъ безпрерывно съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Тридцать лѣтъ Византія горячо увлекалась этою полемикой. Образовалась третья, средняя партія, которая одинаково осуждала варлаамитовъ и паламитовъ, предостерегая отъ опасностей силлогистическихъ пріемовъ въ вопросахъ вѣроученія. Церковь приняла мнѣніе Паламы, предала анаѳемѣ Варлаама и Акиндина и впослѣдствіи причислила Григорія Паламу къ лику святыхъ за стойкую защиту православія и ангелоподобное житіе. Но окончательному рѣшенію предшествовали колебанія, обусловленныя отчасти политическими причинами. Константинополь и ученые, окружавшіе царя, стояли за Варлаама, Солунь и Аѳонъ—за Паламу. Іоаннъ Контакузинъ, добиваясь царскаго сана, опирался на Солунскую область и, побѣдивъ, далъ перевѣсъ партіи Паламы, за котораго стояли массы народныя, тогда какъ сторонники Варлаама принадлежали къ сравнительно небольшому кругу образованнаго общества, да и самое ученіе его, по своему свойству, было непопулярно и мало доступно пониманію большинства, вращаясь въ области философскихъ понятій съ сильнымъ оттѣнкомъ западнаго раціонализма. Популярность аѳонскихъ подвижниковъ составляла оплотъ паламитовъ. Опираясь на сочувствіе народа, Палама устаялъ противъ осужденій, произносимыхъ надъ нимъ въ столицѣ, а они были немаловажны. Паламитовъ обвиняли въ непризнаніи власти патріарха и собора, въ самочинномъ священнодѣйствіи и учительствѣ, ради совращенія въ свое ученіе, въ отрицаніи брака и „стриженіи“, чинимомъ надъ малолѣтними. Уже Варлаамъ обвинялъ Паламу въ массаліанской, богомильской ереси.

Ученіе святогорцевъ о состояніи полнаго безстрастія, въ которомъ человѣкъ способенъ соединиться съ Божествомъ, напоминаетъ ученіе евхитовъ, секты, соединившейся съ богомольствомъ въ славянскихъ земляхъ [1]. Богословская полемика вышла

---

[1] Психасты графически изображали ученіе о Божествѣ дискомъ, окруженнымъ четырьмя лучами, поясняя, что дискъ означаетъ любовь, свѣтъ въ немъ — надежда, а лучъ — вѣра; все же вмѣстѣ — единъ отсвѣтъ и едино сіяніе. Ученіе богомиловъ о Троицѣ приближалось къ ереси Савеллія, ко-

Digitized by Google

за предѣлы имперіи и нашла отзвукъ въ Македоніи и Болгаріи. Главныя силы партія паламитовъ черпала на почвѣ, зараженной богомольствомъ. Православіе Григорія Паламы не подлежитъ сомнѣнію, но противъ его сторонниковъ заявлялись фактическія обвиненія въ богомильскихъ уклоненіяхъ. Прикрываемые популярнымъ именемъ Григорія Паламы, богомилы успѣли дать новое движеніе дѣлу пропаганды и привлекли на свою сторону массу приверженцевъ между славянами и греками.

Между аѳонскими, солунскими и болгарскими монастырями существовали издавна постоянныя сношенія. Подвижники рѣдко живали подолгу на одномъ мѣстѣ, большинство же переходило изъ монастыря въ монастырь, особенно тѣ, которые были заподозрѣны въ еретическомъ образѣ мыслей. О такихъ повѣствуетъ Житіе Ѳеодосія Терновскаго: Лазарь былъ каженикъ и ископитель, Кириллъ Босота хулилъ св. иконы и св. угодниковъ, попиралъ животворящій крестъ, „сонная мечтанія, боговидѣнія учаше, женамъ же и мужемъ законнаго брака отступати и иная такова многа, скверна же и хульна“; сотрудниками Кирилла являются попъ Стефанъ и монахъ Ѳеодосій. Еретики объясняли, что ихъ ученіе не новое и не внѣ церковнаго чина, но что они возлюбили нищету и молитву и основываются на евангельскомъ и апостольскомъ ученіи. Имъ ставили въ вину, что они самовольно принимаютъ священническій и діаконскій санъ помимо епископскаго рукоположенія, самовольно присвояютъ даръ учительства и проповѣдуютъ безбрачіе и обрѣзаніе (стриженіе), отвергаютъ таинства и, наравнѣ съ манихеями, признаютъ двойственное начало въ твореніи. Дуалистическія и пантеистическія ученія богомиловъ не имѣли точекъ соприкосновенія съ воззрѣніями Варлаама и его партіи, тѣмъ не менѣе богомиловъ причислили къ варлаамитамъ и, послѣ осужденія Варлаама на соборѣ 1347 г. варлаамитами стали называть тѣхъ, кого прежде называли паламитами. Такіе бродячіе монахи разносили ересь по Болгаріи и Сербіи. Проф. Успенскій указываетъ на тождество богомильскихъ ученій съ ученіемъ новгородскихъ стригольниковъ, оставляя, впрочемъ, открытымъ вопросъ о средствахъ и путяхъ перенесенія этой ереси на сѣверъ Россіи.

торый сравнивалъ Отца съ дискомъ солнца, Сына съ освѣщающей, а Духа съ согрѣвающей его силой. Богомилы были строгими аскетами, а евхиты доходили до экстатическихъ видѣній. Пр. Порфирій, l. c. стр. 212, 879.

Digitized by Google

Трудъ проф. Успенскаго раскрываетъ передъ нами сложную духовную жизнь Византіи въ теченіе пяти вѣковъ. Богословскіе и научные интересы не составляютъ исключительной области ученаго, церковнаго сословія. Императоры, вельможи, народъ принимаютъ самое живое участіе въ такихъ движеніяхъ, которыя на западѣ не вышли бы за стѣны монастырей и университетовъ и которыя тѣсно сливались съ политическими и соціальными вопросами, усложняя и обостряя ихъ разрѣшеніе. Таковая воспріимчивость общества даетъ ему совершенно иной видъ, чѣмъ современное феодальное общество Запада и приближаетъ его къ нашему времени. Не слѣдуетъ упускать также изъ вида, что за все время борьбы варлаамитовъ съ паламитами мы не встрѣчаемся съ казнями еретиковъ.

Сочиненіе проф. Успенскаго занимается идеями, характеризующими византійскую образованность, и не касается, безъ крайней необходимости, событій и явленій общественной жизни. Этой сторонѣ той же эпохи посвящено сочиненіе проф. А. Лебедева. Болѣе доступныя для большинства читателей, книги проф. Лебедева представляютъ обстоятельное изложеніе церковныхъ событій съ IX по XV вѣкъ, историческіе очерки литературы этой эпохи и сжатое изложеніе событій политической исторіи, имѣющихъ связь съ церковными дѣлами. Описанная эпоха имѣетъ особенно важное значеніе потому, что была свидѣтельницей раздѣленія церквей и затѣмъ тщетныхъ попытокъ къ возсоединенію ихъ. Разсматривая прискорбныя событія эти, нельзя не видѣть глубокой виновности папства и западныхъ народовъ въ великомъ расколѣ и гибели восточной имперіи, но авторъ не закрываетъ глазъ и на темныя стороны византійской жизни. Не завидна была религіозно-нравственная репутація императоровъ, но окружающее общество было не лучше. Мрачную картину соціальной жизни XI—XV в. представляютъ 174—209 страницы „Очерковъ византійской церкви“. Въ XIV столѣтіи историкъ Никифоръ Григора не находилъ словъ, чтобы выразить ту степень паденія, какой достигли его соотечественники. Византійская испорченность, впрочемъ, давно уже сдѣлалась общимъ мѣстомъ. Отрицать ее, при наличности свидѣтельствъ византійскихъ писателей, невозможно. Но если мы вспомнимъ, что происходило въ то же самое время въ церковной и общественной жизни западныхъ народовъ, не говоря уже о порядкахъ мусульманскихъ странъ, то удручающее впечатлѣніе значительно ослабнетъ. Въ теченіе двѣнадцати

Digitized by Google

вѣковъ, Византійская имперія представляла одинъ изъ могучихъ по жизненности политическихъ организмовъ, съ невѣроятнымъ искусствомъ ассимилирующій и подчиняющій своимъ цѣлямъ самыя разнородныя народности. При неустойчивости династической, при постоянной внѣшней грозѣ со всѣхъ сторонъ Византія съ могущественною поддержкой церкви развиваетъ блестящую культуру, хранитъ древнюю образованность, создаетъ богатую литературу, цивилизуетъ всѣхъ сосѣдей. Въ непосильной борьбѣ она подъ конецъ изнемогаетъ, падаетъ, но мѣсто ея остается незанятымъ. „Катастрóфа, постигшая Византію, оплакана была современною Европой, но едва ли кто плакалъ искренно и отъ души... Нѣкоторые изъ европейскихъ современниковъ даже порадовались паденію Византіи: благочестивые католики въ катастрофѣ, постигшей Византію, увидали перстъ Божій, наказующій Грековъ за непризнаніе латинскаго filioque. Также и папа Николай V порадовался этому событію, ибо онъ за нѣсколько лѣтъ предсказалъ паденіе Византіи и былъ очень доволенъ, что пророчество его сбылось... Паденіе Константинополя было такъ давно, что пора-бы наступить другому событію — освобожденію этого великаго города изъ рукъ недостойныхъ его обладателей — Турокъ“. (Очерки и пр., стр. 644).

М. Соловьевъ.

Окружное посланіе великой Константинопольской церкви. По поводу папской энциклики о соединеніи церквей. (Изданіе редакціи *Церк. Вѣд.* С.-Петербургъ 1895 г. 20 стр. ц. 10 к.).

Папа римскій, нѣкогда могущественный повелитель всего христіанскаго Запада, мечтавшій уже о близкомъ господствѣ надъ христіанствомъ цѣлаго міра, теперь—собственными своими подданными забытый узникъ Ватикана, вовсе не думаетъ примириться съ своимъ положеніемъ, оставить мечты о власти и обратиться къ дѣлу истинно-христіанскаго пастырства надъ ввѣренными ему душами. Онъ одержимъ страстнымъ желаніемъ опять выступить въ мірѣ рѣшителемъ и направителемъ его судебъ, и пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы провести въ сознаніе народовъ идею своихъ мнимыхъ правъ и полномочій на это.

Въ 1894 году, какъ извѣстно, папа Левъ XIII праздновалъ

Digitized by Google

50-лѣтній юбилей своего епископскаго служенія. Воспользовавшись торжественностью момента, онъ издалъ краснорѣчивую энциклику „къ государямъ и народамъ всего міра“, въ которой, между прочимъ, обращается съ цѣлою проповѣдью къ православному Востоку и народамъ славянскаго племени, призывая ихъ лестью и всякими обѣщаніями „возвратиться“ подъ власть римскаго первосвященника, вспомнить „завѣщанный первыми временами христіанства“ долгъ повиновенія славному преемнику правъ и привилегій апастола Петра и т. д.

Казалось бы, что холодное невниманіе, съ которымъ была принята вездѣ въ православномъ мірѣ энциклика римскаго папы, заставитъ его воздержаться (хотя бы по чувству собственнаго достоинства) отъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ исполненіе взятой имъ на себя миссіи. Но папа ни передъ чѣмъ не хочетъ остановиться, и рѣшилъ, кажется, *насиліемъ* приводить православныхъ къ „единенію“ съ собою. Съ этою цѣлью предположенъ имъ и энергично приводится въ исполненіе цѣлый рядъ новыхъ мѣропріятій, сущность которыхъ заключается въ томъ, чтобы *какъ можно болѣе незамѣтно* дѣйствовать на православныхъ ядомъ католицизма и опутывать ихъ сѣтями папства.

Папа обнаруживаетъ большой либерализмъ и независимость воззрѣній, какъ это подобаетъ просвѣщенному человѣку XIX вѣка. Зачѣмъ эта латынь на Востокѣ, чуждая уху Грековъ, непонятная ихъ уму? Къ чему эти католическія мессы тамъ, гдѣ привыкли всѣ къ Златоустовой литургіи? Къ чему и этотъ особенный костюмъ патеровъ, когда они „призваны дѣйствовать“ тамъ, гдѣ духовные носятъ рясы, ходятъ въ камилавкахъ? Отнынѣ должны получить на Востокѣ полное право гражданства всѣ особенности мѣстныхъ обрядовъ богослуженія, мѣстныхъ обычаевъ и порядковъ церковной жизни. Всѣ восточные христіане, уже присоединившіеся къ католической церкви или имѣющіе присоединиться къ ней впослѣдствіи, ни въ какомъ случаѣ не должны быть принуждаемы къ латинскому обряду. Пусть все у нихъ будетъ такъ, какъ вообще у восточныхъ. И чѣмъ больше сходства, тѣмъ лучше. Папа угрожаетъ даже лишеніемъ сана тѣмъ изъ дѣйствующей своей арміи на Востокѣ, кто, не понимая благихъ намѣреній святѣйшаго отца, сталъ бы обнаруживать пристрастіе къ латинскому обряду и „совѣтомъ или пособіемъ“ склонять къ нему восточныхъ (Энциклика папы отъ 30 ноября 1894 г.).

Digitized by Google

Широко задуманный планъ всесторонняго „сближенія“ съ православною Восточною Церковью, въ интересахъ чаемой „уніи“ съ нею, уже и осуществляется понемногу наиболѣе ревностными приспѣшниками папскихъ идей. Сталъ появляться въ большихъ городахъ на Востокѣ совершенно новый типъ латинскихъ миссіонеровъ, рѣшительно ничѣмъ не отличающихся по внѣшнему виду отъ православнаго греческаго клирика (въ рясахъ и камилавкахъ), хорошо владѣющихъ греческимъ языкомъ, всячески пытающихся войти въ довѣріе мѣстнаго населенія. Въ извѣстные дни они совершаютъ въ католическихъ храмахъ на подлинномъ греческомъ языкѣ „Златоустовы“ литургіи (впрочемъ, обязательно *на опрѣснокахъ* и съ прибавкой въ символѣ вѣры: „καὶ ἐκ τοῦ υἱοῦ“—filioque: для „народа“ это вѣдь не замѣтно), привлекая не мало любопытныхъ со всего города, не знающихъ, что подумать объ этихъ новоявленныхъ дѣятеляхъ римско-католической пропаганды.

Желая приготовить какъ можно больше такого рода дѣятелей, папа рѣшилъ, что латинскимъ клирикамъ, имѣющимъ потомъ дѣйствовать въ восточныхъ странахъ, всего лучше и образованіе свое получать на Востокѣ же, гдѣ они легко и заблаговременно могутъ ознакомиться съ языкомъ Грековъ, обычаями и порядками ихъ церковной жизни и пр. Въ этихъ видахъ предположено учредить въ Константинополѣ высшую школу для образованія „греко-латинскаго“ клира. Въ католическомъ мірѣ очень сочувственно отнеслись къ этой мысли папы, и пожертвованія на школу собраны огромныя. [1] Насколько извѣстно изъ сообщеній греческихъ газетъ, турецкое правительство уже разрѣшило папѣ строить нужныя для школы зданія.

Сверхъ того папа намѣренъ передѣлать на подобіе православныхъ храмовъ одинъ изъ константинопольскихъ костеловъ (бывшій іезуитовъ, въ честь и память св. Пульхеріи), въ которомъ постоянно и правильно будетъ совершаться богослуженіе на греческомъ языкѣ и по греческому обряду.

Естественно, что эти коварные замыслы вождя воинствующаго католицизма побудили іерарховъ православнаго Востока встать для защиты и огражденія отъ опасности сокровища правой вѣры

---

[1] По извѣстіямъ греческихъ газетъ, одинъ императоръ австрійскій Іосифъ пожертвовалъ папѣ на это дѣло сто тысячъ франковъ („Κωνσταντινουπολις“, отъ 5 окт. 1895 г.).

Digitized by Google

и достоинства вселенской Христовой Церкви. Вызовъ, брошенный православному міру со стороны папы его энцикликой, оставленный до поры до времени безъ вниманія, теперь, въ впду все болѣе и болѣе обнаруживающейся наглости латинства, потребовалъ надлежащаго для себя отвѣта. Такой отвѣтъ отъ имени всей православной Восточной Церкви составленъ и обнародованъ недавно за подписью виднѣйшаго представителя православія на Востокѣ—патріарха великой константинопольской церкви и членовъ состоящаго при немъ священнаго Синода. Въ этомъ отвѣтѣ обстоятельно показана ложь папской энциклики, при чемъ исчислены и точно формулированы всѣ отступленія Рима отъ догматовъ истинной вѣры и каноновъ вселенскихъ соборовъ, и церковь римская рѣшительно объявлена отдѣленной отъ вселенской Христовой Церкви „на все то время, пока пребудетъ она въ своемъ заблужденіи“. Такимъ образомъ, кажется, не остается уже теперь мѣста для лживыхъ рѣчей римскаго папы, смущающаго всѣхъ своими увѣреніями, будто нѣтъ „ясно и рѣшительно проведенной границы“ между латинствомъ и православіемъ.

П. В.

Переписка Филарета митрополита Московскаго съ С. Д. Нечаевымъ. С.-Петербургъ. 1895 г.

Каждый почти годъ открывается что-либо новое въ томъ богатомъ умственномъ наслѣдствѣ, которое оставилъ намъ святитель Филаретъ московскій. За четверть вѣка послѣ его кончины въ отдѣльныхъ сборникахъ опубликовано уже болѣе четырехъ тысячъ его писемъ къ разнымъ лицамъ. Теперь передъ нами новый сборникъ—переписка митрополита Филарета съ С. Д. Нечаевымъ, который съ 1829 года былъ членомъ коммиссіи Духовныхъ училищъ, а съ 1833 по 1836 годъ занималъ постъ оберъ-прокурора св. Синода. Переписка носитъ преимущественно дѣловой характеръ и, по словамъ издателя, „вводитъ на нѣкоторое время читателя въ ту обыкновенно скрытную отъ постороннихъ глазъ сферу, изъ которой шло направленіе всей нашей отечественной церковной жизни въ первую половину тридцатыхъ годовъ.“ Владыкѣ митрополиту приходилось высказываться и давать свои отзывы по самымъ мелкимъ канцелярскимъ дѣламъ,

Digitized by Google

но отъ этого отзывы святителя не теряютъ не только въ цѣнности, но и въ интересѣ для всякаго любознательнаго читателя. Геніальная мысль видна всюду, чего бы она ни касалась. Много цѣнныхъ указаній можно найти въ перепискѣ по каноническимъ вопросамъ, особенно по вопросамъ брачнымъ, много характеристикъ общественныхъ дѣятелей того времени, преимущественно духовнаго сана; не мало находимъ въ ней матеріала для исторіи нашей церковной и бытовой жизни 30-хъ годовъ. Но болѣе всего опубликованная переписка важна въ біографическомъ отношеніи, какъ богатый матеріалъ для характеристики приснопамятнаго Святителя. Не можемъ удержаться, чтобы не привести здѣсь цѣликомъ одно небольшое письмо, ярко обрисовывающее всю высоту смиренія Филарета. „Не могу отпустить себя ко сну, писалъ онъ 5 февраля 1834 года, не сказавъ вамъ, милостивый государь, Стефанъ Дмитріевичъ, мира и не испросивъ себѣ отъ васъ мира, который, послѣ разговора прошедшаго утра могъ оставаться подъ сомнѣніемъ. Найдется-ли причина раскаиваться мнѣ въ изъявленномъ мною мнѣніи, сіе можетъ открыться изъ спокойнаго разсужденія объ оном. Теперь я прошу отъ васъ прощенія въ чувствѣ огорченія, которое возбуждалось во мнѣ, отъ заключеній, которыя слишкомъ неожиданно выводимы были изъ моихъ словъ. Какъ при томъ Евангеліе велитъ мнѣ заботиться не о томъ только, чтобы я не имѣлъ ничего на брата, но когда, говоритъ, ***помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, то, шедъ, смирися съ братомъ твоимъ.*** Надѣюсь, что по сей заповѣди буду принятъ, когда иду къ вамъ по сей заповѣди".

Въ изданной „перепискѣ" приведено 292 письма митрополита Филарета. Всѣ они только недавно открыты въ бумагахъ С. Д. Нечаева. Третья часть этихъ писемъ была предварительно напечатана въ журналахъ ***Русскій Архивъ*** и ***Богословскій Вѣстникъ***. Въ настоящемъ изданіи всѣ они снабжены очень обстоятельными примѣчаніями, сдѣланными С. Г. Рункевичемъ на основаніи архивныхъ и другихъ данныхъ. Къ книгѣ приложены два указателя: афавитный и предметный.

Остается прибавить, что „Переписка" издана со всею тщательностью, какой она заслуживаетъ; бумага великолѣпная, шрифтъ четкій, опечатокъ почти совсѣмъ нѣтъ. Изданіе можно назвать по внѣшности роскошнымъ, а по цѣнѣ (2 р. 50 коп.)— доступнымъ.

Свящ. І. Фудель.

Digitized by Google

К. Ельницкій. *Инородцы Сибири и средне-азіатскихъ владѣній Россіи.* Этнографическіе очерки. Учебное пособіе. Изданіе Д. Д. Полубояринова. Стр. 1—136. Ц. 1. р. Спб. 1895.

Это изданіе, снабженное двумя маленькими картами разселенія инородцевъ Сибири и средне-азіатскихъ владѣній Россіи и болѣе чѣмъ двумя десятками картинокъ, изъ которыхъ многія оказываются заимствованными изъ иллюстрированныхъ изданій, какъ видно изъ оглавленія—назначается въ качествѣ учебнаго пособія, конечно, для среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ карты предполагаютъ въ ученикѣ извѣстное знакомство съ географіей. Пособіе, дѣйствительно, соотвѣтствуетъ извѣстнымъ классамъ гимназіи, но составитель пособія, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удобно расположилъ имѣвшійся у него подъ руками матеріалъ въ педагогическомъ отношеніи.

Сообразно съ оглавленіемъ, книжка раздѣлена на два отдѣла: въ первомъ сообщаются этнографическіе очерки изъ жизни инородцевъ Сибири, во второмъ—инородцевъ средне-азіатскихъ владѣній Россіи.

Не совсѣмъ удовлетворительнымъ по изложенію содержанія намъ представляется первый отдѣлъ книжки.

Прежде всего надобно замѣтить, что инородцы Сибири дѣлятся, естественно, по племенамъ, и мы понимаемъ, что тамъ есть финскія племена, монголоманчжурскія, турецко-татарскія,—но что̀ такое *полярныя* племена въ *этнографическомъ* обзорѣ, этого не понимаемъ. Съ такимъ названіемъ, конечно, всякій соединяетъ понятіе о географическомъ положеніи инародцевъ, но никакъ не о принадлежности ихъ къ тому или другому племени... Въ самомъ дѣлѣ: буряты, калмыки и т. д., вогулы, остяки и пр. принадлежатъ, одни—къ монголо-манчжурскому, другіе—къ финскому племени, и это, хотя и не очень отчетливо, понятно будетъ всякому ученику гимназіи,—а юкагиры, чукчи, коряки и камчадалы принадлежатъ къ какимъ-то полярнымъ племенамъ!.. И такое названіе дано этимъ народцамъ при строго выдержанномъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ, дѣленіи инородцевъ русскихъ владѣній въ Азіи по племенамъ... Но пусть это будетъ ошибкой по отношенію къ названію пособія этнографическимъ... А въ географическомъ отношеніи?—Чукчи и юкагиры, положимъ, въ географическомъ отношеніи вполнѣ справедливо могутъ быть

Digitized by Google

названы полярными племенами, но коряки и ихъ сосѣди—камчадалы едва-ли подходятъ подъ это названіе,—по крайней мѣрѣ, бо́льшее право на это имѣютъ, напримѣръ, самоѣды, сѣверные тунгусы и якуты.

Что касается внутренняго содержанія очерковъ, то они вполнѣ исчерпываютъ свой предметъ въ объемѣ, подходящемъ подъ уровень предполагаемыхъ читателей. Но у послѣднихъ, вслѣдствіе указаннаго въ началѣ настоящей замѣтки недостатка, особенно по прочтеніи перваго отдѣла книжки, непремѣнно долженъ образоваться въ головѣ хаосъ, при первой же попыткѣ ихъ дать себѣ отчетъ въ прочитанномъ. Это зависитъ, конечно, не отъ составителя исключительно, а и отъ самого матеріала, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло: многіе инородцы, особенно сибирскіе, въ бытовомъ, религіозно-нравственномъ и другихъ отношеніяхъ до того сходны между собою, что сказанное объ одномъ племени, за самыми ничтожными исключеніями, можно приложить и къ другому. Самые очерки поэтому представляются составленными по одному шаблону, по литературному, такъ сказать, трафарету. Такимъ образомъ составителю, какъ намъ представляется это дѣло, лучше было бы сдѣлать самый общій очеркъ въ племенномъ и географическомъ отношеніяхъ, а потомъ общую для племенъ характеристику въ бытовомъ, религіозно-нравственномъ и другихъ отношеніяхъ съ обозначеніемъ отличительныхъ чертъ того или другаго племени.

Во всякомъ случаѣ, книжка по цѣли—полезная и составленная добросовѣстно, но по цѣнѣ—не сообразная съ цѣлью. Если здѣсь принимались въ разсчетъ картинки, то онѣ хотя и довольно отчетливы, но по достоинству не Богъ вѣсть какія особенныя,—при томъ же это—клише, сколько помнится, уже бывшія въ ходу.

А. Э.

Матеріалы для исторіи рода дворянъ Савеловыхъ. т. I, вып. 1. Изданіе Л. М. Савелова. Составилъ А. Юшковъ. Москва.

Названную книгу слѣдуетъ отмѣтить, какъ одно изъ частныхъ изданій такого рода, составляющихъ у насъ вообще рѣдкость.

Самъ же издатель смотритъ на него не только какъ на рѣдкое, но и какъ на рискованное дѣло. Въ эпиграфъ онъ беретъ

Digitized by Google

слова Пушкина „Неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости и безнравственности". Эпиграфъ боевой. Издатель какъ бы предвидитъ не только холодное, но и прямо враждебное отношеніе большинства. Въ предисловіи онъ признается въ томъ „странномъ чувствѣ, какое приходится испытывать у насъ лицу, занимающемуся генеалогіей, чувствѣ того, какъ всѣ на тебя смотрятъ какъ на съумасшедшаго (!)". Изъ этого видно, насколько горячо отношеніе издателя къ своему дѣлу; но оно могло бы быть болѣе хладнокровнымъ. Само собою разумѣется, что подобные взгляды ни мало не отнимаютъ у этой отрасли знанія ни его ученаго, вспомогательнаго для исторіи, значенія, ни культурнаго, въ смыслѣ уваженія къ предкамъ. Недостатокъ хладнокровія приводитъ далѣе къ очевидному преувеличенію, когда далѣе заходитъ рѣчь о „большинствѣ, считающемъ исторію русскаго дворянства позорной (?!)..." Очевидно, это несомнѣнное преувеличеніе.

Краткій историческій очеркъ, посвященный роду Савелоыхъ, указываетъ на ихъ происхожденіе отъ новгородскихъ бояръ Савелковыхъ, которые въ свою очередь считали себя выходцами изъ Швеціи. Древнѣйшія свѣдѣнія о нихъ относятся къ XV в. Въ Москвѣ Савеловы возвышаются въ XVII в., особенно когда одинъ изъ ихъ рода Иванъ Петровичъ, въ монашествѣ Іоакимъ, достигаетъ сана Московскаго патріарха, и Савеловы становятся въ ряду высшей служилой аристократіи и пріобрѣтаютъ много помѣстій и вотчинъ въ разныхъ мѣстахъ.

Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ матеріалы, извлеченные изъ разрядныхъ и помѣстныхъ дѣлъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Они освѣщаютъ какъ служебное положеніе и дѣятельность Савеловыхъ, такъ и землевладѣльческое состояніе ихъ.

Предпосылаемое имъ предисловіе отъ составителя даетъ намъ общее представленіе объ архивномъ матеріалѣ, надъ которымъ приходилось работать, и выдвигаетъ впередъ его значеніе, какъ генеалогическаго источника, доставляющаго строго оффиціальныя свѣдѣнія, и при томъ часто не въ сухомъ видѣ, а съ множествомъ бытовыхъ подробностей. Въ этомъ отношеніи авторъ, напримѣръ, дѣлаетъ наблюденіе, что бракъ помѣщиковъ XVII в.— преимущественно бракъ по разсчету, коимъ имѣлось въ виду только расширить матеріальное благосостояніе, вслѣдствіе чего замѣчается оригинальное стремленіе жениться преимущественно

Digitized by Google

на вдовахъ, „прожитки“ которыхъ были вдвое крупнѣе дѣвичьихъ. Понятно отмѣчается также чрезвычайно важное значеніе того же матеріала для географіи, для составленія карты административнаго дѣленія и населенныхъ мѣстъ Россіи въ XVII в., представляющей до сихъ поръ настоящую tabula rasa.

Исходя изъ исторической точки зрѣнія, составитель даетъ также свѣдѣнія о самомъ Помѣстномъ Приказѣ, обрисовываетъ кругъ его дѣятельности по помѣстнымъ и вотчиннымъ дѣламъ, останавливается на вопросахъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ дѣлу, какъ-то о приказномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, причемъ не всегда справляется съ ними. Такъ, принимая существованіе такъ-называемой коллегіальности, хотя и „безсознательной“ (?), онъ почему-то находитъ, что это коллегіальное начало въ первой половинѣ XVII в. примѣнялось гораздо строже, чѣмъ во второй. Да и самое существованіе коллегіальности, въ широкомъ смыслѣ участія въ дѣлѣ вмѣстѣ съ главнымъ судьею изъ думныхъ чиновъ еще *всѣхъ* дьяковъ Приказа, обосновывается имъ единственно на обычной формулѣ приговоровъ, въ которой, вмѣсто поименованія учрежденія, перечисляется его наличный составъ. Фиктивность формулы въ этомъ отношеніи обнаруживается записными книгами того же приказа.

Въ заключеніе составитель, справедливо указывая на болѣе широкое, чѣмъ только генеалогическое, значеніе собранныхъ матеріаловъ, нѣсколько преувеличенно выражается объ изданіи ихъ, какъ такомъ, которое, „если даже и не претендуетъ на широкое названіе *актовъ Помѣстнаго Приказа*, во всякомъ случаѣ можетъ быть названо довольно полною *хрестоматіей помѣстно-вотчиннаго права*“. Хрестоматія, вѣдь, должна представлять не просто сборникъ, хотя бы и полно представляющій извѣстные матеріалы, въ данномъ случаѣ историко-юридическіе; кромѣ требованія полноты, матеріалъ этотъ долженъ быть строго очищенъ отъ повтореній и изложенъ по системѣ почерпнутой изъ самого права. Въ данномъ же случаѣ матеріалъ выбирался не по типичности содержанія или оригинальности формы, а по связи съ генеалогическими именами, подъ которыми послѣдовательно повторяются одни и тѣ же виды документовъ; расположены они также не по однородности содержанія, а по нисходящимъ ступенямъ родословія и по городамъ, соотвѣтственно ихъ архивному расположенію.

Digitized by Google

Въ 1-й выпускъ, надо замѣтить, вошли помѣстно-вотчинные матеріалы, какъ-то писцовыя, переписныя, отказныя книги и челобитныя съ производствами по городамъ Ростову и Можайску. Что касается хронологическихъ границъ, то напечатанные матеріалы обнимаютъ 1623—1701 годы.

Сдѣланныя нами замѣчанія имѣютъ въ виду лишь указать на серіозное отношеніе къ дѣлу и широкій на него взглядъ, какъ со стороны его издателя, такъ и составителя. Остается пожелать изданію встрѣтить то сочувствіе, въ зависимости отъ котораго ставятся размѣры, какіе оно должно принять въ послѣдующихъ выпускахъ.

Н. А.

Digitized by Google

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

1) ИЗЪ ВИЛЬНЫ.

Еще о Виленскомъ памятникѣ Графу М. Н. Муравьеву.

Въ іюньской книгѣ *Русскаго Обозрѣнія* 1895 года была напечатана моя статья „О виленскомъ памятникѣ графу М. Н. Муравьеву". Въ ней между прочимъ было сказано: „Не имѣя болѣе возможности агитировать противъ самаго памятника графу Муравьеву, Поляки и полякующіе Русскіе интриговали противъ *мѣста* для него". Это *интригованье* продолжается до сихъ поръ, и неизвѣстно, когда и какъ оно кончится [1]. До настоящаго времени оно выразилось въ слѣдующихъ чертахъ.

Въ концѣ 1893 года комитетъ по сооруженію памятника, состоявшій изъ командующаго войсками виленскаго военнаго округа Н. С. Гонецкаго, архіепископа Литовскаго, попечителя виленскаго учебнаго округа и другихъ высшихъ губернскихъ чиновниковъ Сѣверо-Западнаго края, подъ предсѣдательствомъ виленскаго генералъ-губернатора И. С. Каханова, приступилъ къ выбору мѣста для памятника. Нѣкоторые члены комитета предлагали поставить его на площади между присутственными мѣстами и римско-католическою каѳедрой (соборомъ), ближе къ городскому саду,—мѣсто хорошее; другіе члены указывали на конецъ театральнаго сквера, противъ штаба виленскаго военнаго округа,—мѣсто также подходящее. Командующій войсками Н. С. Гонецкій настаивалъ на томъ, чтобы памятникъ М. Н. Муравьеву былъ

[1] Изъ источниковъ вполнѣ достовѣрныхъ мы слышали, что вопросъ этотъ болѣе чѣмъ близокъ къ своему рѣшенію, и при томъ въ смыслѣ совершенно согласномъ съ чувствами истинно русскихъ людей. *Ред.*

Digitized by Google

поставленъ на Большой улицѣ (главной въ Вильнѣ), на церковной площади противъ православнаго Николаевскаго собора. „Тотъ, кто сослужилъ великую службу западно-русской Православной Церкви", говорилъ въ комитетѣ Николай Степановичъ, „кто возстановилъ изъ развалинъ и убожества многіе православные храмы какъ въ самой Вильнѣ, такъ и по всему Сѣверо-Западному краю, кто вывелъ изъ нищенства и униженія мѣстное православное духовенство и старался возвысить его силу и значеніе, тотъ, конечно, заслуживаетъ, чтобы соотечественники его поставили ему памятникъ не гдѣ-нибудь въ глуши, или противъ городскаго театра, а именно предъ православною Церковію". Нѣкоторые члены комитета возражали, что памятникъ стѣснитъ и безъ того небольшую церковную площадь. На это Н. С. Гонецкій отвѣчалъ, что онъ нимало не будетъ мѣшать ни церковнымъ парадамъ войска, ни разъѣзду экипажей, ни движенію народа,—стоятъ же два памятника—Кутузову и Барклаю-де-Толли на небольшой площади Казанскаго собора въ такомъ многолюдномъ городѣ, какъ Петербургъ.

Одинъ членъ комитета возразилъ противъ самаго памятника, говоря, что въ дѣйствіяхъ графа Муравьева въ Сѣверо-Западномъ краѣ нѣтъ ничего особеннаго, заслуживающаго памятникъ: если онъ усмирилъ польскій мятежъ и возстановлялъ изъ развалинъ и вновь сооружалъ въ этомъ краѣ много православныхъ храмовъ, то онъ былъ только исполнителемъ Высочайшей воли. На это было отвѣчено суровому цѣнителю чужихъ заслугъ, что Высочайшею же волей графъ М. Н. Муравьевъ былъ удостоенъ памятника. Еще одинъ членъ комитета, крупный мѣстный чиновникъ, подобно петербургскому „тайному совѣтнику", измѣнившему въ своей фамиліи *скій* на *евъ* (см. мою статью въ іюньской книгѣ *Русс. Обозр.* 1895), храбро возражалъ, что памятникъ Муравьеву въ Вильнѣ *озлобитъ* Поляковъ; но и храбрость не вывезла. Предложеніе Н. С. Гонецкаго было принято комитетомъ единогласно, о чемъ и составленъ былъ за общими подписями журналъ.

По порученію комитета, было избрано мѣсто для памятника на соборной площади, и нанесено на планъ, приложенный къ журналу комитета.

Это происходило въ концѣ 1893 или въ началѣ 1894 года. Вслѣдъ за тѣмъ И. С. Каханова замѣнилъ въ Вильнѣ П. В. Оржевскій; а въ февралѣ 1895 года Н. С. Гонецкій, назначен-

Digitized by Google

ный членомъ Государственнаго Совѣта, оставилъ Вильну и переселился въ Петербургъ.

Какое дальнѣйшее движеніе дано было комитетомъ этому проэкту, съ точностію неизвѣстно, потому что комитетъ весьма скупо сообщаетъ публикѣ свѣдѣнія о своихъ дѣйствіяхъ, хотя дѣло сооруженія памятника графу М. Н. Муравьеву въ Вильнѣ на всенародныя пожертвованія касается не однихъ лишь членовъ комитета, но всѣхъ русскихъ людей, и затрогиваетъ русскую честь. Въ началѣ 1895 года предсѣдатель комитета объявилъ чрезъ *Виленскій Вѣстникъ*, что „проэктъ памятника въ общихъ чертахъ былъ одобренъ въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ III“. Но объявленіе было весьма неясно. Что нужно было подразумѣвать подъ словами: „въ общихъ чертахъ“? Относилось-ли Высочайшее одобреніе только къ фигурѣ памятника, или же и къ мѣсту для него? Также было-ли это одобреніе выражено на словахъ, или письменно? Неясность сообщенія породила въ публикѣ разнообразные толки: одни утверждали, что Высочайшее одобреніе относилось равно къ фигурѣ памятника и къ мѣсту, а другіе настаивали на томъ, что оно относилось только къ фигурѣ. Также одни утверждали, что Высочайшее одобреніе было выражено письменно; другіе же настаивали на томъ, что оно сдѣлано было только словесно. Эта темнота сообщенія возбуждала недовѣріе къ комитету въ виленской *русской* публикѣ и ехидство въ полякахъ, сознававшихъ свое торжество въ этомъ ненавистномъ для нихъ дѣлѣ. Недовѣріе Русскихъ перешло въ озлобленіе, когда среди лѣта было объявлено чрезъ *Виленскій Вѣстникъ*, что „комитетъ *окончательно избралъ*“ мѣстомъ для памятника графу Муравьеву небольшую площадку между генералъ-губернаторскимъ домомъ и *съумасшедшимъ домомъ* („Бонифраторами“) и ассигновалъ изъ суммъ, собранныхъ на памятникъ, 500 рублей на предварительныя земляныя работы для фундамента, которыя въ скорости и были начаты. Выбранная комитетомъ мѣстность находится въ сторонѣ отъ городскаго движенія, захолустная и глухая, по которой рѣдко кто пройдетъ, или проѣдетъ. Когда только-что въ русскихъ газетахъ было объявлено о сооруженіи памятника графу Муравьеву въ Вильнѣ, то краковскія газеты предлагали поставить его или на Лукишкахъ (гдѣ вѣшали польскихъ мятежниковъ), или противъ съумасшедшаго дома (Бонифраторовъ). И вотъ комитетъ ставитъ памятникъ на этомъ послѣднемъ мѣстѣ!

Digitized by Google

Какъ же это понять? Распоряженіе комитета, несомнѣнно, вожделѣнно для Поляковъ; но оно глубоко оскорбительно для всѣхъ Русскихъ, чтущихъ незабвенныя государственныя заслуги графа М. Н. Муравьева. И почему именно комитетъ такъ распорядился? Почему не объяснено, на какомъ основаніи отброшенъ планъ Н. С. Гонецкаго, принятый комитетомъ единогласно? И *одобрено-ли новое мѣсто Государемъ Императоромъ*?

Чтобы сколько-нибудь замаскировать свое предательство, виленскіе дѣльцы начали распускать подъ рукою, что мѣсто на площади противъ Николаевскаго собора нужно для памятника или Николаю I, или Екатеринѣ II. Это—чистая ложь. Я живу въ Вильнѣ болѣе тридцати лѣтъ, въ муравьевскій періодъ стоялъ близко къ правящимъ людямъ, и *никогда не слыхалъ никакого намека объ этихъ памятникахъ*, а выдвинуты они были только послѣднимъ лѣтомъ, чтобы имѣть предлогъ уничтожить принятое комитетомъ предложеніе Н. С. Гонецкаго, очевидно крайне ненавистное полякамъ и ихъ русскимъ радѣтелямъ. Самая двойственность („или Николаю I, или Екатеринѣ II“) показываетъ, что тутъ нѣтъ ничего дѣйствительнаго, и что сами они не могутъ сказать, *чьему именно* быть тутъ памятнику? И на какія суммы они предполагаютъ ставить? На суммы-ли виленскихъ чиновниковъ или виленскихъ пановъ? Я даже помогу виленскимъ дѣльцамъ.—они могутъ прибавить еще два „или“: или Петру I, или Алексѣю Михайловичу. Будьте увѣрены, какъ скоро памятникъ Муравьеву будетъ поставленъ противъ съумасшедшаго дома, планы о памятникахъ Николаю I или Екатеринѣ II снова исчезнутъ.

Прямѣе отнесся къ дѣлу о памятникахъ петербургскій чиновникъ А. (немалаго чина), пріѣзжавшій въ Вильну прошедшимъ лѣтомъ для обозрѣнія своихъ „пріобрѣтенныхъ“ недавно имѣній въ краѣ, содержимыхъ въ арендѣ жидами. Съ нимъ я встрѣтился въ Вильнѣ случайно въ первый разъ. Въ разговорѣ о памятникѣ графу Муравьему, онъ сказалъ: „По моему мнѣнію, съ памятникомъ Муравьеву *поторопились*. Нужно было бы подождать, по меньшей мѣрѣ, сто лѣтъ, по прошествіи которыхъ исторія безошибочно рѣшила бы, заслуживаетъ Муравьевъ памятника, или не заслуживаетъ“. Истинный сынъ Петербурга!

Когда были начаты земляныя работы для памятника у съумасшедшаго дома, объ этомъ появились двѣ корреспонденціи въ *Новомъ Времени*, высказывавшія недоумѣніе русскихъ людей

Digitized by Google

Вильны отъ такой перемѣны мѣста, неожиданной и, повидимому, не санкціонированной Высочайшею властію, (по крайней мѣрѣ, объ этомъ не было сказано въ объявленіи о перемѣнѣ мѣста для памятника). Хотя по поводу этихъ корреспонденцій одинъ вліятельный виленскій чиновникъ и выразился: „Мало-ли что пишутъ въ газетахъ!“—тѣмъ не менѣе около половины августа земляныя работы для памятника около съумасшедшаго дома были пріостановлены, и что̀ послѣдуетъ далѣе, вѣроятно покажетъ нынѣшній годъ.

Здѣсь я считаю нужнымъ указать на слѣдующее любопытное и многозначущее обстоятельство: можно смѣло утверждать, что ни одинъ памятникъ въ Россіи не встрѣчалъ никакого враждебнаго къ себѣ отношенія со стороны кого-бы то ни было, кромѣ памятника графу М. Н. Муравьеву. Памятники ставитъ благодарный русскій народъ своимъ „лучшимъ людямъ“. жертвуя на сооруженіе ихъ необходимыя средства, а строители—прилагая все свое усердіе, чтобы достойно выразить народную благодарность. И въ своихъ пожертвованіяхъ на памятникъ графу М. Н. Муравьеву Русскій народъ не былъ медленъ и скупъ, давши въ какіе-нибудь два года болѣе 50.000 рублей; но строители его, вмѣсто того, чтобы стараться достойно выразить народную благодарность великому русскому патріоту и государственному мужу, ***оскорбляютъ его память!*** Мы не должны прикрывать истину: фактъ — на лицо. Если даже допустить, что мѣсто у Николаевскаго собора ***дѣйствительно*** понадобилось для памятника кому-либо изъ Высочайшихъ особъ, то въ запасѣ у комитета оставались еще два мѣста, достаточно пригодныхъ для памятника графу Муравьеву: одно на оконечности театральнаго сквера, близъ окружнаго штаба, и другое между присутственными мѣстами и каѳедрой, ближе къ городскому саду. Почему же комитетъ не выбралъ ни того, ни другаго мѣста? ***Почему онъ предпочелъ мѣсто, указанное краковскими польскими газетами, и несомнѣнно оскорбительное для русскаго народнаго достоинства и для памяти графа Муравьева?***

Думая объ этомъ фактѣ, невольно приходишь къ мысли, что противъ памятника графу Муравьеву дѣйствуетъ двойная враждебная сила—польской ***злобы*** и русскаго ***предательства***, подавшихъ другъ другу руки на пагубу Россіи. Что Полякамъ и ихъ русскимъ прихвостнямъ ненавистна память графа Муравьева, въ этомъ можно не сомнѣваться. Но почему же ненавистна? Потому

Digitized by Google

что онъ былъ вѣрнымъ слугой Русскаго Государя и возстановителемъ въ Западной Россіи правъ Русскаго государства и русской народности. Слѣдовательно, ненависть Поляковъ и иныхъ враговъ къ памяти Муравьева есть ничто иное, какъ выраженіе ихъ ненависти къ Россіи. Это прекрасно выразилъ Ѳ. И. Тютчевъ въ стихахъ, посвященныхъ памяти графа М. Н. Муравьева:

„Не много было-бъ у него враговъ,
Когда бы не твои враги, Россія...“

А. Владиміровъ.

24-го ноября, 1895.

---

2) ИЗЪ БАКУ

Къ армянскому вопросу.

I.

Русская печать лишь въ послѣднее время, подъ вліяніемъ событій въ Турціи, обратила вниманіе на армянскій вопросъ и стала удѣлять ему время и мѣсто. Этотъ нѣсколько запоздавшій интересъ къ Армянамъ тѣмъ болѣе прискорбенъ, что у себя дома мы давно уже располагали матеріаломъ для непосредственнаго ознакомленія съ характеромъ того движенія, которое охватило нынѣ Турцію и угрожаетъ спокойствію Европы. Въ Россіи насчитывается свыше милліона Армянъ, существуетъ обширная періодическая печать, проникнутая вполнѣ опредѣлившимися національными стремленіями, есть духовная академія, семинарія, цѣлый рядъ школъ и множество разныхъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій; но, не странно-ли? все это зрѣло, развивалось и приносило плоды, не вызывая къ себѣ вниманія. Насколько намъ извѣстно, ни одна столичная редакція не получаетъ армянскихъ изданій, довольствуясь случайными сообщеніями по армянскимъ дѣламъ. Между тѣмъ, знакомство съ армянскою печатью и съ ея настроеніемъ выяснило бы въ надлежащей степени, къ чему клонится дѣятельность армянскихъ журналистовъ и въ какомъ направленіи шлифуется общественная мысль. Могутъ замѣтить, что армянская печать, какъ подцензурная, не могла явиться опаснымъ факторомъ въ дѣлѣ пропаганды національной идеи; но что могла сдѣлать цензура, когда ей приходилось вѣдаться съ пріемами, предъ которыми развелъ бы руками и самъ, печальной памяти, цензоръ Красовскій? Долгій опытъ и практика успѣли выработать цѣлую систему обходовъ цензорской бдительности, съ которыми трудно бороться цензур-

Digitized by Google

ному уставу. Этотъ послѣдній, какъ извѣстно, имѣетъ дѣло съ тѣмъ лишь, что значится въ строкахъ, между тѣмъ армянскіе журналисты пріобрѣли изумительный навыкъ писать между строками, безъ словъ, и научили своихъ читателей понимать себя. Когда же почему-либо оказывается неудобнымъ прибѣгать къ излюбленному пріему—говорить между строкъ, тогда является на помощь мистификація, чтобы легче отвести глаза цензору, то-есть, попросту обмануть его. Нужно, напримѣръ, лягнуть кого-нибудь или оповѣстить о чемъ-нибудь такомъ, что въ своемъ настоящемъ видѣ не можетъ подлежать оглашенію, въ такихъ случаяхъ репортеръ становится баснописцемъ, а русскій авторъ иной по чему-либо непріятной книги обращается въ иностранца, съ ловко поддѣланною фамиліей, на котораго и обрушивается вся чернильная злоба патріотовъ и т. д. Но этого мало; строго держась правила игнорировать Россію и все русское, армянская печать крайне внимательна въ то же время ко всему, что въ той или иной мѣрѣ набрасываетъ тѣнь на нравственную сторону русской жизни. Случаи убійства, грабежа, воровства и разнаго рода насилій со страницъ русскихъ газетъ заимствуются армянскими изданіями съ большимъ усердіемъ, и случается, что въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ о Россіи нѣтъ ни единаго слова, можно встрѣтить цѣлый букетъ криминальныхъ сообщеній, разсчитанныхъ, конечно, на извѣстный эффектъ: вотъ, молъ, что только мы можемъ сказать интереснаго о Россіи. Вы берете иную армянскую газету и, познакомясь съ ея содержаніемъ, невольно задаете себѣ вопросъ: гдѣ, въ какомъ государствѣ она печатается? И только цензорская дата, изображенная по-русски, разрѣшитъ отчасти ваше недоумѣніе. Поэзія и беллетристика всецѣло преслѣдуютъ тѣ же узко-національныя цѣли и дѣлаютъ свое дѣло тѣмъ легче, что въ стихахъ, повѣсти, или разсказѣ гораздо удобнѣе провести свою мысль, чѣмъ, напримѣръ, въ политической статьѣ или въ какой-нибудь тенденціозной корреспонденціи. Немаловажнымъ подспорьемъ литературѣ и журналистикѣ являлись, между прочимъ, дозволенныя русскою цензурой хромолитографированныя картины, изображавшія армянскихъ царей и имѣвшія надпись: „Слава Арменіи“ (sic.), разные патріотическіе сборники пѣсенъ, вродѣ „Соловья Арменіи“ и т. п. Тихо и мирно шло дѣло національзаціи армянской общественной мысли, не встрѣчая себѣ препятствій, не возбуждая ничьего вниманія. Вѣрнымъ шагомъ оно подвигалось впередъ, давая о себѣ знать лишь въ немногихъ, правда симптоматическихъ, но по формѣ не опас-

Digitized by Google

ныхъ проявленіяхъ. Смутно какъ-то сознавалось начинавшееся броженіе среди армянъ, и ему не придавалось особеннаго значенія. Былъ, впрочемъ случай, который могъбы заставить трезвѣе и серіознѣе взглянуть на дѣло, но и онъ, можно сказать, прошелъ незамѣченнымъ, оставивъ по себѣ лишь слабый слѣдъ. Мы имѣемъ въ виду кандидатуру смирнскаго архіепископа Мельхиседека Мурадвяна, послѣ кончины католикоса Кеворка VI, избраннаго ему въ преемники. Это было въ восьмидесятыхъ годахъ, и депутаты отъ армянъ со всѣхъ концовъ міра,—слѣдовательно, и отъ русскихъ армянъ—выразили желаніе своимъ избраніемъ архіепископа Мельхиседека видѣть на посту католикоса—іерарха, извѣстнаго своей нетерпимостью къ Россіи и всему русскому, явно обнаружившему эти свои свойства, въ изданной имъ „Исторіи Армянской церкви“. Какъ извѣстно, избраніе это не получило утвержденія, но вызывающій фактъ избранія самъ по себѣ говорилъ уже многое. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда безпорядки среди турецкихъ армянъ съ очевидностью сказывались на настроеніи ихъ русскихъ собратьевъ, наша печать отнеслась къ вопросу такъ, какъ-будто турецкія событія имѣли для насъ значеніе лишь случайнаго инцидента. Правда, въ одной большой московской газетѣ появилась въ то время замѣтка, разъяснявшая истинныя пружины движенія, но она осталась безъ отклика, какъ прошла незамѣтною и корреспонденція изъ Баку въ ту же газету о большомъ транспортѣ оружія, отправленнаго въ нефтяныхъ бочкахъ къ турецкой границѣ.

II.

Чтобы понять армянскій вопросъ, необходимо имѣть въ виду историческій моментъ, вызвавшій первые побѣги движенія, принявшаго нынѣ столь угрожающіе размѣры. Эпоха Берлинскаго конгресса открыла армянамъ тѣ радужныя перспективы, на почвѣ которыхъ впослѣдствіи выросла грандіозная утопія „Великой Арменіи“. Берлинскій трактатъ, предусмотрѣвшій въ 61 ст. реформы въ армянскихъ провинціяхъ Турціи, развилъ лишь непомѣрные аппетиты тѣхъ, въ чьихъ интересахъ онъ ратовалъ. Въ славянскихъ народахъ, освобожденныхъ отъ турецкаго ига и призванныхъ къ независимой политической жизни, армяне нашли оправданіе своимъ стремленіямъ, выходящимъ далеко за предѣлы реформъ, обѣщанныхъ Берлинскимъ трактатомъ. Съ этого именно времени начинается пропаганда національной идеи, и печать

Digitized by Google

первая является въ роли піонера армянскаго патріотизма. Чисто мѣстный вопросъ о реформахъ, предусмотрѣнныхъ Берлинскимъ трактатомъ обращается въ обще-армянскій національный, въ которомъ нѣтъ ни турецкихъ, ни русскихъ, ни персидскихъ армянъ, а есть одна нераздѣльная нація, стремящаяся осуществить грезящіеся ей политическіе идеалы. Трудъ, предстоявшій заправиламъ національнаго дѣла, былъ громадный; нужно было все начинать сызнова, ибо какое наслѣдіе отъ прошлаго могло сохраниться у народа, пять вѣковъ назадъ сошедшаго со страницъ исторіи?

Армянская масса, мирная, трудолюбивая и вѣрноподданная, чужда, конечно, побужденій, выходящихъ за предѣлы ея обыденныхъ интересовъ и нуждъ, и не лелѣетъ никакихъ воспоминаній объ Арменіи, никакихъ надеждъ на ея возстановленіе. Надобно было, значитъ, вызвать сначала интересъ къ прошлому, связать съ нимъ запросы настоящаго и надежды на будущее, и вотъ открывается по истинѣ изумительная работа въ цѣляхъ возбужденія національной идеи. Въ сравнительно короткій промежутокъ времени начинаютъ уже проявляться и плоды многосложныхъ усилій,—и „національное самосознаніе," какъ любили выражаться создатели армянскаго патріотизма, весьма ощутительно обнаруживается и тамъ, гдѣ раньше о немъ ничего не было слышно. Въ Нью-Іоркѣ, Марсели, Лондонѣ и Тифлисѣ армянская печать служитъ одному и тому же знамени, съ тою только разницей, что не вездѣ она можетъ говорить съ одинаковою откровенностью и прямолинейностью. Идея „Великой Арменіи" пропагандировалась на всѣ лады при помощи всякаго рода историческихъ натяжекъ и преувеличеній, вызывая то національное самомнѣніе, которое составляетъ характерную черту армянскаго патріотизма; армянскія газеты, книги и брошюры, появившіяся за послѣдніе десять, двѣнадцать лѣтъ въ разныхъ пунктахъ Западной Европы, воюютъ главнымъ образомъ противъ Россіи и Турціи, армянская же печать этой послѣдней до такой степени враждебно настроена противъ Россіи и всего русскаго, что лишь незначительное число тамошнихъ армянскихъ изданій находитъ себѣ доступъ въ Россію. Впрочемъ, нужно отдать справедливость ловкости и пронырству заграничныхъ армянскихъ литераторовъ, находящихъ возможность обходить русскую цензуру и пересылающихъ намъ свои изданія въ конвертахъ подъ видомъ простой корреспонденціи. Армяне пытались доказать

Digitized by Google

всему свѣту, что ихъ прошлое даетъ имъ право разсчитывать на независимую жизнь и что для этого они обладаютъ всѣми необходимыми условіями, что теперь, когда національная идея дѣлаетъ такія завоеванія, было бы странно требовать съ ихъ стороны безусловнаго примиренія съ настоящимъ порядкомъ вещей. „Арменія“ — вотъ символъ, вдохновляющій и воодушевляющій армянскій патріотизмъ. Слово это изъ области отвлеченныхъ представленій и призраковъ обращается мало-по-малу въ нѣчто какъ-бы реальное,—и даже тамъ, гдѣ на него слѣдовало бы смотрѣть просто какъ на метафору, ему стараются навязать иной болѣе глубокій смыслъ. Здѣсь кстати мы не можемъ умолчать о рѣчи католикоса Мырктича I, сказанной имъ прошлымъ лѣтомъ въ Петербургѣ въ армянской церкви. Обращаясь къ своимъ слушателимъ, католикосъ, отвѣчая на имъ же самимъ поставленный вопросъ: „жива-ли, здрава-ли Арменія“, говоритъ о всяческомъ ея преуспѣяніи, объ ея здравіи и долгоденствіи. Слово „Арменія“ въ устахъ католикоса произвело нѣкоторую сенсацію и вызвало всевозможные толки. Что, въ самомъ дѣлѣ, разумѣлъ его святѣйшество подъ словомъ „Арменія“? Какъ терминъ географическій— это абсурдъ, какъ политическій... но, очевидно, ничего подобнаго нельзя допустить въ устахъ первенствующаго іерарха армянской церкви, прибывшаго въ столицу своего государя для выраженія Ему вѣрноподданическихъ чувствъ. Изъ дальнѣйшаго теченія рѣчи возникаетъ еще одинъ вопросъ, на которомъ не мѣшаетъ остановиться. Оповѣстивъ, что Арменія „жива и здрава“, католикосъ указываетъ на Мидянъ и Ассирійцевъ, много вѣковъ назадъ исчезнувшихъ съ лица земли, тогда какъ сосѣди ихъ Армяне и понынѣ „живутъ и здравствуютъ“. Что хотѣлъ оттѣнить католикосъ этою историческою справкой? Пути Провидѣнія неисповѣдимы, и тотъ фактъ, что отъ Мидянъ и Ассирійцевъ нѣтъ и слѣда, Армянамъ-же суждено было пережить свою исторію никакъ нельзя ставить въ осужденіе первымъ и въ заслугу вторымъ.

III.

Съ какой стороны ни смотрѣть на армянское движеніе въ Турціи, гдѣ ни искать вызвавшихъ его причинъ, въ мусульманской-ли нетерпимости, въ агитаціи-ли извнѣ, необходимо однако признать въ немъ наличность революціоннаго элемента, какъ

Digitized by Google

главнаго и неоспоримаго фактора. Трудно, правда, разобраться въ томъ хаосѣ разнорѣчивыхъ сообщеній, какими изобилуетъ за послѣднее время европейская печать, но не нужно особаго напряженія мысли, чтобы догадаться. гдѣ скрыты истинныя пружины движенія и въ чьихъ интересахъ всячески его поддерживать. Еще покойный М. Н. Катковъ видѣлъ въ турецкихъ Армянахъ „буферъ“ для Англіи противъ Россіи, и факты послѣдняго времени убѣдительно говорятъ, какъ вѣрно распозналъ великій русскій патріотъ личину своекорыстныхъ симпатій Англіи къ Армянамъ. Ловко воспользовавшись броженіемъ среди Армянъ, явно обнаружившимся послѣ Берлинскаго конгреса, Англія стала всячески поддерживать ихъ національныя стремленія, пріютивъ у себя центральное учрежденіе, сосредоточивающее въ себѣ главныя нити армянской агитаціи. Англо-армянскій комитетъ, успѣвшій за послѣднее время вполнѣ обнаружить воодушевляющія его цѣли и планы, развился, благодаря англійскому гостепріимству, и, работая изъ Лондона, даетъ опредѣленную окраску всему армянскому вопросу.

Разсчетъ Англіи на турецкихъ Армянъ, какъ орудіе ея политики на востокѣ противъ Россіи, имѣетъ вѣскія основанія, подтверждая лишній разъ ту несомнѣнную истину, что эта держава всегда прекрасно знаетъ, гдѣ и чѣмъ она можетъ воспользоваться ради своихъ всесокрушающихъ интересовъ. Вражда и злоба турецкихъ Армянъ къ Россіи и недовѣріе къ ней настолько очевидны и такъ часто даютъ о себѣ знать даже въ мелочахъ, что наторѣвшей въ интригахъ Англіи не стоило особеннаго труда прибрать ихъ къ рукамъ, связавъ задачи своей политики на востокѣ съ дѣломъ національнаго движенія Армянъ. Вопросъ же о турецкихъ звѣрствахъ, ничѣмъ якобы не вызванныхъ Армянами, не можетъ, по нашему мнѣнію, подлежать обсужденію, ибо для этого нѣтъ безпристрастныхъ, строго провѣренныхъ данныхъ; полагаться же на слова заинтересованныхъ сторонъ—нѣтъ, конечно, разумнаго основанія. Необходимо кстати отмѣтить тотъ несомнѣнный фактъ, что лишь съ эпохи Берлинскаго трактата обостряются отношенія Турокъ къ ихъ подданнымъ Армянамъ, раньше же не было замѣтно такого взаимнаго ожесточенія.

Такимъ образомъ, армянскій вопросъ въ настоящемъ его фазисѣ сводится, во-первыхъ, къ домогательствамъ Армянъ добиться возможно полной автономіи и, во-вторыхъ, къ усиліямъ

Digitized by Google

Англіи создать себѣ въ турецкихъ Армянахъ боевой оплотъ противъ Россіи. Насчитывая у себя дома болѣе чѣмъ милліонное армянское населеніе, Россія, въ виду всего выше сказаннаго, не можетъ поощрять политическія мечтанія Армянъ и никогда не допуститъ у себя подъ бокомъ враждебнаго ей независимаго армянскаго царства. Какъ держава православно-христіанская, безкорыстно охраняющая интересы мира, правды и справедливости, Россія оказываетъ свое мощное вліяніе на улаженіе армянскаго вопроса, но лишь въ границахъ, отвѣчающихъ ея государственнымъ запросамъ. Слѣдуетъ твердо помнить, что армянскій вопросъ давно уже вышелъ изъ рамокъ 61 ст. Берлинскаго трактата и что національная идея сдѣлала большіе успѣхи среди русскихъ Армянъ. Они живо интересуются событіями въ Турціи и всячески стараются выразить сочувствіе и поддержку своимъ зарубежнымъ собратьямъ. Не касаясь другихъ проявленій этого сочувствія, мы остановимся здѣсь на тѣхъ изъ нихъ, какія кажутся намъ наиболѣе внушительными. Мы упомянули уже выше о большомъ транспортѣ оружія, отправленнаго въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ изъ Баку къ турецкой границѣ; минувшимъ же лѣтомъ въ Баку были задержаны возбудившіе подозрѣніе ящики, прибывшіе съ Нижегородской ярмарки и имѣвшіе надпись „скобяной товаръ“. Въ этихъ ящикахъ оказалось разнаго рода оружіе, предназначавшееся къ отправкѣ въ Турцію. Мы не станемъ говорить здѣсь, можно-ли оправдать такой контрабандный патріотизмъ русскихъ Армянъ, но, въ виду могущихъ возникнуть на этотъ счетъ разногласій, приведемъ одно соображеніе. Допустимъ, напримѣръ, что въ Познани или въ Галиціи обнаружилось движеніе въ пользу „одбудованія ойчизны“, на которое откликнулись бы русскіе Поляки; какъ, спрашивается, должна была бы тогда русская правительственная власть взглянуть на гражданскую лойяльность своихъ польскихъ подданныхъ?

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ Всеволодъ Крестовскій печаталъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* свои путевые наброски подъ общимъ заглавіемъ: „По Закавказской границѣ“. Подъ живымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго, нашъ, нынѣ покойный, писатель вынужденъ былъ сказать, что настанетъ время, и оно не за горами, когда армянскій вопросъ отодвинетъ на задній планъ вопросъ польскій. Предсказаніе это едва-ли грѣшитъ противъ истины...

X.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Краткій обзоръ 1895 года.

Истекшій 1895 годъ былъ, въ общемъ, довольно счастливымъ годомъ для нашего Отечества, и въ теченіе его успѣли еще болѣе окрѣпнуть нѣкоторые изъ тѣхъ вѣковыхъ устоевъ русской народной жизни, которые были расшатаны въ періодъ погони за иноземными идеалами и въ эпоху слишкомъ поспѣшно и не всегда осмотрительно вводившихся реформъ.

На укрѣпленіе этихъ устоевъ, „на коихъ зиждется Россійская земля", пошло все царствованіе въ Бозѣ почивающаго Великаго Государя Александра Александровича, который Своею чисто русскою душой понялъ, что „пора намъ жить своимъ умомъ и быть самими собой, безъ чего никакія преобразованія и улучшенія въ прокъ не пойдутъ". [1].

Но Царь-Миротворецъ отошелъ въ вѣчность, прежде чѣмъ всѣ Его подданные успѣли научиться жить своимъ умомъ, не шатаясь по задворкамъ чужихъ заблужденій.

И не успѣли опустить гробъ съ прахомъ почившаго Царя въ могилу, какъ раздались уже неосмысленные, но дерзкіе голоса, требовавшіе, во имя безпочвенной доктрины, отреченія именно отъ этихъ вѣковыхъ устоевъ Русской земли.

Страннымъ диссонансомъ звучали эти голоса, особенно послѣ словъ державнаго манифеста Юнаго Государя, въ которомъ высказывалось намѣреніе Его править Россіей „по завѣтамъ усопшаго Родителя", и среди всеобщаго горя, горячихъ слезъ и громкихъ рыданій, которыми провожала Русская земля въ могилу своего любимаго Царя.

[1] Слова изъ передовой статьи М. Н. Каткова, 2 марта 1881 года.

Digitized by Google

Не долго, однако, пришлось этимъ голосамъ вносить въ русскую жизнь диссонирующіе звуки.

17 января 1895 года Государь мощно подтвердилъ Свое непреклонное желаніе охранять устои русской жизни такъ же твердо, какъ охранялъ ихъ Александръ III, и, услышавъ эти державныя слова, радостно вздохнула Русская земля...

Эти слова значительно разсѣяли туманъ болѣзненныхъ мечтаній; они вновь твердо и ясно указали тотъ путь самобытности, съ котораго Россія *никогда* не должна сходить, если хочетъ оставаться сама собой, если хочетъ выработать и дать міру нѣчто *свое,* если хочетъ быть счастливою, могучею.

Такъ счастливо начался для Россіи новый 1895 годъ.

Многое въ дальнѣйшемъ еще болѣе содѣйствовало успокоенію общества, приведенію въ порядокъ разстроенныхъ его элементовъ и созданію новыхъ благопріятныхъ для дальнѣйшаго мирнаго развитія и преуспѣянія условій.

Мы остановимся только на немногихъ фактахъ.

Давно сознаніе мыслящихъ людей тревожила ненормальная постановка въ Россіи дѣла начальнаго народнаго образованія.

Не то было бѣдой, что школъ было мало, ибо увеличеніе ихъ числа—это лишь вопросъ времени, а то было печально, что въ большинствѣ ихъ обученіе народа велось далеко не такъ, какъ слѣдуетъ, нерѣдко по образцамъ и программамъ, чуждымъ духу Русскаго народа, для него непонятнымъ и нежелательнымъ.

Наступало время дать народу школу отвѣчающую его потребностямъ и затаенному желанію, надо было создать или, вѣрнѣе сказать, возстановить типъ такой школы, которая содѣйствовала бы правительству въ его святой задачѣ укрѣпленія нравственныхъ устоевъ русской жизни.

Дѣло созданія такой школы было начато въ Бозѣ почившимъ Государемъ.

Его Державный Преемникъ съ успѣхомъ продолжилъ дѣло Своего Родителя и упрочилъ существованіе такихъ школъ, которыя ставятъ своею задачей дать Русскому народу грамотность и начатки образованія, не отрывая его отъ Церкви и отъ добрыхъ завѣтовъ старины.

Вообще истекающій годъ былъ богатъ разными начинаніями на пользу народнаго начальнаго образованія. Въ числѣ другихъ мѣръ, направленныхъ къ этой цѣли, нельзя не упомянуть и о

Digitized by Google

состоявшемся недавно переходѣ Комитетовъ Грамотности въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Это показываетъ, что правительство, какъ опытный полководецъ, собираетъ въ свои руки управленіе всѣми силами, могущими пригодиться ему въ дѣлѣ исполненія своей просвѣтительной миссіи и въ стояніи на стражѣ исконныхъ русскихъ началъ.

Поднятію экономическаго благосостоянія народа, которое тоже пришло въ значительный упадокъ послѣ эпохи реформъ, правительство въ истекшемъ году также посвящало не мало заботъ. И въ этомъ отношеніи истекающій годъ будетъ помянутъ добромъ. Продолжающіяся заботы о введеніи казенной продажи вина, имѣющія въ виду не столько финансовыя задачи, сколько ослабленіе пьянства въ народѣ; распространеніе сельско-хозяйственнаго и техническаго образованія; наконецъ, послѣдняя реформа Крестьянскаго Банка — этотъ важный шагъ въ области борьбы съ крестьянскимъ безземеліемъ — вотъ что было сдѣлано въ 1895 году для поднятія экономическаго благосостоянія народа.

Какъ бы оно высоко, впрочемъ, ни стояло, бываютъ времена, когда вслѣдствіе тѣхъ или другихъ стихійныхъ бѣдствій или неудачъ, является нужда въ чрезвычайныхъ мѣрахъ помощи нуждающемуся и безработному населенію. Для сего, въ исполненіе Христовой заповѣди о любви, по всей Россіи учреждаются теперь Дома Трудолюбія, которые именно должны приходить на помощь нуждающимся и безработнымъ. Подъ высокимъ покровительствомъ Государыни Императрицы дома эти несомнѣнно процвѣтутъ и принесутъ свою великую пользу всѣмъ обездоленнымъ, голоднымъ и холоднымъ. Особенно стало увеличиваться число пожертвованій на это благое дѣло послѣ рожденія у Царской Четы Дочери, Великой Княжны Ольги Николаевны. Русскій народъ, всегда чуткій къ Царскимъ радости и горю, и желая выразить реально свои чувства, не нашелъ ничего лучшаго, конечно, какъ сугубо откликнуться на призывъ Царицы и принести свою лепту на доброе дѣло, взятое Ею подъ Свое покровительство.

Въ административномъ управленіи Россіей за истекшій годъ произошло нѣсколько перемѣнъ; хотя онѣ у насъ и не имѣютъ существеннаго значенія, такъ какъ у насъ министры являются только *ближайшими слугами Царя* и исполнителями *Его* предначертаній, но мы считаемъ не лишнимъ остановиться и на нихъ.

Digitized by Google

Особенно значительнымъ является назначеніе на постъ предсѣдателя Комитета Министровъ бывшаго министра Внутреннихъ Дѣлъ И. Н. Дурново. Его испытанная опытность и непреклонная преданность лучшимъ завѣтамъ Россіи несомнѣнно сослужатъ не малую службу на его новомъ посту, гдѣ ему придется принимать участіе въ обсужденіи очень важныхъ государственныхъ вопросовъ. Назначеніе преемникомъ И. Н. Дурново такого человѣка, какъ тайный совѣтникъ И. Л. Горемыкинъ, извѣстный знатокъ крестьянскихъ дѣлъ, даетъ намъ увѣренность, что крайне трудная и важная задача, оставленная ему его предшественникомъ—дальнѣйшее устроеніе и усовершенствованіе института земскихъ начальниковъ, внесеніе въ деревню законности на мѣсто безпорядка—при немъ получитъ лишь дальнѣйшее развитіе, къ вящему устраненію всякихъ неустройствъ сельской жизни.

Въ области финансовой политики нашего государства надо упомянуть о продолжающихся энергичныхъ попыткахъ придать устойчивость нашему курсу, каковая мѣра не только отразится благопріятно на общемъ благосостояніи нашего отечества, но въ значительной степени будетъ содѣйствовать процвѣтанію нашего высшаго земледѣльческаго класса, помѣстнаго дворянства, сильно страдавшаго отъ колебаній курса и отъ связанныхъ съ этимъ цѣнъ на хлѣбъ.

Отмѣчая свѣтлыя стороны минувшаго года, мы увѣрены, что жизненная правда скоро разсѣетъ и послѣдніе остатки былыхъ увлеченій, когда-то густымъ туманомъ окутывавшихъ русскую дѣйствительность.

Такими мыслями мы провожаемъ истекающій годъ и встрѣчаемъ наступающій.

Да будетъ онъ, какъ и 1895 годъ, годомъ дальнѣйшаго усиленія русскаго національнаго чувства, годомъ утвержденія старорусскихъ завѣтовъ, годомъ разсѣянія миражей и мечтаній, годомъ, который еще болѣе приблизитъ насъ къ полному исцѣленію отъ тѣхъ заблужденій, въ которыя впадали мы, слѣдуя по чуждому намъ пути и отрекаясь отъ своей русской народной культуры.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Внѣшняя политика Россіи за 1895 годъ.

Внѣшняя политика Россіи за прошлый годъ, слѣдуя тому направленію, которое придалъ ей Императоръ Александръ III, получила болѣе активный характеръ, нежели въ предшествующіе годы. Вызвано это было отчасти тѣмъ, что во главѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ вмѣсто скончавшагося статсъ-секретаря Гирса былъ поставленъ (въ мартѣ) князь Лобановъ-Ростовскій, но главнымъ образомъ политическими обстоятельствами.

Въ началѣ года Англія продолжала еще заигрыванія съ Россіей, и въ Лондонѣ находились люди, которые серьозно вѣрили въ возможность сближенія съ Россіей, не допуская мысли, чтобы правительство лорда Розбери вело двуличную игру. Осложненія на Востокѣ показали искренность этой политики. Англія во время Китайско-Японской войны въ началѣ стала на сторону Китая и стала поддерживать правительство богдыхана, надѣясь въ сильной Китайской имперіи найти сторонника противъ Россіи. Но когда быстрыя и легкія побѣды Японцевъ выказали всю внутреннюю слабость Китайской имперіи, Англія перешла на сторону побѣдителя, въ твердомъ убѣжденіи, что молодая военная держава явится Россіи даже болѣе опаснымъ врагомъ, нежели хилый Китай.

Такой разчетъ былъ вѣренъ при условіи, что Россія не выйдетъ изъ своего сдержаннаго положенія и примирится съ измѣнившимися обстоятельствами. Разсчеты оказались совершенно ошибочными. Захватъ Японцами Китайской территоріи близко затрогивалъ важные государственные интересы Россіи, и Императорское правительство заявило протестъ противъ договора въ Шимоносеки. Не лишая Японію права требовать должнаго вознагражденія по своему усмотрѣнію, Россія высказалась противъ всякаго территоріальнаго пріобрѣтенія на континентѣ, и протестъ, поддержанный Франціей и Германіей, заставилъ Японію

Digitized by Google

отказаться отъ завоеванныхъ провинцій. Англія окончательно проиграла игру.

Какъ-бы предчувствуя такой исходъ, кабинетъ лорда Розбери поспѣшилъ вызвать затрудненія въ Турціи, создавъ путемъ усиленной атитаціи вопросъ объ армянскихъ звѣрствахъ. Разсчитывая на всегдашнюю готовность Россіи оказывать покровительство христіанамъ и помня о потокахъ крови, пролитой Россіей для освобожденія христіанскихъ народовъ Турціи, въ Лондонѣ надѣялись заранѣе, что страданія Армянъ заставятъ Россію выступить противъ Турціи. Война съ Турціей, на которую разсчитывали, заставила бы Россію сосредоточить свое вниманіе и свои силы на Босфорѣ, и Англія получила бы на Дальнемъ Востокѣ свободу дѣйствій. Однако, и здѣсь счастье измѣнило Англіи. Русское правительство сразу разгадало тайные мотивы англійской политики и немедленно присоединилось къ предложеніямъ Англіи, но только съ тѣмъ, чтобы сдерживать англійскихъ дипломатовъ и не дать Англіи возможности создать такія затрудненія, разрѣшеніе которыхъ было бы возможно только путемъ оружія. Для Россіи поднятіе турецкаго вопроса было несвоевременнымъ, и она удержала вопросъ о реформахъ въ тѣхъ границахъ, которыя отвѣчали ея интересамъ. И здѣсь, какъ на Тихомъ Океанѣ, Россія получила поддержку со стороны Франціи и Германіи, хотя не столько эта поддержка, сколько принятыя военныя мѣры на Черномъ морѣ, повліяли на рѣшеніе Англіи, понявшей, что эти мѣры направлены не противъ Турціи.

Такимъ образомъ мирная политика Россіи, подъ водительствомъ Юнаго Державнаго Кормчаго, вышла съ торжествомъ даже изъ такихъ обстоятельствъ, которыя въ виду защиты русскихъ интересовъ могли привести къ вооруженному столкновенію. Это можетъ служить важнымъ подтвержденіемъ удачнаго назначенія на постъ министра Иностранныхъ Дѣлъ князя Лобанова-Ростовскаго, который пользуется большимъ уваженіемъ въ дипломатическомъ мірѣ, и съумѣлъ всюду укрѣпить убѣжденіе, что онъ является исполнителемъ только мирной политики. Престижъ Россіи не только не умалился, но значительно возросъ, и голосъ Россіи не потерялъ ничего изъ того значенія, которое придала ему мудрая политика Александра III. Въ новый годъ Россія вступаетъ, находясь въ лучшихъ отношеніяхъ ко всѣмъ державамъ и увѣренная, что европейскій миръ не будетъ нарушенъ безъ воли Россіи.

Digitized by Google

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Русскаго Обозрѣнія“ въ теченіе декабря мѣсяца 1895 г.

С. А. Венгеровъ. Русскія книги. Съ библіографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893). Вып. II. Аддисонъ-Акафистъ. Изд. Г. В. Юдина СПБ. 1895 г.

Ек. Бекетова (Краснова). Разсказы. Посмертное изданіе. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

М. О. Островскій. Русская Европейская война 1900—1915 гг. Изд. второе. Житомиръ. 1896 г. Ц. 20 к.

А. Е. Зоринъ. Повѣсти и разсказы. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Э. Э. Кернъ. Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. Тула. 1896 г. Ц. 1 р.

Н. Шестуновъ. Движеніе ссудъ въ бывшемъ золотомъ банкѣ съ 1867 по 1894 г. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.

А. А. Тжаска. Русская азбука. Москва. 1896 г. Ц. 30 к.

Бесѣды объ огородѣ. Для учащихся въ сельскихъ школахъ и грамотнаго народа. Изд. III. И. Ѳ. Жиркова. Москва. 1895 г. Ц. 25 к.

А. Верещагинъ. У Болгаръ и заграницей. Съ портретами. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

А. Л. Волынскій. Русскіе критики. Литературные очерки. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

М. А. Берновъ. На ходу. Досуги русскаго пѣшехода, сдѣлавшаго 12.000 верстъ по бѣлу свѣту. Съ портретомъ и біографіей автора. Изд. книжн. магаз. А. Г. Кольчугина. Ц. 50 к.

Вл. Гиляровскій. Забытая тетрадь. Изданіе 2-е. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.

А. П. Липранди (А. Волынецъ). Румынія и тройственный союзъ. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Наша общественная и промышленая жизнь. Иллюстрированный календарь-альманахъ на 1896 г. Варшава. 1895 г.

З. Н. Гиппіусъ. Новые люди. Разсказы. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

И. К. Маккавейскій. Религія и народность, какъ основы воспитанія. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Кіевской Духовной Академіи 26 сентября 1895 года. Кіевъ. 1895 г. Ц. 30 к.

П. Шейминъ. Приватъ-доцентъ Новорос. Университета. **Учебникъ права внутренняго управленія.** (Полицейскаго права). Особенная часть. Одесса. 1895 г. Ц. 30 к.

В. Н. Жукъ. Какъ мать должна кормить ребенка. Общедоступно изложенные совѣты. Москва. 1896 г. Ц. 50 к.

Н. М. Минскій. Стихотворенія. Изданіе третье. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Эдгаръ По. Таинственные разсказы. Перев. съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Изд. князя А. И. Урусова. Москва. 1895 г. Ц. 1 р.

І. И. Пашковъ. Житница. Раціональное руководство къ постоянному возвышенію урожаевъ и къ противодѣйствію засухъ при посредствѣ солнечнаго удобренія. Второе изданіе. Москва. 1895 г. Ц. 20 к.

Сборникъ постановленій Вятскаго Губернскаго Земства за 25 лѣтъ. (1867—1892). Томъ I—V. Вятка. 1894 г.

Сводъ доходовъ и расходовъ Вятскаго Губернскаго Земства за 1868—1895 года. Вятка. 1895 г.

Проф. Д. Овсянико-Куликовскій. Языкъ и искусство. Изданіе І. Юровскаго. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.

Алексѣй Фонъ-Риттеръ. Набро-

Digitized by Google

ски. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1896 г. Ц. 50 к.

Его-же. Нюта. Разсказъ. Изд. Гербекъ. Москва. 1895 г. Ц. 15 к.

Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Издана подъ редакціею К. Я. Грота. Томъ I. Съ приложеніемъ портретовъ Грота и Плетнева. Сбп. 1896 г. Ц. 3 р.

Н. Страховъ Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Книжка третья. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Врачъ П. Латышевъ. Здоровье. Бесѣды о томъ, какъ устроено человѣческое тѣло и чѣмъ оно живетъ. Изд. И. Ѳ. Жиркова. Москва 1895 г. Ц. 25 к.

М. И. Кулишеръ Разводъ и положеніе женщины. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Н. Фонъ-Циглеръ. Нѣмецко-русскій карманный словарь. Коллекція карманныхъ словарей. Подъ редакціей Э. Гокинса. Южно-Русское книгоиздательство. Ф. А. Іогансона. Кіевъ и Харьковъ. 1896 г. Ц. 60 к.

Руководство къ кройкѣ бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго для школьнаго и домашняго употребленія. Съ 8-го нѣмецкаго изданія Переводъ Маріи Линдеманъ. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1896 г. Ц. съ пересылкою 1 р. 25 к.

Леонидъ Денисовъ. Цѣною вѣры. Романъ изъ жизни современныхъ раскольниковъ. Москва. 1896 г. Ц. 1 р.

Павелъ Кротъ. Психографія I. Что такое психографія? Москва. 1895 г. Ц. 10 к

Проф. А. А. Царевскій. Императоръ Александръ II—Освободитель въ памяти народа своего. По поводу открытія памятника Александру II въ Казани. 30-го августа 1895 г. Казань. 1896 г. Ц. 50 к.

О. К. Нотовичъ. Любовь. Философско-психологическій этюдъ.—Красота, критико-философскій этюдъ. Предисловіе Ц. Ломброзо и Г. Феррero.—Письма къ автору съ Олимпа. Д. Л. Мордовцева. Изданіе пятое. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Г. Вучетичъ. Соловей. Разсказъ для дѣтей. Съ рисункомъ худ. Н. Д. Кузнецова. Изданіе Н. Г. Вучетича. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.

Проф. И. И. Янжулъ. Вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ область промышленности. Изд. I. Юровскаго. Спб. 1895 г. Ц. 15 коп.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Орловской губерніи. Томъ VIII. Орловскій уѣздъ. Съ 2 картограммами. Изданіе Орловскаго губернскаго земства. Орелъ. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Петруша Перловъ. Разсказъ для дѣтей старшаго возраста. Изъ временъ отечественной войны 1812 г. Москва. 1896 г. Ц. 1 р.

И. Т. Тарасовъ. Учебникъ науки полицейскаго права. Выпускъ четвертый. Москва. 1896 г. Ц. 2 р.

Л. Фигье Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. Часть I. Перев. съ 3-го изданія М. Гогунцова. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Разсужденіе Ивана Пасмурнаго по поводу статьи Г. Кремлева. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.

П. А. Гейсманъ. Начальникъ „деташемента“ арміи Императрицы Екатерины Великой подполковникъ Гейсманъ. Спб. 1895 г.

Его-же. Нѣсколько мыслей по вопросу объ отношеніяхъ стратегіи къ политикѣ. Спб. 1895 г.

Ѳедоръ Сологубъ. Стихи. Книга первая. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Преимущественно современные французскіе лирики въ краткихъ біографіяхъ и произведеніяхъ. Е Зетъ. (Изданіе второе) 1888—1893 гг. Москва. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ялта по однодневной переписи 15 декабря 1892 года. (Обработано санитарнымъ врачемъ г.

Digitized by Google

Ялты, П. П. Розановымъ. Симферополь. 1895 г.

Д. И. Иловайскій. Мелкія сочиненія, статьи и письма 1856—1895 гг. Выпускъ первый и второй. Москва. 1896 г. Ц. 4 р.

А. Н. Харузинъ. Къ вопросу о происхожденіи киргизскаго народа. Москва. 1895 г.

Г. Воскресенскій. Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода *Евангелія* отъ *Марка* по сто двѣнадцати рукописямъ евангелія XI—XVI вв. Москва. 1896 г. Ц. 2 р.

Иллюстрированная библіотека Нивы на 1896 г. Потерянный и возвращенный рай. Джона Мильтона. Съ картинами Густава Доре. Перев. подъ ред. Шульговской. Съ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ. Выпускъ первый.

К. Бальмонтъ. Въ безбрежности. Стихотворенія. Цѣна 1 рубль. Москва. 1895 г.

Въ конторѣ журнала продаются слѣдующія изданія:

К. П. Побѣдоносцевъ. Ле-Плѐ. М. 1893. Ц. 1 руб. (въ ограничен. числѣ экземпл.).

К. Н. Леонтьевъ. Востокъ, Россія и Славянство. 2 тома, по 1 р. 50 к. каждый.

Л. А. Тихомировъ. Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи. Москва. 1893 г. Ц. 20 к.

А. П. Владиміровъ. О русскомъ землевладѣніи въ Сѣверо-Западномъ краѣ. М. 1893 г. Ц. 75 к.

Г. П. Георгіевскій. Апокрифическое сказаніе. Москва. 1893 г. Ц. 10 к.

Князь Д. Н. Цертелевъ. Стихотворенія. 1883—1891. Москва. 1892 г. Ц. 2 руб.

Ю. Николаевъ. Очерки современной беллетристики. В. Г. Короленко. Москва 1893 г. Ц. 75 к.

Его-же. Тургеневъ. Критическій этюдъ. М. 1894. Цѣна 1 руб.

Н. И. Черняевъ. О русскомъ самодержавіи. Ц. 75 к.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

(СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Выходитъ въ Москвѣ **безъ предварительной цензуры**, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками до **30** печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Постоянные отдѣлы журнала слѣдующіе: 1) **Изящная словесность** (Оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія и т. д). 2) **Наука** (философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч.) 3) **Искусство** (обозрѣнія театральныя, музыкальныя, художественныя и др.) 4) **Воспоминанія**. 5) **Путешествія**. 6) **Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей**. 7) **Критика и библіографія** (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ литературы, новости иностранной журналистики и обозрѣніе духовныхъ журналовъ.) 8) **Вопросы церковной жизни**. 9) **Современные вопросы**. 10) **Лѣтопись печати**. 11) **Внутреннее обозрѣніе**. 12) **Иностранное обозрѣніе**. 13) **Иностранныя корреспонденціи**. 14) **Экономическія замѣтки**. 15) **Областной отдѣлъ** (письма и сообщенія изъ провинціи.) 16) **Объявленія**.

Въ 1895 году въ „Русск. Обозр." было, между прочимъ, напечатано:

Д. В. Аверкіева: Переводъ трагедіи Шекспира Гамлетъ, Принцъ Датскій. **А. Ф. Адамовича:** Мысли обывателя. **И. С. Аксакова:** Письма къ О. А. Новиковой. **А. А. Александрова:** Стихотворенія. **Б. Н. Almазова:** То-же. **К. Альбинскаго:** То-же. **Проф. А. С. Архангельскаго:** С. Т. Аксаковъ (Дѣтство и студенчество). **К. Д. Бальмонта:** Стихотворенія. **С. П. Бартенева:** Поѣздка на Востокъ. **В. И. Бафталовскаго:** Обзоръ мѣстнаго управленія и суда. **Гр. П. Д. Бутурлина:** Стихотворенія. **Е. А. Варженевской:** То-же. **С. Васильева:** Къ характеристикѣ Чацкаго. **Его-же:** Театральная хроника **Я. И. Вейнберга:** Новая составная часть воздуха. **Проф. П. А. Висковатова:** Задачи русской литературы. **Ѳ. А. Витберга:** Значеніе воображенія въ жизни человѣка. **Княгини М. В. Волконской:** „Одинъ изъ малыхъ сихъ". Идиллія. **Кн. К. А. Вяземскаго:** Путешествіе вокругъ Азіи верхомъ. **В. М. Гаршина:** Письма къ матери изъ Болгаріи (1877). **Г. П. Георгіевскаго:** Древне-русскія свадьбы. **Его-же:** Коронованіе русскихъ государей. **В. А. Гиляровскаго:** Стихотворенія. **Н. П. Гилярова-Платонова:** Логика раскола (письма къ И. С. Аксакову). **Гр. А. А. Голенищева-Кутузова:** Стихотвореніе. **К. Ѳ. Головина:** Изъ исторіи русскаго романа. **И. А. Гончарова:** Намѣренія, задачи и идеи романа „Обрывъ". **Шарля Гуно:** Воспоминанія артиста. **Г. О.:** Ѳеодоръ Павловичъ. Новогодній разсказъ. **Г. А. Де-Водлана:** Въ странѣ восходящаго солнца. **Чарльза Дикенса:** Посмертный разсказъ. **Н. Д'Эссаръ:** Король теноровъ. Повѣсть. **А. В. Елисѣева:** Вдоль береговъ Трои. **В. П. Желиховской:** Въ житейскомъ омутѣ. Повѣсть. **А. Л. Зиссермана:** Деревенскія письма. **Проф. Н. Ю. Зографа:** Историческій обзоръ теорій наслѣдственности. **В. Илларіонова:** Иконописцы-суздальцы. **Проф. Н. Д. Кашкина:** Воспоминанія о П. И. Чайковскомъ. **Его-же:** Музыкальное обозрѣніе. **А. А. Кирѣева:** Споръ съ западниками настоящей минуты. **Н. П. Колюпанова:** Изъ прошлаго (посмертныя записки). **А. А. Коринескаго:** Стихотворенія. **С. Д. Крылова:** Направленіе общественной и научно-литературной мысли въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія. **П. А. Кулиша:** Украинскіе казаки и паны въ двадцатыхъ годахъ передъ бунтомъ Богдана Хмельницкаго. **К. С. Н.:** Прогулка пѣшкомъ чрезъ Симплонъ. **И. И. Лажечникова:** Письма къ С. Н. и К. Н. Побѣдоносцевымъ. **К. Н. Леонтьева:** Письма къ К. А. Губастову. **Е. В. Ливотова:** Георгій Конисскій, архіепископъ Бѣлорусскій. **Я. Литвинова:** О поземельномъ устройствѣ нашихъ крестьянъ. **Его-же:** Земскіе начальники, ихъ судебная и административная дѣятельность. **М. А. Лохвицкой:** Стихотворенія **Проф. Н. А. Любимова:** Значеніе Бекона Веруламскаго въ исторіи философіи природы. **Акад. Л. Н. Майкова:** Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ. **В. Н. Макъ-Гаханъ:** Поступательное движеніе православія въ Соединенныхъ Штатахъ. **В. Л. Маркова:** Мечты и жизнь. Романъ. **Е. Л. Маркова:** Домой по Волгѣ. **С. А. Минутко:** Еврейское землевладѣніе въ центрѣ Россіи. **А. Н. Муравьева:** Мои воспоминанія. **Проф. Г. А. Мурко:** Отрывокъ изъ путешествія Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія. **Гр. Г. И. Ностица:** Стихотвореніе. **Н. Н.:** Русскіе символисты и кое-что о символизмѣ вообще. **С. Обуховскаго:** Стихотвореніе. **Э. Оржешко:** Разсказы изъ польской жизни. **Н. М. Павлова:** Полемика Каткова съ Герценомъ. Эпизодъ изъ шестидесятыхъ годовъ. **Его-же:** Полемика по поводу этой статьи съ К. Н. Цвѣтковымъ. **Н. Н. Павлова:** Домой на праздникъ. Разсказъ. **И. У. Палимпсестова:** Изъ воспоминаній о Н. И. Костомаровѣ. **В. А. Панаева:** Бумажныя деньги—товаръ. **Н. Ѳ. Плахово:** Стихотворенія. **Я. П. Полонскаго:** По поводу одного заграничнаго изданія и новыхъ идей графа Л. Н. Толстого. **Его-же:** Стихотвореніе. **Православнаго:** Правы-ли мы? (письмо къ православнымъ отцамъ и матерямъ). **Его-же:** Къ вопросу о духовной литературѣ для народа. **Его-же** Къ вопро-

Digitized by Google

Стр.

скомъ языкѣ". III. Письмо преосвященнаго **Никанора** о славянскомъ движеніи 70-хъ годовъ. **Свящ. М. А. Юркевича.** 2) Листки изъ записной книжки интересныхъ знакомствъ, встрѣчъ и разсказовъ: XI. Протодіаконъ А. А. Зиновьевъ. XII. И. Ѳ. Горбуновъ. **К. А.** 3) Отрывки изъ воспоминаній: I. Празднованіе столѣтія Московскаго университета. **Н. Ч.** 4) Письма къ К. А. Губастову. **К. Н. Леонтьева** 406

XXIII. МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Двѣ новыя русскія оперы. Гл. II. (*Окончаніе*). **Проф. Н. Д. Кашкина**..... 426

XXIV. ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА. **И. Яковлева**..... 435

XXV. ЛѢТОПИСЬ ПЕЧАТИ: 1) Что дѣлать молодежи? 2) Изъ газетъ и журналовъ. **Л. А. Тихомирова**..... 451

XXVI. БИБЛІОГРАФІЯ:

1) Къ исторіи Византіи. **М. П. Соловьева**..... 467

2) *Окружное посланіе великой Константинопольской церкви.* По поводу папской энциклики о соединеніи церквей. (Изданіе редакціи *Церк. Вѣд.* С.-Петербургъ, 1895 г. 20 стр. ц. 10 к.). **П. В.**..... 477

3) *Переписка Филарета митрополита Московскаго съ С. Д. Нечаевымъ.* С.-Петербургъ, 1895 г. **Свящ. І. Фуделя**.. 480

4) К. Ельницкій. *Инородцы Сибири и среднеазіатскихъ владѣній Россіи.* Этнографическіе очерки. Учебное пособіе Изданіе Д. Д. Полубояринова. Стр. 1—139. Ц. 1 р. Спб. 1895 г. **А. Э**..... 482

5) *Матеріалы для исторіи рода дворянъ Савеловыхъ.* т. I, вып. I. Изданіе Л. М. Савелова. Составилъ А. Юшковъ. Москва. **Н. А.**..... 483

XXVII. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ:

1) ИЗЪ ВИЛЬНЫ. Еще о памятникѣ графу М. Н. Муравьеву. **А. П. Владимірова** 487

2) ИЗЪ БАКУ. Къ армянскому вопросу. **Х.**..... 492

XXVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ 499

XXIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ 503

XXX. КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

XXXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

XXXII. Приложеніе: СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНІЯ **РУССКАГО ОБОЗРѢНІЯ** ЗА 1895 г. 1—26

Digitized by Google

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(Выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца).

Въ составъ каждой книги журнала входятъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: 1) **Изящная словесность** (оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, стихотворенія и т. д.) 2) **Наука** (философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч.) 3) **Критика.** 4) **Вопросы церковной жизни.** 5) **Современная лѣтопись.** 6) **Иностранныя корреспонденціи.** 7) **Лѣтопись печати.** 8) **Искусство** (обозрѣнія музыкальныя, театральныя, художественныя и др.) 9) **Библіографія** (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ науки и искусства, новости иностранной журналистики и обозрѣніе духовныхъ журналовъ.) 10) **Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей.** 11) **Областной отдѣлъ** (письма и сообщенія изъ провинціи.) 12) **Экономическія замѣтки.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода—7 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца—3 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—1 р. 25 к.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

Съ пересылкой за границу 18 рублей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ отдѣл. конт. журнала—при книжн. магаз. Н. Фену и К°, Невскій, домъ Армянск. церк., № 40, и въ библіот. Семенникова, Васильевскій Остр., 6 линія, д. № 25. Здѣсь же производится продажа отдѣльн. №№ журнала.

Подписка принимается и въ другихъ городахъ во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. *Подписку съ разсрочкой платежа просятъ адресовать исключительно въ контору редакціи.*

Книги журнала 1890—1891 гг. продаются въ конторѣ редакціи по 7 руб. за годъ, 1892—1893 гг. по 5 руб. за годъ, 1894—1895 гг.—8 руб. За пересылку доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ пять лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: *Москва, редакція Русскаго Обозрѣнія.* (Уг. Тверской и М. Гнѣздниковскаго пер., д. Спиридонова.)

Редакторъ-издатель: **АНАТОЛІЙ АЛЕКСАНДРОВЪ.**

Жалобы на несвоевременную доставку журнала редакція проситъ заявлять не позднѣе перваго числа слѣдующаго мѣсяца по выходѣ книги.

Digitized by Google

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

1896.

ФЕВРАЛЬ.

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. МОИ ВОСПОМИНАНІЯ. (Изъ посмертныхъ бумагъ). **А. Н. Муравьева.** Съ портретомъ автора. Примѣчанія **А. А. Третьякова**..... 505

II. Т—Ъ. Стихотвореніе. **Графа А. А. Голенищева-Кутузова**..... 544

III. ИЗЪ ИСТОРІИ УЧЕНАГО МОНАШЕСТВА ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ. (Изъ посмертныхъ бумагъ). **Архіепископа Никанора**..... 545

IV. ЗАБЫТЫЯ ГРЕЗЫ. Стихотвореніе. **П. П. Суворова**... 570

V. Н. П. ГИЛЯРОВЪ-ПЛАТОНОВЪ, КАКЪ ИНИЦІАТОРЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ. **Князя Н. В. Шаховского**..... 572

VI. ДОКТОРША. Разсказъ капитана „Кара-Сакала.“ **Н. Н. Каразина**..... 590

VII. КНЯЗЬ АДАМЪ ЧАРТОРЫЙСКІЙ. **И. П. Корнилова**.. 623

VIII. ГОРДОСТЬ СЕМЬИ. Повѣсть. Гл. IX—XV. (Конецъ первой части.) **А. В. Стернъ**..... 676

IX. ПУТЕШЕСТВІЕ АНТІОХІЙСКАГО ПАТРІАРХА МАКАРІЯ ВЪ РОССІЮ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVII В. **Павла Алеппскаго.** (Переводъ съ арабской рукописи. **Проф. Г. А. Муркоса**)..... 706

X. МОЛИТВА. Стихотвореніе. **А. Н. Майкова**..... 754

XI. ЛЕГЕНДА ОБЪ ОЛИГАРХИЧЕСКИХЪ ТЕНДЕНЦІЯХЪ ВЕРХОВНАГО ТАЙНАГО СОВѢТА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ I. Гл. II—III. **Проф. А. С. Алексѣева**..... 755

XII. АНГЕЛЪ СМЕРТИ. Стихотвореніе. **М. А. Лохвицкой.** 776

XIII. САМОУБІЙЦА. Разсказъ. **Графини Е. Н. Толстой** ... 777

XIV. ОТХОЖІЕ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ. Гл. III. **Князя Н. В. Шаховского**..... 789

XV. МУЗА. Стихотвореніе. **В. К. Истомина**..... 828

XVI. ФАЛЬШИВАЯ ТРЕВОГА. **Spectator'a**..... 829

XVII. ВЪ СТРАНѢ РАБОВЪ. (Изъ посмертныхъ бумагъ). (Продолженіе). **А. В. Елисѣева**..... 858

XVIII. РЫБАЧЬЯ ЛОДКА СТАРАГО ПЁРА. **Тора Гедберга.** (Переводъ со шведскаго. **С. Г**)..... 873

XIX. О ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ. **И. В. Биркбека.** (Перев. съ англійскаго, подъ редакціей автора).. 882

XX. О СОЕДИНЕНІИ ЦЕРКВЕЙ. (По поводу энциклики папы Льва XIII). *(Окончаніе.)* **Проф. А. Д. Бѣляева**... 892

XXI. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ. **Гр. Ар—ко**..... 904

XXII. ЛУИ ПАСТЕРЪ. (Работы о броженіи и предохранительныхъ прививкахъ). **Доктора В. Е. Игнатьева**..... 905

XXIII. ПАМЯТИ Я. И. ВЕЙНБЕРГА. Личныя воспоминанія. **Проф. П. М. Покровскаго**..... 931

(См. слѣдующую страницу обертки.)

Digitized by Google

РУССКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.
Университетская типографія Страстной бульваръ.
1896.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

А. Н. Муравьевъ.
(1838 г.).

Digitized by Google

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.[1]

(Продолженіе.)

Зима протекла въ тѣхъ же занятіяхъ, служебныхъ и литературныхъ, и въ томъ же обществѣ; но вотъ что было еще слѣдствіемъ моего путешествія въ Іерусалимъ: когда Министръ Иностранныхъ Дѣлъ,[2] подносившій книгу мою Государю, представилъ меня на новый годъ къ чину,[3] Государь милостиво отозвался, что онъ имѣетъ для меня мѣсто, по духу моей книги. Дѣйствительно, бывшій министръ Духовныхъ Дѣлъ Князь А. Н. Голицынъ,[4] съ которымъ былъ я знакомъ чрезъ Мальцовыхъ, вскорѣ

[1] См. *Русское Обозрѣніе* 1895 г., №№ 5 и 12.

[2] *Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде*, род. 14 декабря 1780 года, † 23 марта 1862 г. Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ управлялъ съ 1816 по 1856 г.; вице-канцлеръ, а потомъ канцлеръ.

[3] 1 января 1833 года А. Н. Муравьевъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры.

[4] *Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сунода, министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, президентъ Библейскаго Общества, главный попечитель Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, главноуправляющій Почтовымъ Департаментомъ, членъ, а потомъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта, канцлеръ Россійскихъ Орденовъ, род. 8 декабря 1773 года, † въ Гаспрѣ 22 ноября 1844 г. Погребенъ въ Георгіевскомъ Балаклавскомъ монастырѣ.

Приводимъ нѣсколько отзывовъ Московскаго Митрополита Филарета о Князѣ А. Н. Голицынѣ.

28 ноября 1811 г. Архимандритъ Филаретъ писалъ своему родителю: „Онъ – истинный ревнитель вѣры и Церкви“. („Письма М. Митрополита Филарета къ роднымъ“. М. 1882, № 137). 27 мая 1824 г., послѣ паденія Князя Голицына, Архіепископъ Московскій писалъ Е. В. Новосильцевой: „О князѣ А. Н. я искренне жалѣю, и какъ о благодѣтелѣ моемъ, и какъ о человѣкѣ, въ которомъ много добра, есть-ли бы того не уклоняли нѣ-

Digitized by Google

меня призвалъ и, отъ имени Государя, предложилъ мнѣ мѣсто за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Святѣйшемъ Сунодѣ, такъ какъ занимавшій сіе мѣсто Нечаевъ [1] поступалъ въ должность оберъ-прокурора. Я испугался, вмѣсто того чтобы обрадоваться, потому что вовсе не понималъ этой должности, чувствовалъ только свою неспособность къ бюрократіи и зналъ нерасположеніе ко мнѣ Нечаева, который готовилъ это мѣсто для другаго. Князь предварилъ меня, что неловко отказываться, и далъ недѣлю срока для разсужденія; тогда я, по совѣту Мальцовыхъ, согласился и написалъ письмо Князю, которое онъ показывалъ Государю, такого содержанія: [2] что, повинуясь Монаршей волѣ,

---

которые въ разныя стороны, по своимъ видамъ". („Біографическій очеркъ Графа Вл. Гр. Орлова, составленный внукомъ его Графомъ *Вл. П. Орловымъ-Давыдовымъ*". Спб. 1878, т. 2, стр. 277). Послѣ кончины Князя Голицына, М. Филаретъ писалъ 13 декабря 1844 г. А. Н. Муравьеву: „Кончина Князя Александра Николаевича оставила во мнѣ тѣмъ большее чувство лишенія, чѣмъ болѣе обычно для меня было съ утѣшеніемъ, хотя и въ отдаленіи земномъ, взирать на сію душу, по благости Божіей многолѣтно мнѣ открытую и любовію мнѣ благодѣтельную и вообще христіанскими расположеніями назидательную. Не сомнѣваюсь, что онъ отшелъ ко Господу съ добрымъ уготовленіемъ и пребываетъ въ мирѣ. За него радуюсь, но сія радость не покрываетъ чувства лишенія". (№ 108).

[1] *Нечаевъ*, Степанъ Дмитріевичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сунода (въ 1833—36 гг.), сенаторъ, род. 18 іюля 1792 г., † 5 сентября 1860 г.

„Переписка Филарета Митрополита Московскаго съ С. Д. Нечаевымъ" Спб. 1895. См. *Русское Обозрѣніе* 1896, № 1.

[2] Милостивый Государь
Князь Александръ Николаевичъ!

Вашему Сіятельству извѣстно, въ какое смущеніе привело меня милостивое и неожиданное вниманіе Государя Императора, когда Вы, милостивый государь, предложили мнѣ отъ Высочайшаго имени мѣсто за оберъ-прокурорскимъ столомъ Св. Сунода; отложивъ всякое честолюбіе, я только думалъ, могу ли оправдать снисходительное мнѣніе обо мнѣ Его Величества, и не будетъ ли дерзостію съ моей стороны—рѣшиться на трудъ, который я не въ силахъ совершить. Я тогда же имѣлъ честь объяснить Вашему Сіятельству, что по собственному опыту я нахожу великую разницу между умомъ, имѣющимъ образованіе и направленіе литературное, и умомъ, созданнымъ отъ природы для занятій болѣе важныхъ и положительныхъ,— и потому, чувствуя какъ мало буду я соотвѣтствовать сему новому назначенію и страшась всего, болѣе не исполнить ожиданій моего Государя, и такимъ образомъ заплатить неблагодарностію за Высочайшую милость, я просилъ Васъ открыть мое затруднительное положеніе Его Величеству и вмѣстѣ съ тѣмъ излить всѣ чувства живѣйшей признательности, какими я исполненъ къ Его Высокой Особѣ, приготовляя себя на все теченіе

Digitized by Google

прошу не гнѣваться на меня впослѣдствіи, если не оправдаю добраго обо мнѣ мнѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ я по прежнему числиться и въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

Письмо это послужило мнѣ спасеніемъ, чрезъ 9 лѣтъ, когда началъ гнать меня другой оберъ-прокуроръ, Графъ Протасовъ.

Не чудно ли однако, что опять Іерусалимъ, и одинъ лишь Іерусалимъ, подвигалъ меня на всѣхъ стезяхъ и открывалъ мнѣ, въ одно и то же время, поприще—и гражданское, и церковное, и литературное—безъ всякихъ съ моей стороны домогательствъ? Митрополиты Серафимъ и Филаретъ были рады моему назначенію, потому что меня любили.[1] Владыка Московскій разсказалъ мнѣ даже сонъ, который видѣлъ. Ему снилось, что я стоялъ въ церкви близъ амвона, и Митрополитъ Платонъ, необычайнаго

моей жизни и во всякой службѣ быть вѣрнѣйшимъ подданнымъ Его Величества.

Нынѣ же, когда Ваше Сіятельство вторично изъявили мнѣ Высочайшую волю, я не дерзаю болѣе отклоняться, но, чувствуя свои неспособности, надѣюсь отчасти обрѣсти въ повиновеніи моемъ тѣ свойства, въ которыхъ отказала мнѣ природа, и я осмѣливаюсь льстить себя надеждою, что если въ будущемъ, при всемъ моемъ рвеніи, не оправдаю я своего назначенія,—Его Величество милостиво вспомнитъ тогда, съ какимъ чистосердечіемъ открылъ я всѣ свои недостатки, и не лишитъ меня своей Монаршей благосклонности, столь драгоцѣнной для вѣрноподданнаго.

Изложивъ такимъ образомъ всѣ мои чувства предъ Вами, милостивый государь, я покорнѣйше прошу Васъ принять увѣреніе въ совершенной моей преданности и глубочайшемъ уваженіи, съ коими имѣю честь быть и проч.

Апрѣль, 1833 года.

(Бумаги А. Н. Муравьева, хранящіяся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, пакетъ 33).

[1] 11 апрѣля 1833 г. М. Филаретъ писалъ С. Д. Нечаеву: „Да будетъ нареченный помощникъ Вашего Превосходительства помощникомъ истиннымъ. Странно, что Владыка, у котораго я вчера долго сидѣлъ, не сказалъ мнѣ о семъ назначеніи, которомъ онъ доволенъ. Печальна мнѣ мысль о недостаткѣ единомыслія. Богъ, истинный источникъ единства, да соединитъ все истиною и любовію. Надобно смотрѣть на вещи съ лучшей стороны. Я вѣрю, что Владыка просто забылъ сказать мнѣ, что Вашъ помощникъ не искалъ сего мѣста, что рекомендовавшій его просто водился желаніемъ добра родственнику. Думаю, что и Вы хорошо сдѣлаете, вѣря сему. Лучше избытокъ довѣрія, нежели избытокъ подозрѣнія. Ибо лишнее довѣріе — моя ошибка, а лишнее подозрѣніе — обида ближнему. Желаю лучше быть въ ошибкѣ, нежели обидѣть ближняго. Богъ да поможетъ Вамъ руководствовать къ добру и пользѣ человѣка, въ которомъ есть доброе, хотя, можетъ быть, есть иное не по желанію. Таковы мои мысли. Богъ да даруетъ вамъ лучшія“ (№ 109).

Digitized by Google

роста, тутъ же повелѣвалъ ему принести какое-то облаченіе, которое самъ на меня надѣлъ; а я въ то же время видѣлъ во снѣ, будто меня вводятъ въ святую Софію [1]. Разсказывая теперь эти сны, нисколько не увлекаюсь какимъ-либо чувствомъ самолюбія и присовокупляю, что, когда въ нынѣшнемъ году напоминалъ я о томъ Владыкѣ Московскому, онъ отозвался, что не помнитъ; но на меня эти сны произвели тогда слишкомъ сильное впечатлѣніе, чтобы я когда-либо могъ ихъ позабыть.

Едва только я поступилъ на новое поприще моей службы, [3] какъ со мною случилось непріятное происшествіе, которое могло бы мнѣ повредить при нерасположеніи моего ближайшаго начальства. При началѣ весны посѣтилъ я, какъ это бывало каждый годъ, моихъ пріятелей въ Царскомъ Селѣ и тамъ, ѣздивши верхомъ, сломалъ себѣ руку. [3] Двѣ недѣли долженъ я былъ оставаться на попеченіи у гусаръ и потомъ переѣхалъ на Крестовскій островъ къ Княгинѣ Бѣлосельской, [4] которая дала мнѣ у

---

[1] Нѣсколько лѣтъ спустя одинъ арабъ, учившійся въ семинаріи, видѣлъ во снѣ А. Н. облеченнаго въ архіерейскій санъ. По этому поводу М. Филаретъ писалъ: „Желаю, чтобы сонъ іеромонаха сбылся и чтобы Васъ рукоположили въ Архіерея, только не арабскаго“. (№ 167—15 января 1848 года).

Не даромъ (по свидѣтельству П. И. Бартенева) Вигель называлъ А. Н. Муравьева „свѣтскимъ Архіереемъ“. (*Русскій Архивъ*, 1876 г., III, стр. 170).

[2] Указъ объ опредѣленіи А. Н. Муравьева за оберъ-прокурорскій столъ Св. Сѵнода (съ производствомъ ему жалованья по 1,500 р. въ годъ) послѣдовалъ 22 апрѣля 1833 г.

[3] 5 іюля 1834 г. М. Филаретъ писалъ (изъ Москвы) А. Н. М.: „Я всегда хотѣлъ сказать Вамъ, что я почувствовалъ какъ подлинно жестоко не отвѣчать на письмо, писанное больною рукою“. Въ примѣчаніи къ этому письму (№ 6), издатель говоритъ: „Владыка намекаетъ на то, что у меня была сломана ключица вскорѣ послѣ его отъѣзда, и я писалъ ему больною рукою“.

Такимъ образомъ сломанная рука относится къ слѣдующему году. Весною же 1833 г. А. Н. Муравьевъ былъ боленъ вѣроятно другою болѣзнію. Въ письмѣ М. Филарета къ С. Д. Нечаеву, отъ 30 мая 1833 г., читаемъ: „Поелику Андрей Николаевичъ, противъ моихъ увѣщаній упорно хотѣлъ сказаться больнымъ и сдѣлать для грѣха—непослушаніе и ложь, то милосердый Богъ захотѣлъ избавить его хотя отъ однаго и послалъ ему болѣзнь истинную. Желаю, чтобы Богъ уврачевалъ его отъ болѣзни, давъ ему въ ней врачевство душевное“ (№ 119).

[4] „Весь островъ принадлежалъ нѣкогда знаменитому фельдмаршалу Миниху, а послѣ его ссылки отобранъ въ казну, подаренъ Императрицей Елизаветою Графу Разумовскому и купленъ у него статсъ-секретаремъ Екатерины Козицкимъ, отцомъ Княгини Бѣлосельской; названіе же Кре-

Digitized by Google

себя на дачѣ пріютъ на все лѣто. Докторъ предписалъ мнѣ строгую діэту, только уху и жилей, и такъ выдержалъ меня три недѣли Петрова поста. Прежде я не соблюдалъ этотъ постъ, не почитая его важнымъ, потому что онъ то сокращается, то бываетъ очень длиненъ, судя по времени Пасхи. Когда же мнѣ пришлось по неволѣ его выдержать, я подумалъ, что можетъ быть и самая болѣзнь мнѣ приключилась для того, чтобы, служа въ Сѵнодѣ, научился соблюдать всѣ правила церковныя, и съ тѣхъ поръ началъ я соблюдать постоянно всѣ посты [1].

Тотчасъ по выздоровленіи, поѣхалъ я на Валаамъ и въ Коневецъ на Ладожскомъ озерѣ и описалъ сіи обители [2]. Осенью воспользовался я отъѣздомъ Мальцовыхъ въ Москву, чтобы имъ сопутствовать, и съѣздилъ въ деревню къ батюшкѣ, на одинъ мѣсяцъ, посовѣтоваться съ нимъ о моемъ новомъ родѣ службы. Нерасположеніе моего начальника мнѣ очень было непріятно, потому что онъ старался всячески выказать неспособность мою къ дѣламъ, и если что поручалъ, то не безъ колкостей; оттого еще болѣе умножилась естественная моя нелюбовь къ бюрократіи, [3] однако, сколько могъ, я занимался, хотя литературныя занятія мнѣ были болѣе по сердцу. Такъ прошла зима; въ 1833

стовскаго ему усвоилось или отъ крестообразнаго дома Разумовскаго или, какъ полагаютъ, отъ имени Миниха: „Христофъ“. (Разсказъ А. Н. Муравьева, приведенный въ книгѣ М. Семенова „Воспоминаніе объ А. Н. Муравьевѣ“. Кіевъ, 1875). Подробнѣе о Крестовскомъ островѣ см. въ книгѣ *М. И. Пыляева* „Забытое прошлое окрестностей Петербурга“ (Спб. 1889), главу I.

Сынъ Княгини Анны Григорьевны Бѣлосельской-Бѣлозерской, рожденной Козицкой († 1846 г.), Князь Эсперъ Александровичъ (р. 1802 г. † 15 іюня 1846 г.) воспитывался въ Московскомъ учебномъ заведеніи для Колонновожатыхъ. Это младшій братъ Княгини З. А. Волконской (отъ другой матери).

[1] См. прекрасное разсужденіе А. Н. Муравьева *О постѣ*, помѣщенное въ „Мысляхъ о Православіи при посѣщеніи Святыни Русской“ (Спб. 1850).

[2] „Монастырь на Валаамѣ“ былъ напечатанъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1834 г., томъ III; описаніе Коневецкаго монастыря намъ неизвѣстно.

[3] Митрополитъ Филаретъ писалъ (10 мая 1833 г.) С. Д. Нечаеву: „Андрей Николаевичъ открылся мнѣ, что онъ въ большомъ смущеніи отъ назначенія его въ какой-то счетный комитетъ. Нѣкоторыя причины смущенія его я опровергаю, напримѣръ ту, что онъ будетъ ученикомъ между сочленами: я говорю, что въ семъ случаѣ нужно только смириться, а не отказываться. Но вотъ одна причина, которая не совсѣмъ подлежитъ опроверженію: по неопытности въ счетныхъ сдѣлкахъ и по незнанію законовъ, сюда относящихся, онъ можетъ подписать то, за что непріятно будетъ отвѣчать. Итакъ онъ имѣетъ, по моему мнѣнію, невинную причину опасаться

Digitized by Google

году сдѣлалъ я второе изданіе моего путешествія, но не предпринималъ никакого бо̀льшаго труда. Лѣто провелъ опять на Крестовскомъ, гораздо пріятнѣе для службы, потому что съ весны уѣхалъ Нечаевъ, по болѣзни жены своей, [1] на югъ, и я почти цѣлый годъ оставался при добромъ князѣ Мещерскомъ, который былъ прежде него оберъ-прокуроромъ [2].

Поэтъ Козловъ и собиравшееся у него общество [3] убѣждали меня предпринять обширный трудъ, Исторію Патріарховъ на-

---

и уклоняться, и я вижу, что уклоненіе сіе можетъ выразиться дѣйствіями очень рѣшительными. Если такимъ образомъ при первой встрѣчѣ не достанетъ единства между Вами, не труднѣе ли будетъ достигать онаго послѣ? Случай сей произведетъ много сужденій, которыя, по моему мнѣнію, гораздо лучше предупредить. Трудно угадать, какимъ окомъ взглянетъ на сіе Государь Императоръ, сказавшій, что Муравьевъ не будетъ занимаемъ сухими дѣлами; по крайней мѣрѣ, на первый разъ, для Васъ, и для него, и для возлюбленнаго мира, молилъ-бы я Васъ какъ-нибудь избавить его отъ сего затрудненія. Оберъ-секретарь, старшій по чину, кажется, могъ-бы замѣнить его въ семъ порученіи. Сдѣлайте милость, примите въ мирѣ сіе ходатайство, къ которому ничто не побуждаетъ меня, кромѣ желанія мира, полнаго и непоколебимаго". (Письмо № 115). Очевидно, въ связи съ этимъ находится вышеприведенное нами письмо № 119.

[1] *Софья Сергѣевна Нечаева*, рожденная Мальцова. Младшій ея сынъ, Юрій Степановичъ, послѣ смерти своего дяди, И. С. Мальцова, получилъ фамилію Нечаева-Мальцова.

19 іюня 1834 г. М. Филаретъ писалъ С. Д. Нечаеву: „Желаю, чтобы Богъ послалъ Вашему Превосходительству для болящей Вашей здравоносный совѣтъ" (№ 205).

[2] *Князь Петръ Сергѣевичъ Мещерскій*, оберъ-прокуроръ Св. Сунода (въ 1817—33 гг.), сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. 1779 г. † 31 декабря 1856 г. Родной дядя С. С. Нечаевой.

О Князѣ Мещерскомъ Митрополитъ Филаретъ писалъ 25 декабря 1832 г. Епископу Дмитровскому Николаю: „Онъ служитъ пользамъ духовенства съ такимъ полнымъ и чистымъ благорасположеніемъ, что заслуживаетъ самое полное изъявленіе уваженія и благодарности отъ всѣхъ насъ". („Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія" 1869 г., книга 9, письмо № 75).

Для характеристики Князя Мещерскаго и его ближайшихъ преемниковъ, Нечаева и Графа Протасова, см. отрывки „Изъ воспоминаній секретаря при Св. Сунодѣ Ф. Ф. Исмайлова (1829—40 гг.), "напечатанные въ *Странникѣ*. (Сентябрь, 1882 г.).

[3] „Къ нему сбиралось еженедѣльно нѣсколько присныхъ, иногда и писателей, и часто бывала тутъ Графиня Лаваль, тетка Княгини Зинаиды Волконской, которая покровительствовала поэту, по любви своей къ литературѣ и ради его безпомощнаго положенія. Бывали иногда Жуковскій и Плетневъ, и мнѣ доводилось читать предъ ними отрывки изъ моего путешествія или стихи". („Знакомство съ русскими поэтами").

Digitized by Google

шихъ, въ лѣтописномъ вкусѣ. По моей просьбѣ выписалъ Нечаевъ изъ Москвы судное дѣло Патріарха Никона, о которомъ слышалъ я отъ Митрополита Московскаго, что оно нечаянно было найдено Строевымъ, [1] въ числѣ ненужныхъ свитковъ, подъ кроватью Сунодальнаго ризничаго [2]. Не умѣлъ я тогда разбирать старинный почеркъ, а свитки сіи оставались долго въ ящикѣ подъ столомъ у Нечаева, какъ прежде подъ кроватью ризничаго. Я написалъ однако легкій обзоръ нашей исторіи церковной до временъ патріаршихъ, въ видѣ предисловія, изъ котораго впослѣдствіи составилась моя краткая „Исторія Русской Церкви". Но мысль о Никонѣ не оставляла меня тогда, какъ и теперь; и до сихъ поръ еще все бродитъ въ головѣ моей, что когда окончу „Житія святыхъ" и гдѣ-либо поселюсь на югѣ, то совершу наконецъ давнее мое предпріятіе, потому что у меня собраны всѣ матеріалы, какіе нужны для Исторіи Никона, и теперь я дополняю ихъ въ московскомъ Архивѣ изъ греческихъ дѣлъ [3].

---

[1] *Павелъ Михайловичъ Строевъ* (род. 27 іюля 1796 г. † 5 января 1876 г.). Путешествующій археографъ, членъ Археографической Коммиссіи, академикъ. (*Н. Барсуковъ*. „Жизнь и труды П. М. Строева". Спб. 1878).

[2] Въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Митрополита Филарета (№№ 253 и 14) А. Н. М. говоритъ:

„Извѣстный археологъ Строевъ, будучи коротко знакомъ съ ризничимъ Сунодальной библіотеки въ Москвѣ, сколько мнѣ извѣстно, получилъ отъ него сундукъ въ полное его распоряженіе, со свитками старыхъ дѣлъ, которые почиталъ ненужными. Но между свитками Строевъ нашелъ все драгоцѣнное подлинное дѣло о судѣ Никона Патріарха, въ столбцахъ, за подписью всѣхъ Патріарховъ и Архіереевъ, бывшихъ на судѣ. Онъ отдѣлилъ эти свитки и просилъ хранить ихъ бережно въ Сунодальной ризницѣ.

„Но и въ Петербургѣ не скоро они были приведены въ должный порядокъ другимъ ученымъ археологомъ Бередниковымъ, по указаніямъ коего впослѣдствіи я переписалъ все дѣло въ 2-хъ экземплярахъ, подлинникъ же положенъ въ особый ящикъ, который теперь хранится въ Сунодальной ризницѣ".

По этому поводу М. Филаретъ писалъ (6 августа 1852 г.) А. Н. Муравьеву: „Не вѣроятно мнѣ, чтобы ризничій подарилъ Строеву сундукъ хранившихся при ризницѣ, хотя не вошедшихъ въ опись, бумагъ. Что довѣрчиво далъ разобрать ихъ, это могло быть. Есть-ли вы правду говорите, что ризничій списалъ вамъ дѣянія 1667 года: то вѣдайте, что дѣлаете его виноватымъ противъ предписанія Св. Сунода. Такая благодарность за услугу можетъ быть ему непріятна" (№ 253).

Ризничій, о которомъ идетъ рѣчь,—іеромонахъ Порфирій.

[3] Въ іюлѣ 1859 г. А. Н. Муравьевъ писалъ М. Филарету: „Когда совсѣмъ устроюсь, быть можетъ, предприму исторію Патріарха Никона, для которой давно собираю матерьялы". („Письмо изъ Кіева").

Digitized by Google

Когда наступила весна 1835 года, я просился въ отпускъ на все лѣто къ батюшкѣ. Мнѣ желательно было посѣтить еще разъ Лавру Сергіеву и проѣхать далѣе въ Ростовъ. Я посѣтилъ проѣздомъ и Новый Іерусалимъ и на сей разъ описалъ свою поѣздку; это составило, вмѣстѣ съ Валаамомъ, первую часть моего „Путешествія по святымъ мѣстамъ Русскимъ“, [1] которое мнѣ хотѣлось дополнить впослѣдствіи описаніемъ любопытнѣйшихъ изъ монастырей нашихъ. Въ Москвѣ испросилъ я у почтеннаго старца А. Ѳ. Малиновскаго, [2] начальника Архива, любопытный

П. С. Казанскій въ „Воспоминаніи объ Андреѣ Николаевичѣ Муравьевѣ“ говоритъ: „Онъ началъ писать подробную исторію Патріарха Никона; нѣсколько тетрадей этого труда давалъ онъ мнѣ для прочтенія. Но когда оказалось неудобнымъ печатать этотъ его трудъ въ журналѣ, издаваемомъ при Московской Академіи, онъ не сталъ продолжать его. Богатыя матеріалы для сего труда, именно: списокъ съ дѣла о Никонѣ, отвѣты Никона Стрѣшневу и Паисію и переводъ большей части сочиненій Лигарида о судѣ надъ Никономъ онъ передалъ въ Московскую Академію“.

Въ рукописяхъ А. Н. М. (у его наслѣдниковъ) хранится и этотъ недоконченный трудъ его. Первая часть „Исторіи Патріарха Никона“ была разрѣшена цензоромъ (Инспекторомъ Московской Духовной Академіи Архимандритомъ Михаиломъ) 31 января 1862 г. Тамъ же находится оттискъ (52 страницы) начала „Исторіи Патріарха Никона“.

Замѣчанія М. Филарета объ этомъ трудѣ А. Н. М. см. въ письмахъ къ нему отъ 19 декабря 1836 г. и 27 марта 1862 г. (№№ 27 и 393), благодарность за переданные въ Академію матеріалы—въ письмахъ отъ 25 марта 1841 г. и отъ 5 іюня 1865 г. (№№ 66 и 423).

Въ *Муравьевской коллекціи въ Церковно-Археологическомъ Музеѣ при Кіевской Духовной Академіи* хранится „подлинная схима Патріарха Никона, въ бархатномъ ящикѣ, съ гербомъ Патріарха. А. Н. испросилъ ее у Архимандрита Мельхиседека, когда онъ былъ настоятелемъ Воскресенской обители Новаго Іерусалима, такъ какъ имѣлъ тогда намѣреніе написать пространную исторію сего Патріарха. Митрополитъ Филаретъ, увидѣвъ у А. Н. сію схиму, взялъ ее для образца собственной схимѣ, которую онъ себѣ приготовилъ, предпочитая ее тѣмъ, какія вошли въ употребленіе у новѣйшихъ схимниковъ“ (№ 15).

[1] „Путешествіе по святымъ мѣстамъ Русскимъ. Троицкая Лавра, Ростовъ, Новый Іерусалимъ, Валаамъ“. Спб. 1836, 1837 и 1840. Эти описанія входятъ въ 1-ую часть послѣдующихъ изданій: Спб. 1846 (2 части), 1863 (4 части), 1888—89 (2 части). О статьѣ „Новый Іерусалимъ“ см. письмо м. Филарета къ А. Н. М. (№ 16).

[2] *Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій* род. 2 марта 1762 г., учился въ Московскомъ Университетѣ. Въ 1780 г. поступилъ на службу въ Масловскій главный архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и въ 1814 г. назначенъ начальникомъ его. Главный смотритель Странноприимнаго Дома графа Шереметева съ 1810 по 1826 г. Скончался 26 ноября 1840.

Digitized by Google

статейный списокъ о пришествіи Патріарха Цареградскаго Іереміи въ Россію, [1] потому что мнѣ хотѣлось заняться лѣтомъ Исторіею Патріарховъ; но я написалъ только два отрывка: совершенно къ иному обратились мои мысли. Между тѣмъ, видя любовь мою къ древностямъ, Малиновскій сдѣлался особенно ко мнѣ расположенъ и даже впослѣдствіи завѣщалъ мнѣ все то, что было имъ собрано о древностяхъ московскихъ, желая, чтобы я это дополнилъ и послѣ него издалъ въ свѣтъ; но я не обѣщался сего исполнить доброму старцу, потому что не имѣю вкуса къ изданіямъ археологическимъ, а послѣ его смерти я отказался отъ завѣщанныхъ мнѣ тетрадей въ пользу его семейства.

До сихъ поръ я только занимался предметами историческими или описаніемъ моихъ путешествій; совершенно нечаянный случай направилъ меня на иную дорогу, которая мнѣ, какъ міянину, казалось, не открыта. Въ половинѣ лѣта познакомился я съ нашимъ сосѣдомъ Гончаровымъ, лейбъ-гусарскимъ офицеромъ, весьма блистательнымъ въ то время, которому принадлежала бо́льшая часть имѣнія Яропольца, близъ маіората Чернышевыхъ. Воспоминанія сего мѣста, близкія моему сердцу, привлекли меня въ другую половину усадьбы, когда первая опустѣла, и я очень подружился съ Гончаровымъ. Свѣтское его образованіе, какъ и вообще всѣхъ людей нашего круга, было чуждо всему церковному. Онъ ходилъ въ церковь, мало что̀ понимая, и отъ того лѣнился; мнѣ же это было очень больно. Однажды, когда я шелъ пѣшкомъ изъ Яропольца въ деревню старшаго моего брата Ботово, отстоявшую за 7 верстъ, [2] мнѣ пришло на мысль изложить, въ краткихъ письмахъ, значеніе нашей церковной службы, и дорогою я составилъ очеркъ перваго письма, которое немедленно положилъ на бумагу, возвратясь въ Ярополецъ, а пріѣхавъ въ свою деревню Осташево, написалъ и три послѣдующихъ— о чинѣ архіерейской Литургіи.

Это было начало моихъ „Писемъ о Богослуженіи“, которыя имѣли впослѣдствіи болѣе успѣха, нежели какая-либо изъ моихъ книгъ. Но что весьма странно, когда я въ Петербургѣ показалъ первыя четыре письма Московскому Владыкѣ, прося ихъ исправить, Митрополитъ совѣтовалъ мнѣ оставить это дѣло, го-

[1] Извлеченія изъ него напечатаны въ 1-й части „Сношеній Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ“. (Спб. 1858).

[2] *Ярополецъ* и *Ботово* (Михайловское)—въ Волоколамскомъ уѣздѣ.

Digitized by Google

воря, что въ письмахъ нѣтъ никакой полноты и многое опущено изъ церковныхъ предметовъ. Тогда я просилъ его—мысленно выдти изъ алтаря, гдѣ ему, какъ священнослужителю, все ясно и знакомо, и, ставъ на мѣсто мірянина, противъ царскихъ вратъ, объяснять только то, что будетъ представляться въ сей тѣсной рамѣ, и то, что совершается внѣ алтаря. Владыка свѣтлымъ умомъ своимъ понялъ мою мысль и снисходительно исправилъ недостатки первыхъ писемъ, дополнивъ оныя высокимъ истолкованіемъ архіерейскаго облаченія и трисвятой пѣсни при осѣненіи свѣчами съ горняго мѣста. Онъ благословилъ меня продолжать, и я описалъ немедленно вечерню, утреню и преждеосвященную обѣдню, которыя напечаталъ въ числѣ семи писемъ перваго выпуска [1]; успѣхъ былъ удивительный, такъ какъ это была вещь новая и, кромѣ ученаго, но тяжелаго толкованія Дмитревскаго [2], нечего было читать по сему предмету.

При наступленіи великаго поста вспомнилъ я, что одна моя знакомая, Княгиня Вяземская [3], давно уже предлагала мнѣ прочесть Тріодь Постную, говоря, что въ ней заключаются чудныя красоты, а я получилъ только-что сію Тріодь, въ числѣ подносныхъ книгъ изъ Сунода. Я рѣшился прочесть всю и дѣйствительно былъ пораженъ ея духовною поэзіей, ибо лучшіе геніи Востока ее составляли. Немедленно приступилъ я къ дѣлу и написалъ вторую книжку, которая едвали не лучше прочихъ,—о Великомъ Постѣ и Св. Пасхѣ [4]. Но когда поднесъ ее Владыкѣ, встрѣтилъ опять то же неодобреніе. Ему казалось страннымъ, что я избралъ сей предметъ и изложилъ его въ такомъ видѣ, однако не отказался онъ исправить ошибки церковныя; книжка моя имѣла еще больше первой успѣха. Лѣтомъ приго-

---

[1] „Письма о Богослуженіи Восточной Церкви". Спб. 1835 и 1836, книга I (о литургіи и всенощной).

[2] „Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе на литургію". Первое изданіе этого сочиненія *И. И. Дмитревскаго* вышло въ Москвѣ въ 1803 г., затѣмъ оно повторялось много разъ.

Было и другое современное и столь же распространенное сочиненіе объ этомъ предметѣ: Преосвященнаго *Веніамина*, Архіепископа Нижегородскаго, „Новая Скрижаль, или пополнительное объясненіе о церкви, о литургіи, о всѣхъ службахъ и утваряхъ церковныхъ". М. 1803 и т. д.

[3] *Княгиня Вяземская*, Елизавета Ростиславовна?

[4] „Письма о Богослуженіи Восточной Церкви". Спб. 1836, книга II (о Великомъ Постѣ и Пасхѣ). Какъ видно изъ цензурованной рукописи (хранящейся у наслѣдниковъ А. Н. Муравьева), первоначальное заглавіе этого выпуска было „О Тріоди Постной".

Digitized by Google

товилъ я и третью—о Таинствахъ [1]. Тутъ Владыка сталъ уже рѣшительно возбранять мнѣ, говоря, что міряпину вовсе неприлично писать о Таинствахъ, и еще такъ неудовлетворительно; я отвѣчалъ, что пишу не столько о Таинствахъ, сколько объ ихъ обрядовой сторонѣ, и спросилъ его: лучше ли, что міряне, приступая къ нимъ и часто бывая воспріемниками, вовсе не разумѣютъ, что̀ дѣлаютъ? Тогда Владыка рѣшился исправить догматическія ошибки и уже не пререкалъ о четвертой книжкѣ, касающейся праздниковъ [2].

Всѣ четыре явились къ веснѣ 1837 года въ одной книгѣ [3]; успѣхъ былъ удивительный! Случалось не разъ, что меня останавливали простые люди на улицѣ и благодарили за то, что я ихъ просвѣтилъ; одна вдова, изъ Полтавской губерніи, прислала мнѣ Никонову Скрижаль [4] и старинную исторію рыцарскихъ орденовъ, при письмѣ, въ коемъ объясняла, что нашла сіи книги въ библіотекѣ покойнаго своего мужа и подноситъ мнѣ, чтобы тѣмъ выразить свою благодарность за то, что я своими сочиненіями помогъ ей образовать малолѣтнихъ ея дѣтей; скрижаль и доселѣ у меня. Пишу это не для похвальбы, но чтобы показать, какое впечатлѣніе произвела сія книга [5]. Не странно ли и то,

---

[1] „Письма о Богослуженіи Восточной Церкви“ Спб. 1836, книга III (о седми Таинствахъ).

[2] „Письма о Богослуженіи Восточной Церкви“ Спб. 1836, книга IV (о праздникахъ и погребеніи).

[3] Полное изданіе („Письма о Богослуженіи Восточной Каѳолической Церкви“) разрѣшено духовной цензурою 26 февраля 1837 г., но на заглавномъ листѣ выставлено: Спб. 1838. Послѣдующія изданія—Спб. 1839, 1842, 1844, 1855, 1860, 1862, 1863, Кіевъ 1873, Спб. 1882 и 1894.

М. Филаретъ писалъ (3 генваря 1836 г.) Архимандриту Антонію: „Пошлю вамъ при семъ книжку о *Богослуженіи*, которую Андрей Николаевичъ Муравьевъ написалъ и въ которой есть нѣсколько словъ и моихъ“. („Письма Митрополита Московскаго Филарета къ намѣстнику Свято-Троицко-Сергіевой-Лавры, Архимандриту Антонію“. М. 1877—1884, ч. 1-я № 118). Замѣчанія М. Филарета см. въ письмахъ къ А. Н. М., №№ 14, 19, 24.

[4] „Скрижаль“ напечатана въ Москвѣ, въ 1656 г., въ 4-ю.

[5] Въ библіотекѣ А. Н. Муравьева (нынѣ въ музеѣ Кіевской Духовной Академіи) есть экземпляръ „Писемъ о богослуженіи“, съ слѣдующею карандашною замѣткой Юрьевскаго Архимандрита Фотія: „Читалъ Фотій, но видѣлъ, что писатель нѣчто Б... читалъ, слышалъ, а вовсе на дѣлѣ таинства божественнаго не видѣлъ, и потому написано нѣчто на пользу, но темно такъ, какъ трудно бываетъ въ самую осеннюю нощь итти по пути незнакомому“. Есть замѣтки и въ самой книгѣ; напр., на стр. 37, противъ свидѣтельства Златоустаго о томъ, что „многіе святые мужи на опытѣ видали внутри святилища ангеловъ, имъ сослужащихъ и со страхомъ

Digitized by Google

что первый ея переводъ сдѣланъ былъ Полькой въ Варшавѣ, на родной ея языкъ, хотя она сама была римскаго исповѣданія? Нѣмецкій переводъ Мюральда явился гораздо позже [1]. Книга сія послужила и для вещественнаго моего блага, потому что въ то время произошла перемѣна въ моихъ служебныхъ обстоятельствахъ и мнѣ нужны были средства для полученнаго мною придворнаго званія.

Весною 1835 года [2] болѣзнь жены заставила Нечаева проситься опять въ отпускъ, и такъ какъ Князь Мещерскій не хотѣлъ болѣе исполнять его должность, то ему пришлось просить на его мѣсто другаго; выборъ его палъ, къ общему изумленію, на флигель-адъютанта Графа Протасова [3]; но тайная мысль Нечаева была та, что Графъ, какъ военный, никогда не заступитъ мѣсто оберъ-прокурора въ Сѵнодѣ (чего опасался Нечаевъ отъ гражданскихъ своихъ намѣстниковъ), а между тѣмъ, какъ товарищъ Народнаго Просвѣщенія, могъ приблизить его къ сему Министерству, ибо весьма желалъ Нечаевъ, чтобы оно опять соединилось, въ лицѣ его, съ Министерствомъ Духовныхъ Дѣлъ [4]. Го-

---

предстоящихъ трапезѣ", Фотій, на основаніи собственнаго опыта, замѣтилъ „Правда". („Извѣстія церковно-археологическаго общества", за 1879 годъ, стр. 45).

[1] Это не точно. Прежде всего появился французскій переводъ, А. С. Стурдзы (Спб. 1837), потомъ нѣмецкій Мюральта (Лейпцигъ, 1838), польскій (2 изданія—Варшава 1841 и 1850), французскій переводъ князя Н. Б. Голицина (2 изданія—Харьковъ 1847 и Спб. 1850—53), греческій Ѳ. Валліано (Аѳины 1851), сербскій Даниловича (2 изданія — Новый Садъ 1854 и Бѣлградъ 1867) и англійскій (1866). Переводчица на польскій языкъ—Эмилія Аленикова-Романовская (*Григорій Геннади* „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ", Берлинъ 1876—80, томъ II стр. 350 и 430)

[2] Здѣсь хронологическая ошибка (каковыя нерѣдко встрѣчаются въ „Воспоминаніяхъ" А. Н. Муравьева). С. Д. Нечаевъ уволенъ въ отпускъ срокомъ до четырехъ мѣсяцовъ и исполненіе его обязанностей возложено на флигель-адъютанта Графа Протасова Высочайшимъ указомъ отъ 24 февраля 1836 г. (архивъ Св. Сѵнода, дѣло 1836 г., № 692).

29 марта 1836 г. М. Филаретъ писалъ намѣстнику Антонію: „Хотите знать новости? Степанъ Дмитріевичъ поѣхалъ къ больной супругѣ; его должность поручена Графу Протасову, зятю Князя Дмитрія Владиміровича" (часть 1-я, № 132).

[3] *Графъ Николай Александровичъ Протасовъ*, впослѣдствіи—генералъ-адъютантъ, род. 27 декабря 1798 г. † 16 января 1855 г. Жена его, Графиня Наталія Дмитріевна (дочь Московскаго генералъ-губернатора, свѣтлѣйшаго Князя Голицына)—Гофмейстерина Императрицы Маріи Александровны.

[4] Министерство Духовныхъ Дѣлъ было соединено съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія при Князѣ А. Н. Голицынѣ (съ 1817 по 1824 г.).

Digitized by Google

сударю напомнилъ онъ, что первымъ оберъ-прокуроромъ былъ капитанъ гвардіи [1], и это понравилось при Дворѣ, хотя духовенство было поражено назначеніемъ военнаго въ Сунодъ и многіе изъ мірянъ этимъ соблазнялись.

Графъ имѣлъ познанія о Церкви, хотя болѣе западныя, потому что воспитатель его былъ ученый іезуитъ [2], но благочестивая мать [3] научила его и церковному кругу. Ко мнѣ онъ весьма благоволилъ вначалѣ, и я старался изгладить у духовныхъ непріятное впечатлѣніе его военнаго мундира. Вскорѣ и самъ онъ пріобрѣлъ ихъ расположеніе, многими благонамѣренными дѣйствіями доказавъ ревность свою къ Православію. При самомъ началѣ отклонилъ онъ печатаніе полнаго собранія церковныхъ законовъ, весьма неблаговиднаго по нѣкоторымъ указамъ временъ

[1] Первымъ оберъ-прокуроромъ былъ Иванъ Васильевичъ Болтинъ (въ 1721—25 гг.); затѣмъ были и другіе, носившіе военное званіе. („Списки оберъ-прокурорамъ Св. Сунода съ учрежденія до нынѣ“ въ *Русскомъ Архивѣ* 1866 г.).

Сравн. Высочайшее повелѣніе отъ 11 мая 1722 г. „Въ Сунодъ выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бъ имѣлъ смѣлость и могъ управленіе сунодскаго дѣла знать и быть ему оберъ-прокуроромъ, и дать ему инструкцію, примѣняясь къ инструкціи генералъ-прокурора“. („Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству Православнаго исповѣданія Россійской Имперіи“, т. II. Спб. 1872).

[2] „Западные римскіе мудрователи усиливаются войти къ намъ съ своими мнѣніями и безъ усилія входитъ, потому что широко имъ отворяли двери. Кто-нибудь, напримѣръ, имѣлъ домашнимъ учителемъ римскаго священника, а православнаго священника не слушалъ; и легко можетъ случиться, что онъ будетъ защищать римскія мнѣнія, мняся защищать православіе, и есть-ли его мнѣнію открыть путь въ общество, то оно можетъ пройти далеко“ (Письмо Митрополита Филарета къ Архіепископу Тверскому Григорію, отъ 28 декабря 1844 г.—въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія“ 1877 г. часть III).

„Покойный Графъ Протасовъ, при благонамѣренности, по дѣйствію воспитанія, иногда, подъ именемъ православія, принималъ мнѣнія латинскія“. (Письмо М. Филарета къ оберъ-прокурору Св. Сунода, Графу А. П. Толстому, отъ 18 августа 1857 г.—въ „Собраніи мнѣній и отзывовъ Филарета, М. Московскаго и Коломенскаго“, т. IV, М. 1886).

Аббатъ Доминикъ Карлъ Николь (основатель іезуитской коллегіи въ Петербургѣ и директоръ Ришельевскаго Лицея въ Одессѣ), по словамъ его біографа, могъ справедливо сказать, „qu'en élevant de jeunes Russes il avait travaillé pour la France!“ („Vie de l'abbé Nicolle par l'abbé Frappaz“. Paris 1857).

[3] *Варвара Алексѣевна Протасова* (рожденная Бахметева), род. 26 апрѣля 1770 г. † 3 мая 1847 г. 15 сентября 1801 г. послѣ смерти своего мужа, сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. Я. Протасова, возведена въ графское достоинство.

Digitized by Google

Петровыхъ, которые однако хотѣлъ печатать Нечаевъ въ угожденіе Сперанскому. Вмѣсто того Графъ испросилъ Высочайшее повелѣніе напечатать собраніе правилъ соборныхъ, начатое при Елисаветѣ и остановленное при Екатеринѣ. Этимъ пріобрѣлъ онъ довѣренность старца Митрополита Серафима. Вообще его поступки и образъ мыслей были весьма церковны, хотя и съ нѣкоторыми оттѣнками западными, тогда какъ Нечаева напротивъ того всѣ подозрѣвали въ протестантизмѣ. Съ неудовольствіемъ ожидали его возвращенія слѣдующею весною; члены Сунода желали удержать Графа, хотя въ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ; Владыки Московскаго тогда не было въ Петербургѣ. Преосвященный Казанскій Филаретъ [1] взялся внушить Митрополиту Серафиму, чтобы онъ просилъ о томъ Государя чрезъ Графа Бенкендорфа, но не съумѣлъ этого сдѣлать. Тогда я принялъ на себя убѣдить добраго старца, и онъ подписалъ желаемое письмо: оно было съ вѣдома Графа и весьма ему пріятно; помню, что въ его же колескѣ отвезъ я изъ Сунода письмо сіе къ моему родственнику Мордвинову [2], служившему при Графѣ Б..... Государь былъ доволенъ, что выборъ Его, хотя и странный, одобренъ Архіереями, ибо Онъ мысленно уже назначилъ Протасова оберъ-прокуроромъ.

Но я возвращаюсь къ постепенности разсказа. Въ продолженіи зимы съ 1835 по 1836 годъ Графъ, особенно ко мнѣ расположенный, совѣтовался со мною о многихъ предметахъ, для православнаго направленія дѣлъ церковныхъ и особенно ученія. Моему особенному надзору поручилъ онъ печатаніе правилъ соборныхъ на греческомъ и русскомъ языкѣ [3] и желалъ,

---

[1] *Филаретъ* (Амфитеатровъ), род. въ 1778 г., постриженъ въ монашество въ 1798 г., ректоръ Орловской, Оренбургской и Тобольской семинарій, инспекторъ С.-Петербургской Духовной Академіи, докторъ Богословія (1814 г.), инспекторъ и ректоръ Московской Духовной Академіи, настоятель Воскресенскаго Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря, въ 1819 г.—Епископъ Калужскій, 1825 г.—Рязанскій, 1826 г.—Архіепископъ, 1828 г.—Казанскій, 1836 г.—Ярославскій, 1837 г.—Митрополитъ Кіевскій, скончался 21 декабря 1857 г.

Архимандритъ Сергій (Василевскій): „Высокопреосвященный Филаретъ, въ схимонашествѣ Ѳеодосій, Амфитеатровъ, М. Кіевскій и Галицкій, и его время". 3 тома. Казань, 1888.

[2] Двоюродный братъ А. Н. Муравьева, *Александръ Николаевичъ Мордвиновъ* (род. 5 іюня 1792 г.), служилъ въ III отдѣленіи, при графѣ А. Хр. Бенкендорфѣ. Впослѣдствіи Вятскій губернаторъ, статсъ-секретарь, сенаторъ.

[3] „Книга правилъ святыхъ апостолъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ" (на греческомъ и славянскомъ языкахъ). СПБ. 1839.

Digitized by Google

чтобы я написалъ изложеніе Символа Вѣры, или Краткій Катихизисъ, для людей свѣтскихъ; узнавъ, что я собираюсь писать обширную исторію Патріарховъ и уже приготовилъ для нея предисловіе, онъ убѣдилъ меня присоединить къ сему предисловію краткій обзоръ патріаршаго періода и, такимъ образомъ, составить полную, хотя и краткую, исторію Русской Церкви, которая введена была имъ въ училища; впослѣдствіи ее перевелъ на англійскій языкъ діаконъ Палмеръ и еще недавно перевели на французскій и нѣмецкій. [1]

Весною, когда уже ожидали скораго возвращенія Нечаева, Графъ подумалъ о томъ, какъ бы меня оградить отъ непріязни бывшаго оберъ-прокурора, и представилъ въ камергеры, не смотря на то, что я отказывался отъ сего въ началѣ зимы. 21 мая, возвратясь съ прогулки на островахъ, я нашелъ у себя записку Графа, который самъ былъ у меня и оставилъ мнѣ копію съ своего доклада, въ самыхъ лестныхъ для меня выраженіяхъ [2]. Я поспѣшилъ его благодарить; онъ обнялъ меня и сказалъ: „Я нарочно доставилъ вамъ копію съ сего доклада, чтобы онъ могъ послужить вамъ въ защиту противъ Нечаева, если опять будетъ говорить противъ васъ, что ваша служба безполезна“.

[1] „Исторія Россійской Церкви“ была издана три раза (СПБ. 1838, 1840 и 1845).

На англійскій языкъ перевелъ ее не Діаконъ Пальмеръ, а Кронштадскій пасторъ Блакморъ (переведшій и катихизисъ М. Филарета): „A history of the church of Russia. Transl. by R. W. Blackmore. Oxford. 1842“. Греческій переводъ Θ. Валліано (Аѳины 1851), нѣмецкій — Кёнига (Карлсруэ. 1857). Французскій переводъ Князя Мещерскаго остался ненапечатаннымъ. (*Геннади*, Справочный словарь, т. II, стр. 351).

[2] „Состоящій за Оберъ-Прокурорскимъ Столомъ въ Святѣйшемъ Синодѣ коллежскій ассесоръ Муравьевъ впродолженіе трехлѣтняго служенія его въ настоящей должности не былъ доселѣ еще поощряемъ никакою наградою за ревностное усердіе, съ коимъ, по мѣрѣ лежащихъ на немъ обязанностей, онъ трудится въ кругу обширнаго и многообразнаго дѣлопроизводства по Святѣйшему Синоду.

„Будучи теперь ближайшимъ свидѣтелемъ усердной дѣятельности и многихъ полезныхъ трудовъ сего чиновника, являющаго съ примѣрнымъ благочестіемъ отличныя дарованія и пламенную ревность къ Престолу и Церкви на поприщѣ, Вашимъ Величествомъ ему указанномъ, я не исполнилъ-бы возложенной на меня обязанности, если при представленіи нынѣ другихъ сего вѣдомства чиновниковъ къ наградамъ, не рѣшился бы всеподданнѣйше ходатайствовать и о Всемилостивѣйшемъ вниманіи къ службѣ Муравьева.

„По занимаемой имъ должности, состоящей по росписанію въ 5 классѣ, и по выслугѣ уже имъ въ настоящемъ чинѣ узаконенныхъ лѣтъ для производства въ надворные совѣтники, полагая, что самою лестнѣйшею для

Digitized by Google

Могъ ли я тогда подумать, что черезъ 6 лѣтъ этотъ докладъ послужитъ мнѣ противъ самого Графа, для моей защиты?

Нечаевъ возвратился въ исходѣ іюня уже овдовѣвшимъ [1]; онъ спѣшилъ ко дню рожденія Государя [2] и весьма былъ изумленъ, что не получалъ разрѣшенія вступить въ должность. Нѣсколько времени не знали, кто будетъ оберъ-прокуроромъ, и уже оберъ-секретари приходили меня поздравлять; наконецъ узнали, что Нечаевъ сдѣланъ сенаторомъ въ Москву [3], но еще о Графѣ Протасовѣ не было указа, такъ какъ онъ колебался принять на себя сію должность. Архіепископъ Казанскій Филаретъ пріѣзжалъ убѣждать его, чтобы не отказывался; я тутъ же случился и, какъ бы предчувствуя, что̀ будетъ между нами, говорилъ, „что если мало ему одного сотрудника, пусть возьметъ еще нѣсколькихъ за оберъ-прокурорскій столъ, не думая меня тѣмъ оскор-

---

него наградою было бы возведеніе его въ званіе Камергера Двора Вашего Императорскаго Величества, пріемлю смѣлость повергнуть таковое ходатайство на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Величества, вмѣстѣ съ формулярнымъ о службѣ его спискомъ“ (Бумаги А. Н. Муравьева въ библіотекѣ. М. Дух. Академіи. Пакетъ 33).

А. Н. Муравьевъ пожалованъ въ Камергеры Высочайшаго Двора—21-го мая 1836 г. Митрополитъ Филаретъ писалъ (6 іюня 1836 г.): „Прежде всего поздравляю Васъ, Кѵє Андрей Николаевичъ, съ знакомъ благоволенія Государя Императора. Почести иногда искушаютъ,—сего надобно беречься, но поелику онѣ введены въ устроеніе общества, то иногда помогаютъ полезному вліянію на людей и дѣла, и къ сему надобно употреблять ихъ“. Далѣе, въ томъ же письмѣ (№ 24) Владыка прибавляетъ: „Скажите Вашему помыслу: смотри въ книгу, еще успѣешь смотрѣть во Дворецъ“.

[1] Къ вышеприведенному письму отъ 6 іюня (изъ Москвы) м. Филаретъ дѣлаетъ приписку: „Здѣсь на сихъ дняхъ ждутъ Стефана Дмитріевича. Не знаю, дождусь-ли его. Не слышу, какъ онъ переноситъ свое лишеніе. О покойной можно думать съ миромъ. Жаль его и дѣтей“.

18 іюня 1836 г. М. Филаретъ писалъ С. Д. Нечаеву: „Со скорбя скорби Вашей, скорблю и о томъ, что долго не раздѣляю оной съ Вами, ни лично, ни посредствомъ письма... Одно и теперь остается, что и прежде: просить Бога, чтобы утѣшилъ Васъ и подкрѣпилъ. По человѣческому разсужденію, что бы лучше, какъ сохранить такую помощницу Вамъ, такую мать дѣтямъ, для большаго Вамъ удобства заниматься дѣлами общей пользы? Но кто разумъ умъ Господень? Мы знаемъ только, что рѣшенія Божіи опредѣляетъ Умъ всепремудрый и Воля всеблагая. Вы знаете сіе и безъ меня; однако я напоминаю сіе себѣ и Вамъ, чтобы на посѣщеніе Вамп Божіе смотрѣть, какъ должно. Съ упованіемъ да будетъ молитва, чтобы Господь устроилъ благое о Васъ и о чадахъ Вашихъ. Въ сей молитвѣ умолкну“. (№ 274).

[2] День рожденія Императора Николая Павловича—25 іюня.

[3] Съ оставленіемъ членомъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ.

Digitized by Google

бить". Графъ былъ наконецъ назначенъ, [1] и радость была общая между членами Синода. Владыка Серафимъ первый объявилъ мнѣ вѣсть сію на дворѣ Лавры, гдѣ я его встрѣтилъ, обнялъ и пригласилъ обѣдать.

Но никогда не должно слишкомъ увлекаться какимъ-либо чувствомъ [2] или заглядывать впередъ, что̀ мнѣ сказалъ и Князь А. Н. Голицынъ, когда я, встрѣтившись съ нимъ въ саду на Петергофскомъ праздникѣ [3], чрезвычайно хвалилъ новый выборъ оберъ прокурора. Я далъ обѣщаніе, въ случаѣ успѣха, сходить на богомолье въ Сергіеву пустынь, наканунѣ Ильина дня, такъ какъ это былъ день моего возвращенія изъ Іерусалима, но ве-

[1] Указъ о назначеніи Графа Протасова послѣдовалъ 1 іюля 1836 г. Какъ Графъ понималъ свое новое назначеніе, лучше всего показываетъ слѣдующій разсказъ Преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, передаваемый профессоромъ П. С. Казанскимъ: „Когда г. Протасова сдѣлали оберъ-прокуромъ, онъ пріѣзжаетъ къ генералъ-адъютанту Чичерину и говоритъ ему: „Поздравь меня: я—министръ, я—архіерей, я ч... знаетъ что!" Филаретъ Кіевскій, услышавъ это, сказалъ: „Справедливо только послѣднее." (*Православное Обозрѣніе* 1878 г. № 1).

[2] Приводимъ нѣсколько примѣровъ увлеченія Графомъ Протасовымъ. Восторгаясь его дѣяніями, какъ оберъ-прокурора, и называя его своимъ „благодѣтелемъ", бывшій Иркутскій Архіепископъ Иринеи, между прочимъ пишетъ Графу: „Теперь и пастыри и паствы во всеуслышаніе всего міра скажутъ: Съ нами Богъ! тщетно страхованіе! Не убоимся, безъ смущенія будемъ теперь предъ нимъ (духомъ зла). Благочестивѣйшій Монархъ, поставивъ Васъ на великомъ священностражіи всемірнаго Православія, надолго разрушилъ ковы ада! Подвизайтесь, мужъ любви Господней, избранный въ столь раннюю пору жизни для великаго дѣла спасенія! Сила Духа Божія, среди знойной пустыни міра сего, изъ камней безчувственныхъ изведетъ Вами (чрезъ Ваше посредство) воду жизни и самые камни превратитъ въ чадъ Авраама"... (26 октября 1837 г.). „Время побораетъ все, подобно Богу все поборающему! Оно возвратило Васъ, Сіятельнѣйшій Графъ, въ свѣтъ изъ-за предѣловъ земли Русской, дабы, подобно Богу, изливать на насъ и на вѣрующихъ въ блага Сына Господа нашего Іисуса Христа... Я чувствую сіе, премного взысканный Вами"... (31 марта 1851 г.). „Еслибъ не собственноручно были написаны эти строки (справедливо замѣчаетъ издатель писемъ), трудно было-бы вѣрить, что такое страшное самоуниженіе допустилъ прежде гордый Владыка"... („Архіепископъ Иркутскій Иринеи Нестеровичъ" статья И. А. Вахрамѣева во 2 выпускѣ „Трудовъ Ярославской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи", М. 1892 г., стр. 12, 13, 21).

А. Н. Муравьевъ лѣтомъ 1837 г. писалъ Графу о тогдашнемъ Воронежскомъ Архіепископѣ: „Преосвященный Антоній любитъ Васъ отъ всей души и радуется Вами". (*Русскій Архивъ*, 1876 г. книга III).

[3] *Петергофскій праздникъ*—въ день рожденія Императрицы Александры Ѳеодоровны (1 іюля).

Digitized by Google

черомъ меня едва не ограбили по Сергіевской дорогѣ. Вскорѣ начала обнаруживаться истина словъ Князя Голицына. Графъ, сдѣлавшись прямымъ начальникомъ, почти съ перваго дня перемѣнилъ обращеніе со мною, стараясь, чтобы наши отношенія были только служебными; это было мнѣ весьма больно, потому-что я его искренно любилъ, вовсе не изъ личной цѣли, а только за ревность его къ Церкви.

Вскорѣ начались неудовольствія. Лѣтомъ Графъ поручилъ мнѣ обревизовать типографію, которая была въ совершенномъ хаосѣ отъ самаго ея учрежденія [1]. Такъ какъ прежде онъ никогда не занималъ меня такого рода предметами, а болѣе учеными или духовными, то я отговаривался тѣмъ, что могу запутаться въ счетахъ, потому что это вовсе не по моей части. Графъ вспыхнулъ, и съ этой минуты наши отношенія совершенно измѣнились. Меня это тронуло до слезъ, однако я исполнилъ удовлетворительно дѣло, на меня возможенное.

Осенью возвратился чиновникъ по особымъ порученіямъ, бывшій при Нечаевѣ, Войцеховичъ [2] и, какъ человѣкъ ловкій и опытный въ дѣлахъ, успѣлъ сперва вкраться въ довѣренность Графа, а потомъ, незамѣтно для него самого, возъимѣлъ надъ нимъ большое вліяніе. Къ общему изумленію, объявили однажды въ Сунодѣ указъ о назначеніи Войцеховича за оберъ-прокурорскій столъ; тогда еще мѣсто сіе почиталось очень важнымъ, потому-что въ началѣ было создано Екатериною для Князя Потемкина [3] и послѣ него упразднилось на долго, а Нечаевъ, за-

---

[1] Въ примѣчаніи къ письму М. Филарета (№ 25) А. Н. М. говоритъ: „Въ то время, когда я собирался посѣтить Воронежъ, мнѣ дано было отъ новаго оберъ-прокурора не совсѣмъ пріятное порученіе обревизовать Сунодальную типографію, бывшую въ совершенномъ хаосѣ, и я долженъ былъ отложить свою поѣздку до слѣдующаго года“.

По этому поводу м. Филаретъ пишетъ (7 августа 1836 г.): „Святитель Митрофанъ не прогнѣвается на Васъ за отсрочку путешествія ради послушанія. Послушаніемъ съ любовію Вамъ надобно мирить съ должностію начальника, не по желанію, говорятъ, ее принявшаго. И Вы лучше привыкните къ сухому дѣлу должности, дѣлая оное, ради послушанія, съ любовію“.

[2] *Войцеховичъ*, Алексѣй Ивановичъ, чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, директоръ канцеляріи при Св. Сунодѣ, впослѣдствіи—членъ Государственнаго Совѣта † 20 мая 1881 г.

[3] Камеръ-юнкеру Григорію Александровичу Потемкину (впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ Князь Потемкинъ-Таврическій) повелѣно быть за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Св. Сунодѣ, указомъ Императрицы Екатерины II, отъ 19 августа 1763 г.

Digitized by Google

нимая его, былъ почти оберъ-прокуроромъ. Самая неожиданность сего объявленія огорчила членовъ Сѵнода, которые всѣ меня любили. Митрополитъ Серафимъ спросилъ меня: кто изъ двухъ будетъ старше? и пожалъ плечами, услышавъ, что Войцеховичъ [1]. Графу вѣроятно было совѣстно предо мною, потому-что его не было въ засѣданіи; однако, онъ не извинялся въ этомъ, но разъ какъ-то сказалъ впослѣдствіи: „Съ такими чиновниками легче работать, а васъ мнѣ совѣстно часто тревожить". Еще однажды на балѣ у Великой Княгини, танцуя, говорилъ: „Мнѣ неловко встрѣтить васъ завтра въ Сѵнодѣ!"

Это показываетъ, что Графъ, хотя и принадлежалъ къ высшему обществу, однако любилъ себя окружать чиновниками, которыхъ считалъ своими людьми,—бо́льшая часть изъ нихъ были Малороссіяне, такъ что покойный Государь однажды шутя ему замѣтилъ предпочтеніе его къ сему племени. Вскорѣ явился и Бѣлоруссъ, человѣкъ ловкій, но осторожный, воспитанный въ Полоцкомъ училищѣ Іезуитовъ, который совершенно пришелся по духу Протасову. Полезный во многихъ отношеніяхъ по своей учености, онъ сталъ однако вмѣшиваться, къ крайнему прискорбію духовныхъ, въ дѣла догматическія по цензурѣ и вполнѣ овладѣлъ довѣренностью Графа по сему предмету; вліяніе его распространилось и на слѣдующаго оберъ-прокурора. Это былъ Сербиновичъ, временно заступавшій его мѣсто [2].

Въ октябрѣ того же года, предъ самымъ пріѣздомъ Митрополита Московскаго, неоднократно спрашивалъ меня Графъ: „Ду-

---

[1] „За оберъ-прокурорскимъ столомъ выше Андрея Николаевича помѣщенъ другой чиновникъ, пользовавшійся особенною довѣренностью прежняго оберъ-прокурора. Андрей Николаевичъ принялъ сіе со смиреніемъ" (Письмо М. Филарета къ Архимандриту Антонію отъ 6 ноября 1836 г. Часть I, № 149).

[2] *Сербиновичъ* Константинъ Степановичъ, директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Сѵнода, † 18 февраля 1874 г.

„Извѣстный археологъ И. П. Сахаровъ разсказывалъ мнѣ (говоритъ П. С. Казанскій) что однажды, идя по Невскому проспекту съ Романовичемъ, зашли они въ Казанскій соборъ и увидѣли стоящаго на колѣняхъ предъ иконою Богоматери К. С. Сербиновича. Романовичъ, подойдя сзади, положилъ руку на плечо Сербиновичу и сказалъ ему: „Какъ ты смѣешь здѣсь молиться? Развѣ мы не вмѣстѣ въ коллегіи іезуитовъ давали клятву оставаться навсегда вѣрными Римской Церкви?" Съ ужасомъ отпрыгнулъ отъ него Сербиновичъ". (*Православное Обозрѣніе*, 1878 г., № 1).

Для характеристики Сербиновича и Войцеховича можетъ служить письмо Камчатскаго Архіепископа Иннокентія къ А. Н. Муравьеву, отъ 6 іюля 1851 г. („Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцевъ", 1889 г. книжка II).

Digitized by Google

маю ли я, что онъ возвратится?" Я отвѣчалъ положительно, хотя зналъ, что Графу желательно было противное, потому-что онъ боялся его ума и вліянія на дѣла и, къ сожалѣнію, былъ сильно противъ него предубѣжденъ. Виною сего отчасти былъ Архіепископъ Казанскій, человѣкъ добрый, но весьма ограниченный, хотя и благочестивый, который за нѣсколько лѣтъ предъ симъ выѣхалъ изъ Петербурга, во времена Библейскаго Общества, когда многіе подозрѣвали въ неправославіи Князя Голицына и всѣхъ его приближенныхъ. Позабывъ, что все наше юношество обязано духовнымъ своимъ образованіемъ Катихизису Московскаго Владыки, на него самого безразсудно обратили такія же подозрѣнія. Были, это правда, нѣкоторыя черты протестантства въ нашемъ духовенствѣ, но ничего не было общаго въ этомъ направленіи, а только частные случаи, и весьма напрасно вооружался противъ сего Графъ Протасовъ, направляя свою дѣятельность не туда, куда надлежало, и слишкомъ довѣряя пустымъ толкамъ людей, которые сами ничего не могли произвести [1]. Да и что за Православіе вопіявшаго о Православіи, который самъ не соблюдалъ церковныхъ правилъ о постѣ? Когда возвратился Владыка изъ Москвы, стало извѣстно, что ему были посылаемы, чрезъ добраго старца Ростовскаго Архимандрита Иннокентія [2], тайныя внушенія остаться въ Москвѣ: это была хитрость со стороны Графа [3]; но Митрополитъ ихъ не

---

[1] „Итакъ, люди, вмѣшавшіеся не въ свое дѣло, которыхъ не жаль было метлою смести съ занимаемаго ими мѣста, мужа, замѣнить котораго можетъ-быть не найдутся способные ни въ одно столѣтіе, едва не принудили отказаться отъ должности". *П. Казанскій.* (*Православное Обозрѣніе.* 1878 г. № 1.)

[2] *Иннокентій* (Іоаннъ Порѣцкій), уроженецъ и священникъ с. Порѣчья-Рыбнаго, Ростовскаго уѣзда. Овдовѣвъ поступилъ въ Яковлевскій монастырь, гдѣ дядя его, приснопамятный іеромонахъ Амфилохій, 40 лѣтъ былъ гробовымъ при ракѣ Святителя Димитрія. Съ 1818 г., до кончины (27 февраля 1847 г.) Архимандритъ, настоятель Спасо-Яковлевскаго монастыря.

Объ Архимандритѣ Иннокентіи А. Н. Муравьевъ говоритъ въ, „Путешествіи по Святымъ Мѣстамъ Русскимъ". („Ростовъ").

[3] Въ примѣчаніи къ письму м. Филарета (№ 25) А. Н. М. говоритъ: „Не излишнимъ можетъ-быть упомянуть здѣсь объ одномъ странномъ обстоятельствѣ, при возвращеніи Митрополита въ Петербургъ. Послѣ освященія имъ церкви въ Ростовѣ, почтенный старецъ Архимандритъ обители Святителя Димитрія Ростовскаго Иннокентій пріѣзжалъ по своимъ дѣламъ въ столицу и останавливался на Троицкомъ подворьи. Я посѣтилъ его наканунѣ отъѣзда и засталъ тамъ оберъ-прокурора, который долго на единѣ съ нимъ бесѣдовалъ. Когда я спросилъ Архимандрита: „Нѣтъ-ли

Digitized by Google

послушалъ, и весьма благоразумно, потому, что не имѣлъ яснаго предписанія остаться; впослѣдствіи однако измѣнилось о немъ мнѣніе Графа [1].

Не смотря на нѣкоторыя непріятности съ Графомъ, едва ли это не было самое блистательное время моей жизни, ибо на меня уже начинали смотрѣть, какъ на церковнаго писателя; изданіе „Писемъ о Богослуженіи“ дало мнѣ средства все для себя устроить по моему новому придворному званію. Весною я опять поѣхалъ къ отцу моему, и это было послѣднее лѣто, которое провелъ я въ деревнѣ, подъ кровомъ родительскаго дома, гдѣ протекли радостные дни юности; съ тѣхъ поръ я тамъ уже

тутъ какой-либо тайны?“ Онъ отвѣчалъ мнѣ только: „Вамъ это болѣе извѣстно“. Между тѣмъ, за нѣсколько дней до возвращенія Митрополита, въ октябрѣ мѣсяцѣ, Графъ неоднократно меня спрашивалъ: „Увѣренъ-ли я, что онъ будетъ къ сроку?“ Когда же я сообщилъ объ этомъ сомнѣніи возвратившемуся Владыкѣ, онъ мнѣ сказалъ: „А я колебался, ѣхать-ли мнѣ? Потому что Архимандритъ Иннокентій сильно убѣждалъ меня не ѣхать, не объясняя однако причины своего настоянія, такъ что я наконецъ спросилъ его: имѣетъ-ли онъ ко мнѣ слово запрещенія отъ первенствующаго члена? И когда онъ удостовѣрилъ меня, что нѣтъ, то я рѣшился ѣхать, чтобы не быть ослушникомъ“.

Сравн. письмо М. Филарета къ А. Н. М. отъ 27 ноября слѣдующаго 1837 г.: „Мудреные вы люди въ Петербургѣ: ждете меня въ декабрѣ, а мнѣ не сказываете, что я долженъ явиться въ декабрѣ. Есть-ли пріѣду, можете сказать: зачѣмъ? Тебѣ велѣно *остаться въ Москвѣ*, и больше ничего. Есть-ли не пріѣду, можете сдѣлать меня виноватымъ, есть-ли подлинно имѣете основаніе ждать меня въ декабрѣ. Слава Богу, что я имѣлъ случай лично узнать волю Государя Императора. Теперь поѣду съ миромъ, зная, что творю дѣло послушанія волѣ Помазанника Божія...“ (№ 34).

[1] Съ 1846 по 1855 г. (то-есть до самой кончины) Графъ Протасовъ обращался къ Митрополиту Филарету за разрѣшеніемъ всѣхъ болѣе важныхъ вопросовъ, сдѣлавъ самъ первый шагъ къ сближенію съ Московскимъ Святителемъ.

Во 2 части „Писемъ М. Филарета къ намѣстнику Свято-Троицкой Сергіевой Лавры Архимандриту Антонію“ читаемъ: „Петербургскій гость (то-есть, Графъ Протасовъ) бывъ у меня нѣсколько разъ, проводилъ у меня отъ двухъ до четырехъ часовъ, и, какъ это было не празднословіе, то и на промежутокъ посѣщеній прибавлялъ мнѣ дѣла. Благодареніе Богу, сношенія наши были мирныя, и мнѣ пріятно было видѣть попеченіе о благѣ общемъ, хотя не на всѣ предметы взгляды наши были одинаковы“. (№ 643, отъ 14 мая 1848 г.). „Сербиновичъ, отъѣзжая изъ Москвы, оставилъ мнѣ записку о осьми дѣлахъ, по которымъ ждутъ отъ меня отвѣта, по инымъ уже довольно долго“. (№ 694, отъ 9 апрѣля 1849 г.).

Ср. также *Сушкова* „Записки о жизни и времени Святителя Филарета М. Московскаго“, стр. 14[2].

Digitized by Google

не жилъ, батюшка переѣхалъ по болѣзни въ Москву. Итакъ, этотъ годъ былъ какъ бы переломомъ въ моей домашней жизни. Весною посѣтилъ я впервые Воронежъ, чтобы поклониться мощамъ новоявленнаго Чудотворца [1], и оттуда поѣхалъ въ Калужскую деревню моего пріятеля Гончарова, у котораго тогда жила только-что овдовѣвшая сестра его—Пушкина. Такъ встрѣтилъ меня Жуковскій и предложилъ сопутствовать Цесаревичу по святынѣ Московской. Немедленно прибылъ я въ Москву и услышалъ то же благосклонное приглашеніе отъ самого Великаго Князя [2].

Осмотрѣвъ всѣ монастыри Московскіе, мы посѣтили Лавру Троицкую и Новый Іерусалимъ, гдѣ я со всею подробностію изъяснилъ сходство сей обители съ древнимъ храмомъ Воскресенія [3]. Цесаревичъ осыпалъ меня своими милостями; утѣши-

---

[1] Открытіе мощей Святителя Митрофана (въ схимѣ Макарія), перваго Епископа Воронежскаго († 23 ноября 1703 г.) послѣдовало 6 августа 1832 г.

См. переписку Архіепископа Воронежскаго Антонія съ А. Н. Муравьевымъ (о гравированномъ изображеніи св. Митрофана), напечатанную въ *Русскомъ Архивѣ* 1894 г. (книга II).

[2] „Въ помѣстьи Гончаровыхъ посѣтилъ печальную вдову Пушкина Жуковскій, который принималъ большое участіе въ ея судьбѣ и былъ недалеко въ Калугѣ съ Цесаревичемъ. Ему показалось страннымъ, что я тамъ нахожусь во время глубокаго ея траура, потому что не зналъ моихъ короткихъ отношеній съ ея братомъ. „Что вы здѣсь дѣлаете? спросилъ онъ. Не лучше ли вамъ ѣхать въ Москву, чтобы намъ сопутствовать и объяснить Цесаревичу ея древнюю святыню“. Съ радостію принялъ я столь лестное предложеніе и поспѣшилъ въ Москву. Тамъ представилъ меня Жуковскій Государю Наслѣднику, и въ его свитѣ объѣхалъ я всѣ обители столицы и ея окрестности. Въ Новомъ Іерусалимѣ особенно требовалъ отъ меня Жуковскій подробныхъ объясненій, такъ какъ я недавно обозрѣвалъ древній и могъ сравнивать оба святилища; онъ содѣйствовалъ къ тому, что Великій Князь украсилъ мраморомъ и лампадами внутренность Святаго Гроба въ Воскресенскѣ“. („Знакомство съ русскими поэтами“).

[3] „Въ Новомъ Іерусалимѣ, сравнивая новый храмъ Воскресенія съ древнимъ его образцомъ, я обратилъ вниманіе Цесаревича на чрезвычайное убожество самой часовни Св. Гроба, которая, будучи раззолочена снаружи, внутри была лишена всякихъ украшеній, и голыя стѣны производили весьма непріятное впечатлѣніе, при той мысли, что это подобіе величайшей въ мірѣ святыни. Цесаревичъ сейчасъ же предложилъ украсить на свой счетъ мраморомъ всю внутренность священной часовни и прислать въ нее по одной серебряной лампадѣ отъ каждой особы Царствующаго Дома. Украшеніе мраморомъ сей часовни поручено было Митрополиту Московскому“. (Примѣчаніе А. Н. М. къ письму М. Филарета, № 31).

Digitized by Google

тельнымъ для меня воспоминаніемъ того пріятнаго времени осталось донынѣ знакомство съ почтеннымъ Княземъ С. М. Голицынымъ, послѣднимъ, можно сказать, изъ бояръ Русскихъ, который искренно и простодушно полюбилъ меня и съ тѣхъ поръ, болѣе 20 лѣтъ, не измѣнилъ своей благосклонности ко мнѣ [1].

Возвратясь въ деревню, я получилъ письмо отъ Графа Протасова, который, одобривъ начало моего *Изложенія Символа Вѣры* [2], просилъ продолжать; книга была напечатана зимою, и я удостоился получить за нее благословеніе отъ Святѣйшаго Синода. Хотя впослѣдствіи и нападалъ на меня за сію книгу Митрополитъ Кіевскій, говоря, что не подобало писать ее міянину, но я совершенно оправдался во всѣхъ его нареканіяхъ. Здѣсь же въ деревнѣ описалъ я мою поѣздку съ Наслѣдникомъ [3]. Грустно мнѣ было разставаться съ моимъ Осташовымъ, какъ будтобы я предчуствовалъ, что никогда болѣе не буду жить дома у себя въ деревнѣ; а между тѣмъ, какъ нарочно, я такъ хорошо тутъ устроился въ это послѣднее лѣто! Это была послѣдняя эпоха семейной моей жизни подъ кровомъ отеческимъ; тамъ преисполнено было мое сердце всѣми воспоминаніями дѣтства и юности:

---

[1] *Князь Сергій Михайловичъ Голицынъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, попечитель Московскаго Учебнаго Округа, предсѣдательствующій въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, членъ Государственнаго Совѣта, Верховный Маршалъ при коронованіи Императора Александра II, р. 1774 г. † 7 февраля 1859 г. Погребенъ въ с. Влахернскомъ, Кузьминки тожь. См. о немъ *Русское Обозрѣніе* 1895 г. № 11.

Письма князя С. М. Голицина къ А. Н. Муравьеву (1844—58 гг.) хранятся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи. (Пакетъ 52).

Письма М. Филарета къ Князю С. М. Голицыну, котораго онъ называетъ своимъ „благодѣтелемъ“, напечатаны въ „Православномъ Обозрѣніи“ 1883 г.

Наканунѣ кончины Князя С. М. Голицына, М. Филаретъ писалъ намѣстнику Антонію: „Спаси Господи чинъ благородныхъ: *яко оскудѣ боляринъ*“ (№ 1262). Подробности кончины изложены въ слѣдующемъ письмѣ.

[2] „Изложеніе Символа Вѣры Православной Восточной Каѳолической Церкви“ выдержало 5 изданій (СПБ. 1838, М. 1839, СПБ. 1840, 1841 и 1844).

22 августа 1838 г. М. Филаретъ писалъ А. Н. М.: „За изложеніе Символа Вѣры благодарю, и радуюсь, что ему открывается добрый путь“ (№ 42).

Въ примѣчаніи къ этому письму издатель говоритъ; „Изложеніе Символа Вѣры, написанное мною по порученію оберъ-прокурора, было распространено имъ по духовнымъ училищамъ“.

[3] „Воспоминаніе о посѣщеніи святыни Московской Государемъ Наслѣдникомъ“. СПБ. 1838. (Вошло въ 1 часть „Путешестія по святымъ мѣстамъ Русскимъ“, начиная съ изданія 1846 г.).

Digitized by Google

они протекли въ блистательномъ обществѣ молодыхъ людей лучшихъ фамилій, которые обучались у батюшки въ корпусѣ колонновожатыхъ: какъ быстро все это миновалось!!!..

Въ Петербургѣ переводъ моихъ „Писемъ о Богослуженіи“ на нѣмецкій языкъ обратилъ на меня вниманіе Великой Княгини Елены Павловны и Императрицы,[1] потому что онѣ читали ихъ на Страстной недѣлѣ; тогда и Государь впервые сказалъ мнѣ ласковое слово: это было въ Великую пятницу, при разъѣздѣ изъ дворца; шуткою онъ спросилъ меня: „почему я его не жалую?“ Я сперва смутился и не зналъ, что отвѣчать, но онъ продолжалъ въ томъ же духѣ: „Ты вѣрно любишь жену Мою и дѣтей больше, нежели Меня, потому что обносишь Меня своими книгами, когда бы долженъ Мнѣ первому ихъ подносить“. Съ тѣхъ поръ я свято исполнялъ сію Высочайшую волю.

Трудно на разстояніе многихъ лѣтъ упомнить порядокъ собственныхъ сочиненій, но мнѣ кажется, что въ теченіе зимы и лѣта 1838 года я занимался исторіей *Первыхъ четырехъ вѣковъ Христіанства*[2], потому что не могъ равнодушно видѣть, какъ мало у насъ извѣстны первыя начала Церкви, особенно въ духѣ Православія. Помню, что, когда я былъ сдѣланъ членомъ Русской Академіи[3], я въ ней читалъ первую главу, паденіе Іеру-

---

[1] Въ библіотекѣ въ Бозѣ почившей Императрицы Александры Ѳеодоровны (нынѣ находящейся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ) имѣется русское изданіе „Писемъ о Богослуженіи“ (1836 г.).

[2] „Первые четыре вѣка Христіанства“. Три изданія. (СПБ. 1840, 1842 и 1866 г.).

Въ Словарѣ *Геннади* показана книга „Первые годы Христіанской Церкви“ Спб. 1839. Въ библіотекѣ А. Н. Муравьева (въ Музеѣ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи) имѣется рукопись „Первый вѣкъ Христіанства“, съ цензорскимъ разрѣшеніемъ 1840 г. („Извѣстія за 1879 г.“ рукопись № 38).

[3] А. Н. Муравьевъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Россійской Академіи въ февралѣ 1837 г.

Въ примѣчаніи къ письму М. Филарета (№ 28) А. Н. М. говоритъ: „Митрополитъ былъ такъ снисходителенъ, что, когда меня сдѣлали членомъ Россійской Академіи, то онъ пожелалъ самъ ввести меня въ это собраніе и даже заѣхалъ за мною, объявивъ притомъ, что онъ везетъ меня на бывшее Московское подворье, такъ какъ оно взято было Императрицею Екатериной у Митрополита Платона для устройства Академіи. Но когда Владыка сказалъ лакею и кучеру, чтобы ѣхать на Васильевскій островъ, въ Академію, никто изъ нихъ не зналъ, что за Академія; одинъ только форейторъ выручилъ, закричавъ: „Знаю, тамъ сова на воротахъ“! Митрополитъ засмѣялся и сказалъ: „Ну ступай, гдѣ сова на воротахъ: это ученая птица“.

Digitized by Google

салима, которая была одобрена, а Академія положила напечатать на свой счетъ мою книгу. Но я получилъ за нее другую неоцѣненную похвалу, съ которою ничто не можетъ сравниться.

Однажды посѣтилъ я почтеннаго родственника, 90-лѣтняго старца, адмирала Графа Мордвинова [1], который потерялъ уже голосъ отъ старости, такъ что трудно было его понимать, и онъ болѣе выражалъ свою мысль на бумагѣ. Предъ нимъ лежала на столѣ только что вышедшая въ свѣтъ книга моя: „Первые четыре вѣка Христіанства“. Я сѣлъ подлѣ старца,—и вдругъ, къ чрезвычайному моему изумленію, поцѣловалъ онъ мою руку; я вырвалъ руку и спросилъ: „что это значитъ?“ Тогда старецъ написалъ мнѣ въ отвѣтъ: „Цѣлую руку, написавшую *Первые вѣка Христіанства*“. Невольно навернулись у меня слезы; можетъ-ли что сравниться съ такою наградой?

Лѣто провелъ я на Крестовскомъ островѣ [2] и въ августѣ вздумалъ осмотрѣть Гатчину. Въ сосѣднемъ имѣніи Демидовыхъ былъ семейный праздникъ, и радушные хозяева меня туда при-

---

Въ „Знакомствѣ съ русскими поэтами“ А. Н. Муравьевъ говоритъ: „Почти въ одно время съ Норовымъ мы были избраны членами Русской Академіи, гдѣ еще предсѣдательствовалъ тогда маститый 90 лѣтній старецъ, А. С. Шишковъ, бывшій министръ Просвѣщенія при Императорѣ Александрѣ и строгій блюститель Славянскаго слова. Хотя и не былъ блистателенъ составъ Академіи, но при немъ она держалась, а тотчасъ послѣ, когда занялъ президентское кресло новый министръ Просвѣщенія Графъ Уваровъ, замѣчательный по своей учебной администраціи, совершенно неожиданно была закрыта Русская Академія, и капиталы ея распредѣлены на другіе предметы. Для меня было весьма грустно внезапное распаденіе сего хранилища Русскаго слова, созданнаго на широкихъ основахъ Великою Екатериной, и еще грустнѣе, когда самое зданіе, бывшее нѣкогда подворьемъ Московскихъ Митрополитовъ, перешло въ руки Римской Духовной Академіи. Я уже не хотѣлъ болѣе участвовать, какъ почетный общникъ, въ Академіи Наукъ, гдѣ образовалось особое Отдѣленіе Русскаго языка изъ бывшей нашей Академіи“.

[1] *Графъ* (съ 25 іюня 1834 г.) *Николай Семеновичъ Мордвиновъ*, адмиралъ, министръ морскихъ силъ, Московскій предводитель дворянства, членъ Государственнаго Совѣта, предсѣдатель департамента экономіи, а потомъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, президентъ Вольнаго Экономическаго Общества, род. 17 апрѣля 1754 г. † 30 марта 1845 г. Погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ. (*В. С. Иконниковъ* „Графъ Н. С. Мордвиновъ“. **СПБ. 1873**).

[2] Къ лѣту 1838 г. относится портретъ А. Н. Муравьева, фототипія коего приложена къ настоящей книгѣ. Оригиналъ писанъ масляными красками академикомъ Захаровымъ и находится въ Москвѣ, у наслѣдниковъ Вл. Серг. Муравьева. Любопытная исторія этого портрета, разсказанная Андреемъ Николаевичемъ, напечатана въ книгѣ г. Семенова.

Digitized by Google

гласили; тутъ я познакомился съ кавалергардскимъ юнкеромъ Ахматовымъ [1], который очень понравился мнѣ по своему уму и образованности; я сблизился съ нимъ, несмотря на разность лѣтъ, и онъ скоро сдѣлался мнѣ совершенно приснымъ. Но, къ сожалѣнію, я замѣтилъ въ немъ невѣріе, заимствованное въ отсталыхъ понятіяхъ минувшаго вѣка, по его воспитанію въ Казанскомъ Университетѣ. Всѣми возможными средствами старался я разсѣять его заблужденія, но молодость и самонадѣянность преодолѣвали въ сердцѣ его слово истины.

---

[1] Алексѣй Петровичъ Ахматовъ, изъ дворянъ Симбирской губерніи, потомокъ Ахмата, послѣдняго Хана Золотой Орды, родился 22 ноября 1817 года. По окончаніи курса въ Казанскомъ Университетѣ, въ 1836 г. вступилъ въ военную службу, въ 1860 г. назначенъ Харьковскимъ военнымъ губернаторомъ, въ 1862—65 гг. занималъ должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода. Скончался отъ чахотки во Флоренціи 25 ноября 1870 г., погребенъ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, противъ алтаря Филаретовской церкви, близъ мѣста упокоенія приснопамятнаго Святителя.

Письма Митрополита Филарета къ А. П. Ахматову напечатаны въ числѣ „Писемъ Филарета къ Высочайшимъ Особамъ и разнымъ другимъ лицамъ", собранныхъ и изданныхъ Высокопреосвященнымъ Саввою, Архіепископомъ Тверскимъ и Кашинскимъ (Тверь, 1888) и въ „Русскомъ Архивѣ" 1890 г. (книга III). Въ предисловіи къ первымъ говорится: „Ни съ однимъ изъ бывшихъ до А. П. Ахматова оберъ-прокуроровъ Св. Сѵнода Митрополитъ Филаретъ не имѣлъ столь обширной частной переписки, дышущей искренними, можно сказать, дружескими чувствами, какъ съ этимъ благочестивымъ, честнымъ и ревностнымъ слугою Престола и отечества. Можетъ быть, это зависѣло и отъ того, что Алексѣй Петровичъ съ ранней юности былъ извѣстенъ Московскому Архипастырю съ наилучшей стороны. Еще въ чинѣ кавалергардскаго юнкера онъ былъ представленъ Владыкѣ **А. Н. Муравьевымъ.**"

Въ рукописяхъ А. Н. Муравьева сохранилось стихотвореніе, посвященное А. П. Ахматову (написано въ с. Архангельскомъ, 4 сентября 1842 г.).

Въ письмахъ М. Филарета къ А. Н. М. нерѣдко встрѣчается имя А. П. Ахматова; такъ, при вѣсти о назначеніи его оберъ-прокуроромъ Митрополитъ писалъ: „Есть-ли слухъ о А. П. Ахматовѣ обратится въ полную истину, и я радъ буду"- (№ 390—отъ 2 генваря 1862 г.).

Когда назначеніе состоялось, Митрополитъ пишетъ намѣстнику Антонію: „Новый оберъ-прокуроръ подаетъ благую надежду, что будетъ пещися о благѣ Церкви, въ ея соприкосновеніи съ государствомъ" (письмо № 1435 отъ 10 марта 1862 г.). „Алексѣй Петровичъ съ добрымъ подвигомъ проходитъ свое служеніе и въ нѣкоторыхъ случаяхъ Богъ даетъ ему примѣчательный успѣхъ". (№ 1451—отъ 20 іюня 1862 г.).

Когда окончилась сѵнодальная служба А. П. Ахматова, Митрополитъ почтилъ его слѣдующимъ письмомъ: „Уже довольно долго предо мною мысль, что Вы оставляете Ваше настоящее поприще. Но я все противопоставлялъ ей другую—что это еще можетъ измѣниться. Вчера пришедшее отъ Васъ

Digitized by Google

Тогда рѣшился я, по примѣру монахъ „Писемъ о Богослуженіи", написать, для обращенія молодаго друга, другія письма *О спасеніи міра сыномъ Божіимъ* [1], чтобы развить предъ нимъ, въ одномъ краткомъ обзорѣ, отчасти философскомъ, отчасти богословскомъ, всю глубокую систему Христіанства. Разумѣется, что я тутъ многое заимствовалъ изъ отцевъ Церкви, особенно изъ Великаго Аѳанасія, и изъ христіанскихъ мыслителей, каковъ былъ Паскаль. Владыка Московскій не отказалъ просмотрѣть сіе сочиненіе, трудное по его предмету,—и, благодаря Бога, оно принесло въ свое время плодъ, содѣйствуя къ обращенію юноши, хотя и не въ ту минуту, но когда, сдѣлавшись опытнѣе, съ бо̀льшимъ смиреніемъ сталъ онъ смотрѣть на истины вѣры. [2]

Не могу опять вспомнить, въ какое время написалъ я „Исторію Іерусалима", но, кажется, это было въ томъ же году [3]. По

слово уничтожаетъ сію послѣднюю мысль. Да будетъ воля Божія. Благо да будетъ Вамъ вездѣ и всегда. Мирюсь съ происшедшимъ тою мыслію, что, по сужденію врачей Вамъ необходимо имѣть облегченіе отъ трудовъ и перемѣнить воздухъ. Господь благодатно пріемлетъ жертву ревностной дѣятельности и самоотверженія, которую принесли Вы ему во служеніи между степенями Алтаря и Престола. Знающіе сіе служители Православной Россійской Церкви сохранятъ благодарное воспоминаніе о Вашемъ служеніи. Особенно утѣшительное памятованіе сохраню я о непрерывныхъ съ Вами сношеніяхъ, всегда мирныхъ, всегда свободныхъ, всегда споспѣшествовательныхъ ввѣренной мнѣ стражѣ церковнаго служенія. Нить служебныхъ сношеній прерывается, но не прерываетъ союза душъ во Господѣ. Онъ да возстановитъ Вамъ здравіе и да сохранитъ Васъ для дѣятельности, полезной Отечеству. Остаюсь съ подаваемою мнѣ надеждою увидѣть Васъ на Вашемъ пути". (№ 129—отъ 5 іюня 1865 г.).

Когда послѣ этого А. П. Ахматовъ пріѣхалъ въ Москву, Митрополитъ писалъ своему Викарію, Преосвященному Леониду: „Соберитесь и привѣтствуйте Алексѣя Петровича Ахматова благодарностію за его дѣятельность въ пользу Церкви и духовенства, и сожалѣніемъ о прекращеніи ея". (21 іюня 1865 г.). „Я съ трудомъ провелъ недолгое время съ Алексѣемъ Петровичемъ, какъ ни утѣшительна бесѣда съ нимъ, потому что онъ не удаленъ отъ нашихъ дѣлъ и заботъ" (12 іюля т. г.).

[1] „Письма о спасеніи міра Сыномъ Божіимъ". Два изданія (СПБ. 1839 и 1844).

См. письма М. Филарета къ А. Н. М., №№ 43 и 49.

[2] См. письмо М. Филарета къ А. Н. М. (отъ 19 ноября 1839 г.): „Господь, начный дѣло благо, да совершитъ оное, во славу свою и въ радость спасаемыхъ". (№ 56).

[3] „Исторія Святаго Града Іерусалима отъ времени Апостольскихъ и до нашихъ" (2 части) издана позднѣе (СПБ., 1844), но авторъ занимался ею гораздо ранѣе. Въ письмахъ къ нему Митрополита Филарета (№ 65—отъ 15 октября 1840 года, №№ 67, 85, 87 и № 90—отъ 28 апрѣля 1843 г.)

Digitized by Google

любви моей къ святому граду, мнѣ желательно было, чтобы его исторія, и духовная, и свѣтская, были бы извѣстны православнымъ, и потому я наполнилъ первую часть житіями святыхъ отецъ самыхъ цвѣтущихъ временъ Палестины, то-есть съ IV до VII вѣка. Крестовые походы заняли вторую часть, а въ концѣ оной любопытны свѣдѣнія о постепенномъ обладаніи святыхъ мѣстъ различными вѣроисповѣданіями; я ихъ отчасти заимствовалъ изъ греческой исторіи Патріарха Іерусалимскаго Досиѳея, но книга моя имѣла мало успѣха.

Весною и осенью 1839 года дважды я отлучался въ Москву, по нездоровью батюшки, который совершенно тамъ поселился. Такъ какъ это было блистательное время присоединенія Уніи, то я занялся составленіемъ книги полемической противъ Римлянъ, дабы мы имѣли, что имъ отвѣчать на ихъ словопрѣнія противъ Патріарха Фотія и въ пользу Флорентинскаго собора. Тогда написалъ я мою *Правду Вселенской Церкви*, [1] которая была одобрена многими изъ первостепенныхъ Архіереевъ, особенно западныхъ епархій, и напечатана въ Сунодальной типографіи. Дѣйствительно, она мнѣ стоила многихъ трудовъ, по множеству справокъ изъ Соборныхъ правилъ и Византійскихъ историковъ. Книга сія имѣла два изданія и переведена на греческій. За каждую изъ моихъ книгъ, подносимую Графомъ Го-

---

упоминается объ Исторіи Досиѳея, переводившейся въ Московской Духовной Академіи. 7 января 1844 года Митрополитъ Филаретъ пишетъ: „Желательно было бы знать, хорошо ли идетъ цензорованіе Исторіи Іерусалима. Впрочемъ, изъ того, что помышляете о печатаніи, замѣчаю, что большихъ затрудненій нѣтъ". Далѣе въ этомъ письмѣ (№ 96) разбирается заглавіе книги. Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 23 февраля) Митрополитъ пишетъ: „Поздравляю Исторію Іерусалима, благополучно прошедшую чрезъ испытаніе цензуры. Благодареніе Графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ за помощь благому дѣлу". Въ примѣчаніи къ этому письму издатель говоритъ: „Графиня А. А. Орлова-Чесменская неоднократно поддерживала меня въ изданіи книгъ и чрезъ то облегчала возможность ихъ печатать". (О томъ же свидѣтельствуетъ и П. С. Казанскій въ „Воспоминаніи объ А. Н. Муравьевѣ"). Въ письмѣ № 99 (отъ 23 апрѣля 1844 года), по замѣчанію А. Н. М., „Владыка разбираетъ предисловіе къ Исторіи Іерусалима и, какъ видно, не щадитъ автора съ обычнымъ своимъ остроуміемъ".

[1] „Правда Вселенской Церкви о Римской и прочихъ Патріаршихъ каѳедрахъ". СПБ., 1841 и 1849. Греческій переводъ Ѳ. Валліано (Аѳины, 1854). Замѣчанія Митрополита Филарета на эту книгу см. въ письмахъ къ А. Н. М., №№ 58 и 62. 5 октября 1841 года, по полученіи книги, Митрополитъ пишетъ: „Благодарю за *Правду*... Правдѣ успѣха и Вамъ мира многаго, во всякомъ образѣ, усердно желаю" (№ 72).

Digitized by Google

сударю, получалъ я Высочайшую благодарность и сослался на это впослѣдствіи, когда Графъ сталъ отклонять меня отъ дѣлъ церковныхъ, какъ человѣка безполезнаго.

Время присоединенія Уніи, какъ я уже сказалъ, было самое блистательное для Церкви, ибо тогда еще все оставалось въ первобытномъ порядкѣ, несмотря на возраставшее вліяніе Графа Протасова; Святѣйшій Сунодъ былъ въ полномъ составѣ. Четыре Митрополита, чего никогда не случалось, ни прежде, ни послѣ, съ двумя Архіепископами и съ двумя протопресвитерами въ немъ засѣдали, когда Литовскій Архіепископъ Іосифъ [1] предсталъ въ сіе священное собраніе для возвѣщенія единства [2] и когда Архіепископъ Ѳаворскій читалъ привѣтственное слово отъ Патріарха Іерусалимскаго, при поднесеніи въ даръ отъ него мощей Апостола Первозваннаго [3].

Вскорѣ произошла перемѣна, которая обратила вліяніе оберъ-прокурора въ министерскую власть, хотя и безъ громкаго сего

---

[1] *Іосифъ Сѣмашко* р. 25 декабря 1798 года магистръ богословія Виленскаго Университета, уніатскій священникъ, членъ уніатскаго департамента С.-петербургской Римско-католической коллегіи, Епископъ Мстиславскій, а потомъ Литовскій. 6 марта 1839 года принятъ въ общеніе Православной Церкви, 25 марта т. г.—Архіепископъ, 1852 г.—Митрополитъ. Скончался 23 ноября 1868 г.

„Записки Іосифа, Митрополата Литовскаго, изданныя Императорской Академіи Наукъ по завѣщанію автора“ (въ трехъ томахъ) Спб. 1883.

Кипріановичъ „Жизнь Іосифа Сѣмашки, М. Литовскаго и Виленскаго, и возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ съ Православною Церковью въ 1839 г.“ Вильна. 1893.

[2] Возсоединеніе уніатовъ (25 марта 1839 г.) было объявлено въ торжественномъ засѣданіи Сунода, 30 марта. Святѣйшій Сунодъ тогда составляли: Серафимъ, Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій; Филаретъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій; Филаретъ, Митрополитъ Московскій и Коломенскій; Іона, Митрополитъ (бывшій Грузинскій); Владиміръ, Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій; Нафанаилъ, Архіепископъ Псковскій и Лифляндскій; Духовникъ Протопресвитеръ Николай Музовскій; Оберъ-священникъ, Василій Кутневичъ.

[3] Часть мощей св. Апостола Андрея Первозваннаго и крестъ изъ честнаго древа были присланы Іерусалимскимъ Патріархомъ Аѳанасіемъ съ Архіепископомъ Ѳаворскимъ Іероѳеемъ, прибывшимъ въ Россію для сбора пожертвованій (впослѣдствіи Патріархъ Антіохійскій, скончался въ 1885 г). Святыня эта хранилась во присутственной залѣ Св. Сунода, и Митрополитомъ Московскимъ былъ составленъ особый чинъ для празднованія седми Вселенскихъ Соборовъ въ Сунодальной церкви три раза въ годъ, съ торжественнымъ несеніемъ туда и обратно присланной изъ Іерусалима святыни; но потомъ ее отдали въ Исаакіевскій соборъ.

Digitized by Google

имени [1], чрезъ уничтоженіе Коммиссіи Духовныхъ Училищъ [2]. Справедливо, что это была странная инстанція, состоявшая изъ тѣхъ же членовъ, съ присовокупленіемъ свѣтскихъ, которая сообщалась отношеніями въ Сунодъ, и нужно было ее уничтожить для бо́льшаго единства, но не было никакой надобности распространять управленіе оберъ-прокурора, сдѣлать изъ его малой канцеляріи огромный штатъ и притомъ устроить два управленія весьма обширныхъ: Хозяйственное при Сунодѣ и Духовно-учебное, на мѣсто бывшей Коммиссіи, которому подчинились всѣ духовныя училища, съ уничтоженіемъ нѣкоторыхъ сунодальныхъ правъ [3]. Графъ увѣрялъ меня, когда произошла сія перемѣна, что онъ всячески отстаивалъ права церковныя и отказывался отъ всякой власти, но послѣдствія не оправдали словъ его.

При этой перемѣнѣ случилась мнѣ большая непріятность. Я нечаянно узналъ, что Графъ назначилъ меня директоромъ Хозяйственнаго управленія и, хотя это было весьма лестно и выгодно, по окладу жалованія въ 12.000 рублей ассигнаціями, однако, не чувствуя себя способнымъ къ занятіямъ сего мѣста, я заблаговременно пришелъ отъ него отказаться. Графъ разгнѣвался, спросилъ, какъ я объ этомъ узналъ, и грозилъ отдать меня подъ судъ за то, что отказываюсь; но я сказалъ ему, что гораздо лучше быть судиму прежде за такой искренній поступокъ, нежели позже за растрату церковнаго имущества, по неумѣнію управлять имъ. Съ тѣхъ поръ возникла между нами еще большая холодность; къ тому же онъ подозрѣвалъ меня въ тайномъ

---

[1] М. Филаретъ писалъ (13 генваря 1843 г.) А. Н. М.: „Имя Министерства Духовнаго Просвѣщенія можетъ показаться благовиднымъ и потому имѣть успѣхъ, есть ли Богу будетъ угодно недостойно ищущихъ духовнаго просвѣщенія, предать насъ въ работу просвѣщенію свѣтскому. Предадимъ себя Его правдѣ и милосердію“. (№ 85).

[2] Коммиссія Духовныхъ Училищъ была учреждена въ 1808 г., взамѣнъ временнаго (съ 1807 г.) комитета объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ. См. изслѣдованіе *И. А. Чистовича*: „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Коммиссія Духовныхъ Училищъ“. Спб. 1894.

[3] Тогдашній ректоръ Кіевской Духовной Академіи Преосвященный Иннокентій (Борисовъ) писалъ 2 апрѣля 1839 г. Архіепископу Рязанскому Гавріилу (Городкову): „Итакъ Коммиссія окончилась вмѣстѣ съ Уніею!.. Кстати! Обѣ были не что иное, какъ расколъ... Но Духовно-учебное управленіе есть новый status in statu. Это желвакъ на тѣлѣ, который стянетъ въ себя всѣ соки и заставитъ исхудать все тѣло“. („Письма Иннокентія Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому и Зарайскому“. Москва 1869—№ 11).

Digitized by Google

ему противодѣйствіи и въ единомысліи съ Архіереями, особенно съ тѣмъ, въ которомъ онъ думалъ видѣть на Руси мнимую главу протестантства,— ибо такова была его химера.

Тутъ посѣтило меня и домашнее горе: здоровье батюшки совершенно разстроилось. Я поѣхалъ къ нему весною 1840 года и остался съ нимъ до половины лѣта на Бутырскомъ хуторѣ, подъ Москвою [1]; но видя, что онъ поправился, имѣлъ неосторожность возвратиться въ Петербургъ, чего никакъ не могу себѣ простить. Я надѣялся осенью опять его увидѣть, но чрезъ три недѣли получилъ извѣстіе, что ему сдѣлалось хуже, и, прежде нежели я успѣлъ собраться въ путь,—ибо не такъ легки тогда были сообщенія, — пришла другая горькая вѣсть о кончинѣ батюшки: это всегда останется тяжкимъ упрекомъ на моей совѣсти [2].

---

[1] „Послѣдніе два года жизни болѣзненное состояніе Н. Н. Муравьева принудило его оставить сельскія занятія въ деревнѣ и находиться постоянно въ Москвѣ, гдѣ онъ могъ удобнѣе пользоваться помощію врачей. Однако и тутъ не разстался онъ съ своею дѣятельностію. Онъ завелъ образцовую ферму у городской заставы на Бутырнахъ и тамъ проводилъ лѣто, руководствуя учениковъ Земледѣльческой Школы и самое общество опытными своими совѣтами. Почетные жители Москвы и посѣтители столицы искали его ученой бесѣды и утѣшались обществомъ просвѣщеннаго старца, который до конца жизни сохранилъ всю умственную бодрость свою и теплоту сердца, всю веселость и живость характера. Онъ не переставалъ трудиться, учить другихъ и учиться самъ. Одинъ изъ преданныхъ ему воспитанниковъ посѣтилъ его проѣздомъ, за годъ до его смерти. Заставъ его въ кабинетѣ, съ перомъ въ рукахъ, обложеннаго книгами, журналами, картами, онъ выразилъ ему удивленіе о неутомимости его и жаждѣ къ познаніямъ. Николай Николаевичъ отвѣчалъ на это: „Je ne veux pas, mon cher, rester en arrière du siècle dans lequel j'ai déjà tant vécu“. („Генералъ-маіоръ Н. Н. Муравьевъ“. СПБ. 1852—стр. 18). Митрополитъ Филаретъ совѣтовалъ ему даже „уменьшать внѣшнюю многодѣльность и располагать время, какъ лучше для здоровья и вмѣстѣ для мира души“. (Письмо къ А. Н. М., № 55—отъ 17 августа 1839 г.).

[2] Н. Н. Муравьевъ скончался (отъ водяной) въ Москвѣ, въ Успенскомъ переулкѣ (близъ Малой Дмитровки) въ д. Титова 20 августа 1840 г.

Подробности объ его кончинѣ находимъ въ письмахъ Митрополита Филарета къ А. Н. М.: „Мнѣ въ прошедшую пятницу сказали, что онъ занемогъ, и въ субботу былъ я у него на хуторѣ: но присутствіе постороннихъ не дало мнѣ свободы говорить съ нимъ, о чемъ бы я желалъ. Послѣ вопроса, будетъ-ли у него кто изъ дѣтей, я сказалъ между прочимъ: „Андр. Ник. свою чреду исполнилъ“.—„Да, отвѣчалъ онъ, совѣстливо исполнилъ; я ему очень благодаренъ“. Я не думалъ, что моимъ разговоромъ извлекъ отъ него послѣднее для Васъ благословеніе. Онъ не казался труднымъ и разговоромъ занимался съ полнымъ участіемъ. Въ воскресеніе занемогъ было я

Digitized by Google

Зимою произошло важное событіе въ Синодѣ: инспекторъ Московской Духовной Академіи Агаѳангелъ [1] написалъ три безъименныя письма тремъ Митрополитамъ, что онъ открылъ у своихъ студентовъ литографированный переводъ Пророчествъ, сдѣланный съ еврейскаго бывшимъ духовникомъ Наслѣдника протоіереемъ

самъ; потомъ занятъ былъ такъ, что замедлилъ навѣдаться о ходѣ болѣзни Николая Николаевича, кикъ вдругъ во вторникъ довольно поздно вечеромъ г. Титова, христіански о немъ заботившаяся, сказала мнѣ, что онъ очень труденъ. Въ среду я уранилъ у себя литургію и тотчасъ по окончаніи ея поѣхалъ къ нему; но нашелъ его сидящаго и трудно дышащаго, но уже не внимающаго ничему окружающему. Я положилъ на немъ крестное знаменіе и удалился. Мнѣ сказали, что минутъ черезъ двадцать послѣ меня, во время начатаго соборованія елеемъ, онъ скончался, слѣдственно скончался посреди молитвы". (№ 64—отъ 23 августа 1840 г.). „Отецъ изъ него же всяко отечество на небеси и на земли именуется, не оставляетъ сиротами тѣхъ, которые усыновленія ему взыскуютъ. Такъ да сотворитъ онъ и съ Вами. Да утѣшитъ Васъ въ лишеніи, и да успокоитъ отъ заботливыхъ размышленій, все ли Вы сдѣлали для покойнаго родителя, что требовалъ сыновній долгъ. Онъ отдалъ Вамъ справедливость, чему я былъ свидѣтелемъ, и какъ я писалъ Вамъ прежде. Что Вы не льстите себѣ, то не худо. Но не волнуйтесь помыслами о прошедшемъ: а просто и мирно приносите молитву за отшедшаго. Не охуждайте и того, что тѣло его положено въ Новодѣвичьемъ; и тамъ есть молящіеся и, можетъ быть, не менѣе нежели въ Донскомъ". (№ 65—отъ 15 октября 1840 г.).

Въ примѣчаніи А. Н. М. говоритъ: „Оба сіи письма свидѣтельствуютъ, сколько было теплоты сердечной у покойнаго Владыки, котораго иногда упрекали въ недостаткѣ этого качества, и какъ назидательны его утѣшенія, обращающія мысли къ духовному отъ земной скорби... Владыка принималъ искреннее участіе въ моемъ семейномъ горѣ, какъ бы одинъ изъ самыхъ присныхъ членовъ нашего семейства. Замѣтивъ изъ моего письма, что меня тревожила мысль о томъ, что я не присутствовалъ при кончинѣ отца моего, онъ старался успокоить мою душевную тревогу, разсказывая мнѣ о послѣднихъ рѣчахъ его,—и въ этомъ также какое тонкое чувство христіанской любви"!

[1] *Агаѳангелъ* (Соловьевъ) – постриженъ въ монашество въ 1825 г., магистръ X курса (1836 г.) Московской Духовной Академіи, въ 1842 г.—инспекторъ Московской Академіи; ректоръ Харьковской, а потомъ Костромской семинаріи; ректоръ Казанской Духовной Академіи; въ 1857 г. — Епископъ Ревельскій, 1860 г.—Вятскій, 1866 г.—Волынскій, 1868 г.—Архіепископъ. Скончался 8 марта 1876 г.

Агаѳангелъ самъ раскрылъ имя автора безъименнаго доноса, написавъ покаянное письмо Митрополиту Филарету, отъ 24 мая 1842 г. – Подлинникъ этого письма хранится въ бумагахъ М. Филарета, въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи (Пакетъ № 2).

Въ послѣдніе годы своей жизни Агаѳангелъ выступилъ съ горячимъ протестомъ противъ проекта церковно-судебной реформы.

Digitized by Google

Павскимъ [1], въ протестантскомъ духѣ. Всѣ три письма представлены были оберъ-прокурору, и Владыка Московскій тогда же предварилъ меня, что будетъ бѣда [2]. Графъ испугался, узнавъ, что литографія производилась въ Духовной Академіи Петербургской, которую онъ только что принялъ подъ свое вѣденіе отъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, и ему желательно было все опрокинуть на Московскую. Онъ воспользовался простодушіемъ Кіевскаго Митрополита и убѣдилъ подать отъ себя предложеніе, чтобы назначено было строжайшее изслѣдованіе по сему дѣлу въ трехъ мѣстахъ: въ Москвѣ, Кіевѣ и Петербургѣ, а Владыка Новгородскій Серафимъ, уже совершенно одряхлѣвшій, написалъ письмо

---

[1] *Герасимъ Петровичъ Павскій* р. 1787 г. 1 магистръ I курса С.-Петербургской Духовной Академіи. Профессоръ еврейскаго языка въ Академіи и богословія въ университетѣ, докторъ богословія. Законоучитель Цесаревича Александра Николаевича (до 1835 г.), протоіерей церкви Таврическаго дворца, академикъ. Скончался 7 апрѣля 1863 г. (см. „Біографическій очеркъ Г. П. Павскаго», составленный проф. Н. И. Барсовымъ, въ *Русской Старинѣ* 1880 г. т. XXVII и XXVIII).

О литографированномъ переводѣ Павскаго существуетъ цѣлая литература, укажемъ лишь главные источники и изслѣдованія:

„Письма М. Филарета къ намѣстнику Свято-Троицкія Лавры Архимандриту Антонію“ часть II. М. 1878.

„Письма Филарета, Архіепископа Черниговскаго къ А. В. Горскому“. М. 1885.

„Московская Академія по воспоминаніямъ двухъ родныхъ братьевъ Миловскихъ“ (*Русскій Архивъ* 1893 г., книга III).

И. А. Чистовичъ. „Исторія перевода Библіи на русскій языкъ“ (*Христіанское Чтеніе.* 1872 г. ч. I).

П. С. Казанскій „Мысли и чувствованія М. Филарета по дѣлу отобранія литографированнаго перевода книгъ Ветхаго Завѣта“ (*Православное Обозрѣніе* 1878 г., № 1).

[2] Епископъ Рижскій Филаретъ (Гумилевскій) 19 генваря 1842 г. писалъ изъ Петербурга А. В. Горскому: „Да—забылъ. Только это секретъ. Сюда присланъ тайный доносъ (въ трехъ экземплярахъ) на литографированный переводъ Библіи. Начались движенія. Дѣло идетъ къ Государю“. (№ 15).

31 генваря 1842 г. М. Филаретъ писалъ намѣстнику Антонію: „Помнится и отъ Васъ слышалъ я о литографированномъ переводѣ нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта. Изъ Владиміра присланъ противъ него доносъ, и дѣло едва ли не откроетъ имена всѣхъ, къ кому онъ изъ Петербурга посланъ. . . . Погрѣшности, указываемыя въ доносѣ, важны“.

8 мая 1842 г. М. Филаретъ писалъ Алтайскому миссіонеру Архимандриту Макарію (Глухареву): „Здѣсь явился литографированный переводъ нѣкоторыхъ, съ примѣчаніями противными достоинству Пророчествъ, и другими неправильностями, и возбудилъ сильное прещеніе“. (Письмо № 2, въ сборникѣ „Письма Филарета М. Московскаго и Коломенскаго къ Высочайшимъ Особамъ и разнымъ другимъ лицамъ“).

Digitized by Google

Графу, которымъ просилъ его вступиться за Православіе. Вскорѣ послѣдовало новое предложеніе Графа Сѵноду о найденныхъ будто бы въ Московской Академіи 5.000 экземплярахъ, уже не литографированныхъ, а печатанныхъ, и съ другаго будто бы перевода Библіи, еще худшаго. Онъ настаивалъ, чтобы Сѵнодъ донесъ о томъ Государю. Напрасно Митрополитъ Московскій увѣрялъ, что это клевета, и просилъ только двѣ недѣли срока для объясненія; никто не поддержалъ его, и ложное сіе донесеніе было доведено до Государя, а Графу только и надобно было, чтобы отклонить отъ себя, на первую минуту, нареканіе въ невнимательномъ наблюденіи за Академіею.

Когда-же впослѣдствіи ничего не открылось кромѣ того, что было литографировано въ Петербургѣ, и послѣдовала Высочайшая благодарность не Кіевскому за его ревность, какъ онъ сего ожидалъ, а одному только Митрополиту Серафиму, довѣрившему Графу блюсти Православіе,—тогда разгадали, къ чему клонилось все сіе громкое изслѣдованіе. Поскорбѣлъ Кіевскій, хотя и поздно, что допустилъ на собрата своего несправедливое нареканіе, и сталъ проситься въ свою епархію: его отпустили невозвратно. То же сдѣлали и съ Владыкою Московскимъ, который былъ очень доволенъ, что могъ наконецъ успокоиться у себя въ Москвѣ; [1] а между тѣмъ, управленіемъ

[1] Въ примѣчаніи къ письму М. Филарета № 82, А. Н. М. говоритъ: „Митрополитъ Московскій, давно желавшій возвратиться въ Москвѣ, безъ столь затруднительныхъ для его немощи поѣздокъ въ Сѣверную столицу, не могъ однако не скорбѣть духомъ, что послѣ многолѣтнихъ трудовъ по Сѵноду, его отпускали какъ бы по неудовольствію, и на него падала тѣнь подозрѣнія отъ несправедливыхъ нареканій. Я присутствовалъ при его отъѣздѣ 15 мая, и видѣлъ, какъ онъ плакалъ, прощаясь съ братіею въ церкви подворья, что невольно меня поразило, при его твердомъ характерѣ. Ему уже не суждено было болѣе возвратиться въ Петербургъ, хотя вскорѣ почувствовали недостатокъ его присутствія въ Сѵнодѣ. Онъ вздохнулъ свободно, когда увидѣлъ себя въ Москвѣ между своими, и это чувство отзывается въ первомъ его письмѣ ко мнѣ“. (отъ 30 мая 1842 г.).

Отголосокъ тогдашняго печальнаго настроенія слышится въ заключеніи знаменитаго слова, сказаннаго Митрополитомъ „по освященіи храма явленія Божіей Матери Преподобному Сергію, устроеннаго надъ мощами Преподобнаго Михея, въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, въ 27 день сентября 1842 года“. „Проповѣдь сія есть лучшая, какая когда-либо исторгалась изъ обильнаго любовію сердца Владыки Московскаго (говоритъ А. Н. Муравьевъ), и я испросилъ ее въ рукописи, его почеркомъ, чтобы навсегда сохранить у себя столь драгоцѣнное сокровище“ („Праздникъ Св. Сергія въ его Лаврѣ“ въ „Путешествіи по святымъ мѣстамъ Русскимъ“ изданіе 1863 г. и позднѣе.).

Digitized by Google

овладѣлъ Графъ, не имѣя никого, кто бы могъ ему противодѣйствовать, потому что добрый старецъ Владыка Серафимъ впалъ въ совершенное дѣтство и, обольщаемый громкимъ словомъ Православія,[1] все предоставилъ Графу, прочіе же члены были безгласны; тогда началась для Сунода та печальная эпоха преобладанія свѣтскаго, изъ которой доселѣ еще не можетъ выдти.[2]

[1] Ученикъ тогдашней семинаріи, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Среди учащихся и вообще въ той части духовенства, которая соприкасалась со школой, походъ, поднятый Графомъ Протасовымъ и вообще все новое направленіе, называвшееся въ тѣсномъ смыслѣ „Православнымъ", встрѣчено было сильнымъ неудовольствіемъ, такъ что слово „Православіе" долгое время школьнымъ міромъ употреблялось въ насмѣшливомъ смыслѣ. Дотолѣ говорили „Греко-Восточное" или „Греко-Россійское" исповѣданіе, „Каѳолическая" церковь или просто „Христіанство" и „Христіанскій". Самый напихизисъ Филарета въ первоначальныхъ изданіяхъ назывался просто „Христіанскимъ" и уже послѣ къ своему наименованію прибавилъ „Православный". („Изъ пережитаго", часть 2-я М. 1887.)

Припомнимъ, что тогдашній министръ Народнаго Просвѣщенія, подобно графу Протасову - ученикъ іезуита (Mangnin), выставилъ своимъ девизомъ: „*Православіе*, Самодержавіе, Народность".

[2] Епископъ Рижскій Филаретъ въ письмѣ къ своему другу А. В. Горскому (№ 27—отъ 20 мая 1842 г.) называя Митрополита Серафима „старикомъ, потерявшимъ смыслъ", въ другомъ письмѣ (№ 22—отъ 11 марта) горько оплакиваетъ тогдашнее стѣсненное положеніе Сунодальныхъ членовъ: „Вы пишете съ сожалѣніемъ о молчаніи нашихъ генераловъ. Ахъ, другъ мой, если бы Вы посмотрѣли здѣсь на положеніе нашихъ генераловъ. Вы бы пролили слезы о нихъ. Таково положеніе ихъ! Дѣла въ такомъ положеніи, что едва-едва можно бываетъ по временамъ дѣлать отраженіе натисковъ. Иначе - приходится только встрѣчать пули въ бокъ и лобъ и стоять не морщась. Да,—точно таковы дѣла. О вылазкахъ или наступательныхъ дѣйствіяхъ и думать нельзя. Вамъ извѣстны мои прежнія мысли и чувствованія; извѣстно, какъ иногда терзалась душа неразсудительная мыслями о бездѣйствіи генераловъ. Теперь вижу, что надобно молить Господа, дабы далъ имъ твердость и рѣшимость выдерживать осаду. Силы истощены, средства отобраны; осталось одно — упованіе на Господа Іисуса. Когда бы Господь, благоволившій пострадать за насъ, не лишилъ за наши грѣхи и той милости, чтобы сохранялась твердость оставаться въ оборонительномъ положеніи, не щадя послѣднихъ капель крови. А надобно признаться, что много, очень много нужно твердости оставаться и въ этомъ положеніи, когда нападенія столько жестоки и столько часты, а средствъ нѣтъ".

Избранникъ Сунода, Графъ Протасовъ могъ повторить о себѣ слова Роваама (изъ 12 книгъ Царствъ): „Юность моя толстѣе чресълъ отца моего. Отецъ мой наложи на васъ яремъ тяжекъ, азъ же приложу къ ярму вашему; отецъ мой наказа вы ранами, азъ же накажу вы скорпіонами".

Digitized by Google

Послѣ удаленія двухъ Митрополитовъ, въ маѣ 1842 года, горько мнѣ было оставаться въ Сѵнодѣ; однако я еще протянулъ годъ, [1] не имѣя возможности никуда выдти, ибо назначенъ былъ туда по Высочайшему повелѣнію, хотя Графъ весьма желалъ моего удаленія и со мною уже не говорилъ.

Лѣто провелъ я въ Новой деревнѣ и оканчивалъ *Священную Исторію Ветхаго Завѣта* [2], едва ли не самую полную изъ всѣхъ, ибо я въ ней представилъ всѣ образы и пророчества о Христѣ; но немногимъ извѣстна эта книга. Новозавѣтной Исторіи не совѣтовалъ мнѣ писать Митрополитъ Кіевскій, говоря, что достаточно Евангелія [3], а я не могъ ему прекословить и спѣшилъ только напечатать, опасаясь какихъ-либо препонъ [4]. Наступила зима, самая непріятная по моимъ отношеніямъ къ Графу; чтобы выдти изъ нихъ, сталъ я къ веснѣ проситься заграницу; Графъ не соглашался подъ предлогомъ, что нельзя служащему въ Сѵнодѣ ѣхать въ чужіе края, и требовалъ, чтобы я опять перешелъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ я продолжалъ числиться; я предоставилъ ему о томъ хлопотать, не желая самъ дѣйствовать противъ себя. Наконецъ онъ прямо сталъ требовать моей отставки и прислалъ готовое прошеніе, но я его

---

[1] Здѣсь память снова измѣняетъ А. Н. Муравьеву: онъ вышелъ изъ Сѵнода въ томъ же году, съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ удаленія Митрополитовъ.

[2] „Священная Исторія“ (Ветхаго Завѣта) Спб. 1842 и 1854 (?) Замѣчанія М. Московскаго Филарета, касающіяся этого труда, см. въ письмахъ №№ 69, 73, 75—81 (включительно).

[3] И „что мірянину не слѣдуетъ писать о священныхъ предметахъ“. (См. примѣчаніе А. Н. М. къ письму Московскаго М. Филарета, № 68).

По этому поводу Московскій Митрополитъ писалъ (31 мая 1841 г.) А. Н. М.: „Трудъ писать Священную Исторію почему бы можно было почитать излишнимъ, для меня непонятно. И избытокъ въ семъ родѣ не былъ бы излишествомъ. Но мы имѣемъ по сему предмету въ ходу книжицы, столь недостаточныя и невѣрныя, что весьма желательно вытѣснить ихъ изъ употребленія хорошими. Надѣюсь, что не охладятъ Васъ къ начатому труду, который уже награждается добрымъ намѣреніемъ и добрымъ занятіемъ, а при помощи Божіей обѣщаетъ быть награжденъ и пользою общею“.

[4] Гораздо позднѣе, уже послѣ кончины Кіевскаго Митрополита Филарета, А. Н. Муравьеву удалось напечатать „Священную Исторію Ветхаго и Новаго Завѣта“ Спб. 1861.

Digitized by Google

не подписалъ, а написалъ ему только письмо [1], въ которомъ просилъ себѣ, по нездоровью, увольненія отъ Сунодальныхъ дѣлъ, и, благодаря Графа за все, что онъ для меня сдѣдалъ, выписывалъ его лестныя обо мнѣ выраженія изъ собственнаго его доклада, при представленіи моемъ въ Камергеры.

Графъ послалъ спросить меня: „гдѣ я могъ списать докладъ?“ Я отвѣчалъ, „что онъ самъ мнѣ далъ съ него копію, чтобы огра-

---

[1] Милостивый Государь
Графъ Николай Александровичъ!

Девять лѣтъ тому назадъ, когда я находился на службѣ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, благоугодно было Его Императорскому Величеству обратить на меня Свое Высочайшее вниманіе и назначить за оберъ-прокурорскій столъ при Св. Сунодѣ, Всемилостивѣйше дозволивъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и числиться по Министерству, гдѣ я первоначально располагалъ продолжать мое служеніе. Глубоко тронутый Монаршимъ благоволеніемъ, тѣмъ болѣе, что я не сознавалъ въ себѣ никакихъ заслугъ, я принужденъ былъ, по чувству совѣсти и долга, тогда же изложить въ письмѣ моемъ къ Князю-Александру Николаевичу Голицыну, чрезъ котораго мнѣ была объявлена воля Государя Императора,—какъ мало во мнѣ способностей къ занятію сей новой должности, и что я свыше всего боялся не оправдать Всемилостивѣйшей ко мнѣ довѣренности Его Императорскаго Величества. Письмо сіе, которое при семъ прилагаю,— можетъ послужить черезъ девять лѣтъ повтореніемъ и свидѣтельствомъ тѣхъ же добросовѣстныхъ чувствъ вѣрнаго подданнаго, которыя теперь, какъ и тогда, меня одушевляютъ и всегда одушевлять будутъ.

Я старался въ теченіи сихъ девяти лѣтъ употребить, по крайней мѣрѣ, на пользу тѣ слабыя дарованія, которыми благословилъ меня Богъ, и, находясь при источникѣ просвѣщенія духовнаго, сообщать моимъ соотечественникамъ тѣ историческія и догматическія свѣдѣнія о Церкви Православной, какія я ближе могъ изслѣдовать по мѣсту моего служенія,—и постепенно издалъ въ свѣтъ: Письма о богослуженіи, Изложеніе Символа Вѣры, Исторію Россійской Церкви, Первые четыре вѣка Христіанства, Правду Вселенской церкви о Римской каѳедрѣ и наконецъ Священную Исторію, изъ коихъ двѣ, Изложеніе Символа и Исторія Россійской Церкви, приняты были, по благосклонному вниманію Вашего Сіятельства и первенствующаго члена Св. Сунода, во всеобщее употребленіе училищъ духовныхъ и свѣтскихъ. Я поощряемъ былъ къ сего рода занятіямъ Всемилостивѣйшимъ благодареніемъ, которое удостоивался получать чрезъ Ваше Сіятельство, при поднесеніи каждой изъ моихъ книгъ Государю Императору, и утѣшительнымъ для меня свидѣтельствомъ Монаршаго благоволенія сохранится званіе Камергера, которое получилъ я по ходатайству Вашего Сіятельства, „за мою пламенную ревность къ Престолу и Церкви“, какъ Вы сами изволили милостиво обо мнѣ выразиться въ своемъ докладѣ.

Между тѣмъ здоровье мое, нѣсколько разстроенное, требуетъ, чтобы я на нѣкоторое время болѣе имъ озаботился, и я даже, сходно съ Высочайшимъ соизволеніемъ, мнѣ объявленнымъ чрезъ Ваше Сіятельство, испросилъ

Digitized by Google

дить меня отъ Нечаева". Этотъ отвѣтъ и мое письмо связали Графа: онъ старался отъ меня отдѣлаться по осторожнѣе и, вѣроятно, сказалъ только Государю, что я для него безполезенъ, потому что, немного времени спустя, когда по моей просьбѣ ожидалъ я отпуска въ Москву, вышло мое перечисленіе въ Министерство; все окончилось весьма благополучно, свыше моихъ ожиданій. Я жилъ тогда на дачѣ у Челищевыхъ, на Каменномъ островѣ, и

себѣ отпускъ на четыре мѣсяца въ южные края нашего отечества, для пользованія. По сей причинѣ, я побуждаюсь нынѣ тѣмъ же чувствомъ, какое и прежде меня руководило, просить ходатайства Вашего Сіятельства объ отчисленіи меня отъ Св. Синода опять въ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, въ которомъ я донынѣ не переставалъ считаться, и гдѣ, вывезя съ поправленіемъ моего здоровья, можетъ быть, я еще могу принести какую-либо пользу по мѣстнымъ свѣдѣніямъ моимъ о Востокѣ. Но и теперь, какъ девять лѣтъ тому назадъ, я осмѣливаюсь льстить себя тою же надеждою, какую я выразилъ тогда въ приглагаемомъ письмѣ моемъ къ Князю А. Н. Голицыну, что Государь Императоръ, по благосклонному докладу Вашего Сіятельства, або я, чрезъ сіе письмо мое, вполнѣ Вамъ вѣрною своею будущею участью, ради добросовѣстной моей откровенности, не лишитъ меня Высочайшей Своей милости, столь драгоцѣнной для каждаго вѣрноподданнаго.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

1 Іюня 1842.

(Бумаги А. Н. Муравьева въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, пакетъ 33).

Прошеніе для подписи было прислано А. Н. Муравьеву уже послѣ этого письма, какъ видно изъ слѣдующей записки К. С. Сербиновича:

„Въ числѣ доставленныхъ Вами, Милостивый Государь Андрей Николаевичъ, Графу бумагъ не достаетъ *формальнаго* прошенія объ увольненіи; письмо же по сему предмету заключаетъ предметы, не относящіяся прямо къ дѣлу, и потому вмѣсто пользы можетъ быть поводомъ къ какой-либо непріятности, если пойдетъ докладъ. *Мнѣ бы нужно объ этомъ съ Вами переговорить*, между тѣмъ посылаю на усмотрѣніе Ваше приготовленное формальное прошеніе, къ которому письмо Ваше можетъ оставаться дополненіемъ.

Весь Вашъ *К. Сербиновичъ*.

6 іюня 1842.

(Приписка сбоку): „Теперь я право, ради пользы Вашей, сержусь на Васъ, что не показали мнѣ Вашихъ бумагъ въ проектѣ. Многое бы мы сдѣлали съ Вами иначе, и было бы успѣшнѣе".

Оверху этого письма карандашная замѣтка А. Н. Муравьева: *Іезуитская, но не удавшаяся хитрость, ибо не была подписана просьба!* Противъ приписки помѣчено: *Хитро*.

(Подлинникъ въ бумагахъ А. Н. Муравьева, въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, пакетъ 33).

Digitized by Google

однажды въ смутную минуту снялъ со стѣны моей комнаты почернѣвшій образокъ, чтобы узнать, подъ чьимъ я покровомъ. Оказалось, что это была икона *Богоматери Умягченія Злыхъ Сердецъ* [1]; я отслужилъ ей молебень, и все устроилось само собою; икона сія въ окладѣ и до сихъ поръ у меня. Такъ какъ это былъ Петровъ постъ, то я началъ говѣть, и случилось, что въ самый день моего пріобщенія неожиданно получилъ я увольненіе, чему весьма обрадовался [2].

А. Н. Муравьевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1] Иконѣ *Умягченія злыхъ сердецъ* празднуется въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ.

[2] А. Н. Муравьевъ, согласно прошенію, уволенъ отъ службы по Св. Суноду 18 іюня 1842 г.

По этому поводу, М. Филаретъ писалъ ему 3 іюля: „И слышанное о Вашихъ обстоятельствахъ прежде, и послѣднее рѣшеніе, по которому Вы оставляете Св. Сунодъ, печально для меня. Такъ долго здѣсь были мы въ сношеніи, и такъ пріятно было сношеніе съ Вами, по Вашей любви ко всему церковному. Ваши писательскія занятія въ сіе время составляли дѣятельную и полевую службу Церкви и духовному просвѣщенію.

„Утѣшаюсь тѣмъ, что Вы пріемлете происшедшую перемѣну со вниманіемъ и послушаніемъ къ путямъ Провидѣнія и съ христіанскимъ миромъ чувствованій. Господь да благословитъ сіи расположенія и да устроитъ дальнѣйшій путь жизни Вашей, паче нежели просимъ или разумѣемъ. О семъ молю Господа [illegible] моею молитвою". (№ 83).

Digitized by Google

Т—ѣ.

Дитя, когда смотрю на сонъ твой безмятежный,
Иль—въ пробужденья мигъ—на взоръ веселый твой,
На радость ясную улыбки молодой;
Когда я слушаю твой смѣхъ, твой лепетъ нѣжный...
О, какъ мнѣ жаль тебя! Какъ больно ноетъ грудь!
Какъ внятны мнѣ судьбы холодныя угрозы,
Съ какою ясностью твои предвижу слезы,
Борьбу... страданія... всей жизни крестный путь!
Безумна молодость; проносятся обманы
Желаній и надеждъ, какъ призраки, какъ дымъ...
Но ты полюбишь ихъ, но ты повѣришь имъ,
Ты сердце имъ отдашь—и тяжки будутъ раны,
И горьки будутъ плачъ и стонъ души больной,
Души обманутой ихъ бренной красотой!

Когда-бъ съумѣлъ твой взоръ провидѣть осень злую
Сквозь радугу весны и блескъ ея лучей,
Когда-бы властенъ былъ я въ душу молодую
Влить опытъ старости измученной моей,
Когда-бъ сознаніе твое могло измѣрить
Всю бездну черную житейскихъ золъ и бѣдъ,
Когда-бъ я могъ сказать, а ты могла-бъ повѣрить,
Что счастья прочнаго въ мгновенной жизни нѣтъ—
Какъ много скорбныхъ дней, какъ много испытаній,
Томленій и тревогъ, дитя, избѣгла-бъ ты!
Но слову опыта, рѣчамъ чужихъ страданій
Не внемлютъ юныя, блаженныя мечты.
И въ дни твоей весны, когда, вся въ блескѣ мая,
Надѣясь, радуясь, и вѣря, и любя,
Ты начинаешь путь... конца пути не зная...
О, какъ мнѣ тяжело! О, какъ мнѣ жаль тебя!

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Digitized by Google

ИЗЪ ИСТОРІИ УЧЕНАГО МОНАШЕСТВА ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.[1]

(*Продолженіе*).

Возьмемъ теперь ученаго монаха въ провинціи. Беремъ не тѣхъ уже солидныхъ, соврѣвшихъ лѣтами и опытомъ, совладавшимъ со своимъ темпераментомъ или отъ природы получившихъ удобный, спокойный, стойкій темпераментъ, тѣхъ обтерпѣвшихся и искусившихся въ жизни монаховъ, которыхъ изъ столицъ посылаютъ въ провинціи уже архіереями. Впрочемъ, я наблюдалъ, что и такіе, и самые архіереи, люди пожилые и солидные, весьма нерѣдко предаются глубокой тоскѣ въ своемъ высокопоставленномъ исключительномъ одиночествѣ; тоскуютъ до того, что рѣдко когда выходятъ изъ болѣзненнаго состоянія духа и тѣла; замѣтно оживляются, когда получаютъ хотя ничтожныя, но благопріятныя вѣсти изъ столицъ; тяжко падаютъ духомъ, когда тамъ для нихъ что-либо становится неблагопріятно, вообще живутъ въ условіяхъ, которыя вліяютъ даже на сокращеніе человѣческой жизни. Да и умираютъ какъ-бы въ чувствѣ отчужденія отъ всѣхъ. Вѣдь представьте, какъ иначе и чувствовать себя человѣку, который прожилъ на извѣстномъ мѣстѣ годы, и не пріобрѣлъ, да и не трудился—потому что не надѣялся и не хотѣлъ—пріобрѣсть ни одной близкой души, даже ни одного дружескаго собесѣдника, у котораго всѣ часы сутокъ, всѣ отношенія проникнуты были чисто формальнымъ, оффиціальнымъ характеромъ, который ни одной души, кромѣ своего келейника, не встрѣчалъ иначе, какъ въ парадной рясѣ, въ камилавкѣ и панагіи, который, когда выѣзжалъ и въ люди,—напримѣръ, съ визитомъ или на какой-либо парадный обѣдецъ,—вынужденъ былъ взвѣшивать каждый шагъ свой, обдумывать

[1] См. *Русское Обозрѣніе* 1896 г., № 1.

Digitized by Google

каждое слово, чтобы не подать немощнымъ повода къ соблазну, а скалозубамъ, которыхъ развелось всюду такое множество, не доставить матеріи для сплетни, словесной или печатной? Я видѣлъ такихъ архіереевъ, которые безпрестанно мучились этою заботой, тяготой своего положенія. Да и кто изъ другихъ круговъ, кто изъ знающихъ позавидуетъ такому положенію, положенію истинно тревожному, совершенно исключительному? Лучше, конечно, въ буквальнѣйшемъ смыслѣ слова, отречься, если не отъ міра сего, то отъ свѣта, и возможно отрѣшенно уединиться въ своихъ келліяхъ. Блаженъ тотъ и изъ архіереевъ, кто можетъ уединиться со своимъ Богомъ и молитвенникомъ, со своимъ трудомъ, оффиціально дѣловымъ и ученымъ или проповѣдническимъ, кто не вздыхаетъ по покинутымъ развлеченіямъ свѣта и благопріятнымъ вѣяніямъ изъ столицъ, кто, наконецъ, имѣетъ одного или двухъ, возможно равныхъ себѣ по положенію, по лѣтамъ, по развитію, по взглядамъ, дружественныхъ собесѣдниковъ, на которыхъ онъ могъ бы положиться, которымъ болѣе или менѣе можно довѣриться. Но и къ этой исключительной, томной, тревожной, напряженной, глубоко одинокой жизни нужно имѣть большой и стойкій навыкъ. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго синода, Алексѣй Петровичъ Ахматовъ при личномъ свиданіи говорилъ въ Бозѣ почившему епископу саратовскому Евѳимію: „Мы помышляемъ приготовлять архіереевъ изъ дворянъ и вотъ такого-то (дворянина) готовимъ къ этому сану. Надѣемся, что изъ него выйдетъ прекрасный архіерей (не вышелъ даже архіерей, не только что прекрасный)". На это преосвященный Евѳимій, человѣкъ стойкаго характера, возымѣлъ дерзновеніе возразить: „Повѣрьте, ваше высокопревосходительство, нужно много, чтобъ выработать архіерея".

Но еще печальнѣе, а если не печальнѣе, то затруднительнѣе и опаснѣе, положеніе въ провинціяхъ монаховъ молодыхъ, на степеняхъ низшихъ, наставниковъ, инспекторовъ, даже ректоровъ духовныхъ семинарій и училищъ. Кѣмъ такой монахъ окруженъ въ провинціи? Когда глядишь назадъ, на исчезающій монашескій бытъ, то поражаешься явленіемъ, отчего это именно въ столицахъ позаботились дать зданіямъ духовно-учебныхъ заведеній болѣе или менѣе монастырскій характеръ, а въ провинціяхъ объ этомъ не подумано? Такъ, напримѣръ, въ С.-Петербургской духовной семинаріи и академіи зданія и условія быта этихъ заведеній получили такой складъ, что женщины въ эти учрежденія вовсе не допускались на жительство, такъ что слу-

Digitized by Google

жащій въ этихъ заведеніяхъ монахъ могъ по мѣсяцамъ не видѣть женскаго лица нигдѣ, развѣ только въ церкви. А въ С.-Петербургской семинаріи женщины и въ церковь не допускались никогда, исключая трехъ-четырехъ дней въ году, Св. Пасхи, двухъ храмовыхъ праздниковъ и дней причастія. Между тѣмъ въ провинціи и въ этомъ отношеніи была существенная разность условій. Случалось, что въ иной семинаріи одинъ только ректоръ—монахъ, а всѣ прочіе служащіе—или бѣлые священники, или же свѣтскіе; эти послѣдніе—женатые или холостые. Отсюда выходило, что монаху трудно было выйти за дверь своей кельи, чтобъ не встрѣтиться съ женщиной, нельзя было выглянуть въ окошко, чтобъ не увидѣть женщину, и женщину всего чаще въ будничномъ ея обиходѣ: тамъ одна развѣшиваетъ вымытое женское бѣлье, другая доитъ корову, третья возится съ кухонными принадлежностями и т. д.,—и это ежедневное, ежечасное зрѣлище для ректора-монаха. Затрудненій отсюда выходило множество. И первое затрудненіе то, что монахъ ни одного шага не могъ сдѣлать такъ, чтобы не заговорила объ этомъ вся дворня, а за нею и весь городъ. Вся эта обстановка дышала не монастырскимъ духомъ, и нужны были крайне заботливыя усилія, чтобъ этотъ чуждый духъ не проникалъ чрезъ открываемыя окна и двери и въ монашескія кельи. Монахъ не можетъ идти куда-либо въ общественный садъ, онъ вынуждается идти на свой же семинарскій дворъ, чтобы сдѣлать свою ежедневную прогулку, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, а на дворѣ ему грозили ежедневныя встрѣчи съ прекраснымъ поломъ, которыя грозили стать и привычными. И живали монахи, которые ни въ какую пору года не выставляли двойныхъ рамъ въ окнахъ, никогда не выходили на семинарскій дворъ и т. д. Между прочимъ отъ этого около нихъ самихъ портились обѣ атмосферы, вещественная и духовная. Въ подвѣдомыхъ имъ заведеніяхъ разводилась съ одной стороны бурсацкая грязь, а съ другой—порождался неестественный для учащейся, грубой, часто разудалой бурсацкой молодежи лицемѣрный духъ аскетизма. Отъ этого начальникъ заведенія нерѣдко и самъ оказывался затворникомъ-полумученикомъ, и на подчиненныхъ имѣлъ вліяніе, съ одной стороны, тяжелое, гнетущее, а съ другой—вліяніе только поверхностное, только носимою имъ на себѣ идеей аскета; на его глазахъ все сжималось, показывалось болѣе или менѣе замаскированно въ извѣстную духовную форму, а за глазами бурса была размашистою, гряз-

Digitized by Google

ною, чудовищною бурсой, какъ описывается она у Помяловскаго и другихъ.

Съ кѣмъ монахъ могъ имѣть въ провинціи не форменно-оффиціальное, а дружески-человѣческое обращеніе и общеніе? Съ мѣстнымъ архіереемъ? Но архіереи въ этомъ отношеніи дѣлились на два рода. Меньшая часть изъ нихъ, въ родѣ приснопамятныхъ Филарета, митрополита кіевскаго, Іосифа, митрополита литовскаго, и Антонія, архіепископа казанскаго, имѣли не только обычай, но и задачу относиться къ подчиненнымъ ученымъ монахамъ всегда отечески-иокровительственно, всегда наставительно, совѣтодательно, благоснисходительно, поставляя однимъ изъ призваній своего святительства, да никто отъ богоданныхъ имъ болѣе присныхъ чадъ духовныхъ не погибнетъ, но чтобы подъ строго благонамѣреннымъ и кротко снисходительнымъ архипастырствомъ ихъ всякій инокъ, преспѣвая возрастомъ и опытомъ жизни, преспѣвалъ и въ обычныхъ для этого рода служенія поощреніяхъ. Оттого изъ-подъ ихъ отеческаго покрова почти всѣ иноки и выходили людьми болѣе или менѣе благонадежными и созрѣвшими. Есть таковые отцы отцовъ и изъ живыхъ святителей. Да заплатитъ имъ Небесный Отецъ на небѣ великою радостью и высокимъ правомъ сказать предъ престоломъ мздовоздающей правды: *се азъ и дѣти, ихъ же далъ ми еси, Господи.* А другіе, бо́льшая часть, относились къ подчиненнымъ монахамъ большею частію чисто оффиціально. Приглашенія къ участію въ священнодѣйствіи, чашка чаю, иногда приглашеніе къ столу у архіерея въ большой праздникъ, нѣсколько словъ со стороны подчиненнаго при оффиціальныхъ представленіяхъ, всегдашняя въ отношеніи къ подчиненному начальственная сдержанность и осторожность, чтобъ онъ не зазнался, а еще болѣе не открылъ въ начальникѣ какую-либо слабую сторону, чрезъ извѣстные сроки представленіе къ наградамъ, если подчиненный служитъ ровно,—вотъ весь кругъ благопріятныхъ отношеній подчиненнаго монаха въ провинціи къ нѣкоторымъ архіереямъ. Нужно сознаться, что этотъ кругъ отношеній устанавливается совершенно естественно: не со сверстниками по возрасту, по положенію, съ глубоко-подчиненными лицами, каковы были провинціальные монахи относительно архіереевъ, у сихъ послѣднихъ не можетъ быть ни дружескаго, ни братскаго равенства. Сами подчиненные, даже самые благонадежные, станутъ неизбѣжно уклоняться отъ большой близости съ начальникомъ, станутъ замыкаться, при сближеніи, въ себя, сдерживать себя въ словахъ

Digitized by Google

и обращеніи. Нужно много такта съ обѣихъ сторонъ, много благородства, много взаимнаго сочувствія, чтобъ эти отношенія не переступили должную границу и не стали фальшивыми, натянутыми и непріятными той или другой сторонѣ, начальствующей или подчиненной. Такое равновѣсіе отношеній случалось крайне рѣдко, если только случалось,—такъ что можно принять за правило, что начальникъ въ условіяхъ архіерея можетъ быть только отцомъ-покровителемъ подчиненнаго, особенно же юнѣйшаго по лѣтамъ монаха, но никакъ не другомъ. Это при благопріятныхъ условіяхъ. При неблагопріятномъ же поворотѣ отношеній, подчиненнаго монаха обыкновенно начинаютъ держать вдали, въ черномъ тѣлѣ, и это онъ скоро пойметъ. И тогда бывало—того и жди,—что случится катастрофа по службѣ; особенно когда въ старые годы архіереи были крѣпко уполномочены надъ подчиненными монахами, такъ что бывало достаточно одного слова, буквально одного слова въ отмѣткѣ по поведенію или же нѣсколькихъ строкъ секретнаго писанія въ Петербургъ, чтобъ оттуда даже не громы загремѣли,—стоило ли гремѣть?—а чтобы подулъ легкій вѣтерокъ и очистилъ мѣсто, гдѣ недѣлю тому назадъ стоялъ тотъ или другой ректоръ или инспекторъ семинаріи. Однимъ словомъ, я не знаю опыта дружеской, братской близости ученаго монаха, даже бывшихъ ректоровъ, къ мѣстнымъ архіереямъ, хотя и знаю опыты, что архіерей и ректоръ бывали однолѣтки, или даже ректоръ старѣе лѣтами и службой, или даже ректоръ и архіерей товарищи по учебному курсу. Въ послѣднихъ условіяхъ отношенія скорѣе естественно напрягались, чѣмъ смягчались.

Имѣть ученому монаху братское общеніе съ монахами неучеными, монастырскими? Но не вездѣ такіе монахи и имѣются подъ руками, особенно на окраинахъ Россіи, гдѣ монастыри не имѣютъ подъ собою старой исторической почвы. Монастырей много опять же только въ старой Россіи, около центральныхъ старостольныхъ городовъ—Кіева, Новгорода, Москвы. А гдѣ-либо въ Самарѣ, Саратовѣ, Оренбургѣ имѣется по одному ново-учрежденному монастырю на всю епархію, да и тѣ страдаютъ убожествомъ во всемъ и прежде всего скудостію самой братіи. Ступай мѣстный ректоръ семинаріи, усиливайся, ищи способовъ сблизиться съ монастырскимъ братствомъ. Всякій знаетъ, что тутъ не могло быть никакого равенства отношеній. Не могло быть по двумъ главнѣйшимъ причинамъ. Ученый монахъ, ректоръ, архимандритъ, всегда почти бывалъ прямой начальникъ, настоя-

Digitized by Google

тель монастыря данной мѣстности; а главное, неученое монашество почти всегда состояло, какъ и состоитъ, изъ простецовъ, не говоря ничего иного бо́льшаго... Много, много, что ученый монахъ могъ имѣть иногда, даже часто, наиболѣе духовныя отношенія къ какому-либо опытному въ духовной жизни, честно́му монастырскому старцу. Но это отношенія совершенно особаго, исключительнаго рода, и съ ними дружба, братское собесѣдничество какъ-то не вяжутся. Это отношенія особаго духовнаго сыновства и отчества. При нихъ-ли, безъ нихъ-ли, потребность въ простыхъ, естественныхъ отношеніяхъ содружества остается и всегда предъявляетъ свои права на удовлетвореніе, такъ что безъ такихъ отношеній человѣческой натурѣ монаха прожить крайне трудно, особенно пока лѣта и опытъ не наградятъ стойкою привычкой обходиться безъ людей, особенно если монахъ надѣленъ натурой сообщительною.

Дружба съ бѣлымъ духовенствомъ, съ свѣтскими сослуживцами, съ горожанами? О, это камень преткновенія! Какъ ни посмотри на монаха, на немъ всегда и вездѣ, и особенно въ міру, лежитъ печать не отъ міра сего. Въ свѣтскомъ городскомъ мірѣ онъ всегда лишній. Держи онъ себя, какъ подобаетъ монаху, степенно, согласно обычаю,—онъ въ мірѣ скученъ, имъ тяготятся, и когда онъ уйдетъ изъ дому, у всѣхъ на душѣ станетъ легче и естественнѣе.

Въ этомъ родѣ, какъ и во всѣхъ родахъ, что касается ученаго монашества, мнѣ извѣстны поразительные факты. Вотъ сановный монахъ пріѣхалъ къ сановной старой барынѣ поздравить со днемъ ангела, да чуточку и засидѣлся, названъ былъ даже именинный пирогъ. Но барыню это присутствіе тяготило, — не привыкши сдерживаться никогда, она, подъ вліяніемъ непріятнаго впечатлѣнія, стала раздражаться и говорить положительныя и, какъ разсказывали, даже невыносимыя грубости, такъ что сановный инокъ вынужденъ былъ подняться и устраниться.

Другой случай. Сановный инокъ, въ рождественскіе праздники, пріѣхалъ къ одной родовитой и, повидимому, усердствовавшей барынѣ вечеромъ на чашку чаю, прибылъ согласно предварительному условію въ назначенный часъ только безъ назначенія дня со стороны хозяйки. А у нея какъ разъ на этотъ вечеръ назначены были танцы. Гости съѣзжаются и заднимъ ходами уходятъ въ задніе апартаменты. Въ гостиную не выходятъ. Оттуда, изъ дальнихъ комнатъ въ гостиную доносятся шопотъ и хихиканье. Въ гостиной напряженный разговоръ

Digitized by Google

съ сановнымъ инокомъ, въ надеждѣ и желаньи его отъѣзда, конечно, не вяжется. Пріѣзжаетъ одно семейство, близкое и къ хозяйкѣ по родству, и къ почетному гостю по усердію. Хозяйка въ нетерпѣніи выбѣгаетъ и встрѣчаетъ ихъ въ прихожей грустнымъ видомъ и грустными, предостерегающими словами: „Вообразите, у насъ *несчастье,* N. N. сидитъ.“ Къ счастью, опытный гость догадался, что что-то не ладно, и чрезъ какихъ-нибудь полчаса или часъ сидѣнья говоритъ: „Ну, мнѣ пора до двора.“ Хозяйка промолчала. Гость уѣхалъ. И начался веселый смѣхъ, началось веселое круженье свѣтскихъ званыхъ гостей... А по городу пошелъ веселый анекдотъ, который передавался всѣми по секрету, всѣмъ на ухо.

Этихъ анекдотовъ я могъ бы разсказать много. Изъ многихъ наблюденій я вынесъ убѣжденье, что даже совершенно приличные выѣзды въ городъ, къ свѣтскимъ лицамъ,—исключая оффиціальные визиты,—для монаховъ, особенно же въ послѣднее время, становятся невозможны, неумѣстны, вредны. А визиты съ поклонами со стороны вліятельныхъ иноковъ нужны теперь, быть можетъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, чтобы сохранить возможность пріязненныхъ личныхъ сношеній съ вліятельными въ краѣ свѣтскими лицами. Дѣло стало такъ, что даже въ сановномъ инокѣ никто изъ свѣтскихъ не чувствуетъ ни малѣйшей нужды; а иноку тѣмъ чаще встрѣчаются случаи кланяться другимъ, чѣмъ бо́льшее вліяніе имѣетъ онъ въ извѣстномъ мѣстѣ.

Если же монахъ въ обществѣ развязенъ, естествененъ, человѣченъ, то это всѣмъ кажется неестественно. Всѣ, самые близкіе, самые хорошіе къ нему люди, начинаютъ заглазно сожалѣть, или, что то же, осуждать его, а въ глаза предостерегать, пугая обыкновенно тѣмъ, что „вами-де тамъ-то соблазнились, тамъ-то за то-то васъ осудили“ и т. п. Въ сношеніяхъ съ бѣлымъ духовенствомъ, съ свѣтскими сослуживцами повторяется то же: монахъ, совсѣмъ сдержанный по-монашески, о, ему мѣсто въ кельѣ, безъ него чувствуется легче, онъ вытѣсняется изъ круга даже самыхъ близкихъ сослуживцевъ, мало-по-малу незамѣтно, но рѣшительно. Такъ, вотъ кружокъ свѣтскихъ сослуживцевъ одного монаха, мужей и женъ, очень умныхъ и совсѣмъ хорошихъ людей, собрались къ одному профессору встрѣтить дружно Новый Годъ въ казенной квартирѣ, въ полночь выпили по бокалу вина и весело принялись кружиться. „Вдругъ, на порогѣ,“—разсказывалось послѣ съ хохотомъ,—„является блѣдное, дрожащее, раздраженное привидѣніе—отецъ N“ (сравнительно юный, но нелюдимый инокъ, жив-

Digitized by Google

шій внизу той квартиры, въ которой танцовали,—надъ его головой раздавался топотъ прыгающихъ ногъ); „явился и кричитъ: „что вы тутъ бѣснуетесь?! Мнѣ завтра служить надобно, мнѣ нравила ко причащенію читать нужно!..“ Ну просто фраппировалъ и смутилъ всѣхъ, какъ настоящее Валтасаровское „Мани, Фекелъ, Фаресъ“.

Монахъ же, подлаживающійся къ общему тону ближайшаго круга,—о, тутъ тысячи прекаленій! Вѣдь, въ монахѣ все не монашеское—грѣхъ, претыканіе и соблазнъ, — конечно, и для него, но еще больше для другихъ. Курить табакъ монаху непозволительно, даже другимъ курить при немъ неприлично. Въ карты играть также. Пѣсни пѣть также. Бравурная, веселая, танцовальная, оперная, всякая не строго-классическая музыка при немъ также неприлична, или онъ самъ при такой музыкѣ неумѣстенъ. При танцахъ онъ также неумѣстенъ. Участвовать въ какихъ бы то ни было играхъ и забавахъ—Боже сохрани! Извѣстно, что одинъ даровитѣйшій монахъ, ректоръ одной изъ самыхъ высшихъ семинарій, погубилъ себя прежде всего тѣмъ, что въ интимномъ кругѣ побѣгалъ съ дамами въ горѣлки; такъ затѣмъ и вся жизнь его прогорѣла не назидательно и печально. Кушать на виду людей,—для монаха должно быть особенное приготовленіе; даже видъ мясныхъ яствъ, приготовленныхъ для другихъ, при монахѣ—неприличіе, неумѣстность. Извѣстно, что на Западѣ Россіи, особенно скоро по присоединеніи уніи и уніатовъ, терпѣлось вкушеніе мясныхъ яствъ и монахами и у монаховъ. Но съ Муравьевскихъ временъ и тамъ потянуло другимъ велико-русскимъ, великопостнымъ духомъ, великимъ ревнителемъ котораго для монашества оказался больше и прежде всѣхъ самъ графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Вотъ въ эту эпоху одинъ изъ великороссійскихъ чиновниковъ, прибывшихъ на Западъ насаждать тамъ православіе и народность, разсказываетъ другому таковому же, въ присутствіи одного ученаго недавно присланнаго туда же монаха: „и вотъ въ Пасху, послѣ обѣдни, знаете, мы идемъ къ архіерею, ну, конечно, поздравить. И, знаете, входимъ въ залу. И, знаете, столы; на нихъ, знаете, окорока! Бо-о-же мой! И смотрю, этотъ монахъ N кладетъ себѣ на тарелку ломоть ветчины и начинаетъ уплетать. Ахъ, Бо-о-же-жъ ты мой, думаю себѣ, куда это я попалъ...“ То, что онъ самъ не ѣлъ ветчины, вѣроятно, только въ Великую Пятницу, или много, что на Страстной, во весь круглый годъ, это, конечно, не важно для благоденствія отечества, для насажденія духа

Digitized by Google

православія и народности въ полупольскомъ краѣ; но эти монахи—о, Боже! Одинъ высокій сановникъ [1] громко, не стѣсняясь, тогда проповѣдывалъ тамъ въ западныхъ губерніяхъ, что всѣхъ этихъ до одного мѣстныхъ священниковъ нужно погнать прочь, а сюда (въ цѣлый край) вызвать священниковъ изъ Россіи. Но только лишь перемѣнилось генералъ-губернаторство—и всѣхъ этихъ ревнивыхъ Великороссійскихъ насадителей православія и народности самихъ погнали вспять. Тѣмъ не менѣе тому, вышереченному ученому монаху, который ѣлъ ветчину, они успѣли крѣпко повредить: по настоянію свѣтской власти, онъ за свои свѣтскія замашки былъ высланъ въ коренную Русь, въ братство одного изъ монастырей. Не ѣшь ветчины въ Пасху...

Разговаривать въ обществѣ? Есть множество родовъ разговоровъ, совершенно естественныхъ въ житейскомъ быту, но не удобныхъ не только для монаха, но и при монахахъ. Я ихъ не перечисляю. Монашескихъ проповѣдей въ разговорахъ, извѣстно, не выносятъ. Даже по наукѣ, даже о политикѣ говорить монаху небезопасно. Соблазнится кто-либо непремѣнно, а иной разъ и горшее нѣчто приключиться можетъ. Петербургъ въ свое время шумѣлъ, когда знаменитый Иннокентій, ожидая визита графа Клейнмихеля и, конечно, предварительно приготовившись, что̀ онъ дѣлывалъ, озадачилъ его обстоятельною бесѣдой о строеніи мостовъ. Въ Казани разсказываютъ, какъ архіепископъ Амвросій Протасовъ осрамилъ сдѣлавшаго ему визитъ генерала, участника Бородинской битвы, доказавъ ему, что онъ не знаетъ диспозиціи войскъ при этой славной баталіи. Одинъ ученый монахъ, въ отборнѣйшемъ и тѣсномъ интеллигентномъ кругѣ, держалъ, сколько могъ, апологію религіи и христіанства противъ нападеній одного именитаго литератора-историка; а по городу загремѣлъ говоръ, что онъ, не историкъ, а монахъ, ведетъ безбожныя бесѣды. *Со страхомъ и трепетомъ свое собственное спасеніе содѣлывайте;* а что вамъ до другихъ? Высокій государственный сановникъ говоритъ другому таковому же: „да, я вамъ скажу, у этого монаха, не далѣе какъ такого-то числа (и число точно узналъ, не смотря на тысяче-верстное разстояніе!) былъ политическій разговоръ“. Этотъ монахъ, смущенный такимъ извѣстіемъ, идетъ къ другому сановному иноку и сообщаетъ эту тревожную для себя новость; а и принималъ-то онъ

[1] Н. В. К—въ.

Digitized by Google

у себя двухъ-трехъ человѣкъ благонадежнѣйшей репутаціи, больше никого. Сановный инокъ здравомысленно возражаетъ: „да кто теперь не ведетъ политическихъ разговоровъ?! Я говорю о Бисмаркѣ,—значитъ, я веду политическій разговоръ“? Самый тонъ разговоровъ при монахѣ долженъ держаться только на извѣстныхъ нотахъ. Невинно посплетничать при монахѣ нельзя, смѣяться нельзя, всякая игривость бесѣды непозволительна. Если же тонъ бесѣды хотя случайно перейдетъ за эти ноты, чувствуется фальшь. Дѣлая визитъ, инокъ говоритъ хозяйкѣ, отличавшейся остроуміемъ: „значитъ, вы не любите меня. Теперь вглядываясь въ мѣстность, узнаю, что это я подъ самыми вашими окнами погибалъ. При раскатѣ грома, лошади, вскакивая на гору, взбѣсились и выкинули. А вы и не вышли меня спасать“. Хозяйка нашлась бы на остроту отвѣтить остротой, но тутъ были другіе, и разговоръ совсѣмъ оборвался. Пораженный одною крайне отважною статьей, напечатанною въ одномъ ученомъ журналѣ, гдѣ доказывалось многое и между прочимъ не только, что отъ одной матери рождались заразъ двойни отъ двухъ отцовъ, но и то, будто отъ двухъ отцевъ можетъ родиться одно и то же дитя, ученый монахъ показалъ эту статью двумъ ближайшимъ своимъ собесѣдникамъ изъ ученыхъ свѣтскихъ, и тѣ по выходѣ отъ него тяжко осудили его. Представлялся ученый монахъ прибывшему высокому сановнику, и разговоръ случайно принялъ философское направленіе; сановникъ, по выходѣ инока, сдѣлалъ о немъ такой отзывъ: „ну, вотъ—что это за монахъ? Уменъ больно! Вотъ такой-то сидитъ себѣ запершись, придурковатъ малую толику, и отлично, и таковскій“. Выходитъ дѣйствительное „горе отъ ума“. Вопросъ: съ кѣмъ монаху разговаривать? Скажи, съ кѣмъ ты любишь обращаться, я скажу кто ты. Всего менѣе удобно вести бесѣды съ женскимъ поломъ. При этомъ все поставятъ монаху на счетъ: не только предметъ рѣчи, но и продолжительность бесѣды, и тонъ, и манеру, и улыбку, и взглядъ, какъ его, такъ и собесѣдницы. Не поостережется, нѣтъ, даже если стережется, даже если онъ пуганый заяцъ и куста боится, сейчасъ сплетня. Первые затрубятъ друзья самымъ доброжелательнымъ образомъ, да его же, своего друга, и предостерегутъ. И все это сразу сдѣлается предметомъ говора въ обществѣ.

Но горе, если бѣдный инокъ увлечется свѣтскимъ обществомъ и мірскими обычаями; если хоть въ товарищескомъ кругу ударится въ карты (рѣдко, но бывало), ударится въ выпивку (бывало не рѣдко); если ему скучна станетъ его келья, если онъ

Digitized by Google

возлюбить оставлять ее часто. Пиши тогда на лбу, что чрезъ два-три года онъ пропащій. Больше простятъ, если онъ любитъ принимать гостей только у себя самого, а не любитъ толкаться къ другимъ; если принимаетъ или холостыхъ или вообще только мужчинъ, наиболѣе отборныхъ и близкихъ. У него самого, въ его кельяхъ, когда кромѣ друзей свидѣтель одинъ только присный келейникъ, если и случится какое-либо излишество говора, шума, какая-либо неровность, онъ самъ на завтра крѣпко поскребетъ у себя въ головѣ, но друзья больше или меньше поостерегутся разболтать, а келейникъ долженъ привыкнуть держать языкъ за зубами, иначе его спустятъ болѣе или менѣе тихимъ манеромъ. На сторонѣ же, въ чужомъ домѣ, всякая неровность непремѣнно и крѣпко поставится монаху на счетъ. Поставится потому, что тамъ трудно, даже просто невозможно уберечься отъ сторонникъ глазъ и языковъ близкихъ хозяина, прислуги, развозящихъ кучеровъ, хозяйскихъ женъ и вообще женщинъ.

Такъ что же? Пить монаху? Да, пить. Всего менѣе непозволительно. Странно, а такъ. Одна изъ причинъ, почему россійское монашество, почему даже вообще россійское духовенство часто спивается. Не то, что позволительно, и наиболѣе, повидимому конечно, безопасно развлекаться монаху винопитіемъ у своего шкафчика, безъ лишнихъ глазъ и языковъ, безъ свидѣтелей и товарищества, безъ компаніи и особенно безъ женщинъ.

О, женщины! Порожденіе крокодила, сказалъ кто-то. А я скажу просто: женщины! Другой полъ—другой полюсъ человѣческаго рода и цѣльной естественно человѣческой жизни. Думаю, что тутъ сказано все и не сказано никакого ни поэтическаго, ни мрачно аскетическаго излишества. Приближаясь къ другому полу, какъ другому полюсу, женщины естественно возбуждаютъ то движеніе, то разложеніе чувства, какое и должны производить по природѣ. Аналогія электрической машины, кондукторовъ Лейденскихъ банокъ и т. д., тутъ способна объяснить многое. Самыя умныя, самыя степенныя, самыя скромныя, и такія еще болѣе, чѣмъ женщины противоположныхъ качествъ, приводятъ въ свое сближеніе почти всегда нѣчто своеродное. Исключить же ихъ изъ міра, въ интересахъ монашеской чистоты, крайне трудно. Даже нехотя встрѣчаешь ихъ на каждомъ шагу. Почему и провинціальному ученому монаху встрѣчаться съ ними неизбѣжно. Его счастье, если онъ не то, что пугаетъ, а если онъ отталкиваетъ. Подойдутъ даже и къ пугалу посмотрѣть поближе изъ любопытства. Подойдутъ и отступятся. Но если онъ человѣкъ,

Digitized by Google

если онъ имѣетъ въ себѣ человѣчески привлекательныя качества, не одну только наружность; нѣтъ, если даже безъ привлекательной наружности онъ имѣетъ умъ, имѣетъ доброе сердце; несчастье, если имѣетъ сердце мягкое, онъ произведетъ свое человѣческое вліяніе. Найдется сердце, найдутся сердца, біеніе которыхъ ускорится родственною теплотой. Отъ разврата-ли, для распутства-ли приглядывается прекрасный полъ? Сохрани Богъ. Россія не доросла еще до утонченности и разложенія нравовъ эпохи Людовиковъ XIII, XIV и XV. До того, что называется паденіемъ, если онѣ иногда и доходятъ, то не иначе, какъ съ мучительными перипетіями борьбы, самоистязанія, душевныхъ треволненій, препятствій, преткновеній, разнообразныхъ страховъ, а иногда и позора. Но въ большинствѣ подобныхъ приключеній возбуждается, повидимому, невинное любопытство, повидимому, даже похвальное сочувствіе, состраданіе. Возбуждается монашескимъ одиночествомъ, часто даже болѣзненностью; возбуждается бѣгствомъ отъ другаго пола, блескомъ ума, благоговѣйнымъ священнодѣйствіемъ, хорошимъ проповѣдничествомъ. И чѣмъ чувствительнѣе звенитъ въ иномъ проповѣдникѣ струна душевнаго напряженія, тѣмъ вѣрнѣе онъ возбудитъ сострадательный отзвукъ. Иногда подобные подвергались назойливому и досадному преслѣдованію. Найдутся сострадательныя вдовы, пожилыя дѣвы, да и всякій людъ съ неутоленною жаждой сердца. Въ Институтахъ дѣвочки всегда кого-либо обожаютъ; такъ и въ институтѣ жизни всегда имѣются въ запасѣ женщины, которымъ нужно кого-либо, а не кого любить. Такъ уже онѣ построены. Въ отважныхъ эти порывы доходили иногда до озорства; бывали случаи, что держались даже пари и т. п. Но все это не очень опасно для иноческой чистоты, нерушимости сердца, не скажу—для покоя. Серіознѣе становится дѣло, когда вліяніе повѣетъ со стороны отборнаго достоинства, ума, красоты, граціи, непорочной стыдливости, добродѣтели христіанскаго милосердія, со стороны угнетеннаго сердца, привязанности серіозной и даже глубокой. Вотъ тутъ первѣйшее—благофлегматичность темперамента, холодная неподвижность сердца, о которой говорилъ В. Н. Карповъ, какъ о благонадежнѣйшей гарантіи ровнаго хода монаховъ въ жизни. Такіе-то и выходятъ не только въ люди, но и людьми. Бывали случаи, что на сочувствіе иной инокъ отвѣчалъ оскорбленіемъ, даже напускною грубостью, чтобъ отогнать навожденіе. Но не всякій пойдетъ на это и не всегда выдержитъ стойкость противъ настойчивости.

Digitized by Google

Но горе для монаха, но не великое достоинство въ немъ, если съ молоду человѣкъ онъ былъ, если онъ холерикъ и сангвиникъ, если онъ меланхоликъ... Въ собственномъ сердцѣ его можетъ забиться тревога мучительнѣйшаго, разъѣдающаго, разлагающаго свойства; внутри заговорятъ такія гнетущія антиноміи, что разорвутъ душу на части. Борьбу съ собою днемъ и ночью ведетъ онъ страдальческую, а совѣсть тѣмъ не менѣе грызетъ за чувство, за слово, за взглядъ; а чувство между тѣмъ толкаетъ впередъ и назадъ. А внѣшняя сплетня въ то же время ведетъ свое оплетающее дѣло; подсказываетъ ходы, какъ уже совершенные, которые еще придется совершить; припишетъ другому чужую склонность; возведетъ въ перлъ созданія общую чужую фантазію, чудовищно-наросшую басню превратитъ въ прагматическую доказанную, достовѣрную, даже неизбѣжную исторію. Дуракъ кинетъ камень въ воду, а десять умниковъ не вытащатъ;—камень дѣлаетъ по водѣ круги, которые, разбѣгаясь широко и далеко, доходятъ не только до ближайшаго, но и далекаго высшаго начальства. А на плеча монаха при этомъ давящимъ бременемъ ложится страхъ людской, который „бо́льшую муку имать", какъ писалъ одинъ несчастный монахъ изъ вдовыхъ священниковъ, нежели страхъ Божій. Отвсюду посылаются на него предостереженія, иногда крайне серіозныя. Свѣтскіе трубятъ объ этомъ иногда просто для забавы, для хохота, для нихъ это такое простое, такое обычное дѣло—назвать по имени самую дикую крайность и связать съ нею монашеское имя. За предостереженіями сыплются щелчки, иногда и удары, удары то тяжкіе, то даже невыносимые.

Гдѣ утѣшиться? На кого, на что опереться? Чѣмъ развлечься? Подобныя условія вѣдь убійственны, убійственны не для однихъ монаховъ, но и для вдовыхъ священниковъ. Общеизвѣстенъ опытъ, что въ провинціяхъ, въ сельскихъ приходахъ большая часть священниковъ вдовцовъ пропадали, а всѣ они тяжко страдали. Не стану распространяться объ этомъ такжо-глубоко скорбномъ и отлично мнѣ извѣстномъ предметѣ. Искать успокоенія, искать монаху утѣшенія въ научныхъ занятіяхъ? Идиллія, мечта. Говорю съ опыта, въ провинціи ученому монаху можно заниматься наукой, насколько это нужно для класса, для школы, но не дальше. Отчего такъ? Посмотрите кругомъ. Провинціальныя газеты, провинціальные журналики, какъ и всякія другія литературныя и ученыя изданія не имѣютъ силы, не имѣютъ содержанія, не имѣютъ надежды на широкую жизнь. Явленіе обще-

Digitized by Google

человѣческое, по крайней мѣрѣ было до сихъ поръ все-россійскимъ. Чего же хотѣть, какихъ ученыхъ произведеній желать отъ монаха, преподавателя въ какой-либо провинціальной семинаріи? Что будетъ дальше, какіе ученые успѣхи породитъ въ духовныхъ семинаріяхъ новый уставъ, не знаю. Но въ старомъ прожитомъ опытѣ выходило такъ, что вѣчное преподаваніе одного и того же предмета въ провинціальной семинаріи, приспособительно къ понятіямъ даже семинаристовъ, не говоря уже объ ученикахъ духовныхъ училищъ, дѣйствовало притупляющимъ образомъ на дарованія преподавателя, съуживало взглядъ, накидывало густую тѣнь на научные идеалы, какіе обыкновенно выносились новичками-учителями изъ стѣнъ Академіи. Въ одной семинаріи, гдѣ случайно стеклось много свѣжихъ дарованій, послѣ экзамена, въ ректорской квартирѣ, въ присутствіи серіознѣйшаго ихъ архіереевъ, епископа Евѳимія, который въ свою пору былъ неутомимѣйшимъ труженикомъ-педагогомъ, юные профессоры изъ первыхъ адемическихъ магистровъ подняли пылкій споръ о томъ, что воспитанникамъ семинарій полезно давать для чтенія всякія книги безъ разбора, а нужно только руководить ихъ юный умъ при чтеніи. Монахи, ректоръ и инспекторъ, держали въ спорѣ противную сторону. Архіерей, потупившись, долго сидѣлъ молча. Наконецъ, поднявшись совсѣмъ, чтобъ отбыть, держалъ рѣчь наиболѣе жизненно практическую: „юны вы и не знаете жизни. Вотъ былъ у меня въ прежніе годы сослуживецъ, профессоръ такой-то семинаріи. Такъ же, какъ и вы, вынесъ изъ Академіи свѣтлые идеалы, которымъ и кланялся годъ-другой. А прослужилъ въ семинаріи лѣтъ 17 и сталъ повторять своимъ ученикамъ такую рѣчь: „съ вами самъ отупѣешь, самъ опустишься, самъ развѣешь все, что вынесъ изъ Академіи“. Доведите невѣжество учениковъ до того, чтобъ они знали, что требуется программами, и для того нуженъ неустанный трудъ. А гдѣ имъ до какихъ-либо превыспреннихъ теорій, которыя только собьютъ ихъ съ послѣдняго, имѣющагося у нихъ скуднаго толку? Поживите съ наше, тогда и заговорите по нашему“. Извѣстно, что въ старые годы, при прежнемъ уставѣ, массы учениковъ поступали въ семинаріи съ огромнымъ запасомъ невѣжества. А борясь съ этимъ невѣжествомъ, даже труженикамъ наставникамъ приходилось спускаться до prima elementa научнаго образованія. Въ этомъ проходили годы и производили свое незамѣтное, но неустранимое понижающее, охлаждающее высшіе порывы, отупляющее дарованія дѣйствіе. Всего этого предмета

Digitized by Google

я опять же не исчерпываю. Въ провинціи для научныхъ занятій нѣтъ предмета, нѣтъ способовъ, нѣтъ матеріаловъ, нѣтъ задачи, нѣтъ призванія, нѣтъ поощренія; а затрудненій цензурныхъ, издательскихъ и всякихъ—нѣсть числа. А страхъ неудачи, а страхъ всякихъ огорченій по выходѣ сочиненія въ свѣтъ? Посмотрите собственно на монаховъ: тѣ изъ нихъ, которые что-либо писали и издавали въ свѣтъ, всѣ до единаго страдали, сверхъ прочихъ монашескихъ страданій, еще за свои сочиненія. Нужно быть столпомъ и по характеру и по извѣстности, нужно быть Макаріемъ, чтобы не свалиться. А вѣдь даже Іоаннъ Смоленскій свалился... Всякій изъ юныхъ монаховъ это знаетъ и благоразумно себѣ повторяетъ: *любити убо намъ, яко безбѣдное страхомъ, удобьѣ молчаніе*... Вотъ писаніе, полученное на дняхъ, даже не отъ монаха, человѣка извѣстнаго въ разныхъ литературныхъ и ученыхъ изданіяхъ, члена разныхъ ученыхъ обществъ: „одиночество страшно сокрушаетъ. Остается только откладывать по третямъ по столько-то въ банкъ... Вотъ высокіе помыслы чѣмъ кончились. О писаньи чего-нибудь о чемъ-нибудь лѣнь и подумать; нѣтъ, не лѣнь, а противно. Мало-ли умниковъ бумагу марають, а много-ли читаютъ все напечатанное и написанное? Къ чему же еще прибавлять лишняго борзописца? Итакъ, сложивъ перо и бумагу, брожу одиноко по своей квартирѣ (не пью) и регулярно иду въ клубъ (въ карты не играю) читать газеты и журналы... И такъ пойдетъ теперь жизнь подъ черту до смертнаго конца... Право, зачѣмъ было учиться и *прилагать разумъ?* Къ тому, чтобы *приложить* и *болѣзнь*, чтобы придти къ этимъ грустнымъ выводамъ“?—Монахи такъ же, какъ и свѣтскіе, къ этимъ грустнымъ выводамъ приходятъ; но въ клубъ идти не могутъ, развлечься на людяхъ не могутъ, въ карты играть не могутъ—непозволительно. Остается только грустить въ кельѣ и пить?

Счастье, когда жизнь монаха идетъ годъ за годомъ, закрывая общимъ сіяющимъ колеромъ добропорядочной служебной постановки много черныхъ, болѣе или менѣе каждымъ пережитыхъ дней, какъ тихая гладь морская закрываетъ своимъ ровнымъ блескомъ всѣ милліонныя терзанія, какія ежеминутно совершаются тамъ внизу подъ этою гладью. Но если одинокаго въ мірѣ Божіемъ, никому не роднаго, никому не нужнаго, кромѣ—быть можетъ—тамъ вдали гдѣ-то глухо тоскующей по немъ вдовы матери,—если унылаго монаха толкаютъ, толкаютъ такъ, что онъ начинаетъ падать, толкнули такъ, что онъ упалъ, и только ба-

Digitized by Google

рахтается въ нравственномъ безсиліи и никто встать ему не помогаетъ, ничья твердая и милосердая рука не поддерживаетъ... Говорю, никому не нужнаго монаха. Да. Я не знаю времени, когда на Руси учеными монахами дорожили, когда ихъ берегли. Но вотъ уже на своемъ не длинномъ вѣку переживаю уже второй періодъ, что отъ ученаго монашества усиливаются систематически отдѣлаться. А отдѣлываясь отъ цѣлаго званія, отдѣлываются и отъ лицъ. Допускаю, что было время, когда ихъ вербовали, но никогда ихъ не берегли. Напротивъ, какъ я смотрю назадъ въ извѣстную мнѣ даль, съ ними всегда поступали безжалостно, а весьма часто и безпощадно до безсистемности, или даже, наоборотъ, безпощадно систематически. И опять же объясняюсь: говорю—безпощадно—не въ смыслѣ несправедливости, несоотвѣтствія настоящаго церковнаго суда съ древними церковными касательно монаховъ канонами, но въ смыслѣ систематическаго у юныхъ монаховъ. Постригли, ну и береги самъ себя, и пусть Богъ тебя бережетъ. Хорошъ, ровенъ, удачливъ, угодливъ, ничего худаго о тебѣ не слышно,—будутъ идти своимъ чередомъ, одному раньше, другому позже, обычныя награды и повышенья. Предложеніе за прежніе годы не превышало запроса на ученыхъ монаховъ. Вакансіи для нихъ постепенно открывались. Если же нехорошъ,—берегись и жди, дадутъ толчка такъ, что и не встанешь. На словахъ пожалѣютъ: „жаль, жаль, подавалъ надежды“. На дѣлѣ же кому какое дѣло? Мѣсто для другихъ,—мѣсто свято пусто не будетъ. Эта поговорка сочинена, конечно, для монаховъ. Всегда найдутся люди, что и порадуются. У кое-кого всегда есть частичка скрываемаго-нескрываемаго злорадства, когда монахъ сваливается съ ногъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ потѣшно, когда рьяный ползунъ по лѣстницѣ фортуны валится внизъ головой. А монаховъ считаютъ именно таковыми искателями фортуны, по крайней мѣрѣ—честолюбцами. „А, митры захотѣлось, чтобъ „исполла эти деспота“ ему пѣли! Нѣ-ѣтъ, время деспотовъ теперь уходитъ“. Одинъ очень высокопоставленный мужъ любилъ шутить: „а, прихлопнуть монашка, да это первое удовольствіе“. Слава Богу, что онъ, кажется, взводилъ на себя поклепъ; ни чувства, ни дѣянія его такому поклепу на себя не отвѣчали. Но... понятно чувство смѣшливаго удовольствія дать щелчка монаху и глядѣть сверху, какъ онъ катится внизъ, нерѣдко и до преждевременной смерти... Ну, непріятно, конечно, тогда можно и отвернуться... Сановные монахи также не любятъ, когда не сановный пока монахъ пошатывается,—не дѣлаетъ де

Digitized by Google

чести сану. Наоборотъ, всякому натрону пріятно слышать, когда монахъ, только что готовящійся быть сановнымъ, ведетъ себя сановито, ровно, степенно, назидательно, достохвально. За то съ пошатывающимися и не церемонились. Послать ректора семинаріи въ братство или хотя бы настоятелемъ какого-либо монастыря куда-либо въ пустыннѣйшее захолустье—это было обычно практиковавшеюся мѣрой. А къ чему она вела и ведетъ, можно судить по недавнимъ случаямъ. Одинъ изъ такихъ ссыльныхъ настоятелей, изъ даровитѣйшихъ прежнихъ ректоровъ, занедуговавъ въ своемъ глубокомъ одиночествѣ нравственно и физически, вдругъ зоветъ къ себѣ келейника: „есть Богъ“,—говоритъ и съ этими словами испускаетъ духъ. Не знаю, точно-ли передэно. Въ свою пору объ этомъ мнѣ писано знающимъ авторитетомъ, подробности забылъ. Еще одинъ ректоръ, избѣгая семинарскихъ треволненій первыхъ 60-хъ годовъ, самъ ушелъ на покой, безъ копѣйки окладовъ, въ именитый монастырь. Долго разсказывать, что онъ тамъ перенесъ. Кто ему принесетъ въ келью дровъ? Даже гдѣ онъ возьметъ дровъ? Дрова и дороги нынѣ, особенно въ томъ краѣ, гдѣ былъ названный монастырь, и они трех-полѣнныя, ихъ нужно нарубить. А кто ихъ нарубитъ для него? Преподобный Сергій Радонежскій, конечно, рубилъ самъ, примѣръ достоподражаемый. Ну и ректоръ семинаріи, архимандритъ, отправляясь или отправляемый въ монастырь въ братство, да вѣдаетъ, что ему самому придется рубить и носить для себя дрова, если только дадутъ, если позволятъ. И за водой для себя—напиться, обмыться—онъ долженъ сходить самъ. Келейные помои долженъ вынести самъ, самоварчикъ для себя, если таковый имѣется, долженъ поставить самъ, если есть опять, для чего ставить. Что ссыльные ученые монахи оставались безъ чашки чаю, это вещь бывалая. Въ общую монашескую трапезу идти неловко; для ссыльнаго ректора-архимандрита тамъ и мѣста нѣтъ; тамъ, кромѣ настоятеля или строителя, архимандрита, игумена или іеромонаха, которому безспорно принадлежитъ въ трапезѣ первое мѣсто, старѣйшія мѣста занимаютъ еще монастырскіе чины: казначей, экономъ, ризничій и т. д. Ссыльный архимандритъ враговъ себѣ наживетъ, если по сану сядетъ выше старцевъ іеромонаховъ. А въ келью пищи никто ему не принесетъ, да и въ кухнѣ не дадутъ. И отслужить въ церкви не дадутъ, особенно въ праздники; въ праздники служить хочется всякому, настоятелю, старшей братіи непремѣнно. Чаю купить не на что, сапоговъ не на что; бѣлье

Digitized by Google

мой собственноручно, прачкѣ заплатить нечѣмъ. Престарѣлый архіепископъ Іоаннъ Донской на покоѣ мылъ все свое бѣлье собственноручно; этому я очевидный свидѣтель. Осталось неразъясненнымъ, чѣмъ онъ побуждался къ этому. Должно быть встрѣтилъ отъ братіи какое-либо затрудненіе; а въ подобныхъ условіяхъ страждущая душа становится безпредѣльно чутка къ огорченіямъ и тотчасъ же заключается въ свою раковину. Могущественный свѣтскій родственникъ исхлопоталъ упомянутому архимандриту-магистру магистерскій окладъ. Извѣстно, что у сходящихъ съ учебной службы ученыхъ монаховъ тотчасъ отнимаютъ оклады, выдаваемые по степени магистра и кандидата богословія. Возвращенный окладъ принесъ архимандриту еще больше зла; тогда ему и грубыхъ щей изъ братской кухни не стали давать; говорятъ, онъ-де получаетъ окладъ. Восемь рублей въ мѣсяцъ магистерскаго оклада—деньги не только серіозныя, но и большія въ глазахъ монастырскихъ монаховъ, когда монастырскому монаху до сихъ поръ отпускается изъ государственнаго казначейства мѣсячнаго оклада до 2 руб. въ мѣсяцъ, до 20 руб. *ассигнаціями* въ годъ. Это тѣ великіе капиталы, о возвращеніи которыхъ къ своему источнику, въ государственное казначейство, объ обращеніи которыхъ на болѣе важную государственную нужду вопятъ наши либералы, наши самозванные реформаторы церкви и государства. Монастырскіе монахи, разсуждающіе, что ссыльный архимандритъ, получающій 8 руб. оклада въ мѣсяцъ, долженъ и можетъ самъ себя содержать въ счетъ этого оклада, совершенно правы съ своей точки зрѣнія. Вѣдь этотъ архимандритъ въ монастырѣ лишній и чужой, момонастырскихъ послушаній не несетъ; да ихъ ему и не дадутъ никакихъ; станетъ на клиросъ, и тамъ толкнутъ подъ бокъ. То фактъ, то несомнѣнно, что одинъ архіерей, еще живой, лишенный каѳедры, не могъ найти мѣста въ лаврской церкви: станетъ здѣсь, толкнутъ и скажутъ: „позвольте;“ станетъ тамъ, толкнутъ опять и скажутъ: „позвольте.“ Онъ самъ тамъ же горько жаловался на это. И дѣйствительно, мѣста мало, охотниковъ стоять много, особенно въ болѣе уютныхъ уголкахъ. Потому-то извѣстны примѣры, что въ монастыряхъ ссыльные ученые монахи бѣгали отъ всѣхъ, какъ зачумленные, совершенно переставали служить въ церквахъ, переставали даже выходить въ церковь, или старались пробраться возможно незамѣтнѣе; становились въ церквахъ, какъ оглашенные, гдѣ-либо подъ лѣстницей, въ потайныхъ уголкахъ за колоннами, или буквально въ

Digitized by Google

притворѣ, стараясь придти въ церковь позже и уйти раньше другихъ, чтобы не встрѣтиться съ братіей. Говорить-ли, что одинъ видъ ихъ возбуждалъ ненависть грубыхъ сердецъ. Крайняя уклончивость съ ихъ стороны, безъусловнѣйшее смиреніе, не спасали ихъ отъ грубѣйшихъ оскорбленій. Вотъ недалеко жилъ на такъ-называемомъ покоѣ лѣтъ 20 уволившійся отъ епархіи архіерей; больно слушать, да и не переслушать весь длинный рядъ нахальнѣйшихъ выходокъ, которымъ подвергался этотъ кротчайшій, незлобивый человѣкъ, облеченный святительскимъ саномъ, вчерашній мѣстный такъ-называемый владыка. Да и погребенъ онъ буквально въ притворѣ малой теплой церкви; это древнее: „попирайте насъ ногами“, какъ кричали кающіеся древнихъ временъ христіанства, ложась въ церковномъ притворѣ, когда вѣрующіе шли въ храмъ и выходили. Впрочемъ, на то была, кажется, воля самого погребеннаго; самъ избралъ для себя такое мѣсто погребенія. Благочестивая душа мірянина почитателя сдѣлала на свой счетъ надъ этою смиренною могилой надгробіе и отдѣлила его отъ прохода деревянною ширмой за стеклами. Тотъ же могущественный родственникъ снова, съ большимъ трудомъ, выхлопоталъ упомянутому о. архимандриту мѣсто ректора. Теперь епископъ. Извините за эпизоды, у меня ихъ тысячи, всѣ просятся подъ перо. Лично зналъ я ректора, человѣка благочестиваго, но страннаго, который, какъ-то затруднивъ свое служебное положеніе, но не получивъ ни увольненія, ни другаго назначенія, проживалъ въ Александро-Невской лаврѣ многіе мѣсяцы и сносилъ послѣдніе сапоги, а новые купить было не на что, такъ что намѣстникъ лавры архимандритъ Веніаминъ подалъ ему милостыню, собственныхъ 25 руб., буквально на сапоги. Давалъ и я тамъ же буквально милостыню одному ученому архимандриту, даже писателю, человѣку изможденному, съ отнявшимися отъ сибирскихъ холодовъ, отъ ревматизма пальцами рукъ. Видѣлъ я почтеннѣйшаго ректора, старца архимандрита, какъ онъ, жалуясь на разныя злоключенія пройденной учебной службы, дѣлалъ предъ нами такъ: крѣпко водилъ ладонями по волосамъ (а у него были до старости роскошнѣйшіе волосы) въ обѣ стороны, и при этомъ, показывая сжатые кулаки, говорилъ: „вотъ этакъ бывало поведешь по волосамъ, да и вынимаешь вотъ въ этой рукѣ горсть волосъ, да въ другой другую горсть“. Онъ въ эту пору на старость назначенъ былъ настоятелемъ именитаго, помнится томскаго, монастыря и радовался такому исходу своей долгой службы. Зналъ я по-

Digitized by Google

чтеннѣйшаго архимандрита, который, будучи устраненъ съ ученой службы и поставленъ членомъ цензурнаго комитета, сядетъ бывало на полу кельи да и рыдаетъ, что товарищи, ученики, юнѣйшіе вышли въ люди, а онъ (не безъ собственной слабости) отсталъ. Впослѣдствіи я посѣтилъ его въ братствѣ монастыря, гдѣ товарищъ его сановный архіепископъ: въ кельѣ я усмотрѣлъ убожество (одна роскошь была—множество книгъ), въ ея обителѣ смиреніе, какое-то благостное самоотреченіе; съ языка не сходило: „спасибо высокопреосвященнѣйшему, призрѣлъ“... Да и какихъ горестей и горемыкъ не видалъ я, а больше еще не слыхалъ? *Не достанетъ ми времени повѣствующу.*

Боже! Сколько печальнаго, сколько трагическаго представляетъ назадъ озирающемуся взору иноческая жизнь! Вѣдь монахъ—наиболѣе безотвѣтный, наиболѣе безправный и въ этомъ отношеніи наиболѣе удобный на службѣ, если не человѣкъ, то чиновникъ. Пошлютъ его въ Камчатку, вѣдь поѣдетъ безпрекословно. Не такъ давно одного угоднаго высшей власти ректора посылали ректоромъ же на крайній югъ. Вопреки обычаю, онъ позволилъ себѣ отказываться, ссылаясь на несомнѣнное страданіе зрѣнія. Его тотчасъ же уволили отъ службы совсѣмъ и назначили въ братство какого-то моиастыря. Благо, высокій сановникъ смилостивился и взялъ его на мѣсто настоятеля въ хорошій монастырь. А пошлютъ монаха и въ Соловки, поѣдетъ же. Кому жаловаться? Только небу? Чего искать? Правды? Но для него обязательно и: *блажени изгнани правды ради...* Искать монаху, попавшему въ немилость, чего бы то ни было, кромѣ неба, не пристало. Не пристало искать даже земнаго милосердія. А оставалось и остается ждать, что кто-либо изъ властныхъ вспомнитъ и воззритъ жалостнымъ окомъ. Такимъ путемъ нѣкоторые, впослѣдствіи даже именитые святители, спаслись отъ забвенія. Другіе же до гробовой доски жалостно и не немалодушно ждали, что ихъ вспомнятъ. Вотъ забытый старецъ другому еще сильному старцу, посѣтившему перваго въ его забытомъ углу, льетъ вино въ бокалъ; отъ старческой немощи и руки дрожатъ и глаза не довидятъ, куда лить, а дрожащія уста шепчутъ: „не забудьте.“ Или проѣзжаетъ великомощный старецъ въ столицу и на пути посѣщаетъ монастырь; тамъ забытый старецъ, того же высокаго сана, наисмиреннѣйшимъ, самоуничиженнѣйшимъ образомъ стоитъ у порога; а свѣтскія тутъ сидѣвшія барыни впослѣдствіи разсказывали: „такъ намъ жаль было видѣть, какъ это онъ стоялъ у порога, склонивъ свою старче-

Digitized by Google

скую голову на бокъ." Одинъ весьма высокопоставленный не монахъ, но документально изучившій монашество, публично разсуждалъ, со свойственною ему природною живостью: „вотъ, Господи, кажись бы, эти монахи совсѣмъ отреклись отъ міра и всѣхъ благъ его и служенія ему. Кажись бы, чего имъ бояться? Небо падаетъ на нихъ, а они стоять бы должны незыблемою скалой, столпами міра. А вѣдь не видалъ я на своемъ вѣку людей болѣе малодушныхъ." На это невысокопоставленный, но ученый монахъ, позволилъ себѣ скромно выразить такое, давно у него назрѣвшее мнѣніе: „это у монаховъ происходитъ отъ *самобольнія*." Повидимому, всякому человѣку дается только извѣстная, почти равномѣрная у всѣхъ доля способности страдать. Когда случится горе съ мірскимъ человѣкомъ, онъ раздѣлитъ его съ родителями, женой, дѣтьми, близкими родными, друзьями, развѣетъ горе по вѣтру разными развлеченіями, перемѣнитъ карьеру, родъ службы, родъ занятій; не перемѣнитъ, такъ потѣшится надеждою, что можетъ перемѣнить. Кромѣ того всякому въ жизни приходится раздѣлить данную ему долю способности страдать на близкія существа, на жену, дѣтей, родныхъ, друзей,—гдѣ тутъ иному и думать о себѣ, о своемъ личномъ страданіи? Въ міру, даже при существованіи многихъ изъ упомянутыхъ условій, напримѣръ, возможности искать забвенія горя въ развлеченіяхъ, при существованіи свободы въ выборѣ службы и занятій и т. д., наибольшіе страдальцы—это люди одинокіе, бездомные холостяки, бобыли, грубѣйшіе эгоисты. Они то и даютъ наибольшій контингентъ самоубійцъ. Возьмемъ же теперь монаха. У него все исключительно, все доведено до крайности. Кромѣ Бога утѣшить его въ бѣдѣ некому. Вблизи его нѣтъ ни родителей, ни родныхъ, ни, всего чаще — друзей, ни одной истинно близкой души. Даже выплакать горе на груди старой матери, если она имѣется, неудобно, не пристало; болѣе пристало молча сжать зубы, лежа на диванѣ, пусть лучше горе выльется въ этой крови, которая течетъ горломъ изъ здоровой по натурѣ груди. А мать, которой ни слова ни говорятъ, пусть тамъ молится, коли хочетъ, и въ молитвѣ ищетъ себѣ утѣшенія, а изнывающему сыну помощи. Раздѣлить свое горе ему позволительно развѣ со своею подушкой или съ рукавомъ подрясника, въ который уже никто и ничто не возбраняетъ вылить слезъ, сколько ему угодно, цѣлую пучину. Это Давидово: *слезами моими постелю мою омочу.* Развлеченій никакихъ, кромѣ дѣла, которое дали, его не спросясь, а теперь отнимаютъ опять же

Digitized by Google

у него, не спросясь,—дѣла только по службѣ, которая ускользаетъ изъ-подъ ногъ. Иную службу, иную карьеру избрать себѣ онъ не воленъ. Онъ можетъ взбираться къ житейской фортунѣ только по одной тропѣ, тропѣ трудной, узкой и крутой; а поскользнулся и упалъ, что же дѣлать? И полетѣлъ стремглавъ въ пропасть. Развлечься, размаяться хотя бы тѣмъ, чтобы поболѣть сердцемъ о комъ-либо другомъ, — и то не о комъ, кромѣ себя самого; прижать ему къ своей груди некого, кромѣ своихъ собственныхъ рукъ и той же подушки. А потребность прижать и прижаться хотя къ дорогой могилѣ бываетъ потребностью натуральнаго рефлекса, и поймутъ эту потребность только тѣ, кто не имѣлъ никогда способовъ ей удовлетворить, какъ чувство голода способны понять только голодавшіе. Я лично и хорошо зналъ двухъ молодыхъ священниковъ-вдовцовъ: одинъ такъ и заморилъ себя на могилѣ жены, быстро отъ простуды наживъ себѣ водянку; а другой, съ полгода рыдая на могилѣ жены, самъ вынужденный пеленать новорожденное дитя-сироту, сряду же заморить себя не успѣлъ, къ чему сознательно стремился, зато принялъ монашескій постригъ и разнообразными неровностями нажилъ чахотку,—прекрѣпкая натура,—отчего и слегъ въ раннюю могилу. Вотъ ударили монаха по немъ самомъ,—и вся сила страданія, какая только дана ему отъ природы, кидается на этотъ одинъ его чувствилищный центръ, на него самого, и приливомъ болѣзни къ одному жизненному пункту поражаетъ его жестоко, иногда прямо на смерть. Это и есть монашеское *самобольніе*. Кромѣ того, исторія, своими невзвѣшенными ударами, давала ученому, даже сановному монашеству жестокіе уроки. Кто не знаетъ и забылъ о Ѳеодосіи Яновскомъ, о Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ, объ Арсеніи Мацѣевичѣ? Но не касаясь другихъ приснопамятныхъ историческихъ уроковъ, всѣхъ монаховъ инстинктивно, какъ домашнюю птицу полетъ ястреба, какъ скотину—ревъ или видъ медвѣдя,—инстинктивно пугаетъ самый простой и самый обычный для монаховъ приговоръ: лишить такого-то раба Божія, въ иночествѣ имя рекъ, человѣческихъ правъ состоянія, которыхъ онъ самъ себя лишилъ при постриженіи, и сослать въ мѣсто не столь отдаленное (напр., Валаамъ) или очень отдаленные (напр., Соловки) въ вѣчное заточеніе, чтобъ онъ пребывалъ тамъ безвыходно до могилы, въ постѣ (потому что ѣсть будетъ нечего, какъ выше объяснено), въ совершенной нестяжательности (потому что стяжать нечего) и безусловномъ послушаніи (иначе укротятъ), на каковые подвиги онъ самъ себя обрекъ,

Digitized by Google

произнося иноческіе обѣты, царствія ради небеснаго. Отчего цыпленокъ боится полета ястреба или совы? Самъ онъ не испыталъ ихъ когтей. Но въ его крови, въ его нервы влита эта боязнь. Такъ есть она, эта инстинктивная трусливость предъ звукомъ „Соловки“, и въ крови монаховъ. Одного ударили, всѣ прочіе вздрогнули. Такъ какъ вѣковой опытъ говоритъ, что такой переворотъ въ жизни слишкомъ немногіе выдержали не только съ иноческою твердостію, но и съ человѣческимъ достоинствомъ,—видно, онъ выше дюжинныхъ силъ человѣческихъ, то подобная перспектива инстинктивно и пугаетъ всякаго изъ иноковъ, не располагая ихъ къ гражданскому мужеству. Съ роковою необходимостью вѣдь и боги языческаго міра не воевали, а гдѣ же воевать немощному человѣку? Потому-то вотъ люди, во сто кратъ болѣе какого-либо монаха огражденные въ своихъ гражданскихъ и человѣческихъ правахъ, и потѣшаются надъ монахами: „не видали, молъ, людей болѣе малодушныхъ, какъ эти монахи, отрекшіеся отъ міра и благъ его“,—иначе сказать, и правъ его, правъ свободы, правъ собственности, правъ удовлетворенія жизненнымъ потребностямъ. Только всего,—не больше.

И блаженъ тотъ изъ черной братіи, кто силенъ, кто пріобрѣлъ отъ юности навыкъ, кого Богъ не оставилъ благодатнымъ даромъ духовнаго искусства, а ангелъ-хранитель неотступностію своихъ внушеній опереться въ тяжелую минуту, въ годину искушенія, на вѣру и молитву, опереться на Бога и Церковь, опереться даже безъ вѣры и надежды на стѣну церковную. Я употребляю слова выболѣнныя, да. Горе душевное имѣетъ правильный ходъ болѣзни тѣлесной. Пришибетъ оно, сперва не чувствуешь, какъ-будто ничего, похоже на то, что поранили на войнѣ. Потомъ душа разболѣвается. Вмѣстѣ съ тѣмъ разстраиваются разнообразныя отправленія и тѣла. По прожитому предчувствуется даже, что если пришибетъ горе побольше уже пережитыхъ, или когда силы ноослабѣютъ, то тѣлесныя отправленія остановятся совсѣмъ. Такъ я объясняю себѣ смерть Кирилла, епископа Мелитопольскаго: еслибъ счастье улыбалось ему, какъ улыбалось въ первые 10—12 лѣтъ службы, онъ жилъ бы; но придавила бѣда, придавила всероссійская и европейская извѣстность его бѣды, и онъ угасъ, а по смерти 13 дней пролежалъ нетлѣнный, какимъ несомнѣнно пошелъ и въ могилу, потому что въ немъ все тѣлесное умерло прежде смерти. А быстрое гніеніе по смерти оказывается быстрымъ развитіемъ паразитной жизни въ полножизненномъ умершемъ организмѣ. Оттого здоровый трупъ и во-

Digitized by Google

няетъ такъ крѣпко. Дальше о душевной болѣзни. Я знаю монаха, который отъ боли души не спалъ четырнадцать дней и ночей. Это чудо, но вѣрно. Вотъ американскій докторъ выдержалъ 40-дневный постъ,—чудо, а вѣрно. Я зналъ монаха, превосходнѣйшаго человѣка, который, страдая собственно болями ума, выразился такъ: „право, подъ-часъ становится понятенъ Иванъ Ивановичъ Лобовиковъ“ (самоубійца-профессоръ). Иначе сказать, понятна логика самоубійства. Да, понятна. Въ низшемъ монашествѣ было не мало примѣровъ самоубійства, самоубійства или разсчитаннымъ пьянствомъ или даже наложеніемъ рукъ. Но и въ академической жизни покрыта мракомъ полузабвенія одна темная, глухая и неразъясненная исторія... Да, что такое дальше въ болѣзненномъ процессѣ горя? Что значитъ опереться на стѣну церкви безъ вѣры, безъ надежды? Въ душевной болѣзни отъ горя всегда представляется, что оно нескончаемо, что оно не пройдетъ. Пораженное чувство деревенѣетъ. Становится не мила, даже ненавистна жизнь. Право, можно не лирически, не въ поэзіи, а дѣйствительно съ своего рода упоеніемъ мечтать о могилѣ, даже о забвеніи, даже о небытіи. „Погоди немного, отдохнешь и ты“. Гартмановскій пессимизмъ естественъ человѣку, въ минуту мрачной тоски. Можно чувствовать сладость надвигающагося небытія. Вотъ когда, именно въ этомъ состояніи чувства, человѣкъ бываетъ безъ вѣры, безъ надежды. Но инстинктъ, но невѣдомая сила тянетъ пока еще живаго, но падшаго духомъ человѣка опереться на что-нибудь способное быть опорой, хоть механическою, ну вотъ на стѣну церковную по привычкѣ, по тайному вліянію ангела хранителя. Вѣдь тянется же эта ненужная жизнь. Вотъ и стоитъ человѣкъ опершись на стѣну церковную сегодня и завтра, нечувствителенъ, мраченъ, тупъ, какъ камень. Юный неопытный боецъ жизни такъ и думаетъ, что онъ такъ и кончитъ. А испытанный знаетъ по опыту, что это низкое состояніе пройдетъ. Вотъ уходятъ день за днемъ, солнце свѣтитъ, какъ вчера, какъ и прежде свѣтило, міровой порядокъ не измѣняется. Больной не только видитъ, а даже начинаетъ убѣждаться и чувствовать, что его въ самомъ дѣлѣ не повѣсили. Жизнь влачить приходится. Желтокрасный мѣдно-блестящій колеръ, которымъ былъ подернутъ для него весь міръ Божій отъ продолжительной безсонницы, мало-по-малу исчезаетъ. И опять начинаютъ заговаривать въ немъ интересы жизни; опять воскресаетъ въ немъ чувствительность къ жизненнымъ задачамъ, возстановляется душевное здо-

Digitized by Google

ровье, оживаютъ даже надежды. Не о карьерѣ я говорю, о надеждахъ не на карьеру, но на возможность жить и чувствовать хоть кое-какую привязанность къ жизни. Вотъ о чемъ. Это и есть логика самоубійства, отъ котораго такъ много гибнетъ людей на Руси; логика систематическаго пьянства, отъ котораго еще больше погибло людей на Руси, особенно среди черноты, которая потѣшаетъ себя поговоркой: завей горе веревочкой, запей его рюмочкой; логика меланхоліи и помѣшательства, отъ которыхъ зачахло не мало ученыхъ монаховъ.

Архіепископъ Никаноръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

ЗАБЫТЫЯ ГРЁЗЫ.

(Посвящается Н. П. Арцыбашевой.)

Изразцовая лежанка,
Кресло старое; на немъ
Няня, вставши спозаранка,
День весь возится съ чулкомъ.

Предъ Божницею лампадки,
Жирный котъ юлитъ у ногъ;
У стѣны стоятъ кроватки,
И надъ каждой образокъ...

Тихо въ дѣтской. Няня сказку
Приготовила для насъ,
И, поправивши повязку,
Начинаетъ свой разсказъ.

Мы летимъ за няней милой
Въ царство злата, янтаря,
Гдѣ не могъ волшебникъ силой
Одолѣть богатыря...

Гдѣ Жаръ-Птицу доставали
Въ заколдованныхъ садахъ,
Королевичей встрѣчали
На летающихъ коврахъ.

Digitized by Google

На цѣпяхъ, въ гробахъ хрустальныхъ,
Тамъ царевны крѣпко спятъ;
Изъ источниковъ кристальныхъ
Ихъ живой водой поятъ...

Вдругъ, по щучьему велѣнью,
Изчезали тамъ лѣса,
По дурацкому хотѣнью
Совершались чудеса.

И въ борьбѣ тамъ неусталой
Торжествующее зло
Предъ добромъ всегда склоняло
Побѣжденное чело...

Няня смолкла. Въ дѣтской шумно.
Я задумался о томъ:
Почему лишь въ сказкѣ умной
Зло пасуетъ предъ добромъ?

П. Суворовъ.

Декабрь.
1895 г.

Digitized by Google

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, какъ иниціаторъ церковно-приходской школы.

„А знаете вы, писалъ въ 1887 году Гиляровъ-Платоновъ И. Ѳ. Романову, — что *идея церковно-приходскихъ школъ принадлежитъ мнѣ*, что объ этомъ была мною подана записка (очень сильная) покойной императрицѣ, потомъ напечатанная въ *Твореніяхъ Св. Отцевъ*, перепечатанная затѣмъ въ *Современной Лѣтописи* и воспроизведенная недавно въ синодскомъ ли изданіи или изданіи Рачинскаго? Объ авторѣ нигдѣ, разумѣется, не упомянуто; это ужь такъ порядокъ вещей требуетъ, и меня даже смѣшитъ, перестало огорчать."

Записка, о которой говоритъ Гиляровъ, носитъ названіе: „О первоначальномъ народномъ обученіи." Она была написана Никитою Петровичемъ въ концѣ 1861 года и тотчасъ по написаніи отправлена въ Петербургъ, къ графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ Блудовой.

„Благодарю васъ искренно, писала ему графиня,[1] за записку о школахъ, которую читала съ истиннымъ душевнымъ наслажденіемъ".

„Ваша записка объ обученіи народа[2] была прочтена самому Государю, который ею очень доволенъ, раздѣляетъ вашъ образъ мыслей и, какъ я достовѣрно узнала, твердо убѣжденъ, что въ рукахъ духовенства *должно* оставаться образованіе первоначальное. Теперь пришлите мнѣ вашъ прежній *трактатъ*, то-есть пришлите подробное изложеніе мѣръ для основанія прочнаго школъ съ учителями изъ семинарій. Это уже будетъ пущено въ ходъ для членовъ Главнаго Комитета, гдѣ будутъ обсуживать это

[1] Отъ 30-го декабря 1861 г.

[2] Пишетъ графиня Блудова отъ 3-го января 1862 года.

Digitized by Google

дѣло. Имѣя увѣренность, что Государь поддержитъ общую мѣру, надобно подготовить господъ членовъ къ этому пониманію подробнаго введенія порядка основаннаго на ней".

„Не печатайте записку покуда, [1] дайте сперва здѣсь ознакомить съ нею *полезныхъ* людей, а то наши петербургскіе журналы закидаютъ грязью и пожалуй собьютъ съ толку членовъ Комитета. — Я вѣрю въ *конечное* торжество истины *современемъ*, но не вѣрю безусловно въ ея торжество современное среди отуманенныхъ горячихъ головъ, большею частью „кокетничающихъ съ безуміемъ", какъ Бабстъ очень мѣтко выражается".

Записка Гилярова, произведшая столь благопріятное впечатлѣніе у кормила правленія, появилась впервые въ печати безъ имени автора въ Прибавленіяхъ ко второй книжкѣ *Твореній Св. Отцевъ* 1862 г. Для напечатанія ея потребовалось не только согласіе и одобреніе митрополита Филарета, [2] но и разрѣшеніе изъ Петербурга.

„Поспѣшаю увѣдомить васъ, писалъ Никита Петровичъ къ профессору Московской Духовной Академіи, протоіерею А. В. Горскому, [3] что сегодня я получилъ разрѣшеніе изъ Питера на напечатаніе моей записки. Не излишне считаю, при семъ, снова покорнѣйше просить васъ, если возможно, оставить замѣчанныя Владыкою (митрополитомъ Филаретомъ) выраженія, какъ они были, и обозначить ихъ только знаками „ ", эти знаки будутъ показывать, что слова „баринъ", „ребятишекъ", „побасенки" и т. д. составляютъ обычное словоупотребленіе тѣхъ лицъ, о которыхъ говорится, и даже выражаютъ въ себѣ самый способъ ихъ воззрѣнія на вещи.

„Много одолжили бы меня также, еслибъ оставили для меня нѣсколько отдѣльныхъ оттисковъ (отъ 10 до 20). Въ подлинникѣ записка моя озаглавлена была не вопросомъ, а словами, помнится, такими: „О первоначальномъ народномъ обученіи." Вопросъ, которымъ начинается записка, есть уже начало самой трактаціи. Думаю, что и при напечатаніи слѣдуетъ дать запискѣ какое-нибудь заглавіе, такое ли, какое у меня было (оно, впрочемъ, нѣсколько широко), или какое другое, но только не въ

---

[1] Отъ нея же, 4-го января 1862 г.

[2] 30-го марта 1862 г. митрополитъ Филаретъ писалъ ректору Московской Духовной Академіи: „Возвращаю статью о первоначальномъ обученіи народномъ. Можете внести ее въ ваше изданіе." Письма Филарета митр. Моск. къ Высочайшимъ Особамъ, I, стр. 177.

[3] Отъ 30-го октября 1862 года.

Digitized by Google

видѣ вопроса. Имени моего прошу не выставлять. Выставите просто: „Сообщено,“ если это у васъ такъ принято. Еще два слова:

„1) Въ запискѣ у меня сказано, что учительство можетъ быть поручено молодымъ людямъ, „возведеннымъ въ санъ иподіакона“. Но мнѣ говорятъ, что посвященный въ санъ иподіакона не можетъ вступить въ бракъ; что желающій вступить въ брачную жизнь долженъ жениться непремѣнно до поставленія въ иподіакона. Правда ли это? Если правда, то прошу замѣнить слово „иподіаконъ“ другимъ, болѣе общимъ: „на низшую церковную степень.“ Когда я писалъ записку, я въ этомъ мѣстѣ намѣренно избѣгалъ слово „причетникъ“; молодымъ людямъ нашимъ это показалось бы унизительнымъ; ***nomina sunt odiosa***, и потому-то указалъ я на церковную степень болѣе высшую, но еще не священную. Но ужели, въ самомъ дѣлѣ, каноническія правила запрещаютъ иподіакону вступать въ бракъ? Я достовѣрно знаю однако, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ архіерейскими иподіаконами бываютъ обыкновенно ученики богословія, которые потомъ женятся и возводятся въ высшія степени.

„2) Если уже неизбѣжно будетъ въ *Твореніяхъ Св. Отцевъ* остракировать выраженія, признанныя „неприличными“, прошу покорнѣйше приказать оставить ихъ во всякомъ случаѣ въ оттискахъ, которые будутъ назначены собственно для меня, и пойдутъ въ раздачу немногимъ знакомымъ и друзьямъ.“

Въ виду того значенія, которое все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ церковно-приходская школа, мы приводимъ цѣликомъ эту забытую „трактацію“ Гилярова-Платонова, которую перепечатавшая ее *Современная Лѣтопись* (1862 г. № 30) назвала „замѣчательной“.

О первоначальномъ народномъ обученіи.

„Кому должно быть ввѣрено первоначальное обученіе народа? Духовенству. — Отвѣтъ такъ несомнѣненъ, что только намѣренное желаніе поколебать въ народѣ христіанскія начала, или же совершенное незнаніе народныхъ склонностей могутъ отвѣчать иначе.

Народъ самъ признаетъ духовенство законнымъ своимъ учителемъ. При первой возможности откладывать ежегодно какихъ-нибудь пять рублей, простолюдинъ отдаетъ сына своего на обученіе священнику или дьякону; при меньшихъ средствахъ онъ обращается къ дьячку; и только въ крайней нуждѣ рѣшается обратиться къ какому-нибудь отставному солдату, или своему брату крестьянину-грамотѣю. Не только въ селахъ, но

Digitized by Google

даже въ городахъ, въ самой даже Москвѣ, въ домахъ священнослужителей найдете цѣлыя маленькія школы грамотности; крестьяне, мѣщане, купцы охотно отдаютъ туда дѣтей и охотно при этомъ платятъ деньги, несмотря на то, что тутъ же рядомъ стоитъ казенное училище, гдѣ учатъ совершенно даромъ, и гдѣ выучиваютъ даже способомъ болѣе легкимъ и скорымъ, чѣмъ какой извѣстенъ простодушному церковно-служителю. Фактъ былъ бы невѣроятенъ, если бы не былъ вполнѣ достовѣренъ. Онъ доказываетъ, что въ народѣ существуетъ особенное воззрѣніе на грамотность. Грамота для народа есть дѣло въ нѣкоторой степени священное: она есть дверь, отверзаемая къ уразумѣнію божественнаго писанія. Книжная мудрость, въ народномъ словоупотребленіи, почти равнозначительна богословію; начетчикъ означаетъ человѣка, изучившаго много книгъ священныхъ. Такимъ образомъ, понятіе о книжномъ обученіи у простолюдина неразрывно связывается съ понятіемъ объ истолкованіи слова Божія; въ простомъ учителѣ чтенія онъ ждетъ видѣть наставника въ законѣ Божіемъ. Поэтому-то, православный онъ или раскольникъ, онъ отдаетъ дитя свое на обученіе преимущественно лицу, которое признаетъ за священное. Поэтому-то съ нѣкоторымъ недовѣріемъ смотритъ онъ на училище казенное, гдѣ учитель „баринъ“, и гдѣ ученье начинается „побасенками“. Безсознательно постигаетъ простолюдинъ, что назначеніе ученія здѣсь житейское, а не то возвышенное, которое онъ желаетъ. Осмѣлимся ли назвать эти народныя понятія предразсудками? А тѣмъ болѣе, осмѣлимся ли противостать имъ какими-либо мѣропріятіями?

Но кого и способны мы будемъ дать народу, взамѣнъ готовыхъ, естественныхъ его учителей?

Создадимъ ли особое званіе сельскихъ учителей, нарочито къ своему дѣлу приготовленныхъ? Рѣшиться на такую мѣру значило бы обнаружить удивительное незнаніе нашихъ общественныхъ отношеній. Приготовленіе къ званію сельскаго учителя должно состоять, безъ сомнѣнія, въ основательномъ ученіи. Итакъ, въ странѣ, гдѣ образованные люди столь рѣдки, что въ нихъ нуждается еще большинство мѣстъ административныхъ и судебныхъ, должны будутъ выискаться люди, которые захотятъ выслушать курсъ наукъ съ единственною цѣлію обречь себя незавидной долѣ сельскаго учителя! Или, что еще страннѣе, должны будутъ выискаться люди, которые, уже пріобрѣтши основательныя свѣдѣнія въ наукахъ, захотятъ ограничить свою дѣятельность столь скромнымъ поприщемъ, отказываясь отъ дѣятельности болѣе блестящей и болѣе выгодной! Такое предположеніе немыслимо. Очевидно, что къ созданію особаго класса сельскихъ учителей возможенъ будетъ только одинъ путь, который былъ предпринятъ нѣкогда къ образованію сословія домашнихъ учителей и сельскихъ писарей: путь принужденія и соблазна. Званіе сельскаго учителя будетъ дверью для выхода изъ податнаго состоянія, для избавленія себя отъ рекрутства и тѣлесныхъ наказаній.

Digitized by Google

Приготовленный къ занятіямъ сельскаго учителя крестьянинъ обязанъ будетъ прослужить въ этомъ званіи нѣсколько лѣтъ, и по истеченіи ихъ будетъ вознаграждаемъ чиномъ или званіемъ почетнаго гражданина. Но пора понять, что ни крѣпостной трудъ, каковымъ будетъ трудъ сельскаго учителя, ни соблазнительное подстрекательство къ выходу изъ простаго званія, на чемъ будетъ держаться все учрежденіе, не поведутъ ни къ чему доброму, особенно въ дѣлѣ воспитанія, гдѣ все должно истекать изъ любви, все должно быть проникнуто сердечнымъ одушевленіемъ. Будутъ ли сельскіе учители любить свое дѣло? Нельзя любить дѣла, за которое взялся противъ призванія. Будутъ ли они любить народъ? Отреченіе отъ народа будетъ первымъ побужденіемъ ко вступленію въ учительство. Будутъ ли они любимы народомъ?—Случайные выходцы изъ низшей среды всегда испытываютъ недоброжелательство своей прежней братіи. Будутъ ли учители, по крайней мѣрѣ, довольны своимъ новымъ положеніемъ, вѣсомъ, который пріобрѣтутъ въ обществѣ? Но дѣйствительное ихъ положеніе никогда не будетъ соотвѣтствовать ихъ мечтаніямъ... И на этомъ основаніи строить зданіе народнаго просвѣщенія! Германія имѣетъ учрежденіе сельскихъ учителей, и вкушаетъ плоды его: въ ежегодномъ количествѣ преступленій на долю сельскихъ учителей выпадаетъ особенно значительный процентъ. У насъ будетъ то же, но въ большихъ размѣрахъ: ибо то, что̀ составляетъ причину этого явленія, чувство противорѣчія между собственнымъ внутреннимъ достоинствомъ и внѣшнимъ житейскимъ положеніемъ, у насъ, въ странѣ мало образованной, будетъ проникать сельскаго учителя сильнѣе нежели гдѣ-либо. Уже случались у насъ примѣры, что учители изъ крестьянъ, въ удѣльныхъ селеніяхъ, кончали жизнь самоубійствомъ, не имѣя ни силъ перенести свое положеніе, ни возможности выйдти изъ него. То же безвыходное положеніе будетъ участью всякаго, кто, подаваясь на приманки честолюбія, оторвется отъ крестьянскаго сословія и въ то же время увидитъ себя запертымъ въ званіи сельскаго учителя.

Однимъ словомъ, можно сказать составителямъ проектовъ о народномъ образованіи: если хотите среди самого народа создать новый классъ людей, презирающихъ народъ и ненавидимыхъ народомъ, классъ людей озлобленныхъ и завистливыхъ; если хотите внести новый развратъ въ селенія; если хотите имѣть новый элементъ государственнаго безпорядка: создайте особый классъ сельскихъ учителей.

Но не предоставить ли народу въ дѣлѣ образованія полную свободу? Пусть онъ учится у кого хочетъ, и пусть кто хочетъ заводитъ для него школу?—Когда дѣло идетъ объ устройствѣ едва зачинающагося народнаго образованія, слова эти звучатъ горькою насмѣшкой. Это все равно, что умирающему отъ голода указать покрытое лебедой поле и сказать: я тебѣ не препятствую, кормись, чѣмъ хочешь, и выбирай пищу, какая тебѣ удобнѣе. Кромѣ духовенства, какіе существуютъ готовые учители

Digitized by Google

для народа? Отъ скуки можетъ иногда помѣщикъ или помѣщица заняться лично нѣсколькими крестьянскими „ребятишками"; но нельзя предсказывать, что такіе случаи будутъ слишкомъ часты; нельзя сказать и того, что крестьянинъ найдетъ для себя особенно удобнымъ пользоваться такими одолженіями помѣщика. Итакъ, какіе же учители останутся? Останется сельскій писарь, эта язва нашихъ селъ, этотъ крестьянинъ-подъячій, въ одномъ лицѣ совмѣщающій пороки лихоимца-чиновника съ пороками развратнаго крестьянина. Останется выгнанный изъ службы приказный, промышляющій въ деревнѣ составленіемъ ябедническихъ просьбъ. Останется наконецъ,—и это самый благонадежнѣйшій представитель сельскихъ грамотѣевъ,—отставной солдатъ.

Свобода образованія есть начало истинное и неоспоримое. Но утверждать свободу образованія является надобность тамъ, гдѣ въ государствѣ нѣсколько противоборствующихъ и по существу равноправныхъ силъ стремятся овладѣть народною мыслію; гдѣ само государство есть случайное скопленіе разнородныхъ элементовъ. Тамъ государство, покровительствуя одной какой-либо силѣ, одинаково нарушаетъ и справедливость и безопасность; самая жизнь государства, все спасеніе его зависитъ тамъ именно отъ умѣнья уравновѣшивать враждебныя стремленія предоставленіемъ каждому изъ нихъ полной свободы. Россія же, благодареніе Богу, живетъ не враждой разнородныхъ началъ и не имѣетъ нужды въ искусственномъ уравновѣшиваніи небывалыхъ противоположностей. За исключеніемъ части общества, случайно презрѣвшей русскія начала, и за исключеніемъ раскола, двинувшагося въ противоположную сторону, весь русскій народъ представляетъ сплошную массу. Весь онъ живетъ одною жизнію, стоитъ на одномъ просвѣтительномъ началѣ, движется по одному духовному направленію, которое дано церковью. Законодательству остается только давать всевозможный просторъ этому всеобщему направленію, вспомоществовать всѣми мѣрами его развитію, устранять лежащія ему на дорогѣ препятствія: и въ этомъ будетъ состоять у насъ свобода образованія. Другими словами, истинно понятая свобода образованія въ Россіи требуетъ мѣръ, которыя бы, согласно съ собственными склонностями народа, помогали ему глубже и сознательнѣе утверждаться въ церковномъ ученіи. Слѣдовательно, свобода-то образованія и требуетъ, чтобъ обученіе народа ввѣрено было духовенству.

Нисколько не говоримъ противъ предоставленія правъ народнаго обученія и всякому желающему. Напротивъ, пусть и волостной писарь набираетъ учениковъ, если можетъ найти ихъ; пусть и солдатъ и отставной приказный ищутъ питомцевъ; пусть даже исключенный студентъ свободно берется за учительство. Словомъ, пускай *право* обучать народъ будетъ предоставлено желающему: но духовенству поставьте это въ непремѣнную *обязанность*, и облегчите ему средства къ исполненію этой обязанности. Вѣрно, что тогда ни писарь, ни солдатъ. ниже студентъ не будутъ имѣть ни одного ученика. Опасность сколько-

Digitized by Google

нибудь сильнаго соперничества грозитъ только со стороны раскола. Пусть однако и раскольническій старецъ свободно принимаетъ учениковъ; но рядомъ съ раскольническимъ училищемъ поставьте непремѣнно училище православное; приставьте къ нему священно-служителей особенно благонравныхъ и ревностныхъ. Несомнѣнно, послѣдствія будутъ тѣ же: раскольническое училище опустѣетъ, и самый расколъ падетъ въ скоромъ времени.

Нужно разъ убѣдиться въ той истинѣ, что если просвѣтительное вліяніе духовенства не являлось доселѣ въ столь полной мѣрѣ, какъ бы это желательно, и какъ обнаруживается оно въ другихъ странахъ,—причиною тому не какой-нибудь духовный разладъ между духовенствомъ и народомъ, а частію стѣсненное положеніе народа и, главнымъ образомъ, стѣсненное положеніе, въ которое поставлено исторіею духовенство.

Когда Петръ Первый издалъ указъ, запрещавшій монаху держать у себя въ келіи перо и чернила; когда тотъ же государь указомъ повелѣлъ, чтобы духовный отецъ открывалъ уголовному слѣдователю грѣхи, сказанные на исповѣди: духовенство должно было почувствовать, что отселѣ государственная власть становится между имъ и народомъ, что она беретъ на себя исключительное руководительство народною мыслью и старается разрушить ту связь духовныхъ отношеній, то взаимное довѣріе, какое было между паствой и пастырями. Духовенство поняло, что дѣйствовать своимъ духовнымъ вліяніемъ для него отселѣ небезопасно.

Когда послѣдовало отнятіе церковныхъ имуществъ (не однихъ крестьянъ, но и земель), и за отнятые рубли духовенство вознаграждено было грошами; когда пріобрѣтеніе новыхъ имуществъ для церкви намѣренно обставлено было разными затрудненіями; когда надъ оставшимися имуществами контроль все болѣе и болѣе усиливался, распоряженіе ими все болѣе и болѣе централизовалось; когда часть церковныхъ имуществъ стала употребляться даже на потребу не чисто церковную: духовенство должно было почувствовать, что и у собственныхъ средствъ оно не хозяинъ, а только приставникъ; что оно не можетъ отселѣ ни задумать назначенія своимъ средствамъ, ни, тѣмъ менѣе, ручаться, что первоначальное назначеніе устоитъ долгое время. Духовенство поняло, что отселѣ властно оно, безъ всякой помѣхи, пригласить пожертвователя развѣ только на позлащеніе церковной крыши или возведеніе ограды, безъ увѣренности впрочемъ, что крыша и ограда навсегда сохранятъ свое назначеніе. [1]

Когда духовенство видитъ, что законодательство, сначала можетъ быть намѣренно, а затѣмъ и безсознательно, слѣдуя старому порядку, съ обидною послѣдовательностію проводитъ такое

[1] При двукратномъ сокращеніи числа монастырей, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, были обращены въ казармы и другія вовсе не церковныя зданія.

Digitized by Google

правило: „духовное лице православнаго исповѣданія, за свое служеніе, не должно быть ничѣмъ вознаграждаемо, либо должно получать вознагражденіе несравненно меньшее, чѣмъ лица свѣтскія, или лица духовныя, но не православныя, стоящія на тѣхъ же самыхъ должностяхъ“: [1] къ какому заключенію должно приходить духовенство? Къ тому, безъ сомнѣнія, что оно есть сословіе, намѣренно уничиженное, на которое сама государственная власть смотритъ съ презрѣніемъ, и единственно за то, что оно вѣрнѣе другихъ осталось священнымъ началамъ своей родины. Какой же послѣ того ждать увѣренности или одушевленія въ дѣйствіяхъ?

Происходитъ ли духовное движеніе въ народѣ, законъ велитъ ставить сейчасъ между духовенствомъ и народомъ полицейскую власть, съ обязанностію обиднаго надзора и съ обязанностію не менѣе обиднаго содѣйствія. Устраиваетъ ли само правительство среди народа школу, оно назначаетъ туда законоучителя, но, врядъ съ другими, ставитъ его въ положеніе чиновника, подвергнутаго всѣмъ мелочнымъ формальностямъ администраціи. Самую домашнюю школу, куда крестьяне и мѣщане добровольно отдаютъ дѣтей, духовное лице принуждено таить отъ правительства; ибо законъ требуетъ, чтобъ о каждой школѣ былъ подаваемъ отчетъ, а отчетъ предполагаетъ ревизію и вмѣшательство. Не достаточно ли однихъ этихъ причинъ, чтобъ сдѣлать духовенство тѣмъ, чѣмъ оно есть, къ сожалѣнію, теперь? А именно: сословіемъ запуганнымъ, но вмѣстѣ жаднымъ и завистливымъ, униженнымъ, но притязательнымъ, лѣнивымъ и равнодушнымъ къ своему высшему призванію, а вслѣдствіе того и не весьма безукоризненнымъ въ образѣ жизни.

И однако, изъ всѣхъ сословій просвѣщенныхъ или полупросвѣщенныхъ, наше духовенство, каково оно ни есть, есть сила наиболѣе хранительная въ государствѣ. И однако, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, духовная связь между имъ и народомъ не разорвана. Но, чтобъ укрѣпить эту благодѣтельную связь, нужно поднять, ободрить, поощрить духовенство. Стоитъ осмотрѣться вокругъ себя, что сдѣлано уже и теперь при данномъ вообще нѣкоторомъ просторѣ общественнымъ силамъ. Несмотря на всѣ толки, раздающіеся въ свѣтской литературѣ о необходимости народнаго образованія; несмотря на воскресныя школы, открываемыя съ такими торжественными кликами: [2] чрезъ все это, въ сущности, дѣльнаго достигнуто еще

---

[1] Нужно сравнить только: содержаніе профессоровъ и учителей въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ съ содержаніемъ университетскихъ профессоровъ и гимназическихъ учителей; содержаніе православныхъ духовно-учебныхъ заведеній вообще съ содержаніемъ же подобныхъ заведеній католическихъ; жалованье православныхъ священниковъ при полкахъ и жалованье лютеранскихъ пасторовъ на тѣхъ же самыхъ должностяхъ. Стоитъ обратить вниманіе и на то, что законоучителю вездѣ полагается жалованье меньше, чѣмъ прочимъ наставникамъ въ томъ же заведеніи, и пр.

[2] Мысль объ учрежденіи этихъ народныхъ училищъ принадлежитъ профессору университета св. Владиміра П. В. Павлову, а починъ въ осуще-

Digitized by Google

очень немного, и усердіе нашего общества, сначала казавшееся столь горячимъ, видимо хладѣетъ. А между тѣмъ духовенство считаетъ своихъ учениковъ уже сотнями тысячъ и безъ шума продолжаетъ свое дѣло учительства, не имѣя матеріальныхъ средствъ и, надобно сказать правду, не встрѣчая ни малѣйшихъ признаковъ общественнаго сочувствія. Законодательство обязано всѣми силами споспѣшествовать этому благому движенію.

Пусть будетъ постановлено закономъ, что церковный причтъ, въ силу того самого, что онъ есть причтъ, обязанъ безвозмездно принимать каждаго желающаго на обученіе чтенію, письму, началамъ закона Божія и церковному пѣнію (а въ случаѣ надобности и другимъ элементарнымъ свѣдѣніямъ). Разумѣется, нельзя этого требовать сейчасъ, при настоящемъ содержаніи духовенства: это значило бы принудительно возлагать на него новое бремя, ничѣмъ не вознаграждая, и слѣдовательно только испортить все дѣло. Но, посредствомъ ли жалованья, посредствомъ ли общественныхъ сборовъ, или тѣмъ и другимъ способомъ вмѣстѣ, содержаніе духовенства должно быть увеличено. Тогда-то это увеличенное содержаніе пусть назначено будетъ не за исправленіе только церковнослуженія, но за церковнослуженіе и народное обученіе *вмѣстѣ*. Пусть та и другая обязанность и въ глазахъ правительства, и въ глазахъ народа, и въ глазахъ самого духовенства будутъ нераздѣльны.

Нельзя также требовать, чтобъ обученіе народа было принимаемо на себя священникомъ непосредственно: этому могутъ иногда препятствовать его обязанности по исправленію требъ. Непосредственныя занятія обученіемъ могутъ быть ввѣряемы діаконамъ, разумѣется, кончившимъ курсъ; а еще лучше, могутъ быть поручаемы, въ видѣ искуса, духовнымъ студентамъ, готовящимся къ священному сану и возведеннымъ въ санъ иподіакона. Развитіе этого учрежденія принесло бы между прочимъ ту пользу, что такими иподіаконами впослѣдствіи замѣнились бы нынѣшніе дьячки—самая неблаговидная часть теперешняго духовенства.

ствленіи ея, студентамъ этого университета. По ходатайству ихъ, съ разрѣшенія начальника учебнаго округа, были открыты въ Кіевѣ двѣ воскресныя школы (первая изъ нихъ въ октябрѣ 1859 года) преимущественно для рабочаго населенія города. Къ обученію допускались какъ дѣти, такъ и взрослые. Студенты Кіевскаго университета вошли затѣмъ въ сношеніе со студентами другихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, приглашая ихъ способствовать распространенію грамотности въ народѣ путемъ учрежденія воскресныхъ школъ. На ихъ призывъ откликнулись студенты Московскаго университета, образовали кружекъ, къ которому примкнули нѣкоторыя сторонніе лица, и открыли въ Москвѣ четыре воскресныя школы. Болѣе значительное развитіе воскресныхъ школъ послѣдовало въ Петербургѣ. Вообще въ теченіе 1860 года воскресныя школы были открываемы одна за другой: въ Одессѣ, Казани, Твери, Рязани, Нѣжинѣ, Могилевѣ, Самарѣ, Пензѣ, Александріи, Костромѣ, Архангельскѣ, Астрахани, Оренбургѣ, Полтавѣ, Воронежѣ, Орлѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Саратовѣ, Симбирскѣ, Хотинѣ и Старой Русѣ. Прим. Кн. Н. Ш.

Digitized by Google

Въ каждомъ приходѣ должно быть, по крайней мѣрѣ, одно училище; по мѣрѣ надобности, могло бы ихъ открыться и нѣсколько. Во всякомъ случаѣ, приходы,—эти живые памятники и символы духовнаго единенія въ вѣрѣ, да образуютъ изъ себя также средоточія и просвѣщенія вообще. Приходскій священникъ, духовный отецъ всѣхъ поселянъ прихода, былъ бы естественнымъ надзирателемъ и руководителемъ всѣхъ приходскихъ училищъ.

Нужно стараться, чтобы самое мѣсто ученія устроялось близъ церкви или даже въ самомъ церковномъ зданіи. Желательно (хотя это и не всегда возможно), чтобы даже въ тѣхъ случаяхъ, когда потребуется возведеніе школы въ селеніяхъ, неимѣющихъ церкви, новоустрояемое училище заключало въ себѣ малую церковь. Равнымъ образомъ желательно, чтобъ и самыя церкви на будущее время устроялись не иначе, какъ съ училищами. Пусть домъ ученія будетъ домомъ молитвы и наоборотъ.

Для знающихъ народъ не по наслышкѣ не покажется удивительнымъ, когда скажемъ, что предполагаемое соединеніе церквей съ училищами и обязанностей церковныхъ съ обязанностями учительскими должно принести плоды неисчислимые. Оно возвыситъ нравственно самое духовенство; оно благотворно подѣйствуетъ на ходъ народнаго просвѣщенія: оно облегчитъ неимовѣрно самое пріобрѣтеніе способовъ къ устройству школъ.

Но необходимо, чтобъ устраиваемое на такихъ основаніяхъ народное обученіе освобождено было отъ излишнихъ формальностей, отчетностей, регламентаціи. Довольно, если избранное духовенство будетъ съѣзжаться разъ въ годъ въ епархіальномъ городѣ для разсужденія о потребностяхъ народнаго образованія и для взаимнаго отчета о прошлой учительской дѣятельности. Довольно, если епархіальное начальство будетъ наблюдать за духовенствомъ по исполненію учительскихъ обязанностей наравнѣ съ тѣмъ, какъ наблюдаетъ оно за исполненіемъ обязанностей чисто церковныхъ. Довольно, наконецъ, если затѣмъ будетъ представляемъ высшему правительству общій чисто статистическій отчетъ о движеніи первоначальнаго народнаго обученія. Однимъ словомъ, правительство должно всячески помогать духовенству въ исполненіи занятій по народному обученію, но не опредѣлять хода занятій до мелочныхъ подробностей, ни требовать столь же мелочнаго отчета. Тѣмъ менѣе представляется нужды заводить какихъ-либо особыхъ окружныхъ инспекторовъ, губернскихъ или областныхъ надзирателей и т. п. Деньги, и конечно немалыя, которыя были бы употреблены на содержаніе этихъ совершенно безполезныхъ лицъ, несравненно съ большею пользою могли бы быть обращены на покупку книгъ и другихъ учебныхъ пособій.

Остается сказать послѣднее слово. Когда, лѣтъ двадцать тому назадъ, министерство государственныхъ имуществъ издавало правила для сельскихъ школъ и разсылало книги, назначенныя для простонароднаго чтенія, вопросъ о томъ, каковы эти правила и

Digitized by Google

сколь полезны эти книги, имѣлъ посредственную важность. Народъ тогда не шелъ охотно въ школы, правительство разными приманками должно было привлекать крестьянъ къ образованію. Такимъ образомъ, если и распространялись какія свѣдѣнія въ народѣ, они, какъ внѣшній наростъ, скоро отпадали сами собою; выученное забывалось, не воздѣйствуя или слабо воздѣйствуя на внутреннее развитіе. Правда, довольно поплакалось народа на писарей, воспитанныхъ въ новыхъ школахъ. Правда, люди даже благонамѣренные, глядя на поколѣніе новыхъ грамотниковъ, стали утверждать, что грамотность ни къ чему крестьянина не приводитъ, кромѣ преступленія. Но все это было зломъ частнымъ; ядро народа оставалось неприкосновенно.

Теперь совсѣмъ иное. Въ послѣдніе два года жажда къ просвѣщенію пробудилась въ народѣ съ неслыханною силой. Производимая въ быту его реформа дала ему почувствовать, что онъ призывается отселѣ къ самостоятельной дѣятельности на общественномъ поприщѣ: и онъ самъ спѣшитъ стряхнуть съ себя долгій сонъ невѣжества, хочетъ новыми просвѣтленными взорами взглянуть на Божій міръ и на свои общественныя отношенія. *Ясно, что теперь вопросъ о народномъ обученіи есть вопросъ уже не о частномъ злѣ и не о частномъ благѣ, которое можетъ развить та или другая система; здѣсь вопросъ о будущемъ цѣлой Россіи, вопросъ гораздо болѣе важный, чѣмъ всѣ вопросы о финансахъ, судопроизводствѣ, полиціи и вообще о государственныхъ учрежденіяхъ. Ибо какъ ни плохи будутъ учрежденія, но когда духъ народа цѣлъ, государство останется непоколебимо; а когда посмѣдовало въ народѣ нравственное разложеніе, тогда самыя превосходныя учрежденія не удержатъ государство отъ гибели.*

Духъ народа и его нравственныя силы держатся или преданіемъ или обычаемъ, пока народъ не образованъ, или даются направленіемъ просвѣщенія, когда настала пора образованія. Для нашего народа наступаетъ такая пора; онъ не хочетъ идти болѣе ощупью, руководствоваться слѣпымъ преданіемъ и обычаемъ, онъ хочетъ дѣйствовать сознательно и проситъ у старшихъ своихъ братьевъ указанія къ этой сознательной дорогѣ. Итакъ, весь вопросъ въ томъ: дадимъ ли мы ему такихъ проводниковъ, которые будутъ для него не болѣе, какъ просвѣтителями въ собственномъ смыслѣ, то-есть, помогутъ ему только сознательно утвердиться въ тѣхъ преданіяхъ и обычаяхъ, которые до сихъ поръ онъ признавалъ слѣпо? Или же, предоставимъ общественному меньшинству, колеблемому всякимъ вѣтромъ ученія и въ настоящую минуту случайно настроенному противоположно исконнымъ русскимъ началамъ, вывести народъ на совершенно новую дорогу, которой и конца не видно?

Отъ рѣшенія этого вопроса, какъ мы сказали, зависитъ все будущее Россіи, и надѣемся, что всякій, кто не лишенъ политическаго смысла, и кто понимаетъ всѣ грядущія послѣдствія народнаго освобожденія, вполнѣ согласится съ этимъ мнѣніемъ".

Digitized by Google

Митрополитъ Филаретъ, повидимому, не только сочувственно отнесся къ мыслямъ, выраженнымъ въ приведенной статьѣ Гилярова, но находитъ даже съ своей стороны полезнымъ ихъ распространеніе въ правящихъ сферахъ. „Представляю при семъ, писалъ владыка оберъ-прокурору св. Синода А. П. Ахматову, [1] нѣсколько экземпляровъ напечатанной въ Прибавленіяхъ къ изданію Твореній св. Отецъ (ч. XXI) статьи г. Гилярова. Можетъ быть, она не лишена будетъ вашего вниманія".

Но вниманіе на эту статью было обращено въ Петербургѣ не съ той стороны, съ какой можно было ожидать согласно приведенному выше письму къ Гилярову графини Блудовой, и съ которой ожидалъ самъ митрополитъ московскій. 24 іюня 1862 года министръ Народнаго Просвѣщенія Головнинъ сообщилъ оберъ-прокурору св. Синода: „Государь Императоръ Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ обратить вниманіе вашего превосходительства на слѣдующее мѣсто статьи „Судьба русскаго народнаго образованія", [2] напечатанной въ № 6 *Православнаго Обозрѣнія:* „Когда духовенство видитъ, что законодательство, сначала можетъ быть намѣренно, а затѣмъ и безсознательно слѣдуя старому порядку, съ обидною послѣдовательностью проводитъ такое правило: духовное лицо православнаго исповѣданія за свое служеніе не должно быть ничѣмъ вознаграждаемо, либо должно получать вознагражденіе несравненно меньшее, чѣмъ лица свѣтскія, или лица духовныя, но неправославныя, стоящія на тѣхъ же самыхъ должностяхъ: къ какому заключенію должно приходить духовенство? *Къ тому, безъ сомнѣнія, что оно есть сословіе намѣренно униженное, на которое сама государственная власть смотритъ съ презрѣніемъ и единственно за то, что оно вѣрнѣе другихъ осталось священнымъ началамъ своей родины.* Какой же послѣ того ждать увѣренности или одушевленія въ дѣйствіяхъ?"

Это отношеніе министра Народнаго Просвѣщенія было сообщено митрополиту Филарету съ просьбою „увѣдомить о послѣдующемъ". Митрополитъ въ своемъ письмѣ къ А. П. Ахматову [3] горячо и авторитетно отстаиваетъ „справедливость и благонамѣренность" статьи Гилярова.

---

[1] Отъ 14 іюля 1862 г.

[2] Подъ этимъ названіемъ была перепечатана статья Гилярова въ *Православномъ Обозрѣніи.*

[3] 25 сентября 1862 г. Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета митрополита московскаго, т. V, стр. 314—318.

Digitized by Google

„Должно полагать, говоритъ владыка, что неблагопріятному воззрѣнію подверглось особенно выведенное изъ указанныхъ обстоятельствъ заключеніе, что духовенство „есть сословіе намѣренно униженное, на которое сама государственная власть смотритъ съ презрѣніемъ“. Должно признать, что выраженія сіи неосторожны и неблаговидны. Однако, чтобы не безъ осторожности произнести о нихъ сужденіе, нужно различить два вида мысли. Первый видъ: духовенство дѣйствительно есть сословіе намѣренно униженное и презираемое правительствомъ. Это былъ бы отзывъ о правительствѣ, рѣшительно достойный осужденія. Но не это говоритъ сочинитель статьи. Второй видъ: указанныя обстоятельства располагаютъ духовенство къ такому заключенію, подаютъ ему поводъ къ такой обезкураживающей его мысли, что оно есть сословіе намѣренно униженное, и что сама государственная власть смотритъ на него съ презрѣніемъ. Это не есть собственно отзывъ о правительствѣ, а только обезкураживающее мнѣніе духовенства о себѣ. И это говоритъ сочинитель. Еслибы онъ ту же мысль облекъ въ выраженія, болѣе осторожныя, какъ напримѣръ, что воззнагражденіе духовнаго лица за службу меньшее, нежели свѣтскаго, и православнаго служителя религіи меньшее, нежели неправославнаго, невольно располагаетъ православное духовенство видѣть себя менѣе другихъ пользующимся благоволеніемъ государственой власти: та же мысль, только въ болѣе осторожныхъ выраженіяхъ, не подверглась бы неблагопріятному сужденію, при безпристрастномъ воззрѣніи на дѣло.

„Если неблагопріятному воззрѣнію подвергалось и то выраженіе статьи, что „законодательство сначала, можетъ быть, намѣренно“ было менѣе внимательно къ службѣ православнаго духовенства, нежели къ службѣ свѣтскихъ лицъ и иновѣрцевъ: то это указаніе, смягченное словами: „можетъ быть“, относится, какъ видно изъ предыдущей части статьи, ко временамъ Петра Великаго, а не къ настоящему времени. И такой отзывъ не будетъ тяжекъ для Петра Великаго, который, конечно, не для возвышенія духовенства пожелалъ отмѣнить патріаршее достоинство и, въ пародію надъ духовенствомъ и церковными обрядами, учредилъ такъ-называемый „всешутѣйшій соборъ“. Если кто оскорбилъ память Петра Великаго, то это не сочинитель статьи, теперь разсматриваемой, а тѣ историки и литераторы, которые обезобразили его лицо не только порицательными, но и причиняющими соблазнъ сказаніями, достойными только гнить въ

Digitized by Google

архивахъ, изъ которыхъ они извлечены, и изданы не безъ одобренія свѣтской цензуры.

„Что касается до вознагражденія службы православнаго духовенства меньшаго въ сравненіи съ службою свѣтскихъ чиновъ и иновѣрцевъ, это такъ очевидно изъ штатовъ жалованья разныхъ учрежденій, что едвали нужно приводить примѣры.

Профессору университета въ Москвѣ назначено жалованья	1.547 р.
Профессору духовной академіи	850 р.
Учителю гимназіи	850 р.
Профессору семинаріи	429 р.
Законоучителю гимназіи	350 р.
Смотрителю уѣзднаго свѣтскаго училища	500 р.
Смотрителю духовнаго уѣзднаго училища	214 р.
Въ Саратовѣ, на содержаніе ученика римско-католической семинаріи	75 р.
Въ томъ же городѣ на содержаніе ученика православной семинаріи	32 р.
Жалованья римско-католическому епископу, въ Саратовѣ, въ годъ	4.480 р.
Православному епископу тамъ же	700 р.

„Члены православныхъ консисторій, духовныхъ правленій, благочинные проходятъ сіи должности безъ вознагражденія. Не такъ должностныя лица римскаго исповѣданія въ Россіи.

„Многочисленныя сего рода сличенія способны подать поводъ, конечно, не къ тому, чтобы служащіе въ духовномъ вѣдомствѣ воскрилялись и поощрялись, а развѣ къ тому, чтобы они чувствовали себя сравнительно униженными и менѣе пользующимися вниманіемъ власти. И въ семъ состоитъ весь смыслъ разсматриваемой статьи.

„Въ тридцатыхъ (если не измѣняетъ мнѣ память) годахъ текущаго столѣтія петербургскій университетъ получилъ новые штаты, въ которыхъ жалованье преподавателю богословскихъ наукъ назначено одною третью меньшее, нежели прочимъ профессорамъ. Бывшій тогда преподаватель богословскихъ наукъ, который въ преподаваніи преуспѣвалъ болѣе своихъ предшественниковъ, и потому достоинъ былъ сохраненія при университетѣ, оставилъ службу при немъ, сказавъ, какъ тогда пересказывали: не ищу денегъ, потому что отказываюсь и отъ тѣхъ,

Digitized by Google

которыя получалъ; но даю свидѣтельство противъ недостаточнаго вниманія къ службѣ духовенства [1].

„Изъ сказаннаго доселѣ, по моему мнѣнію, явствуетъ, что разсматриваемая статья не подлежитъ обвиненію въ несправедливости или въ неблагонамѣренности, а только въ неосторожности и неблаговидности выраженій.

„Слѣдуетъ опредѣлить, на кого должно пасть сіе обвиненіе?

„Извѣстно, что статья сія написана свѣтскимъ лицомъ. Итакъ отвѣтственность въ ея составленіи не падаетъ на духовенство.

„То, что напечатано въ *Православномъ Обозрѣніи*, есть выписка изъ статьи, напечатанной прежде въ Прибавленіяхъ къ изданію твореній Святыхъ Отецъ.

„Редакція Прибавленій къ изданію твореній Святыхъ Отецъ, напечатала сію статью, съ разрѣшенія цензуры, на которую посему и переходитъ бо́льшая часть отвѣтственности.

„При семъ не излишне принять въ соображеніе, что статья сія перепечатана, въ № 30 *Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника*,—одного изъ благонамѣренныхъ повременныхъ изданій. И какъ статья сія не есть духовнаго содержанія, и слѣдственно свѣтская цензура обязана была судить о ней свободно, не подчиняясь мнѣнію цуховной цензуры; то напечатаніе сей статьи въ свѣтскомъ журналѣ служитъ признакомъ, что и свѣтская цензура не видѣла въ ней противнаго законамъ цензуры.

„Наконецъ, чтобы извѣстна была вся истина, долгомъ поставляю присовокупить слѣдующее. Статья, о которой идетъ дѣло, прочитана была мнѣ въ рукописи, безъ объявленія намѣренія напечатать оную. Потому я слѣдилъ за нею не строгимъ критическимъ взоромъ и, обращая вниманіе на сущность дѣла, на порученіе духовенству первоначальваго обученія народа, отозвался о ней одобрительно. Такой же отзывъ повторилъ я одному изъ членовъ цензурнаго комитета и симъ, вѣроятно, подалъ поводъ

[1] Здѣсь можетъ встрѣтиться мысль, что духовенство должно стоять выше матеріальныхъ разсчетовъ. Это правда. Но сего не всѣ достигаютъ: и немощь естества не излишне подкрѣплять естественными поощреніями, какъ и апостолъ давалъ наставленіе Тимоѳею, чтобы „прилежащіе добрѣ пресвитеры *сугубыя чести* сподоблялись“. При томъ дѣло идетъ не о томъ, чтобы изъ зависти или корысти домогаться сравненія съ другими въ отличіяхъ и вознагражденіяхъ, а о томъ, что скудость препятствуетъ священнику достаточно обезпечить содержаніе семейства, снабдить себя пособіями къ возвышенію своего образованія, оказать въ подобномъ помощь другимъ, и такимъ образомъ ослабляетъ его ревность и энергію. *Прим. митр. Филарета.*

Digitized by Google

тому, что цензура, которая всегда оказывала себя благонамѣренною и осторожною, не довольно строго слѣдила за подробностями статьи.

„Впрочемъ, цензурному комитету поставленъ мною на видъ допущенный недосмотръ, и предложено усилить бдительность не только противъ всего прямо незаконнаго, но и противъ неточныхъ и неосторожныхъ выраженій, могущихъ получить неблагопріятное истолкованіе".

Эта властная защита митрополита Филарета, правда, оградила высказанныя въ статьѣ Гилярова мысли о положеніи нашего духовенства отъ ихъ перетолкованія въ нежелательную сторону [1], но не завоевала въ высшемъ правительствѣ дѣятельныхъ сторонниковъ передачи дѣла первоначальнаго народнаго обученія въ руки духовенства. Народное обученіе двинулось по иному пути: стали учреждаться низшія школы Министерства Народнаго Просвѣщенія и, съ образованіемъ Земства—школы земскія. Создался классъ народныхъ учителей, которые и заняли то мѣсто въ обученіи народномъ, которое Гиляровъ считалъ необходимымъ предоставить духовенству. Это направленіе народнаго просвѣщенія начало съ теченіемъ времени обнаруживать тѣ неудовлетворительныя стороны, которыя Гиляровъ предвидѣлъ въ своей статьѣ *О первоначальномъ народномъ обученіи*, когда задавалъ вопросъ: „Создадимъ-ли особое званіе сельскихъ учителей, нарочито къ своему дѣлу приготовленныхъ?" Въ руководящей статьѣ *Современныхъ Извѣстій* 1879 г., № 171 онъ горько сокрушается о неправильной постановкѣ „свѣтскаго„ народнаго обученія.

„Слѣдуетъ вникнуть глубже, писалъ онъ, въ самыя основанія народно-учебнаго дѣла, или точнѣе сказать, въ то обстоятельство, что оно совершенно лишено у насъ всякаго основаніи, кромѣ фразъ, не скажемъ даже понятій, потому что невыясненное понятіе есть только фраза. А фраза эта заключается въ томъ, что „нужно заботиться о народномъ образованія"; что „это есть обязанность просвѣщеннаго правительства"; а затѣмъ, что если приниматься за это дѣло, то „нужно стоять въ уровень съ требованіями разумной педагогіи". На этомъ и остановились. Дальнѣйшее есть только развитіе этихъ отвлеченныхъ мыслей, притомъ столь же отвлеченное, безъ справокъ съ потребностями

[1] Хотя и не отвратила выговора со стороны оберъ-прокурора Св. Синода конференціи Московской Духовной Академіи за „допущеніе въ духовномъ журналѣ статьи, раздражающей умы". (Изъ письма архимандрита Саввы къ Гилярову отъ 18 сентября 1862 г.).

Digitized by Google

государственными, съ потребностями народа, съ практическими плодами, которые имѣются въ виду, ближайшими и отдаленными, съ мѣстными условіями и мѣстными средствами, и съ отношеніемъ этихъ средствъ къ другимъ потребностямъ народнымъ и къ ихъ удовлетворенію. Что нужно прежде и что послѣ; въ какой мѣрѣ обязательно для правительства и земства одно и въ какой другое; гдѣ нужда неотложная и гдѣ наоборотъ начинается роскошь: всѣ эти вопросы оставляются въ сторонѣ. Нужна бы и больница, нужна бы и хорошая дорога, нужна бы и школа; все это и дѣйствительно есть принадлежность благоустроеннаго государства, да и кромѣ того еще многое. Но нужнѣе-ли въ данномъ мѣстѣ хорошая школа или хорошая дорога, а можетъ быть, и нужнѣе кредитное учрежденіе?

„Наше глубокое убѣжденіе: начало будущей великой дезорганизаціи лежитъ именно въ самой постановкѣ народнаго обученія и особенно въ его бюрократической иниціативѣ. *Весь институтъ ложенъ; весь механизмъ заведенъ совершенно съ противоположной стороны; онъ не подниметъ народа или подниметъ, но скорѣе въ нежелаемую сторону, за то тѣмъ несомнѣннѣе послужитъ къ его разложенію. Сословіе учителей, искусственно созидаемое, не пророчитъ добраго.* Что такое въ самомъ дѣлѣ эти недоноски во всяческихъ смыслахъ, приподнятые надъ непосредственнымъ бытомъ, но не доведенные до быта цивилизованнаго, съ искусственно возбужденными отвлеченіями, идеалами и соскудной матеріальной обстановкой? Не закладывается-ли только новое сословіе недовольныхъ и притомъ недовольныхъ въ обѣ стороны. Не расчищается-ли только почва для всякой пропаганды, и именно пропаганды утопической, лишенной практической подкладки и практическаго позыва?“

По мнѣнію Гилярова, требуется коренной пересмотръ основаній, на которыхъ поставлено у насъ дѣло народнаго обученія; должны быть отысканы для него болѣе практическія основанія и дано менѣе утопическое направленіе.

Въ то время, какъ обученіе народное передавалось въ руки класса учителей „искусственно созидаемаго“, естественные народные учители, тѣ, кому, по убѣжденію Гилярова, слѣдовало бы вручить первоначальную народную школу—приходскіе священники иногда насильственно полиціей отстранялись даже отъ безмезднаго обученія дѣтей на дому [1]. По поводу нѣсколькихъ такихъ.

[1] Приводимъ отрывокъ изъ письма одного священника редактору *Современныхъ Извѣстій*: „На дняхъ приходитъ ко мнѣ человѣкъ отъ поли-

Digitized by Google

случаевъ Гиляровъ въ передовой статьѣ *Современныхъ Извѣстій* (1869, № 311) задается вопросомъ: „Что здѣсь преслѣдуется? Противъ чего возродилось опасеніе? Чѣмъ подозрѣніе возбуждено? А это не случайность. Единичное происшествіе объяснялось случайностью, могло быть придирчивостью квартальнаго надзирателя, не поладившаго съ причтомъ. Но теперь видимъ, что тутъ нѣчто больше случайныхъ неладовъ мѣстной полиціи съ мѣстнымъ причтомъ. Это требованіе общее, и притомъ основывающее себя на законѣ... Безмездно учить, стало быть это не коммерческое предпріятіе; предполагается *тенденція*, а тенденція—вещь злокачественная... Если бы это было не достовѣрно, это было бы невѣроятно. А такъ какъ послѣ двухъ полученныхъ писемъ одного содержанія сомнѣваться нельзя, то позволительно надѣяться, что духовное начальство войдетъ съ ходатайствомъ объ огражденіи священнослужащихъ, не скажемъ „въ ихъ правѣ“ но въ ихъ первѣйшей обязанности, безъ которой все прочее ихъ служеніе не полно и не имѣетъ смысла, все обращается въ простой механизмъ, и даже исповѣдь, которая можетъ быть тоже цѣлымъ курсомъ, преподаваемымъ, правда, каждому въ одиночку... однако и здѣсь тоже можетъ пожалуй закрасться *тенденція*. Не запрещать священнослужителямъ обученіе, напротивъ взыскивать слѣдовало бы съ нихъ за невѣжество прихода“.

Мы теперь переживаемъ время особенно напряженной борьбы сторонниковъ „свѣтской“ народной школы съ защитниками церковно-приходской. Поэтому мы считали не излишнимъ возвратиться къ источникамъ этого вопроса и привести нѣкоторыя мнѣнія горячаго и убѣжденнаго иниціатора церковно-приходской школы.

Кн. Н. Шаховской.

ціи и требуетъ, чтобы я оставилъ ученіе дѣтей на дому. На вопросъ мой почему, отвѣчаетъ, что запрещается полиціей всякое обученіе, которое берутъ на себя лица, неимѣющіи на то права, неимѣющіи дозволенія отъ начальства. Я отвѣчаю заявившему такое запрещеніе, что я обучаю на дому двоихъ мальчиковъ своего прихода безвозмездно и у меня нѣтъ никакого учебнаго заведенія. Но мнѣ отвѣчаетъ человѣкъ отъ полиціи опять то же, что запрещается какое-бы то ни было учебное заведеніе. Благословивъ дѣтей-учениковъ своихъ, я съ болью въ сердцѣ отпустилъ ихъ домой... Самый санъ священства, который мы принимаемъ на себя, обязываетъ насъ учить другихъ. Почему же запрещаютъ?“ (*Совр. Изв.* 1869. № 311).

Digitized by Google

ДОКТОРША.

Разсказъ капитана „Кара-Салала".

Это случилось въ 1868 году въ Катта-Курганѣ.

Мы только мѣсяца три, не больше, какъ заняли этотъ, прежде Бухарскій, городъ, но по привычкѣ успѣли уже основательно въ немъ устроиться и завести знакомство съ главнѣйшими представителями его обитателей. Одинъ изъ нихъ сталъ даже большимъ моимъ пріятелемъ; почему мы съ нимъ особенно сошлись, трудно сказать,—просто, должно быть, по душѣ пришлись другъ другу.

По должности онъ былъ сборщикъ податей, значитъ по здѣшнему, сяркеръ, а звали его Годдай-Агаллыкъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, высокаго роста, статный, съ бородою длинною, черною и курчавою, съ большими, очень выразительными глазами и характерною особенностью въ очертаніи бровей: — двѣ правильныя черныя дуги—вплотную сходились надъ его крупнымъ, но правильнымъ носомъ, придавая всему выраженію лица видъ необыкновенно рѣшительный и энергичный, хотя мягкая, добродушная улыбка почти не сходила съ его устъ и говорила скорѣе въ пользу совершенно противуположныхъ свойствъ истинной души ихъ обладателя.

Сяркеръ былъ, по мѣстнымъ понятіямъ, человѣкомъ очень образованнымъ и даже начитаннымъ. Онъ узналъ хорошо коранъ и маріатъ въ особенности, помнилъ наизусть множество стиховъ изъ персидской поэзіи и любилъ ихъ цитировать, готовился въ духовныя лица въ первой молодости, но судьба устроила его иначе.

Лѣтъ въ двадцать онъ былъ уже извѣстенъ эмиру Мозофару, служилъ при его дворѣ, потомъ что-то тамъ случилось непріятное, имѣвшее своимъ, еще слава Богу счастливымъ, послѣдствіемъ

Digitized by Google

переводъ его въ Катта-Курганъ; здѣсь онъ болтался нѣкоторое время безъ дѣла, наконецъ, пройдя рядъ повышеній, достигъ довольно высокаго сана—сборщика податей, въ каковомъ и состоялъ до завоеванія города русскими. Многіе изъ мѣстныхъ сановниковъ бѣжали при нашемъ появленіи, Годдай остался и явился къ нашему генералу во главѣ покорной депутаціи отъ Катта-Кургана, вынесшей навстрѣчу побѣдителей хлѣбъ-соль и ключи отъ городскихъ воротъ.

Мы его оставили въ его должности, расширивъ только ея права и обязанности.—Сяркеръ былъ очень доволенъ нами,—мы имъ.—А такъ какъ бѣжавшія власти, послѣ окончательнаго разгрома бухарскихъ войскъ подъ Зарабулакомъ, увидавъ, что дѣла ихъ не повернулись особенно къ худшему, возвратились обратно, то по ходатайству Годдая-Агаллыка тоже получили свои прежнія назначенія, такъ какъ въ порядкѣ управленія покореннымъ народомъ въ сущности пока ничего не перемѣнилось.

Народъ былъ избавленъ ото всѣхъ воинскихъ повинностей, чему конечно былъ очень радъ, подати съ него немного облегчились, самый сборъ упорядочился, въ духовную сторону жизни народной завоеватели и не думали вводить ничего новаго: семья и всѣ связанныя съ нею отношенія остались въ вѣдѣніи духовныхъ судей, Каззы и Муллъ, по прежнему, только смертная казнь была изъята изъ вѣденія этихъ судей и назначалась только за очень серіозныя, чисто уголовныя преступленія,—русскимъ военнымъ судомъ,—однимъ словомъ побѣжденные очень скоро поняли, что дѣло вовсе не такъ худо, какъ ихъ пугали, и перестали, наконецъ, вѣрить нелѣпымъ розсказнямъ фанатиковъ изъ духовныхъ, говорящимъ, что *бѣлыя рубахи* пришли не по волѣ Господней, а отъ дьявола, дабы, ослѣпивъ правовѣрныхъ временною ласкою и терпимостью, мало по малу подготовить насильственный переводъ ихъ изъ лона истинной вѣры Магомета въ свою поганую вѣру.

Пробовали и такъ еще пугать, что будто бы русскія непремѣнно откроютъ всѣ двери ихъ гаремовъ и отберутъ всѣхъ женъ молодыхъ и красивыхъ, а оставятъ имъ только старыхъ, никуда уже не годныхъ

Этому повѣрить было легче, потому что и сами правовѣрные такъ бы поступили со своими побѣжденными, но и эта попытка отклонять народъ отъ болѣе тѣснаго сближенія съ гяурами не удалась также, опять-таки потому, что мы ничѣмъ не обнаружили такихъ именно завоевательныхъ наклонностей.

Digitized by Google

Городъ скоро зажилъ своею обыденною, мирною жизнью, базары закипѣли народомъ, лавки пооткрывались,—стало даже какъ будто людиѣе, во всякомъ случаѣ, оживленнѣе чѣмъ прежде.

Богатые туземцы устраивали нашимъ офицерамъ вечера, томашу съ мѣстною музыкою, достарханомъ, фокусниками и плясками батчей. Мы тоже, въ свою очередь, устраивали для туземцевъ скачки на призы и въ дни рамазана наши пушки салютовали съ крѣпостныхъ барбетовъ мусульманскимъ празднествамъ...

Все шло очень хорошо, пока одно обстоятельство чуть было не нагнало тучку на ясное небо нашего взаимнаго довѣрія—и сыграло очень печальную роль въ жизни моего пріятеля, сяркера Годдай-Агаллыка.

Къ нашему доктору неожиданно, съ одною изъ почтовыхъ оказій, пріѣхала его жена, Нина Леонтьевна, красивая, полная блондинка, бойкая, развязная, — а что самое главное, — первая русская женщина, съ открытымъ лицомъ появившаяся въ Катта Курганѣ.

Докторша была родомъ уральская казачка, воспитывалась въ уральскомъ пансіонѣ и прекрасно говорила по-киргизски,— а отъ этого языка не далеко и до татарскаго. Съ помощью этихъ лингвистическихъ познаній, Нина Леонтьевна могла свободно понимать все, что говорили ей туземцы и быть, въ свою очередь, для тѣхъ вполнѣ понятною, однимъ словомъ объясняться со всѣми безъ переводчика.

Годдай-Агаллыкъ первый познакомился съ этою дамой, зайдя ко мнѣ на вечерній стаканъ чая и заставъ у меня доктора съ супругою.

— Какой онъ страшный! вскрикнула Нина Леонтьевна—при первомъ представленіи.

— Онъ однако очень интересенъ,—томно заключила она при разставаніи, въ концѣ вечера.

Самъ Годдай сначала былъ смущенъ до крайней степени видомъ этого веселаго женскаго лица, безъ застѣнчивости смѣющагося прямо ему въ глаза и — красотою ея полнаго стана... (докторша, по случаю жары была одѣта очень легко и даже значительно декольтирована), а мой пріятель немного хворалъ, почему позволялъ добавлять въ свой стаканъ лѣкарство, въ видѣ коньяка (вино вѣдь строго запрещено кораномъ, а лѣчиться дозволяется)—и къ концу вечера тоже развязно разговорился съ дамою, выразительно скользя своимъ взглядомъ по ея формамъ. Онъ даже рискнулъ осторожно прикоснуться пальцемъ немного по-

Digitized by Google

выше локтя Нины Леонтьевны и, приложивъ этотъ палецъ къ своимъ губамъ, произнесъ причмокнувъ:

— Чистый сахаръ!.

И докторъ, и я, а пуще всѣхъ сама соблазнительница,—хохотали отъ души... Всѣмъ было очень весело.

— А сколько у васъ женъ?—такъ-таки прямо и спросила у Годдая Нина Леонтьевна.

Такого щекотливаго вопроса, признаться сказать, я, пріятель его, до сихъ поръ не рѣшался задавать, да и въ голову мнѣ не приходило удовлетворять въ этомъ направленіи свое любопытство.—Я посмотрѣлъ на Годдая даже съ нѣкоторымъ испугомъ.

— Штукъ двадцать, я думаю, вмѣшался самъ докторъ.

— Неужели такъ много?.. протянула Нина Леонтьевна.—Ахъ какой вы нехорошій... Ай-ай, какъ не стыдно!..

Но Годдай-Агаллыкъ не даромъ получилъ при дворѣ эмира свѣтское воспитаніе; онъ смутился, правда немного, но оправился и отвѣчалъ:

— Сколько бы ихъ не было, а все-таки всѣ онѣ не стоятъ одного ноготка отъ такой ручки...

При этомъ онъ снова сдѣлалъ попытку повторить свое первое прикосновеніе...

— Онъ право очень милъ, улыбнулась докторша, но эти слова произнесла уже по-русски...

— Вы ихъ запираете, бьете?.. Вы, говорятъ, очень нехорошо относитесь къ своимъ женамъ?—заговорила опять дама, по моему такъ даже не особенно прилично, такъ что мнѣ опять стало неловко.

— Да не говори, Нина, глупостей! остановилъ ее и докторъ.

Но собѣсѣдница наша разошлась во всю и не унималась. Она настояла-таки на своемъ и добилась отъ Годдая, что тотъ пригласилъ насъ всѣхъ на другой же день къ себѣ и пообѣщалъ ей пустить ее въ гаремъ, но одну конечно, безъ мужа, гдѣ она можетъ вполнѣ убѣдиться въ полной неосновательности слуховъ о гаремной жизни.

— Увидите сами, говорилъ сяркеръ, какъ я ихъ одѣваю, какъ кормлю на убой, и сами спросите, часто ли наказываю за малости... что-же имъ еще больше.

Уѣхали гости.

На другой день рано утромъ пріѣхалъ ко мнѣ Годдай, просить заѣхать къ нему посмотрѣть, хорошо-ли онъ все приготовилъ для пріема гостей.

Digitized by Google

— Кого просилъ? спрашиваю.

— Полковника, говоритъ, того, что пушками завѣдуетъ, адъютанта, доктора съ его бабой,—такъ, что съ тобою русскихъ будетъ шестеро, а изъ своихъ четырехъ аксакаловъ (старшинъ), пятаго самого Каззы. Не хотѣлъ было ѣхать, узнавъ что русская женщина будетъ, да я уговорилъ. Самъ шестой, вотъ и ровное число, попарно.

Посѣдлали мнѣ коня, поѣхали мы съ Годдаемъ осматривать все устройство. Хорошо, очень хорошо украсилъ сяркеръ свое жилище.

На ворота коверъ повѣсилъ, дорогу черезъ первый дворикъ, гдѣ навѣсы для лошадей, войлоками устлалъ и по нимъ канаусовую дорожку проложилъ; второй, пріемный дворъ съ открытыми саклями для гостей, тоже сплошь убралъ коврами и цвѣтнымъ канаусомъ,—посреди двора этого большой развѣсистый карагачь росъ, на всю площадку густую тѣнь бросалъ, тутъ было огорожено фонарями мѣсто для музыкантовъ и приглашенныхъ батчей-плясуновъ; на глинобитномъ широкомъ возвышеніи, на узорныхъ скатертяхъ, чего-чего не было наставлено, пока еще кромѣ горячихъ блюдъ, одни лакомства, даже сахаръ лежалъ цѣлыми головами, въ синихъ бумажныхъ оберткахъ.—А изъ этого дворика узенькая и низкая калитка вела на третій дворъ, гдѣ сакли для женъ были расположены; изъ за стѣнки, въ которой эта калитка была пробита, виднѣлась плоская крыша самой гаремной сакли, тоже вся въ тѣни отъ окружающихъ ея деревьевъ, и на стѣнѣ стояла, растянутая на веревкахъ, перегородка—изъ палаточныхъ боковинъ, и перегородка вся эта колыхалась, потому что во всѣ ея щели искрились любопытные глазки затворницъ, для посторонняго ока недоступныхъ; я кивнулъ было въ ту сторону, какъ бы спрашивая хозяина:

— Ловко-ли?

— Что-жь дѣлать!—пожалъ тотъ смиренно плечами,—всю ночь спать не давали—упрашивали... ничего, пускай посмотрятъ!

Одобривъ всѣ заботы сяркера, я было хотѣлъ ѣхать назадъ, но хозяинъ задержалъ меня и повелъ въ саклю, поговорить пока что и покурить кальяна.

Пошли и уютно засѣли за чай и табакъ.

Долго собирался сказать мнѣ что-то Годдай-Агалыкъ, даже кругомъ посматривалъ, одни-ли мы глазъ на глазъ—наконецъ прорвался.

— Слушай, говоритъ—ты мнѣ другъ?

Digitized by Google

— Ну, другъ, отвѣчаю.

— Сколько докторъ возьметъ за свою бабу?.. Я дамъ хорошую цѣну!

Я такъ и покатился отъ смѣха. Годдой обидѣлся и говоритъ.

— Чего-же ты смѣешься?

— Да у насъ развѣ такъ продаютъ, что ты это!.. Сколько же разъ я тебѣ разсказывалъ, какъ у насъ дѣлается... знать бы долженъ.

Задумался мой хозяинъ,—долго молчалъ, тяжело затягиваясь дымомъ кальяна, а потомъ заговорилъ, словно про себя.

— Продаютъ... гм... Все продается, лишь бы цѣна была подходящая... за сто не продастъ,—продастъ за тысячу, за тысячу не продастъ,—отдастъ за десять... Все продается.., Все купить можно, были бы деньги... Что бабу, пустяки,—душу самую продаютъ другіе... Ты спроси у доктора... я все, все продамъ, все въ деньги обращу... Очень мнѣ уже баба его эта свѣтлая понравилась...

— И не говори глупостей, успокаивалъ я его—только меня, своего друга, осрамишь при другихъ такими рѣчами.

Годдай разгорячился.

— Ты вотъ говоришь, не продаютъ женъ,— не продаютъ... да? А какже мнѣ говорили, что одинъ изъ вашихъ генераловъ у своего чиновника жену купилъ, да еще не за деньги, а за два чина и орденъ?.. Не было,—скажешь?

Тутъ я и самъ опѣшилъ. Ну какъ я ему объясню, какъ это, и что это, и въ чемъ тутъ разница... Началъ было я путать, да и договорился:

— Это, говорю, потому такъ случилось, что жена чиновничья очень генерала полюбила и ушла къ нему отъ мужа, а молъ чины и прочее—въ родѣ какъ-бы утѣшенія для мужа были доставлены, чтобы не убивался очень...

— Гм... посмотрѣлъ на меня выразительно Годдай... Теперь понимаю. Ну, вотъ, скоро и гости пріѣдутъ. Ты сиди здѣсь, спрашивай чаю, хочешь. Не я теперь—ты хозяинъ, а я пойду за ворота встрѣчать.

— Ѣдутъ!—вбѣжалъ запыхавшись одинъ изъ хозяйскихъ джигитовъ.

— Подъѣхали!—прибѣжалъ второй.

— Ну, вотъ, какъ разъ въ пору!—кивнулъ мнѣ Годдай-Агаллыкъ, и оправивъ свой роскошный парчевый халатъ, затканный розами, подпоясанный дорогимъ поясомъ, солидно и степенно пошелъ гостямъ на встрѣчу.

Digitized by Google

Пріѣхали наши, дѣйствительно.

Докторъ съ докторшей въ тарантасикѣ, полковникъ съ артиллеристомъ и адъютантомъ Бобковымъ верхомъ, и конвой для почета казачій съ ними. Всѣ въ чистыхъ кителяхъ и съ орденами, а докторша, Богъ ей прости, такъ вырядилась, такое декольте благоустроила, что даже джигиты всѣ выпучили глаза, какъ бараны на новые ворота.

— Матушка, Нина Леонтьевна, да вы бы...— замѣтилъ было я шопотомъ.

А она:

— А много вы понимаете!

Усѣлись по мѣстамъ, вокругъ досторхана, подушками шелковыми обложились. Такъ, прямо посрединѣ, на почетномъ мѣстѣ, Нина Леонтьевна съ полковникомъ рядомъ, а съ другой стороны у докторши сѣлъ артиллеристъ Мюндельбергъ, будто-бы на зло прозѣвавшему позицію Бобкову,—рядомъ съ полковникомъ мѣсто хозяину оставили, а около я съ докторомъ.—Вслѣдъ за нашими и аксакалы вошли во главѣ съ самимъ Каззы, дряхлымъ старикомъ, очень злобнаго и ехиднаго вида.—Эти давно уже за воротами оставались, да не входили, чтобы оказать почетъ полковнику.

Сѣли, помолчали минуты двѣ, Нина Леонтьевна потянулась за фисташками, лукаво улыбаясь Годдай-Агаллыку.

— Ну-съ, началъ полковникъ ласковымъ и вмѣстѣ строго покровительственнымъ тономъ, вотъ я и у тебя, почтеннѣйшій Годдай-Агаллыкъ... Я долженъ тебѣ сказать, что генералъ тобою очень доволенъ.—Эти персики изъ твоего сада?

Я перевелъ это начальственное вступленіе, замѣнивъ конечно ты, словомъ вы, какъ здѣсь принято—и сообщеніе, вымышленное конечно, о довольствѣ генерала, все-таки облекъ въ болѣе подходящую форму.

— Не имѣю словъ выразить мою признательность, отвѣчалъ, отвѣсивъ низкій поклонъ, сяркеръ.—Когда сердце переполнено, уста грубое орудіе для выраженія его ощущеній.

Перевелъ и это я по-русски, позаботившись тоже, чтобы полковникъ понялъ всю тонкость отвѣта.

— Да, доволенъ!—кивнулъ головою тотъ.

— Что стоитъ вашъ прелестный халатъ? спросила хозяина Нина Леонтьевна.

Годдай вздрогнулъ, всталъ и быстро исчезъ за ковромъ, скрывавшимъ внутренности сакли.

Digitized by Google

— Что съ нимъ? удивленно взглянула на меня докторша.

— А вотъ увидите сами, какую вы неловкость сдѣлали, милая барынька, укоризненно покачалъ я головой. — Ну, развѣ такъ можно? Вы хоть бы меня спросили.

— Да что-жъ такое?

Но въ эту минуту появился вновь хозяинъ, извиняясь за невольное отсутствіе. На Годдаѣ теперь былъ надѣтъ другой халатъ, куда лучше перваго, голубой бархатный, весь сплошь залитый персидскимъ золотымъ узоромъ.

— Вы переодѣлись? вскрикнула было Нина Леонтьевна,—но я ее во время остановилъ... и слава Богу!

— Тотъ халатъ отосланъ къ вамъ на домъ, сообщилъ сяркеръ,—я такъ счастливъ, что моя одежда удостоится, быть можетъ, послужить вамъ ковромъ для ногъ.

— Какъ это мило... сконфузилась наша барыня и потомъ добавила.—Ну, Годдай-Агаллыкъ, такъ, кажется, васъ зовутъ,—я не знала какой вы—теперь сами виноваты!—Я ничего не буду хвалить у васъ въ домѣ, ничего,—сами виноваты.

— Что ты, душечка, пролопотала тамъ по-татарски? переспросилъ ея мужъ.

— Ничего, не твое дѣло.

— То-есть, позволь, однако, мой ангелъ...

— Супруга ваша очень умно отвѣтила на любезность любезностью, вошелъ я опять въ роль дипломата-переводчика.

— Очень, очень доволенъ! покрутилъ усы полковникъ.

— Какъ все это дико! вымолвилъ наконецъ слово и капитанъ Мюндельбергъ.

— Батчей ведутъ! первый замѣтилъ Бобковъ приближеніе труппы танцоровъ.

— Наше угощеніе скромное—и забавы, которыя мы можемъ предложить дорогимъ и высоко-сановнымъ гостямъ, также скромныя,—прошу извинить и не гнѣваться на нашу нищету... произнесъ Годдай-Агаллыкъ и, обратясь къ безбородому старику, хозяину труппы, сказалъ:

— Начинай, Мусса, свое представленіе!

Начали батчи.

И пѣли они, и плясали, и кувыркались, и разныя штуки представляли. Чалмоносные гости были очень довольны и смотрѣли даже съ жадностью, Нина Леонтьевна сначала заинтересовалась немного, потомъ ей это надоѣло. Бобковъ все ловилъ крайняго батчу за ногу, а тотъ ловко увертывался, Мюндельбергъ что-то

Digitized by Google

сталъ въ книжку записывать, а полковникъ тщательно оберегалъ свое величіе, но ему ужасно мѣшали его ноги въ ботфортахъ: — на коврѣ сидѣть неудобно было въ геройской позѣ, — сразу какъ будто бы и хорошо, а потомъ затекаютъ—и такъ и хочется ихъ вытянуть запросто, или подъ себя подвернуть калачикомъ.

Докторъ, должно быть, замѣчалъ пристальные, даже немножко особенные взгляды своей супруги, которыми та по временамъ дарила Годдай-Агаллыка, и начиналъ сердится.

— А что-же вы меня обѣщали съ своими милыми женами познакомить? Я вѣдь, главное, за этимъ и пріѣхала, встрепенулась наша дама и настойчиво повторила свое требованіе.

— Что она говоритъ, также обращаясь ко мнѣ, встрепенулся и ея суиругъ.

На этотъ разъ я не удостоилъ его своимъ переводомъ.

По лицу хозяина пробѣжала тѣнь.

— Если русская женщина захочетъ удостоить своимъ посѣщеніемъ мое низкое родомъ семейство, она можетъ войти.

— Отлично, идемте!

Нина Леонтьевна стремительно встала, довольно высоко подняла свою юбочку, чтобы, совсѣмъ безцеремонно, перешагнуть черезъ блюда съ лакомствами и спросила:

— А куда же идти? Сюда?

Она очень догадливо указала именно то направленіе, куда слѣдуетъ, да и немудрено: палаточныя полы на крышѣ внутренняго двора такъ энергично заходили, что сразу обнаружили помѣщеніе невидимыхъ зрительницъ нашего пиршества.

— А вамъ, господа, нельзя! засмѣялась бойкая барыня, по нашему адресу.

Годдай проводилъ ея до ковра, приподнялъ его полу, крикнулъ что-то повелительное, и тяжелый коверъ снова опустился на свое мѣсто, проглотивъ пикантную фигурку нашей красавицы.

— Ну, теперь дамъ нѣтъ, засуетился Бобковъ... Попросите этихъ батчей показать намъ что нибудь эдакое—повольнѣе—а, помните какъ...

Но желанію адъютанта не суждено было исполниться—Батчи и ихъ менторъ, безбородый мусса отказались на отрѣзъ отъ этой дополнительной программы, робко подмигнувъ въ сторону, гдѣ сидѣла по истинѣ страшная, молчаливая и злобная фигура стараго Каззы.

Принесли блюда съ горячимъ пловомъ—изъ цыплятъ, съ пу-

Digitized by Google

почками и печеночками, очень вкусно приготовленнымъ, а такъ какъ мы уже нагуляли легкій аппетитъ, то и принялись за угощеніе; хотя и трудновато было съ непривычки управляться безъ ложекъ, но такъ какъ я лично давно уже приспособился въ этомъ направленіи, то и не обращалъ особеннаго вниманія на затруднительность положенія моихъ товарищей по оружію.

— Горячо какъ однако, замѣтилъ полковникъ, обтирая пальцы о края шелковой скатерти.

Для чалмоносныхъ гостей поставили особое блюдо, за которое и принялись они не только что съ аппетитомъ, а даже съ какимъ-то остервенѣніемъ, кромѣ самого Каззы, который, съ нескрываемою злобою, даже отвращеніемъ не спускалъ глазъ съ занавѣса гарема.

Годдай-Агаллыхъ сидѣлъ задумавшись, прислушиваясь къ шуму голосовъ и даже криковъ, доносившихся съ третьяго двора,— изрѣдка покрываемыхъ звонкимъ, серебристымъ смѣхомъ знакомаго намъ голоса Нины Леонтьевны.

Такъ прошло еще минутъ двадцать, а можетъ быть и болѣе.

Вдругъ голоса стали приближаться, коверъ стремительно распахнулся и къ намъ вбѣжала Сартянка, съ закрытымъ толстою волосяною сѣткой лицомъ и, въ халатѣ съ длинными, узкими рукавами, позади накинутомъ на голову.

Я, конечно, сразу узналъ закостюмированную докторшу, но всѣ остальные, особенно Годдай-Агаллыхъ, немного растерялись отъ такого сюрприза.

Проскользнувъ на свое прежнее мѣсто и сбросивъ сѣтку съ лица, Нина Леонтьевна, вся раскраснѣвшаяся, пропахнувшая мускусомъ и розовымъ масломъ, едва переводила духъ...

— Ахъ, какія онѣ смѣшныя!.. Ахъ, какія обезьяны! говорила она,—хорошо хоть по-русски, догадалась... Онѣ меня всю общипали... Онѣ даже всѣ шпильки изъ головы повытаскивали...

И въ доказательство полнѣйшаго разгрома своей прически, докторша спустила съ головы халатъ и предстала, вся залитая густыми роскошными волнами своихъ золотисто-пепельныхъ волосъ...

Вышло настолько красиво, что Каззы не выдержалъ, кряхтя поднялся съ мѣста и, повернувшись къ намъ безцеремонно спиною, удалился куда-то въ темный уголъ.

— Однако, пора и ѣхать! первый высказался докторъ.

— Пожалуй, пора! согласился полковникъ...

Нина Леонтьевна стала заплетать свои косы и пока справля-

Digitized by Google

лась съ этимъ многотруднымъ занятіемъ, все поглядывала изъ-подъ руки на Годдая-Агаллыха.

— Я очень довольна вашими женами, обратилась она къ нему. Онѣ такія милыя, добрыя, а, главное, васъ очень хвалили... Это хорошо, очень хорошо — я ихъ обо всемъ разспрашивала, обо всемъ рѣшительно... очень хвалили... mercі!..

Все это она по-татарски сказала, а тутъ вдругъ почему-то французскимъ mercі закончила. Кто ихъ разберетъ, этихъ женщинъ, чѣмъ онѣ руководствуются?..

— Готова, матушка? досадливо проговорилъ докторъ.

— Да, пожалуйста не торопи меня—поѣзжай, коли хочешь—я могу и съ Бобковымъ уѣхать.

— Очень буду счастливъ, встрепенулся адъютантъ, польщенный такимъ предпочтеніемъ.

— Это у него за сѣдломъ, верхомъ что-ли,—по сартовскому положенію? а въ тарантасъ я его не пущу...

— Передайте, пожалуйста, хозяину,—обратился ко мнѣ полковникъ, что я лично очень цѣню его службу и преданность русскому правительству... Это можетъ служить для другихъ прекраснымъ, достойнымъ подражанія примѣромъ и кромѣ того, вообще ежели... а въ особенности — тамъ это, знаете, насчетъ своевременныхъ и аккуратныхъ взносовъ, какъ это тамъ называется?... да: зякетъ и хераджъ... танапные сборы,—однимъ словомъ,—генералъ тоже очень, очень доволенъ... я ему доложу...

— Начальникъ очень доволенъ вашимъ пріемомъ и благодаритъ васъ за радушную хлѣбъ-соль.—Онъ извиняется, что усталость мѣшаетъ ему дальше пользоваться гостепріимствомъ вашего дома.

Кажется, что я перевелъ рѣчь полковника довольно близко.

— Благодарю въ свою очередь, благодарю за высокую честь, оказанною моему скромному, убогому жилищу, и льщу себя надеждой, что Богъ еще разъ пошлетъ мнѣ это счастье, съ умѣреннымъ поклономъ отвѣчалъ Годдай-Агаллыхъ.

— Прощайте, Годдай! окончила-таки прическу Нина Лентьевна, встала и протянула хозяину руку...

Тотъ было хотѣлъ кинуться къ ней и, по восточному обычаю, зажать эту руку между двумя своими ладонями, какъ вдругъ отшатнулся и ограничился только, тоже умѣреннымъ поклономъ.

Изъ темнаго угла, на него въ упоръ глядѣли два глаза,—два единственныхъ признака жизни на этомъ изможденномъ, мертвенномъ лицѣ.

Digitized by Google

Я уже давно служилъ въ этомъ краѣ, хорошо зналъ всѣ мѣстные нравы и обычаи, да и говорилъ по-ихнему недурно, совершенно свободно, поэтому всѣ ко мнѣ обращались за разными свѣдѣніями, офиціальными и неофиціальными; вотъ и теперь: какъ только, простившись съ сяркеромъ, я догналъ нашу кавалькаду, какъ первый Бобковъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— А можно будетъ этихъ батчей пригласить къ намъ въ лагерь?

— Можно, говорю.

— А сколько надо платить за одинъ сеансъ? полюбопытствовалъ Мюндельбергъ.

— То-есть, какъ это,—за сеансъ?

— Ну да, то-есть,—за одно представленіе.

— Разно бываетъ,—отъ многаго зависитъ.

— Мнѣ пришла идея, сообщилъ полковникъ, нанять двухъ такихъ, въ видѣ какъ-бы вамъ выразиться... На Кавказѣ у князя Духанскаго, были два въ пріемной, въ бѣлыхъ черкескахъ, съ кинжалами, въ такихъ же бѣлыхъ папахахъ и ярко-красныхъ башлыкахъ, они докладывали о посѣтителяхъ и когда князь выѣзжалъ верхомъ, ѣхали сзади, въ видѣ какъ-бы пажей... Очень красиво было... Здѣсь вѣдь это недорого, надѣюсь?..

— Это можно, говорю я... Хоть эскадронъ цѣлый сформировать можно.

— Право, эта идея не дурна! Какъ вы думаете?..

— Скажите, пожалуйста, обратилась ко мнѣ Нина Леонтьевна изъ глубины запыленнаго тарантаса. — Да подъѣзжайте поближе... Бобковъ, уступите ему свое мѣсто, только пылите мнѣ въ носъ...

— А онъ развѣ пылить не будетъ? обидѣлся нашъ адъютантъ, а все-таки тронулъ коня и подался въ сторону.

— Вотъ эти всѣ обезьяны, онѣ вѣрны своему мужу, конечно, по неволѣ. Запрутъ за десять замковъ, будешь вѣрна, но все-таки бывали случаи измѣны... Я читала одну страшную исторію...

— Случается, но очень рѣдко... трудно, да и опасно...

— У нихъ вотъ, промычалъ докторъ—какъ что-нибудь подобное,—такъ сейчасъ, какъ котенка, въ мѣшокъ и въ воду... и прекрасно...

— По этой теоріи, обидѣлась красавица, васъ-бы всѣхъ мужчинъ давно перетопить слѣдуетъ...

— Ну, матушка, сказала!.. Мужчины — статья совсѣмъ особенная...

Digitized by Google

— Только перебиваешь своими глупостями... Послушайте, я не договорила: бываетъ у нихъ, чтобы мужья измѣняли, да?

— Нѣтъ, этого не бываетъ, отвѣтилъ я весьма рѣшительно... Эге, думаю, куда ты направляешься.

— Слышишь? толкнула въ бокъ мужа докторша.

— Ну да, такъ я и повѣрю, проворчалъ тотъ...

— Ахъ да... Я слышала про такія гадости... ужасъ! неужели и этотъ Годдай-Агаллыкъ, тоже?

— О нѣтъ! Мой другъ—человѣкъ воспитанный, вступился я за своего пріятеля, къ тому же — онъ человѣкъ со вкусомъ, какъ я уже замѣтилъ.

Сказавъ это, я не могъ удержаться отъ улыбки.

— Я тоже замѣтила, улыбнулась очень кокетливо Нина Леонтьевна.

— Ниночка, заворочался на своемъ мѣстѣ докторъ.—Или подушки съѣхали что-ли, или уже ты очень на меня навалилась... Сидѣть неловко—подвинься.

Но мы уже приближались къ своему расположенію, и доктору потерпѣть оставалось недолго.

— Приходите къ намъ пить чай сегодня вечеромъ, слышите, непремѣнно! Мнѣ еще о многомъ, о многомъ хочется поговорить съ вами... Придете?

Я сказалъ, что буду, и мы разстались на поворотѣ въ лагерь.

На другой же день, рано утромъ, пріѣхалъ ко мнѣ Годдай. Онъ явился поблагодарить лично полковника и офицеровъ за вчерашнее посѣщеніе, и къ первому заѣхалъ ко мнѣ.

— Что она вчера у тебя тамъ съ женами говорила? спрашиваю... Воображаю...

Въ отвѣтъ на это Годдай-Агаллыкъ только махнулъ отчаянно рукой.

— Не говори! сказалъ онъ. Тамъ у меня старуха живетъ, мать Ассали, второй жены — та грозилась къ Каззы пойти съ жалобой...

— Что такъ?

— Да уже такъ... Говорить даже не хочется...

Посидѣлъ у меня сяркеръ съ полчаса, выпилъ чаю и поѣхалъ „съ визитами“.

Вечеромъ встрѣчаюсь съ полковникомъ.

— Вы знаете, говоритъ,—этотъ чудакъ прислалъ мнѣ на домъ массу всякихъ сладостей и даже блюдо съ пловомъ... Все, что отъ вчерашняго осталось. Развѣ это такъ у нихъ принято?

Digitized by Google

— Да уже это обычай.

— Я все велѣлъ къ докторшѣ отнести... Куда мнѣ эта дрянь!..

— И прекрасно сдѣлали...

Прошло дня три-четыре. Опять пріѣзжаетъ сяркеръ, какой-то странный, растерянный, докладываетъ:

— А она ко мнѣ еще разъ пріѣзжала.

— Одна?

— Нѣтъ, съ мужемъ своимъ — привезла полотенце вышитое, говоритъ, сама работала, очень хорошее полотенце: двѣ птицы цѣлуются и джигитъ на конѣ скачетъ... Мои дуры сейчасъ въ клочья изорвали, побилъ ихъ... Да вотъ это еще привезла, только отъ мужа тихонько сунула... Вотъ это!

Годдай вынулъ неважный, подержанный, серебряный портсигаръ, а на портсигарѣ надпись: „Отъ благодарныхъ паціентовъ".

Я даже расхохотался. Вотъ, думаю, въ какія руки попало.

— Ну, такъ что же?

— Да то, что опять къ женамъ ходила, цѣлый часъ тамъ сидѣла, а старуха не вытерпѣла и къ Каззы ушла.

— Чего же ты боишься? Вѣдь теперь власть Каззы, не Богъвѣсть, какая. Не бойся, не велитъ тебя зарѣзать — это прежде бывало...

— Не боюсь я Каззы... А злой онъ человѣкъ... Строгой вѣры... Онъ у насъ ни надъ чѣмъ не остановится... Да и не въ томъ дѣло... А вотъ въ чемъ! Спроси, будь другъ, у доктора: сколько ему надо на *утѣшеніе?*

— Оставь ты эти глупости, говорю я ему уже серіозно. Вѣдь ты человѣкъ разсудительный, умный, не мальчикъ какой-нибудь взбалмошный... Неужели же она тебѣ такъ понравилась?..

— Сплю и во снѣ вижу... чуть слышно проговорилъ сяркеръ и глубоко задумался.

„Вѣдь принесла-же нелегкая сюда эту Нину Леонтьевну, задумался и я. Дама, видимо, съ темпераментомъ, не даромъ объ ней слухи ходили разные... Юнкеръ тамъ одинъ проворовался, а послѣ пулю въ лобъ... Офицеръ одинъ казачій спился съ кругу... Дуэль была, да и не одна...

— Не стоитъ она, брякнулъ я вслухъ.

— Не говори,—большихъ денегъ стоитъ... и сосчитать нельзя, чего не жалко за такую! возразилъ мнѣ Годдай-Агаллыкъ.

Вотъ тутъ и разговаривай съ нимъ послѣ этого!

Опять прошла недѣля благополучно. За это время докторша надумала верхомъ учиться ѣздить. Лошади у меня въ конюшнѣ,

Digitized by Google

по правдѣ сказать, были лучшія во всемъ округѣ—и между ними одинъ жеребчикъ съ такимъ ходомъ, что стаканъ воды поставь на сѣдло—капли не выльется, а на поводу мягокъ такъ, что хоть шелковинки подвязывай,—и нравомъ смирный.—Этого жеребца и выпросила у меня Нина Леонтьевна. Самъ я и училъ ее ѣздѣ,—скоро поняла эту науку моя барынька. Да и безстрашна была... Сшила она себѣ юбку, такую съ разрѣзомъ, черную, да шаровары широкіе, суконные, чтобы верхомъ сидѣть было удобно... Выѣдемъ, бывало, кавалькадой съ господами офицерами; за нею не угонишься...

Докторъ-мужъ сердится, а что подѣлаешь! Офицеры въ восторгѣ, полковникъ одобряетъ и самъ въ прогулкахъ принимаетъ живѣйшее участіе. Разъ даже и Годдай ѣздилъ съ нами на своемъ золотомъ аргамакѣ... Послѣ такой поѣздки просили меня офицеры отобрать жеребчика у Нины Леонтьевны, а дать ей другую лошадь потише, а то гикнетъ она, вынесется впередъ,—ничья лошадь кромѣ годдаевскаго аргамака не поспѣваетъ... Охота имъ пыль глотать, когда тѣ нивѣсть куда впередъ унесутся.....

Докторъ сердился на меня почему-то, говорилъ:

— Этакъ и голову сломать не долго.—Это съумасшествіе!—А все вы затѣваете!

— Это на моемъ-то „Угольке“ шею сломать, вступился я за коня... Будьте спокойны—ребенка не обидитъ и нога вѣрная...

Разъ влетаетъ ко мнѣ докторъ, а дѣло было часовъ въ восемь вечера, темнѣть уже начало.

— У васъ жена?

— Нѣтъ.

— Она присылала къ вамъ за лошадью?

— Присылала, и я отправилъ съ джигитомъ, Шарипомъ...

— А гдѣ джигитъ?

— Велѣлъ я состоять при Нинѣ Леонтьевнѣ безотлучно. Вы не безпокойтесь.

— Какъ не безпокоиться? Обѣжалъ я всѣ квартиры, всѣ дома... съ кѣмъ же она поѣхала?

— Да должно быть, съ Шарипомъ и поѣхала.

— Куда?

— Ну, этого я и самъ не знаю... Вернется, у ней и спросите...

— Что она со мною дѣлаетъ, что она дѣлаетъ!..

И вдругъ вижу я, докторъ мой присѣлъ на кровать, закрылъ лицо руками и давай плакать.

Digitized by Google

Посмотрѣлъ я на его фигуру, тощую, чахоточную, на эти длинныя ноги съ острыми колѣнами, впалую грудь, лысину во всю голову... Какъ сравнилъ этого мужчину съ моимъ другомъ-красавцемъ, жалко мнѣ его стало.

— Отправьте вы свою супругу назадъ, въ Россію... ну, погостила и довольно... Вотъ скоро въ походъ выступимъ... опасности, нужда, лишенія... Что ей съ нами—солдатами дѣлать... Да и вы тоже сами не совсѣмъ въ порядкѣ здоровьемъ,—просились бы въ переводъ куда-нибудь, подальше отсюда, покойнѣе было бы...

Вздрогнулъ докторъ, будто кто его кнутомъ вдоль спины вытянулъ... Какъ вскочитъ онъ на ноги, да ко мнѣ:

— Какъ, и вы замѣтили?

— Что такое?.. я просто... желая вамъ добра, а вовсе ни...

— Я этого Сарта проклятаго пристрѣлю какъ собаку!..

Сказалъ это докторъ, покачнулся и выбѣжалъ изъ моей сакли.

Ну, думаю:—скверно!

Только, на другой день, иду я мимо и глазамъ не вѣрю. Стоитъ аргамакъ годдаевъ у докторской квартиры и держитъ его джигитъ. Окна отворены настежъ и слышенъ голосъ Нины Леонтьевны, да такой гнѣвный, крикливый, и говоритъ она смѣсью, половину по-киргизски, половину по-татарски... Слышу и доктора голосъ, только веселый и ободрительный:

— Такъ его, такъ его, хорошенько... Нажаривай!

Этотъ по-русски выражается, потому что по здѣшнему ни слова не понимаетъ.

Вхожу и вижу картину:

Сидитъ Годдай-Агаллыкъ около стола и голову потупилъ смиренно, но самъ, ничего,—улыбается. Докторша сидитъ за самоваромъ, въ правой рукѣ чайникъ, а лѣвою кулакомъ по столу стучитъ, такъ, что даже посуда побрякиваетъ, докторъ по комнатѣ ходитъ и весело руки потираетъ.

— Вы, говоритъ Нина Леонтьевна, какъ пѣтухъ обзавелись курами... Всѣ онѣ дрянныя, глупыя, сложены прескверно, и серьги въ носу носятъ... Какъ вы объ эти серьги усы свои и бороду не выщипали. Онѣ васъ цѣлуютъ, эти мерзавки... Какъ онѣ цѣлуютъ? говорите сейчасъ!.. Сразу всѣ вмѣстѣ, или поочередно? Онѣ обнимаютъ васъ, ласкаютъ... Вѣдь это животныя, звѣри безсловесные, вѣдь съ ними и говорить не о чемъ...

— Такъ его, такъ, хорошенько...

Увидѣли меня... Нина Леонтьевна вспыхнула вся и сразу

Digitized by Google

смолкла. Годдай-Агаллыкъ взглянулъ на меня особенно, по праздничному, словно...

— А вотъ и вы! бросился ко мнѣ на-встрѣчу хозяинъ... Слышали сейчасъ, какъ жена вашего пріятеля отдѣлывала...

— За что?

— Да за вчерашнее... Вашъ хваленый джигитъ, изволите-ли видѣть, съ дороги сбился, а еще знаетъ хорошо окрестности, да, слава Богу, случайно встрѣтились вотъ съ нимъ, съ сяркеромъ этимъ... Нина Леонтьевна боялась послѣ Шарипу довѣриться, просила Годдая проводить до дому, а этотъ любезный кавалеръ отказался, сказалъ, что по службѣ идетъ... некогда... Сегодня пріѣхалъ извиняться,—вотъ и нарвался... Ну все-таки Ниночка, довольно!.. нажгла и довольно!.. Вѣдь онъ азіатъ, гдѣ же ему нашей галантности набраться... Смѣни гнѣвъ на милость...

— И не смѣню, покуда не разгонитъ свой курятникъ поганый, крикнула его Ниночка,—опять-таки по-татарски.

Ого! это она со мною даже не стѣсняется нисколько.

Однако мой приходъ все-таки оказался примирительнымъ.— Нина Леонтьевна разливала чай уже нѣсколько покойнѣе, даже первый стаканъ подала сяркеру, пододвинувъ къ нему поближе сахарницу.

Въ тотъ же вечеръ, ложась спать, я свистнулъ Шарипу... Явился мой джигитъ, что листъ передъ травой.

— Разсказывай, да не ври!

— Приказала мнѣ барыня, докладываетъ Шарипъ, проводить ее до Чаганака, тамъ садъ прежній, бековскій, заброшенный,— на берегу рѣки,—тамъ и сяркеръ, одинъ безъ джигитовъ, оказался. Барыня велѣла мнѣ на дорогѣ съ лошадьми остаться, а сама въ садъ пошла... Потомъ вышла—и мы домой поѣхали... А больше ничего и не было.

— Вотъ оно уже до чего дошло... Ранде-ву по всей формѣ... Что же это докторъ такъ радовался?.. Вотъ, думаю, самъ не поѣду, а дождусь, когда Годдай меня навѣститъ, тогда и къ допросу его притяну, форменному. Что-то ты у меня запоешь, Донъ-Жуанъ халатный?..

Ждать долго не пришлось. Не прошло недѣли послѣ докторскаго чаепитія, пріѣзжаетъ ко мнѣ—этотъ Донъ-Жуанъ, да поздно, часу въ одиннадцатомъ вечера.

— Я, говоритъ, къ тебѣ на всю ночь.—Я тебя не стѣсню.— Мнѣ хоть въ конюшнѣ, на сѣнѣ, выспаться, а домой ѣхать я не хочу.

Digitized by Google

— Что такъ?

— Дома у меня нехорошо, — и не знаю даже, какъ теперь справиться съ ними...

— Съ кѣмъ это?

— Да съ женами и, главное, съ этою старухой проклятою...

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Годдай, началъ я самымъ серіознымъ тономъ.—Во-первыхъ, скажи, совершенно откровенно,—считаешь ты меня своимъ другомъ?

— Считаю!

Годдай-Агаллыкъ вспыхнулъ, оживился, даже въ объятія ко мнѣ потянулся.

— Понимаешь, говорилъ онъ,—понимаешь—моя душа—половина твоей души. Мой умъ—половина твоего, мои руки обѣ,.. вотъ онѣ,—хоть отрѣжь сейчасъ и бери себѣ,—обѣ для тебя.

— Постой,—постой..! рукъ твоихъ я рѣзать не стану, а вотъ, коли ты другъ, говори все по правдѣ. Да, смотри, ничего не скрывай—ни для чьей, для твоей же пользы спрашиваю.—Говори всю правду... Ты вѣдь знаешь, что я никому и ничего не разболтаю, а боюсь, чтобы ты такихъ глупостей не надѣлалъ, что послѣ не будешь знать какъ и поправить. Давно видѣлъ эту докторшу? Видались послѣ того раза, когда чай пили у ея мужа?

— Ну, видались...

— Гдѣ же это вы встрѣчаетесь?

— Да у меня два раза, а разъ еще въ томъ саду, гдѣ тогда...

— Видишь самъ теперь — какая это женщина,—Ну станетъ-ли хорошая жена отъ мужа—такія дѣла дѣлать... какъ думаешь?..

— Охъ какая хорошая!—это не женщина, а сама радость небесная... Вотъ у насъ въ коранѣ обѣщано хорошему мусульманину на томъ свѣтѣ, будто-бы гуріи обнимать, да цѣловать будутъ... Эти гуріи вѣдь то же, что наши жены, только получше, можетъ быть, а все вѣрно не такія... Гдѣ нашимъ такъ умѣть какъ эта!.. О еслибы ты зналъ, какъ эта любить умѣетъ... И прикоснутся то къ ней страшно... Такъ и кажется, что вотъ вотъ, самъ умрешь, потому сердце не выдержитъ, разорваться можетъ... Что мнѣ эти гуріи!.. А на своихъ обезьянъ безсловесныхъ я и смотрѣть теперь не желаю... Нина говоритъ мнѣ,—ты не сердись, она сама велѣла мнѣ называть ее просто Нина, только не при другихъ, а меня—Годдашка-Агаллашка называетъ.—А то, говоритъ; ты мой джулъ-барсъ прирученный... Такъ вотъ, Нина говоритъ мнѣ: разгони всю эту дрянь изъ твоего

Digitized by Google

третьяго двора, чтобы никого, — никого не осталось, тогда я мужа брошу и къ тебѣ на всю жизнь, переселюсь... Ни тебѣ, ни мнѣ и вѣры мѣнять не нужно. Я послушалъ ее, сегодня утромъ объявляю своимъ, что отпускаю ихъ на всѣ стороны, что пока даю имъ садъ, за городомъ, тамъ у меня есть особенный,—пускай тамъ живутъ, обѣщаю бумагу отъ Каззы вытребовать, чтобы онѣ полною волею пользовались, все равно какъ разведенныя жены... Что же онѣ, особенно эта Ассаль злая, что же онѣ сдѣлали?..

— Что такое?

— А помнишь мой халатъ голубой, двѣсти рублей по вашему стоитъ,—помнишь?

— Ну, помню...

— Въ клочья изодрали... Въ самые маленькіе кусочки... Я только успѣвалъ закрывать лицо да бороду... Какъ онѣ Нину ругали,—какими словами называли!.. Говорятъ: пускай еще разъ пріѣдетъ къ намъ,—мы ее самое въ мелкіе клочья исщиплемъ... А отчего онѣ такъ забылись, отчего этой прыти набрались?.. какъ ты думаешь? Вѣдь онѣ не смѣли слова наперекоръ пикнуть, вѣдь когда я приходилъ, не то что сердитый, а просто не въ духѣ, онѣ по угламъ прятались, оттуда взгляды мои ловили. — Между собою поссорятся, до драки дойдетъ дѣло,— пригрожу, и стихнутъ... А тутъ, посмотри-ка: на меня съ кулаками... Отчего это, ты какъ полагаешь?

— Очень просто, отвѣчаю,—Ассаль Каззы пожаловалась, тотъ ихъ сторону держитъ—вотъ и храбрятся.

— То-то, Каззы. Я вчера базаромъ ѣхалъ, въ меня кто-то грязью швырнулъ въ догонку... Я курбаши (полицеймейстеру) пожаловался, а тотъ говоритъ.—Въ хорошаго человѣка не станутъ грязью швыряться... этому какое дѣло?

— Большихъ тебѣ непріятностей надѣлаетъ этотъ Каззы, говорю я; положимъ, порядки теперь другіе, не зарѣжутъ, а все-таки могутъ такъ доканать, что хоть бѣги вонъ изъ города, въ другое мѣсто переселяйся... Вотъ то-то и дѣло. А все Нина твоя... Я тебѣ, какъ другъ, скажу откровенно: и твой-то пылъ пройдетъ,—и она скоро въ другую сторону метнуться можетъ... Неужели же ты думаешь, что такъ навѣкъ и сойдетесь оба. Ни она къ вашей жизни не привыкнетъ, ни ты къ ея порядкамъ. Опостылите другъ другу такъ, что врозь разбѣжитесь, а скандалу сколько наберетесь—и ты, и она, упаси Господи!.. Вѣдь у насъ тоже хоть и полегче на такія дѣла смот-

Digitized by Google

рять, а ужъ коли черезъ край хватило,—тоже не щадятъ... И мой совѣтъ тебѣ такой: приказъ о выселеніи твоихъ женъ отмѣни.. Пообѣщай это докторшѣ, но отложи на неопредѣленное время, къ Каззы отошли хорошія подарки и обѣщай принести повинную во грѣхахъ своихъ, — это сильно поможетъ: — во-первыхъ, грязью не станутъ швыряться, и довѣріе плательщиковъ къ тебѣ не будетъ подорвано. — Вѣдь, посуди самъ, ты ѣдешь за сборами, а отъ тебя всѣ отвертываются.—Самъ попадешь въ опалу. Теперь тебя хорошимъ слугою Бѣлому Царю считаютъ; слышалъ, говорилъ полковникъ, что самъ генералъ тобою доволенъ,—а тутъ вдругъ смѣнить тебя прійдется... А это очень легко можетъ случиться. А насчетъ Нины Леонтьевны я самъ поговорю съ нею. Повѣрь мнѣ на слово, что эта блажь у нея пройдетъ скоро...

Поблѣднѣлъ мой Годда-Агаллыкъ, да какъ!.. Я уже думалъ—не дурно-ли съ нимъ сдѣлалось, и говоритъ мнѣ глухимъ такимъ подавленнымъ голосомъ:

— Ты противъ меня говорить будешь?.. Да?..

— Зачѣмъ противъ, — это не мое дѣло. — Я даже въ твою пользу поговорю, только урезоню ее, чтобы она отъ тебя глупостей разныхъ не требовала... рада силу свою бабью надъ мужскою пробовать,—не даромъ тебя джулъ-барсомъ прирученнымъ называетъ...

— Что же, поговори. Я тебѣ вѣрю... Но помни:—если ты меня, ты, обманешь, я тогда ни одному русскому больше вѣрить не стану... Такъ и помни.

— Да уже будь покоенъ. А теперь коли усталъ, ложись спать у меня, а, завтра утромъ, отправляйся домой и улаживай дѣло какъ умѣешь. Скажи имъ тамъ, что вчера пошутилъ и только вѣрность ихъ хотѣлъ испытать.... приласкаешь, да по платку подаришь, — онѣ и растаятъ... Да и Ассаль подари чѣмъ-нибудь!.. Все пойдетъ по-старому...

— Я имъ матеріи ференчи подарю,—а Ассаль шаи полосатой на халатъ... Она давно просила...

— Вотъ и прекрасно!

Полегли мы спать.

Какъ я ни уговаривалъ своего друга улечься у меня на отоманкѣ, онъ на своемъ уперся: — пойду спать въ конюшню, къ джигитамъ, да и только. Такъ и ушелъ, отъ ужина предложеннаго отказался.

Раздѣлся я, легъ, свѣчу потушилъ... Только первый сонъ...

Digitized by Google

Шумъ, гвалтъ у меня за окномъ, въ дверь стучатъ... Что случилось? Вскочилъ я, накинулъ пальто, револьверъ пристегнулъ поверхъ бѣлья наскоро, отворяю дверь, а мнѣ на-встрѣчу, прямо въ объятія, что-то теплое, мягкое и какъ-будто бы даже оголенное... слышу голосъ Нины Леонтьевны.

— Спасите, спасите!..

Прибѣжалъ Шарипъ-джигитъ, онъ былъ у воротъ дежурный, свѣтитъ фонаремъ, смотрю: стоитъ передо мною докторша, босая, въ одномъ бѣльѣ и юбка какая-то на плечи накинута... Продрогла вся бѣдняжка, а лицо какъ у полоумной, глаза на выкатѣ, и волосы всѣ растрепаны.

— Онъ меня убить хотѣлъ... Онъ въ меня изъ револьвера цѣлился,

— Кто, что!

— Мужъ... Спасите! онъ за мною гонится!..

Взялъ я ее на руки, отнесъ на свою кровать, въ (другой комнатѣ стояла), закуталъ въ халатъ и велѣлъ Шарипу самоваръ ставить поскорѣе... самъ съ разспросами.

Долго, минутъ этакъ десять, моя барынька путемъ въ себя не приходила. А я тѣмъ временемъ шепнулъ Шарипу, чтобы разбудилъ еще джигита, да вдвоемъ бы Годдая моего берегли, какъ бы не проснулся и тоже сюда не ворвался... Хорошо, что конюшня далеко, за другимъ садомъ. Принесли кипятку, заставилъ я докторшу коньяку проглотить рюмочку, кипяткомъ разбавленнаго, сахарцемъ закусить... разсказываетъ:

— Насъ, говоритъ, вчера Бобковъ видѣлъ... Мужъ въ лазаретъ уходилъ, а Годдай пріѣхалъ... Бобковъ мимо проходилъ и въ щелку ставни поглядѣлъ, даже кулакомъ постучалъ, нахалъ этакій, а сегодня все мужу разсказалъ... Тотъ дождался ночи, да съ допросомъ... Я, кричитъ, не потерплю—я и себя, и тебя, пристрѣлю. Ударилъ меня, съ постели стащилъ на полъ и за револьверомъ потянулся, что на стѣнкѣ висѣлъ... Я насилу вырвалась, да въ дверь... Бѣжала, не помнила ничего... собаки гнались, лаяли... часовой хотѣлъ задержать... Все мнѣ казалось, что мужъ гонится и цѣлитъ въ меня изъ пистолета... Теперь къ вамъ, вы мое спасеніе... Не выдавайте меня, голубчикъ, миленькій... Вы такой добрый, хорошій!

И зачѣмъ я подошелъ такъ близко?! Еслибы я подальше держался, можетъ быть, Нина Леонтьевна не кинулась бы опять обнимать меня и цѣловать даже мои руки.

— Успокойтесь, голубушка моя, сталъ я ее по головкѣ гла-

Digitized by Google

дить... Вотъ вы опять распахнулись вся... простудитесь еще, Боже сохрани... Эхъ, да успокойтесь же... Вѣдь я тоже мужчина—не каменный истуканъ.

— А... „мужчина!“

Шарипъ въ эту минуту сунулся со стаканами чая на подносикѣ... чай то поставилъ на столъ наскоро, самъ отвернулся и назадъ ушелъ, дверь притворилъ.

Удивительныя право существа — эти женщины!

Только-что эта Нина Леонтьевна стала успокаиваться... новая неожиданность;—за дверью голосъ доктора.

— Жена у васъ?

Спрашиваю я у докторши.

— Пустить?

— Что вы?.. Ради Бога... Онъ меня убьетъ.

— При мнѣ не посмѣетъ... Я его въ первой комнатѣ приму.

Я Отворилъ.

— Жена у васъ! не отпирайтесь!.. Мнѣ сказали, что она сюда побѣжала—я шелъ по ея слѣдамъ... Жена у васъ,—и извольте мнѣ ее немедленно выдать.

Докторъ проговорилъ это все тономъ, не терпящимъ никакихъ возраженій, и съ рѣшительнымъ видомъ взялъ стулъ и сѣлъ посреди комнаты.

Хотѣлъ было отвѣтить ему на его тонъ какъ слѣдуетъ, да взглянулъ на эту печальную фигуру,—даже жалко стало. Полуодѣтый, въ рукахъ одинъ кобуръ отъ револьвера, въ туфляхъ, безъ шапки, на щекахъ такъ и горятъ чахоточныя пятна, глаза какъ уголья, а ротъ широко открываетъ,—воздуху ему все мало, духъ перевести.

— Успокойтесь—снова началъ я теперь уже супругу.

Докторъ увидѣлъ стаканъ съ чаемъ, жадно схватилъ его и принялся пить большими глотками—я тотчасъ же пододвинулъ другой, да кстати и тарелку съ виноградомъ, оставшимся отъ ужина.

— Благодарю, благодарю... Я такъ страдаю—такъ страдаю!.. Нина, Нина! Слышишь-ли ты меня?.. Я такъ страдаю... Сжалься ты надо мною... Вѣдь мнѣ жить уже немного осталось...

— А драться умѣешь, а изъ пистолета убить грозишься... послышался за ковромъ голосъ Нины Леонтьевны..

— Ты здѣсь?..

Это былъ крикъ и болѣзненный, и радостный вмѣстѣ съ тѣмъ. Докторъ рванулся съ своей мѣста и упалъ къ ногамъ показавшейся въ дверяхъ своей супруги.

Digitized by Google

— Ну, думаю, слава Богу! кажется все сейчасъ уладится, супруги помирятся и меня въ покоѣ оставятъ.

Распорядился даже, чтобы поскорѣе запрягли арбу крытую и коверъ постлали, чтобы отвезти ихъ домой... заупрямилась моя Нина Леонтьевна: не поѣду да и только!

— Послѣ всего, что случилось, говоритъ, вы, милостивый государь, меня больше не увидите.—Вашъ Бобковъ—подлецъ, наклеветалъ за то, что я его ухаживанія отвергла, а вы повѣрили и позволили себѣ такъ гнусно оскорбить жену свою, данную вамъ самимъ Богомъ!.. Прочь съ моихъ глазъ, презрѣнный!..

— Ниночка, я виноватъ... я глубоко виноватъ—и скорблю... Вотъ передъ нимъ, передъ этимъ благороднымъ человѣкомъ, я даю тебѣ клятву... Нина, ангелъ мой, мои дни сочтены... Я вѣдь самъ докторъ—я понимаю...

— Вы мнѣ уже четыре года говорите, что дни ваши сочтены... Вы все меня обманываете.

— Нина—это жестоко!

— Нина Леонтьевна, вмѣшался и я—какъ я ни уважаю васъ, а нахожу, что это уже слишкомъ... Это можетъ лишить васъ моего покровительства.

— И вы, и вы... Ахъ вы этакій неблагодарный!

— Нина Леонтьевна, я очень цѣню, я вполнѣ доволенъ... Я даже могу сказать...

Я, можетъ быть, наговорилъ бы еще бо́льшихъ глупостей, такъ меня выбилъ изъ сѣдла укоръ въ неблагодарности,—но докторша быстро измѣнила свое рѣшеніе: она слышала мое распоряженіе объ арбѣ и, обратясь къ входящему Шарипу, спросила:

— Готово?

— Есть!

— Ну, собирайся, ты, чучело! Я вотъ халатъ беру съ собою, прощайте!.. И пожалуйста, чтобы объ этомъ завтра болтать поменьше... До свиданья!

Докторъ хотѣлъ было предложить ей руку, но она толкнула его впередъ, обернулась ко мнѣ, послала черезъ плечо воздушный поцѣлуй и скрылась въ темнотѣ южной, хотя и осенней, но еще довольно теплой ночи.

Лошадь заржала, заскрипѣло колесо арбы, лучъ свѣта изъ распахнутой настежь двери скользнулъ на мгновеніе по гребню ея верха... Уѣхали примиренные супруги...

— Нѣтъ, подумалъ я, сюда женъ выписывать изъ Россіи пока рановато...

Digitized by Google

Конечно, я самъ не проболтался, за молчаливость и скромность моихъ джигитовъ я могу поручиться смѣло, но тѣмъ не менѣе, на другой же день, ночной скандалъ сталъ темою общихъ разговоровъ. Враги всѣ немилосердно говорили, что докторъ вызвалъ меня и Годдай-Агаллыка на дуэль,—что полковникъ пишетъ въ Ташкентъ секретное донесеніе... То-есть, такихъ глупостей наговорили, что нашъ начальникъ дѣйствительно долженъ былъ вызвать меня для личныхъ объясненій.

Надѣлъ форменный китель съ орденами, пристягнулъ саблю, являюсь.

— Садитесь, говоритъ полковникъ, довольно суховато.

Сѣли.

— До меня дошли слухи, что, какъ въ лагерѣ, такъ ровно и въ городѣ, это еще важнѣе—спокойствіе нарушено, потрудитесь не перебивать,—на базарѣ волненіе и представителей нашей власти, положимъ—туземныхъ представителей, безнаказанно оскорбляютъ... Кромѣ того нравственный принципъ, первое основаніе дисциплины,—поколебленъ... Вамъ все это извѣстно болѣе чѣмъ кому-либо другому, и потому сообщите подробно и обстоятельно все, что вы знаете по этому скандальному дѣлу.

— По какому? осмѣлюсь спросить.

— Какъ, по какому?.. Я говорю, что тамъ такое натворилъ ваше протеже, вашъ хваленый сборщикъ податей?

— До сихъ поръ онъ очень аккуратно и вполнѣ добросовѣстно исполняетъ возложенныя на него обязанности: по послѣдней ревизіи, всего мѣсяцъ тому назадъ, всѣ сборы приведены въ точность, цифры вѣрны и соотвѣтствуютъ оправдательнымъ документамъ, и жалобы отъ населенія, на неправильность поборовъ, ни откуда не поступало.

— Это все прекрасно,—я не объ этомъ и спрашиваю васъ... Что тамъ у него съ этого докторшею случилось? что за скандалъ?

— Ну, это его дѣло и дѣло докторши, а ко мнѣ вовсе неотносится... И повѣрьте, господинъ полковникъ, вопросъ такой я могу, какъ офицеръ, счесть для себя даже оскорбительнымъ.

— Ну вотъ вы и обидѣлись... эхъ какой вы! Конечно, я понимаю,—но какъ же намъ быть—вѣдь нельзя же серіозно допускать, чтобы какой-нибудь туземецъ посягалъ на обладаніе русскою женщиною, скажу болѣе, русскою дамою и женой, хотя и доктора, но по чину все-таки штабъ-офицера.—Вѣдь это, согласитесь сами, нѣкоторый подрывъ авторитета власти... Это можетъ повести къ такой политической ошибкѣ,—вліять вредно

Digitized by Google

на ходъ и развитіе русскаго принципа въ земляхъ, вновь завоеванныхъ и, замѣтьте, завоеванныхъ пóтомъ и кровью русскаго солдата, этою святою сѣрою шинелью, какъ выражается нашъ знаменитый полководецъ,—а я этого сяркера намѣренъ смѣнить и выслать изъ края.

— Простите великодушно, полковникъ, вы придаете данному, чисто частному, эпизоду, совсѣмъ неподобающее ему значеніе. Вотъ если вы дѣйствительно приведете въ исполненіе свое намѣреніе лишить должности и выслать неповинное лицо, честно исполняющее относительно насъ свой долгъ, да еще безо всякаго суда,—это дѣйствительно можетъ подорвать довѣріе къ справедливости русской власти... а на счетъ амурныхъ, такъ сказать, дѣлъ,—при чемъ тутъ политика? не понимаю.

— Да я и самъ не понимаю—однако надо же что-нибудь сдѣлать, надо же помочь нашему бѣдному Карлу Богдановичу,—онъ человѣкъ больной—и, наконецъ, право же жалко и обидно—такая милая, красивая, образованная дама - достается какому-то чумазому дикарю... это ни на что не похоже. Наши офицеры прямо-таки оскорблены... Я право ничего не желаю худого—этому почтенному, вашему пріятелю,—но вы все-таки поговорите съ нимъ, постарайтесь его убѣдить... Наконецъ, нельзя-ли его услать куда-нибудь подальше, на время, дать очень почетное порученіе, а я возьму на себя трудъ лично воздѣйствовать на нашу милую шалунью... Она вѣдь сердцемъ такая добрая, неиспорченная,—душа у нея, какъ я замѣтилъ, дѣтски-чиста и невинна. Ну, знаете, молодость, болѣзненность мужа, особенныя свойства южнаго климата... Я берусь съ нею поговорить и почти ручаюсь за успѣхъ, а вы обуздайте пока Годдая-Агаллыка... Какъ-никакъ, но этотъ скандалъ надо прекратить неотлагательно... такъ! Я вполнѣ-вполнѣ увѣренъ въ вашемъ содѣйствіи... Вы завтракали?

— Нѣтъ еще!

— И прекрасно!.. Раздѣлите со мною мою простую, солдатскую хлѣбъ-соль. А этого Бобкова я все-таки велѣлъ посадить на три дня подъ арестъ. Не дѣло офицера подсматривать въ окна и послѣ звонить по лагерю... нехорошо!

— Вотъ съ этимъ я вполнѣ согласенъ.

— Не правда-ли?..

Позавтракали мы съ полковникомъ и рѣшили дѣйствовать.

Годдай-Агаллыкъ, слава Аллаху, проспалъ у меня въ конюшнѣ очень крѣпко и не подозрѣвалъ ничего, что произошло въ эту

Digitized by Google

роковую ночь.—По моему совѣту, онъ скоро устроилъ полное примиреніе со своимъ многочисленнымъ семействомъ и даже готовился къ новому празднеству, по случаю примиренія съ самимъ грознымъ Каззы. Онъ только сомнѣвался, удобно-ли теперь приглашать также и доктора съ его супругой, и можно-ли будетъ обойти ихъ приглашеніемъ, чтобы они не обидѣлись... Вопросъ этотъ, конечно, былъ весьма щекотливый. Годдай за разрѣшеніемъ своего сомнѣнія обратился опять-таки ко мнѣ, и я могъ посовѣтовать ему лишь одно:—не торопиться праздникомъ и отложить его на болѣе или менѣе неопредѣленное время. Отправилъ Годдая, пожелавъ ему еще разъ очнуться и стряхнуть съ себя безпокойныя чары чужеземной волшебницы, а самъ пошелъ въ лагерь; только поровнялся съ докторскою квартирой,—сама меня изъ окна окликаетъ.

— Зайдите!

Зашелъ.

— Мужа дома нѣтъ.—А позвольте васъ спросить: — это вы на меня полковника натравили?..

— Это еще что такое, дорогая Нина Леонтьевна, я даже васъ не понимаю.

— Да какже, говоритъ—онъ началъ даже съ того, что будто по соглашенію съ вами, онъ это очень замысловато началъ... Говорилъ о разности рассъ и возможности роковыхъ послѣдствій... Много говорилъ...

— Краснорѣчиво значитъ убѣждалъ?..

— Да какъ убѣждалъ, руки цѣловалъ, потомъ на колѣна сталъ... Я испугалась, покосилась на окно, а онъ говоритъ: не безпокойтесь, я Бобкова подъ арестъ запряталъ... Сколько ему лѣтъ?

— Кому? Бобкову?

— Да нѣтъ, полковнику.

— Лѣтъ за пятьдесятъ, порядочно даже это *за*...

— Я такъ и рѣшила... А право онъ мнѣ сначала казался гораздо моложе съ вида, этакъ лѣтъ тридцать пять, не болѣе...

— Ну, какъ же, спрашиваю, вы покончили ваше объясненіе?

Нина Леонтьевна расхохоталась.

— Да такъ ничѣмъ и не окончили... Такъ на одномъ предисловіи и остановились. Полковникъ выразилъ мнѣ, что онъ все-таки надѣется.

— Такъ... Эхъ, дорогая моя барынька, и зачѣмъ это васъ принесло къ намъ, на передовую позицію!?.. Только мирный нашъ монастырь потревожили...

Digitized by Google

— А вы развѣ недовольны?

— Я? Нѣтъ, отчего-же... конечно, одни боевые лавры, безъ розъ—прѣсноваты, да шипы-то у этихъ розъ больно колючіе... Бѣды вы здѣсь какъ бы не натворили... Другъ Годдай совсѣмъ у меня съ ума сходитъ, а человѣкъ былъ солидный, и намъ очень нужный. Скажите откровенно, вы вѣдь сами на эту откровенность назвались—и не ошиблись, я человѣкъ вѣрный и отъ души вамъ желаю всякаго добра и счастья. — Такъ вотъ и извольте говорить прямо, на чистоту: изволили вы шалить только съ прирученнымъ джулбарсомъ или дѣйствительно чувствуете къ нему серіозное влеченіе?..

Задумалась Нина Леонтьевна, замолчала, а я ей опомниться не даю, продолжаю:

— Правду говорите, потому мнѣ сяркера жалко, и я его отъ вашихъ шалостей защитить съумѣю и въ обиду не дамъ... Онъ хоть, по-вашему и азіятъ, небезъинтересный, а по-моему—человѣкъ съ душою и сердцемъ, человѣкъ, что и межъ нами русскими, днемъ съ огнемъ поискать... Ну-съ, извольте исповѣдываться!

— Вы куда шли? оборвала меня Нина Леонтьевна.

— Шелъ по дѣлу въ походную канцелярію.

— Такъ и идите своею дорогой... До свиданія!. Знаю я вашу дружбу къ бѣдному Годдаю, съ тѣхъ поръ, какъ прибѣгала къ вамъ за помощью...

Почесалъ я затылокъ и тутъ только замѣтилъ, что сидѣлъ я у докторши, не снимая съ головы шапки, извинился, задѣлъ за коверъ шпорою и направился къ выходу.

— Назадъ пойдете, обѣдать къ намъ, слышите?! крикнула въ слѣдъ докторша.

— Слушаю съ!

Разговаривай послѣ этого серіозно съ барынями!

Покончивъ дѣла, часу во второмъ,—у насъ вѣдь не по аристократическому, встаютъ въ шесть утра, завтракаютъ въ восемь, сейчасъ-же послѣ утренняго ученья, а обѣдаютъ въ два,—захожу къ докторшѣ. Тамъ кое-кто собрались: Мюндельбергъ, два казачьихъ офицера, Шеломовъ и Подпругинъ, и пріѣзжій изъ Ташкента интендантскій чиновникъ. Минутъ чрезъ десять пришелъ и самъ докторъ подъ руку съ полковникомъ. Оказалось—хозяйскія именины, по нѣмецкому календарю.

Сѣли обѣдать. Нина Леонтьевна веселая, любезная, нарядная, ну просто бабочки такія бываютъ только, пестрокрылыя.

Digitized by Google

Полковничій деньщикъ въ штатскомъ платьѣ при бѣлыхъ перчаткахъ блюда разноситъ. Парадъ полнѣйшій, одно слово!

Только ѣсть стали, вдругъ... трумъ-трумъ-бумъ!.. Музыка батальонная неожиданно на дворѣ заиграла, —Бобковъ съ гауптвахты распорядился.

Хозяйка пристала къ начальству: „выпустите, да выпустите".

— Если вы сами просите... любезно чокнулся стаканомъ полковникъ,—противорѣчить не смѣю. Освободить!..

Послали деньщика съ запискою... Очень весело было за обѣдомъ, а сидѣлъ я рядомъ съ Ниною Леонтьевною, сама усадила; полковникъ съ другой стороны, докторъ напротивъ. Мюндельбергъ карандашомъ все что-то писалъ на лѣвомъ рукавѣ крахмальной рубашки,—напишетъ, губами пошепчетъ что-то и опять за карандашъ...

— Это онъ экспромтъ сочиняетъ, вслухъ догадался интендантскій чиновникъ.

— И не думаю вовсе, отозвался артиллеристъ.

Бобковъ влетѣлъ, какъ ураганъ и прямо къ хозяйкиной ручкѣ, потомъ почтительно раскланялся съ полковникомъ и проговорилъ:

— Мерси-съ.

— Не меня.—Вотъ кого извольте благодарить... Садитесь!..

Дѣйствительно-ли такъ хороша собою была Нина Леонтьевна или это намъ только казалось на безбабьѣ, но ея роскошная фигура—положительно электризовала все общество. Вѣдь вотъ теперь, много лѣтъ спустя, припоминаю.—Да, довольно недурненькая, полненькая блондинка, какихъ у насъ въ Россіи—сколько угодно, особенно въ Петербургѣ, изъ Нѣмокъ; волосы, правда, изумительные, да и сама-то, собственно говоря, не первой молодости, а вѣдь поди же ты—фея сіяющая—сверкала межъ нами, явленіе волшебное изъ міра заоблачнаго! Помани глазкомъ, пальчикомъ кивни,—въ огонь и въ воду, къ чорту на рога полѣзешь, не задумавшись... Или же, дѣйствительно, какъ говорилъ полковникъ, свойства такія у здѣшняго климата...

Даже Нина Леонтьевна подъ конецъ конфузиться начала, замѣтя какъ ее словно бичами хлещутъ со всѣхъ сторонъ нескромные взоры...

Подали шампанское. Полковникъ предложилъ первый тостъ:—здоровье генералъ-губернатора.—Выпили, крикнули ура! музыка проиграла походный маршъ нашего баталіона.—Второй тостъ провозгласилъ казачій есаулъ Подпругинъ:—здоровье именин-

Digitized by Google

ника, гостепріимнаго хозяина дома сего—ура! Покричали, музыка отбарабанила тушъ.—Третій тостъ, всѣ разомъ поднялись за хозяйку... Пошелъ дымъ коромысломъ, стулья отлетали въ сторону, кто-то посуду разбилъ, Бобковъ кричитъ: качать!.. Насилу мы съ полковникомъ отбили хозяйку, а то-бы летать ей къ потолку, по лагерному обычаю.

Поднялся Мюндельбергъ и крикнулъ, почему-то,—по-нѣмецки, должно быть!

— Силенсіумъ!..

— Что такое?..

— Позвольте мнѣ, торжественно заговорилъ артиллеристъ—при семъ удобномъ случаѣ мнѣ пришелъ въ голову стихотворный экспромтъ...

— Позволяемъ! кивнулъ головою полковникъ...

Мюндельбергъ откашлялся, посмотрѣлъ еще разъ на лѣвый обшлагъ... Онъ это очень ловко сдѣлалъ, будто-бы пенснэ золотое на носу поправилъ и началъ:

„Явились вы въ нашъ лагерь боевой
„И поразили всѣхъ своею красотой...
„О, для чего вы къ намъ явились?..
„Безъ васъ мы скромно всѣ постились...
„Теперь же безъ ума влюбились...
„Въ карьеръ несемся къ вамъ мечтой...

— Спи ангелъ мой—спи, Богъ съ тобой! вставилъ отъ себя Бобковъ.

Мюндельбергъ разсердился, окинулъ строгимъ, холоднымъ взглядомъ адъютэнта и отчетливо произнесъ:

— Это неприлично.

Ну, тутъ поднялся такой взрывъ восторговъ по адресу хозяйки дома, что она вскочила и выбѣжала въ другую комнату.

— Господа! началъ было укоризненно докторъ, но ему помѣшалъ совершенно охмелѣвшій интендантскій чиновникъ, бросившись ему на шею и зарыдавъ во все горло...

— Ты мнѣ другъ... выпьемъ на ты...

Бобковъ принялся сливать всѣ остатки вина въ суповую чашку, обѣщая сдѣлать удивительную жженку, полковникъ покачнувшись, сунулся было за внезапно исчезнувшею Ниной Леонтьевной, но дверь оказалась запертою на крючекъ...

Я тихонько отыскалъ свою фуражку и, не прощаясь, вышелъ на воздухъ. И вдругъ почему-то—мнѣ стало жалко нашу краса-

Digitized by Google

вицу, да какъ жалко... Если бы я встрѣтилъ ее сію минуту, я бы бросился къ ея ногамъ, я бы умолилъ ее уѣхать отсюда, я бы можетъ быть и большихъ глупостей надѣлалъ, если бы не почувствовалъ, что моя собственная голова закружилась отъ излишне выпитой безобразной смѣси плохаго маркитанскаго вина, и—что мнѣ пора домой.

Только на другой день я узналъ, какъ кончился пиръ у нѣмецкаго именинника:

Интендантъ напился до того, что его должны были уложить какъ тюкъ въ его же собственный тарантасъ, полковника на рукахъ, съ музыкой впереди, отнесли на квартиру, Мюндельбергъ вызвалъ на дуэль Бобкова, а Бобковъ Мюндельберга, потомъ за импровизированною жженкой помирились и вдвоемъ уже написали такой мадригалъ въ честь хозяйки, что проспавшись не могли разобрать ни слова. Шеломовъ съ Подпругинымъ, войдя въ воинственный ражъ, подняли казачью сотню и произвели залихватское ученье, во время котораго есаулъ, свалившись съ лошадью вмѣстѣ, вывихнулъ себѣ колѣно, докторъ серіозно заболѣлъ и слегъ въ постель, а Нина Леонтьевна почему-то плакала всю ночь и писала какое то длинное предлинное письмо. Это уже изъ собранія свѣдѣній моего любопытнаго Шарипа, сведшаго особенную дружбу съ докторскимъ деньщикомъ, тоже татариномъ.

О, Боже мой! до чего можетъ довести подавляющая скука боеваго лагеря въ мирное время! Хотя бы въ походъ выступать скорѣе!

Утромъ я уѣхалъ по дѣламъ въ Пеншанби, довольно далеко отсюда, провелъ тамъ сутокъ трое; Голдая не видалъ, вернулся домой, а черезъ полчаса пришелъ съ базара мальчишка сартенокъ и подалъ мнѣ письмо.

— Отъ кого бы? думаю. Почеркъ твердый на конвертѣ, а все таки похожій на женскій—распечатываю, смотрю на подпись:—„Нина Блюмъ“—сталъ читать:

„Вы вызвали меня на откровенность,—извольте, я буду вполнѣ откровенна съ вами. Я знаю, что вы искренній другъ Голдая и принимаете въ немъ теплое участіе. Наши считаютъ туземцевъ чѣмъ-то низшимъ, вы же относитесь къ нимъ иначе, особенно къ вашему избранному пріятелю. Вы спрашивали меня—шалю-ли я только сердцемъ Голдая, — или отношусь къ нему съ болѣе серіозными чувствами... Да, сначала я только шалила—онъ мнѣ понравился,—и даже очень. Вѣдь, не правда ли, что онъ очень

Digitized by Google

красивъ. Вѣдь не назовете же вы мой выборъ неудачнымъ?.. Да?.. Я вѣтрена, я невѣрна своему мужу, я позволяю себѣ выходки, недостойныя порядочной женщины, а кто же меня втянулъ въ эту жизнь, кто поощрялъ на каждомъ шагу мои,—скажу совершенно откровенно,—чисто скотскіе порывы? Кто?.....

„Предоставляю вамъ самимъ отвѣтить на эти вопросы, а сама перехожу къ дѣлу: я мужа не любила и любить не могу. Я никого, даже изъ тѣхъ, кто обладалъ мною, не любила также. Насъ такъ мало, русскихъ женщинъ, въ этомъ краѣ, вѣдь туземные гаремы для васъ недоступны, и каждая изъ насъ, появившись въ вашемъ кругу, дѣлается по-неволѣ центромъ всѣхъ вашихъ гнусныхъ вожделѣній. Вы всѣ только желали обладать не мною, а моимъ тѣломъ, вы всѣ клялись мнѣ въ любви, вымаливали каждую ласку у моихъ ногъ, даже на смерть дрались изъ-за меня, но не одинъ изъ васъ меня не любилъ. Временный обладатель забывалъ обо мнѣ до новаго прилива животной страсти, отверженный обливалъ меня помоями и грязью.—Я была то предметомъ обожанія для другихъ, то предметомъ всевозможныхъ оскорбительныхъ сплетенъ и насмѣшекъ, но стоило мнѣ только ласково улыбнуться оскорбителю, онъ—превращался немедленно въ обожателя, и наоборотъ.

„Васъ было много,—я одна. Право и возможность выбора были на моей сторонѣ,—я и выбирала, не стѣсняясь. То-есть, я дѣлала все то, что вы сами дѣлали тамъ, гдѣ женщинъ было болѣе. Но, я повторяю, ко мнѣ относились съ презрѣніемъ, прикрытымъ, впрочемъ, лестью и грубыми похвалами; я же, не прикрываясь, въ душѣ и на дѣлѣ, презирала васъ всѣхъ и, какъ вы замѣтили, никогда не льстила. Только тамъ, гдѣ вы разражались непристойною бранью—непремѣнно заглазною, я платила вамъ нисколько не скрываемыми насмѣшками... А вы вѣдь всѣ думали:—„какая, молъ, веселая барынька“!.:

„У васъ я познакомилась съ Годдасмъ! Онъ остановилъ мое вниманіе своею внѣшнею красотой.. Чудный экземпляръ самца! Я намѣтила его. — Почему же нѣтъ... это такъ ново и оригинально. Годдай тоже заинтересовался мною. Онъ, я думала, какъ и вы, смотритъ на эту бѣлую, сильно оголенную русскую женщину—тоже животными глазами... Вы помните, какъ я поощряла это чувство, разжигая эту дикую страсть. Я сама даже немного увлекалась такимъ же далеко нечистымъ, отвлеченнымъ чувствомъ... Вы знаете, что было при первомъ нашемъ свиданіи, глазъ-на-глазъ?.. Нѣтъ, вы не знаете. Въ отдаленномъ саду,

Digitized by Google

далеко за городомъ, гдѣ никто, никакой Бобковъ, не могъ бы подглядѣть,—я была у Годдая въ рукахъ... Онъ несъ меня, какъ ребенка,—онъ, мощный мужчина, имѣлъ полную возможность обладать мною... Но я сдѣлала опытъ... довольно было одного моего взгляда... ни слова, ни мольбы,—одного только взгляда, и разъяренный, ослѣпленный страстью тигръ мгновенно сталъ человѣкомъ... я благословила небо за такой опытъ.. я почувствовала въ это мгновеніе нѣчто новое, отрадное, поднявшее меня, падшую въ моихъ собственныхъ глазахъ... Этотъ человѣкъ меня уважалъ—инстинктивно или сознательно,—но ему дорого было то, что творилось въ моей душѣ... Вы не дикіе,—европейцы, способны-ли были бы на этотъ подвигъ?.. Вы не можете видѣть тѣхъ несчастныхъ созданій, что какъ звѣрки, заперты въ гаремѣ Годдая—я ихъ видѣла... знаете ли вы, что тамъ есть двѣ женщины,—такія замѣчательныя красавицы, такія молодыя, что я, износившаяся кокетка,—не стою ихъ мизинца... Развѣ я злилась бы и ругала ихъ, если бы дѣйствительно встрѣтила бы тамъ „чумазыхъ обезьянъ“... Если вы тогда повѣрили мнѣ—вы значитъ, совсѣмъ не знаете женщинъ... Сплетня Бобкова ложь. Годдай до вчерашней ночи не былъ моимъ любовникомъ. Этотъ проклятый обѣдъ, эта пьяная оргія, это постыдное мое положеніе между вами сдѣлали меня любовницей Годдая—я этого потребовала отъ него сама. Я молила его: возьми меня, запри подъ замокъ... дѣлай что хочешь, только избавь, вырви меня изъ нашей позорной свободы... И Годдай понималъ меня... онъ ласкалъ меня и плакалъ вмѣстѣ со мною... Онъ говорилъ мнѣ то, чего я никогда, никогда въ жизни ни отъ кого не слыхала... Простите, я увлеклась, я написала много лишняго, но мнѣ жалко зачеркивать написанное... Теперь къ дѣлу. Выручайте меня, выручайте насъ какъ умѣете. Я поѣхала къ сяркеру ночью, мой мужъ въ безпамятствѣ и бреду, около него фельдшеръ, я одѣлась въ платье джигита, Шарипъ мнѣ далъ—и проводилъ въ городъ, Годдай былъ дома и меня ждалъ... Насъ застала эта мегера-Ассаль и подняла на ноги весь женскій дворъ. Я елва спаслась... Я должна видаться съ сяркеромъ—непремѣнно, это можно удобно только у васъ. Мы рѣшили такъ это пока, потому что мой тигръ-человѣкъ, хочетъ непремѣнно посовѣтоваться съ вами.—Онъ очень богатъ, онъ все продаетъ, превратитъ все въ деньги, отпуститъ женъ, просто броситъ ихъ, обезпечивъ вполнѣ ихъ существованіе, и мы уѣдемъ далеко, далеко, гдѣ, конечно, будемъ вполнѣ

Digitized by Google

счастливы... Помогите же намъ все это устроить... Пришлите отвѣтъ, по возможности скорѣе.

Нина Блюмъ".

Подумалъ я надъ этимъ письмомъ, заговорило женское сердце,— униженное, оскорбленное, озаренное новою, свѣтлою, чистою любовью... такъ и бьетъ живымъ ключемъ живое, горячее слово—и сила въ немъ, и правда слышится... Заговорилъ практическій разсудокъ: что за бабья чепуха выходитъ!

„Продаемъ, разрушаемъ все, сжигаемъ корабли и летимъ, два голубка, искать какую-то Аркадію..."

А помочь надо. Вотъ въ эту-то минуту и надо показать себя истиннымъ другомъ, да кстати загладить и свою невольную провинность.

Рѣшилъ завтра же свести влюбленныхъ у себя, принявъ всѣ мѣры предосторожности, и тутъ обсудить всѣ дѣла, разумно, правильно и пристойно.

Но, увы! Въ ту же ночь случилось событіе, разрушившее разомъ всѣ наши планы.

Передъ самымъ разсвѣтомъ, въ слободкѣ, подъ лагеремъ, поднялась тревога. Шарипъ влетѣлъ какъ бомба ко мнѣ въ комнату съ крикомъ:

— Тюра! у доктора въ домѣ большая бѣда случилась.

Одѣлся я наскоро, побѣжалъ; что уже тутъ, думаю, разспрашивать, самъ на мѣстѣ узнаю въ чемъ дѣло. Прибѣгаю, а на докторскомъ дворѣ уже большая толпа собралась, въ дверяхъ даже протискаться невозможно.

— Что́ такое?

— Да докторшу веревкою удавили... женщину одну поймали, старуху—она и удавила, вотъ въ углѣ ея связанную держатъ, гдѣ казакъ стоитъ съ шашкою.

— Умерла?

— Давно уже! Вся закоченѣла!

. . . . . .

Н. Каразинъ.

Digitized by Google

КНЯЗЬ АДАМЪ ЧАРТОРЫЙСКІЙ.[1]

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По распоряженію графа И. Д. Делянова, предпринято на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія изданіе историческихъ документовъ, хранящихся въ богатѣйшемъ, но, къ сожалѣнію, не довольно извѣстномъ нашимъ ученымъ министерскомъ архивѣ. Это изданіе открываетъ возможность приступить къ обстоятельнымъ изслѣдованіямъ по исторіи просвѣщенія въ Россіи со времени основанія Екатериной Великою въ 1782 году „Коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ".

Первый томъ изданія, подъ заглавіемъ: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи", напечатанъ въ 1893 году. Въ него вошли матеріалы для исторіи просвѣщенія въ западныхъ губерніяхъ, образованныхъ изъ древнихъ русскихъ и литовскихъ областей, присоединенныхъ къ Россіи въ 1772, 1793 и 1795 годахъ.

При раздѣленіи въ 1803 году Россіи на шесть учебныхъ округовъ всѣ эти губерніи вошли въ составъ Виленскаго учебнаго округа, попечителемъ котораго былъ назначенъ князь Адамъ Чарторыйскій.

Второй томъ изданія появится въ настоящемъ 1896 году и будетъ заключать матеріалы Виленскаго учебнаго округа за первые два года его существованія.

Настоящая статья войдетъ предисловіемъ ко второму тому.

---

[1] Напечатаніемъ интереснѣйшей статьи высокоуважаемаго И. П. Корнилова мы надѣемся доставить просвѣщеннымъ читателямъ нашимъ истинное удовольствіе и немалое удовлетвореніе русскому общественному мнѣнію. Статья эта значительно увеличиваетъ массу документальныхъ историческихъ свидѣтельствъ, неопровержимо доказывающихъ, что западныя окраины наши съ глубокой древности были русскими, и что сама русская печать, за единичными исключеніями, въ прошлыхъ шестидесятыхъ годахъ, поддавшись ловкимъ инсинуаціямъ польской интриги, ошибочно навизывала государственной политикѣ графа М. Н. Муравьева въ должности виленскаго генералъ-губернатора предательски-лживый терминъ *обрусеніе*. Историческій русскій дѣятель такого осмотрительнаго и предусмотрительнаго государственнаго разумѣнія, какимъ безспорно владѣлъ графъ М. Н. Муравьевъ, ставилъ передъ собою не *обрусеніе*, но истинно-

Digitized by Google

Отъ устъ твоихъ сужду ти.
Евангеліе отъ Луки, гл. 19, ст. 22.

Знаменитый польскій политическій дѣятель, князь Адамъ Чарторыйскій, всю свою долгую жизнь неуклонно служившій такъ-называемой Ягеллоновской идеѣ возстановленія Польши въ предѣлахъ 1772 года, умѣлъ овладѣть впечатлительною и увлекающеюся душой юнаго императора Александра I и сдѣлался, особенно въ первую половину его царствованія, ближайшимъ къ нему довѣреннымъ лицомъ и совѣтникомъ,—онъ, можно сказать,—былъ такимъ же близкимъ къ государю лицомъ, какимъ въ концѣ царствованія былъ графъ Аракчеевъ. При учрежденіи въ сентябрѣ 1802 года министерствъ и раздѣленіи въ январѣ 1803 года Россіи на шесть учебныхъ округовъ, князь Адамъ Чарторыйскій былъ назначенъ товарищемъ министра Иностранныхъ Дѣлъ и попечителемъ Виленскаго учебнаго округа,[1] заключавшаго тогда въ своихъ границахъ всѣ коренныя Русско-Литовскія области, захваченныя въ XVI вѣкѣ Польшей и при Екатеринѣ II освобожденныя и возвращенныя Россіи. Въ 1804 году канцлеръ графъ Воронцовъ оставилъ по болѣзни управленіе Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, и завѣдываніе этимъ Министерствомъ было ввѣрено его товарищу, князю Чарторыйскому. Двѣ важнѣйшія государственныя должности, на него возложенныя, и чрезвычайное довѣріе государя открыли ему широкій просторъ и возможность служить въ званіи первостепеннаго русскаго сановника польской политической идеѣ.

Чтобы выяснить характеръ и направленіе, данное княземъ Чарторыйскимъ общественному воспитанію и преподаванію въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа, необходимо ознакомиться съ нравственными качествами и политическими убѣжденіями Чарторыйскаго и его главныхъ сотрудниковъ, кото-

---

великую задачу *расположенія* издревле-русскаго края. Эта задача и по сей часъ не перестала, да и никогда не перестанетъ, входить въ составъ основныхъ историческихъ завѣтовъ русскаго національнаго самосознанія и государственныхъ стремленій русскаго правительства. *Ред.*

[1] Князь Чарторыйскій былъ назначенъ попечителемъ Виленскаго округа 24 января 1803 г. и управлялъ имъ болѣе 21 года. 5 апрѣля 1824 г., по настоятельной его просьбѣ, онъ получилъ увольненіе отъ должности. Опредѣленный на его мѣсто графъ Иванъ Степановичъ Лаваль, французскій эмигрантъ, до вступленія въ должность получилъ отпускъ и отправился въ Парижъ. Въ его отсутствіе, министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Александръ Семеновичъ Шишковъ, 19 сентября 1824 г., исходатайствовалъ графу Лавалю другое назначеніе, а управленіе Виленскимъ округомъ было тогда же ввѣрено сенатору Николаю Николаевичу Новосильцеву.

Digitized by Google

рыхъ онъ самъ избралъ, одушевлялъ и горячо поддерживалъ. Не менѣе необходимо вникнуть въ духъ и направленіе польскаго населенія Западныхъ губерній. Съ этою цѣлью мы представимъ нѣсколько извлеченій изъ любопытной автобіографіи князя Чарторыйскаго, затѣмъ приведемъ выдержки изъ „Записокъ Іосифа, митрополита Литовскаго", изданныхъ Академіею Наукъ въ 1883 году, и изъ другихъ важнѣйшихъ историческихъ первоисточниковъ.

Скажемъ предварительно нѣсколько словъ о родѣ князей Чарторыйскихъ. [1]

Родоначальникомъ ихъ былъ литовскій князь Киригелло, умершій въ 1390 году. Его потомки исповѣдывали православную вѣру. Князь Георгій, умершій въ 1620 году, первый измѣнилъ православію и перешелъ въ католичество. Вице-канцлеръ Михаилъ и палатинъ Червонной Руси, Августъ-Александръ, умершій въ 1772 году, были сторонниками Россіи и противниками графовъ Потоцкихъ, стоявшихъ во главѣ враждебной Екатеринѣ II партіи. Отецъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, Адама-Георгія, Адамъ-Казиміръ (умершій въ 1823 году), былъ сначала рѣшительнымъ сторонникомъ Россіи и президентомъ сейма, избравшаго въ короли родственника Чарторыйскихъ, Станислава Августа Понятовскаго. Въ 1775 году Адамъ-Казиміръ былъ членомъ Эдукаціонной коммиссіи, а въ 1782 году удалился въ Галицію. Съ 1784 по 1792 годъ онъ выступаетъ дѣятельнымъ руководителемъ враждебнаго Россіи варшавскаго сейма, провозгласившаго конституцію 3 мая 1791 года, а въ 1812 году является маршаломъ варшавскаго сейма, предавшаго судьбу Польши Наполеону I.

А. Извлеченія изъ автобіографіи князя Адама Чарторыйскаго.

Автобіографія любимца Императора Александра I, князя Адама-Георгія Чарторыйскаго, была напечатана первымъ изданіемъ въ 1865 году, въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: „Alexandre I-er et le prince Czartoryski. Correspondance particulière, avec une introduction par Charles de Mazade", одинъ томъ in-8°, XXXV и 368 страницъ. Въ „Русскомъ Архивѣ" 1871 года напечатанъ

[1] Свѣдѣнія о родѣ князей Чарторыйскихъ извлечены изъ статьи: „Czartoryski", помѣщенной въ XIII томѣ „La Grande Encyclopédie. Inventaire raisonné par une société de savants et de gens de lettres, sous la direction de M. M. Berthelot... etc. Paris. H. Lamiraut et c-ie, éditeurs".

Digitized by Google

русскій переводъ IV-й главы этой книги, подъ заглавіемъ: „Императоръ Александръ Павловичъ и князь Адамъ Чарторыйскій". Мы воспользовались этимъ переводомъ и печатаемъ приводимое ниже изъ него извлеченіе. Въ 1887 году появилось въ Парижѣ, въ двухъ большихъ томахъ in-8°, значительно дополненное второе изданіе этой книги, подъ заглавіемъ: „Mémoires du prince Adam Czartoryski et sa correspondance avec l'Empereur Alexandre I-er. Préface de m. Charles de Mazade, de l'Académie Française". Въ первомъ томѣ напечатано предисловіе г. де-Мазада и въ высокой степени любопытныя воспоминанія Адама Чарторыйскаго, а во второмъ томѣ помѣщены письма и дипломатическіе документы. Имѣя въ виду представить не жизнеописаніе князя Чарторыйскаго, а лишь возможно обстоятельную нравственную характеристику его и нѣкоторыхъ его современниковъ, мы ограничимся извлеченіемъ и переводомъ изъ перваго тома „Воспоминаній" только нѣкоторыхъ, особенно характерныхъ и подходящихъ къ нашей цѣли, отрывковъ.

Во второй главѣ своихъ воспоминаній (томъ I, стр. 26—37) князь Чарторыйскій разсказываетъ, что въ 1786 году онъ отправился со своимъ учителемъ исторіи путешествовать по Западной Европѣ и въ томъ же году зимою возвратился домой. Въ 1788 году открылись въ Польшѣ провинціальные сеймики для предварительнаго обсужденія приготовлявшихся государственныхъ преобразованій. 18-ти-лѣтній Адамъ Чарторыйскій былъ избранъ маршаломъ Подольскаго сеймика, а по закрытіи его прибылъ въ Варшаву и принялъ участіе въ великомъ сеймѣ. Въ 1789 году онъ отправился въ Англію и оттуда возвратился на родину въ 1791 году. 3-го мая этого года была провозглашена знаменитая Польская конституція; но въ томъ же году открылась, подъ предсѣдательствомъ графа Браницкаго, Тарговицкая конфедерація, давшая поводъ къ вмѣшательству Екатерины II въ польскія дѣла и ко второму раздѣлу Польши. Въ 1792 году молодой Адамъ Чарторыйскій принималъ участіе въ битвахъ съ русскими войсками и за отличіе въ сраженіи при Полонномъ получилъ награду изъ рукъ короля. Въ 1793 году онъ вторично уѣхалъ въ Англію. Въ 1794 году, узнавъ о возстаніи Костюшки, онъ поспѣшилъ возвратиться домой, но въ Бреславлѣ, по распоряженію австрійскаго правительства, его задержали и не пустили въ Польшу.

Послѣ третьяго раздѣла Польши, имѣнія князя Адама-Казиміра Чарторыйскаго на Волыни и въ Подоліи были, по прика-

Digitized by Google

занію Екатерины II, конфискованы. Австрійскій императоръ Францъ обратился къ Императрицѣ съ ходатайствомъ о прощеніи Адама-Казиміра и о возвращеніи ему его имѣній; но Государыня потребовала прежде всего, чтобы два его сына, Адамъ и Константинъ, прибыли въ Петербургъ и поступили на русскую службу.

Ниже мы приводимъ выдержки изъ девяти главъ воспоминаній князя Чарторыйскаго (отъ третьей до одиннадцатой включительно).

ИЗЪ ГЛАВЫ III.

Стр. 37: 12-го мая 1795 года братъ мой и я прибыли въ Петербургъ.

Чтобы имѣть понятіе о томъ, съ какими чувствами мы прибыли въ Русскую столицу, надо знать, въ какихъ правилахъ мы были воспитаны. Изученіе исторіи и литературы древнеклассической и Польской наполняло годы нашего отрочества. Мы только и думали о Грекахъ и Римлянахъ и о томъ, какъ бы намъ слѣдовать примѣру нашихъ предковъ и увѣковѣчить въ нашемъ отечествѣ старинныя доблести. Что касается свободныхъ учрежденій и народной свободы, то примѣры изъ новѣйшей исторіи Англіи и Франціи служили къ утвержденію и опредѣленію нашихъ взглядовъ, но ни мало не ослабляли нашей восторженности. Любовь къ отечеству, къ его величію и славѣ, къ его свободнымъ учрежденіямъ, была вкоренена въ насъ учебными занятіями и всѣмъ, что мы видѣли и слышали, и что насъ окружало. Замѣтимъ также, что національное чувство, наполнявшее все наше нравственное существо, было соединено съ неистребимымъ отвращеніемъ ко всѣмъ тѣмъ людямъ, которые содѣйствовали гибели страстно любимаго нами отечества. Это двойственное чувство любви и ненависти такъ господствовало во мнѣ, что въ Польшѣ, или гдѣ бы то ни было, я не могъ равнодушно видѣть Русскаго безъ того, чтобы кровь не бросалась въ голову, и чтобы я не блѣднѣлъ или не краснѣлъ, такъ какъ всякій Русскій казался мнѣ виновникомъ бѣдствій моей родины.

Надо было намъ ѣхать въ Петербургъ. Отецъ, въ высшей степени добрый и деликатный, не рѣшался требовать отъ насъ этой жертвы. Но именно его необыкновенная доброта повліяла на насъ сильнѣе всякихъ требованій. Съ гибелью отечества соединялась утрата всего нашего состоянія: могли ли мы оставить родителей въ крайности и въ невозможности уплатить долги своимъ кре-

Digitized by Google

диторамъ? Мы рѣшились принести жертву. Дѣйствительно, ѣхать въ Петербургъ, удалиться отъ кровныхъ, сердечныхъ связей, сдѣлаться добровольными плѣнниками самыхъ ненавистныхъ нашихъ враговъ, палачей нашего народа,—это была величайшая жертва, какую мы рѣшились принести для нашихъ родителей. Надо было намъ преодолѣть свои чувства и убѣжденія, пойти наперекоръ своимъ желаніямъ и проститься со всѣми своими любимыми мечтами.

Стр. 39: Со страстною пылкостью молодаго человѣка, поэта, я изложилъ состояніе моей души въ стихахъ подъ заглавіемъ: „Пѣснь барда", написанныхъ мною въ Гроднѣ. Я отправилъ ихъ къ моему другу Князнину [1]; въ продолженіе многихъ лѣтъ они со слезами читались и перечитывались въ моемъ семействѣ.

Въ декабрѣ 1794 т. мы простились съ родителями, проживавшими тогда въ Вѣнѣ, и отправились въ путь... Въ январѣ 1795 года мы прибыли въ Гродну и явились къ королю Станиславу Августу... Мы часто его навѣщали, были свидѣтелями его печали и слышали упреки, которые онъ дѣлалъ самому себѣ за то, что не умѣлъ ни спасти своего отечества, не умереть, сражаясь за него.

Чувства, которыми мы были въ то время исполнены, навсегда сохранились въ глубинѣ души; но, разумѣется, внѣшнее выраженіе ихъ измѣнялось подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Юношескій пылъ, съ которымъ мы приняли великую жертву, давалъ намъ силу мужественно переносить истинно вомутительное положеніе наше. Но чего не могутъ перенести молодыя силы! Онѣ могутъ одолѣть всякія несчастія и испытанія. Новая жизнь, новыя, непривычныя, тяжкія и горестныя впечатлѣнія, не измѣняя ничего въ душѣ, по крайней мѣрѣ занимали и развлекали насъ.

Мы встрѣтили въ Петербургѣ весьма внимательный и благосклонный пріемъ... Насъ всюду сопровождалъ г. Яковъ Горскій, дружескому попеченію и совѣтамъ котораго ввѣрилъ насъ отецъ.

Стр. 41: Трудно было найти лучшаго для насъ ментора... Онъ умѣлъ руководить молодыми людьми безъ строгости и удерживать насъ отъ ошибокъ, неосторожностей и увлеченій. . . . . Онъ убѣждалъ насъ, чтобы мы пользовались добрымъ къ намъ расположеніемъ и поддерживали сношенія съ людьми, которые

[1] Franciszek Dyjonizy Kniaznin, польскій поэтъ и горячій польскій патріотъ, родился въ Витебскѣ въ 1750 г., умеръ въ 1807 г., (см. „Encyclopedyja Powszechna", томъ XIV, Варшава, 1863, стран. 918),

Digitized by Google

могли содѣйствовать возвращенію намъ нашего состоянія. . . . . Не смотря на то, что въ глубинѣ души онъ не уважалъ людей, съ которыми поддерживалъ знакомство, онъ умѣлъ располагать ихъ въ свою пользу, что̀ ему самому казалось страннымъ и смѣшнымъ. Онъ никогда не терялъ изъ виду цѣли нашего путешествія и пользовался всякимъ случаемъ для достиженія успѣха. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы мы дѣлали визиты и прибѣгали къ пріемамъ, возбуждавшимъ въ насъ отвращеніе. Словомъ, мы много обязаны ему нашими успѣхами....

Стр. 42—43: Эта эпоха нашей жизни была для насъ въ высшей степени важная и рѣшительная. Попавъ въ среду людей, во всѣхъ отношеніяхъ намъ чуждыхъ, мы думали, что всѣ наши юношескіе планы навсегда уничтожены и что насъ ожидаетъ безотрадная будущность, не соотвѣтствующая нашимъ желаніямъ и убѣжденіямъ. Страданія моей родины и моей семьи, торжество неправды, грубой силы и преступленій глубоко меня возмущали. Я сталъ сомнѣваться въ благости Провидѣнія. Вездѣ видѣлъ я противорѣчія, слѣпой случай; мнѣ казалось, что въ мірѣ нѣтъ ничего, заслуживающаго серіознаго вниманія; мною овладѣло полное невѣріе и ледяное равнодушіе ко всему. Впослѣдствіи мнѣ также случалось неоднократно впадать въ порывы отчаянія. Къ счастію, въ тяжкія минуты, когда я во всемъ сомнѣвался и все презиралъ, внутренній голосъ указывалъ мнѣ на добродѣтели и милосердіе, какъ на такія благотворныя силы, въ существованіи которыхъ нельзя сомнѣваться... Къ моему величайшему счастію, самыя раннія дѣтскія проявленія религіозныхъ вѣрованій, хотя утратившія прежнюю силу, еще сохранялись въ моей душѣ.

Стр. 44: Мало-по-малу мы убѣдились, что эти Русскіе, которыхъ мы инстинктивно ненавидѣли и признавали безъ различія существами злыми и кровожадными, отъ которыхъ мы отстранялись, и самая встрѣча съ которыми возбуждала отвращеніе,— такіе же люди, какъ и мы... и что можно иногда питать къ нимъ дружбу и признательность.

Стр. 47: Екатерина II, непосредственная виновница гибели Польши, одно имя которой возбуждало въ насъ отвращеніе и ужасъ, проклинаемая каждымъ Полякомъ,.. съумѣла въ своемъ государствѣ, особенно въ своей столицѣ, пріобрѣсть благоговѣніе и даже любовь своихъ рабовъ и подданныхъ... Нѣтъ сомнѣнія, что при ней имперія Московская пріобрѣла уваженіе иностранныхъ государствъ, и что внутренняго благоустройства было при ней

Digitized by Google

гораздо болѣе, чѣмъ въ царствованія Анны и Елизаветы. Счастливое царствованіе Екатерины утвердило Русскихъ въ раболѣпствѣ, хотя нѣкоторые лучи Европейскаго просвѣщенія стали уже проникать въ ихъ темную среду.

Стр. 53: Мы должны были разъѣзжать, просить, унижаться. Это было оскорбительно и тяжело, но тутъ-то вліяніе Горскаго все превозмогало: онъ не давалъ намъ ни минуты покоя, напоминая, что всякое упущеніе съ нашей стороны можетъ повредить нашимъ родителямъ, что мы находимся здѣсь единственно только для того, чтобы стараться о возвращеніи имъ имущества. Платонъ Зубовъ былъ тогда первымъ любимцемъ, и мы должны были прежде всего явиться къ нему.

Стр. 56—57: Въ числѣ просителей, толпившихся ежедневно, съ 11 час. утра, въ пріемной Платона Зубова, было много Поляковъ, просившихъ о возвращеніи имѣній или о защитѣ противъ несправедливостей.... Тутъ находился, въ числѣ прочихъ, митрополитъ греко-уніатскій Сосновскій, преклонявшій свою почтенную голову, чтобы получить отнятыя у него имѣнія и спасти свою церковь, противъ которой московское правительство воздвигло жестокое гоненіе.... Отвсюду изгоняемый и всѣми пренебрегаемый, онъ получалъ отъ всѣхъ одинъ отвѣтъ: „Повелѣнія Императрицы, справедливыя и несправедливыя, неизмѣнны, а потому всякія ваши жалобы и просьбы напрасны“. . . . .

Стр. 62—63: Ни постоянныя тревоги и хлопоты о возвращеніи состоянія нашимъ родителямъ, ни роскошь и блескъ окружавшаго насъ общества, не ослабляли чувствъ, глубоко коренившихся въ нашихъ сердцахъ. Возвращаясь домой, мы обращались мысленно къ родителямъ, сестрамъ, отечеству.... Насъ особенно мучила мысль, что въ то время, когда мы увлекались балами и другими увеселеніями, рядомъ съ нами достойнѣйшіе наши соотечественники томятся въ заключеніи. Было трудно и опасно справляться объ ихъ положеніи.... Мы узнали однако, что трое: Нѣмцевичъ, Конопка и Килинскій сидѣли въ крѣпости, а Костюшко переведенъ оттуда въ другое помѣщеніе, и что съ ними обращаются съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ.

Стр. 64: Потоцкій, Закржевскій, Мостовскій и Сокольницкій были заключены въ особомъ домѣ на Литейной улицѣ. Помощи оказать имъ мы не могли; зато мы часто проходили или проѣзжали мимо дома въ надеждѣ ихъ увидѣть, что̀ иногда и удавалось. Они, конечно, насъ не видѣли, такъ какъ ихъ домъ былъ зорко охраняемъ внутри и снаружи. Мы лично знали только

Digitized by Google

одного маршала Потоцкаго; но наши сердца сильно бились, когда мы смотрѣли въ окна, въ надеждѣ увидѣть, хотя вскользь, людей, страдавшихъ въ жестокомъ и несправедливомъ заключеніи за ихъ великіе подвиги, и имена которыхъ особенно дороги всякому доброму Поляку.

Вечеромъ, по возвращеніи домой, мы сообщали другъ другу впечатлѣнія о проведенномъ днѣ. Почтенный Горскій не щадилъ насмѣшекъ надъ людьми, которымъ онъ въ присутствіи другихъ почтительно кланялся. Кромѣ нѣкоторыхъ дѣйствительно почтенныхъ людей, онъ по-своему обдѣлывалъ остальныхъ. Стоило назвать кого-нибудь, онъ тотчасъ замѣчалъ: „Да, да, это негодяй, мошенникъ“.... Особенно доставалось отъ него Полякамъ, какъ-нибудь себя опозорившимъ. Къ несчастію, ежедневно являлись такіе господа, которые разсчитывали равнодушіемъ къ своему отечеству и измѣной пріобрѣтать милости министровъ и двора. Подъ предлогомъ, будто ихъ заслуги не были достаточно вознаграждаемы, они подличали и заискивали.

Стр. 65—68: Печальная, неотступная необходимость скрывать наши истинныя чувства и наши страданія и утаивать наши мысли, невозможность говорить и дѣйствовать искренно и открыто,—все это насъ до крайности угнетало и дурно вліяло на мой характеръ и на мою духовную природу. Это насиліе надъ своею искренностью сдѣлало меня мрачнымъ, до крайности необщительнымъ, сосредоточеннымъ и откровеннымъ только съ самимъ собою. Можетъ быть, и по природѣ своей я былъ склоненъ къ этимъ недостаткамъ, но благопріятныя условія жизни вѣроятно бы ихъ ослабили, а можетъ быть и совсѣмъ бы ихъ уничтожили; но обстоятельства, въ которыхъ мы находились, только усиливали зло. Я сдѣлался слишкомъ осторожнымъ, слишкомъ осмотрительнымъ и постоянно думалъ о томъ, какъ бы не проронить ни одного слова, не взвѣсивъ его. Во всю мою жизнь я не могъ освободиться отъ такого пріобрѣтеннаго въ молодые годы, подъ вліяніемъ роковыхъ обстоятельствъ, настроенія моего ума.

. . . . Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожиданія, мы получили извѣстіе, что будемъ представлены Екатеринѣ въ ея лѣтней резиденціи, въ Царскомъ Селѣ. . . . . Въ ожиданіи представленія, мы отправились къ графу Браницкому. Онъ женатъ на одной изъ племянницъ Потемкина и оказалъ великія услуги Екатеринѣ въ Польшѣ, а потому пользовался постояннымъ благоволеніемъ Императрицы и имѣлъ

Digitized by Google

покои во всѣхъ ея дворцахъ. Очень жаль, что этотъ человѣкъ совершенно уронилъ себя тѣмъ, что содѣйствовалъ гибели своего отечества. Придворный, запятнанный предосудительными поступками, тщеславный, безъ всякихъ принциповъ, жадный къ богатству, онъ тѣмъ не менѣе, несмотря на семейныя связи свои съ Русскими, былъ Полякъ въ душѣ и предпочиталъ бы удовлетворять своимъ страстямъ и честолюбію въ Польшѣ, а не въ другомъ мѣстѣ. Онъ гордился Польшею, которую самъ погубилъ, и сокрушался о ея униженіи. Онъ ненавидѣлъ Русскихъ, которыхъ близко узналъ, и, покоряясь ихъ силѣ, мстилъ имъ презрѣніемъ и безпощаднымъ осмѣяніемъ ихъ недостатковъ. Въ то же время онъ былъ чрезвычайно сердеченъ къ близкимъ ему людямъ, съ которыми безнаказанно могъ откровенничать. Его живое, своеобразное, чисто Польское, остроуміе, его тонкая наблюдательность дѣлали его разговоръ занимательнымъ и веселымъ. Разсказывая анекдоты и оживляя ихъ народными прибаутками, онъ имѣлъ даръ по-своему ихъ передавать, при чемъ всячески избѣгалъ малѣйшаго намека на злополучную Тарговицкую конфедерацію. Онъ очень любилъ вспоминать доброе старое время, и при этихъ воспоминаніяхъ прежняго величія разомъ принималъ видъ магната. Впрочемъ, это величіе мгновенно у него исчезало въ кругу придворныхъ, въ присутствіи которыхъ онъ превращался въ ничтожество... Онъ могъ быть полезенъ намъ только своими совѣтами, смыслъ которыхъ заключался въ словахъ: „терпѣніе и покорность“... По прибытіи въ Царское Село мы посѣтили его и ожидали у него времени, назначеннаго намъ для представленія. Онъ далъ намъ должное наставленіе. На нашъ вопросъ, слѣдуетъ-ли намъ цѣловать руку Императрицы, онъ отвѣчалъ; „Цѣлуйте все, что она прикажетъ, лишь бы только она возвратила ваше имѣніе“. Онъ показалъ намъ, какъ надо становиться на колѣно.

Стр. 68—69. Императрица была еще въ церкви, когда всѣхъ, собравшихся для представленія ей, пригласили въ залу. Насъ представили сначала оберъ-гофмаршалу графу Шувалову, любимцу Императрицы Елизаветы, всемогущему при ней и извѣстному по своей перепискѣ съ Даламберомъ, Дидро и Вольтеромъ... Насъ поставили рядомъ съ другими возлѣ двери, изъ которой должна была выйти Императрица. По окончаніи обѣдни, стали выходить изъ церкви попарно камеръ-юнкеры, камергеры и важнѣйшіе сановники; за ними шла Императрица, окруженная князьями, княжнами и придворными дамами. Мы не успѣли ее раз-

Digitized by Google

глядѣть, потому что надо было опуститься на одно колѣно и поцѣловать ея руку въ то время, какъ произносили наши имена и фамилію. Вслѣдъ за тѣмъ, вмѣстѣ съ толпою придворныхъ и дамъ, всѣ представлявшіеся окружили Императрицу, и она стала обходить насъ, обращаясь къ каждому со словомъ привѣта... Въ ея движеніяхъ не было ничего рѣзкаго, все въ ней отличалось достоинствомъ и величіемъ, но это былъ потокъ, все за собою увлекавшій. Ея морщинистое, но чрезвычайно выразительное лицо дышало надменностью и повелительностью. Съ ея губъ не сходила улыбка, но ея приближенные знали, что подъ видимымъ спокойствіемъ въ ней таились неукротимыя страсти и непреклонная воля.

Подойдя къ намъ и остановивъ на насъ столь прославленный милостивый свой взглядъ, она сказала намъ: „Вашъ возрастъ напоминаетъ мнѣ возрастъ вашего отца, когда я его въ первый разъ увидѣла. Надѣюсь, вамъ будетъ у насъ хорошо".

Довольно было этихъ словъ, чтобы насъ окружила толпа придворныхъ, расточая намъ самыя изысканныя ласки и вниманіе. Насъ пригласили къ устроенному подъ колоннадою столу: это былъ особенный почетъ, такъ какъ Императрица приглашала къ этому столу самыхъ близкихъ къ себѣ лицъ.

Пріемъ, оказанный намъ въ Петербургѣ, и особенное вниманіе къ намъ Императрицы, несмотря на нашу молодость и положеніе, слѣдуетъ приписать издавна утвердившемуся въ Россіи понятію о Польшѣ и высокому мнѣнію, которое имѣли тогда Русскіе о нашихъ магнатахъ. Наша фамилія,—которая въ послѣднемъ столѣтіи, къ несчастію, принуждена была поддерживать частыя сношенія съ Россіею,—была въ особенности хорошо ей извѣстна. Мой дѣдъ и отецъ были очень уважаемы Русскими [1]...

Стр. 70. Мы были въ тотъ же день представлены великимъ князьямъ. Павелъ принялъ насъ холодно, но хорошо; его жена великая княгиня Марія, желавшая помирить своего брата съ нашею сестрою, была особенно къ намъ внимательна. Что касается молодыхъ великихъ князей, то ихъ пріемъ былъ самый искренній и радушный.

---

[1] Замѣтимъ, что столь естественное сострадательное вниманіе Императрицы къ семейству политическаго эмигранта, заискивавшаго ея милости, и участіе къ нему высшаго Петербургскаго общества кн. Адамъ Чарторыйскій приписываетъ высокому мнѣнію, которое будто-бы Екатерина II и Русскіе имѣли о Польшѣ и о тогдашнихъ продажныхъ и низкопоклонныхъ Польскихъ вельможахъ. Такое самомнѣніе есть характерная черта не одного только князя Адама Чарторыйскаго, но и всей Польской шляхты.

Digitized by Google

Стр. 75. Для того, чтобы родовое имущество было возвращено нашимъ родителямъ, мы принуждены были поступить на Русскую службу. Это было „sine qua non", вѣнецъ всѣхъ нашихъ жертвъ, необходимое послѣдствіе нашей поѣздки въ Петербургъ... Мы были уже приготовлены къ ожидавшему насъ удару; тѣмъ не менѣе, сердце болѣзненно сжалось, когда намъ сдѣлали это предложеніе. Отказываться было невозможно. Насъ вовсе не интересовало, какая именно жертва отъ насъ потребуется: быть-ли намъ въ военной или въ гражданской службѣ, и въ какихъ чинахъ. Мы находили недостойнымъ вступать въ объясненія и обнаруживать малѣйшую заботу о полученіи того или другаго возможно выгоднаго служебнаго положенія. Одна мысль объ этомъ насъ возмущала; заниматься ею—значило бы придавать ей какое-либо значеніе и цѣну, а мы ставили это ни во что... Какъ покорныя жертвы, склонивъ головы, мы готовы были принять какое-угодно предложеніе, не справляясь, что насъ ожидаетъ. Представьте себѣ путешественника, который случайно попалъ въ Японію, на островъ Борнео или Яву, или куданибудь въ центральную Африку. Что ему за дѣло до формъ, отличій и почестей, употребляемыхъ въ этихъ варварскихъ странахъ? Совершенно таково было тогда и наше положеніе. И мы также, заброшенные, по несчастію, въ чужую среду, видя всюду насиліе и принужденіе, исполненные отвращенія и отчаянія, признавали недостойнымъ заявлять какія бы то ни было свои желанія; объ этомъ не стоило и говорить.

Стр. 76. Наконецъ, появился столь долго ожидаемый указъ по поводу всѣхъ конфискованныхъ правительствомъ имѣній. Екатерина раздала множество имѣній своимъ любимцамъ, сановникамъ, генераламъ, губернаторамъ, даже разнымъ второстепеннымъ служащимъ и нѣсколькимъ Полякамъ, измѣнившимъ отечеству. Имѣній, конфискованныхъ у нашихъ родителей, она не возвратила имъ, но, наперекоръ всякому праву, даже вовсе о нихъ не упоминая, подарила мнѣ и моему брату ихъ имѣнія, состоявшія изъ 42.000 душъ. Величина имѣній опредѣляется у Русскихъ количествомъ душъ одного только мужескаго пола. Принадлежавшія нашему отцу старóства Лятычевское и Каменецкое были подарены графу Мóркову. Въ указѣ ничего не было сказано и о нашихъ сестрахъ. Впрочемъ, этотъ самовольный и беззаконный указъ всегда признавался членами нашей семьи какъ-бы несуществующимъ и никогда не имѣлъ никакого вліянія на судьбу нашихъ сестеръ, а тѣмъ болѣе на положеніе на-

Digitized by Google

шихъ родителей [1]. Въ сущности, это было полное возстановленіе правъ (restitution). Намъ понадобилось только отправить къ нашему отцу формальную довѣренность на владѣніе и распоряженіе имѣніями по его усмотрѣнію.

Стр. 77. Мы отправились благодарить Екатерину и стали передъ нею, согласно церемоніалу, на одно колѣно. Вскорѣ за тѣмъ меня одѣли въ мундиръ конной гвардіи, а брата въ гвардейскій мундиръ Измайловскаго полка.

..... Мы достигли своей цѣли; но намъ нельзя было тотчасъ прервать нашихъ визитовъ къ фавориту. Горскій слишкомъ хорошо зналъ свѣтскіе обычаи и не позволялъ намъ ихъ нарушать.

Стр. 79. Къ новому (1796) году мы были назначены камеръюнкерами...

Стр. 86—87. Богослуженіе Греческой церкви, по внѣшности, торжественнѣе нашего и напоминаетъ языческій культъ. Смотря на епископовъ и поповъ и на ихъ бороды, невольно вспоминаешь древнихъ языческихъ жрецовъ. Въ этомъ богослуженіи все направлено къ внѣшней торжественной обстановкѣ, поражающей зрителя. Внутреннее, молитвенное настроеніе, стремленіе души къ ея Создателю, требующія спокойствія и сосредоточенности, здѣсь невозможны. Проповѣдничества здѣсь нѣтъ; ни во дворцѣ, ни въ другомъ мѣстѣ я никогда не слышалъ ни одной хорошей проповѣди. Онѣ произносятся только при большихъ торжествахъ. Церковные ораторы, по заведенному обычаю и по обязанности, заимствуютъ слогъ и выраженія изъ древнихъ церковно-Славянскихъ книгъ; это придаетъ ихъ краснорѣчію напыщенность, но лишаетъ его увлекательности и живости. Затѣмъ, пѣніе и церемоніалъ наполняютъ все богослуженіе, въ ущербъ назиданію. Это просто театральное зрѣлище, цѣликомъ взятое изъ язычества. Эти чаши, носимыя на головахъ; эти царскія врата, то открываемыя, то закрываемыя; эти поклоненія предъ иконами; эти украшенія; эти кадила въ безпрестанномъ движеніи,—все это напоминаетъ жертвоприношенія въ языческихъ храмахъ. Напрасно будете тамъ искать протестантской простоты и наставительности, или католической набожности и молитвеннаго

[1] Едва-ли Императрица, осыпая милостями сыновей своего врага и принимая отъ нихъ выраженія глубокой признательности, могла подозрѣвать что эти молодые люди, смиренно стоявшіе передъ нею на колѣняхъ и умиленно лобзавшіе ея руку, ее обманывали и въ глубинѣ души ненавидѣли свою благодѣтельницу.

Digitized by Google

настроенія. Вся разгадка въ томъ, что послѣднія суть продуктъ цивилизаціи, между тѣмъ какъ Греческій культъ носитъ печать Азіатскаго варварства.

Самая ихъ набожность имѣетъ въ себѣ что-то странное. Такъ напримѣръ, молодые или старики, свѣтскіе люди или бородачи,— всѣ безъ изъятія говѣютъ. У насъ часто случается, что мы или не желаемъ или не осмѣливаемся приступать къ Святому Причастію, хотя въ насъ гораздо болѣе, чѣмъ въ Русскихъ, вѣры и набожности. Къ нежеланію нашему, можетъ быть, и предосудительному, присоединяется религіозный страхъ, который иногда и служитъ причиной нашего уклоненія. У Русскихъ, напротивъ того, всѣ обряды и таинства исполняются безъ всякаго сердечнаго умиленія, а единственно только для исполненія обычая, и затѣмъ обыкновенно они же осмѣиваютъ пѣніе и произносимыя попами молитвы. Исповѣдь похожа на нашу. Но у нихъ священникъ читаетъ кающемуся или кающимся (которыхъ бываетъ разомъ нѣсколько) перечень грѣховъ, какъ-бы для того, чтобъ они указали, въ чемъ они согрѣшили; но кающійся обыкновенно или молчитъ, или, признавая себя согрѣшившимъ, довольствуется внутреннимъ сознаніемъ предъ Богомъ своего грѣха, и затѣмъ, пробормотавши нѣсколько длинныхъ молитвъ и почти безъ вниманія, приступаетъ къ Святой Чашѣ [1].

---

[1] Мы привели здѣсь кощунственную выходку князя Чарторыйскаго противъ православнаго богослуженія и благочестія Русскаго народа, извѣстнаго своею набожностью,—какъ примѣръ, показывающій, до какой степени даже самый просвѣщенный Полякъ-католикъ, ослѣпленный враждою къ Россіи, способенъ извращать истину и оскорблять священнѣйшія чувства. Князь Чарторыйскій находитъ, что у Поляковъ-католиковъ гораздо болѣе вѣры и набожности, чѣмъ у православныхъ Русскихъ. Замѣтимъ однако, что Поляки нерѣдко пользовались своими костелами и богослуженіемъ для политической пропаганды. Современные Поляки гордятся тѣмъ, что въ 1794 году въ Варшавѣ ихъ отцы и дѣды посвятили ночь на праздникъ Воскресенія Христова не молитвамъ въ храмахъ Божіихъ, но избіенію на улицахъ и въ домахъ сонныхъ и безоружныхъ Русскихъ солдатъ. Такихъ случаевъ еще никогда не бывало въ исторіи Русскаго православнаго народа.

Не удивительно, что Полякъ и ультрамонтанъ, политическій врагъ Екатерины II и Россіи и ненавистникъ православія, князь Чарторыйскій, по обязанности Русскаго придворнаго, присутствуя при православныхъ богослуженіяхъ, совершаемыхъ на чуждомъ ему древне-Славянскомъ языкѣ, могъ только осуждать и злобствовать въ душѣ своей, но не молиться. Конечно, онъ не въ состояніи былъ оцѣнить святости, величія и апостольской древности православнаго богослуженія и установленныхъ для него въ первые вѣка христіанства обрядовъ и молитвъ.

Крайне прискорбно, что ненависть къ политическимъ противникамъ и католическій фанатизмъ могли довести даже образованнаго и высоко въ обществѣ поставленнаго человѣка до грубаго и невѣжественнаго глумленія надъ древнѣйшими христіанскими установленіями.

Digitized by Google

ИЗЪ ГЛАВЫ IV.

1796 годъ.

Предъ вскрытіемъ Ладожскаго озера и проходомъ его льдинъ по Невѣ, производящимъ въ Петербургѣ рѣзкій холодъ, ... въ этой столицѣ выдаются ясные, солнечные дни ..... и тогда набережныя переполнены гуляющими ..... Великій князь Александръ гулялъ по набережнымъ, иногда одинъ, иногда съ великою княгинею .. ... Мы съ братомъ также были въ числѣ гуляющихъ, и каждый разъ, какъ великій князь встрѣчалъ одного изъ насъ, онъ останавливался, вступалъ съ нами въ разговоры и оказывалъ намъ особое благоволеніе. Эти утреннія встрѣчи нѣкоторымъ образомъ служили продолженіемъ придворныхъ вечеровъ, и наши сношенія съ великимъ княземъ съ каждымъ днемъ принимали характеръ болѣе близкаго знакомства. Дворъ по обыкновенію переѣзжалъ весной въ Таврическій дворецъ. ..... Великій князь еще не прекращалъ своихъ прогулокъ по набережной. Однажды, встрѣтясь со мною, онъ выразилъ сожалѣніе, что мы рѣдко видимся, и пригласилъ меня посѣтить его въ Таврическомъ дворцѣ ..... Онъ назначилъ мнѣ день и часъ ..... Въ назначенный день я не преминулъ явиться въ Таврическій дворецъ. Жалѣю, что не записалъ числа: этотъ день имѣлъ рѣшительное вліяніе на значительную часть моей жизни и на судьбы моего отечества. Съ этого дня и съ разговора, который я тотчасъ изложу, ведется моя преданность великому князю, могу сказать наша дружба .....

Какъ только я вошелъ, великій князь взялъ меня за руку и предложилъ мнѣ пойти въ садъ. ..... Мы исходили садъ во всѣхъ направленіяхъ во время трехъ-часоваго неумолкаемаго и оживленнаго разговора.

Великій князь сказалъ мнѣ, что наше поведеніе (моего брата и мое), наша покорность судьбѣ, столь для насъ тягостной, спокойствіе и равнодушіе, съ коимъ мы все приняли, не придавая цѣны ничему и не отвергая милостей, для насъ стѣснительныхъ, внушили ему къ намъ уваженіе и довѣріе; что онъ сочувствуетъ нашимъ побужденіямъ, что онъ угадываетъ ихъ и одобряетъ; что онъ ощутилъ потребность ознакомить насъ съ истиннымъ своимъ образомъ мыслей; что онъ не можетъ помириться съ мыслью, чтобы мы имѣли о немъ понятіе, не со-

Digitized by Google

гласное съ дѣйствительностью. Онъ сказалъ мнѣ затѣмъ, что онъ нисколько не раздѣляетъ правилъ кабинета и двора, что онъ далеко не одобряетъ политики и образа дѣйствій своей бабки; что всѣ его желанія были за Польшу и за успѣхъ ея славной борьбы; что онъ оплакиваетъ ея паденіе; Костюшко, въ его глазахъ, былъ человѣкомъ великимъ по своимъ добродѣтелямъ и потому, что онъ защищалъ дѣло правды и человѣчества.

Онъ сознался мнѣ, что онъ ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ право всѣ люди, что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французскою революціей; что, осуждая ея ужасныя крайности, онъ желаетъ республикѣ успѣховъ и радуется имъ. Онъ съ благоговѣніемъ говорилъ мнѣ о своемъ наставникѣ, какъ о человѣкѣ высокой добродѣтели, истинной мудрости, строгихъ правилъ, сильнаго характера. Ему онъ былъ обязанъ всѣмъ, что въ немъ есть хорошаго, всѣмъ, что онъ знаетъ; ему въ особенности онъ былъ обязанъ тѣми началами истины и справедливости, которыя онъ имѣетъ счастіе носить въ своемъ сердцѣ, куда внѣдрилъ ихъ г. Лагарпъ.

Прохаживаясь вдоль и поперекъ по саду, мы нѣсколько разъ встрѣчали великую княгиню, прогуливавшуюся отдѣльно. Великій князь сказалъ мнѣ, что его супруга—повѣренная всѣхъ его мыслей, что одна она знаетъ и раздѣляетъ его чувства, но что, за изъятіемъ ея, я—первое и единственное лицо, съ которымъ, послѣ отъѣзда своего наставника, онъ рѣшился о нихъ говорить; что онъ не можетъ повѣрить ихъ рѣшительно никому, ибо никто въ Россія еще не способенъ раздѣлять ихъ или даже понять; что поэтому я долженъ чувствовать, какъ для него впредь будетъ отрадно имѣть человѣка, съ которымъ онъ можетъ говорить откровенно и съ полнымъ довѣріемъ...

. . . . . Онъ отпустилъ меня, сказавъ, что постарается видѣться со мною чаще, и предписалъ мнѣ крайнюю осторожность и безусловную тайну; впрочемъ, позволилъ мнѣ сообщить брату содержаніе нашего разговора.

Я оставилъ его, сознаюсь въ томъ, внѣ себя, глубоко взволнованный, не зная, сонъ-ли это, или дѣйствительность.

Какъ! Русскій великій князь, наслѣдникъ Екатерины, ея любимый внукъ и воспитанникъ. . . . . ненавидѣлъ правила своей бабки и отрекался отъ нихъ и отъ ненавистной политики Россіи! Онъ страстно любилъ свободу и правду, онъ жалѣлъ о Польшѣ

Digitized by Google

и хотѣлъ бы видѣть ее счастливою! . . . . . Въ словахъ и въ поведеніи этого царственнаго юноши было столько искренности, чистоты, столько рѣшительности, повидимому, несокрушимой, столько самозабвенія и великодушія, что онъ показался мнѣ существомъ, избраннымъ свыше, ниспосланнымъ Провидѣніемъ для блага человѣчества и моей родины. Я возъимѣлъ къ нему безграничную привязанность, и чувство, внушенное имъ мнѣ въ эту первую минуту, пережило даже постепенное разрушеніе возбужденныхъ имъ надеждъ; позже оно устояло противъ всѣхъ ударовъ, нанесенныхъ ему самимъ Александромъ, и никогда не погасало, не смотря на всѣ печальныя разочарованія, которыя могли бы его разрушить...

. . . . . Черезъ сорокъ лѣтъ, оглядываясь на событія, совершившіяся послѣ этого разговора, слишкомъ ясно видишь, сколь мало они соотвѣтствовали надеждамъ, которыя были имъ въ насъ вызваны. Это потому, что тогда либеральныя идеи являлись для насъ въ сіяніи, которое съ тѣхъ поръ поблекло, и попытки ихъ приложенія къ дѣлу повели къ жестокимъ разочарованіямъ, слишкомъ часто повторявшимся. . . . .

Представьте себѣ наши Польскія чувства, наши желанія, нашу неопытность, нашу вѣру въ конечный успѣхъ правды и свободы, и вы легко поймете, что въ то время мы съ восторгомъ предавались самымъ заманчивымъ мечтамъ.

Послѣ этого знаменательнаго разговора, мы въ теченіе нѣсколькихъ дней не находили случая къ бесѣдамъ съ великимъ княземъ; но при всякой встрѣчѣ мы обмѣнивались дружескими словами, многозначительными взглядами...

Великій князь сперва пригласилъ насъ пріѣзжать почаще въ Царское Село, потомъ и жить въ немъ, для того, говорилъ онъ, чтобы мы имѣли случай проводить болѣе времени вмѣстѣ. Онъ любилъ наше общество и искалъ его, ибо только съ нами могъ онъ говорить откровенно и высказывать всѣ свои мысли. . . . . Мы часто ѣзжали въ Царское Село и вскорѣ поселились въ немъ почти на все лѣто.

Наши сношенія съ великимъ княземъ были въ высшей степени завлекательны. Это было своего рода франъ-масонство, коему не оставалась чуждою и великая княгиня. Близость, возникшая при такихъ условіяхъ и причина коей была намъ столь дорога, вела къ разговорамъ, которые мы прерывали лишь нехотя, обѣщая другъ другу возобновлять ихъ. Политическія мнѣнія, которыя нынѣ показались бы избитыми общими мѣстами,

Digitized by Google

были тогда животрепещущими новостями; и тайна, которую мы должны были соблюдать, мысль, что это происходитъ передъ глазами двора, погрязшаго въ предразсудкахъ абсолютизма, на зло всѣмъ этимъ министрамъ, столь убѣжденнымъ въ своей непогрѣшимости, придавала еще болѣе занимательности и соли этимъ сношеніямъ, которыя становились все болѣе частыми и близкими.

Императрица Екатерина взглянула благосклонно на близость, возникавшую между ея внукомъ и нами двумя; она одобряла это сближеніе, не угадывая, конечно, ни истиннаго его повода, ни послѣдствій. Полагаю, что, по ея представленіямъ и по стариннымъ воззрѣніямъ на значеніе аристократіи, она сочла полезнымъ привязать къ своему внуку вліятельное семейство. Она не подозрѣвала, что эта дружба укрѣпитъ его въ мнѣніяхъ, внушавшихъ ей страхъ и ненависть, и что она будетъ одною изъ тысячи причинъ успѣха либеральныхъ идей въ Европѣ появленія—увы! кратковременнаго—на политической сценѣ Польши, которую она считала навсегда похороненною. Одобреніе, высказанное Императрицей явному благоволенію, которое оказывалъ намъ великій князь, заставило молчать всѣхъ порицателей и поощрило насъ въ нашихъ сношеніяхъ, и безъ того столь привлекательныхъ...

Великій князь, въ началѣ этого лѣта, жилъ въ большомъ зданіи и еще не переселялся въ отдѣльный дворецъ, расположенный въ паркѣ, который велѣла для него выстроить Императрица и который только-что былъ оконченъ. Въ теченіе нѣкотораго времени посѣщеніе этого дворца послужило намъ цѣлью въ нашихъ послѣобѣденныхъ прогулкахъ. Великій князь наконецъ переселился туда, и тогда наши свиданія стали гораздо болѣе свободными. Онъ часто оставлялъ насъ обѣдать у себя, и рѣдко проходилъ день безъ того, чтобы одинъ изъ насъ не ходилъ къ нему ужинать, когда изъ большаго дворца разъѣзжались. По утрамъ мы прогуливались пѣшкомъ, иногда по нѣскольку верстъ. Великій князь любилъ ходить пѣшкомъ, заходить въ окрестныя деревни, и тутъ въ особенности предавался онъ любимымъ своимъ разговорамъ. Онъ находился подъ обаяніемъ едва начинавшейся юности, создающей себѣ образы, утѣшающей себя ими, не останавливающейся на невозможностяхъ, строящей безконечные планы для будущности, коей предѣловъ она не видитъ. Мнѣнія его были мнѣніями школьника 89-го года, который желалъ бы видѣть повсюду республику и считалъ эту форму правленія един-

Digitized by Google

ственно сообразною съ желаніями и правами человѣчества. Хотя я самъ въ это время былъ очень восторженъ, хотя родился и былъ воспитанъ въ республикѣ, съ жаромъ принявшей всѣ начала Французской революціи, однако же въ нашихъ спорахъ я держалъ сторону благоразумія и умѣрялъ крайнія мнѣнія великаго князя. Между прочимъ, онъ утверждалъ, что наслѣдственность престола—установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть долженъ даровать не случай рожденія, а приговоръ всей націи, которая сумѣетъ избрать способнѣйшаго къ управленію ею. Я представлялъ ему все то, что можно сказать противъ этого мнѣнія, трудности и случайности избранія, все, что отъ нихъ потерпѣла Польша, и сколь мало Россія была способна и подготовлена къ такому порядку вещей [1].

ИЗЪ ГЛАВЫ V.

1796 годъ.

Стр. 113: Странно, что Императрица Екатерина, мечтавшая о томъ, чтобы Александръ былъ продолжателемъ ея царствованія и ея славы, не думала приготовлять его къ этому назначенію и не пріучала къ различнымъ отраслямъ управленія . . . Кажется, ни она и никто изъ ея приближенныхъ объ этомъ не заботился.

Стр. 114: Ученыя занятія 18-лѣтняго великаго князя прекратились послѣ его женитьбы и отъѣзда Лагарпа. . . . . Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ заниматься систематически. . . .

Стр. 115—116: Изъ числа людей, которымъ было ввѣрено образованіе обоихъ великихъ князей, можно указать съ похвалой только на одного г. Лагарпа . . . . Но кажется, что г. Лагарпъ, имѣвшій сильное вліяніе на умъ и сердце великаго князя, не умѣлъ его расположить къ серіозному труду. . . . . Г. Лагарпъ ввушилъ ему любовь къ человѣчеству, къ правосудію, даже къ равенству и свободѣ. . . . это была его заслуга. . . . . Но едва-ли онъ старался останавливать его вниманіе на величайшихъ трудностяхъ, которыя должны были ему встрѣтиться при осуществленіи высокихъ и великодушныхъ его замысловъ [2].

---

[1] Выдержки изъ IV главы извлечены, какъ выше замѣчено, изъ статьи „Императоръ Александръ Павловичъ и князь Адамъ Чарторыйскій", напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ* 1871 года.

[2] Далѣе V глава заключаетъ въ себѣ любопытную характеристику приближенныхъ къ великимъ князьямъ лицъ: графа Салтыкова, графа Протасова, Муравьева и барона Будберга, а также описаніе кончины Екатерины II и вступленія на престолъ Павла I.

Digitized by Google

ИЗЪ ГЛАВЫ VI.

1796, 1797 и 1798 годы.

Стр. 126: Никогда еще не бывало такого мгновеннаго и полнаго измѣненія декорацій, какое произошло при восшествіи на престолъ Павла I. *Стр. 128*: Перемѣны и новыя мѣры слѣдовали одна за другою съ невѣроятною быстротой. *Стр. 131*: За немногими исключеніями всѣ люди, имѣвшіе силу и значеніе при Екатеринѣ, перешли въ ничтожесво и забвеніе. Появились новыя личности, почти мгновенно выступившія и занявшія видныя мѣста. Екатерининскіе государственные сановники были уволены и замѣнены другими. . . . . *Стр. 132*: Павелъ отличилъ одного только графа Безбородко, по уваженію къ его дѣйствительно выдающимся способностямъ и высокому общественному авторитету...

Стр. 134: Однимъ изъ первыхъ и, конечно, великодушнѣйшихъ распоряженій Павла, при его вступленіи на престолъ, было освобожденіе Польскихъ плѣнниковъ. . . . . Онъ посѣтилъ томившагося въ заключеніи Костюшку и оказалъ ему величайшее участіе; онъ заявилъ ему, что еслибъ онъ былъ на тронѣ, то никогда бы не согласился на раздѣлъ Польши. . . . .

По просьбѣ Костюшки, онъ далъ свободу всѣмъ Польскимъ плѣннымъ и потребовалъ отъ нихъ лишь присяги въ вѣрности. Одинъ только Игнатій Потоцкій не былъ тогда помилованъ. Государь объявилъ свою волю, чтобы, прежде его освобожденія, всѣ бывшіе въ Петербургѣ Поляки за него поручились.

Стр. 135: Насъ пригласили во дворецъ для того, чтобы каждый отдѣльно подписалъ ручательство въ томъ, что маршалъ Потоцкій не предприметъ ничего противъ Россіи..... Собраніе было многочисленное. Вице-канцлеръ Куракинъ обязанъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы въ письменныхъ поручительствахъ ясно было обозначено, какую отвѣтственность мы на себя принимаемъ. Братъ мой и я подписались немедленно..... Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ колебались и высказывали опасенія; другіе, узнавъ въ чемъ дѣло, скрывались изъ собранія; въ числѣ послѣднихъ былъ графъ Ириней Хребтовичъ, вскорѣ потомъ окончательно обрусѣвшій.....

Стр. 136: Можно себѣ представить счастіе освобожденныхъ плѣнниковъ... Между ними были знаменитѣйшіе члены великаго

Digitized by Google

сейма 1788—92 года: графъ Потоцкій, графъ Ѳаддей Мостовскій, знаменитый Юліанъ Нѣмцевичъ, Закржевскій—меръ г. Варшавы, прославившійся безкорыстіемъ, патріотизмомъ и величайшимъ мужествомъ; генералъ Сокольницкій, который добровольно пошелъ въ тюрьму, чтобы только не разставаться съ Закржевскимъ; гг. башмачникъ Килинскій и мѣняла, или банкиръ Капосташъ, достойные граждане Варшавы, пользовавшіеся вполнѣ заслуженною популярностью и вліяніемъ на жителей Варшавы. Мы видѣлись съ ними ежедневно [1]...

Стр. 137: Императоръ Павелъ, любившій поступать наперекоръ Екатеринѣ, тотчасъ по вступленіи на престолъ пригласилъ проживавшаго въ Гроднѣ польскаго короля въ Петербургъ...

Стр. 139: Король былъ принятъ въ Петербургѣ со всѣми подобающими королевскимъ особамъ почестями.

Стр. 144: Мы получили чины бригадировъ арміи..... и въ видѣ особенной милости..... я былъ назначенъ адъютантомъ Александра, а братъ мой—адъютантомъ Константина. Такое назначеніе насъ обрадовало, потому что оно насъ особенно приблизило къ великимъ князьямъ.

Стр. 145: Въ началѣ весны 1797 года Императоръ отправился въ Москву для коронаціи..... *Стр. 147*: Онъ пожелалъ, чтобы король Польскій слѣдовалъ за нимъ и присутствовалъ на всѣхъ торжествахъ..... Станиславъ Августъ игралъ при этомъ

---

[1] Башмачникъ Янъ Килинскій былъ однимъ изъ главныхъ вожаковъ заговора варшавскихъ гражданъ. Ксендзъ Мейеръ вовлекъ его въ этотъ заговоръ и навелъ на мысль объ избіеніи на улицахъ и въ домахъ, въ пасхальную ночь 5—17 апрѣля 1794 года, безоружныхъ и сонныхъ русскихъ офицеровъ и солдатъ. Килинскій началъ рѣзню, заколовъ ножемъ двухъ офицеровъ и казака. Во главѣ польскаго патріотическаго движенія были: камергеръ Венгерскій, генералъ Дзялынскій, купецъ Капосташъ и Янъ Килинскій. Они вошли въ сношенія съ эмигрантами: Игнатіемъ Потоцкимъ, Коллонтаемъ и Костюшкой. Послѣдній принялъ начальство надъ польскими войсками. Послѣ взятія предмѣстья Праги Суворовымъ, Килинскій, вмѣстѣ съ Костюшкой, Нѣмцевичемъ и другими предводителями мятежа, былъ взятъ и отвезенъ въ Петербургъ. Получивъ прощеніе и свободу, Килинскій прожилъ нѣсколько времени въ Вильнѣ, а затѣмъ переселился въ Варшаву, гдѣ, до кончины своей въ 1819 году (онъ родился въ 1760 году), продолжалъ заниматься прежнимъ башмачнымъ ремесломъ. Одинъ изъ польскихъ поэтовъ Викентій Поль написалъ о Килинскомъ поэму. При похоронахъ Килинскаго присутствовало 30.000 народа. (Приводимыя свѣдѣнія извлечены изъ напечатанныхъ въ *Русской Старинѣ* 1895 г., февраль, „Записокъ башмачника Яна Килинскаго о варшавскихъ событіяхъ 1794 года и о своей неволѣ“ и изъ предисловія къ запискамъ г. Воробьева).

Digitized by Google

жалкую роль. Въ соборѣ, въ день коронаціи, во время богослуженія и церемоній, Станиславъ Августъ, совершенно утомленный, присѣлъ на трибунѣ, для него приготовленной. Императоръ это замѣтилъ и прислалъ сказать, чтобъ онъ всталъ, что несчастный король и исполнилъ немедленно.

Стр. 148. Многочисленныя депутаціи изъ всѣхъ областей государства явились по указу Государя для принесенія ему поздравленія и для изъявленія покорности. Депутаты польскихъ провинцій казались очень разстроенными и смущенными. Всѣ они были гражданами независимой Польши, имѣли большое значеніе въ своихъ палатинатахъ, многіе изъ нихъ играли выдающуюся роль на послѣднемъ сеймѣ или занимали государственныя должности. Эти люди видѣли теперь своего короля, печально сидѣвшаго на трибунѣ или становившагося на одно колѣно въ знакъ покорности передъ чужестраннымъ Государемъ, повелителемъ ихъ отечества. Съ болью въ сердцѣ и съ глубокою печалью встрѣтился я здѣсь съ моими знакомыми и былъ пораженъ ихъ измѣнившимся видомъ. Они казались на этихъ торжествахъ запуганными, нравственно убитыми и униженными.

Стр. 149: Въ числѣ литовскихъ депутатовъ былъ г. Букатый, служившій нѣсколько лѣтъ представителемъ короля и республики при Англійскомъ правительствѣ..... Благодаря англійскому портеру, онъ обладалъ цвѣтущимъ здоровьемъ и отличался неистощимою веселостью..... Теперь я увидѣлъ его исхудалымъ, со впалыми щеками;..... онъ ходилъ пошатываясь, съ опущенною головой, и былъ точнымъ олицетвореніемъ тогдашней Польши.....

Стр. 169—170: Изъ числа придворныхъ великій князь (Александръ Павловичъ) приблизилъ къ себѣ только одного изъ своихъ камеръ-юнкеровъ и принималъ его у себя. Это былъ князь Александръ Голицынъ. Его называли „маленькимъ Голицынымъ“, потому что онъ былъ маленькаго роста. Онъ нравился великому князю своими забавными разговорами, зналъ всѣ городскія сплетни и мастерски умѣлъ передразнивать всѣхъ и каждаго въ выраженіи лица, въ пріемахъ, голосѣ и разговорѣ... Маленькій Голицынъ былъ въ полномъ смыслѣ слова эпикуреецъ, пользовался съ разсчетомъ и обдуманно всѣми случаями для пріятной жизни и развлеченій. По восшествіи на престолъ Александра, онъ вздумалъ занять серьезное служебное положеніе и, по совѣту Александра, поступилъ прокуроромъ въ Сенатъ. Вѣроятно, подражая набожному настроенію Александра, онъ

Digitized by Google

сдѣлался и самъ очень религіознымъ; даже, вмѣстѣ съ г. Кошелевымъ, удостоивался чудесныхъ видѣній..... Наконецъ онъ былъ сдѣланъ министромъ Народнаго Просвѣщенія, то-есть, получилъ такую должность, какая менѣе всего ему приличествовала. Это случилось, кажется, въ 1822 году, когда я былъ еще попечителемъ въ Вильнѣ [1]. Вспоминая маленькаго Голицына, какимъ я его зналъ, я никакъ не могъ представить себѣ, чтобы человѣкъ, способный только забавлять и смѣшить, могъ сдѣлаться министромъ Народнаго Просвѣщенія обширной имперіи. Онъ не былъ ни желчнымъ, ни злымъ; тѣмъ не менѣе онъ допустилъ по отношенію къ Виленскому учебному округу вопіющія несправедливости. Это и принудило меня отказаться отъ должности попечителя.

Стр. 171: Въ 1798 г. Императоръ Павелъ предпринялъ путешествіе по Россіи и взялъ съ собою великихъ князей, при которыхъ находились я и братъ мой.....

Стр. 179: Павлу вдругъ пришла мысль сдѣлаться гроссмейстеромъ Мальтійскаго ордена... *Стр. 180*: Верховный вождь и покровитель схизматической церкви не затруднился сдѣлаться главой самаго отъявленнаго римско-католическаго ордена и провозгласить себя его защитникомъ. Я и братъ получили званіе командоровъ и должны были надѣть орденскую одежду.....

Стр. 182: Императоръ вступилъ въ союзъ съ Австріей и послалъ на защиту ея войско. Суворовъ одержалъ необычайныя побѣды надъ французскою арміею, не имѣвшею еще тогда своимъ вождемъ Наполеона. *Стр. 183*: Въ 1796 и послѣдующихъ годахъ насъ приводили въ восторгъ извѣстія о неслыханныхъ успѣхахъ Наполеона, и мы мечтали тогда увидѣть возрожденіе Польши. Опасаясь произносить громко имя Наполеона, мы условились называть его „другомъ“. Теперь каждое пораженіе Французовъ казалось намъ ударомъ кинжала нашему отечеству.

Стр. 186: Наступила очередь нашему производству въ генералы, и такъ какъ въ этомъ чинѣ я уже не могъ оставаться

[1] Первымъ министромъ народнаго просвѣщенія, съ 8-го сентября 1802 г. по 31-е декабря 1809 г., былъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій. Преемникомъ его былъ графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, управлявшій министерствомъ по 4-е августа 1816 г. Послѣ графа Разумовскаго министромъ былъ назначенъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, занимавшій эту должность до 15-го мая 1824 г.; его замѣнилъ адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, управлявшій министерствомъ по 25-е апрѣля 1828 года. Князь Чарторыйскій былъ уволенъ отъ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа 5-го апрѣля 1824 года.

Digitized by Google

адъютантомъ при великомъ князѣ, то меня назначили гофмаршаломъ при дворѣ великой княжны Елены, вышедшей вскорѣ замужъ за великаго герцога Мекленбургскаго..... Это назначеніе ни мало не измѣнило моихъ отношеній къ великому князю Александру.

Стр. 188: Дворъ былъ въ Павловскѣ..... Я занималъ тамъ отдѣльный домикъ..... Однажды утромъ мнѣ принесли отъ графа Ростопчина письмо, въ которомъ онъ меня извѣщалъ, что я назначенъ министромъ Императора при Сардинскомъ королѣ и чтобъ я немедленно отправился въ Петербургъ для полученія инструкцій и для отъѣзда черезъ восемь дней въ Италію. Это была моя опала, но подъ видомъ милости.

ИЗЪ ГЛАВЫ VII.

1798—99 годы.

Стр. 191: Нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ 1798—99 года, проведенныхъ съ моими сестрами въ Вѣнѣ, были счастливѣйшими въ моей жизни. *Стр. 193*: Во время моего пребыванія въ Вѣнѣ, я познакомился съ г. Поццо-ди-Борго; благодаря именно знакомству со мною онъ получилъ высокое служебное положеніе и пріобрѣлъ огромное состояніе.....

Стр. 198: Австрія никогда никого не любила, кромѣ себя самой. Это себялюбіе свойственно, конечно, всѣмъ государствамъ такъ же, какъ и всѣмъ людямъ въ частности; но Австрія въ особенности и болѣе, чѣмъ другія, исключительно и настойчиво любитъ только себя; такой крайній эгоизмъ уничтожаетъ въ ней всякій великодушный порывъ, всякое сердечное, искреннее и, скажемъ прямо, честное чувство къ другимъ.

Стр. 199: Мои дипломатическія обязанности къ королю Эммануилу..... были несложны..... Съ самаго поступленія моего на русскую службу..... я всегда безучастно и равнодушно исполнялъ то, что̀ отъ меня требовали. Это равнодушіе было, при моей настоящей должности, особенно для меня необходимо, такъ какъ мнѣ приходилось, по обязанности, называть успѣхами то, что̀ я признавалъ въ душѣ несчастіемъ; я долженъ былъ любезно переписываться съ Суворовымъ, забывая кровопролитный штурмъ Праги; я долженъ былъ подписывать донесенія мои къ Императору, называя себя: „Вашъ вѣрноподданный и рабъ“.

Стр. 208: Вынужденное пребываніе мое вдали отъ родины,

Digitized by Google

разлука съ семьей, служебное положеніе, вовсе для меня не подходящее и отвлекавшее меня отъ моей цѣли,—все это довело меня до летаргіи .... Самыя неожиданныя и важныя событія не въ состояніи были исторгнуть меня изъ полнѣйшей апатіи. Дѣло въ томъ, что во всю мою жизнь единственная сила, управлявшая моими дѣйствіями, была любовь къ отечеству. Все то, что̀ не могло принести пользы ни моей странѣ, ни моимъ соотечественникамъ, не имѣло для меня ровно никакой цѣны. Съ дѣтскихъ лѣтъ я привыкъ любить и цѣнить только то, что̀ имѣло прямое или косвенное отношеніе къ родинѣ. Даже самыя пустыя вещи, если онѣ касались Польши, возбуждали во мнѣ живое сочувствіе. Въ Варшавѣ былъ, напримѣръ, очень недурной французскій театръ: онъ казался мнѣ скучнымъ; напротивъ того, польскій театръ, хотя и весьма плохой, живо меня интересовалъ.

Стр. 211: Добрыя отношенія Императора Павла къ Австріи стали ухудшаться..... Бонапартъ этимъ воспользовался и поспѣшилъ всѣхъ русскихъ военноплѣнныхъ отправить къ Павлу, снабдивъ ихъ новою одеждой и подарками. Такая любезность перваго консула расположила къ нему Императора..... Генералъ Левашовъ былъ отправленъ въ Неаполь въ качествѣ посредника между Франціей и королевствомъ обѣихъ Сицилій. Проѣзжая черезъ Римъ, онъ мнѣ передалъ письмо графа Ростопчина; вскорѣ я получилъ отъ него второе письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что Императоръ, недовольный сардинскимъ дворомъ, выразилъ желаніе, чтобъ я уѣхалъ подъ предлогомъ, будто желаю посѣтить Неаполь. *Стр. 212:* Это меня крайне обрадовало, и я поспѣшилъ отправиться въ Неаполь...

Стр. 216: Вдругъ, подобно громовому удару, насъ поразила вѣсть о кончинѣ Павла ..... Курьеръ, привезшій это извѣстіе въ посольство, былъ точно глухонѣмой ..... Онъ подалъ мнѣ отъ новаго Императора Александра записку, въ которой послѣдній выражалъ желаніе, чтобъ я немедленно возвратился.

ИЗЪ ГЛАВЫ VIII.

1800 годъ.

Стр. 222: На возвратномъ пути, недалеко отъ Риги, меня встрѣтилъ фельдъегерь и передалъ дружескую записку Императора и подорожную для скорѣйшаго проѣзда. *Стр. 223:* Наконецъ я увидѣлся съ Александромъ, и первое впечатлѣніе под-

Digitized by Google

твердило вѣрность моего предчувствія . . . . . Онъ принялъ меня дружески, но былъ печаленъ, разстроенъ и не обнаружилъ сердечной радости, столь обыкновенной въ человѣкѣ, который не видитъ надобности себя стѣснять. Я замѣтилъ въ немъ какъ-будто сдержанность и принужденность, и это болѣзненно отозвалось въ моемъ сердцѣ. Онъ повелъ меня въ свой кабинетъ.— „Хорошо, что вы возратились“, сказалъ онъ, „наши васъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. . . Если бы вы были здѣсь, ничего бы этого не случилось“ . . . Онъ сталъ подробно разсказывать о кончинѣ своего отца. . . .

Стр. 260—261: Я былъ единственный человѣкъ, съ которымъ онъ могъ бесѣдовать свободно, безъ стѣсненій, которому онъ издавна привыкъ довѣрчиво открывать свои мысли и передавать свое горе, а потому я могъ, предпочтительно передъ другими, входить въ его кабинетъ въ тѣ минуты, когда онъ предавался терзавшимъ его мыслямъ . . . . . Я старался поддерживать въ немъ энергію, напоминалъ его обязанности, указывалъ на необходимость дѣйствовать . . . . . Всѣ его приближенные, ... видя, что только я одинъ могъ свободно и откровенно говорить съ нимъ, убѣждали меня продолжать мои съ нимъ бесѣды . . . . .

ИЗЪ ГЛАВЫ IX.

1801—1802 годы.

Стр. 265: Мысли и чувства Александра, которыми я такъ восхищался, когда онъ былъ еще Русскимъ великимъ княземъ, не измѣнились; но . . . . . въ новомъ его положеніи самодержавнаго государя онѣ не могли не принять особаго оттѣнка. Тѣмъ не менѣе, въ продолженіе многихъ лѣтъ онѣ таились въ его сердцѣ, какъ страстное чувство, которое человѣкъ скрываетъ отъ людей, неспособныхъ его понять, но которое господствуетъ въ немъ и обнаруживается, когда является къ тому поводъ. Я часто буду указывать на эту черту, объясняющую многое въ характерѣ Александра. *Стр. 266*: Его постоянно занимали мечты о водвореніи правосудія, объ освобожденіи народа, о необходимости преобразованій, о свободныхъ учрежденіяхъ; но онъ сознавалъ, какія иногда совершенно неодолимыя препятствія будутъ встрѣчаться въ Россіи при введеніи самыхъ простѣйшихъ реформъ. Онъ старался показать близкимъ къ нему людямъ, что его чувства не измѣнились, несмотря на перемѣну его положенія. Въ то же время онъ принужденъ былъ скрывать эти чув-

Digitized by Google

ства, и особенно не обнаруживать ихъ передъ людьми, вовсе къ тому неприготовленными. . . . . Между тѣмъ правительственный механизмъ продолжалъ дѣйствовать по старой рутинѣ . . . . . Чтобы выйти, по возможности, изъ такого противорѣчія съ самимъ собою, Александръ составилъ нѣчто въ родѣ тайнаго комитета изъ людей, которыхъ онъ называлъ своими личными друзьями и считалъ своими единомышленниками. Молодой князь Павелъ Строгановъ, Новосильцевъ и я—составили первое звено этого комитета. Мы давно знали другъ друга, но съ этихъ поръ наши взаимныя отношенія сдѣлались гораздо болѣе серьезными. Насъ особенно соединяла сознаваемая нами необходимость сплотиться около Императора, чтобы не оставить его одного съ его реформаторскими увлеченіями.

Стр. 267: Четвертымъ членомъ нашего тайнаго совѣта былъ, по выбору Императора, графъ Кочубей...

Стр. 269: Намъ дозволено было приходить къ Государю обѣдать безъ приглашенія. Наши совѣщанія происходили два или три раза въ недѣлю. Послѣ кофе и нѣсколькихъ минутъ разговора въ столовой Императоръ удалялся въ свои покои; между тѣмъ какъ другіе приглашенные расходились по домамъ,—мы вчетверомъ отправлялись черезъ корридоръ въ маленькую туалетную комнату, соединявшуюся съ внутренними покоями . . . . . Къ намъ приходилъ Государь, и здѣсь мы предавались обсужденію различныхъ проектовъ и реформъ . . . . . Государь съ полнымъ довѣріемъ высказывалъ намъ все, что было у него на душѣ. Эти бесѣды долгое время были не что иное, какъ обмѣнъ мыслей, безъ всякаго существеннаго результата; тѣмъ не менѣе, надо сказать, что всѣ мѣры, клонившіяся къ внутреннему благоустройству, предпринятыя или исполненныя въ царствованіе Александра, получили начало въ этихъ разговорахъ.

Стр. 271: Пятымъ членомъ нашего тайнаго совѣта былъ г. Лагарпъ, прибывшій въ Петербургъ, чтобы навѣстить своего царственнаго ученика. . . . . Г. Лагарпъ имѣлъ сорокъ слишкомъ лѣтъ; онъ былъ членъ директоріи Швейцарскаго союза и ходилъ всегда въ мундирѣ съ саблей, висѣвшею на шитой узорами перевязи. Всѣмъ намъ казался онъ ниже своей репутаціи и ниже того мнѣнія, которое имѣлъ о немъ Императоръ. Онъ принадлежалъ къ людямъ, глубоко вѣровавшимъ въ идеи XVIII столѣтія и убѣжденнымъ въ томъ, что съ его доктринами, какъ какимъ-то философскимъ камнемъ или универсальнымъ лѣкарствомъ, все можно объяснить, и что нѣсколькими священными,

Digitized by Google

завѣтными изреченіями можно устранить какія угодно препятствія. . . . . .

Стр. 278: Трое „нашихъ", какъ называлъ насъ Императоръ, вступили въ практическую сферу и узнали на опытѣ препятствія и затрудненія, какія непремѣнно встрѣчаются въ правительственномъ механизмѣ [1] . . . . . .

Что касается меня, то я не имѣлъ никакого желанія участвовать въ русскихъ дѣлахъ. Я очутился, совершенно необыкновеннымъ и случайнымъ образомъ, въ положеніи экзотическаго растенія, на чуждой почвѣ, съ чувствами, которыя не могли вполнѣ гармонировать съ чувствами моихъ случайныхъ товарищей. Поэтому я оставался единственнымъ членомъ тайнаго совѣта внѣ дѣлъ и былъ этимъ очень доволенъ, хотя бездѣйствіе тяготило меня, и я часто горевалъ по родинѣ и роднымъ, пламенно желалъ возвратиться домой и не разставаться со счастіемъ, къ которому я стремился всею душой.

Стр. 279: Только привязанность къ Императору и надежда принести пользу моему отечеству удерживали меня на русской службѣ. Но эта надежда часто во мнѣ исчезала . . . .

Такое положеніе было для меня тягостно; я только и думалъ о томъ, какъ бы совсѣмъ уѣхать изъ Петербурга. . . . . Императоръ заводилъ по временамъ рѣчь о Польшѣ, но эти разговоры становились все рѣже и рѣже. Замѣчая мое грустное, безнадежное настроеніе, онъ возобновлялъ свои бесѣды, но уже не такъ, какъ прежде. Онъ успокоивалъ неопредѣленными обѣщаніями или совсѣмъ не высказывался о предметѣ, служившемъ единственною цѣлью моей съ нимъ связи. Избѣгая рѣшительныхъ объясненій, онъ хотѣлъ однако, чтобы какъ по этому предмету, такъ и по многимъ другимъ, меня занимавшимъ, я не сомнѣвался въ неизмѣнности его намѣреній и чувствъ. Впрочемъ, въ его тогдашнемъ положеніи могъ-ли онъ иначе и поступать, и могъ-ли я чего-либо другаго отъ него требовать?

Стр. 284—285: Первый консулъ поспѣшилъ отправить своего адъютанта Дюрока и съ нимъ одного офицера къ Александру съ поздравленіемъ. Императоръ Александръ не имѣлъ тогда особеннаго сочувствія къ Англіи, потому что былъ воспитанъ въ духѣ, совершенно противоположномъ англійской политикѣ, ру-

---

[1] Въ 1801 г. Павелъ Строгановъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 1-го департамента Сената, Новосильцевъ—секретаремъ Императора, а Кочубей—завѣдующимъ иностранными дѣлами на мѣсто уволеннаго графа Панина.

Digitized by Google

ководимой Питтомъ. . . . . Дюрокъ и его товарищъ были приняты Императоромъ съ сердечностью и благосклонностью, которыя не согласовались съ охлажденіемъ, наступившимъ тотчасъ послѣ Павла I, желавшаго сближенія съ Наполеономъ. Такой сердечный пріемъ былъ выраженіемъ тайнаго сочувствія къ принципамъ 89-го года, которое заронилъ въ душу Александра его воспитатель г. Лагарпъ. Александръ съ восторгомъ увидѣлъ передъ собою представителей великой французской революціи, которыхъ онъ считалъ искренними республиканцами. Онъ смотрѣлъ на нихъ съ любопытствомъ и сочувствіемъ; онъ такъ много слышалъ о республиканцахъ, такъ часто о нихъ мечталъ. Бесѣдуя съ ними, онъ и великій князь Константинъ съ особеннымъ удовольствіемъ называли ихъ „citoyens“, искренно воображая, что они должны гордиться этимъ званіемъ. Но посламъ Бонапарта, напротивъ того, это очень не нравилось, и они неоднократно заявляли, что во Франціи давно уже вывелось называть другъ друга „citoyens“. Наконецъ Александръ и Константинъ перестали такъ называть ихъ.

Стр. 286: Съ Дюрокомъ была заключена конвенція. . . . . Одною изъ ея статей Россія и Франція взаимно обязывались не покровительствовать политическимъ эмигрантамъ, ... то-есть: съ одной стороны—легитимистамъ, а съ другой—Полякамъ. . . . . Когда я указалъ на это Александру, то онъ, нѣсколько смутившись, возразилъ, что это не будетъ имѣть никакого значенія, что надо было принять статью, предложенную Французами, ... что это пустая формальность, ... что судьбы Польши всегда близки его сердцу. . . . . Нѣтъ сомнѣнія, что изъ тогдашнихъ государей только одинъ Александръ интересовался Польшею. Вся Европа и во главѣ ея Франція окончательно забыли о ней. . . . . никто о насъ не думалъ. Удивляться-ли, что такое общее забвеніе могло повліять и на Александра?

Стр. 277—288: Я не желалъ принимать участіе въ русскихъ дѣлахъ и потерялъ всякую надежду служить своему отечеству. . . . . Я не скрывалъ своей печали и намѣренія возвратиться къ моимъ родителямъ. Императоръ по личному великодушному побужденію и чтобы засвидѣтельствовать, что его чувства и убѣжденія неизмѣнны, старался помогать Полякамъ въ ихъ частныхъ дѣлахъ и оказывать возможныя облегченія жителямъ подвластныхъ ему польскихъ провинцій. Это ободряло и поддерживало меня въ тѣ минуты, когда я впадалъ въ уныніе и сознавалъ невозможность осуществить самыя свѣтлыя мои на-

Digitized by Google

дежды, недостижимость которыхъ составляла горе и мученіе всей моей жизни.

Въ первые два года царствованія Александра мнѣ посчастливилось оказать услуги многимъ моимъ соотечественникамъ, сосланнымъ въ Сибирь Екатериною и Павломъ и тамъ забытымъ. Александръ даровалъ имъ свободу, и они были возвращены въ свои семейства. Всѣ судебныя о нихъ дѣла были прекращены, и имъ возвращены конфискованныя ихъ имѣнія; если же эти имѣнія были уже отданы другимъ, то потерпѣвшія лица, взамѣнъ отнятыхъ у нихъ имуществъ, получали соотвѣтствующія вознагражденія. Эмигранты, служившіе во Франціи и въ легіонахъ, получили дозволеніе возвратиться безпрепятственно на родину. Всѣмъ было дано право проживать спокойно у себя и владѣть своимъ имуществомъ. Императоръ входилъ въ положеніе даже заграничныхъ Поляковъ и заботился объ облегченіи участи заключенныхъ и томившихся въ казематахъ Шпильберга и въ другихъ австрійскихъ тюрьмахъ. Кочубей съ величайшею охотою и предупредительностью исполнялъ всѣ желанія Государя. Аббатъ Коллонтай, котораго считали самымъ главнымъ и опаснымъ польскимъ революціонеромъ, получивъ свободу, пожелалъ поселиться и провести остатокъ дней своихъ въ польскихъ областяхъ, подчиненныхъ Александру. Графъ Огинскій и многіе другіе были приглашены возвратиться, удостоились отличнаго пріема, и имъ возвращены были обширныя ихъ помѣстья. Всякія преслѣдованія, всякія политическія дѣла и разбирательства, секвестры и конфискаціи, мѣры предосторожности, недовѣрія и подозрѣнія—прекратились, и на нѣкоторое время установилось общее спокойствіе, довѣріе и довольство.

Императоръ обратилъ вниманіе на улучшеніе въ польскихъ провинціяхъ администраціи и правосудія. На важнѣйшія должности онъ сталъ назначать Поляковъ, чего до сихъ поръ избѣгали по недовѣрію къ нимъ и чтобы не отнимать у Русскихъ выгодныхъ мѣстъ. Судебныя дѣла стали производиться быстрѣе и справедливѣе, какъ на мѣстахъ, такъ и въ 3-мъ департаментѣ Сената, завѣдывавшемъ дѣлами польскихъ провинцій.

Стр. 289: Императоръ назначилъ въ этотъ департаментъ нѣсколько Поляковъ. Всѣ эти распоряженія возбуждали благодарность Поляковъ, но далеко не соотвѣтствовали тому, что составляло любимый предметъ нашихъ юношескихъ разговоровъ.

Нѣсколько успокоенный достигнутыми успѣхами, я не предвидѣлъ, могу-ли еще чѣмъ-нибудь послужить моей родинѣ. Я

Digitized by Google

находился въ непрерывной тягостной борьбѣ съ самимъ собою: мысль, что я сдѣлалъ кое-что хорошее, встрѣчалась съ упрекомъ за то, что я никакъ не могу достигнуть цѣли, къ которой стремлюсь, и не въ силахъ осуществить своихъ надеждъ. . . . . Мною овладѣло отчаяніе и глубокое отвращеніе ко всему окружающему. Не смотря на близкія мои связи съ членами нашего приближеннаго къ Государю кружка, я не могъ безусловно имъ довѣряться; ихъ чувствованія и образъ мыслей, которыя они часто высказывали, были совершенно русскія и рѣзко противорѣчили тому, что̀ я скрывалъ въ глубинѣ моей души.

Только одному Императору смѣло и откровенно высказывалъ я свое горе и его причины. . . . . Болѣе, чѣмъ другіе приближенные къ Государю, я пользовался его довѣріемъ; со мною онъ былъ свободнѣе и вѣрилъ мнѣ болѣе, чѣмъ другимъ; я лучше другихъ отгадывалъ его мысли и смѣлѣе и прямѣе говорилъ ему правду о людяхъ, о дѣлахъ и о немъ самомъ. . . . .

Стр. 292—293: Послѣобѣденныя совѣщанія наши у Императора дѣлались болѣе и болѣе серьезными и вліятельными. Весною 1802 года они были на нѣкоторое время прерваны по случаю предпринятаго Императоромъ путешествія съ политическими цѣлями.

Русскою дипломатіею завѣдывалъ тогда графъ Кочубей, да и самъ Императоръ сталъ внимательно заниматься ею. Графъ Кочубей усвоилъ систему, которая по его мнѣнію была согласна съ видами Государя и соотвѣтствовала его собственнымъ убѣжденіямъ. Онъ старался держать Россію въ сторонѣ отъ европейскихъ дѣлъ, какъ можно менѣе въ нихъ вмѣшиваться и жить въ ладу со всѣми для того, чтобы дать возможность посвящать все время и все вниманіе заботамъ о внутреннемъ благоустройствѣ и улучшеніяхъ. Таковы были дѣйствительно мнѣнія и желанія Императора и его приближенныхъ. Но никто не усвоилъ этой системы съ такимъ убѣжденіемъ, никто нѐ поддерживалъ ея и не слѣдовалъ ей съ такимъ постоянствомъ и непреклонною настойчивостью, какъ графъ Кочубей.—„Россія“, говорилъ онъ, „достаточно обширна и могущественна по своему пространству, населенію и географическому положенію. Ей нечего и некого бояться, лишь бы только она оставляла въ покоѣ другихъ. Она слишкомъ часто и безъ разбора вмѣшивалась въ чужія дѣла, которыя вовсе ея не касались. Ничто не проходило въ Европѣ безъ ея вмѣшательства, и она неоднократно затѣвала безполезныя и разорительныя для себя войны. Благодаря счаст-

Digitized by Google

ливому положенію своему, Императоръ можетъ, сохраняя миръ со всѣми, посвящать себя внутреннимъ улучшеніямъ и устроенію своего государства, и никто не осмѣлится тревожить его въ его благотворныхъ и полезныхъ трудахъ. Не выступая изъ своихъ предѣловъ, Россія въ самой себѣ можетъ совершать завоеванія и великія дѣла, установляя порядокъ, бережливость, правосудіе въ обширныхъ владѣніяхъ своихъ и всюду оживляя земледѣліе, торговлю и промышленность. Какую пользу принесли Русскому народу европейскія дѣла и всѣ войны, ими возбужденныя? Онѣ только разоряли государство. Русскіе гибли въ сраженіяхъ и приходили въ отчаяніе, принося жертвы рекрутскими наборами и разоряясь податями. Для истиннаго благополучія народа необходимъ продолжительцый миръ и неустанныя попеченія о разумномъ и безмятежномъ управленіи". Таковы были мечты Императора, увлекавшагося реформаторскими проектами, и его либеральныхъ совѣтниковъ.

Эта система, безспорно вѣрная во многомъ, неудобна потому, что обрекаетъ ничтожеству государство, которое безусловно будетъ ей слѣдовать, такъ какъ оно легко можетъ подпасть подъ вліяніе болѣе предпріимчивыхъ и безпокойныхъ правительствъ и сдѣлаться ихъ покорною и уступчивою игрушкой. Кто рѣшится слѣдовать неизмѣнно этой системѣ, долженъ обладать большимъ тактомъ и твердостью характера, чтобы не дать себя вовлечь въ попытки къ полумѣрамъ, которыхъ весьма трудно избѣжать при настоящихъ взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ. Это вскорѣ и испыталъ на себѣ Императоръ Александръ [1].

---

[1] Просимъ читателя обратить особенное вниманіе на приведенное сейчасъ въ высшей степени важное и характерное показаніе князя Адама Чарторыйскаго, свидѣтельствующее, что въ 1802 году Императоръ Александръ и его ближайшіе русскіе сотрудники и совѣтники: графъ Кочубей, графъ Павелъ Строгановъ и Новосильцевъ—были сторонниками политическаго принципа: „Россія для Россіи". Противникомъ этого принципа былъ тогда одинъ только князь Адамъ Чарторыйскій, какъ это видно изъ его же словъ. Причина его несочувствія понятна: принципъ невмѣшательства въ чужія дѣла совершенно противорѣчилъ его мысли о возстановленіи силами Россіи Польскаго королевства въ томъ видѣ, въ какомъ оно было до перваго его раздѣла. Для этого Россія должна была уступить Польшѣ свои западныя губерніи и склонить къ такимъ же территоріальнымъ уступкамъ Пруссію и Австрію. Слѣдуетъ отдать справедливость князю Чарторыйскому, что онъ не скрывалъ своихъ замысловъ передъ Императоромъ Александромъ. Къ несчастію, вліяніе Чарторый-

Digitized by Google

Стр. 294: Прусскій и русскій государи очень желали свиданія. Первый этого желалъ для того, чтобы заручиться поддержкою въ происходившихъ тогда подъ руководствомъ Франціи переговорахъ о поземельныхъ вознагражденіяхъ въ Германіи. Что касается Александра, то онъ имѣлъ единственною цѣлью войти въ личныя, добрыя сношенія съ сосѣдомъ и родственникомъ. Къ Пруссіи и къ ея королю онъ питалъ особенное расположеніе по воспоминаніямъ о своемъ военномъ воспитаніи въ Гатчинѣ. Имѣя высокое понятіе о прусскихъ войскахъ, онъ желалъ ближе изучить ихъ военную выправку, ученья и парады, которымъ онъ придавалъ важное значеніе....

Стр. 295: Графъ Кочубей былъ противъ этого свиданія, предвидя его дурныя послѣдствія. Онъ старался отклонить государя отъ путешествія и совершенно противъ воли принужденъ былъ его сопровождать. Впутаться въ дѣло о вознагражденіи и служить чужимъ интересамъ онъ считалъ отступленіемъ отъ принятой имъ системы. Кочубей желалъ, чтобы Россія не принимала участія въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ главная, руководящая роль принадлежала первому консулу, который распредѣлялъ вознагражденія по своему усмотрѣнію. Но Кочубей не могъ противодѣйствовать....

Стр. 313: Наконецъ Императоръ учредилъ въ Россіи Министерства: Внутреннихъ Дѣлъ и Полиціи, Финансовъ, Юстиціи, Народнаго Просвѣщенія (которое было до него совсѣмъ заброшено и забыто въ Россіи), Торговли, Иностранныхъ Дѣлъ, Морское и Военное.... Манифестъ о министерствахъ произвелъ огромное впечатлѣніе въ государствѣ, въ петербургскомъ и московскомъ обществахъ.....

Безъ сожалѣнія и даже съ радостью графъ Кочубей разстался

скаго на Императора и на русскія государственныя дѣла восторжествовало, и противоположный политическій принципъ „Россія для другихъ“ на долгое время сдѣлался господствующимъ въ государственной политикѣ. Приводимое ниже сего письмо историографа Н. М. Карамзина къ Императору Александру Павловичу отъ 17-го октября 1819 года свидѣтельствуетъ, что Государь вполнѣ сочувствовалъ тогда мыслямъ Чарторыйскаго о возстановленіи Польши силами Россіи. Только въ самое недавнее время, именно въ царствованіе Императора Александра III, русская политика его державною рукой была переведена съ ложнаго пути вмѣшательства въ постороннія дѣла на путь истинно-государственной политики, имѣющей единою цѣлію: служеніе русскому народу и его нравственному, культурному и экономическому развитію и благоустройству, въ чемъ такъ еще нуждается Россія.

Digitized by Google

съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, такъ какъ онъ убѣдился въ невозможности управлять дѣлами по системѣ, которая казалась ему единственно полезною для Россіи, согласною съ его личными убѣжденіями и съ желаніями Императора. Съ увлеченіемъ пошелъ онъ по новому пути и принялъ управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, которое было ему тогда ввѣренно.

Стр. 316: Высшимъ сановникомъ государства былъ назначенъ графъ Александръ Воронцовъ, получившій Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и титулъ канцлера, котораго онъ давно добивался и который давно никому не былъ жалованъ.

Стр. 319: Императоръ очень увлекался такъ - называемыми красивыми фразами, и чѣмъ онѣ были неопредѣленнѣе, тѣмъ болѣе ему нравились, потому что онъ могъ удобнѣе приноравливать ихъ къ своимъ мечтамъ, которыя также отличались неопредѣленностью. Ему нравились рѣзкія либеральныя выраженія и даже лесть подъ личиною служенія благу человѣчества..... Императоръ желалъ ввести въ учреждаемыя имъ Министерства людей, непричастныхъ къ министерскому персоналу, державшихся особнякомъ и приближенныхъ только къ нему. Онъ хотѣлъ открыть административную дѣятельность своимъ юнымъ друзьямъ; на нихъ онъ особенно разсчитывалъ и надѣялся, что они преимущественно будутъ направлять и двигать новый правительственный механизмъ и наблюдать за успѣшнымъ ходомъ реформъ, которыми онъ особенно дорожилъ.

Стр. 320: Графу Кочубею было ввѣрено Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, но Государь колебался, какія должности дать остальнымъ? Сдѣлать ихъ министрами—было бы много, а потому было рѣшено учредить должности товарищей министровъ. Предполагалось, что молодые люди, занимая эти мѣста, будутъ давать дѣламъ направленіе, согласное съ видами Государя, и представлять ему вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ. Графъ Павелъ Строгановъ пожелалъ быть товарищемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Кочубея;.... Новосильцевъ сохранилъ должность секретаря Императора и назначенъ товарищемъ министра Юстиціи ...

Стр. 321: При помощи нѣмецкаго юрисконсульта, барона Розенкампфа, онъ учредилъ по хорошо обдуманному и широкому плану коммиссію законовъ и установилъ для ея занятій правильную методу.

Стр. 322: Кромѣ составленія кодекса русскихъ законовъ, эта

Digitized by Google

коммиссія должна была подобный же трудъ предпринять и для иностранныхъ и привиллегированныхъ провинцій, а именно: для Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи и для польскихъ малорусскихъ провинцій, имѣющихъ каждая свои законы, свои обычаи, и свой языкъ.

Стр. 323: Изъ числа приближениыхъ къ Александру молодыхъ людей одинъ я оставался безъ должности. Александръ предложилъ мнѣ званіе товарища министра Иностранныхъ Дѣлъ. Графъ Воронцовъ изъявилъ на это согласіе; всѣ мои друзья, въ особенности Императоръ, настаивали, чтобъ я принялъ эту должность. Долго я отказывался и предостерегалъ, что Русскіе будутъ удивлены и недовольны, когда узнаютъ, что я занялъ такое мѣсто..... Я сказалъ Государю, что ему лучше, чѣмъ всякому другому, извѣстно, какія чувства я питаю къ своему отечеству, что эти чувства неизмѣнны, что я опасаюсь, чтобы съ перваго же дня вступленія моего въ должность они не оказались въ противорѣчіи съ обязанностями, которыя на меня будутъ возложены, и что поэтому мнѣ приличнѣе вовсе не принимать этой должности. [1] Императоръ возразилъ, что онъ не видитъ затрудненій, на которыя я указываю; если бы впослѣдствіи они и встрѣтились, то я всегда свободенъ удалиться, когда я пожелаю; напротивъ того, онъ предвидитъ обстоятельства, болѣе благопріятныя и согласныя съ моими чувствами....

Стр. 324: Онъ настойчиво упрашивалъ, чтобы я принялъ должность; это было одно изъ страстныхъ его желаній, не допускавшихъ отказа. Въ его настойчивости было столько доброты и сердечности, что я уступилъ, но подъ условіемъ, что я немедленно откажусь отъ принятыхъ обязанностей, если увижу, что онѣ несогласны съ моими польскими чувствами, которыя никогда во мнѣ не измѣнятся. .... Съ сердечнымъ сокрушеніемъ принялъ я должность, исполненную для меня опасностей. Притомъ эта должность удерживала меня въ Петербургѣ, гдѣ я былъ, какъ перелетная птица, какъ чуждое растеніе безъ корня;

---

[1] Нѣтъ сомнѣнія, что князь Чарторыйскій втайнѣ желалъ этого назначенія, такъ какъ оно было ему необходимо для пріобрѣтенія вліянія на внѣшнюю русскую политику и для направленія дипломатическихъ дѣлъ согласно со своими цѣлями. Но онъ зналъ, что его назначеніе на такой постъ будетъ дурно принято русскимъ обществомъ, а потому ему необходимо было показать, что онъ вовсе не искалъ и не желалъ этой должности. Поэтому онъ неоднократно отъ нея отказывался, зная, что Императоръ будетъ настаивать и не приметъ его отказа.

Digitized by Google

между тѣмъ какъ я только и думалъ, какъ бы мнѣ возвратиться къ роднымъ, въ отдаленіи отъ которыхъ я не могъ наслаждаться жизнью.

Принявъ должность, я твердо рѣшился не предпринимать ничего, что̀ бы могло вредить моему отечеству. Я еще не составилъ себѣ яснаго плана, какимъ образомъ могъ бы я послужить Польшѣ въ новомъ моемъ положеніи. Къ величайшей радости мнѣ сдѣлали другое, новое предложеніе, какъ-бы въ награду за то, что я покорился желанію Государя. Онъ ввѣрилъ мнѣ управленіе учебными заведеніями въ восьми Польскихъ губерніяхъ, т. е. во всей той части Польши, которая находилась въ его зависимости.

Учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія въ Россіи было замѣчательнѣйшимъ нововведеніемъ, обильнымъ благотворными послѣдствіями .....

Стр. 325: Потомство обязано признательностью Императору Александру, а съ нимъ вмѣстѣ и молодымъ людямъ, дѣятельность которыхъ многіе осуждали. Они помогли Государю осуществить его великодушные замыслы; они устроили новые отрасли управленія, распредѣлили ихъ на отдѣлы и установили порядокъ въ путаницѣ прежней администраціи. Нельзя себѣ представить ничего ничтожнѣе и хуже состоянія народнаго образованія въ Россіи до Александра. Въ Петербургѣ была Академія Наукъ, пользовавшаяся нѣкоторою извѣстностью, благодаря нѣсколькимъ ученымъ иностранцамъ, приглашеннымъ въ Россію ..... Эта Академія, печатавшая свои труды преимущественно по-французски и по-нѣмецки, не имѣла ничего общаго со страною и вовсе не заботилась вліять на ея развитіе. Въ Москвѣ, также особнякомъ, существовалъ университетъ съ какою-нибудь сотнею студентовъ, содержимыхъ на счетъ казны; своекоштныхъ слушателей почти не было. Кромѣ этихъ двухъ учрежденій, занимавшихъ первыя мѣста въ ученомъ и литературномъ мірѣ, въ Россіи были только такъ-называемыя народныя училища, въ которыхъ довольно плохо преподавались начальныя основанія небольшаго числа учебныхъ предметовъ. Наблюденіе за школами было ввѣрено несчастнымъ наставникамъ, опившимся отъ бездѣйствія и скуки; никто не посылалъ дѣтей въ эти школы, которыя никого не интересовали и о которыхъ никто не говорилъ.

Вся Россія, съ учрежденіемъ въ ней министерства народнаго просвѣщенія, должна была измѣниться. Существовавшіе въ

Digitized by Google

Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ университеты получили отъ правительства достаточныя денежныя средства; въ Петербургѣ, Харьковѣ и Казани были открыты новые университеты. *Стр. 326:* Имперія была раздѣлена на учебные округа, и управленіе учебными заведеніями въ каждомъ округѣ ввѣрено университету.

Виленскій университетъ былъ въ полномъ смыслѣ польскій и для польскихъ провинцій. Я скажу о немъ впослѣдствіи, а теперь замѣчу, что нѣсколько лѣтъ спустя вся Польша наполнилась училищами, въ которыхъ польское національное чувство могло совершенно свободно развиваться. Университетъ, въ который я привлекъ знаменитѣйшихъ польскихъ ученыхъ и нѣсколько извѣстныхъ заграничныхъ профессоровъ, въ высшей степени разумно и съ замѣчательнымъ одушевленіемъ руководилъ дѣломъ. Данное мною направленіе никого тогда не поражало, только впослѣдствіи оно возбудило противъ себя негодованіе русскаго общества, но тогда Императоръ великодушно ему покровительствовалъ .....

Императоръ выбралъ для каждаго учебнаго округа попечителя, и его выборъ попечителей подавалъ надежду, что народное образованіе останется не на бумагѣ только, но будетъ ведено основательно и успѣшно [1].

Стр. 327: Графъ Северинъ Потоцкій былъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго университета, завѣдывавшаго народнымъ образованіемъ въ губерніяхъ, смежныхъ съ Польшею .... Графъ Северинъ, въ качествѣ Поляка, былъ отличаемъ великимъ княземъ Александромъ и находился въ кружкѣ приближенныхъ къ нему молодыхъ людей..... Императоръ назначилъ его сенаторомъ въ третій департаментъ, въ которомъ производились дѣла, относившіяся до Польскихъ провинцій... Всего успѣшнѣе велось дѣло въ Вильнѣ и Дерптѣ. Послѣ нихъ можно указать еще на Харьковъ.

---

[1] Національное безразличіе было отличительною чертой государственной политики Александра I. Эта характерная его черта проявилась и въ выборѣ попечителей учебныхъ округовъ. Высочайшимъ указомъ 24-го января 1803 года Имперія была раздѣлена на шесть учебныхъ округовъ. Изъ нихъ петербургскій и московскій были ввѣрены двумъ Русскимъ: Н. Н. Новосильцеву и товарищу министра народнаго просвѣщенія М. Н. Муравьеву; въ Дерптскій и Казанскій были назначены два Нѣмца: генералъ-майоръ Клингеръ и графъ Мантейфель, а Виленскій и Харьковскій были отданы въ управленіе двумъ Полякамъ: князю Чарторыйскому и графу Потоцкому.

Digitized by Google

Стр. 328—330: Министромъ народнаго просвѣщенія былъ сдѣланъ графъ Завадовскій. Онъ и его другъ графъ Безбородко были сначала секретарями у графа Румянцева, отъ котораго они перешли также секретарями къ Императрицѣ Екатеринѣ..... Завадовскій получилъ портфель министра народнаго просвѣщенія благодаря своей дружбѣ съ графомъ Воронцовымъ и потому еще, что между дѣльцами Екатерининскаго времени онъ слылъ за человѣка, умѣвшаго прекрасно писать по-русски; многіе Екатерининскіе манифесты были имъ написаны. Онъ пользовался пріобрѣтенною такимъ образомъ репутаціею, и его считали ученымъ. Это былъ человѣкъ хорошихъ качествъ, немного неуклюжій въ обращеніи, но справедливый и доброжелательный. Его умъ такъ же, какъ и его фигура—были неповоротливы; онъ съ трудомъ постигалъ мысль и не могъ уловить всѣхъ ея тонкостей; но онъ старался показать, что умѣетъ понимать и цѣнить всѣ новыя идеи, и хотѣлъ, чтобы его не смѣшивали съ тѣми отсталыми людьми, которые ничего новаго не хотятъ знать и ничего не забываютъ. Это впрочемъ не мѣшало тому, что онъ сохранялъ чрезвычайно строго самыя характерныя черты Русскаго администратора: слѣпое послушаніе и глубокое подобострастіе ко всему, исходящему изъ высшихъ сферъ. Онъ любилъ восторгаться классическими писателями и говорить затверженные имъ на память отрывки. По странному случаю онъ воспитывался въ польскихъ Іезуитскихъ школахъ и научился тамъ Латинскому языку. Онъ не забылъ польскаго языка, щеголялъ имъ и говорилъ съ восхищеніемъ о нашемъ старинномъ поэтѣ Янѣ Кохановскомъ, котораго многіе стихи зналъ наизусть. Все это особенно располагало его къ Польшѣ и къ полякамъ; даже за его обѣдами угощали гостей непремѣнно польскими кушаньями.

Между тѣмъ какъ другіе попечители часто встрѣчали затрудненія со стороны министра, не всегда соглашавшагося съ ихъ представленіями о новыхъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ, я никогда не имѣлъ повода на него жаловаться, и онъ постоянно оказывалъ мнѣ совершенное довѣріе. Мнѣ стоило только обратиться къ нему съ какимъ-нибудь предложеніемъ, и онъ всегда съ величайшею готовностью и доброжелательствомъ меня поддерживалъ. Я глубоко ему признателенъ за искренность, дружбу и помощь, которыя онъ всегда мнѣ оказывалъ [1].

---

[1] Въ дополненіе къ этой характеристикѣ графа Завадовскаго, приведемъ отзывъ о немъ М. М. Сперанскаго. Въ 1811 году Императоръ Александръ

Digitized by Google

ИЗЪ ГЛАВЫ X.

1803 и начало 1804 года.

Стр. 331: Мнѣ посчастливилось расположить къ себѣ людей стараго Русскаго поколѣнія, но въ особенности мнѣ благоволилъ мой начальникъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ сердечно полюбилъ меня, сталъ мнѣ оказывать полнѣйшее довѣріе и посвятилъ меня во всѣ безъ исключенія дѣла.

Стр. 348: Александръ никогда не могъ пріобрѣсть популярности и нравственнаго обаянія, которыми пользовалась его бабка. Послѣдняя имѣла полное право говорить о Русскихъ то же, что говорилъ Наполеонъ о Французахъ, что они у ней въ карманѣ.

Стр. 349: Близость моя къ Государю и мое назначеніе на весьма высокій государственный постъ,—что было вполнѣ дѣломъ Александра,—возбуждали постоянныя противъ него обвиненія и осужденія. Еслибъ я получилъ какое бы то ни было почетное званіе безъ всякаго существеннаго значенія, то это не тревожило бы Русскихъ; но они не могли допустить, чтобы я занималъ высшее въ Россіи служебное положеніе. Возможно-ли, чтобы Полякъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Императора и былъ посвященъ во всѣ государственныя тайны?! Такой небывалый случай былъ для Русскихъ совершенно непонятнымъ и противорѣчилъ ихъ чувствамъ и убѣжденіямъ. Благоволеніе, которое мнѣ оказывалъ Императоръ, давало неистощимый поводъ къ подозрѣніямъ, злословіямъ и клеветамъ, распространявшимся на меня въ русскомъ обществѣ. Родители мои никогда не скрывали своего глубокаго отвращенія къ русской

предполагалъ учредить въ С.-Петербургѣ изъ вліятельнѣйшихъ Поляковъ комитетъ для обсужденія Польскаго вопроса. М. М. Сперанскій подалъ по этому случаю Государю собственноручную записку, въ которой говоритъ слѣдующее: „Графъ Огинскій изготовилъ уже списокъ людей примѣчательныхъ. Сообразивъ сей списокъ съ тѣмъ, который доставленъ былъ отъ Северина Потоцкаго, кажется, легко будетъ сдѣлать хорошій выборъ. Предсѣдателемъ сего комитета полезно было бы назначить графа Завадовскаго . . . . . Поляки его уважаютъ и любятъ, а для нихъ было бы сіе полезно тѣмъ, что преградило бы разные толки о семъ комитетѣ“ (см. „Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива перваго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи“, выпускъ первый, 1876 года, стр. 216).

Digitized by Google

власти; ихъ имѣнія были у нихъ отняты за ихъ прямое участіе въ польскихъ возстаніяхъ. Возможно-ли, чтобы ихъ сынъ, который также не скрываетъ своего польскаго патріотизма, открыто имъ гордится и доказываетъ это на дѣлѣ, давая рѣшительное національное направленіе народному образованію въ подчиненныхъ ему училищахъ,—возможно-ли, чтобъ этотъ молодой человѣкъ овладѣлъ безграничнымъ довѣріемъ Государя и вліялъ на его рѣшенія? Все это давало поводы обвинять меня въ неискренности, въ измѣнѣ русскимъ интересамъ, въ тайныхъ замыслахъ служить Польшѣ и въ рѣшимости злоупотреблять для этого и дружбой Государя и обязанностями министра. На такую богатую тему можно было сочинять что угодно, и дѣйствительно сочиняли.....

Императоръ иначе смотрѣлъ и не находилъ, чтобы интересы Россіи противорѣчили интересамъ Польши. Можетъ быть, онъ еще недостаточно уяснилъ себѣ этотъ важный предметъ, видѣлъ его въ отдаленіи и не сознавалъ еще надобности безотлагательно заняться его изученіемъ. Въ то же время онъ охотно пользовался моею полною готовностью искренно ему служить и признавалъ вполнѣ справедливымъ вознаградить меня за мою къ нему преданность предоставленіемъ мнѣ нѣкоторой свободы дѣйствовать по моему усмотрѣнію въ находившихся въ его власти польскихъ провинціяхъ. Само собою разумѣется, что я воспользовался счастливымъ расположеніемъ Государя и главное мое усиліе направилъ на народное образованіе, которому я далъ національный характеръ и которое я преобразовалъ на болѣе широкихъ и соотвѣтственныхъ современнымъ потребностямъ основаніяхъ. Русскіе не могли понимать моихъ отношеній къ Александру. Дѣйствительно, эти отношенія могли быть объяснены только нашею юностью и тѣмъ, что мы сблизились и узнали другъ-друга въ тѣ годы, когда великодушныя увлеченія сильнѣе разсчетовъ холоднаго разсудка и предусмотрительности.

ИЗЪ ГЛАВЫ XI.

1804 — 1805 годы.

Стр. 360—361: Теперь наступила самая знаменательная эпоха въ моей жизни. До сей минуты я былъ вторымъ лицомъ въ министерствѣ, но теперь вся отвѣтственность пала на одного меня. Канцлеръ намѣревался удалиться отъ дѣлъ на нѣкоторое только время; но Императоръ пожелалъ, чтобы это было окончательное

Digitized by Google

его увольненіе; онъ рѣшился непремѣнно ввѣрить мнѣ управленіе иностранными дѣлами. Это была одна изъ тѣхъ прихотей, которыя часто въ немъ проявлялись, и онъ не успокоивался до тѣхъ поръ, пока его желаніе не исполнялось. Когда имъ овладѣвало такое неодолимое желаніе, ... то онъ ..... не думалъ о томъ, будетъ-ли это хорошо или дурно, полезно или вредно; онъ заботился только объ устраненіи всякихъ препятствій. Затѣмъ, достигнувъ цѣли, онъ успокоивался, становился иногда равнодушнымъ, а иногда впадалъ въ противорѣчіе съ самыми пламенными своими желаніями.

Канцлеру положительно объявили, что его здоровье требуетъ на нѣкоторое время отдыха. Надо было замѣстить его другимъ лицомъ. Я спросилъ его: кого желаетъ онъ имѣть своимъ замѣстителемъ?—„Разумѣется, васъ“, сказалъ онъ: „такъ должно быть въ служебномъ порядкѣ, да иначе и быть не можетъ“. Я замѣтилъ выше, что таково было и желаніе Императора, самое рѣшительное и настойчивое. Что мнѣ было дѣлать? Слѣдовало-ли принять такую трудную и опасную должность? Не слѣдовало-ли, напротивъ того, все бросить и удалиться? Но вотъ какъ взглянулъ я на это дѣло: я ничего не достигъ, занимая второе мѣсто; если же я займу первое мѣсто, то подозрѣнія и клеветы, которыми меня теперь преслѣдуютъ, конечно, не уменьшатся, но зато и не увеличатся; отказаться теперь—значило бы признать себя неспособнымъ и безсильнымъ бороться съ трудностями. Къ такому соображенію, задѣвавшему мое самолюбіе, присоединилась мысль болѣе возвышенная и совершенно помирившая меня съ моею совѣстью: я утѣшалъ себя надеждой установить такую, основанную на законахъ справедливости, политическую систему, которая бы со временемъ благотворно повліяла на судьбы Польши... Я уже тогда предвидѣлъ разрывъ съ Франціею. Русскіе подозрѣвали меня, будто я желаю направить политику Россіи къ союзу съ Наполеономъ, между тѣмъ какъ это было совершенно не въ моихъ видахъ, такъ какъ я былъ убѣжденъ, что сближеніе этихъ двухъ имперій могло быть только пагубно для Польши.

Дружба ко мнѣ канцлера и его вліятельная поддержка способствовали устраненію всякихъ противодѣйствій, направленныхъ со стороны старыхъ русскихъ дипломатовъ противъ молодаго Поляка, власти и руководству котораго они должны были подчиняться.

Digitized by Google

Стр. 370. Александръ не пользовался популярностью. По своему характеру онъ не былъ русскимъ человѣкомъ. Отличаясь отъ Русскихъ своими хорошими и дурными качествами, онъ, въ кругу своихъ, былъ похожъ на экзотическое растеніе и никогда не былъ счастливъ.

Поставленный судьбой на высоту государственной службы въ Россіи, я очутился въ положеніи воина, брошеннаго дружественною рукой и случаемъ въ чужіе ряды и принужденнаго по долгу чести, и чтобъ не покидать своего товарища, друга и государя,—принять участіе въ битвѣ. . . . .

Я мечталъ о томъ, чтобы Александръ внесъ миръ и правосудіе въ международныя отношенія, чтобъ онъ явился покровителемъ слабыхъ и угнетенныхъ и хранителемъ правосудія между народами, чтобы его царствованіе было началомъ новой эры въ европейской политикѣ, цѣлью которой было бы общее и частное благополучіе.

Стр. 371: Эта идея не покидала меня; я постоянно былъ ею занятъ и старался осуществить ее. Съ этою цѣлью я изложилъ на бумагѣ мой политическій планъ и разослалъ его въ видѣ циркуляра ко всѣмъ нашимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ [1]. . . . .

Моя система не могла не привести въ восхищеніе Александра... Это былъ обширный проектъ, дававшій полный просторъ воображенію и всѣмъ возможнымъ умозаключеніямъ и не требовавшій никакихъ рѣшеній и никакой поспѣшности въ исполненіи. Александръ былъ единственный человѣкъ въ Россіи, который могъ до нѣкоторой степени оцѣнить эту систему и усвоить по убѣжденію, скажу болѣе—по совѣсти, ея принципы.

Стр. 372 — 373: Моя система, основанная прежде всего на устраненіи всякой неправды, приводила естественнымъ образомъ къ мысли о постепенномъ возстановленіи Польши. Дабы не встрѣтить рѣзкихъ препятствій при введеніи новой дипломатической системы, столь противоположной существовавшимъ воззрѣніямъ, я избѣгалъ называть Польшу; но мысль о ея возстановленіи заключалась въ самомъ трудѣ моемъ, въ направленіи, которое я намѣревался дать русской политикѣ. Я говорилъ только о необходимости постепеннаго освобожденія народовъ, несправедливо лишенныхъ политическаго существованія. Открыто

[1] Къ сожалѣнію, этого циркуляра, долженствовавшаго служить руководствомъ и путеводною звѣздою для нашихъ дипломатовъ, нѣтъ въ автобіографіи князя Чарторыйскаго.

Digitized by Google

могъ я говорить только о Грекахъ и Славянахъ, такъ какъ это совпадало съ желаніями и мечтами Русскихъ, но само собою разумѣется, что это относилось также и къ Польшѣ. Мы одинаково это подразумѣвали, но мы условились избѣгать на время упоминанія о моемъ отечествѣ.

Можно было бы извлечь изъ воспоминаній князя Чарторыйскаго весьма много такихъ же любопытныхъ разсказовъ; но мы ограничимся приведенными выдержками, такъ какъ онѣ достаточно раскрываютъ нравственныя качества, политическія убѣжденія и сокровенные замыслы человѣка, которому Императоръ Александръ ввѣрилъ управленіе Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ и народнымъ образованіемъ въ пограничныхъ Западныхъ губерніяхъ.

Въ началѣ своего царствованія Императоръ Александръ,—какъ о томъ свидѣтельствуетъ князь Адамъ Чарторыйскій,—сочувствовалъ мыслямъ графа Кочубея о невмѣшательствѣ въ постороннія дѣла и о направленіи государственныхъ заботъ къ благоустройству Россіи и къ развитію ея духовныхъ и матеріальныхъ силъ. Къ несчастію, онъ вскорѣ увлекся внушеніями князя Чарторыйскаго, желавшаго, чтобы силы Россіи были направлены къ возстановленію Польши, или, какъ онъ выражался, „къ освобожденію народовъ, несправедливо лишенныхъ политическаго существованія“. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы дипломатическими дѣлами и сношеніями съ иностранными кабинетами продолжалъ завѣдывать графъ Кочубей, то внѣшняя наша политика слѣдовала бы направленію, болѣе согласному съ дѣйствительнымъ благомъ Русскаго народа, и избавила бы Россію отъ длиннаго ряда разорительныхъ и безполезныхъ для нея войнъ.

Письмо къ Императору Александру нашего знаменитаго исторіографа Н. М. Карамзина отъ 17 октября 1819 года даетъ понятіе о томъ, какъ смотрѣлъ на Польскій вопросъ Государь, воспитанный въ космополитическихъ идеяхъ наставникомъ своимъ, республиканцемъ Лагарпомъ. Приведемъ наиболѣе характерныя выдержки изъ этого замѣчательнаго письма:

„Государь! Въ волненіи души моей, любящей отечество и Васъ, спѣшу, послѣ нашего разговора, излить на бумагу нѣкоторыя мысли...; какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами.

Digitized by Google

„Вы думаете возстановить Польшу въ ея цѣлости, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ. Вѣра христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ... Мы сблизились съ небомъ въ чувствахъ, но дѣйствуемъ на землѣ, какъ и прежде дѣйствовали. „Царство Мое нѣсть отъ міра сего", сказалъ Христосъ; а *граждане* и *государства*—въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить враговъ, но Онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ войскамъ оборонять государство. Вы христіанинъ, но Вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи... Вы исполняете законъ государственной... естественной обороны, необходимой для существованія... гражданскихъ обществъ. Какъ христіанинъ — любите своихъ личныхъ враговъ; но Богъ далъ вамъ царство и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность *исключительно заниматься благомъ онаго*... Если мы захотимъ быть христіанами-политиками, то впадемъ въ противорѣчія, въ несообразности. Меня ударятъ въ ланиту,—я, какъ христіанинъ, долженъ подставить другую; непріятель сожжетъ нашъ городъ: впустимъ-ли его мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепелъ?.. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди и ваши подданные, дѣти вашего сердца... Вы думаете возстановить древнее королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно-ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? согласно-ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и съ самою справедливостію? Во-первыхъ (не говоря о Пруссіи) спрашиваю: Австрія отдастъ-ли добровольно Галицію? Можете-ли Вы, творецъ священнаго союза, объявить ей войну, противную не только христіанству, но и государственной справедливости? ибо Вы сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ австрійскимъ. Во-вторыхъ, можете-ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденныя въ собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся-ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ?.. Бѣлоруссія, Волынь, Подолія вмѣстѣ съ Галиціею были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ... Уподобите-ли Россію бездушной, безсловесной собственности? будете ли-самовольно раздроблять ее на части и дарить ими кого заблагоразсудится? Россія, Государь, безмолвна предъ Вами; но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искренняго, безпри-

Digitized by Google

страстнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для вашего истиннаго отечества—доброй сильной Россіи. Сей историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить вамъ Поляки. [1] Извиняемъ ихъ; но Васъ бы мы, Русскіе, не извинили, если бы Вы, для ихъ рукоплесканій, ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! отвѣтствую вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ и знаю ихъ; мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю, остыли бы душой къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ, унизились бы не только предъ другими, но и предъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ. Вы бы и тогда имѣли министровъ, генераловъ: но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ рабы. А вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу. Однимъ словомъ,—и Господь Сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю вамъ не истину,—однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію землю Польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу. [2] Нѣтъ, Государь, никогда Поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками... Государь, Богъ Вамъ далъ такую славу и такую державу, что Вамъ, безъ неблагодарности, безъ грѣха христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикой, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый—безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ, второе — хорошими законами и еще лучшею управой“...

Русскій по душѣ и воспитанію и глубоко изучившій исторію своего народа, Н. М. Карамзинъ, обращаясь съ такою смѣлостью къ безпредѣльно-любимому имъ Государю и открывая ему свои задушевныя убѣжденія, имѣлъ полное право сказать о себѣ: „я слышу Русскихъ и знаю ихъ“. Но Карамзинъ также хорошо *слышалъ* и *зналъ* душу и сердце Императора Александра I,—а потому и рѣшился такъ безстрашно высказать ему мысли, совершенно противоположныя его взглядамъ и намѣреніямъ.

[1] Въ этихъ словахъ прямой намекъ на князя Чарторыйскаго.

[2] Это пророчество Н. М. Карамзина буквально сбылось въ 1831 году.

Digitized by Google

И въ наши дни, одинъ изъ нашихъ современниковъ К. П. Побѣдоносцевъ въ рѣчи своей, произнесенной въ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 6 апрѣля сего 1895 года, такъ характеризовалъ Императора Александра Павловича:

„Александръ I любилъ Россію и народъ свой; но его воспитаніе не дало ему возможности узнать ни исторію страны своей, ни народъ свой... И умъ и сердце неудержимо влекли молодаго Государя къ возвышенной цѣли—править ко благу народному, водворить порядокъ въ хаосѣ учрежденій, искоренить злоупотребленія, разрѣшить стѣснительныя узы рабства и предразсудка. Но идеалъ, къ которому примѣнялись его стремленія и планы, былъ не въ Россіи, а внѣ ея. Воспитанный Лагарпомъ въ духѣ отвлеченныхъ идей философіи XVIII столѣтія, изъ нихъ почерпалъ онъ отвлеченный идеалъ свой, а Русская исторія, Русская дѣйствительность была ему закрыта и представлялась чистымъ полемъ, на которомъ можно строить что угодно. Окруженный плеядою юныхъ совѣтниковъ, онъ за одно съ ними погружался въ мечтанія. Не зная натуры народа и его потребностей, мечталъ о представительномъ правленіи, долженствовавшемъ, будто-бы, водворить разумъ и правду въ правительствѣ; не зная церкви православной въ ея народномъ значеніи, мечталъ объ уравненіи съ нею всѣхъ вѣроисповѣданій и о безразличіи церквей и вѣроученій; мечталъ о возстановленіи Польши, не зная исторіи, которая сказала бы ему, что царство Польское означаетъ рабство и угнетеніе для всего Русскаго народа“.

Воспоминанія князя Чарторыйскаго представляютъ такой богатый и поучительный историческій матеріалъ и проливаютъ свѣтъ на такіе важные и жизненные для Россіи вопросы, что весьма желательно, чтобъ эта книга явилась въ полномъ Русскомъ переводѣ, разумѣется, съ объясненіями и дополненіями.

Къ біографическимъ замѣткамъ, разбросаннымъ въ приведенныхъ нами извлеченіяхъ, прибавимъ, что князь Адамъ Чарторыйскій, назначенный 24-го января 1803 года попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, оставался въ этомъ званіи двадцать одинъ годъ. По оставленіи въ 1824 году Русской службы, онъ проживалъ въ своемъ имѣніи Пулавахъ [1] и частью за-границею. Во время Польскаго возстанія 1830 и 1831 годовъ онъ прибылъ въ Варшаву и былъ избранъ президентомъ національнаго

[1] Нынѣ посадъ Новая Александрія, Люблинской губерніи.

Digitized by Google

правительства. Въ августѣ 1831 года, передъ взятіемъ Русскими войсками Варшавы, онъ отказался отъ званія президента, поступилъ рядовымъ солдатомъ въ корпусъ генерала Ромарино, а потомъ къ Рожинскому, и перешелъ съ ними въ Австрію. Вскорѣ затѣмъ онъ переселился на постоянное жительство въ Парижъ, гдѣ и провелъ послѣднія слишкомъ тридцать лѣтъ своей жизни. Hôtel Lambert, въ которомъ онъ проживалъ, сдѣлался пріютомъ Польскихъ эмигрантовъ и центромъ, руководившимъ политическими возстаніями и пропагандою противъ Россіи. Князь Чарторыйскій умеръ въ 1862 году въ Монмиралѣ, близъ Парижа, проживъ почти девяносто два года и сохранивъ до послѣдняго дня вѣрность Польскимъ политическимъ мечтамъ и ненависть къ Россіи.

Въ любопытной, составляющей нынѣ библіографическую рѣдкость, книгѣ Н. В. Гоголя, изданной въ 1867 году въ Вильнѣ, вторымъ дополненнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ „Іосафатъ Огрызко и Петербургскій революціонный ржондъ“, напечатана рѣчь, произнесенная княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ въ Парижѣ, въ торжественномъ собраніи членовъ Польскаго историко-литературнаго общества 17—29-го ноября 1844 года, въ годовщину Польскаго митежа 1830—31 годовъ. Князь Чарторыйскій излагаетъ въ этой рѣчи планъ, какъ, по его мнѣнію, должно быть ведено дѣло возстановленія Польши.

„Въ Польшѣ, говоритъ онъ, находятся въ разныхъ мѣстностяхъ мужи съ пылкимъ сердцемъ, спокойнаго и осторожнаго ума, непоколебимой твердости и неутомимой настойчивости, издавна одушевленные призваніемъ быть въ своемъ повѣтѣ, воеводствѣ или цѣлой провинціи и въ окружающей ихъ средѣ руководителями своихъ собратій въ святомъ дѣлѣ освобожденія отечества. Такое призваніе составляетъ главную цѣль ихъ жизни, единственный предметъ ихъ помысловъ, усилій и жертвъ. Довольно двадцати такихъ людей. Они образуютъ, каждый въ своей мѣстности, тѣ опорные столпы, тотъ фундаментъ, на которомъ прочно и стройно должно воздвигаться зданіе будущей свободной Польши.

„Великая мысль, величіе предпріятія, начатаго во имя Бога и отчизны, чистая любовь и несокрушимая твердость воли— должны обильно и плодотворно служить успѣху дѣла.

„Руководители указываютъ способы и средства, пріискиваютъ даже между врагами союзниковъ, которые безсознательно являются въ общей работѣ полезными сотрудниками. Общественное

Digitized by Google

мнѣніе, умѣлымъ образомъ направляемое, развивается, усиливается, укореняется и также помогаетъ успѣху.

„Каждый руководитель, исподволь пріобрѣтая въ своей мѣстности довѣріе и значеніе, подготовляетъ и пріискиваетъ способныхъ помощниковъ и обдумываетъ, въ какое время и кому поручить исполненіе того или другаго дѣла. Онъ удерживаетъ и обуздываетъ нетерпѣливыхъ и неблагоразумныхъ, которыхъ преждевременныя и безумныя выходки мѣшаютъ правильному ходу дѣла и уничтожаютъ вѣрнѣйшія Польскія надежды.

„Мысль о возстаніи, никогда громко не произносимая, извивается во всѣхъ направленіяхъ, охватываетъ всѣхъ, царитъ надъ всѣми и никому не даетъ ни покоя ни отдыха".

Изложивъ такимъ образомъ свой планъ подготовленія всѣхъ Польскихъ провинцій къ возстанію, князь Чарторыйскій продолжаетъ:

„Теперь я предполагаю чудо, истинное чудо, именно: предполагаю, что всѣ мѣстные руководители устремятся къ одной цѣли и изберутъ *одну власть* для того, чтобы единодушно повиноваться ей, подчинить ей свои частныя усилія, произвести общій пожаръ и тѣмъ достигнуть несомнѣннаго успѣха.

„Тогда въ одинъ мигъ возстанетъ вся Польша; не будетъ закоулка, который не выставилъ бы своихъ защитниковъ; изъ каждой шляхетской мызы, изъ каждой хижины, хотѣлъ бы сказать—изъ-за каждаго куста, выступитъ вооруженный воинъ. Со всѣхъ сторонъ аттакованный, пришелецъ будетъ поставленъ въ недоумѣніе, куда направить свои дѣйствія. Если одновременно, по указанію единой, центральной власти, возстанетъ народъ и подниметъ оружіе,—тогда успѣхъ несомнѣненъ. Но (замѣчаетъ князь Чарторыйскій) *это условіе трудно исполнимо, особенно между нами.*

„Когда Европа убѣдится, что въ насъ есть сила и способность къ самостоятельности и къ самоуправленію, которыхъ нельзя разрушить въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ это случилось въ 1831 году, то она выступитъ со своимъ посредничествомъ, придетъ къ намъ на помощь, остановитъ кровопролитіе и громко провозгласитъ, что Польша есть нація самостоятельная и что никому не принадлежитъ право лишать ее достигнутой ею самостоятельности..."

Въ этой рѣчи замѣчательно то, что князь Чарторыйскій, зная нравственныя качества и характеръ своихъ соотечественниковъ, ихъ рознь, наклонность каждаго повелѣвать и первенствовать,

Digitized by Google

но не подчиняться, и страсть къ политическимъ смутамъ, самъ признаетъ свои мысли о необходимости добровольнаго подчиненія Поляковъ единой власти „трудно исполнимою“ мечтою и „чудомъ“.

Мы извлекли изъ автобіографіи князя Адама Чарторыйскаго самыя характерныя его черты и его же словами представили его нравственный обликъ. Онъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ въ Россіи политическихъ дѣятелей въ ту тревожную и наполненную кровавыми войнами эпоху, когда двигателями великихъ событій, колебавшихъ всю Европу, были императоры Наполеонъ и Александръ. Князь Чарторыйскій занимаетъ безспорно первое мѣсто между всѣми современными ему и послѣ него явившимися польскими политическими дѣятелями XIX столѣтія, служившими и нынѣ служащими идеѣ возрожденія независимой Польши въ предѣлахъ 1772 года. Овладѣвъ впечатлительною душой Императора Александра и воспользовавшись его дружбою и довѣріемъ, онъ воскресилъ на всемъ пространствѣ бывшей Рѣчи Посполитой угасавшую польскую политическую идею, далъ ей жизнь и силу и блистательно оправдалъ надежды польскихъ патріотовъ. Свыше двадцатипятилѣтнее управленіе его Виленскимъ учебнымъ округомъ ознаменовалось небывалымъ энергическимъ подъемомъ польской культуры. Виленскій Университетъ, обогащенный щедрыми дарами и благоволеніемъ Императора Александра, сдѣлался средоточіемъ знаменитѣйшихъ польскихъ писателей, агитаторовъ и ученыхъ, и всѣ зависѣвшія отъ Виленскаго Университета учебныя заведенія сдѣлались очагами политической пропаганды, враждебной Россіи.

Поляки имѣютъ полное право гордиться княземъ Адамомъ-Георгіемъ Чарторыйскимъ и благоговѣть передъ его памятью.

Считаемъ необходимамъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какой порядокъ завѣдыванія школами существовалъ въ западныхъ губерніяхъ до учрежденія Виленскаго учебнаго округа и какой новый порядокъ управленія общественнымъ образованіемъ введенъ въ этихъ губерніяхъ княземъ Чарторыйскимъ, а также—что было сдѣлано имъ при вступленіи въ управленіе округомъ для усиленія ученаго значенія, власти и нравственнаго вліянія Университета на весь Западный край.

До учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія и от-

Digitized by Google

крытія учебныхъ округовъ, всѣ гражданскія ученыя и учебныя заведенія Имперіи, какъ-то: Академія Наукъ, Академія Художествъ, Московскій Университетъ, главныя и малыя народныя школы, частные пансіоны и школы, а также въ западныхъ губерніяхъ Виленскій Университетъ, повѣтовыя школы, коллегіи и училища Іезуитовъ, Піаровъ, Базиліанъ и другихъ католическихъ монашескихъ орденовъ—находились въ главномъ завѣдыніи 3-го Департамента Сената. [1] Этому же Департаменту была подчинена основанная Екатериною II для ближайшаго завѣдыванія всѣми гражданскими учебными заведеніями въ Россіи „Коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ". Всѣ учебныя заведенія въ губерніяхъ и служащія въ нихъ лица находились въ непосредственномъ вѣдѣніи Приказовъ Общественнаго Призрѣнія. Губернаторы, какъ попечители училищъ и предсѣдатели Приказовъ, избирали въ каждомъ уѣздномъ городѣ смотрителей для наблюденія за школами въ уѣздахъ. Для завѣдыванія учебною частью въ губерніяхъ „коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ" назначала губернскихъ директоровъ училищъ, которые подчинялись губернаторамъ и засѣдали въ Приказахъ Общественнаго Призрѣнія по дѣламъ, касавшимся учителей и училищъ.

Этотъ порядокъ мѣстнаго управленія учебною частью былъ примѣненъ вполнѣ и къ западнымъ губерніямъ: Могилевской, Витебской, Минской, Кіевской, Волынской и Подольской. Что касается губерній Виленской и Гродненской, въ которыхъ, по недавнему присоединенію ихъ къ Россіи, еще не было учреждено Приказовъ Общественнаго Призрѣнія,—то литовскій военный губернаторъ князь Репнинъ, главному начальству котораго были подчинены Виленскій и Гродненскій гражданскіе губернаторы, учредилъ въ Вильнѣ, для ближайшаго завѣдыванія училищами означенныхъ двухъ губерній, временную Эдукаціонную Коммиссію. [2] Всѣ училища западныхъ губерній, не исключая и Виленскаго Университета, до открытія Министерства Народнаго Просвѣщенія, состояли такимъ образомъ въ прямой зависимости отъ губернскихъ властей, и вліяніе этихъ властей на учебныя заведенія было тогда весьма обширное.

---

[1] См. „Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи," томъ I, №№ 37, 38, 46 и 49.

[2] Томъ I, № 66, письмо гродненскаго губернатора Кошелева, и № 69, отвѣтъ Виленскаго Университета на вопросные пункты. Въ предисловіи къ первому тому, стр. XXXVIII, ошибочно сказано, что Виленская временная Эдукаціонная Коммиссія учреждена при польскомъ правительствѣ.

Digitized by Google

О подчиненности, въ какой находились Виленскій Университетъ и училища западныхъ губерній отъ военныхъ и гражданскихъ губернаторовъ, можно судить по тѣмъ даннымъ, какія приведены Совѣтомъ Университета въ его донесеніи министру Народнаго Просвѣщенія 3-го ноября 1803 года.[1] Университетъ исчисляетъ длинный рядъ распоряженій и измѣненій, сдѣланныхъ литовскимъ военнымъ губернаторомъ княземъ Репнинымъ по учебной части въ Виленской и Гродненской губерніяхъ. Укажемъ главнѣйшія:

Вмѣсто двухъ коллегій — моральной и физической, изъ которыхъ состоялъ Университетъ при польскомъ правительствѣ, князь Репнинъ учредилъ три факультета: моральный, физическій и медицинскій. Онъ же отнялъ у Виленскаго Университета право самостоятельно управлять школами въ тѣхъ провинціяхъ, которыя были подчинены ему въ учебномъ отношеніи по прежнимъ академическимъ статутамъ. Оставивъ въ завѣдываніи Университета одну лишь Виленскую гимназію, князь Репнинъ отдалъ всѣ прочія училища, содержавшіяся различными католическими и базиліанскими монастырями, въ управленіе этихъ монастырей, подчинивъ самыя училища учрежденной имъ въ Вильнѣ временной Эдукаціонной Коммиссіи.

Виленскій гражданскій губернаторъ Фризель сдѣлалъ также коренную перемѣну въ училищныхъ порядкахъ ввѣренной ему губерніи: онъ измѣнилъ прежніе сроки начала и окончанія учебныхъ занятій въ Университетѣ и училищахъ и назначилъ новые сроки.

Поставленный въ тѣсную зависимость отъ гражданскихъ властей и утратившій всякую живую связь съ училищами, Виленскій Университетъ не могъ имѣть въ западныхъ губерніяхъ существеннаго вліянія на общество и народное образованіе. Къ тому же личный составъ служащихъ въ Университетѣ былъ немногочисленъ и денежныя его средства были крайне ограничены. На жалованье 18 профессорамъ, 14 адъюнктамъ, тремъ лекторамъ языковъ, механику и учителю музыки отпускалось 25.750 р.; на кабинеты, химическую лабораторію, астрономическую обсерваторію, ботаническій садъ, библіотеку и рисовальный классъ выдавалось 2.250 р.[2]

Учрежденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебныхъ

---

[1] Томъ 1, № 69, стр. 530—32.

[2] Т. I, № 69, отвѣтъ Университета на вопросные пункты, стр. 539—40.

Digitized by Google

округовъ освободило учебныя заведенія Имперіи отъ прямаго подчиненія ихъ губернскимъ начальствамъ. Для князя Чарторыйскаго, назначеннаго попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и занимавшаго въ то же время должность товарища министра Иностранныхъ Дѣлъ, было необходимо оставаться въ Петербургѣ, чтобы не удаляться отъ Государя и имѣть возможность слѣдить за направленіемъ внѣшней и внутренней политики и вліять на дѣла. Пребываніе въ Петербургѣ, для его цѣлей, было важнѣе пребыванія въ Вильнѣ, гдѣ у него были надежные и вѣрные помощники. Въ то же время онъ сознавалъ необходимость дать Виленскому Университету самоуправленіе, облечь его обширною властью надъ учебными заведеніями Западнаго края и возвысить въ обществѣ его нравственное обаяніе и блескъ—для того, чтобы онъ, во всеоружіи и силѣ, могъ успѣшно служить польской политической идеѣ и польской культурѣ и воспитывать въ ея духѣ учащееся поколѣніе.

3-го апрѣля 1803 года князь Чарторыйскій представилъ министру Народнаго Просвѣщенія „Актъ утвержденія для Университета въ Вильнѣ," одобренный Государемъ 4-го апрѣля, а 25-го мая Александръ I утвердилъ „Уставъ или общія постановленія для Императорскаго Виленскаго Университета и училищъ его округа." [1]

Университетъ получилъ широкое самоуправленіе; ему было дано полномочіе управлять всѣми учебными заведеніями въ округѣ, не исключая тѣхъ, которыя состояли въ духовномъ вѣдомствѣ и содержались католическими монастырями. Университету было предоставлено право опредѣлять и увольнять отъ службы директоровъ гимназій, смотрителей училищъ и учителей. Въ его завѣдываніи были: семинарія для приготовленія учителей и „Главная Семинарія для совершеннаго образованія священниковъ римско-католическаго исповѣданія". Во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ Университетъ отвѣтствовалъ только передъ попечителемъ учебнаго округа, которому дважды въ годъ представлялъ рапорты о состояніи Университета и училищъ, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ обращался къ нему немедленно.

Испросивъ Виленскому Университету такую обширную власть и самостоятельность, князь Чарторыйскій исходатайствовалъ ему также увеличеніе служащаго ученаго персонала и значительныя денежныя средства. Вмѣсто прежнихъ трехъ факульте-

[1] Томъ II, №№ 120 и 122.

Digitized by Google

товъ, были учреждены четыре отдѣленія: 1) физическихъ и математическихъ наукъ, 2) врачебныхъ знаній, 3) нравственныхъ и политическихъ наукъ, и 4) словесныхъ наукъ и полезныхъ художествъ. На жалованье 32 профессорамъ, 12 адъюнктамъ, лекторамъ языковъ, учителямъ искусствъ и на дополнительные курсы было назначено по уставу 57.309 р.; на вознагражденіе избираемымъ изъ членовъ Университета 4 визитаторамъ для ревизіи училищъ, 4 цензорамъ книгъ и для командировокъ въ чужіе края — 21.400 руб.; на кабинеты, библіотеку и проч. — 15.430 р. Кромѣ того, по особымъ ходатайствамъ князя Чарторыйскаго, Университетъ неоднократно получалъ отъ правительства на свои расходы значительныя денежныя суммы.

Въ заключеніе этого краткаго очерка дѣятельности князя Чарторыйскаго на первыхъ порахъ его управленія Виленскимъ учебнымъ округомъ замѣтимъ, что введенное въ 1803 году польское управленіе Университетомъ и училищами пустило глубокіе корни въ Западной Россіи и надолго извратило направленіе умовъ мѣстнаго общества и учащагося поколѣнія. Послѣдствія этого гибельнаго для Россіи направленія учебно-воспитательнаго дѣла долгое время никѣмъ не были замѣчаемы и стали обнаруживаться впервые лишь въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра Павловича.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

И. Корниловъ.

Digitized by Google

ГОРДОСТЬ СЕМЬИ.[1]

Повѣсть.

IX.

Въ большой квартирѣ Безобразо-Свирскихъ, которую они вотъ ужъ лѣтъ 15 занимали въ бель-этажѣ на Моховой, происходило что-то странное,—всѣ такъ-называемыя парадныя комнаты, освѣщенныя по обыкновенію, стояли пустыя и въ нихъ царила полнѣйшая тишина, тогда какъ по корридору слышалась суетня, сдержанный шопотъ, а изъ спальни доносились какіе-то рѣзкіе звуки не то плача, не то хохота.

Хозяйка дома Анна Николаевна Свирская находилась въ сильнѣйшей истерикѣ.

Анна Николаевна сидѣла въ креслѣ и, заломивъ свои красивыя руки за голову, то хохотала, то рыдала. Напрасно Даша, главная ея горничная, клала ей компрессы на голову, давала нюхать спиртъ, приказывала подгорничной, молоденькой Клавдіи растирать грудь,—барынѣ ничего не помогало. Она продолжала хохотать, рыдать и биться головою о высокую спинку кресла.

Въ разстегнутомъ платьѣ, съ растрепавшимися смоченными водою волосами, съ исказившимся лицомъ, которое подергивала судорога, Анна Николаевна все же была очень хороша.

— Охъ, Господи Боже мой, что мнѣ съ ними дѣлать? Барыня матушка, успокойтесь, голубушка вы моя... уговаривала Даша, мѣняя компрессы.—Три грудь, грудь то ей три, Клавдинька... Господи!..

Дверь тихо скрипнула. Въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ подъ 50, высокій, сухой, немного сутуловатый, человѣкъ привыкшій

---

[1] См. *Русское Обозрѣніе* № 1, 1896 г.

Digitized by Google

не выражать на своемъ лицѣ движенія чувствъ, Григорій Григорьевичъ Свирскій. При его появленіи Анна Николаевна на секунду перестала рыдать. Она отдѣлилась головою отъ спинки кресла, машинально отбросила волосы за уши и тяжело дыша, раздувая ноздри и сдвинувъ брови, большими темными глазами взглянула на мужа, точно ожидая, что онъ скажетъ нѣчто утѣшительное, но онъ тихо промолвилъ только:

— Полно, мой другъ.

Такъ онъ не принесъ никакого утѣшенія? Такъ все это правда? правда?..

Она хотѣла улыбнуться, но лицо ея исказила судорога. Она схватилась обѣими руками за грудь, точно стараясь удержать крикъ, готовый вырваться оттуда, но онъ все-таки вырвался — страшный, безобразный, отчаянный. Григорій Григорьевичъ зажалъ обѣими руками уши и торопливо вышелъ изъ спальни.

Онъ такъ и въ кабинетъ вошелъ съ зажатыми ушами, хотя тутъ, на другомъ концѣ дома, до него не могли дойти истерическія рыданія жены.

Лицо Григорія Григорьевича, неподвижное лицо сановника, умѣющаго владѣть имъ въ совершенствѣ, выражало страданіе.

Онъ остановился надъ своимъ огромнымъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ дѣлами. Ему надо было торопиться, надо было сейчасъ же садиться за работу. И между тѣмъ эта работа была ему такъ противна теперь. Къ чему все это, Господи, къ чему?

Онъ сѣлъ-было, развернулъ какую-то бумагу и сталъ читать.

Лицо приняло обычно безстрастное выраженіе, но вдругъ его точно что кольнуло, онъ болѣзненно сдвинулъ брови, тяжело передохнулъ, отодвинулъ кресло и всталъ. Какой-то непривычной ему старческой походкой прошелся онъ по комнатѣ, и остановился у картины, изображающей очаровательнаго ангелоподобнаго ребенка. Онъ долго вглядывался въ картину. И неужели же, неужели этотъ ангелъ, такъ кротко смотрящій на него съ полотна и тотъ, заставляющій страдать ихъ такъ невыносимо, одно и тоже лицо?—Господи, да зачѣмъ же ты допустилъ тогда, чтобы онъ выросъ?! Взялъ бы его отъ насъ, когда онъ былъ весь такой. О, это было бы горе, ужасное горе, но все же не то, что теперь!..

Боже, Боже мой, за что наказуешь? Онъ закрылъ лицо руками и въ совершенномъ забвеніи прислонился головою къ косяку камина.

Послышался стукъ въ дверь. Онъ вздрогнулъ и спокойнымъ

Digitized by Google

голосомъ сказалъ: войдите,—и принявъ безстрастное выраженіе и горделивую осанку, пошелъ не торопясь на встрѣчу своему секретарю.

— Запоздали что-то сегодня, Николай Ардальоновичъ.

Между тѣмъ какъ Григорій Григорьевичъ садился за свои обычныя вечернія занятія съ молодымъ секретаремъ, а въ спальной Даша, уложивъ наконецъ барыню въ постель, старалась успокоить ея то и дѣло возобновлявшіяся рыданія. Старая барыня Прасковья Антоновна, жившая теперь съ сыномъ, тоже разстроенная, заплаканная, вела разговоръ со старушкой Нимфодорой Яковлевной Гусевой, пользовавшейся ея благодѣяніями и навѣщавшей ее раза два въ недѣлю.

Прасковья Антоновна, не смотря на свои 70 слишкомъ лѣтъ, была еще очень представительная старуха, держалась прямо, говорила отчетливо, не шамкая, и сохраняла въ лицѣ своемъ то горделиво-холодное выраженіе, которое присуще ей было и въ молодости. Даже слѣды слезъ не смягчали этого выраженія.

— Не знаю, говорила она, въ наше время что-то рѣдко въ эти истерики-то мы впадали!.. И ужъ если правду говорить, не вѣрю я этимъ истерикамъ, матушка, не знаю какъ вы?

Хотя Нимфодора была твердо увѣрена, что Прасковья Антоновна вовсе не интересуется ея мнѣніемъ, однако сказала:

— Ахъ ужъ эти истерики! всегда сдержаться можно.

— Ну вотъ видите... И изъ-за чего? Сама же виновата—мальчику шагу не давала сдѣлать, сидѣла надъ каждымъ его урокомъ, долбила съ нимъ каждое слово, а тамъ вдругъ другая система—самъ готовь, нѣтъ надъ нимъ никого—ну и вотъ.

— Ай, ай, ай!—Нимфодора качала головою соболѣзнуя.

— Вѣдь это и большому доведись,—и большой провалится, не только что ребенокъ.

— Провалится, провалится.

— Я говорила Gregoir'у, но вѣдь меня теперь не слушаютъ, я теперь послѣдняя спица въ колесницѣ... оно конечно, Анна Николаевна жена, а все же, согласитесь, Нимфодора Яковлевна, бывало вѣдь—и матери что-нибудь да значили!.. Я вѣдь тоже люблю Вадичку, не меньше, вѣроятно, чѣмъ она его любитъ... Ну, конечно, я такъ *бурно* чувствъ своихъ не умѣю выражать, въ истерики не впадаю, но Вадичка мое единственное утѣшеніе, моя единственная гордость...

На старыхъ глазахъ ея навернулись слезы.

Digitized by Google

X.

А тотъ, изъ-за кого проливались эти слезы, тотъ, что перевернулъ весь обычный строй этого чиннаго дома, лежалъ у себя въ комнатѣ на постели и старался раздразнить сѣраго раскормленнаго кота, мурлыкающаго около него.

Это былъ юноша лѣтъ около 18—19, женоподобный и красивый со свѣтлыми глазами и темными волосами, вьющимися на лбу и на вискахъ. Никакихъ слѣдовъ пережитаго волненія не было видно на его лицѣ. Онъ съ улыбкой смотрѣлъ на равнодушную морду кота и по временамъ говорилъ:

— Васенька, да разсердитесь же... Да что-же это вы, Васька, не сердитесь.

Между тѣмъ вотъ что произошло сегодня:

Утромъ Вадимъ, гордость семьи, долженъ былъ сдать одинъ изъ труднѣйшихъ переходныхъ въ высшій классъ училища экзаменовъ — экзаменъ изъ Римскаго права. За пять дней уже весь домъ волновался этимъ предстоящимъ ему экзаменомъ.

Отецъ по нѣсколько разъ въ день навѣдывался въ его комнату узнать, занимается-ли онъ. Мать тоже съ послѣднимъ кускомъ за обѣдомъ и завтракомъ гнала его и усаживала зубрить, бабушка два раза за это время ѣздила къ Спасителю служить молебенъ. Сегодня всѣ встали рано, всѣ были взволнованы. Въ 9 часовъ мать проводила его въ училище, а въ 12 онъ уже возвратился. У подъѣзда позвонилъ онъ громко, въ гостиную вошелъ онъ развязной походкой.

— Ну? спросила мать съ замираніемъ сердца.

— Достался хорошій билетъ, сказалъ онъ, цѣлуя ей руку, отвѣчалъ хорошо...

Отецъ тоже вышелъ и спросилъ:

— Не провалился?

— Нѣ-ѣтъ!.. Не видѣлъ, какой баллъ поставилъ, но не менѣе 4.

За завтракъ всѣ сѣли въ самомъ благодушномъ и веселомъ настроеніи. Самъ Григорій Григорьевичъ поднялъ рюмку въ честь успѣшнаго окончанія экзаменовъ.

Анна Николаевна такъ вся и сіяла. Вадимъ былъ веселъ и безпеченъ и послѣ завтрака попросилъ у матери рублей десять денегъ.

— Зачѣмъ тебѣ?

Digitized by Google

— Надо-же ознаменовать чѣмъ-нибудь счастливый экзаменъ, мамуся, ну дай хоть пять, я тебѣ конфектъ привезу.

И онъ дѣйствительно къ 5 часамъ привезъ ей конфектъ.

Григорій Григорьевичъ что-то долго не возвращался къ обѣду; онъ пріѣхалъ только къ 7 часамъ. По его походкѣ, по тому, какъ скрипѣли его сапоги, Вадимъ узналъ, что онъ мраченъ, и поблѣднѣлъ. Отецъ дѣйствительно вошелъ нахмуренный и блѣдный.

Анна Николаевна стала-было спрашивать его, почему онъ запоздалъ.

— Погоди, сказалъ онъ сурово, сейчасъ узнаешь, мнѣ съ этимъ еще надо поговорить.

И прямо подошелъ къ сыну; тотъ всталъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Лгунъ, прямо смотря ему въ лицо, сказалъ отецъ,—мерзкій лгунишка, что-жъ ты думалъ, я не узнаю, что ты провалился. Или ты ни о чемъ не думаешь?

И онъ, сжавъ кулаки и скрежеща зубами, поднялъ надъ нимъ руку. Мальчикъ съёжился, ожидая удара. Бабушка и мать обѣ вскрикнули и бросились къ Григорію Григорьевичу.

— Не бойтесь, сказалъ онъ, осиливая себя и отстраняя дамъ, я не ударю его. И онъ смѣрилъ сына взглядомъ полнымъ презрѣнія, почти ненависти.

Потомъ онъ повернулся къ женѣ и матери.

— Я сейчасъ былъ въ училищѣ, сказалъ онъ, самъ не знаю, какъ это я такъ поѣхалъ, я повѣрилъ ему и всетаки поѣхалъ... Онъ не зналъ ни одного слова, ни слова... понимаете?.. И осмѣлился врать; былъ веселъ, игривъ, пилъ за свое собственное здоровье, взялъ у тебя денегъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что выдержалъ экзаменъ, и что мы никогда не узнаемъ.

Не берусь описывать сцены, послѣдовавшей за этимъ, отчаянныхъ укоровъ Анны Николаевны сыну, его слезъ, его мольбы простить, увѣреній, что никогда болѣе ничего подобнаго не случится.

— Зачѣмъ-же ты вралъ? спрашивалъ отецъ.

— Боялся.

— Чего боялся?

Молодой человѣкъ трясся и молчалъ.

— Чего, кого боялся?

— Тебя, нерѣшительно говорилъ онъ, маму... и озирался по сторонамъ.

— Чего-же ты боялся?.. Развѣ мы не любимъ тебя? не бо-

Digitized by Google

готворимъ?.. Ужъ если эту ложь, эту мерзость можемъ простить... Но наконецъ не думалъ-же ты, что мы не узнаемъ...

Онъ молчалъ.

— Не воображалъ, я спрашиваю, что не узнаемъ?

— Думалъ—узнаете... да послѣ... потомъ...

Григорій Григорьевичъ объявилъ наконецъ сыну, что ради его просьбы Вадиму дана переэкзаменовка; не далѣе, какъ черезъ три дня онъ долженъ быть готовъ.

Григорій Григорьевичъ увелъ сына въ кабинетъ, заперся тамъ съ нимъ и, положивъ ему на плечи руки: Вадимъ, сказалъ онъ и голосъ его дрожалъ и на глазахъ блистали слезы, ты боишься меня; не знаю чѣмъ я заслужилъ тотъ страхъ, что внушаю тебѣ... Не знаю, какъ и чѣмъ мнѣ тебя увѣрить, что я люблю тебя. Ты моя любовь и моя гордость, въ тебѣ вся моя радость,— постарайся-же оправдать мои ожиданія.

Мальчикъ пугливыми глазами озирался кругомъ.

— Скажи, продолжалъ отецъ необычно мягко,—скажи, чѣмъ мы пугаемъ тебя, что ты не можешь быть съ нами откровеннымъ, правдивымъ. Открой мнѣ душу свою, Вадимъ. Неужели же ты не знаешь, не догадываешься, какъ много я тебя люблю.

Вадимъ дрожалъ и осматривался кругомъ, вдругъ онъ кинулся на колѣни и схватилъ руку отца.

— Я не могу учиться, выговорилъ онъ,—не могу, ради Бога, папа, милый папа, возьми меня, отдай въ ученье, куда хочешь, въ солдаты... Я учиться не могу.

Вся мягкость исчезла съ лица Григорія Григорьевича. Онъ вырвалъ свою руку.

— Что-жь, въ пастухи тебя, гонять собакъ въ деревнѣ. Хороша гордость наша, хорошо наше единственное дѣтище. Встань, прибавилъ онъ сурово и слушай меня,—если ты черезъ три дня не сдашь экзамена—ты мнѣ не сынъ. И онъ отворилъ передъ нимъ дверь кабинета.

Вадимъ лежалъ теперь на кровати; лекціи въ безпорядкѣ валялись частью на ночномъ столикѣ, частью на полу, а онъ самъ игралъ-себѣ съ котомъ. На лицѣ его было написано безмятежное спокойствіе и довольство своею участью.

Вдругъ дверь скрипнула. Лицо Вадима мгновенно приняло угнетенное выраженіе, тонкія брови сдвинулись надъ свѣтлыми глазами. Онъ было хотѣлъ схватить одинъ изъ разбросанныхъ листовъ лекцій, но видя, что не успѣетъ, съ надутымъ видомъ оскорбленнаго ребенка, отвернулся къ стѣнѣ.

Digitized by Google

Въ комнату осторожно вошелъ старикъ лѣтъ шестидесяти.

Вадимъ искоса взглянулъ на вошедшаго и убѣдившись, что это никто иной, какъ старый камердинеръ отца, Яковъ Петровичъ, расправилъ немного свои тонкія брови, однако продолжалъ лежать отвернувшись къ стѣнѣ и надувъ губы.

Яковъ Петровичъ—большой, худощавый, съ сѣдыми баками и маленькими сѣрыми, добродушными глазками старикъ—подошелъ къ постели.

— Валяетесь! добродушно-укоризненно сказалъ онъ,—папаша не въ себѣ, бабинька не въ себѣ, объ мамашѣ ужь и говорить нечего,—чай слышите, какъ убиваются—всѣхъ разогорчили, а сами валяетесь, съ котикомъ поигрываете!.. У-у подлый, брысь!—вдругъ неожиданно свирѣпо крикнулъ онъ и согналъ кота съ постели.

— Ну, что это право, оставь, что онъ тебѣ сдѣлалъ! воскликнулъ Вадимъ и повернулся къ Якову Петровичу.

— Ахъ, сударь, сударь, продолжалъ тотъ, — и какъ это, погляжу я, вы Бога не боитесь такъ огорчать родителей. Они то стараются, внушаютъ вамъ, кажется души-то изъ себя вынули бы да вамъ отдали, а вы хоть бы что!

Вадимъ хмурилъ брови и молчалъ.

— И какъ это опять угораздило васъ, батюшка, провалиться! съ соболѣзнованіемъ сказалъ старикъ и нагнулся, чтобы поправить одѣяло въ ногахъ юноши. Тотъ, думая, что онъ хочетъ сѣсть къ нему на постель, передвинулъ ноги ближе къ стѣнѣ.

— Садись, сказалъ Вадимъ убитымъ печалью голосомъ.

— Что садиться, и постою, молвилъ старикъ, однако осторожно сѣлъ на краюшекъ постели въ ногахъ юноши и ласково провелъ по немъ рукой. — Хоть бы сапожки то сняли, грустно сказалъ онъ.

— И какъ это врать-то тебя угораздило! помолчавъ продолжалъ Яковъ, переходя на ты, — огородилъ, всѣхъ огорчилъ, и меня старика огорчилъ... Теперь-то что валяешься?.. Вѣдь сказано тебѣ „готовь“, черезъ три дня опять эти экзамены, а ты валяешься, съ котомъ играешь!

— Черезъ три, угрюмо молвилъ Вадимъ, — развѣ черезъ три дня этакую прорву выучишь! и онъ указалъ на разбросанныя по столу и по полу листы и безнадежно махнулъ рукой.

— Какъ же это всѣ выучиваютъ, а вы не выучите? недовѣрчиво спросилъ Яковъ Петровичъ.

Digitized by Google

— А ты бы выучилъ? запальчиво воскликнулъ Вадимъ,—вотъ то-то и есть.

— Да вѣдь я-то, батюшка, не ученый...

— А я ученый?..

— И какъ это, погляжу я, не вразумляетъ тебя Господь... Не въ родителевъ ты, сердечный!.. Ужь на что умнѣй Григорія Григорьевича, а ужь ученъ, ученъ, кажется все знаетъ, Анна Николаевна, тоже Бога нельзя погнѣвить, умная барыня; а вотъ тебя не вразумляетъ Господь!.. Да ты хоть бы понатужился, постарался, авось-бы что и вычиталъ... И онъ ласково погладилъ его, — что-жь это будетъ коли не выдержишь опять экзамена, вѣдь папенька сдержитъ слово, отречется онъ отъ тебя— вотъ увидишь — отречется.

— Вѣдь я-жь говорилъ ему, что не могу. Не подъ силу это мнѣ,—онъ не слушаетъ и мама тоже, хотятъ, чтобы я ученымъ былъ, ну а я не могу, не могу больше, вотъ у меня гдѣ эта премудрость!

Вадимъ вздохнулъ.

Старикъ тоже вздыхадъ и ласково гладилъ юношу по спинѣ, и вдоль ногъ, онъ очевидно вполнѣ сочувствовалъ ему и думалъ: „Зачѣмъ вся эта прорва учености!“

— Знаете, Вадимъ Григорьевичъ, вдругъ нерѣшительно началъ онъ,—отъ Ивановыхъ приходили... Лёлѣ хуже...

— Хуже! воскликнулъ онъ, вскочилъ и сѣлъ на постели.—Ну я такъ и зналъ — одно къ одному — экзаменъ не выдержалъ, Лелѣ хуже!

— Господи! Да куда же это вы?.. воскликнулъ растерявшись старикъ, между тѣмъ какъ юноша вскочилъ съ постели и торопливо натягивалъ сюртукъ.—Куда же это вы, мой батюшка?..

— Какъ куда?.. къ нимъ, къ Лёлѣ, вѣдь меня, чай, зоветъ?!

— Зоветъ, зоветъ, безъ васъ помереть боится—это точно. Только какъ же это идти то вамъ, батюшка—ну какъ папенька васъ хватится или мамаша?..

— Скажешь, что занимаюсь.

— Боюсь я, батюшка, изъ за васъ въ отвѣтѣ быть... бабинька, того гляди, придутъ понавѣдаться.

— Скажешь ей, что папа не велѣлъ меня тревожить... Ну скорѣй, скорѣй шинель, да погляди, чтобы не видалъ никто...

— Охъ, батюшка, Вадимчикъ миленькій, останься, боюсь какъ бы не быть намъ съ тобой въ отвѣтѣ, и старикъ поцѣловалъ его въ плечо.

Digitized by Google

— А ей то какже, Лёлѣ-то? умирать безъ меня, что-ли? не дождавшись?!

Вся нерѣшительность, вся робость, присущая манерамъ молодого Свирскаго, исчезла, онъ дышалъ, казалось, энергіей, никакіе уговоры Якова Петровича не могли его остановить. Тотъ долженъ былъ оказать ему содѣйствіе, выпроводивъ изъ дома такъ, чтобы никто не замѣтилъ.

XI.

Отецъ Лёли, Степанъ Степановичъ Ивановъ, бывшій управляющій Безобразо-Свирскихъ, давно оставилъ свое мѣсто управляющаго, прельстившись предложеніемъ одного торговаго дома въ Петербургѣ, давшаго ему 175 руб. въ мѣсяцъ. Болѣе 2000 рублей въ годъ послѣ 800 рублей, что онъ получалъ въ Знаменскомъ, показалось ему огромнымъ содержаніемъ. Онъ не принялъ только въ разсчетъ, что на 2000 рублей ему приходилось содержать большую семью въ Петербургѣ.

Недочеты начались почти съ перваго года переселенія. Свирскіе не упускали изъ виду семью бывшаго управляющаго ради Вадима. Шаткій, неустойчивый ребенокъ, онъ былъ твердъ и вѣренъ только въ одномъ чувствѣ своемъ къ слѣпой Лёлѣ. Онъ пристаралъ къ матери, къ отцу, чтобы похлопотали помѣстить Лелю въ заведеніе слѣпыхъ, и успокоился только тогда, когда это было сдѣлано. Онъ не пропускалъ ни одного праздника, ни одного свободнаго дня, чтобы не повидаться съ своимъ другомъ.

Но Вадиму не исполнилось и 14 лѣтъ, какъ Анна Николаевна стала препятствовать этимъ свиданіямъ. Это было вмѣстѣ и ревнивое чувство страстной матери и боязнь, какъ бы дѣтская дружба не перешла въ любовь.

Въ этомъ страхѣ за сердце Вади она сходилась съ Прасковьей Антоновной, которая всегда имѣла какой-то зубъ противъ слѣпой дѣвочки и не понимала, какъ допустила Анна Николаевна это странное сближеніе. Однако, несмотря на строгій надзоръ и запрещеніе видаться, Вадимъ не могъ прекратить сношеній съ семьей Ивановыхъ, это было выше его силъ. Его чувство къ Лелѣ никогда не переходило въ любовь, даже въ томъ возрастѣ, когда уже въ немъ начинала пробуждаться страсть, но оно было сильнѣе, прочнѣе, чище и возвышеннѣе всякой влюбленности. Не умѣя углубляться и анализировать свои ощущенія, онъ зналъ однако одно, что присутствіе Лели его дѣлаетъ лучше, что она

Digitized by Google

укрощаетъ его дурные инстинкты вѣрой въ него, что ей одной онъ не можетъ лгать.

Чувство слѣпой пожалуй было сильнѣе, чѣмъ чувство Вадима. Свою любовь къ другу дѣтства она какъ то не отдѣляла отъ вѣры въ Бога; когда она молилась, она всегда думала о Вадимѣ, когда она думала о Вадимѣ,—она молилась. Она была убѣждена, что нѣтъ совершеннѣе и лучше его человѣка. Она вѣрила въ него безусловно. Его слова были для нея завѣтомъ. Тихая обыкновенно, она оживлялась только въ его присутствіи. Его приближеніе она чувствовала издали. Между десятками шаговъ она могла отличить его шаги.

Уже два года, какъ Лёля была взята изъ училища по нездоровью. Послѣ тяжелой скарлатины весь организмъ ея какъ-то расшатался, и вотъ уже два года, какъ она хирѣла, а недѣли за двѣ до начала нашего разсказа совсѣмъ слегла. Но Вадимъ былъ далекъ отъ мысли потерять ее и почти не посѣщалъ ее ея за эти двѣ недѣли, потому что готовился къ экзамену. Извѣстіе, сообщенное ему Яковомъ Петровичемъ, поразило его неожиданностью.

XII.

Ивановы занимали квартиру на одной изъ отдаленныхъ линій Васильевскаго острова, въ большомъ домѣ, во второмъ дворѣ.

Вадимъ оставилъ извощика у воротъ и пошелъ извѣстною ему дорогой по узенькому тротуарчику, какъ бы припертому къ дому высокими кладками дровъ. Отворивъ стекольчатую низкую дверь на тяжеломъ блокѣ и изрядно хлопнувъ ею, онъ, ступая черезъ двѣ ступени, поднялся въ четвертый этажъ и позвонилъ у двери, на которой при свѣтѣ тускло освѣщавшей лампы можно было усмотрѣть картонную дощечку съ крупно начертанными домашнимъ образомъ письменами: Степанъ Степановичъ Ивановъ.

Вадиму скоро отворили.

— Ну что?.. торопливо сбрасывая шинель, спросилъ онъ, даже забывъ поздороваться съ отворившею ему пожилою женщиной въ ситцевой кофточкѣ.

— Плохо очень, отвѣчала она печально, не чаемъ, чтобы ночь прожила... Вы-то что же насъ забыли, Вадимъ Григорьевичъ? все о васъ спрашивала.

Женщина въ ситцевой кофточкѣ печально улыбнулась, а на свѣтлыхъ глазахъ Вадима показались слезы.

Digitized by Google

— Ахъ Елена Дмитріевна, экзамены одолѣли, съ отчаяньемъ выговорилъ онъ, и теперь не знаю какъ выбрался!..

Покуда онъ говорилъ, Елена Дмитріевна, мать Лели, смотрѣла на него съ грустнымъ участіемъ. Несмотря на худобу и слѣды трудовой горькой подъ часъ жизни, проведшей преждевременныя морщины, лицо этой женщины было еще прекрасно. Особенно хорошо было на немъ выраженіе этого ласковаго грустнаго участія и кроткой покорности. Елена Дмитріевна вышла изъ народа и покориться судьбѣ привыкла съизмала.

— Такъ экзамены одолѣли, повторила она, качнувъ головой, а у насъ вотъ что—Леля наша при смерти.

— Къ ней можно, Елена Дмитріевна? передернувъ плечами спросилъ Вадимъ.

— Можно, мой батюшка, можно. Сегодня съ утра васъ ждетъ, точно предчувствіе въ ней какое... Не испугайтесь только, Вадимъ Григорьевичъ, очень она измѣнилась въ эти дни, думаемъ, скоро конецъ.

Въ столовой, черезъ которую они должны были пройти, было много народу. Одинъ изъ старшихъ сыновей Ивановыхъ — телеграфистъ, двое меньшихъ—гимназистикъ лѣтъ 13-ти и хорошенькая дѣвочка, въ прекрасныхъ дѣтскихъ глазахъ которой читался ужасъ, и двѣ какихъ-то женскихъ фигуры Вадиму незнакомыя. Всѣ какъ-то жались другъ къ другу, у всѣхъ были недоумѣвающія, испуганныя лица.

Вадимъ наскоро пожалъ руку телеграфисту и дѣтямъ и неловко поклонившись остальнымъ, за Еленой Дмитріевной прошелъ въ комнату больной.

Маленькая комната, въ которую они вошли, была еле освѣщена тусклою лампочкой подъ кривымъ самодѣльнымъ абажуромъ, въ ней было душно, и царствовалъ какой-то смѣшанный удушливый запахъ лекарства и сырости. Передъ лампой стояла высокая, некрасивая и рябая дѣвушка—старшая сестра Лёли, и капала изъ пузырька что-то въ рюмку. На стулѣ у кровати, сгорбивъ могучую спину и опустивъ голову, сидѣлъ Степанъ Степановичъ Ивановъ. Онъ вздрогнулъ при звукѣ отворившейся двери и выпрямился. Со стороны постели послышался какъ бы лепетъ листьевъ, разбуженныхъ легкимъ вѣтеркомъ.

— Что моя милая? что тебѣ надо? спрашивалъ отецъ, нагибаясь къ дочери, что тебѣ надо?

Она протягивала руки, какъ бы ища чего-то, тихо лепеча

Digitized by Google

слова, понять которыя было трудно, такъ тихо вылетали они изъ ея устъ.

— Кто это? съ усиліемъ возвышая голосъ, произнесла она не онъ ли? это онъ, онъ!..

Уже нѣсколько разъ впродолженіи ея болѣзни, ей чудилось, что Вадимъ входитъ въ ея комнату, и по привычкѣ отецъ сказалъ:

— Нѣтъ, моя милая, это не онъ.

Но она не вѣрила. Всякая жилка ея лица, худенькаго, прозрачнаго—трепетала, она поднялась и сѣла безъ посторонней помощи, протягивая руки.

О, это былъ онъ, она это чувствовала! Черезъ мгновеніе своими худыми прозрачными пальцами она уже ощупывала его лицо, старалась поймать его руки и прижать къ губамъ.

Изъ глазъ юноши, часъ тому назадъ такъ беззаботно игравшаго съ котомъ, катились слезы. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы въ 15 дней человѣкъ могъ такъ измѣниться.

Такъ давно знакомыя неправильныя, но милыя черты вытянулись, осунулись, слѣпые глаза сдѣлались больше, расширились, въ выраженіи обтянувшагося рта, въ его улыбкѣ явилось что то новое, незнакомое, что то какъ будто чуждое и одновременно притягивающее вниманіе какой той неодолимой, необъяснимой силой своей; что то такое, что заставляло сердце юноши замирать отъ жалости, любви и ужаса.

Степанъ Степановичъ снялъ абажуръ съ лампы и свѣтъ ея прямо упалъ на лицо слѣпой. Въ ея большихъ глазахъ, которые закатывались отъ слабости, виднѣлось какъ будто бы какое то вдохновеніе.

— Да, да, едва слышно лепетала она, ты пришелъ. Я знала, что ты придешь. Мы не могли разстаться, не повидавшись передъ разлукой, я знала.

— Зачѣмъ разлука, всхлипывая сказалъ Вадимъ, больше по губамъ ея понимая слова, чѣмъ по слуху. Зачѣмъ намъ разставаться.

— Нѣтъ, не говори этого, такъ надо, надо, сказала она, пора!..

Глаза ея закатились. Онъ вскрикнулъ, думая, что она умираетъ, но это былъ обморокъ, длившійся не болѣе двухъ минутъ. Отецъ подхватилъ ее и уложилъ на подушку.

Черезъ мгновеніе она уже опять искала Вадима.

— Пора, продолжала она свою прерванную обморокомъ мысль, такъ надо, не страшно мнѣ... Я рада... Жаль отца, мать—пла-

Digitized by Google

кать будутъ... Тебя больше жаль, больно ты простъ... жить тяжело тебѣ будетъ.

Она помолчала.

— Ты Лелю помни, не забывай... Тамъ можетъ увидимся.

Она держала его руку въ одной рукѣ, а другой гладила. Вѣки ея закрылись, казалось—она дѣлаетъ это во снѣ. Вадимъ сидѣлъ теперь на стулѣ, оставленномъ отцомъ ея, и боялся шевельнуться.

Вдругъ она вымолвила:

— Вчера причащалась... хорошо было... жаль ты не пришелъ... Теперь не оставлай.. при тебѣ хочу умереть. Мучиться буду, ты не бѣги, молись за меня, милый... И я за тебя помолюсь...

— Не говори такъ много, это тебѣ вредно, сказалъ отецъ, утирая глаза и дѣлая знаки Вадиму, чтобы онъ ушелъ.

— Ничего мнѣ теперь не вредно. И чуткимъ ухомъ услышавъ слабое движеніе Вадима, она удержала его.

— Не уходи, буду молчать.

Она замолчала. Слышно только было ея слабое, прерывистое дыханіе.

И всѣ тутъ въ комнатѣ и тамъ въ столовой ждали ея смерти. Вдругъ она громко и внятно выговорила:

— Нѣтъ-ли винограду?.. Мнѣ хотѣлось бы чего-нибудь свѣжаго, во рту пересохло.

Было уже болѣе десяти часовъ вечера, но Вадимъ зналъ, что Милютины лавки не закрываются раньше одиннадцати и вызвался съѣздить за виноградомъ.

Взявъ извощика туда и обратно, Вадимъ ворвался въ магазинъ, когда его готовились запирать.

— Два фунта винограду, задыхаясь выговорилъ онъ.

Но винограду въ магазинѣ не оказалось.

— Послушайте, гдѣ же взять винограду теперь весной!

Онъ отправился въ слѣдующій магазинъ, оттуда въ слѣдующій, но вездѣ его принимали одинаково нелюбезно, вездѣ торопились уже убирать вещи и закрыть магазины. Въ послѣднемъ наконецъ онъ рѣшилъ взять вмѣсто винограда двѣ великолѣпныя французскія груши и персикъ. О цѣнѣ онъ не спрашивалъ, что бы это не стоило, онъ все равно возьметъ! Но когда пришлось расплачиваться, это оказалось трудно. Фрукты стоили дорого, а въ его карманѣ остался отъ сегодняшняго подарка матери какой-нибудь рубль мелочью.

Что было дѣлать?

— Мнѣ необходимы эти фрукты, сказалъ Вадимъ, бросая

Digitized by Google

тотъ свой обычный нерѣшительный взглядъ въ сторону, который какъ бы просилъ о поддержкѣ въ трудныя минуты жизни и который теперь упалъ на старшаго приказчика, уже надѣвшаго пальто и нетерпѣливо ждавшаго его ухода.

Приказчикъ холодно, не моргнувъ бровью, встрѣтилъ этотъ взглядъ, какъ будто рѣшивъ не помогать ему.

— ...Это для умирающей... продолжалъ Вадимъ, бросая свой взглядъ въ другую сторону.

— Берете или нѣтъ, сударь? холодно спросилъ приказчикъ, вы задерживаете насъ, мы торопимся закрывать магазинъ.

— Возьмите мой портъ-сигаръ, жалобно сказалъ Вадимъ, завтра я привезу деньги.

Онъ вынулъ массивный серебряный портъ-сигаръ съ золотою монограммой, который былъ данъ ему отцомъ только на время, пока чинился его собственный.

— У насъ не закладная лавка, сударь, у насъ это не дѣлается... Будь тутъ хозяинъ, онъ конечно повѣрилъ бы вамъ на слово какихъ-нибудь 5 рублей. Заклада мы не беремъ-съ.

— Но гдѣ же я могу заложить теперь эту вещь? со слезами въ голосѣ вымолвилъ юноша, пожалуйста возьмите, я вамъ говорю, это для умирающей.

— Сударь, это не въ нашихъ правилахъ, это не дѣлается, говорилъ приказчикъ, нерѣшительно беря портъ-сигаръ; повертѣлъ его, передалъ другому приказчику, они что-то посовѣщались другъ съ другомъ и рѣшили взять его. Старшій приказчикъ попросилъ только Вадима собственноручно написать свой адресъ, имя, отчество и фамилію.

Вадимъ радостный, что добился своего, сдѣлалъ все, что его просили и съ легкимъ сердцемъ отправился обратно на Васильевскій островъ.

Онъ думалъ только объ одномъ, что онъ исполнитъ просьбу своего умирающаго друга. Дальнѣйшая же забота объ участи портъ-сигара ускользала изъ его соображеній. Даже мысли о томъ, чѣмъ онъ выкупитъ отцовскій портъ-сигаръ, не было въ его головѣ.

XIII.

Юный Свирскій нашелъ семью Ивановихъ въ тревогѣ.

Еще въ передней отворившая ему рябая сестра Лели, Лизавета Степановна, сказала ему, что Лелѣ хуже. Въ столовой ему показалось, было еще болѣе народу, чѣмъ прежде, но у всѣхъ

Digitized by Google

этихъ лицъ онъ видѣлъ одинъ только испуганный взглядъ, который и его заставилъ испугаться и замедлить передъ дверью, тѣмъ болѣе, что оттуда раздавался какой-то странный звукъ— не то стонъ, не то хрипъ.

Неужели это она? подумалъ Вадимъ; тяжело передохнулъ, изъ правой руки въ лѣвую переложилъ коробку съ фруктами и перекрестился.

Когда онъ отворилъ дверь, у постели больной стояли отецъ и мать и заслоняли ее, но именно оттуда шелъ этотъ хрипъ, поразившій его еще въ столовой.

Елена Дмитріевна обернулась. Лицо ея было блѣдно и измучено. Она сдѣлала ему знакъ головой, который онъ понялъ такъ:

— Теперь ужъ ничего не нужно.

Но хрипъ на одно мгновеніе прекратился, вѣроятно Леля говорила что-нибудь, такъ какъ мать нагнулась къ ней, и онъ слышалъ, какъ сказала, стараясь сдѣлать голосъ свой веселымъ:

— Это Вадимъ Григорьевичъ, Леличка, винограду тебѣ привезъ.

Страшное клокотанье опять возобновилось.

Елена Дмитріевна поманила Вадима. Ему хотѣлось бѣжать прочь, но онъ помнилъ слова Лели: „будь тутъ, когда я буду мучиться“, и содрогаясь весь своимъ здоровымъ молодымъ тѣломъ, онъ подошелъ къ ней.

Она полусидѣла, полулежала, закинувъ голову на высоко взбитыя подушки, глаза закатились, видны были только синіе бѣлки, губы были полуоткрыты, но дыханіе вырывалось точно изъ ноздрей, и въ груди происходила какая-то таинственная и страшная работа.

Не смотря на страданія, однако она почувствовала, что онъ, ея Вадимъ—тутъ, и стала протягивать къ нему руки.

— Станьте тутъ, сказала Елена Дмитріевна, давая ему мѣсто у постели умирающей.

Съ секунду онъ колебался и вдругъ рѣшился и сталъ между стариками. „Я долженъ быть съ нею, говорилъ онъ себѣ, я долженъ“. Онъ взялъ ея холодѣющую руку и точно успокоился, такъ какъ нѣжность къ умирающей понемногу вытѣснила страхъ, этотъ ужасный передъ никогда невиданными прежде физическими страданіями милаго близкаго существа, ужасный страхъ ожиданія смерти.

„Я долженъ, говорилъ себѣ юноша, кажется никогда еще въ

Digitized by Google

жизни не произносившій этихъ словъ: „Я долженъ“. Онъ много слышалъ отъ отца долгихъ, разумныхъ, обстоятельныхъ разсужденій о долгѣ. Много слышалъ и отъ матери пылкихъ, страстныхъ рацей о томъ же долгѣ. Но разсужденія отца были скучны и не доходили до его сердца, пылкихъ рѣчей матери онъ боялся. И въ сущности этотъ долгъ, о которомъ оба говорили ему, Вадимъ считалъ пустымъ звукомъ. Онъ зналъ, что каждый изъ нихъ будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ, ихъ сынъ, исполнилъ свой долгъ и потому онъ былъ спокоенъ и не думалъ о домѣ, зная, что объ этомъ думаютъ за него другіе.

Скучная матерія этотъ долгъ! Теперь впервые онъ самъ говорилъ себѣ: я долженъ.

Смотрѣть на страданія Лели было мучительно, слушать ея хрипъ было ужасно. Страшно было думать о томъ, что сейчасъ, сейчасъ, можетъ быть и хрипы прекратятся, и Леля перестанетъ дышать и станетъ безжизненнымъ трупомъ—все это было страшно и ужасно, но онъ впервые исполнялъ свой долгъ и потому вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ мучительнымъ и страшнымъ, что приходилось испытывать Вадиму, онъ испытывалъ и нѣкотораго рода наслажденіе. Когда умирающая, которую считали въ безсознательномъ состояніи, вдругъ узнала его по рукѣ и громко выговорила: „Вадя“! Это была минута такого счастья, такого блаженнаго самозабвенія.

— Я здѣсь, я съ тобою, проговорилъ онъ, милая, милая Леля!..

— Винограду, проговорила она.

— Я привезъ тебѣ грушъ, винограду не нашелъ, вѣдь теперь весна.

— Да, весна, весна, пролепетала она, какъ хорошо было, помнишь?..

Вѣроятно въ ея воображеніи возникло представленіе о чемъ-то прекрасномъ и свѣтломъ, такъ какъ губы ея расширились въ улыбку.

— Какъ хорошо! Дай же грушу... ты обѣщалъ.

Съ какимъ восторгомъ, дрожащими руками онъ очистилъ грушу и поднесъ къ ея посинѣвшимъ губамъ.

Она пососала немного и проговоривъ:

— Какъ хорошо! Какъ ты добръ, какъ добръ, добръ!.. отстранила грушу, но оставила руку Вадима въ своей рукѣ.

— Ты не хочешь больше? спросилъ онъ.

Она не отвѣчала и нѣсколько минутъ лежала неподвижно съ закрытыми глазами.

Digitized by Google

— Заснула кажется, сказала мать.

Вдругъ рука ея вздрогнула въ рукѣ Вадима. Она открыла свои большіе слѣпые глаза, и юношѣ показалось, что прямо взглянула ему въ душу.

— Жаль, жаль мнѣ! выговорила она громко.

И все ея худенькое маленькое тѣло затрепетало, вѣки закрылись, и головка медленно скатилась на плечо...

Это была смерть.

Слезы лились изъ глазъ Вадима, но не отъ горя, онъ какъ-то не могъ себѣ представить еще, что ея уже нѣтъ, слезы лились отъ любви и нѣжности къ ней, слезы лились потому, что онъ исполнилъ свой долгъ передъ ней. Онъ плакалъ, потому что былъ убѣжденъ, что послѣднія ея слова относились къ нему. Онъ не думалъ еще объ утратѣ, онъ не думалъ еще о томъ, что никто ужъ больше не будетъ такъ вѣрить ему, никто такъ беззавѣтно любить. Онъ ощущалъ еще это довѣріе и любовь; все это было еще тутъ, какъ бы въ настоящемъ, а не въ прошедшемъ—и ничего горькаго не было въ его ощущеніяхъ. Онъ удивлялся и радовался, что смерть не имѣетъ въ себѣ ничего отталкивающаго, ужаснаго.

Тоже или почти тоже испытывали и всѣ члены Лелиной семьи. Тотъ ужасъ, который прочелъ на лицахъ Вадимъ при входѣ въ домъ—исчезъ. Всѣ, глядя на тихое лицо покойницы, какъ бы впервые поняли, что смерть можетъ быть и не страшной. Всѣ плакали, но на душѣ у всѣхъ было свѣтло и тихо, какъ то весеннее утро, которое загоралось надъ Петербургомъ. Кроткіе лучи утренняго солнца уже проникли въ окна убогой квартиры 4-го этажа. Лелю еще не трогали. Она все еще лежала въ своей позѣ уснувшаго ребенка, склонивъ на плечо головку съ растрепавшимися волосами. Семья толпилась въ маленькой комнатѣ, вокругъ постели усопшей, каждому хотѣлось взглянуть на кроткій образъ. Никто не говорилъ, слышались только тихія всхлипыванія, когда вдругъ раздался звонокъ у входной двери.

Кто бы могъ звонить въ такой ранній часъ утра? Самъ старикъ Ивановъ, вышедшій отворить, удивился, увидѣвъ сѣдыя бакенбарды стараго дворецкаго Свирскихъ Якова Петровича.

— Барчукъ нашъ у васъ? спросилъ онъ.

— Всю ночь тутъ пробылъ... Леличка только что скончалась.

— Царство небесное, вѣчный покой! набожно крестясь, выговорилъ Яковъ Петровичъ. Чай огорченъ нашъ-то?

— Плачетъ.

Digitized by Google

— Вызовите ко мнѣ, Бога ради. Ахъ Господи, Господи!

— Сейчасъ вызову, Яковъ Петровичъ, да вы войдите, голубчикъ мой, посмотрите на Лёлечку то, какъ ангелъ почиваетъ.

Яковъ Петровичъ скинулъ шубу и приглаживая свои жидкіе сѣдые волосы, на цыпочкахъ вошелъ въ комнату покойницы. Не здороваясь ни съ кѣмъ, онъ положилъ земной поклонъ передъ усопшею.

— Истинный ангелъ! вымолвилъ онъ, вставая и здороваясь съ Еленой Дмитріевной и дѣтьми.

Вадимъ багрово покраснѣлъ при входѣ старика и началъ тереть одну руку о другую, глядя въ сторону.

Яковъ Петровичъ, какъ бы щадя и жалѣя его, нѣкоторое время говорилъ въ полголоса съ Еленой Дмитріевной.

— О чемъ же плакать, говорилъ онъ, извѣстно мѣсто ея на небѣ, вамъ родителямъ радоваться надо такой кончинѣ праведной... И причастилась?

— Еще позавчера пріобщалась.

— Ишь кротко да тихо улыбается, по истинѣ ангелъ.

Старикъ еще разъ перекрестился и тогда только обратился къ Вадиму.

— А я за вами, батюшка Вадимъ Григорьевичъ, домой намъ съ вами пора.

— Поѣзжайте, поѣзжайте, миленькій, сказала Елена Дмитріевна. Спасибо вамъ, голубчикъ вы нашъ, никогда не забыть намъ вашей ласки, никогда, никогда! Покуда Леночку помнить будемъ, за васъ молиться не перестанемъ. Украсили вы послѣдніе часы нашему ангелу.

Старикъ Ивановъ ничего не сказалъ Вадиму, онъ только крѣпко сжалъ ему руку, между тѣмъ какъ слезы наполнили его глаза. Вся семья, — старикъ, большія дѣти и маленькія — всѣ вышли провожать юношу.

— Къ паннихидѣ вечеромъ пріѣзжайте, сказалъ старикъ. Душа ея тосковать по васъ будетъ, коли не пріѣдете.

— Ну это тамъ видно будетъ, видно будетъ, суетливо помогая одѣваться Вадиму, говорилъ Яковъ Петровичъ. Вечеромъ-то ему нельзя, никакъ нельзя и не ждите лучше! Наши порядки-то вѣдь извѣстны вамъ, шепнулъ ужь онъ на лѣстницѣ, дѣлая такой жестъ руками, которымъ какъ бы хотѣлъ охранить Вадима.

Digitized by Google

XIV.

Покуда ночной плохенькій извощикъ легонькою трусцой тащилъ моего героя по отдаленнымъ отъ его дома улицамъ, онъ не думалъ объ этомъ домѣ. Его мысль носилась вокругъ умершей. Онъ то представлялъ себѣ далекое прошлое — паркъ въ Знаменскомъ и слѣпую маленькую дѣвочку въ розовомъ платьицѣ, то вспоминалъ недавнія событія. Ея слова, ея тихій голосъ, ея стоны, заставлявшіе его содрагаться и теперь, не смотря на то чувство удовлетворенности исполненнаго долга, которое наполняло его. Онъ на мгновеніе закрывалъ глаза, и открывъ ихъ опять удивлялся, что смерть Лёли ничего не измѣнила, что вокругъ все такъ хорошо и радостно улыбается. И въ немъ самомъ тоже что-то хорошее и радостное, что-то соотвѣтствующее этому ясному небу, этой синей прекрасной рѣкѣ, такъ спокойно катящей свои волны. Онъ оглядывался кругомъ и находилъ какую-то невиданную доселѣ прелесть и въ этой рѣкѣ, и въ этихъ зданіяхъ, окрашенныхъ розовымъ цвѣтомъ утренняго солнца и точно выплывавшихъ изъ туманной дали. И какая-то кроткая радость поднималась въ немъ самомъ; и онъ хотѣлъ жить, жить.

— Надо вечеромъ на паннихиду, говорилъ онъ себѣ, это мой долгъ, и я его исполню. Она увидитъ меня и обрадуется.

И радость Лёли въ его воображеніи смѣшивалась съ синевой рѣки и съ этимъ розовымъ лучомъ, игравшемъ на зданіяхъ.

Представленіе о домѣ, объ отцѣ, матери, объ предстоящемъ экзаменѣ тонули въ какихъ-то глубокихъ, глубокихъ сумеркахъ.

Яковъ Петровичъ молчалъ и Вадимъ не заговаривалъ съ нимъ. Къ чему? Онъ скоро, слишкомъ скоро узнаетъ все это скучное, томительное, мрачное, что ждетъ его дома, лучше пока не думать объ этомъ! Только на Каравайной онъ спросилъ Якова Петровича.

— Папа всталъ?

— За вами послали, батюшка. Выгнать меня собираются... Такимъ словомъ назвали меня изъ-за васъ...

Вадимъ хотѣлъ спросить про мать, бабушку, про то, не узналъ ли кто еще съ вечера объ его отсутствіи, но остановился на полусловѣ,—не все-ли равно, еще узнается!

А Яковъ Петровичъ, жалѣя его, не разсказывалъ о только что происшедшей сценѣ.

Digitized by Google

Въ три часа ночи Григорій Григорьевичъ узналъ, что Вадима нѣтъ дома и совершенно вышелъ изъ себя, когда Яковъ Петровичъ сказалъ ему, что сынъ поѣхалъ къ умирающей слѣпой. Григорій Григорьевичъ до того забылся, что пригрозилъ старику выгнать его изъ дома.

— Какъ собаку вышвырну, кричалъ онъ, старый... и онъ прибавилъ грубое, обидное слово.

— Батюшка, дрожащимъ голосомъ возражалъ старикъ, воля ваша, извольте выгнать, только доложу вашей милости, не заслужилъ я того обиднаго слова... А что они поѣхали къ умирающей, что я имъ передалъ это извѣстіе — это точно — пожалѣли они Лёличку... и всякому доведись...

— Дѣла мнѣ нѣтъ до вашихъ Лёличекъ, весь дрожа, говорилъ Свирскій, сейчасъ, слышишь-ли, сейчасъ поѣзжай за Вадимомъ. Чтобы черезъ часъ былъ тутъ, и слышать ничего не хочу!

— Слушаю-съ, сейчасъ поѣду.—А только напрасно, Григорій Григорьевичъ, не заслужилъ я такой обиды... Кажется,—весь вѣкъ вѣрой и правдой служилъ...

— Старый дуракъ, началъ было Свирскій, и вдругъ ротъ его скривился, какіе-то мускулы въ щекахъ запрыгали, вѣки небольшихъ точно выцвѣтшихъ глазъ покраснѣли и двѣ крупныя слезы выкатились изъ глазъ.—Старый дуракъ... сынъ вѣдь онъ мнѣ, единственный сынъ... гордость моя, а ты обижаешься... Что-то вродѣ смѣха или вопля вырвалось изъ впалой груди Григорія Григорьевича. Онъ махнулъ рукой и быстро вышелъ изъ комнаты.

Только завидѣвъ подъѣздъ своего дома, Вадимъ измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ, губы его нервно задергались

— Милый Яковъ Петровичъ, заговорилъ онъ плаксивымъ голосомъ, какъ маленькій, войдемъ черезъ задній ходъ... отецъ услышитъ звонокъ.

— На дворъ, на дворъ въѣзжай, нервно крикнулъ юноша извощику.

— Страшно мнѣ, Яшенька, говорилъ онъ, входя по скользкой лѣстницѣ, страшно!

Онъ дѣйствительно весь дрожалъ отъ нервнаго зноба и, проходя корридоромъ на свою половину, жался какъ маленькій къ Якову Петровичу.

Они миновали опасную мѣстность, не встрѣтивъ никого кромѣ молодаго мальчика-лакея въ фартукѣ и мягкихъ туфляхъ со щеткой въ рукахъ, направлявшагося убирать гостиную. Лицо

Digitized by Google

Клементія показалось Вадиму испуганнымъ, онъ посторонился, не кланяясь ему, какъ-будто бы ему нечего было ужъ и кланяться.

У двери Вадимовой комнаты между нимъ и Яковомъ Петровичемъ завязалась борьба. Вадимъ не хотѣлъ отпускать отъ себя Якова, боясь, что онъ сейчасъ же отправится къ отцу.

— Погоди хоть крошечку, давъ отдохнуть, говорилъ онъ.

Яковъ Петровичъ сдался на увѣщанія и вмѣстѣ съ барчукомъ вошелъ въ его комнату. И оба они ахнули и окаменѣли у двери.

Въ креслѣ передъ письменнымъ столомъ сидѣлъ Григорій Григорьевичъ.

— Иди же, сказалъ онъ сыну, я давно жду тебя здѣсь.

Вадимъ не трогался съ мѣста.

— Яковъ, сними съ него шинель и уходи, сказалъ Свирскій.

Старикъ исполнилъ приказаніе барина, онъ снялъ шинель съ юноши и уходя успѣлъ шепнуть ему нѣсколько ободрительныхъ словъ. Но Вадимъ ничего не понималъ, онъ, не поднимая головы, уставился одичалымъ взглядомъ въ полъ, позволяя раздѣть себя, не проявляя признаковъ какой-либо воли.

— Подойди, повторилъ отецъ.

Вадимъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, онъ точно не слышалъ. Тогда рѣзкимъ движеніемъ Григорій Григорьевичъ отбросилъ кресло отъ себя и направился къ сыну. Юноша весь затрепеталъ, настоящій ужасъ выразился на его лицѣ и онъ протянулъ впередъ руки, какъ-будто для того, чтобы защитить себя; этотъ жестъ остановилъ Григорія Григорьевича.

— Господи, Боже мой, воскликнулъ онъ, до чего я дожилъ, мой сынъ, мое единственное любимое дитя боится меня, какъ пугала.

Вадимъ исподлобья взглянулъ на отца. Его видъ дѣйствительно не представлялъ ничего страшнаго, выраженіе лица было скорѣе страдальческое, чѣмъ грозное; ему хотѣлось, казалось, прикоснуться къ сыну, но онъ остановился въ своемъ желаніи и соединилъ руки жестомъ мольбы.

— Вадимъ, мой другъ, мой сынъ, опомнись! Взгляни хоть разъ на твоего отца безъ предубѣжденія, безъ страха. Дитя мое, развѣ ты не видишь, какъ глубоко мое страданіе! Я сейчасъ былъ грубъ, несправедливъ, я чуть было не вытолкалъ изъ дома вѣрнаго слугу, друга,—въ этомъ несправедливомъ гадкомъ моемъ поступкѣ ты былъ причиной. Но я прощу тебѣ, все, все прощу за одно откровенное слово, за одинъ порывъ любви!..

Digitized by Google

Вокругъ губъ Вадима что-то трепетало, но онъ стоялъ съ глазами опущенными въ землю.

— Вѣдь есть же люди, продолжалъ Григорій Григорьевичъ, которымъ ты даришь свою любовь, выражаешь довѣріе, почему же я, почему же мы съ твоею матерью, мы, которые душу готовы положить за тебя, мы не можемъ заслужить твоего довѣрія и любви.

Голосъ отца, казалось, начиналъ проникать до слуха сына, глаза его наполнялись влагой.

— Что тебѣ эти Ивановы! Чѣмъ заслужили они передъ тобою? Для нихъ ты пренебрегаешь отцемъ, матерью, пренебрегаешь домомъ. Имъ ты отдаешь твою любовь и довѣріе. Чѣмъ эти люди приворожили тебя?! Что въ этой слѣпой дѣвченкѣ!..

Влага въ глазахъ Вадима исчезла, въ подергивающихся губахъ промелькнуло, что-то злое.

— Не говори ничего противъ нея, она умерла! вымолвилъ Вадимъ свое первое слово

— Почему же ты мнѣ не сказалъ, что она умерла?.. Кто можетъ понять твое горе глубже, кто раздѣлитъ его съ тобою! Дитя мое, никто не любитъ тебя больше, не можетъ больше любить!..

Онъ плакалъ, крупныя слезы лились по его щекамъ, непривычный выражать движеніе души, онъ какъ-то неумѣло схватилъ сына за руки и привлекъ его къ себѣ.

Тронутъ-ли былъ Вадимъ или только радъ, что вмѣсто укоровъ онъ видѣлъ ласку, но онъ довѣрчиво бросился въ объятія отца. И они плакали оба.

XV.

Вотъ два дня какъ въ домѣ Свирскихъ царствуетъ полное спокойствіе.

Вадимъ усиленно занимается лекціями. Только разъ онъ ѣздилъ на панихиду и сказалъ объ этомъ отцу. По нѣсколько разъ на день Григорій Григорьевичъ заходитъ въ комнату Вадима, ему хочется помочь ему. Онъ предлагаетъ ему заниматься вмѣстѣ, но сынъ краснѣетъ и отказывается: „Нѣтъ, нѣтъ, ему легче заниматься одному“. Но Григорій Григорьевичъ уже не спокоенъ онъ нѣсколько разъ заставалъ уже сына у окна, барабанившаго по стеклу; заставалъ его съ котомъ Васькой.

— Вадя, милый, говоритъ Григорій Григорьевичъ кротко, просительно даже, позволь я помогу тебѣ.

Digitized by Google

Онъ садится напротивъ сына на неудобномъ хрупкомъ стульчикѣ.

— Сколько же ты приготовилъ билетовъ? спрашиваетъ онъ.

И сразу замѣчаетъ, что системы въ занятіяхъ сына нѣтъ никакой. Григорій Григорьевичъ дѣлаетъ нетерпѣливый жестъ. Для него, непонимающаго никакого дѣла безъ системы, характеръ сына непостижимъ. Онъ старается удержать свое нетерпѣніе, выраженіе его лица не гнѣвное, а страдальческое, онъ помнитъ хорошо положенный зарокъ кротости съ сыномъ, и потому онъ сдерживаетъ нетерпѣніе. Онъ начинаетъ съ того, что вырабатываетъ систему занятія и потомъ самъ приступаетъ къ чтенію, останавливаясь отъ время до времени и поясняя Вадиму то, что кажется ему необходимымъ пояснить.

Вадимъ вначалѣ напрягаетъ все свое вниманіе, сдвинувъ брови онъ, не сморгнувъ, смотритъ на отца, стараясь не пропустить ни одного слова, но это напряженное вниманіе скоро утомляетъ его, вмѣсто того, чтобы слушать, онъ начинаетъ наблюдать надъ тѣмъ, какъ странно поднимаются брови Григорія Григорьевича въ тактъ чтенію, какъ двигаются мускулы щекъ, онъ думаетъ о томъ, почему рѣсницы отца такія короткія и всегда-ли онѣ были такъ коротки или повытерлись? А у него, Вадима, какія рѣсницы? кажется длинныя? Въ забывчивости онъ вытягиваетъ шею и хочетъ заглянуть въ зеркало, но вспоминаетъ во-время, что ему надлежитъ слушать. Онъ опять напрягаетъ вниманіе, но нить уже потеряна. Ему припоминается Лёля, тѣнь ея рѣсницъ на щекахъ, ея послѣднія слова ласковыя и нѣжныя, обращенныя къ нему. Умиленіе и любовь охватываютъ его. Онъ радъ, что опять нашло на него это чувство: цѣлый день онъ не испытывалъ его и тщетно искалъ въ своемъ сердцѣ. Ему хотѣлось бы туда, взглянуть еще разъ на покойницу, проститься съ нею. Бѣдная, милая, дорогая Лёля! Онъ чувствуетъ себя въ неволѣ здѣсь, прикованный къ этимъ лекціямъ. Его бѣдная голова дѣлаетъ напрасныя усилія, онъ усталъ слушать, онъ ничего не понимаетъ и съ присущимъ ему легкомысліемъ откладываетъ объ этомъ всякое попеченіе.

Онъ такъ уходитъ въ свои какія-то отрывочныя мысли, что не замѣчаетъ, когда отецъ остановился и смотритъ на него.

— Ты не слушаешь меня?

— Я? О нѣтъ, я слышалъ, слышалъ.

— Повтори мою послѣднюю фразу.

— Отецъ, ты обижаешь меня, развѣ я маленькій!

Digitized by Google

— Да, да, ты точно маленькій, на тебя нельзя смотрѣть какъ на взрослаго... Григорій Григорьевичъ чуть-было не забылъ о данномъ себѣ словѣ и начинаетъ горячиться, но спохватывается во-время.

— Прошу тебя, Вадя, говоритъ онъ уже другимъ мягкимъ тономъ, сосредоточь свое вниманіе. Неужели ты не можешь заняться два часа времени.

„Слава Богу, что только два", думаетъ совсѣмъ подѣтски Вадя,—значитъ, еще только на полчаса

И онъ начинаетъ слѣдить за стрѣлкой часовъ, которая, ему кажется, двигается такъ медленно. Однако вотъ она прошла давно, давно намѣченный срокъ, а отецъ все сидитъ и говоритъ о прочитанномъ. Наконецъ онъ встаетъ.

— Ну ложись, говоритъ онъ, ты кажется спишь совсѣмъ, а завтра часамъ къ десяти утра приходи ко мнѣ. мы прочтемъ остальное.

Вадимъ хочетъ возразить: завтра къ девяти часамъ онъ долженъ быть тамъ, на Васильевскомъ, завтра хоронятъ Лёлю, но отецъ такъ категорически говоритъ: „завтра къ десяти часамъ приходи ко мнѣ", что онъ не находитъ въ себѣ мужества возразить.

— Ну, Христосъ съ тобою. Смотри же вставай пораньше, не заставляй меня ждать.

— Да... хорошо... то-есть...

Отецъ остановился, было еще время сказать ему, что завтра похороны Лёли, что онъ не можетъ придти къ нему утромъ, но Вадимъ не рѣшился сказать.

— До завтра еще долго, подумалъ онъ, цѣлая длинная ночь, я успѣю еще сказать. И онъ простился съ отцомъ.

XVI.

Ровно въ десять часовъ на другое утро Григорій Григорьевичъ позвонилъ.

— Вадима Григорьевича позвать ко мнѣ, сказалъ онъ вошедшему Климентію.

— Слушаю-съ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась. Григорій Григорьевичъ поднялъ голову и улыбнулся, думая встрѣтиться взглядомъ съ сыномъ, но то былъ тотъ же благообразный и почтительный Климентій, который, не возвышая голоса, объявилъ, что Вадима Григорьевича нѣтъ дома, что они изволили уѣхать.

Digitized by Google

Григорій Григорьевичъ вспыхнулъ.

— Куда уѣхалъ?

— Не могу знать-съ.

— Якова позови!

Григорій Григорьевичъ всталъ и въ волненіи зашагалъ по комнатѣ.

— Гдѣ Вадимъ Григорьевичъ? строго спросилъ онъ, когда дверь кабинета отворилась и на порогѣ показался блѣдный высокій старикъ.

— Гдѣ Вадимъ? возвышая голосъ повторилъ онъ.

Старикъ какъ стоялъ у двери, такъ и опустился на колѣни.

— Простите, батюшка баринъ, я виноватъ. На похороны ихъ отправилъ, Лёлюшу нынче хоронятъ. Простите старика.—Нельзя не бросить ему горсточки землицы на гробовую крышку — съ младенчества были дружны, вы еще почивали, они уѣхали.

Григорій Григорьевичъ горько улыбнулся.

— Что же я извергъ какой, что онъ не могъ мнѣ этого сказать. Что жь по твоему не понялъ бы я его, не пустилъ бы? Что же по вашему, я звѣрь!.. Ты то что на колѣняхъ валяешься? Эхъ!

Григорій Григорьевичъ съ отчаяньемъ махнулъ рукой.

Старикъ Яковъ медленно поднялся съ колѣнъ. Лицо его выражало состраданіе, преданность, любовь.

— Батюшка, Григорій Григорьевичъ, заговорилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ, оченно отлично понимаю, что не звѣрь вы, сударь, небось такого вотъ васъ еще помню, знаю доброту вашу и сердце у меня болитъ, глядючи на васъ и на Вадимчика моего ненагляднаго. Не потрафляетъ онъ вамъ, что подѣлаешь, а хорошій онъ, доброта тоже не малая въ немъ, сердце чистое, дѣтское сердце и вамъ бы тоже надоть бы уступить...

Рѣчь старика была прервана, вошелъ Климентій.

— Ваше превосходительство, тамъ приказчикъ изъ магазина пришелъ.

— Ну? Что нужно?

— Не знаю-съ, не говоритъ-съ, улыбаясь и пожимая плечами, сказалъ лакей, васъ видѣть желаетъ.

— Зови сюда!

Нервы Григорія Григорьевича были такъ напряжены, что онъ боялся всякаго новаго неожиданнаго появленія. Нахмуря брови, онъ встрѣтилъ того самаго старшаго приказчика изъ магазина, который взялъ портсигаръ у Вадима въ уплату за фрукты.

Digitized by Google

— Прикажите затворить дверь. ваше превосходительство, сказалъ онъ таинственно.

Григорій Григорьевичъ приказалъ Якову выйти и затворить за собою дверь.

Приказчикъ солидный и хмурый, человѣкъ лѣтъ 50-ти, изъ кармана вынулъ бумажку и свертокъ.

— Не знакомъ-ли вамъ этотъ почеркъ, ваше превосходительство?

Григорій Григорьевичъ взглянулъ и узналъ невѣрный почеркъ Вади.

— Ну? замирая воскликнулъ онъ, что жь изъ того, если и знакомъ этотъ почеркъ.

— А вотъ, извольте видѣть, молодой человѣкъ, написавшій этотъ адресъ и назвавшій себя Безобразо-Свирскимъ, забралъ у насъ фруктъ на 5 рублей и не заплативъ, оставилъ вотъ это;— приказчикъ развернулъ, не выпуская изъ рукъ, показалъ портсигаръ—не извѣстна-ли вамъ эта вещь?

Стыдъ, злоба душили Григорія Григорьевича.

— Что же вамъ нужно? высокомѣрно спросилъ онъ.

— Получить пять рублей, если вещь эта дѣйствительно ваша.

Ему хотѣлось броситься на нахала, исколотить его, но онъ сдержалъ себя.

— Это портсигаръ моего сына, сказалъ онъ, извольте получить ваши пять рублей и прощайте.

— Этого еще не доставало—онъ крадетъ, съ отчаяньемъ думалъ Свирскій. Его подозрѣваютъ уже и имѣютъ право подозрѣвать!

— Что за человѣкъ вышелъ сейчасъ изъ кабинета? спросила входя Анна Николаевна, взглядывая безпокойнымъ взоромъ своихъ глазъ на мужа. Григорій Григорьевичъ, что съ тобою?

Свирскій поглядѣлъ въ ея встревоженное измученное лицо и ему хотѣлось скрыть отъ нея этотъ новый ударъ.

— Мнѣ принесли портсигаръ, который я отдавалъ поправить...

— Изъ фруктовой лавки? прервала она его, я знаю, что былъ приказчикъ изъ фруктовой лавки. Григорій, Бога ради, не обманывай меня, опять Вадимъ!.. опять что-нибудь онъ?..

— Да онъ, сказалъ Григорій Григорьевичъ съ судорогой въ лицѣ, опять онъ, моя бѣдная Анна!

Онъ взялъ обѣ ея руки и притянулъ къ себѣ. И это сухое безстрастное лицо выразило много нѣжности, жалости, много внутренняго страданія.

Digitized by Google

Вадимъ между тѣмъ шелъ за гробомъ своего друга дѣтства. Онъ не сѣлъ въ наемную карету, какъ предлагалъ ему Ивановъ, а шелъ пѣшкомъ, ему казалось, что если она видитъ его, то будетъ довольна тѣмъ, что онъ до конца проводитъ ее. Чѣмъ могъ онъ выразить ей теперь свою любовь и признательность какъ не этимъ? И онъ шелъ усиленно шагая, желая почувствовать утомленіе. Передъ нимъ, согнувъ широкую спину, шагалъ Ивановъ подъ руку съ сыномъ-телеграфистомъ, совсѣмъ рядомъ, стараясь попадать съ Вадимомъ въ ногу, шла Анюта, меньшая дочь Ивановыхъ двѣнадцатилѣтняя худенькая, тоненькая дѣвочка съ нѣжнымъ профилемъ и большими темно-сѣрыми глазами. Свѣтло-каштановые волосы ея выбивались изъ-подъ уродливой креповой шляпки и въ сыромъ утреннемъ воздухѣ завивались причудливыми кольцами.

Дѣвочка храбро шла по мостовой, изрѣдка вскидывая восторженный взглядъ на Вадима. Иногда одна изъ обтрепанныхъ извощичьихъ каретъ, слѣдовавшихъ за гробомъ, ровнялась съ пѣшеходами и дѣвочку звали отдохнуть, но она качала хорошенькою головкой и потомъ смотрѣла на Вадима, желая угадать, что онъ думаетъ.

Но отгадать мысли его было трудно. Неопредѣленныя, отрывочныя, смутныя—онѣ проносились въ его головѣ. То онъ смотрѣлъ по сторонамъ, читалъ вывѣски, удивляясь страннымъ фамиліямъ, переставлялъ буквы въ этихъ фамиліяхъ, то начиналъ считать встрѣчные экипажи, то вдругъ останавливалъ взоръ на гробѣ и ему ясно представлялось, что онъ никогда, никогда больше не увидитъ милаго лица слѣпой подруги, не услышитъ ея голоса. При этой мысли губы его начинали дергаться, на глазахъ выступали слезы и онъ мысленно обращался къ покойной съ словами полными нѣжности. Онъ вспоминалъ ее маленькою, такою какъ узналъ ее, вспоминалъ нѣкоторые эпизоды ихъ дѣтской дружбы и слезы сами собой высыхали и онъ начиналъ улыбаться. Но сейчасъ же онъ опять вспоминалъ, что идетъ за гробомъ и оглядывался въ страхѣ, не видѣлъ-ли кто его улыбки, и встрѣтивъ восторженный взглядъ Анюты, хмурилъ брови. То онъ думалъ объ отцѣ, матери и холодъ пробѣгалъ по его членамъ, то онъ старался отогнать отъ себя эти образы. То онъ видѣлъ училище, куда послѣ завтра онъ долженъ идти на экзаменъ. Что онъ скажетъ на этомъ экзаменѣ? Ничего, ровно ничего не помнитъ онъ изъ того, что читалъ. И что же будетъ тогда? Что сдѣлаютъ съ нимъ?—Онъ такъ и подумалъ:

Digitized by Google

„что сдѣлаютъ“? Ахъ, какъ это утомительно, какъ скучно! Почему люди не могутъ жить, не мучаясь и не мучая другихъ. Лучше бы умереть! И онъ представлялъ себѣ, что не Лёлю хоронятъ, а его. За гробомъ идутъ мать, отецъ—оба въ отчаньи, мать поддерживаютъ подъ руки. А, теперь вы въ отчаяньи! мысленно восклицаетъ Вадимъ. За ними рядами идутъ товарищи, учителя, всѣ удручены, всѣ поражены этою преждевременною, неожиданною смертью. А тогда мучили, „ставили двойки на экзаменахъ“, восклицаетъ юноша и даже угрожающе обертывается, почти убѣжденный, что увидитъ этихъ учителей и товарищей; но прямо за нимъ двѣ сонливо покачивающіяся морды лошадей. Вотъ настоящая похоронная пара! И онъ вспоминаетъ, что хоронятъ не его, а Лёлю и что эта пара везетъ ея семью—мать и сестеръ. И опять навертываются на глаза его слезы. Никогда, никогда больше не увидитъ онъ ея, нѣтъ больше друга, ничего отъ него не ждавшаго, не требовавшаго, но вѣрившаго въ него.

XVII.

Изъ училища, откуда онъ вышелъ съ полнымъ сознаніемъ, что переэкзаменовки не выдержалъ и будетъ исключенъ, Вадимъ пошелъ было въ Лѣтній садъ, но вскорѣ вернулся и развязною походкой отправился домой. Онъ чувствовалъ тошноту, въ головѣ его шумѣло и было смутно, но онъ кажется ни о чемъ не думалъ; какой-то опереточный мотивъ неотвязно вертѣлся въ его памяти.

Онъ удивился, что швейцаръ отворилъ ему дверь, почтительно съ улыбкой поклонился, какъ-будто бы онъ не зналъ, не подозрѣвалъ, что съ нимъ случилось.

— Ваша дверь не заперта-съ, Вадимъ Григорьевичъ, не извольте безпокоиться звонить, сейчасъ Климентій вышелъ зачѣмъ-то.

Благодаря этому случаю, Вадимъ, незамѣченный никѣмъ, прошелъ къ себѣ въ комнату.

Ни за что, ни за что на свѣтѣ не пойдетъ онъ въ тѣ комнаты, хотя бы съ голоду пришлось умирать!

Онъ растегнулся, снялъ мундиръ, подумавъ, что теперь ужь онъ не имѣетъ права надѣть его и собирался уже лечь на постель, когда ему пришла мысль, что теперь пожалуй и это не по чину. И онъ сѣлъ въ кресло передъ столомъ и, склонивъ свою юношескую прекрасную голову съ мягкими женственными

Digitized by Google

чертами лица на руку безукоризненной аристократической формы, сталъ ждать, что *съ нимъ сдѣлаютъ*. Съ нимъ, гордостью семьи, не оправдавшимъ ожиданій!

Яковъ Петровичъ, пришедшій посмотрѣть все-ли въ порядкѣ въ его комнатѣ, такъ и всплеснулъ руками.

— Вы ужь дома, батюшка!

— Гдѣ-же мнѣ быть?

— Ну что, какъ дѣла? дѣла то какъ? спрашивалъ старикъ, опираясь о колѣни руками, чтобы ниже нагнуться и посмотрѣть ему въ лицо.

Вадимъ молчалъ.

— Видно, сорвалось опять?

Онъ мотнулъ головой въ знакъ согласія.

— Ахъ, ты, горемычный. Что теперь съ нами будетъ? Всѣ то бѣды за разъ. Какъ же папашѣ съ мамашей донести? вѣдь это ихъ убьетъ.

Въ это время въ передней раздался двоекратный звонокъ хозяина дома. Яковъ Петровичъ съ поспѣшностью юноши бросился въ переднюю.

Принимая пальто своего барина, онъ съ почтительностью стараго слуги доложилъ:

— Вадимъ Григорьевичъ возвратились.

Григорій Григорьевичъ весь вздрогнулъ.

— Ну и что-же?

— Кажется, не изволили выдержать, понизивъ голосъ сказалъ старикъ.

Нижняя челюсть Свирскаго дрогнула, одно мгновеніе онъ какъ-будто заметался, взялъ было свой портфель, опять положилъ его на стулъ, двинулся въ сторону комнаты Вадима, но оставилъ это намѣреніе и пошелъ къ себѣ.

За обѣдомъ въ этотъ день приборъ Вадима оставался пустымъ. Трое старшихъ членовъ семьи сидѣли молча съ хмурыми лицами. Лакеи безшумно ходили вокругъ нихъ, принимая тарелки съ нетронутыми кушаньями. Съ Анной Николаевной на этотъ разъ не сдѣлалось истерики, но Прасковья Антоновна почему-то кидала на нее недружелюбные взгляды своими проницательными старческими глазами, точно ее, ее одну хотѣла она обвинить во всемъ. Никто изъ этихъ старшихъ не спрашивалъ о Вадимѣ, какъ-будто такъ и слѣдовало, чтобы онъ не обѣдалъ въ кругу семьи, онъ, не оправдавшій ея довѣрія.

Послѣ обѣда Григорій Григорьевичъ одинъ пошелъ къ сыну.

Digitized by Google

Состоялась тяжелая сцена, унизительность которой и безпомощность старшій Свирскій болѣзненно чувствовалъ.

Въ немъ боролись два сильныя чувства — любовь къ сыну, сознаніе собственной униженной гордости и презрѣніе къ его характеру, который онъ отказывался понимать и извинить.

Онъ началъ съ того, что покрылъ его сарказмами, язвительно осмѣялъ, показавъ все свое презрѣніе къ его безсильной натурѣ, къ его тупоумію, къ его характеру. И говоря все это, онъ чувствовалъ, что говоритъ не то, что его презрѣніе убиваетъ послѣднее самолюбіе въ молодомъ человѣкѣ. Молчаніе Вадима, его унылое лицо съ мягкими чертами, въ которомъ не виднѣлось ни малѣйшаго протеста противъ словъ отца, вдругъ заставило говорить жалость и любовь. Тогда плача, онъ сталъ просить его измѣниться — еще не все потеряно, ему 19 лѣтъ и есть еще много путей. Онъ подумаетъ. Вадимъ можетъ еще держать экзаменъ въ Университетъ, поступить на службу.

Слезы отца, а, можетъ быть, страхъ, что его опять заставятъ учиться, опять держать какіе-то экзамены, развязалъ языкъ Вадиму.

— Отецъ, сказалъ онъ, — ради Бога, не заставляй меня опять терпѣть эти униженія... Прости меня, я не оправдалъ вашихъ надеждъ... я глупъ... я не могу учиться.

Смягченныя слезами черты лица Григорія Григорьевича опять приняли выраженіе презрѣнія, но Вадимъ опустилъ глаза, чертя карандашемъ что-то по столу и не видалъ перемѣны.

— Я могу быть человѣкомъ въ деревнѣ... только въ деревнѣ, отецъ. Отпусти меня, позволь хозяйничать... Возьми опять Иванова,—онъ пойдетъ,—подъ его руководствомъ я буду стараться, я сдѣлаюсь человѣкомъ.

Но Григорій Григорьевичъ уже злобно смѣялся.

— Собакъ гонять въ деревню, вотъ что вамъ захотѣлось, Вадимъ Григорьевичъ! Подъ надзоръ Иванова, потворствующаго вашимъ гадкимъ инстинктамъ! Такъ нѣтъ же, я переломлю васъ, говорилъ онъ весь дрожа. Нѣтъ, я еще попытаюсь сдѣлать изъ васъ человѣка. Ахъ презрѣнный, презрѣнный! Что сдѣлаешь ты съ именемъ, доставшимся тебѣ отъ доблестныхъ предковъ!..

Вадимъ сидѣлъ, уныло понуривъ голову.

А. В. Стернъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЕ

Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ.

Переводъ съ арабскаго по рукописи Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича дважды пріѣзжалъ въ Россію антіохійскій патріархъ Макарій, родомъ Арабъ изъ города Алеппо, въ первый разъ для сбора пожертвованій, во второй—десять лѣтъ спустя—по приглашенію царя для суда надъ патріархомъ Никономъ. Въ первый пріѣздъ съ нимъ былъ его родной сынъ, архидіаконъ Павелъ Алеппскій, который, по просьбѣ одного изъ своихъ Дамасскихъ друзей, какъ онъ объясняетъ во введеніи, составилъ подробное и чрезвычайно любопытное описаніе трехлѣтняго путешествія своего отца.

Человѣкъ весьма любознательный и начитанный, хотя лишенный правильнаго образованія, Павелъ Алеппскій въ своихъ запискахъ касается всего, что могъ видѣть и слышать во время своего продолжительнаго путешествія: описываетъ страну, нравы и обычаи жителей, селенія и города, замѣчательныя зданія, по преимуществу церкви и монастыри, торжественныя служенія, въ коихъ участвовалъ вмѣстѣ съ отцомъ, пріемы и пиры при дворахъ, политическія событія, которыхъ былъ свидѣтелемъ или о которыхъ могъ знать по разсказамъ другихъ, и мимоходомъ даетъ яркую характеристику государей и политическихъ и церковныхъ дѣятелей, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе его отецъ-патріархъ. Восьмимѣсячное пребываніе ихъ въ Молдавіи совпало съ однимъ изъ интереснѣйшихъ происшествій въ исторіи этой страны: паденіе господаря Василія Лупула, сопровождавшееся междоусобной войной, въ которой погибъ зять его, Тимофей Хмельницкій, сынъ гетмана Богдана Хмельницкаго, нашло себѣ живого разскащика въ лицѣ очевидца этихъ событій, Павла Алеппскаго, повѣствованіе коего, по словамъ Костомарова, пред-

Digitized by Google

ставляетъ единственный источникъ для изученія тогдашнихъ отношеній Малороссіи къ Молдавіи. Въ Россію дамасскіе путники попали въ самую цвѣтущую пору царствованія Алексѣя Михайловича, когда онъ велъ счастливую войну съ Польшей и когда патріархъ Никонъ, достигнувъ высшей степени могущества, приступилъ къ устроенію церковныхъ дѣлъ, въ чемъ весьма желаннымъ являлось для него авторитетное содѣйствіе святителя древнѣйшей изъ восточныхъ патріархій.

Самая значительная часть сочиненія Павла Алеппскаго занята описаніемъ долговременнаго пребыванія его съ отцомъ въ Россіи и разсказами о событіяхъ, происходившихъ въ ней около того времени. По полнотѣ и разнообразію содержанія это одинъ изъ самыхъ лучшихъ и цѣнныхъ письменныхъ памятниковъ о Россіи средины XVII вѣка и во многихъ отношеніяхъ превосходитъ записки тогдашнихъ западно-европейскихъ путешественниковъ. Послѣдніе являлись въ Россію по большей части въ качествѣ пословъ на короткое время и по необходимости ограничивали свои наблюденія одною внѣшнею стороной гражданскаго быта. Какъ иновѣрцы, они съ предубѣжденіемъ смотрѣли на богослуженіе и уставы нашей церкви, только отчасти, изрѣдка могли видѣть одни обрядовыя дѣйствія, совершенно отличныя отъ усвоенныхъ ихъ церковью и потому назавшіяся имъ странными и безсмысленными. Съ другой стороны дворъ московскій всегда очень недовѣрчиво смотрѣлъ на иноземныхъ пословъ: подъ видомъ почета къ дому посла приставлялась стража, которая получала тайный наказъ слѣдить за дѣйствіями чужеземцевъ и обо всемъ доносить; горожанамъ строго воспрещалось входить въ сношенія съ прислугой посольства. Такимъ образомъ послы почти ни съ кѣмъ не могли вступать въ непосредственныя сношенія, кромѣ сдержанныхъ и скрытныхъ бояръ и дьяковъ Посольскаго Приказа. Ко двору послы являлись по пріѣздѣ съ дарами отъ своихъ государей и при этомъ случаѣ дворъ царскій облекался въ торжественность, чтобы не уронить себя въ глазахъ иноземца отсутствіемъ величественности. Вообще можно думать, что европейцы, во время пребыванія въ Россіи, дѣлали свои наблюденія и разспросы только украдкой, случайно, дворъ видали всегда въ праздничномъ уборѣ, но будничная, ежедневная жизнь царя и вельможъ оставалась для нихъ сокрытою. [1]

Не таково было положеніе Павла Алеппскаго. Патріархъ пріѣхалъ за сборомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, отличавшемся необыкновенною набожностью и особымъ уваженіемъ къ духовенству. Патріархъ Никонъ, для достиженія своихъ намѣреній, имѣлъ нужду въ сомысліи восточныхъ патріарховъ, а потому заискивалъ въ нихъ и принялъ Макарія съ почтительнымъ радушіемъ. Кромѣ высокаго сана своего, какъ лицо духовное, Ма-

[1] Множество интересныхъ подробностей о томъ, какъ русскіе скрывали отъ иностранцевъ самыя заурядныя вещи и какъ нарочно объясняли имъ все неправильно, см. въ статьѣ проф. Брикнера: „Россія и иностранная печать въ XVI—XVII ст.“.

Digitized by Google

карій и какъ человѣкъ видимо пришелся царю весьма по сердцу, и его спутникъ и родной сынъ, Павелъ Алеппскій, могъ знать не только то, что самъ видѣлъ и слышалъ, но и многое изъ того, что было говорено съ глаза на глазъ между царемъ, Никономъ и патріархомъ Макаріемъ. Какъ лицо духовное, Павелъ имѣлъ возможность всюду свободно ходить и ѣздить; зная греческій языкъ, могъ слышать многое отъ грековъ, мірянъ и духовныхъ, постоянно или подолгу жившихъ въ Москвѣ; какъ православнаго, его живо интересуютъ наши церковные обряды и служенія, которыя онъ имѣлъ случай близко видѣть, самъ нерѣдко участвуя въ нихъ въ качествѣ архидіакона пріѣзжаго патріарха, и надо видѣть, съ какимъ умиленіемъ и даже изумленіемъ то-и-дѣло говоритъ Павелъ о глубокой набожности русскихъ, о необычайномъ терпѣніи ихъ въ отстаиваніи продолжительныхъ служеній, которыя доводили до полнаго изнуренія восточныхъ гостей, къ нимъ очевидно непривычныхъ и не видавшихъ ничего подобнаго у себя на родинѣ.

Арабскій подлинникъ этого любопытнаго и важнаго въ историческомъ отношеніи произведенія Павла Алеппскаго доселѣ не напечатанъ. Въ тридцатыхъ годахъ, по порученію Комитета Переводовъ съ Восточныхъ Языковъ въ Лондонѣ, оно было переведено на англійскій языкъ Бельфуромъ, членомъ Королевскаго Азіатскаго Общества Великобританіи и Ирландіи, по рукописи, вывезенной съ востока въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Переводъ появлялся выпусками (въ теченіе 1829—1836 г.), которые потомъ составили два тома. Англійскій переводъ не вездѣ точенъ и неполонъ: Бельфуръ, какъ иновѣрецъ, затруднялся и скучалъ переводомъ нерѣдкихъ у нашего автора описаній церквей и церковныхъ служеній и по большей части ихъ выпускалъ. При всемъ своемъ несовершенствѣ переводъ Бельфура остается до сихъ поръ единственнымъ источникомъ, по которому незнающій арабскаго языка можетъ ознакомиться съ записками Павла Алеппскаго. Появленіе въ свѣтъ этого перевода послужило въ свое время поводомъ къ составленію г. Савельевымъ статьи, которая была напечана въ *Библіотекѣ для Чтенія* 1836 г. Авторъ ея, имѣвшій въ рукахъ очевидно только первые пять выпусковъ Путешествія (всѣхъ было девять), пересказываетъ содержаніе ихъ своими словами, приводя въ переводѣ выдержки наиболѣе любопытныхъ мѣстъ. Впрочемъ, съ самаго начала г. Савельевъ впалъ въ странное заблужденіе, смѣшавъ первое путешествіе патріарха Макарія, описанное Павломъ, со вторымъ, и ожидалъ въ дальнѣйшихъ выпускахъ найти описаніе суда надъ патріархомъ Никономъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ о. Димитрій Благово предпринялъ было переводъ записокъ Павла съ англійскаго, но, переводя лишь половину перваго выпуска до вступленія въ Молдавію не продолжилъ своего труда, который началъ печататься въ *Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ* за 1875 г. Около того же времени появилась въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1876 г. статья г. Або-

Digitized by Google

ленскаго, составленная на основаніи перевода Бельфура и озаглавленная: *Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ по записками архидіакона Павла Алеппскаго.* Соловьевъ, митр. Макарій, Костомаровъ („Богданъ Хмельницкій") и другіе также пользовались этимъ памятникомъ. [1]

Давно интересуясь и занимаясь этимъ памятникомъ, изъ котораго нами напечатано въ переводѣ нѣсколько отрывковъ, мы возымѣли намѣреніе перевести его вполнѣ и издать вмѣстѣ съ арабскимъ текстомъ, но встрѣчаемъ пока препятствіе къ выполненію своего намѣренія. Въ Россіи имѣются три списка Макаріева путешествія: одинъ въ Москвѣ, въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и два въ Петербургѣ, въ Учебномъ отдѣленіи при Азіятскомъ Департаментѣ и въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Что касается здѣшней рукописи, списанной съ дамасской рукописи 1700 г., то въ ней, какъ оказывается, пропущено съ самаго начала описаніе переѣзда изъ Алеппо по Анатоліи и пребыванія въ Константинополѣ, но какъ-бы взамѣнъ пропуска авторъ вставилъ длинный перечень антіохійскихъ патріарховъ со времени перенесенія каѳедры въ Дамаскъ и жизнеописаніе патріарха Макарія до вступленія его на патріаршій престолъ.

Благодаря обязательной любезности г. директора Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, барона Ѳ. А. Бюлера, получивъ рукопись, хранящуюся въ Учебномъ отдѣленіи, мы нашли ее, къ сожалѣнію, во всемъ согласной съ здѣшней; а какъ, судя по каталогамъ, обѣ петербургскія рукописи между собою тожественны, то оказывается, что предположенное нами изданіе текста невыполнимо до полученія лондонской рукописи, въ коей, судя по переводу Бельфура, и описаніе обратнаго пути патріарха Макарія изложено гораздо полнѣе чѣмъ въ нашихъ.

Не желая однако откладывать печатаніе своего перевода, мы пополняемъ упомянутый пропускъ по англійскому переводу, опустивъ, какъ не представляющую особаго интереса для литературнаго журнала, помѣщенную вслѣдъ за введеніемъ вышеуказанную вставку, которая нами тоже переведена и будетъ напечатана отдѣльно въ одномъ изъ спеціальныхъ журналовъ. Хотя арабскій подлинникъ не имѣетъ дѣленій, находящихся въ пере-

---

[1] Этимъ памятникомъ пользовались авторы слѣдующихъ статей, помѣщенныхъ въ *Кіевской Старинѣ*:

1) „Историческія замѣтки о Кіевѣ" П. Л—ва (о пребываніи у митрополита Сильвестра Коссова въ 1654 г.). Окт. 1884 г.

2) Того же автора: „Софія, Премудрость Божія, въ иконографіи сѣвера и юга Россіи" (о храмовой иконѣ Софійскаго собора). Дек. 1884 г.

3) С. Голубева: „Древнія и новыя сказанія о началѣ Кіевской Академіи" (о портретахъ восточныхъ патріарховъ въ домѣ Сильвестра Коссова). Январь 1885 г.

4) „По вопросу о началѣ Кіевской Академіи" (о тѣхъ же портретахъ), П. Л. Февраль 1885 г.

5) П. Лебединцева: „Кіево-Печерская Лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи" (описаніе лавры и ея порядковъ). Іюнь 1886 г.

6) Въ той же статьѣ: о пещерахъ. Августъ.

Digitized by Google

водѣ Бельфура, тѣмъ не менѣе мы приняли ихъ ради удобства и въ соотвѣтствіе съ частью, переведенною съ англійскаго. Кромѣ того, для пополненія своего перевода съ арабскаго, заимствуемъ у Бельфура нѣкоторыя, немногія впрочемъ, мѣста, отдѣляя ихъ прямыми скобками для отличія отъ остального текста.

Знаменитый оріенталистъ Сильвестръ де-Саси (баронъ) въ цѣломъ рядѣ маленькихъ статей объ англійскомъ переводѣ Путешествія Макарія, печатавшихся въ *Journal des Savants* по мѣрѣ появленія выпусковъ Бельфурова перевода, даетъ въ высшей степени цѣнныя исправленія какъ собственныхъ именъ, такъ и греческихъ и иныхъ словъ, искаженныхъ арабскимъ авторомъ или не понятыхъ англійскимъ переводчикомъ. Нельзя поистинѣ не удивляться обширной эрудиціи, преимущественно въ арабской литературѣ, и глубокой проницательности высокоталантливаго ученаго оріенталиста, если принять во вниманіе, что онъ дѣлалъ эти исправленія, не имѣя подъ руками арабскаго текста. Его указаніями мы пользовались также при нашихъ исправленіяхъ.

Г. Муркосъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единаго Бога. Аминь.

Хвала Богу, который украсилъ небеса, утвердивъ ихъ безъ столповъ, распростеръ землю, назначивъ ее обиталищемъ для своихъ рабовъ, и размножилъ сыновъ Адама такъ, что они сдѣлались несчетными народами, расплодились по землѣ, построили села, города и столицы во всѣхъ климатахъ, странахъ и концахъ ея, на югѣ и сѣверѣ, востокѣ и западѣ. Будемъ же воздавать Ему хвалу, приличествующую Его владычеству и достойную Его божественности, всегда, во всѣ времена, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ.

Я, убогій рабъ и изъ всѣхъ людей наиболѣе нуждающійся въ милости Господа моего, по имени Павелъ архидіаконъ, православной вѣры, родомъ изъ Алеппо, былъ роднымъ сыномъ всечестнаго, святѣйшаго, возвеличеннаго и всемилостиваго отца Киръ Киръ Макарія, патріарха антіохійскаго, сына въ Бозѣ почившаго священника Павла, сына священника Абдулмасиха (Христодула) Альпроксъ, извѣстнаго подъ прозвищемъ Бейтъ Аззаимъ. Я былъ воспитанъ при отцѣ, въ тѣсной привязанности къ нему, и ничье общество не было для меня сладостнѣе его общества, съ того времени какъ я, отторгнутый отъ груди матери моей ея кончиной, былъ обреченъ на горе и печали и кромѣ отца не имѣлъ никого, предъ кѣмъ бы могъ изливать

Digitized by Google

свои огорченія. Я непрестанно питался пищей его оживляющихъ словъ и утолялъ жажду водой его освѣжающихъ наставленій, подчиняясь ему во всемъ и слѣдуя за нимъ безотлучно и неотступно, гдѣ-бы онъ ни былъ и когда-бы то ни случилось.

Сначала онъ былъ возведенъ въ санъ митрополита алеппскаго и оставался имъ въ теченіе 12 лѣтъ, а потомъ вступилъ на священный патріаршій антіохійскій престолъ Св. Петра, пребывающій теперь въ сирійскомъ городѣ Дамаскѣ. Во все это время непрестанно занимался онъ устроеніемъ церковныхъ дѣлъ, держа бразды правленія съ твердою разсудительностью и непреклонной рѣшимостью, пока рука Провидѣнія не направила его къ посѣщенію отдаленныхъ странъ, селеній и острововъ не съ цѣлью ихъ осмотра и прогулки или въ качествѣ гостя, но по нуждѣ, по причинѣ трудныхъ и стѣсненныхъ обстоятельствъ. Поѣхалъ онъ противъ воли, не по собственному хотѣнію, а потому, что долги, тяготѣвшіе надъ упомянутымъ престоломъ и нерешедшіе отъ временъ покойнаго патріарха, хорошо извѣстнаго Киръ Евѳимія Хіосскаго, удвоились, возросши отъ прибавленія большихъ процентовъ. Паства его престола была не въ состояніи уплатить этихъ огромныхъ долговъ. Тогда онъ впалъ въ раздумье и, удрученный горемъ при видѣ такой бѣды, скорбѣлъ душой, ища избавленія отъ этой горькой неволи, но не нашелъ иного средства, никакой помощи съ чьей-либо стороны, ни иного способа, какъ, подобравъ полы съ ногъ старанія, сѣсть на коня трудовъ и усилій. Онъ вознамѣрился направиться по славной и трудной дорогѣ, идти по тягостнымъ тропамъ къ оазисамъ съ пріятною водой и къ великимъ и полноводнымъ морямъ, т. е. къ обладателямъ высокихъ совершенствъ и драгоцѣнныхъ качествъ, прибѣжищу просящихъ и взысканію умоляющихъ, къ могущественнымъ и побѣдоноснымъ царямъ, къ благочестивымъ князьямъ и правителямъ, славнымъ своей истинною религіей и правою вѣрой, (да продлитъ Богъ ихъ могущество и да увѣковѣчитъ ихъ владычество, да укрѣпитъ ихъ бытіе и да утвердитъ навсегда ихъ созвѣздія на высокомъ небосклонѣ!), дабы испросить отъ обилія ихъ щедротъ и милостей того, чѣмъ бы онъ могъ уплатить свои долги и что помогло бы ему поддержать свою вѣру. Тогда я разсудилъ за благо быть ему спутникомъ и раздѣлять съ нимъ труды и тягости путешествія и дороги. Съ Божіей помощью мы изготовились и порѣшили двинуться въ путь.

Digitized by Google

Въ это время одинъ выдающійся человѣкъ изъ моихъ пріятелей и любезныхъ друзей, неподдѣльно искренній въ любви и пріязни ко мнѣ, братъ благородный, образованный, совершенный и достославный, рѣдкость своего вѣка и времени, единственный своего столѣтія и эпохи, діаконъ Гавріилъ, сынъ покойнаго Константина, золотыхъ дѣлъ мастера, обладатель полнаго совершенства и превосходнѣйшихъ качествъ, чрезвычайныхъ познаній и глубокаго образованія, выразилъ мнѣ сильное желаніе, чтобы я составлялъ записки, кои заключали бы въ себѣ обстоятельства нашего отправленія и путешествія, день за день, безъ исключенія, во все время нашего отсутствія, чтобы я описывалъ всѣ событія странъ, по которымъ мы будемъ проѣзжать, дабы всѣ могли провѣрить то, что слышали о нихъ по указаніямъ и намекамъ повѣствованій. Я извинялся передъ нимъ недостаткомъ силъ для подобной работы, тѣмъ болѣе, что я самъ нуждаюсь въ необходимыхъ для нея средствахъ: въ умѣньи составлять и связывать реченія, употреблять слова съ грамматическою точностью и красиво располагать фразы по образцу достопочтенныхъ и славныхъ мастеровъ науки. Я просилъ его избавить меня отъ непосильнаго труда, въ особенности потому, что мы будемъ путешествовать съ затрудненіями и поспѣшностью. Онъ не принялъ этого извиненія и, повторяя безпрестанно свое желаніе, настоялъ на его исполненіи.

Тогда я возбудилъ свою слабую энергію и протянулъ къ цѣли нерѣшительныя руки не для того, чтобы занять мѣсто въ ряду историковъ, но чтобы подтвердить многочисленные факты, кои отрицались, когда ихъ передавали, и коимъ никто не вѣрилъ, думая, что люди, ихъ излагающіе и передающіе, сообщаютъ вздорныя вещи. Такъ думали, пока я не провѣрилъ точно всего, что встрѣчалось моимъ взорамъ во время нашего путешествія по христіанскимъ странамъ, или видя вещи собственными глазами, или слыша о нихъ своими ушами, такъ что ихъ правдивость стала для меня несомнѣнною не только отчасти, но и въ полной совокупности. Итакъ, мы будемъ разсказывать обо всемъ, что для насъ стало очевиднымъ, и будемъ излагать все, что подтвердилось въ нашихъ глазахъ впродолженіе путешествія и пребыванія нашего въ разныхъ странахъ до возвращенія на родину.

Съ дѣтства у меня было обыкновеніе пріобрѣтать и внимательно читать историческія книги; оттого-то я особенно углубился въ свою работу, прилагая къ ней всѣ старанія по мѣрѣ

Digitized by Google

силъ своихъ, собирая, что только могъ собрать, и употребляя на нее все свое рвеніе, насколько у меня хватало силъ и возможности, въ надеждѣ, что она доставитъ усладу читателю и отдохновеніе для его ума, и что всякій, кто, выслушавъ или прочтя ее, усвоитъ содержащіяся въ ней описанія и занимательные разсказы, прославитъ за нихъ Всевышняго Творца.

Да получатъ отъ нея христіане обильную пользу, когда услышатъ о благородныхъ обычаяхъ истинно-вѣрующихъ, объ ихъ постоянствѣ и безграничной твердости въ богопочитаніи, о строгомъ соблюденіи ими установленныхъ постовъ и церковныхъ службъ, объ ихъ замѣчательной набожности, объ ихъ искренней вѣрѣ и доброй нравственности, о чистотѣ ихъ намѣреній, сокровенныхъ мыслей и тайныхъ помысловъ. Все это мы опишемъ за симъ, разъясняя и истолковывая то, чему были очевидцами.

Digitized by Google

КНИГА I.

Отъ Алеппо до Молдавіи.

Глава I.

Алеппо.—Антіохія.—Монастырь св. Симеона.— Боръ.

Нашъ отецъ и владыка патріархъ, съ благою цѣлью и твердымъ рѣшеніемъ, вознамѣрился направиться въ Константинополь, почему мы снарядились въ дорогу и, взявъ все нужное для подарковъ и подношеній и запасшись всѣмъ прочимъ необходимымъ, возложили надежду на Всемогущаго Бога, уповая на Его заступленіе.

Въ четвергъ вечеромъ 9 іюля владыка патріархъ (да продлитъ Господь дни его!) выѣхалъ изъ Алеппо къ Ладикіѣ и Джебиле, чтобы сдѣлать тамъ свой годовой сборъ и потомъ возвратиться въ Антіохію, я же, его убогій лѣтописецъ, и прочіе его спутники отправились во вторникъ утромъ, въ день пророка Иліи, и прибыли вечеромъ въ городъ, именуемый Маарстванъ. На утро, вставши, мы поѣхали на Хадимъ и Готраринъ; послѣдній есть городъ по близости новаго моста, Джисръ - аль-Джедидъ, на берегу рѣки Аази. Тутъ мы ночевали. Въ четвергъ 22 іюля мы прибыли въ Антіохію, гдѣ слушали обѣдню въ седьмое воскресенье по Пятидесятницѣ. Затѣмъ мы поѣхали на богомолье въ монастырь св. Симеона чудотворца, покровителя плавающихъ, слѣдуя по прямой древне-римской дорогѣ, совершенно забытой въ теченіе долгаго времени и открытой лишь недавно въ послѣдніе годы. Какъ часто, въ прежніе года, когда мы ѣздили на богомолье въ этотъ монастырь, насъ возили по Суейдійской дорогѣ мимо церкви св. Спиридона, построенной на томъ мѣстѣ, гдѣ ослы его были обезглавлены его врагами; проведя ночь въ городѣ Зейтунѣ, мы, бывало, на слѣдующее утро продолжали свой путь въ монастырь по весьма трудной дорогѣ, идущей чрезъ огромный лѣсъ. Этотъ же путь, напротивъ, ровный, прямой и болѣе короткій. Нашъ владыка патріархъ, почерпнувъ о немъ извѣстіе изъ житія святого, часто объ немъ разспрашивалъ; однако до нынѣшняго года онъ не былъ ни изслѣдованъ, ни открытъ. Теперь же, (благодареніе Богу) мы ему весьма порадовались, ибо къ вечеру того дня достигли великой обители святаго, гдѣ совершили всенощную и молебенъ въ тамошней соборной церкви, коихъ всѣхъ числомъ семь. Постройки большею

Digitized by Google

частью каменныя, а въ окружающей монастырь стѣнѣ четверо воротъ: самыя большія обращены къ Суейдійскому заливу. Мѣсто сильно укрѣплено отъ природы: рѣка Аази протекаетъ съ восточной стороны его по дну долины. Рѣка эта, какъ кажется, впадаетъ въ море у самой горы Акра, и корабли запасаются изъ нея прѣсной водой.

Отслуживъ литургію, мы возвратились въ Антакіе (Антіохію), куда въ четвергъ 29 іюля прибылъ и нашъ владыка патріархъ. Здѣсь, во время шестидневнаго пребыванія, онъ каждый день служилъ обѣдню. Затѣмъ мы наняли лошадей и въ четвергъ вечеромъ 5 (4?) августа выѣхали изъ города. Миновавъ на слѣдующее утро Бейланъ, прибыли послѣ полудня въ Искандерунъ. Былъ канунъ Преображенія, и кипріоты [1] приняли насъ съ великимъ почетомъ. Мы присутствовали въ ихъ церкви за всенощнымъ бдѣніемъ. Во время Входа (*исодосъ*) вошло все духовенство и, принявъ благословеніе (отъ патріарха), облачилось и по обычаю шествовало кругомъ на Входѣ съ пѣніемъ „Свѣте тихій". На утро нашъ владыка патріархъ совершилъ литургію. Вечеромъ мы выѣхали и на слѣдующій день, который былъ суббота, рано утромъ пріѣхали въ Паясъ, гдѣ патріархъ служилъ обѣдню въ воскресенье, восьмое по Пятидесятницѣ, потомъ въ понедѣльникъ и среду. Къ вечеру мы отправились, на слѣдующее утро останавливались въ Джисръ-Альбарнасъ и доѣхали до Карнъ Капы. Дорога здѣсь ужасная: идетъ узкимъ ущельемъ и сопряжена со всевозможными опасностями.

На другой день мы прибыли въ ханъ (гостинницу) Курдъ-Кулакъ, то-есть, Волчьи уши, ибо въ ханѣ есть мечеть съ двумя куполами, точь въ точь похожими на уши волка. Отсюда мы выѣхали въ полночь въ сопровожденіи 18 стрѣлковъ, христіанъ изъ Паяса, и рано поутру прибыли въ Миссейису (Mopcyecta). Крѣпость Хейятъ осталась у насъ вправѣ. Въ полночь мы опять пустились въ путь и переѣзжали мостъ на рѣкѣ Джихунъ, называемый Эльчиханъ. Утромъ въ субботу 14 августа мы прибыли въ Адану и остановились въ садахъ нашей греческой общины, которая образуетъ городъ довольно большой и заключающій въ себѣ много садовъ. Въ каждомъ саду отъ трехъ до четырехсотъ апельсинныхъ деревъ толщиной съ самое большое тутовое дерево, дающихъ каждое 3 піастра дохода. Сладкихъ лимоновъ

[1] У Бельфура *кабариса* (множ. ч. отъ ед. *киброси*—кипріотъ) оставлено почему-то безъ перевода.

Digitized by Google

и другихъ сортовъ апельсиновъ также великое обиліе. Что касается нашего владыки патріарха, то онъ поѣхалъ собирать свой доходъ въ Тарсъ, въ малые города Триморъ и Джаферъ-Паша и въ города кипріотовъ, лежащіе въ томъ же направленіи. Потомъ онъ вернулся въ Адану, и тогда мы отправились, въ ночь на 29 августа, въ сопровожденіи аги туркменъ изъ Дамаска. Предъ полуднемъ мы прибыли въ ханъ Байрамъ-Паша и сдѣлали привалъ на берегу рѣки Якутъ. Вечеромъ мы встали и ѣхали всю ночь лѣсами и по каменистой дорогѣ. Было очень темно, и мы немало натерпѣлись страха. Утромъ мы достигли укрѣпленія Коликъ и миновали Козлукъ-ханъ, то-есть, ханъ орѣшниковъ, ибо кругомъ него растетъ орѣшникъ въ великомъ множествѣ. Предъ полуднемъ мы пристали въ Такирѣ, который есть знаменитый Эйлетъ-Ибнъ-Рамазана. [1]

На утро мы встали рано и проѣхали Султанъ-ханъ, причемъ укрѣпленіе Аната осталось у насъ вправѣ; потомъ проѣхали Акъ-Кѣпри, то-есть, Бѣлый мостъ, бывшій прежде границей владѣній государей черкесскихъ (грузинскихъ?) и османскихъ. Послѣ того мы переѣхали рѣку Кыркъ-Гечидъ, или рѣку Сорока бродовъ, ибо мы переѣзжали ее въ бродъ по счету ровно сорокъ разъ. Предъ полуднемъ мы прибыли въ Чифта-ханъ, или Парный ханъ. Нѣтъ сомнѣнія, что зимой здѣшнія дороги непроходимы, какъ потому, что онѣ узки, такъ и потому, что заливаются водой многочисленныхъ рѣкъ. Мы останавливались на два часа, потомъ встали и отправились въ путь къ хану Мухаммедъ-Паша, онъ же Енги-ханъ или Оленъ-Кушлукъ (Олукышлакъ); но наступилъ вечеръ, прежде чѣмъ мы успѣли доѣхать до хана. Поэтому мы пристали въ нѣсколькихъ домахъ туркменъ, такъ какъ съ нами былъ ихъ ага, о чемъ я уже упомянулъ, и у нихъ провели эту ночь.

Рано утромъ въ среду, первый день сентября, начало 7161 года отъ сотворенія міра (1653 г. отъ Р. Х.), мы встали и поѣхали къ Бору, совершая путь по его области, которая по справедливости именуется *боръ* (невоздѣланный): на разстояніи цѣлаго дня пути, вдоль и поперекъ, не увидишь зеленой травки, земля выжженная, черная. Въ этотъ день мы терпѣли великую скорбь, пока не прибыли вечеромъ въ Боръ, прекрасное селеніе, гдѣ припасы дешевы, гдѣ обиліе водныхъ потоковъ и великое бо-

[1] Вѣроятно *Яйлакъ Рамазанъ-оглу*, т. е. лѣтнее становище Рамазанова сына (Сильвестръ де-Саси, Journal des Savants, августъ 1830).

Digitized by Google

гатство. Здѣсь все дешево. Ритлъ, или фунтъ, алеппскаго вѣса, мяса стоитъ 4 пара́, ритлъ хлѣба—три. Ритлъ лучшаго стараго вина стоитъ пять парà, а новое продастся по одному парà. Тутъ обиліе въ сыропѣ или патокѣ и виноградѣ. Есть также удивительный пороховой заводъ, работающій колесами, подобными колесамъ водяной мукомольной мельницы: они очень велики и, по мѣрѣ того какъ потокъ воды вращаетъ ихъ, они поднимаютъ и опускаютъ деревянные чурбаны, стоящіе въ рядъ для толченія пороха; помѣшиваніемъ и пересыпаніемъ его занятъ одинъ человѣкъ днемъ, другой ночью. Это выдумка хорошая и достигающая цѣли при маломъ трудѣ. Здѣшніе христіане очень набожны и говорятъ по-турецки. Они пожелали, чтобы мы у нихъ остановились, и оказали намъ прекраснѣйшій пріемъ.

Мы совершили литургію въ ихъ церкви во имя пяти мучениковъ, Евгенія и дружины его [1], въ тринадцатое воскресенье по Пятидесятницѣ. Подъ алтаремъ этой церкви есть небольшой склепъ. Пробывъ восемь дней у здѣшнихъ жителей, мы отправились наканунѣ праздника Рождества Богородицы, 8 сентября, съ конвоемъ изъ туркменъ, которыхъ наняли съ этого вечера до полудня слѣдующаго дня, проводить насъ на разстояніе 20 часовъ пути. Это былъ длинный и ужасный переѣздъ по странѣ, выгорѣвшей отъ засухи, гдѣ мы страдали отъ сильной жары и жажды, которыя чуть не погубили и насъ и нашихъ животныхъ. Мы уже приходили въ отчаяніе, но по милости Создателя (да будетъ благословенно имя Его!) и заступленіемъ Дѣвы Богоматери мы прибыли послѣ полудня въ селеніе туркменъ, называемое Кирванъ. Мы были готовы испустить духъ, а въ особенности наши животныя были при послѣднемъ издыханіи, но насъ всѣхъ немедленно свели къ водѣ, и жизнь вернулась къ намъ. Ради изобилія воды въ этомъ мѣстѣ мы пробыли у нихъ пятницу; вечеромъ отправились съ ними далѣе по ужаснымъ дорогамъ и на слѣдующій день прибыли въ Кара-Енаръ (Карабунаръ?). Отъ Чифта-хана мы ѣхали царскою константинопольскою дорогой, ведущей чрезъ ханъ Мохаммедъ-Паша-Енги-ханъ, а затѣмъ чрезъ Эрекли и Кара-Енаръ, откуда выѣхавъ до полуночи, прибыли передъ полуднемъ въ Исмиль.

---

[1] У Бельфура это мѣсто выражено буквально такъ: „во имя пяти лунъ или свѣтилъ, Евгенія и его товарищей". Несомнѣнно здѣсь надо разумѣть пять мучениковъ: Евстратія, Ависентія, Евгенія, Мардарія и Ореста, память которыхъ совершается 13 декабря.

Digitized by Google

Глава II.

Конія.—Монастырь св. Харитона.

Изъ Исмиля мы выѣхали опять вечеромъ и къ полудню, въ четырнадцатое воскресенье по Пятидесятницѣ, 11 сентября, прибыли въ Конію, гдѣ справляли праздникъ Воздвиженія Креста въ церкви, принадлежащей нашей греческой общинѣ и имѣющей деревянную крышу. Послѣ того мы посѣтили монастырь св. Харитона, коего память совершается 26 сентября. Монастырь лежитъ въ разстояніи только 2 часовъ пути отъ города. Все строеніе, церкви и кладовыя, изъ дикаго камня, добываемаго въ горѣ. Главный храмъ, чрезвычайно обширный и величественный, выстроенъ со всѣми придѣлами также изъ дикаго камня. За престоломъ есть пещера, въ которую сходятъ по лѣстницѣ; въ ней святой предавался молитвеннымъ трудамъ; тутъ показываютъ длинный камень на подобіе подушки, служившій, какъ намъ говорили, для него изголовьемъ. Въ этомъ храмѣ есть гробница съ греческою надписью на порфирѣ: „Кто родилъ Сына?“ Соображая по счисленію времени, мы заключили, что этому памятнику въ настоящее время пятьсотъ лѣтъ. Равнымъ образомъ на дверяхъ храма есть греческая надпись о времени его основанія. Всѣ остальныя церкви малы. На недальнемъ разстояніи за монастыремъ находится древняя пещера, куда спускаются по лѣстницѣ: въ ней разбойники держали святаго въ заключеніи. Тутъ есть обильный источникъ, который онъ извелъ для нихъ (монаховъ?): вода его чрезвычайно вкусна.

Переночевавъ въ монастырѣ на среду, 15-го сентября, мы утромъ возвратились въ городъ. Онъ окруженъ большой стѣной и заключаетъ въ себѣ удивительныя зданія и много картинъ и изображеній разныхъ лицъ, которыя только-что не говорятъ.

Мы ходили осматривать учрежденіе Муллаханэ святаго муллы Хандкара, гдѣ есть замѣчательно красивыя зданія и великое множество серебряныхъ и золотыхъ подсвѣчниковъ и лампадъ, собранныхъ изъ сокровищницъ царей и императоровъ. Одинъ изъ подсвѣчниковъ, въ формѣ цвѣточнаго стебля, вѣситъ 90 окъ золота и серебра. Ступени, ведущія къ гробницѣ, серебряныя. Подлѣ нея находится гробница монаха, сподвижника святого, на коей возложено черное одѣяніе и большая черная чалма. Настилка лѣстницы состоитъ изъ цѣльныхъ мраморныхъ плитъ

Digitized by Google

очень тонкихъ, какъ-будто это серебряныя пластинки. При видѣ такихъ диковинокъ, всякій посѣтитель этого мѣста поражается изумленіемъ. Начальникъ и прочіе дервиши питаютъ великую любовь къ христіанамъ и монахамъ. Они впустили насъ, всюду водили и все намъ показывали, между тѣмъ какъ мы были исполнены благоговѣйнымъ страхомъ. Что касается племени Туркменъ, то они сочли бы себя проклятыми, еслибъ не были впущены. [1]

Мы присоединились къ обществу одного кади изъ Алеппо и къ каравану, шедшему изъ этого города и, выѣхавъ въ четвергъ, прибыли на слѣдующее утро въ Ладакъ, который въ синаксаріѣ именуется Литаверніей (Лаодикія?) и кромѣ римскихъ построекъ заключаетъ въ себѣ великолѣпную церковь во имя Св. Михаила и много другихъ церквей.

Мы оставили его при наступленіи вечера и прибыли рано поутру въ деревню, называемую Альгамъ (Балкамъ), за которой есть хаммамъ, или баня, съ горячею водой, именуемая Киблуджа, а рядомъ другая съ холодною водой. Вечеромъ мы опять пустились въ путь и на слѣдующее утро, въ субботу 18-го сентября, пріѣхали въ селеніе, по имени Акъ-Шехръ, знаменитое гробницей ходжи. [2] Пропутешествовавъ опять всю ночь, на утро достигли Саклы (Исхаклы), что было въ первое воскресенье по Воздвиженіи Креста. Въ полночь поѣхали далѣе и утромъ добрались до Белайдона (Булавадинъ). Вся дорога отъ Саклы до Белайдона снабжена мостами и вымощена камнемъ. Отправившись вечеромъ и миновавъ ночью станцію Ханъ-Беязъ, прибыли на слѣдующій день къ хану Хосровъ-Паша, откуда опять выѣхали темнымъ вечеромъ и на другой день, въ среду, пріѣхали въ Сейидъ-Гази, къ ночи оставили это мѣсто и въ четвергъ, 24-го сентября, прибыли въ Эски-Шехръ, который славится своими желтыми арбузами; они очень сладки и при своей крѣпости, будучи повѣшены, сохраняются до зимы. Здѣсь мы отдыхали всю пятницу и, выѣхавъ вечеромъ подъ субботу, прибыли на утро въ Юзъ-Хонъ (Бузъ-оюкъ).

Въ субботу вечеромъ мы двинулись далѣе и на другой день пріѣхали въ Базоджикъ. Это было второе воскресенье по Воз-

[1] Это гробница знаменитаго суфи и мистическаго поэта Мевлана Джелалъ Эддина Руми, а имя Хандкаръ есть вѣроятно искаженное персидское прозвище *ходавендіаръ*—тоже, что арабское *мевлана*—господинъ (Сильвестръ де-Саси).

[2] Это гробница Ходжи Насръ Эддина, извѣстнаго турецкаго шута.

Digitized by Google

движеніи. Вся дорога въ послѣдній переѣздъ отъ начала до конца узкая: справа—горы и лѣса, слѣва — рѣка, на которую страшно смотрѣть внизъ.

Мы выѣхали вечеромъ и въ понедѣльникъ утромъ прибыли въ Енги-Шехръ. На слѣдующую станцію, ханъ Акъ-Бейикъ, пріѣхали ночью. Здѣсь мы разстались съ стамбульскимъ караваномъ и ночевали въ ханѣ. Во вторникъ утромъ мы оставили это мѣсто и въ полдень достигли многолюднаго города, по имени Базавенгъ (Базарджикъ), на полпути между Енги-Шехромъ и Бруссой. Здѣсь мы пили турецкое молоко неописуемо сладкое и ѣли такой же превосходный хлѣбъ и дыни. Тутъ есть источникъ прѣсной воды, холодной на удивленіе.

Глава III.

Брусса. — Мраморное море.

Наконецъ, вечеромъ того же вторника, 28-го сентября, мы вступили въ Бруссу и остановились въ Енги-ханѣ среди алеппскихъ уроженцевъ, встрѣча съ которыми исполнила радостью наши сердца. У нихъ мы переночевали, а въ среду поутру явилось въ ханъ все духовенство и всѣ (христіанскіе) старшины Бруссы и повели насъ въ часть города Кая-баши, гдѣ находится ихъ церковь во имя Владычицы нашей Богородицы. Церковь эта такая же, какъ всѣ ихъ церкви. Въ концѣ улицы, гдѣ священники и дьяконы встрѣтили насъ со свѣчами и кадилами, нашего владыку-патріарха облачили въ мантію, а пѣвчіе пѣли все время, пока мы не вошли въ церковь. Здѣсь сперва было провозглашено имя государя, потомъ имя патріарха Антіохіи и всего Востока, а затѣмъ слѣдовали всѣ обычныя прошенія. Насъ помѣстили въ домѣ подлѣ церкви, а въ субботу утромъ, 2-го октября, сводили насъ, въ обществѣ алеппскихъ гостей, въ горячія бани Эски-Киблуджа, гдѣ мы выкупались въ теплой, укрѣпляющей силы водѣ, а оттуда пошли въ садъ Кесента.

Вечеромъ по возвращеніи домой, мы служили вечерню наканунѣ воскресенья, третьяго по Воздвиженіи, въ вышеупомянутой церкви. Начиная съ Бруссы до Константинополя и далѣе въ Валахіи и Молдавіи, включая и прилегающія страны, христіане не имѣютъ обыкновенія совершать всенощную (*агрипнія*), какъ это водится у насъ, но когда случится большой праздникъ, совершаютъ ее наканунѣ предъ полунощницей и не перестаютъ кадить на „Господи воззвахъ“ до самой „Славы“; между тѣмъ

Digitized by Google

стекается собраніе. На ектеніяхъ поминали первымъ нашего владыку патріарха, а потомъ ихъ митрополитовъ. При входѣ присутствующіе священники приняли благословеніе [1] (отъ патріарха) и, облачившись въ ризы, по своему обычаю шествовали на Входѣ съ пѣніемъ „Свѣте тихій“. Когда священникъ участвуетъ на Входѣ, это значитъ, что на слѣдующій день онъ будетъ совершать литургію. Знай, что первенствующій, или главный изъ іереевъ, обязанъ произнести молитву на захожденіе солнца „Свѣте тихій“ и „Нынѣ отпущаеши раба Твоего“; равно на утренней молитвѣ, онъ долженъ произносить утренніе псалмы и затѣмъ „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ“ и проч. На утро вышеупомянутаго воскресенья нашъ владыка патріархъ въ той же церкви совершалъ литургію. Во всей греческой странѣ начинаютъ (утреню?) съ канона, а по седьмой пѣснѣ и чтеніи синаксарія поютъ „Всякое дыханіе“, читаютъ евангеліе и „Спаси, Господи, люди Твоя“, и служащій священникъ подноситъ евангеліе къ первенствующему для цѣлованія, послѣ чего прикладываются всѣ присутствующіе; потомъ подноситъ евангеліе и женщинамъ и, когда онѣ приложатся, возвращается къ престолу. Что касается часовъ, то они отправляются у грековъ весьма небрежно, исключая перваго часа на разсвѣтѣ дня, и тѣмъ заключаютъ богослуженіе, но священникъ во время литургіи прочитываетъ ихъ про себя. Впрочемъ въ странѣ казаковъ и въ Московіи ихъ читаютъ громко во всеуслышаніе, какъ у насъ. Во время великаго выхода со св. Дарами впереди идутъ дьяконы, а позади священники. Во всѣхъ этихъ странахъ кромѣ Московіи всѣ присутствующіе въ церкви входятъ въ алтарь для принятія антидора изъ рукъ первенствующаго или служащаго священника; онъ выходитъ къ женщинамъ и дѣтямъ и ихъ также одѣляетъ.

Въ субботу, 9 октября, насъ возили въ теплыя бани Енги, Киблуджа, похожія на бани Бехрамъ-Паша и Мустафа-Паша въ Дамаскѣ и Алеппо. Мы осмотрѣли источникъ этихъ водъ, который кипитъ, выбиваясь изъ скалы, и извергаетъ пары въ туманный воздухъ. Запахъ воды сѣрный и никто не въ силахъ держать въ ней руку, ибо она ошпариваетъ живность и варитъ яица, чему мы сами были свидѣтелями; поэтому, чтобы привести эту воду къ умѣренной температурѣ, въ нее три или

---

[1] Бельфуръ оставилъ здѣсь безъ перевода греч. слово *хороми*, невѣрно прочитанное имъ вмѣсто *кирокъ*.

Digitized by Google

четыре раза подливаютъ холодной воды. Эти бани громадное зданіе.

На утро, въ четвертое воскресенье по Воздвиженіи, нашъ владыка патріархъ былъ приглашенъ служить обѣдню священниками и почетными обывателями части города, называемой Балыкъ-Базаръ, въ ихъ церкви во имя Св. Евангелиста Іоанна. Поэтому онъ туда отправился и совершилъ литургію. Церковь эта двойная (?), какъ и другія. Подъ вторникъ онъ опять былъ приглашенъ жителями части города Демиръ-Джиби въ ихъ церковь, гдѣ совершилъ водоосвященіе (*аγіασμος*), и тутъ переночевалъ.

Въ среду, 12 октября, шестнадцатый день нашего пребыванія въ Бруссѣ, мы отправились въ путь, простившись съ почетными жителями, которые провожали насъ до Моданира (Муданіи), откуда все населеніе вышло встрѣчать патріарха на большое разстояніе. Они провели насъ прямо въ соборъ во имя Успенія Пресв. Богородицы, и діаконъ помянулъ (на ектеніи) первымъ имя патріарха константинопольскаго, вторымъ—патріарха антіохійскаго, но не поминалъ своего митрополита Климента (да изгладитъ Господь имя его изъ книги живота!) такъ какъ за свое высокомѣріе онъ былъ всѣми ненавидимъ, а въ особенности въ настоящемъ случаѣ, когда онъ уклонился отъ встрѣчи патріарха и не захотѣлъ поздравить его съ пріѣздомъ. По этой причинѣ мы пробыли здѣсь весьма короткое время и не отслужили ни одной обѣдни. Но жители насъ очень чествовали, потому что они чрезвычайно ревностные христіане и весьма набожны. Насъ помѣстили въ домъ старшины Криши-Турти на берегу моря. Въ городѣ около двадцати церквей. Въ митрополичьемъ домѣ есть малая церковь во имя Богоявленія, а подъ нею источникъ. Церковь украшена изображеніемъ св. Горы и всѣхъ ея обителей. Отсюда мы отправились посѣтить церковь св. Ѳеодора, которая весьма благолѣпна, а потомъ осматривали церковь св. Георгія. Прочихъ церквей осмотрѣть не успѣли, ибо спѣшили сѣсть на корабль и плыть въ Константинополь до наступленія бурнаго времени около Дмитрова дня.

Намъ наняли судно за 800 османисовъ, и мы оставили Моданиръ 16 октября. Отплывъ съ нами до вечера около 12 миль, корабельщики бросили якорь, а въ полночь снова поплыли. Но едва мы вышли на средину моря, какъ поднялся порывистый вѣтеръ и волны забушевали. Буря до того усилилась, что судно чуть не потонуло съ нами отъ напора громадныхъ пѣнящихся

Digitized by Google

валовъ; мы совершенно упали духомъ, кричали и плакали, какъ дѣти. Считая себя погибшими, мы прощались другъ съ другомъ и во всеуслышаніе исповѣдывали свои грѣхи, а нашъ владыка патріархъ читалъ надъ нами молитву прощенія, разрѣшенія и отпущенія, въ то время какъ мы ежеминутно ожидали приближающейся смерти. Но Создатель (да будетъ прославлено имя Его!), не презрѣвшій рабовъ своихъ, не оставилъ и насъ и предстательствомъ за насъ Пресв. Дѣвы, Его Матери, святителя Николая, спасеніе и прибѣжище всѣхъ одержимыхъ напастію, св. Симеона, алепскаго чудотворца, покровителя плавающихъ, св. Георгія, ѣздящаго на конѣ по морю и по суху, и св. Димитрія, коего праздникъ приближался (ибо какъ передъ нимъ, такъ и послѣ него бури эти страшны для мореплавателей), волны утишились, и послѣ непомѣрнаго утомленія и великаго страха наши корабельщики успѣли пристать съ нами къ землѣ и спустили парусъ, послѣ того какъ мачта едва не сломалась отъ яростно дувшаго порывистаго вѣтра. Сперва намъ даже не вѣрилось, что мы уцѣлѣли, пока люди не выпрыгнули на берегъ и мы могли на свободѣ убѣдиться въ своемъ плачевномъ состояніи. На утро повезли насъ на веслахъ къ хорошо извѣстному хану Бузбурунъ и здѣсь бросили якорь. Тутъ мы нашли много кораблей, стоявшихъ на якорѣ изъ опасенія бурной погоды. Мы пробыли въ Бузбурунѣ съ утра субботы до полуночи на вторникъ; когда же погода улучшилась, мы отплыли и на утро пристали къ селенію, по имени Катерли. Мы высадились на берегъ, чтобы посѣтить здѣшнюю церковь во имя св. Кириака. Вечеромъ мы приплыли къ многолюдному городу, лежащему на отлогомъ берегу острова, упоминаемаго въ синаксаріи и въ исторіи подъ именемъ Проти, то-есть, первый; теперешнее его имя Бириджи. [1] Онъ заключаетъ въ себѣ памятники патріарховъ константинопольскихъ до сего дня. Въ немъ три церкви: одна—во имя Владычицы, другая—во имя св. Димитрія, третья—во имя св. Георгія. Въ полночь мы опять пустились въ путь и утромъ прибыли въ Эскударъ (Ску-

[1] *Бириджи* по-турецки то же, что греч. *Проти*. На Мраморномъ морѣ, въ 12 миля. отъ Константинополя, есть группа острововъ, изъ коихъ первый, когда подъѣзжаешь отъ города, называется Проти. Но изъ описанія острова, къ которому приставалъ патріархъ Макарій, видно, что это не могъ быть островъ Проти, гдѣ нѣтъ ни города, ни деревни, а есть лишь монастырь. Вѣроятно, это былъ Принкипо, самый большой островъ этой группы и первый, къ которому онъ приплылъ, слѣдуя отъ Муданіи (Вельфуръ).

Digitized by Google

тари). Мы проплыли мимо Халкидоніи и „виноградника вдовицы“, который отстоялъ Іоаннъ Златоустъ; онъ существуетъ доселѣ и имѣетъ видъ острова. Городъ называется теперь Кады-Гюнъ (Кады-Кёй), то-есть, по звуку почти то же, что Халкидонія.

Глава IV.

Константинополь.—Пріѣздъ. Пріемъ у патріарха.

Мы вступили въ Константинополь предъ полуднемъ въ среду 20 октября. Въ этотъ день исполнилось ровно три мѣсяца со времени нашего отбытія изъ Алеппо. Мы пристали въ монастырѣ Воскресенія, что за Кабрскими воротами вблизи патріаршихъ палатъ. Нашъ владыка патріархъ послалъ изъ Бруссы письмо къ Киръ Паисію, патріарху константинопольскому и къ его митрополитамъ, испрашивая у нихъ, по древнему обычаю, разрѣшенія посѣтить Константинополь. Они были чрезвычайно довольны, что онъ, не въ примѣръ тому, какъ поступали его предшественники, оказалъ имъ должное вниманіе, и немедленно прислали нашему владыкѣ патріаршую грамату (*систатиконъ*) съ дозволеніемъ прибыть со всею пышностью. Итакъ, вечеромъ нашъ владыка патріархъ испросилъ разрѣшеніе посѣтить ихъ на слѣдующій день. Поэтому въ четвергъ утромъ патріархъ константинопольскій прислалъ къ нему своихъ митрополитовъ, которые, представъ предъ лицо его въ назначенное имъ для выхода время, сопровождали его въ патріаршія палаты. При входѣ во врата, его встрѣтили два священника, одинъ съ евангеліемъ, другой съ иконой, а также діаконы съ кадилами, всѣ въ облаченіяхъ; владыка, по обычаю, приложился къ евангелію и къ иконѣ, діаконы же ему кадили. Тогда одинъ изъ митрополитовъ вручилъ ему серебряный посохъ, а хоръ пѣвчихъ запѣлъ „Достойно есть“, и такъ вошли съ нимъ въ патріаршую церковь, которая освящена во имя св. Георгія, и вотъ, въ то время какъ нашъ владыка прикладывался къ иконамъ, что на царскихъ вратахъ, сошелъ (изъ своихъ покоевъ) патріархъ константинопольскій и, войдя въ церковь въ мантіи, остановился впереди своего мѣста. Нашего владыку патріарха возвели на другое патріаршее мѣсто, на противоположной сторонѣ. Діаконъ возгласилъ: „Помилуй насъ, Боже, по велицѣй милости Твоей“, поминалъ Алексія, царя московскаго, и царицу Марію, господаря Молдавскаго Василія и супругу его Екатерину, Валашскаго Матѳія и супругу его Елену, потомъ Киръ Паисія, патріарха константинопольскаго, и

Digitized by Google

Киръ Макарія, патріарха антіохійскаго, а пѣвчіе при каждомъ имени три раза пѣли „Господи, помилуй!“

По заключеніи службы служившимъ священникомъ, оба патріарха сошли со своихъ мѣстъ и, испросивъ другъ у друга прощенія въ своихъ прегрѣшеніяхъ, пошли рядомъ, въ предшествіи двухъ свѣщеносцевъ, которые несли большіе серебряные подсвѣчники съ восковыми свѣчами, а митрополиты слѣдовали позади, пока они не взошли въ патріаршій диванъ (покои). Здѣсь они сѣли за трапезу, между тѣмъ какъ пѣвчіе продолжали пѣть. Константинопольскій патріархъ оказывалъ нашему владыкѣ всевозможное вниманіе и любвеобильное благоволеніе. Подавали столько всякаго рода кушаньевъ и столько сортовъ винъ, что описать невозможно. Къ вечеру патріархи сошли (въ церковь) совершить вечернія молитвы и потомъ попрощались другъ съ другомъ. Нашъ владыка патріархъ возвратился въ монастырь, предшествуемый и сопровождаемый митрополитами и духовенствомъ съ Капи Кахіями молдавскимъ и валашскимъ [1] и другими лицами, которыя за нимъ слѣдовали, пока онъ не отпустилъ ихъ съ благословеніемъ. Именитые люди изъ христіанъ безпрестанно приходили привѣтствовать его.

Наканунѣ воскресенья (Всѣхъ Скорбящихъ Радости?) [2] нашъ владыка патріархъ, по приглашенію константинопольскаго, шествовалъ въ патріаршую церковь. Оба патріарха вошли вмѣстѣ въ мантіяхъ и одновременно прикладывались къ иконамъ, и предъ каждымъ изъ нихъ во все время богослуженія свѣщеносецъ держалъ два серебряныхъ подсвѣчника съ восковыми свѣчами. Каѳизмы были прочитаны однимъ изъ дьяконовъ, который стоялъ между обоими патріархами. Во время „Славы“ священники начали попарно совершать метаніи [3] предъ константинопольскимъ патріархомъ, потомъ предъ антіохійскимъ, повторяя дважды; всѣхъ ихъ было пять паръ. Затѣмъ они вошли (въ алтарь), облачились въ ризы и шествовали кругомъ на Входѣ, а

[1] Капи Кахія молдавскій и Капи Кахія валашскій были представители князей этихъ двухъ областей, жившіе въ Константинополѣ для веденія политическихъ и церковныхъ дѣлъ своихъ государей съ Портой и патріархіей (Бельеуръ).

[2] Здѣсь Бельеуръ оставилъ безъ перевода ар. слово *аль-джандарійя* (?), вѣроятно, искаженное. Не должно-ли оно означать икону Божіей Матери „Всѣхъ Скорбящихъ Радость“, празднество которой совершается въ этотъ день, то-есть, 24 октября.

[3] *Метанія*—слово греческое—означаетъ глубокій поясной, иногда земной, поклонъ.

Digitized by Google

потомъ стали около патріарха полукругомъ. Послѣ того какъ дьяконъ, раскачивая кадильницу, окадилъ царскія врата, потомъ обоихъ патріарховъ и священниковъ и прочихъ присутствовавшихъ въ алтарѣ, священники громогласно запѣли „Свѣте тихій“. Тогда дьяконъ возвратился и снова кадилъ патріархамъ, а священники, подходя попарно, испрашивали у нихъ благословеніе, а затѣмъ входили въ алтарь, гдѣ разоблачались. Такой у нихъ обычай наканунѣ воскреснаго дня или большаго праздника. Эти священники—изъ окружныхъ церквей вблизи патріаршихъ палатъ, и это признакъ, что они готовятся съ вечера къ совершенію литургіи, какъ мы о томъ замѣтили раньше. При концѣ службы патріархи, принявъ другъ у друга благословеніе, пошли изъ церкви, предшествуемые двумя священосцами, со всѣмъ соборомъ, ставшимъ рядами. Тогда одинъ изъ свѣщеносцевъ возгласилъ громогласно: „Святѣйшему Паисію, архіепископу Константинополя, Новаго Рима и патріарху всей вселенной, многая лѣта!“ повторяя это трижды, между тѣмъ какъ патріархъ, поднявъ правую руку, благословлялъ народъ. Подобнымъ образомъ другой свѣщеносецъ возгласилъ трижды: „Блаженнѣйшему Макарію, патріарху града Божія великой Антіохіи и всего Востока, многая лѣта!“ въ то время какъ антіохійскій патріархъ также поднялъ правую руку и благословлялъ народъ. Затѣмъ они сняли мантіи, и константинопольскій патріархъ повелъ нашего владыку къ себѣ въ палаты, гдѣ они трапезовали вмѣстѣ. Послѣ того онъ провожалъ своего гостя до дверей нижней части дома, гдѣ они разстались, и владыка нашъ возвратился въ свой монастырь въ радостномъ настроеніи духа.

Въ утро вышеупомянутаго воскресенья мы снова явились въ ту же церковь, и митрополиты вышли на дворъ встрѣтить нашего владыку, облекли его въ мантію и сопровождали его впереди и позади при шествіи въ церковь, причемъ передъ нимъ несли два серебряныхъ подсвѣчника. При входѣ владыка преподалъ благословеніе собравшимся и, подойдя къ своему патріаршему мѣсту, на немъ сталъ. Послѣ „Всякое дыханіе“ патріархъ константинопольскій, сошелъ съ своего мѣста, прикладывался къ иконамъ и благословлялъ предстоящихъ, затѣмъ антіохійскій, потомъ высшее духовенство попарно, напослѣдокъ священники и всѣ собравшіеся прикладывались къ иконамъ, ибо во всей греческой землѣ, въ Молдавіи и въ Валахіи нѣтъ человѣка, который бы не прикладывался раннимъ утромъ къ иконамъ; позднѣе, въ концѣ обѣдни, по

Digitized by Google

принятіи антидора, прикладывались женщины и дѣти. Какъ и у насъ, они выходятъ изъ церкви по окончаніи литургіи, но здѣсь выходятъ и послѣ утрени и возвращаются чрезъ два часа. Діаконъ, покадивъ при „аллилуія“, выходитъ изъ алтаря и кадитъ патріарху, стоящему на своемъ мѣстѣ, и потомъ получаетъ отъ него благословеніе на чтеніе евангелія. Затѣмъ, окадивъ царскія врата и иконы, входитъ въ алтарь и, принявъ изъ рукъ священника евангеліе, выходитъ съ нимъ чрезъ сѣверныя двери и вступаетъ на амвонъ, [1] находящійся на сѣверной сторонѣ храма. Пѣвчіе поютъ весьма протяжно „Ис-полла эти деспота“, въ то время какъ діаконъ, сойдя съ амвона, подноситъ евангеліе патріарху для цѣлованія. Въ концѣ ектеніи нѣсколько разъ повторяется „Елицы оглашеннін, изыдите!“ Въ срединѣ ектеніи бываетъ *синепете* (synepete), то-есть, когда діаконъ въ концѣ прошенія о мирѣ возглашаетъ „Господу помолимся“, онъ присовокупляетъ къ этому: „О свышнемъ мирѣ“, „О мирѣ всего міра“, „О святѣмъ храмѣ семъ“, „О патріархѣ“, „О государѣ и государынѣ“, „О пособити“ и пр. и „Премудрость“ и все остальное, между тѣмъ какъ священникъ читаетъ молитву. Послѣ возгласа онъ повторяетъ снова „Заступи, спаси“ и пр., „О святѣмъ храмѣ“, „О благорастворенін воздуховъ“, „О плавающихъ“, „О избавитися намъ“, „Заступи“ и „Премудрость“ и такъ далѣе, въ то время какъ священникъ доканчиваетъ молитвы. Здѣсь велики и послѣдованіе и смиреніе, ихъ метаніи даже до земли многочисленны: я говорю о греческомъ духовенствѣ, присутствующемъ за литургіей и въ особенности объ ихъ благоговѣніи въ минуту принятія св. Таинъ. Діаконъ поминаетъ патріарха во время перенесенія св. Даровъ. Въ концѣ литургіи оба патріарха раздавали антидоръ, каждый на своей сторонѣ. При выходѣ ихъ изъ церкви свѣщеносцы возглашали тѣ же слова, что и наканунѣ вечеромъ, а патріаршіе янычары (кавасы), съ саблями и жезлами, постоянно предшествовали имъ, очищая путь. Въ этотъ день снова было пиршество, съ котораго мы вернулись домой не раньше вечера.

Наканунѣ праздника св. Димитрія мы были за вечерней въ монастырской церкви во имя св. Георгія. Утромъ патріархъ прислалъ къ нашему владыкѣ двухъ митрополитовъ, простосин-

[1] Въ греческихъ церквахъ обыкновенно устраивается на сѣверной или на сѣверной и южной сторонѣ возвышенный амвонъ, или каѳедра, куда всходятъ по спиральной лѣстницѣ. На немъ діаконъ читаетъ евангеліе во время литургіи и съ него говорятъ проповѣди.

Digitized by Google

гела [1] и старшаго изъ діаконовъ, которые сопроводили его въ патріаршую церковь, и послѣ обѣдни патріархъ опять пригласилъ его къ своему столу. Слѣдуетъ замѣтить, что наши греческіе о Христѣ братья вездѣ, гдѣ бы они ни были, соблюдаютъ Дмитровскій постъ, начиная съ перваго октября и воздерживаются совершенно отъ скоромной пищи до дня празднества святаго. Равнымъ образомъ постятся они ради св. Михаила съ 1 ноября въ теченіе восьми дней. Кромѣ этихъ постовъ у нихъ установлены еще многіе другіе въ честь иныхъ святыхъ, о чемъ, если Богу угодно, мы упомянемъ впослѣдствіи.

Глава V.

Константинополь.—Патріаршая церковь.

Вотъ описаніе патріаршей церкви въ Константинополѣ во имя св. великомученика Георгія. Передъ нею дворъ, а съ сѣверной стороны рядъ пристроекъ, гдѣ живутъ патріаршіе писцы. Съ передней стороны примыкаетъ къ церкви обширная паперть, съ которой въ нее спускаются по ступенямъ. Церковь по образцу всѣхъ соборныхъ храмовъ, съ тремя отдѣленіями, увѣнчанными каждое куполомъ. Она имѣетъ еще дверь съ паперти на сѣверной сторонѣ. Надъ этимъ отдѣленіемъ стоятъ женщины, для которыхъ устроена наружная дверь, выходящая на улицу. Церковь имѣетъ три алтаря и весьма обширна. Клиросныя мѣста идутъ двумя равными рядами, достигая отъ предъалтарія до самыхъ церковныхъ дверей. За ними есть еще ряды сѣдалищъ, а также кругомъ всей церкви. Патріаршее мѣсто находится между рядами сѣдалищъ съ правой стороны; оно весьма возвышенно, со ступенчатымъ всходомъ, все связано въ лапу и высокохудожественной работы. Съ противоположной стороны, въ ряду слѣва, подобное же мѣсто, но немного пониже, предназначено для патріарха посѣтителя. Иконостасъ весьма величественный и большія иконы надъ царскими вратами обширныхъ размѣровъ и писаны въ Москвѣ. Икона св. Георгія всецѣло работа рукъ царицы [2]. Подсвѣчники высоки и великолѣпны. Паникадило, которое они называютъ *хорос*, все изъ желтой мѣди, кованой венеціанской работы и сходно съ тѣмъ, которое находится въ

[1] Духовное лицо при патріархѣ, которое обыкновенно ведетъ всѣ дѣла патріархіи.

[2] У Бельфура: „всецѣло исполнена рукой Нашей Владычицы (?)“.

Digitized by Google

храмѣ Воскресенія. Алтари пространны; позади алтаря, что съ сѣверной стороны, есть дверь, ведущая въ книгохранилище, откуда имѣется выходъ за церковь на дворъ, примыкающій къ улицѣ. Это устроено съ тою цѣлью, чтобы священникъ, если случится ему естественная нужда, могъ удовлетворить ей, не проходя мимо народа. На аркѣ южнаго алтаря написаны изображенія Авраама и Мельхиседека. У послѣдняго борода бѣлая и длиннѣе чѣмъ у Авраама. Его голова окружена красной повязкой, какъ у пророка Даніила, а волосы распущены. Онъ облеченъ въ одежду, похожую на фелонь св. Григорія, епископа Арменіи, по армянскому уставу съ парчевымъ оплечьемъ. Онъ держитъ въ рукахъ нѣчто въ родѣ бѣлой ладьи, наполненной чѣмъ-то краснымъ, какъ-бы съ виномъ, а на этомъ изображены три бѣлыхъ круглыхъ хлѣбца съ двумя красными крестами на верхушкѣ. Это тѣ хлѣбы и вино, которые онъ поднесъ Господу (Аврааму?). Сверху написано: праведный Мельхиседекъ. Надъ жертвенникомъ два изображенія: патріарха александрійскаго и Христа, стоящаго передъ нимъ въ образѣ юноши подъ сѣнью, поддерживаемой двумя столпами; Его одѣяніе разодрано и патріархъ говоритъ Ему: „Господи, кто разодралъ ризы Твои?“ Изъ устъ Господа исходитъ отвѣтъ: „во истину Арій возсталъ на Меня. Устье адово ниже-ли (того мѣста, куда онъ ввергенъ?)“ Тамъ гдѣ служащій священникъ умываетъ руки, стоитъ небольшой мраморный водоемъ съ ручкой, изъ котораго вода изливается въ другой, стоящій подъ нимъ на столбѣ. Что касается двухъ вышеупомянутыхъ изображеній, то подобіе ихъ встрѣчается во всѣхъ церквахъ Константинополя и его округа, также и описаннаго сейчасъ умывальника. Амвонъ, или каѳедра, который, какъ мы уже упоминали, находится на сѣверной сторонѣ, весьма возвышенъ и поднимается выше мѣста, которое занималъ въ настоящемъ случаѣ патріархъ антіохійскій.

Въ углу церкви, направо отъ входа, есть помѣщеніе, огражденное рѣшеткой изъ желѣзной проволоки, гдѣ находятся мощи святыхъ, коимъ мы просили позволенія поклониться и приложиться. Поэтому насъ провели внутрь. Пришли старосты съ ключами отъ запоровъ и сперва сломали печати, а потомъ открыли ковчеги, которыхъ числомъ три. Первый заключаетъ мощи св. Ѳеофаніи царицы, совершенно нетлѣнныя, облеченныя во всѣ ея одежды и съ ея пряжею въ ногахъ. Приложившись къ нимъ, мы прикладывались къ мощамъ св. Соломоніи, матери семи Маккавеевъ. Она престарѣлая, совершенно нетлѣнная, въ

Digitized by Google

своей одеждѣ, застегнутой какъ у франковъ. Въ третьемъ ковчегѣ мощи св. мученицы Евѳиміи, цѣльныя, за исключеніемъ головы, которой не достаетъ. Въ углу этого помѣщенія за желѣзной рѣшеткой хранится половина того столба, къ которому былъ привязанъ Господь нашъ Спаситель, когда Его бичевали. Цвѣтъ столба зеленоватый, надъ нимъ лампада, горящая днемъ и ночью. Въ то время какъ мы прикладывались къ нему, одинъ изъ присутствовавшихъ сообщилъ намъ, что другая половина столба находится въ Римѣ и что онъ сподобился къ ней приложиться. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ сокровища, принадлежащія патріаршей церкви, въ рукахъ ея управителей, а не ввѣряются самому патріарху; они же выдаютъ всѣмъ содержаніе и вѣдаютъ всѣ прочіе расходы патріаршаго двора.

Палаты и диванъ патріарха построены на возвышенности внѣ церковной ограды; изъ нихъ открывается видъ на Галату, Скутари, Мраморное море и пр. Въ верхней части есть потаенная дверь, ведущая въ монастырь Воскресенія. Между патріаршими палатами и этимъ монастыремъ есть городскія ворота во внутренней стѣнѣ; а какъ существуетъ обычай по запорѣ вечеромъ константинопольскихъ воротъ относить ключи къ агѣ янычаръ и по причинѣ отдаленности не отпирать ихъ до утра, то мы, когда случалось, стучали въ эту калитку и чрезъ нее проходили въ церковь.

Мѣста для митрополитовъ внутри церкви идутъ по лѣвую сторону отъ патріаршаго мѣста до церковныхъ дверей; по другую его сторону располагается клиръ и пѣвчіе почти до дверей алтаря, такъ что сѣверная сторона церкви совершенно предоставлена простымъ священникамъ и дьяконамъ. На южныхъ дверяхъ алтаря, по обыкновенію, изображенъ херувимъ съ пламеннымъ мечемъ.

Глава VI.

Константинополь.—Кумъ-Капу. Св. Софія.

Наканунѣ воскресенья (недѣли) о Богатомъ и Лазарѣ патріархъ константинопольскій пригласилъ нашего владыку въ церковь къ вечерней молитвѣ. Въ этотъ же день онъ прислалъ ему грамату (*систатиконъ*), подписанную имъ самимъ и владыками, съ разрѣшеніемъ совершить на-завтра литургію въ церкви св. Іоанна Крестителя въ Кумъ-Капу, по чину всѣхъ патріарховъ; въ то же время онъ приказалъ духовенству другихъ церквей этой

Digitized by Google

части города не совершать литургіи по своимъ церквамъ, а собраться всѣмъ въ упомянутую церковь для сослуженія съ нашимъ владыкой. Вслѣдствіе этого священники немедленно къ намъ явились и пригласили патріарха съ вечера на завтрашнее торжество. Итакъ, въ воскресенье мы сѣли въ лодку и, обогнувъ султанскій Сераль, проѣхали позади него. Здѣсь указали намъ Романовскія ворота, упоминаемыя въ синаксаріи, нынѣ заложенныя. Подлѣ нихъ находится святой источникъ, посѣщаемый христіанами въ день Богоявленія. Эта часть городской стѣны построена императоромъ Ѳеофиломъ, и доселѣ цѣла на ней надпись съ его именемъ крупными греческими буквами: „Ѳеофилъ, во Христѣ вѣрный царь римскій и самодержецъ".

Близъ Кумъ-Капу между башнями на набережной намъ показывали башню императора Льва Мудраго, гдѣ находилось чудесное зеркало, которое разбилъ Михаилъ, сынъ Ѳеофила. У самой башни стоитъ древняя мечеть или соборъ (джами), который, сказывали, первоначально былъ христіанскимъ храмомъ и постояннымъ мѣстопребываніемъ св. Іоанна Златоуста.

Мы продолжали путь, пока не достигли Скáлы, или пристани Кумъ-Капу, гдѣ высадились изъ лодки. Кумъ-Капу въ древности назывался по-гречески Контоскали. Всѣ христіане со своимъ духовенствомъ насъ ожидали и, встрѣтивъ нашего владыку патріарха, сопроводили его со свѣчами, кадильницами и со всѣми знаками почета и уваженія въ вышеупомянутую церковь, гдѣ торжественно была совершена литургія.

Во всѣхъ здѣшнихъ странахъ существуетъ обычай во время „Достойно есть" подносить патріарху частицы сухой просфоры, которыя онъ беретъ въ руку одну за другой и, сотворивъ каждою крестное знаменіе надъ чашей и дискосомъ съ поминовеніемъ имени приносящаго ее, произноситъ: „да будетъ прославляемо имя Пресвятой Троицы!" Это то, что̀ они называютъ Панагія, которая пользуется среди нихъ великимъ почтеніемъ: они беруть ее съ собою въ путешествіе, дабы употреблять вмѣсто причащенія св. Таинъ въ случаѣ, когда грозитъ опасность утонуть или погибнуть инымъ образомъ.

Послѣ того какъ нашъ владыка роздалъ антидоръ, всѣ стали класть деньги на блюдо. Потомъ они приглашали насъ къ себѣ въ дома, гдѣ предлагали патріарху угощеніе, и мы провели подъ ихъ кровомъ двѣ ночи. Мы посѣтили и прочія ихъ церкви: вторая церковь во имя Богоматери вся бѣлая; третья—во имя св. Киріака; на дверяхъ ея изображено живописью сотвореніе неба

Digitized by Google

и земли, то-есть, „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“; четвертая—во имя святителя Николая. Во всѣхъ этихъ церквахъ новыя паникадила и каѳедры. Пятая церковь также во имя Богоматери и смежная съ церковью армянъ, которые имѣютъ два храма въ Кумъ-Капу.

Во вторникъ, 2 ноября, въ день праздника Курбанъ-Байрамъ, мы всѣ ходили на площадку передъ воротами Сераля и видѣли его величество султана Мохаммеда (да хранитъ его Богъ!) со свитой и войсками при его шествіи въ Св. Софію и возвращеніи оттуда. Затѣмъ мы осматривали Св. Софію со всѣми ея помѣщеніями и притворами. Мы поднимались на второй ярусъ, потомъ на третій, обозрѣвали ея колонны изъ желтаго, зеленаго, сѣраго и пестраго камня и мрамора различныхъ прекраснѣйшихъ и яркихъ цвѣтовъ, разсматривали мраморныя плиты, идущія отъ колонны къ колоннѣ съ доселѣ уцѣлѣвшими на нихъ изображеніями креста, каковыя видны равнымъ образомъ на чудномъ помостѣ, на всѣхъ камняхъ и мраморахъ, на агіасмѣ, или святомъ источникѣ, внутри храма и на столахъ изъ прозрачнаго мрамора. Придѣлы и притворы храма устроены дивно, и краснорѣчивѣйшему человѣку невозможно достойно восхвалить красоту его бѣлыхъ мраморовъ, величественный навѣсъ его куполовъ, прекрасно написанное изображеніе нашего Господа Христа благословляющаго наверху арокъ и алтарей, множество крестовъ по стѣнамъ и карнизамъ, разнообразіе ликовъ и изображеній господнихъ праздниковъ, украшающихъ своды куполовъ; пестроту цвѣтовъ мозаичныхъ изображеній, позолоченныхъ и раскрашенныхъ, число дверей храма, размѣръ бронзовыхъ крестовъ на нихъ, множество оконъ. Но что я говорю? Невозможно уму человѣческому описать въ подробности красоты его.

Глава VII.

Константинополь.—Атъ-Мейданъ, или Гипподромъ.

Изъ Св. Софіи мы пошли осматривать мечеть покойнаго султана Ахмеда, столь извѣстнаго своею строптивостью. Полъ ея вымощенъ нешлифованнымъ мраморомъ въ томъ видѣ, какъ онъ добывается изъ каменоломни. Послѣ того мы прошлись по площадкѣ, или общественному гульбищу Константинополя, знаменитому во всемъ свѣтѣ. Оно называется Атъ-Мейданъ, то-есть, конское ристалище и находится напротивъ мечети. Мы видѣли утвержденную на каменномъ подножіи удивительную пирамиду

Digitized by Google

(обелискъ), называемую Невъ-Текелли-Дашъ. Она изъ цѣльнаго куска камня, четырехгранная, красновато-сѣраго цвѣта; на четырехъ сторонахъ ея изсѣчены какіе-то учёные знаки, или образы и подобія животныхъ, кои всѣ суть философскія слова (іероглифы). Пирамида поставлена на четырехъ мѣдныхъ кубахъ, а подъ ними кубъ изъ бѣлаго мрамора, цѣльный кусокъ, который въ длину, ширину и высоту имѣетъ по 14 пядей съ каждой стороны квадрата и украшенъ изваянными изображеніями людей, на каждой сторонѣ различными. Высота пирамиды отъ основанія до вершины, то-есть, высота столба и его подножія, равняется высотѣ минаретовъ мечети султана Ахмеда.

На разстояніи перелета камня отъ этой пирамиды есть столбъ изъ толстой мѣди, свернутой въ три жгута на подобіе трехъ змѣй или драконовъ, свившихся другъ съ другомъ; на верхушкѣ три змѣиныя головы съ открытыми зѣвами, обращенныя къ тремъ частямъ города; у одной головы обломана нижняя челюсть. Утверждаютъ, что покойный султанъ Османъ отбилъ ее булавой и что этотъ столбъ со временъ императора Константина одинъ служилъ охраной городу отъ вторженія въ него змѣй, и приводятъ, какъ историческое событіе, что, когда при этомъ случаѣ одна голова была отшибена, та часть города, къ которой она была обращена, немедленно наполнилась змѣями, но онѣ не дѣлаютъ вреда.

Далѣе, еще на разстояніи перелета камня, стоитъ второй столбъ, выстроенный изъ камня и также называемый Текелли-Дашъ.

Потомъ мы пошли осматривать гробницы усопшихъ султановъ, то-есть, османлисовъ, со времени завоеванія ими Константинополя до сего дня; вмѣстѣ съ тѣмъ гробницу султана Мурада и его девятнадцати задушенныхъ сыновей, потомъ гробницу его матери Косы-Казонъ.[1] Мы обошли всѣ эти гробницы. Надъ ними висятъ золотыя лампады, и богатство жертвованныхъ украшеній выше всякаго удивленія. Надсмотрщикъ впускаетъ посѣтителей ради добраго дѣла.

Гробницы султановъ Мустафы и Ибрагима находятся въ другой усыпальницѣ, близъ ограды Св. Софіи на пути къ Дивану. Снутри и снаружи она сооружена изъ твердаго бѣлаго мрамора и недавней постройки, восхитительной для глазъ. Насупротивъ другая усыпальница, устроенная подобнымъ же образомъ.

---

[1] Мать Мурада III, султанша валидэ, *Нуръ Бану* (см. Historie de l'Empire Ottoman, т. VII, 1837 г.).

Digitized by Google

Здѣсь путь къ Дивану, здѣсь имѣютъ пребываніе сочинители прошеній и чиновники, выдающіе дозволенія и пропуски для свиданія съ ихъ начальниками.

Отсюда мы повернули и осмотрѣли Асланъ-Ханэ, или Львиный домъ, который занимаетъ древнюю низменную церковь и другую, надъ нею находящуюся, съ высокимъ куполомъ, гдѣ видны еще слѣды мозаичныхъ картинъ и образовъ Господа и четырехъ евангелистовъ, уцѣлѣвшихъ донынѣ. Въ первой, нижней, помѣщаются дикіе звѣри: четыре льва—одинъ изъ Алжира (или Африки), другіе изъ нашей страны (Азіи), четыре барса изъ разныхъ странъ, шакалъ, лисица, три волка, гіена; голова древняго слона, древній оставъ жирафы и древній крокодилъ. Въ этой нижней церкви также уцѣлѣли слѣды иконъ и образовъ Премудрости. Она была освящена во имя св. Іоанна Крестителя и глубоко чтима. Думаютъ, что это была церковь св. Іоанна Златоуста.

Вблизи Асланъ-Ханэ находится Джиба-Ханэ, или Оружейная палата, на дверяхъ которой виситъ необыкновенно большая и странная джазма, или боевая сѣкира; такая же виситъ и на дверяхъ Топъ-Ханэ. Кромѣ того тутъ множество драгоцѣнныхъ рѣдкостей.

Глава VIII.

Константинополь.—Сераль. Сожженная колонна.

Послѣ того мы пришли и вступили въ Сераль, хранимый Всевышнимъ на вѣки вѣчные. Да будутъ прославлены его обитатели! На дворѣ есть церковь, называемая нынѣ Силяхъ-Ханэ, или Оружейная. Она не потерпѣла ни малѣйшаго поврежденія: алтари и все прочее осталось въ ней, какъ было прежде, но двери заперты. Мы поднялись къ знаменитой аркѣ или куполу, что̀ есть Высокая Порта, гдѣ засѣдаютъ военные судьи и семь визирей. Султанъ смотритъ на нихъ изъ окна. Здѣсь они имѣютъ Диванъ, или пріемную палату, для всего свѣта.

Между Сералемъ и Св. Софіей есть малая церковь во имя св. Іоанна Крестителя, сооруженная императоромъ Юстиніаномъ до построенія Св. Софіи; сюда приходилъ онъ искать успокоенія. Она остается въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Потомъ мы пошли осмотрѣть третій Текелли-Дашъ, что̀ на Таукъ-Базарѣ, или Птичьемъ рынкѣ, близъ бань Валидэ и Посольскаго хана. Столбъ этотъ такъ высоко поднимается въ воз-

Digitized by Google

духѣ, что на него трудно смотрѣть; онъ треснулъ отъ огня и потому стянутъ желѣзными обручами. Разсказываютъ, будто какіе-то евреи наговорили одному султану изъ османлисовъ, что греческіе императоры скрыли въ немъ сокровища, почему султанъ велѣлъ поджечь его, и онъ треснулъ. Опасаясь, чтобы онъ не упалъ ночью, его опоясали желѣзомъ сверху до низу. Намъ сообщали греки, что этотъ Текелли-Дашъ, или столбъ, тотъ самый, который воздвигнулъ императоръ Константинъ Великій, положивъ подъ его основаніе двѣнадцать череповъ и нѣчто изъ святынь Господа Нашего Іисуса Христа.

Затѣмъ мы пошли дальше осмотрѣть столбъ на Авретъ-Базарѣ, или Женскомъ рынкѣ. Этотъ столбъ величайшій изъ всѣхъ, упомянутыхъ нами, сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора съ изваянными изображеніями крестовъ, ангеловъ и святителей, отъ вершины до основанія. Внутри онъ пустой, и мѣсто его паденія Махаллэ Ассамата.

Мы спросили грековъ о мѣстоположеніи храма св. Апостоловъ, и они отвѣтили намъ, что онъ находится внутри Эски Серая, или Стараго Сераля, который предназначенъ исключительно для женщинъ. Мы видѣли этотъ святой храмъ, еще когда были на морѣ близъ Галаты, и изъ окрестностей Скутари, ибо онъ высокъ и примѣчателенъ по своимъ двѣнадцати куполамъ. Намъ казалось, что онъ находится близъ Сулейманіэ, и однако, когда я пришелъ и искалъ его близъ этой мечети, то не могъ найти. Причина этому та, что окружныя стѣны Сераля чрезвычайно высоки, а храмъ внутри ихъ стоитъ на вершинѣ холма, одного изъ семи холмовъ, заключенныхъ въ окружность стѣнъ Константинополя; оттого верхушка храма видна изъ Галаты и Скутари, будучи значительно выше купола и главы Св. Софіи, какъ мы и полагали, когда впервые увидѣли его при въѣздѣ въ Стамбулъ. При новыхъ разспросахъ о немъ, я добился дальнѣйшихъ свѣдѣній отъ портнаго вышеупомянутаго Эски Серая, что храмъ существуетъ тамъ въ своемъ первобытномъ видѣ и что образы и картины Премудрости еще цѣлы на стѣнахъ его; но рѣшительно никому не дозволенъ входъ въ этотъ дворецъ безъ доказательствъ знакомства.

Мы разспрашивали еще о храмѣ Халкопратея, гдѣ онъ находился, и получили въ отвѣтъ, что онъ былъ тамъ, гдѣ нынѣ мечеть султана Баязета.

Digitized by Google

Глава IX.

Константинополь.—Сулейманія. Хасъ-Кёй. Окъ-Мейданъ.

Мы ходили осматривать обширную и знаменитую мечеть, называемую Сулейманіэ, которая составляетъ одно изъ чудесъ свѣта по великому числу своихъ желтыхъ, зеленыхъ и коричневыхъ колоннъ, по обширнымъ размѣрамъ разноцвѣтнаго помоста, по своей величественности, по своимъ высоко взлетающимъ минаретамъ. На дворѣ есть высокій мраморный куполъ, поддерживаемый такими же столбами, съ крыши котораго стекаетъ вода, потому что столбы внутри пустые и вода изливается изъ нихъ затѣйливо-красиво. Она вкуснѣе и пріятнѣе алеппской.

Вслѣдъ за тѣмъ мы осматривали мечеть султана Мохаммеда, которая стоитъ выше патріаршаго дома, на вершинѣ холма въ Фанарѣ.

Мы спустились изъ Фанара и въ лодкѣ переѣхали въ Хасъ-Кёй, куда были приглашены. Въ этомъ селеніи много домовъ еврейскихъ и христіанскихъ. Мы посѣтили церковь во имя св. Параскевы, нареченной Пятницы. Нашего владыку патріарха сводили помолиться надъ могилой покойнаго Павлаки, который былъ Капы-Кахіемъ господаря молдавскаго Василія. Онъ оказался виновнымъ въ измѣнѣ, и господарь послалъ людей съ повелѣніемъ его умертвить. Насъ водили въ его палаты или, вѣрнѣе, въ прекрасный дворецъ, построенный надъ водой на огромныхъ деревянныхъ сваяхъ, какъ это принято при построеніи зданій въ Константинополѣ. Дворецъ заключаетъ въ себѣ изумительное множество помѣщеній и покоевъ и баню, всю выстроенную изъ мрамора. Сады его восхитительны и снабжены оросительными каналами изъ разноцвѣтнаго цемента. Въ имѣніи есть и церковь. Всѣ зданія обращены лицевою стороной къ морю.

Изъ этого дворца на лодкѣ, ему принадлежащей, мы спустились внизъ по теченію и были перевезены къ отдаленнѣйшей части пристани Галаты, гдѣ вошли въ большую рѣку съ прѣсною водой и, поднявшись по ней на нѣкоторое разстояніе, вышли осмотрѣть пороховой заводъ, подобный видѣнному нами въ Борѣ, весьма примѣчательный, съ колесами, приводимыми въ движеніе водой. Это мѣсто называется Кягидъ-Ханэ.

Отсюда мы отправились сухимъ путемъ и поднялись на Окъ-Мейданъ, то-есть поле для стрѣльбы изъ лука, съ каковой цѣлью

Digitized by Google

поставленъ на немъ столбъ. Это веселая лужайка, откуда открывается видъ на противолежащій Константинополь. Здѣсь радостно и весело справляютъ христіане праздникъ Пасхи. Намъ разсказывали при этомъ случаѣ, что въ прошломъ году его величество султанъ Мохаммедъ (да хранитъ его Богъ!) еще до праздника велѣлъ раскинуть здѣсь для себя шатеръ, пріѣзжалъ и любовался на ихъ праздничное веселье и за великое удовольствіе, ему доставленное, подарилъ имъ два кошелька, по тысячѣ турецкихъ піастровъ въ каждомъ.

Потомъ мы побывали въ монастырѣ Силяхдара, или оруженосца, покойнаго султана Мурада, совершенно заново выстроенномъ этимъ вельможей.

Глава X.

Константинополь.—Галата.

Мы спустились въ предмѣстье, называемое Касимъ-Паша, въ Галату и въ Топъ-Ханэ; потомъ ходили въ Терсъ-Ханэ, гдѣ строятъ корабли. Въ Топъ-Ханэ мы видѣли пушки такія большія, что въ нихъ можно вползти человѣку, и еще другія, изъ коихъ каждая равняется (по вѣсу) тремъ верблюжьимъ вьюкамъ. Затѣмъ мы вернулись, чтобы посмотрѣть на удивительные корабли англійскіе и французскіе, и возвратились домой.

Подъ воскресенье мы служили вечерню въ монастырѣ, что въ Галатѣ, ибо константинопольскій патріархъ прислалъ нашему владыкѣ грамату, подобную прежней, дабы онъ на другой день совершилъ литургію въ монастырской церкви. Поэтому мы со спутниками переѣхали на лодкѣ въ Галату къ означенной церкви, гдѣ по обычаю была устроена патріарху встрѣча и торжественно совершена литургія по чину, на сей день установленному. За богослуженіемъ послѣдовало угощеніе, и я воспользовался благопріятнымъ случаемъ, чтобы походить одному и осмотрѣть остальныя церкви Галаты.

Первая церковь во имя Богоматери Хрисопиги, или Золотаго Источника. Источникъ внутри церкви: это колодецъ, какимъ его изображаютъ на иконахъ Богоматери, сѣдящей въ купели [1]; изъ него течетъ вода, исцѣляющая недужныхъ. Эта церковь великолѣпна и имѣетъ два большихъ подсвѣчника изъ желтой мѣди.

---

[1] Здѣсь у Бельфура оставлено безъ перевода арабское слово, невѣрно прочитанное имъ вмѣсто *джорнъ*—купель.

Digitized by Google

Намъ сообщали, что по образцу ихъ патріархъ Карама заказывалъ подсвѣчники для алеппской церкви. Тѣ и другіе венеціанской работы. Живопись въ этой церкви высокохудожественная.

Изъ нея мы пошли въ третью церковь во имя Богоматери Милосердной и св. Іоанна Богослова. Тамъ три большихъ иконы, изображающія Откровеніе св. Іоанна съ семью печатями. Подъ зданіемъ находится мѣсто, гдѣ ученики погребли его.

Отсюда мы прошли въ очень обширную церковь, которая была одною изъ великолѣпнѣйшихъ церквей православныхъ во времена греческой имперіи, а теперь въ рукахъ франкскихъ іезуитовъ. Она весьма древняя и величественная и вся изукрашена мозаичными изображеніями господскихъ праздниковъ съ надписью греческими буквами. Колокольня высокая и древней постройки.

Затѣмъ мы прослѣдовали въ четвертую церковь, вблизи предыдущей, во имя Господа Нашего Іисуса Христа. Въ ней есть агіасма, или святой источникъ.

Оттуда мы прошли къ пятой церкви во имя св. Димитрія. На стѣнѣ вокругъ двери изображено „Всякое дыханіе“, т. е. „Хвалите Господа съ небесъ... хвалите Господа отъ земли зміеве и вся бездны... градъ, снѣгъ“ и пр.

Шестая церковь, въ которую мы пришли, посвящена Богоматери и находится близъ стѣнъ; седьмая—во имя св. Іоанна Крестителя и имѣетъ агіасму; восьмая—во имя святителя Николая; девятая—во имя св. Іоанна Златоуста. Всѣ онѣ выстроены изъ дерева и покрыты кровлей, украшены каѳедрами и паникадилами, также золотыми надписями внутри и снаружи.

Наконецъ мы осмотрѣли сгорѣвшую церковь франковъ. Вышиной и размѣрами, формой и построеніемъ она равнялась Св. Софіи и была украшена внутри и извнѣ мозаичными съ золотомъ изображеніями господскихъ праздниковъ. Надъ дверьми на стѣнѣ изображено мозаикой Успеніе Богоматери. Всѣ надписи на франкскомъ языкѣ. На мѣстѣ ея и изъ ея матеріала сколько бы можно выстроить малыхъ церквей! Но она разрушена и покинута и къ тому же въ рукахъ франковъ.

Глава XI.

Константинополь.—Пожаръ. Поѣздка въ Кумъ-Капу.

Подъ среду 10 ноября въ Константинополѣ случился большой пожаръ, длившійся до четверга; причемъ выгорѣло самое сердце города: я разумѣю рынки и безистаны (суконные ряды).

Digitized by Google

Пожаръ распространялся далѣе, пока не достигъ Кумъ-Капу, части города въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Одунъ-Чарши, или Дровянымъ рынкомъ, и Мейдана Катиръ Гильманъ, или Площадки погонщиковъ муловъ. Сгорѣло по счету до сорока, если только не до пятидесяти тысячъ лавокъ, пятнадцать тысячъ большихъ и малыхъ домовъ частныхъ лицъ, триста пекарень, нѣсколько бань и тридцать два хана, или каравансарая. Ханъ Эльюсра, или Райскій, былъ истребленъ со всѣмъ въ немъ находившимся; то же случилось и съ ханомъ Пири-Паша. Балтаджи (саперы) и бостанджи (стражи Сераля) были не въ силахъ справиться съ работой по сломкѣ около лежащихъ зданій, пока не вызвали себѣ на подмогу простой народъ. Огонь крутился вихремъ, перелетая съ мѣста на мѣсто, какъ птица на крыльяхъ. Усыпальницы и благотворительныя учрежденія, выстроенныя изъ мрамора, во множествѣ пострадали; обгорѣли даже верхушки минаретовъ. Гдѣ вчера, какъ мы знали, были базары, ханы и многолюдные дома, тамъ, на разсвѣтѣ сегодняшняго утра, оказалось опустѣлое мѣсто, исторгающее слезы зрителя и окруженное толпой плачущихъ. Избави, Боже, родину нашу отъ такого бѣдствія!

Но строители были немедленно призваны къ дѣлу, и не прошло мѣсяца времени, какъ, глядишь, все уже вернулось къ прежнему, и отъ пожара не осталось ничего, кромѣ мѣста, гдѣ онъ былъ. И могло ли быть иначе въ этомъ средоточіи царства?

Въ этотъ день я посѣтилъ знаменитую церковь св. Николая у Агія-Капу, или вратъ св. Евѳиміи. Эта церковь обращена въ мечеть. Потомъ я осматривалъ преславную церковь Владычицы нашей, стоящую выше первой; въ ней есть агіасма, или святой источникъ, исцѣляющій всякіе недуги.

Въ день праздника св. Іоанна Златоуста я отправился въ Топханэ, нанялъ здѣсь лодку и переплылъ къ Кызъ-Куллеси, или Дѣвичьей башнѣ, построенной на небольшой скалѣ среди моря напротивъ Скутари, и мы пили вкусную воду тамошняго источника. Отсюда мы проѣхали въ Кады-Кёй, т. е. въ Халкедонію, и я посѣтилъ здѣшнюю церковь во имя Господа нашего Іисуса Христа; это соборъ съ высокими куполами, весь каменный и очень древній. Потомъ чрезъ Скутари и Топханэ я вернулся къ себѣ домой въ Фанаръ.

Наканунѣ воскресенья передъ рождественскимъ постомъ мы служили вечерню въ монастырской церкви. За три дня передъ этимъ духовенство и именитые граждане изъ Кумъ-Капу прихо-

Digitized by Google

дили къ нашему владыкѣ патріарху и, принеся ему разрѣшеніе отъ своего патріарха, пригласили его совершить вторично литургію въ ихъ церкви во имя Владычицы нашей Богородицы въ Пустынѣ по тому случаю, что они весьма радовались, что вышеупомянутый пожаръ, свирѣпствовавшій со всѣхъ сторонъ и очень близко къ нимъ подступавшій, ихъ однако не коснулся, и они были увѣрены, что, конечно, онъ былъ отстраненъ отъ нихъ силой молитвъ нашего владыки. Итакъ, рано утромъ въ означенное воскресенье мы поѣхали къ нимъ водой въ лодкѣ. Всякій разъ, какъ намъ приходилось переплывать море въ этомъ направленіи, мы испытывали сильный страхъ, какъ только подходили къ мѣстности за Сералемъ, именуемой Бурну-Серай, и наше положеніе казалось намъ безпомощнымъ, потому что море здѣсь чрезвычайно опасно вслѣдствіе чернаго потока воды изъ Богаза, или Босфора, въ Бѣлое (Средиземное) море. И дѣйствительно, сколько большихъ судовъ пошло здѣсь ко дну!

По прибытіи нашемъ въ ихъ поселеніе жители встрѣтили насъ съ крестнымъ ходомъ, и литургія была совершена въ высшей степени торжественно. Мы пробыли у нихъ до среды 19 ноября и возвратились домой.

Мы разспрашивали о церкви Макаристи, т. е. Богоматери Преблаженной, о которой сообщается въ греческой исторіи, переведенной нами на арабскій языкъ, что ее передѣлали въ патріаршія палаты, а позднѣе въ храмъ св. Апостоловъ. Она стоитъ на холмѣ, который повыше Фанара и патріаршаго дома и почти на полпути между этою частью города и мечетью султана Мохаммеда. Теперь это красивая мечеть, заключающая въ себѣ нѣсколько древнихъ колодцевъ.

Мы были освѣдомлены отъ многихъ лицъ, что за Одунъ-Чарши, или Дровянымъ рынкомъ, у задней стѣны хана Валидэ, есть малая мечеть, бывшая въ древности церковью, съ высокимъ четырехугольнымъ куполомъ, увѣнчаннымъ крестомъ, который иногда видѣнъ съ Одунъ-Чарши, иногда нѣтъ. Я не успокоился, пока не отыскалъ ея, и пошелъ къ ней. Церковь остается въ своемъ первоначальномъ видѣ; я видѣлъ и самый крестъ. Со мною было цѣлое общество, и мы вернулись весьма довольные.

Digitized by Google

Глава XII.

Константинополь.—Махалле Ассамата.

Въ четвергъ священники и именитые люди изъ Махалле Ассамата приходили пригласить нашего владыку патріарха, съ разрѣшенія константинопольскаго, и просить его пожаловать къ нимъ для совершенія литургіи въ ихъ округѣ. Мы сопутствовали имъ водой въ лодкѣ около 16 миль, ибо окружность стѣнъ Константинополя составляетъ, какъ говорятъ 12 миль. Махалле (кварталъ) Ассамата есть узкая полоса земли, вдающаяся въ море, такъ что три четверти его имѣютъ видъ острова; остальная четверть примыкаетъ къ Адріанопольскимъ воротамъ позади Фанара. Вся эта мѣстность покрыта виноградниками и садами, гдѣ во множествѣ растутъ фисташковыя деревья. Жители встрѣтили насъ съ торжествомъ: въ ихъ поселеніе мы прибыли при закатѣ солнца наканунѣ перваго воскресенья рождественскаго поста. Рано утромъ мы совершили литургію въ церкви императора Константина Великаго; она весьма древняя и очень чтимая, величественная и благолѣпная, выстроенная изъ камня и украшенная главами. Въ ней иконы: Господа нашего Іисуса Христа, Владычицы нашей Богородицы, святителя Николая и св. Іоанна Крестителя, всѣ древнія, большихъ размѣровъ и великолѣпно украшенныя; полагаютъ, что онѣ современны императору Константину. Многочисленное собраніе присутствовало за литургіей, за коею послѣдовало посвященіе діаконовъ. Мы сподобились приложиться къ правой рукѣ императора Константина: это кость, желтая какъ золото.

Ничто меня такъ не восхищаетъ въ церквахъ Константинополя и окрестной страны, какъ пѣніе мальчиковъ, пѣніе ими „Святый Боже“ предъ чтеніемъ апостола, „Аллилуія“ послѣ евангелія и „Господи помилуй“ во все время ектеніи, и прелесть ихъ сладкозвучныхъ напѣвовъ.

Въ древности Махалле Ассамата назывался по-гречески Пасоматія, а по-турецки называется Махалле Караманъ, ибо султанъ Мохаммедъ, сдѣлавшись обладателемъ города, вызвалъ жителей изъ Караманіи и, поселивъ ихъ здѣсь, далъ имъ церковь, а мѣсто назвалъ по ихъ имени. Въ этой именно Пасоматіи случилось, во время появленія ересей, что юноша былъ восхищенъ на воздухъ и слышалъ ангельское пѣніе „Святый Боже“

Digitized by Google

и проч. и, спустившись на землю, повторилъ слышанное ангельское славословіе Господа [1].

Послѣ обѣдни и угощенія мы осматривали остальныя церкви Саматы. Вторая—во имя святителя Николая—весьма благолѣпна; третья церковь Богоматери; четвертая—св. Георгія древняя, съ каменными куполами и древнимъ помостомъ. Въ ней есть на стѣнѣ образъ св. Георгія цвѣтной мозаикой по золоту, весьма древній и изумительнаго художества, и агіасма, каковыя имѣются, вѣроятно, во всѣхъ церквахъ Константинополя. Мы прикладывались къ мощамъ св. Анастасіи, которая избавляетъ отъ чарованій. Изъ всѣхъ церквей Константинополя, включая и патріаршую церковь, нѣтъ ни одной столь древней изъ временъ христіанскихъ императоровъ, какъ церковь въ Махалле Караманъ.

Глава XIII.

Константинополь.—Семь Башень. Живоносный Источникъ.

Въ понедѣльникъ 23 ноября мы встали съ разсвѣтомъ, намѣреваясь покинуть здѣшнихъ жителей, выѣхали съ ними и прибыли къ Еди Кулле, или Семи Башнямъ. Во всѣхъ стѣнахъ и укрѣпленіяхъ Константинополя нѣтъ красивѣе и крѣпче зданія, какъ эти башни и стѣны, окружающія ихъ тройнымъ рядомъ, одинъ внутри другого. Оттуда черезъ Топъ-Капу, или Пушечныя ворота, мы отправились на христіанское кладбище, гдѣ находится агіасма, или святой источникъ, называемый въ синаксаріи *зоотокопиги*, т. е. Живоносный Источникъ, посвященный Богоматери, празднество которому совершается въ пятницу Пасхальной недѣли. Теперь онъ называется Святой Источникъ въ Балыклы, или церкви рыбъ. Мы спустились къ нему по ступенямъ и пили его благодатную воду, исцѣляющую недуги. Здѣсь христіане проводятъ понедѣльникъ по Воскресеніи Христовомъ: ѣдятъ, пьютъ и всячески веселятся. Послѣ того мы прошли чрезъ Адріанопольскія ворота и возвратились въ свое жилище въ Фанарѣ. Я пошелъ осмотрѣть источникъ Влахерны, нынѣ оставленный въ небреженіи и почти забытый, находящійся въ округѣ Палати насупротивъ Хасъ-Кёя и выше Фанара. Я вошелъ въ огороженное зданіе, обитаемое цыганскимъ таборомъ; оно было церковью, отъ которой остается впрочемъ мало признаковъ. Внутри я нашелъ источникъ, текущій изъ пещеры,

[1] У Бельфура это мѣсто передано очень запутанно.

Digitized by Google

которая въ древности была въ ризницѣ алтаря. Выйдя оттуда, я посѣтилъ благолѣпную и обширную церковь св. Димитрія, находящуюся въ той же мѣстности, и потомъ церковь нашей Владычицы, гдѣ прикладывались къ иконѣ Ея, пронзенной копьемъ, причемъ изъ нея истекла кровь.

Наканунѣ втораго воскресенья рождественскаго поста мы присутствовали за всенощной, а утромъ за литургіей въ церкви константинопольскаго патріарха, потому что нашъ владыка пожелалъ проститься съ нимъ и продолжать путешествіе. Послѣ обѣдни константинопольскій патріархъ повелъ нашего владыку къ себѣ въ палаты. Они со слезами прощались другъ съ другомъ; оба, преклонивъ главы, одинъ надъ другимъ читали молитвы, и константинопольскій далъ нашему патріарху пространныя и прекрасныя письма какъ къ государямъ, такъ и къ своимъ подчиненнымъ.

Глава XIV.

Константинополь. — Босфоръ. Терапія.

Въ понедѣльникъ, 29-го ноября, мы отплыли изъ Константинополя въ каикѣ и пришли въ Неохори, или Ени-Кёй, чтобы нанять судно и плыть по Черному морю въ Молдавію. Путешествіе сухимъ путемъ на Адріанополь было затруднительно для насъ по двумъ причинамъ: первая—та, что потребовалось бы на путевыя издержки и наемъ повозокъ болѣе 500 піастровъ; второю причиной являлся холодъ и обиліе снѣга и дождя. Этотъ богазъ, или проходъ, Чернаго моря былъ продѣланъ въ древнія времена Александромъ, и плаваніе по нему весьма затруднительно. Отъ Галаты до Неохори, справа и слѣва, видны хутора и дома, дворцы и серали, принадлежащіе султану, а также сады, виноградники, гульбища, купальни и т. п. Мы остановились въ Неохори, въ домѣ Дадьяна Раиса, по прозванію Калокари и Теодори; а сына его зовутъ Язгаки. Увѣковѣчи ихъ, Боже, и продли дни жизни ихъ! ибо ихъ щедротъ и благодѣяній къ намъ и къ пришельцамъ вообще не можетъ выразить языкъ смертнаго.

Въ третье воскресенье рождественскаго поста, которое пришлось 5-го декабря и совпало со днемъ празднованія памяти св. Саввы, нашъ владыка патріархъ совершилъ для упомянутаго селенія литургію въ церкви свв. Георгія и Саввы, а затѣмъ во вторникъ служилъ вторую обѣдню въ церкви святителя Николая, такъ какъ это былъ день его праздника.

Digitized by Google

Послѣ полудня, въ понедѣльникъ, по четвертомъ воскресеньи рождественскаго поста, нашъ владыка патріархъ совершилъ въ храмѣ Богоматери за всенощнымъ бдѣніемъ отпѣваніе, по нашему уставу, усопшей Миры, жены хаджи Абдалла (Ѳеодула), сына каноника Мансора, въ присутствіи ея дѣтей, а во вторникъ утромъ, 14-го декабря, служилъ по ней заупокойную обѣдню. Была по ихъ обычаю поминовенная трапеза изъ варенаго мяса съ виномъ и хлѣбомъ.

Затѣмъ мы снесли наши пожитки на корабль, при появленіи попутнаго вѣтра, называемаго *нотосъ*, или южный вѣтеръ, котораго ждали суда, назначенныя идти въ пристань Галацъ, на Черномъ морѣ. Въ тотъ же вторникъ, послѣ полудня, насъ отвезли на двухъ лодкахъ къ кораблю, стоявшему на якорѣ въ мѣстѣ, называемомъ по-турецки Кара-Дашъ, а по-арабски Сахръ-Альасвадъ, или черная скала, близъ входа въ Черное море и устья Босфора, повыше второй изъ крѣпостей, построенныхъ турками въ этомъ проливѣ, ибо, прежде чѣмъ достигнешь Неохори, видишь справа и слѣва два большихъ укрѣпленія. Здѣсь стоятъ еще два укрѣпленія, а выше ихъ, на вершинѣ холма, два древнихъ замка, обширныхъ размѣровъ, нынѣ въ развалинахъ, построенные, какъ говорятъ, Александромъ.

Еще выше стоитъ обитель во имя Успенія Богоматери, называемая по-гречески *монастири ту мавромолу*, то-есть, монастырь черной скалы. Я ходилъ его осматривать. Онъ расположенъ на вершинѣ холма, обитаемъ сорока иноками и имѣетъ большую древнюю церковь; внѣ ея святой источникъ, изъ котораго обильно бьетъ вода, очень вкусная и цѣлебная. Надъ нимъ на стѣнѣ чудотворная икона Богоматери Пантанаса (Вседержительницы), прославленная исцѣленіемъ болѣзней. Внутри церкви есть другая агіасма.

Наконецъ мы вступили на палубу корабля. Небо было совершенно ясно, блестѣли звѣзды, и капитанъ рѣшилъ отплыть въ полночь, какъ вдругъ подулъ сильный вѣтеръ, поднялась страшная буря и повалилъ хлопьями снѣгъ, что продолжалось съ этой ночи до слѣдующей. Въ это время четыре корабля, которые осмѣлились выйти изъ Босфора, потерпѣли крушеніе, а мы подъ водительствомъ Всевышняго, искусными передвиженіями возвратились на своемъ кораблѣ отъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, назадъ къ селенію, именуемому Терапія, выше Ени-Кёя, и здѣсь бросили якорь. Тутъ мы нашли много кораблей, стоявшихъ на якорѣ и остановились въ одномъ домѣ у христіанъ, которые

Digitized by Google

имѣютъ здѣсь 120 домовъ. Между жителями нѣтъ ни одного турка, ибо въ селеніи есть церковь во имя св. Георгія, и нынѣ не престающаго чудодѣйствовать: какъ только кто-либо изъ нихъ отступитъ отъ вѣры, того святой истребляетъ. Вотъ почему ни одинъ невѣрный не живетъ среди здѣшнихъ христіанъ.

Въ пятницу, 17-го декабря, нашъ владыка патріархъ служилъ обѣдню въ упомянутой церкви Терапіи и варилъ мyро, хотя было чрезвычайно холодно и стоялъ крѣпкій морозъ. Также и въ канунъ воскресенья св. Отецъ мы были тамъ за всенощной, а на утро онъ совершилъ литургію и варилъ мyро. Мы прочли четыре евангелія, по обычаю нашему, на персидскомъ, турецкомъ, арабскомъ и греческомъ языкахъ. Присутствовало множество народа съ кораблей, стоявшихъ на якорѣ.

Наканунѣ пятницы и предпразднества Рождества Христова, Киръ Паисій, патріархъ константинопольскій, прислалъ нашему владыкѣ патріарху грамату съ приглашеніемъ отъ себя и отъ большинства архіереевъ, — ибо они весьма полюбили нашего владыку патріарха, будучи не очень расположены къ своимъ и ко всякому другому—дабы оба патріарха соборнѣ служили литургію. Они говорили: „къ счастью для насъ антіохійскій патріархъ былъ задержанъ, пока не совершитъ среди насъ литургіи въ праздникъ Рождества Христова, и мы получимъ въ этотъ день изъ рукъ его Св. Дары.“

Глава XV.

Константинополь.—Служеніе въ Фанарѣ.

Итакъ, нашъ владыка патріархъ поѣхалъ въ лодкѣ, въ сопровожденіи присланныхъ за нимъ священниковъ, и мы прибыли въ Константинополь въ пятницу утромъ.

Мы помѣстились въ покояхъ Кирилла александрійскаго, бывшаго впослѣдствіи патріархомъ константинопольскимъ. Они отмѣнной красоты и были построены имъ собственно для себя и изукрашены всякими мраморами, цвѣтными изразцами и хрусталемъ; находясь въ самой верхней части зданій, они входятъ въ составъ патріаршихъ палатъ. Патріархъ не имѣетъ обыкновенія выходить къ часамъ въ ночь на предпразднество: ихъ откладываютъ до разсвѣта; и при первыхъ проблескахъ зари оба патріарха, въ мантіяхъ и съ посохами, сошли вмѣстѣ въ церковь. Немедленно чтецы начали часы и пареміи изъ пророчествъ и пр. По раздачѣ антидора патріархи вышли изъ церкви и, преподавъ

Digitized by Google

благословеніе присутствовавшимъ, въ то время какъ свѣщеносецъ съ серебрянымъ подсвѣчникомъ возглашалъ каждому изъ нихъ многолѣтіе, поднялись въ диванъ, въ предшествіи янычаръ (кавасовъ) съ жезлами, и сѣли оба на троны, въ мантіяхъ, окруженные архіереями, священниками и именитыми людьми. На столѣ стояли двѣ хрустальныхъ чаши съ виномъ и водкой и, по числу апостоловъ, двѣнадцать блюдъ индійскаго издѣлія, доверху наполненныхъ кушаньемъ. Первымъ пилъ патріархъ константинопольскій, причемъ пѣвчіе пѣли ему многолѣтіе. Тогда онъ прочелъ молитву за митрополитовъ и прочихъ присутствующихъ и по-очередно каждому пожелалъ добраго здоровья. Тоже самое сдѣлали потомъ патріархъ антіохійскій, архіереи и пр. Послѣ того оба патріарха раздавали собравшимся частицы (панагіи), и мы перешли къ трапезѣ въ палату, находящуюся надъ диваномъ, со множествомъ оконъ, обращенныхъ къ морю, изъ которыхъ открывается великолѣпный видъ. Каждый патріархъ во время обѣда сидѣлъ на отдѣльномъ сѣдалищѣ, одинъ подлѣ другаго, а митрополиты размѣстились отъ нихъ вправо и влѣво. Выйдя изъ-за стола, мы пошли отдохнуть. Когда дворцовые часы пробили десятый часъ ночи (4 часа утра), константинопольскій патріархъ самъ пришелъ къ нашему владыкѣ, и оба вмѣстѣ сошли въ церковь и пр.

Послѣ непрерывныхъ трехдневныхъ торжественныхъ служеній [1]

[1] Бельфуръ опустилъ описаніе этихъ служеній, приведя лишь отрывокъ на арабскомъ языкѣ, который мы даемъ въ переводѣ: „Тогда патріаршіе пѣвчіе и ихъ товарищи, присутствовавшіе (въ храмѣ), пѣли отъ начала службы до конца очень протяжно и весьма благозвучно. По седьмой (пѣснѣ) оба патріарха сошли, приложились къ евангелію и благословляли народъ, какъ мы уже прежде сказали объ нихъ. Архидіаконъ константинопольскій кадилъ при девятой (пѣснѣ). Потомъ вошли второй и третій діаконы и приняли благословеніе отъ патріарховъ съ неоднократными метаніями, за ними вошли и тоже сдѣлали я, архидіаконъ антіохійскій, и ретій діаконъ; послѣ насъ вошли вмѣстѣ великій экономъ Константинопольской церкви и великій экономъ Антіохійской церкви, за ними протосингелы обоихъ патріарховъ; наконецъ три другихъ священника, дополнившіе число ихъ до семи, а насъ, дьяконовъ, было пять-шесть.

Старосты церковные вынули въ этотъ день еще два серебряныхъ подсвѣчника, длиною въ два локтя съ половиною, больше прежнихъ, о которыхъ мы упоминали, и кромѣ того два подсвѣчника съ подножіями, которые были поставлены на престолѣ, также очень большой крестъ и двое рипидъ. Равнымъ образомъ они поставили предъ дверями церкви подъ ковчегомъ, въ которомъ хранятся мощи святыхъ, большой столъ, на которомъ размѣстили разнородные потиры, дискосы, кадила и два серебряныхъ подсвѣчника—всѣ вещи очень цѣнныя и рѣдкостныя. У нихъ здѣсь такой обычай,

Digitized by Google

въ церкви и пышныхъ угощеній въ диванѣ, во вторникъ, слѣдовавшій за праздникомъ Рождества Христова, нашъ владыка патріархъ простился съ константинопольскимъ, который сопроводилъ его въ церковь, гдѣ прочелъ напутственную молитву. Потомъ онъ вышелъ съ нимъ на наружный дворъ и послалъ митрополитовъ въ предшествіе его, священникамъ и діаконамъ велѣлъ нести конецъ его мантіи, а капиджіямъ съ жезлами идти впереди, пока не привели его на каикъ, гдѣ они вторично попрощались съ нимъ и возвратились къ себѣ. А мы прослѣдовали въ Ени-Кёй, гдѣ пробыли до утра пятницы, послѣдняго дня декабря, и тогда отправились въ Терапію, чтобы быть поближе къ нашему кораблю. Вечеромъ слушали вечерню. Въ субботу утромъ 1 января, когда приходится праздникъ Обрѣзанія Господня, мы совершали литургію въ тамошней церкви, а послѣ полудня вечерню наканунѣ воскресенья предъ Крещеніемъ. Когда стемнѣло, пріѣхалъ къ нашему владыкѣ патріарху на лодкѣ протосингелъ патріарха константинопольскаго съ почетной грамотой отъ него и отъ архіереевъ, въ которой расточались ему велпкія похвалы и говорилось, что Всемогущій удержалъ его, дабы онъ могъ въ третій разъ почтить ихъ своимъ посѣщеніемъ и присутствовать въ ихъ синодѣ. Съ нами случилось быть Киръ Давиду, митрополиту гадишскому, который былъ

что они становятся съ писцами патріарха и записываютъ церковные доходы.

Послѣ „Всякое дыханіе“ патріархи, сойдя съ мѣста, прикладывались къ св. иконамъ, за ними митрополиты, священники и остальные присутствующіе по обычаю. При первомъ часѣ пришелъ экклесіархъ и разостлалъ ковры въ алтарѣ и на каѳедрѣ. Вечеромъ разостлалъ онъ отъ царскихъ вратъ до средины церкви, то-есть между патріаршими мѣстами, красное сукно и отъ одного мѣста до другого ковры. На нихъ поставили два франкскихъ кресла, обитые краснымъ бархатомъ съ серебряными вызолоченными гвоздями. Тогда мы, архидіаконы константинопольскій и антіохійскій, вышли изъ алтаря съ трикиріями въ рукахъ и орарями, завернутыми на лѣвое плечо. Затѣмъ вышли вторые два діакона, каждый съ крестомъ, а патріархи сошли съ своихъ сѣдалищъ одновременно и долго молились предъ иконами съ земными поклонами, потомъ благословили народъ и сѣли на упомянутыя кресла. Вышли два третьихъ діакона съ двумя патріаршими митрами на блюдахъ, покрытыхъ золотыми платками. Также вышли два священника, и каждый въ рукахъ держалъ узелъ съ облаченіемъ. Три діакона и священникъ стали съ одной стороны, и три съ другой. Тогда всѣ присутствовавшіе митрополиты, по степенямъ, подходя къ одному патріарху, дѣлали предъ нимъ малый поклонъ и цѣловали у него правую руку, и потомъ подходили къ другому; патріархи же привставали для нихъ со своихъ мѣстъ“ и т. д.

Digitized by Google

возведенъ въ этотъ санъ въ тотъ самый день, когда мы впервые въѣхали въ Константинополь, а теперь намѣревался ѣхать въ свою епархію, но подобно намъ былъ задержанъ противными вѣтрами.

Глава XVI.

Константинополь.—Отлученіе отъ церкви.

Итакъ, въ означенное воскресенье утромъ мы отправились вмѣстѣ въ патріаршія палаты, гдѣ насъ поджидали и ради насъ медлили съ началомъ литургіи. Всѣ встали, привѣтствовали нашего владыку и повели его, въ мантіи и съ посохомъ, въ церковь со свѣчами. Здѣсь онъ сталъ впереди своего патріаршаго мѣста. Константинопольскій патріархъ также присутствовалъ. Какъ только окончилась служба, проповѣдникъ Серигосъ, второй священникъ церкви Хрисопиги (Золотого Источника) въ Галатѣ, ученѣйшій мужъ своего времени, превосходящій своихъ современниковъ, поборникъ истинной вѣры и защитникъ православія, взошелъ на каѳедру, долго проповѣдывалъ и немного поплакалъ. „Что значитъ это волненіе? Что это за смута и нестроеніе въ церкви Божіей?“ какъ проповѣдывалъ Златоустъ, вернувшись послѣ изгнанія своего врагами Христовой церкви, которую онъ уподоблялъ кораблю среди моря, со всѣхъ сторонъ осаждаемому врагами. „И мы, ея чада, также готовы потопить ее!“ Въ такомъ духѣ и въ подобныхъ выраженіяхъ онъ продолжалъ долго свою рѣчь и затѣмъ сошелъ съ каѳедры. Послѣ него отверзъ уста патріархъ константинопольскій и, вставъ съ своего мѣста, произнесъ слово, приличное случаю: по убіеніи патріарха Парѳенія Киръ Іоанникій былъ избранъ ему преемникомъ и нѣкоторое время пользовался патріаршимъ достоинствомъ. Затѣмъ появился Кириллъ Испанецъ или Коса,[1] митрополитъ тырновскій, и низложилъ его. И когда онъ вступилъ въ патріаршія палаты, ни единый человѣкъ не явился къ нему, ни епископъ, ни священникъ, ни мірянинъ, потому что онъ былъ всѣмъ ненавистенъ. Тутъ онъ пробылъ три дня и, не имѣя средствъ одарить визиря и другихъ, какъ обѣщалъ имъ, былъ низложенъ ими съ великимъ позоромъ, а на его мѣсто возвели Аѳанасія, обыкновенно называемаго Паталарономъ.

---

[1] Бельфуръ ошибочно принялъ греческое прозвище *спанос* (рѣдкобородый, по-турецки *кесэ*) въ значеніи испанецъ (Сильвестръ де-Саси).

Digitized by Google

Этотъ человѣкъ былъ прежде митрополитомъ ѳессалоникскимъ, потомъ сдѣлался патріархомъ по низложеніи Кирилла александрійскаго при султанѣ Мурадѣ. Низведенный съ престола, онъ перешелъ къ Василію, господарю молдавскому, который далъ ему въ Яссахъ церковь и монастырь со всѣми угодьями, а равно имущество и жителей городовъ Браилова и Исмаила съ ихъ доходами, всего до шести тысячъ домовъ. Тамъ онъ проживалъ до послѣдняго времени, когда, безъ дозволенія господаря, прибылъ въ Константинополь и опять сдѣлался патріархомъ, какъ мы сказали выше, изъ соперничества противъ Кирилла Косы; но не имѣя, чѣмъ бы могъ купить милость правителей, онъ продержался только 15 дней, былъ низложенъ и бѣжалъ обратно въ Молдавію. Тогда епископы и все духовенство, по своей собственной волѣ и выбору, возвели на патріаршество Киръ Паисія, митрополита Ларнссы, заставивъ его уступить епархію ларисскую и ея доходы за 12,000 піастровъ, или кошельковъ, тому лицу, которое ее получало. Этотъ Паисій былъ нашъ другъ, при немъ мы прибыли въ Константинополь. Онъ былъ человѣкъ уважаемый всѣми отъ мала до велика, кроткаго нрава и простой души. Что же касается синьора Кирилла Испанца, то онъ пребывалъ въ домѣ одного знатнаго человѣка, который ему покровительствовалъ. Также и низложенный Іоанникій проживалъ въ домѣ другого вельможи въ Галатѣ, и я, убогій повѣствователь, посѣтилъ его тамъ, гдѣ онъ жилъ скрытно, нося на головѣ бѣлую чалму.

И потому теперь владыки и духовенство составили соборъ и изрекли на Кирилла анаѳему и проклятіе за многія гнусныя дѣйствія, въ коихъ онъ оказался виновенъ, о чемъ обвинительныя статьи были положены въ алтарѣ патріархіи и при настоящемъ случаѣ прочитаны, въ заключеніе рѣчи патріарха, съ каѳедры передъ лицомъ всего собора Протоактуаріемъ, или начальникомъ писцовъ. Статьи эти были слѣдующія: вопервыхъ, что вышеупомянутый Кириллъ поднялъ смуту противъ митрополита карнатійскаго (коринѳскаго) и содѣйствовалъ его смерти, дабы незаконно завладѣть его престоломъ; вовторыхъ, что онъ снова незаконно и насильственно занялъ престолъ филиппопольскій, еще при жизни архіерея означенной епархіи, безъ разрѣшенія тогдашняго патріарха, а лишь по произволу областныхъ правителей; въ третьихъ, что онъ овладѣлъ престоломъ халкидонскимъ таковымъ же способомъ, при пособіи свѣтской власти; въ четвертыхъ, тѣми же самыми средствами сдѣлался митрополитомъ тырнов-

Digitized by Google

скимъ, и въ пятыхъ, что онъ, прибывъ (въ Константинополь), самовольно провозгласилъ себя патріархомъ и былъ виновникомъ умерщвленія Кирилла Александрійскаго (Лукариса) при султанѣ Мурадѣ. По этимъ причинамъ его предали проклятію и отлучили отъ святой (Соборной) Церкви, которая осуждаетъ его дѣянія. У владыкъ константинопольскихъ такой обычай, что каждый изъ нихъ можетъ быть въ первый разъ митрополитомъ одной епархіи и потомъ во второй разъ митрополитомъ другой, но не болѣе, хотя въ послѣднее время случалось, что занимали и третій престолъ. По удаленіи съ престола таковой владыка проживаетъ на покоѣ съ титуломъ архіерея, не имѣя уже права занять еще престолъ, согласно ихъ новымъ узаконеніямъ, такъ какъ по ихъ мнѣнію это равнозначуще съ бракомъ. Можетъ случиться, что онъ изъ этого состоянія возводится въ патріархи; но ежели бы онъ занялъ четвертый престолъ, то попалъ бы въ положеніе человѣка, женившагося на четвертой женѣ и былъ-бы преданъ анаѳемѣ и отлученію.

Послѣ того какъ чтецъ сошелъ съ амвона, патріархъ константинопольскій произнесъ на Кирилла анаѳему по бумагѣ, которую онъ читалъ, говоря: „я сдѣлался патріархомъ не посредствомъ денегъ или волею правителей, но по желанію всѣхъ васъ. Этотъ же презрѣнный строитъ противъ насъ козни и старается намъ вредить, а потому всякъ, кто пособляетъ ему, да будетъ проклятъ!“

Потомъ попросили и нашего владыку патріарха анаѳемствовать Кирилла, и онъ произнесъ рѣчь на арабскомъ языкѣ, которую пояснялъ переводчикъ, что продолжалось около часа, и изрекъ анаѳему на Кирилла и пособниковъ его, причемъ былъ въ епитрахилѣ и омофорѣ. Тогда я передалъ бумагу присутствовавшимъ тутъ митрополитамъ, облаченнымъ также въ епитрахили и омофоры, числомъ двѣнадцать, и они всѣ поочередно прочли ее и провозгласили анаѳему. Кончивъ, занесли это второе засѣданіе въ протоколъ патріарха, который подписалъ его и скрѣпилъ печатью, что сдѣлали и всѣ вышеупомянутые владыки, а затѣмъ встали и пошли на трапезу.

Мы оставались въ палатахъ до утра среды, сочельника, или навечерія Богоявленія, когда оба патріарха сошли въ церковь при первомъ проблескѣ разсвѣта, а пѣвчіе запѣли и пр. Потомъ они прошли въ диванъ и справили торжество подобное бывшему наканунѣ Рождества: пили здравицы и пр. Когда пробило 10 часовъ ночи, они снова сошли въ церковь и совершили служе-

Digitized by Google

ніе по уставу праздника Крещенія. Послѣ того они трапезовали до полудня и простились другъ съ другомъ въ третій разъ. Константинопольскій патріархъ послалъ своихъ капиджи, дьяконовъ и епископовъ проводить нашего владыку до берега, гдѣ они попрощались съ нами и вернулись. Мы же поплыли въ лодкѣ и, миновавъ Ени-Кёй, спѣшно прибыли въ Терапію, ибо дулъ попутный южный вѣтеръ. Тамъ мы присутствовали у обѣдни въ пятницу, во второй день Крещенья.

Глава XVII[1].

Черное море.

Послѣ полудня нашъ корабль снялся, и мы вмѣстѣ съ другими кораблями пришли и бросили якорь близъ Фанари, или маяка, мѣста знаменитаго, ибо здѣсь Александръ вырылъ проливъ, такъ что Черное море стало вливаться въ Бѣлое (Средиземное). Проливъ этотъ есть прорѣзъ въ горѣ, поражающій изумленіемъ умъ человѣческій. Мы вышли изъ судна и поднялись къ укрѣпленію, расположенному на горѣ, гдѣ стоитъ столбъ изъ превосходнаго бѣлаго мрамора, воздвигнутый Александромъ; на немъ начертаны греческія письмена на древне-эллинскомъ языкѣ, которыхъ никто не могъ разобрать. Восхожденіе туда очень трудно. Спустившись внизъ, мы поднялись къ близъ лежащей деревнѣ Фанаръ, гдѣ осматривали древнюю величественную башню, существующую со временъ Александра. На верхушкѣ ея устроены три фонаря, каждый побольше факела; ихъ зажигаютъ ночью, заправляя смолой, дегтемъ, масломъ и т. п., для указанія кораблямъ безопаснаго пути къ башнѣ, ибо море здѣсь (спаси насъ, Боже!) весьма опасно, на что указываетъ самое имя башни, по которой и мѣстность и деревню называютъ Фанаръ. Жители ея христіане и имѣютъ церковь во имя св. Георгія, въ которой мы слушали девятый часъ и вечерню.

Въ пятницу вечеромъ нашъ корабль снялся съ якоря и мы шли въ хорошую погоду при южномъ вѣтрѣ, который потомъ усилился до того, что мы едва не потонули, но Промысломъ Божіимъ причалили къ пристани, именуемой по-гречески Лиманія Костанза, а по турецки Кюстенджe, и выгрузили свои вещи. Это было въ полдень въ воскресенье по Богоявленіи.

---

[1] Отсюда начинается переводъ съ арабскаго, съ котораго переведено также введеніе.

Digitized by Google

Первоначально мы имѣли намѣреніе плыть еще триста миль, войти въ Дунай и подняться по нему въ Молдавскую землю, но высадились въ этомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ все пространство, пройденное нами досюда отъ Константинополя составляетъ болѣе трехсотъ миль.

Тутъ мы пробыли два дня, потому что у насъ голова шла кругомъ отъ великаго страха и ужаса, испытаннаго среди бушеванія огромныхъ валовъ, врывавшихся въ нашъ корабль, который то падалъ въ долину, то взбирался на гору. Такъ было при попутномъ вѣтрѣ, но что, если-бы, сохрани Боже! вѣтеръ былъ противный? Намъ показывали близъ упомянутой пристани до 120 разбитыхъ кораблей, потонувшихъ съ людьми и со всѣмъ грузомъ [въ ту ночь, когда передъ наступленіемъ праздника св. Димитрія буря налетѣла на насъ со стороны Юзбуруна]. Море это отъ одного конца до другого лежитъ въ долинѣ, окаймленной высокими горами и оттого волны не разливаются по его берегамъ, а остаются внутри ихъ. Намъ видны были его берега съ обѣихъ сторонъ и рѣдко бывало, чтобы они скрывались отъ нашихъ взоровъ. Это не то, что Бѣлое (Средиземное) море пространное, съ отлогими берегами, о которые разбиваются его волны. Говорятъ, что Черное море имѣетъ въ окружности восемь тысячъ миль [такъ что отъ того мѣста, гдѣ корабли вступаютъ въ Дунай, приходится плыть еще около 500 миль, то-есть почти столько же, если не больше, сколько до того мѣста отъ Константинополя.] Но плаваніе по нему крайне затруднительно: все изгибы и объѣзды, а часто и мелководье и сверхъ того великое множество морскихъ разбойниковъ.

Справа отъ насъ были: Трапезунтъ, Синопъ, Костамунъ и бухта Микрара (Мингреліи), чрезъ которую можно проникнуть въ Грузію; насупротивъ насъ находились: Кафа, страны татаръ и хана, слѣва: Румелія, Силистрія и Добруджа, къ которой мы пристали. Всѣ ея жители татары-мусульмане, ибо султанъ Мохаммедъ, покоривъ эти страны, вывелъ изъ нихъ христіанскихъ жителей и заселилъ этими татарами, народомъ враждебнымъ христіанамъ. Большая часть ихъ изъ Караманіи и нашей страны. Это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы они охраняли берега Дуная отъ враговъ своихъ—христіанъ, такъ какъ эта степная страна составляетъ границу Румеліи по сю сторону Дуная противъ Молдавіи и Валахіи. Татарскія жилища до самыхъ береговъ Дуная выстроены изъ дерева и крыты соломой.

Мы пробыли два дня въ вышеупомянутой Лиманіи и наняли

Digitized by Google

пять арбъ и десять верблюдовъ, кои всѣ съ горбами, ибо таковы всѣ здѣшніе верблюды, которые лѣтомъ [и зимою] ходятъ безъ сѣделъ, ничѣмъ не покрытые. Для нашего владыки патріарха мы взяли карету съ лошадью. Наемъ всѣхъ повозокъ до рѣкя Дуная обошелся въ 400 османскихъ (піастровъ).

Глава XVIII.

Болгарія.

Мы выѣхали изъ Кюстенджe въ среду утромъ 12 января и ѣхали по низменнымъ мѣстамъ, гдѣ не видно ни камушка. Ночи проводили въ повозкахъ около деревень или въ открытомъ полѣ. Въ субботу утромъ мы прибыли въ христіанское болгарское селеніе, по имени Иниклица [1], на срединѣ Дуная. Къ нему есть путь и сушею. Оно состоитъ подъ властью мусульманъ, однако мы видѣли деревянные кресты вдоль дорогъ и на могилахъ. Въ селеніи есть церковь. Свиньи у жителей прирученныя [2] и ходятъ стадами.

Выѣхавъ оттуда, прибыли въ городъ, называемый Мачинъ, на берегу Дуная. Въ немъ 420 домовъ болгаръ-христіанъ. Это послѣдній городъ, принадлежащій мусульманамъ и находящійся подъ управленіемъ силистрійскаго паши. Въ немъ есть чиновники и судья. Здѣсь мы провели воскресенье (недѣли) Хананеянки, а въ понедѣльникъ по утру наняли судно и, сѣвъ на него, поплыли на веслахъ по теченію Дуная, потому что на этой недѣлѣ ледъ растаялъ, послѣ того какъ по нему ѣздили въ повозкахъ и, какъ на ристалищѣ, забавлялись метаніемъ дротиковъ на всемъ скаку.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Г. Муркосъ.

---

[1] У Бельфура: Иглица.

[2] На родинѣ автора есть только дикія свиньи.

Digitized by Google

МОЛИТВА.

„Радугой встрѣченъ при въѣздѣ въ Москву...
„Солнцемъ внезапно, къ народу въ вѣнцѣ выходя, осіянъ....
„Голубь, влетѣвшій въ окошко въ соборъ,
„Плавно надъ Нимъ, на престолѣ стоящимъ, кружитъ....
„Склоненъ нашъ умъ видѣть знаменье свыше во всемъ:
„Радуга—гнѣву ль Господню конецъ?
„Солнце—Божественный свѣтъ озаряющій путь?
„Голубь—Святаго и Животворящаго Духа покровъ?
„Это ль преддверье грядущаго вѣка для насъ?“ [1]

Такъ говорило мнѣ сердце въ тотъ чудный, торжественный день....
Вспомнилось это мнѣ нынѣ, какъ Дивный ужь въ Бозѣ почилъ....
Кратокъ былъ вѣкъ Его, но въ безпримѣрномъ величіи всталъ
Образъ Его средь царей всѣхъ вѣковъ, и народовъ, и странъ—
Грозный—неправдѣ и злу,
Добрымъ—надежда и свѣтъ—
Образъ Царя Самодержца явившаго всѣмъ въ очію
Тотъ идеалъ вѣнценосца, что создалъ лишь русскій народъ,
Въ сердцѣ носящій Христа:
„Царь-Миротворецъ“—сказали народы о Немъ,
„Праведникъ-Царь“—произнесъ надъ Нимъ русскій народъ....

Молимъ Тя, Боже, да явленный въ Немъ этотъ образъ Земнаго Царя
Въ Сынѣ и въ родѣ Его соблюдется во вѣки вѣковъ.

А. Майковъ.

[1] Стих. А. Майкова изд. 1893 г. Т. II, стр. 421. *Въ день Вѣнчанія на царство Государя Императора Александра Александровича.*

Digitized by Google

ЛЕГЕНДА

ОБЪ ОЛИГАРХИЧЕСКИХЪ ТЕНДЕНЦІЯХЪ ВЕРХОВНАГО ТАЙНАГО СОВѢТА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ I.[1]

ГЛАВА II.

Степень власти и кругъ дѣятельности В. Т. Совѣта.

1. В. Т. Совѣтъ — Учрежденіе Совѣщательное.

Наши ученые, утверждающіе, что В. Т. Совѣтъ возникъ подъ давленіемъ боярской партіи, стремившейся къ политической самостоятельности и домогавшейся ограниченія деспотической власти государыни, должны, чтобы оставаться послѣдовательными, доказывать, что эти стремленія обнаружились и въ дѣятельности В. Т. Совѣта, и что съ возникновеніемъ этого учрежденія Самодержавная власть Императрицы была подорвана. И они не только утверждаютъ это, но идутъ еще дальше: рисуя въ самыхъ мрачныхъ краскахъ нашъ, расшатанный въ эту эпоху государственный строй, они пытаются увѣрить насъ, что съ учрежденіемъ В. Т. Совѣта вся дѣйствительная власть перешла къ этому учрежденію, у императрицы же остались одни только внѣшніе символы суверенитета.

Градовскій говоритъ о стремленіи В. Т. Совѣта сдѣлаться „верховнымъ трибуналомъ въ государствѣ на ряду съ властью государя“ [2]. По мнѣнію проф. Щеглова В. Т. Совѣтъ—аристократическое учрежденіе, „обладавшее всѣми функціями власти въ государствѣ“ [3]. Проф. Филипповъ выражается еще рѣзче; по его словамъ, „Совѣтъ въ качествѣ учрежденія политическа-

[1] См. *Русское Обозрѣніе* № 1, 1896 года.

[2] Градовскій. Высшая администрація, стр. 141.

[3] Щегловъ. Государственный совѣтъ, стр. 545, 546.

Digitized by Google

го, твердо и неуклонно проводилъ лишь одну идею, идею собственнаго верховенства“ [1]. Для всѣхъ этихъ писателей не подлежитъ сомнѣнію, что въ царствованіе Екатерины В. Т. Совѣтъ былъ дѣйствительнымъ правителемъ государства, которому императрица уступила политическое руководство страною.

Но разсужденія этихъ писателей, при всей опредѣленности ихъ воззрѣній на политическую роль Верховнаго Тайнаго Совѣта, не даютъ однако яснаго отвѣта на вопросъ, была-ли эта „огромная власть“ Верховнаго Тайнаго Совѣта узурпаціей, произвольнымъ захватомъ, или же она вытекала изъ предоставленныхъ ему закономъ полномочій, другими словами, былъ ли Верный Тайный Совѣтъ учрежденіемъ, только фактически ограничивавшимъ самодержавную власть или же онъ былъ органомъ, которому законами страны было предоставлено участіе въ верховной власти? Этотъ вопросъ никѣмъ изъ упомянутыхъ авторовъ не ставится, а между тѣмъ онъ для научнаго анализа юридической природы этого учрежденія имѣетъ первостепенную важность. Градовскій какъ-будто склоняется къ мнѣнію, что широкая власть Верховнаго Тайнаго Совѣта была только властью фактической: по крайней мѣрѣ, нигдѣ онъ не говорилъ о правахъ В. Т. Совѣта, а только объ его „узурпаціяхъ“, объ его „захватахъ“ и „присвоеніяхъ“. Нѣсколько яснѣе высказывается проф. Щегловъ. Изъ нѣкоторыхъ его выраженій, довольно, впрочемъ неопредѣленныхъ, можно вывести заключеніе, что Верховный Тайный Совѣтъ былъ установленъ учрежденіемъ совѣщательнымъ и лишь фактически сдѣлался полновластнымъ господиномъ страны. „Екатерина, — говоритъ онъ, — повидимому желала, чтобы Верховный Тайный Совѣтъ былъ опорою Престола и обладалъ только совѣщательными функціями... Но Екатерина рѣдко посѣщала засѣданія Совѣта, который не замедлилъ воспользоваться этимъ для увеличенія своей и безъ того огромной власти въ управленіи, гдѣ онъ считалъ одного себя господиномъ“ [2]. Всего противорѣчивѣе тѣ положенія, которыя мы находимъ у проф. Филиппова. Хотя выраженія de jure и de facto—его любимыя выраженія, и они то и дѣло мелькаютъ на страницахъ его труда, такъ что въ концѣ-концовъ даже утомляютъ читателя, тѣмъ не менѣе крайне трудно опредѣлить, что, по мнѣнію г. Филиппова, принадлежало Верховному Тай-

[1] Филипповъ. Исторія сената, стр. 481, 482.
[2] Щегловъ, 539, 540.

Digitized by Google

ному Совѣту по праву, и что только фактически. Съ одной стороны онъ утверждаетъ, что существовалъ указъ, который категорически запрещалъ издавать Верховному Тайному Совѣту указы безъ аппробаціи императрицы, съ другой стороны онъ приводитъ указы, которые будто-бы состоялись безъ доклада императрицѣ, и увѣряетъ, что на изданіе такихъ указовъ Совѣтъ и de jure имѣлъ, *конечно,* право" [1].

Несмотря такимъ образомъ на то, что объ „огромной власти" Верховнаго Тайнаго Совѣта было написано очень много и всего болѣе нашими учеными правовѣдами, тѣмъ не менѣе вопросъ о степени власти, предоставленной Верховному Тайному Совѣту закономъ, остается еще и по сіе время вопросомъ открытымъ. Мы считаемъ поэтому нужнымъ на послѣдующихъ страницахъ заняться его разрѣшеніемъ и спросить себя, былъ-ли Верховный Тайный Совѣтъ совѣщательнымъ учрежденіемъ, мнѣнія котораго получали обязательную силу лишь по утвержденіи императрицы, или же это былъ самостоятельный органъ, который своими постановленіями непосредственно связывалъ волю подданныхъ?

Въ указѣ 8 февраля 1726 г., которымъ учреждается Верховный Тайный Совѣтъ, Императрица повелѣваетъ: „при Дворѣ нашемъ какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ дѣлъ учредить Верховный Тайный Совѣтъ, при которомъ мы сами будемъ присутствовать". По смыслу этого указа Верховный Тайный Совѣтъ не долженъ былъ быть особой коллегіей, облеченной самостоятельной властью и стоящій рядомъ съ государыней, а не чѣмъ инымъ, какъ мѣстомъ, въ которомъ императрица совѣщается съ своими министрами о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Если это опредѣленіе указа 8 февраля, по своей лаконичности и могло дать нашимъ изслѣдователямъ поводъ къ ложнымъ истолкованіямъ, то указъ 1 января 1727 г. уже ничего не оставляетъ желать по своей ясности и опредѣленности. Совѣщательный характеръ учрежденія подчеркнутъ тутъ рѣзкими и яркими чертами. Въ этомъ указѣ говорится, что „Совѣтъ учрежденъ не для чего иного, только дабы оный въ семъ тяжкомъ бремени правительства во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ *вѣрными своими совѣтами и безстрастнымъ объявленіемъ мнѣній своихъ* намъ вспоможеніе и облегченіе учинилъ и такъ всѣ дѣла по довольно зрѣломъ и совѣстномъ уваженіи и раз-

[1] Филипповъ, 58, 80, 81.

Digitized by Google

сужденіи *отъ насъ рѣшены* и потому отправлены быть могли. Того ради и наше всемилостивѣйшее соизволеніе есть, чтобы не токмо о дѣлахъ, по учиненному отъ насъ регламенту въ сей Верховный Тайный Совѣтъ вносимыхъ, но и обо всѣхъ другихъ, до нашей и Государства нашего пользы касающихся, въ ономъ напередъ зрѣлое разсужденіе и вѣрные, совѣстные и безстрастные *совѣты* отправлены, *общія мнѣнія* записаны и съ оными потомъ намъ для полученія нашего всемилостивѣйшаго *рѣшенія* предложены были".

Итакъ, по точному смыслу законовъ, опредѣлившихъ отношеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта къ верховной власти, онъ является исключительно совѣщательнымъ учрежденіемъ, которое подаетъ только мнѣнія и предлагаетъ только совѣты по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ. Императрица же, по выслушаніи этихъ мнѣній и совѣтовъ, постановляетъ свои рѣшенія. *Указовъ, которые исходили бы отъ Совѣта безъ аппробаціи императрицы нѣтъ, есть только именные указы, объявленные изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Верховный Тайный Совѣтъ въ области верховнаго управленія не имѣлъ распорядительной власти, онъ былъ органомъ несамостоятельнымъ, постановленія котораго по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ безъ утвержденія верховной власти силы не имѣли.*.

Эти начала, такъ ясно выраженныя въ законодательныхъ актахъ изучаемой нами эпохи, вполнѣ отчетливо сознавались членами Верховнаго Тайнаго Совѣта. Они ихъ и выражаютъ въ своихъ мнѣніяхъ самымъ не двусмысленнымъ образомъ. Въ третьемъ пунктѣ „мнѣнія не въ указъ" представленнаго императрицѣ, сказано прямо: „Никакимъ указомъ прежде не выходить, пока оные въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ совершенно не состоялись, протоколы не закрѣплены и *Ея Величеству для всемилостивѣйшей аппробаціи* прочтены не будутъ, и потомъ могутъ оные, по учиненному здѣсь опредѣленію отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Степанова закрѣплены и отправлены быть"[1]. Императрица, одобривъ „мнѣніе не въ указъ" утвердила и выраженный въ этомъ пунктѣ принципъ, предложивъ только, чтобы протоколы подписывались членами Верховнаго Тайнаго Совѣта не до, а послѣ аппробаціи ихъ верховной властью[2], а въ журналѣ 18 февраля 1726 г. мы читаемъ: „Говорено при

[1] С. Р. И. О. Т. LV стр. 94.
[2] Тамъ же. Т. LV стр. 96, 97.

Digitized by Google

томъ, чтобы впредь во всѣхъ указахъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, куда они о какихъ дѣлахъ отправляться будутъ, писать, что Ея Императорское Величество указала, *понеже всѣ резолюціи во ономъ ко аппробаціи Ея Императорскаго Величества слѣдовать имѣютъ*“ [1]. И далѣе въ томъ же протоколѣ читаемъ: „При томъ разсуждено было, писать-ли въ указахъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта генералу фельдмаршалу Голицыну и къ другимъ подобнымъ ему персонамъ „господинъ“ и опредѣлено, чтобы въ тѣхъ указахъ „господина“ никому не придавать, понеже въ ономъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ Ея Императорское Величество Сама присутствовать изволитъ [2] и *всѣ указы по аппробаціи Ея Императорскаго Величества отправляться имѣютъ*“ [3].

Не подлежитъ, такимъ образомъ, сомнѣнію, что Верховный Тайный Совѣтъ былъ учрежденіемъ только совѣщательнымъ, мнѣнія котораго получали обязательную силу лишь съ утвержденія императрицы. Иначе смотрятъ на отношеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта къ монарху историки этого учрежденія. Мы остановимся на разсужденіяхъ г. Филиппова, который подробно говоритъ объ отношеніяхъ императрицы къ Верховному Тайному Совѣту и разсужденія котораго представляютъ и тотъ интересъ, что они воспроизводятъ аргументы и другихъ писателей, касавшихся этого вопроса.

---

[1] Тамъ же т. LV стр. 50. Это мѣсто журнала 18 февраля извѣстно г. Филиппову, но онъ на стр. 58 возводитъ подчеркнутыя строки его на степень указа 18 февраля, *который никогда изданъ не былъ*.

[2] Г. Филипповъ на стр. 32 приводитъ это мѣсто изъ протокола 18 февраля въ доказательство того положенія, что „стремясь на первыхъ же порахъ оставить за собою политическое руководительство страною, Верховный Тайный Совѣтъ... пытается слиться воедино съ личностью императрицы. Въ примѣчаніи (16) онъ прибавляетъ въ выноскѣ: „это стремленіе выражается даже въ мелочахъ: 18 февраля Совѣтъ между прочимъ разсуждаетъ“ и затѣмъ приводятся выписанныя нами выше строки изъ протокола. А профессору Щеглову эти строки служатъ подтвержденіемъ того, что „Екатерина рѣдко посѣщала засѣданія Совѣта, который не замедлилъ воспользоваться этимъ для увеличенія своей и безъ того огромной власти въ управленіи, гдѣ онъ считалъ одного себя „господиномъ“. Кажется трудно идти дальше въ искусствѣ приноравливать для своихъ цѣлей цитаты, доказывающія прямо противоположное тому, что хотятъ доказать приводящіе ихъ авторы.

[3] Тамъ же т. LV стр. 51.

Digitized by Google

2. Воззрѣніе г. Филиппова на отношеніе Императрицы къ Верховному Тайному Совѣту.

Разсмотрѣвъ внѣшнее отношеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта къ императрицѣ г. Филипповъ приходитъ къ выводу, что эти отношенія были очень близки. „Если судить только по этимъ внѣшнимъ формамъ сношеній съ императорской властью, говоритъ г. Филипповъ, Верховный Тайный Совѣтъ былъ, конечно, Совѣтъ при особѣ государя или при дворѣ его. Дѣйствительно Императрица близко стояла къ Совѣту, то участвуя въ его засѣданіяхъ, то принимая членовъ Совѣта лично, то наконецъ сообщая ему къ исполненію свои именные указы [1]. Хотя это было „дѣйствительно“ такъ, но „въ дѣйствительности“, продолжаетъ г. Филипповъ, роль Верховнаго Тайнаго Совѣта шла гораздо дальше: мы вообще можемъ указать мало случаевъ, когда императрица дѣйствовала самостоятельно по отношенію къ Совѣту, когда бы она давала не только одну свою подпись подъ указы, составленные въ Совѣтѣ, но и внимательно вникала въ его рѣшенія“... [2]. „императрица обычно лишь утверждала постановленія Совѣта. Именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ, то-есть, указовъ, состоящихся по крайней мѣрѣ формально лишь по волѣ Самой Императрицы, безъ упоминанія о томъ, что указъ данъ въ нашемъ Совѣтѣ, во-первыхъ,—весьма немного, во-вторыхъ, они большею частью касаются довольно узкой сферы личной дѣятельности самой императрицы и, въ-третьихъ, то подсказываются ей отчасти тѣми же членами Совѣта, напримѣръ, Меньшиковымъ и другими лицами, то наконецъ, въ дѣйствительности, также, какъ и другіе указы проходятъ чрезъ обсужденіе Совѣта, хотя въ нихъ объ этомъ и не упоминается“ [3]. Изъ всѣхъ этихъ соображеній г. Филипповъ дѣлаетъ выводъ, что Совѣтъ „ни въ личной дѣятельности императрицы, ни въ подчиненныхъ ей учрежденіяхъ (кромѣ отчасти военной коллегіи), не встрѣчалъ никакихъ серіозныхъ препятствій къ ограниченію своего властвованія“ [4].

Первый доводъ, который приводитъ г. Филипповъ въ пользу защищаемаго имъ воззрѣнія сводится, какъ мы видимъ, къ тому,

[1] Филипповъ. Стр. 45—50, 55.
[2] Тамъ же стр. 56.
[3] Тамъ же стр. 59, 60.
[4] Тамъ же 62.

Digitized by Google

что Совѣтъ дѣлаетъ тѣ или другія постановленія, получающія силу закона, въ формѣ именныхъ указовъ, составлявшихся въ Совѣтѣ, хотя въ дѣйствительности императрица и не знаетъ объ нихъ. Это утвержденіе, переведенное на языкъ юриста, можетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, что указы, объявляемые изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ большинствѣ случаевъ издавались безъ утвержденія императрицы, то-есть, съ явнымъ нарушеніемъ основныхъ законовъ. Г. Филипповъ, другими словами, утверждаетъ, что большинство законовъ, напечатанныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ за періодъ времени отъ 8-го февраля 1726 по 6-е мая 1727 г. никакой юридической силы не имѣютъ, а являются не чѣмъ инымъ, какъ голыми фактами, лишь по недоразумѣнію попавшими въ нашъ сборникъ законовъ. На чемъ же основываетъ г. Филипповъ этотъ тезисъ, чреватый столь серіозными въ глазахъ юриста послѣдствіями? Ни болѣе, ни менѣе, какъ на всѣхъ „почти“ журналахъ Совѣта. Онъ, правда, приводитъ только два примѣра, но ограничивается онъ только ими потому, что считаетъ лишнимъ приводить другіе, „такъ какъ ихъ можно, увѣряетъ онъ, найти въ любомъ журналѣ Совѣта.“ [1] Мы, однако, не могли найти *ни одного* такого примѣра. Намъ поэтому ничего другаго не остается, какъ разсмотрѣть только тѣ примѣры, которые приводитъ самъ г. Филипповъ. Первый примѣръ—это протоколъ 28-го марта 1726 года объ увольненіи нѣкоего майора и экзекутора Лукина изъ службы. Это увольненіе, увѣряетъ г. Филипповъ, состоялось въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ безъ доклада императрицѣ. Чтобы провѣрить это утвержденіе г. Филиппова, мы разсмотримъ относящіеся сюда документы: 28-го марта Лукинъ подаетъ свое прошеніе объ увольненіи изъ службы въ Верховный Тайный Совѣтъ; въ тотъ же день Верховный Тайный Совѣтъ разсматриваетъ его и свою резолюцію заноситъ въ протоколъ. [2] Протоколъ этотъ былъ подписанъ лишь 20-го апрѣля. Между составленіемъ резолюціи и облеченіемъ ея въ юридическую форму прошло, такимъ образомъ, достаточно времени для того, чтобы донести императрицѣ о состоявшемся мнѣніи Верховнаго Тайнаго Совѣта и испросить утвержденіе его верховной властью. Если объ этомъ докладѣ и объ этомъ утвержденіи ничего не говорится въ журналахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, то по той

[1] Тамъ же, стр. 58, 59.
[2] С. Р. И. О. LXIII, 426.

Digitized by Google

простой причинѣ, что въ эти журналы вносилось только то, что происходило на засѣданіяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Доклады же Императрицѣ и утвержденіе ею мнѣній Верховнаго Тайнаго Совѣта были актами, происходившими за стѣнами Верховнаго Тайнаго Совѣта и въ журналы не вносились и въ протоколахъ не отмѣчались. Если же объ нихъ иногда упоминаютъ журналы, то только въ случаяхъ исключительныхъ, когда по какому-либо особому поводу возникала необходимость довести о нихъ до свѣдѣнія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Врядъ-ли такимъ исключительнымъ случаемъ могло быть увольненіе экзекутора Лукина отъ службы. Неудивительно поэтому, что аппробація императрицей этого увольненія не оставила слѣдовъ въ журналахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Второй примѣръ, приводимый г. Филипповымъ, столь же неудаченъ. Этимъ примѣромъ является именной указъ, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Сенату: о доставленіи изо всѣхъ мѣстъ въ коммиссію о коммерціи требуемыхъ ею свѣдѣній. [1] Этотъ указъ, по увѣренію г. Филиппова, состоялся также безъ доклада императрицѣ. Мы не знаемъ, на какомъ основаніи г. Филипповъ строитъ это свое увѣреніе. Если на томъ же основаніи, на какомъ онъ утверждаетъ, что увольненіе Лукина состоялось безъ утвержденія императрицы, то-есть, на томъ основаніи, что это утвержденіе не внесено въ журналъ, то это — произвольное предположеніе, которое мы уже по достоинству оцѣнили. Вся разница между указомъ 10-го апрѣля 1727 года и протоколомъ 28-го марта объ увольненіи Лукина сводится къ тому, что въ первомъ случаѣ мнѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта утверждается лишь черезъ три недѣли, а во второмъ случаѣ мнѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта получаетъ Высочайшую санкцію въ тотъ же день. [2] Эта же разница находитъ себѣ очень простое объясненіе въ томъ, что экзекуторъ Лукинъ былъ маленькій человѣкъ, и докладъ объ его дѣлѣ не скоро дождался очереди, а предсѣдатель коммиссіи о коммерціи Остерманъ былъ крупный человѣкъ, который въ тотъ же день могъ доложить императрицѣ о состоявшемся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ мнѣніи и получить ея утвержденіе.

Г. Филипповъ не только думаетъ, что большинство именныхъ указовъ, объявленныхъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, изда-

[1] П. С. З. № 5.057.

[2] С. Р. И. О. т. LXIII, стр. 442.

Digitized by Google

вались безъ вѣдома императрицы, онъ даже увѣряетъ, что когда дѣла, дѣйствительно, и шли къ докладу императрицѣ, ея роль сводилась къ тому, что она лишь утверждала постановленія Совѣта. Примѣровъ, могущихъ подтвердить это положеніе, г. Филищовъ, однако, не приводитъ, а ссылается только на рядъ страницъ изъ сборника Дубровина [1]. Мы въ примѣчаніи приводимъ выписки изъ этихъ страницъ: онѣ покажутъ читателю, что императрица одни мнѣнія Верховнаго Тайнаго совѣта утверждала, другія отклоняла, третьи дополняла, о четвертыхъ обѣщала помыслить. Эти страницы, такимъ образомъ, никакъ не подтверждаютъ взглядовъ г. Филиппова, а служатъ только лишнимъ показателемъ того, что Верховный Тайный Совѣтъ былъ совѣщательнымъ учрежденіемъ, мнѣнія котораго получали обязательную силу лишь съ аппробаціи императрицы.

Г. Филипповъ утверждаетъ далѣе, что именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ за это время мало, и выводитъ отсюда заключеніе, что властвованіе Верховнаго Тайнаго Совѣта не встрѣчало серіозныхъ препятствій въ личной дѣятельности Императрицы. Если и допустить (что врядъ ли допустимо), что количество

---

[1] Раскроемъ же указанныя г. Филипповымъ страницы. Т. LV, стр. 3. Императрица указала одному изъ членовъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ присутствовать при присягѣ сенаторовъ и „опредѣлили съ общаго согласія, чтобъ притомъ быть д. т. с. Дмитрію Голицыну". Т. LV, стр. 76. Совѣтъ предложилъ мнѣніе о томъ, чтобы французскому посланнику Кампредону своей зѣло продолжительной рѣчи предъ Е. И. В. не отправлять. Объ этомъ былъ составленъ протоколъ, съ которымъ отправился къ императрицѣ Макаровъ, который возвратись, объявилъ объ аппробаціи императрицы. Т. LV, стр. 92. Секретарь Макаровъ, прибывъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, объявилъ 1) что онъ докладывалъ императрицѣ о учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта (очевидно, „мнѣніе не въ указъ"), что императрица „слушала и аппробовать соизволила, *кромѣ нѣкоторыхъ пунктовъ*, которымъ притомъ отдалъ записку". 2) что изъ представленныхъ отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ сенаторы кандидатовъ *изволила указать быть* мануфактуръ-коллегіи президенту Новосильцеву, а въ той коллегіи вице-президентомъ Алексѣю Бибикову, однакожъ ему, Новосильцеву, и въ коллегіи той надсматривать, въ Сенатъ же Ивана Плещеева на разсужденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. 3) Что Е. В. изволила отдать одну челобитную, которую указала въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, выслушать и учинить рѣшеніе" Верховный Тайный Совѣтъ, исполняя указъ Императрицы, постановляетъ рѣшеніе, которое называетъ мнѣніемъ. „*И то мнѣніе отдано паки ему, господину Макарову, чтобы донесъ Е. В. для аппробаціи.* Т. LV, стр. 162. Во-первыхъ, *по имѣющимъ совѣтамъ* и разсужденіямъ о персидскихъ дѣлахъ Ея Императорскому Величеству представляютъ свое *всеподданнѣйшее мнѣніе*, а именно... И Ея Величество все *аппробовать* соизволила...

Digitized by Google

именныхъ указовъ служитъ показателемъ личной дѣятельности монарха, то и тогда количество именныхъ указовъ, изданныхъ Екатериной I отъ 8-го февраля 1726 г. по 6-е мая 1727 г. не можетъ служить доводомъ въ пользу мнѣнія г. Филиппова. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ доводъ былъ бы убѣдителенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы императрица послѣ учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта стала издавать меньше именныхъ указовъ, чѣмъ она ихъ издавала до учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Но мы не только этого не видимъ, а напротивъ, должны констатировать совершенно обратное явленіе: *до учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта Императрица рѣже издавала именные указы, чѣмъ послѣ учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта.* Въ самомъ дѣлѣ, въ періодъ времени отъ 28-го января 1725 г. по 8-е февраля 1726 г. было издано всего 10 именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ (т. е. такихъ, которые не объявлены изъ Сената), послѣ же учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта т. е. въ періодъ времени отъ 8-го февраля 1726 г. по 6-е мая 1727 г. было издано 39 именныхъ указовъ въ соб-

---

Когда же донесено, что возможно ли обѣщать и о уступленіи Гиляни... то Е. И. В. и на то соизволила, *однакожъ съ такимъ опредѣленіемъ. что ежели* и т. д. Стр. 290. Е. В. донесено... что Верховный Тайный Совѣтъ... заблагоразсудилъ... Генералъ-адмиралу ѣхать немедленно во флотъ къ Кронштадту, а въ Ревель послать генералъ-маіора Юсупова... И Е. В. то аппробовать соизволила, *только вмѣсто Юсупова ѣхать бы генералъ-лейтенанту Михаилу Волкову.* Т. LVI, стр. 107. Присланъ отъ тайнаго кабинетъ-секретаря отданный ему въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ для докладу Е. И. В. протоколъ по синодскимъ доношеніямъ, состоящій въ 4-хъ пунктахъ. А посланный объявилъ, что *Е. В. подписать не изволила*, того ради къ нему, тайному кабинетъ-секретарю, для увѣдомленія посланъ канцеляристъ Грацовъ, что тотъ протоколъ Е. В. слушать и аппробовать изволила-ль, чтобъ потому уже указы отправить; на что онъ, кабинетъ-секретарь, объявилъ, что оный *Е. В. слушать и аппробовать изволила.* Т. LVI, стр. 352. Ея Величеству донесено, что по требованію вице-адмирала Сиверса... опредѣлено... отправить 20,000 рублевъ и *Е. В. всемилостивѣйше аппробовать соизволила*... Донесено Е. В., что... представляютъ въ Москву въ контору сенатора князя Алексѣя Долгорукова, и съ нимъ другаго, кого Е. В. соизволитъ. *И хотя Е. В. изволила о томъ мыслить, однакожъ тогда на то резолюціи своей объявить не изволила* Т. LXIII, стр. 240. Полковника Нефеда Кудрявцева согласно разсудили чтобы ему быть въ Казани вице-губернаторомъ, а въ Новгородъ написать кандидатовъ; въ губернаторы Алексѣя Бибикова, князя Василія Гагарина, котораго *Е. В. соизволитъ повелѣть опредѣлить*... И о томъ учинить докладъ. *А ежели соизволенія Е. И. В. о Бибиковѣ* не будетъ, то, надлежитъ его отпустить.

Digitized by Google

ственномъ смыслѣ (т. е. такихъ, которые не объявлены изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта). Второй періодъ продолжительнѣе перваго всего, приблизительно, на три мѣсяца, между тѣмъ въ этотъ второй періодъ издано сравнительно съ первымъ именныхъ указовъ въ четыре раза больше.

Г. Филипповъ утверждаетъ далѣе, что именные указы императрицы за эту эпоху большею частью касаются довольно узкой сферы личной дѣятельности самой императрицы. Между тѣмъ этими указами императрица изъяла изъ вѣдѣнія Верховнаго Тайнаго Совѣта важнѣйшія военныя дѣла [1], опредѣлила должность Сената, его организацію, компетенцію и отношеніе къ другимъ учрежденіямъ [2], раздѣлила Синодъ на два департамента [3]. опредѣлила дачу жалованья синодскимъ членамъ [4], запретила отпускать изъ штатсъ-конторы на какіе-либо расходы деньги, товары и вещи безъ именнаго повелѣнія [5], подчинила канцелярію дворцовыхъ вотчинъ Кабинету [6], предписала Синоду подавать ей ежемѣсячныя доношенія о дѣлахъ наиболѣе важныхъ и представить на Высочайшее усмотрѣніе о лицахъ, посвящаемыхъ изъ архимандритовъ въ архіерейское званіе [7], опредѣлила смертную казнь авторамъ подметныхъ писемъ [8], позволила просить на дачу одни только отписныя и вымороченыя имѣнія [9], назначила Ромодановскаго завѣдующимъ Тайной канцеляріи [10]; такими же именными указами императрица регулируетъ торговыя отношенія [11], издаетъ распоряженія по военному вѣдомству [12], по монетному дѣлу [13], по государственному благоустройству [14]. Неужели всѣ эти распоряженія, касающіяся столь разнообразныхъ и столь существенныхъ сторонъ государственной жизни, можно, какъ это дѣлаетъ г. Филипповъ, отно-

---

[1] II. С. ЗЗ. № 4835.
[2] № 4847.
[3] № 4919.
[4] № 5011.
[5] № 4930.
[6] № 4966.
[7] № 4987.
[8] № 4838.
[9] № 4938.
[10] № 4892.
[11] №№ 4910, 4992, 5060.
[12] №№ 4874, 4876, 4893, 4896, 4981, 4997, 5044
[13] №№ 4890, 5003, 5009, 5013, 5019, 5040.
[14] №№ 4888, 4939, 4943, 4944, 4982, 4979.

Digitized by Google

сить къ довольно „узкой сферѣ личной дѣятельности самой императрицы".

Увѣреніе г. Филиппова, что именные указы подсказываются императрицѣ членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, мы проходимъ молчаніемъ, ибо авторъ не приводитъ и, конечно, не можетъ привести никакихъ данныхъ, которыя подтвердили бы это болѣе чѣмъ странное и совершенно произвольное утвержденіе [1].

Разборъ изложенія г. Филиппова, посвященнаго вопросу объ отношеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта къ императрицѣ, приводитъ насъ такимъ образомъ къ выводу, что всѣ аргументы нашего автора при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются очень мало убѣдительными: они лишь болѣе яркими штрихами под-

[1] Черезъ все изложеніе г. Филиппова, посвященное вопросу объ отношеніи императрицы къ Верховному Тайному Совѣту очень ясно проглядываетъ воззрѣніе, по которому Екатерина была слабою правительницей, безропотно переносившей самовластительство „Россійскихъ олигарховъ". Мы не беремся высказывать здѣсь своего взгляда на личныя качества императрицы. Приведемъ только нѣсколько примѣровъ, почерпнутыхъ изъ имѣвшихся и у г. Филиппова подъ руками свидѣтельствъ и характеризующихъ личныя отношенія императрицы къ членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Примѣры эти не вполнѣ вяжутся съ представленіемъ нашего автора о нравѣ и характерѣ императрицы. Кампредонъ разсказываетъ, напримѣръ, слѣдующій случай: Остерманъ, обидѣвшійся на то, что не былъ удостоенъ званія сенатора, сталъ говорить о томъ, что откажется отъ красной ленты, если она ему будетъ пожалована и вообще подастъ въ отставку. Когда императрицѣ донесли эти рѣчи, она выразила удивленіе, что такой человѣкъ, какъ Остерманъ, смѣетъ ей указывать, что ей дѣлать. Она вовсе не собиралась жаловать ему красной ленты, но если-бъ дала, а онъ имѣлъ бы дерзость отказаться, то она при всѣхъ закатила бы ему пощечину (С. Р. И. О. Т. LVIII стр. 365). Императрица не стѣснялась и на засѣданіяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта высказывать свое неодобреніе поведенію того или другаго члена (Тамъ же. Т. LVI, стр. 27), мало того, она дѣлаетъ выговоры и замѣчанія всему собранію, гнѣвается на него, и Верховному Тайному Совѣту приходится въ свои протоколы заносить объ этомъ гнѣвѣ. Въ журналѣ 1-го февраля 1727 года записано: и того же числа вечеру оный господинъ тайный совѣтникъ призвалъ секретаря Тепильскаго и докладу спросилъ вышеупоминаемаго и говорилъ, что Ея Императорское Величество изволитъ не токмо онаго докладу спрашивать, но и гнѣвается за несмотрѣніе, для чего нынѣ никакою монетою не дѣлаютъ денегъ (Т. LXIII, стр. 86). Въ журналѣ 14-го февраля мы читаемъ: тайный совѣтникъ г. Макаровъ объявилъ оберъ-секретарю Маслову, что де Ея Императорское Величество изволила увѣдомиться о указѣ о дѣлѣ монетъ, что оный въ бергъ-коллегію еще не посланъ и изволитъ на то Ея Императорское Величество гнѣваться (Т. LXIII, стр. 118, 119).

Digitized by Google

черкиваютъ выставленное нами выше положеніе, которое сводится къ тому, что *Верховный Тайный Совѣтъ никакой самостоятельною властью не обладалъ и ни въ какомъ смыслѣ и ни въ какомъ отношеніи не ограничивалъ и юридически самодержавной власти императрицы.*

3. Компетенція Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта впервые яснѣе проводится у насъ грань между управленіемъ верховнымъ и управленіемъ подчиненнымъ. Функціи государственной власти, относящіяся къ этимъ двумъ принципіально различнымъ областямъ, не могутъ быть сосредоточены въ одномъ и томъ-же органѣ безъ существеннаго ущерба правильному теченію государственной жизни. Если суверенный органъ своей властной волей, источникомъ закона, будетъ вмѣшиваться въ область подзаконнаго управленія, то эта область перестанетъ быть подчиненной общимъ устойчивымъ правиламъ, и въ нее будутъ силою вещей врываться частныя, измѣнчивыя, а поэтому нерѣдко случайныя и произвольныя распоряженія. И, съ другой стороны, если органы подчиненнаго управленія будутъ дѣйствовать не только въ области, урегулированной закономъ, но и раздѣлять съ суверенным органомъ сферу его свободной и творческой дѣятельности, то они не только будутъ обременены дѣлами, отвлекающими ихъ отъ ихъ ближайшихъ задачъ, но и будутъ вращаться въ области, которая привьетъ имъ склонность мнить себя стоящими выше закона.

Между тѣмъ смѣшеніемъ этихъ двухъ принципіально различныхъ функцій въ одномъ и томъ-же органѣ страдалъ именно административный строй, созданный Петромъ. Во главѣ этого строя стоялъ Сенатъ, который не только управлялъ на основаніи законовъ, но и раздѣлялъ съ Государемъ сферу его непосредственной дѣятельности. Въ немъ засѣдали и тѣ первые министры, съ которыми Петръ совѣщался о важныхъ дѣлахъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Этотъ недостатокъ должно было устранить учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ на это прямо указывается въ учредительномъ актѣ 8 февраля. „А понеже усмотрѣли мы“, сказано въ этомъ актѣ, „что Тайнымъ Дѣйствительнымъ Совѣтникамъ и кромѣ сенатскаго правленія есть не малый трудъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1) что они часто имѣютъ по должности своей, яко первые министры, тайные совѣты о политическихъ и другихъ важныхъ государствен-

Digitized by Google

ныхъ дѣлахъ; 2) изъ нихъ-же засѣдаютъ нѣкоторые президентами въ первыхъ коллегіяхъ, а именно: въ двухъ военныхъ, въ сухопутной, да въ морской и третьей политической, отъ чего въ первомъ и весьма нужномъ дѣлѣ въ Тайномъ Совѣтѣ немалое имъ чинится помѣшательство, да и въ Сенатѣ въ дѣлахъ остановка и продолженіе отъ того, что они за многодѣльствомъ не могутъ вскорѣ чинить резолюціи на государственныя внутреннія дѣла, того для за благо мы разсудили и повелѣли съ нынѣшняго времени при дворѣ нашемъ, какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ дѣлъ учредить Верховный Тайный Совѣтъ, при которомъ мы будемъ сами присутствовать [1].

Этимъ законодательнымъ актомъ область верховнаго управленія отдѣляется отъ области подчиненнаго управленія: первая входитъ въ компетенцію суверенаго органа, дѣйствующаго отнынѣ въ этой области при содѣйствіи совѣщательнаго учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта, вторая отводится Сенату съ подчиненными ему учрежденіями.

Въ компетенцію Верховнаго Тайнаго Совѣта входятъ, поэтому, всѣ дѣла, которыя не могутъ быть разрѣшены силою дѣйствующихъ законовъ. Къ этой области относятся прежде всего дѣла, не могущія по самой природѣ своей быть урегулированными закономъ, то-есть область внѣшней политики, [2] во-вторыхъ всѣ тѣ дѣла, которыя не предусмотрѣны закономъ. Въ должности Сената отъ 9 марта очень ясно выраженъ принципъ, по которому Сенатъ долженъ вѣдать дѣла только подзаконнаго управленія, дѣла же, на которыя нѣтъ ясныхъ указовъ, вносить черезъ Верховный Тайный Совѣтъ на разсмотрѣніе императрицы. „Надлежитъ Сенату“, сказано въ указѣ 9 марта, „для исправленія дѣлъ съѣзжаться... и отправлять оныя со всякимъ прилежаніемъ и ревностью по указамъ, уложенію и государственнымъ правамъ; *развѣ такое дѣло случится, на которое нѣтъ ясныхъ указовъ или какое новое и весьма важное, которое собственному нашему рѣшенію подлежитъ, о такомъ доносить намъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, представляя свое мнѣніе и требовать резолюціи*“. [3] Въ „мнѣніи не въ указъ“ выраженъ тотъ же самый принципъ. Во второй половинѣ пункта 10 читаемъ: „*Въ дѣлахъ вящей важности и о чемъ уставу и опредѣленія не имѣется,*

[1] П. С. ЗЗ. № 4830.
[2] С. Р. И. О. Т. LV стр. 94, 95.
[3] П. С. ЗЗ. № 4847 п. 2.

Digitized by Google

или которыя собственному Ея Императорскаоо Величества рѣшенію подлежатъ и о которыхъ въ томъ же указѣ изображено, то имѣетъ Сенатъ изображеннымъ въ четвертомъ пунктѣ образомъ написавъ на имя Ея Императорскаго Величества со мнѣніемъ своимъ *въ Тайный Совѣтъ подавать*". [1] Верховный Тайный Совѣтъ, памятуя предѣлы своей дѣятельности, не принималъ поэтому доношеній изъ Сената, которыя входили въ сферу подчиненнаго управленія. Въ журналъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 6 іюля 1726 года занесено: „Ея Императорское Величество изволила приказывать, чтобъ на сенатскія доношенія, какъ скоро возможно, чинить резолюціи. На что Ея Величеству донесено, что многія доношенія состоятъ въ нѣкоторыхъ важностяхъ, которыхъ безъ всего собранія и рѣшить не можно, а которыя не такъ важныя, на тѣ резолюціи даются безъ всякаго продолженія, *между тѣмъ же доношеніями есть такія, на что имѣются точные указы, которые разсмотря отдаются имъ назадъ.*" [2] А въ журналѣ 8 іюля мы читаемъ: И по разсужденіи приказали, *чтобы такихъ доношеній, на что имѣются точные указы, впредь не принимать.* [3]

Къ области непосредственной дѣятельности императрицы, а слѣдовательно, и къ вѣдѣнію Верховнаго Тайнаго Совѣта относятся далѣе: Во-первыхъ, *дѣла верховнаго финансоваго управленія,* (установленіе новыхъ податей и налоговъ, чрезвычайные расходы, неокладныя дачи и т. д.). Въ мнѣніи герцога Голштинскаго, одобреннаго Императрицей, мы читаемъ: Новыя подати или иныя какія-либо учрежденія имѣютъ быть опредѣлены въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. [4] Указъ 15 іюля 1726 г. постановляетъ: „Какъ денегъ, такъ товаровъ и другихъ вещей безъ нашего указу за собственноручнымъ нашимъ или всего Верховнаго Тайнаго Совѣта подписаніемъ, кромѣ опредѣленныхъ окладныхъ дачъ ни въ какіе чрезвычайные расходы отнюдь не отпускать. [5] Во-вторыхъ, *назначеніе высшихъ должностныхъ лицъ* (сенаторовъ, президентовъ и совѣтниковъ коллегій, губернаторовъ, вице-губернаторовъ, оберъ-комендантовъ и комендантовъ) [6]

---

[1] С. Р. И. О. Т. LV стр. 95.
[2] С. Р. И. О. Т. LV 407, 408.
[3] Тамъ же. Т. LV стр. 425 ср. также т. LVI стр. 50.
[4] Тамъ же, т. LV стр. 95.
[5] П. С. ЗЗ. № 4930. Ср. также № 4945.
[6] П. С. ЗЗ. № 4847. п. 5 и 6.

Digitized by Google

Въ-третьихъ *всѣ судебныя дѣла, восходившія на Высочайшее усмотрѣніе.* [1]

Какъ наши современныя совѣщательныя учрежденія, раздѣляющія сферу непосредственной дѣятельности Государя, имѣютъ право издавать въ извѣстной области распоряженія, такъ этимъ правомъ обладалъ и Верховный Тайный Совѣтъ. Отъ него исходятъ приказы, вызываемые необходимостью сношеній съ другими учрежденіями: получить или передать то или другое свѣдѣніе, тотъ или другой документъ, навести справку, сдѣлать запросъ и т. д. Кромѣ того Верховный Тайный Совѣтъ издавалъ по маловажнымъ дѣламъ распоряженія, въ которыхъ не проявляется государственнаго властвованія. Но, дѣлая такое распоряженіе, Верховный Тайный Совѣтъ считалъ нужнымъ оговариваться въ протоколѣ, что оно, въ виду его маловажности, состоялось безъ аппробаціи императрицы. Въ журналѣ 11 марта 1726 г. мы читаемъ: „Свѣтлѣйшій князь предлагалъ о письмѣ къ нему тайнаго совѣтника графа Мусина-Пушкина, что требуетъ указу, по прибытіи въ Москву грузинской царицы, встрѣчу чинить ли и какую, и караулъ, и прочее содержать ли, и притомъ представляетъ, какимъ образомъ то чинено, по прибытіи царевѣ въ Москву. Повелѣно послать къ нему указъ, чтобъ чинилъ по тому прежнему примѣру, и о томъ записать въ протоколъ, который тогда же написанъ и отъ всѣхъ закрѣпленъ, *а для аппробаціи Ея Императорскому Величеству разсуждали, что о такомъ маломъ дѣлѣ докладывать не для чего.* [2]

ГЛАВА III.

Формы указной дѣятельности въ царствованіе Екатерины I.

Учредительные акты, вызвавшіе къ жизни Верховный Тайный Совѣтъ, очертивъ компетенцію этого учрежденія, не только опредѣлили точнѣе предѣлы непосредственной дѣятельности государыни, какъ суверенаго органа, но и установили закономъ предусмотрѣнныя формы этой дѣятельности.

---

[1] П. 12 мнѣнія герцога Голштинскаго аппробованъ императрицей: подавали аппелляціи на Сенатъ или первѣйшихъ коллегій „разсужденія проходятъ къ императрицѣ черезъ Верховный Тайный Совѣтъ къ вящему разсмотрѣнію и разсужденію“ (LV 95). По указу 8 октября 1726. „Которые колодники осуждены будутъ къ смертной казни о тѣхъ, не чиня экзекуціи, подавать о винахъ для доклада намъ въ Нашъ Верховный Тайный Совѣтъ краткіе экстракты“ (№ 4964).

[2] С. Р. И. О. Т. LV, стр. 85.

Digitized by Google

До учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта императрица издавала указы по совѣщаніи съ тою или другою сильною персоной, смотря по тому, кто въ данное время стоялъ къ ней ближе и пользовался особеннымъ ея довѣріемъ. Съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта эти порядки въ области верховнаго управленія должны были прекратиться: повелѣнія, объявляемыя тою или другою сильною персоной, должны были уступить мѣсто повелѣніямъ суверенаго органа, выражавшаго свою волю по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ не иначе, какъ по выслушаніи мнѣнія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Этотъ важный принципъ, по которому публичный путь долженъ былъ разъ навсегда пресѣчь путь партикулярный, какъ нельзя яснѣе выраженъ въ указѣ 1 января 1727 года. „Повелѣваемъ", читаемъ мы въ этомъ указѣ, „чтобъ никто никакія дѣла до нашего рѣшенія и до разсужденія сего нашего Верховнаго Совѣта принадлежащія собою и партикулярно отнюдь не отправлялъ, но обо всемъ напередъ въ оном Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ предлагалъ, дабы съ зрѣлаго разсужденія и общаго совѣта обо всемъ опредѣленіе учинено быть могло, развѣ отъ насъ кому партикулярно и особливо что учинить повелѣно будетъ... И понеже наше всемилостивѣйшее соизволеніе есть, дабы обо всѣхъ дѣлахъ, до нашихъ и государства нашего интересовъ касающихся, напередъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ для общаго зрѣлаго разсужденія предложено было, того ради и мы впредь никакихъ такихъ партикулярныхъ доношеній о дѣлахъ, о которыхъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ предложено и общее мнѣніе записано не было, ни отъ кого принимать не будемъ, развѣ кто имѣетъ доносить о такихъ дѣлахъ, которыя никому иному, кромѣ намъ самимъ, повѣрены быть не могутъ" [1]. Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта указы, объявляемые отдѣльными персонами, упраздняются и допускаются по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ только два вида указовъ: 1) указы именные, въ собственномъ смыслѣ; 2) указы, объявляемые изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Единственнымъ формальнымъ условіемъ для первыхъ была собственноручная подпись императрицы. Что же касается до формы, установленной для вторыхъ, то она была болѣе сложная, и мы должны привести здѣсь узаконенія, точнѣе опрдѣлившія ее.

4 пунктъ указа 8 февраля требуетъ, чтобы указы, состоявшіеся

[1] Исторія Россіи Соловьева. Т. XVIII, изд. 1875 г., стр. 294—296.

Digitized by Google

на основаніи протоколовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, *отправлялись за подписью Д. С. С. Степанова* [1]. То же постановленіе мы встрѣчаемъ и въ мнѣніи не въ указъ, которое опредѣляетъ также, чтобы *указы крѣпились Д. С. С. Степановымъ* [2]. Указъ 28 марта 1726 года постановляетъ: „И которые не будутъ за собственною нашею рукою и въ тѣхъ по датумѣ будетъ писано: по нашему указу. А къ тѣмъ указамъ подписывать по прежнему опредѣленію Д. С. С. Степанову [3]. Подпись Степанова удостовѣряла, что данный указъ изданъ съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, требуемыхъ закономъ для указовъ, объявляемыхъ изъ Верховнаго Таинаго Совѣта, другими словами, она удостовѣряла, что данный указъ составленъ съ протокола, подписаннаго членами Верховнаго Тайнаго совѣта и аппробованнаго императрицей.

Несмотря, однако, на эти важныя и ясныя постановленія, отдѣльныя сильныя персоны продолжали объявлять словесныя повелѣнія государыни лишь за своею подписью. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, донесеніе Сената императрицѣ отъ 29-го апрѣля 1726 г. Въ этомъ донесеніи мы читаемъ: „А марта 28 дня сего 1726 г. въ указѣ Вашего Величества объявлено: которые указы изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта не будутъ за подписаніемъ собственной: Вашего Величества, руки, въ тѣхъ по датумѣ будетъ писано Вашего Величества по указу. А до того и по состояніи того указу въ Сенатѣ объявляются Вашего Императорскаго Величества именные *многіе указы отъ разныхъ персонъ, по которымъ исполненіе чинится, утверждаясь подписью руки того, отъ кого тѣ указы объявляются.* Впредь по такимъ объявленнымъ отъ разныхъ персонъ указамъ въ Сенатѣ исполнять-ли? или исполнять только по тѣмъ указамъ, которые присланы будутъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ о томъ въ указѣ Вашего Императорскаго Величества марта 28 дня изображено“ [4]. Кто же были эти персоны, объявлявшія Высочайшія повелѣнія помимо Верховнаго Тайнаго Совѣта? На этотъ вопросъ намъ отвѣчаетъ Лефортъ, который лѣтомъ 1726 года, пишетъ: *Князь* (Меньшиковъ) *то и дѣло отъ имени царицы разсылаетъ указъ за указомъ, о которыхъ она и не знаетъ* [5]. То же самое

[1] П. С. ЗЗ. № 8430.
[2] С. Р. И. О., т. LV, стр. 94, 97.
[3] П. С. ЗЗ. № 4862.
С. Р. И. О., т. LVI, стр. 15.
[4] Тамъ-же, т. III, стр. 448.

Digitized by Google

подтверждаетъ и Мардефельдъ. „Достовѣрно", пишетъ онъ, „что князь поддался своему высокомѣрію и злоупотребляетъ милостію, которою онъ пользуется до такой степени, что онъ завелъ такіе порядки въ гражданскомъ и военномъ вѣдомствахъ и началъ уже приводить ихъ въ исполненіе, которые сдѣлали бы его дѣйствительнымъ правителемъ, а царицѣ оставили одно имя. Это дошло, наконецъ, до того, что онъ овладѣлъ всѣми дѣлами, касающимися Высочайшихъ помилованій, и отправлялъ по денежнымъ и другимъ важнымъ дѣламъ въ коллегіи *приказы, лишь имъ самимъ подписанные*[1]. И вотъ, когда Меньшиковъ лѣтомъ 1726 года уѣзжаетъ въ Курляндію, Верховный Тайный Совѣтъ пользуется его отсутствіемъ, чтобы предложить императрицѣ указъ, который бы положилъ конецъ злоупотребленіямъ ея именемъ со стороны князя Меньшикова, а, можетъ быть, и другихъ сильныхъ персонъ. Въ августѣ этого года Верховный Тайный Совѣтъ вспоминаетъ о донесеніи Сената, поданномъ еще въ апрѣлѣ и представляетъ императрицѣ: „Не соизволитъ-ли Ея Величество впредь, ежели о какихъ дѣлахъ повелѣніе Ея Величества кому будетъ, а касаться то будетъ до Сената или до коллегіи, чтобы о томъ тѣ люди прежде объявляли въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, откуду о томъ указы посыланы будутъ, а мимо Верховнаго Тайнаго Совѣта въ Сенатѣ и въ коллегіяхъ словесныхъ Ея Величества указовъ не объявляли бы"[2]? Императрица соглашается съ этимъ представленіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и издаетъ указъ 4-го августа, который въ виду его важности, мы приводимъ здѣсь цѣликомъ: „Понеже вѣдомо намъ учинилось, что какъ въ Сенатѣ, такъ и въ коллегіяхъ и въ канцеляріяхъ объявляютъ нѣкоторые какъ письменно, такъ и словесно нашими именными указами о важныхъ дѣлахъ, напримѣръ, о выдачѣ денегъ и проч. тому подобныхъ, того для нынѣ повелѣваемъ: ежели кто будетъ писать или словесно объявлять нашимъ именнымъ указомъ о выдачѣ сверху штату денегъ и прочее тому подобное, что регламентамъ и правамъ противно и что вновь постановить и опредѣлить или чрезъ регламентъ и указы чинами перемѣнять и такимъ объявленіямъ словеснымъ или письменнымъ безъ подписанія нашея собственныя руки или всего нашего Верховнаго Тайнаго Совѣта отнюдь не вѣрить А какіе именные указы и чрезъ кого въ Сенатѣ или

[1] Тамъ же т. XV стр. 321, 322.
[2] Тамъ-же, т. LVI, стр. 16.

Digitized by Google

въ которой коллегіи или канцеляріи прежде были объявлены, о тѣхъ прислать въ нашъ Верховный Тайный Совѣтъ и кабинетъ рапорты безъ всякаго замедленія“ [1].

Этотъ указъ ничего не говоритъ о формѣ указовъ, объявляемыхъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Эта форма, очевидно, оставалась прежняя, то-есть, эти указы, изготовляемые по протоколамъ, подписанными членами Верховнаго Тайнаго Совѣта и аппробованными Императрицей, контрасигновались д. с. с. Степановымъ. Указъ этотъ былъ направленъ никакъ не противъ формы указовъ, объявляемыхъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ думаетъ г. Филипповъ, а по настоянію Верховнаго Тайнаго Совѣта былъ изданъ для предупрежденія словесныхъ повелѣній, объявляемыхъ отдѣльными персонами за ихъ подписью. Онъ запрещалъ этимъ персонамъ издавать подобныя повелѣнія именемъ государыни и подтверждалъ только болѣе точно и опредѣленно постановленіе указа 28 марта, въ силу котораго допускались именные указы только въ письменной формѣ или въ формѣ непосредственнаго повелѣнія государыни, ею собственноручно подписаннаго, или въ формѣ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Верховнаго Тайнаго Совѣта, закрѣпленнаго подписью д. с. с. Степанова.

Въ это же время, въ отсутствіе Меньшикова былъ изданъ и другой указъ, также направленный противъ повелѣній, объявляемыхъ отдѣльными персонами. Это указъ 15 іюля, въ которомъ говорится: „Отъ сего времени какъ денегъ, такъ и товара и другихъ вещей безъ нашего указа за собственноручнымъ нашимъ или всего Верховнаго Тайнаго Совѣта подписаніемъ кромѣ опредѣленныхъ окладныхъ дачъ, ни на какіе чрезвычайные расходы отнюдь не отпускать“ [2].

Современники смотрятъ на эти два указа (4 августа и 15 іюля), какъ на мѣры, прямо направленыя противъ Меньшикова. Въ письмѣ отъ 3 августа Кампредонъ пишетъ: „Въ отсутствіе князя Меньшикова здѣсь изданъ указъ, дѣлающій президента финансъ-коллегіи и казначеевъ, завѣдующихъ казенными кассами, отвѣтственными за суммы, выданныя безъ приказа за подписью членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта“ [3]. А 14 сентября онъ подтверждаетъ это извѣстіе, говоря: „Едва послѣдній

---

[1] П. С. ЗЗ. № 4945.
[2] П. С. ЗЗ. № 4930.
[3] С. Р. И. О. т. LXIV стр. 388.

Digitized by Google

(то-есть Меньшиковъ) выѣхалъ изъ Петербурга, какъ Верховный Тайный Совѣтъ издалъ тотъ указъ на счетъ финансовъ, о которомъ я уже говорилъ вамъ, вслѣдъ затѣмъ другой, отмѣняющій недавнее распоряженіе Меньшикова по военному вѣдомству, коимъ онъ присвоилъ одному себѣ право назначенія и производства офицеровъ“ [1]. „Недѣлю тому назадъ“, пишетъ Лефортъ 5 ноября, „Верховный Тайный Совѣтъ снова послалъ приказаніе въ Сенатъ и въ коллегіи возвратить имъ обратно всѣ приказы, посланные отъ имени царицы и вмѣстѣ съ тѣмъ строго запретилъ принимать отъ кого бы то ни было приказы, вышедшіе какъ будто отъ царицы не иначе, какъ съ подписью ея самой или Совѣта. Утверждаютъ, что Меньшиковъ будетъ принужденъ отдать отчетъ во многихъ вещахъ, имъ присвоенныхъ“ [2]. А Мардефельдъ отъ 7 сентября сообщаетъ: „Князь (Меньшиковъ) приложилъ большія старанія, чтобы помѣшать Высочайшему повелѣнію, о которомъ я всеподданнѣйше доносилъ В. В. Не смотря на это, опубликовали его на дняхъ и обрѣзали, слѣдовательно, его авторитетъ въ коллегіи. Это разрушаетъ весь его планъ, отъ того онъ пришелъ въ ярость, и слѣдуетъ опасаться, чтобы онъ въ первомъ гнѣвѣ не рѣшился на поступокъ, о которомъ послѣ станетъ жалѣть [3].

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

А. С. Алексѣевъ.

[1] Тамъ же т. LXIV стр. 410.
[2] Тамъ же т. III стр. 453.
[3] Тамъ же т. XV стр. 323, 324.

Digitized by Google

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Азраилъ, печальный ангелъ смерти,
Пролеталъ надъ міромъ усыпленнымъ,
Блѣдный ликъ его сіялъ чудесно
Неземной и страшной красотою.

И ропталъ печальный ангелъ смерти:
— „Боже!—все здѣсь любитъ и любимо,
„И звѣзда съ звѣздою жаждетъ слиться,
„Только я—одинъ—томлюся вѣчно!

„Все меня живое ненавидитъ
„И встрѣчаетъ съ трепетомъ и страхомъ,
„Не клянутъ меня одни лишь дѣти,
„Только дѣти,—ангелы земные“...—

И ропталъ печальный ангелъ смерти,
Съ смоляныхъ рѣсницъ ронялъ онъ слезы,
И, упавъ на дно морской пучины,
Эти слёзы обращались въ жемчугъ...

— Азраилъ! прекрасный ангелъ смерти!
Не роняй безцѣнный жемчугъ въ море;—
Безъ тоски, безъ трепета и страха
Жду съ тобой блаженнаго свиданья!

Отвори мнѣ дверь моей темницы,
Дай расправить связанныя крылья,—
И съ тобой я буду неразлучна,
И любить тебя я буду вѣчно!—

М. Лохвицкая.

Digitized by Google

САМОУБІЙЦА.

(Разсказъ).

— Ну, какъ вы находите Мими, Софья Робертовна?

— Очень, очень избалованная дѣвочка, баронесса. Увы, она очень избалована.

— Боже мой, я стараюсь быть съ нею строгою, но она такая нервная! Когда ей чего-нибудь захочется, она такъ ужасно кричитъ! И баронесса Моргофъ схватилась за голову, какъ-будто крикъ Мими все еще стоялъ у нея въ ушахъ.

— Она очень капризна, очень.

— Ахъ, не говорите, она капризна до невозможности.

— Ваша дочь, баронесса, груба и непокорна,—продолжала неумолимая Софья Робертовна.—Съ нею трудно будетъ сладить.

Хотя баронесса отлично знала всѣ недостатки своей дочери, но тутъ вдругъ разсердилась и, сильно позвонивъ, приказала лакею позвать барышню.

— Софья Робертовна у насъ только недѣлю, и вы уже успѣли показать себя съ хорошей стороны,—набросилась баронесса на дѣвочку лѣтъ 12—13, вошедшую въ комнату.

Дѣвочка некрасивая, съ желтымъ лицомъ, нахмуренными бровями и большимъ капризнымъ ртомъ, повидимому, мало обратила вниманія на окрикъ матери и угрюмо отвѣтила:

— Я ничего не сдѣлала, мамуся.

— Ничего?! А что говоритъ про васъ Софья Робертовна?

Дѣвочка изъ подлобья взглянула на гувернантку, и ту невольно поразилъ яркій, злобный лучъ этихъ черныхъ глазъ. Баронесса кричала на дочь:

— Неблагодарная дѣвченка, я всю свою жизнь положила на васъ, а ты меня огорчаешь!

Digitized by Google

У Мими лицо становилось все злѣе и злѣе, на немъ появивилось мучительное, почти болѣзненное выраженіе, наконецъ, она разразилась громкимъ, рѣжущимъ уши крикомъ. Ничего нельзя было понять. Слышились отрывистыя слова:—„Оставьте меня... Хоть не жить... Устрою вамъ... по...радуетесь“.

Наконецъ, баронесса, схвативъ дѣвочку за плечи, скомандовала:

— Вонъ, вонъ! Méchante fille.

Мими вышла, а мать усталая опустилась на софу. Софья Робертовна послѣдовала за своею воспитанницей. Этотъ педагогическій пріемъ, встрѣчаемый съ легкими измѣненіями во многихъ семьяхъ, прилагался баронессой Моргофъ къ своимъ 4 дѣтямъ. Но сначала позвольте нѣсколько словъ о Моргофахъ. Фамилія по происхожденію—нѣмецкая, обрусѣвшая уже давно. Самъ баронъ, помѣщикъ, живетъ у себя въ имѣніи, а семья въ Москвѣ для воспитанія дѣтей. Ихъ четверо, какъ уже было сказано. Изъ нихъ—сынъ уже офицеръ, за нимъ большой промежутокъ, занятый умершими дѣтьми, вторая была 13-ти-лѣтняя Мими и ея братья 9 и 5 лѣтъ. Оба мальчика хорошенькіе, а Мими чуть ли не уродъ, что́, какъ извѣстно, очень грустно для дѣвочки. Баронесса вздыхаетъ, глядя на это дѣтское личико съ такимъ непріятнымъ выраженіемъ, съ брезгливою гримасой губъ. Но Мими умна и замѣчательно понятлива. Иногда, когда она оживляется и ея глаза теряютъ свое не-дѣтское, угрюмое выраженіе, мать, глядя на нее, думаетъ, что дѣвочка, можетъ быть, современемъ выправится. Теперь же ей грустно бываетъ слышать, какъ хвалятъ красоту и изящество другихъ дѣвочекъ. Нѣтъ, Мими не радуетъ ея материнское самолюбіе.

Впрочемъ, у баронессы есть и посерьезнѣе горе—ея мужъ... Конечно, надо смотрѣть на подобныя вещи снисходительно, но его поведеніе, эта связь съ Пахотиной такъ извѣстна... И вотъ эта самая извѣстность и мучитъ болѣе всего баронессу. Какъ разъ размышленіе баронессы прерываетъ звонокъ, хозяйскій, нетерпѣливый звонокъ.

Баронесса мелькомъ взглянула на бронзовые часы, представлявшіе статую Аполлона Бельведерскаго. Внизу, у подножія, вставленъ былъ узорный эмальированный кругъ съ неутомимыми бѣгуньями-стрѣлками. Теперь онѣ стояли обѣ—и короткая толстенькая и тонкая рѣзная—на 6-ти часахъ. Это замѣтила баронесса, замѣтила и вошедшая въ ту минуту Мими. Мими ужасно ненавидѣла часы. Они были источникомъ всѣхъ ея невзгодъ:

Digitized by Google

по нимъ ее отправляли спать, по нимъ ее заставляли учиться, а главное, самое ужасное, по нимъ бранили папочку. Если противная толстая стрѣлка останавливалась на шести, а та длинная, сухая (точно француженка m-elle Bouvier) принималась догонять ее, то у мамуси становилось кислое лицо. Тогда уже непремѣнно папѣ доставалось, потому что никогда папа не попадалъ во-время къ обѣду.

— Вашимъ дѣтямъ приходится краснѣть за отца,—встрѣтила баронесса мужа.

Баронъ Моргофъ, 45-ти-лѣтній красавецъ, съ свѣжимъ, прекрасно сохранившимся лицомъ, красивый, выхоленный, очевидно, немиого трусилъ передъ женой. Да и не то что трусилъ, а сознавалъ, что она имѣетъ основаніе браниться. Обыкновенно его ждалъ цѣлый взрывъ упрековъ, теперь же баронесса удовольствовалась полною презрѣнія фразой и величественно прошла въ столовую. Обѣдъ проходилъ вяло. Баронесса имѣла обыкновеніе экзаменовать дѣтей за столомъ, и часто живые, умные отвѣты дочери вызывали громкій хохотъ барона. Павликъ, любимецъ матери, сидѣлъ рядомъ съ сестрой и сыпалъ остроуміемъ. Но Мими замѣчала съ дѣтскою чуткостью, что шуточки брата и его обезъяничаніе со старшихъ заставляло отца смѣяться, но принужденно, какъ бы изъ вѣжливости и желанія угодить матери. Когда же у Мими вырывалось подчасъ злое, но мѣткое и оригинальное замѣчаніе—тутъ смѣхъ становился неудержимымъ. Мими какъ будто видѣла, что отецъ даже почти безсознательно относится къ ней, не такъ, какъ мать, что баронъ всею своею легкомысленною, но чуткою и воспріимчивою натурой улавливаетъ въ дочери родные отголоски. Итакъ, обѣдъ шелъ вяло. Двѣ гувирнантки, Софья Робертовна и m-elle Ribot сидѣли чинно, чопорно, лишь изрѣдка дѣлая нравственныя замѣчанія своимъ воспитанникамъ.

— Tenez-vous droite, Mimi! Ne mangez-pas aves les doigts, Paul!

Маленькій Лоло совсѣмъ спалъ, клевалъ носомъ въ тарелку и усиленно таращилъ глазенки. Мими какъ-то вся поеживалась, косясь тревожно на мать. Подали пирожное. Мими равнодушно отодвинула тарелку съ ея любимымъ маседуаномъ; ее душили странныя безпричинныя слезы.

— Машенька, поди ко мнѣ сюда, позвалъ баронъ дочь.

Мими встала и, несмотря на недовольную гримасу матери, подошла къ отцу. Онъ двумя пальцами поднялъ ея подборо-

Digitized by Google

докъ. Мими въ упоръ взглянула на него не дѣтски серьезными и печальными глазами.

— Ты что это, мартышка, не ѣшь пирожнаго? а?—спросилъ усмѣхнувшись баронъ. Дѣвочка не отвѣчала; ея глаза раскрывались все шире и шире, наполняясь слезами. И въ порывѣ безпричиннаго, Богъ вѣсть откуда нахлынувшаго, горя дѣвочка, скользнувъ къ ногамъ отца и пряча голову въ полу его сюртука, истерически зарыдала.

— Ай, плакса! Ай, срамъ какой! Ну, что ты?

И баронъ полушутя, полусердито нагнулся къ ней.

— Папа, не уѣзжай, папа!.. Мама!.. сердита!.. не хочу.. разобралъ онъ шепотъ, прерываемый слезами.

Баронъ вдругъ сдѣлался серьезенъ; его что-то кольнуло. Гувернантки подбѣжали и силой увели дѣвочку. Это было сдѣлано по одному мановенію бровей баронессы, а ея мужъ не хотѣлъ, особенно сегодня, ей противорѣчить. Баронесса, все такая же величественная и неумолимая, встала изъ-за стола и пригласила, именно пригласила, торжественнымъ жестомъ мужа въ свой будуаръ...

Черезъ часъ она вошла въ дѣтскую. На ея кругломъ здоровомъ лицѣ была какая-то умиленная улыбка. Она умилялась и восхищалась баронессой Моргофъ, образцовою римскою матроной, этою добродѣтельною и строгою баронессой. Брови ея были страдальчески подняты, потому что ей жаль было себя. Она такъ блистательно исполнила свой долгъ, но...

— Ces pauvres enfants sont orphelins,—заявила она m-lle Ribot, сжимая въ своихъ объятіяхъ Лоло и Павлика.

— Ah, madame! Только и могла выговорить, разсчувствовавшаяся француженка. Баронесса подозвала дочь. Мими, отсидѣвшая на стулѣ полчаса (въ видѣ наказанія за свое неприличное поведеніе), теперь занималась вырѣзываніемъ бумажныхъ куколъ. Послѣ слезъ наступило затишье. Маленькій организмъ утомился и за возбужденіемъ наступила реакція. Мими смѣялась потихоньку, разставляя своихъ куколъ и разсказывая имъ исторію. Баронесса прервала ее на самомъ интересномъ мѣстѣ. Мими только что заперла злую куклу „Maman“ въ чуланъ, а другую любимую, которая, она находила, походитъ на отца, отправила гулять, сказавъ, что можетъ возвратиться *въ семь часовъ*. Возвратиться въ семь часовъ казалось Мими какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ; она видѣла, что отца бранятъ за неаккуратность, видѣла, какъ мать глядитъ на противную

Digitized by Google

стрѣлку, и въ ея головкѣ опаздыванье получило какую-то особенную прелесть. Наградивъ, такимъ образомъ, своего героя, Мими неохотно сложила всѣхъ куколъ въ коробочку и пошла къ матери. Баронесса заключила ее въ свои объятія; дѣвочка тревожно вздрагивала.

— Ахъ, Мими, я не люблю, когда ты такъ вздрагиваешь. Tu sais cela, сказала мать. — Ну, поцѣлуй меня... такъ... бѣдная сирота!

— Мамуся, папочка надолго уѣхалъ? спросила дѣвочка.

— Дитя мое, ton père est mort. Помни это.

Мими всѣмъ корпусомъ отшатнулась. Ея глаза широко раскрылись отъ ужаса.

— Какъ! умеръ? хрипло сказала она, оглядываясь, и вдругъ бросилась вонъ изъ комнаты. Она кинулась въ кабинетъ отца—пусто. Мать догнала ее и хотѣла взять за руку—вырвалась. По дорогѣ попался Кузьма—лакей старикъ.

— Кузьма, Кузьма, гдѣ папа? скажите мнѣ,—теребила Мими за рукавъ старика.

— Да что, слышь, барышня, говорятъ, что померъ баринъ-то, презрительно отмахнулся Кузьма, повидимому сердитый и огорченный. Мими изо всѣхъ силъ сдавила обѣими руками виски, какъ она всегда дѣлала, когда усиливалась понять что-нибудь очень трудное и мудреное. Что такое! Господи, что же это такое? Ее сзади схватила подоспѣвшая Софья Робертовна и чуть не силой отвела къ матери. Привела, поставила дѣвочку передъ баронессой и скромно удалилась. Баронесса хотѣла-было что-то сказать, но задохнулась и спрятавъ лицо въ платокъ, зарыдала. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Мими сбоку, нерѣшительно и недоумѣвающе взглядывала на мать.

„Что же, утѣшить ее надо“? шевелился вопросъ въ ея головѣ. Но какъ утѣшить, когда бѣдная дѣвочка сама хотѣла, чтобъ ее утѣшили, успокоили. Она неловко взяла руку матери и поцѣловала ее.

— Ты не плачь, мамуся... И эти слова звучали скорѣе совѣтомъ, нежели просьбой. Баронесса всхлипнула въ отвѣтъ.

— Я тебѣ воды принесу, хочешь? мягко сказала дѣвочка, жалѣя мать, но все же недоумѣвая, чего она плачетъ. Плачетъ вонъ Павликъ, когда нашалитъ и его накажутъ, плачетъ Лоло падая и ушибаясь... и она, Мими, плачетъ иногда отъ досады...

Digitized by Google

Но мать говоритъ, что у нея горе. Горе, значитъ, больно ей, очень больно. И дѣвочка, которая въ самыя тяжелыя минуты своей короткой жизни чувствовала въ десять разъ сильнѣе и глубже своей маменьки, не могла понять страданія, выраженнаго плачемъ. Она тоже очень страдала отъ страшныхъ словъ: „отецъ умеръ". Но ея глаза были сухи и блестящи, изрѣдка она до крови закусывала губу и морщила брови. Ей было тяжело... Баронесса рѣшила, что отъ Мими нельзя скрыть правды, надо, чтобы она хорошенько поняла и оцѣнила положеніе матери. Пускай знаетъ, что она (баронесса) сдѣлала то, что ей велѣлъ долгъ. И оскорбленная жена начала свой разсказъ. Сначала она пріурочивала его къ понятію дочери, потомъ увлеклась и въ порывѣ огорченія и справедливаго негодованія вылила передъ слушательницей все свое наболѣвшее и оскорбленное самолюбіе. Слишкомъ чутка и нервна была эта дѣвочка, чтобы не почуять, что мать права, что она говоритъ искренно. Дѣти такъ хорошо различаютъ сердечные порывы отъ прописной морали, которой ихъ обыкновенно угощаютъ. Мими видѣла, что мать права. И дѣтская чистота была глубоко возмущена поступкомъ отца. Не могла она, бѣдная, найти ему оправданія, не могла отнестись и снисходительно къ этому поступку, такъ какъ онъ ей являлся единственнымъ фактомъ, ужаснымъ, уродливымъ, безобразнымъ! Боже мой! Какъ онъ могъ сдѣлать это. Дѣвочка вся дрожала отъ отвращенія; въ ея чистую, дѣтскую душу грязью кинули. И она чувствовала себя какъ бы причастной этому дѣлу, вѣдь ея же папа сдѣлалъ „это"...

— Его я могу только презирать, Мими,—говорила со слезами мать.

— Да, да, мамуся, я тоже буду презирать... и зубы Мими стучали какъ въ лихорадкѣ. Мать крѣпко поцѣловала ее, и Мими отвѣтила на поцѣлуй, чувствуя необходимость ласки, любви...

— Онъ для насъ умеръ, — продолжала баронесса, лаская дочь.—Взглядъ ея упалъ на портретъ мужа въ пзящной рамкѣ, стоявшій на письменномъ столѣ.

А! уничтожить... и она быстро вынула портретъ изъ рамки и хотѣла его разорвать. Мими схватила ее за руки.

— Мамуся, не надо, зачѣмъ!

— Я же говорю тебѣ, что ничто не должно напоминать его.

Дѣвочка выпустила мать и отвернулась, стиснувъ зубы, чтобы не застонать. Это дорогое лицо, безжалостно изорванное.. Мими казалось, что тяжелое поруганіе свершается передъ ея глазами.

Digitized by Google

Судорога прошла по ея лицу. Баронесса, разбросавъ по комнатѣ мелкіе кусочки карточки, сердито обратилась къ дочери:

— Что же ты отвернулась? Или тебѣ жалко его?

— Жалѣть нечего,—угрюмо отвѣтила дѣвочка, въ то же время испытывая величайшее желаніе взять эти клочечки, собрать ихъ и... бережно спрятать...

И эта двойственность: съ одной стороны любовь къ отцу, съ другой—отвращеніе и стыдъ за него такъ и ужились въ ребенкѣ. Некому было сказать то, что мучило ее, приходилось самой добиваться разрѣшенія загадки. Почему она такъ любитъ своего „преступнаго отца", а мать, которая хорошо сдѣлала, она любить не можетъ, даже порой чуть не ненавидитъ, когда та начинаетъ бранить „его". И любовь къ отцу у Мими приняла какой-то прелестный поэтическій оттѣнокъ. Она не могла разлюбить его, не могла! И вотъ дѣвочка ухватилась за послѣднее средство помирить свою совѣсть съ сердцемъ—надо найти ему оправданіе.

И началась упорная, тяжелая работа. Дѣти—поразительные шпіоны и тонкіе наблюдатели.

Многое узнала Мими, и это многое ее окончательно измучило. Она узнала, что поступокъ ея отца всѣ считаютъ очень обыкновеннымъ. Она узнала больше, узнала, что на бѣломъ свѣтѣ еще не такія гадости дѣлаются. Да! и похуже есть.

Все то, отчего она сторонилась, инстинктивно боясь взглянуть, или просто не замѣчая зла по своей врожденной чистотѣ, дѣвочка собрала теперь въ оправдательный актъ своего отца. Она съ болью, и наслаждаясь этою болью, копалась въ грязи людскихъ отношеній. Какъ бы ей хотѣлось повѣрить, что все это неправда! Часто, прочитавъ одну изъ книгъ, которую она потихоньку достала изъ библіотеки отца, Мими съ печальною злобой рвала тѣ страницы, гдѣ авторъ ярко описывалъ прелести „жизни". Конечно, она многаго не понимала, даже больше, не понимала самой сути... но она живо чувствовала дурное, и въ ея воображеніи появились безобразныя, туманныя чудовища. У нея, чистой и безстрастной, не было оправданія для людскихъ страстей, и успокоивая себя: „Много людей поступаютъ также, какъ папочка, и объ нихъ не пишутъ дурно", Мими все же невольно тоскливо твердила: „Ахъ папочка, папочка! какъ ты можешь дѣлать это?" И міръ для ребенка весь окрасился въ красный цвѣтъ. Въ неосторожныхъ разговорахъ ея матери съ знакомыми Мими часто узнавала вещи, подтверждавшія то, что

Digitized by Google

говорили книги изъ папиной библіотеки. И еще тяжелѣе становилось дѣвочкѣ, а мать думала, что она ничего не понимаетъ, и не стѣснялась передъ ней перемывать косточки своихъ знакомыхъ.

Время шло. Горе разлуки съ отцомъ утихло, утихли боль и негодованіе, но осталось глубокое чувство зла и несправедливости окружающаго. Какъ пришла ей въ голову мысль о разрушеніи? Какъ отвращеніе къ жизни могло зародиться въ дѣтскомъ мозгу? Никто, даже она сама, не зналъ этого. Но эта мысль глубоко запала ей въ голову и, развиваясь понемногу, завладѣла ею всецѣло.

— Умереть, лучше умереть, если все такъ гадко,—твердила дѣвочка.—Теперь ее мучила постоянная, безотчетная тоска, и, можетъ быть, желаніе избавиться отъ нея и было главною причиной, заставившею ее „наложить на себя руки“. Въ такихъ вещахъ случай оказывается очень услужливымъ: сейчасъ устроитъ дѣло. Мими, слушая разговоръ доктора съ матерью, думала что кто-то невидимый взялся помогать ей. Это ей показалось чуть ли не предопредѣленіемъ.

— Осторожнѣй, убѣдительно прошу васъ, дорогая паціентка, будьте осторожнѣй! Толстый докторъ забралъ въ свои жирныя ладони пухлую бѣлую руку баронессы.

— Вы знаете, что я дѣйствую вопреки правиламъ.

— Ахъ, я вамъ очень, очень благодарна, Иванъ Михайловичъ! Вы только вообразите себѣ, каково мнѣ, когда les paysnas приходятъ ко мнѣ съ больными. Что могу—помогаю. Но у меня такъ мало лекарствъ. Впрочемъ, этимъ людямъ помогаетъ всякій пустякъ. Вы не повѣрите, я разъ спасла отъ смерти дѣвочку каплями Датскаго Короля.

— Неужели?—улыбнулся докторъ.

— Да, она страшно кашляла. Я ей долго давала капель, и прошло. Вообразите!

Докторъ поглядѣлъ съ сомнѣніемъ на лежащія передъ нимъ рецепты. Не лучше ли, чтобы эта барынька продолжала лечить по-прежнему, а то, пожалуй, еще уморитъ кого-нибудь. Но доктору было неловко сказать ей это, да и дѣло уже сдѣлано, не рвать же написанное. А, можетъ быть, кому нибудь и поможетъ...

— Ну-съ, баронесса, еще разъ предостерегаю васъ, будьте осторожнѣе, не перепутайте лекарствъ.

— Нѣтъ, какъ можно...

Digitized by Google

— На ядовитыхъ веществахъ будетъ ярлыкъ...

— Съ мертво юголовой?

— Да... Такъ пожалуйста осторожнѣй.

— А вы мнѣ много даете опія?

— Половины достаточно, чтобы перевести человѣка dahin,— засмѣялся Иванъ Михайловичъ, раскланиваясь и цѣлуя ручку баронессы.

Онъ бѣгло взглянулъ на ея спокойное румяноелицо. „За эту можно поручиться, что не отравится“... почему-то мелькнуло у него въ головѣ. Въ эту же минуту онъ встрѣтился взглядомъ съ черными глазами Мими, спохватился, взглянулъ на мать, потомъ опять на ребенка, что-то хотѣлъ сказать, но не сказалъ ничего и черезъ минуту уже забылъ странное впечатлѣніе, произведенное на него этимъ горящимъ взглядомъ, прикованнымъ къ разбросаннымъ на столѣ бумажкамъ.

.....

Мими отказалась отъ обѣда—у нея болѣла голова. Взглянувъ на желтое лицо дѣвочки и ея грустно опущенные уголки губъ, складывавшихся въ болѣзненную гримасу, баронесса позволила ей идти къ себѣ въ дѣтскую. Но Мими проскользнула прямо въ спальню матери. Она видѣла, какъ горничная внесла туда большой пакетъ „изъ аптеки“, а мать сказала: „Положите мнѣ на рабочій столъ, Аннушка“. Вотъ онъ... Мими быстро развязала и стала перебирать различные свертки, пузырьки, баночки. А!— она съ облегченіемъ вздохнула, когда ей бросилась въ глаза маленькая картинка, изображающая черепъ.—Это вѣрно онъ! И Мими, повертѣвъ въ рукахъ флаконъ съ желтою жидкостью, сунула его въ карманъ. Потомъ дѣвочка дрожа и озираясь, боясь при всякомъ шорохѣ, что вотъ, вотъ взойдутъ и отнимутъ у нея ея добычу, стала завязывать пакетъ. Долго ловкіе пальчики возились надъ сверткомъ. Наконецъ, все было уложено, и Мими стрѣлой понеслась наверхъ. Съ лихорадочною поспѣшностью дѣвочка придвинула къ открытому окну кресло и взобралась на него съ ногами. Удобно умѣстившись, она, быстро работая зубами и ногтями, откупорила пузырекъ. Понюхала... ничего. Поднесла ко рту и тихонько опустила опять.

На дворѣ теплынь. Небо изъ-за крыши сосѣдняго бѣлаго дома такое синее... синее... Ухъ, какъ свѣтитъ! даже глазамъ больно“, зажмурилась дѣвочка. Голуби такъ воркуютъ. Она со страннымъ интересомъ слѣдила за всѣмъ, что дѣлается кругомъ. Потомъ слѣзла съ кресла, подошла къ двери, прислуша-

Digitized by Google

лась—внизу слышны голоса.. „Павликъ реветъ... за что его?.. Вѣроятно, мама узнала, что овъ разбилъ мою хорошую куклу, ту, что мама подарила къ елкѣ. Пойти развѣ сказать, чтобы его не бранили: мнѣ не жаль куклы. „Мими покачала головой.

— Нѣтъ, громко сказала она, не надо идти. Меня больше нѣтъ. Я не пойду къ нимъ. Надо скорѣе... И ее заняла мысль, что ее больше нѣтъ, что она и тутъ въ этой комнатѣ, а ее все-таки нѣтъ, вотъ какъ „нѣтъ“ схимниковъ. Запрется у себя въ кельѣ—и нѣтъ его, никогда больше не выйдетъ оттуда. И она, Мими, больше не выйдетъ... И скоро, скоро умретъ. Тутъ она вспомнила, что не выпила еще „лѣкарство“. Она подбѣжала къ окну и, схвативъ пузырекъ, быстро, рѣшительно, стараясь не дышать, какъ она всегда дѣлала, принимая горькія лѣкарства, отпила половину темной жидкости. Въ горлѣ немного зажгло. Мими обѣими руками схватилась за подоконникъ и ждала. Понемногу все прошло, и не жжетъ, и голова... вотъ тутъ какъ будто немного стукнуло въ високъ... И опять ничего. А дѣвочка все стоитъ и, вперивъ большіе черные глаза въ небо, недоумѣваетъ. Когда же она умретъ? Наконецъ ей надоѣло ждать. Она досадливо передернула плечами и опять умѣстилась на креслѣ. „Что же будетъ? Неужели завтра опять солнце заблеститъ на бѣлой стѣнѣ дома, и небо такое же яркое безоблачное будетъ?.. Какъ же это все будетъ, *и меня не будетъ?* И не то, что уйду; когда я уѣзжаю въ деревню, знаю, что безъ меня въ городѣ то же по прежнему бываетъ свѣтъ и день. Но вѣдь меня не будетъ совсѣмъ. Такъ, просто не будетъ. Какъ, не будетъ? Я буду все тутъ, или уйду куда-нибудь,—а что это за глупости, вдругъ нѣтъ меня? И въ городѣ нѣтъ, и въ деревнѣ нѣтъ, и нигдѣ на землѣ нѣтъ... Да и на небѣ тоже, потому-что и неба-то нѣтъ; это только обманъ глазъ, а есть воздухъ и безпредѣльное пространство“. Мими ужасно бывало нравилось это слово „безпредѣльное“. Теперь же она дрогнула. Безпредѣльное,—это ужасно далеко. Пожалуй полетишь туда—и будешь лететь, лететь безъ конца. Вѣрно холодно... брр... Верхніе слои воздуха разрѣжены, вспомнилась ей книжная фраза. Ну, конечно, разрѣжены, и тамъ холодно. А можетъ и это неправда? Правда только то, что она сейчасъ уйдетъ, а куда? И Мими показалось ужасно оскорбительно, ужасно грустно, что завтра все будетъ дѣлаться по старому, всѣ будутъ какъ прежде—и домъ бѣлый, и голуби, и солнце,—а ея не будетъ, и тѣмъ все равно, что ея не будетъ. И тоже грустно, что, если что слу-

Digitized by Google

чится, она этого не увидитъ. Губы у дѣвочки задрожали. „Не хочу умирать“. Она было бросилась къ двери, но остановилась и крѣпко стиснула руки.

— Нѣтъ, ты не пойдешь, громко сказала она, хотя голосёнокъ дрожалъ слезами и обрывался. Я не хочу, ты не пойдешь... Дѣвочка опустила голову, и крупныя слезы покатились по ея щекамъ.

— Не надо идти туда, уже тише заговорила она. Не надо. Ахъ, какъ тамъ нехорошо! И папа и всѣ они... Отчего они такіе хорошіе и дѣлаютъ нехорошо? Отчего все такъ темно, темно?.. и въ глазахъ темно? Ахъ,—ребенокъ протянулъ впередъ руки,—какъ я устала, какъ мнѣ хочется спать! Она добрела до кресла и съежилась на немъ. Завтракать кончили. Баронесса, озабоченная тѣмъ, что Мими, кажется, больна, хотѣла идти къ ней... ее задержали.

Павликъ, послѣ недавнихъ слезъ (его дѣйствительно бранили за куклу), утѣшился и дразнилъ Лоло. Гувернантки тихо болтали между собой...

Когда баронесса вошла въ комнату Мими, то увидѣла, что окно открыто и на подоконникѣ, рядомъ съ какою-то склянкой умѣстилось нѣсколько воробьевъ, усердно долбившихъ кусокъ бѣлаго хлѣба, который Мими положила имъ. Воробьи весело чирикали и въ полъ-глаза косились на вошедшую, не рѣшаясь улетѣть прежде, чѣмъ они плотно набьютъ свои маленькіе зобики.

— Мими, дернула баронесса дочь, Мими, qu'as-tu? Лежавшій на креслѣ маленькій жалкій комочекъ шевельнулся и застоналъ. Мать заглянула въ блѣдное личико съ посинѣлыми губами и отшатнулась. Длинныя рѣсницы надъ полузакрытыми глазами тихо, мѣрно вздрагивали. „Она не на шутку больна“, подумала баронесса. „Боже мой! и вѣчно некстати, передъ самымъ отъѣздомъ въ деревню. Только бы это былъ не дифтеритъ“, мелькнуло у нея въ головѣ. Она боялась этой болѣзни и ужасно испугалась теперь. У баронессы испугъ выражался прежде всего гнѣвомъ.

— Да что у тебя болитъ? горло? Ну, отвѣчай, Мими! Мими, да отвѣчай же мнѣ. Она подняла дѣвочку за плечи и посадила ее. У Мими уже голову налило свинцомъ, звонъ и гулъ стоялъ въ ушахъ. Нестерпимою болью, точно молоткомъ били по больной головѣ, отзывались слова матери въ ея застывающемъ сознаніи. Она хотѣла опять прилечь, но мать крѣпко держала ее

Digitized by Google

и тормошила; а голосъ матери неутомимо звучалъ въ ея ушахъ, и голову ея ломило...

Съ рѣзкимъ крикомъ открыла дѣвочка большіе остановившіеся глаза. Испуганные воробьи шарахнулись съ окна. Баронесса выпустила дочь, а дѣвочка съ нахлынувшей вдругъ энергіей, страшнымъ усиліемъ поднялась, и дѣтскій голосъ чисто и внятно выговорилъ:

— Мама (она въ первый разъ звала ее такъ, вмѣсто мамуся, какъ дѣтямъ было приказано звать баронессу), мама, я не хочу больше жить, я отравилась.

Крикъ баронесы, крикъ ужаса вошедшихъ гувернантокъ. Мать схватила дѣвочку. Ей не пришла даже въ голову мысль, что Мими умретъ; она видѣла только скверную дѣтскую выходку этой капризницы. Ее потомъ надо будетъ высѣчь, чтобы она помнила, какъ дѣлать глупости, сказала себѣ встревоженная баронесса и разсерженная мать, и стала трясти ребенка за плечи.

— Гадкое созданіе, ты такъ благодаришь меня за мои заботы о васъ? Ничего не будетъ! кинула она испуганнымъ гувернанткамъ. Чего это она наглоталась? Dites d'apporter du lait, приказала баронесса, вспомнивъ, что при какихъ-то случаяхъ отравленія поятъ молокомъ. Кувшинъ съ молокомъ стоялъ еще не убранный въ столовой, и черезъ минуту Софья Робертовна поднесла къ губамъ Мими полный стаканъ молока. Но тутъ случилось нѣчто ужасное, отъ чего баронесса вскочила съ отчаяннымъ воплемъ, а стаканъ со звономъ разбился въ дребезги, выскользнувъ изъ дрожащихъ пальцевъ нѣмки.

Тѣло дѣвочки вдругъ все дрогнуло, какъ-то напряглось, въ горлѣ заклокотало, захрапѣло что-то, и Мими покатилась по полу, извиваясь въ судорогахъ...

Крики: доктора! доктора! истерическія рыданія матери, и передъ ней, съ безсильно разметавшимися руками, въ своемъ бѣломъ англійскомъ съ большимъ кушакомъ платьицѣ и распущенными, теперь безпорядочно сбившимися на прекрасномъ лбу, волосами, эта несчастная фигурка самоубійцы...

Гр. Е. Н. Толстая.

Digitized by Google

ОТХОЖІЕ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

III.

Существующее положеніе отхожихъ сельскохозяйственныхъ промысловъ.

1.

Соотвѣтствіе опредѣленныхъ группъ губерній, отпускающихъ рабочихъ, извѣстнымъ районамъ спроса, въ направленіи рабочаго движенія.—Броженіе среди рабочихъ, предшествующее выходу ихъ и вліяніе отхожаго движенія на мѣстныя хозяйства.—Образованіе партій сельскихъ рабочихъ, ихъ составъ; средства, необходимыя крестьянамъ на дорогу; выправка паспорта; харчи; деньги и ихъ размѣръ; способъ добыванія денегъ.—Чѣмъ руководствуются рабочіе, пускаясь въ путь.—Время выхода.—Способы передвиженія рабочихъ; пѣшее передвиженіе: а) безъ подводъ, б) съ подводой; путь водою: а) на лодкахъ и б) на пароходахъ; переѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Отправляясь наугадъ, въ смыслѣ неосвѣдомленности о степени урожая и потребности въ рабочихъ рукахъ въ мѣстахъ найма, а также не зная того, въ какія хозяйства придется попасть на работу,—сельскіе рабочіе идутъ не наугадъ, въ смыслѣ постояннаго общаго направленія своего движенія на заработки. Опытъ показываетъ, что каждому району губерній и областей нашего степнаго юга, нуждающихся въ рабочихъ, соотвѣтствуетъ группа отпускающихъ земледѣльцевъ губерній, которыя служатъ главными поставщиками сельскихъ рабочихъ для даннаго района. Эта группа губерній какъ бы приписана къ извѣстному району въ цѣляхъ поставки рабочихъ, хотя и изъ другихъ губерній туда же стекаются партіи земледѣльцевъ, въ значительно, однако, меньшемъ количествѣ и съ характеромъ случайнаго движенія. Иначе говоря,—изъ каждой губерніи, отпускающей рабочихъ, выходитъ обыкновенно два теченія сельскихъ отхож-

[1] См *Русскоз Обозрѣніе* № 1.

Digitized by Google

никовъ: одно главное и постоянное въ извѣстное мѣсто спроса, а другое въ меньшихъ размѣрахъ и болѣе перемѣнчивое въ одинъ или даже два другихъ района. Слѣдуетъ примѣтить, что Предкавказье, расположенное непосредственно южнѣе Донской области, привлекая къ себѣ самостоятельно много рабочихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ также прибѣжищемъ для тѣхъ неудачниковъ, которые не нашли себѣ дѣла въ Донской области или въ Новороссійскомъ краѣ. Оттого изъ нѣкоторыхъ губерній, далеко отстоящихъ отъ Предкавказья (Тульской), движеніе рабочихъ достигаетъ этого района.

Нижеслѣдующая таблица наглядно покажетъ эту группировку губерній [1].

Такимъ образомъ главнымъ контингентомъ губерній, снабжающихъ рабочими Новороссію являются: Полтавская, Кіевская, Черниговская, Орловская, Подольская, Волынская (послѣднія двѣ преимущественно посылаютъ рабочихъ въ Бессарабію) Харьковская и Курская [2]. Ничтоженъ приходъ рабочихъ въ этотъ

Откуда.		Куда.		
Изъ Тульской	въ Новороссію	Донскую обл.	Предкавказье	—
„ Рязанской	„ —	Донскую обл.	Предкавказье	—
„ Курской	„ Новороссію	Донскую обл.	Предкавказье	—
„ Орловской	„ Новороссію	Донскую обл.	Предкавказье	—
„ Тамбовской	„ Новороссію	Донскую обл.	Предкавказье	Заволжье.
„ Пензенской	„ —	Донскую обл.	—	Заволжье.
„ Симбирской	„ —	Донскую обл.	Предкавказье	Заволжье.
„ Саратовской	„ —	Донскую обл.	—	Заволжье.
„ Нижегородской	„ —	Донскую обл.	—	Заволжье.
„ Воронежской	„ Новороссію	Донскую обл.	Предкавказье	—
„ Харьковской	„ Новороссію	Донскую обл.	Предкавказье	—
„ Черниговской	„ Новороссію	Донскую обл.	Предкавказье	—
„ Кіевской	„ Новороссію	—	—	—
„ Подольской	„ Новороссію	—	—	—
„ Волынской	„ Новороссію	—	—	—
„ Казанской	„ —	Донскую обл.	—	Заволжье.
„ Полтавской	„ Новороссію	Донскую обл.	Предкавказье	—

[1] Таблица составлена на основаніи свѣдѣній, заключающихся въ вып. V изд. Деп. Зем. Сел. Пром., а также матеріаловъ, сообщенныхъ коммиссіи по упорядоченію отхожихъ промысловъ Имп. Вольн. Экон. Обществомъ и Имп. Моск. Об. Сел. Хозяйства.

[2] Каково распредѣленіе рабочихъ, приходящихъ въ Новороссію по губерніямъ отпуска можно видѣть изъ данныхъ опроса 1717 рабочихъ въ Каховкѣ и Херсонѣ:

Изъ Полтавской	губ.	593
„ Кіевской	„	201
„ Черниговской	„	280
„ Орловской	„	378
„ Калужской	„	80
„ Курской	„	53

и пр. менѣе сего. Сборн. Херс. Земст. 1891 г. № 8.

Digitized by Google

районъ изъ губерній Тульской (1 уѣздъ), Тамбовской (2 уѣзда), Воронежской (1 уѣздъ). Совсѣмъ не наблюдается движенія въ этотъ край изъ губерній Симбирской, Саратовской, Казанской, Пензенской, Нижегородской и Рязанской.

Донская область надѣляется рабочими преимущественно изъ губерній Харьковской, Тамбовской, Воронежской, Рязанской, Курской, Орловской и Тульской, слабѣе изъ Полтавской, Черниговской, Пензенской, Нижегородской. Ничтожно движеніе въ область изъ Симбирской, Саратовской губ. и не наблюдается его вовсе изъ Казанской, Кіевской, Подольской и Волынской.

Въ Предкавказье идутъ рабочіе главнымъ образомъ изъ губерній Курской, Харьковской, Воронежской, Тульской. Небольшое движеніе изъ губерній Орловской (изъ 2-хъ уѣздовъ), Тамбовской (2 уѣз.), Черниговской (3 уѣз.) и Симбирской (1 уѣз.), и совсѣмъ не идутъ на Кавказъ рабочіе изъ Тульской, Пензенской, Казанской, Саратовской, Кіевской, Подольской, Волынской и Нижегородской.

Въ Заволжье направляются въ массѣ сельскіе рабочіе изъ губерній, прилегающихъ къ Волгѣ, каковы: Казанская, Нижегородская, Симбирская и Саратовская, и сосѣднихъ съ ними, какъ Пензенская и Тамбовская. Небольшой приходъ рабочихъ бываетъ также изъ Рязанской и Курской и не наблюдается вовсе движенія таковыхъ изъ губерній Тульской, Орловской, Черниговской, Воронежской, Харьковской, Полтавской, Кіевской, Подольской и Волынской.

Когда сложились эти направленія народнаго рабочаго движенія и что оказало на это вліяніе, сказать трудно. Въ Малороссійскихъ губерніяхъ обыкновенно народъ руководствуется старыми чумацкими трактами, которые имѣютъ направленіе прямыхъ линій, насколько это допускается расположеніемъ по территоріи большихъ селъ, служащихъ между прочимъ рынками найма рабочихъ; затѣмъ движеніе рабочихъ наблюдается вообще по прежнимъ большимъ трактамъ, по желѣзнымъ и воднымъ путямъ, а также вдоль полотна желѣзныхъ дорогъ.

Съ приближеніемъ времени, въ которое уходящіе на сторону крестьяне привыкли трогаться съ своихъ мѣстъ,—начинается обыкновенно среди нихъ горячка сборовъ и броженіе, которое иногда отражается на всемъ мѣстномъ населеніи. „Лишь только наступаютъ послѣднія числа апрѣля,—сообщаетъ Московскому Обществу Сел. Хоз. воронежскій помѣщикъ Шраммъ,—какъ начинается броженіе между рабочими. Это самое непріятное для

Digitized by Google

хозяевъ время. Самые тихіе рабочіе, которые отличались своею мягкостью раньше, уже не говоря про буяновъ, начинаютъ испытывать терпѣніе хозяина, дѣлая имъ порученное дѣло умышленно скверно: все ломаютъ, рвутъ, калѣчатъ рабочихъ животныхъ, не слушаютъ надсмотрщиковъ, и всячески задергиваютъ хозяина. Это тянется недѣли двѣ. Затѣмъ, около 9-го мая, количество рабочихъ начинаетъ все таять,—такъ что у васъ сегодня работало 20 сохъ, а на завтра работаетъ 15 сохъ. Наконецъ, приходится замѣнять недостающихъ поденьщиками, если бываетъ возможность замѣнить; если же не бываетъ, то хозяйство остается съ однимъ хозяиномъ и надсмотрщиками, а рабочая сила отсутствуетъ. Уходятъ срочные, годовые и мѣсячные, и такъ какъ деньги при наймѣ забраны впередъ, то они и пропадаютъ безвозвратно, а договорные листы рабочіе бросаютъ хозяину. Это время,—прибавляетъ Шраммъ,—ужасно для хозяйства и эти уходы въ сильной степени расшатываютъ порядокъ дѣла".

Мѣстные годовые работники,—сообщаетъ тому же Обществу управляющій воронежскими имѣніями Суханова-Подколзина, Жуковъ,—въ страдную пору стараются сбѣжать. Какъ только начинается косовица — если работникъ чуть въ заборѣ—непремѣнно уйдетъ; если за нанимателемъ небольшая сумма, напримѣръ, за 1 мѣсяцъ—тоже уйдетъ, а вернувшись съ заработковъ, явится за заслуженными деньгами.

Если и не повсемѣстно наблюдается подобное неблагопріятное вліяніе сельско-хозяйственныхъ отхожниковъ на мѣстное рабочее населеніе, то въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ отхожее движеніе становится чрезмѣрнымъ[1], помѣщики жалуются на нарушеніе рабочими, стремящимися неудержимо на сторону, договоровъ съ владѣльцами, которые бываютъ вынуждены нанимать вновь рабочихъ по болѣе высокимъ цѣнамъ и нести убытки [2].

Характеристическое изображеніе того, какъ иногдао рганизуются партіи рабочихъ для движенія въ отходъ, мы находимъ въ сообщеніи Вольно-Экономическому Обществу волостнаго писаря Воздвиженской волости, Никольскаго уѣзда, Самарской губ.

---

[1] Что происходитъ отчасти отъ того, что, послѣ хорошаго заработка, ходявшіе на сторону рабочіе на слѣдующій годъ заманиваютъ односельчанъ и тѣмъ увеличиваютъ число уходящихъ.

[2] Ново-Оскольская управа Курской губ.—въ представленіи курскаго губернатора Министру Внутреннихъ Дѣлъ 8 февраля 1890 г. № 781. Сельско-хозяйственныя и статистич. свѣдѣнія, вып. V, изд. Деп. Зем. и Сел. пром., стр. 82.

Digitized by Google

„Въ селѣ Андросовѣ заслышали, что въ Новоузенскомъ уѣздѣ, Самарской губ. или въ Уральской области хлѣба добропорядочны, жнитва будетъ въ высокой цѣнѣ,—и молва объ этомъ (какъ потомъ оказалось вздорная) въ селѣ распространилась быстро: узнали всѣ и каждый ждетъ не дождется той поры, когда имъ отправиться въ обѣтованную землю. Вдругъ заслышали, что Степанъ Баринсвъ собирается идти или ѣхать на жнитво; по утру уже всѣ готовы. Собралась толпа—одинъ провожаетъ сына со снохою, другой сына съ дочерью, и набралось андросовцевъ за селомъ артель человѣкъ въ 40 обоего пола. Выслушали родительскій совѣтъ и тронулись въ путь въ степь широкую и всѣми удобьями привольную...“

Изъ кого же въ большинствѣ случаевъ состоятъ партіи отхожихъ рабочихъ? Отсутствіе повсемѣстныхъ наблюденій препятствуетъ дать прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ. Однако, опросъ 2,017 рабочихъ, произведенный въ 1890 г. въ мѣстечкѣ Каховкѣ, Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губерніи, и въ Херсонѣ на ярмяркахъ, въ земскихъ амбулаторіяхъ, врачами [1], представляетъ возможность придти къ нѣкоторымъ выводамъ. Изъ пришлыхъ на лѣтніе заработки въ Херсонскую и Таврическую губерніи рабочихъ оказалось:

	мужчинъ	%	женщинъ	%	всего	%
до 15 лѣтъ	22	2,3	8	2,3	30	2,3
отъ 15 до 20	256	26,8	216	71,8	472	38
„ 20 „ 60	614	64,2	40	14	654	52,7
старикъ.	1				1	

при этомъ:

среди мужчинъ		%	среди женщинъ		%
холостыхъ	1101	47	дѣвицъ	356	78,4
женатыхъ	1081	46	замужнихъ	73	16
вдовцевъ	64	2	вдовъ	4	

И такъ среди идущихъ на заработки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ преобладаетъ молодой, цвѣтущій возрастъ. Между рабочими мужчинами около ½ составляетъ молодежь не старше 20 лѣтъ. Работницы (около ¼ всѣхъ рабочихъ) состоятъ почти исключительно изъ молодыхъ дѣвушекъ. Такой-то земледѣльческой силѣ нашей центральной полосы приходится нерѣдко пробродить по степямъ юга безъ работы и возвращаться въ свои

[1] Сборникъ Херсонскаго Земства 1891 г. № 8, статья Тезякова, стр. 28.

Digitized by Google

мѣста истощенной физически и растратившей всѣ тѣ скудныя средства и запасы, которые были взяты на дорогу. А между тѣмъ, съ какимъ трудомъ и подъ какими тяжкими условіями добываются этою бѣднѣйшею частью населенія средства для пути на дальніе заработки. По матеріаламъ лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ Херсонской губ. [1] среди ежегодно приходящихъ рабочихъ *около 30% бываетъ новичковъ, идущихъ на заработки въ первый разъ*; число такихъ новичковъ въ 1893 году равнялось 41% и въ 1894 г.—21,6% всѣхъ рабочихъ. Голодные 1891 и 1892 года, подорвавъ въ корень многія хозяйства, вытолкнули въ отхожіе промыслы и такихъ рабочихъ, которые ранѣе могли кое-какъ еще питаться и на своей землѣ. Этимъ, вѣроятно, и нужно объяснить такую рѣзкую разницу въ процентномъ отношеніи рабочихъ впервые шедшихъ въ отходъ въ 1893 и 1894 годахъ. По свѣдѣніямъ того же источника *грамотные составляютъ не болѣе 11% общаго числа пришлыхъ рабочихъ*. Въ 1895 году лѣчебно-продовольственные пункты въ Елисаветградѣ и Бобринцѣ зарегистрировали слѣдующее процентное отношеніе грамотныхъ среди пришлыхъ рабочихъ:

Изъ Полтавской губ.	753 ч.,	то-есть	12,8%
„ Кіевской „	551 „	—	9,8%
„ Черниговской „	375 „	—	16 %
„ Херсонской „	159 „	—	12 %

Матеріальная нужда собирающагося въ отходъ крестьянина къ веснѣ обыкновенно достигаетъ своихъ наивысшихъ размѣровъ: въ домѣ не только нѣтъ денегъ, но часто не изъ чего печь хлѣбъ. А безъ денегъ нечего и думать собираться въ путь. Прежде всего нужно отправиться въ волость и выправить надлежащій паспортъ. Отправляющіеся на заработки въ большинствѣ случаевъ разсчитываютъ пробыть на работѣ по крайней мѣрѣ до Покрова (1 октября), а полугодовой билетъ стоитъ около рубля, да при этомъ рѣдко обходится, чтобы волостной писарь, для котораго время выхода рабочихъ составляетъ своего рода жатву, не воспользовался возможностью получить „магарычъ“. Вслѣдствіе этого многіе отправляющіеся вынуждены прибѣгать къ уловкѣ—брать мѣсячный билетъ, стоющій всего гривенникъ, съ цѣлью просрочить его на работѣ, или изъ выручки отъ работы послать деньги для полученія изъ своей во-

[1] Сельско-хозяйственные рабочіе. Тезяковъ, стр. 78.

Digitized by Google

лости паспорта на весь необходимый срокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [1] крестьяне находятъ способъ вовсе не расходоваться на паспортъ въ моментъ своего отправленія изъ дома, когда всякій грошъ для нихъ особенно дорогъ: они—партіями, человѣкъ въ 10, подряжаютъ себѣ извозчика, который уплачиваетъ за нихъ передъ выходомъ не только паспорта, но и всѣ причитающіяся съ нихъ подати—и покрываетъ потомъ свои издержки изъ задатковъ, получаемыхъ рабочими при наймѣ на работу.

Особаго рода „магарычъ“ выпадаетъ также на долю волостныхъ писарей при означеніи въ паспортахъ возраста подростковъ изъ рабочихъ, которые хотятъ по паспортамъ, вмѣсто полурабочихъ, прослыть полными рабочими, чтобы тѣмъ себѣ поднять цѣну на мѣстѣ найма. Особенно крестьянскія дѣвки прибѣгаютъ къ этому способу при помощи волостныхъ писарей, назначающихъ за то двадцатикопѣечную таксу. Въ надеждѣ на такія получки, писаря даже иногда занимаются вымогательствомъ, стращая дѣвокъ старшаго возраста, что запишутъ имъ въ билетѣ 15 лѣтъ. Особенно практикуется это въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, откуда отходитъ въ Новороссію масса женщинъ. Иногда и старики просятъ писаря скинуть имъ нѣсколько лѣтъ—все можетъ быть оттого рубля три лишнихъ при наймѣ и набѣжитъ.

Оформивъ получкою паспорта свое право идти на сторону искать работу, крестьянинъ долженъ еще достать „харчей“ и денегъ на дорогу. Провіантомъ онъ обыкновенно запасается съ такимъ разсчетомъ, чтобы хватило не только до мѣста назначенія, но, въ случаѣ надобности, осталось на обратный путь. Въ малороссійскихъ губерніяхъ эти дорожные „харчи“ состоятъ главнымъ образомъ изъ житныхъ сухарей, муки для галушекъ пшеничной и гречневой, крупъ и сала. Въ губерніяхъ великороссійскихъ провіантомъ служитъ хлѣбъ, пшено и сухари, такъ что рабочіе въ продолженіе всего иногда долгаго пути обыкновенно питаются „сухояденіемъ“.

Что касается до средствъ на дорогу, то обходятся безъ нихъ двѣ категоріи рабочихъ—съ одной стороны тѣ, которые находятся въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ выхода, а съ другой тѣ, коихъ хозяйственное положеніе самое плачевное. Первые совершаютъ свой путь на счетъ присланныхъ имъ заблаго-

[1] Отвѣтъ Давыдковскаго писаря Николаевскаго уѣзда, Самарской губ. **В. Э. О—ву.**

Digitized by Google

временно нанявшими ихъ хозяевами задатковъ [1], а послѣдніе, какъ нищіе, съ протянутою рукою, Христовымъ именемъ пробираются до мѣста найма [2].

Для остальныхъ сельскихъ отхожихъ рабочихъ размѣръ средствъ, которыя они берутъ на дорогу, зависитъ, не говоря уже о степени состоятельности данныхъ лицъ и возможности добыть деньги, отъ самаго способа передвиженія ихъ, а также отъ разстоянія конечнаго пункта, намѣченнаго ими пути отъ мѣста выхода. Вообще денежные запасы рабочихъ на дорогу колеблются отъ 20—30 к. [3] до 20 и болѣе рублей. Путемъ произведеннаго въ 1891 г. опроса 910 рабочихъ, шедшихъ изъ Харькова въ Таганрогъ, получились слѣдующія данныя о размѣрахъ суммъ денегъ, взятыхъ каждымъ изъ рабочихъ. Съ 5 руб. и меньше двинулись въ путь 260 человѣкъ, выше 5 и до 7 руб. имѣли 230 человѣкъ, выше 7 и до 10 имѣли 300 человѣкъ, до 15 р.—90 чел., до 20 руб. 20 чел., выше 20 руб.—10 человѣкъ [4].

Какъ же добываютъ себѣ крестьяне деньги на дорогу въ то время, когда ихъ нужда достигаетъ своего наивысшаго напряженія? Для сего у нихъ практикуются слѣдующіе способы:

1) Продажа своего имущества: продаютъ телушку или пару овецъ, послѣдній хлѣбъ [5] или даже почти послѣдніе свои пожитки [6].

2) Залогъ своей надѣльной земли. Совершается это слѣдующимъ образомъ: отхожій рабочій занимаетъ у богатаго крестьянина 10 руб., отдаетъ подъ залогъ десятину земли (подъ посѣвъ озимаго хлѣба) съ тѣмъ, что если онъ не вышлетъ черезъ мѣсяцъ вмѣсто 10 взятыхъ 12 рублей, то къ посѣву долженъ выкупить эту землю за 15 рублей (такимъ образомъ берутъ деньги въ большинствѣ случаевъ одиночки). Но вотъ онъ не нахо-

---

[1] Отвѣты въ Моск. Общ. Сел. Хоз. изъ Острогожскаго и Задонскаго уѣздовъ Воронежской губ., Кирсановскаго и Моршанскаго у. Тамбовской губ., Зеньковскаго у. Полтавской губ., Симферопольскаго и Мелитопольскаго у. Таврической губ.

[2] Отвѣты тому же Обществу изъ Бобровскаго у. Воронежской губ., Липецкаго у. Тамбовской губ., Мелитопольскаго Таврической губ.

[3] Отвѣтъ Симферопольск. Упр. Таврическ. г. въ Моск. Общ. Сел. Хоз.

[4] Записка объ отходѣ рабочихъ на земледѣльческіе заработки въ южныя степныя губерніи, составленная Тариф. Отдѣленіемъ Общаго Съѣзда представителей русскихъ жел. дорогъ, стр. 10.

[5] Отвѣтъ Мелитопольской Уп. Таврической губ. Вол. Экон. Обществу.

[6] Изъ Вышнедеревенской волости Льговскаго у. Курской губ. Вол. Экон. Обществу.

Digitized by Google

дить дорогого заработка, денегъ не высылается не только на выкупъ, но даже и на уборку хлѣба; по просьбѣ его жены, родные или сосѣди — хлѣбъ уберутъ и свезутъ, но конечно, не во-время; земля же подъ озимый посѣвъ остается въ залогѣ, сѣять нечего и денежныхъ повинностей платить тоже нечѣмъ,— вотъ хозяйство одиночки-крестьянина и разорилось въ конецъ. Между тѣмъ богачъ, раздавшій 200 рублей подъ залогъ 20 десятинъ, непремѣнно наживетъ около 100 рублей; нѣкоторые изъ должниковъ выкупятъ свои земли по 12 и 15 руб. за десятину, а оставшіяся въ залогѣ земли богачъ сдаетъ другимъ крестьянамъ по 18 или 20 руб. за десятину, получая въ задатокъ отъ 5 до 8 рублей, а остальныя деньги при уборкѣ хлѣба [1].

3) Залогъ вещей. Крестьяне собираютъ шубы, зипуны, холсты и отправляются къ ростовщику изъ богатыхъ односельчанъ, имѣющихъ много посѣва, которому закладываютъ за необходимую для нихъ сумму это имущество. Ростовщикъ беретъ ростъ, смотря по тому довѣрію, какое онъ можетъ имѣть къ закладывающему; напримѣръ, давая шесть рублей, онъ обусловливаетъ, что при возвращеніи выкупающій свое имущество долженъ будетъ уплатить уже не 6, а 8 или 9 рублей [2]. Другіе благодѣтели процентовъ не берутъ, но обязываютъ семейство должника, въ назначенное время въ указанномъ мѣстѣ скосить и связать соотвѣтствующую суммѣ долга площадь озимаго или яроваго посѣва [3]. Если рабочій возвратится домой съ пустыми руками, то для уплаты долга вынужденъ бываетъ продать корову или нѣсколько послѣднихъ овецъ, иначе семейству придется на зиму остаться безъ теплой одежды.

4) Послѣднимъ способомъ добыванія денегъ является заемъ у священниковъ, помѣщиковъ и мѣстныхъ кулаковъ. Съ помѣщикомъ договариваются на уборку и посѣвъ озимаго или на уборку одного яроваго—за цѣну отъ десятины 2 — 5 руб., за уборку и посѣвъ со взметомъ и двойкой—5 руб.,—взметать съ Николина дня. Передвоить долженъ кто-либо изъ семейетва отъѣзжающаго. Пишутъ условіе, свидѣтельствуютъ въ волости, получаютъ

---

[1] Письмо изъ Рождественской волости Землянскаго уѣз. Воронежской губ. Донкорева въ *Сельскій Вѣстникъ*, 1890 г. № 18, стр. 128.

Отвѣтъ изъ Чембарскаго уѣз. Пензенской губ. отъ Мачинскаго волост. писаря В. Э. Обществу.

[2] Отвѣтъ воронеж. помѣщика Шраммъ М. О. С. Хоз.

[3] Письмо изъ Рождест. вол. Землян. у. Воронеж. г. Донкорева въ *Сел. Вѣст.*, 1890 г. № 18, стр. 128.

Digitized by Google

впередъ деньги и отправляются въ путь.—Рѣзбогатѣвшій кулакъ прижимаетъ крестьянина, беря съ него 120% и болѣе годовыхъ [1].

Запасшись деньгами и „харчами“, справивши паспорты, рабочіе собираются выступать. Какими же соображеніями руководствуются они, избирая то или другое направленіе? Имъ напередъ не извѣстны ни виды на урожай травъ и хлѣбовъ, ни количество посѣянныхъ десятинъ, ни потребность въ рабочихъ рукахъ разныхъ районовъ спроса. Лишь тѣ рабочіе основываютъ свой выходъ на болѣе или менѣе вѣрномъ разсчетѣ, которые поставляются въ извѣстность о потребности въ рабочихъ рукахъ своими односельчанами, водворившимися въ южныхъ губерніяхъ, иногда торговцами, извозчиками и случайными посѣтителями губерній, куда они направляются [2], да еще тѣ, которые заблаговременно законтрактовались у нанимателей и получили отъ нихъ задатки.

Прочая же масса землевладѣльцевъ старается идти на старыя мѣста, преимущественно на прошлогодніе рынки найма, или же (очень рѣдко) прямо въ тѣ экономіи, гдѣ въ минувшее лѣто нанимались [3]. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Давыдковской волости, Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи [4],—даже „новые рабочіе обыкновенно получаютъ меньше платы и меньше задатку“.

Иногда привычные маршруты мѣняются рабочими подъ впечатлѣніемъ доходящихъ до нихъ слуховъ [5] о большихъ урожаяхъ

---

[1] Отчетъ объ изслѣдованіи отхожихъ промысловъ между Харьковомъ и Таганрогомъ.

[2] Отвѣтъ изъ Чембарской, Кузнецкой и Пронской Управъ В. Э. Обществу. Въ Мигородскомъ уѣздѣ данныя объ урожаяхъ и заработкахъ получаются при помощи щетинниковъ Таврической и Ставропольской губ. *Рус. Вѣдом.* 1895 г. № 99. „Весеннее передвиженіе сел.-хоз. рабочихъ“. А. Фортунатовъ.

[3] Отвѣтъ Елизаветградской Упр. Херсонской губ. В. Э. О—ву.

[4] Отвѣтъ волостнаго писаря тому же Обществу.

[5] Бываетъ впрочемъ и такъ, что сельскій староста, на основаніи газетъ, отговариваетъ рабочихъ идти въ тѣ или другія мѣста, и рабочіе слушаются, какъ это было въ 1889 г. въ Мачинской вол. Чембарскаго уѣзда, Пензенской губ., откуда рабочіе стремились тогда на Донъ (сообщеніе волостнаго писаря В. Э. О.). Нѣкоторые, получивъ уже на пути свѣдѣнія о плохомъ урожаѣ въ мѣстѣ направленія, возвращаются съ дороги домой (Кузнецк. Сар. губ.). Иные, имѣя знакомыхъ въ мѣстѣ спроса, посылаютъ съ дороги туда телеграмму, чтобы узнать, есть-ли работа, и, просидѣвши два дня и не получивши отвѣта, оставались въ нерѣшительности, идти или не идти. Половина изъ нихъ послѣ того отправилась на заработки, а по-

Digitized by Google

въ другихъ мѣстахъ, или вслѣдствіе понесенной въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ неудачи въ поискахъ за работою въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Другіе, возвращаясь домой (осенью), на большихъ узловыхъ станціяхъ собираютъ справки у товарищей о томъ, какія цѣны были въ различныхъ мѣстахъ, и туда, гдѣ больше платили въ прошлое лѣто, народъ двинется и въ настоящее и зачастую ошибется въ разсчетѣ [1].

Самое время выхода рабочихъ изъ дому бываетъ не вездѣ одинаково, находясь въ зависимости: 1) отъ предполагаемой работы, 2) отдаленности конечнаго пункта направленія рабочихъ отъ мѣста ихъ жительства и 3) способа ихъ передвиженія.

Въ составленной въ 1895 году Земскимъ санитарнымъ врачемъ Тезяковымъ книгѣ „Сельско-хозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора“ приведена нижеслѣдующая таблица, показывающая процентное отношеніе идущихъ въ Новороссію рабочихъ относительно времени выхода ихъ изъ дому, за 1894 годъ:

	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.
Всѣ вообще,.....	0,,7	0,,4	1,,2	6,,2	36,,7	47,,8	5,,2
Рабочіе Кіевской губ..	0,,1	0,,1	0,,6	3,,1	36,,6	53,,4	5,,3
„ Полтавской „	0,,1	0,,4	0,,8	13,,2	41,,2	40,,1	2,,5
„ Черниговск. „	0,,05	0,,9	2,,0	12,,8	48,,1	33,,1	2,,1
„ Подольской „	0,,1	0,,2	1,,0	1,,8	14,,5	60,,2	18,,0
„ Волынской „	—	1,,3	8,,0	15,,0	44,,4	23,,0	2,,7
„ Орловской „	12,	8,,8	15,,0	25,,4	26,,3	4,,0	2,,0
„ Курской „	9,,2	4,,0	18,,3	36,,0	27,,0	1,,5	—

Большая часть рабочихъ, по даннымъ, приведенной таблицы, уходитъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ—апрѣля, мая и іюня. Такое же наблюденіе о выходѣ рабочихъ даютъ отзывы помѣщиковъ, Земскихъ Управъ, Земскихъ Начальниковъ и волостныхъ писарей изъ губерній нашей черноземной полосы въ ихъ отзывахъ Вольно-Экономическому Обществу и Московскому Обществу Сельскаго Хозяйства. Согласно этимъ отзывамъ идутъ въ фев-

ловина вернулась домой. Это бываетъ довольно часто, прибавляетъ къ своему сообщенію В. Э. Обществу помѣщикъ Валуйскаго уѣз. Воронежской губ. Савоновъ.

[1] Объ организаціи метеорологическаго дѣла въ Россіи и урегулированіи передвиженія рабочихъ массъ на хлѣбный югъ. П—скаго. *Вѣстникъ Рус. Сельск. Хоз.* 1891 г. № 24, стр. 1280.

Digitized by Google

ралѣ и первыхъ числахъ марта почти исключительно тѣ рабочіе, которые или заблаговременно нанялись или имѣютъ опредѣленную цѣль поспѣть наняться для пахоты подъ яровые хлѣба. Въ послѣднемъ случаѣ рабочіе обыкновенно, по исполненіи этой весенней работы, возвращаются къ своимъ сельскимъ работамъ на родину [1]. Затѣмъ вся масса двигается въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ, поспѣшая къ уборкѣ травъ и хлѣба [2].

Разстояніе мѣста выхода отъ крайняго пункта направленія имѣетъ тутъ не послѣднее значеніе: крестьянину Калужской или Тульской губерніи, направляющемуся на Кавказъ, надо раньше собраться въ путь, чѣмъ Полтавскому крестьянину, идущему въ сосѣднюю Екатеринославскую или Херсонскую губернію, или же рабочему Симбирской и Казанской губерній, держащему путь въ Самарскія степи. Равнымъ образомъ пѣшеходъ долженъ разсчитать время, чтобы поспѣть къ полевымъ работамъ и не попасть на мѣсто позже отправляющагося на пароходѣ или слѣдующаго по желѣзной дорогѣ.

Вообще способы передвиженія рабочихъ представляютъ собою одну изъ печальныхъ сторонъ отхожаго движенія. Сколько въ существующихъ нынѣ примитивныхъ способахъ передвиженія рабочихъ тратится ими силъ, теряется здоровья, безвозвратно губится времени, которое нашимъ крестьяниномъ какъ будто и въ разсчетъ не принимается.

Главнѣйшій способъ передвиженія рабочихъ, коимъ слѣдуетъ огромное большинство, это переходъ *пѣшкомъ* до мѣста назначенія [3]. Это служитъ прежде всего подтвержденіемъ бѣдности

---

[1] Отвѣты изъ Острогожскаго и Задонскаго уѣз. Воронежской губер. и Темниковскаго—Тамбовской.

[2] Самый разгаръ посѣва яровой пшеницы въ 4-хъ губерніяхъ южной полосы происходитъ, въ среднемъ, около 15 марта—1 апрѣля, но временами онъ отодвигается до начала марта и даже половины февраля, при ранней веснѣ, — и до половины апрѣля и даже начала мая при поздней. Наибольшая напряженность работы по уборкѣ сѣнокосовъ выпадаетъ на время 1—15 іюня, отодвигаясь до половины и даже начала мая въ одну сторону и до конца іюля и даже до половины августа въ другую. Разгаръ уборки хлѣбовъ въ среднемъ выпадаетъ на время 1-й половины іюля, иногда на іюнь и даже конецъ мая при раннемъ поспѣваніи хлѣбовъ, и на августъ—при позднемъ. Записка Тарифнаго Отдѣла.

[3] Отвѣты изъ Задонскаго уѣз. Воронежской губ., Тимскаго — Курской, Прилукскаго—Полтавской, Нижне-ломовскаго—Пензенской, Симферопольскаго, Мелитопольскаго и Днѣпровскаго—Таврической. Записка Тарифнаго Отд. стр. 9—10; протоколы засѣданій XII Тарифнаго и 38 Конвенціоннаго Общ. Съѣзда представ. Росс. ж. д. 1893 г. стр. 24; по свѣдѣніямъ А. А. Ярошко $^3/_4$ идетъ пѣшкомъ.

Digitized by Google

идущаго люда, ибо пѣшее движеніе совершается и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проложены желѣзные пути, параллельно полотну желѣзной дороги [1].

Пѣшеходы отправляются въ путь или въ одиночку, или партіями отъ 2 до 30 человѣкъ и болѣе. Самые бѣдные, неимѣющіе средствъ нанять подводу, идутъ (напр. изъ Курской, Тамбовской и Полтавской губерній), въ большинствѣ случаевъ, группами въ нѣсколько (3—4, 10—15)человѣкъ, питаясь размоченными въ водѣ сухарями, а то Христовымъ именемъ [2]. Всѣ такіе рабочіе должны тащить всѣ свои вещи и припасы на своихъ плечахъ. Совершая утомительный и зачастую длинный путь, питаясь донельзя скудно, они еще терпятъ дорогою отъ властей: ихъ отовсюду гонятъ, съ площадей, съ улицъ, гонятъ деревенскія власти, гонитъ полиція.

Нѣсколько лучше положеніе рабочихъ, сравнительно болѣе обезпеченныхъ средствами, которые собираются въ партіи или артели по 10—15, 25—30 человѣкъ; нанимаютъ сообща подводу, или покупаютъ собственную, на которую складываютъ провизію, бѣлье, косы. Идущіе при подводѣ обязательно совершаютъ весь путь пѣшкомъ, такъ какъ владѣлецъ воза и лошади, и безъ того везущей пудовъ 20—30 клади, безусловно не позволяетъ никому садиться, развѣ только разрѣшитъ это на короткое время какой-либо дѣвушкѣ, которая до того „подобьется“, что идти ей положительно не въ моготу. Что представляютъ изъ себя ноги этихъ пѣшеходовъ, когда они добираются до ярмарки, можно себѣ представить легко. Когда сухо и пыльно, босикомъ идти еще ничего—говорятъ рабочіе; но если грязь захватитъ,—а бываетъ это нерѣдко,—то совсѣмъ бѣда, особенно дѣвушкамъ: отъ тяжелой обуви ноги пухнутъ, покрываясь ссадинами, мозолями. Каждый шагъ доставляетъ невыразимыя мученія, а идти надо, не оставаться же на дорогѣ одной. Партія не ждетъ, она спѣшитъ поспѣть во время къ ярмаркѣ, чтобы не пропустить наемку и, въ силу обстоятельствъ, не можетъ заботиться о приставшихъ или заболѣвшихъ членахъ артели. И вотъ дѣвушка сбрасываетъ обувь и шагаетъ босикомъ по холодной весенней грязи подергивающейся еще по утрамъ ледяною корой. Отсюда-то та масса больныхъ ревматизмами женщинъ, которыхъ приходится встрѣчать въ малорусскихъ деревняхъ.

---

[1] Записка объ учрежденіи агентства по найму рабочихъ для сельско-хозяйственнаго района Владикавказской ж. д. стр. 1.

[2] Записки Тарифнаго Отд. стр. 10—11.

Digitized by Google

Собственно дорожныхъ расходовъ въ строгомъ смыслѣ слова у рабочихъ описанной категоріи мало. Провіантъ во все время двухнедѣльнаго, а то и трехнедѣльнаго путешествія у нихъ свой. Ѣдятъ три раза: утромъ, выступая въ дорогу, въ обѣдъ и вечеромъ; при чемъ варится попеременно или каша или галушки (у Полтавцевъ—пшеничныя, у Кіевцевъ—большею частью гречневыя)). Провизія потребляется съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ израсходованіи ея каждый пайщикъ несъ равную долю. Съ мукой, саломъ и крупой обращаются очень экономно, какъ съ продуктами очень дорогими, такъ что расходуются большею частью сухари. Ими запасаются въ изобиліи, и они-то служатъ главнымъ источникомъ питанія рабочихъ въ дорогѣ. Болѣе запасливые набираютъ столько, что у нихъ, по приходѣ уже на мѣсто службы, остается еще по полмѣшка сухарей. Владѣлецъ подводы беретъ въ свою пользу по рублю и больше съ человѣка, но за то онъ содержитъ лошадь въ дорогѣ на свой счетъ. По большей части — это тотъ же рабочій, который, по приходѣ на ярмарку, спѣшитъ продать лошадь съ телѣгой и самъ становится на мѣсто.

По даннымъ *Записки Тарифнаго Отдѣла Общаго Съѣзда представителей русскихъ жел. дорогъ*, — стоимость подводы на человѣка отъ с. Рѣшетилова, Полтавскаго уѣзда, до с. Жебукова, Екатеринославскаго уѣзда, обыкновенно 50—70 коп.; изъ Кобелякскаго уѣзда въ Таврическую губернію—50 коп. Выше 1 руб. 50 коп. повидимому для Полтавцевъ расходъ по этой статьѣ не подымается. За путь же изъ сѣверной половины Курской губерніи [1] въ одинъ конецъ платится 2—3 руб., въ оба—3—5 руб. Путешествіе совершенно пѣшаго рабочаго изъ Курской губерніи обходится 5—7 руб., идущаго съ подводой 13—20 руб. въ оба конца. Продолжительность пѣшеходнаго путешествія изъ Курской въ Таврическую губернію равняется около 17 дней, на Донъ—19 дней, на Кубань – 27 дней [2].

---

[1] Куряне и Орловцы обыкновенно двигаются на Кавказъ съ подводами по старому Кавказскому тракту: черезъ Харьковъ, Изюмъ, Славянскъ, Бахмутъ, Ростовъ, Нахичевань, Егорлыкъ, Ставрополь.

[2] По свѣдѣніямъ доктора Тезякова (*Сельско-хозяйственные рабочіе* стр. 43) продолжительность пребыванія въ дорогѣ пѣшихъ партій рабочихъ, выражается въ слѣдующихъ примѣрахъ. Рабочіе изъ Мглинскаго уѣзда, Черниговской губерніи, вышли изъ дому 15 апрѣля, прибыли въ Каховку (Таврической губерніи) черезъ 19 дней. Партія изъ Новозыбковскаго уѣзда той же губерніи, пробывъ въ дорогѣ 14 дней, большею частью шла всю

Digitized by Google

Изъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи [1] въ Донскія степи путь рабочими совершается въ 20 дней: на Пензу 160 вер., отсюда на Саратовъ 160 вер. — пѣшкомъ въ 9 дней; изъ Саратова до Царицына пароходомъ 1 сутки (съ платой по 1 руб. на человѣка); изъ Царицына 400 верстъ степью.

Вообще расходъ на передвиженіе рабочихъ, начинаясь съ подаянія, простирается въ оба конца до суммы въ 30 руб. [2]

По вычисленію земскаго санитарнаго врача Тезякова [3] изъ всей массы рабочихъ *70% прибываютъ въ Херсонскую губернію пѣшкомъ;* изъ нихъ 23% для перевозки вещей нанимаютъ подводы. Если принять во вниманіе, что въ Херсонскую губернію для найма приходитъ не менѣе 125 тыс. человѣкъ, которыми слѣдовательно тратится на переходъ около 12.500.000 дней, то въ переводѣ на деньги, при минимальной стоимости рабочаго дня въ 25 коп.,—*эта потеря рабочаго времени выразится суммой въ слишкомъ 4 милліона рублей* [4]. Отхожій промыселъ, сопряженный съ рискомъ ничего не заработать, требуетъ со стороны идущаго прежде всего расходовъ. А между тѣмъ въ отходъ идетъ бѣднота, которая должна выбирать болѣе дешевые способы передвиженія, не обращая вниманіе на огромную потерю времени при этомъ. Такимъ дешевымъ передвиженіемъ является пѣшее хожденіе, во время котораго, въ случаѣ, если не достанетъ запаса провизіи, если истратятся послѣдніе гроши, взятые на дорогу, легче можно пропитаться Христовымъ именемъ, чѣмъ ѣдучи по водѣ или по желѣзной дорогѣ.

Другимъ [5] способомъ передвиженія рабочихъ на лѣтніе заработки служитъ путешествіе водными путями: 1) по Днѣпру и

дорогу пѣшкомъ. Рабочіе изъ Брянскаго уѣзда прибыли въ Каховку только на 24-й день: всю дорогу шли пѣшкомъ, минуя пароходное и желѣзнодорожное сообщеніе. Рабочіе изъ Пирятинскаго уѣзда, выйдя изъ дома 23 апрѣля, прибыли въ Каховку на 10 день, всю дорогу на протяженіи слишкомъ 400 верстъ совершили пѣшкомъ. Рабочіе изъ Переяславскаго уѣзда, пробыли въ дорогѣ 20 дней: отъ Кіева до Екатеринослава плыли пароходомъ, а далѣе черезъ Александровскъ и Никополь въ Каховку шли пѣшкомъ и пр.

[1] По сообщенію Моск. Общ. Сел. Хоз. Попова, управляющаго имѣніями кн. Трубецкаго.

[2] Сообщеніе туда же изъ Темник. у. Тамбов. губ.

[3] Сельско-хозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора. Херсонъ, 1895 г., стр. 36.

[4] Тамъ же, стр. 37.

[5] Записка Тарифнаго Отд. стр. 11.

Digitized by Google

его притокамъ (напр. изъ Орловской, Черниговской губ., изъ Золотоношскаго, Переяславскаго уѣз. Полтавской губ., Чигиринскаго Кіевской) до мѣстечка Каховки, Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губерніи, расположеннаго на низовьѣ Днѣпра, или до какой нибудь промежуточной пристани (напр. Екатеринослава) съ тѣмъ, чтобы затѣмъ двинуться дальше пѣшкомъ или по желѣзной дорогѣ;

2) по Дону—изъ прилегающихъ къ нему уѣздовъ Тамбовской или Воронежской губерній;

3) по Волгѣ—изъ Нижегородской, Казанской, Симбирской и Саратовской губерній.

По Волгѣ плывутъ на пароходахъ и баржахъ, по Дону на лодкахъ [1], по Днѣпру на пароходахъ, на наемныхъ или собственныхъ лодкахъ, такъ называемыхъ „дубахъ“.

„Дубомъ“ называется большая лодка, грубо сдѣланная исключительно изъ дерева, въ которой даже связью досокъ служатъ тоже не желѣзные гвозди, а деревянные „табли“. Стоимость дуба на мѣстѣ равняется 30—40 рублямъ. Покупается онъ большею частію однимъ лицомъ (рѣдко въ складчину), которое беретъ съ ѣдущихъ рабочихъ условную плату. Размѣры дуба не всегда одинаковы: есть берущіе 20 душъ, и есть такіе, которые выдерживаютъ 50 человѣкъ. Слѣдуетъ замѣтить, что дубъ по большей части грузится очень добросовѣстно, такъ что сидитъ въ водѣ чуть не до самыхъ краевъ. Хозяинъ его назначаетъ такую плату, чтобы помимо стоимости дуба получить еще процентъ на затраченный капиталъ, такъ какъ каждый дубъ, отправляемый въ Каховку съ рабочими, служитъ только на одинъ разъ. По пріѣздѣ на ярмарку, его стараются сейчасъ же продать за нѣсколько рублей на дрова.

Время, уходящее на дорогу при путешествіи дубомъ, почти равняется времени, употребляемому пѣшеходами. Дубъ движется скорѣе человѣка, но водный путь длиннѣе, такъ какъ Днѣпръ загибаетъ большія колѣна. Изъ Чигиринскаго уѣзда трогаются обыкновенно послѣ Егорія (23 апрѣля) и прибываютъ въ Каховку 6—7 мая. Но зато условія дороги на дубахъ несравненно лучше и удобнѣе, и рабочіе, прибывшіе этимъ путемъ, сразу же узнаются опытнымъ глазомъ: они рѣзко выдѣляются своимъ свѣ-

[1] Изъ Семейской волости Острогож. уѣз. Воронеж. губ. рабочіе отправляются на лодкахъ по р. Дону и прибываютъ въ слободу Мартыново, Дон. обл., на Троицкую ярмарку черезъ 2 недѣли. *Сельск. Вѣст.* 1889, № 46.

Digitized by Google

жимъ, бодрымъ видомъ. Особенной силы для движенія впередъ дубъ не требуетъ и, хотя пары 3—4 постоянно шевелятъ веслами, но только больше для формы, такъ какъ теченіе по Днѣпру довольно сильное. На ночь и въ обѣденную пору причаливаютъ гдѣ нибудь къ берегу. Провіантомъ запасаются всѣ изъ дому и пользуются имъ на такихъ же основаніяхъ, какъ пѣшеходы. Бо́льшая часть дубовъ проводитъ въ дорогѣ недѣли двѣ, при чемъ дальше Каховки дубы почти никуда не ходятъ, кромѣ тѣхъ, которые держатъ путь на Херсонъ. Въ общемъ можно предполагать, что дубами идетъ сравнительно ничтожное количество,— не само по себѣ, а въ сравненіи съ тою громадною арміей, которая движется пѣшкомъ.

Но зато путешествіе дубами имѣетъ свою темную сторону. Если пѣшеходы добираются до мѣста крайне утомленными, то все-таки они прямо не рискуютъ жизнью. Между тѣмъ Днѣпръ требуетъ каждый годъ жертвъ отъ плывущихъ рабочихъ — въ видѣ десятковъ потонувшихъ. Не проходитъ года безъ того, чтобы одинъ, два, а то и больше переполненныхъ дуба не пошли ко дну съ ихъ пассажирами. Расшалится неосторожная молодежь, набѣжитъ сбоку волна отъ проходящаго парохода, ударитъ какъ нибудь своимъ острымъ угломъ одинъ изъ тяжелыхъ плотовъ, которые иногда идутъ внизъ чуть-ли не сплошною линіей—и крайне неустойчивый дубъ, потерявъ равновѣсіе, переворачивается вверхъ дномъ. Бьетъ ихъ иногда теченіе о камни Днѣпровскихъ пороговъ. Года два тому назадъ дубъ съ полсотнею рабочихъ, по безпечности задремавшихъ гребцовъ, попалъ подъ колеса мельницы, и спасти удалось всего нѣсколько человѣкъ. Въ то же почти время на другой дубъ, среди бѣла дня, наскочилъ пароходъ Днѣпровскаго Общества, при чемъ утонуло около 15 человѣкъ. Въ 1895 году прибывшіе въ Каховку разсказывали, что на порогахъ разбился дубъ и погибло 5 человѣкъ. Вскорѣ затѣмъ въ Каховку пришли и потерпѣвшіе рабочіе, плывшіе на этомъ дубѣ и успѣшіе спастись. Видъ этихъ несчастныхъ былъ ужасный, весь скарбъ потонулъ; несчастные, не имѣя гроша, въ продолженіе остальнаго пути, совершеннаго уже пѣшкомъ, питались Христовымъ именемъ [1].

Слѣдующимъ, въ смыслѣ повышенія стоимости пути, способомъ передвиженія рабочихъ на югъ служатъ пароходы. Путь паро-

---

[1] Сельско-хозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора въ Херсонской губерніи. Н. И. Тезякова. 1895 г. стр. 34.

Digitized by Google

ходомъ сверху по Днѣпру до Екатеринослава избираетъ значительная часть рабочихъ, преимущественно изъ числа тѣхъ, которые отправляются не въ Новороссію, а въ Черноморье, куда рабочее движеніе все болѣе и болѣе увеличивается. Дорога пароходомъ стоитъ сравнительно не дорого: отъ главныхъ мѣстъ, гдѣ садятся рабочіе, до Екатеринослава немного болѣе рубля. Но повидимому вопросъ о движеніи рабочихъ партій на пароходахъ мало обращаетъ на себя вниманіе администраціи, ибо вопреки стремленію правительства достигнуть удешевленія тарифовъ для проѣзда рабочихъ—какъ это замѣчается относительно желѣзныхъ дорогъ—по отношенію къ пароходному движенію происходитъ совершенно обратное. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда оба, вошедшія теперь въ стачку, днѣпровскія пароходныя Общества конкуррировали другъ съ другомъ, проѣздъ рабочаго обходился всего 20 коп., а движеніе рабочихъ пароходами было весьма большое [1]. Но теперь обстоятельства измѣнились и плата за провозъ, ничтожная всетаки по сравненію съ желѣзнодорожными тарифами, увеличена почти въ пять разъ.

Какъ происходитъ это движеніе, какъ „грузятъ“ рабочихъ на пароходы, объ этомъ свидѣтельствуетъ А. А. Ярошко, бывшій очевидцемъ въ періодъ рабочаго движенія такого переполненія рабочими днѣпровскихъ пароходовъ „Царевичъ“ и „Теща“, при которомъ отхожники не имѣли возможности отъ тѣсноты не только сѣсть или лечь, но даже сложить съ плечъ котомки, и такимъ образомъ вынуждены были въ продолженіе всего рейса простоять на ногахъ съ тяжелыми котомками за спиною [2]. Въ

[1] Чтобы изъ Таганрога попасть въ Предкавказье часть рабочихъ совершаетъ переѣздъ черезъ море до Ейска, а далѣе идутъ пѣшкомъ до мѣста назначенія. Но на пароходный билетъ часто у рабочихъ не хватаетъ денегъ. Начинаются моленія объ уступкѣ платы за билетъ, но они ни къ чему не приводятъ: пароходовладѣльцы ничего не уступаютъ рабочимъ изъ обыкновенной платы за проѣздъ. Тогда рабочимъ приходится, въ числѣ нѣсколькихъ лицъ, нанимать баркасъ и на немъ, съ опасностью жизни, переѣзжать море. (*Таганрогскій Вѣстникъ*. 1894 г. № 65).

[2] Вотъ какъ онъ описываетъ это пароходное передвиженіе рабочихъ. „Пароходъ „Царевичъ“ представлялъ собою обычную картину, которую можно наблюдать на любомъ днѣпровскомъ пароходѣ, въ періодъ движенія рабочихъ на югъ. Помѣщенія третьяго класса были такъ плотно набиты рабочими, что тамъ буквально нельзя было пошевелиться. Мало этого: вся верхняя палуба, крыша вокругъ трубы, кожухи надъ колесами, — все было унизано живымъ грузомъ. Даже на палубѣ перваго класса нельзя было ступить двухъ шаговъ, чтобы не наступить кому-либо на ногу или на руку. Мы съ ужасомъ глядѣли на новые толпы

Digitized by Google

виду судоходныхъ неурядицъ на Днѣпрѣ крайне непріятно бываетъ также положеніе рабочихъ, возвращающихся съ заработковъ. По сообщенію *Крымскаго Вѣстника* [1], всѣ рабочіе, возвращающіеся изъ Таврической, Херсонской и другихъ губерній юга, направляются въ Екатеринославль. Число ихъ доходитъ до сорока тысячъ и въ ожиданіи получить билетъ для проѣзда на пароходѣ отъ Екатеринослава до Кременчуга, Канева, Переяслава и др. мѣстъ они располагаются на берегу Екатеринославскихъ пристаней, на холодномъ сыромъ пескѣ (такъ какъ Общество пароходства до сихъ поръ не надумалось устроить хотя бы временные навѣсы въ такихъ бойкихъ мѣстахъ, какъ Екатеринославль и Кременчугъ). Первое время въ этой массѣ слышится хохотъ, пѣніе и пляска. Это продолжается два-три дня. Затѣмъ, когда однообразіе надоѣдаетъ, начинается пьянство, драки и грабежи. Въ 1894 году, благодаря рѣдкому обилію воды въ Днѣпрѣ, Общество пароходства ежедневно отправляло по 10—12 большихъ и средней величины пароходовъ, нагруженныхъ рабочимъ людомъ настолько, что иголкѣ упасть было негдѣ. Въ общемъ выѣзжало изъ Екатеринослава ежедневно до 5000 ч. Въ 1895 г., по причинѣ мелководья, по Кременчуго-Екатеринославской линіи совершали рейсы пароходы средней величины и, не смотря на свою вмѣстительность, не могли брать и грузить столько, сколько грузили въ 1894 г., а рабочіе, въ ожиданіи очереди, проѣдали и пропивали свои заработки.

Движеніе рабочихъ по желѣзнымъ дорогамъ тоже не всегда представляетъ для нихъ желанное удобство и экономію силъ. Ран-

---

рабочихъ, поджидавшія насъ у каждой пристани. Казалось, не было никакой физической возможности взять еще десятокъ-другой человѣкъ, и безъ того негдѣ было яблоку упасть, но новыя толпы входили и входили и какъ-то таинственно умѣщались... Наконецъ, лежать рабочимъ уже было нельзя, лежавшихъ раньше матросы подняли пиньками, и вся масса людей буквально сидѣли другъ на друга. Днѣпровскія пароходныя общества наживаютъ исключительно отъ пассажировъ III класса, а между тѣмъ администрація парохода смотритъ на этихъ злосчастныхъ третьеклассниковъ хуже, чѣмъ на рабочій скотъ". По словамъ того же автора: „На пароходѣ „Теща" принимали рабочихъ, какъ овецъ, сколько помѣститься можетъ, стоя вплотную другъ къ другу. Вскорѣ вся палуба, рубка, даже кожухи парохода наполнилась стоявшими босоножками. Пароходъ былъ переполненъ ими такъ, что рабочимъ буквально не куда было сложить катомокъ, и онѣ висѣли, впродолженіе всего рейса, на спинахъ ихъ обладателей. Очевидно, ни о порядкѣ, ни о мѣрѣ нагрузки, какъ и всегда, вопроса не было".

[1] 1895 г. № 207.

Digitized by Google

ніе рабочіе, отправляющіеся на заработокъ въ февралѣ и мартѣ, которые, небольшими партіями, слѣдуютъ исключительно по желѣзнымъ дорогамъ—ибо для пѣшаго нѣтъ еще пути,—не пользуются удешевленнымъ тарифомъ, установленнымъ на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ для такъ-называемыхъ рабочихъ поѣздовъ, въ періодъ массоваго рабочаго движенія на югъ. Далеко не всѣ эти рабочіе двигаются, списавшись предварительно съ знакомыми хозяевами и заблаговременно наняты для пахоты подъ яровое—а, между тѣмъ, имъ приходится платить за билеты 6—10 и болѣе рублей, по тарифу III-го класса.

Передвиженіе въ рабочихъ поѣздахъ значительно дешевле, но за то лишено всякихъ удобствъ. Сбрасывая часть тарифа III-го класса, нѣкоторыя желѣзныя дороги грузятъ рабочихъ прямо въ товарные вагоны. Народъ набивается въ плотную, приспособленій въ вагонахъ никакихъ нѣтъ и при томъ подобнаго рода поѣзда проходятъ въ теченіе двухъ сутокъ то разстояніе, которое легко можно пройти въ полдня.

Въ засѣданіяхъ соединеннаго XII Тарифнаго и XXXVIII Конвенціоннаго Общаго Съѣзда представителей Русскихъ желѣзныхъ дорогъ, 5—27 мая 1893 года, гдѣ возбуждался между прочимъ вопросъ объ установленіи на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ льготнаго проѣзда рабочихъ—представитель Грязе-Царицынской жел. дороги [1] указывалъ на необходимость „предоставить рабочимъ, хотя бы нѣкоторыя удобства, какъ напримѣръ: возможность присѣсть во время переѣзда, продолжающагося иногда нѣсколько сутокъ, и принять мѣры къ возможному предотвращенію несчастныхъ случаевъ". Возражая представителю Уральской жел. дор., полагавшему для большаго пониженія провозной платы, перевозить рабочихъ въ простыхъ товарныхъ вагонахъ, хотя въ ущербъ удобствамъ помѣщенія рабочихъ, представитель Грязе-Царицынской жел. дороги находилъ нежелательнымъ поощреніе перевозки рабочихъ въ обыкновенныхъ товарныхъ вагонахъ и указывалъ на Грязе-Царицынскую дорогу, перевозящую рабочихъ въ вагонахъ, имѣющихъ двойныя стѣны, полъ, окна и скамьи, сквозные проходы и отапливаемыхъ въ холодное время [2].—Такимъ образомъ ненормальность отношенія желѣзныхъ дорогъ къ перевозкѣ рабочихъ сознается управленіями самихъ желѣзныхъ дорогъ, которыя, кромѣ удешевленія перевозки, дѣлаютъ, хотя и не повсе-

[1] Протоколъ, стр. 30—31.

[2] Такъ какъ рабочіе, отправляясь на работу иногда въ январѣ и февралѣ, возвращаются въ октябрѣ и ноябрѣ.

Digitized by Google

мѣстно, нѣкоторые шаги къ улучшенію условій переѣзда рабочихъ.

Вслѣдствіе высокой все-таки для рабочихъ платы за переѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, а также, быть можетъ, благодаря стѣснительности въ теченіе нѣсколькихъ дней и ночей ѣхать стоя, лишь небольшая часть рабочихъ, пользующихся желѣзною дорогою, совершаютъ по ней весь свой путь до мѣста найма. Большинство изъ нихъ слѣдуетъ отчасти по желѣзной дорогѣ, отчасти пѣшкомъ, присаживаясь въ вагонъ на нѣсколько станцій съ тѣмъ, чтобы снова часть дороги совершить пѣшкомъ. Такъ, напримѣръ, по даннымъ, собраннымъ въ началѣ 80-хъ годовъ Харьковскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, нѣкоторыя партіи Курскихъ рабочихъ, а также Черниговскихъ, Полтавскихъ и Харьковскихъ, часть пути, совершаютъ по желѣзной дорогѣ, часть пѣшкомъ. Харьковскіе садились на поѣздъ въ Славянскѣ и либо доѣзжали до Таганрога, либо высаживались на станціи Константиновкѣ Курско-Харьково-Азовской ж. д. Остальные ѣдутъ по дорогѣ до Харькова, затѣмъ идутъ пѣшкомъ до Славянска, гдѣ часть опять садится на поѣздъ. Изъ записей, относящихся къ 1,000 слишкомъ лицъ, двигавшихся этимъ смѣшаннымъ способомъ, видно, что, прежде чѣмъ сѣсть на поѣздъ, шли пѣшкомъ—около

440	человѣкъ.....	1—2 дня.
362	„	3—4 „
150	„	5—6 „
70	„	10 дней.
13	„	11 „

проѣхали по желѣзной дорогѣ разстояніе:

24— 70	верстъ.....	32	человѣка.
100—200	„	99	„
200—300	„	219	„
300—400	„	110	„
400—600	„	340	„
600—900	„	160	„
больше..... 900	„	36	„

Средній пробѣгъ 430 верстъ.

Свѣдѣнія о распредѣленіи перевозки рабочихъ по мѣсяцамъ имѣются [1] за 1891 годъ лишь по тремъ желѣзнымъ дорогамъ—

[1] Записка Тарифнаго Отдѣла, стр. 14.

Digitized by Google

Курско-Харьково-Азовской, Козлово-Воронежско-Ростовской и Харьково-Николаевской. На первой дорогѣ пониженный тарифъ примѣняется во всякое время, когда есть рабочіе, на второй сроки примѣненія льготнаго тарифа назначены: по направленію съ сѣвера на югъ—съ 15 апрѣля—по 15 іюня; съ юга на сѣверъ — 15 іюня по 15 ноября, причемъ въ случаѣ скопленія рабочихъ положенный тарифъ примѣняется и раньше; на 3-ей—съ 1 марта по 1 іюля и съ 1 августа по 1 декабря.

Слѣдуетъ примѣтить, что преимущественно желѣзными дорогами пользуются сельскіе рабочіе на обратномъ пути съ заработковъ домой, ибо тутъ они при деньгахъ. Этимъ пользуется, напр., Владикавказская желѣзная дорога, которая по утвержденію А. Аѳанасьева [1], „имѣетъ уменьшенный тарифъ проѣзда рабочихъ только въ одну сторону, назадъ же не дѣлаетъ уступокъ.“

Провезено рабочихъ.	по Кур.-Хар.-Азов.	по Козл.-Вор.-Рост.	по Хар.-Ник. [2]
въ февралѣ . .	—	—	720
„ мартѣ. . . .	11.493	3.701	2.729
„ апрѣлѣ. . .	18.520	5.061	6.420
„ маѣ.	46.922	55.504	3.922
„ іюнѣ	3.604	9.428	2.301
„ іюлѣ	29.305	35.780	1.031
„ августѣ. . .	10.227	15.504	4.513
„ сентябрѣ. .	12.173	10.181	3.652
„ октябрѣ. . .	22.198	17.566	18.168
„ ноябрѣ. . .	264	4.434	3.821
Всего. . .	154.706	156.762	47.369

Приведенныя цифры, помимо своего интереса, какъ наглядное свидѣтельство о скудости вообще движенія рабочихъ по желѣз-

[1] „Корреспонденція о движеніи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на югъ“. *Вѣстникъ Сел. Хоз.* 1892 г., № 2, стр. 43.

[2] Въ *Сборникѣ Херсонскаго Земства* имѣются свѣдѣнія о движеніи рабочихъ по Харьково-Николаевской жел. дор. за неурожайный 1892 годъ. Всего проѣхало по всѣмъ участкамъ этой линіи 50,314 рабочихъ. По мѣсяцамъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

въ январѣ..	150 чел.	въ маѣ.....	4,089 чел.	въ сентябрѣ	6,659 чел.
„ февралѣ.	905 „	„ іюнѣ....	2,540 „	„ октябрѣ.	18,522 „
„ мартѣ...	2,916 „	„ іюлѣ....	1,326 „	„ ноябрѣ..	4,018 „
„ апрѣлѣ..	6,833 „	„ августѣ.	2.154 „	„ декабрѣ..	202 „

Такимъ образомъ на весну приходится 13,838 чел.; на лѣто—6,020; на осень—29,199 и на зиму—1,257 чел.

Digitized by Google

нымъ дорогамъ (не превышающаго 200.000 отхожниковъ всякаго промысла въ одинъ конецъ по самымъ бойкимъ путямъ направленій), еще разъ подтверждаютъ, что въ апрѣлѣ и особенно въ маѣ происходитъ самое горячее передвиженіе рабочихъ на югъ и что большинство ихъ остается на работахъ до октября мѣсяца.

2.

Рабочіе въ районѣ найма.—Главнѣйшіе пути движенія рабочихъ и рынки для найма въ Херсонской губерніи.—Рынки найма въ другихъ мѣстахъ спроса.—Каховка.

Наконецъ рабочіе, тѣмъ или инымъ способомъ передвиженія, достигли степной полосы. Главнѣйшее время вступленія ихъ въ предѣлы губерній спроса, т. е. конецъ апрѣля и начало мая, есть самый важный моментъ для всякаго рода хозяйствъ, въ который они запасаются рабочими на предстоящую уборку травъ и хлѣбовъ. Примѣнительно къ этой потребности хозяйствъ, главное русло рабочаго движенія даетъ отъ себя множество развѣтвленій во всѣ стороны по второстепеннымъ трактамъ, углубляющимся въ самые отдаленные уголки нуждающихся въ пришлыхъ рабочихъ мѣстностей. Не только главное теченіе, устремляющееся къ самымъ крупнымъ центрамъ спроса на рабочія руки, но и второстепенные потоки рабочаго движенія направляются по наиболѣе населеннымъ мѣстнымъ пунктамъ. Въ крупныхъ центрахъ рабочіе спѣшатъ къ ярмаркамъ, бывающимъ въ весенніе мѣсяцы, преимущественно въ день Св. Троицы или Николая Чудотворца (Троицкія и Никольскія); во второстепенныхъ — на базары, которые въ теченіе всей рабочей поры по воскреснымъ днямъ (а въ нѣкоторыхъ пунктахъ Самарской губерніи по понедѣльникамъ) служатъ временемъ найма рабочихъ. Навстрѣчу этому движущемуся потоку земледѣльцевъ, спѣшатъ изъ своихъ хозяйствъ крупные и мелкіе наниматели въ находящіеся на пути движенія рабочихъ ближайшіе населенные пункты, въ ярмарочные и базарные дни, и заключаютъ съ рабочими условія и уводятъ ихъ съ собою на мѣсто работы. Но и помимо этого главнаго момента найма рабочихъ, въ теченіе всей страдной поры, по всѣмъ рынкамъ найма, происходитъ перекочевка рабочихъ, преимущественно для поденнаго найма. Въ такихъ чертахъ можно представить, такъ сказать, схему производства найма пришлыхъ рабочихъ.

Подробнаго изслѣдованія указанныхъ выше теченій рабочаго движенія по отдѣльнымъ районамъ спроса вообще не произво-

Digitized by Google

дилось, равно какъ нѣтъ обстоятельнаго изученія рынковъ найма. Тѣмъ цѣннѣе является описаніе главнѣйшихъ путей движеній рабочихъ и мѣстъ ихъ остановокъ (рабочихъ рынковъ) въ Херсонской губерніи, составленное земскимъ врачемъ Тезяковымъ, по даннымъ „статистико-экономическихъ описаній уѣздовъ“, пополненнымъ личными разспросами рабочихъ партій на рынкахъ и въ экономіяхъ и людей, хорошо знакомыхъ съ движеніемъ рабочихъ по отдѣльнымъ уѣздамъ [1].

Въ Херсонской губерніи главными рынками для найма пришлыхъ рабочихъ служатъ слѣдующіе пункты.

Въ Александрійскомъ уѣздѣ:

Желѣзно-дорожная станція *Знаменка*, въ которую съ поѣздами ежегодно прибываетъ отъ 3 до 6.000 рабочихъ, и изъ коей отправляется отъ 4 до 13.000 рабочихъ, является какъ бы входными воротами въ Херсонскую губернію для ищущихъ сторонняго заработка земледѣльцевъ. Изъ всего числа приходящихъ около 70% составляютъ Полтавцы (преимущественно Золотоношскаго и Лохвицкаго уѣздовъ), 18%—рабочіе Кіевской и 3% Черниговской губерній. Огромное большинство пришлаго люда проходитъ черезъ Знаменку въ Николаевъ, Херсонъ, и Каховку, остальные же направляются въ мѣстные рынки—Елисаветградъ, Казанку, Кривой Рогъ и пр. Только въ самое послѣднее время по ходатайству земства, Фастовская желѣзная дорога отводитъ для рабочихъ, принужденныхъ иногда сутки и болѣе ожидать на вокзалѣ поѣзда, большой сарай.

Станція *Доминская*. Въ ней собирается свыше 1.000 рабочихъ, изъ коихъ половину составляютъ Полтавцы и около 1/4 Кіевляне.

Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ:

Городъ Елисаветградъ служитъ значительнымъ рабочимъ рынкомъ. Въ устроенномъ земствомъ врачебно-продовольственномъ пунктѣ зарегистровано рабочихъ въ 1893 г.—10.600, въ 1894—10.108, въ 1895—6.740. Въ общемъ числѣ пришлыхъ рабочихъ крестьяне Полтавской губерніи (Золотноошскій уѣздъ) составляютъ 52%, Кіевской—41%, Черниговской 3%. Преимущественное время массоваго появленія рабочихъ—конецъ апрѣля, май и середина іюля, когда изъ Кіевской губерніи являются они съ лошадьми спеціально для перевозки со степей хлѣба. Въ Трои-

[1] Сельско-хозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора въ Херсонской губерніи. Херсонъ, 1895, стр. 44—63.

Digitized by Google

цынъ и Петровъ день пришлыхъ рабочихъ собирается по 2—3.000 человѣкъ. На площади рынка не имѣется навѣса для защиты собравшихся отъ непогоды.

Городъ Бобринецъ, удаленный отъ желѣзно-дорожной станціи на 50 верстъ, исключительно удовлетворяетъ мѣстному спросу на рабочія руки, всегда значительному. Здѣсь зарегистровано, при непослѣдовательномъ наблюденіи, въ 1893 году—9381 пришлыхъ рабочихъ, въ 1894—5.915, и въ 1895—7.394 человѣка. Преобладаютъ на этомъ рынкѣ Кіевскіе рабочіе (43—55%) сравнительно съ Полтавскими (26—37%). На средства города для пріюта рабочихъ приспособлены на 1.000 человѣкъ существовавшіе ранѣе Каменные загоны, надъ которыми устроены были сначала четыре парусинныхъ навѣса, а въ 1895 году два изъ нихъ замѣнены деревянными.

Городъ Вознесенскъ, какъ мѣстный рынокъ, имѣетъ менѣе важное значеніе, ибо съ нимъ конкурируютъ находящіяся неподалеку Березовка и Мостовка, отвлекающія рабочихъ. Въ Вознесенскѣ было зарегистровано рабочихъ въ 1893 г.—7.238 человѣкъ, въ 1894 г.—9.028, въ 1895—7.423 человѣкъ. Около 75% составляютъ Кіевскіе рабочіе (Каневскаго и Звенигородскаго уѣздовъ); Полтавцевъ (Золотоношскій, Переяславскій и Кременчугскій уѣзды) приходитъ всего 13%, а Черниговцевъ (Остерскаго уѣзда)—4% всего числа. Главное время найма—Троицынъ и Петровъ день, а также во все страдное время по воскреснымъ днямъ происходитъ наемъ поденныхъ и сдѣльныхъ рабочихъ. Въ 1895 году на ярморочной площади устроено земствомъ, при небольшой субсидіи отъ города, спеціальное помѣщеніе, въ видѣ небольшаго навѣса, въ одномъ концѣ котораго отгорожено помѣщеніе для амбулаторіи, въ другомъ кухня; середина служитъ столовой.

Новоукраинка, какъ большое торговое село, лежащее на пути движеній рабочихъ, идущихъ преимущественно (85%) изъ Каневскаго и Черкасскаго уѣздовъ, Кіевской губерніи, служитъ для нихъ мѣстомъ отдыха. Въ 1893 году было зарегистровано рабочихъ 3.854 человѣка, въ 1894—2.257, въ 1895 г. 2.024 человѣка. Никакихъ приспособленій для защиты рабочихъ отъ непогоды не сдѣлано на мѣстномъ базарѣ.

Казанка лежитъ на пути массоваго пѣшаго движенія рабочихъ въ Херсонъ, Николаевъ и особенно Каховку и служитъ также незначительнымъ мѣстнымъ рынкомъ найма. Въ 1893 году здѣсь было зарегистровано 2.433 рабочихъ, а 1894—1.994 человѣка,

Digitized by Google

въ 1895—2.826 человѣкъ; изъ нихъ большій процентъ даетъ Кіевская губернія (40%); Полтавская—38, Черниговская 3%. Наемъ рабочихъ происходитъ еженедѣльно по воскресеньямъ. Съ 1893 года рабочею биржей служитъ домъ и дворъ, безвозмездно уступленный для этого обществомъ.

Въ Ананьевскомъ уѣздѣ:

Голта служитъ этапнымъ пунктомъ передвиженія рабочихъ преимущественно изъ Кіевской губ. (94%). Въ теченіе двухмѣсячной дѣятельности земскаго лѣчебно-продовольственнаго пункта въ 1895 году было зарегистровано 9420 рабочихъ.

Бирзула лежитъ на пути движенія рабочихъ преимущественно изъ Подольской губ. (75%), но служитъ и мѣстнымъ рынкомъ, куда въ концѣ іюня и въ началѣ іюля сходятся партіи, уже побывавшія на болѣе бойкихъ рынкахъ, но не нашедшія тамъ спроса на свои руки. Всѣхъ рабочихъ въ Бирзулѣ въ 1894 г. было зарегистровано 4.112, въ 1895 г.—2.236. Этими цифрами однако далеко не исчерпывается значеніе Бирзуловскаго пункта: региструются на врачебно-питательныхъ пунктахъ только рабочіе *вновь* появляющіеся, между тѣмъ, черезъ нѣкоторый промежутокъ рабочіе, разъ уже записанные, опять появляются на этомъ же пунктѣ.

Мостовое служитъ однимъ изъ крупныхъ мѣстныхъ рабочихъ рынковъ. Воскресные базары въ немъ чередуются съ Березовкой, отстоящею отъ него на 25 верстъ, и рабочіе переходятъ изъ одного базара на другой. Въ Мостовое почти исключительно собираются рабочіе изъ Каневскаго, Звенигородскаго, частью Чигиринскаго и Таращанскаго уѣздовъ Кіевской губ. (97%). Въ 1895 г. было зарегистровано 4.348 ч.

Березовка, являющаяся крупнымъ хозяйственнымъ центромъ, издавна привлекала массу пришлыхъ рабочихъ, которые сюда стекались послѣ Каховской и Херсонской ярмарокъ. Прежде Березовка считалась вторымъ по величинѣ рабочимъ рынкомъ въ губерніи, но съ развитіемъ путей сообщенія и другихъ мѣстныхъ рынковъ значеніе ея нѣсколько ослабѣло. Полной регистраціи рабочихъ не было произведено. Около половины всѣхъ рабочихъ приходятъ сюда, пройдя такіе рынки, какъ Вознесенскъ и Мостовое. Преобладаютъ (82%) Кіевскіе рабочіе (изъ Каневскаго, Звенигородскаго, Таращанскаго и Липовецкаго уѣздовъ); Полтавцы даютъ не болѣе 7%, Подоляне—2%, Орловцы—3% и Куряне до 2% всего числа рабочихъ. Несмотря на важность этого пункта въ дѣлѣ найма на сельскія работы, здѣсь

Digitized by Google

нѣтъ постоянныхъ приспособленій для пріюта рабочихъ. Для лѣчебно-продовольственнаго пункта нанимается дворъ съ сараемъ, послѣдній приспособливается для амбулаторіи, столовой и ночлега на 100—150 человѣкъ. Въ хорошую погоду большинство рабочихъ располагается на дворѣ, въ дурную погоду расходятся, за невозможностью помѣститься въ пунктѣ, по еврейскимъ заѣзжимъ домамъ, гдѣ за 2—3 коп. съ души пользуются правомъ ночевать подъ навѣсомъ на голой землѣ, въ грязи, часто вмѣстѣ съ домашними животными. Мѣстные евреи, домовладѣльцы, дѣлаютъ для себя промыселъ въ сдачѣ такого рода помѣщеній для пришлыхъ рабочихъ. Партіи рабочихъ зазываются такими промышленниками на ночлеги еще за селомъ, и рабочіе соблазняются нахваливаемыми несуществующими удобствами.

Въ Тираспольскомъ уѣздѣ:

Петровъровка служитъ значительнымъ пунктомъ, куда рабочіе собираются къ базарнымъ воскреснымъ днямъ черезъ каждыя двѣ недѣли. Заходятъ сюда рабочіе изъ различныхъ мѣстностей большею частью уже разбитыми партіями. Въ 1894 г. было зарегистрировано рабочихъ изъ Кіевской губ. 35%, изъ Подольской—28%, Орловской—5½%, Полтавской—4% и ничтожный процентъ изъ губерній Черниговской, Курской, Тульской, Бессарабской и др. Рынокъ въ Петровѣровкѣ дѣлается болѣе оживленнымъ въ концѣ іюня и въ іюлѣ, когда приходятъ для найма на полевыя работы одесскіе мѣщане и чернорабочіе, проживавшіе зиму въ Одессѣ. Лѣчебно-продовольственный пунктъ устраивается въ спеціально-нанимаемомъ помѣщеніи, выходящемъ на выпасъ за селомъ. Помѣщеніе для столовой представляло большую свѣтлую казарму, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служила ночлежнымъ пріютомъ. Площадь передъ столовой служитъ обычнымъ сборнымъ пунктомъ рабочихъ.

Раздѣльная, какъ узловая жел.-дорожная станція, служитъ конечнымъ пунктомъ движенія рабочихъ изъ Подольской и отчасти Кіевской губерній; отсюда рабочіе пѣшкомъ идутъ къ мѣстнымъ рынкамъ: въ Петровѣровку, Яновку и др. Въ годы наибольшаго движенія рабочихъ ежедневно ихъ прибываетъ сюда 300—400 человѣкъ. Въ незначительной степени Раздѣльная служитъ и мѣстомъ для найма рабочихъ: по воскреснымъ базарамъ здѣсь собираются по 200—300 чел., которые обыкновенно быстро разбираются на поденные и недѣльные работы въ сосѣднія съ пунктомъ хозяйства. Регистраціи рабочихъ не велось; о значительности скопленія рабочихъ на станціи можно судить потому,

Digitized by Google

что, въ теченіе 2 мѣсяцевъ въ 1893 г., дешевой столовой было отпущено около 5 тыс. обѣдовъ. Однако пользовавшихся дешевымъ обѣдомъ было меньшинство рабочихъ. По составу рабочихъ на ст. Раздѣльной, рынокъ носитъ одинаковый характеръ съ Петровѣровскимъ. Лѣчебно-продовольственный пунктъ помѣщается въ построенномъ за 300 руб. земствомъ спеціальномъ каменномъ баракѣ.

Въ Одесскомъ уѣздѣ:

Городъ Одесса представляетъ значительный рабочій рынокъ: на Серединской площади особенно оживленный наемъ рабочихъ происходитъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. На ней выстраиваются балаганы съ различными инструментами для полевыхъ работъ, появляются будки съ съѣстными припасами къ услугамъ пришлыхъ рабочихъ; имѣется деревянный навѣсъ для 200 — 300 человѣкъ. Въ Одессу для найма на сельскія работы приходятъ Кіевляне, Полтавцы, Орловцы и др.

Яновка, находящаяся отъ Одессы въ 60 верстахъ, въ 40 — отъ Березовки и въ 25—отъ Петровѣровки, служитъ значительнымъ рынкомъ для найма рабочихъ въ хозяйства Одесскаго уѣзда. Наемъ происходитъ здѣсь въ базарные дни еженедѣльно по четвергамъ, когда въ теченіе іюня и іюля сюда сходятся рабочіе изъ Одессы, Петровѣровки, Березовки и др. сосѣднихъ рынковъ. Систематической регистраціи рабочихъ ни разу не производилось. Процентное отношеніе между приходящими сюда рабочими выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: изъ Кіевской губ.—35%, Орловской—20%, Подольской—15%, Полтавской—4%. Пріюта, тдѣ бы рабочіе могли укрыться отъ непогоды, въ Яновкѣ не имѣется, равно ощущается потребность въ доброкачественной водѣ.

Въ Херсонскомъ уѣздѣ:

Херсонъ служитъ однимъ изъ главныхъ рабочихъ рынковъ, куда сходятся тысячи рабочихъ къ Троицкой ярмаркѣ и куда приходятъ всѣ рабочіе, оставшіеся ненанятыми въ Каховкѣ. Во время послѣдней Троицкой ярмарки, съ 15 по 23 мая, т. е. въ теченіе 8 дней, было зарегистровано 5442 чел., въ ихъ числѣ 20% побывавшихъ ранѣе въ Каховкѣ. Подавлающую массу рабочихъ въ Херсонѣ составляютъ Полтавцы (59,₈%), затѣмъ слѣдуютъ пришлые изъ Кіевской губерніи (16,₇%), Черниговской (13%), Орловской (3%) и Херсонской (5%). Притокъ рабочихъ въ Херсонъ начинается обыкновенно за нѣсколько дней

Digitized by Google

до разгара ярмарки; сначала рабочіе прибываютъ медленно, небольшими партіями; вся же масса прибываетъ вдругъ и, въ теченіе 2 — 3 дней, ярмарка достигаетъ наибольшаго оживленія. Послѣ ярмарки значеніе Херсона, какъ мѣстнаго рынка, не велико; рынокъ немного оживляется по воскресеніямъ, когда происходитъ наемъ недѣльныхъ и дневныхъ рабочихъ; по 15 іюля послѣ ярмарки было зарегистровано только 1190 рабочихъ. Съ 1893 года въ Херсонѣ учрежденъ для пришлыхъ рабочихъ земскій врачебно-питательный пунктъ.

Берославъ имѣетъ по преимуществу значеніе, какъ конечный пунктъ на пути движенія въ Каховку, расположенную на противуположномъ берегу Днѣпра. Въ 1894 году зарегистровано 5614 рабочихъ, между которыми было пришлыхъ изъ Полтавской губ. 64,₈%, Кіевской—15%, Херсонской — 8,₈%, Черниговской—3%, Орловской—3%. Втеченіе всего лѣта въ Берославѣ бываетъ немало рабочихъ, но какихъ-либо приспособленій для ихъ пріюта нѣтъ.

Николаевъ является важнымъ рабочимъ рынкомъ. Мѣстомъ сбора рабочихъ служитъ Сѣнная площадь, гдѣ благотворительнымъ обществомъ устроено зданіе для дешевой столовой и навѣсъ для пріюта рабочихъ. Въ 1895 году съ 21 мая по 14 іюля на лѣчебно-продовольственномъ пунктѣ зарегистровано 4,409 рабочихъ; въ ихъ числѣ пришедшихъ ихъ Полтавской губерніи 70½% (одинъ Золотоношскій уѣздъ 46%), Кіевскій 15, Херсонскій 5, Черниговской—5, и не по многу изъ Орловской, Подольской и др.

*Новый-Буг*ъ, лежащій на пути массоваго движенія рабочихъ изъ Казанки и Бобринца въ Николаевъ и Херсонъ, служитъ большимъ мѣстнымъ рынкомъ. Со дня открытія земскаго продовольственнаго пункта, 11 іюня 1895 года, въ теченіе 2-хъ мѣсячнаго существованія его, по 15 августа, было зарегистровано 3,674 рабочихъ, среди которыхъ пришлыхъ изъ Кіевской губерніи 41%, изъ Полтавской—37%, Херсонской—14%, Черниговской—5% и т. д. Рабочіе располагаются на ярмарочной площади, группируясь преимущественно возлѣ ярмарочныхъ столиковъ и балагановъ. На этой площади бываетъ четыре ярмарки въ году, но площадь не очищается вовсе, почему она въ сильной степени загрязнена навозомъ. За отсутствіемъ на площади отхожихъ мѣстъ, таковыми служатъ промежутки между балаганами, отчего послѣдніе бываютъ буквально обложены человѣческими экскрементами.

Digitized by Google

Кривой Рогъ, лежащій на пути массоваго движенія рабочихъ изъ Полтавской губерніи въ Каховку, служитъ большимъ мѣстнымъ рынкомъ для найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Во время дѣйствія лѣчебно-продовольственнаго пункта въ 1894 году, съ 23 мая по 10 августа, было зарегистровано 3,700 человѣкъ, изъ нихъ Полтавская губернія поставила 41,$_{77}$%, Кіевская — 23%, Черниговская — 19,$_{8}$%, Херсонская —7,$^{1}/_{2}$%, Орловская—2%, Курская—1% и др. Въ виду поздняго открытія пункта масса рабочихъ, идущихъ въ Каховку, не могла быть зарегистрована. На рынкѣ замѣчается недостатокъ воды и отсутствуютъ приспособленія для пріюта рабочихъ.

За неимѣніемъ по другимъ мѣстностямъ степнаго юга подробнаго изслѣдованія путей движенія пришлыхъ рабочихъ, поневолѣ придется ограничиться простымъ перечисленіемъ тѣхъ рынковъ найма, которые встрѣчтются въ имѣющемся отрывочномъ матеріалѣ.

Для *Бессарабской* губерніи однимъ изъ главныхъ рынковъ является Аккерманъ, гдѣ рабочіе на базарѣ нанимаются главнымъ образомъ лишь въ страдную пору, собственно на косовицу и для жатвы [1].

Для *Екатеринославской* губерніи главными рынками найма служатъ, кромѣ Екатеринослава, Барвенково (Бахмутскаго уѣзда) и станція Лозовая Лозово-Севастопольской желѣзной дороги [2].

Для *Таврической* губерніи главнѣйшимъ рынкомъ служитъ Каховка [3], второстепенными—Симферополь, Карасубазаръ, Курменъ-Кемельчи, Алешки, Бердянскъ и др.

Для *Донской* области главными рынками найма рабочихъ служатъ:

1) въ Донскомъ округѣ—Криворожье (Троицкая ярмарка);

2) въ Задонскихъ степяхъ—Мартыновка (Троицкая и Петровская ярмарки);

3) въ Черкасскомъ округѣ—Кущевка и Ростовъ-на-Дону;

4) въ Міусской округѣ—Таганрогъ.

Изъ нихъ несомнѣнно первенствующимъ значеніемъ пользуется Ростовъ-на-Дону. Онъ служитъ не только главнымъ рынкомъ найма для Донской области, но и важнѣйшимъ этапомъ рабочему потоку, стремящемуся въ предкавказье. Въ немъ

[1] Сообщеніе Аккерманской Упр. В. Э. Обществу.

[2] Сообщеніе помѣщика Бахмутскаго уѣзда барона Фредерикса В. Э. Обществу.

[3] О Каховкѣ подробно ниже.

Digitized by Google

ежегодно перебываетъ до 150,000 рабочихъ. Съ предположеннымъ же устройствомъ центральной товарной станціи на площади между Ростовомъ и Нахичеванью, значеніе Ростова, какъ постояннаго рынка труда, по мнѣнію И. А. Звегинцова, посѣтившаго Ростовъ осенью 1895 года—несомнѣнно увеличится. Нынѣшнее устройство рабочаго рынка, замѣчаетъ онъ, на такъ-называемой „Ярмарочной площади“ въ Ростовѣ, хотя и нельзя назвать вовсе неудовлетворительнымъ, оставляетъ однако мѣсто для многихъ улучшеній въ санитарномъ и полицейскомъ отношеніяхъ, въ связи съ ожидаемымъ расширеніемъ станціи желѣзной дороги. Въ настоящее время имѣются хорошо содержимыя на городскія средства бараки, примѣрно на 500 человѣкъ: внутри нары, ночью горитъ фонарь, впускъ безплатный. Тутъ же стоитъ свободный обширный баракъ съ особымъ дворомъ и службами, принадлежащій тюремному комитету, приготовленный на холерное время, но не бывшій въ употребленіи, и еще большіе холерные бараки, которые, хотя и были подвергнуты въ свое время правильной дезинфекціи, но нѣсколько лѣтъ стоятъ безъ употребленія. На площади есть опредѣленные отхожія мѣста, но ближайшій кранъ городскаго водопровода слишкомъ далекъ. Слѣдовало бы провести воду до площади, а равно озаботиться о снабженіи рабочихъ дешевой пищей, поощреніемъ нѣкоторыми льготами устройства вблизи площади лавокъ для продажи необходимыхъ предметовъ продовольствія по установленной таксѣ и подъ наблюденіями санитарной полиціи [1].

Въ каждый изъ прочихъ рынковъ области Донской, въ извѣстное время, въ теченіе 3—4 дней, за сотни верстъ стекается масса нанимателей и тысячи рабочихъ [2]. Но, конечно, кромѣ этихъ главныхъ мѣстъ, гдѣ запасаются рабочими преимущественно болѣе или менѣе крупныя хозяйства, существуетъ множество второстепенныхъ пунктовъ найма въ базарные дни, когда мелкія хозяйства казаковъ и крестьянъ нанимаютъ на короткій срокъ рабочихъ въ страдную пору.

Для *Предкавказья*—главные рабочіе рынки: Екатеринодаръ, Ставрополь, Новороссійскъ, ст. Тихорѣцкая, Кавказская, Армавиръ.

Заволжье очень богато рынками для найма рабочихъ. Кромѣ

[1] Въ Ростовѣ-на-Дону до послѣдняго времени пришлые рабочіе были вынуждены, за неимѣніемъ какихъ-либо крытыхъ помѣщеній, въ ненастную погоду валяться на голой землѣ подъ открытымъ небомъ (*Русскія Вѣдомости*, 1895 годъ, № 116).

[2] Докладъ Полякова Донск. Общ. С. Х.

Digitized by Google

Самары,—для Новоузенскаго уѣзда рынками служатъ с. Перекопное, Міусъ, слобода Покровская; для *Николаевскаго*: Николаевскъ, Старая Порубежка, Балаково, Березово, хуторъ Таловой, Колдыбино, Самаровка, Большая Глушица, Николаевка, Семеновка, Перелюбъ, Ивантѣевка, Духовницкое, Екатериненштадтъ, Липовка, Марьевка, Пестровка, Макаровка, Утевка, Колокольцовка и Андросовка. Для дальнѣйшаго Заволжья рынками служатъ Оренбургъ; въ Уральской области—поселки Таловой и Озерной и др.

Но для Заволжья рынками также служатъ нѣкоторые города, лежащіе по сю сторону Волги. Таковыми являются города: Хвалынскъ (для Березоволукской и Хворостянской волостей Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи), Вольскъ (для Панинской волости, Николаевскаго и Міусской Новоузенскаго уѣздовъ Самарской губерніи) и Сызрань Симбирской губерніи. Въ Сызрани—по сообщенію уѣзной Управы В. Эк. Обществу—въ обыкновенное время на рынкѣ всегда можно найти 50—200 человѣкъ рабочихъ. Въ весеннее время число рабочихъ, преимущественно женщинъ, доходитъ до 500—800 человѣкъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ число косцовъ доходитъ до 1.000—1.500 человѣкъ, и наконецъ въ страдное время до 2.000 человѣкъ. Обыкновенно на Сызранскомъ рынкѣ никогда нѣтъ недостатка въ рабочихъ; напротивъ нерѣдко наплывъ рабочихъ бываетъ такъ великъ, что излишекъ направляется въ глубь Самарскихъ степей, несмотря на то, что на томъ же Сызранскомъ рынкѣ наемъ рабочихъ для жнитва производится для всѣхъ экономій, лежащихъ на лѣвомъ берегу Волги въ окружности 40—50 верстъ отъ Сызрани.

Обыкновенно полевыя работы начинаются въ первыхъ числахъ марта (плуженіе подъ яровые посѣвы), но бываютъ болѣе или менѣе рѣзкія отклоненія, то-есть, недѣлю—двѣ раньше или позже. А такъ какъ хозяева вообще нанимаютъ необходимыхъ имъ, для пополненія имѣющагося штата, рабочихъ въ самый послѣдній моментъ, дня за два до выступленія на работы въ степь, чтобы „не харчить даромъ“, то и выходитъ, что поторопившіеся (самые ранніе) рабочіе сидятъ въ ожиданіи погоды и связаннаго съ нею найма по недѣлѣ и болѣе на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ и вообще на рынкахъ найма [1], а опоздавшіе

[1] *Сельскій Вѣстникъ* № 45, 1890 г.: „Приходятъ сельскіе рабочіе (изъ Орловск. губ. Дмитровск. уѣзда) на мѣсто мѣсяца за 2 до уборки хлѣба и сѣнокоса и, не зная никакого мастерства, должны 2 мѣс. или болѣе бѣдствовать, напрасно прінскивая работы“.

Digitized by Google

всегда рискуютъ не найти работы, такъ какъ хозяева сразу запасаются необходимымъ до мая числомъ рабочихъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что условія скитаній и ожиданій въ мартѣ мѣсяцѣ неизмѣримо тяжеле лѣтнихъ. Въ это время года зима на югѣ проявляется съ особою силою, и въ мартѣ обыкновенно бываютъ самыя жестокія мятели со страшнымъ вѣтромъ. Послѣ прекраснаго солнечнаго дня температура вдругъ понижается до 10° по R. и начинается вьюга, черезъ день льетъ проливной дождь, растворяющій почву на полъаршина, и еще черезъ день дующій съ ужасною силою южный вѣтеръ срываетъ крыши, опрокидываетъ стога сѣна и валитъ съ ногъ человѣка. Ото всѣхъ этихъ рѣзкихъ и гибельно дѣйствующихъ перемѣнъ погоды рабочій совершенно ничемъ не защищенъ. Ни на вокзалахъ, ни въ большинствѣ городовъ нѣтъ никакихъ приспособленій, гдѣ-бы онъ могъ укрыться въ сухомъ и тепломъ мѣстѣ. Хорошо еще, если платформа, устроенная для желѣзно-дорожныхъ грузовъ, пустуетъ, и его не гонятъ оттуда. Ночлежные дома существуютъ, какъ исключеніе, въ двухъ-трехъ городахъ. Впрочемъ въ послѣднее время, по настоянію администраціи, на вокзалахъ Лозово-Севастопольской желѣзной дороги построено нѣсколько деревянныхъ бараковъ (въ качествѣ профилактической мѣры на случай появленія холеры)—куда рабочіе допускаются безъ стѣсненія.

Послѣдней категоріей рабочихъ, то-есть приходящихъ позже всѣхъ,—ко времени жатвы, а то и молотьбы, въ степяхъ Новороссіи являются плотовщики. Раннею весною, едва только тронется снѣгъ, полая вода поднимаетъ плоты, связанные у береговъ верховьевъ Днѣпра, Десны, Припети, Березины и множества впадающихъ въ Днѣпръ притоковъ.—Плотовъ этихъ цѣлыя тысячи, и они идутъ по теченію Днѣпра въ низовые города: Кременчугъ, Екатеринославъ и Херсонъ, которые представляютъ собою самые крупные центры лѣсной торговли въ степныхъ безлѣсныхъ губерніяхъ. Пока еще не сошла полая вода, связанныя изъ толстыхъ бревенъ неуклюжія четыреугольныя махины, еле двигаясь по фарватеру, еще нигдѣ не зацѣпляютъ дна. Но лишь только обнажились безчисленныя Днѣпровскія мели, для плотовщиковъ наступаетъ совершенная каторга. Не смотря на всѣ ихъ старанія, плоты то и дѣло упираются въ песокъ, и снимать ихъ приходится съ огромными усиліями. Въ довершеніе всего часто случается, что плоты, доведенные съ величайшимъ трудомъ до Екатеринослава, отправляясь дальше, гиб-

Digitized by Google

нутъ на порогахъ. На каждомъ плоту обыкновенно имѣется душъ 15 — 20 рабочихъ, по большей части бѣлоруссовъ и великоруссовъ Орловской губерніи (на плотахъ Десны). Получаютъ они за все время плаванія буквально гроши, а между тѣмъ выступивши изъ дому весною, они еле-еле добираются до мѣста въ въ іюнѣ, а то въ іюлѣ. У плотовщиковъ обыкновенно бываетъ два срока: Петра и Павла (29 іюня) и Иліи (20 іюля). Но случается и такъ (какъ было въ 1893 г.), что по причинѣ сильнаго обмеленія рѣки, плоты вмѣсто Херсона, къ іюлю попадаютъ только въ Кіевъ. Въ іюнѣ 1893 года въ Кіевѣ, въ судоходной дистанціи, за три дня перебывало болѣе 600 рабочихъ-плотовщиковъ, съ жалобами на свое положеніе. Дѣло въ томъ, что главный заработокъ плотовщиковъ заключается не въ платѣ, которую онъ получаетъ за прогонъ плотовъ, а въ полевыхъ работахъ. Добравшись до Херсона и Екатеринослава, они тотчасъ же двигаются въ степи, если имъ не удастся наняться на мѣстномъ рынкѣ. Ихъ работа преимущественно помѣсячная и поденная, большею частью при молотьбѣ, въ качествѣ возовиковъ, или возлѣ машинъ. Въ хорошій годъ всѣ они находятъ дѣло, и иногда въ два мѣсяца вырабатываютъ такую же сумму, какую получаютъ сроковые рабочіе за $4^1/_2$. Но если урожай плохъ, плотовщикамъ приходится хуже, чѣмъ кому бы то ни было, такъ какъ во время ихъ прихода сроковыхъ уже не нанимаютъ, а результаты жалкой жатвы домолачиваютъ своими средствами. Побродятъ они, побродятъ, походятъ около соляныхъ озеръ, гдѣ теперь все въ полнѣйшемъ застоѣ, и разсыпятся въ разныя стороны, доходя до каменноугольныхъ донскихъ шахтъ, рыбныхъ промысловъ Азовскаго моря, или же возвращаются домой, при помощи администраціи, нерѣдко „этапнымъ порядкомъ“.

Но, независимо отъ этихъ крайнихъ по времени своего прихода рабочихъ, и тѣ, которые приходятъ во время являются на мѣсто спроса вообще съ надорванными силами. Рабочіе идутъ обыкновенно питаясь однимъ хлѣбомъ [1]. Горячую пищу въ пути рабочіе имѣютъ рѣдко и только тѣ изъ нихъ, которые идутъ съ подводами. При такомъ обычномъ скудномъ питаніи рабочихъ въ пути, многимъ изъ нихъ въ несчастные годы, то-есть, годы неурожайные, приходится, исколесивъ весь югъ и издер-

[1] „Сельско-хозяйственные рабочіе вообще и пришлые въ частности въ Херсонской губ. въ санитарномъ отношеніи“ И. Тезяковъ—въ Сборникѣ Херсонскаго Земства 1891 г. № 8 приложеніи стр. 4.

Digitized by Google

жавши послѣдніе запасные гроши, возвращаться домой, питаясь на обратномъ пути уже Христовымъ именемъ. Такихъ рабочихъ, стыдящихся своего своего невольнаго нищенства, измученныхъ физически и нравственно, можно встрѣтить всюду на рынкахъ найма въ серединѣ лѣта, готовыхъ наняться за одни харчи.

На базарахъ, при страшной въ жаркое время жаждѣ, рабочіе охотнѣе всего набрасываются на продающійся тамъ квасъ, на что и реагируютъ столь частыми у нихъ разстройствами пищеварительныхъ органовъ. Рабочіе на базарахъ, не имѣя мѣста, гдѣ-бы они могли укрыться отъ зноя, не всегда имѣютъ возможность достать и хорошую воду, за которую иногда нужно платить [1]. Санитарный врачъ Чепуркинъ напр. указываетъ, что въ м. Каховкѣ десятки тысячъ рабочихъ принуждены пользоваться Днѣпровской водою, хотя тутъ же, на базарной площади, имѣется очень большой колодезь съ хорошею, холодною водою, но колодезь этотъ на время ярмарки отдается владѣльцемъ въ аренду. Арендаторъ, заинтересованный какъ можно больше выторговать за колодезь, отпускаетъ рабочимъ воду по 4 копѣйки за чайникъ. Хотя владѣлецъ мѣстечка, узнавъ о такомъ вопіющемъ вымогательствѣ, и запретилъ арендатору брать съ рабочихъ за воду плату, но арендаторъ на это запрещеніе не обращалъ вниманія.

Любопытную картину пребыванія рабочихъ на рынкахъ найма сообщаетъ „Пріазовскій Край“ [2]. Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Александровкѣ, служащей рынкомъ рабочихъ рукъ для сосѣднихъ волостей (Ростовскаго округа Донской области), пришлыхъ рабочихъ бываетъ до 1,000 человѣкъ. Иногда случается, что эта трудовая масса, въ силу всевозможныхъ условій, вынуждена бываетъ проводить здѣсь цѣлыя недѣли,—„маяться безъ дѣла“, какъ говорятъ рабочіе. Когда рабочихъ еще немного, то они днемъ сло-

[1] Врачъ Тезяковъ указываетъ, при какой грязной обстановкѣ сельскохозяйственные рабочіе, съ косою и котомкою за плечами, въ которой лежитъ одна перемѣна бѣлья, добираются до крупныхъ сельско-хозяйственныхъ рынковъ, на которыхъ ихъ ожидаетъ прежде всего грязь. Въ г. Елисаветградѣ тысячи рабочихъ валяются, въ ожиданіи нанимателей, въ пыли, на кучахъ мусора и навоза, который имъ служитъ подстилкой. Неудивительно поэтому, что рабочіе въ пути заболѣваютъ различными болѣзнями кожи и подкожной клѣтчатки, которыя при другихъ условіяхъ у рабочихъ не достигаютъ большаго размѣра. Сбор. Херс. Земства 1891 г. № 8 прил. стр. 65.

[2] *Русская Мысль* 1894 г., іюль. *„Очерки провинціальной жизни“* И. Ивапюкова, стр. 114.

Digitized by Google

няются по улицамъ и кабакамъ, а ночью ютятся подъ навѣсами лавокъ, амбаровъ и другихъ построекъ. Прибывшимъ послѣ приходится волей-неволей располагатьтя прямо на голой землѣ, подставляя свое тѣло подъ знойное солнце и дождь. Для этого служитъ имъ площадь, находящаяся въ самомъ центрѣ села, которая большую часть лѣта бываетъ покрыта „пришлыми“ и является источникомъ заразы воздуха, такъ какъ тутъ же отправляются естественныя надобности, за отсутствіемъ въ селѣ общихъ ретирадныхъ мѣстъ, и тутъ же потребляются селедки, тарань, отъ которыхъ получается много отбросовъ, — все это подвергается дѣйствію солнечныхъ лучей, разлагается и сильно пахнетъ. Не имѣя мѣста гдѣ можно укрыться отъ проливного дождя и палящаго зноя, пришлый людъ въ то же время, долженъ питаться всякой дрянью, вродѣ просоленой чехони и т. п. консервовъ весьма подозрительнаго качества, ибо ему негдѣ ни чаю напиться, ни поѣсть горячихъ щей. Вотъ это-то обстоятельство и служитъ причиной появленія среди „пришлыхъ“ всевозможнѣйшихъ формъ желудочно-кишечныхъ разстройствъ, а также различныхъ заразныхъ болѣзней.

Ооссбеннаго вниманія среди всѣхъ рынковъ найма заслуживаетъ мѣстечко *Каховка*, Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губерніи, служащее рабочимъ рынкомъ для всей Новороссіи и вмѣщавшее въ себѣ прежде до 40.000 а теперь 15—20.000 пришлыхъ рабочихъ. Въ 1895 году [1] удалось впервые произвести болѣе или менѣе полную регистрацію рабочихъ, близкую къ поголовной. Съ 3 по 9 мая было зарегистровано 19.519 человѣкъ, именно, пришлыхъ:

Изъ	Полтавской	губерніи.....	11.987—61,4%
„	Кіевской	„	3.131—15,6%
„	Черниговской	„	2.325—11,9%
„	Херсонской	„	1.504—7,8%
„	Орловской	„	350—1,8%
„	Курской	„	81—0,5%
„	Могилевской	„	51—0,4
„	Другихъ губ.	.....	90—0,6.

Каховка расположена на высокомъ лѣвомъ берегу Днѣпра. Здѣсь бываетъ въ годъ двѣ ярмарки—Никольская 9 мая и Покровская—1 октября, причемъ первая по своимъ размѣрамъ и характеру врядъ ли имѣетъ что-либо подобное не только на

[1] „Сельско-хозяйственные рабочіе“, Тезякова, стр. 62.

Digitized by Google

югѣ, но и во всей Россіи. Если коммерческіе обороты ея пали значительно по сравненію съ прежнимъ временемъ (то-есть до проведенія на югѣ желѣзныхъ дорогъ), то она до сихъ поръ не утратила своего господствующаго значенія, какъ главный рынокъ для найма сроковыхъ рабочихъ, установляющій плату за лѣтній трудъ. Обыкновенно, числа 6—7-го начинается громадный съѣздъ сюда сельскихъ хозяевъ изъ всѣхъ уѣздовъ Таврической губерніи, нѣкоторыхъ Херсонской и Екатеринославской [1]. Въ пустынной въ обыкновенное время Каховкѣ наступаетъ на 3—4 дня пора бьющей ключемъ жизни. Нѣмцы изъ колоній сѣверныхъ уѣздовъ везутъ сотни дилижансовъ и различныхъ бричекъ, ведутъ породистыхъ лошадей. Заводы земледѣльческихъ орудій транспортируютъ огромное количество разныхъ машинъ, особенно столь привившихся въ Новороссіи жатокъ, которыя, несмотря на усиленное производство ихъ, разбираются ежегодно на расхватъ. Дороги, ведущія въ Каховку, покрыты сплошными лентами всевозможныхъ подводъ, экипажей, бричекъ. Тысячи крестьянскихъ „мажаръ“ располагаются за мѣстечкомъ, гдѣ нарѣзаны для нихъ огромныя площади.

Въ самомъ мѣстечкѣ въ это время всѣ обывательскіе дома превращаются въ импровизированныя гостинницы; всѣ комнаты заняты землевладѣльцами, арендаторами, нѣмцами-колонистами. А на берегу Днѣпра необыкновенное движеніе. Ходящій безпрерывно паромъ возвращается каждый разъ биткомъ набитый рабочими. То и дѣло подходятъ съ сѣвера „дубы“ и причаливаютъ къ расположенной среди рѣки „плавнѣ“ или прямо к берегу. Пароходы, совершающіе въ это время учащенные рейсы, тоже переполнены чернорабочими. Даже ночью не прекращается это движеніе и къ утру, вчера еще вечеромъ пустовавшія, площади покрыты сплошною массою рабочихъ. Такихъ площадей нѣсколько, и на нихъ располагаются главнымъ образомъ пѣшеходцы со своими подводами,—и располагаются такъ тѣсно, что ночью невозможно пробраться между возами, такъ какъ спящіе люди укрываютъ землю почти безъ промежутковъ. Тѣ, которые приходятъ дубами, обыкновенно остаются внизу, у берега, и находятся въ гораздо лучшихъ условіяхъ, нежели устроившіеся на площадяхъ. Дѣло въ томъ, что, если во время ярмарки не пройдетъ хорошій дождь (а это бываетъ очень рѣдко),

[1] Въ 1895 г. наемъ рабочихъ происходилъ 8 и 9 мая; нанято было, по свѣдѣніямъ полиціи, около 15.000 чел., остальные двинулись въ Херсонъ.

Digitized by Google

то эти нѣсколько дней, которые приходится пробыть въ Каховкѣ, являются положительною пыткой: мельчайшій песокъ, растоптанный на полъаршина десятками тысячъ людскихъ, лошадиныхъ и воловьихъ ногъ, поднимается цѣлыми тучами при самомъ небольшомъ вѣткѣ. Онъ разъѣдаетъ глаза, набивается въ носъ, ротъ, покрываетъ лицо сплошною сѣрою маской, забирается черезъ бѣлье и, проникая въ поры кожи, вызываетъ непріятный зудъ. Отъ него нѣтъ спасенія даже въ комнатѣ съ закрытыми дверьми и окнами. Надъ Каховкой виситъ какой-то словно сухой туманъ, черезъ который немилосердно палящее солнце кажется багрово-краснымъ шаромъ.

На пространствѣ десятка десятинъ песчанаго грунта вокругъ ярмарки располагаются въ повалку таборы пришлаго народа, въ ожиданіи случайныхъ нанимателей. На другой день стоянки толпы народа бродятъ съ воспаленными отъ пыли глазами, прислушиваясь къ установившимся цѣнамъ и свѣдѣніямъ объ ожидаемомъ урожаѣ травъ и хлѣбовъ. Эти базарные слухи безтолково колеблютъ спросъ на рабочія руки и въ концѣ-концовъ приводятъ къ тому, что предложеніе превышаетъ число потребителей и тысячи народа бредутъ изъ Каховки на свой страхъ въ Курменъ-Кемельчи и другіе пункты найма.

Регистрація пришлыхъ рабочихъ болѣе или менѣе точная была заведена только въ 1895 году врачебно-санитарнымъ персоналомъ.

Организація надзора за приходящими рабочими была проведена Херсонскимъ земствомъ совмѣстно съ Днѣпровскимъ, Таврической губерніи, при содѣйствіи мѣстной администраціи. Днѣпровскимъ земствомъ, по предварительному соглашенію съ Херсонскою губернскою управой, было командировано въ Каховку три врача, а администраціею въ распоряженіи медицинскаго персонала предоставлено два пристава, урядники и десятскіе. Отъ Херсонскаго губернскаго земства участвовали въ надзорѣ 3 санитарныхъ врача и 3 студента-медика старшихъ курсовъ, отъ Херсонскаго губернскаго земства—2 врача и фельдшеръ. На средства Днѣпровскаго земства были устроены три деревянныхъ балагана для амбулаторій, два—въ центрѣ мѣстечка на ярмарочной площади и третій противъ больницы на берегу Днѣпра, мѣстѣ привала дубовъ. На ярмарочной площади имѣются теперь навѣсы для рабочихъ, построенные въ 1892 году бывшимъ владѣльцемъ мѣстечка Панкѣевымъ: одинъ на 400—500 человѣкъ—деревянный, формою покоя, длиною посрединѣ

Digitized by Google

2.566 саж. и съ боковъ по 10—14 саж., шириною $2^1/_2$ саж.; другой новый въ 1895 году былъ уже во время ярмарки выстроенъ на берегу Днѣпра, гдѣ пристаютъ рабочіе, прибывающіе на дубахъ. По соглашенію съ медицинскимъ персоналомъ полиція направляла рабочихъ, прибывавшихъ на пароходахъ и на поромѣ, къ двумъ центральнымъ амбулаторіямъ, а приставшихъ на дубахъ задерживала на площади у берега противъ земской больницы. Регистрація производилась вблизи амбулаторій и на площадяхъ: при регистраціи въ большинствѣ случаевъ происходилъ возможный, при данныхъ условіхъ, медицинскій осмотръ партій.—Дешевой столовой въ Каховкѣ не было устроено, между тѣмъ потребность въ ней велика; хотя на ярмаркѣ и появляются въ массѣ торговки горячею пищею, но взимаемая ими цѣна за порціи (10 коп. за тарелку борща) слишкомъ велика для кармана рабочаго. Около котловъ съ борщемъ почти не приходилось встрѣчать рабочихъ. Нѣсколькимъ крайне истощеннымъ обѣды были выданы за счетъ суммъ губернскаго земства, ассигнованныхъ на организацію надзора за пришлыми рабочими въ Каховкѣ. [1]

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Кн. Н. Шаховской.

[1] Тамъ же, стр. 63.

Digitized by Google

МУЗА.

(Посвящается М. П. Степанову).

Я не помню, чтобы муза
Мнѣ являлась шаловливой;
Нѣтъ, я знаю ее строгой,
Величаво-горделивой:

Утомленною въ движеньяхъ,
Съ выраженьемъ тайной муки
Въ отдаленное пространство
Простирающею руки,

Всю истерзанную горемъ,
Въ черномъ флёрѣ покрывала,
Объ утратѣ ея сердца,
О потерѣ идеала...

Я люблю ее въ минуты
Полной нѣги ожиданья:
Ей мерещится надежда
Чудной прелести свиданья,

Руки падаютъ безсильно,
Очи влагою сверкаютъ,
Грудь колышется неровно,
Муза точно оживаетъ...

Вся она—порывъ счастливый
Въ эти рѣдкія мгновенья,
Въ гордой прелести, стыдливо,
Зарождая вдохновенье.

В. Истоминъ.

Digitized by Google

ФАЛЬШИВАЯ ТРЕВОГА.

Монархическое государство немыслимо безъ сословій: уничтожьте ихъ, и вы получите демократію, то-есть сыпучій песокъ, изъ котораго никакого зданія воздвигнуть нельзя.

К. Н. Леонтьевъ.

I.

Тревога, вызванная первыми слухами о реформѣ Крестьянскаго Банка, повидимому улеглась.

Этому нельзя не порадоваться, такъ какъ тревожное состояніе умовъ несомнѣнно препятствовало правильному и безпристрастному обсужденію такого сложнаго и важнаго государственнаго вопроса, какимъ является вызванный вышеупомянутою реформой вопросъ о русскомъ дворянствѣ. Къ тому же, какъ теперь выяснилось, мы не имѣли достаточнаго повода видѣть въ этой реформѣ какую-то разрушительную мѣру, непосредственно направленную противъ русскаго дворянства.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли серіозно предполагать, что правительство намѣрено было открыть походъ противъ дворянства и что реформа Крестьянскаго Банка явилась первымъ выстрѣломъ, ознаменовавшимъ открытіе антидворянской кампаніи? Гдѣ-же тѣ признаки въ правительственной дѣятельности, которые-бы давали намъ право на такія предположенія? Вѣдь объявленіе войны русскому дворянству должно было-бы стоять въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ, не менѣе важныхъ, мѣръ, которыя свидѣтельствовали бы о желаніи правительства порвать съ завѣтами прошлаго царствованія. Но гдѣ-же эти мѣры? Гдѣ-же та мрач-

Digitized by Google

ная реакція противъ великихъ, свѣтлыхъ идеаловъ Александра III, которая имѣла-бы цѣлью разрушить совершенное имъ дѣло умиротворенія, обновленія и возвышенія Россіи и ввергнуть ее снова въ прежній хаосъ беззаконія и анархіи? Это было бы преступленіемъ противъ отечества и противъ памяти великаго Монарха, спасшаго Россію отъ неминуемой безъ него гибели, это было-бы неслыханнымъ безумiемъ.

Нѣтъ, ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ.

Россіи нѣтъ основанія тревожиться. Законы Царя-Миротворца стоятъ по прежнему твердо и незыблимо; завѣты Его свято чтутся и хранятся Императорскимъ правительствомъ и Русскимъ народомъ, и всѣ согласны съ тѣмъ, что повыя законодательныя мѣры должны ими вдохновляться и съ ними сообразоваться.

Да и можетъ ли быть иначе?

Покойный Государь совершилъ свое великое дѣло возрожденія Россіи не на чужихъ, а на нашихъ глазахъ. Какими средствами Онъ достигъ этого возрожденія, мы всѣ знаемъ, и двухъ мнѣній объ этомъ вопросѣ быть не можетъ: ясно, твердо, открыто говорилъ и дѣйствовалъ Онъ, научая насъ *здравой мысли, трезвому взгляду и твердой волѣ*, являя намъ всею своею жизнью Верховнаго Вождя и Законодателя Россіи, величавый примѣръ этихъ трехъ исконныхъ, забытыхъ нами, качествъ великорусскаго ума, создавшаго и укрѣпившаго многовѣковымъ, неустаннымъ трудомъ исполинское зданіе Государства Россійскаго.

Неужели кто-нибудь можетъ отрицать, что Александръ III въ какіе-нибудь тринадцать лѣтъ сдѣлалъ то, что въ 1881 году считалось почти невозможнымъ, и неужели кто-нибудь можетъ утверждать что Онъ досгигъ этихъ невѣроятныхъ результатовъ, этого полнаго, животворнаго обновленія Россіи мѣрами нецѣлесообразными? Еслибъ онѣ были нецѣлесообразны, онѣ насъ не вели бы къ той цѣли, путь къ которой сразу возвысилъ честь и достоинство Россіи въ ея собственныхъ глазахъ и въ глазахъ всего міра. Мы несомнѣнно должны и впредь идти къ той же цѣли и тѣмъ же путемъ, которые были избраны и намѣчены Александромъ III, какъ единственно спасительные для Россіи; мы вѣдь знаемъ, что именно эта цѣль и именно этотъ путь дѣйствительно спасли Россію, а потому каждый нашъ новый шагъ долженъ быть шагомъ впередъ, а не назадъ, по этому пути, онъ долженъ не удалять, а приближать насъ къ той высокой идеальной цѣли, которая сіяетъ предъ нами путеводною звѣздой, ярко засвѣтившеюся въ непроглядномъ мракѣ

Digitized by Google

1881 года, благодаря посланному намъ свыше Вѣнценосному Вождю.

Все это такъ и, еще разъ повторяемъ, иначе быть не можетъ.

Такъ почему же могла возникнуть тревожная мысль, будто правительство намѣрено, безо всякой причины, свернуть куда-то въ сторону съ великаго царскаго пути Александра III? Откуда явилось опасеніе, что правительство намѣрено дѣйствовать въ столь первостепенномъ вопросѣ, какъ вопросъ о дворянствѣ, прямо на перекоръ покойному Государю, видѣвшему въ русскомъ дворянскомъ сословіи надежнѣйшій оплотъ самодержавной Россіи и постоянно стремившемуся къ его укрѣпленію? Кто это выдумалъ, будто теперь правительство почему-то намѣрено подать руку нашимъ „либераламъ“, злѣйшимъ врагамъ русскаго самодержавія, чтобы вмѣстѣ съ ними „ликвидировать“ русское дворянство?

II.

По извѣстной пословицѣ, дыму безъ огня не бываетъ; мы поэтому и въ данномъ вопросѣ должны искать того огня, который подалъ поводъ къ вышеупомянутой фальшивой тревогѣ.

Найти причину этой тревоги не трудно: это та самая причина, которая и годъ тому назадъ возбудила другую тревогу, оказавшуюся столь-же ложною, какъ и настоящая.

Тогда былъ пущенъ слухъ о томъ, будто правительство рѣшилось положить конецъ самодержавію Русскаго Царя; теперь слухи приписываютъ ему такое же разрушительное намѣреніе относительно русскаго дворянства.

Кто-же пускаетъ эти ложные слухи? Кому они на руку?

Кому, какъ не тѣмъ самымъ лицамъ, кружкамъ и „партіямъ“, для которыхъ всякая смута, всякая тревога, всякая неурядица въ Россіи всегда бываетъ желанною, которыя радуются имъ, когда онѣ есть, и сами создаютъ ихъ, когда ихъ нѣтъ.

Кому были на руку анархическая смута семидесятыхъ годовъ, холерная эпидемія и голодовка девяностыхъ? Кто собирался эксплуатировать эти государственныя и народныя бѣдствія въ пользу своей антиправительственной пропаганды, разсчитывая выставить самодержавное правительство Русскаго Царя отжившимъ фантомомъ, не могущимъ уже бороться съ грозящими Россіи опасностями?

Digitized by Google

Всѣ мы знаемъ, кто эти люди, каковы ихъ цѣли, каковы ихъ средства. Но мы знаемъ и то, что всѣ злостные разсчеты этихъ людей, руководствующихся девизомъ „чѣмъ хуже—тѣмъ лучше“, разлетѣлись въ прахъ предъ очевидною, реальною мощью Царскаго Самодержавія, которое одно только и было въ состояніи спасти Россію отъ посѣтившихъ ее тяжкихъ испытаній.

Тѣмъ невѣроятнѣе было появленіе новой серіи подобныхъ-же нелѣпыхъ мечтаній. А между тѣмъ они въ концѣ 1894 года не только появились, но, что́ еще невѣроятнѣе, тотчасъ же нашли себѣ вѣру.

Чего только тогда не говорили у насъ „на основаніи свѣдѣній, полученныхъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ“, о предстоящемъ упраздненіи самодержавія, о грядущей „новой эрѣ“, о какихъ-то „новыхъ вѣяніяхъ“, о какомъ-то „новомъ курсѣ“, который долженъ былъ повернуть верхъ дномъ всѣ благіе результаты, достигнутые свѣтлымъ царствованіемъ Александра III!

Верховная воля, выраженная 17 января 1895 года въ ясныхъ словахъ, не допускавшихъ какого-либо лжетолкованія, положила конецъ этой кампаніи „либеральныхъ“ смутьяновъ.

Они умолкли, но не надолго.

Не прошло и года послѣ знаменательныхъ словъ, произнесенныхъ съ высоты престола, какъ русское общество опять уже волнуется пущенными изъ того-же мутнаго источника слухами, изъ которыхъ одинъ нелѣпѣе другаго. Господа „либералы“ разсказываютъ à qui veut l'entendre, что они теперь уже за панибрата съ высшею петербургскою администраціей, которая будто бы желаетъ entrer dans les bonnes grâces „либерализма“ и обѣщала не сегодня—завтра призвать къ дѣлу les gros bonnets либеральныхъ кружковъ. Слухи о новыхъ „либеральныхъ“ административныхъ и законодательныхъ мѣрахъ слѣдуютъ другъ за другомъ, не давая возможности толкомъ разобраться въ степени ихъ невѣроятности и неосновательности: то насъ увѣряютъ, что балтійскимъ нѣмцамъ будутъ возвращены всѣ ихъ средневѣковыя привилегіи, а Полякамъ будетъ дана автономія; то всюду провозглашаютъ предстоящую будто бы всеобщую разнузданность печати, „изнемогающей нынѣ въ оковахъ цензуры“; то, наконецъ, намъ предсказываютъ полное крушеніе „системы Александра III“, которое должно начаться съ того, что сперва будутъ стерты съ земли ненавистные либераламъ земскіе начальники, затѣмъ дворянское сословіе, а наконецъ и самодержавіе.

Digitized by Google

И, странное дѣло, чѣмъ нелѣпѣе слухъ, тѣмъ охотнѣе ему вѣрятъ, причемъ одни приходятъ отъ него въ восторгъ, а другіе въ ужасъ, не отдавая себѣ ни малѣйшаго отчета въ его несообразности. Въ концѣ-концовъ получается какая-то туманная атмосфера, въ которой для нашего легкомысленнаго общества невѣроятное кажется вѣроятнымъ, невозможное—возможнымъ.

И вотъ являются даже вполнѣ, повидимому, серіозные и благоразумные люди, которые допускаютъ мысль, что Россіи, вѣроятно, придется еще разъ повторить тѣ самыя ошибки, отъ которыхъ, какъ казалось, мы пятнадцать лѣтъ тому назадъ окончательно освободились; находятся пророки, предсказывающіе, что въ Петербургѣ рѣшили еще разъ подвергнуть Россію тѣмъ самымъ опытамъ, которые въ 1881 году привели ее на край гибели!

III.

Какъ это ни странно, какъ это ни нелѣпо, но это фактъ: насъ хотятъ увѣрить, что мы лишь по недоразумѣнію считали царствованіе Александра III блестящею эпохой великаго и славнаго торжества обновленной самосознаніемъ Россіи, а что на самомъ дѣлѣ это была эпоха какого-то „беззаконія“, отъ котораго нынѣ необходимо освободить Россію! Намъ смѣютъ, не краснѣя, говорить въ глаза, что теперь только, послѣ кончины Великаго Самодержца, должна начаться „эра законности“, такъ какъ при Немъ въ Россіи будто бы не было законности!

Какая неслыханная дерзость! Люди, рѣшающіеся говорить о законности, какъ о какомъ-то *новомъ* элементѣ въ нашей государственной жизни, очевидно, разсчитываютъ на то, что наша память такъ коротка, что мы уже успѣли забыть, что у насъ на Руси законность господствовала не *до* 1881 года, а лишь *послѣ* него.

Неужели и этотъ очевидный фактъ приходится еще доказывать? Да, приходится, такъ какъ легкомысліе, легковѣріе и неустойчивость убѣжденій нашего „интеллигентнаго“ общества поистинѣ поразительны. Повѣрите ли вы, что намъ приходилось слышать даже отъ почтенныхъ лицъ такого рода разсужденія:

— Однако „либералы“ очень ловкіе люди: какъ они удачно выбрали себѣ девизомъ слово „законность“! Вѣдь противъ этого слова ничего не возразишь. Попробуйте сказать, что намъ не нужно законности, васъ вѣдь сейчасъ же уличатъ въ стремле-

Digitized by Google

нiи къ произволу, въ апологіи преступленія. Какъ же намъ теперь быть? Какъ же намъ отрицать необходимость законности?

Мы просто ушамъ своимъ не вѣрили! Да съ какой же стати намъ, людямъ порядка, отрицать необходимость законности? Почему же это мы, консерваторы, должны непремѣнно говорить *противъ* законности? Да развѣ мы, свято чтя память Александра III, тѣмъ самымъ не выражаемъ, что *мы* именно стоимъ за законный порядокъ въ Россіи. Неужели мы забыли, что не мы, а наши враги являются и врагами законности?

Господа „либералы" хотятъ насъ увѣрить, что съ воцареніемъ Александра III „законность" въ Россіи исчезла и что теперь ее нужно возстановить, вернувшись къ тому времени, которое предшествовало 1881 году.

Какое же это было время, и какая же въ немъ была „законность"?

Это было то время, когда мѣстные представители Верховной Власти трепетали предъ крикунами и коноводами земскихъ парламентовъ, предъ запальчивою клеветой разнузданной печати и предъ грозившими имъ покушеніями анархистовъ; это было то время, когда сельская жизнь была для всѣхъ сущею каторгой вслѣдствіе полнаго отсутствія въ ней какого бы то ни было законнаго порядка; это было то время, когда у насъ утрачена была способность отличать зло отъ добра, справедливость отъ несправедливости, истину отъ лжи. И эту мрачную страницу русской исторіи пытаются противопоставить какъ нѣчто „свѣтлое, гуманное и законное", какъ разъ той именно великой эпохѣ могущественнаго національнаго возрожденія Россіи, когда у насъ прекратились беззаконія и былъ водворенъ законный порядокъ.

Въ Бозѣ почившій Государь стяжалъ себѣ безсмертное имя Миротворца не потому только, что онъ водворилъ внѣшній миръ въ Европѣ, но, главнымъ образомъ, потому, что онъ водворилъ внутренній миръ въ Россіи. Подъ могучею охраной Его державной десницы Россія свободно вздохнула послѣ долголѣтнихъ тяжкихъ смутъ и кровавыхъ преступленій, попиравшихъ всѣ божескіе и человѣческіе законы; при Александрѣ III Россія могла, наконецъ, всецѣло посвятить себя мирнымъ занятіямъ, не трепеща за завтрашній день, а имѣя глубокую увѣренность въ незыблемости установленныхъ законовъ; люди порядка, подчинявшіеся закону, жили спокойно, занимаясь своимъ дѣломъ, чувствуя себя подъ твердой охраной закона; плохо при-

Digitized by Google

ходилось лишь нарушителямъ закона, людямъ возмутившимся и возмутившимъ другихъ противъ установленнаго закономъ порядка и старавшимся такъ или иначе нарушить или поколебать его; это были какъ разъ тѣ люди, которые тосковали по беззаконному произволу, творившемуся у насъ *до* 1881 года, которые всегда были и будутъ злѣйшими врагами законности и которые теперь съ трагическимъ паѳосомъ выставляютъ себя защитниками „законности“ только потому, что разсчитываютъ на недальновидность своихъ противниковъ, которые, не разобравъ въ чемъ дѣло, попадутся въ поставленную имъ либеральную ловушку.

Разсчеты эти, къ сожалѣнію, отчасти оправдались: въ ловушку попалось, какъ мы видѣли, нѣсколько близорукихъ „консерваторовъ“, которые, увидавъ, что либералы обманнымъ образомъ написали на своемъ знамени слово „законность“, не замѣтили этого обмана и сочли своимъ долгомъ протестовать противъ законности. Этого только и надо было „либераламъ“, которые тотчасъ же съ гикомъ налетѣли на „защитниковъ беззаконія“.

Но зачѣмъ же намъ терпѣть дальнѣйшее существованіе этого неслыханнаго *qui pro quo*? Необходимо возстановить истинное положеніе вещей: не „либералы“, а *мы* стоимъ за законность; „либералы“ же хотятъ насъ вернуть къ той беззаконной анархіи, которая свирѣпствовала у насъ до 1881 года, такъ какъ они являются злѣйшими врагами законности, водворенной въ Россіи царствованіемъ Александра III.

— Позвольте, скажутъ намъ „либералы“, зачѣмъ вы насъ смѣшиваете съ анархистами? Мы вовсе не стоимъ за анархію, бывшую у насъ до 1881 года и вовсе не утверждаемъ, что тогда у насъ господствовала законность. Мы хотимъ вернуться къ началу шестидесятыхъ годовъ, къ эпохѣ великихъ либеральныхъ реформъ, которыя должны были завершиться уничтоженіемъ самодержавія. Вотъ если бы намъ дали уничтожить самодержавіе, то у насъ не явилось бы анархіи, а сразу воцарилась бы законность.

Старыя, знакомыя пѣсни! Либералы всегда будутъ отрекаться отъ анархистовъ, какъ отъ людей, которые ихъ компрометируютъ; на самомъ же дѣлѣ между ними существуетъ различіе только въ средствахъ, относительно же преступной своей цѣли они между собою вполнѣ солидарны. Либералы идутъ медленнѣе и лицемѣрнѣе, анархисты идутъ скорѣе и откровеннѣе, но всѣ они идутъ къ одной и той же цѣли—къ уничтоженію самодержавія Русскихъ Царей, на которомъ зиждется весь закон-

Digitized by Google

ный порядокъ Россіи. Пусть либералы хотя разъ открыто, безъ обиняковъ, заявятъ отъ своей партіи, хотя бы въ одномъ изъ своихъ оффиціальныхъ органовъ *Вѣстникѣ Европы*, *Русской Мысли* или *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, что они не желаютъ для Россіи ограниченія Царскаго Самодержанія посредствомъ конституціи, и мы тотчасъ перестанемъ смѣшивать ихъ съ анархистами; а до тѣхъ поръ, какъ бы они ни обижались, мы будемъ относиться къ нимъ съ одинаковымъ негодованіемъ; впрочемъ, къ коварному лицемѣрію мы всегда будемъ относиться съ бо́льшимъ негодованіемъ, чѣмъ къ грубой откровенности.

Какъ бы то ни было, желаютъ ли либералы вернуть насъ къ шестидесятымъ или семидесятымъ годамъ, они во всякомъ случаѣ желаютъ вернуть насъ не къ законности, а къ разнузданности и если не къ самой анархіи, то къ ея преддверію, къ тѣмъ причинамъ, которыя неминуемо ее вызываютъ. Мы же стоимъ за государственную политику восьмидесятыхъ годовъ, которая привела насъ не къ анархіи, а къ законности, и эту законность мы желаемъ сохранить, укрѣпить, развить. Всякую же другую систему, противорѣчащую законному порядку, водворенному въ Россіи Царемъ-Миротворцомъ, мы отвергаемъ.

V.

Какъ грустно, что намъ приходится повторять такія азбучныя истины, которыя должны были бы быть достояніемъ всѣхъ истинно Русскихъ людей! Еслибы эти азбучныя истины были твердо нами усвоены, могла-ли бы появиться среди насъ та фальшивая тревога, которая, искусственно возбужденная „либералами“, до такой степени смутила русское общество, что оно въ самомъ дѣлѣ повѣрило самымъ нелѣпымъ слухамъ и очутилось, какъ мы видѣли выше, въ туманной атмосферѣ, въ которой невѣроятное показалось вѣроятнымъ, невозможное—возможнымъ.

Въ такой именно атмосферѣ появились первые слухи о реформѣ Крестьянскаго Банка. „Либералы“ тотчасъ взяли ее подъ свое покровительство, и этого было достаточно, чтобы „консерваторы“ отнеслись къ ней подозрительно. Когда же стало извѣстно, что Крестьянскому Банку будетъ предоставлено право покупать дворянскія имѣнья для перепродажи ихъ крестьянамъ, то подозрѣнія „консерваторовъ“ оказались какъ будто и основательными. Реформа Крестьянскаго Банка представилась ка-

Digitized by Google

кимъ-то зловѣщимъ „началомъ конца“, первымъ пробнымъ шаромъ „новаго либеральнаго правительства“, которое затѣмъ, чего добраго, готовилось удивить насъ еще не такими реформами!

Возникла ожесточенная полемика между противниками и защитниками новой реформы, а такъ какъ среди защитниковъ особенно выдающуюся роль играли органы „либеральной“ партіи, всегда открыто заявлявшіе свою антипатію къ сословному строю государства вообще, а къ дворянскому сословію въ особенности, то дѣло казалось вполнѣ яснымъ, и реформа Крестьянскаго Банка была сочтена равнозначущею съ окончательною „ликвидаціей“ не только дворянскаго землевладѣнія, но и дворянства вообще.

Раздавались, правда, успокоительные голоса, указывавшіе на то, что реформа Крестьянскаго Банка была предпринята безъ всякихъ заднихъ мыслей противъ дворянства и что главною ея цѣлью является русская колонизація Кавказа, Крыма, Екатеринославской и Волынской губерній, гдѣ казна намѣрена-де выкупить землю нѣкоторыхъ нѣмецкихъ колоній для устройства русскихъ поселеній, а также и въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ правительство желаетъ-де усилить русскій элементъ покупкой польскихъ имѣній и переселеніемъ крестьянъ изъ малороссійскихъ и смежныхъ великорусскихъ губерній.

Указанія на такую несомнѣнно благую и, если такъ можно выразиться, вполнѣ консервативную цѣль реформы Крестьянскаго Банка не могли однако успокоить встревоженныхъ умовъ ея противниковъ. Они указывали на слѣдующія обстоятельства, которыя не позволяли имъ видѣть въ этой реформѣ орудіе, направленное противъ антинаціональныхъ элементовъ нашихъ окраинъ:

Во-первыхъ, въ самомъ законѣ, преобразовавшемъ Крестьянскій Банкъ ничего не сказано объ этой главной будто бы его цѣли.

Во-вторыхъ, цѣль эта указана была лишь *одинъ разъ* въ пылу газетной полемики не въ какомъ-нибудь авторитетномъ правительственномъ органѣ, а лишь въ *Новомъ Времени* (№ 7093), которое даже само ни разу впослѣдствіи къ этой цѣли не возвращалось, а разсматривало новый законъ, подобно всѣмъ остальнымъ защищавшимъ его газетамъ, *исключительно съ точки зрѣнія дворянскихъ и крестьянскихъ интересовъ*.

Въ-третьихъ, русская колонизація окраинъ возможна лишь посредствомъ *систематическаго упорнаго вытѣсненія* изъ нихъ

Digitized by Google

иноплеменнаго элемента, какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ Германія при колонизаціи своей польской окраины; Крестьянскій же Банкъ будетъ имѣть возможность дѣлать лишь *случайныя* покупки *добровольно* продаваемыхъ помѣстій и притомъ въ такихъ губерніяхъ, въ которыхъ помѣстья находятся въ наиболѣе крѣпкихъ рукахъ и въ ежегодныхъ громадныхъ спискахъ продаваемыхъ съ аукціона имѣній вовсе не фигурируютъ. Возьмемъ, напримѣръ, Екатеринославскую губернію: здѣсь русскія земли перешли въ прочное владѣніе нѣмецкихъ колонистовъ, которые не только не желаютъ ихъ продавать, а, напротивъ, постоянно и систематически увеличиваютъ ихъ покупкой новыхъ земель у русскихъ помѣщиковъ, соблазняя ихъ предложеніемъ высокихъ цѣнъ. Какъ можетъ, при такихъ условіяхъ, Крестьянскій Банкъ замѣнить нѣмецкія колоніи русскими? Прибѣгать къ мѣрамъ принудительнаго отчужденія онъ не можетъ, а добровольно нѣмецкіе колонисты ему не продадутъ ни одной десятины своей земли, какъ потому, что они въ деньгахъ не нуждаются, такъ и изъ принципа—не допускать въ свое сосѣдство русскихъ колонистовъ. Колонизація есть мѣра прежде всего политическая, Крестьянскій же Банкъ есть учрежденіе прежде всего финансовое, и политическая, колонизаціонная, *обрусительная* его роль ни единымъ словомъ ни въ старомъ, ни въ новомъ уставѣ не упоминается. Въ той единственной, совершенно неоффиціальной, газетной статьѣ, въ которой, какъ мы видѣли, эта именно роль Крестьянскаго Банка выставляется какъ *главная* [1], исполненіе имъ этой роли выражено въ слѣдующихъ словахъ: „Въ Крыму, въ Екатеринославской и Волынской губерніяхъ *казна можетъ выкупить землю нѣкоторыхъ нѣмецкихъ колоній* для устройства русскихъ поселеній". Какъ понимать эти слова? Хотѣлось бы думать, что въ нихъ высказана по крайней мѣрѣ надежда, что казна, то-есть правительство намѣрено при помощи Крестьянскаго Банка выкупать землю нѣмецкихъ колоній посредствомъ принудительнаго отчужденія для устройства на нихъ русскихъ поселеній. Если это такъ, то этому намѣренію можно только радоваться. Но гдѣ же хотя малѣйшая гарантія, что это дѣйствительно такъ будетъ?

[1] „Ясно какъ Божій день, что въ губерніяхъ средней Россіи Крестьянскій Банкъ будетъ покупать имѣнія *лишь въ исключительныхъ случаяхъ... Главнымъ же образомъ дѣятельность Крестьянскаго Банка* по покупкѣ земли за свой счетъ будетъ развиваться *на окраинахъ*. Въ особенности тамъ, гдѣ съ этимъ дѣломъ связаны не одни лишь экономическіе интересы, но и политическіе". *Новое Время*, № 7093.

Digitized by Google

Надежда, высказанная въ видѣ полемическаго пріема въ газетѣ г. Суворина, не обязательна ни для кого, а тѣмъ менѣе для правительства, которое имѣетъ свои органы для того, чтобы высказывать свои намѣренія. Если бы въ самомъ законѣ о преобразованіи Крестьянскаго Банка или въ мотивахъ къ нему ясно и непреложно была выражена воля законодателя, чтобы главная дѣятельность Крестьянскаго Банка развивалась на окраинахъ, реформа его и не возбудила бы никакихъ тревогъ, и вся Россія радостно привѣтствовала бы ее какъ дѣло патріотическое. Теперь же намъ за это никто не ручается кромѣ газеты г. Суворина.

Таковы возраженія и опасенія лицъ, недовѣрчиво относящихся къ реформѣ Крестьянскаго Банка. Предстоящій десятилѣтній опытъ его дѣятельности докажетъ основательность или неосновательность этихъ возраженій и опасеній. Вся Россія будетъ слѣдить съ величайшимъ интересомъ за этою дѣятельностью, и мы посмотримъ, дѣйствительно ли, благодаря ей, на Кавказѣ русскія десятины будутъ отстаиваться противъ алчныхъ вожделѣній Армянъ, дѣйствительно ли въ Крыму, въ Екатеринославской и Волынской губерніяхъ одна нѣмецкая колонія за другою будетъ выкупаться русскою казной для устройства русскихъ поселеній и дѣйствительно ли, наконецъ, въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ русскій элементъ будетъ усиливаться, благодаря покупкѣ Крестьянскимъ Банкомъ польскихъ имѣній, въ которыя будутъ переселены крестьяне изъ малороссійскихъ и смежныхъ великорусскихъ губерній [1].

Если все это будетъ такъ, то при чемъ же тутъ „дворянскій вопросъ“? Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли Крестьянскій Банкъ, покупая *польскія* имѣнія и *нѣмецкія* колоніи, являться опаснымъ для русскаго дворянскаго землевладѣнія? Конечно, нѣтъ, *если* все это будетъ такъ.

VI.

Но есть еще другая причина, вызвавшая тревогу русскихъ дворянъ во время газетной полемики по вопросу о преобразованіи Крестьянскаго Банка: защитники этого преобразованія указывали на тотъ, къ сожалѣнію, безспорный фактъ, что дворянское землевладѣніе *само по себѣ* такъ быстро ликвидируется,

[1] Все это дословно обѣщано въ упомянутой статьѣ *Новаго Времени*.

Digitized by Google

что роль Крестьянскаго Банка въ этой ликвидаціи будетъ лишь самая минимальная, почти ничтожная; ликвидируется же дворянское землевладѣніе по винѣ самихъ-де дворянъ, которые, очевидно, какъ землевладѣльческое сословіе, отжили-де свой вѣкъ и должны естественнымъ образомъ уступить свое мѣсто крестьянскому землевладѣнію, ограничиваясь въ государствѣ лишь ролью безземельнаго служилаго сословія, пока они и изъ этой роли не будутъ вытѣснены безсословною интеллигенціей.

Такія мнѣнія открыто высказывались какъ въ органахъ либеральной партіи, такъ и въ томъ же *Новомъ Времени*, которому иными, совершенно неосновательно, приписывается нѣкоторая близость къ правительственнымъ сферамъ; въ оффиціальныхъ же органахъ самого правительства въ теченіе всего декабря 1895 года, то-есть въ самое тяжелое, критическое для дворянства время, когда шелъ наиболѣе горячій споръ о его существованіи, его заслугахъ и его задачахъ, не было сказано *ни одного слова*, которое могло бы показать дворянству, что крестъ надъ нимъ ставитъ одна только „либеральная“ клика, а не правительство. *Молчаніе правительства* среди громкой шумихи „либеральныхъ“ атакъ на дворянство—вотъ что́ главнымъ образомъ встревожило дворянъ во всемъ этомъ дѣлѣ преобразованія Крестьянскаго Банка, а не само преобразованіе.

Такимъ образомъ у насъ совершенно неожиданно выдвинулся на первый планъ *принципіальный* вопросъ о русскомъ дворянствѣ.

Какъ смотритъ правительство на сословіе русскихъ дворянъ? Обрекло-ли оно его на естественное вымираніе или считаетъ его существованіе полезнымъ и заслуживающимъ сохраненія?

Вотъ тѣ вопросы, которые такъ внезапно и такъ сильно взволновали дворянъ, не находя себѣ опредѣленнаго рѣшенія съ авторитетной стороны. А между тѣмъ это были вопросы самые существенные, жизненные, неотвязчивые, требовавшіе себѣ немедленнаго отвѣта въ ту или другую сторону, съ тѣмъ, чтобы разъ навсегда было рѣшено, *быть или не быть русскому дворянству*.

Сравнительно съ этимъ кореннымъ вопросомъ, будущая дѣятельность Крестьянскаго Банка существенной важности не имѣетъ, точно такъ же, какъ не имѣли существенной важности для сохраненія дворянскаго сословія тѣ льготы, которыя неоднократно оказывалъ дворянамъ Дворянскій Банкъ. Эти льготы не уменьшили замѣтнымъ образомъ ежегодной массовой продажи дворянскихъ имѣній, точно также, какъ новая дѣятельность

Digitized by Google

Крестьянскаго Банка замѣтнымъ образомъ этой продажи не увеличитъ; тутъ единственно важенъ принципіальный взглядъ правительства на дворянское сословіе.

Встревоженные дворяне разсуждали такимъ образомъ: *прежде* правительство по крайней мѣрѣ старалось такъ или иначе помочь сохраненію дворянскаго землевладѣнія; *теперь* оно не только объ этомъ не старается, но содѣйствуетъ даже переходу дворянскихъ имѣній въ крестьянскія руки; слѣдовательно—правительство *измѣнило свой взглядъ на дворянское землевладѣніе въ частности и на дворянство вообще.*

Такое разсужденіе было, очевидно, совершенно неосновательно; явилось оно только потому, что оно было на руку нашимъ „либераламъ", и потому, что правительство, понимая его неосновательность, не находило нужнымъ выступать съ оффиціальнымъ его опроверженіемъ. Молчаніе правительства въ данномъ случаѣ „либералы" толковали, какъ знакъ согласія съ ихъ собственною антидворянскою проповѣдью, и дворяне повѣрили этому вздорному толкованію. Вся эта фальшивая тревога кончилась лишь тогда, когда съ высоты Престола раздались милостивыя слова въ отвѣтъ на дворянскіе адресы,—слова, осчастливившія русское дворянство выраженіемъ неизмѣннаго къ нему довѣрія Верховнаго Вождя Россіи.

Да и могло ли быть иначе? Можно ли было допустить мысль, что антидворянская агитація нашихъ либераловъ могла найти себѣ какой-нибудь отзвукъ въ правительственныхъ сферахъ, озабоченныхъ упроченіемъ, а не разрушеніемъ историческихъ основъ Россіи?

Нашимъ „либераламъ" дворянство ненавистно прежде всего уже потому, что оно—сословіе; въ либеральномъ же катихизисѣ сказано, что сословія, какъ несомнѣнные элементы зла, подлежатъ упраздненію. Почему? Да просто потому, что въ Западной Европѣ они тоже упраздняются, а кое-гдѣ даже совсѣмъ уже упразднены, мы же должны во всемъ рабски подражать Европѣ!

У нашихъ „либераловъ" есть еще и другая причина, побуждающая ихъ требовать уничтоженія всѣхъ сословій вообще, а дворянскаго сословія въ особенности: они очень хорошо знаютъ, что безсословное государство должно неминуемо превратиться сперва въ конституціонную монархію, а потомъ въ республику, а такъ какъ они мечтаютъ и Россію надѣлить сперва первою, а потомъ и второю изъ названныхъ формъ правленія, то для нихъ

Digitized by Google

весьма естественно желать, чтобы правительство какъ можно скорѣе приступило къ уничтоженію сословнаго строя Россіи и къ замѣнѣ его строемъ конституціоннымъ.

Для нашихъ „либераловъ“ подобныя вздорныя желанія весьма естественны; но какое-же мы имѣли право предполагать, что и правительство сочувствуетъ этимъ желаніямъ и намѣрено ихъ осуществить? Что „либералы“ стремятся уничтожить русское самодержавіе, это возмутительно, но все-таки вполнѣ понятно; но чтобы само самодержавное правительство стремилось къ самоуничтоженію,—этого ни одинъ здравомыслящій человѣкъ допустить не можетъ.

Но почему же, спросятъ насъ, уничтоженіе сословій повлечетъ за собой и уничтоженіе русскаго самодержавія?

Вотъ на этотъ вопросъ намъ нужно будетъ отвѣтить прежде всего, такъ какъ связь сословнаго строя русскаго государства съ самодержавіемъ Русскаго Царя для многихъ, къ сожалѣнію, не ясна, а между тѣмъ связь эта, при внимательномъ изученіи вопроса, вполнѣ очевидна.

VII.

Всѣмъ извѣстно или по крайней мѣрѣ должно было-бы быть извѣстнымъ, что русское дворянство, какъ сословіе, кореннымъ образомъ отличается отъ дворянства западно-европейскаго, какъ по своему происхожденію и своей исторіи, такъ и по своему существу, то-есть по своему отношенію къ другимъ сословіямъ, съ одной стороны, и къ государю—съ другой.

Западно-европейское дворянское сословіе всецѣло возникло изъ феодальной системы, съ нею держалось, съ нею и пало. Дворяне-феодалы были прежде всего завоевателями чужой страны, поработителями чужаго народа, оградившими себя отъ побѣжденныхъ цѣлымъ рядомъ привилегій, подобающихъ побѣдителямъ; образовалась дворянская каста, съ презрѣніемъ взиравшая съ вершинъ своихъ замковъ на горожанъ и крестьянъ, какъ на людей низшаго, рабскаго (первоначально иноплеменнаго для завоевателей) происхожденія. Къ своему сюзерену, королю, феодальные дворяне относились не какъ подданные наравнѣ съ прочими подданными, а какъ равные къ равному, и самъ онъ чувствовалъ себя лишь „первымъ между равными“.

Къ дворянскому сословію западно-европейскій государь не могъ относиться съ такимъ же чувствомъ какъ къ мѣщанскому

Digitized by Google

или крестьянскому сословію: онъ не могъ быть для всѣхъ безпристрастнымъ, верховнымъ судьей, отцемъ *всего* народа, одинаково пекущимся о благѣ *всѣхъ* его сословій, примиряющимъ *всѣ* ихъ интересы; онъ всегда считался лишь съ интересами дворянства (и духовенства, когда онъ съ нимъ не боролся), а ко всему остальному народу относился какъ къ народной стихіи, подлежащей безжалостной эксплуатаціи на пользу короля, дворянъ и духовенства, въ которыхъ и сосредоточивались всѣ государственные интересы.

Такая несправедливая односторонность должна была вызвать, и дѣйствительно вызвала, революцію низшихъ сословій противъ привилегій высшихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ королевской власти, которая въ сущности тоже была лишь самою высшею привилегіей среди прочихъ высокихъ дворянскихъ привилегій. Въ однихъ государствахъ королевская власть пала окончательно, въ другихъ она пала на половину, попавъ въ конституціонныя оковы, а вмѣстѣ съ нею пали и привилегіи дворянскаго сословія, а слѣдовательно, и всѣ границы, отдѣлявшія одно сословіе отъ другихъ: образовалось всесословное или безсословное государство, въ которомъ дворянство сохранило лишь почетное положеніе (никѣмъ въ сущности кромѣ него самого не признаваемое) и постепенно утрачиваетъ всякое реальное значеніе, коль скоро оно не связано съ крупнымъ богатствомъ. Въ одной только Англіи дворянство имѣетъ еще выдающееся государственное значеніе благодаря палатѣ лордовъ, сохранившей свою древнюю организацію; но, какъ извѣстно, дни ея сочтены, а вмѣстѣ съ ними сочтены и дни государственнаго значенія англійскаго верховнаго сословія.

Такимъ образомъ въ Западной Европѣ дворянское сословіе пало, потому что тамъ пала власть государя; выводить изъ этого факта, по аналогіи, необходимость паденія дворянскаго сословія въ Россіи можно только въ томъ случаѣ, если не знать или игнорировать существенное различіе между русскою и западно-европейскою исторіей вообще и между исторіей русскаго и западно-европейскаго дворянства въ особенности.

Въ Россіи дворянское сословіе по своему происхожденію ничего общаго съ западно-европейскимъ дворянствомъ не имѣетъ; если среди русскихъ дворянъ и имѣются еще нѣкоторые прямые потомки не русскихъ, напримѣръ варяжскихъ, предковъ, то они совершенно исчезаютъ среди сотенъ тысячъ чисто русскихъ дворянскихъ родовъ; къ тому же варяжскіе князья явились въ Россію, во

Digitized by Google

всякомъ случаѣ, не какъ гордые покорители чуждаго и презираемаго ими народа, подобно Франкамъ, заполонившимъ Галлію или Норманнамъ завоевавшимъ Англію. Они нашли уже на мѣстѣ вліятельныхъ, „лучшихъ“ людей, бояръ, которыхъ они привлекали въ свои дружины, предлагая имъ *служить* князю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и землѣ своимъ умомъ, своимъ вліяніемъ и своею доблестью. Въ западной Европѣ вассалы тоже служили своему сюзерену. Но въ чемъ заключалась эта служба? Въ томъ, что они ему помогали хищническимъ нашествіемъ порабощать чуждую имъ страну, за что и получали каждый свою часть изъ общей добычи въ полное свое владѣніе съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ войны, являться къ своему сюзерену съ вооруженными на свой счетъ отрядами конницы и пѣхоты. Совершенно иною была служба русскихъ бояръ своему князю, какъ при дворѣ его въ качествѣ „княжихъ мужей“ и „дворянъ“ (въ первоначальномъ значеніи этого слова), такъ и въ подвластныхъ ему городахъ и селахъ въ качествѣ земскихъ бояръ и „старѣйшинъ градскихъ“. Князь высоко чтилъ этихъ вѣрныхъ своихъ совѣтчиковъ въ Думѣ, исполнителей его воли во всѣхъ областяхъ государства, храбрыхъ воителей на ратномъ полѣ, подававшихъ всему народу примѣръ беззавѣтной преданности вѣрѣ, престолу и отечеству, но онъ изъ за нихъ не забывалъ и остальныхъ своихъ вѣрноподданныхъ, онъ не былъ, по западному образцу, лишь „первымъ между равными“, а стоялъ такъ же высоко надъ боярами, какъ надъ остальнымъ народомъ, относясь ко всѣмъ его сословіямъ съ одинаковою заботливостью и любовью. Служба князю, а въ послѣдствіи царю, была вмѣстѣ съ тѣмъ и службой народу, службой Россіи.

Такъ создалось въ теченіе вѣковъ русское *служилое* дворянское сословіе, создавшее въ свою очередь своею службой все исполинское Русское государство во всемъ его величіи, могуществѣ и славѣ.

Исторія русскаго дворянства свидѣтельствуетъ о высокихъ, неисчислимыхъ заслугахъ его передъ Россіей и о томъ, какъ высоко цѣнилъ эти заслуги какъ царь, такъ и народъ русскій. Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ русское дворянство оставалось вѣрнымъ своему основному характеру служилаго сословія, подвергалось различнымъ преобразованіямъ, пріобрѣтало, утрачивало, измѣняло свои привилегіи и дожило до второй половины XIX столѣтія, когда ему суждено было подвергнуться самымъ тяжкимъ испытаніямъ, изъ которыхъ оно вышло, потерявъ мно-

Digitized by Google

гое, но сохранивъ свою честь незапятнанною: русскій дворянинъ является до сихъ поръ синонимомъ человѣка безусловно честнаго, благороднаго и всецѣло преданнаго Россіи.

VIII.

Тѣ тяжкія испытанія, которымъ подверглось нынѣ русское дворянство, вызваны не крестьянскою реформой 1861 года, а лишь неудачнымъ ея осуществленіемъ.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было вызвано не только филантропическими соображеніями, но и государственною необходимостью. Нельзя было оставить многомилліонное крестьянское населеніе въ совершенно ненормальныхъ условіяхъ, препятствовавшихъ Царской власти имѣть о немъ такое же *непосредственное* попеченіе, какое она имѣла объ остальныхъ сословіяхъ русскаго народа.

Крѣпостное состояніе крестьянъ существовало въ Россіи уже болѣе трехъ столѣтій и вызывало неоднократныя мѣры правительства, которое старалось такъ или иначе упорядочить этотъ сложный вопросъ, отражавшійся на всей государственной жизни Россіи; но всѣ эти мѣры были неудачны; одною изъ самыхъ неудачныхъ мѣръ было созданіе въ 1746 году той привилегіи для дворянъ, которая предоставляла имъ однимъ право имѣть крѣпостныхъ крестьянъ, тогда какъ раньше они въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличались отъ купцовъ, монастырскихъ слугъ, цеховыхъ и даже самихъ крестьянъ [1]. Привилегія эта существовала всего 115 лѣтъ, съ 14 марта 1746 г. по 19 февраля 1861 года, и никому не принесла столько вреда, какъ самому дворянству.

Безчеловѣчныя злоупотребленія этою привилегіей, допущенныя отдѣльными помѣщиками, составлявшими позорное исключеніе среди всего дворянства, наложили на все сословіе незаслуженное, но, къ сожалѣнію, неизгладимое пятно: всѣ безъ разбора русскіе дворяне были приравнены къ какимъ-то извергамъ-рабовладѣльцамъ, и когда наступило время положить конецъ

[1] Мы это видимъ изъ Указа 14 марта 1746 года: „впредь купечеству, архіерейскимъ и монастырскимъ слугамъ и боярскимъ слугамъ и крестьянамъ, и написаннымъ къ купечеству и въ цехъ, также казакамъ и ямщикамъ и разнымъ разночинцамъ, состоящимъ въ подушномъ окладѣ, людей и крестьянъ безъ земель и съ землями покупать во всемъ государствѣ запретить."

Digitized by Google

крѣпостному состоянію русскихъ крестьянъ, то конецъ этотъ былъ положенъ съ такою необдуманностью и поспѣшностью, благодаря самимъ же дворянамъ, стремившимся какъ можно скорѣе выйти изъ состоянія „изверговъ“, и съ такимъ рабскимъ отношеніемъ къ западно-европейскимъ фразамъ и доктринамъ, что послѣдствія этой лихорадочной торопливости и механической шаблонности не заставили себя ждать. Вмѣсто того чтобы заранѣе обезпечить будущее благосостояніе освобожденныхъ крестьянъ сохраненіемъ естественною связью ихъ съ сосѣдними помѣщиками, переставшими быть ихъ владѣльцами, но имѣвшими всѣ права и данныя на то, чтобы оставаться, въ строгихъ предѣлахъ закона, добрыми попечителями и руководителями крестьянъ въ новой ихъ жизни; вмѣсто того, чтобы позаботиться именно объ этой сторонѣ вопроса, эманципаторы 1861 года совершенно отложили его въ сторону, предоставили крестьянамъ одну абсолютную свободу и полное самоуправленіе, разорвавъ всякую органическую связь между ними и помѣстнымъ дворянствомъ и всюду создавъ сразу два враждебные другъ другу элемента, призванные трудиться на одной и той же нивѣ: съ одной стороны—лишенное прежняго своего вліянія и прежнихъ средствъ, непривычное къ труду, дворянство, а съ другой—предоставленное на произволъ судьбы, непривычное къ свободѣ, крестьянство.

Легко можно было предвидѣть, что должно было послѣдовать изъ такого поверхностнаго рѣшенія вопроса, которое было навѣяно чуждыми намъ западными доктринами и совершенно игнорировало историческія условія нашей сельской жизни; такое рѣшеніе вопроса въ сущности его не рѣшило, а лишь замѣнило цѣлымъ рядомъ новыхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ, которые все болѣе усложнялись и привели насъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ къ той ужасной картинѣ сельской жизни, которая намъ слишкомъ хорошо извѣстна: либо спившаяся и одичалая деревня въ рукахъ безжалостнаго кулака рядомъ съ обнищавшею дворянскою усадьбой, либо поголовное выселеніе дворянъ въ города, а крестьянъ—куда глаза глядятъ: такъ мудро былъ рѣшенъ дворянско-крестьянскій вопросъ въ 1861 году, что какъ дворяне, такъ и крестьяне бросились бѣжать изъ насиженныхъ своихъ мѣстъ, предпочитая разстаться съ вѣковымъ своимъ прадѣдовскимъ гнѣздомъ, нежели пользоваться плодами великой реформы 1861 года.

Двадцать слишкомъ лѣтъ продолжался этотъ повальный разгромъ сельской жизни, пока наконецъ въ Бозѣ почившій Госу-

Digitized by Google

дарь, среди другихъ спасшихъ Россію мѣропріятій, приступилъ и къ тѣмъ мѣрамъ, которыя должны были по возможности исправить ошибки, допущенныя въ 1861 году, и положить начало законному порядку въ земской жизни, въ которой господствовала такая анархія. Такою мѣрой было учрежденіе института земскихъ начальниковъ, положившихъ предѣлъ вопіющимъ злоупотребленіямъ крестьянскаго самоуправленія. Такою мѣрой было учрежденіе Дворянскаго и Крестьянскаго Банковъ, пришедшихъ на помощь дворянскому и крестьянскому землевладѣнію. Такою мѣрой было и провозглашеніе неотчуждаемости *крестьянской* земли въ некрестьянскія руки. Такая же мѣра, касающаяся неотчуждаемости *дворянскихъ* земель, подготовлялась въ законодательныхъ сферахъ, но не получила своего осуществленія вслѣдствіе преждевременной кончины Государя.

IX.

Реорганизація помѣстной жизни останется навсегда одною изъ самыхъ выдающихся заслугъ Александра III, свидѣтельствуя о вѣрномъ Его пониманіи необходимости какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго землевладѣнія, а слѣдовательно и дворянскаго и крестьянскаго сословія съ ихъ отдѣльными интересами, сливающимися, по усмотрѣнію Царя, въ общій государственный интересъ.

Монархическое самодержавное государство отличается отъ демократическаго тѣмъ, что въ первомъ сословный строй *необходимъ*, во второмъ онъ совершенно излишенъ.

Въ самодержавномъ государствѣ вся правительственная власть сосредоточена въ рукахъ Государя, другаго источника власти кромѣ Государя нѣтъ, и никто не призванъ вѣдать правительственныя дѣла, кромѣ тѣхъ, кто къ сему назначенъ Государемъ. Всѣ граждане могутъ спокойно заниматься каждый своимъ спеціальнымъ частнымъ дѣломъ, и при этомъ каждый изъ нихъ можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что, пока онъ самъ находится въ предѣлахъ законности, никто не посмѣетъ посягнуть на его свободу, никто не нарушитъ его интересовъ, никто не будетъ препятствовать его мирной дѣятельности. Въ самодержавномъ государствѣ осуществляются, слѣдовательно, наилучшимъ образомъ высшія требованія законной справедливости, удѣляющей *каждому свое* (suum cuique) и обезпечивающей каждому свободное пользованіе своимъ законнымъ достояніемъ и безпрепятственное занятіе своимъ дѣломъ.

Digitized by Google

Въ демократическомъ государствѣ этого быть не можетъ: тамъ каждый гражданинъ является частичнымъ источникомъ власти и призванъ заниматься не только своимъ дѣломъ, но и государственнымъ, а слѣдовательно вторгаться въ чужія дѣла, чужіе интересы.

Къ какимъ неурядицамъ и къ какому нарушенію справедливости приводитъ такая государственная теорія, мы ясно видимъ на примѣрахъ западно-европейскихъ демократическихъ государствъ, терзаемыхъ непримиримыми раздорами отдѣльныхъ партій, которыя желаютъ перехватить другъ у друга какъ можно больше власти. Дѣло въ томъ, что въ такихъ государствахъ граждане дѣлятся не на сословія по общему характеру своихъ занятій и частныхъ интересовъ, а на политическія партіи для борьбы между собой изъ-за государственной власти.

Совершенно иное мы видимъ въ самодержавномъ государствѣ: здѣсь борьба партій изъ-за правительственной власти немыслима, а потому отдѣльные граждане соединены между собою въ обширныя группы, сословія, не съ политическою цѣлью, а съ цѣлью выясненія и охраненія своихъ спеціальныхъ, но общихъ всему сословію интересовъ.

Въ демократическомъ государствѣ желанія и нужды народа могутъ быть узнаны лишь посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, то-есть личнаго опроса каждаго въ отдѣльности гражданина; въ результатѣ получаются милліоны отдѣльныхъ голосовъ, которые въ сущности вовсе не выражаютъ желаній и нуждъ народа, а лишь желанія и происки различныхъ партійныхъ вожаковъ, борящихся между собою изъ-за правительственной власти и оперирующихъ съ этою цѣлью голосами избирателей, которыхъ они себѣ подчиняютъ всякими правдами и неправдами.

Въ самодержавномъ же государствѣ одинъ лишь государь является верховнымъ рѣшителемъ всѣхъ вопросовъ, касающихся нуждъ и интересовъ его народа. Имѣя предъ собою народъ, раздѣленный на отдѣльныя сословія, онъ можетъ съ полною точностью узнать и опредѣлить все, что каждому сословію нужно, и, сличивъ нужды отдѣльныхъ сословій между собою, онъ руководится общимъ государственнымъ благомъ въ своевременномъ удовлетвореніи тѣхъ или другихъ сословныхъ нуждъ въ той или другой формѣ. При своемъ верховномъ рѣшеніи ему приходится принимать въ разчетъ не властолюбивые, а потому непримиримые интересы враждующихъ между собою политическихъ партій, а реальные жизненные интересы отдѣльныхъ сословій, мирно

Digitized by Google

уживающихся другъ съ другомъ, такъ какъ каждое занято *своимъ* дѣломъ.

Уничтожьте сословія въ самодержавномъ государствѣ, заставьте громадные камни, изъ которыхъ сложено государственное зданіе, разсыпаться въ мелкія песчинки,—и вы этимъ самымъ подготовите введеніе въ государственный организмъ либо восточнаго деспотизма, либо западной демократіи, то-есть въ томъ и другомъ случаѣ формы правленія неизмѣримо худшей, чѣмъ русское самодержавіе, и знаменующей собой предсмертное разложеніе государства. Эту истину съ необыкновенною наглядностью развилъ и доказалъ К. Н. Леонтьевъ въ знаменитой VI главѣ своего *Византизма* и *Славянства* [1], и сомнѣваться въ ней могутъ только люди, намѣренно закрывающіе передъ нею свои глаза.

Вотъ поэтому-то наши либералы такъ и добиваются уничтоженія сословнаго строя въ Россіи, очень хорошо понимая, что вслѣдъ за паденіемъ сословій неминуемо должно будетъ пасть и самодержавіе. Какъ нельзя управлять войскомъ, въ которомъ уничтожено различіе между отдѣльными родами оружія, въ которомъ пѣхота, конница, артиллерія и обозъ перемѣшались въ одну хаотическую массу, точно такъ же немыслимо управлять государствомъ, состоящимъ не изъ отдѣльныхъ пополняющихъ другъ друга и помогающихъ другъ другу сословій, а изъ хаотической массы отдѣльныхъ равноправныхъ единицъ, раздѣлившихся на непримиримыя междоусобныя партіи съ цѣлью захватить, во имя права сильнаго, правительственную власть въ свои руки.

X.

Мы только что сказали, что въ самодержавномъ государствѣ отдѣльныя сословія дополняютъ другъ друга и помогаютъ другъ другу, хотя, или вѣрнѣе, *потому что* каждое изъ нихъ занято своимъ дѣломъ.

Какимъ же дѣломъ занято дворянское сословіе? Какая его роль въ общегосударственномъ организмѣ?

Царская служба.

Для управленія государствомъ Царь нуждается въ вѣрныхъ и преданныхъ Ему исполнителяхъ воли Его. Это должны быть люди наиболѣе просвѣщенные, наиболѣе дорожащіе своею че-

[1] К. Н. Леонтьевъ, *Востокъ, Россія и Славянство*, т. I. (Москва, 1885) стр. 136—143.

Digitized by Google

стью, выработавшіе себѣ прочныя служебныя традиціи и имѣющіе наибольшій досугъ для того, чтобы, безъ ущерба для личныхъ своихъ дѣлъ, служить дѣлу Государеву. Изо всѣхъ сословій одно только дворянское соотвѣтствуетъ этимъ условіямъ. Ни купцы, ни ремесленники, ни мѣщане, ни крестьяне, ни духовенство не могутъ быть тѣмъ по преимуществу *служилымъ* сословіемъ, коимъ всегда было на Руси дворянство.

Дворянство, служа Государю, создало Россію и этимъ сослужило всей Россіи такую службу, которая обезпечиваетъ ему навсегда первенствующее въ государствѣ мѣсто, не въ смыслѣ особыхъ привилегій, тѣснящихъ мирное развитіе остальныхъ сословій (какимъ была привилегія крѣпостнаго права), а въ смыслѣ особаго преимущества на государственную службу. Сословія въ Россіи—не касты; они не отгорожены другъ отъ друга непреодолимыми преградами; переходъ изъ одного сословія въ другое доступенъ всякому;въ одно лишь дворянское сословіе можно войти не иначе какъ черезъ государственную службу или же путемъ исключительной Царской милости, для которой, разумѣется, не можетъ быть преградъ ни въ жалованіи дворянствомъ, ни въ привлеченіи на всякія ступени государственной службы представителей какихъ угодно сословій, коль скоро они по своимъ индивидуальнымъ качествамъ окажутся полезными для исполненія того или другого порученнаго имъ Государева дѣла.

Выше мы указали, что однимъ изъ условій для несенія государственной службы должно быть обладаніе достаточнымъ досугомъ отъ личныхъ своихъ дѣлъ. Въ чемъ же заключается личное дѣло дворянства?

Въ землевладѣніи и земледѣліи.

Таково же въ сущности и личное дѣло крестьянства, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе типическихъ для Россіи земледѣльческихъ районахъ. Но дворянское и крестьянское землевладѣніе и земледѣліе не могутъ замѣнить другъ друга, а должны идти рука объ руку, дополняя другъ друга, подобно тому какъ фабричное и кустарное производства другъ друга замѣнить не могутъ, а должны другъ другу помогать.

Въ земледѣліи есть сторона научная и сторона техническая; та и другая должны постоянно совершенствоваться, приспособляясь какъ къ мѣстнымъ условіямъ, такъ и къ требованіямъ сбыта; для этой цѣли необходимо производить реціональные опыты и точныя наблюденія, для того чтобы достигнуть *въ одно и то же время* наиболѣе дешевыхъ и наиболѣе совершенныхъ

Digitized by Google

произведеній земледѣлія; эти опыты и эти наблюденія могутъ быть осуществлены лишь въ крупныхъ помѣстьяхъ владѣльцами, стоящими по своему развитію и образованію на высокомъ уровнѣ, а именно помѣстнымъ дворянствомъ; крестьяне могутъ примѣнять на своихъ поляхъ лишь готовые результаты долголѣтнихъ и сложныхъ работъ, произведенныхъ въ широкихъ размѣрахъ на дворянскихъ опытныхъ поляхъ. Прогоните дворянство съ его земель, передайте ихъ крестьянамъ, и вы обречете наше земледѣліе на вѣчный застой и на неминуемое паденіе.

Работая надъ своею землей, дворянство однако не приковано къ этой работѣ до такой степени, чтобъ оно не могло, какъ мы видѣли выше, служить государству.

Служба эта двоякая: центральная и помѣстная; для той и для другой дворянство должно быть не только служилымъ, но и землевладѣльческимъ сословіемъ.

Лишь близкое, непосредстденное знакомство съ землею, съ реальными условіями мѣстной жизни, можетъ предохранить государственнаго дѣятеля, служащаго въ центральной администраціи, отъ безпочвенныхъ фантазій и доктринерскихъ увлеченій, возникающихъ за письменнымъ столомъ теоретика. Для того чтобы дворянское служилое сословіе не превратилось въ канцелярскую бюрократію, ему необходимо возможно частое соприкосновеніе съ жизненными интересами дѣйствительной мѣстной земской жизни; а съ другой стороны, принимая участіе въ этой земской жизни, дворянство вноситъ въ нее элементъ просвѣщенной законности и добраго порядка, какъ мы это видимъ въ дѣятельности громаднаго большинства земскихъ начальниковъ и представителей дворянства въ земскихъ собраніяхъ [1]. Что стало бы съ нашими центральными администраторами, еслибъ они утратили непосредственное знакомство съ земскою жизнью? Что стало бы съ земствами, еслибъ въ нихъ совершенно исчезъ дворянскій элементъ?

XI.

Мы такимъ образомъ видимъ, что 1) для самодержавнаго государства необходимъ сословный строй, что 2) для сословнаго строя необходимо особое служилое сословіе, которымъ у насъ является сословіе дворянское, и что 3) служилое дворянское сословіе должно быть сословіемъ земледѣльческимъ.

[1] Тверскіе дворяне составляютъ то исключеніе, которымъ, какъ извѣстно, подтверждается правило.

Digitized by Google

Всю важность и необходимость этого послѣдняго условія совершенно ясно понималъ въ Бозѣ почившій Государь. Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ дворянству 21 апрѣля 1885 года, по случаю столѣтняго юбилея Жалованной дворянству Грамоты, Императоръ Александръ III выразилъ желаніе, чтобы „дворяне тѣмъ болѣе привлекались къ постоянному пребыванію въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ предстоитъ имъ преимущественно приложить свои силы къ дѣятельности, требуемой отъ нихъ долгомъ ихъ званія". Государь признавалъ за благо, „чтобы россійскіе дворяне и нынѣ, какъ и въ прежнее время, сохраняли первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, въ распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры и вѣрности и здоровыхъ началъ народнаго образованія".

Таковъ былъ взглядъ Александра III на государственное призваніе русскаго дворянства, взглядъ, основанный на историческихъ традиціяхъ нашего отечества и на вѣрно понятыхъ потребностяхъ современныхъ условій нашей государственной жизни.

Могъ ли этотъ единственно вѣрный взглядъ уступить нынѣ мѣсто совершенно противоположному взгляду, считающему дворянство безполезнымъ сословіемъ, а землевладѣніе его даже нежелательнымъ?

Конечно нѣтъ, какъ бы насъ въ этомъ либералы ни увѣряли.

Совершенно такъ же, какъ Александръ III, смотрятъ на свое призваніе, на свой долгъ и сами дворяне. Вотъ что читаемъ мы въ адресѣ, которымъ московское дворянство благодарило Государя за упомянутый выше Рескриптъ отъ 21 апрѣля 1885 года:

„Со времени Жалованной Грамоты все измѣнилось вокругъ; измѣнилось и положеніе дворянства. Личныя права и вольности, дарованныя дворянскому званію, распространились и на другія сословія, становясь всенароднымъ достояніемъ. Но остается первенствующее сословіе народа, искони служившее Русскому Царству въ его созданіи и управленіи и неизмѣнно хранящее свое неотъемлемое, ибо прирожденное ему, право быть въ первомъ ряду на службѣ Престолу и Отечеству и, по слову Жалованной Грамоты, „не щадить ни труда, ни самаго живота для службы Государственной, когда таковая Россійскому Самодержавію потребна будетъ". Во Всемилостивѣйшемъ Рескриптѣ Вашего Величества мы слышимъ призывъ къ дворянской службѣ. Богъ да поможетъ Вамъ, Государь, обратить на пользу общую государственный и вмѣстѣ земскій духъ Русскаго дворянства, дорогое наслѣдіе отечественной исторіи, изъ рода въ родъ идущій

Digitized by Google

завѣтъ вѣрности долгу и чести. Призывая дворянство къ новой службѣ, мудрая попечительность Вашего Величества направляетъ свои заботы прежде всего къ поддержанію потрясеннаго дворянскаго землевладѣнія. Только крѣпкое землѣ и сильное своимъ землевладѣніемъ дворянство можетъ успѣшно нести свойственную ему и для всѣхъ полезную службу. Дворяне вмѣстѣ съ лицами другихъ сословій наполняютъ всѣ сферы государственной и общественной дѣятельности; но дворянскую службу правитъ организованное для ней помѣстное дворянство чрезъ свои выборы въ лицѣ своихъ предводителей. Предстоящее преобразованіе губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій можетъ обновить на общую пользу, согласно выраженному во Всемилостивѣйшемъ Рескриптѣ благоизволенію Вашего Величества, первенствующее значеніе дворянства въ устройствѣ мѣстнаго управленія и суда. Въ своемъ нынѣшнемъ положеніи дворянство, какъ сословіе, не имѣетъ особыхъ интересовъ, которые могли бы разнить его съ другими сословіями. Нѣтъ ни одной нужды народной, ни одной государственной потребности, которая не была бы и его нуждой, и его потребностью. Дворянству дорого то и только то, что дорого для всѣхъ: неприкосновенность Верховныхъ правъ Самодержавной власти, которою все зиждется и держится въ нашемъ отечествѣ, цѣлость, единство и честь государства, утвержденіе порядка и обезпеченіе всякаго права".

Послѣднія слова московскаго адреса особенно знаменательны: въ нихъ провозглашается тотъ самый девизъ *законности*, который нынѣ либералы пытаются присвоить себѣ, чтобы подъ этимъ фальшивымъ флагомъ провести къ намъ контрабандой всякіе элементы беззаконія и безпорядка. Какова иронія судьбы! Одиннадцать лѣтъ тому назадъ понятіе законности неразрывно связывалось съ неприкосновенностью Верховныхъ правъ Самодержавной власти, а нынѣ о законности кричатъ наши либералы, злѣйшіе враги основныхъ законовъ Россіи, установившихъ неприкосновенность Самодержавной власти.

Но этого вопроса мы здѣсь касаемся лишь мимоходомъ. Главная суть московскаго адреса 1885 года заключается въ томъ, что дворянство считаетъ небходимою свою „крѣпость землѣ" и заявляетъ солидарность своихъ интересовъ съ интересами всего государства.

Дѣйствительно, одно съ другимъ тѣсно связано.

Digitized by Google

XII.

Дворянство, дорожа своимъ землевладѣніемъ, не можетъ не дорожить всѣмъ тѣмъ, чѣмъ дорожитъ Россія: мирнымъ развитіемъ культурнаго благосостоянія и законнаго порядка въ Россіи, сохраненіемъ историческихъ ея завѣтовъ, ея цѣлостью, единствомъ и честью. Всякая невзгода, обрушивающаяся на Россію, тѣмъ самымъ обрушивается и на дворянство, если оно является сословіемъ землевладѣльскимъ, а потому ни одно сословіе не заинтересовано въ такой степени въ отвращеніи всякихъ невзгодъ отъ Россіи, какъ дворянство. Безземельное же дворянство можетъ выдѣлить изъ себя лишь бюрократовъ, карьеристовъ и авантюристовъ, которые будутъ подвергать Россію самымъ опаснымъ экспериментамъ, благо имъ самимъ при этомъ терять нечего, а есть даже нѣкоторые шансы кое-что пріобрѣсти.

Всѣ эти обстоятельства слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду при рѣшеніи вопроса о необходимости существованія дворянскаго сословія въ Россіи. Мы видимъ, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только въ утвердительномъ смыслѣ, такъ какъ самое существованіе Россіи какъ самодержавнаго государства находится въ зависимости отъ существованія въ немъ особаго служилаго, земледѣльческаго сословія, являющагося естественнымъ хранителемъ историческихъ завѣтовъ, законнаго порядка и благого просвѣщенія Россіи, и выработавшаго въ своей средѣ вѣковыя традиціи вѣрной и честной службы Царю и Отечеству какъ въ обще-государственной, такъ и въ земской жизни.

А если это такъ, можетъ ли быть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что Русскіе Цари всегда столько же заботятся о существованіи русскаго дворянства, какъ и о существованіи прочихъ сословій, изъ которыхъ прочно сложено все исполинское строеніе Россійскаго государства?

Если въ настоящее время русское дворянство переживаетъ тяжкій кризисъ, вызванный доктринерскими увлеченіями и ошибками великой реформы 1861 года и усложнившійся измѣненіями условій міроваго хлѣбнаго рынка, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что дворянство этого кризиса не переживетъ и что не наступятъ другія лучшія времена для нашего сельскаго хозяйства, а слѣдовательно и для дворянства. Чтобы поддержать дворянство въ это критическое время, требуется лишь одно: всѣми мѣрами облегчить и поднять сельское

Digitized by Google

хозяйство; въ этомъ облегченіи и поднятіи заинтересовано не одно дворянство, но и вся Россія; такимъ образомъ въ настоящее время достаточно правительству серіозно заботиться о Россіи, чтобы тѣмъ самымъ помочь и дворянству, такъ какъ его сельско-хозяйственные интересы совпадаютъ съ сельско-хозяйственными интересами всего государства.

Враги дворянства упрекаютъ его въ томъ, во-первыхъ, что оно само виновато въ наступившемъ для него критическомъ положеніи, а, во-вторыхъ, въ томъ, что оно въ этомъ кризисѣ не оказалось на высотѣ своего положенія и само приступило къ своей ликвидаціи, выпустивъ изъ своихъ рукъ въ тридцать пять лѣтъ чуть не треть дворянскихъ земель.

Какъ тотъ, такъ и другой упрекъ свидѣтельствуютъ о весьма поверхностномъ знакомствѣ съ даннымъ вопросомъ.

Мы выше указали на тѣ двѣ причины, которыя вызвали и усложнили настоящій кризисъ: необдуманная поспѣшность и доктринерскій духъ реформы 1861 года съ одной стороны, и измѣнившіяся условія міроваго хлѣбнаго рынка съ другой. Правда, реформаторами 1861 года были сами же дворяне, и на нихъ, слѣдовательно, падаетъ главная вина за ошибки, внесенныя въ эту реформу; но враги дворянства считаютъ эти самыя ошибки лучшими сторонами эманципаціонной реформы и ставятъ ихъ въ заслугу, а не въ упрекъ дворянству. А въ такомъ случаѣ нельзя винить дворянство и въ тѣхъ роковыхъ и разорительныхъ для него послѣдствіяхъ, которыя неминуемо должны были наступить какъ прямой результатъ реформы 1861 года. Однимъ изъ такихъ послѣдствій должно было быть обезземеленіе значительной части дворянства, и это послѣдствіе дѣйствительно наступило. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что дворянское землевладѣніе должно совершенно исчезнуть. Если разлившаяся рѣка входитъ въ свои берега, то это вовсе не обозначаетъ, что и все руслo ея высохнетъ и что даже сама рѣка стала ненужною. Въ борьбѣ за существованіе, которое нынѣ переживаетъ русское дворянство, побѣдителями несомнѣнно останутся болѣе энергичные и жизнеспособные представители его, но правительству вовсе не слѣдуетъ равнодушно смотрѣть на эту борьбу, предоставивъ дворянство собственной участи, какъ-будто его участь ничего не имѣетъ общаго съ участью Россіи; напротивъ того, благосостояніе Россіи требуетъ, чтобы было обезпечено и благосостояніе дворянства, и надъ этимъ обезпеченіемъ должно неустанно трудиться и дворянство и правительство.

Digitized by Google

Мы не пишемъ проектовъ обновленія и сохраненія дворянскаго сословія въ Россіи: это дѣло законодательныхъ сферъ правительства. Но мы не можемъ не высказать мысли, которая намъ постоянно приходитъ при видѣ длинныхъ списковъ дворянскихъ имѣній, переходящихъ въ собственность Дворянскаго Банка, а слѣдовательно и въ собственность государства.

Русское дворянство, какъ служилое землевладѣльческое сословіе, не есть каста, окруженная герметическими стѣнами: оно доступно приливу и отливу своего личнаго состава; отливъ дѣйствительно происходитъ въ значительныхъ размѣрахъ на нашихъ глазахъ, прилива же дворянъ-землевладѣльцевъ мы почти не видимъ.

Въ прежнее время было иначе.

Приливъ являлся, между прочимъ потому, что Царемъ жаловались земли дворянамъ, отличившимся на Царской службѣ.

Неужели нѣчто подобное не возможно и въ настоящее время? Неужели чрезвычайныя заслуги выдающихся государственныхъ дѣятелей на мирномъ и ратномъ поприщѣ не могли бы быть отмѣчены для современниковъ и для потомства Высочайше жалуемыми помѣстьями изъ числа тѣхъ, которыя находятся въ распоряженіи государства? Развѣ подобная награда не служила бы величайшимъ поощреніемъ къ ревностной службѣ всего служилаго сословія, обезпечивая вмѣстѣ съ тѣмъ переходъ дворянскихъ земель въ достойныя и опытныя руки? Переходъ этотъ могъ бы быть обставленъ различными условіями какъ общаго свойства для всѣхъ жалованныхъ земель, такъ и спеціальными условіями для каждаго отдѣльнаго случая, какъ-то учрежденіемъ заповѣдности даннаго имѣнія въ той или иной формѣ, переводомъ на новаго владѣльца извѣстнаго процента съ лежащаго на имѣніи долга Дворянскому Банку, возложеніемъ на новаго владѣльца извѣстныхъ обязанностей по жалованному имѣнію или дарованіемъ ему извѣстныхъ льготъ. Все это могло бы быть предметомъ серіозной законодательной разработки, при которой были бы соблюдены всѣ нравственные и матеріальные интересы государства, но во всякомъ случаѣ эта мѣра, помимо другихъ своихъ важныхъ преимуществъ, обезпечивала бы приливъ въ дворянское землевладѣніе здоровыхъ и свѣжихъ силъ, соединенныхъ съ просвѣщенностью, достоинствомъ и государственнымъ опытомъ.

Конечно, одна эта мѣра не разрѣшитъ тяжелаго кризиса, который нынѣ переживаетъ русское дворянство, такъ какъ для разрѣ-

Digitized by Google

шенія его необходима совокупность дружныхъ усилій какъ правительства, такъ и дворянства, поставившихъ себѣ цѣлью достигнуть желанныхъ результатовъ *ради общей государственной пользы*. Лишь **въ томъ** случаѣ, если правительство и дворянство серіозно проникнутся сознаніемъ, что сохраненіе плодотворнаго дворянскаго землевладѣнія *требуется жизненными интересами государства*, можно будетъ съ увѣренностью сказать, что мы побѣдоносно выйдемъ изъ настоящаго тяжелаго кризиса.

А можемъ ли мы теперь сомнѣваться въ томъ, что правительство и дворянство дѣйствительно проникнуты этимъ сознаніемъ? Увѣреніе враговъ дворянства, будто правительство рѣшило покончить съ дворянскимъ землевладѣніемъ, оказалось, какъ мы видѣли, фальшивою тревогой, всуе взволновавшею наше дворянство. Но и эта тревога имѣла свою полезную сторону: она нашла русское дворянство во всеоружіи своего историческаго призванія и нравственнаго достоинства и дала возможность констатировать, что русское дворянство дорожитъ унаслѣдованною имъ отъ предковъ непосредственною связью съ землей, перенося всѣ тяготы, сопряженныя съ землевладѣніемъ и земледѣліемъ, не для того чтобъ извлекать изъ нихъ себѣ корысть, а для того чтобы, принимая участіе въ земской жизни, давать ей направленіе согласное съ историческими завѣтами нашего отечества, и постепеннымъ совершенствованіемъ сельско-хозяйственныхъ пріемовъ содѣйствовать культурному развитію и богатству Россіи.

Spectator asinus.

Digitized by Google

ВЪ СТРАНѢ РАБОВЪ.[1]

(Изъ посмертныхъ бумагъ.)

(Продолженіе.)

Судьба невольницы, пріобрѣтаемой и воспитываемой въ качествѣ будущаго украшенія гарема, хотя и представляетъ своего рода лотерею, но во всякомъ случаѣ она не такъ жалка, какъ то представляется намъ издали. Безъ сомнѣнія, у каждаго порядочнаго человѣка обливается сердце кровью при одной мысли о возможности продажи дѣтей своими родителями или насильственномъ похищеніи ихъ у этихъ послѣднихъ; но, право, мнѣ кажется, что дочери бѣднаго кочевника часто бываетъ гораздо лучше быть проданною въ домъ богатаго эффенди, чѣмъ подвергаться униженіямъ въ домѣ родителей, смотрящихъ на нее лишь какъ на цѣнный товаръ. Вѣдь, судьба невольницы еще покрыта мракомъ неизвѣстности и нерѣдко приводитъ ее къ завидному положенію. Прежде всего далеко не всегда молодая дѣвушка (разумѣется, не изъ черныхъ) попадаетъ въ гаремъ какого-нибудь богача простою одалиской; очень нерѣдко, наоборотъ, она вступаетъ туда, если не полновластною хозяйкой, то одною изъ четырехъ законныхъ супругъ своего повелителя. Припомнимъ, что и гаремъ его правовѣрнаго величества составляютъ тоже невольницы, и султанъ необходимо долженъ быть сыномъ рабыни. Но и помимо султанскаго гарема есть много завидныхъ партій для хорошенькой рабыни; каждая же изъ нихъ, родившая своему мужу сына, уже освобождается тѣмъ самымъ изъ рабства и становится вполнѣ свободною, какъ прирожденная турчанка.

Самый гаремъ, несмотря на свою кажущуюся отчужденность отъ всего остальнаго міра, представляетъ все-таки при неслож-

[1] См. *Русское Обозрѣніе* № 1.

Digitized by Google

ности общественной жизни на Востокѣ, своего рода соціальную единицу, которая можетъ вліять различными путями не только на внутренній строй, но и на политическую жизнь мусульманскихъ государствъ. Таковы гаремы высокопоставленныхъ лицъ, богачей, высшихъ представителей духовенства и администраціи, которые чрезъ своихъ повелителей могутъ оказывать постоянное вліяніе въ сферѣ авторитета этихъ послѣднихъ. Такъ какъ въ настоящее время цѣны на хорошенькихъ и тѣмъ болѣе воспитанныхъ рабынь возвысились настолько, что стали недоступными для огромнаго большинства, то очевидно, что лишь лица перечисленныхъ категорій могутъ предъявлять требованія на самыхъ красивыхъ рабынь. Эти послѣднія такимъ образомъ имѣютъ гораздо болѣе шансовъ сдѣлать хорошую карьеру, чѣмъ попасть въ малозначущій или ничтожный гаремъ. Даже вступая въ богатый гаремъ простою одалиской, не говоря о возможности для хорошенькой невольницы впослѣдствіи попасть и въ число законныхъ женъ, молодая рабыня сразу дѣлается настоящею госпожей. Она имѣетъ обыкновенно свое особое помѣщеніе, свою прислугу, иногда своихъ лошадей и обладаетъ правомъ сидѣть въ присутствіи настоящихъ женъ, подчиняясь наравнѣ съ этими послѣдними лишь старшей или первой женѣ—законной хозяйкѣ гарема. Дѣти одалиски, помимо того, что освобождаютъ свою мать отъ рабства, считаются также вполнѣ законными, пользуются тѣми же правами, какъ и дѣти законныхъ женъ, и имѣютъ одинаковую долю въ наслѣдствѣ съ этими послѣдними.

Не менѣе завидной доли, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, чѣмъ хорошенькая рабыня, можетъ достигнуть и черный евнухъ, пользующійся вообще значительнымъ уваженіемъ среди мусульманъ. Правда, никакія отличія, никакія почести не могутъ замѣнить для этихъ существъ потери достоинства человѣка, но это не мѣшаетъ многимъ евнухамъ быть очень честолюбивыми и алчными до всякой наживы. Являясь послѣ мужа оффиціальнымъ представителемъ гарема, евнухъ ведетъ его дѣла, входитъ за него въ общеніе съ остальнымъ міромъ, вѣдая одновременно интимныя дѣла, какъ повелителя гарема, такъ и его законныхъ и незаконныхъ подругъ. Въ извѣстномъ смыслѣ евнухъ—тоже хозяинъ (alter vir) гарема уже по тому одному, что онъ одинъ имѣетъ право и обязанность проникать вездѣ, куда ходитъ хозяинъ и каждая изъ подругъ этого послѣдняго. Соединяя въ своей персонѣ роль повѣреннаго обѣихъ сторонъ

Digitized by Google

съ почти неограниченнымъ, хотя часто и незамѣтнымъ, вліяніемъ какъ на хозяина, такъ и на гаремъ, евнухъ получаетъ огромное значеніе, тѣмъ большее, чѣмъ выше положеніе перваго и обширнѣе связи и вліяніе послѣдняго. Вотъ почему евнухи высокопоставленныхъ лицъ—одни изъ самыхъ вліятельныхъ людей, а главный евнухъ его султанскаго величества—одинъ изъ первѣйшихъ сановниковъ Порты. Если и на Востокѣ наполеоновская фраза—cherchez la femme имѣетъ полное примѣненіе, то еще важнѣе будетъ сказать, что во всѣхъ выдающихся событіяхъ всей исторіи Востока евнухъ, дѣйствующій и черезъ мужа и черезъ женъ, игралъ далеко не послѣднюю роль...

* * *

Сильфэ была дѣвушкой племени Фунджи, что̀ живетъ въ глубинѣ Сенаара. Въ сороковыхъ годахъ этого столѣтія, когда военныя распри Египтянъ особенно разоряли страну тихихъ фунджей, деревушка, въ которой обитали родители Сильфэ была сожжена охотниками за рабами, большинство жителей погибли въ бою или были разстрѣлены и посажены на колъ за отчаянное сопротивленіе; а Сильфэ, которая лишилась родителей, была увезена въ Хартумъ вмѣстѣ съ десятками другихъ невольницъ; некрасивая дѣвушка, еще болѣе измученная тяжелымъ переходомъ, не привлекла вниманія не только ни одного знатнаго Египтянина, но даже торговца живымъ товаромъ. Правда, и Сильфэ наряду съ другими своими подругами была выставлена на невольническомъ рынкѣ Хартума, но въ то время, какъ большинство этихъ послѣднихъ, болѣе красивыхъ и счастливыхъ, попали въ гаремы разныхъ пашей и богатыхъ купцовъ Хартума, Сильфэ была куплена по дешевой цѣнѣ въ качествѣ простой рабыни и обречена на тяжелый безъисходный трудъ. Вначалѣ, пока она еще была молода и свѣжа, купившій ее знатный кади (судья) приставилъ ее для услугъ многочисленнымъ женамъ и одалискамъ своего гарема. Это время было самымъ счастливымъ періодомъ впродолженіе долгаго рабства несчастной Сильфэ. Подобныхъ ей черныхъ прислужницъ въ гаремѣ кади было много, работы было немного, и молодая невольница, имѣвшая сильнаго покровителя въ лицѣ евнуха, жила относительно недурно и имѣла даже поклонниковъ изъ среды черныхъ рабовъ кади. Но вотъ хозяинъ Сильфе умеръ, гаремъ распался, а многочисленная челядь, наполнявшая домъ кади, была рас-

Digitized by Google

продана по частямъ. Молодая Фунджинка попала въ число невольницъ небогатаго торговца, скупавшаго черныхъ рабовъ не столько для пополненія штата своей прислуги, сколько для исполненія самаго каторжнаго труда. Настали тогда для Сильфэ, совсѣмъ не привыкшей къ тяжелой работѣ, печальные и трудные дни.

Не было, казалось, такой тяжелой и скучной работы, которую бы не давали Сильфэ; всѣмъ рабамъ стараго торговца жилось довольно тяжело, но на долю Сильфэ, которую почему-то не взлюбилъ хозяинъ, выпало особенно много труда. Попеременно ей приходилось работать то въ полѣ вмѣстѣ съ другими рабами, то носить воду изъ далекаго источника, то стоять цѣлые дни при шадуфѣ (оросительная машина), то размельчать жесткія зерна, то помогать другимъ невольницамъ у ткацкаго станка. Скоро исчезли и слѣды молодости у бѣдной, истомленной рабыни, она казалась старухой, несмотря на свои двадцать пять лѣтъ, черное лицо ея покрылось морщинами, кожа высохла, тѣло исхудало такъ, что представлялось мѣшкомъ однихъ костей. Работы между тѣмъ все прибывало, и не разъ упругій курбачъ полосовалъ плечи и спину несчастной, измученной рабыни. Нѣсколькихъ лѣтъ такой каторжной жизни не вынесла бы Сильфэ, какъ и большинство ея подругъ по неволѣ, но счастье улыбнулось еще разъ бѣдной рабынѣ. Второй хозяинъ ея былъ убитъ Неграми во время одной торговой поѣздки въ Кордофанъ, и Сильфэ вмѣстѣ съ другими невольниками въ третій разъ очутилась на невольничьемъ рынкѣ Хартума.

На этотъ разъ она попала въ хорошія руки; молодой египетскій маіоръ, не имѣвшій возможности имѣть много прислуги, купилъ Сильфэ за нѣсколько десятковъ рублей на наши деньги и опредѣлилъ ее въ няньки къ своимъ двумъ малюткамъ, которыхъ онъ страстно любилъ. Сильфэ скоро привязалась къ дѣтямъ со всѣмъ пыломъ неистраченной материнской любви и стала образцовою нянькой, лучше которой едва-ли возможно было отыскать.

Въ небольшомъ гаремѣ бея Сильфэ прожила нѣсколько лѣтъ, нянчала дѣтей, служила ревностно своей госпожѣ до самой ея смерти, а потомъ, когда ея питомицы подросли и вышли изъ ея попеченія, она стала скучать безъ дѣла въ опустѣвшемъ гаремѣ овдовѣвшаго бея. Въ качествѣ образцовой няньки Сильфэ была поэтому перепродана въ руки другаго хозяина, заплатившаго за

Digitized by Google

опытную невольницу по крайней мѣрѣ въ пять разъ болѣе того, что̀ уплатилъ за нее молодой бей.

Много лѣтъ затѣмъ прожила у различныхъ господъ въ нянькахъ Сильфэ, и несчастная судьба, преслѣдовавшая ее во всю ея жизнь, не дала старухѣ найти себѣ успокоенія почти до шестидесяти лѣтъ. Вслѣдствіе того или другаго обстоятельства старая невольница едва успѣвала пообжиться на новомъ мѣстѣ, какъ ея хозяинъ умиралъ или разорялся, и Сильфэ должна была переходить въ другія руки. Для бѣдной рабыни было утѣшеніемъ, что она теперь подъ старость стала цѣниться гораздо дороже, чѣмъ она стоила въ первый разъ во всей силѣ своей молодости, когда была выставлена на невольничьемъ рынкѣ Хартума тотчасъ послѣ удачнаго набѣга въ землю Фунджей. Опытная няня цѣнилась въ Сильфэ дороже, чѣмъ некрасивая здоровая работница, которою она была прежде, и почтенный Юсуфъ-эффенди, у котораго мы гостили въ Тантѣ, заплатилъ за Сильфэ почти тысячу рублей. То было послѣднее мѣсто старой невольницы, и, по всей вѣроятности, въ домѣ Юсуфа-эффенди, повѣдавшаго намъ исторію ея многострадальной жизни, Сильфэ и окончила свои остальные дни...

* * *

У того же самаго Юсуфа-эффенди въ числѣ прочихъ невольниковъ былъ и старый Такару — негръ изъ племени Мандинго. Еще въ отрочествѣ онъ попалъ въ рабство и долгое время жилъ въ Хартумѣ въ числѣ невольниковъ извѣстнаго Латифа-паши. Заинтересовавшись исторіей Сильфэ, я попросилъ своего почтеннаго хозяина разсказать мнѣ и исторію невольничества Такару, пользовавшагося особымъ расположеніемъ Юсуфа.

Старый негръ плохо помнилъ исторію своего плѣненія, потому что то было давно, и вся жизнь его прошла не на свободѣ, а въ рабствѣ. Ему припоминается какъ сквозь сонъ, что отецъ и мать его во время нападенія на ихъ деревню Египтянъ были сожжены въ собственной хижинѣ, а братья и сестры Такару шли съ нимъ рядомъ въ теченіе многихъ дней, пока ихъ не разлучили на невольничьемъ рынкѣ Хартума. Молодой Мандинго былъ здоровъ и силенъ, несмотря на тяжести только-что вынесеннаго пути, и цѣна въ 5000 піастровъ, заплаченная за него его первымъ господиномъ, даже въ то время считалась довольно высокою для недостигшаго возмужалости невольника. Такару былъ купленъ однимъ изъ европейцевъ, проживавшихъ въ Хар-

Digitized by Google

тумѣ, и тѣ десять лѣтъ, которые протекли въ рабствѣ у христіанина, онъ считаетъ самыми ужасными въ жизни.

Тяжелая работа, безсонныя ночи, плохая пища, частые и жестокіе побои составляли непрерывную цѣпь мученій молодаго невольника, никогда не видавшаго своего хозяина веселымъ, или довольнымъ. Какихъ работъ за эти десять лѣтъ тяжелаго рабства ни передѣлалъ Такару, котораго заставляли поочередно быть и землекопомъ, и садовникомъ, и земледѣльцемъ, и носильщикомъ вьюковъ, и ремесленникомъ на всѣ руки. За малѣйшую неисправность десятки ударовъ курбача сыпались на спину молодаго невольника, у котораго на тѣлѣ никогда не подживали кровавые рубцы. Старшій изъ невольниковъ, негръ Дамара, исполнялъ роль надсмотрщика за рабами и былъ настолько жестокъ, что почти ежедневно избивалъ одного или двухъ невольниковъ, а нѣкоторыхъ забилъ даже на смерть. Хозяинъ не уступалъ въ жестокости своему слугѣ и нерѣдко собственноручно, вмѣстѣ съ Дамара, билъ до полусмерти черныхъ рабовъ. Такой каторжной жизни не могъ вынести Такару и послѣ пяти лѣтъ безпрерывнаго мученія рѣшился бѣжать отъ жестокаго Франки.

Побѣгъ удался, но недолго продолжалась свобода Такару, и не прошло и двухъ недѣль, какъ шайка негровъ-ищеекъ, нанятыхъ хозяиномъ бѣжавшаго, выслѣдила въ тропическомъ лѣсу и схватила Такару. Чтобы лишить несчастнаго раба возможности новой попытки побѣга, ему подрѣзали поджилки лѣвой ноги, и съ той поры этою послѣднею не можетъ двигать свободно Такару. Не довольствуясь этимъ, на пойманнаго невольника надѣли тяжелую шейную колодку и желѣзныя цѣпи и въ такомъ видѣ привели обратно въ Хартумъ, подгоняя его всю дорогу ударами кнута. Бѣлолицый хозяинъ (къ стыду цивилизованной Европы, бѣлые хозяева были всегда жесточе съ рабами, чѣмъ Турки и Египтяне), взбѣшенный побѣгомъ Такару, велѣлъ Дамара избить до полусмерти невольника. Жестокое приказаніе было исполнено; двое черныхъ рабовъ болѣе часу били курбачами несчастнаго и оставили его еле живымъ. Можно судить о томъ, насколько безчеловѣчна была пытка, которой подвергся Такару, потому что черезъ сорокъ лѣтъ, протекшихъ послѣ этого наказанія, спина несчастнаго представляла одинъ сплошной рубецъ. Хотя и два мѣсяца послѣ того былъ боленъ и не могъ приподняться съ своего ложа Такару, но все-таки крѣпкая натура его выдержала, и онъ оправился, для того чтобы начать прежнюю жизнь, исполненную мученій и труда. Хотя послѣ без-

Digitized by Google

человѣчной пытки отъ прежняго здороваго и сильнаго Такару остался одинъ скелетъ, тѣмъ не менѣе, его по прежнему заставляли работать безъ отдыха, обременивъ руки и ноги его тяжелыми цѣпями во избѣжаніе возможности новаго побѣга.

Нѣсколько лѣтъ еще при такихъ тяжелыхъ условіяхъ прожилъ въ рабствѣ у бѣлаго Такару, но, къ счастью его, судьба улыбнулась измученному негру. Бѣлый хозяинъ его долженъ былъ покинуть Хартумъ, и Такару вмѣстѣ съ другими товарищами по рабству попалъ въ число невольниковъ Латифа-паши. Въ домѣ богатаго египетскаго паши рабовъ было много, каждому назначено было свое особое небольшое дѣло, обращеніе было мягкое, и много настрадавшійся негръ быстро оправился и забылъ тяжелые годы рабства у „проклятаго Франки".

Латифъ-паша почему-то особенно полюбилъ Такару, назначилъ его состоять при двухъ любимыхъ выѣздныхъ коняхъ; нерѣдко поэтому негру приходилось и сопровождать своего господина во время его поѣздокъ по Судану. Раза два Такару былъ съ Латифомъ и въ военныхъ походахъ къ границамъ Кардофана и даже участвовалъ въ одномъ изъ рассуа.

Все это еще болѣе развивало кругозоръ смышленаго негра и увеличивало къ нему расположеніе паши. Разумѣется, Такару пришлось принять мусульманство, едва онъ вступилъ въ число невольниковъ Латифа, и эта грубая религія пришлась по сердцу много испытавшему Мандинго, такъ какъ на-половину выводила его изъ степени рабства и въ извѣстномъ отношеніи примиряла его со всѣмъ окружающимъ. Такару оправился совершенно, словно и не было у него въ прошломъ ига прежняго рабства, и сталъ помышлять даже о большемъ, потому что милости Латифа возвышали бѣднаго негра въ его собственныхъ глазахъ.

На горе Такару, Латифъ умеръ, и ему пришлось перемѣнить еще разъ хозяина и пріютить свою старую голову у нашего знакомца Юсуфа-эффенди. Перемѣна эта, во всякомъ случаѣ, не была къ худшему; хотя новый хозяинъ и не былъ настолько богатъ и вліятеленъ, какъ прежній, но онъ полюбилъ стараго много испытавшаго негра не менѣе, если не болѣе Латифа. Всего пять лѣтъ жилъ въ домѣ Юсуфа Такару и, тѣмъ не менѣе, онъ былъ давно уже не слугой, а настоящимъ другомъ и членомъ семьи не только хозяина, но и всего его дома.

Такару былъ неотлучно съ Юсуфомъ не только дома, но и во всѣхъ его поѣздкахъ; старому негру были поручены почти

Digitized by Google

всѣ денежныя дѣла хозяина, надзоръ за его невольниками, управленіе всѣми домами и повидимому даже негласное наблюденіе за небольшимъ гаремомъ Юсуфа,—и старый Такару не злоупотреблялъ этимъ довѣріемъ. Двѣнадцатилѣтній сынъ Юсуфа былъ также подъ неусыпнымъ попеченіемъ старика, и въ первую мою встрѣчу съ почтеннымъ хозяиномъ я готовъ былъ думать, что Такару представляетъ настоящаго главу семейства, къ которому съ видимымъ почтеніемъ относились и Юсуфъ, и его сынъ, всѣ чады и домочадцы. Лишь позднѣе, когда я узналъ, что старый негръ является на самомъ дѣлѣ простымъ невольникомъ Юсуфа, такимъ же какъ и остальные рабы, моему удивленію не было предѣловъ. Еще мало знакомый съ положеніемъ рабовъ на мусульманскомъ Востокѣ, я высказалъ свое удивленіе образованному по европейски Юсуфу.

— Всѣ люди—братья между собою, отвѣчалъ намъ почтенный эффенди, между мусульманами нѣтъ рабовъ, всякій, кто исповѣдуетъ исламъ, долженъ быть свободнымъ, такъ намъ заповѣдалъ трижды блегословенный Магометъ...

Эти слова Юсуфа впервые открыли мнѣ глаза на то удивительное, даже съ точки зрѣнія европейца, отношеніе къ рабамъ, существующее на всемъ мусульманскомъ Востокѣ. Исламъ въ самомъ дѣлѣ поддерживаетъ рабство въ Африкѣ, но онъ даетъ ему совершенно иной характеръ, чѣмъ того можно было бы ожидать. Самый Коранъ „ограждаетъ невольника отъ несправедливости господина, защищаетъ его противъ насилія и повелѣваетъ оказывать ему все покровительство, къ какому обязываются правовѣрные относительно существъ слабыхъ. Восточное рабство отличается отъ западнаго (колоніальнаго) преимущественнымъ уваженіемъ къ человѣческому достоинству“... (Клотъ - бей). На каждомъ шагу на Востокѣ видишь подтвержденіе тому, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ судьба раба вовсе не такъ печальна, какъ того можно было бы ожидать...

* * *

Прямой начальникъ Юсуфа-эффенди—сѣдой старичокъ Юнусъ паша — не смотря на то, что занималъ довольно важный постъ въ египетской арміи, какъ оказалось впослѣдствіи, вышелъ тоже изъ среды рабовъ. Родомъ изъ Дарфура, онъ молодымъ мальчикомъ попалъ въ число невольниковъ одного паши, принялъ мусульманство и прошелъ съ честью степени чибукчи, кафеджи (подавателя трубки или кофе) и фараша (камердинера), пока

Digitized by Google

во время одного похода въ страну невѣрныхъ не получилъ за оказанную храбрость званіе чауша, соотвѣтствующее нашему капралу. Военное званіе еще болѣе возвысило Дарфурца Юнуса въ его собственныхъ глазахъ, и онъ старался заслужить еще болѣе довѣріе своего господина, ставшаго ему настоящимъ вторымъ отцомъ. Послѣ похода молодой Юнусъ сталъ кіатибомъ (секретаремъ) своего паши и продолжалъ свое образованіе, начатое его воспитателемъ еще въ первое время его рабства.

Новый походъ въ Кардофанъ доставилъ офицерскія эполеты любимцу паши, и молодой Юнусъ исполнялъ съ честью обязанности адъютанта при своемъ непосредственномъ начальникѣ, въ котораго теперь обратился его бывшій господинъ. Большая сметливость, храбростъ и расторопность молодаго офицера сильно выдвинули его во время похода, и по возвращеніи изъ этого послѣдняго военная карьера была обезпечена для Юнуса. Быстро сталъ онъ подвигаться по службѣ, и не прошло и десяти лѣтъ, какъ бывшій невольникъ изъ чауша достигъ высокаго званія бея и имѣлъ достаточно состоянія, чтобы имѣть десятокъ своихъ собственныхъ рабовъ.

Паша, постоянный покровитель Юнуса, назначенный губернаторомъ одной изъ провинцій Египта, взялъ своего любимаго бея въ качествѣ помощника, и тогда при лихоимствѣ египетскихъ чиновниковъ немало денегъ полилось въ широкіе карманы Юнуса. Вскорѣ затѣмъ этотъ послѣдній женился на дочери своего покровителя, прекрасной молодой дѣвушкѣ, получившей полуевропейское образованіе и почти совершенно упразднившей гаремъ своего мужа. Званіе паши и командованіе одною изъ пѣхотныхъ дивизій было завершеніемъ блистательной карьеры простаго дарфурскаго невольника. Значительный лоскъ, полученный Юнусомъ при постоянномъ обращеніи съ европейцами и образованною женой, дѣлалъ его симпатичнымъ сановникомъ, въ которомъ никто изъ знающихъ его европейцевъ и не узналъ бы бывшаго суданскаго раба.

Простые невольники, но только не изъ чернокожихъ, дѣлали въ Египтѣ и Турціи не разъ карьеры еще болѣе блистательныя, чѣмъ то сдѣлалъ Юнусъ. „Знаменитая милиція Мамелюковъ, столь долго управлявшая Египтомъ, набиралась только изъ рабовъ; извѣстные предводители ихъ Али-бей, Мурадо-бей, Ибрагимъ-бей—куплены были на базарахъ. Садрадзамъ (одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ Оттоманской имперіи) престарѣлый Хозревъ былъ рабомъ и изъ рабства достигъ до одной изъ блиста-

Digitized by Google

тельнѣйшихъ степеней, Халилъ и Саидъ паша—зятья султана Махмуда, двоюродные братья султана Абдулъ Меджеда и министры Порты—были прежде также рабами. Султанъ Махмудъ поднялъ на одной изъ улицъ Стамбула черкеса Гафиза, котораго сдѣлалъ потомъ сераскиромъ (главнокомандующимъ) своей арміи. Въ Египтѣ точно также многіе офицеры высшихъ степеней—по большей части также отпущенники, то-есть, освобожденные рабы". (Клотъ-бей). Одинъ изъ современныхъ заправителей Египта пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ былъ купленъ за какіе нибудь тридцать или сорокъ рублей...

* * *

Такому исключительному положенію невольничества на Востокѣ это послѣднее, главнымъ образомъ, обязано тому гуманному взгляду, которымъ пропитанъ и Коранъ, и всѣ законодательства ислама по отношенію къ рабамъ. Мусульманинъ, видя въ своемъ рабѣ прежде всего человѣка, обыкновенно обходится съ нимъ такъ, чтобы не нарушать его человѣческаго достоинства; невольникъ на мусульманскомъ Востокѣ, безъ сомнѣнія, поставленъ гораздо лучше, чѣмъ у насъ въ Европѣ прислуга, набираемая изъ свободныхъ людей. Нерѣдко, справедливо замѣчаетъ Клотъ-бей, восточное рабство можно назвать настоящимъ усыновленіемъ и всегда можно считать его принятіемъ въ семейство. „Исламъ соединяетъ всѣ народности, говоритъ извѣстный Бремъ; негры, попавшіе въ рабство дѣтьми или рожденные въ неволѣ, легко забываютъ свое рабство, потому что никогда не знали свободы. Негръ, принявшій нравы и обычаи того народа, среди котораго онъ возросъ, остается рабомъ только по имени; рожденный же въ неволѣ негръ уважается наравнѣ съ свободнымъ человѣкомъ, потому что черный цвѣтъ его кожи не считается здѣсь, какъ въ „свободолюбивой" Америкѣ, печатью стыда. Въ подобномъ положеніи находится большинство негровъ въ Хартумѣ, исключая тѣхъ, которые принадлежатъ европейцамъ, потому что у этихъ послѣднихъ они остаются рабами въ полномъ смыслѣ этого слова".

Не смотря на то, что законъ Магомета, столь сочувственно относящійся къ рабамъ, въ принципѣ вовсе не допускаетъ рабства, тѣмъ не менѣе исламъ до настоящаго времени является самою сильною поддержкой этого послѣдняго, а новый исламъ, выставившій суданскаго Махди,—еще большею его опорой. Природная лѣнь оріентала, древній обычай на Востокѣ имѣть рабовъ,

Digitized by Google

нужда въ пополненіи многочисленныхъ гаремовъ невольницами, недостатокъ перевозныхъ средствъ, значительная выгода, доставляемая работорговлей, и многія другія причины поддерживаютъ невольничество, которое нельзя уничтожить такъ просто и легко, какъ надѣялись европейскіе гуманисты. Слишкомъ нужны еще на Востокѣ рабы, и безъ сильнаго потрясенія всѣхъ основъ его соціальной и культурной жизни никакія благородныя усилія европейскихъ цивилизаторовъ не сокрушатъ рабства, культивируемаго здѣсь многими десятками вѣковъ.

Природная лѣнь оріентала, привыкшаго возлагать тяжелыя работы по своему обиходу и хозяйству на плечи рабовъ, уже сама-по-себѣ служитъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ для поддержанія невольничества на Востокѣ. Тяжелая работа на поляхъ подъ пылающимъ солнцемъ Египта, еще болѣе тяжелое орошеніе полей и садовъ, переноска воды изъ колодезей въ жилища, растираніе зерна въ муку при помощи первобытныхъ орудій, уходъ за рабочимъ скотомъ и многія другія хозяйственныя работы, требующія упорнаго труда,—все это требуетъ массы рабочихъ рукъ, которыхъ отчасти и не хватаетъ на Востокѣ. Каждый оріенталъ, имѣющій возможность содержать хотя одного работника или раба, возлагаетъ на его плечи всѣ эти хозяйственныя работы, для того чтобы самому сидѣть сложа руки, наслаждаясь кейфомъ—этимъ преддверіемъ рая каждаго порядочнаго мусульманина. Отнимите сотни тысячъ рабовъ отъ одного Египта, и вы увидите, какое глубокое экономическое потрясеніе испытаетъ страна, въ которой, по крайней мѣрѣ, одна четверть культивируемой земли обрабатывается руками невольниковъ. Обширныя частныя землевладѣнія рухнутъ тотчасъ же по недостатку рабочихъ рукъ, казна понесетъ огромные убытки, и едва ли правительство хедива при запутанности финансовыхъ дѣлъ страны можетъ вполнѣ чистосердечно стараться о полномъ уничтоженіи рабства въ Египтѣ во всѣхъ его видахъ.

Не менѣе въ пользу поддержанія рабства, хотя въ настоящемъ его видѣ на Востокѣ, служитъ и повсемѣстный обычай полигаміи, требующій постояннаго подвоза женщинъ для наполненія многочисленныхъ гаремовъ. Завоеванія Россіи, лишившія Турцію многихъ рынковъ въ Азіи и Европѣ, сильное вмѣшательство Европейцевъ въ весь внутренній строй Оттоманской имперіи, многочисленныя колоніи Европейцевъ, разсыпанныя по всему Востоку, масса консульскихъ постовъ—все это, можно сказать, совершенно уничтожило невольничество въ европей-

Digitized by Google

скихъ и части азіатскихъ владѣній султана. Ни Кавказъ, ни Арменія, ни Греція, ни Балканскій полуостровъ, ни даже Сирія теперь не доставляютъ рабынь [1]. Единственнымъ рынкомъ для полученія невольницъ теперь является Африка, и въ частности Суданъ, изъ котораго и получается до трехъ четвертей всѣхъ потребныхъ для Востока рабовъ. Евнухи, какъ мы уже говорили, доставляются, можно сказать, единственно изъ Абиссиніи и Судана; болѣе половины рабынь, населяющихъ гаремы Египта и передней Азіи, идетъ теперь изъ Кардофана, Дарфура и „страны черныхъ“ Судана.

Во многихъ частяхъ этого послѣдняго, особенно въ той области Судана, гдѣ начинаются непроходимые тропическіе лѣса и гдѣ не существуетъ ни одного вьючнаго животнаго, человѣкъ является единственнымъ средствомъ для перевозки или, скорѣе сказать, для переноски товара и багажа. Если представить себѣ, что одинъ носильщикъ не можетъ нести на себѣ болѣе трехъ пудовъ, и что многія сотни тысячъ пудовъ того или другаго товара вывозятся изъ глубины Африки и ввозятся туда исключительно на плечахъ черныхъ людей, то можно составить понятіе о томъ громадномъ количествѣ невольниковъ, которое требуется для одной этой печальной, но необходимой цѣли. При экспедиціи Стэнли, состоявшей всего изъ 10 бѣлыхъ человѣкъ, шло до 650 черныхъ носильщиковъ, изъ которыхъ вернулось обратно всего около 250 человѣкъ. Этотъ примѣръ можетъ служить также прекрасною иллюстраціей тому, во что̀ можетъ обходиться доставка любаго товара изъ Судана. Какъ бы то ни было, на одно транспортированіе кладей внутри Африки потребно не менѣе милліона рабовъ; изъ нихъ, разумѣется, сравнительно небольшая часть выходитъ за предѣлы Судана...

Вышеуказанная потребность въ невольникахъ, еще болѣе увеличиваемая тѣмъ обстоятельствомъ, что каждый оріенталъ гордится значительнымъ числомъ прислуги и держитъ ее въ совершенно излишнемъ количествѣ [2], вмѣстѣ съ закрытіемъ многихъ рынковъ и увеличеніемъ препятствій для добыванія живаго товара—все это говоритъ и само-по-себѣ о значительныхъ

[1] Мы не считаемъ, разумѣется, исключительныхъ случаевъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ мы говорили впереди.

[2] Такъ нашъ знакомецъ Кіамиль-эффенди, при доходѣ, не превышавшемъ 2,000 руб. въ годъ, имѣлъ до 12 человѣкъ прислуги. У него были чибучи, каведжи, хіайя и другіе ненужные слуги.

Digitized by Google

барышахъ, доставляемыхъ этимъ гнуснымъ видомъ торговли. Пусть добываніе черныхъ невольниковъ обставлено различными затрудненіями, пусть походы въ земли черныхъ теперь требуютъ болѣе риска и крови, пусть половина изъ добытыхъ невольниковъ погибнетъ на пути,—все это только можетъ увеличить цѣну оставшихся въ живыхъ и ни въ какомъ случаѣ не отразится дурно на барышахъ торговца. Не говоря уже о сравнительно недавнихъ временахъ, когда работорговцы подобные Зеберу, Сулейману и др., были поголовно не только большими богачами, но даже настоящими царьками, имѣвшими свои владѣнія и регулярныя войска, съ которыми приходилось даже вести войну правительству,—даже въ настоящее время въ Суданѣ есть торговцы, которыхъ можно назвать настоящими князьками. Таковъ, напримѣръ, извѣстный Типпо Талбо, которому много обязана своимъ успѣхомъ знаменитая экспедиція Стэнли. Если бы этотъ африканскій князекъ началъ войну съ Египтомъ, то, безъ сомнѣнія, его было бы труднѣе усмирить, чѣмъ бунтъ работорговца Зебера въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Можно было бы перечислить многихъ знатныхъ египтянъ, нажившихся въ торговлѣ рабами, а лѣтъ тридцать и даже двадцать тому назадъ этимъ небезвыгоднымъ дѣломъ усердно занимались и проживавшіе въ Суданѣ Европейцы. Извѣстный Бремъ описываетъ яркими красками одного изъ подобныхъ негодяевъ—итальянца Николая Уливи. Какъ бы то ни было, барышъ, доставляемый работорговлей, повторяемъ мы, и въ настоящее время настолько значителенъ, что если бы египетское правительство въ самомъ дѣлѣ принялось энергично искоренять невольничество въ самомъ его корнѣ, то оно затруднило бы сильно матеріальные интересы не одного класса работорговцевъ.

Капитанъ Бингеръ, долго живущій въ Западномъ Суданѣ, указываетъ еще на недостатокъ соли, какъ на одну изъ причинъ, поддерживающихъ рабство; добыча соли невольниками и транспортированіе ея во внутрь страны занимаетъ много рабочихъ рукъ въ Западномъ Суданѣ, но для Восточнаго эта причина, можно сказать, не существуетъ вовсе.

Еще болѣе причинъ, поддерживающихъ рабство, самое тяжкое и деспотическое, существуетъ внутри Африки, внѣ странъ съ мусульманскимъ населеніемъ. Къ нимъ-то и относится высказанная впереди фраза, что „на черномъ континентѣ нѣтъ народа, который бы не имѣлъ своихъ невольниковъ, а у многихъ племенъ половина населенія состоитъ въ рабствѣ у другой по-

Digitized by Google

ловины". Многіе милліоны такъ-называемыхъ независимыхъ негровъ на самомъ дѣлѣ находятся въ вѣчномъ и самомъ ужасномъ рабствѣ у своихъ безчисленныхъ царьковъ; эти послѣдніе смотрятъ на своихъ подданныхъ, какъ на свою вещь, которую они могутъ во всякое время уничтожить, вымѣнять или продать. Кто не читалъ ужасовъ, совершавшихся до самаго послѣдняго времени въ Дагомеѣ, гдѣ, по капризу жестокихъ деспотовъ, проливались цѣлыя рѣки человѣческой крови и воздвигались пирамиды отрубленныхъ головъ! Деспотовъ, подобныхъ Дагомейскимъ тиранамъ, внутри Африки много, и не мудрено, что многіе негры предпочитаютъ своему положенію на родинѣ то сравнительно гуманное рабство, которое ожидаетъ ихъ въ странахъ, исповѣдующихъ исламъ. Если тѣмъ или инымъ путемъ Европѣ еще можетъ удасться совершенно прекратить невольничество въ Египтѣ во всѣхъ его видахъ, то на полное уничтоженіе рабства въ глубинѣ Африки потребуется еще нѣсколько столѣтій. Только полное подчиненіе всего чернаго материка фактической власти европейцевъ и водвореніе цивилизованныхъ началъ среди массы чернаго населенія можетъ наконецъ стереть съ лица земли то несмываемое пятно позора, которое въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій лежитъ на человѣчествѣ. Разумѣется, это время еще далеко впереди, и потребуется еще нѣсколько сотъ такихъ поборниковъ за свободу человѣка, какъ Гордонъ, Беккеръ, кардиналъ Лавижери и др.

Не задаваясь даже вовсе такою обширною задачей уничтоженія рабства во всей Африкѣ, мы должны отмѣтить, что этого трудно достигнуть даже по отношенію къ одному Египту. Пока Востокъ останется на той стадіи культуры, на которой онъ стоитъ до сего дня, пока не будетъ уничтожена полигамія, требующая постояннаго подвоза женщинъ, и пока не будетъ поколебленъ весь строй восточной жизни, до той поры онъ будетъ нуждаться въ рабахъ и поддерживать невольничество хотя бы путемъ религіозной войны, какъ то и доказало настоящее возстаніе въ Суданѣ. Рабство на Востокѣ нельзя уничтожить сразу одними гуманными постановленіями, какъ то думали Беккеръ и Гордонъ, а лишь постепенно — путемъ большой культуры страны. Самъ Самуилъ Беккеръ, много потрудившійся для разрѣшенія этого вопроса и даже предпринимавшій военную экспедицію для уничтоженія притоновъ работорговцевъ, убѣдился въ безполезности своихъ трудовъ, и еще въ 1872 году заявилъ, что во всемъ Суданѣ у хедива, пишущаго указы противъ рабства, нѣтъ ни

Digitized by Google

одного подданнаго, который такъ или иначе не былъ бы заинтересованъ въ поддержаніи торговли „черными деревомъ“, то-есть черными людьми. Вотъ почему всѣ декреты хедива даже при всемъ его желаніи угодить Европѣ, настаивавшей на уничтоженіи постыднаго торга, оставались безъ послѣдствій, и негроторговцы предпочитали платить правительству по одному фунту стерлинговъ за каждую голову раба, чтобы только не покидать своего выгоднаго ремесла.[1] Въ противоложность Беккеру знаменитый Гордонъ въ томъ же самомъ 1872 году, возвращаясь изъ Судана въ Каиръ, былъ увѣренъ, что онъ положилъ конецъ гнусной торговлѣ рабами, но послѣдующія обстоятельства показали, что герой Хартума ошибался жестоко. Еще передъ самою своею смертью извѣстный поборникъ противъ рабства кардиналъ Лавижери года три тому назадъ заявлялъ торжественно о томъ, что всѣ благородныя усилія Европы къ уничтоженію рабства въ Африкѣ не привели къ желанному результату... „На стыдъ и позоръ всему цивилизованному міру, говорилъ кардиналъ, рабство существуетъ и еще долго будетъ существовать, и заботы всей Европы не могутъ его остановить; Европа заставила только скрыть лицевую сторону торговли рабами и тѣмъ поставила ее въ условія, при которыхъ невозможенъ никакой контроль. Работорговля теперь ведется скрытно; но это не значитъ, что ея не существуетъ, и что она даже уменьшилась въ размѣрахъ.“ Не уничтожились даже кровавыя экспедиціи въ земли невѣрныхъ, рассуа, и если теперь въ нихъ и не принимаютъ участія правительственныя войска, то частная антреприза за то развилась еще болѣе, чѣмъ во времена Беккера и Гордона

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

А. Елисѣевъ.

[1] А. Елисѣцевъ. Махди-Судана и арство дервишей. *Р. Обозр.* 1892.

Digitized by Google

РЫБАЧЬЯ ЛОДКА СТАРАГО ПЁРА.

Разсказъ.

Переводъ со шведскаго С. Г.

Въ дѣйствительности Старый Пёръ былъ вовсе не такъ уже старъ; имя это ему дали, когда онъ былъ еще мальчишкой и служилъ у рыбака Андерса. Прозвала его такъ дочь Андерса—Анна, потому что лицо его было покрыто морщинами, и это имя осталось ему навсегда, такъ какъ другаго прозвища никто за нимъ не зналъ.

Даже въ день своего появленія на свѣтъ Старый Пёръ выглядѣлъ такимъ сморщеннымъ и озабоченнымъ, какъ будто сознавалъ, что появляется не совсѣмъ кстати.

Первые годы своей жизни Пёръ находился подъ покровительствомъ Общества Призрѣнія Бѣдныхъ, которое тяготилось имъ; конечно, морщины его отъ этого не сгладились.

Четырнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ услуженіе къ рыбаку Андерсу и казался совсѣмъ старикомъ; въ самый день поступленія Анна, бойкая и находчивая дѣвушка, прозвала его Старымъ Пёромъ.

Повидимому, кожа на лицѣ его предназначалась для болѣе широкаго или полнаго лица, но такъ какъ Пёръ не полнѣлъ, то морщины не только не сглаживались, а напротивъ того—росли. Больше всего ихъ было вокругъ глазъ и рта; глазамъ, маленькимъ и добродушнымъ, онѣ придавали озабоченность, а когда его большой и широкій ротъ улыбался, то выражалъ не радость или удовольствіе, какъ это большею частью бываетъ, а какую-то робкую покорность, нѣчто похожее на мольбу о прощеніи.

Пёръ былъ высокъ и строенъ и хотя не очень силенъ, но

Digitized by Google

необыкновенно плотенъ и мускулистъ; работалъ прилежно и усердно, такъ что рыбакъ Андерсъ былъ имъ очень доволенъ.

Рыбакъ Андерсъ былъ сначала очень бѣденъ, но судьба ему благопріятствовала, и теперь дѣла его шли отлично.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ поступленія къ нему Стараго Пѣра онъ завелъ уже двѣ лодки для рыбной ловли; въ большей выѣзжалъ онъ самъ съ женой, въ меньшей Анна и Пѣръ. Такимъ образомъ онъ всегда имѣлъ больше шансовъ поймать что-нибудь, нежели другіе, и если являлась хотя малѣйшая возможность поймать салаку, то можно было съ увѣренностью сказать, что у Андерса она будетъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Пѣръ и Анна выѣзжали вмѣстѣ ловить рыбу, ловъ почти всегда бывалъ удаченъ, и имъ случалось привозить домой нѣсколькими сотнями штукъ больше, чѣмъ привозили родители. Анна утверждала, что заслуга была съ ея стороны, и Пѣръ ей не перечилъ,—впрочемъ, онъ никогда никому не перечилъ. Вообще они жили дружно; Анна, правда, поддразнивала иногда своего товарища, но кроткій и застѣнчивый парень ничего не имѣлъ противъ этого, ему даже нравились ея шутки.

Пѣръ сидѣлъ на кормѣ, Анна впереди, какъ это принято, если мужчина и женщина гребутъ вмѣстѣ. Пѣръ гребъ всегда изо всѣхъ силъ, стараясь по возможности облегчить ея трудъ, Анна это очень цѣнила, хотя и не говорила ни слова. Обязанность направлять лодку лежала на Старомъ Пѣрѣ, ему часто приходилось оборачиваться, и всякій разъ онъ встрѣчалъ ея свѣжее, румяное личико. Надо отдать ему справедливость, что онъ какъ нельзя болѣе аккуратно и тщательно слѣдилъ за курсомъ.

Такимъ образомъ Пѣръ мало по малу влюбился въ Анну. Произошло это какъ-то тихо, незамѣтно; ей онъ ничего не говорилъ, да врядъ ли и самъ сознавалъ, что съ нимъ случилось; ему казалось только, что нѣтъ бо́льшаго удовольствія, какъ ѣхать закидывать сѣти; онъ думалъ также, что искренно любилъ старую лодку, и, сидя въ ней вдвоемъ съ Анной и дружно работая веслами, онъ чувствовалъ себя спокойнымъ, увѣреннымъ и даже немного гордымъ.

Какъ уже сказано, любовь эта росла и развивалась спокойно и потихоньку. Наступило мирное, счастливое время; Анна обращалась съ нимъ теперь иначе: она перестала дразнить его, молча сидѣла за своими веслами, и только когда Пѣръ оглядывался назадъ, слѣдя за направленіемъ лодки, глаза ея радостно

Digitized by Google

блестѣли. За счастливымъ временемъ послѣдовало горестное: Анна стала сурова, въ шуткахъ ея проглядывала рѣзкость, и—къ этому Пёръ былъ всего чувствительнѣе—она, которая прежде такъ хорошо умѣла грести вровень съ нимъ, теперь то спѣшила, то отставала и взмахивала веслами безъ всякаго толку, такъ что ему было очень трудно держать лодку въ равновѣсіи. Бѣдняга не понималъ, что̀ съ нею, но чувствовалъ, что что-то неладно; взглядъ его дѣлался еще озабоченнѣе, и улыбка еще застѣнчивѣе. Вскорѣ Анна перешла въ отцовскую лодку, а въ маленькой ее замѣнила мать. Перемѣна эта весьма огорчила Пёра, но онъ, разумѣется, ничего не говорилъ. Кончилось тѣмъ, что Анна сдѣлалась невѣстой ихъ ближайшаго сосѣда, тоже рыбака. Окерстремъ, такъ звали жениха, былъ уже не первой молодости и имѣлъ тяжелый характеръ, но зато обладалъ кругленькимъ капитальцемъ. Конечно, Пёръ не имѣлъ права сердиться на выборъ Анны; онъ понималъ, что она поступала благоразумно, поэтому молчалъ, хотя, можетъ быть, и страдалъ втихомолку. Спустя нѣсколько дней онъ отошелъ отъ рыбака Андерса и поступилъ на другое мѣсто; это было дѣломъ далеко не шуточнымъ, такъ какъ Андерсъ былъ добрымъ хозяиномъ, жалованіе и харчи также были у него лучше, чѣмъ Пэръ могъ ожидать на другомъ мѣстѣ.

По прошествіи пяти лѣтъ Пёръ вернулся, сколотивъ себѣ небольшой капиталецъ, и арендовалъ маленькую избушку на томъ же островѣ, гдѣ жилъ рыбакъ Андерсъ и гдѣ была замужемъ Анна.

Теперь Старый Пёръ—самостоятельный рыбакъ, онъ связалъ себѣ нѣсколько сѣтей и пріобрѣлъ также лодку. Лодка оказалась тою же самою, въ которой онъ раньше ѣздилъ съ Анной ловить рыбу. Она была стара и ветха и возбуждала во всѣхъ одинъ только смѣхъ. Цѣлыхъ двѣ недѣли Пёръ заливалъ ее, чинилъ, и она стала опять годною къ употребленію. Конечно, ему пришлось встрѣтиться съ Анной. Она выросла, пополнѣла и была здоровѣе и живѣе прежняго.

По словамъ сосѣдей, она умѣла ладить со своимъ сердитымъ мужемъ, и жилось ей вообще недурно. Они встрѣтились безъ всякой натянутости, напротивъ того—дружески, почти даже сердечно; Пёръ пожалъ ея руку и спросилъ, какъ она поживаетъ. Потомъ они стали говорить о рыбной ловлѣ, о томъ, о семъ, и, прощаясь, Анна спросила:

— Итакъ, вы купили у отца это старье-лодку?

— Да, отвѣчалъ Пёръ,—онъ недорого взялъ за нее, а вѣдь

Digitized by Google

лодка мнѣ необходима. Къ тому же она не такъ стара, чтобы ее нельзя было починить.

— Въ самомъ дѣлѣ? засмѣялась Анна,—берегитесь только, какъ бы вамъ не пойти съ нею вмѣстѣ ко дну!

— О нѣтъ, отвѣчалъ улыбаясь Пѣръ, дѣло еще не такъ плохо.

Послѣ этого они нерѣдко встрѣчались и всякій разъ разговаривали. Анна попрежнему шутила съ нимъ, называла его Старымъ Пѣромъ и никогда не забывала спросить, какъ поживаетъ лодка. Лодка эта сдѣлалась какъ бы связующимъ ихъ звеномъ.

Старый Пѣръ теперь какъ нельзя больше оправдывалъ свое прозвище: на лицѣ его появилось, если возможно, еще болѣе морщинъ, обращеніе стало сдержаннѣе, взглядъ—озабоченнѣе, и улыбка застѣнчивѣе прежняго. Жилось ему далеко не легко; въ рыбной ловлѣ ему не везло, не даромъ Анна раньше говаривала, что заслуга вполнѣ ея. Не разъ приходилось ему возвращаться домой съ почти пустыми сѣтями. Нѣтъ, положительно Старому Пѣру не везло!

Къ счастью, онъ зналъ всего понемножку: былъ и столяромъ, и кузнецомъ, и сапожникомъ, если того требовалось; разъ даже справилъ старые часы, чѣмъ очень гордился, такъ какъ ихъ носили къ часовыхъ дѣлъ мастеру, который ничего не съумѣлъ сдѣлать. Такимъ образомъ, переходя изъ дома въ домъ и помогая въ разныхъ мелочахъ, Пѣръ кое-какъ справлялся.

Прошло лѣтъ шесть или семь. У Пѣра появилась новая забота: лодка его отказывалась служить; онъ чинилъ ее постоянно: гдѣ вставитъ новую дощечку, гдѣ жестяную полоску; благодаря этому она еще держалась, но въ послѣднее лѣто было ужъ просто опасно на ней ѣздить. Когда же осенью Пэръ вытащилъ лодку на берегъ и сталъ осматривать подробно, то только глубокомысленно покачалъ головой: онъ не видѣлъ средства сдѣлать ее снова годною,—она была такъ ветха, что, казалось, и починки бы не выдержала.

Этою же осенью умеръ Окерстремъ, мужъ Анны, которая оставалась теперь богатою вдовой; а такъ какъ ей было всего тридцать съ небольшимъ лѣтъ, а на видъ и того меньше, то не мало нашлось молодцовъ, которые стали къ ней приглядываться.

Однажды въ началѣ ноября Пѣръ стоялъ и разсматривалъ свою лодку, придумывая, какъ бы сдѣлать ее снова годною къ употребленію: надъ рѣшеніемъ этой задачи онъ проводилъ все свое свободное время,—вдругъ за нимъ раздался голосъ:

Digitized by Google

— Здравствуйте, Пэръ.

Пёръ поднялъ голову и увидалъ Анну, стоявшую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него,—она возвращалась изъ села съ покупками; отъ скорой ходьбы и свѣжаго воздуха она раскраснѣлась и была красивѣе обыкновеннаго.

Но Пёръ такъ былъ озабоченъ своей лодкой, что не обратилъ никакого вниманія на ея наружность и только отвѣтилъ:

— Здравствуйте.

— О чемъ это вы такъ задумались? о своей лодкѣ? продолжала Анна, бывшая, повидимому, въ прекрасномъ расположеніи духа.

— Да, отвѣчалъ Пёръ и, схватившись за волосы, жалобно протянулъ:—Экое горе!

Анна тотчасъ подошла къ нему, принялась осматривать лодку и серіозно покачала головой.

— Да, ваша лодка уже выслужила свой вѣкъ, сказала она съ участіемъ, ибо искренно сочувствовала Пёру въ его неудачѣ.

Съ минуту они молча стояли другъ возлѣ друга и не спускали глазъ съ лодки. Анна первая прервала молчаніе:

— Вамъ бы нужно пріобрѣсти себѣ новую къ веснѣ.

На губахъ его показалась обычная робкая улыбка:

— Да, не мѣшало бы.

Анна взглянула на него и продолжала какъ будто съ досадою:

— Совсѣмъ не такъ уже трудно обзавестись дешевою лодкой. Стóитъ только захотѣть.

— Какъ-же, напримѣръ? спросилъ Пёръ, попрежнему улыбаясь.

Анна на минуту задумалась и нерѣшительно произнесла:

— Напримѣръ, вотъ моя новая рыбачья лодка, и продолжала очень скоро: теперь какъ я одинока, она мнѣ больше не нужна, я отлично могу справиться со старою и даже уже подумывала сбыть новую. Ну что, развѣ это васъ не устраиваетъ?—закончила она, шаловливо усмѣхаясь.

Пёръ испуганно посмотрѣлъ на нее, ему едва вѣрилось, что она говоритъ серіозно.

— Но я-то никогда не буду въ состояніи купить ее, сказалъ онъ наконецъ.

— А можетъ быть и будете, возразила она, кивая ему головой и уходя.

Пёръ посмотрѣлъ ей вслѣдъ: — Нѣтъ, конечно, она только пошутила.

Новая лодка Окерстрема — да вѣдь это лучшая на всемъ

Digitized by Google

островѣ; ей нѣтъ еще и году, она такъ красива и нарядна, что заткнетъ за поясъ любую лодку для катанья; къ тому же она чрезвычайно легка на ходу. Пёръ часто слѣдилъ за нею восторженными глазами,—онъ понималъ толкъ въ лодкахъ.

Безъ сомнѣнія Анна только пошутила, во всякомъ случаѣ онъ бы никогда не могъ купить ее.

Однако же мысль эта глубоко запала ему въ голову, и онъ никакъ не могъ отъ нея отвязаться.

Въ слѣдующее воскресенье, зная, что Анна въ церкви, онъ отправился къ ней на мызу, чтобы въ подробности осмотрѣть лодку. Онъ тщательно ощупалъ каждый гвоздикъ, перетрогалъ ее всю отъ одного края до другаго и не могъ найти рѣшительно никакого недостатка. А ужь какъ она была красива, какъ нарядна, почти даже слишкомъ!..

Пёръ съ трудомъ оторвался отъ нея.

Въ теченіе зимы онъ частенько навѣдывался къ лодкѣ. Положительно онъ влюбился въ деревянную красавицу, не могъ думать ни о чемъ другомъ, дни и ночи придумывалъ, какъ бы ему накопить довольно денегъ, чтобы быть въ состояніи купить ее; онъ уже увѣрилъ себя, что Анна говорила не шутя. Да и къ чему ей въ самомъ дѣлѣ двѣ лодки, когда она одинока? Можетъ быть, ради ихъ старой дружбы она и уступитъ ему ее за недорогую цѣну!

Всю зиму онъ копилъ деньги, отказывалъ себѣ въ необходимѣйшемъ и работалъ безъ устали, проводя ночи за вязаніемъ сѣтей. Къ веснѣ у него оказалось тридцать кронъ, но нечего было и думать купить лодку за эту цѣну; меньшая сумма, которая казалась ему достаточною, была пятьдесятъ кронъ. Однажды Пёръ увидалъ, что лодка спущена на воду, и испугался: а ну какъ она отъ него ускользнетъ? Дѣлать нечего, онъ рѣшился... и въ одинъ прекрасный день въ концѣ апрѣля нарядился въ лучшее свое платье, умылся, причесался, точно будто собрался свататься,—и пошелъ къ Аннѣ.

Вдова Окерстремъ была на кухнѣ; она съ удивленіемъ взглянула на вошедшаго, слегка покраснѣла, отерла съ лица потъ и, взявъ его за руку, проговорила:

— Давненько мы не видались.

Это походило на упрекъ, а не сама ли она избѣгала Пёра послѣ того разговора у лодки?

Старый Пёръ едва могъ говорить, онъ совсѣмъ поблѣднѣлъ отъ волненія, однако же сказалъ, что пришелъ съ нею посовѣтоваться.

Digitized by Google

Анна покраснѣла больше прежняго, попробовала пошутить, но неудачно, и затѣмъ попросила его войти въ комнату.

Онъ сѣлъ, положилъ руки на колѣни и взглянулъ на нее; взглядъ его выражалъ такой страхъ, что она вдругъ расхохоталась; это было большимъ облегченіемъ для Пёра, онъ ободрился и могъ приступить къ дѣлу.

— Я пришелъ поговорить о лодкѣ, сказалъ онъ.

— Вотъ что!..

Онъ замѣтилъ, что лицо ея омрачилось, словно она обманулась въ своемъ ожиданіи, это опять его испугало: а вдругъ она разсердилась? или можетъ быть лодка уже продана? Пёръ сталъ припоминать, какъ и что ему надо говорить, но отъ страху ни въ чемъ не могъ дать себѣ отчета.

— Вотъ видите ли, началъ онъ, дрожащими руками вытаскивая изъ кармана деньги и раскладывая ихъ передъ нею, какъ бы желая соблазнить ее. У меня есть тридцать кронъ; конечно, я отлично понимаю, что за эту сумму нельзя купить лодки, но я бы могъ доплатить остальное въ теченіе года, могъ бы вязать сѣти или дѣлать еще что-нибудь. Но здѣсь у меня тридцать кронъ, вотъ онѣ!

Онъ пересчиталъ деньги и робко-вопросительно посмотрѣлъ на нее, но не могъ увидѣть выраженія ея лица: она наполовину отвернулась, смотрѣла въ окно и барабанила пальцами по столу.

— Такъ вамъ очень хочется имѣть лодку? спросила она наконецъ.

— Да, отвѣчалъ Пёръ, и сказалъ это съ такимъ убѣжденіемъ, что у него даже слезы выступили на глазахъ.

Она забарабанила сильнѣе прежняго и отвѣчала:

— А я не хочу ее продавать.

Пёръ молчалъ, онъ какъ-то весь съежился, и фигура его выражала такую безнадежность и покорность, что Анна заговорила нѣсколько мягче.

— Нельзя ли устроиться какъ нибудь иначе?

Пёръ просвѣтлѣлъ и нерѣшительно взглянулъ на нее:

— Какъ нибудь иначе?

— Ну да.

— А какъ же?

Она опять принялась барабанить по столу, но гораздо медленнѣе.

— А вы не можете отгадать?

Все лицо его выражало усерднѣйшее стараніе; но, увы, онъ только отрицательно покачалъ головой.

Digitized by Google

Она съ нетерпѣніемъ, даже съ досадой, взглянула на него— но нѣтъ, сердиться нельзя было, вѣдь онъ настоящій ребенокъ!

— Не хотите ли взять меня въ придачу? быстро проговорила она и покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ.

— Въ придачу? Старый Пѣръ совершенно растерялся и попрежнему ничего не понималъ. Тутъ ужь Анна не выдержала, громко и весело разсмѣялась и продолжала смѣлѣе.

— Я вижу, приходится говорить прямо; Господи Боже, ну еслибы мы поженились?

Пѣръ всталъ, дрожащими руками собралъ деньги, сунулъ ихъ въ карманъ, посмотрѣлъ на нее со слезами на глазахъ и направился къ дверямъ.

Она испугалась, поспѣшила за нимъ и такъ крѣпко схватила его за рукавъ, что даже сдѣлала ему больно.

— Но, Пѣръ, сказала она, — вѣдь я говорю совершенно серіозно. И выпустивъ рукавъ изъ рукъ, тихонько прибавила:

— Хочешь взять меня?

Пѣръ остался...

Когда онъ черезъ нѣсколько времени вышелъ изъ ея дома, то понялъ, что она говорила серіозно, то-есть онъ понялъ, что лодка будетъ принадлежать ему, и платить за нее не надо; прочее было еще не совсѣмъ ясно, или вѣрнѣе онъ о прочемъ не думалъ. Онъ зналъ только, что лодка его собственность, и это приводило его въ восторгъ.

Черезъ мѣсяцъ сыграли свадьбу. Анна настояла на томъ, чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ; она не обращала вниманія на толки сосѣдей, что не мѣшало бы подождать годикъ послѣ смерти перваго мужа.

Свадьба была очень тихая, изъ церквн молодые отправились прямо домой. Дѣло было послѣ полудня. Переодѣвшись Пѣръ пошелъ къ берегу посмотрѣть на свою лодку, *свою собственную* лодку. Вдоволь налюбовавшись, онъ принялся складывать въ нее сѣти.

Анна вышла изъ дома. На ней было еще ея праздничное черное, полушелковое платье. Увидавъ, чѣмъ занятъ Пэръ, она сначала удивилась, а потомъ даже разсердилась.

— Ты развѣ хочешь ѣхать закидывать сѣти? спросила она.

— Да, отвѣчалъ Пѣръ,—вѣдь завтра понедѣльникъ.

Онъ такъ былъ занятъ своимъ дѣломъ, что даже но взглянулъ на нее.

Она переминалась съ ноги на ногу и казалась очень озадаченною.

Digitized by Google

— Ну, такъ ужь и я поѣду съ тобой, сказала она наконецъ и побѣжала домой переодѣться.

Черезъ нѣсколько минутъ они отправились, взявши съ собою сѣти. Анна попрежнему сидѣла на переднихъ веслахъ и гребла молча и серіозно. Пёръ сидѣлъ сзади, онъ тоже молчалъ, но лицо его выражало гордость и довольство. Просто изумительно, какъ легко и быстро подвигалась лодка!

Когда они вернулись и причалили къ берегу, Пёръ опять сталъ любоваться ею.

— Да, эта лодка право на рѣдкость, сказалъ онъ, улыбаясь менѣе робко, чѣмъ обыкновенно.

Анна стояла за нимъ, глаза ея заблестѣли.

— Право, мнѣ кажется, ты больше радуешься лодкѣ, нежели мнѣ, проговорила она сердито, повернулась и пошла.

Звукъ ея голоса поразилъ Пёра, онъ повернулъ голову и испуганно посмотрѣлъ ей вслѣдъ; мало-по-малу краска стала заливать его щеки, и онъ медленно побрелъ за женою.

На другое утро очень рано они уже ѣхали за своими сѣтями. День былъ прекрасный, весенній, солнечный; вода была чиста какъ зеркало, и скользящая на ея поверхности лодка оставляла за собой длинную сверкающую полосу, въ которой отражались островки и морскія птицы, рѣявшія надъ самою водой.

Ловъ былъ очень успѣшенъ; Пёръ разсчиталъ, что они поймали около трехъ тысячъ штукъ; давно уже не было ему такой удачи! Однако же онъ ничего не говорилъ, сидѣлъ прямо, и маленькіе глазки его блестѣли отъ удовольствія.

Впрочемъ, теперь онъ радовался не рыбѣ, и даже не лодкѣ: чувство, таившееся въ немъ столько лѣтъ, наконецъ пробило кору, покрывавшую его сердце, и старый Пёръ понялъ, что теперь только достигъ того, чего такъ давно желалъ, о чемъ старался не думать, когда оно казалось неисполнимымъ. До сихъ поръ онъ этого не сознавалъ, теперь же оно стало ему ясно какъ Божій день.

Поэтому, когда они причалили къ берегу, Пёръ самъ подошелъ къ Аннѣ, взялъ ея руку, погладилъ и сказалъ:

— Лодка дѣйствительно очень хороша, но ты, Анна, еще лучше!

Въ первый разъ онъ дѣлалъ ей нѣкотораго рода признаніе въ любви, но Анна осталась довольна и этимъ, ибо — лучше поздно, чѣмъ никогда!

Торъ Гедбергъ.

Digitized by Google

О ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

О препятствіяхъ къ возсоединенію церквей.

Рѣчь И. В. Биркбека на Норичскомъ церковномъ конгрессѣ въ октябрѣ 1895.[1]

Переводъ съ англійскаго подъ редакціей автора.

Какое бы значеніе ни имѣли остальныя подраздѣленія Восточной Православной Церкви, но вопросъ о возсоединеніи съ Востокомъ зависитъ главнымъ образомъ отъ Русской Церкви. Эта Церковь,—величайшая и важнѣйшая изъ всѣхъ національныхъ церквей, имѣющая до 80.000.000 членовъ, заключающая въ себѣ $^4/_5$ всего числа исповѣдующихъ православіе и по крайней мѣрѣ $^9/_{10}$ всей учености послѣдняго, происшедшая изъ одной епархіи, насажденной изъ Константинополя въ Кіевѣ въ X вѣкѣ, и теперь простирающаяся отъ Сѣвернаго Ледовитаго Океана до Чернаго моря и отъ моря Балтійскаго до береговъ Тихаго Океана, — отнюдь не должна быть оставлена безъ вниманія въ вопросѣ о возсоединеніи церквей. Кромѣ того нѣтъ въ мірѣ церкви, имѣющей большее право на сознательное и добросовѣстное изслѣдованіе англійскихъ богослововъ. Ея постоянная, неизмѣнная приверженность Вселенской (Catholic) истинѣ, ея громадное и благотворное вліяніе на все увеличивающіяся народныя массы, входящія въ составъ ея паствы, энергія и успѣхъ ея миссій среди язычниковъ и магометанъ — не имѣютъ себѣ равныхъ въ христіанскомъ мірѣ, тѣмъ болѣе, что по дарованіямъ и учености ея богослововъ она можетъ стоять на ряду съ самыми учеными западными исповѣданіями. Если это и не признается на Западѣ, то лишь потому, какъ указывалъ профессоръ **Harnack**, что Русскіе богословы пишутъ на языкѣ неизвѣстномъ западнымъ ученымъ. Въ критическомъ обзорѣ сочиненія о Ѳеодоритѣ Киррскомъ (Theodoret of Cyrrha), написаннаго для полученія степени магистра богословія Николаемъ

[1] См. *Русск. Обозр.* 1895, № 11.

Digitized by Google

Глубоковскимъ, молодымъ студентомъ Московской Духовной Академіи, Dr. Harnack говоритъ, что эта Академія произвела въ этомъ сочиненіи монографію, какой не видалъ свѣтъ послѣ сочиненія Лаитфута (Lightfoot). И это отнюдь не единственный примѣръ.

Поэтому сегодня я посвящу свою рѣчь русскому богословію.

Хотя это и не всѣмъ извѣстно, но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того факта, что Восточная Церковь, такъ же какъ и Римская и различныя протестантскія исповѣданія, обладаетъ своею собственною богословскою школой, которую намъ сразу очень трудно понять. Первое препятствіе, которое намъ приходится преодолѣвать, состоитъ въ трудности точно понять православную точку зрѣнія. Когда Англиканинъ впервые начинаетъ разсуждать о различныхъ предметахъ вѣры съ представителями Восточной Церкви, онъ ежеминутно становится лицомъ къ лицу съ загадками и неожиданностями совершенно непредвидѣннаго свойства. Онъ постоянно встрѣчается со взаимнымъ непониманіемъ и нерѣдко долженъ оспаривать такія положенія, говорить о которыхъ кажется ему пустою тратой времени. Это обнаруживается даже при разговорѣ о неважныхъ для насъ обрядахъ. Первый мой религіозный разговоръ въ Россіи я велъ съ однимъ монахомъ въ Кіевѣ, человѣкомъ не особенно ученымъ, но какъ бо́льшая часть кіевскаго духовенства чрезвычайно опытнымъ въ преніяхъ съ представителями Римской церкви. Между прочимъ онъ неожиданно спросилъ меня: „Всегда ли употребляется ладонъ въ вашихъ храмахъ?“ Я, упустивъ изъ виду, что въ Восточной Церкви не бываетъ богослуженія безъ куренія ладона, не зная ничего о серьезныхъ несогласіяхъ по этому поводу въ уніатско-русской церкви и думая, что онъ кое-что слышалъ о нашихъ *Ornaments' Rubric*, отвѣчалъ: „Нѣтъ, не всегда, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ.“ Къ моему изумленію, онъ сказалъ: „Не говорилъ ли я вамъ, что ваша церковь папистская? Какъ вы знаете, папистами были введены тихія мессы, безъ пѣнія и ладона, именно въ то время, когда они измышляли новый догматъ „Filioque“ въ Символѣ Вѣры“. Я привожу это не какъ примѣръ серьезнаго препятствія ко всеобщему объединенію, не какъ образецъ богословскаго ученія, но какъ одинъ изъ случаевъ, которые постоянно возникаютъ на Востокѣ при обсужденіи религіозныхъ вопросовъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Можетъ быть кто-нибудь спроситъ: отчего не попробовать общей почвы антагонизма съ Римомъ? Посмотримъ результаты. Представитель Восточной Церкви начинаетъ: „Лишаетъ ли ваша Церковь мірянъ чаши, какъ это

Digitized by Google

дѣлаютъ латиняне?“ „Конечно нѣтъ, мы исправили это во время реформаціи.“ „Слава Богу,—говоритъ православный,—но почему вы не возстановляете муропомазанія и причащенія дѣтей, лишенныхъ этого на Западѣ“? На этотъ вопросъ я всегда очень затруднялся что-нибудь отвѣтить. Всякій отвѣтъ въ данномъ случаѣ будетъ доводомъ и противъ крещенія дѣтей; и если вы возразите, что несознательное дитя неспособно къ вѣрѣ, необходимой для воспринятія благодати въ таинствахъ, вамъ отвѣтятъ, что вы подобно папистамъ смѣшиваете вѣру съ разумомъ, и напомнятъ вамъ, что если св. Іоаннъ Креститель до своего рожденія могъ возрадоваться о Христѣ, то человѣческая мудрость не въ силахъ судить о годахъ, когда дитя становится способнымъ познавать Бога въ Его таинствахъ.

Это послѣднее положеніе даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію кореннаго различія между Востокомъ и Западомъ. Востокъ смотритъ на весь Западъ, какъ на такой, который вмѣстѣ съ Римомъ отдѣлился отъ истинной церкви во время великаго раскола, закончившагося въ XI столѣтіи. Восточная Церковь никогда не переживала нашего періода схоластики и не хочетъ знать ея философіи и богословія. Она полагаетъ, что Западная Церковь, настаивая на своемъ взглядѣ въ вопросахъ возникшихъ тогда, замѣнила сомнительными умствованіями *одной части Церкви* живую боговдохновенную вѣру *всей Церкви*. Въ этомъ именно сущность и спора о Filioque. Вопросъ не въ томъ, исходитъ ли Духъ Святой отъ Сына, такъ же какъ и отъ Отца, и не въ томъ, можетъ или не можетъ быть это доказано логически изъ Св. Писанія и Твореній Св. Отецъ, но въ томъ, имѣетъ ли право часть Церкви, хотя и значительная, или отдѣльное лицо, хотя и высоко поставленное въ церковной іерархіи, прибавить или убавить что-либо изъ церковнаго опредѣленія вѣры безъ согласія всей церкви. Представители Восточной Церкви утверждаютъ, что Церковь только одна непогрѣшима, потому что Она будучи тѣломъ, Глава котораго Христосъ, есть совершенно Святая; ибо, такъ какъ грѣхъ мѣшаетъ познавать Бога, никто не смѣетъ претендовать на полную непогрѣшимость Церкви, какъ и на совершенную ея святость. Такимъ образомъ, отличіе православія и отъ Рима и отъ протестанства совершенно одинаково: и въ томъ и въ другомъ случаѣ, говорятъ православные, вводится новая, неизвѣстная величина—замѣщеніе авторитетомъ личности авторитета Церкви. Мало того: восточные богословы утверждаютъ, что одно (протестантизмъ) логически вытекаетъ изъ друга-

Digitized by Google

го (латинство); ибо, если одна личность присваиваетъ себѣ право управлять всей Церковью, то будутъ и другія, которыя будутъ оспаривать это право и ставить себя самихъ судьями въ своей вѣрѣ. Въ этомъ смыслѣ одинъ русскій писатель говоритъ, что если все это выразить въ алгебраической формѣ, то неизвѣстная величина можетъ быть представлена формулой *a*. Возьмемъ ли + a, т. е. Римскую Церковь, или — a, т. е. протестантизмъ, разницы не будетъ, ибо неизвѣстная величина *a* все-таки остается и въ томъ и въ другомъ случаѣ. Я представилъ эту теорію въ самой простой ея формѣ, не потому что я безусловно согласенъ съ ней, ибо, при всемъ желаніи, ни одинъ Англиканинъ, не совершивъ духовнаго самоубійства, не можетъ допустить, что въ великомъ расколѣ Римъ пересталъ быть истинною частью единой Церкви, но потому, что прежде чѣмъ говорить о единеніи, мы должны по крайней мѣрѣ уяснить православную точку зрѣнія. Я думаю, что мы сходимся съ православными въ самомъ принципѣ, какъ бы ни расходились въ его примѣненіи. Это совершенно согласно съ послѣдней частью XIX Члена Религіи (Article of Religion), который свидѣтельствуетъ, что отдѣльные патріархаты, хотя и основанные Апостолами, не только теоретически могутъ заблуждаться, но, какъ видно изъ исторіи, и заблуждались въ дѣлахъ вѣры. Тотъ фактъ, что этотъ Членъ сильно соблазняетъ представителей Восточной Церкви, подтверждаетъ то, что я сказалъ выше, именно, что представители Церкви Восточной и Англикане часто спорятъ не понимая другъ друга. Низложеніе патріарха Александрійскаго Кирилла Лукариса за кальвинскую ересь, бывшее черезъ сто лѣтъ послѣ начертанія этого члена, не менѣе подтверждаетъ заключающуюся въ немъ истину, чѣмъ осужденіе папы Гонорія шестымъ вселенскимъ соборомъ. Затѣмъ посмотримъ, какъ эта теорія отражается на вопросѣ о хиротоніи епископовъ. Нѣкоторые богословы Римской Церкви утверждаютъ, что главный священнодѣйствующій одинъ совершаетъ таинство священства и власть (auctoritas) на это получаетъ отъ папы. Представители Восточной Церкви напротивъ утверждаютъ, что, такъ какъ *безъ всякаго прекословія меньшее отъ бо́льшаго благословляется,* одинъ епископъ не можетъ единолично посвятить другаго въ епископы и только Церковь можетъ совершить это, и что соборъ епископовъ, большой или малый все равно, если Церковь признаетъ ихъ за своихъ представителей въ этомъ дѣлѣ, есть единственный органъ, дающій священство, такъ же, какъ соборъ, а не отдѣльная личность, есть настоящій выразитель ученія Церкви. Затѣмъ, такъ

Digitized by Google

какъ авторитетъ Вселенскаго Собора зависитъ отъ всей Церкви, включая и мірянъ, которые принимаютъ его постановленія, какъ ученіе Церкви, и такъ какъ всѣ Вселенскіе Соборы, признаваемые Вселенскою церковью, бывали созываемы императорами, то какъ іерархія, такъ и міряне, или свѣтская власть въ правильно устроенномъ христіанскомъ государствѣ, должны давать свое согласіе въ той или другой формѣ на епископское посвященіе. Еще нѣчто. Въ то время, какъ епископы преподаютъ таинство соборнѣ возложеніемъ рукъ, только одинъ изъ нихъ, высшій по степени, произноситъ установленныя молитвы. Развѣ это не св. Петръ [1], „первопрестольникъ“ [2] Апостоловъ, изображающій не Христа, но единство Его Церкви, когда онъ въ день Пятидесятницы *ставъ со единонадесятми воздвиже гласъ свой* [2] и проповѣдалъ Евангеліе, или же когда его преемникъ, св. Левъ Великій, провозгласилъ святую вѣру въ Халкидонѣ [3], проявивъ, такимъ образомъ, въ своемъ лицѣ выраженіе единства церковнаго, (но не начала и не источника послѣдняго)? Ибо, хотя православные и смотрятъ на Римъ, какъ на отпадшій теперь, однако въ томъ они согласны съ нами, что не считаютъ настоящее положеніе нормальнымъ, и мнѣ часто приходилось слышать отъ нихъ самихъ, что если бы Римъ возвратился къ прежнему состоянію, они охотно признали бы его епископа первенствующимъ въ христіанскомъ мірѣ.

Но продолжимъ. По отношенію къ тремъ препятствіямъ для возсоединенія, о которыхъ часто упоминается и въ Россіи и въ Англіи, а именно къ 7 Вселенскому Собору, призыванію святыхъ и почитанію Св. Дѣвы, слѣдуетъ вспомнить, что взгляды и практика Восточной Церкви въ этихъ трехъ вопросахъ нѣсколько отличаются отъ взглядовъ всѣхъ частей западнаго христіанства и неразрывно связаны съ ученіемъ Восточной Церкви о существѣ самой Церкви, ученіемъ, только-что изложеннымъ мною. Ибо единство Церкви, съ ихъ точки зрѣнія, не состоитъ только въ союзѣ отдѣльныхъ личностей, устранившихъ отдѣль-

[1] Св. Симеонъ Солунскій въ своемъ твореніи De sacris ordinationibus въ главѣ (CLXIX) о посвященіи діакона говоритъ: „His superaddit episcopus: „Precemur igitur pro eo, ut veniat super ipsum gratia Sanctissimi Spiritus“; simul quidem et Dei gratiam invocans, simul quoque et se per eam operari testificans, et universam Ecclesiam advocans tam pro se quam pro ordinando ut huic operi cooperetur. Nam si Petrus cooperantem suis precibus habuit Ecclesiam, multo magis ipse“. (Migne, t CLV, 378 col.).

[2] Тропарь 29 іюня.

[3] См. службу 18 февраля.

Digitized by Google

ные пункты несогласій, не въ союзѣ религіозныхъ общинъ, которыхъ вѣра въ существенныхъ пунктахъ не тожественна, не въ единеніи, скрѣпленномъ механически церковнымъ управленіемъ, но оно состоитъ въ томъ, что *Церковь есть живое тѣло, Глава котораго Христосъ и въ которомъ пребываетъ Духъ Святой.* Согласно этому, одинъ изъ современныхъ русскихъ богослововъ опредѣлилъ Церковь, что она есть „истина и любовь, какъ живой организмъ". Въ земной церкви выразителемъ истины является Вселенскій Соборъ, принятый Церковью, а любовь ея выражается во всѣхъ проявленіяхъ ея богопочтенія и въ общеніи всѣхъ ея членовъ въ молитвахъ. Мнѣ бы хотѣлось обсудить оба эти пункта, но за недостаткомъ времени, я долженъ ограничиться однимъ первымъ.

И представители Восточной Церкви, и Англикане признаютъ авторитетъ безспорныхъ Вселенскихъ Соборовъ. Но тогда какъ восточные богословы признаютъ семь соборовъ, нѣкоторые англиканскіе богословы признаютъ только шесть и утверждаютъ, что мы никогда не признавали седьмой Вселенскій Соборъ, такъ какъ онъ былъ отвергнутъ франкфуртскимъ соборомъ, на которомъ Англиканская Церковь участвовала въ формѣ письма къ Карлу Великому. Но этотъ доводъ можетъ удовлетворять только тѣхъ, которые не читали постановленій обоихъ соборовъ. Православные отлично знаютъ франкфуртскій соборъ и будутъ настоятельно указывать не только на то, что мы впослѣдствіи, вмѣстѣ со всѣмъ Западомъ, безъ протеста приняли 7-й Вселенскій соборъ, но и на то, что отвергнуто было во Франкфуртѣ не τιμητικὴ προσκύνησις или честное поклоненіе и почтеніе ко всѣмъ священнымъ предметамъ и лицамъ, что утвердилъ 2-й Никейскій Вселенскій Соборъ, но *imaginibus ita ut deificae Trinitati servitium aut adorationem impendere*, то-есть, то безусловное служеніе и поклоненіе, которое приличествуетъ одному Тріипостасному Божеству и которое подъ названіемъ λατρεία осудилъ и 2-й Вселенскій Соборъ. Мимоходомъ я могу замѣтить, что современные русскіе богословы не признаютъ схоластическаго термина *dulia*, какъ надлежащаго опредѣленія отношеній, которыя должны существовать между нами и святыми, „ибо, говорятъ они, мы не рабы ихъ, а братья, дѣти одного общаго Отца", и *a fortiori* они отвергаютъ этотъ терминъ и по отношенію къ иконамъ. Что же касается почитанія иконъ на Востокѣ, то оно, въ дѣйствительности, вовсе не такого свойства, какимъ кажется непривычному взору. Когда представители Восточной

Digitized by Google

Церкви спрашиваютъ меня о моихъ взглядахъ на этотъ предметъ, я, какъ и слѣдуетъ истому норфолькцу, привожу оригинальный отвѣтъ сэра Томаса Брауна изъ Норвича, который говорилъ, что „когда я вижу изображеніе Распятаго Спасителя, то могу обойтись безъ своей шляпы, но едвали безъ мысли о своемъ Искупителѣ". И всякій представитель Восточной Церкви подтвердитъ, что это именно то, что хотѣлъ выразить 7-й Вселенскій Соборъ. Слѣдуетъ помнить, что этотъ соборъ не осуждаетъ тѣхъ, которые не употребляютъ одинаковыхъ съ нимъ внѣшнихъ выраженій богопочтенія, но только тѣхъ, которые считаютъ употребляющихъ таковыя идолопоклонниками, — каковой принципъ въ интересахъ возсоединенія вполнѣ приложимъ и къ другимъ предметамъ. 7-й Вселенскій Соборъ имѣетъ дѣло съ исключительно восточнымъ споромъ, настоящее значеніе котораго не легко схватитъ западному уму, и о сущности котораго франкфуртскій соборъ, очевидно, не имѣлъ и понятія. Въ похвальномъ, но ошибочномъ усердіи о чистотѣ богослуженія иконоборство неумышленно скрывало очень тонкую ересь, въ которой затрогивалась дѣйствительность воплощенія Господа нашего. Еще до воплощенія допускались въ языкѣ образы, долженствовавшія выразить, примѣняясь къ человѣческому языку, свойства безконечнаго Божества, уразумѣть которое иначе не въ силахъ человѣческій разумъ. Такъ, напримѣръ, свв. пророки и псалмопѣвцы постоянно говорятъ о рукѣ, о десницѣ Божіей, и употребляютъ много другихъ подобныхъ выраженій, которыя, взятыя не какъ образы въ языкѣ человѣческомъ, совершенно неправильны и даже богохульны. Поэтому весьма опасно было дѣлать изображенія этихъ выраженій, потому что въ такомъ случаѣ, они могли повести къ ложному пониманію Божества и даже къ идолопоклонству. Вотъ почему іудейскіе законы осуждаютъ изображенія Бога, нарисованныя и изваянныя, на томъ именно основаніи, что народъ израильскій не видѣлъ *всякаго подобія въ день въ оньже глагола Господь*; по поводу злоупотребленій, возникшихъ при поклоненіи свв. иконамъ, иконоборцы и хотѣли воскресить именно этотъ принципъ и для Церкви Новозавѣтной. Православные однако, предводимые св. Іоанномъ Дамаскинымъ утверждаютъ, что послѣ воплощенія все это измѣнилось. Вѣчное, неограниченное (ἀπερίοριστος), невидимое, неописанное (ἀπερίγραπτος) Слово Отца, *образъ ѵпостаси Его*, восхотѣло для нашего спасенія принять на себя не ангельскій образъ, черезъ что Оно, хотя и ограничило бы Себя, но оставалось бы

Digitized by Google

невидимымъ для человѣческаго глаза, но природу человѣка, по свойству которой Оно сдѣлалось не только ограниченнымъ, но и доступнымъ для описанія и изображенія. Поэтому Новозавѣтная Церковь могла допустить не только образныя выраженія, но и образное искусство при своемъ богослуженіи, какъ и поется въ кондакѣ недѣли Православія (когда Восточная Церковь вспоминаетъ окончательное принятіе 7-го Вселенскаго собора въ 842 г.): „Неописанное Слово Отчее, изъ тебе Богородице описася воплощаемь, и оскверншійся образъ въ древнее вообразивъ, Божественною добротою смѣси. Но исповѣдающе спасеніе, дѣломъ и словомъ сіе воображаемъ.“

Вопросъ шелъ въ сущности о томъ же самомъ, изъ-за чего боролся и ап. Павелъ въ посланіи къ Галатамъ. Церкви оставалось только опредѣлить точныя границы, въ которыхъ почитаніе иконъ можетъ быть безопасно, и это она сдѣлала на 7-мъ Вселенскомъ соборѣ, постановленія котораго, подобно постановленіямъ другихъ соборовъ, заключали въ себѣ развитіе не ученія, но изложенія вѣры церковной, не расширеніе ея границъ, а построеніе стѣны, отдѣляющей скалу отъ окружающихъ ее сыпучихъ песковъ; такъ что, какъ говоритъ и св. Іоаннъ Дамаскинъ, Церкви уже нѣтъ надобности возвратиться *паки на немощныя и худыя стихіи* закона, или быть „подверженной великому страху тамъ, гдѣ страха нѣтъ“, но она можетъ чтить Бога какъ словомъ такъ и дѣломъ, въ свободѣ евангельской. Изъ-за этого именно и подвизались многіе мученики и исповѣдники во время жестокихъ гоненій императоровъ иконоборцевъ, ибо въ этомъ, несмотря на насмѣшки Гиббона, заключался великій принципъ, отъ котораго зависѣла самая жизнь Церкви. Отвергаетъ ли его въ дѣйствительности англиканская Церковъ?

Конечно Восточная Церковь не ожидаетъ, что мы примемъ всѣ ея обряды, связанные съ этимъ принципомъ; она ожидаетъ только, чтобы мы приняли ея собственное объясненіе ея обрядовъ, какъ и мы ожидаемъ, что она приметъ наши толкованія нашихъ собственныхъ формулъ. Нѣкоторыя англійскія секты возражаютъ противъ обычая у насъ снимать шляпы при входѣ въ церковь, на томъ основаніи, предполагаю я, что „Всевышній не въ рукотворныхъ храмахъ живетъ“. На это всякій представитель Восточной Церкви отвѣтилъ бы, что *Скинія Божія съ человѣки*, и наши храмы, какъ и іудейская скинія, суть тѣнь или изображеніе этой истины, и потому ихъ почитаютъ съ τιμητικὴ προσκύνησις. Можемъ ли мы придумать лучшій отвѣтъ? Никто

Digitized by Google

не станетъ отрицать, что въ этомъ заключается своего рода опасность, но, какъ говоритъ одинъ русскій писатель: „Гдѣ найдется человѣкъ, который бы обрекъ себя на постоянное молчаніе изъ страха произнести праздныя слова?“

Въ заключеніе я хотѣлъ бы сказать, что, приводя взгляды, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться въ сочиненіяхъ русскихъ богослововъ и въ личной бесѣдѣ съ ними, я отнюдь не имѣлъ намѣренія нападать на Римскую Церковь, а еще менѣе отыскивать ошибки въ Церкви, къ которой я самъ принадлежу и которой я обязанъ всѣмъ, что дѣлаетъ жизнь стоющею того, чтобы жить; я намѣренъ былъ просто показать, что рядомъ съ западною точкой зрѣнія существуетъ и восточная, и было бы весьма желательно для насъ признать этотъ фактъ, такъ какъ мы Англикане, свободны отъ затрудненій, которыя, повидимому, вынуждаютъ Римъ и Востокъ взаимно исключать другъ друга изъ лона видимой Церкви. Это наше преимущество налагаетъ на насъ отвѣтственность. Я понимаю, хотя и не оправдываю членовъ Римской и Восточной церквей, которые не стараются узнать всю истину относительно ученія и практики другъ друга, но не могу понять, какъ англикане, признающіе обѣ эти Церкви за членовъ одного тѣла, глава котораго Христосъ, не стремятся узнать ученіе, управляющее дѣйствіями ихъ собратій, прежде чѣмъ придавать этимъ дѣйствіямъ дурное толкованіе. Мнѣ вспоминается, какъ однажды одинъ Англиканинъ, провед_шій всю свою жизнь въ Россіи, увѣрялъ меня [1], что въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье самой характерной чертою православной службы бываетъ гимнъ, который поютъ *иконамъ*, въ то время, какъ священники воскуряютъ имъ ѳиміамъ. Въ прошломъ году я видѣлъ эту службу въ Москвѣ. Гимнъ, о которомъ идетъ рѣчь, совсѣмъ чуждъ воспѣванія иконъ, и есть ничто иное, какъ прекраснѣйшій канонъ св. Іоанна Дамаскина: *Воскресенія день!* съ которымъ мы Англичане всѣ такъ знакомы, а кажденіе передъ иконами обозначаетъ только, что Церковь земная присоединяется къ Церкви небесной въ торжественной пѣсни для празднованія побѣды Христа надъ смертью. Не это ли объясненіе, которое сама Восточная Церковь придаетъ сему прекрасному обряду и которое отлично понимаютъ всѣ сыны ея, и намъ пріятнѣе придавать ему, чѣмъ другое? Несмотря на рознь, существующую

[1] Въ англійскомъ подлинникѣ здѣсь заключается представленіе о Русскихъ, какъ объ идолопоклонникахъ. *Прим. ред.*

Digitized by Google

между Восточной и Западной Церковью, Левъ XIII самъ посовѣтовалъ латинскимъ богословамъ серіезно изучать великаго учителя Восточной Церкви, св. Іоанна Дамаскина. Не присоединимся ли и мы къ нему въ дѣлѣ попытки, чтобы изгнанъ былъ тотъ вепрь, который подрываетъ виноградникъ Господа, тотъ *уединенный дивій* (singularis ferus, μόνιος ἄγριος, какъ его называютъ семьдесятъ толковниковъ и латинскіе переводчики), подъ которымъ блаженный Августинъ подразумѣваетъ всякаго человѣка, который говоритъ: „Я, я, одинъ я правъ“, и такимъ образомъ разрываетъ нешвенный хитонъ Христа?

И. В. Биркбекъ.

Digitized by Google

О СОЕДИНЕНІИ ЦЕРКВЕЙ.[1]

По поводу энциклики папы Льва XIII отъ 20 іюня 1894 года.

(*Окончаніе*).

Замѣчательна энциклика папы своимъ краснорѣчіемъ; но еще важнѣе она тѣмъ, что въ ней обсуждается и рѣшается вопросъ о соединеніи церквей.

Сущность соединенія церквей папа выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Мы убѣждаемъ васъ къ возсоединенію и союзу съ Римскою церковью; союзъ же разумѣемъ полный и совершенный. Таковымъ отнюдь не можетъ быть такое возсоединеніе, которое состоитъ изъ нѣкотораго согласія въ догматахъ вѣры и общенія въ братской любви: истинное единеніе между христіанами, какое установилъ и какого желалъ основатель Церкви Іисусъ Христосъ, состоитъ въ единствѣ вѣры и управленія."

Истинная правда, что Іисусъ Христосъ желалъ, чтобы всѣ вѣрующіе въ Него составляли одно, исполненное совершеннаго согласія, общество; но если этого нѣтъ въ дѣйствительности, то кто въ этомъ виноватъ, и какъ поправить дѣло?

Латиняне постоянно и твердятъ намъ—православнымъ и протестантамъ: вы виноваты въ этомъ злѣ, потому что вы отдѣлились отъ нашей Церкви и произвели расколъ въ единой Христовой Церкви; и не только отдѣлились отъ насъ, но и продолжаете упорно пребывать въ расколѣ, въ схизмѣ, несмотря на то, что мы постоянно зовемъ васъ возсоединиться съ нами. А поправить дѣло и направить его согласно съ волей Іисуса Христа очень легко: возсоединитесь съ нами, вотъ и все.

Какъ при этомъ не сказать: „Скоро сказка сказывается, да не

[1] См. *Русское Обозрѣніе* № 1.

Digitized by Google

скоро дѣло дѣлается." Разсмотримъ, однако, указываемыя папой условія соединенія церквей.

Что мы обязаны питать братскую любовь къ Латинянамъ, это безспорная истина: братскую любовь мы должны оказывать даже и язычникамъ, а Латиняне все-таки христіане. Но мы православные и на самомъ дѣлѣ обнаруживали въ отношеніи Латинянъ не меньше знаковъ благорасположенія, нежели они къ намъ; равно какъ не больше проявляли мы къ нимъ непріязни, нежели они къ намъ. На основаніи многихъ и несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ скажемъ даже болѣе: Латиняне питали и доселѣ питаютъ къ намъ меньше расположенія и больше вражды, чѣмъ мы къ нимъ. Кровавая исторія латинской уніи въ Западной и Юго-западной Россіи, въ Галиціи и въ Польшѣ представляетъ столько примѣровъ звѣрскихъ насильствъ со стороны Латинянъ въ отношеніи православныхъ, насильствъ ничѣмъ не вызванныхъ, что во всякомъ случаѣ уже не Латинянамъ подъ стать упрекать православныхъ въ недостаткѣ братской любви. А два польскіе мятежа показали, что Латиняне, и въ частности латинское духовенство, имѣютъ неукротимую ненависть къ православнымъ Русскимъ. И несмотря на все это Русскіе продолжаютъ относиться къ Полякамъ и къ польскимъ ксендзамъ не враждебно, а благодушно, гораздо лучше, чѣмъ они заслужили этого и стоятъ. Въ другихъ странахъ тоже: не православные тѣснятъ Латинянъ, а Латиняне притѣсняютъ православныхъ.

Далѣе, есть между Латинянами и нами-православными и нѣкоторое согласіе въ догматахъ: очень многіе догматы мы понимаемъ и исповѣдуемъ такъ, какъ и они. Но согласіе въ нѣкоторыхъ и даже во многихъ догматахъ можетъ развѣ только облегчить рѣшеніе задачи о соединеніи церквей, а не создаетъ самаго соединенія, какъ это и подтверждается исторической и наличною дѣйствительностію. Признаетъ это и папа, и потому призываетъ къ полному единству въ вѣрѣ и въ управленіи.

Спрашивается, можемъ-ли мы и должны-ли мы дать согласіе на такой призывъ? и будемъ-ли мы виновны въ злѣ разобщенія и раздѣленія Церкви, если откажемся принять это приглашеніе и не возсоединимся съ латинскою церковію?

На эти вопросы отвѣчаемъ рѣшительно и твердо: нѣтъ.

Единство въ вѣрѣ и въ управленіи, вообще полное единство, мы обязаны имѣть только съ правовѣрующими христіанами, а съ неправовѣрующими христіанами мы не только не обязаны быть въ полномъ единеніи, не только можемъ быть съ ними въ

Digitized by Google

разобщеніи, но даже болѣе: и Священное Писаніе, и практика древней вселенской церкви, и здравый смыслъ обязываютъ насъ быть въ разобщеніи съ христіанами неправовѣрующими.

Іисусъ Христосъ заповѣдалъ относиться къ людямъ, оказывающимъ непослушаніе Церкви, какъ къ язычникамъ и мытарямъ; Апостолы учили удаляться и отвращаться отъ еретиковъ, если предварительное вразумленіе ихъ не достигаетъ цѣли.

Древняя вселенская Церковь отлучала еретиковъ, если они, несмотря на ея убѣжденія отречься отъ своихъ заблужденій, упорно пребывали въ нихъ. Равнымъ образомъ древняя вселенская Церковь находилась въ разобщеніи и съ раскольниками, то-есть, съ такими людьми или обществами, которые сами отдѣлялись отъ нея.

Да по здравому смыслу иначе и быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоримъ—обязательно, полезно-ли и возможно-ли Церкви имѣть общеніе съ такими христіанами, которые не во всемъ согласны съ догматическимъ ученіемъ ея? Имѣть это общеніе было бы безполезно и вредно, такъ какъ упорство еретиковъ всѣмъ извѣстно, равно извѣстна и ихъ склонность къ пропагандѣ своихъ лжеученій; а потому, если бы Церковь, руководясь началами братской любви, снисходительности и вѣротерпимости, не порывала общенія съ ними, то надежды на ихъ исправленіе было бы мало, а опасности совращенія въ ересь право-вѣрующихъ было бы много. Язву, наклонную къ распространенію по тѣлу, обыкновенно вырѣзываютъ, хотя бы это причинило страданія и ущербъ тѣлу, лишь бы только предотвратить распространеніе язвы, которое можетъ оказаться гибельнымъ для всего тѣла, для самой жизни. Что касается до раскольниковъ, то хотя бы они имѣли тѣ же догматы, какіе исповѣдуетъ Церковь, тѣмъ не менѣе она не можетъ быть съ ними въ общеніи и единеніи по той причинѣ, что они сами не желаютъ быть съ нею въ общеніи и единеніи.

Латиняне намъ скажутъ: итакъ вы считаете насъ раскольниками и еретиками?

Къ несчастію, не можемъ не считать ихъ раскольниками и даже еретиками. Латиняне насъ-православныхъ называютъ схизматиками, то-есть, раскольниками, такъ какъ будто-бы Восточная Церковь отдѣлилась отъ Западной Церкви. Это ясно выражено и въ настоящей энцикликѣ, хотя папа, изъ деликатности, и не назвалъ въ ней восточныхъ христіанъ схизматиками. Но на самомъ дѣлѣ не Востокъ отдѣлился отъ Запада, а Западъ

Digitized by Google

откололся отъ Востока. Раскольниками должно называть тѣхъ, которые отдѣляются отъ истинной право-вѣрующей Церкви. Восточная Церковь, какъ во время раздѣленія Церкви, такъ и до настоящаго времени, вѣруетъ истинно, есть право-вѣрующая Церковь. Это ясно подтверждается тѣмъ, что она вѣруетъ такъ, какъ вѣровала древняя Вселенская Церковь, существовавшая до раздѣленія. Даже и Латиняне не могутъ не признать, что Восточная Церковь вѣруетъ согласно съ древнею Вселенскою Церковью. Не могутъ они также не признать древней Вселенской Церкви истинною Церковью, а потому и теперешнюю Восточную Церковь должны признать истинною Церковью. Но истинная Церковь одна на всей землѣ. Такова и есть именно Церковь Восточная, Православная. Отъ кого она отдѣлилась, если она вѣруетъ согласно съ истинною древнею Вселенскою Церковью? Напротивъ, Латинская церковь во многомъ отступила отъ ученія древней Вселенской Церкви. Этимъ она сама себя отколола отъ единой истинной Церкви и потому есть церковь раскольническая, схизматическая. Внутреннее отдѣленіе, состоящее въ разномысліи, привело и къ внѣшнему отпаденію, такъ сказать, къ формальному расколу. А долгое пребываніе Латинской церкви въ расколѣ, въ разобщеніи съ истинною, Восточною Церковью, въ свою очередь, оказало пагубное вліяніе на Латинскую церковь, явно обнаружившееся въ томъ, что она, измышляя и провозглашая новые и новые догматы, которыхъ совсѣмъ не знала древняя Вселенская Церковь, все болѣе и болѣе отступаетъ отъ ученія этой послѣдней и глубже, и глубже погружается въ еретичество. Не слѣпое пристрастіе къ своему вѣроисповѣданію, не недостатокъ безпристрастія къ Латинской церкви, не чувства непріязни или вражды къ ней, которыхъ мы вовсе не питаемъ къ ней, а неумолимая историческая и наличная дѣйствительность вынуждаютъ насъ сказать, что Латинская церковь есть раскольническая и еретичествующая церковь. Даже страшно и горько подумать, что Римская церковь, основанная при апостолахъ, занимавшая почетнѣйшее мѣсто среди другихъ знаменитыхъ церквей древности, блиставшая великими свѣтилами святой жизни и высокой учености, обширнѣйшая и многолюднѣйшая изъ всѣхъ церквей, уже столь давно, цѣлую тысячу лѣтъ, отдѣлилась отъ единой истинной Церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе удаляется отъ истины и все глубже и глубже погружается въ ложь.

Если не православные отдѣлились отъ истинной единой Цер-

Digitized by Google

кви, а Латиняне, если послѣдніе могутъ быть названы даже еретиками, то само собой падаетъ взводимое на насъ-православныхъ Латинянами обвиненіе, будто мы, не вступая въ союзъ съ Латинскою церковью, тѣмъ самымъ противимся волѣ Христа, выраженной въ словахъ Его молитвы, чтобы всѣ были едино, и въ предсказаніи, что будетъ одно стадо и одинъ пастырь. Согласно съ истиннымъ смысломъ этихъ изреченій, и мы желаемъ и молимъ Бога, чтобы всѣ христіане и всѣ люди пришли къ единству истинной вѣры и составили такое же единодушное, связанное братскою любовью и единою истинною вѣрой, общество, какова была Церковь первенствующая. Но отъ желаній и надеждъ до исполненія ихъ—цѣлая бездна. И хотя мы должны всячески содѣйствовать осуществленію этихъ возвышенныхъ желаній и прекрасныхъ надеждъ, но это нисколько не обязываетъ насъ вступать въ единеніе съ неправовѣрующими христіанами. Лжевѣрующихъ христіанъ не сдѣлаешь правовѣрующими чрезъ то, что примешь ихъ въ церковное общеніе съ собой.

Но, можетъ быть, мы слишкомъ строги и несправедливы въ отношеніи Латинянъ? Можетъ быть, мы оцѣниваемъ ихъ вѣру, руководствуясь слишкомъ исключительною вѣроисповѣдною точкой зрѣнія, и склонны считать свое хорошимъ только потому, что оно свое, а чужое—дурнымъ только потому, что оно — чужое? Можетъ быть, между вѣрою латинскою и православною различіе столь незначительно, что при нѣкоторыхъ небольшихъ уступкахъ съ обѣихъ сторонъ можно достигнуть даже полнаго согласія въ вѣрѣ, можно, какъ говорятъ, столковаться, примириться и войти въ союзъ?

Суроваго и несправедливаго отношенія къ Латинской Церкви мы не имѣемъ и ни въ чемъ его не выразили. Напротивъ, ужасающая мысль о томъ, что такое множество милліоновъ христіанъ живетъ въ разобщеніи съ истинною Церковію, внушаетъ состраданіе къ Латинской церкви, а состраданіе смягчаетъ судъ. Но можемъ-ли мы черное назвать бѣлымъ? Сколько бы ни представлялось намъ смягчающихъ виновность этой церкви обстоятельствъ, все-таки не можемъ не обвинять ее, и въ особенности, руководителей ея въ томъ, что они не только упорно держатся старыхъ заблужденій, но и прибавляютъ къ нимъ еще новыя. Что касается до вопроса о степени различія между латинскою и нашей вѣрою, то выслушаемъ сначала объ этомъ голосъ папы.

Это, безспорно, важнѣйшій вопросъ въ дѣлѣ соединенія церквей. Поэтому читатель энциклики естественно ожидаетъ, что

Digitized by Google

папа обсудитъ его съ особенною заботливостію и обстоятельностію и дастъ рѣшеніе его, соотвѣтствующее достоинству столь высокаго лица и столь торжественнаго посланія. Но читателю приходится разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ: папа почти совсѣмъ не обсуждаетъ и совсѣмъ не рѣшаетъ этого вопроса, а скорѣе отстраняетъ его вскользь брошеннымъ замѣчаніемъ, что Восточныя церкви отдѣляются отъ Латинской „не въ силу великаго разногласія“ и что, „за исключеніемъ немногаго, латиняне совершенно согласны съ ними во всемъ прочемъ“. „Главнымъ предметомъ ихъ разногласія съ Латинянами, по словамъ папы, является ученіе о первенствѣ римскаго первосвященника“. Раскрытію этого послѣдняго предмета папа посвящаетъ страничку. Но затѣмъ совершенно умалчиваетъ о важныхъ догматическихъ различіяхъ между Латинскою церковію и Восточною. Безъ сомнѣнія онъ замалчиваетъ этотъ предметъ намѣренно, такъ какъ ему крайне неудобно и невыгодно распространяться о немъ. Папа долженъ былъ поименовать всѣ догматическія особенности Латинской церкви, которыхъ нѣтъ въ Восточной церкви и которыя она или не признаетъ догматами, или даже прямо считаетъ заблужденіями, и затѣмъ доказать, что эти особенности заключаютъ истинное ученіе и суть догматы, что, поэтому, существованіе ихъ въ Латинской церкви не препятствуетъ ей быть истинною церковью, что,—дальнѣйшій выводъ,—Восточная церковь должна принять ихъ и стать единовѣрною съ Латинянами, и что,—окончательный результатъ,—существованіе ихъ въ Латинской церкви не должно быть препятствіемъ къ соединенію съ нею Восточной церкви, а принятіе ихъ послѣднею само собою приведетъ къ соединенію ея съ Латинскою церковью. Но доказать это папа не можетъ, и потому онъ предпочитаетъ замять дѣло.

Но, можетъ быть, различіе въ догматическомъ ученіи между Латинскою и Восточною церковью столь незначительно, что о немъ не стоитъ и разсуждать? Можетъ быть, уже и теперь есть между ними почти такое единство вѣры, какое нужно для союза ихъ?

На этотъ подразумѣваемый вопросъ папа отвѣчаетъ почти утвердительно.

Говоря о незначительности различія между Латинскою и Восточною церковью, папа не новое что-либо изрекаетъ: Латиняне еще со временъ Льва Аллація говорятъ о полномъ почти безразличіи между этими двумя церквами. Ѳеофанъ Прокоповичъ

Digitized by Google

справедливо призналъ этотъ изворотъ Латинянъ опаснымъ для православныхъ средствомъ пропаганды Латинской вѣры. Дѣйствительно, это—сѣть, въ которую латиняне не безъ успѣха улавливаютъ простодушныхъ людей изъ православныхъ. Намъ самимъ пришлось въ жизни встрѣтиться съ наивными русскими людьми, которымъ латиняне успѣли внушить мысль, что между латинскою и православною вѣрой нѣтъ почти никакого различія, и что догматическія особенности Латинской церкви провозглашаются и въ русскихъ книгахъ. И на кого же сослались въ подтвержденіе этого? На Симеона Полоцкаго. Какъ-будто Симеонъ Полоцкій есть святой отецъ, а не придворный льстецъ и олатиненный писатель. Понятно, почему Латиняне стараются убѣдить православныхъ, что ихъ латинская вѣра почти такая же, какъ православная. Если бы Латиняне говорили, что ихъ церковь имѣетъ много важныхъ отличительныхъ особенностей въ сравненіи съ Восточною церковію, то имъ пришлось бы далѣе доказать православнымъ и убѣдить ихъ въ томъ, что эти особенности составляютъ принадлежность истинной Церкви Христовой и преимущество Латинской церкви предъ православною, и что поэтому православные должны принять эти особенности, то-есть, сдѣлаться латинянами, а иначе они не спасутся. А легко-ли, возможно-ли это доказать? Несмотря на то, что Латинянамъ своя вѣра, понятное дѣло, дороже всякой чужой вѣры и имъ трудно отнестись къ своей вѣрѣ безъ пристрастія, а къ другимъ церквамъ—безъ предубѣжденія, однако они инстинктивно чувствуютъ, что они не могутъ доказать восточнымъ христіанамъ превосходство своей вѣры предъ ихъ вѣрою, такъ какъ латинская вѣра не только не имѣетъ преимущества предъ православною вѣрой, а даже и не равняется съ нею въ достоинствѣ. Вотъ почему при пропагандѣ своей вѣры между православными Латиняне стараются показать имъ, что латинская вѣра отличается отъ православной не существенно и что поэтому, становясь Латинянами, православные не измѣняютъ своей вѣрѣ, ничего не теряютъ изъ своей вѣры. Самая унія есть примѣненіе той же тактики en grand. Чтобы облегчить православнымъ переходъ въ латинскую вѣру, Латиняне придумали унію. Православнымъ, присоединяющимся къ латинской церкви на правахъ уніи, дозволяется держаться всѣхъ своихъ обрядовъ и обычаевъ; не особенно принуждаютъ ихъ принимать и догматическія особенности Латинской Церкви: они обязаны только признать папу своимъ главою и считать себя принадлежащими къ Латинской

Digitized by Google

Церкви. Превращая православныхъ въ уніатовъ, Латиняне разсчитываютъ, что съ теченіемъ времени они постепенно и незамѣтно сдѣлаются настоящими Латинянами.

Ту же тактику папа въ своей энцикликѣ примѣняетъ и къ вопросу о соединеніи церквей. Онъ какъ-бы такъ говоритъ здѣсь: Различіе между нами и восточными незначительно, а сходство весьма велико; поэтому зачѣмъ восточнымъ оставаться въ разобщеніи съ нами. Быть можетъ, они опасаются чрезъ соединеніе съ нами потерять свою самобытность и самостоятельность и утратить свою вѣру, свои обряды и обычаи. Напрасныя опасенія! Греки останутся Греками, Славяне—Славянами, восточные христіане—восточными христіанами. „Нѣтъ основанія для васъ, обращается папа къ православнымъ, опасаться, чтобы вслѣдствіе соединенія или мы, или наши преемники умалили что-нибудь изъ вашихъ правъ, патріаршихъ привиллегій и обрядовыхъ установленій каждой церкви, потому что всегда было и всегда будетъ въ намѣреніи и дисциплинѣ апостольской каѳедры правиломъ признавать полное значеніе за отличительными нравами и обычаями каждаго народа".

Допустимъ даже, что папы будутъ всегда дѣйствовать согласно этимъ обѣщаніямъ Льва XIII; но уже вслѣдствіе требуемаго папою подчиненія восточныхъ Церквей или православныхъ народовъ они не могутъ остаться такими, каковы они теперь, не могутъ остаться самими собою.

Но пусть восточные христіане, по присоединіи своемъ къ Латинской Церкви, удержатъ все свое: должны-ли они однако присоединить къ своей вѣрѣ латинскіе догматы?

На этотъ капитальный въ дѣлѣ соединенія Церквей вопросъ папа прямаго отвѣта не даетъ.

Да и можетъ-ли папа со всею Латинскою Церковію что-нибудь отвѣтить на этотъ вопросъ?

Если папа скажетъ, что восточные христіане могутъ и не принять догматовъ Латинской Церкви, то это будетъ противорѣчить собственному заявленію папы, что „истинное единсніе между христіанами... состоитъ въ единствѣ вѣры и управленія". Какое же это будетъ единство въ вѣрѣ и какое это будетъ соединеніе церкви, если Латиняне учатъ объ исхожденіи Духа Святаго не только отъ Отца, но и отъ Сына, а присоединившіеся къ нимъ православные будутъ исповѣдывать исхожденіе Святаго Духа только отъ Отца, если первые при причащеніи вкушаютъ только Тѣло Христово, а послѣдніе Тѣло и Кровь и пр.

Digitized by Google

Если папа скажетъ, что восточные христіане, присоединяющіеся къ Латинской Церкви, не будутъ принуждаемы къ принятію латинскихъ догматовъ лишь по снисхожденію къ ихъ немощной совѣсти, то мы ему скажемъ, что древняя Вселенская Церковь никогда не принимала въ свои члены людей на правахъ, такъ сказать, *помувѣрія*, а всегда требовала отъ присоединяющихся въ ней принятія и исповѣданія всей ея вѣры. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ она перестала бы быть нераздѣльнымъ тѣломъ Христовымъ и единымъ обществомъ истинно-вѣрующихъ, а состояла бы изъ множества разновѣрующихъ партій и скоро распалась бы.

Или, можетъ быть, папа объявитъ догматы, исповѣдуемые Латинскою церковью и отвергаемые Православною, не важными, такъ что можно дозволить присоединяющимся къ Латинской церкви не принимать эти догматы не по снисхожденію только къ немощи присоединяющихся, но еще и по неважности самихъ догматовъ?

Но можетъ ли глава Латинской церкви признать и объявить во всеуслышаніе неважными именно догматы своей церкви? Это значило-бы безъ ножа зарѣзать и себя самого, и Латинскую церковь.

Если наконецъ папа, въ силу своего собственнаго заявленія, что истинное единеніе есть единство вѣры, и въ силу необходимости признать догматическія особенности Латинской церкви важными, признаетъ неизбѣжность принятія ихъ присоединяющимися къ Латинской церкви, то это будетъ прямой и искренній взглядъ на дѣло. Само собою понятно, что латиняне признаютъ свою церковь истинною и даже единственно-истинною церковью, слѣдовательно, признаютъ истиннымъ и все ея вѣроученіе, а потому не могутъ дозволить присоединяющимся къ ней не принимать ея догматовъ.

Но вотъ это-то требованіе и составляетъ камень преткновенія въ дѣлѣ соединенія Православныхъ церквей съ Латинскою церковью. И камень этотъ столь огроменъ и тяжелъ, что нѣтъ никакой возможности сдвинуть его, и латиняне или предпочитаютъ доказывать, что это совсѣмъ ничтожный камень, или стараются какъ-нибудь обойти его, хотя на самомъ дѣлѣ и обойти его столь же невозможно, какъ сдвинуть съ мѣста, или доказать его ничтожность.

Папа пытается доказать, что камень преткновенія такъ малъ, что его какъ будто и вовсе нѣтъ, такъ какъ, будто бы, разно-

Digitized by Google

гласіе между Латинскою церковью и Восточною ничтожно. Но вмѣсто доказательства онъ приводитъ софизмъ. „Мы на столько согласны съ восточными, говоритъ онъ, что при самой защитѣ католической вѣры нерѣдко заимствуемъ свидѣтельства и доказательства изъ ученія, изъ нравовъ и обрядовъ, которыхъ держатся восточные“. Какой жалкій доводъ! Святые отцы иногда приводили свидѣтельства и доказательства въ пользу христіанскаго ученія изъ языческой философіи: значитъ ли это, что между христіанскою вѣрой и языческою философіей различіе не велико?

Нельзя и обойти этотъ камень, загромождающій путь между Востокомъ и Западомъ. Обходъ состоялъ бы въ томъ, чтобы совсѣмъ не касаться латинскихъ догматовъ, какъ бы забыть ихъ. Но, на самомъ дѣлѣ, это невозможно ни для православныхъ, ни для латинянъ.

Латиняне, если и могутъ еще на первыхъ порахъ не требовать отъ православныхъ принятія нѣкоторыхъ латинскихъ догматовъ, не могутъ не требовать отъ нихъ принятія ученія о главенствѣ папѣ надъ всею церковью, потому что они и самое соединеніе другихъ церквей съ ихъ церковью понимаютъ не иначе, какъ подчиненіе послѣднихъ папѣ. Дѣйствительно, и въ настоящей энцикликѣ папа, замявши рѣчь о другихъ латинскихъ догматахъ, приводитъ доказательства въ пользу ученія о главенствѣ папы и признаетъ необходимымъ для присоединяющихся принять его. А признать главенство папы—развѣ это маловажное дѣло? Такимъ образомъ, при всемъ желаніи латинянъ представить различіе между ихъ церковью и Православною, это имъ не удается.

Въ свою очередь, и православные, если бы даже латиняне не требовали отъ нихъ принятія латинскихъ догматовъ, не могутъ забыть о существованіи ихъ; такъ что даже и въ этомъ, невозможномъ случаѣ имъ необходимо прежде всего обсудить вопросъ, можно ли, полезно ли и должно ли имъ присоединиться къ церкви, исповѣдующей эти догматы. Такимъ образомъ, какъ бы ни усиливались и латиняне и православные обойти лежащій на пути ихъ соединенія между собою камень, всякій обходъ его не привелъ бы къ цѣли и, вопреки поговоркѣ: „всѣ дороги ведутъ въ Римъ“, не привелъ бы православныхъ въ Римъ.

Столь же невозможно и сдвинуть этотъ тяжелый камень съ дороги, на которой могли бы сойтись Востокъ съ Западомъ. Его не могутъ сдвинуть ни православные, ни латиняне.

Digitized by Google

Если бы его сдвинули православные, это значило бы, что они принимаютъ всѣ латинскіе догматы. Но могутъ ли они и захотятъ ли они поднять эту непомѣрную тяжесть и затѣмъ постоянно нести ее на своихъ плечахъ? Можно и еще понять, что это тяжкое бремя несутъ сами латиняне, хотя и они несутъ его не безропотно, а иные изъ нихъ, даже цѣлая половина,—разумѣемъ протестантовъ, старо-католиковъ и невѣрующихъ, — свергли съ себя это иго. Говоримъ— можно понять, потому что Латинянъ связываютъ съ папствомъ, съ латинскими догматами и со всѣмъ укладомъ латинской церкви вѣковыя историческія преданія и многовѣковая совмѣстная жизнь. Латинскую церковь безъ папы даже и представить трудно. Папы воспитали, возрастили и расширили ее, и они же сообщили ей особый характеръ, рѣзко отличающій ее отъ всѣхъ другихъ церквей. Латинскіе догматы зародились, развились и укоренились въ Латинской церкви: они плоть отъ плоти ея и кость отъ костей ея, а „свое и не мыто, да бѣло". Въ свою очередь вся вообще латинская церковность восприняла на себя окраску, характеръ и укладъ жизни западныхъ народовъ древняго, еще языческаго, Рима, западныхъ средневѣковыхъ и новыхъ народовъ, особенно Романскихъ. Но что, спрашивается, связываетъ православныхъ христіанъ съ латинскими догматами и со всею латинскою церковностію, и въ частности съ папствомъ? Ничто. Если бы въ одинъ прекрасный день все латинство провалилось сквозь землю, то что потеряла бы отъ этого православная церковь? Почти ничего. Зачѣмъ и для чего православные народы Востока примутъ ученія чужія, не имѣющія никакой связи съ вѣковыми преданіями этихъ народовъ, не сродныя ихъ характеру, обычаямъ и всему складу ихъ жизни, или даже прямо антипатичныя имъ? Почему и для чего они признаютъ латинскія измышленія и заблужденія за догматы, когда для этого нѣтъ основаній ни въ Священномъ Писаніи, ни въ ученіи древней вселенской церкви? Какая имъ необходимость къ своей чистой православной истинѣ примѣшивать папистическія заблужденія и всю вообще латинскую ложь? Какой пользы они могутъ ожидать отъ такого ненужнаго, неестественнаго и незаконнаго смѣшенія?

Не могутъ сдвинуть съ пути камень преткновенія и сами Латиняне. Если бы они сдвинули его, это значило бы, что они отказываются отъ всѣхъ своихъ чисто-латинскихъ догматовъ. Въ такомъ случаѣ дорога была бы углажена. Но тогда эта дорога вела бы не съ Востока въ Римъ, а изъ Рима на Востокъ, то-

Digitized by Google

есть, присоединились бы не православные къ Латинской церкви, а латиняне къ Православной церкви. Собственно это и есть единственный желательный и правильный исходъ дѣла соединенія церквей. О такомъ именно соединеніи церквей и молитъ Бога Православная Церковь. Соединеніе это состоитъ въ томъ, чтобы Латиняне, протестанты и всякія еретическія общества отрѣшились каждое отъ своихъ догматическихъ заблужденій, а раскольники отказались отъ своего разобщенія съ Православною Церковію—и всѣ стали исповѣдывать одну православную истинную вѣру. Пока сами Латиняне не сдвинутъ собственными руками камня, лежащаго на пути соединенія ихъ съ Востокомъ, до тѣмъ поръ не можетъ быть и рѣчи о соединеніи православнаго Востока съ латинскимъ Западомъ. А если бы, чего не дай Богъ,—въ силу какихъ-либо чрезвычайныхъ несчастныхъ обстоятельствъ состоялось соединеніе Православной Церкви съ *такой* Латинскою церковію, какова настоящая, то, какъ соединеніе вынужденное, неестественное и незаконное, оно было бы непрочно и недолговѣчно, и обѣимъ сторонамъ, а въ особенности православной, принесло бы не добро и пользу, а зло и несчастія. Итакъ для истиннаго и плодотворнаго соединенія Восточной церкви съ латинскою необходимо нужно, чтобы Латиняне отказались отъ своихъ догматическихъ заблужденій.

А могутъ-ли и захотятъ-ли они это сдѣлать?

Въ настоящее время, при теперешнемъ положеніи папства и теперешнемъ состояніи латинской церкви, они не могутъ и не захотятъ отказаться отъ своихъ догматическихъ заблужденій.

Результатъ тотъ, что въ настоящее время ни Православная церковь не можетъ присоединиться къ Латинской церкви, ни Латинская—къ Православной,—результатъ печальный, но пока неизбѣжный.

Послѣ этого мысль о томъ, что чрезъ соединеніе церквей будутъ достигнуты величайшія блага для церкви, для правительствъ, для христіанскихъ и иновѣрныхъ народовъ, которую столь широковѣщательно раскрываетъ папа въ своей энцикликѣ,—теряетъ значеніе и не нуждается въ обсужденіи. Но не можемъ не отмѣтить того куріоза, что папа обѣщаетъ дать восточнымъ церквамъ тѣ блага, которыхъ не имѣютъ народы, принадлежащіе къ его церкви, и освободить всѣхъ присоединяющихся къ ней отъ тѣхъ золъ, которыми она-то особенно и заражена...

Врачу, исцѣлися самъ!..

Александръ Бѣляевъ.

Digitized by Google

I.

Зимнею ночью.

Снѣгъ хруститъ подъ ногами... Темнѣя, змѣится дорога...
Пелена серебристая звѣзды далекія скрыла.
Ихъ за нею такъ много въ безбрежныхъ пространствахъ—у Бога—
Гдѣ межъ ними проносится ангеловъ сонмъ легкокрылый...
Только мѣсяцъ едва проступаетъ серпомъ одинокимъ.
Вдоль дороги деревья чернѣютъ нагими вѣтвями.
Снѣгъ, деревья, высь неба—все дышитъ покоемъ глубокимъ,
Отъ всего вѣетъ чудными, дивными, тихими снами...

II.

Въ февралѣ.

Февраль лишь начался, но небо дышитъ часто...
По небу мчится тучъ смятенная семья...
Верхушку тополя и рветъ и треплетъ вѣтра
Еще холодная, но смѣлая струя.
И въ быстромъ бѣгѣ тучъ, и въ вѣтрѣ разсерженномъ,
И въ ропотѣ нагихъ, очнувшихся вѣтвей—
Я чую первыя зимѣ сѣдой угрозы,
Я чую близость ихъ—побѣдныхъ вешнихъ дней!

Гр. Ар—ко.

Digitized by Google

ЛУИ ПАСТЕРЪ.

(Работы о броженіи и предохранительныхъ прививкахъ). [1]

Передъ недавно закрывшеюся тамъ, вдали отъ насъ, могилой, сомкнувшею на вѣки уста и скрывшею въ себѣ умъ человѣка, такъ долго будившаго научную мысль текущаго столѣтія, конечно, сознаешь всю свою слабость и съ трепетомъ приступаешь къ обзору всего, что сдѣлано было почившимъ. Невольно встаетъ въ памяти рядъ предвзятыхъ теорій, господствовавшихъ въ наукѣ и доставшихся въ удѣлъ отъ прошлаго нашему времени; трудно было тогдашнему ученому, а тѣмъ болѣе человѣку, не посвященному въ эти таинственныя толкованія, разобраться въ нихъ,—но вотъ является мыслитель, сбрасывающій вѣковой гнетъ, новаторъ въ области біологическихъ знаній, ученый, страстно любившій людей, все человѣчество, ученый, достойный удивленія и невольнаго изумленія и почтенія...

Жизнь Пастера—это жизнь человѣка въ тиши лабораторіи и кабинета, жизнь, съ внѣшней стороны чуждая эффектовъ, жизнь скромнаго, поглощеннаго своими мыслями и трудами работника, и потому свѣдѣнія о его жизни съ оффиціальной стороны крайне скудны; образъ Пастера надо видѣть и искать въ его блестящихъ изслѣдованіяхъ.

Луи Пастеръ родился въ Долѣ 27 декабря 1822 года; въ 1825 году семейство Пастера покинуло Долъ и поселилось въ Арбуа. Отецъ Луи, возвратившись изъ походовъ, которые ему пришлось совершить съ великою французскою арміей, въ предѣлы отечества, бросилъ военную службу и выбралъ ремесло кожевника. Въ новомъ городкѣ онъ на берегу рѣчки Казансъ купилъ небольшую

[1] Рѣчь, читанная въ засѣданіи Московскаго Гигіеническаго Обществ 24 сентября 1895 года.

Digitized by Google

кожевню и сталъ работать. Какъ только мальчикъ достигъ такого возраста, когда его можно было учить, Луи отдали полупансіонеромъ въ общественную школу, но первые годы занятій были не изъ удачныхъ. Мальчикъ былъ большой любитель рыбной ловли и рисованія; онъ рисовалъ охотно пастелью, и въ его родномъ городкѣ свято хранятъ эти рисунки, первые шаги будущаго ученаго; съ третьяго класса Луи бросаетъ все это и съ увлеченіемъ отдается ученію. Студентъ, стоявшій во главѣ коллежа, первый, замѣтивши его способности, говоритъ ему, что онъ долженъ думать о Нормальной Школѣ. Вслѣдствіе отсутствія въ Арбуа профессора философіи Луи Пастеръ переводится въ Безансонъ, гдѣ, получивши степень бакалавра, получилъ и назначеніе на должность репетитора въ томъ же коллежѣ. Подготовившись къ экзамену, онъ былъ принятъ въ октябрѣ 1843 года въ Нормальную Школу. Страсть къ химіи, обнаружившаяся еще въ Арбуа, разгорѣлась, когда Пастеръ поступилъ въ Ecole Normale; здѣсь онъ съ увлеченіемъ слушалъ Балара, а въ Сорбоннѣ Дюма; свободное же отъ занятій время онъ проводилъ у препаратора Дюма, химика Барюэля и съ увлеченіемъ производилъ химическіе опыты. По окончаніи курса въ Нормальной Школѣ и выдержаніи конкурснаго экзамена Пастеръ занялъ вскорѣ профессорскую каѳедру въ Страсбургѣ. Завѣтная мечта его отца, „который считалъ бы себя счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ, если бы сынъ его сдѣлался учителемъ въ гимназіи“, исполнилась; желаніе было вознаграждено сторицею.

Около этого времени Пастеръ опубликовалъ свои изслѣдованія относительно строенія паравиннокаменной кислоты, открылъ лѣвую виннокаменную кислоту, опредѣлилъ свойство кристалловъ, и результаты своихъ работъ, какъ отвѣтъ на изслѣдованіе Мичерлиха, представилъ Академіи. Впечатлѣніе отъ этой кристаллографической работы на членовъ Академіи было чрезвычайное, и Араго, въ видѣ особой чести, предложилъ напечатать ее въ сборникѣ Мемуаровъ Академіи. Имя Пастера сразу стало извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ.

Когда ему минуло 32 года, а именно въ 1854 году, онъ получилъ мѣсто декана факультета естественныхъ наукъ въ Лиллѣ, и здѣсь, желая привлечь вниманіе слушателей, а равно и принести пользу главной отрасли обрабатывающей промышленности въ департаментѣ Норнъ—производству спирта изъ свекловицы и зерноваго хлѣба,—онъ рѣшился заняться вопросами о броженіи. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ переведенъ въ Па-

Digitized by Google

рижъ въ Нормальную Школу, въ которой былъ сдѣланъ директоромъ, а затѣмъ онъ оставилъ это мѣсто и получилъ назначеніе стать во главѣ международнаго института его имени; этотъ постъ онъ занималъ до послѣднихъ дней...

Возвращаясь къ его работамъ, мы прежде всего остановимся на броженіи; но, чтобы понять и достойно оцѣнить все значеніе работъ Пастера въ этомъ направленіи, необходимо сдѣлать небольшое отступленіе и сообщить, какъ стоялъ этотъ вопросъ до Пастера.

Во второй половинѣ XVII ст. и въ началѣ XVIII ст. господствовала теорія самопроизвольнаго зарожденія. До какихъ абсурдовъ доходили иногда тогдашніе ученые въ своихъ заключеніяхъ, можно видѣть на одномъ примѣрѣ. Знаменитый врачъ, алхимикъ, Ванъ-Гельмонтъ писалъ: „испаренія, которыя поднимаются со дна болотъ, рождаютъ лягушекъ, слизней, піявокъ, травы и еще много другихъ вещей". Тотъ же Ванъ-Гельмонтъ предлагалъ странный рецептъ, по которому можно было получить полный горшокъ мышей: „достаточно выжать грязную рубаху, говоритъ онъ, надъ отверстіемъ сосуда, содержащаго пшеничныя зерна; ферментъ, исходящій изъ грязной рубахи и измѣняемый запахомъ зеренъ, производитъ превращеніе пшеницы въ мышей, приблизительно послѣ двадцати одного дня и т. д.".

Правда, не всѣ признавали столь простыми спорные процессы, о которыхъ мы будемъ говорить дальше; находились тогда отдѣльные мыслители и натуралисты, которые признавали всю нелѣпость такихъ поясненій, напр. итальянецъ Франциск Реди; но не было недостатка и въ славныхъ именахъ, какимъ былъ Бюффонъ, горячо отстаивавшій эту гипотезу. Въ возникшемъ спорѣ между двумя учеными аббатами Needham и Спаланцани, послѣднему удалось убѣдить многихъ въ несостоятельности этой гипотезы, но доказать ложность этого ученія Спаланцани не могъ; опыты его не выдерживали строгой критики. Одинъ существенный результатъ только дали его опыты, а именно возможность сохранять органическія жидкости, въ теченіе долгаго времени, герметически ихъ закупоривъ и нагрѣвъ до высокой температуры. Этимъ результатомъ воспользовался Appert для приготовленія своихъ консервовъ изъ растительныхъ и животныхъ веществъ. Гей-Люссакъ, заинтересовавшись этими консервами, изслѣдовалъ воздухъ изъ этихъ бутылокъ и, не найдя въ немъ кислорода, пришелъ къ заключенію, что отсутствіе кислорода и есть причина почему

Digitized by Google

въ нихъ не наступаетъ разложенія,—другими словами, кислородъ есть первый двигатель броженія. Большинство современныхъ тогдашнихъ ученыхъ примкнули къ этому взгляду, и взглядъ этотъ господствовалъ до 1837 года. Около этого времени Cagniar Latour высказалъ мнѣніе, что въ пивныхъ дрожжахъ заключается главнымъ образомъ то вещество, которое производитъ броженіе, а именно дрожжевые грибки есть истинная причина броженія. Мнѣніе это, къ сожалѣнію, было забыто, и его воскресилъ впослѣдствіи Пастеръ. Опыты Швана съ мясомъ и въ особенности съ тростниковымъ сахаромъ, въ который онъ прибавлялъ пивныхъ дрожжей показали, что причина броженія лежитъ главнымъ образомъ не въ кислородѣ, а въ томъ, что въ воздухѣ находятся какія-то неизвѣстныя вещества органическаго происхожденія, присутствіе которыхъ вызываетъ броженіе и разложеніе жидкостей. Высокая температура, въ опытахъ Schultz—химическія вещества равно какъ и въ опытахъ Schöder и Dusch—вата, закрывавшая отверстія сосудовъ и прекращавшая доступъ этимъ веществамъ внутрь ихъ, оказывала то же дѣйствіе: жидкости не загнивали и оставались свѣтлыми, прозрачными и неразложившимися.

Несмотря на рядъ одиночныхъ довольно интересныхъ фактовъ и опытовъ, детальной разработки вопроса все-таки не было, и вопросъ о самопроизвольномъ зарожденіи снова выплылъ на свѣтъ, когда за него взялись два натуралиста Pouchet и Catrfage. Споръ возгорѣлся ожесточенный, особенно съ того момента, какъ Пуше сообщилъ Парижской Академіи Наукъ, что ему при своихъ тщательныхъ опытахъ удалось доказать существованіе мельчайшихъ организмовъ въ жидкостяхъ безъ предшествовавшихъ поколѣній, другими словами, что произвольное зарожденіе нужно считать несомнѣннымъ фактомъ. Это было въ 1858. Парижская Академія Наукъ, въ виду крайне разнорѣчивыхъ фактовъ, интереса вопроса и важности его рѣшенія какъ съ научной, такъ и съ практической стороны, избрала особую коммиссію для разсмотрѣнія поступающихъ по этому вопросу трудовъ, въ составъ которой вошли: Жоффруа-Сентъ-Илеръ, Гилеръ, Броньяръ, Мильнъ-Эдвардсъ, Серръ и Флурансъ.

За рѣшеніе этого запутаннаго вопроса взялся Pasteur со всѣмъ жаромъ любознательности и со всею силою своего анализирующаго ума.—Біо, Дюма не рекомендовали молодому ученому долго оставаться на этомъ пути, только де-Сенармонъ взялъ Пастера подъ свою защиту и сказалъ: „Оставьте Пастера. Если онъ ничего не найдетъ на томъ пути, на который вступаетъ, то

Digitized by Google

будьте увѣрены, что онъ на немъ не останется. Но,—прибавилъ онъ,—я буду удивленъ, если онъ на немъ ничего не откроетъ". Рѣшеніе было счастливое, жребій былъ брошенъ, и Пастеръ, поддерживаемый друзьями, принялся за работу. Въ 1860 году Академія Наукъ назначила премію за отвѣты на слѣдующую тему: „Пролить новый свѣтъ на вопросъ о самопроизвольномъ зарожденіи съ помощью хорошо обставленныхъ опытовъ". Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ Пастеромъ, и премія по достоинству была присуждена ему.

Пастеръ прежде всего повторилъ опыты Шванна и Спаланцани, видоизмѣнилъ ихъ и шагъ за шагомъ пришелъ къ тому результату, что окружающій насъ воздухъ содержитъ въ себѣ организованныя начала, микроорганизмы, которые, попадая въ различныя органическія жидкости, и производятъ процессы разложенія и броженія. Мало того, онъ старался опредѣлить даже количество микробовъ въ опредѣленномъ объемѣ воздуха и для этого предпринялъ цѣлый рядъ опытовъ. Въ высшей степени поучительны были опыты его съ 60 колбочками, наполненными придуманною имъ питательною средою—подсахаренною водой съ пивными дрожжами (l'eau de levure de bière sucrée) и прокипяченными. Двадцать изъ нихъ онъ открылъ и впустилъ въ нихъ воздухъ у подножія Юры, вдали отъ человѣческаго жилья, 20 на высотѣ 850 метровъ и 20 въ Монтанверѣ на высотѣ 2000 метровъ, вблизи ледниковъ. Результатъ былъ поразительный; изъ 20 первыхъ броженіе наступило въ 8, изъ двадцати вторыхъ въ 5 и наконецъ изъ 20 послѣднихъ только въ одномъ. Единственный выводъ изъ приведеннаго опыта былъ тотъ, что чѣмъ дальше отъ человѣческаго жилища и выше брался воздухъ, тѣмъ онъ былъ чище и содержалъ меньше бактерій.

Подробное изученіе пыли, собранной изъ воздуха, показало присутствіе въ ней различныхъ бактерій и споръ плѣсеней, а опыты убѣдили его, что если въ питательной средѣ начинаетъ преимущественно развиваться одинъ видъ, то это усиленное развитіе неминуемо задерживаетъ ростъ другихъ бактерій и даже можетъ прекратить его совсѣмъ, такъ, напр., если въ жидкости развились плѣсени, то пріостанавливалось развитіе бактерій, и обратно.

Много было предпринято разнообразныхъ опытовъ съ цѣлью доказать всю несостоятельность ученія о самозарожденіи; обильный матеріалъ, накопившійся у Пастера, позволилъ ему принять вызовъ, брошенный Пуше, и въ 1864 году, въ Сорбоннѣ, Пас-

Digitized by Google

теръ передъ аудиторіей, собравшей въ своихъ стѣнахъ просвѣщенную публику, жаждущую истины, показалъ, въ чемъ нужно было искать ошибку въ опытахъ Пуше. Опыты, произведенные публично, были доказательны. Пастеръ имѣлъ полное право сказать: „нѣтъ, въ настоящее время не существуетъ ни одного обстоятельства, допускающаго мысль, что микроскопическія существа появляются на свѣтъ безъ зародышей, безъ сходныхъ съ ними предковъ. Тѣ, которые утверждаютъ это, были жертвой заблужденія, дурно произведенныхъ опытовъ, переполненныхъ ошибками, которыхъ они не могли замѣтить или избѣжать. Самопроизвольное зарожденіе не больше, какъ химера". Постоянный секретарь Академіи Наукъ—Флурансъ призналъ опыты рѣшительными и согласился съ тѣмъ, что самопроизвольнаго зарожденія нѣтъ, „сомнѣваться въ томъ, добавилъ онъ, значитъ не понимать вопроса." Слабыя попытки Пуше и Жоли снова поднять вопросъ и запутать его кончились неудачей, новый вызовъ ихъ, принятый Пастеромъ, не былъ доведенъ до конца, такъ какъ гетерогенисты не согласились на рѣшающій опытъ. Судьба вопроса была рѣшена. Міръ „безконечно малыхъ" существъ отвоевалъ свое поле, и рядъ новыхъ изслѣдованій вышелъ изъ рукъ того же ученаго, подтверждающихъ всю ту выдающуюся роль, которую они имѣютъ въ окружающей насъ природѣ.

Первымъ вопросомъ, встрѣтившимся на пути въ этомъ направленіи, былъ вопросъ о броженіи и гніеніи; этимъ вопросомъ и занялся Луи Пастеръ.

До Пастера господствовали химическія теоріи, горячо поддерживаемыя такими авторитетами, какими были Берцеліусъ и Либихъ; по этимъ теоріямъ броженіе разсматривалось, какъ результатъ дѣйствія ферментовъ—веществъ сложной азотистой или бѣлковой природы—на различныя жидкости органическаго происхожденія, и какъ первоначальную причину, вызывающую перемѣщеніе молекулъ въ нихъ, признавали кислородъ. „Не потому, говоритъ Либихъ, дѣйствуютъ пивныя дрожжи, что онѣ организованы, а потому, что онѣ были въ соприкосновеніи съ воздухомъ. На сахаръ производитъ дѣйствіе мертвая часть дрожжей,—та, которая уже отжила и находится на пути къ разложенію." Совершенно на иную точку зрѣнія сталъ Пастеръ и при первыхъ же опытахъ въ этомъ направленіи убѣдился, что при молочномъ броженіи дѣйствуетъ живое организованное начало, особый микроорганизмъ, а при спиртовомъ броженіи пивныя дрожжи.

Digitized by Google

Опыты убѣждаютъ его, что разложеніе органическихъ веществъ безъ этихъ мельчайшихъ организмовъ идетъ крайне медленно, далѣе же онъ уже утверждаетъ, что эти микроорганизмы суть единственная причина этого броженія.

Вслѣдъ за этимъ былъ открытъ еще одинъ ферментъ—маслянаго или бутироваго броженія; этотъ ферментъ какъ по своимъ біологическимъ свойствамъ, такъ и по морфологическимъ особенностямъ представлялся отличнымъ отъ ранѣе изслѣдованныхъ. Послѣдующими новыми опытами было доказано, что каждому отдѣльному виду броженія свойствененъ и отдѣльный микроорганизмъ. Въ жизни самыхъ этихъ организмовъ лежитъ причина развитія броженія, они изъ питательной среды извлекаютъ извѣстныя вещества, измѣняютъ строеніе химическихъ веществъ, нарушаютъ связь между ними и даютъ тѣ или другіе продукты конечнаго распаденія и характерные для каждаго вида броженія. Новымъ и крайне интереснымъ фактомъ представлялось наблюденіе, сдѣланное надъ бутировымъ ферментомъ. Оказалось, что этотъ вибріонъ можетъ развиваться въ отсутствіи кислорода или даже самаго малаго количества воздуха; мало того, воздухъ и кислородъ губятъ его и прекращаютъ броженіе, вызванное имъ. Токъ чистой угольной кислоты нисколько не препятствуетъ ихъ размноженію,—наоборотъ, даже часовая замѣна этого тока атмосфернымъ воздухомъ прекращаетъ ферментацію; микроорганизмы падаютъ на дно, и броженіе пріостанавливается. Этотъ фактъ далъ право Пастеру раздѣлить „это третье царство“, по выраженію Дюма, на двѣ большихъ группы: на группу „анаэробныхъ“, то-есть, такихъ, которыя могутъ жить безъ доступа воздуха, и на группу „аэробныхъ“; въ эту послѣднюю были отнесены всѣ остальныя бактеріальныя образованія, нуждающіяся при своемъ размноженіи и при проявленіи своей работы въ доступѣ свободнаго кислорода.

Подобно броженію, Пастеръ показалъ, что и въ особомъ классѣ химическихъ явленій, носящемъ названіе гніенія, процессѣ болѣе сложномъ, чѣмъ броженіе, точно также первоначальною причиной должны быть признаны микроорганизмы. Вообще, всюду, гдѣ только имѣетъ мѣсто разрушеніе органической матеріи, тамъ проявляютъ свою активную дѣятельность эти низшіе организмы; безъ нихъ не могутъ существовать подобные процессы.

Неясно выражаемая мысль, робкая, какъ-бы крадучись, возникавшая въ умахъ тогдашнихъ мыслителей, что въ происхожденіи ферментативныхъ процессовъ имѣютъ значеніе низшіе орга-

Digitized by Google

низмы, нашла себѣ ревностнаго толкователя и защитника въ лицѣ Пастера. Либихъ съ презрѣніемъ отвергнулъ новое ученіе, въ корнѣ подрывавшее теоріи и гипотезы, которыя проповѣдывались съ каѳедръ. „Возможно-ли разсматривать, говоритъ онъ, растенія и животныя, какъ причину разрушенія другихъ организмовъ въ то время, когда ихъ собственные элементы обречены на тотъ же рядъ явленій разложенія? Если грибокъ есть причина разрушенія дуба, если микроскопическое животное есть причина гніенія мертваго слона, то я, въ свою очередь, спрошу: какова причина, обусловливающая гніеніе грибка и микроскопическаго животнаго, когда жизнь удаляется отъ этихъ двухъ организованныхъ существъ?“ А престарѣлый восьмидесятилѣтній Бульо спрашивалъ: „Пусть г. Пастеръ отвѣтитъ намъ здѣсь, передъ лицомъ всей Медицинской Академіи: гдѣ ферменты ферментовъ?!“ Но эти діалектическія тонкости не занимали великаго ученаго, его работа шла дальше, отвѣтъ же былъ очень простой и ясный — ферментами ферментовъ служатъ тѣ же ферменты, такъ какъ организованный ферментъ, закончившій свою работу и за отсутствіемъ питательнаго матеріала лишенный способности продолжать свою работу, а вслѣдствіе этого и измѣненный долженъ быть признанъ органическимъ веществомъ, лишеннымъ жизни, мертвымъ; въ немъ какъ и во всей окружающей природѣ должны жить и могутъ жить другіе микроорганизмы со спеціальными функціями, соотвѣтствующими ихъ біологическимъ особенностямъ. Аэробы живутъ и размножаются, пока есть свободный кислородъ; послѣдній истощился—и жизнь замерла, или прекратилась, поле дѣятельности уступлено анаэробамъ, эти закончили свою работу и снова уступили аэробамъ и т. д. Такимъ образомъ, въ броженіи и гніеніи мы будемъ имѣть тѣ факторы, при посредствѣ которыхъ отжившее животное или растеніе, соприкасаясь съ воздухомъ, давая жизнь простѣйшимъ организмамъ, въ то же время разлагается на простѣйшія тѣла — угольную кислоту, амміакъ, водяныя пары и, отдавая ихъ почвѣ, водѣ и воздуху, тѣмъ даетъ жизнь новымъ организмамъ. Можно смѣло утверждать, что еслибы существовала или появилась бы какая-нибудь космическая причина, которая бы задержала или убила бы жизнь этихъ мельчайшихъ существъ, то поверхность нашей планеты, отягченная колоссальнымъ количествомъ органическихъ веществъ, стала бы необитаемою.

Идя шагъ за шагомъ въ этомъ направленіи, Пастеръ остановилъ свое вниманіе на двухъ продуктахъ, находящихся въ продажѣ и

Digitized by Google

составляющихъ серіозную отрасль въ народномъ хозяйствѣ—на производствѣ *уксуса* и *вина*. Результатомъ этихъ работъ были его классическіе труды объ обоихъ этихъ видахъ броженія. Техника Пастера и опытъ въ такихъ работахъ были доведены уже до того, что ему не представлялось никакого труда получить чистую культуру пивныхъ дрожжей въ минеральной подсахаренной водѣ. Всѣ эти мелкіе пріемы, въ настоящее время составляющіе необходимость для всякаго желающаго посвятить себя этой отрасли знанія, крайне просты, легко усваиваются, такъ какъ безъ нихъ опытъ погибаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и работа, но тогда это былъ трудъ и трудъ, огромный, такъ какъ все нужно было изучить, провѣрить на десяткахъ-сотняхъ опытовъ, чтобы они были приняты и могли быть рекомендованы. Геній Пастера все это преодолѣлъ. Ученый, пользуясь всѣми этими способами, вооруженный микроскопомъ, съ гордостью заявилъ, что причиною уксуснаго броженія служитъ маленькій грибокъ, находящійся въ „уксусномъ цвѣтѣ“, въ этой грибной уксусной пленкѣ (mycoderma aceti). Альбуминоидныя вещества, находящіяся въ растворѣ, содѣйствуютъ этому броженію, составляя пищу для грибка, но главный дѣятель—грибокъ. Опредѣливши условія произрастанія этого грибка, максимумъ его работы, Пастеръ рѣшился выступить передъ Академіей Наукъ въ Парижѣ съ рядомъ опытовъ въ защиту своихъ работъ, это было необходимо, такъ какъ около этого времени Либихъ, упорно хранившій молчаніе въ теченіе 10 лѣтъ, выпустилъ въ свѣтъ свой трудъ „Ueber Gährung. Quelle d. Muskelkraft und Ernährung“ въ 1870 г., трудъ, въ которомъ онъ защищалъ свою излюбленную теорію. Въ этомъ трудѣ знаменитый химикъ, соглашаясь съ Пастеромъ въ томъ, что алкогольное броженіе вызывается исключительно грибками, пивными дрожжами, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что это не есть результатъ ихъ питанія, размноженія, но состояніе превращенія, движенія (Bewegungzustand), вслѣдствіе чего и наступаетъ процессъ распаденія сахара. Пастеръ не отступилъ передъ вызовомъ, и, вооруженный опытомъ, заявилъ Либиху въ засѣданіи Академіи, „что онъ готовъ въ присутствіи его и членовъ Академіи приготовить въ минеральной подсахаренной средѣ столько пивныхъ дрожжей, сколько онъ разумно потребуетъ, и изъ веществъ, которыя онъ самъ доставитъ“. Далѣе онъ утверждалъ, несмотря на горячее заявленіе Либиха, что и въ нѣмецкомъ способѣ приготовленія уксуса, при посредствѣ буковыхъ стружекъ, на видъ кажущихся крайне чистыми

Digitized by Google

и безъ всякихъ видимыхъ слѣдовъ микодермы, на самомъ дѣлѣ существуютъ пленки, состоящія изъ упомянутыхъ выше микроорганизмовъ. „Я предлагаю, говоритъ Пастеръ, вамъ прислать въ академическую коммиссію, уполномоченную рѣшить споръ, стружекъ, которыя вы сами достанете на Мюнхенскомъ заводѣ въ присутствіи его директора, предварительно высушивши быстро эти стружки въ сушильнѣ. Я покажу членамъ коммиссіи, что микодерма присутствуетъ на поверхности стружекъ". Вызовъ не былъ принятъ Либихомъ.

Теперь никто не сомнѣвается въ томъ, что уксусное броженіе есть результатъ жизнедѣятельности микроскопически малаго грибка. Пастеръ снова отстоялъ своихъ „безконечно малыхъ"; новое направленіе восторжествовало. Множество ученыхъ, Bechamp, Lemaire, Hoffman, Hallier и др. примкнули къ этому ученію и широко его пропагандировали.

Покончивши съ уксуснымъ броженіемъ, Пастеръ посвятилъ себя изученію болѣзней вина. Согласно съ Либихомъ и Берцеліусомъ, исходя изъ господствовавшихъ теорій, укоренилось мнѣніе, что вино есть жидкость постоянно мѣняющаяся,—отсюда рядъ тѣхъ измѣненій, которыя приходилось наблюдать винодѣламъ. Пастеръ прежде всего показалъ, что это не такъ, вино вовсе не такъ измѣнчиво, какъ предполагали. Молодое вино, будучи влито въ сосудъ и герметически закупорено, сохраняетъ первоначальный кислый вкусъ, оно не улучшается, оно, какъ выражаются на техническомъ языкѣ, не старѣетъ. Это созрѣваніе вина стоитъ въ зависимости отъ прониканія въ вино кислорода воздуха, вслѣдствіе чего оно и окисляется. При уходѣ за виномъ въ погребахъ обыкновенно и имѣютъ въ виду придать вину извѣстный вкусъ, доведя окисленіе до извѣстной степени, и съ другой стороны не дать ему испортиться, загнить, разложиться. Это послѣднее обстоятельство зависитъ отъ присутствія микроорганизмовъ. Предыдущія изслѣдованія убѣдили Пастера въ томъ, что появленіе въ винѣ кислаго, остраго вкуса всегда совпадаетъ съ образованіемъ уксусной пленки (mycoderma aceti), но кромѣ этой пленки существуетъ еще другая „винная пленка" (mycoderma vini). Эта послѣдняя обыкновенно развивается на молодыхъ винахъ, которыя еще недостаточно перебродили; она нисколько не портитъ вина, и вино отъ нея не дѣлается кислымъ; со временемъ, когда вино уже дѣлается старымъ, эта пленка начинаетъ атрофироваться и исчезаетъ, что̀ обозначаетъ, что вино

Digitized by Google

уже не можетъ питать такую пленку, вслѣдствіе происшедшихъ въ винѣ измѣненій. Если мы теперь вздумали бы засѣять даже новую винную пленку на такое перебродившее вино, то она бы не развилась; совершенно иное отношеніе обнаруживаетъ уксусная пленка на перебродившемъ винѣ: она развивается превосходно и есть одна изъ причинъ *скисанія* его, болѣзни вина. Слѣдуя шагъ за шагомъ въ этомъ направленіи Пастеръ пришелъ къ объясненію *горечи*, болѣзни, которой подвержены преимущественно красныя вина Котъ-Дора, равно и *сгущенія*, которому подвержены болѣе всего бѣлыя вина изъ винограда бассейна Луары и Орлеана. Для всѣхъ этихъ болѣзней были найдены особые ферменты, производящіе ту или другую болѣзнь вина, и таинственность, окружавшая винное производство, случайность выхода вина пала, работа винодѣла приняла иное направленіе, ему было извѣстно чего надо бояться, чего нужно избѣгать, какъ нужно слѣдить за виномъ; но этимъ не рѣшался вопросъ, какъ же воспрепятствовать развитію этихъ болѣзней вина; и здѣсь Пастеръ пришелъ на помощь и послѣ цѣлаго ряда опытовъ съ различными веществами, которыя если и задерживали развитіе микроорганизмовъ, однако измѣняли видъ, вкусъ и букетъ вина, напалъ на мысль пользоваться для этой цѣли высокою температурой. Оказалось, что достаточно подогрѣть вино до 55° или 60° въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, чтобы порча не произошла. При такой обработкѣ вино не теряло ни вкуса, ни букета и могло быть транспортировано на какія-угодно разстоянія. Способъ удобный и простой не замедлилъ изъ лабораторій перейти во всеобщее употребленіе и сдѣлался достояніемъ винодѣловъ; нагрѣваніемъ вина въ особыхъ чанахъ или бочкахъ была сохранена и сохраняется въ настоящее время масса вина.

Чтобы покончить съ броженіемъ, скажу нѣсколько словъ о работахъ Пастера относительно *пива*. Пиво есть настой изъ муки проросшаго ячменя или солода, къ которому прибавляютъ для аромата хмѣля. Приготовленіе настоя происходитъ при постепенномъ подогрѣваніи; результатомъ только-что упомянутой смѣси является пивное сусло, которое, какъ только оно готово, подвергаютъ быстрому охлажденію и заправляютъ дрожжами, вслѣдствіе чего наступаетъ спиртовое броженіе. Если бы такой заправки не происходило, то мы никогда не получали бы пива, а получали бы напитокъ кислый и гнилой, какъ результатъ раз-

Digitized by Google

личныхъ броженій. Различаютъ пиво верхняго и нижняго броженія.

Верхнее броженіе часто практикуется во Франціи и Англіи и происходитъ при температурѣ 18—20 градусовъ, въ теченіе 3—4 дней. Горькое пиво, эль, бѣлый эль (pale-ale), есть пиво верхняго броженія. Нижнее же броженіе, практикуемое преимущественно въ Германіи, происходитъ при низкой температурѣ, при 6° Цельсія и происходитъ въ теченіе 10 — 15 и даже 20 дней; дрожжи послѣ броженія собираются на дно бродильныхъ чановъ. Опытъ пивоваренныхъ заводовъ показалъ, что приготовленное при низкой температурѣ пиво хорошо сохраняется и не болѣетъ, но требуетъ особыхъ ледниковъ, хранилищъ заготовленнаго пива. Чтобы избѣжать такихъ приспособленій, нужно было идти тѣмъ же путемъ, какъ и при приготовленіи винъ, т.-е. нагрѣть это пиво; такъ и сдѣлалъ Пастеръ. Но такъ какъ въ пивѣ растворено большое количество угольной кислоты, которая при подогрѣваніи должна улетучиться, а вслѣдствіе этого вкусъ пива бы измѣнился, то Пастеръ рѣшилъ сначала разлить пиво по бутылкамъ, закупорить и затѣмъ уже нагрѣть до 50 — 55 градусовъ, благодаря чему угольная кислота останется, и броженіе нисколько не будетъ измѣнено. Результатъ получился превосходный, пиво сохранялось хорошо, не теряло своего вкуса и легко выдерживало транспортировку. Въ уваженіе къ трудамъ Пастера этотъ способъ носитъ названіе *пастеризаціи* и сталъ уже общимъ достояніемъ. Современные пивовары, введя у себя, при приготовленіи пива, наивозможную чистоту и пользуясь чистыми дрожжами, довели дѣло до возможнаго совершенства.

Этимъ мы закончимъ изложеніе работъ Пастера о броженіяхъ имѣвшихъ такое важное значеніе для народнаго хозяйства, и прежде чѣмъ перейти къ интересной въ высшей степени области инфекціонныхъ болѣзней животныхъ и людей, обратимъ вниманіе еще на одну его работу.

Въ южныхъ департаментахъ Франціи широко развито *шелководство;* эта отрасль хозяйства для тамошняго жителя составляетъ то же, что для земледѣльца урожай, и если трудъ, который приходится затрачивать въ извѣстное время года и жизни шелковичнаго червя, когда его приходится выкармливать въ червоводняхъ, и великъ, тѣмъ не менѣе онъ съ излишкомъ вознаграждается, когда червякъ одѣнется шелковымъ кокономъ. Но вотъ въ 1849 году, когда нельзя было и думать о болѣзни червя,

Digitized by Google

множество ихъ въ различныхъ стадіяхъ своей жизни стали погибать.

Два слова о развитіи шелковичнаго червя. Шелковичный червь развивается изъ яичка, грены (graine), весною, съ первыхъ теплыхъ дней; червячекъ растетъ, развивается и на седьмой день какъ бы засыпаетъ, не двигается и сидитъ на одномъ листѣ тутоваго дерева; такое состояніе продолжается полсутокъ, и затѣмъ червячекъ сбрасываетъ съ себя прежнюю кожицу, линяетъ; какъ только онъ сбросилъ съ себя свой первый покровъ, онъ начинаетъ жадно ѣсть, но по истеченіи извѣстнаго срока опять наступаетъ такое же состояніе—второе линяніе; черезъ 8 дней послѣ четвертаго линянія червячекъ измѣняется въ своемъ наружномъ видѣ, становится безпокойнымъ и поднимаетъ голову; если теперь ему подставить сухой прутикъ, то онъ взбирается на него и здѣсь завиваетъ свой коконъ. Дальнѣйшая обработка ихъ заключается въ томъ, что коконы замариваютъ, убиваютъ въ нихъ червя при посредствѣ влажнаго тепла; затѣмъ его сушатъ на солнцѣ, и коконъ готовъ для полученія шелковой пряжи.

Если же желаютъ получить послѣдующее поколѣніе, то коконы сохраняютъ,—и черезъ 3 недѣли изъ нихъ выходятъ бабочки, которыя, будучи оплодотворены, начинаютъ класть яица (грену); количество ихъ бываетъ отъ 400 до 600 отъ одного экземпляра. Болѣзнь, вслѣдствіе которой погибали шелковичные черви, проявлялась крайне разнообразно, захватывая всѣ періоды развитія червя отъ начала до послѣдней линьки. Шелководы принимали всѣ извѣстныя имъ мѣры, чтобы предотвратить гибель червей, но они гибли; тогда они рѣшили выписать новую грену изъ другихъ мѣстъ. Въ одинъ 1853 годъ изъ новой грены дѣйствительно удалось собрать массу шелка, но въ слѣдующемъ году бѣдствіе, несмотря на обновленную грену, повторилось въ ужасающихъ размѣрахъ. Новыя обновленія яичками, привезенными изъ Испаніи, Италіи, Греціи, Турціи, Сиріи, Кавказа, не могли предотвратить бѣдствія.

Югъ долженъ былъ сократить свое шелковое производство, масса людей осталась безъ работы, многія хозяйства разорились, петиціи одна за другой слѣдовали къ правительству страны съ просьбою помочь и указать какія-либо мѣры, которыми можно было пресѣчь зло,—эпидемію, охватившую почти всю Европу, гдѣ занимаются шелководствомъ. Въ 1865 году бѣдствіе достигло крайнихъ предѣловъ; въ Парижѣ образовалась особая комиссія по этому дѣлу, и докладчикомъ въ ней былъ знаменитый химикъ

Digitized by Google

Дюма. Обсуждая положеніе дѣла, ища выхода изъ него и не находя, Дюма обратился наконецъ къ Пастеру съ просьбою заняться этимъ вопросомъ, но тотъ отклонилъ это предложеніе. Краснорѣчіе Дюма, его учителя и друга, наконецъ поколебало первое рѣшеніе Пастера, и онъ согласился на изслѣдованіе въ виду колоссальности несчастія.

Само собою разумѣется, что приняться за такой серіозный вопросъ, не ознакомившись съ его прошлымъ, едва-ли позволительно,—и Пастеръ съ жаромъ сталъ изучать его литературу. Еще въ 1835 году Басси изслѣдовалъ болѣзнь шелковичнаго червя, которая пораждалась грибкомъ Botrytis Bossiana и извѣстна была подъ именемъ мускардины. Тотъ же Басси доказалъ ея заразительность прививками на здоровыхъ червяхъ. Опыты, повторенные Audouin въ 1836 г., затѣмъ Balsamo, дали тѣ же результаты. Что касается той эпидеміи, которая тогда поражала червей на югѣ Франціи, то о ней можно было найти только указанія у Катрфажа. Онъ говорилъ, что итальянскіе натуралисты Филиппи и Корналіо находили, при микроскопическомъ изслѣдованіи, у червей и бабочекъ маленькія тѣльца, но они не придали имъ должнаго значенія. Лебертъ увѣрялъ, что эти тѣльца можно было находить только въ больныхъ червяхъ; наконецъ, Озимо удалось ихъ найти въ гренахъ шелковичныхъ червей, докторъ же Витадини предлагалъ даже изслѣдовать грены микроскопомъ съ цѣлію отдѣлить больныя отъ здоровыхъ. Но все только-что упомянутое было отрывочно, не связано, не приведено въ систему, а потому и не имѣло практическаго примѣненія.

6-го іюня 1865 года, запасшись этими свѣдѣніями и приборами, Пастеръ, оставивши свою лабораторію въ Ecole Normal, прибылъ на югъ Франціи въ Алэ. Въ тотъ же день ему удалось констатировать присутствіе малснькихъ тѣлецъ въ нѣкоторыхъ экземплярахъ больныхъ червей и демонстрировать ихъ членамъ мѣстнаго комитета. Изслѣдуя рядъ экземпляровъ изъ больныхъ, зараженныхъ и видимо здоровыхъ червоводенъ, онъ уже 26-го іюня съ увѣренностью могъ предложить вѣрный способъ для обзаведенія здоровою греною, а именно онъ рекомендовалъ отдѣлять здоровыхъ бабочекъ отъ больныхъ, контролируя грену микроскопомъ. Впродолженіе пяти лѣтъ онъ возвращался въ Алэ и здѣсь со своею женой, дочерью и ближайшими помощниками Дюкло, Жерне, Мальо и Роленъ занимался изученіемъ этого вопроса. Результатомъ ихъ было уста-

Digitized by Google

новленіе факта *заразительности* „пебрины",—такъ называли эту болѣзнь мѣстные крестьяне, отъ вида червей, они какъ бы были обсыпаны перцемъ. Имъ же были установлены и пути распространенія болѣзни. Микроскопическое тѣльце поступало въ кишечникъ съ пищей, здѣсь развивалось и, проростая наружу, придавало червю пестрый видъ; попаданіе на листья этихъ тѣлецъ происходило черезъ извержения больныхъ червей; выдѣленія ихъ были переполнены тѣльцами, въ изобиліи размножающихся въ стѣнкахъ кишечнаго канала. Кромѣ извержений, попадающихъ съ пищею въ кишечникъ здороваго червя, есть и другой путь для введенія заразы: это травма, наносимая острыми крючечками переднихъ шести лапокъ червей въ тотъ моментъ, когда они перелѣзаютъ другъ черезъ друга. Если эти крючечки случайно загрязнены тѣльцами, то, при нанесеніи ранения, они внесутъ микроорганизмы въ тѣло червя и здѣсь размножатся. Воздухъ червоводенъ, при подметаніи ихъ, точно также можетъ служить переносчикомъ заразы: пыль, поднимаясь, уноситъ и тѣльца, и они, осѣдая на листья, а слѣдовательно попадая въ пищу, могутъ заражать здоровыхъ червей. Достоенъ упоминанія также фактъ, что если та среда, которая содержитъ тѣльца, высыхаетъ, то тѣльца теряютъ свою заразительность; въ теченіе нѣсколькихъ недѣль происходитъ, высыханіе и въ этотъ же періодъ теряется заразительность ихъ. Тѣльца будущихъ разводокъ, заключающіяся въ гренахъ, суть главный источникъ заразы. Основываясь на этихъ опытахъ, Пастеръ предложилъ все вниманіе шелководовъ употребить на заботу о гренажѣ, для чего предлагалъ грену отъ каждой самки собирать на отдѣльные кусочки полотна и каждый разъ подвергать микроскопическому изслѣдованію; на каждый такой лоскутокъ пришпиливается самка, которую нужно изслѣдовать, самецъ не нуженъ, такъ какъ доказано, что онъ не передаетъ пебрины. Самое изслѣдованіе крайне просто. Бабочку растираютъ въ ступкѣ, смѣшиваютъ съ водою и изслѣдуютъ подъ микроскопомъ эту кашицу; если оказались тѣльца—грену уничтожаютъ, нѣтъ—сохраняютъ для будущаго здороваго потомства. *Этотъ способъ гренажа теперь всюду принятъ; этою простою, но раціональною мѣрой, основанною на строгомъ научномъ методѣ, шелководство всецѣло обязано Пастеру.*

Я бы не кончилъ съ этими живыми, волновавшими тогда общество вопросами, если бы не упомянулъ о другой болѣзни, которую пришлось наблюдать одновременно съ пебри-

Digitized by Google

ною, я говорю о „*флашери*“, „*сонной болѣзни*“ червей. Экспериментируя съ здоровыми гренами, свободными отъ пебрины, и съ выводками червей, Пастеръ былъ пораженъ, когда однажды увидѣлъ одинъ выводокъ погибшимъ. Микроскопическое изслѣдованіе показало отсутствіе тѣлецъ пебрины, но за то были находимы маленькія палочки или зернышки, какъ бы спаянныя своими концами, крайне сходныя съ тѣми микроорганизмами, которые встрѣчаются въ органическихъ жидкостяхъ, близкихъ къ гніенію или же гніющихъ. Въ здоровомъ червѣ въ кишечномъ содержимомъ съ его энергическою пищеварительною функціей эти вибріоны не развиваются, но стóитъ только пищеваренію быть чѣмъ-либо нарушеннымъ, чтобы оно совершалось вяло, какъ эти микроорганизмы не погибаютъ, развиваются, и червь умираетъ при своеобразныхъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Потомство такихъ червей крайне слабо; грена, если и свободна отъ пебринъ, но происшедшая отъ слабыхъ родичей, не въ состояніи выдержать и пережить рядъ неблагопріятныхъ условій, и погибаетъ отъ флашери. Какъ устранить такое состояніе? Какъ уберечь такое потомство? Пастеръ все это разрѣшилъ: онъ показалъ, когда и куда должно быть направлено вниманіе шелковода, онъ указалъ режимъ содержанія куколокъ, онъ далъ средства рѣшить, которая куколка будетъ годна и которая нѣтъ, ничто не было забыто,—все было предусмотрѣно, вопросъ былъ исчерпанъ, шелководство юга Франціи было спасено. Пастеръ, вполнѣ удовлетворенный, возвращался въ Парижъ, въ свою лабораторію, но эта работа обошлась ему дорогою цѣной. 6 октября 1868 года онъ былъ пораженъ тяжелымъ апоплексическимъ ударомъ, результатомъ котораго былъ параличъ лѣвой половины тѣла, руки и ноги. Смерть ждала своей жертвы, но организмъ перенесъ натискъ болѣзни; парализованный Пастеръ съ тѣхъ поръ еще прожилъ 27 лѣтъ, и какими трудами онъ осчастливилъ благодарное ему человѣчество!

Толчекъ, данный научной мысли, былъ великъ, наука была выведена на новый путь, наука въ лицѣ своихъ представителей ухватилась за новую теорію, и рядъ послѣдующихъ работъ и практическихъ примѣненій не замедлилъ сказаться въ различныхъ отдѣлахъ медицины. Правъ былъ Робертъ Бойль, когда говорилъ: „тотъ, кто съумѣетъ проникнуть въ сущность ферментовъ и процессовъ броженія, въ состояніи будетъ скорѣе кого-либо другаго найти настоящее объясненіе для различныхъ болѣзненныхъ явленій, какъ при лихорадочныхъ процессахъ,

Digitized by Google

такъ и въ другихъ болѣзняхъ. Очень вѣроятно, что, безъ основательнаго знанія теоріи броженій никогда не будутъ точно поняты болѣзненные процессы".

Теоріей броженія въ зависимости отъ ферментовъ воспользовался въ 1864 году Траубе, чтобы объяснить амміачное броженіе мочи, и утверждалъ, что ни слизь, ни гной не могутъ вызвать этого броженія, разъ тамъ нѣтъ микроорганизмовъ,—они должны попасть извнѣ, должны быть занесены. Пастеръ даже предложилъ проф. Guyon воспользоваться антиферментативными свойствами борной кислоты при болѣзняхъ мочеваго пузыря, и результатъ былъ превосходный,—это средство и до сихъ поръ одно изъ лучшихъ въ инвентарѣ лѣчебныхъ средствъ этой сферы.

Но все это лишь рядъ отрывочныхъ свѣдѣній и наблюденій, захватывающихъ скромные уголки медицины, лучшее было впереди. Въ высшей степени важные и неисчислимые результаты дало это направленіе въ хирургіи, и всякому образованному человѣку хорошо извѣстны пріемы и тѣ по-истинѣ сказочныя операціи, которыя такъ спокойно производитъ теперь хирургъ. Первыя работы Листера, начатыя въ Эдинбургѣ въ 1865 году, по противогнилостной хирургіи, хорошо знакомы всѣмъ и были всецѣло обязаны Пастеру и его работамъ о броженіи.

Слѣдя съ интересомъ за всѣми этими приложеніями въ практической медицинѣ, Пастеръ все-таки колебался всецѣло посвятить себя этой области, а между тѣмъ предыдущія работы невольно толкали его по этому пути; наконецъ, онъ рѣшился и остановилъ свое вниманіе на изученіи *сибирской язвы*, бича рогатаго скота во Франціи, Италіи, Испаніи, Россіи, Венгріи и другихъ странахъ.

Еще въ 1850 году Райеръ, работая вмѣстѣ съ Давеномъ, по вопросу о контагіѣ сибирской язвы, констатировалъ тотъ фактъ, что въ крови животныхъ, павшихъ отъ этой болѣзни, находятся небольшія нитевидныя тѣла, соотвѣтствующія протяженію двухъ красныхъ кровяныхъ тѣлецъ; но это вѣрное наблюденіе такъ и осталось забытымъ до 1863 года, когда Давенъ подъ вліяніемъ работъ Пастера обратилъ вниманіе на собственное наблюденіе и высказалъ мнѣніе, что, судя по аналогіи, можно думать, что эти микроорганизмы и есть истинная причина болѣзни. Получивши больную овцу, Давенъ убѣдился въ справедливости своего мнѣнія и, изслѣдовавъ животное, его кровь и

Digitized by Google

прививъ ее другому, въ то время когда еще палочекъ не было въ крови и когда онѣ были, пришелъ къ слѣдующему выводу: „При теперешнемъ состояніи науки никто не подумаетъ искать причину этой заразы въ сторонѣ отъ этихъ маленькихъ организмовъ, говоритъ онъ. Они—причина видимая, ощутимая; это организованное существо, обладающее жизнью, развивающееся и распространяющееся подобно всѣмъ другимъ живымъ организмамъ. Вслѣдствіе ихъ присутствія и быстраго размноженія въ крови, они, вѣроятно, производятъ въ ней, подобно ферменту, измѣненія, быстро убивающія зараженный организмъ. Уже давно врачи и натуралисты полагали теоретически, что заразительныя болѣзни, тяжелыя эпидемическія лихорадки, чума и т. п. вызываются невидимыми маленькими животными или ферментами, но я не знаю, было-ли до сихъ поръ хоть одно положительное наблюденіе, въ подтвержденіе этого взгляда".

Существенное заявленіе Давена встрѣтило возраженіе со стороны Жальяра и Лепла и ихъ опытовъ, въ которыхъ животныя погибали, но въ крови не было палочекъ; казалось, что животныя погибали отъ какой-то другой болѣзни, но не отъ сибирской язвы съ палочками въ крови. Около же этого времени были открыты Кохомъ споры, стойкія образованія, встрѣчающіяся въ микроорганизмахъ и впервые описанныя въ бактеріяхъ маслянo-кислаго броженія и ферментовъ гніенія (1865 и 1870 годахъ). Эти-то образованія и рѣшили споръ. Тщательно выращенныя культуры сибиреязвенной палочки въ питательной средѣ убѣдили Пастера въ томъ, что Давенъ былъ правъ и его бациллъ есть дѣйствительный возбудитель болѣзни; спора прорастаетъ въ нить, нить въ извѣстный періодъ своего развитія даетъ стойкую спору. Работа эта была представлена въ Академію Наукъ 30 апрѣля 1877 года. Съ этого года начинается рядъ тріумфовъ Пастера въ области инфекціонныхъ болѣзней. Пересчитывать ихъ не могу, да и не мѣсто этому здѣсь; труды Пастера, я убѣжденъ, будутъ настольною книгой всякаго образованнаго человѣка, тѣмъ болѣе біолога; я остановлю ваше вниманіе только на той области, которая всецѣло принадлежитъ одному Пастеру,—я хочу сказать о предохранительныхъ прививкахъ. Вы увидите, какъ этотъ вопросъ провелъ въ своихъ работахъ Пастеръ, мы должны удивляться и останавливаться съ благоговѣніемъ передъ этими трудами, которыми можетъ гордиться XIX столѣтіе,—это торжество знанія надъ невѣжествомъ, это вещи не имѣющія цѣны и равнаго себѣ въ исторіи медицины, а сколько еще

Digitized by Google

впереди на этомъ плодотворномъ пути сдѣлаютъ работники, занятые этими вопросами, трудно и предвидѣть... Все это дѣло Пастера, ему мы обязаны этимъ....

Уже давно было замѣчено, что большинство заразныхъ болѣзней не повторяется; это можно сказать про тифы сыпной, брюшной, возвратный, про скарлатину, корь, оспу и т. д.; мало того, даже *легкое* теченіе (на это слѣдуетъ обратить особенное вниманіе) инфекціоннаго заболѣванія предохраняетъ на извѣстное время отъ повторнаго заболѣванія. Вотъ на этомъ-то фактѣ и основаны предохранительныя прививки. При этихъ прививкахъ мы естественную инфекцію замѣняемъ искусственною, мы прививаемъ такой матеріалъ, который уменьшаетъ нашъ рискъ заболѣть до послѣдней возможности; мы стараемся встрѣтить инфекцію во всеоружіи, мы стараемся повысить слабую сопротивляемость организма въ то время, когда намъ не грозитъ нападеніе, когда нѣтъ еще болѣзни, когда нѣтъ эпидеміи, въ разсчетѣ этою подготовительною работой защитить организмъ вполнѣ или же дать ему возможность легко перенести заболѣваніе, въ случаѣ если таковое будетъ имѣть мѣсто.

Первыя попытки въ этомъ направленіи были дѣлаемы съ оспою, какъ извѣстно, жестоко опустошавшею Европу, Азію и Африку въ средніе вѣка. Люди, убѣдившись въ томъ, что оспа заразительна, думали, что если удачно привить заразу, взятую изъ оспенной пустулы, здоровому человѣку, то послѣдній заболѣетъ оспой, но въ легкой формѣ и такимъ образомъ перенесетъ болѣзнь; обыкновенно для такихъ случаевъ выбирали, sic dicta, легкіе случаи, то есть такіе, которые видимо протекали не при бурныхъ явленіяхъ; само собою разумѣется, что такой рискъ не всегда легко сходилъ съ рукъ, а нерѣдко получали у привитыхъ тяжкое заболѣваніе и даже смерть.

Дженнеръ замѣнилъ эту прививку вакцинаціей, пользуясь для этого тѣми пустулами, которыя были найдены имъ на вымени коровы. Заболѣваніе получилось слабое, и кромѣ того привитый былъ гарантированъ отъ заболѣванія натуральною оспой. Великое открытіе Дженнера осталось однако одиночнымъ и до сихъ поръ еще ждетъ своего научнаго объясненія. Въ самомъ дѣлѣ, какая существуетъ связь между вакциной и натуральною оспой? Вакцина есть ли видоизмѣненіе оспы, или же это двѣ разныя болѣзни, такъ сказать, дополняющія другъ друга? Наконецъ, почему вакцина, привитая человѣку, предохраняетъ его отъ оспы?

Digitized by Google

Не такъ стоитъ дѣло по отношенію искусственныхъ ослабленныхъ заразъ.

Работая съ чистыми культурами, Пастеръ прежде всего обобщилъ одно явленіе и показалъ, что для животнаго организма-бикробы, обладающіе специфическими свойствами, суть тѣ же ферменты и присутствіе ихъ въ организмѣ составляетъ причину болѣзни, это есть тотъ же ферментъ броженія, но броженія особаго рода. Экспериментируя съ такими чистыми культурами, у него родилась мысль видоизмѣнить эти культуры такимъ образомъ, чтобы онѣ, будучи введены животному, не давали грозныхъ явленій, чтобы животное могло справиться съ ними, могло перенести болѣзнь, и, разъ уже перенесши ее, было бы тѣмъ самымъ образомъ застраховано отъ самаго тяжелаго заболѣванія. Такую ослабленную заразу Пастеръ впервые получилъ для эпидемической болѣзни, часто поражающей домашнихъ птицъ и извѣстной подъ именемъ „куриной холеры". Причина этой болѣзни есть маленькая, короткая палочка съ закругленными концами, наводняющая кровь и всѣ ткани пораженной этою болѣзнью птицы. Если мы каплю такой крови привьемъ *подъ кожу* птицы, то она быстро заболѣваетъ и погибаетъ при явленіяхъ холеры, иной разъ менѣе чѣмъ въ полъ-сутокъ. Если мы теперь такую зараженную кровь, взятую отъ птицы, со всѣми необходимыми предостереженіями привьемъ въ слабощелочной бульонъ и выростимъ его при t^0 35° Ц., то мы увидимъ въ немъ тѣ же палочки. Эта культура, привитая подобно крови, навѣрно убиваетъ птицу при тѣхъ же явленіяхъ. Новая перевивка не ослабляетъ заразу, и опытъ удается даже при двадцатой генераціи. Нѣчто иное произойдетъ, если мы эту культуру воспитаемъ при t^0 33° Ц. и при доступѣ кислорода воздуха. Если мы теперь послѣдовательно изъ такой колбы съ культурою будемъ брать прививной матеріалъ, то замѣтимъ, что тяжелое первоначальное заболѣваніе начинаетъ постепенно дѣлаться болѣе слабымъ, пти ица заболѣваетъ и переноситъ болѣзнь, и наконецъ, приблизительно по прошествіи 2-хъ мѣсяцевъ, культура уже не вызываетъ замѣтнаго недомоганія. Разсматривая бульонъ, вы увидите тѣ же палочки; онѣ живы, размножаются, привитыя въ новую среду даютъ новое поколѣніе, но обладающее особыми свойствами; оно обладаетъ такою же степенью заразительности, какъ и та культура, отъ которой было оно взято. Ослабленная зараза стало быть передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, причиною вызывающею такое ослабленіе нужно считать *кислородъ* воздуха, такъ

Digitized by Google

какъ культура внѣ доступа воздуха, сохраненная въ запаянной трубкѣ около года, не теряетъ своихъ первоначальныхъ свойствъ. Прямымъ выводомъ изъ этихъ демонстративныхъ опытовъ слѣдуетъ признать *непостоянство и измѣнчивость* яда, вырабатываемаго микроорганизмами; возможность ослабленія интензивнаго дѣйствія яда всецѣло лежитъ въ рукахъ экспериментатора. Если бы теперь мы стали ряду птицъ прививать такія ослабленныя культуры, повышая съ каждымъ новымъ вспрыскиваніемъ ядовитость культуры, то мы увидимъ, что птица уже можетъ переносить ядъ наивысшей культуры,—другими словами, вы уже не будете въ состояніи убить птицу тѣмъ ядомъ, который раньше производилъ на нее роковое дѣйствіе. Это-то состояніе организма, при которомъ онъ становится невоспріимчивымъ къ заразѣ, и названо было *иммунитетомъ*. Контрольные опыты съ иммунизированными животными и неиммунизированными вполнѣ подтверждаютъ такой фактъ; первыя выживаютъ, оставаясь здоровыми, или отдѣлываются легкимъ заболѣваніемъ, если имъ ввести кровь отъ павшей птицы, вторыя же неминуемо погибаютъ.

То, что было неясно въ оспенной вакцинѣ, становится вполнѣ опредѣленнымъ и въ строгой логической послѣдовательности по отношенію вакцины куриной холеры. Мысль эта была настолько плодотворна, что съ громаднымъ успѣхомъ была проведена и въ другихъ болѣзняхъ. Методъ ослабленныхъ культуръ сталъ общимъ достояніемъ...

Покончивши съ холерою, Пастеръ принялся за другую болѣзнь—*сибирскую язву* рогатаго скота, о которой мы говорили выше.

При полученіи ослабленной культуры Пастеръ натолкнулся на новое явленіе, въ высшей степени интересное. Какъ уже было упомянуто, бациллы сибирской язвы въ извѣстный періодъ своей жизни даютъ споры, стойкія образованія, которыя противостоятъ различнымъ химическимъ и физическимъ агентамъ; онѣ-то и заставили видоизмѣнить тотъ способъ, который былъ примѣненъ при выращиваніи куриной холеры.

Если мы культуры бацилла сибирской язвы подвергнемъ вліянію воздуха и 37° Ц., то заразительность и ядовитость культуры не уменьшается, и привитыя животныя погибаютъ, какъ и отъ обыкновенной культуры. Иное дѣло будетъ, если мы воспитаемъ бациллъ при t° 42—43° Ц.: культура растетъ, даетъ нити, но не даетъ споръ, и степень ея заразительности постепенно падаетъ; убивая сначала овцу, она перестаетъ убивать кролика, морскую

Digitized by Google

свинку и наконецъ мышь, крайне чувствительную къ этой болѣзни. Ядъ, стало быть, сталъ безвреденъ. Выращивая теперь такую культуру въ новыхъ условіяхъ при t° 30—35° Ц., мы замѣтимъ что нити даютъ споры, но эти послѣднія обладаютъ тою же степенью заразительности, что и нити. Такъ что мы, контролируя опытомъ на животномъ, можемъ указать степень заразительности ослабленной вакцины и сохранить ее въ послѣдующемъ поколѣніи, пользуясь новыми проростаніями. Эти-то вакцины послужили матеріаломъ для классическаго опыта Пастера въ 1881 году на фермѣ Пуллли-ле-Форъ. Было взято 50 овецъ на удачу, и половинѣ была сдѣлана предохранительная прививка, другія же двадцать пять оставлены безъ нея. По прошествіи извѣстнаго срока тѣмъ и другимъ была введена зараза наивысшей степени; результатъ былъ слѣдующій: первыя всѣ выжили, вторыя всѣ погибли. Докладывая объ этихъ прививкахъ на Лондонскомъ международномъ конгрессѣ, Пастеру пришлось выдержать нѣсколько нападокъ. Оцѣнивая новые опыты, Кохъ на томъ же Конгрессѣ выразился такъ: „Ослабленіе заразъ! Это слишкомъ хорошо, чтобы быть вѣрнымъ“, но Пастеръ, твердо увѣренный въ правотѣ своего опыта, предложилъ повторить ихъ уже въ Германіи, что и было сдѣлано Правительственною Коммиссіей въ помѣстьѣ Пакишъ. Опыты удались и были признаны; научный фактъ былъ засвидѣтельствованъ коммиссіей, и Кохъ черезъ 3 мѣсяца послѣ Женевскаго международнаго конгресса по гигіенѣ въ 1882 году призналъ вакцинацію выдающимся научнымъ открытіемъ. Сельскіе хозяева не замедлили воспользоваться этимъ открытіемъ и ввели у себя въ хозяйствахъ эту предохранительную прививку; смертность среди овецъ, доходившая до 10%, упала при прививкахъ ниже 1%. Страховыя общества тотчасъ воспользовались этимъ и въ свои уставы помѣстили параграфъ, въ которомъ такая прививка при страхованіи считалась обязательною. Вакцинація изъ предѣловъ Франціи распространилась въ Италіи, Испаніи и Австріи, отчасти и въ Россіи.

Дальнѣйшее изученіе ослабленныхъ сибиреязвенныхъ культуръ дало возможность Пастеру совершенно овладѣть ихъ свойствами.

Будучи въ состояніи ослабить культуру, онъ задался другою цѣлью—усилить ее, и это ему удалось, необходимо только поставить опытъ при извѣстныхъ условіяхъ. Пригоднымъ матеріаломъ для такой цѣли можетъ служить молодая мышь. Если мы ей привьемъ культуру, то мышь умираетъ въ нѣсколько дней, и бациллы, полученные отъ нея, уже обладаютъ бо́льшею вирулентностью, а

Digitized by Google

кровь отъ нея убиваетъ уже болѣе старшую по возрасту мышь и т. д. При постепенныхъ перевивкахъ мы наконецъ можемъ достичь того, что получимъ такую культуру, которая убьетъ старую мышь, морскую свинку, кролика, овцу и, наконецъ, вола, животное, обладающее изъ травоядныхъ наибольшею невосприимчивостью по отношенію къ сибирской язвѣ.

Какое значеніе эти данныя могутъ имѣть для эпидеміологіи, я не стану здѣсь говорить, скажу только, что въ *измѣнчивости яда* мы можемъ искать ключъ для опредѣленія тяжести инфекціоннаго заболѣванія и эпидеміи вообще.

Послѣдующія работы обнимали различныя болѣзни, и всюду геній Пастера вносилъ свое рѣшающее слово, открывалъ новыя области и выяснялъ условія дѣйствія яда на животный организмъ. Сложное явленіе заразы и дѣйствія заразнаго начала на организмъ постепенно теряло загадочность и въ его рукахъ пріобрѣтало ясныя формы.

Изъ новой работы Пастера относительно болѣзни, извѣстной во Франціи подъ именемъ „rouget"—„краснухи свиней", мы можемъ видѣть, что ослабленіе яда для свиней можетъ быть достигнуто другимъ крайне оригинальнымъ образомъ. Если прививать культуру этого микроба кролику, то онъ погибаетъ; новая прививка изъ селезеночной мякоти второму кролику отъ павшаго перваго убиваетъ втораго еще быстрѣе; при послѣдующихъ прививкахъ ядовитость микроба растетъ все въ большей и большей степени, но по мѣрѣ возрастанія ядовитости для кролика, она уменьшается для свиньи и, эксперементируя въ этомъ направленіи, мы можемъ найти такихъ кроликовъ, ядъ которыхъ, перенесенный на свиней, предохраняетъ ихъ отъ смертельнаго заболѣванія.

Послѣднею работой Пастера нужно считать предохранительныя прививки яда *бѣшенства*.

Работы эти были начаты въ 1880 году при крайне скудныхъ свѣдѣніяхъ относительно этой болѣзни. Было извѣстно, что укушеніе передаетъ болѣзнь и что ядъ бѣшенства заключается въ слюнѣ; кромѣ того, было извѣстно, что инкубаціонный періодъ колеблется въ широкихъ предѣлахъ отъ нѣсколькихъ дней до мѣсяцевъ, но и только.

Попытки имѣть дѣло съ возбудителемъ болѣзни не привели ни къ чему; микробъ и до сихъ поръ не найденъ, а между тѣмъ мы имѣемъ уже строго законченный способъ, мы можемъ въ огромномъ числѣ случаевъ, при своевременномъ леченіи, преду-

Digitized by Google

предить развитіе болѣзни и тѣмъ спасти больнаго отъ ужасной болѣзни, крайне тяжелой по своимъ внѣшнимъ проявленіямъ.

Первые опыты были крайне неудачны, прививка слюны давала крайне сбивчивые результаты, такъ какъ въ слюнѣ масса различныхъ микробовъ, и животныя погибали вовсе не отъ бѣшенства. Нужно было искать другой источникъ, и онъ былъ найденъ въ нервной системѣ; вся клиническая картина бѣшенства вполнѣ подтверждала это. Этимъ матеріаломъ и воспользовался Пастеръ; онъ бралъ нервное вещество изъ нервныхъ центровъ, вводилъ его подъ кожу здоровой собакѣ и получалъ типичную картину бѣшенства. Послѣ многихъ опытовъ, при крайнемъ испытаніи терпѣнія, такъ какъ инкубаціонный періодъ продолжался долго, ключъ къ разгадкѣ былъ найденъ. Ядъ оказался въ нервной системѣ, а именно въ центрахъ, стало быть, чѣмъ скорѣе онъ поступаетъ въ нее изъ мѣста прививки, тѣмъ короче будетъ инкубація. Раны въ голову, лицо и шею самыя опасныя, инкубація наиболѣе короткая и картина болѣзни наиболѣе ужасная. Стало-быть, если мы введемъ, говоритъ Пастеръ, ядъ прямо въ нервную систему, то продолжительность инкубаціи должна сократиться,— такъ и случилось. Теперь при экспериментахъ обыкновенно вводятъ ядъ собакѣ или кролику подъ твердую мозговую оболочку, предварительно удаливши изъ черепа часть кости. Срокъ инкубаціи при такихъ опытахъ сократился до 14 дней. Чѣмъ больше мы будемъ дѣлать такихъ перевивокъ, тѣмъ періодъ инкубаціи сокращается и послѣ сотенъ опытовъ можетъ быть доведенъ *до семи* и наконецъ *до 6 дней;* дальнѣйшія перевивки не сокращаютъ этого срока, ядъ бѣшенства достигъ своего максимума. Изъ этого-то страшнаго яда и получена вакцина.

Пастеръ вырѣзывалъ спинной мозгъ, помѣщалъ его, подвѣшивая, въ банки съ верхнимъ и нижнимъ отверстіемъ, закрытыми ватою для доступа воздуха, надъ кусочками ѣдкаго калія и держалъ такіе сосуды при t° 25° Ц. Мозгъ высыхалъ и, по мѣрѣ высыханія, терялъ свою заразительность; уже на 5-й день мозгъ убиваетъ не всѣхъ кроликовъ, а на 14 день онъ окончательно безвреденъ, такъ что при прививкѣ не получаютъ бѣшенства.

Если мы начнемъ собакѣ впрыскивать подъ кожу такой 14 дневн. высушенный и разбавленный обезпложенной водой мозгъ, затѣмъ 13, 12, 10 дневн. и т. д. мозгъ, то мы можемъ дойти до самаго страшнаго яда—и собака не умираетъ; мало того, для контроля мы ей же, послѣ такихъ прививокъ, подъ твердую оболочку можемъ впрыснуть самый интенсивный ядъ бѣшенства,

Digitized by Google

и собака остается здоровою; стало-быть мы прививками сообщили ей иммунитетъ въ очень короткій срокъ.

Измѣнимъ опытъ и воспользуемся продолжительною инкубаціею бѣшенства у собаки, доходящею до 30 дней; привьемъ подъ кожу собакамъ ядъ или же воспользуемся укушенными собаками, приведенными съ улицы, время укуса которыхъ извѣстно, и начнемъ дѣлать тѣ же прививки, что и раньше; что мы получимъ? A priori мы должны ихъ предохранить отъ бѣшенства, такъ какъ наши прививки настолько насытятъ организмъ ядомъ, такъ его пріучатъ къ нему, что уже тотъ ядъ, который своевременно долженъ поступить въ нервную систему изъ мѣста укуса, уже найдетъ плохую почву для своего развитія, организмъ уже иммунизированъ, бѣшенство не должно развиться. Этотъ фактъ и приходится наблюдать. Опыты эти, повторенные сотни разъ, есть уже прочное достояніе науки, но на этомъ не остановился Пастеръ, онъ рискнулъ примѣнить его на людяхъ, онъ рѣшился сдѣлать этотъ смѣлый шагъ. Случай скоро представился; въ іюлѣ 1885 года, былъ доставленъ въ Институтъ мальчикъ Мейстеръ, страшно искусанный бѣшеною собакой, и ему была сдѣлана первая прививка въ той послѣдовательности, какъ уже было упомянуто. Мальчикъ выздоровѣлъ... Пастеръ торжествовалъ, но съ нимъ торжество раздѣляла и наука... День этотъ знаменательный въ исторіи науки, въ исторіи того учрежденія, въ которомъ работалъ геніальный ученый... и навсегда останется памятнымъ въ анналахъ исторіи медицины. Второй случай, съ пастухомъ Жюпиль, также кончился благополучно.

Лабораторія ученаго вслѣдъ за этимъ переполнилась людьми, ищущими помощи отъ этой страшной болѣзни. Пастеръ, несмотря на все знакомство съ частотою этого заболѣванія, былъ пораженъ числомъ прибывшихъ, но дѣло скоро уладилось, введена была точная регистрація; строгое раздѣленіе ищущихъ помощи по тяжести пораженія помогло разобраться въ этомъ вопросѣ и дало возможность доказать воочію все благотворное вліяніе новаго метода лѣченія. Смертность лицъ укушенныхъ въ голову и въ лицо, доходившая до 80 процентовъ, была сведена въ Институтѣ до 4%, общая же смертность съ 15% доведена до 1%.

Нападки, которыя посыпались на автора новаго метода, приняли острый характеръ, но Пастеръ защищался своимъ опытомъ и вышелъ побѣдителемъ. Англійская коммиссія, состоявшая изъ лучшихъ представителей науки въ лицѣ своихъ сочленовъ, дала слѣдующій отзывъ по этому вопросу: „Пастеръ открылъ методъ

Digitized by Google

предохраненія отъ бѣшенства, стоящій наравнѣ съ методомъ Дженнеровскихъ вакцинъ". Прививныя станціи стали основываться въ различныхъ странахъ континента и всюду давали тотъ же результатъ. Точность метода была подтверждена со многихъ сторонъ и стала внѣ сомнѣнія и нападокъ.

Послѣдующія работы Пастера были посвящены тѣмъ продуктамъ жизнедѣятельности бактерій, которые получаются при выращиваніи ихъ въ питательныхъ средахъ и извѣстны подъ общимъ именемъ „токсиновъ". Изученіе этой области уже принесло также существенные результаты, стоитъ только вспомнить современный способъ лѣченія дифтеріи. Пересчитывать и излагать въ послѣдовательности эту область современной бактеріологіи—значитъ излагать исторію Института имени Пастера, что не входитъ въ мою задачу, а только что приведенные основные факты и работы достаточно показываютъ всю ширь и мощь ихъ. Путь дальнѣйшихъ работъ намѣченъ его трудами и ревностно разрабатывается его учениками...

Не мѣсто здѣсь похвальнымъ словамъ классическимъ трудамъ Пастера въ области біологіи,—словарь слишкомъ малъ для такой задачи; я позволю себѣ только привести пророческія слова, которыя были написаны знаменитымъ физикомъ Тиндалемъ еще въ 1876 году: „впервые за всю исторію науки мы имѣемъ полное право питать вѣрную надежду, что по отношенію къ эпидемическимъ болѣзнямъ медицина скоро будетъ избавлена отъ эмпиризма и будетъ поставлена на дѣйствительно научную почву. Когда этотъ знаменательный день настанетъ, человѣчество, по моему мнѣнію, должно будетъ признать, что большею частью своей благодарности оно обязано Вамъ"... И оно дѣйствительно должно быть ему благодарно...

В. Игнатьевъ.

Digitized by Google

ПАМЯТИ Я. И. ВЕЙНБЕРГА.[1]

(Личныя воспоминанія).

Не стало Якова Игнатьевича Вейнберга. Предъ свѣжею могилой нѣтъ силъ приняться за подробную оцѣнку дѣятельности и разнообразныхъ трудовъ покойнаго: попытаюсь — хотя бы въ отрывочныхъ воспоминаніяхъ—набросать нѣкоторыя черты его нравственнаго облика.

Вспоминается мнѣ первая половина семидесятыхъ годовъ, когда я былъ ученикомъ Тульской гимназіи: въ 1874—75 году пріѣхалъ къ намъ грозный ревизоръ. Пріѣздъ начальства всегда составляетъ въ провинціи цѣлую эпоху: уже за нѣсколько дней чувствуютъ себя смущенными какъ ученики, такъ и педагоги. Первые же уроки съ появленіемъ Я. И. пошли совершенно необычнымъ путемъ: они обратились въ экзамены, и экзамены весьма строгіе, особенно въ области математики и физики. Я. И. всегда любилъ самъ предлагать вопросы, оставляя за учителемъ роль посторонняго наблюдателя: его вопросы относились ко всей области извѣстной науки, начиная съ ея азовъ. Въ первый же день, какъ и слѣдовало ожидать, ученики — выражаясь школьнымъ языкомъ — совершенно *срѣзались*. Большое смущеніе овладѣло педагогами, но волненіе учениковъ вскорѣ начало уменьшаться: день-ото-дня ученики становились бойче, а отвѣты ихъ дѣлались лучше и сознательнѣе.

Этотъ фактъ легко объяснить себѣ. Дѣти нерѣдко являются лучшими психологами, чѣмъ взрослые: природный инстинктъ помогаетъ имъ сразу схватить наиболѣе характерныя черты той личности, съ которою они приходятъ въ соприкосновеніе. Для учениковъ тяжелъ и страшенъ педагогъ, который, по русской поговоркѣ, всякое лыко въ строку ставитъ, то-есть, стремится

[1] Помѣщая настоящую статью, посвященную памяти покойнаго нашего сотрудника, считаемъ не лишнимъ напомнить нашимъ читателямъ, что изъ трудовъ Я. И. на страницахъ нашего журнала были помѣщены:
„Астрономическія воззрѣнія, подготовившія ученіе Коперника“. 1891. Т. VI. Дек., стр. 678. „Возможенъ ли искусственный дождь?“ 1893. Т. II. Мартъ, стр. 274. „Электрическія желѣзныя дороги“. 1894. Т. III. Май, стр. 295. „Новая составная часть воздуха“. 1895. Т. IV. Авг., стр. 798. *Ред.*

Digitized by Google

изъ всевозможныхъ случайныхъ ошибокъ собрать, а пожалуй даже создать, матеріалъ для возмезлій и воздаяній. Если же педагогъ—хотя бы суровый и требовательный — неуклонно заботится о развитіи учениковъ и объ ихъ возможно лучшей подготовкѣ, то дѣти чутьемъ поймутъ теплыя заботы о нихъ и несомнѣнно полюбятъ человѣка. Временныя огорченія и непріятности скоро забудутся: дѣти не выносятъ только черстваго и безжизненнаго формализма.

Покойный Я. И. былъ беззавѣтно преданъ задачамъ воспитанія и образованія юношества и всѣ силы своей души полагалъ въ это живое дѣло. Опытный педагогъ, Я. И. замѣчательно хорошо зналъ всѣ крупные недочеты въ учебномъ дѣлѣ нашихъ школъ и, не щадя силъ и здоровья, стремился къ ихъ устраненію.

Вспоминается мнѣ 1883 годъ, когда я начиналъ свои занятія въ одномъ изъ частныхъ женскихъ заведеній: я приглашенъ былъ преподавать алгебру и геометрію въ высшихъ классахъ. Молодой еще учитель IV классической гимназіи, готовившійся къ профессорскому званію, я мечталъ, что, подобно мнѣ самому, всѣ увлекаются и должны увлекаться математикой. Я уже обдумалъ для перваго урока краткую рѣчь о значеніи математики и объ ея методахъ; не тутъ-то было: явился Я. И. Вмѣсто урока онъ произвелъ своеобразный экзаменъ по алгебрѣ, геометріи и ариѳметикѣ; въ заключеніе онъ предложилъ начальницѣ и мнѣ приблизительно слѣдующее: „прибавьте два урока въ этомъ (VI) классѣ, обучите ихъ ариѳметикѣ хорошенько, а потомъ ужъ и за алгебру беритесь.“

Этотъ совѣтъ Я. И. навсегда памятенъ для меня: простая истина – что всякую науку, а тѣмъ болѣе математику, нужно изучать послѣдовательно, систематически. Обучите основательно ариѳметикѣ и началамъ алгебры — исчезнутъ раздающіяся въ обществѣ жалобы на недоступность элементарной математики, на необходимость какихъ-то особенныхъ способностей для ея изученія.

Восемь лѣтъ преподавалъ я въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы, и довольно часто приходилось мнѣ встрѣчать Я. И., какъ во время его ревизій, такъ и на экзаменахъ.

Я. И. любилъ начинать свои ревизіи съ сентября: на нѣсколько дней, иногда на недѣлю, переселяется онъ въ учебное заведеніе и часа по 3—4 въ день производитъ свои педагогическіе эксперименты. Разумѣется, ученицы за лѣто многое пере-

Digitized by Google

забыли, да и педагоги послѣ вакаціи не вошли еще въ свою колею: обнаруживаются крупные недочеты; нѣтъ-нѣтъ да и достанется какому-либо изъ воспитателей. Проходитъ мѣсяца два-три, снова является Я. И.; но картина уже измѣняется. Отвѣты ученицъ становятся, по большей части, несравненно лучше предъидущаго: Я. И. доволенъ, онъ забылъ недавній погромъ, и слышится слово похвалы то тому, то другому педагогу.

Оригинальны были и экзамены по математикѣ въ присутствіи Я. И.; и программа, и билеты отмѣнялись; экзаменъ шелъ по всему предмету, предлагались новые примѣры и задачи. Предъ 2—3 досками стоятъ ученицы, обдумывая заданныя имъ темы; Я. И. съ преподавателемъ и ассистентами стремительно носится отъ доски къ доскѣ, предлагая вопросъ за вопросомъ то той, то другой ученицѣ. Въ общемъ получается нѣкоторый хаосъ: отдѣльные отвѣты теряются, но за то картина подготовки и познаній класса выступаетъ съ поразительною яркостью. Оцѣнка успѣховъ не имѣла формальнаго характера: часто ученица, сдѣлавшая рядъ промаховъ, но отвѣчавшая разумно и сознательно, получала высшую отмѣтку.

Вспоминается мнѣ послѣдній экзаменъ съ Я. И. въ частной женской гимназіи г-жи П. Въ 1888—89 году лучшія ученицы VIII класса избрали спеціальнымъ предметомъ математику: курсъ былъ пройденъ мною по программѣ мужскихъ учебныхъ заведеній, и я рѣшилъ просить Я. И. присутствовать на экзаменѣ. Въ назначенный день аккуратно къ пяти часамъ явился Я. И.; воспитанницъ было всего девять, но каждой изъ нихъ предстоялъ экзаменъ по четыремъ отдѣламъ—ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Есть разгуляться гдѣ на волѣ; и дѣйствительно, какъ много новыхъ и разнообразныхъ задачъ было предложено, какое множество различныхъ вопросовъ было разобрано! Прошло уже часа четыре, а экзаменъ въ самомъ разгарѣ: сталъ и я чувствовать утомленіе, пріустали и ассистенты-экзаменаторы, одинъ Я. И. не знаетъ отдыха. Онъ доволенъ отвѣтами, а потому увлекается и придумываетъ задачу за задачей; экзаменъ окончился въ 12-мъ часу ночи.

Вскорѣ послѣ этого я уѣхалъ въ заграничную командировку, и моя новая встрѣча съ Я. И. относится къ 1891 году.

Въ мартѣ 1891 года Я. И. заболѣлъ сильнымъ нервнымъ переутомленіемъ, и врачи запретили ему всякую умственную работу, по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ. Въ началѣ марта Я. И. обратился ко мнѣ съ просьбой исполнить два его желанія. Онъ

Digitized by Google

просилъ меня, во-первыхъ, заняться подготовкой къ экзамену по математикѣ одного студента, который былъ порученъ руководству Я. И. его другомъ. Передавая мнѣ своего питомца, Я. И. въ прочувствованныхъ словахъ убѣждалъ меня подумать, какой тяжелый ударъ будетъ нанесенъ отцу, если молодой человѣкъ, бывшій второй годъ на томъ же курсѣ, не выдержитъ экзамена. При этомъ Я. И. вручилъ мнѣ литографированный курсъ лекцій по аналитической геометріи съ массой своихъ собственныхъ помѣтокъ. Сколько вниманія, труда и искренняго желанія помочь своему питомцу заключалось въ этихъ помѣткахъ!

Вмѣстѣ съ тѣмъ Я. И. просилъ П. А. Некрасова и меня заняться составленіемъ темъ для выпускныхъ экзаменовъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

Нелегкая была это задача: Я. И. былъ врагомъ чисто формальнаго отношенія къ экзаменамъ и любилъ предлагать темы, при помощи которыхъ ученикъ могъ бы обнаружить разнообразныя познанія. Приходилось въ каждой темѣ комбинировать цѣлый рядъ вопросовъ, притомъ нужно было подумать и о формѣ, позаботиться, чтобы вычисленія не оказались слишкомъ сложными. Нѣсколько десятковъ задачъ было составлено мною, и раза 4—5 засѣдали мы у Я. И. Выходитъ Я. И. полубольной, въ халатѣ, и начинаетъ жаловаться, что ему безусловно нельзя заниматься; проходитъ четверть часа, Я. И. проситъ познакомить его съ привезенными задачами, а чрезъ нѣсколько минутъ онъ уже хватается за карандашъ и быстро начинаетъ придумывать различныя новыя комбинаціи. Напрасно П. А. Некрасовъ и я уговариваемъ Я. И. успокоиться и подумать о здоровьѣ: онъ забываетъ все для горячо любимаго имъ дѣла.

Только чрезъ мѣсяцъ могли мы остановиться на нѣсколькихъ темахъ, да и то Я. И. хотѣлъ ихъ пересмотрѣть, когда вполнѣ выздоровѣетъ.

Совмѣстная работа содѣйствовала моему сближенію съ Я. И. Правда, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я долженъ былъ покинуть Москву, получивъ въ іюнѣ 1891 года назначеніе въ Кіевъ на каѳедру чистой математики. Но мои сношенія съ Я. И. не прерывались: изрѣдка мы обмѣнивались письмами, а во время пріѣзда въ Москву я всегда считалъ долгомъ навѣщать Я. И. Письма Я. И. отличались необыкновенною прямотой и задушевностью; между прочимъ, каждый разъ вспоминалъ онъ о своихъ бывшихъ ученикахъ, профессорахъ нашего факультета Х. и Ш., которые въ свою очередь всегда относились съ добрымъ чувствомъ къ своему бывшему учителю.

Digitized by Google

Во время личныхъ свиданій мнѣ пришлось познакомиться съ Я. И. въ его домашней обстановкѣ, узнать его ближе, какъ человѣка. Я не буду говорить о той чисто-идиллической картинѣ тихаго семейнаго счастья, которая—убѣжденъ—навсегда врѣзалась въ память всѣхъ лицъ, близко знавшихъ покойнаго Я. И. и его почтенную супругу Екатерину Николаевну.

Человѣкъ какъ-будто суровый по наружности, вспыльчивый, а подчасъ и грозный, когда задѣты его принципы, Я. И. обладалъ кроткимъ, отзывчивымъ и любвеобильнымъ сердцемъ. Приходилось слышать, что не разъ послѣ страшнаго разноса какого-нибудь педагога Я. И. входилъ въ его положеніе и даже принималъ его сторону. Съ большимъ участіемъ, какъ извѣстно мнѣ, относился Я. И. къ молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ въ университетѣ и не имѣвшимъ занятій. Всячески старался онъ устроить ихъ, а подчасъ оказывалъ и матеріальную поддержку; въ дѣлѣ благотворительности Я. И., какъ хорошо знаютъ люди ему близкіе, неуклонно слѣдовалъ евангельской заповѣди: не вѣдала шуйца его, что творила его десница. И вообще покойный былъ необыкновенно отзывчивъ къ горю ближняго: онъ умѣлъ и понять, и раздѣлить это горе. Никогда не забуду вторника Страстной недѣли въ 1893 году. Надъ лицомъ мнѣ очень близкимъ стряслась тяжелая бѣда, и вотъ Я. И., человѣкъ крайне религіозный, никогда не пропускавшій во время говѣнія ни одной службы, на этотъ разъ отступилъ отъ своихъ правилъ. Цѣлый вечеръ онъ и многоуважаемая Екатерина Николаевна всячески старались разсѣять или, по крайней мѣрѣ, ослабить мое горе. Сколько при этомъ высказалось неподдѣльной, чистой любви къ ближнему!..

Въ послѣднія свиданія бесѣды наши съ Я. И. касались, главнѣйшимъ образомъ, его различныхъ ученыхъ трудовъ. Я. И. какъ-бы предчувствовалъ, что уже недолго суждено ему работать: онъ спѣшилъ подѣлиться своими новыми идеями и мыслями, мечталъ о скорѣйшемъ завершеніи начатыхъ работъ.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ я считаю возможнымъ остановить вниманіе только на нѣкоторыхъ изъ числа обширныхъ и разнообразныхъ трудовъ Я. И.

Научныя работы Я. И. начались съ метеорологическихъ наблюденій на обсерваторіи Константиновскаго Межеваго Института, которыя онъ велъ въ теченіе 25 лѣтъ и затѣмъ обработалъ въ цѣломъ рядѣ таблицъ и статей, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Императорскаго Общества Испытателей Природы. Въ 1867 году

Digitized by Google

появилась оригинальная для своего времени статья Я. И. „Критическій разборъ теоріи урагановъ“. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ работъ [1] въ области физической географіи и физики, обнаруживающій большую эрудицію ихъ автора. Изъ этихъ работъ особенно выдѣляется обширная монографія „Лѣсъ“, въ которой подробно разобрано значеніе лѣса въ климатическомъ отношеніи а также указаны вредныя послѣдствія лѣсоистребленія. Этотъ трудъ Я. И. былъ удостоенъ преміи отъ Императорской Академіи Наукъ, а также былъ награжденъ медалями нѣсколькихъ ученыхъ Обществъ.

Я. И. отличался большою отзывчивостью ко всякому новому научному явленію и спѣшилъ подѣлиться своими мыслями съ публикой: такъ возникъ рядъ его популярныхъ статей. [2]

Въ то же время Я. И. выступаетъ хорошимъ переводчикомъ капитальныхъ иностранныхъ сочиненій: онъ перевелъ на русскій языкъ „Космосъ“ Александра фонъ-Гумбольдта, „Общее землевѣдѣніе и Европа“ Карла Риттера и нѣкоторые другіе труды европейскихъ ученыхъ. Не забудемъ, что въ теченіе десятковъ лѣтъ Я. И. является весьма дѣятельнымъ членомъ „Общества испытателей природы“ и „Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи“; почетный членъ „Общества любителей естествознанія“, покойный въ послѣднее время состоялъ и его вице-президентомъ.

Энергичная, неустанная дѣятельность при разработкѣ различныхъ научныхъ вопросовъ, естественно, вызывала общее сочувствіе и уваженіе къ Я. И. въ средѣ ученаго міра. На долю покойнаго выпала рѣдкая честь: въ концѣ 1893 года, по случаю сорокалѣтія ученой и учебной дѣятельности, Я. И. былъ из-

---

[1] За краткостью времени и недостаткомъ подъ руками матеріала, назовемъ только болѣе извѣстные намъ труды: „Измѣнился-ли климатъ Москвы,“ „Вліяніе очертанія материковъ и свойствъ почвы на умственное развитіе человѣка,“ „Объ изслѣдованіяхъ надъ абсолютнымъ пулемъ температуры и наибольшею плотностью тѣлъ,“ „Приложеніе механическаго эквивалента къ частичнымъ силамъ,“ „Вопросъ объ уменьшеніи количества воды въ источникахъ и рѣкахъ,“ „Важность возвышенностей для наблюденій метеорологическихъ и астро-физическихъ,“ „О взрывахъ паровыхъ котловъ,“ „Астрономическія міровоззрѣнія, подготовившія ученіе Коперника“ и др.

[2] Изъ популярныхъ статей можемъ назвать слѣдующія: „Укрощеніе трехъ строптивыхъ: новѣйшіе успѣхи физики,“ „Электрическое освѣщеніе,“ „Возможенъ-ли искусственный дождь?“ „Электрическія желѣзныя дороги,“ „Новая составная часть воздуха“ и др.

Digitized by Google

бранъ въ почетные члены старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ.

Всякій, кому приходилось близко сталкиваться съ Я. И., никогда не забудетъ того чисто-юношескаго пыла и беззавѣтнаго увлеченія, съ какимъ Я. И. до самой своей смерти относился къ горячо любимымъ имъ научнымъ и педагогическимъ вопросамъ.

Вспоминается мнѣ наше послѣднее свиданіе на Святкахъ прошлаго (1894—95) года. Я. И. вышелъ полубольной и жаловался, что проклятая инфлуенца подкосила и подкашиваетъ его силы; но вскорѣ разговоръ перешелъ на его излюбленныя темы. Сообщилъ мнѣ Я И. о своей недавней поѣздкѣ на открытіе техническаго училища въ Иваново-Вознесенскѣ. Съ восторгомъ передавалъ мнѣ Я. И. о томъ отрадномъ явленіи, что представители города и мѣстные промышленные дѣятели начинаютъ понимать и сознавать важность и необходимость техническихъ школъ; разсказывалъ онъ мнѣ далѣе, съ какимъ усердіемъ и готовностью жертвовались во время празднествъ большія суммы на улучшеніе постановки техническаго образованія. Увлекся Я. И. и нарисовалъ цѣлую картину будущаго техническаго и промышленнаго преуспѣянія нашей родины.

Вообще Я. И. живо интересовался основными вопросами техническаго и реальнаго образованія: онъ принималъ дѣятельное участіе въ преобразованіи Комиссаровскаго Техническаго Училища, а также ревностно трудился во всѣхъ коммиссіяхъ, вырабатывавшихъ планы новой, болѣе совершенной организаціи нашихъ реальныхъ училищъ.

Послѣдняя наша бесѣда касалась новой работы Я. И. — „О самовозгараніи волокнистыхъ веществъ“; въ то время онъ собиралъ матеріалъ для названной работы и весь былъ въ нее погруженъ. Никогда не забуду, какъ вдругъ преобразился полубольной старикъ: глаза засверкали, разметались длинные сѣдые волосы, слова льются бурнымъ, неудержимымъ потокомъ...

Прошелъ годъ; по пріѣздѣ въ Москву на Святки я узналъ, что Я. И. опасно боленъ, а чрезъ нѣсколько дней онъ уже опочилъ отъ дѣлъ своихъ.

Спи же мирнымъ сномъ до лучшаго разсвѣта, неустанный труженикъ, вѣчно-юный идеалистъ!

„Terraque securo sit super ossa levis“!

Петръ Покровскій.

Москва.
15 января, 1896 г.

Digitized by Google

ПАНСЛАВИСТЪ XVII ВѢКА—ЮРІЙ КРИЖАНИЧЪ.

(По неизданнымъ документамъ).

Статья П. Пирлинга.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая статья принадлежитъ отцу Пирлингу и появилась въ январской книжкѣ *Revue des questions historiques* (стр. 186—200). О. Пирлингъ не новичекъ въ литературныхъ работахъ: мы ихъ имѣемъ уже нѣсколько. Онъ спеціально занимается исторіей сношеній Россіи съ Римомъ и другими иностранными государствами, причемъ для своихъ работъ пользуется документами архивовъ малодоступныхъ и совсѣмъ недоступныхъ, но гдѣ онъ, благодаря принадлежности къ ордену іезуитовъ, могъ заниматься и извлечь много драгоцѣнныхъ свѣдѣній.

Настоящая статья отличается этимъ же качествомъ; она цѣнна и по лицу, котораго касается—одного изъ первыхъ и самыхъ яркихъ представителей панславизма, Юрія Крижанича, и по собираемымъ въ ней свѣдѣніямъ и приводимой въ выдержкахъ, бывшей доселѣ неизвѣстною, запискѣ Крижанича. Статья написана прекраснымъ, яснымъ и живымъ языкомъ. Переводъ ея принадлежитъ одному изъ моихъ товарищей.

Сергѣй Бѣлокуровъ.

Digitized by Google

Архивъ Священной Конгрегаціи Пропаганды, нынѣ строго закрытый, былъ нѣкогда, въ теченіе короткаго промежутка времени доступенъ ограниченному числу посѣтителей. Этому можно было только радоваться. Помимо изобилія матеріала, онъ представляетъ для занимающихся то неоцѣнимое преимущество, что расположенъ систематически и содержится въ отличномъ порядкѣ. Правда, онъ не восходитъ далѣе XVII вѣка; но, начиная съ этой эпохи, почти всѣ страны свѣта представлены въ немъ цѣлыми серіями писемъ, донесеній, изслѣдованій, папскихъ постановленій. Г. Пиперъ представилъ, въ одномъ изъ римскихъ журналовъ, превосходное описаніе этого хранилища [1], которымъ онъ и самъ воспользовался въ трудѣ своемъ о сѣверныхъ миссіяхъ.

Значительное число томовъ относится къ славянскимъ странамъ. Въ 1880 году, благодаря благосклонному содѣйствію кардинала Симеони, префекта Пропаганды, кардинала Рамполлы дель Тиндаро, нынѣ государственнаго секретаря, а въ то время секретаря восточнаго отдѣленія Пропаганды, при руководствѣ ученаго архивиста, монсиньора Борджіа, я могъ ознакомиться съ этими документами и, въ частности, разсмотрѣть тѣ, которые касаются Россіи. Я не намѣренъ давать здѣсь хотя бы краткаго обзора его [2]. Одна записка, избранная среди многихъ другихъ и едва не ускользнувшая отъ меня, будетъ предметомъ нижеслѣдующихъ строкъ.

Вотъ какъ произошло это. Къ концу моего пребыванія въ Римѣ, я пробѣгалъ въ архивѣ Пропаганды первый томъ отдѣла Miscellanea, озаглавленныхъ: Moscovia, Polonia, Ruteni, Relazioni. Это—толстый томъ въ листъ, безъ общей пагинаціи, гдѣ статьи слѣдуютъ одна за другой, помѣченныя нумерами по порядку. Подъ № 4 находится анонимная записка довольно стран-

---

[1] Roemische Quartalschrift, 1887, № 1, стр. 80—99; № 2, стр. 259—265. Вотъ главные отдѣлы Архива Пропаганды: 1. Acta Sacrae Congregationis; 2. Scritture originale riferite in Sacra Congregazione generale; 3. Lettere della Sacra Congregazione; 4. Udienze di Nostro Signore; 5. Scritture non riferite, alias: riferite nel Congresso coll'Em. Prefetto; alias: Miscellanea; 6. Congregazioni particolari; 7. Collegi e visite.

[2] Полезныя указанія о Россіи и Польшѣ можно найти въ указанныхъ уже статьяхъ Пипера, № 1, стр. 91, 93, 94, 96.

Digitized by Google

наго характера. Послѣ нѣсколькихъ цитатъ изъ Поссевина и Герберштейна, авторъ излагаетъ собственные взгляды на Россію, и взгляды эти не лишены ни смѣлости, ни оригинальности. Кто могъ начертать эти строки? Имя Юрія Крижанича тотчасъ пришло мнѣ на мысль; но, признаться-ли?—я не позаботился снять копію съ этой пространной записки. Между тѣмъ дата, которою она помѣчена, 1641 годъ, преслѣдовала меня. По мѣрѣ отдаленія моего отъ Рима, сомнѣнія мои мало-по-малу разсѣивались, и сожалѣнія о небрежности все росли. Прибывъ въ Парижъ, я былъ убѣжденъ, что предалъ незаслуженному забвенію твореніе, хоть и небольшое, но драгоцѣнное, и только и думалъ, какъ бы поправить ошибку. Къ счастію, мнѣ оказалось возможнымъ получить копію, которую я затѣмъ самъ свѣрилъ съ первоначальнымъ текстомъ и которая служитъ основаніемъ настоящей статьѣ.

Юрій Крижаничъ—одна изъ наиболѣе привлекающихъ вниманіе славянскихъ знаменитостей. Во многихъ вопросахъ онъ опередилъ свой вѣкъ, и, самъ католическій священникъ, горячій патріотъ, онъ одинъ изъ первыхъ мечталъ о сліяніи Славянъ подъ гегемоніей Россіи. Его жизнь прошла чрезъ тяжкія испытанія, перенесенныя съ терпѣніемъ, никогда не ослабѣвавшимъ. Смѣлый пропагандистъ своихъ идей, онъ не разъ былъ жертвой своей ревности. Съ давнихъ поръ его многочисленныя писанія, добрая часть которыхъ еще ждетъ издателя, привлекали вниманіе ученыхъ. Важные труды написаны уже по этому предмету и пишутся еще другіе. Г. Безсоновъ одинъ изъ первыхъ вступилъ на этотъ путь. Г. Соколовъ продолжаетъ его дѣло. Гг. Брикнеръ и Бѣлокуровъ также готовятся сообщить намъ новости. Блестящій сводъ всего прежде напечатаннаго сдѣланъ г. Бильбасовымъ [1], который воспользовался, кромѣ того, нѣсколькими документами, дотолѣ неизвѣстными. Всѣ эти труды и статьи написаны по-русски, и французское общество должно прибѣгать къ г. Леже [2]. Записка Крижанича, которую я предполагаю разобрать, дастъ только точку опоры для его біографіи. Для большей ясности, я буду широко пользоваться другими

[1] *Русская Старина*, декабрь 1892 года, стр. 445.

[2] *Leger—Nouvelles études slaves.* Paris, 1880, стр. 1—47: Un Précurseur du panslavisme au XVII siècle. Не имѣя намѣренія давать полной библіографіи, я прохожу молчаніемъ превосходные труды, какъ: Кукулевича-Сакцинскаго, Даничича, Ягича, Брикнера, Маркевича и другихъ.

Digitized by Google

документами, найденными частью въ Пропагандѣ, частью въ греческой коллегіи и уже напечатанными. Такимъ образомъ получится силуэтъ нашего автора, начертанный по документамъ, ограниченнымъ въ числѣ, но точно опредѣленнымъ и несомнѣннымъ по происхожденію.

Подробностей немного о первыхъ годахъ Крижанича. Дитя благородной, но бѣдной хорватской семьи, родившись въ 1617 году, съ дѣтства привлеченный къ служенію алтарямъ, онъ учился въ Загребѣ, Вѣнѣ, Болоньѣ и, наконецъ, пришелъ въ Вѣчный городъ.

Древнѣйшій римскій документъ, гласящій о немъ, помѣченъ 26 февраля 1641 года. Съ этого уже времени молодой Хорватъ имѣетъ въ виду не только священство, но и миссію въ Россію. Онъ хорошо сознавалъ пробѣлы въ своихъ познаніяхъ и мужественно боролся съ матеріальными затрудненіями своего положенія. Чтобы пополнить первые и легче преодолѣть вторыя, онъ задумалъ быть принятымъ въ коллегію св. Аѳанасія, въ Римѣ.

Это великолѣпное учрежденіе Григорія XIII было назначено для Грековъ и Славянъ. Оно заключало въ себѣ учебное заведеніе съ церковью, расположенныя въ одномъ изъ самыхъ красивыхъ кварталовъ города на via Babuino, недалеко отъ Piazza di Spagna и отъ Monte Pincio. Эти зданія трезваго вкуса и строгой архитектуры существуютъ еще въ своихъ первоначальныхъ формахъ, и каждое воскресеніе можно видѣть, какъ развертывается въ нихъ торжественность восточныхъ обрядовъ. Съ 31 октября 1622 года коллегія находилась опять подъ руководствомъ іезуитовъ, какъ прежде во время основанія ея. Цѣль, преслѣдуемая въ ней, была—сформированіе туземнаго духовенства въ сѣни каѳедры св. Петра. Молодые левиты получали здѣсь воспитаніе сильно закаленное, а для обученія отправлялись въ римскую коллегію, гдѣ проходили курсъ литературы, философіи и богословія. Принявъ священство, они возвращались на родину и оставались въ частыхъ сношеніяхъ съ Римомъ.

Въ греческую коллегію допускались два рода воспитанниковъ. Рядомъ съ alumni, которые проходили полное ученіе и шли по уставу, были еще convictores. По возрасту они обыкновенно были старше первыхъ, они подчинялись тому же ректору, раздѣляли общій столъ, но жили отдѣльно, не подчиняясь тѣмъ же строгостямъ дисциплины. Такъ, у всякаго изъ нихъ была своя

Digitized by Google

комната, и они могли, съ разрѣшенія ректора, обѣдать внѣ дома, имѣть слугу, а во время сильныхъ жаровъ пить вино со льдомъ [1].

Крижаничъ искалъ чести быть допущеннымъ въ число convictores. Онъ разсчитывалъ заняться въ коллегіи богословіемъ, выучиться по-гречески, изучить вопросы спорные съ Востокомъ; затѣмъ, во всеоружіи и поддерживаемый средствами Пропаганды, онъ хотѣлъ ѣхать въ Москву, чтобъ исполнять обязанности миссіонера. Пока желанія его были скромны. Онъ просилъ лишь ежемѣсячной помощи въ три скуди, на два года, беря на себя заботу о всѣхъ своихъ нуждахъ, лишь бы жить въ коллегіи. Итакъ, прошеніе, составленное въ этомъ смыслѣ, было представлено кардиналу Бамберини, который препроводилъ его Пропагандѣ, и 26 февраля 1641 года конгрегація сдѣлала постановленіе согласное съ желаніями Крижанича, при условіи, чтобы онъ сначала былъ проэкзаменованъ кардиналомъ Санта-Кроче и признанъ достойнымъ этой милости.

Испытаніе удалось отлично, и, по исполненіи всѣхъ формальностей, 11 марта того же года, папа Урбанъ VIII, получившій за любовь къ греческой письменности прозваніе Аттической Пчелы, утвердилъ предшествовавшее постановленіе Пропаганды и приказалъ исполнить его, прибавляя, что проситель долженъ дать клятву, требуемую отъ воспитанниковъ. [2] Этими священными узами они обязывались вернуться, по окончаніи ученія, въ свои епархіи, чтобы трудиться тамъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе извѣстнаго времени, въ рядахъ свѣтскаго духовенства. Разрѣшеніе отъ этого обязательства, въ случаѣ нужды, предоставлялось подлежащимъ властямъ.

Вступая въ греческую коллегію, Крижаничъ встрѣтилъ тамъ лишь трехъ іезуитовъ: ректора Тарквино Галлуччи; настоятеля храма, имѣвшаго надзоръ за дисциплиной и хозяйствомъ, Марко Лима; духовнаго префекта или исповѣдника, Луку Фіески. [3] То былъ весь составъ учрежденія: простой интернатъ не требовалъ

---

[1] Avvisi per li giovani che si ricevano per convittori nel Collegio greco,— рукопись нашего собранія.

[2] Оба декрета: 26 февраля и 11 марта 1641 г. изданы въ Archiv für slavische Philologie, 1882, т. VI, стр. 120, по тексту сохранившемуся въ архивѣ греческой коллегіи: Bolle, decretti e notizie, стр. 232. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Крижаничъ признается, что лишь съ большимъ трудомъ могъ вступить въ коллегію св. Аѳанасія.

[3] Catalogus Provinciae Romanae, 1617—1645 рукопись нашего собранія.

Digitized by Google

большаго. Если спросятъ, гдѣ учился Крижаничъ, то отвѣтить будетъ трудно, потому что въ его время convictores имѣли еще право сами выбирать себѣ профессоровъ. Быть можетъ онъ плѣнился громкимъ именемъ П. де Луго, который съ блескомъ преподавалъ догматическое богословіе въ римской коллегіи, и сталъ въ число его учениковъ. Какъ бы то ни было, слѣдовъ прохожденія имъ коллегіи св. Аѳанасія совсѣмъ не осталось. Единственный важный памятникъ отъ этого времени—записка составленная имъ въ 1641 г., то-есть, вскорѣ по вступленіи въ коллегію. Она содержитъ въ зародышѣ тѣ мысли, которыя онъ развивалъ и пропагандировалъ въ теченіе всей своей жизни, и онѣ изложены съ полною откровенностью. Съ этой двойной точки зрѣнія записка эта весьма замѣчательна.

Такъ какъ она безъ подписи и, повидимому, не собственноручна, то первымъ представляется вопросъ о ея происхожденіи. Дѣйствительно-ли Крижаничу приписать ее? Къ счастью, сомнѣніе тутъ невозможно. Хоть авторъ не подписался, но онъ постарался дать о себѣ точныя свѣдѣнія и самъ представить свидѣтельства тождества. Въ самомъ дѣлѣ, онъ—Хорватъ, живетъ въ греческой коллегіи на счетъ Пропаганды; кромѣ роднаго языка, знаетъ по-латыни, по-нѣмецки, по-испански и учится теперь по-гречески. Исторія и то, что въ наши дни назвали бы политическою экономіей, замѣтно составляютъ предметъ его предпочтенія; но онъ также—грамматикъ и филологъ и печаталъ уже книги. Самыя горячія его желанія направлены къ московской миссіи. Съ этой стороны видится ему разсвѣтъ будущаго славянскаго величія, и его патріотизмъ внушаетъ ему мѣры для ускоренія момента торжества. Всѣ эти характерные признаки подходятъ къ Крижаничу, и только къ нему. Достаточно взгляда на его долгую жизнь и на его объемистые труды, чтобы понять, что мы—передъ его первою программой, которая начертана еще рукой ново-посвящаемаго, но которой онъ останется вѣренъ до могилы.

Перейдемъ теперь къ самой запискѣ и къ ея содержанію. Она обращена къ кардиналу,—несомнѣнно, генералу пропаганды, хотя онъ и не названъ именно. Съ самаго начала Крижаничъ утверждаетъ, что, несмотря на свое протяженіе, „великое княжество московское“ („le duché de Moscovie“) извѣстно менѣе, чѣмъ Индія. Въ самомъ дѣлѣ, съ начала XVII вѣка, вслѣдствіе осложненій вызванныхъ этимъ геніальнымъ проходимцемъ, котораго такъ трудно разгадать исторіи и который носитъ имя

Digitized by Google

Димитрія, сношенія съ Россіей были рѣзко прерваны. Имена кардинала Исидора, княжны Зои Палеологъ забылись, миссіи папъ Медичи и Григорія XIII не возобновлялись болѣе. Всѣ эти воспоминанія, заключенныя въ пергаменты или въ книги, интересовали лишь ученыхъ, не было живаго сношенія съ Сѣвером, и свѣдѣнія объ этихъ дальнихъ странахъ становились такимъ образомъ все болѣе рѣдкими. Самъ Крижаничъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи иного источника, кромѣ старыхъ авторовъ XVI вѣка, и въ 1641 году онъ, кажется, зналъ только троихъ: Сигизмунда Герберштейна, которому современемъ воздастъ хвалу Екатерина II, сказавъ, что онъ открылъ Россію; Антонія Поссевина, который являлся два раза ко двору Іоанна IV, и Паоло Джовіо, которому Чентуріоне и Герасимовъ разсказывали о московскихъ чудесахъ. Епископъ Ночерскій приводится лишь одинъ разъ и, такъ сказать, мимоходомъ; напротивъ, австрійскій баронъ и мантуанскій іезуитъ примѣняются серіозно, и славянскій патріотъ позволяетъ себѣ лишь легкія оговорки. Позднѣе, расширивъ кругъ своихъ чтеній, въ большомъ трудѣ, изданномъ г. Безсоновымъ, онъ помѣстилъ этихъ трехъ авторовъ среди тѣхъ, которые „не лаютъ“ на Русскихъ, между тѣмъ какъ другіе, менѣе умѣренные, прямо обзываются собаками.[1]

Легко отгадать, что въ этомъ новомъ мірѣ будущаго миссіонера и реформатора интересуютъ болѣе всего религія и политика. И вотъ, чтобы дать понятіе о положеніи съ этой точки зрѣнія, онъ принимается выбирать изъ авторовъ и сопоставлять мѣста, относящіяся сюда. Здѣсь не должно ждать строго точныхъ ссылокъ и цитатъ до тонкости вѣрныхъ. Критика Юрія Крижанича не нисходитъ до этихъ мелочей. Онъ довольствуется тѣмъ, чтобы вѣрно передать мысль Герберштейна или Поссевина, но чаще всего онъ не боится обрѣзывать ихъ фразы, придавать имъ выраженія и даже связь нѣсколько произвольную. Мнѣнія обоихъ авторовъ слишкомъ извѣстны, чтобъ нужно было возвращаться къ нимъ. Установивъ фактъ раздѣленія между Церковью русскою и Церковью римскою, Крижаничъ мѣняетъ манеру и становится оригинальнымъ, отыскивая причину этого раздѣленія и средство побороть его.

Что касается причины, то она, по его мнѣнію,—не та же у Русскихъ, что у Грековъ и у протестантовъ. Греки, говоритъ онъ, порвали съ Римомъ по духу гордости, протестанты по

[1] *Русское Государство*, т. I, стр. 166.

Digitized by Google

любви къ свободѣ. Русскіе же не только не подвержены этимъ недостаткамъ, но склоняются скорѣе къ смиренному подчиненію. Такъ, народъ никогда не возмущается противъ государей и переноситъ молча тираническое иго, сами государи и епископы все еще остаются подъ зависимостью патріарха константинопольскаго, хотя они отлично могли бы объявить себя независимыми.

Но въ такомъ случаѣ, отчего Русскіе не остались въ союзѣ съ Римомъ? Крижаничъ забываетъ, что они были въ вѣрности Грекамъ и, въ послѣднемъ анализѣ, относитъ раздѣленіе на счетъ невѣжества. Не зная хорошо, чего держаться, постоянно боясь быть обманутыми, Русскіе окружаютъ себя предосторожностями и не довѣряютъ иностранцамъ. Впрочемъ, они могли бы согласиться съ Латинянами не хуже чѣмъ съ Греками, ибо разъ подчиненіе признано въ принципѣ, не все-ли равно зависѣть отъ однихъ или отъ другихъ? Крижаничъ допускаетъ также, какъ факторъ раздора, одинъ „особый грѣхъ“, именно — утѣсненіе бѣдныхъ, и въ такомъ случаѣ сильные одни виноваты въ схизмѣ; онъ допускаетъ, что апостольская ревность нѣсколькихъ избранныхъ, если она такова, какъ описываетъ ее Герберштейнъ, могла бы удержать большинство въ вѣрѣ предковъ, но онъ болѣе всего винитъ невѣжество, и сейчасъ мы увидимъ, что онъ дѣлаетъ это не безъ задней мысли. Ему нужно было объяснить такъ происхожденіе зла, чтобы оттуда заключить къ тому спеціальному средству, которое онъ хотѣлъ примѣнить и чтобъ хорошо опредѣлить условія лѣченія.

Сказать правду, антидотъ ревностнаго Хорвата не имѣлъ самъ по себѣ достоинства новизны. Полвѣка до него, Поссевинъ уже настаивалъ на посылкѣ миссій въ Москву. Крижаничъ прибѣгаетъ къ тому же средству. Но миссія миссіи рознь, и, идя по стопамъ своего предшественника, онъ прибавляетъ много своего. Точкой отправленія онъ принимаетъ предложеніе Поссевина; бывшій посолъ Григорія XIII отмѣтилъ въ своихъ комментаріяхъ, что какая бы то ни было московская миссія должна совершаться съ искреннимъ намѣреніемъ дѣйствовать во славу Божію; чтобы предпринять ее, надо выбрать удобный моментъ наконецъ ввѣрить ее можно только человѣку, у котораго внутреннія качества, твердая нравственность и знанія греческихъ вопросовъ находятся на высотѣ его достоинства и того блеска, которымъ миссія могла бы быть окружена [1].

[1] *Moscovia*, Antverpiae, 1587, стр. 66.

Digitized by Google

Эти три условія были сначала для Крижанича предметомъ безпокойства и затрудненія. Онъ не сомнѣвался, что въ области Пропаганды они строго выполняются; но онъ спрашивалъ себя не безъ тревоги, имѣетъ-ли онъ лично качества, нужныя для этой миссіи, не было-ли сумасбродной дерзостью съ его стороны брать на себя инициативу миссіи и становиться въ ряды ея. Впрочемъ, обдумавъ хорошенько, онъ съумѣлъ успокоить себя. Здѣсь необходимо привести его слова буквально. Открывая намъ его тайну, они объяснятъ намъ его, часто загадочный, образъ дѣйствій, такъ же какъ различіе сужденій о немъ.

„Во-первыхъ, говоритъ онъ, для обращенія невѣрныхъ нужны люди великой любви и великаго сердца, способные дѣлать чудеса; съ другой стороны, видно, что для проповѣди и дѣланія добра среди вѣрныхъ достаточно порой человѣка обыкновеннаго и безъ добродѣтели (vertu), лишь бы онъ не возбуждалъ соблазна. Что касается меня, то я считаю Москвитянъ не за еретиковъ или схизматиковъ (ибо ихъ схизма исходитъ изъ невѣжества, а не изъ гордости, истиннаго корня схизмы), но я считаю ихъ за христіанъ, просто обманутыхъ. Поэтому я думаю, что отправиться на бесѣду съ ними не значитъ отправиться проповѣдывать имъ вѣру (дѣло, которое я никогда бы не помыслилъ взять на себя), но просто пойти увѣщать ихъ къ добродѣтелямъ, къ знаніямъ, къ свободнымъ искусствамъ. Когда эти послѣднія будутъ водворены, то легко будетъ убѣдить ихъ въ неправотѣ и заблужденіи,—и это будетъ дѣломъ другихъ, полныхъ добродѣтели и ревности. Кромѣ того, Москвитяне много лучше и способнѣе къ принятію милости Божіей, чѣмъ еретики. Они были лишь совращены Греками, которые ищутъ преобладанія и тягаются съ римскою Церковью—вопросъ, повидимому, скорѣе юрисдикціи, чѣмъ вѣры. Итакъ это предпріятіе было бы менѣе высоко, чѣмъ пойти проповѣдовать еретикамъ, какъ дѣлаютъ въ наши дни многіе, и не безъ плода. Кромѣ того, я надѣюсь, что продолжительные посты, смиреніе и терпѣливость этихъ простецовъ могутъ восполнить передъ божественнымъ величіемъ отсутствіе этихъ добродѣтелей въ увѣщевателѣ, потому-что, какъ я сказалъ, о. Поссевинъ самъ былъ склоненъ думать, что эти *poveretti* могли бы въ своей простотѣ и невѣдѣніи получить во-истину милость Господню и, наконецъ, потому, что все—въ щедрыхъ рукахъ Божіихъ. Если даже не принести теперь никакого плода, то, по крайней мѣрѣ, отсюда не выйдетъ никакого зла“.

Digitized by Google

Конечно, не могло бы быть программы ни болѣе ясной, ни лучше распредѣленной. Религіозная распря между Римомъ и Москвой, по искреннему убѣжденію Крижанича, истекаетъ изъ невѣжества. Итакъ онъ хочетъ бороться противъ невѣжества: церковное соглашеніе придетъ затѣмъ само собою, и онъ другимъ предоставляетъ заботу о немъ. Разъ установлены твердо эти принципы,—всѣ затрудненія, выдвинутыя Поссевиномъ, исчезаютъ какъ бы волшебствомъ. Нечего больше бояться, что искренніе православные смутятся некстати, — ибо Крижаничъ не будетъ говорить о религіи. Строгія мѣры противъ новаторовъ въ Церкви не коснутся его, потому что онъ разсчитываетъ пребывать при дворѣ. Нападеніямъ еретиковъ онъ противопоставитъ историческія книги, которыя конечно будутъ имѣть успѣхъ. Сомнѣнія въ святости нѣкоторыхъ лицъ, чтимыхъ въ Россіи,— неумѣстны. И, увлекаемый набожностью, онъ ставитъ рядомъ съ свв. Борисомъ и Глѣбомъ обоихъ митрополитовъ—Петра и Алексія, и Сергія Радонежскаго. Что касается національнаго обряда, то его совсѣмъ не надо мѣнять: напротивъ, слѣдуетъ сохранить его во всей чистотѣ, исправляя лишь ошибки, какія могли вкрасться въ богослужебныя книги. Крижаничъ былъ убѣжденъ, что послѣднему Русскіе легко подчинятся. Немного лѣтъ спустя, попытка патріарха Никона, *расколъ* (le *raskol*), вызванный ею, должны были жестоко обличить его оптимизмъ.

До сихъ поръ мы парили, вмѣстѣ съ Крижаничемъ, на высотахъ теорій и общихъ мѣстъ. Записка была бы неполна, если бы она не затрогивала практической стороны. И вотъ вся третья часть посвящена этого рода подробностямъ, и именно здѣсь открывается панславистъ, который, несмотря на предшествовавшія обѣщанія, снова становится миссіонеромъ.

Практическія средства, намѣченныя Крижаничемъ, сводятся къ слѣдующимъ. Прежде всего онъ желалъ имѣть входъ ко двору (ses entrées à la cour)—этимъ терминомъ онъ пользуется постоянно—или лучше быть прямо призваннымъ къ царю. Чтобы вызвать это приглашеніе, онъ хотѣлъ составить книгу по славянской церковной исторіи, въ которой „Поляки, Чехи, Москвитяне, Болгары, Черкасы [1], Хорваты, Босняки и другіе" являлись бы одни за другими; переводить назидательныя и ин-

[1] Крижаничъ употребляетъ итальянское слово Circassi для обозначенія Малороссовъ.

Digitized by Google

тересныя книги, какъ Monarchia Заморы [1] и Teatro del Monde [2]. Отправившись съ этимъ литературнымъ багажемъ въ Константинополь, или, еще лучше, въ Смоленскъ, онъ послалъ бы образцы его царю, съ посланіемъ, содержаніе котораго онъ намѣчаетъ такъ:

„Обращая мои взоры, говоритъ онъ, на лицъ нашихъ народовъ („de nos nations — (*sic*)"), упомянутыхъ выше, я не вижу нынѣ никого, кто бы равнялся въ величіи съ великимъ княземъ московскимъ (и это не ложно). Слѣдовательно, ему одному должно посвятить трудъ, гдѣ дѣло идетъ о религіи, войнѣ, мирѣ всей нашей націи, потому что онъ—величайшее лицо ея и можетъ отлично защитить и возвеличить честь ея. Поэтому же я рѣшилъ не служить никакому иному государю, кромѣ самаго достойнаго изъ нашихъ національныхъ государей. Я охотно употребилъ бы на службу ему сколько у меня есть ума и дѣятельности, и, хоть это очень мало, я надѣюсь тѣмъ не менѣе, что его свѣтлость и его милосердіе не оттолкнетъ меня. Я прибавлю, что, зная латинскій языкъ, языкъ народный (la langue vulgaire), испанскій, хорватскій, нѣмецкій и греческій, я могъ бы служить или въ переводчикахъ или въ учителяхъ, даже, если онъ соблаговолитъ, учителемъ его сыновей, которыхъ я и училъ бы этимъ языкамъ, или скорѣй, свободнымъ искусствамъ на ихъ родномъ языкѣ".

Когда онъ писалъ эти строки,—подозрѣвалъ-ли невѣдомый воспитанникъ коллегіи св. Аѳанасія неисчислимое значеніе мыслей, которыя онъ первый пускалъ въ свѣтъ? Предвидѣлъ-ли онъ будущее величіе Россіи и ея притягательную силу? Мы не смѣемъ утверждать этого; но во всякомъ случаѣ никто до него не высказалъ такъ ясно славянской солидарности и еще менѣе думали сдѣлать изъ Московскаго царя—борца и представителя національной чести. Въ XVII вѣкѣ это панславистское исповѣданіе вѣры обличаетъ въ сдѣлавшемъ его недюжинную смѣлость ума. Крижаничъ не сомнѣвался, что, по прочтеніи его посланій и его литературныхъ образцовъ, онъ будетъ вызванъ въ Кремль, и онъ уже обдумывалъ лучшіе способы заслужить благоволеніе государя.

---

[1] *Monarchia mistica de la Iglesia hecha de hieroglificos sacados de humanas y divinas letras*, composta por el P. F. Laurentio de Zamora Impressa in Barcelona, año 1608.

[2] Заглавіе слишкомъ неопредѣленно, чтобъ можно было точно сказать, о какомъ сочиненіи идетъ здѣсь рѣчь.

Digitized by Google

Для достиженія этой цѣли, одной филологіи было, конечно, мало.

„Касаясь языковъ лишь издалека, говоритъ Крижаничъ, надо бы особенно упражняться въ государственныхъ наукахъ, говорящихъ о религіи, мирѣ, войнѣ. И какъ я уже имѣю нѣкоторыя свѣдѣнія въ этихъ вещахъ, я надѣюсь усовершенствоваться въ нихъ посредствомъ чтенія. Свободными искусствами, даже самыми скромными, точно также не слѣдуетъ пренебрегать. Поэтому я уже перевелъ нѣсколько книгъ этого рода на языкъ хорватскій, чтобы быть въ состояніи, сдѣлавъ нѣкоторыя легкія измѣненія, воспроизвести ихъ на языкѣ московскомъ. Эти переводы, соразмѣрные моимъ слабымъ силамъ, объемлютъ поэзію, краснорѣчіе, ариѳметику, грамматику и нѣсколько книгъ духовнаго содержанія. Я попробовалъ также переводить вопросы совѣсти [1] и философію—и не нашелъ въ томъ большаго затрудненія... Но въ особенности математическія науки, по многимъ причинамъ, были бы мнѣ необходимы, хотя бы для того, чтобы доказать современемъ существующую необходимость въ исправленіи календаря и невѣжество Грековъ въ этомъ отношеніи... Что касается другихъ книгъ по исторіи, по литературѣ и духовныхъ, то я хотѣлъ бы выпускать ихъ столько, сколько смогу перевести, но съ разрѣшенія государя и съ просмотра епископовъ, никогда не касаясь споровъ религіозныхъ и говоря лишь о предметахъ полезныхъ и пріятныхъ. Что касается разсужденій политическихъ, то я не думаю ни переводить ихъ, ни пускать въ народъ; но все же постараюсь запастись ими и буду хранить ихъ у себя, чтобы пользоваться ими при совѣтахъ, которые мнѣ пришлось бы давать устно государю, и такимъ образомъ сохранить его благосклонность.“

Въ другомъ порядкѣ идей, но все время держа въ виду ту же цѣль, Крижаничъ предполагалъ написать похвалу царю московскому, въ прозѣ и въ стихахъ, а стихи эти, по счастливому нововведенію, были бы написаны размѣромъ латинскимъ. Извлекъ бы пользу и изъ театра, еще неизвѣстнаго въ Кремлѣ, и національные святые, а равно и государи, появились бы на сценѣ. Такими путями, не принимая должности, которая могла бы возбудить зависть, и даже подарки допуская лишь со строгою сдержанностью, Крижаничъ разсчитывалъ пріобрѣсти вліяніе, окру-

[1] Такъ (casus conscientiae) обозначались руководства нравственнаго богословія.

Digitized by Google

жить себя обаяніемъ, и только тогда онъ нанесъ бы рѣшительный ударъ.

„Пользуясь уже извѣстнымъ довѣріемъ у государя, говоритъ онъ, можно бы попросить у него разрѣшенія образовать нѣсколько конгрегацій, завести чтеніе молитвъ по четкамъ и въ опредѣленные сроки и говорить проповѣди-увѣщанія къ добродѣтели. Это могло бы привлекать много народа, по самой новости дѣла въ странѣ, гдѣ нѣтъ обычая проповѣди. При этомъ же случаѣ можно бы сначала объяснить, а потомъ напечатать способъ исповѣди, испытанія совѣсти, молитвы по четкамъ, stellario, вѣнецъ Спасителя, службу Богородицѣ, всякаго рода „умныя“ молитвы (méditations) и упражненія духовныя, ибо Московитяне очень склонны къ благочестію, и вещи такого рода, новыя и непривычныя, несомнѣнно понравятся имъ, лишь бы онѣ были первоначально одобрены епископами.

„Переводъ и печатаніе книгъ будутъ распредѣлены такимъ образомъ, что то издадутъ книгу со свѣтскимъ, то книгу съ духовнымъ содержаніемъ, постоянно чередуя такъ. Подъ именемъ книгъ духовныхъ (кромѣ набожныхъ) идутъ книги по церковной исторіи, трактатъ о церковныхъ нотахъ (les notes de l'Eglise), и другія подобныя, трактатъ о вопросахъ совѣсти и о нѣсколькихъ важнѣйшихъ богословскихъ вопросахъ. Надо будетъ также продолжать писать исторію государя и его времени. Если эти опыты ему понравятся, то его можно бы убѣдить послать когонибудь въ Венецію, чтобы купить и перевести другія книги. Святой престолъ могъ бы воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы послать письма и увѣщанія о соединеніи.

„Послѣ столькихъ обходовъ и околичностей, которые могутъ продолжиться четыре или пять лѣтъ или даже больше, сколько угодно будетъ Богу, надо будетъ, съ милостью Господней, проявить государю намѣреніе дѣйствительно истинное, и во-первыхъ поблагодарить его за милость, восхвалить его добродѣтели, увѣщевать его воевать противъ Турокъ, общихъ враговъ христіанства, напомнить ему, что по пророчествамъ никто какъ онъ будетъ побѣдителемъ Оттомановъ, и это ему тѣмъ легче, въ сравненіи со всякимъ другимъ государемъ, что Греки, которые одного съ нимъ обряда, придутъ на помощь ему, возмутясь противъ Турокъ. И Болгары, Сербы, Босняки, Валахи, Богданцы охотно сдѣлаютъ то же изъ любви къ государю ихъ языка и народности. Еще другія убѣжденія можно привести, чтобы склонить къ столь великому дѣлу. И если онъ плѣнится этою сла-

Digitized by Google

вой, тогда прибавить, что его вассалы не могутъ быть достаточны для того безъ поддержки государей западныхъ, потому что Москвитяне не умѣютъ изготовлять оружія съ тѣмъ же совершенствомъ, какъ католики. Что поэтому, если ему угодно, пусть отправитъ меня къ этимъ католическимъ государямъ, и, несомнѣнно, онъ получитъ отъ нихъ ремесленниковъ, помощь и совѣты. Но для этого существенно важно заключить съ ними напередъ союзъ религіозный. И такъ надо будетъ просить государя допустить обсужденіе и приказать изслѣдовать истину, въ цѣляхъ соединенія. Впрочемъ, соединеніе будетъ всегда необходимо, даже если бы онъ побѣдилъ Турокъ, потому что ему нельзя будетъ никогда жить въ мирѣ съ католическими государями, пока онъ будетъ исповѣдовать религію, отличную отъ ихъ религіи.

„И когда дойдутъ до этого, когда пойдетъ вопросъ о соединеніи, тогда милосердый Господь да соблаговолитъ все направить къ Своей славѣ и къ Своей чести!“

Послѣднія строки записки открываютъ конечную цѣль, которую себѣ ставилъ Крижаничъ, его самыя тайныя надежды и истинныя побужденія, которыми онъ вдохновлялся. Онѣ объясняютъ также кажущіяся противорѣчія его поведенія и, въ различныя эпохи его жизни, его странные пріемы. Этотъ человѣкъ, который кажется поглощеннымъ свѣтскими науками, высшею политикой и національными соперничествами, думаетъ главнымъ образомъ только о соединеніи Церквей; но, рабъ своей собственной программы, вмѣсто того, чтобъ идти прямо къ цѣли онъ беретъ обходные пути, идетъ впередъ и возвращается назадъ, и снова заносится, съ рискомъ запутаться окончательно. Если самъ онъ избѣгъ этого несчастія, то историки его, конечно, были сбиты съ толку его пріемами. Не разъ спрашивали себя, былъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ миссіонеромъ въ Москвѣ, или простымъ народнымъ агитаторомъ, добровольнымъ агентомъ, великимъ сѣятелемъ идей, пожинавшимъ лишь разочарованія? Отнынѣ, благодаря запискѣ 1641 года, этотъ пунктъ можно считать окончательно разъясненнымъ.

Другіе документы римскаго происхожденія подтверждаютъ толкованіе данное выше. Рукоположенный во священники въ 1641 году, служивъ въ первый разъ обѣдню въ храмѣ Св. Петра въ

Digitized by Google

1642 году [1], онъ совершилъ въ Россію путешествіе, подробностей о которомъ нѣтъ у насъ. Римъ увидѣлъ его снова около 1656 года, столь же бѣднымъ и лишеннымъ средствъ, какимъ онъ былъ прежде, но возбужденнаго все тѣмъ же жаромъ, работающаго безъ устали надъ своимъ дѣломъ по своему первоначальному плану. Онъ привезъ изъ Россіи много книгъ, и тотчасъ принялся за переводъ ихъ [2]; но удручаемый бѣдностью, онъ увидѣлъ себя въ необходимости обратиться къ Пропагандѣ съ прошеніемъ о жалованьѣ. Онъ предлагалъ въ обмѣнъ свое перо и свое слово.

1 октября 1657 года докладъ по этому предмету былъ представленъ конгрегаціи ея секретаремъ, и присутствовавшіе члены высказали свое мнѣніе. Монсиньоръ Массори объявилъ, что Крижаничъ никогда не доходилъ до самой столицы Московіи, что, дѣйствительно, очень вѣроятно. Онъ отнесся къ нему, какъ къ человѣку, способному только путать и экстравагантному (brouillon et extravagant), на котораго нельзя разсчитывать. Докладчикъ присоединился къ этому мнѣнію, назвавъ его правдоподобнымъ. Въ видѣ поправки онъ прибавилъ, что Крижаничъ много написалъ противъ заблужденій, распространныхъ между Славянами, что онъ охотно берется за это дѣло, что онъ привезъ изъ своихъ путешествій книги „схизматическихъ еретиковъ“, неизвѣстныя въ Римѣ, и что утверждалъ свою готовность опровергнуть ихъ. Кардиналъ Бранкаччи засвидѣтельствовалъ, что онъ разсмотрѣлъ его работы, и воздалъ имъ похвалу, которая впослѣдствіи была поддержана Лукой Анстеміо.

Между тѣмъ о прошеніи Крижанича замолчали и какъ бы забыли бѣдственное положеніе его. Чтобы скромно напомнить о немъ, онъ поднесъ Пропагандѣ книгу своего сочиненія о „Музыкальныхъ пропорціяхъ“, съ просьбой препроводить ее папѣ. Его желаніе было исполнено 26 января 1658 года. Все же на папской аудіенціи секретарь Пропаганды не счелъ нужнымъ скрывать своихъ опасеній. Чтобы дать Крижаничу средства къ

---

[1] При этомъ случаѣ Крижаничъ искалъ позволенія принять восточный обрядъ и употреблять славянскій языкъ. Неизвѣстно, въ какомъ смыслѣ данъ былъ отвѣтъ ему.

[2] Плодомъ его работъ была обширная компиляція подъ заглавіемъ Biblioteca schismaticorum universa. Первый томъ хранится въ Римѣ, въ библіотекѣ de la Minerve (XX, II, 19). Тамъ есть нѣсколько датъ напримѣръ на стр. 318: Anno 1656, aug. 15 interprete Georgio Crisanio.

Digitized by Google

существованію, его назначили миссіонеромъ въ Москву, но сильно опасались, что предпріятіе не будетъ имѣть желаемаго успѣха, и опасеніе это было искренно выражено папѣ. Александръ VII хорошо зналъ положеніе дѣла. Патеръ Виргилій и еще другіе говорили ему уже о неутомимомъ хорватскомъ труженикѣ. Онъ отмѣнилъ рѣшеніе и, предпочитая держать Крижанича въ Римѣ, назначилъ ему скромную пенсію, шесть скуди въ мѣсяцъ, съ приказаніемъ продолжать полемическіе труды. [1]

Рѣшеніе это, какъ ни было оно согласно съ желаніемъ просителя, не успокоило его пыла и не измѣнило ни въ чемъ его предпріимчивости. Онъ поддался первому дуновенію искушенія. Въ это время распространились смутные слухи объ открытіи курса философіи въ Москвѣ; они дошли до Крижанича. Тотчасъ же онъ упросилъ доложить папѣ, что врема было бы благопріятно для отправки посла, и вызывался слѣдовать въ качествѣ переводчика. Отвѣтъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ уклончивъ. Александръ VII не хотѣлъ торопиться и полагался на ходъ событій. Крижаничъ безъ труда понялъ, что въ его виды не входятъ, и, повинуясь лишь своей ревности, прельщенный призракомъ философской каѳедры, поѣхалъ въ Москву, къ концу 1658 года, не спрашивая ни у кого совѣта. Снабженный уже полномочіями для первой своей миссіи, онъ думалъ, что ихъ достаточно и для второй, и такимъ образомъ предполагалъ заранѣе согласіе Пропаганды. [2]

На этотъ разъ онъ доѣхалъ до Москвы. Кремль открылъ ему свои ворота, и вновь прибывшій былъ нѣкоторое время въ славѣ. Главные бояре: Морозовъ, Ордынъ-Нащокинъ, Репнинъ—хорошо приняли его. Его слушали съ интересомъ, равнымъ тому удивленію, которое возбуждали его рѣчи. Онъ возвѣщалъ намѣреніе писать грамматику, исторію русскаго народа, обличеніе на иностранцевъ, но не проронилъ ни слова о религіи. Программа 1641 года того требовала, и онъ совсѣмъ не хотѣлъ измѣнить ей. Но всѣ эти предосторожности не могли укрыть его отъ подозрѣній. Дошло до того, что предложили ему перекреститься,

[1] Документы отъ 1 октября 1657 года и отъ 26 января 1658 напечатаны въ Archiv für slavische Philologie, 1882, т. VI, стр. 121. Оригиналы находятся въ Архивѣ Пропаганды: Acta, годъ 1657, стр. 455, № 7; Acta, годъ 1658, стр. 24; № 2.

[2] Эти свѣдѣнія даетъ самъ Крижаничъ. См. докладъ Пропаганды отъ 13 апрѣля 1682 года, напечатанный въ *Русской Старинѣ*, декабрь 1892 годъ, стр. 464.

Digitized by Google

что онъ отвергъ съ ужасомъ. Должно быть, произошли и другіе случаи, несомнѣнно важные, потому что 20 января 1661 смѣлый новаторъ былъ, по приказу царя Алексѣя Михаиловича, отправленъ въ Сибирь, въ Тобольскъ. Это изгнаніе дало намъ замѣчательные труды, изъ коихъ только часть напечатана. Несчастный Хорватъ былъ помилованъ лишь въ 1676 году, съ восшествіемъ на престолъ Ѳеодора.

Два слѣдующіе года Крижаничъ, повидимому, провелъ въ Польшѣ и Литвѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ въ Литвѣ вступилъ, въ 1678 году, въ орденъ св. Доминика. По обычаю, онъ измѣнилъ имя, надѣвая монашеское платье, выбралъ себѣ имя Августина и, послѣ обычныхъ испытаній, произнесъ обѣтъ. Но это была не такая натура, чтобы вынести монастырскую жизнь. Едва протекло четыре года съ принятія его, какъ вся провинція была взволнована его странными притязаніями. Вспомнивъ кстати, что онъ у св. Аѳанасія поклялся не идти въ монахи, онъ вздумалъ доказывать юридически ничтожность своего монашескаго обѣта и требовалъ освобожденія отъ него. Онъ обратился съ этой цѣлью не только къ начальству ордена, но и къ варшавскому нунцію, Опиціо Паллавичини, архіепископу Ефесскому. Этотъ заинтересовался его судьбой и послалъ провинціалу Литвы письмо, въ которомъ хвалилъ сочиненія о. Августина, призывалъ къ особой мягкости и милости въ его пользу и совѣтывалъ подвергнуть сужденію Рима сомнѣнія о его обѣтѣ. Это письмо, неизвѣстно какъ, попало въ руки главнаго заинтересованнаго лица. Тотчасъ онъ сообщилъ его монсиньору Чибо (Cybo), секретарю Пропаганды, и самой конгрегаціи. И, не ожидая отвѣта, не спрашивая разрѣшенія, онъ далъ обѣтъ отправиться ad limina, чтобы дать тамъ отчетъ въ своихъ двухъ московскихъ путешествіяхъ и представить новые образцы своихъ книгъ. Вернуться въ Римъ было теперь господствующей его мыслью; онъ ничего не жалѣлъ, чтобы получить эту милость; онъ изливался въ извиненіяхъ и просилъ прощенія.

13 апрѣля 1682 года Пропаганда разсматривала это дѣло. Кардиналъ Казанати былъ докладчикомъ. Факты, уже извѣстные читателю, были кратко изложены, и къ этому постарались прибавить, что, наставленный восемнадцатилѣтнимъ опытомъ, о. Августинъ, полагаетъ, что можетъ дать лучшія увѣренія въ легкости распространить вѣру въ Московіи. Эти слова должны были произвести впечатлѣніе. Съ посольства маіора Menzies de Pitjodels, посланнаго съ Ринхуберомъ въ 1672 году, къ Клименту

Digitized by Google

XI, интересъ къ Сѣверу все возрасталъ, и жалѣли, что не имѣютъ достаточно свѣдѣній. Представлялся прекрасный случай получить новости изъ первыхъ рукъ; отчего не воспользоваться имъ? Но напередъ надо было дать мнѣніе объ обѣтѣ Крижанича. Монсиньоръ Чибо считалъ его имѣющимъ силу, ибо, по буллѣ Урбана VIII, клятва воспитанниковъ св. Аѳанасія ограничена тремя годами, послѣ чего всякій изъ нихъ свободенъ слѣдовать своему призванію. Онъ прибавилъ, что слѣдовало бы, такимъ образомъ, переговорить объ этомъ дѣлѣ съ генераломъ доминиканцевъ и что съ его согласія можно бы вызвать о. Августина въ Римъ и извлечь пользу изъ его знаній [1].

Здѣсь останавливаются наши свѣдѣнія о Крижаничѣ. Неизвѣстно, какая была его дальнѣйшая судьба и какой край земли послужилъ ему могилой. Странная насмѣшка судьбы! Этотъ Хорватъ, который въ своей молодости только и мечталъ, что о восточномъ обрядѣ и о пребываніи въ Москвѣ, является на закатѣ своей жизни въ бѣлой одеждѣ латинскаго монаха, со взглядомъ обращеннымъ къ Вѣчному городу, но съ сердцемъ все преисполненнымъ любовью къ братьямъ по племени.

---

[1] Оригиналъ въ архивѣ Пропаганды: Acta sacrae Congregationis de propaganda fide, годъ 1682, стр. 129, № 28.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

---

1) Отрывки изъ воспоминаній. [1]

II.

К. Ф. Рулье.

Карла Францовича Рулье я зналъ съ моего дѣтства; помню, какъ онъ пріѣзжалъ къ намъ въ деревню молодымъ, красивымъ полковымъ медикомъ; какъ теперь вижу его: тоненькій, стройный, въ военной формѣ, съ постоянною шуткой и улыбкой на толстыхъ губахъ, съ курчавыми, какъ у античнаго фавна, черными волосами. Онъ убѣдилъ отца перевести меня изъ Ярославскаго лицея, непремѣнно, въ Московскій университетъ; дружеское, длинное письмо Рулье къ моему отцу объ этомъ, писанное на бланкѣ Общества Естествознанія, необыкновенно теплое, цѣло у меня; я храню его, какъ святыню. Уже студентомъ я бывалъ,—сожалѣю, не часто,—у Карла Францовича. Жилъ онъ со старушкою-матерью и двумя молодыми дѣвушками-племянницами; при квартирѣ его у Бутырской заставы былъ, помню, садикъ съ цвѣтами, за которыми ухаживали дѣвушки и самъ Карлъ Францовичъ; на дворѣ разгуливали голуби. Съ этой квартиры Рулье съ семьей переѣхалъ куда-то къ Тверской заставѣ, въ сосѣдство постоялыхъ ямскихъ дворовъ. У самаго его дома вскорѣ избралъ себѣ мѣсто калачникъ съ своимъ лоткомъ и сбитнемъ. Карлъ Францовичъ любилъ посидѣть съ сигарою въ лѣтній вечеръ на лавочкѣ у дома и подружился съ калачникомъ. Замѣтивъ, что калачника зовутъ пріятели пить чай

---

[1] См. *Русское Обозрѣніе* № 1.

Digitized by Google

въ трактиръ, Рулье обращался къ нему обыкновенно со слѣдующимъ предложеніемъ: „Вы, почтенный-любезный (поговорка К. Ф.), не стѣсняйтесь, идите пить вашъ чай, я посижу тутъ и буду продавать отлично калачи и сбитень. Вы сколько берете за стаканъ? Цѣну калачей я слышалъ. Меня не обойдутъ, и я васъ не надую.“ Калачникъ съ благодарностью принималъ услуги К. Ф. и уходилъ. „Какъ же ты сбитень-то и калачи оставилъ?“ спрашивали въ трактирѣ пріятели. „У меня тамъ профессоръ, дай Богъ здоровья,—тутъ живетъ,—торгуетъ,“ пресеріозно отвѣчалъ сбитеньщикъ. Возвратясь изъ трактира, калачникъ провѣрялъ своего волонтера-уполномоченнаго и, замѣтя иной разъ слѣпой трешникъ, выговаривалъ, что въ покупателяхъ—всякій народъ есть, слѣдуетъ быть поосторожнѣе. Профессоръ, сдавъ кассу и подробный отчетъ за время отсутствія хозяина, преспокойно уходилъ и усаживался за семейный чай или за свои ученыя занятія.

Писалъ К. Ф. статьи для журнала, рѣчь для годичнаго университетскаго акта, отвѣтъ на возраженіе ему какой-нибудь европейской знаменитости, извѣстіе о геологическомъ открытіи, сдѣланномъ имъ между прочимъ,—воротясь изъ клуба, съ пріятельскаго ужина или обѣда, грызя миндаль или орѣхи, всегда имѣвшіеся въ его жилетномъ карманѣ; писалъ онъ прямо на-бѣло необыкновенно быстро, иногда отправляя по страницамъ въ типографію.

Въ его фигурѣ (несмотря на то, что онъ послѣ страшно растолстѣлъ), лицѣ, съ черными, живыми, умными глазами, курчавыхъ волосахъ, въ манерахъ, даже въ повязанномъ небрежно бѣломъ галстукѣ—было что-то необыкновенно изящное, простое, привлекательное и располагающее сразу всякаго. Онъ былъ привѣтливъ со всѣми, начиная отъ сторожа до ректора, но никто не умѣлъ такъ отдѣлать, уничтожить противника, какъ Рулье съ его французскимъ вѣжливымъ и добродушнымъ юморомъ. Однажды, въ дружескомъ домѣ за ужиномъ, гдѣ были и математики, и естествоиспытатели, и медики и военные, какой-то военный академикъ предлагалъ математикамъ при вычисленіяхъ употреблять разноцвѣтные карандаши. Академикъ доказывалъ долго (такъ что надоѣлъ всѣмъ), какъ это практично и какъ облегчаетъ выкладки. Съ этого разговора перешли на медицину, заговорили о простонародныхъ средствахъ и, въ числѣ ихъ, о лѣченіи разными, такъ-называемыми тогда, „симпатическими“ средствами.

— Вотъ объясните, напримѣръ,—заговорилъ тотъ-же воен-

Digitized by Google

ный,—желчную лихорадку вылѣчиваютъ слѣдующимъ образомъ: надобно взять живую щуку, и больному смотрѣть на нее до тѣхъ поръ, пока она не заснетъ. Лихорадка проходитъ тотчасъ-же, мгновенно.

— Это, почтенный-любезный, ужь потрудитесь вы намъ объяснить разноцвѣтными карандашами, — замѣтилъ пресеріозно К. Ф., выслушавъ предложеніе военнаго лѣчить желчную лихорадку щукой.

Добръ былъ Рулье до того, что по дорогѣ изъ университета домой послѣ полученія жалованья нерѣдко раздавалъ половину встрѣчавшимся бѣднякамъ, выдавая изъ жилетнаго кармана, въ которомъ всегда носилъ деньги, не глядя, первую попавшуюся ассигнацію. На вопросы старушки-матери: гдѣ же остальныя? онъ отвѣчалъ: „Mais, que sais je... Je crois c'est tout ce que j'ai recu (не знаю; кажется это все, что я получилъ)". Старушка махала рукой, зная хорошо своего Charl'я.

Иногда, засидясь въ кофейной Печкина или въ Британіи за новою книжкой журнала или за интересною статьей въ газетѣ, онъ посылалъ въ университетъ половаго съ запиской, что читать сегодня не можетъ. Многіе объясняли это тѣмъ, что Рулье выпилъ,—но это могли говорить только люди не имѣвшіе понятія о Рулье. Онъ любилъ посидѣть, поболтать за стаканомъ, но никогда никто не видалъ его въ неприличномъ видѣ.

— А вы меня совсѣмъ забыли, почтенный-любезный, обратится-бывало Рулье съ упрекомъ, встрѣтившись со мною въ университетѣ.

— Все какъ-то некогда, Карлъ Францовичъ, отвѣтишь по обыкновенію.

— Я знаю... Не досугъ. Ну, ничего, молодость. Только посѣщайте лекціи и не кидайте, ради Бога, университета.

Боясь утомить читателя, я ограничусь этимъ. О Рулье, кажется, говори день—не наговоришься. Такая была это обаятельная, милая и дорогая не по одному великому таланту личность!

III.

Т. Н. Грановскій на экзаменахъ.

Разскажу о Грановскомъ на экзаменахъ. Тимоѳей Николаевичъ никому не ставилъ меньше четырехъ. Пять съ плюсомъ, пять и четыре—были единственными баллами, употреблявшимися

Digitized by Google

Т. Н. для опредѣленія степени нашихъ очень скромныхъ историческихъ познаній.

Со мною былъ студентомъ сынъ одесскаго банкира П., племянникъ знаменитаго Ш. Онъ перешелъ въ Москву изъ Ришельевскаго Лицея. Проживая десятки тысячъ въ годъ, П. проводилъ время за картами и на балахъ у московскихъ купцовъ-банкировъ (нѣкоторые были даже сродни ему), и пріѣзжалъ въ университетъ раза два въ недѣлю, до или послѣ завтрака съ шампанскимъ гдѣ-нибудь у Шевалье или въ Роше-де-Канкаль. По-русски онъ говорилъ довольно бойко, но неправильно.

Былъ экзаменъ изъ всеобщей исторіи.

— Господинъ П., раздался голосъ Тимоѳея Николаевича, когда по алфавиту дѣло дошло до банкира.

П. вышелъ, взялъ билетъ и отошелъ „обдумывать“—тогдашнее студенческое выраженіе. Предшествующій студентъ кончилъ. П. подошелъ къ столу.

— „Магометъ и первыя попытки мусульманской проповѣди“,— прочелъ онъ свой билетъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Прекрасно... Не угодно-ли? вѣжливо, по обыкновенію, съ мягкимъ поклономъ обратился къ нему Грановскій.

— Магометъ,—началъ, запинаясь, дрожащимъ голосомъ П.— Магометъ... былъ... замѣчательнѣйшій реформаторъ... Онъ имѣлъ необыкновенный... Ausdauer. И потомъ онъ распространилъ вездѣ съ большою энергіей свою религію...

— Это такъ, совершенно вѣрно. Вы разскажите, гдѣ онъ началъ первоначально свою проповѣдь,—перебилъ, кусая губы, чтобы не разсмѣяться, Т. Н.

— Онъ начиналъ прямо въ Турціи и потомъ... потомъ на Мессопотаміи, въ Палестинѣ, и оттуда убѣжалъ съ своею женой въ Мекку и Медину.

— Довольно,—перебилъ Т. Н. — Вашимъ отвѣтомъ вы намъ открываете совершенно новые горизонты на этотъ очень важный и неразслѣдованный періодъ средневѣковой исторіи. Очень вамъ благодаренъ,—прибавилъ Грановскій, ставя обычную четверку отиравшему потъ со лба Колумбу исторической науки.

Удивительнѣе всего было то, что П. самъ былъ очень доволенъ своимъ отвѣтомъ.

— При моемъ плохомъ знаніи этого проклятаго русскаго языка я все-таки, господа, вы слышали, отвѣчалъ весьма порядочно.

Digitized by Google

IV.

Острота Г. И. Сокольскаго.

Вспоминается мнѣ острота Григорія Ивановича Сокольскаго, профессора психіатріи, извѣстнаго своими остроумными лекціями. Я когда-нибудь поговорю о нихъ особо.

Былъ юбилей знаменитаго Фишера-фонъ-Вальдгейма. Множество каретъ стояло на дворѣ Стараго университета; жандармы, полиція, толпа народа, недоумѣвающая, что̀ такое въ университетѣ. Григорій Ивановичъ стоялъ почему-то у воротъ въ своей неизмѣнной синей съ красною подкладкой шинели; шляпа, какъ всегда, на затылкѣ, очки съѣхали почти совсѣмъ внизъ. Мимо проѣзжала въ каретѣ одна старушка, его знакомая. Велѣвъ кучеру остановиться, барыня обратилась къ стоявшему Сокольскому съ вопросомъ:

— Григорій Ивановичъ, что это, батюшка, у васъ, въ университетѣ?

— Мыши кота погребаютъ, — отвѣчалъ совершенно серіозно Григорій Ивановичъ, приподнявъ шляпу и глядя сверхъ очковъ на свою знакомую.

V.

Неизданное стихотвореніе М. А. Стаховича.

Закончу присланными мнѣ стихами покойнаго Михаила Александровича Стаховича, автора живой и безсмертной сцены „Ночное“. Вотъ они:

Отъ студентовъ Московскаго университета адмиралу Нахимову.

Въ ноябрѣ открывши Святцы,
Вспомнимъ мы Синопскій бой:[1]
Нашъ Платонъ Степанычъ[2], братцы,
Братъ Нахимова родной.

---

[1] 18-го ноября—день Синопскаго боя.

[2] П. С. Нахимовъ—извѣстный инспекторъ студентовъ Московскаго университета сороковыхъ годовъ. См. о немъ *Русское Обозрѣніе* 1895 года, №№ 3 и 4 (въ посмертныхъ воспоминаніяхъ Н. П. Колюпанова „Изъ прошлаго“) и № 10 („Листки изъ записной книжки“ К. А.). *Ред.*

Digitized by Google

Здравствуй, адмиралъ почтенный,
Богатырь и молодецъ!
Дядя! Братъ твой незабвенный
Былъ студенческій отецъ.

Мы по немъ тебѣ родные,
Благодарны за него:
Ты напомнилъ всей Россіи
Имя доброе его.

Всякъ изъ насъ и днемъ, и на ночь
Васъ въ молитвѣ помянетъ:
Нашъ въ тебѣ Платонъ Степанычъ
Вѣчной славою живетъ.

Михаилъ Александровичъ Стаховичъ.

Н. Ч.

2) К. Н. Леонтьевъ—К. А. Губастову.

(1881 годъ).

XIX.

Москва, 14 мая 1881 года.

Когда мнѣ теперь приходится писать друзьямъ моимъ, самымъ искреннимъ и добрымъ, я дѣлаю это неохотно: я чувствую, что еще свиданіе со мною можетъ доставить какую-то слабую тѣнь прежняго удовольствія; но письма мои? что они могутъ дать теперь, когда они всѣ наполнены дѣловыми интересами или просьбами!... Я думаю, что какъ бы ни былъ самъ человѣкъ занятъ практическими дѣлами, все-же отъ другаго ему хотѣлось-бы получать письма живыя, интересныя, сердечныя или очень остроумныя, а не такія, каковы мои теперь. Я думаю, что есть какой-то предѣлъ, какая-то черта, за которою несчастіе перестаетъ внушать участіе, а скорѣе возбуждаетъ скуку и отвращеніе... Мнѣ часто кажется, что я уже перешелъ за эту черту... Но послѣдняя моя поѣздка въ Петербургъ нѣсколько оживила меня, несмотря на то, что не дала никакихъ немедленныхъ результатовъ... Я убѣдился, что друзья меня еще не забыли и не тяготятся мною.— Благодарю Бога и вижу во всемъ этомъ Его волю, и карающую, и милующую!..

Digitized by Google

По пріѣздѣ моемъ въ Москву я отдохнулъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень много занялся по службѣ. . Набралось сразу дѣла много... Кудиново, повидимому, еще на годъ спасено, хотя подробностей о перезалогѣ я еще не имѣю... Съ домохозяевами, мировыми судьями и К° кое-какъ перебиваюсь, хотя и съ великою скорбью.—Думаю 22-го мая отправить жену и Варю въ деревню, чтобы было меньше заботъ, сюрпризовъ всякихъ мелкихъ и т. п... Останусь съ Николаемъ и Таисой [1],— проще... и досужнѣе.—Заниматься большая охота; только всѣ эти проценты, векселя и дѣловая переписка ужасно отвлекаютъ меня... Жду Мар. Влад. [2] на нѣсколько дней для совѣщаній. Брошюрку покупаютъ, хотя и не такъ горячо, какъ бы слѣдовало... Позаботились бы вы, мой другъ, вмѣстѣ съ Н. Як. Соловьевымъ еще объ объявленіяхъ гдѣ-нибудь... Этотъ Ѳ. Н. Бергъ—хоть и любитъ меня, но вы его знаете — чтобы не забылъ обѣщанія относительно *Нивы*. Главное—*подумайте объ Игнатьевѣ*; онъ только бы захотѣлъ... Надо-бы только пробуждать въ немъ болѣе мысль о моей пригодности и даже о моей въ нѣкоторомъ отношеніи, пожалуй, незамѣнимости, чѣмъ какое-нибудь вовсе несвойственное ему чувство соболѣзнованія къ моему затруднительному положенію.

Ну, да вы сами это знаете! Вообразите себѣ, петербургскія хлопоты до того сбили меня съ толку, что я вѣдь *потерялъ* книжку *Византизмъ и Славянство*, которую вы мнѣ дали для того, чтобы не смять брошюрку. Не оставилъ-ли я ее *на верху* въ Главномъ Управленіи по Дѣламъ Печати? Внизу у швейцара нѣтъ... Очень это мнѣ больно!

Не разсердился-ли на меня Ф., хотя немного, за то, что я не остался еще на день для свиданія съ нимъ? Если бы вы побывали у него? *Вдвоемъ* вы оба, при искренности вашего участія и при дѣятельномъ характерѣ обоихъ, можете больше, нежели кто-нибудь. Пожалуйста, другъ мой, дѣйствуйте за одно съ нимъ въ мою пользу.

Я видѣлъ М. Гавр. Неклюдову; она всего лишилась, и Адлербергъ ей ничего не помогъ. Ея положеніе еще хуже моего. Я сидѣлъ у нея вчера цѣлый вечеръ, и мнѣ ее ужасно жалко. Она очень мужественно относится къ своему положенію и говоритъ, что эти вещественныя бѣдствія—ничто сравнительно съ тѣмъ,

---

[1] Слугами. *Ред.*

[2] Племянницу. *Ред.*

Digitized by Google

что *мужа ужъ нѣтъ на свѣтѣ!* Вотъ это—любовь... Она меня ужасно тронула, и я ее такъ понимаю! Мы были съ нею одни. Вѣрочка и Ел. Гавр. были въ гостяхъ.

Николай мой очень тронутъ вашимъ вниманіемъ—онъ самъ пишетъ вамъ.

Сейчасъ подали мнѣ ваше письмо. Благодарю васъ. Вы правы. Третьяковъ отказалъ въ деньгахъ для Петербурга; я отчасти самъ радъ, съ точки зрѣнія спокойствія.

Ядовитыя замѣтки *Голоса* не помѣшаютъ помѣщенію объявленій *за деньги*. Пусть отъ *моего имени* Н. Як. Соловьевъ съѣздитъ еще къ Комарову (на Литейной, противъ дома Св. Синода), съ просьбой помѣстить еще *6 разъ* объявленія *даромъ*... Онъ это сдѣлаетъ съ удовольствіемъ; или *сами удостойте* мимоходомъ. Онъ и васъ и Н. Як. Соловьева приметъ прекрасно *отъ моего* имени. Игнатьеву я буду писать *вообще*...

Здѣсь кое-что замазали и заштопали, но далеко еще до возможности свободно заниматься... Вотъ сегодня могъ бы... Но все утро потратилъ на это письмо къ вамъ и къ другимъ, чтобы не *забывали*... *Простите! Всѣхъ* сталъ бояться!.. Какое нехорошее чувство!..

Адресъ Н. Я. Соловьева: Пески. Кавалергардская улица, домъ № 20-й, квар. № 40-й.

Выручайте, выручайте, друзья; а то очень плохо! Пока я желаю только одного, чтобы меня оставили бы *здѣсь*, но поскорѣе прибавили бы мнѣ жалованья... Это, конечно, Игнатьевъ можетъ *приказать* просто.

Брошюрка здѣсь пошла порядочно, только теперь деньги беретъ себѣ типографія Погодина; мнѣ уже много выдали экземпляровъ; по окончаніи расплаты—опять кое-что я возьму. Впрочемъ, немного. Но восхищаются ею многіе.

XX.

Москва. 28 мая, 1881.

Пишу вамъ, милый мой Константинъ Аркадьевичъ, вовсе на этотъ разъ не по своему дѣлу, а по чужому... У насъ въ Цензурномъ Комитетѣ случилось недавно вотъ что. Почтенный нашъ цензоръ Никотинъ, заслуженный и опытный человѣкъ, пропустилъ для

Digitized by Google

каррикатурнаго журнала *Свѣтъ и Тѣни* рисунокъ, который въ *черновомъ* экземплярѣ, *представляемомъ по обычаю* въ Комитетъ, былъ довольно невиненъ, а на-бѣло, передъ публикой явился *въ видѣ висѣлицы* и *солдатъ со штыками* (въ солдатъ этихъ переродились простыя *буквы*, а въ висѣлицу *перья*). Заглавіе гласило: „Наши орудія для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ!“ Подлую редакцію за этотъ обманъ наказали 6-мѣсячнымъ прекращеніемъ; но мы всѣ, сослуживцы Никотина, боимся, чтобы безтолковый и горячій князь Вяземскій не вздумалъ удалить его въ отставку, тогда какъ онъ положительно не виновенъ. Черновой рисунокъ посланъ въ Петербургъ, и всякій долженъ понять, что цензоръ тутъ ни въ чемъ не виноватъ... А между тѣмъ у насъ есть свѣдѣнія о значительномъ противу Никотина раздраженіи свыше.

Впрочемъ, мы всѣ какъ могли похлопотали за него: предсѣдатель Кожуховъ просилъ Каткова, и Катковъ написалъ, и я писалъ Ф. Теперь пишу вамъ. Не можете-ли вы, именно какъ человѣкъ сторонній, найти случай подѣйствовать на Игнатьева? Игнатьевъ—вѣдь никогда не любилъ гнать и притѣснять своихъ чиновниковъ. Вообразите, что вдобавокъ самъ Никотинъ въ отпуску, въ деревнѣ, страдаетъ опасною болѣзнью сердца и лѣчится. Онъ, кажется, еще и не знаетъ о грозящей ему опасности. Мы всѣ и его очень жалѣемъ, и за себя опасаемся. Что бы это былъ за прецедентъ!

Теперь два слова о книжкѣ—что же въ *Голосѣ* не печатали объявленіе на 10—14 руб., которые у васъ? Я не знаю, отчего жъ это Соловьевъ не зашелъ ихъ взять съ этой цѣлью? А если онъ вовсе не зайдетъ, потрудились бы вы ужъ сами мимоходомъ *прямо въ контору Голоса*, внизу съ *Бассейной*, заѣхать и заказать. Я потому не особенно стыжусь друзей безпокоить, что почти весь доходъ съ книжки отдаю Мар. Влад. Это для нея сдѣлайте. А если *Голосъ по тенденціи* не приметъ, то пошлите деньги *Калужской губ. въ гор. Козельскъ*, домъ *Матвѣевой*, *М. В. Леонтьевой*. Но это надо сдѣлать скорѣе, ибо она со дня-на-день собирается *сюда* недѣли на двѣ. Игнатьеву послалъ письмо. Не знаю, понравится ли оно ему. Обнимаю васъ

Вашъ К. Леонтьевъ.

Digitized by Google

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

26-го декабря въ нашемъ Большомъ театрѣ состоялось первое представленіе оперы Э. Ф. Направника *Дубровскій*, годомъ раньше поставленной на сценѣ Маріинскаго театра въ Петербургѣ. Обыкновенно мы не пропускаемъ постановокъ новыхъ русскихъ оперъ въ Петербургѣ, но въ прошломъ году нездоровье помѣшало намъ съѣздить туда по этому поводу, и потому мы даемъ о *Дубровскомъ* запоздалый отчетъ уже по московскому исполненію; впрочемъ, на послѣднихъ репетиціяхъ присутствовалъ и первыми двумя представленіями дирижировалъ самъ авторъ, Э. Ф. Направникъ, такъ что все было, значитъ, выполнено согласно его желаніямъ и намѣреніямъ.

Сейчасъ мы называли Э. Ф. Направника, но это не совсѣмъ вѣрно; по крайней мѣрѣ, онъ—авторъ не единоличный, и необходимо упомянуть о либреттистѣ М. И. Чайковскомъ. Еще очень недавно въ языкѣ театральныхъ афишъ отводилось первое мѣсто либреттисту, какъ автору оперы, а затѣмъ уже слѣдовалъ композиторъ; намъ немного лѣтъ назадъ случалось видѣть на московскихъ афишахъ слѣдующее, напримѣръ: „*Жизнь за Царя*, опера, соч. барона Розена," а потомъ на слѣдующей строчкѣ: „Музыка М. И. Глинки", котораго такимъ образомъ не признавали авторомъ оперы, всецѣло уступая эту честь барону Розену. Мы поступили какъ разъ напротивъ, называя авторомъ оперы одного музыканта и не упоминая о либреттистѣ, что̀ такъ же несправедливо, хотя все-таки можно сказать, что автору музыки въ оперѣ несравненно больше работы, нежели автору текста, а сравнительное значеніе въ художественномъ смыслѣ даетъ рѣшительное преобладаніе музыканту надъ либреттистомъ. Никто, конечно, не станетъ спорить, что хорошее либретто имѣетъ очень важное значеніе для оперы и большею частью играетъ

Digitized by Google

большую роль въ ея успѣхѣ или неуспѣхѣ. До сихъ поръ, кажется, мало обращали вниманія на то, что въ либретто главное составляетъ не столько литературная часть работы, сколько ея основной скелетъ, — сценарій или общій планъ хода дѣйствія. Для примѣра можно взять обѣ оперы Глинки: въ первой изъ нихъ—*Жизни за Царя* стихи и языкъ анекдотически плохи за весьма немногими исключеніями, а несмотря на то либретто нужно признать однимъ изъ очень хорошихъ, потому что оно даетъ очень интересный и сильный ходъ развитію дѣйствія, открывая тѣмъ свободное и широкое поле композитору, а литературные недостатки текста исчезаютъ въ красотѣ и выразительности музыкальной иллюстраціи. Въ *Русланѣ и Людмилѣ* значительная часть стиховъ взяты изъ Пушкина, остальные сдѣланы несравненно лучше, нежели вирши барона Розена въ *Жизни за Царя*, а между тѣмъ это либретто неудачное, потому что основной планъ дѣйствія въ немъ нелогиченъ, безсвязенъ, и часто несцениченъ, что́ въ значительной степени парализуетъ дѣйствіе музыки и препятствуетъ оперѣ имѣть тотъ успѣхъ, котораго она заслуживаетъ по колоссальнымъ достоинствамъ композиціи. Такихъ примѣровъ можно указать множество, но намъ достаточно и приведенныхъ, чтобы указать основанія, на которыхъ мы намѣрены разсмотрѣть либретто *Дубровскаго*. Повѣсть Пушкина *Дубровскій* всѣмъ знакома, но для сравненія придется все-таки разсказать содержаніе либретто, значительно отступающаго отъ Пушкина, едва ли даже не больше со стороны характеристики дѣйствующихъ лицъ, нежели въ самомъ развитіи хода событій въ сюжетѣ.

Въ первомъ актѣ, состоящемъ изъ двухъ картинъ, дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Дубровскихъ, въ Кистеневкѣ. Молодой Дубровскій пріѣхалъ къ больному старику-отцу, ничего не зная о несчастіи, гнетущемъ его, не зная ни о ссорѣ его съ Троекуровымъ, ни о судебной волокитѣ, грозящей лишить Дубровскихъ законнаго наслѣдія ихъ отцовъ. Крестьяне встрѣчаютъ молодаго барина радостными привѣтствіями. Старикъ Дубровскій отсылаетъ всѣхъ кромѣ сына и разсказываетъ ему исторію ссоры и возникшей вслѣдствіе того тяжбы съ Троекуровымъ; онъ проситъ мести, и сынъ клянется отплатить его врагамъ. Старикъ, утомленный волненіемъ свиданья и разсказомъ, хочетъ отдохнуть и засыпаетъ, а сынъ идетъ на могилу матери. Слышенъ приближающійся колокольчикъ; дворовые Дубровскаго вбѣгаютъ и говорятъ, что ѣдетъ Троекуровъ. Старуха Егоровна будитъ барина

Digitized by Google

и сообщаетъ о прибытіи гостя. Вслѣдъ за тѣмъ входитъ самъ Троекуровъ, а за нимъ толпа крестьянъ. Троекуровъ надменно обращается къ Дубровскому и говоритъ, что по суду Кистеневка принадлежитъ теперь ему, но онъ не хочетъ этимъ пользоваться и пріѣхалъ возвратить ему присужденное имѣніе; Дубровскій въ страшномъ волненіи молчитъ. Троекуровъ дѣлаетъ надъ собой усиліе, проситъ прощенья у Дубровскаго и протягиваетъ ему руку, но Дубровскій съ негодованіемъ говоритъ: „Нѣтъ! Никогда!“ Когда взбѣшенный Троекуровъ начинаетъ грозить, то Дубровскій кричитъ ему: „Вонъ отсюда“ и падаетъ безъ чувствъ. Крестьяне съ угрозой бросаются къ Троекурову, но тотъ движеніемъ руки заставляетъ ихъ разступиться и въ гнѣвѣ уходитъ. Бабы начинаютъ завывать надъ барномъ, но Егоровна останавливаетъ ихъ, говоря, что онъ приходитъ въ себя; старика уносятъ въ домъ. Вбѣгаетъ Владиміръ Дубровскій, ему сообщаютъ о случившемся, а Егоровна, выходя изъ дома, говоритъ, что баринъ кончается; Владиміръ поспѣшно уходитъ, а дворовые и крестьяне начинаютъ заунывныя причитанья хоромъ. Входитъ Владиміръ Дубровскій и говоритъ, что отецъ его скончался; изъ церкви слышны заупокойные удары колокола, и занавѣсъ опускается. Въ московской постановкѣ эта картина составляетъ самостоятельный актъ.

Вторая картина представляетъ дворъ усадьбы въ Кистеневкѣ, направо крыльцо барскаго дома. Похороны Дубровскаго только что окончились, и хоръ крестьянъ оплакиваетъ своего умершаго барина. Въ это время изъ барскаго дома раздается кабацкая пѣсня: то гуляютъ тамъ приказные, пріѣхавшіе вводить Троекурова во владѣніе Кистеневкой; крестьяне негодуютъ. Изъ дверей выходятъ пьяные приказные, и засѣдатель читаетъ бумагу о томъ, что Кистеневка съ населеніемъ принадлежитъ отнынѣ Троекурову. Приказные и троекуровскій управляющій начинаютъ безстыдно приставать къ бабамъ; народъ волнуется, ропщетъ и, наконецъ, бросается на приказныхъ, но ихъ спасаетъ Владиміръ Дубровскій, вышедшій изъ дома и остановившій крестьянъ; приказные поспѣшно скрываются въ домѣ. Дубровскій уговариваетъ крестьянъ разойтись и, оставшись одинъ, размышляетъ о своей несчастной судьбѣ и хочетъ забыться въ воспоминаніяхъ о матери, медальонъ съ портретомъ которой онъ вынимаетъ. Изъ дома снова слышится пьяная пѣсня и разгулъ приказныхъ. Дубровскаго приводитъ въ страшный гнѣвъ это оскорбленіе мѣста, гдѣ еще утромъ лежало бездыханное тѣло его отца. Между тѣмъ

Digitized by Google

наступаетъ ночь; Дубровскій видитъ крестьянъ крадущихся съ топорами къ господскому дому; онъ понимаетъ ихъ намѣреніе и, принявъ свое рѣшеніе, приказываетъ навалить соломы къ дому и зажечь его. Это исполняется немедленно, и огонь охватываетъ домъ. Дубровскій восклицаетъ: „Теперь мой домъ—ты, лѣсъ, да поле! Земля—постель мнѣ, небо—кровъ!“ Онъ убѣгаетъ, дворовые слѣдуютъ за нимъ. Пожаръ въ полномъ разгарѣ; сбѣгается народъ, слышны изъ дома отчаянные крики приказныхъ. Занавѣсъ опускается; этимъ оканчивается вторая картина перваго акта или, по московской постановкѣ, второй актъ.

Въ слѣдующемъ актѣ дѣйствіе происходитъ на полянѣ среди вѣковаго лѣса. Слышны голоса перекликающихся дѣвушекъ, въ томъ числѣ и Маши Троекуровой: онѣ собираютъ грибы. Маша выходитъ на поляну и садится отдохнуть, мечтательно восторгаясь красотой лѣса. Входитъ горничная Маши, Таня, а за нею собираются съ разныхъ сторонъ крестьянскія дѣвушки съ грибами и садятся ихъ разбирать. Таня шутя пугаетъ всѣхъ Дубровскимъ, но потомъ успокаиваетъ, что онъ только для приказныхъ лиходѣй. Всѣ снова усаживаются разбирать грибы, а между деревьями въ это время крадутся Дубровскій и дворовый его, Архипъ; они прячутся въ чащѣ и все видятъ и слышатъ; Архипъ узнаетъ Машу. Продолжая съ Таней рѣчь о Дубровскомъ, Маша говоритъ, что не испугалась бы его, а сказала бы, что всею душой его жалѣетъ и считаетъ его не злодѣемъ, а жертвой жадности людей. Потомъ всѣ дѣвушки собираются домой и уходятъ. Дубровскій слышалъ все, и, умиленный ея благородствомъ, отказывается отъ намѣренія похитить ее, запрещая Архипу тревожить ушедшую Машу съ дѣвушками. Разбойники вводятъ француза Деформа, ѣдущаго учителемъ къ Троекурову, и Дубровскій, взявъ его бумаги, даетъ денегъ на возвращеніе на родину, а самъ хочетъ подъ видомъ Деформа проникнуть къ Троекурову и прощается со своею шайкой, приказывая сохранно проводить Деформа изъ лѣса.

Въ третьемъ (по-московски, четвертомъ) актѣ дѣйствіе происходитъ въ Покровскомъ, въ богатомъ домѣ Троекурова. При поднятіи занавѣса Дубровскій даетъ урокъ пѣнія Машѣ, которая поетъ вокализу, а онъ ей аккомпанируетъ на фортепіано; потомъ они поютъ вдвоемъ романсъ. Входятъ Троекуровъ и князь Верейскій, который обращается къ Машѣ съ изысканными любезностями. Троекуровъ на разспросы князя восхваляетъ мнимаго Деформа и его храбрость по поводу устроенной ему шутки съ мед-

Digitized by Google

вѣдемъ. Маша восторгается мужествомъ Деформа, а князь относится къ этому восхищенію подозрительно. Маша и Дубровскій поютъ свой дуэтъ для князя, который затѣмъ прощается и уѣзжаетъ. Троекуровъ останавливаетъ уходящую Машу и, оставшись съ нею наединѣ, сообщаетъ, что князь сдѣлалъ ей предложеніе, которое имъ уже принято. Маша въ ужасѣ и отчаяніи умоляетъ его измѣнить свое рѣшеніе, но Троекуровъ остается непреклоннымъ, говоритъ, что завтра же она будетъ объявлена невѣстой князя, и уходитъ. Маша, оставшись одна, горюетъ и слышитъ въ это время Дубровскаго, поющаго за окномъ свой романсъ, а вслѣдъ за тѣмъ къ ея ногамъ падаетъ камень съ запиской, въ которой мнимый Деформъ предлагаетъ ей свою защиту. У Маши при этомъ вспыхиваетъ таившаяся въ ней любовь, и она съ восторгомъ рѣшается довѣриться Деформу. Занавѣсъ опускается.

Въ послѣднемъ актѣ дѣйствіе происходитъ въ паркѣ Покровскаго, освѣщенномъ по случаю праздника у Троекурова, который даетъ его ради помолвки дочери съ княземъ. Гости поздравляютъ жениха съ невѣстой и пьютъ ихъ здоровье. Является исправникъ и намекаетъ Троекурову, что Дубровскій, быть можетъ, находится здѣсь. Троекуровъ ничего не хочетъ слышать и смѣется надъ такимъ предположеніемъ. Начинаются танцы, по окончаніи которыхъ всѣ уходятъ въ домъ, предшествуемые музыкой: сцена остается нѣкоторое время пуста. Входитъ Дубровскій, къ нему бѣжитъ Архипъ и сообщаетъ, что нужно спасаться: исправникъ знаетъ все, и черезъ часъ они будутъ окружены. Но Дубровскій ждетъ Машу и не хочетъ бѣжать, не увидѣвшись съ ней. Входитъ Маша; Дубровскій открываетъ ей свою тайну, она пугается, но онъ успокаиваетъ ее, напоминая ея собственныя слова, сказанныя въ лѣсу. Маша поддается охватившему ее чувству, и они забываются въ своемъ восторгѣ. Дубровскій нѣсколько разъ слышитъ призывный свистъ Архипа, но все не рѣшается покинуть Машу, наконецъ, обнимаетъ ее въ послѣдній разъ и убѣгаетъ; Маша прячется въ бесѣдкѣ. По сценѣ пробѣгаютъ солдаты, слышится выстрѣлъ и вслѣдъ затѣмъ смертельно раненый Дубровскій входитъ и падаетъ на ступени бесѣдки. Маша бросается къ нему и, теряя сознаніе, зоветъ на помощь. На крики Маши прибѣгаютъ всѣ, Дубровскій въ послѣдній разъ прощается съ Машей и умираетъ произнося: „Моя!“ „Твоя и Божья!“—отвѣчаетъ Маша и падаетъ на трупъ Дубровскаго.

Изъ пересказа видно, что либретто сдѣлано очень ловко со

Digitized by Google

внѣшней стороны занимательности и быстроты хода дѣйствія; эффектныя сцены слѣдуютъ одна за другой, моменты напряженнаго интереса дѣйствія встрѣчаются во всякой картинѣ, такъ что общимъ требованіямъ, какія можно предъявить къ оперному либретто,—работа М. И. Чайковскаго вполнѣ удовлетворяетъ. Но кромѣ общихъ, условныхъ требованій въ данномъ случаѣ являются иныя, налагаемыя происхожденіемъ сюжета изъ повѣсти Пушкина. Кстати, быть можетъ не всѣмъ извѣстно, что первоначально повѣсть называлась *Островскій* и отчасти основана на истинномъ происшествіи. Въ произведеніи Пушкина больше всего плѣняетъ жизненная правдивость разсказа и характеристика отдѣльныхъ лицъ, дающія каждому своеобразный, живой обликъ. Либреттисту, по неизбѣжнымъ условіямъ его работы, пришлось мѣнять многое и многое урѣзывать. Первый актъ съ его двумя картинами отступаетъ отъ Пушкина сравнительно меньше, нежели все послѣдующее, хотя и тутъ остается только общее содержаніе. Начиная со сцены въ лѣсу, измѣненія становятся капитальнѣе; самое начало этого акта, очень поэтичное по музыкальной иллюстраціи и всей обстановкѣ сцены, носитъ очень искусственный характеръ по отношенію къ положенію главныхъ дѣйствующихъ лицъ—Маши и Дубровскаго; сцена съ Деформъ также довольно натянута. Въ двухъ послѣднихъ актахъ Дубровскій совсѣмъ утрачиваетъ характеръ героя повѣсти Пушкина и превращается въ обыкновеннаго оперная тенора, какъ всегда угнетаемаго судьбою и людьми. Маша раздѣляетъ участь Дубровскаго. Развязка оперы эффектна, но довольно банальна; въ Дубровскомъ не проявляется ни тѣни ума или энергіи, онъ совершенно безличенъ и безцвѣтенъ, такъ что не возбуждаетъ къ себѣ никакого интереса. Маша также превращается въ совершенно условную, безличную фигуру. Если бы насъ спросили, какъ нужно было сдѣлать либретто, чтобы оно сохранило характерныя черты повѣсти, мы бы отвѣтили незнаніемъ; быть можетъ *Дубровскаго* совсѣмъ не слѣдовало брать для оперная сюжета. Въ томъ видѣ, какъ оно намъ является, либретто, пожалуй, было бы пригодно нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, когда въ оперѣ условность музыкальныхъ формъ ставила композитору иныя задачи, нежели теперь; но всякое время имѣетъ свои требованія, а у насъ, въ Россіи, эти требованія уже давно стали выясняться опредѣленнѣе и полнѣе, нежели гдѣ-либо на Западѣ. У насъ уже и 50 лѣтъ назадъ были невозможны оперы съ такими вычурно-условными сюжетами, какъ, напр., *Аида* Верди или *Эсклармонда*

Digitized by Google

Массенэ, потому что въ нашемъ искусствѣ не было прошлаго, въ которомъ могли бы корениться подобныя произведенія. Русскій художественный реализмъ сталъ крѣпко на свои ноги въ литературѣ еще со временъ Пушкина, а вліяніе литературы не могло не отразиться и на нашей музыкѣ; даже такой фантастическій сюжетъ, какъ *Руслань* и *Людмила* Глинки, или эпическій, какъ *Князь Игорь* Бородина,—носитъ полный отпечатокъ этого реализма, не говоря о такихъ операхъ, какъ *Евгеній Онѣгинъ*, *Черевички* или *Чародѣйка* Чайковскаго. Русское искусство идетъ не тѣми путями, какими оно шло въ Западной Европѣ, и полное условностей либретто *Дубровскаго* стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ его характеромъ и направленіемъ,—въ этомъ и заключается его капитальнѣйшій недостатокъ, перевѣшивающій всѣ достоинства.

Музыка Дубровскаго имѣетъ и большія достоинства и недостатки, почти въ такой же мѣрѣ, какъ и либретто. Главнымъ достоинствомъ мы назовемъ общій пріемъ композиціи, стоящій на уровнѣ лучшихъ современныхъ произведеній русской школы. Въ этомъ отношеніи Э. Ф. Направникъ является послѣдователемъ Чайковскаго, но отнюдь не петербургской школы. Мы недавно говорили о глубокой пропасти, раздѣляющей въ послѣдней операхъ Н. А. Римскаго-Корсакова речитативныя сцены ея отъ аріозныхъ, представляющихъ какъ бы два различныхъ стиля композиціи, взаимно противорѣчащихъ одинъ другому. Въ *Дубровскомъ* полная однородность пріема сохранена вездѣ и проведена съ большимъ стараніемъ и тщательностью. Пѣвучесть речитатива доведена у г. Направника до высокой степени, съ естественною декламаціей текста, но безъ непріятнаго сближенія речитатива съ простымъ говоромъ и безъ всякаго подчеркиванья отдѣльныхъ фразъ; композиторъ съ большимъ талантомъ и техническимъ мастерствомъ выдерживаетъ цѣльность настроенія большихъ сценъ, не увлекаясь излишнею детальностью ихъ выписки. Но здѣсь же мы встрѣчаемся и съ крупнымъ недостаткомъ, какъ и въ либретто: съ отсутствіемъ рельефной характеристики отдѣльныхъ лицъ. Въ данномъ случаѣ едва-ли не слѣдуетъ предположить ошибку въ выборѣ сюжета, получившаго слишкомъ общую условную окраску, о чемъ мы уже говорили выше; впрочемъ, нѣтъ особенной нужды доискиваться въ этомъ случаѣ основной причины. Ко внѣшнему пріему характеристики посредствомъ *Leitmotiv*'овъ для каждаго лица г. Направникъ не прибѣгалъ, и сѣтовать на это отнюдь нельзя, потому что систематическое примѣненіе та

Digitized by Google

кого способа у самого Вагнера отзывается чѣмъ-то чрезвычайно формальнымъ и сухимъ. Вообще, въ композиціи г. Направника много мастерства, пониманія красоты, но недостаетъ искренности и простоты въ изобрѣтеніи, тяжелый отпечатокъ добровольно наложенной искусственности, какъ необходимой принадлежности оперная представленія, не даетъ чувству ни свободы, ни простора. Если берется въ оперѣ сюжетъ изъ обыденной жизни, отъ насъ не особенно далекой, то необходимо имѣть мужество простоты въ музыкѣ и текстѣ, иначе неминуемо получится несоотвѣтствіе между сюжетомъ и его художественнымъ воспроизведеніемъ; именно такого рода противорѣчіе получилось въ *Дубровскомъ* М. И. Чайковскаго и Э. Ф. Направника, источникомъ котораго, вѣроятно, служило предположеніе, что безъ аксессуаровъ внѣшняго эффекта опера существовать не можетъ. Будь это такъ въ дѣйствительности, тогда не слѣдовало бы ни композиторамъ, ни либреттистамъ брать сюжеты изъ обыденной, простой жизни, а исключительно держаться фантастическихъ, историческихъ, всегда въ большей или меньшей степени одѣтыхъ легендарнымъ туманомъ, или вообще не близко подходящихъ къ современности.

Есть еще сторона въ *Дубровскомъ*, хотя второстепенная, но все-таки имѣющая свое значеніе: это участіе въ дѣйствіи народнаго элемента. Русскія народныя пѣсни сохранили до сихъ поръ своеобразный обликъ, отличающій ихъ отъ всякой остальной музыки, и напѣвы эти, какъ отзвукъ старины, живутъ еще въ народѣ, но живое народное пѣснотворчество приняло уже иное направленіе. Русская пѣсня переживаетъ теперь тотъ періодъ упадка, который въ Западной Европѣ совершился уже нѣсколько вѣковъ назадъ; у насъ не особенно давно началось постепенное подчиненіе народной музыки складу художественной, выработавшейся преимущественно у нашихъ западныхъ сосѣдей, и то у насъ это замѣчается только по близости крупныхъ городскихъ или промышленныхъ центровъ, въ деревенской глуши еще держится старая народная пѣсня, хотя долго ли она еще просуществуетъ,—неизвѣстно. Когда въ оперѣ выводятъ на сцену народъ, всегда ждешь и музыки народной, деревенской, еще не подчинившейся новымъ, западно-европейскимъ вліяніямъ. Въ первыхъ двухъ картинахъ *Дубровскаго* крестьянамъ отведено много мѣста въ дѣйствіи, но хоры ихъ совсѣмъ не имѣютъ народнаго характера: они поютъ все время хорошую музыку западно-европейскаго образца, иногда съ оттѣнкомъ ораторнаго характера, какъ напримѣръ, въ концѣ первой или въ началѣ второй кар-

Digitized by Google

тины. Колоритъ русской народной музыки дается не совсѣмъ легко музыкантамъ, которымъ не случалось проводить дѣтство въ деревнѣ, и вполнѣ русскіе люди, какимъ, напримѣръ, былъ Сѣровъ, иногда совершенно не могли уловить ея особенностей; такая же неудача постигла въ этомъ отношеніи и г. Направника.

Къ удачнѣйшимъ частямъ музыки *Дубровскаго* слѣдуетъ отнести прежде всего дуэтъ Маши съ Дубровскимъ въ послѣднемъ актѣ, полный чарующей прелести и высокаго лиризма. Нужно отмѣтить еще романсы Маши во второмъ актѣ, Дубровскаго— во второй картинѣ перваго, хоры крестьянъ въ первомъ актѣ (не касаясь народности ихъ характера, а только разсматривая ихъ съ точки зрѣнія музыкальной красоты), женскій хоръ во второмъ актѣ, сцену разбойниковъ съ Деформемъ, оркестровое интермеццо ночи въ послѣднемъ актѣ и контрадансъ тамъ же. Вообще гораздо легче перечислять красивыя мѣста въ музыкѣ, нежели указать что-либо совсѣмъ неудавшееся: чувство музыкальной красоты такъ глубоко проникло во все существо автора *Дубровскаго*, что онъ не въ состояніи былъ бы написать что-либо ей противное. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ умышленно ищетъ непривлекательнаго тона, какъ, напримѣръ, въ сценѣ съ пьяными приказными и въ ихъ пѣсняхъ, и тамъ изъ контраста съ остальнымъ получается художественное впечатлѣніе. Несмотря на всѣ эти достоинства, *Дубровскій* въ концѣ-концовъ не производитъ особенно сильнаго впечатлѣнія, какого можно бы ждать отъ эффектной послѣдовательности его сценъ и силы драматическихъ положеній. Причиной этому, по нашему мнѣнію, служитъ слишкомъ замѣтная искусственность построенія и преобладаніе внѣшняго эффекта надъ внутреннимъ; конечно, это можетъ только ослабить впечатлѣніе, но не совсѣмъ парализовать его, и *Дубровскій*, несомнѣнно, будетъ пользоваться прочнымъ и продолжительнымъ успѣхомъ.

У насъ въ Москвѣ постановка, а также исполненіе вышли очень удачными; къ послѣднимъ репетиціямъ изъ Петербурга пріѣхалъ самъ Э. Ф. Направникъ и дирижировалъ первыми двумя представленіями своей оперы, что̀ не могло не отозваться благопріятно на стилѣ исполненія, ибо авторъ *Дубровскаго* принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ первѣйшимъ капельмейстерамъ Европы, и дисциплинованность исполненія подъ его руководствомъ не оставляетъ желать лучшаго. Необыкновенно пріятно въ г. Направникѣ полное отсутствіе провинціализмовъ въ дирижерствѣ; ни вычурныхъ темпо, ни судорожныхъ его перемѣнъ, ни отчаянныхъ фермать, ничего, однимъ словомъ, безвкусно-эффектнаго,—

Digitized by Google

все идетъ такъ просто и спокойно, какъ въ нотахъ написано, чѣмъ исполнители мало даровитые или мало образованные никогда не удовольствуются. На этомъ мы остановимся въ нашемъ отчетѣ о *Дубровскомъ* и перейдемъ къ другимъ явленіямъ московской музыкальной жизни.

Нынѣшній сезонъ въ Москвѣ такое обиліе концертовъ, какого мы не запомнимъ. Кромѣ того на двухъ сценахъ дѣйствуетъ итальянская опера, дѣйствовало короткое время (и весьма неудачно) товарищество русскихъ оперныхъ артистовъ, да еще нужно прибавить оперетку, пользующуюся едва ли не самымъ большимъ успѣхомъ. о которомъ мы впрочемъ говоримъ по слухамъ, потому что намъ самимъ не удалось быть ни на одномъ опереточномъ спектаклѣ. Объ итальянскихъ операхъ мы поговоримъ по окончаніи сезона, а теперь упомянемъ только о нѣкоторыхъ выдающихся концертахъ и концертантахъ. О концертахъ Обществъ Музыкальнаго и Филармоническаго мы также пока говорить не станемъ и подведемъ итоги ихъ также позже. Упомянемъ, что въ Музыкальномъ Обществѣ въ настоящемъ году выступали особенно блестящіе инструментальные солисты, впервые посѣтившіе Москву и обратившіе на себя большое вниманіе публики.

Первымъ изъ такихъ солистовъ былъ скрипачъ Е. Исайе, виртуозъ такой силы, какого въ Москвѣ уже давно не слышали. Его сила заключается не столько въ техническомъ совершенствѣ игры, сколько въ гармоническомъ сочетаніи артистическихъ качествъ, одинаково плѣняющихъ и простаго любителя, и серіознѣйшаго музыканта; со временъ Лауба и Венявскаго у насъ, кажется, не бывало подобныхъ скрипачей. Г. Исайе имѣлъ огромный успѣхъ въ Музыкальномъ Обществѣ, а потомъ далъ собственный концертъ. Замѣчательнымъ явленіемъ оказался юный віолончелистъ г. Жерарди изъ Люттиха. Этотъ 17-тилѣтній юноша успѣлъ достигнуть такой высокой артистической ступени совершенства, что его можно сравнивать съ первѣйшими віолончелистами нашего времени. Г. Жерарди такая богато одаренная музыкальная натура, какія встрѣчаются рѣдко, и ему вѣроятно суждено въ будущемъ занять блестящее мѣсто въ средѣ наиболѣе выдающихся виртуозовъ на своемъ инструментѣ. Къ сожалѣнію, молодой віолончелистъ въ Москвѣ выступилъ только въ одномъ симфоническомъ собраніи Музыкальнаго Общества, но онъ имѣлъ такой громадный успѣхъ, что вѣроятно посѣтитъ

Digitized by Google

нашу древнюю столицу въ недалекомъ будущемъ и дастъ возможность ближе оцѣнить превосходныя качества его таланта.

Однако, успѣхи этихъ виртуозовъ все-таки блѣднѣютъ въ сравненіи съ успѣхомъ также очень молодаго піаниста г. Іосифа Гофмана, которые можно назвать небывалыми. Г. Гофману всего 19 лѣтъ; онъ успѣлъ прославиться десять лѣтъ тому назадъ въ качествѣ Wunderkind'а, поражавшаго публику Европы и Америки своимъ необычайнымъ талантомъ. Счастливая судьба избавила его отъ бѣдственной участи многихъ талантливыхъ дѣтей, которые волею судебъ, а также родителей или воспитателей, подтачиваютъ въ корнѣ ниспосланное имъ дарованіе преждевременнымъ и постояннымъ появленіемъ на концертной эстрадѣ Эти несчастные цѣною дѣтскихъ успѣховъ притупляютъ свои нервы, растрачиваютъ неокрѣпшія силы и теряютъ драгоцѣнное время, необходимое для серіозной, сосредоточенной работы въ годы дѣтсва и юности для всякаго, желающаго занять дѣйствительно высокое положеніе въ искусствѣ. Г. Гофманъ —уроженецъ г. Варшавы, сынъ профессора тамошней консерваторіи и капельмейстера. Совершенно исключительныя музыкальныя способности обнаружились въ немъ очень рано и нашли умѣлаго и опытнаго руководителя въ отцѣ. Способности эти были такъ замѣчательны, что покойный П. И. Чайковскій, узнавшій талантливаго мальчика въ Берлинѣ еще шесть лѣтъ тому назадъ, былъ совершенно пораженъ талантливостью 13-ти-лѣтняго виртуоза; онъ говорилъ потомъ пишушему эти строки, что ничего подобнаго онъ до того времени не встрѣчалъ и только въ біографіи Моцарта онъ знаетъ примѣръ такого чудеснаго развитія способностей въ дѣтскіе годы. Года три назадъ отецъ юнаго виртуоза обратился къ покойному А. Г. Рубинштейну съ просьбой давать его сыну уроки, но сначала встрѣтилъ-было рѣшительный отказъ. Однако, посмотрѣвъ представленныя ему сочиненія мальчика, Антонъ Григорьевичъ перемѣнилъ свое рѣшеніе и согласился на занятія. А. Г. Рубинштейнъ жилъ тогда въ Дрезденѣ, и молодой ученикъ сталъ ѣздить къ нему въ опредѣленные сроки, всякій разъ приготовляя 5 — 6 пьесъ. Занятія длились по нѣскольку часовъ сряду, съигранныя пьесы подвергались подробному анализу, снабжались всякими указаніями и замѣчаніями, но самъ геніальный піанистъ никогда не проигрывалъ ему ихъ, говоря, что для него это не нужно. Съигрынныя пьесы никогда не повторялись, на слѣдующій разъ нужно было являться съ новыми. Любопытной особенностью было то обстоятельство, что А. Г. ни разу не согла-

Digitized by Google

сился выслушать что-либо изъ своихъ сочиненій, несмотря на всѣ просьбы ученика. Такихъ уроковъ-консультацій всего было около 40, и на нихъ пройденъ былъ репертуаръ очень обширный, едва ли не въ 200 композицій разнаго рода. Съ осени 1895 года молодой виртуозъ началъ концертировать самостоятельно и съ первыхъ шаговъ встрѣтилъ успѣхи, выпадающіе на долю не многимъ. Въ ноябрѣ прошлаго года г. Гофманъ выступилъ въ Москвѣ въ одномъ изъ симфоническихъ собраній музыкальнаго Общества и произвелъ поразительное впечатлѣніе четвертымъ концертомъ d-moll А. Рубинштейна. Билеты на его собственный концертъ, данный вслѣдъ за тѣмъ, были разобраны въ самое короткое время, тоже было со вторымъ концертомъ, а теперь уже и съ пятымъ, назначеннымъ на 30 января. Массы публики, посѣщающей концерты г. Гофмана, не знаютъ границъ овацiямъ молодому артисту, не могутъ вдоволь его наслушаться, такъ что успѣхъ его по всей справедливости можно назвать безпримѣрнымъ въ Москвѣ. Мы съ своей стороны также удивляемся огромному таланту молодого піаниста и увѣрены въ его блистательной будущности; въ немъ столько богатѣйшихъ, можно сказать—геніальныхъ задатковъ, что сомнѣній относительно будущаго нѣтъ возможности допускать. Но мы должны прибавить, что несмотря на огромную технику піаниста, на изумительную часто зрѣлость пониманія и законченность исполненія сложнѣйшихъ и труднѣйшихъ композицій, мы главнымъ образомъ возлагаемъ надежды на дальнѣйшее развитіе таланта, желаемъ, чтобы онъ сталъ дѣйствительно могучею силой, какою онъ можетъ и долженъ сдѣлаться, если будетъ такимъ же безконечно преданнымъ слугой искусства, какимъ былъ его послѣдній геніальный наставникъ. Успѣхи, лавры, богатство — большое дѣло, но еще больше значенія имѣетъ внутреннее сознаніе вѣрно и честно выполненнаго призванія. Дай Богъ молодому артисту удержаться на высотѣ такого убѣжденія, и все остальное дастся ему.

Мы должны бы еще упомянуть о замѣчательномъ и очень близкомъ Москвѣ піанистѣ А. П. Зилоти, живущемъ уже нѣсколько лѣтъ за-границей и недавно выступившемъ здѣсь въ симфоническомъ концертѣ г. Г. Буллеріана, но отлагаемъ это до слѣдующаго раза, въ ожиданіи собственнаго концерта г. Зилоти, который онъ предполагаетъ здѣсь дать въ февралѣ. Скажемъ только, что такое законченное исполненіе 5-го концерта Бетховена, какимъ онъ насъ подарилъ, намъ рѣдко удавалось слышать.

Н. Кашкинъ.

Digitized by Google

ЛѢТОПИСЬ ПЕЧАТИ.

КЪ ВОПРОСУ ОВЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

I.

Возраженія *Русской Мысли* (ноябрь 1895 г.) на мою статью „Что дѣлать интеллигенціи“ побуждаютъ меня подвергнуть этотъ вопросъ новому разсмотрѣнію.

Русская Мысль пробуетъ опредѣлить, *что такое* „интеллигенція“. Я самъ издавна интересовался этимъ вопросомъ, и, въ старые годы, не мало способствовалъ той запутанности его пониманія, которую теперь встрѣчаю въ *Русской Мысли*. Наиболѣе подробно разбиралъ я его въ статьѣ „Въ защиту интеллигенціи“ (*Дѣло* 1882 г., подъ псевдонимомъ И. Кольцова) и книгѣ *La Russie politique et sociale* (Paris, 1885). Эту послѣднюю не ввожу въ разборъ, потому что для нея потребовалось бы писать цѣлое сочиненіе, а между тѣмъ нѣкоторые исходные мои пункты того времени очень близки къ аргументаціи *Русской Мысли*; въ опредѣленіи же значенія интеллигенціи статья 1882 года выражаетъ собой совсѣмъ другую сторону самомнѣнія этого слоя.

Поэтому, думаю, умѣстно будетъ для болѣе разносторонняго разсмотрѣнія вопроса взять совмѣстно мою статью 1882 года и статью *Русской Мысли* 1895 г.

Что такое интеллигенція? Какова ея соціальная роль? Это двѣ стороны одного и того же вопроса. Понятно, что онъ отчасти уясняется и отрицательнымъ путемъ, то-есть выясненіемъ того, что не есть „интеллигенція“. Я въ 1882 г. и *Русская Мысль* въ 1895 г. совершенно одинаково начинаемъ съ этого отрицательнаго пути, возражая на „обвиненіе“ интеллигенціи въ *сословномъ* характерѣ. Мнѣ тогда это „обвиненіе“ представлялось прямо злостною выдумкой реакціонеровъ. *Русская Мысль* теперь

Digitized by Google

въ свою очередь обзываетъ меня даже софистомъ, за то, что я усматриваю въ интеллигенціи черты сословности. Итакъ защитники интеллигенціи постоянно заботятся снять съ этого слоя „обвиненіе“ въ сословности,—съ другой стороны, есть очевидно нѣчто, постоянно возбуждающее мысль о какой-то ея сословности.

Кто же правъ? Для рѣшенія этого посмотримъ ближе аргументацію въ пользу „безсословности“ интеллигенціи. Своей я не стану приводить, потому что на данномъ пунктѣ она не представляетъ никакого существеннаго различія отъ нынѣшней аргументаціи *Русской Мысли*. Я указывалъ, что сословность характеризуется присутствіемъ матеріальнаго интереса, тогда какъ интеллигенція объединяется лишь идеей. Я указывалъ на составъ интеллигенціи, слагающейся изъ людей всевозможныхъ сословій. Все это такъ же поверхностно, какъ нынѣ у *Русской Мысли*. Перехожу поэтому прямо къ ея аргументаціи. Какъ видно, однако, 12 лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло не даромъ. Взгляды нынѣшняго либеральнаго журнала представляютъ весьма характеристическую смѣсь передовыхъ европейскихъ идей съ отзвуками нашихъ національныхъ.

II.

Вотъ что говоритъ нынче *Русская Мысль*. Цитирую буквально, лишь съ небольшими сокращеніями.

„Въ Западной Европѣ, говоритъ нашъ передовой органъ,—при расчлененіи общества на классы, при классовомъ управленіи, почти до послѣдняго времени былъ невозможенъ тотъ роковой вопросъ, надъ которымъ въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ работаетъ русская интеллигенція: вопросъ о томъ, *что дѣлать*. Только въ послѣднюю четверть столѣтія, когда европейская интеллигенція и общество болѣе или менѣе начинаютъ сознавать непригодность для дальнѣйшаго развитія общества чисто классоваго строя, этотъ вопросъ становится роковымъ и тамъ. И тамъ интеллигенція начинаетъ становиться безсловной или точнѣе не классовой“.

Далѣе, переходя къ *нашей* интеллигенціи, *Русская Мысль* говоритъ:

„Какой классъ составляетъ наша интеллигенція? Буржуазію, аристократію, демосъ, пролетаріатъ, четвертое или даже пятое сословіе? Только отвѣтивъ на этотъ вопросъ, можно было бы гово-

Digitized by Google

рить о классовомъ сознаніи нашей интеллигенціи. Но дѣло въ томъ, что такой отвѣтъ невозможенъ, потому что наша интеллигенція, какъ впрочемъ и европейская, *въ настоящее время, стоитъ внѣ классовъ*. Она явленіе не классоваго строя, а *національнаго сознанія*... Иного пониманія жизни, иного типа, иной работы, кромѣ національныхъ, интеллигенція имѣть не можетъ, если бы даже и хотѣла. Все дѣло въ томъ, что *она, и только она, истинно-національна* и именно потому, что она не представляетъ класса. Сознаніе интеллигенціи можетъ быть только національнымъ, потому что сама она есть продуктъ и притомъ *единственный чистый и безпримѣсный* продуктъ національнаго сознанія". Журналъ поясняетъ, что „сознаніе, напримѣръ, крестьянства—это сознаніе и стремленіе классовыя". Также и у всѣхъ другихъ слоевъ націи. У одной лишь интеллигенціи нѣтъ ничего, кромѣ чисто національнаго сознанія. Поэтому интеллигенціи не приходится учиться у народа.

„Массовое еще не значитъ національное. И конечно *не интеллигенціи учиться у массы пониманію жизни*". Роль интеллигенціи есть роль воспитательная и не въ отношеніи одного юношества. „Въ положеніи юношества находились и до сихъ поръ находятся и взрослые. Слишкомъ мы еще некультурны, чтобы наша интеллигенція могла и теперь отказаться отъ своей педагогической, воспитательной миссіи. Ей и теперь приходится—и слава Богу что приходится—не служить какому либо общественному классу, а *учить*—учить и юношество и взрослыхъ людей разныхъ общественныхъ классовъ и самый народъ. *Интеллигенціи учиться у народа нечему*. Она, собственно говоря, есть его *освѣщенное знаніемъ сознаніе*". Впрочемъ, если не у народа, то у кого-то другого ей все таки слѣдуетъ учиться, ибо *Русская Мысль* оговаривается: „Чтобы учить, надо знать чему учить, надо стало быть и самому учиться"...

III.

Прежде чѣмъ оцѣнивать смыслъ этихъ рѣчей, не могу не остановиться на странныхъ понятіяхъ современнаго интеллигента относительно европейскаго ученія о *классахъ*. Мы, въ наше время, знали свои уроки тверже. *Русская Мысль* говоритъ, „чтобы учить, надо самому учиться". Это справедливо. Интересно бы знать только, гдѣ учится журналъ г. Гольцева, полагая, что только въ западной Европѣ общество расчленено на классы, въ

Digitized by Google

Россіи же нѣтъ... У какихъ историковъ или соціологовъ взято такое ультра-славянофильское понятіе? Далѣе *Русская Мысль* убѣждена, будто бы русская интеллигенція значительно опередила европейскую, такъ что уже 30 лѣтъ работаетъ надъ тѣмъ, о чемъ въ Европѣ начинаютъ догадываться лишь въ послѣдніе 25 лѣтъ. Откуда взята такая самомнительная идея? Будучи доказана, она, пожалуй, послужила бы къ доказательству превосходства нашихъ національныхъ основъ передъ европейскими и должна была бы привлечь *Русскую Мысль* въ ряды самыхъ горячихъ сторонниковъ самодержавія, православія и народности, дающихъ нашей интеллигенціи возможность такъ быстро опередить самую передовую Европу. Къ сожалѣнію, своеобразный тезисъ *Русской Мысли*, въ дѣйствительности, доказываетъ не превосходство русской интеллигенціи, а лишь то, что она нынче стала ужь совсѣмъ плохо учиться.

Могу увѣрить *Русскую Мысль*, что европейское, и вообще „научное", ученіе о классахъ, классовомъ обществѣ и классовомъ государствѣ совсѣмъ не таково, какъ ей кажется. Это ученіе считаетъ расчлененіе на классы—соціальнымъ *закономъ* и ни для какихъ странъ, ни для какихъ эпохъ не знаетъ исключеній. Лишь общество, лишенное всѣхъ современныхъ основъ, можетъ быть не классовымъ. Таково, по этой доктринѣ, предполагаемое на зарѣ человѣчества общество первобытнаго коммунизма; таково же предполагаемое ею въ будущемъ — коммунистическое общество, о коемъ мечтаетъ соціализмъ. Все остальное, извѣстное намъ въ исторіи, будь это Китай или Ассирія, Франція или Россія,—жило и живетъ по закону классоваго строенія, классовой борьбы и классоваго государства.

Далѣе. Эта доктрина не знаетъ и никакой внѣклассовой интеллигенціи. Какъ все остальное, интеллигенція всегда имѣетъ классовый характеръ. Это не значитъ, чтобы она сознательно отстаивала эгоистическія классовыя стремленія. Напротивъ, она всегда, будучи феодальной или буржуазной, идеализируетъ себя и идею своего класса и воображаетъ, будто представляетъ идею общечеловѣческую. Но это—субъективно-слоевая иллюзія. Та „внѣклассовая" интеллигенція, о которой говоритъ *Русская Мысль*, и которая [будто бы явилась въ Европѣ лишь послѣдніе 25 лѣтъ, поэтому точно также вовсе не считаетъ себя „внѣклассовой". Она, напротивъ, вполнѣ понимаетъ, что представляетъ собою идею *пролетаріата*. Конечно, эта идея имѣетъ въ виду уничтожить классы и создать коммунистическое

Digitized by Google

безклассное общество. Но пока этого еще не произошло, — интеллигенція остается классовой, въ чемъ, по доктринѣ, видитъ и силу свою и свои надежды на будущее. Если бы она теперь сознала себя внѣклассовой, она бы тѣмъ самымъ убѣдилась въ полномъ безсиліи своемъ осуществить свои планы соціалистическаго переворота, надежду на что даетъ ей только поддержка пролетаріата.

Вотъ каково дѣйствительное европейское ученіе о классахъ, которое такъ сбивчиво знаетъ *Русская Мысль*, воображающая, будто бы она опередила Европу. Если *Русская Мысль* не повѣритъ мнѣ на-слово, рекомендую ей почитать хотя Энгельса, котораго редакція конечно легко достанетъ въ своемъ собственномъ книжномъ магазинѣ.

IV.

Если редакція *Русской Мысли*, достодолжно перечитавъ продаваемыя ею книжки, признаетъ себя раздѣляющею ученіе о классахъ, то я предложу ей вопросъ: какой же именно русскій классъ, какую *реальную* силу представляетъ ея пресловутая, опередившая Европу интеллигенція? Если она представляетъ собою идею какого-либо русскаго класса, то, стало быть, она имѣетъ и сама классовый характеръ. Если она не есть выраженіе идеи какой-либо реальной силы, то она есть просто скопленіе мечтателей, которые могутъ фантазировать, о чемъ имъ угодно, но перестроить Россію не имѣютъ средствъ. Ибо, если *Русская Мысль* соблаговолитъ почитать произведенія „науки“ объ обществѣ—хотя бы и не соціалистовъ,—она пойметъ, что никакая наука не признаетъ возможности *произвольно* перестраивать общество. Наука соціальная,—всѣхъ направленій,—совершенно одинаково понимаетъ общество, какъ нѣкоторый самостоятельно развивающійся процессъ, вліять на который можно лишь тогда, когда мы сами составляемъ *часть его*. Изъ этого, вѣроятно, и *Русская Мысль* способна будетъ понять, что ея интеллигенція даже не можетъ быть внѣслоевой, внѣклассовой, что она, для возможности дѣйствія, *должна* быть слоевой *частью націи*. Это не есть *обвиненіе*, это не есть клевета реакціонеровъ, какъ я во времена молодости полагалъ, а явленіе неизбѣжное и естественное. *Обвиненіе* или *порицаніе* можетъ явиться лишь при разсмотрѣніи того, что именно представляетъ „интеллигенція“ точно такъ же, какъ при этомъ можетъ явиться и похвала. Если

Digitized by Google

есть за что похвалить, то прійдется похвалить, если есть за что—прійдется упрекнуть или осудить. Но самъ по себѣ фактъ „сословности“ интеллигенціи не есть предметъ ни порицанія, ни похвалы, а просто выраженіе естественныхъ, неизбѣжныхъ соціальныхъ законовъ.

V.

Только тогда, когда органъ интеллигенціи, опередившей Европу, одолѣетъ премудрость классовой доктрины, намъ можетъ открыться возможность собесѣдованія на почвѣ „научной“. Въ ожиданіи перейдемъ къ тому, какъ понимаетъ свою „интеллигенцію“ *Русская Мысль*, слѣдуя не указанію неизвѣстной ей науки, а вдохновенію своего интеллигентнаго „самосознанія“.

Прошу читателей припомнить вышеприведенныя цитаты. *Русская Мысль* доказываетъ, что интеллигенція не принадлежитъ ни къ крестьянству, ни къ дворянству, ни къ буржуазіи, ни вообще ни къ одному классу или сословію. Но значитъ ли это, что она стоитъ *внѣ* классовъ или сословій? Кажется, не трудно сообразить, что это еще не доказано. Дворянство, напримѣръ, не принадлежитъ ни къ духовенству, ни къ крестьянству, ни къ буржуазіи. Значитъ ли это, что оно стоитъ *внѣ* сословій? Да вѣдь оно само есть сословіе, почему именно и не принадлежитъ къ *другимъ* сословіямъ. Аргументація *Русской Мысли* доказываетъ именно *сословность* интеллигенціи. Либеральный журналъ самъ даже объясняетъ намъ, какое сословіе она образуетъ. Оказывается, что всѣ остальныя сословія неспособны представить общее національное самосознаніе Съ другой стороны Россія очень необразована. И вотъ отчленяется особенное сословіе, интеллигенція, которая спеціализируется на этихъ двухъ функціяхъ: 1) *выраженіе національнаго сознанія*, 2) *просвѣщеніе народа и общества*... Претензія не малая, но во всякомъ случаѣ, выставляя ее, какъ же отрицать сословность интеллигенціи? Сверхъ того, нельзя не замѣтить, что идея эта вовсе не оригинальна и не опережаетъ Европу, а составляетъ лишь повтореніе весьма старыхъ идей Сенъ Симона и О. Конта о новомъ правящемъ сословіи. Разница лишь въ томъ, что „отсталые“ европейцы за 60—70 лѣтъ до г. Гольцева понимали, что говорятъ, и чего хотятъ, а *Русская Мысль* этого и нынѣ не обнаруживаетъ. Присваивая интеллигенціи единственное пониманіе, а стало быть и истолкованіе національ-

Digitized by Google

наго сознанія, увольняя ее отъ обязанности учиться у народа, и наоборотъ вмѣняя ей въ обязанность всѣхъ прочихъ учить и просвѣщать, передовой журналъ умудряется не видѣть, что его интеллигентный идеалъ сводится къ могущественному правящему сословію, опекающему націю не только съ какой-либо внѣшней стороны, но уже въ самыхъ глубинахъ ея духовной жизни.. Это нѣчто въ родѣ своеобразной теократіи, какъ ясно понималъ О. Контъ. Таково чистосердечное „показаніе“ интеллигента о роли, къ которой онъ стремится. Къ нему время прибавить и мое въ 1882 году, когда я тоже состоялъ въ ихъ „сословіи“.

Собственно замысловъ *Русской Мысли* я не имѣлъ. Я былъ не либераломъ, а революціонеромъ-народникомъ. Искренній сторонникъ демократіи, поклонникъ принципа свободы, я бы и тогда выступилъ во имя народной самостоятельности противъ *такой* интеллигенціи, о какой мечтаетъ *Русская Мысль*. Такой правящій классъ я бы призналъ еще болѣе опаснымъ и деспотическимъ, нежели всѣ прочіе. Да и понятно. Самъ римскій папа не мечтаетъ о столь полномъ порабощеніи себѣ земныхъ народовъ. Я цѣнилъ свой слой, то-есть интеллигенцію, именно потому, что предполагалъ его орудіемъ оживленія *народной* жизни. и смыслъ интеллигенціи искалъ преимущественно на почвѣ нравственной.

VI.

Доказывая, что „интиллигенція“ составляетъ явленіе органическое, неизбѣжное и полезное, я говорилъ [1], что сущность интеллигенціи составляетъ „подвижничество за правду“.

„Исканіе истины и способовъ осуществленія правды въ общественной жизни—изстари знакомо русскому народу. Многочисленные народные странники, подвижники древней Руси исполняли именно функціи современной интеллигенціи. Вспомните юродствующихъ, обличавшихъ земную неправду предъ лицемъ самого Грознаго, Башкиныхъ, размышляющихъ о грѣховности рабства въ христіанскомъ обществѣ и т. д.,—и вы убѣдитесь, что русская земля никогда не оскудѣвала способностью выдѣлять изъ себя людей, фанатически отыскивающихъ идеалы правды и добра“. Конечно, древняя Русь искала правды на религіозной

[1] *Дѣло*, 1882 г. № 4. „Въ защиту интеллигенціи“.

Digitized by Google

основѣ, а современная интеллигенція на основахъ науки. Но я этому различію не придавалъ существеннаго значенія, и заключалъ, что *„нравственный обликъ современнаго искателя истины представляетъ совершенно аналогичныя черты“*.

„Каждое общественное явленіе, говорилъ я, имѣетъ первоначальнымъ источникомъ какое-нибудь чувство или потребность личности. *Интеллигенцію создаетъ* возбужденное и доведенное до интенсивности *нравственное чувство*. Въ человѣкѣ отъ природы существуетъ потребность гармоніи между его нравственными идеалами и дѣйствительностью окружающей жизни“. Полагая, по своему революціонному мировоззрѣнію, будто бы разладъ между идеалами и дѣйствительностью нынѣ *особенно* великъ, я разсуждалъ такъ:

„Какъ голодъ понуждаетъ человѣка къ работѣ, къ эмиграціи, къ разбою, такъ этотъ нравственный голодъ—порождаетъ современнаго интеллигентнаго подвижника. Жизнь, съ ея неправдою, поруганіемъ идеаловъ, фанатизируетъ нравственное чувство отдѣльныхъ личностей и неудержимо гонитъ ихъ къ отысканію способовъ возстановить нарушенное равновѣсіе. Въ древней Руси человѣкъ, выдвинутый на такой путь, изучалъ св. Писаніе, дѣлался монахомъ, подвижникомъ“. Теперь онъ идетъ къ наукѣ. „Наука объясняетъ строеніе міра, всѣ явленія природы, говоритъ о человѣкѣ, о законахъ общественной жизни“. Къ ней тянется современный подвижникъ, и въ результатѣ складывается полный типъ *интеллигенціи*.

Г. Гольцевъ принимаетъ въ вѣдѣніе интеллигенціи „національное сознаніе“ и дѣло поученія народа. Я въ томъ-же „вѣдомствѣ“ сосредоточивалъ нравственное чувство народа. Вотъ какъ люди способны идеализировать идею своего слоя! Но продолжимъ цитаты.

VII.

„Интеллигенція,—разсуждалъ я,—не только неизбѣжна, но и *нужна*. Не легко на свѣтѣ прожить по правдѣ. Тысячи житейскихъ заботъ увлекаютъ каждаго, богатаго и бѣднаго, вельможу и пролетарія, въ глубокій омутъ всевозможныхъ дрязгъ. Борьба за существованіе оскотиниваетъ человѣка. Такое положеніе дѣла въ настоящее время особенно обострено. Когда общій строй жизни сообразенъ все-таки съ нашими представленіями о справедливости, мы, во многомъ грѣша, не теряемъ, однако, вѣры

Digitized by Google

въ силу и обязательность своихъ идеаловъ. Современное положеніе общества гораздо хуже. Условія жизни крайне осложнились и перепутались. Поступокъ, противорѣчащій нашимъ собственнымъ убѣжденіямъ, пересталъ быть слабостью или грѣхомъ, потому что сдѣлался неизбѣженъ. Залѣпляемые житейскою грязью и пылью, наши идеалы тускнѣютъ. Мы не видимъ для нихъ мѣста въ дѣйствительности, и они начинаютъ казаться чѣмъ-то не отъ міра сего, непримѣнимымъ и безсильнымъ. Въ довершеніе всего такое положеніе вещей представляется не временнымъ, не случайнымъ, а вѣчнымъ, постояннымъ. Конца ему совершенно не предвидится. Усложнившаяся жизнь такъ непонятна и запутана, что способна сбить съ толку даже очень сильный и вооруженный большими знаніями умъ. Что же сказать о массѣ общества и народа? Человѣкъ массы часто не имѣетъ возможности даже просто охватить взглядомъ эту сложную машину жизни. Конкретное осуществленіе смутныхъ идеаловъ правды окончательно затуманивается. Какъ осуществить начала справедливости, какъ примирить противорѣчія жизни, мы не знаемъ, и принуждены безсильно смотрѣть, какъ жизнь возвеличиваетъ и укрѣпляетъ неправду, унижаетъ и искореняетъ справедливость.

„Состояніе въ высшей степени опасное. Если примиреніе жизненныхъ противорѣчій затягивается и въ сознаніи народа окончательно будетъ признано невозможнымъ, то идеалъ погибъ. Безсильная отвлеченность никому не внушаетъ уваженія, и народъ непремѣнно долженъ погрузиться въ зоологическій культъ силы, ловкости и удачи. Но здѣсь же кончается жизнедѣятельность общества. Лишенное того, что составляетъ самую душу его, общество разлагается и умираетъ.

„Въ такія историческія эпохи—*интеллигентный подвижникъ* получаетъ особенно важное значеніе. Онъ необходимъ, какъ одно изъ главнѣйшихъ условій—для прекращенія начавшагося разложенія общества.“

VIII.

„Такой подвижникъ,—доказывалъ я далѣе,—тѣмъ дороже, что выработать его не легко. Нужно особенно здоровое нравственное чувство, чтобы выдержать развращающее вліяніе жизни. А затѣмъ, даже такой человѣкъ, сохранившій въ чистотѣ свою душу, все-таки еще не можетъ служить „солью земли“. Для

Digitized by Google

этого нужно еще, чтобы онъ понималъ жизнь или хотя воображалъ, что понимаетъ. Онъ долженъ знать дѣйствительныя или воображаемыя средства для торжества правды надъ неправдой. Только эта увѣренность въ своемъ пониманіи жизни и путей спасенія даютъ человѣку смѣлость идти противъ теченія. Но въ настоящее время эта увѣренность *рѣдко* вырабатывается иначе, какъ при нѣкоторой степени образованія. Человѣкъ, знающій о существованіи науки, но не нашедшій къ ней доступа, въ большинствѣ случаевъ будетъ робѣть передъ жизнью.

„Вотъ какъ много нужно условій, чтобы въ средѣ общества выработался подвижникъ правды.

„А затѣмъ, дѣйствительно-ли такой человѣкъ обладаетъ истиной или нѣтъ, но, убѣжденный въ своей правотѣ, каждый изъ нихъ способенъ возрождать и поддерживать въ массахъ увѣренность въ томъ, что идеалы правды не фантазія, не безплотная мечта, а выраженіе міроваго закона. Фанатическое убѣжденіе личности передается массѣ хотя бы въ болѣе мягкой формѣ увѣренности или надежды. Открытая защита правды, неукротимый протестъ противъ неправды, даютъ массѣ хоть изрѣдка образчикъ той силы, которая заключается въ правдѣ, а доставляя ей хотя случайное торжество, доказываютъ, что она не пустая абстракція. Колеблющееся нравственное чувство большинства, задавленнаго житейскими невзгодами, отдыхаетъ и укрѣпляется на этихъ высокихъ примѣрахъ. Но значеніе подвижника не исчерпывается этимъ оздоравливающимъ вліяніемъ. Онъ не только будитъ общественное чувство и призываетъ его къ правдѣ, а указываетъ и практическіе способы ея осуществленія. Они могутъ быть иногда фантастичны, но бываютъ и основательны, иногда геніальны. Даже оставаясь въ отдѣльности односторонними, эти люди въ совокупности бросаютъ въ народное сознаніе много вѣрныхъ соображеній, переработавъ которыя своимъ практическимъ умомъ—народъ получаетъ возможность во многомъ реформировать свою жизнь. Такимъ образомъ подвижникъ, будя чувство, даетъ путеводную нить и разуму. Онъ же является и первымъ иниціаторомъ въ осуществленіи новой идеи“...

IX.

Такъ писалъ я въ 1882 году. Что сказать теперь объ этихъ строкахъ, въ которыхъ довольно тонко подмѣченная правда такъ странно перемѣшана съ очевиднѣйшею ошибкой?

Digitized by Google

Я обрисовывалъ значеніе *подвижника правды* для общественной жизни.

Съ удовольствіемъ перечитываю эти строки: все это вѣрно, и все это *нужно* повторять и повторять обществу... Вопросъ лишь въ томъ, причемъ тутъ непремѣнно „интеллигенція“? Я говорилъ о подвижникахъ *древней* Руси. Да развѣ они не такіе же и нынѣ? Развѣ и теперь рѣшимость и готовность „постоять за правду до послѣдняго“ не проявляется въ людяхъ всѣхъ сословій, тамъ и сямъ, рѣдко, какъ и въ древней Руси, и какъ вообще на свѣтѣ, но отнюдь не исчезая? Съ какой стати я монополизировалъ это высокое состояніе нравственнаго чувства въ одной своей „интеллигенціи“?

Охотно признаю, что въ нашемъ образованномъ слоѣ, вообще, и въ той его части, которую я считалъ единственно достойною имени „интеллигенціи“, *подвижничество за правду* имѣло свое мѣсто. Но *оно* ли характеризуетъ интеллигенцію? Вѣдь вотъ, напримѣръ, въ 1882 году я отказывалъ Каткову и Аксакову въ чести принадлежать къ интеллигенціи. И однако ужь конечно Катковъ и Аксаковъ были не меньшими подвижниками *своей* правды, чѣмъ гг. Гольцевы, Оболенскіе и т. п. Не смѣшно ли и сравнивать? Да и я самъ ужь конечно *теперь* выдерживаю несравненно болѣе тяжелую борьбу за свою правду, чѣмъ въ 1882 году. И однако теперь я уже оказываюсь внѣ рядовъ „интеллигенціи“, какъ объявляетъ ***Русская Мысль***.

Стало быть дѣло вовсе не въ *подвижничествѣ* за правду, не въ напряженіи нравственнаго чувства. Его можетъ не быть даже въ минимальной степени, и дѣятель будетъ все-таки числиться въ рядахъ интеллигенціи. Наоборотъ, можно буквально заморить себя въ мученическомъ отстаиваніи своей *правды*, и быть объявленнымъ не имѣющимъ ничего общаго съ „интеллигенціей“.

Ясное дѣло стало быть, что мое объясненіе 1882 года столь же ничего не объясняетъ, какъ теперешняя формулировка *Русской Мысли*. Интеллигенція, говоритъ она, есть „освѣщенное знаніемъ національное сознаніе“. И однако „консерваторы-самобытники“ къ ней не относятся. Значитъ, у Каткова, Аксакова, Данилевскаго, Достоевскаго, Леонтьева и т. д. и т. д. національнаго сознанія *не было*... Оно почему-то есть лишь у Гольцевыхъ, Оболенскихъ, Милюковыхъ и прочихъ Ивановъ Ивановичей Ивановыхъ.

Въ 1882 году я зналъ Россію во сто разъ меньше, чѣмъ теперь; мой опытъ былъ сравнительно ничтоженъ, и мое знакомство съ наукой общечеловѣческою во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ теперь.

Digitized by Google

Не, по ученію *Русской Мысли*, „національное сознаніе, просвященное знаніемъ“ у меня тогда все-таки *было*. Теперь же, когда я во всѣхъ отношеніяхъ лично выросъ, а къ Россіи сталъ ближе, оказывается, что національное сознаніе у меня исчезло. Что это за чудеса въ рѣшетѣ?..

X.

Повторяю, ни мое объясненіе 1882 года, ни нынѣшнее объясненіе *Русской Мысли*, ни мало не показывая, что такое интеллигенція, рисуютъ лишь ея чрезвычайное самомнѣніе, а также ея замкнутость. Дѣйствительно, лишь отчужденностью отъ тѣсной связи съ другими національными слоями можно объяснить ея слѣпоту на нравственныя и умственныя свойства другихъ людей, вслѣдствіе чего она и способна воображать, будто бы она обладаетъ человѣческими свойствами. Эта черта проявляется какъ у тѣхъ крайнихъ радикаловъ, которыхъ самооцѣнку выражалъ въ 1882 году *я*, такъ и у тѣхъ умѣренно-аккуратныхъ либераловъ, выразительницей которыхъ явилась *Русская Мысль*, но у этихъ послѣднихъ въ еще сильнѣйшей степени.

Русская Мысль вошла уже въ такую узкую кружковщину, что исключаетъ изъ состава „интеллигенціи“ цѣлые слои, доселѣ признававшіеся неотъемлемою ея частью. Она объявляетъ, что „интеллигенціи“ нечему учиться у народа, и не у народа, „конечно“, она должна учиться пониманію жизни... Но если такова идея интеллигенціи, то изъ этого слоя исключаются уже не одни славянофилы или „консерваторы“, но и „народники“, а также всѣ разновидности „толстовцевъ“. Узкій *классовой* духъ ни въ одномъ слоѣ интеллигенціи не проявился болѣе рѣзко, какъ именно въ либеральныхъ защитникахъ интеллигентной безсословности.

XI.

Вѣяніе этого духа особаго *сословія*, претендующаго на господствующее положеніе въ націи, чувствуется въ основѣ стремленій всей „интеллигенціи“. Мы видимъ, что онъ отчленяетъ понятіе о ней отъ понятія о вообще „образованномъ“ слоѣ. Какъ я въ 1882 году, такъ и *Русская Мысль* въ 1895 году — совершенно правы, поддерживая разграниченіе „интеллигенціи“ отъ „образованнаго слоя“. Люди „образованнымъ“ слоемъ пони-

Digitized by Google

мается слой людей, освоившихся съ наукой и умственно развитыхъ. Никто изъ этого слоя не исключаетъ ни Каткова, ни преосвященнаго Никанора, ни графа Дмитрія Толстого, какъ не исключитъ Герцена или Чернышевскаго. Въ „интеллигенцію" входятъ только послѣднія имена. Въ „интеллигенцію" войдетъ, съ полнаго одобренія *Русской Мысли*, любой радикальный студентъ, предпочитающій слушать лекціи какой-нибудь либеральной бездарности, чѣмъ „консерватора", создавшаго цѣлую отрасль науки. Въ интеллигенцію войдетъ скорѣе „малоуспѣвшій" семинаристъ отрицательнаго образа мыслей, нежели ученый архіепископъ Никаноръ. Графъ Дмитрій Толстой—въ „интеллигенціи" не состоитъ, но какой-нибудь глуповатый канцелярист его, передающій „радикаламъ" политическіе секреты графа, войдетъ съ полнымъ правомъ въ этотъ кругъ и т. д. Итакъ, значитъ, въ чемъ же разгадка сущности „интеллигенціи?" Кажется ясно, что принадлежность къ ней непремѣнно требуетъ извѣстнаго *направленія*. Все, что такъ или иначе примыкаетъ къ идеѣ мирнаго или насильственнаго переворота общества, съ замѣной его реальныхъ историческихъ основъ основами мечтательнаго соціализма, все это независимо отъ степени своихъ знаній, ума, развитости, нравственнаго чувства,—все это войдетъ въ понятіе „интеллигенціи". Именно такое состояніе умовъ, такая „миссія"—объединяетъ „интеллигенцію", и ничто другое. Таково, полагаю, *безспорное* опредѣленіе интеллигенціи, какъ историческаго явленія и какъ наличнаго факта русской жизни. Я, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, въ концѣ своего наблюденія и размышленія,—не могу найти другаго общаго и очевиднаго опредѣленія. Все остальное, вродѣ „подвижничества" или „выраженія національнаго сознанія", есть въ „интеллигенціи" дѣло чисто случайное. Среди нея бывали люди умные и дѣйствительно съ чертами „подвижника", бывали полные невѣжды, бездарности и своекорыстнѣйшіе карьеристы. Но всѣ они, при разницѣ въ степени уваженія къ себѣ, одинаково пользуются *правомъ гражданства* въ интеллигенціи. Стало быть, оцѣнивая „интеллигенцію", должно брать во вниманіе прежде всего именно ея основу, то-есть, извѣстное *направленіе*.

XII.

Если же мы посмотримъ съ этой точки зрѣнія, то безъ труда увидимъ, чѣмъ создана „интеллигенція". Дѣло не въ „подвижничествѣ", которое требуетъ лишь осуществленія, а не измѣне-

Digitized by Google

нія идеала. Дѣло и не въ наукѣ, которая вовсе не санкціонируетъ замысловъ этого слоя. „Интеллигенція“ есть прямое созданіе *плохаго ученичества*, того, которое первоначально опредѣлялось способностями *празднаго барства*, впослѣдствіи плохо выработаннаго *разночинства*, поступившаго въ школу барскаго отрицанія, и въ обоихъ періодахъ—чтеніемъ легкихъ *книжекъ*, но не самостоятельнымъ наблюденіемъ жизни. Что такой слой, отъ *своего*, русскаго, отстававшій, а къ чужому, научному, не умѣвшій толкомъ пристать, являлся неизбѣжно,—это легко допустить. Но точно также неизбѣжно заростаніе плохаго поля бурьяномъ. Что появленіе такой разновидности „образованнаго“ слоя составляетъ доказательство нѣкотораго нездороваго состоянія Россіи,—это опять вѣроятно до безспорности. Но, составляя признакъ и послѣдствіе исторической болѣзни, — этотъ слой отнюдь не составляетъ лѣкарства противъ нея. Въ этомъ все и дѣло.

Россіи былъ и остается нуженъ *образованный* человѣкъ, нуженъ былъ, нуженъ и теперь *подвижникъ правды*. Но это ничуть не значитъ, чтобы ей нуженъ былъ „интеллигентъ“, со всѣми его претензіями на господство въ дезорганизованной имъ же странѣ.

Эти претензіи, положимъ, мало-по-малу становятся все болѣе смѣшны. Чѣмъ сильнѣе и серіознѣе развивается въ странѣ образованіе, тѣмъ слабѣе становится вліяніе собственно „интеллигента“, который и нынѣ уже пріобрѣтаетъ репутацію скорѣе „недоучки“, чѣмъ „образованнаго“ человѣка. Точно также чѣмъ болѣе развивается слой образованный, тѣмъ рѣже „подвижникъ правды“ попадаетъ въ ряды „интеллигенціи“, такъ какъ онъ уже имѣетъ болѣе легкую возможность освѣтить свои нравственныя стремленія серіозно образованною мыслью. Этими причинами конечно и объясняется пониженіе собственно „интеллигентнаго“ слоя, и тотъ фактъ, что онъ оживляется и пріобрѣтаетъ вліяніе какъ разъ въ тѣ моменты, когда разстраивается Россія,—точно такъ же, какъ, наоборотъ, съеживается и уходитъ въ свою скорлупку каждый разъ, когда оживляется Россія и на каждомъ пунктѣ, гдѣ она оживляется.

Этотъ рядъ явленій тоже бросаетъ немалый свѣтъ на вопросъ о томъ, что̀ такое „интеллигенція“, и на то, откуда въ ней явились зародыши сословнаго духа.

Digitized by Google

XIII.

Дѣло въ томъ, что мечты *Русской Мысли* о господствующей роли этого слоя совершенно точно выражаютъ внутреннюю логику развитія *интеллигентной* идеи, порожденной слабыми сторонами исторіи нашего просвѣщенія.

Идя сверху, это просвѣщеніе проводилось, понятно, по преимуществу верхними правящими слоями. Бюрократическо-господская закваска поэтому съ самаго начала весьма сильно сказывается въ образованномъ слоѣ. Но особенно сильно развилась она въ „передовой“ его части, которая съ теченіемъ времени все болѣе отчленяется отъ остальнаго образованнаго слоя. Это явленіе ясно для тѣхъ, кто понимаетъ исторію „передовыхъ“ идей въ самой Европѣ.

Идеи либеральнаго демократизма, какъ впослѣдствіи идеи соціальнаго демократизма, порождаемыя разрушеніемъ внутренней національной организаціи,—въ свою очередь доводили это разрушеніе до конца, а тѣмъ самымъ неизбѣжно вели къ созданію новаго правящаго класса [1]—„представителей народной воли“.

Это политиканствующее сословіе уже повсюду развилось въ странахъ либеральнаго демократизма, принимая въ свои ряды ту бойкую, рѣчистую, немножко образованную часть населенія, которая не годится къ болѣе серіезной работѣ въ рядахъ націи. Этому новому сословію и теперь уже не житье, а масляница въ конституціонныхъ странахъ. При будущемъ соціалистическомъ строѣ, если ему суждено хотя не надолго осуществиться въ Европѣ, это сословіе управителей, распорядителей и т. п.—потребуетъ еще гораздо большаго количества членовъ и займетъ еще болѣе выгодное положеніе. Это будетъ полное осуществленіе „безсословныхъ“ мечтаній *Русской Мысли*.

Стремленіе расшатывающагося барства и чиновничества именно къ самымъ „передовымъ“ идеямъ составляетъ въ этомъ отношеніи любопытный примѣръ безсознательнаго классоваго предчувствія. Оно особенно вспыхнуло у насъ въ то время, когда рухнувшій крѣпостной строй породилъ многочисленный „умственный пролетаріатъ“, для котораго ничто не сулитъ лучшей соціальной карьеры, какъ именно идеалы „интеллигенціи“. Если бы *Русская Мысль* была получше знакома съ ученіемъ о клас-

[1] Объ этомъ болѣе подробно говорю я въ „Соціальныхъ миражахъ“. *Р. О.* 1891, № 7.

Digitized by Google

сахъ, она легко поняла бы, какъ безсознательная логика положенія подсказываетъ формирующемуся классу идеи, на видъ облагораживаемыя разными возвышенными соображеніями, а въ дѣйствительности выражающія просто-на-просто *его классовый интересъ*. Конечно, не сразу классовые потомки Вашингтоновъ и Франклиновъ опускаются до того безстыдства, съ которымъ современные „политиканы", послѣ удачной избирательной компаніи, провозглашаютъ: „Побѣдителямъ добыча"!.. Но логику классоваго интереса долженъ крѣпко помнить всякій, кто еще въ душѣ хочетъ и мечтаетъ служить Россіи и „правдѣ", а не интересамъ будущаго класса, правящаго обществомъ, дезорганизпрованаго „передовыми" идеями.

Мы не этого хотимъ,—скажутъ люди „интеллигенціи"...—Хотите или нѣтъ, но вы къ этому идете,—отвѣчу я,—и обязаны понимать отвѣтственность, которую на себя принимаете.

Строй, осуществленіе котораго составляетъ объединительную идею нашей „интеллигенціи", строй, за отрицаніе котораго человѣкъ, хотя и самый умный, знающій и честный, ipso facto исключается изъ ея рядовъ,—безъ сомнѣнія очень выгоденъ для нея. Никакой другой не способенъ дать столько „мѣстъ", вліянія, доходовъ, легкаго труда на счетъ массы народа всѣмъ этимъ сочинителямъ и представителямъ „народной воли" или „національнаго сознанія просвѣщеннаго свѣтомъ знанія". Но собственно возвышенныя слова по поводу этихъ идеаловъ пора бы оставить въ покоѣ. А тѣмъ, кто не обманываетъ другихъ, а самъ обманывается, должно бы поразмыслить посеріознѣе о томъ, что̀ сулятъ эти идеалы собственно для народа?...

Тогда они поймутъ, что собственно народъ, нація—спасаетъ свою свободу, развитіе и самостоятельность только совершенно противоположнымъ путемъ, путемъ развитія *историческихъ основъ*, столь ненавистныхъ интеллигенціи, но, къ счастью, все болѣе привлекающихъ къ себѣ слой людей образованныхъ.

XIV.

Расчлененіе общества на слои, съ особыми интересами, и его объединеніе интересами общими составляетъ явленіе постоянное, *законъ*. Но при этомъ ни выраженіе „національнаго сознанія", ни тѣмъ паче „подвижничество за правду" не составляетъ, и не можетъ, и не должно составлять ни чьей *словой* монополіи. Не составляетъ, потому что мы это видимъ какъ историческій фактъ;

Digitized by Google

не можетъ составлять, потому что чувство, умъ, наблюденіе, и то высшее, реальнѣйшее *знаніе*, которое дается умнымъ и прочувствованнымъ наблюденіемъ себя и людей,—свойственно *всѣмъ* людямъ, какихъ бы то ни было занятій, какого бы то ни было общественнаго положенія. Такой монополіи, наконецъ, *не должно* быть, потому что, если бы она явилась, это означало бы созданіе не человѣческаго общества, а стада барановъ. Со всѣхъ сторонъ идеалы *Русской Мысли* не выдерживаютъ критики. Идеалъ, основанный на исторической почвѣ, составляетъ нація *живая*, одушевленная во всѣхъ своихъ слояхъ, во всѣхъ клѣточкахъ своихъ проникнутая разумомъ, нравственнымъ чувствомъ, самодѣятельностью. Съ этимъ идеаломъ должна сообразоваться и дѣятельность *образованнаго слоя*.

Онъ необходимъ *повсюду*. Нелѣпа мысль всеобщаго однообразнаго образованія народа. Но образованный человѣкъ долженъ находиться повсюду, не сливаясь въ особое сословіе, а живя въ каждомъ изъ нихъ, какъ его членъ, тѣсно съ нимъ связанный. Конечно, просвѣщенные люди разныхъ слоевъ непремѣнно будутъ чувствовать нѣчто *общее* между собою, въ видѣ научно-просвѣщенной мысли. Но они не должны отрываться отъ духовной связи и матеріальныхъ интересовъ своего сословія, ибо только подъ этимъ условіемъ помогаютъ другъ другу понять національные интересы и національную мысль болѣе ясно, нежели нація сознаетъ это безъ нихъ. Въ свою очередь, каждый отдѣльный слой только въ присутствіи такихъ своихъ представителей способенъ развивать свою жизнь въ полной энергіи.

Россія страдаетъ отъ малочисленности образованнаго слоя, и его созданію необходимо способствовать. Но онъ не долженъ быть изолированнымъ и замкнутымъ въ себѣ, а разлитъ повсюду, какъ составная часть всѣхъ слоевъ и сословій, тѣсно съ *ними* связанная. Его соціальная роль—освѣщать жизнь, опытъ, интересы всѣхъ соціальныхъ слоевъ и способствовать приведенію ихъ къ единству. Онъ въ каждомъ слоѣ долженъ учиться у народа, долженъ представлять лишь высшее выраженіе сознанія каждаго слоя, и только этимъ путемъ способенъ выражать имѣющееся въ нихъ національное сознаніе. Для развитія народной жизни нужна *самостоятельная* работа ума, чувства и опыта всей массы народа разныхъ слоевъ и положеній. Какъ я выразился въ октябрѣ: „Мы, живя, работая, снискивая средства для существованія, для воспитанія дѣтей, входя въ извѣстныя отношенія къ друзьямъ, къ чужимъ, ко всему окружающему, сами видимъ, что̀ намъ

Digitized by Google

лучше и удобнѣе, и сообразно съ этимъ каждый видоизмѣняетъ свои способы дѣйствія". Такъ нарастаютъ измѣненія непригоднаго стараго или укрѣпляются здоровыя его стороны. Образованный слой—не наставникъ и руководитель народа въ этой работѣ, а участникъ въ ней, наблюдатель, критикъ, объединитель разрозненныхъ опытовъ.

Это и есть его здоровая роль. Это значитъ—„примкнуть къ Россіи, честно служа *ея* задачамъ (а не своимъ), *ея* цѣлямъ (а не своимъ)".

XV.

„Классовыя" мечтанія ***Русской Мысли*** едва ли даже осуществимы. Во-первыхъ, Россія вовсе не такая дезорганизированная нація, которую интеллигенція могла бы „объединить" подъ своимъ господствомъ. У насъ очень крѣпки именно *общенаціональныя* основы, о которыя разбиваются постоянно планы этой „интеллигенціи". Во-вторыхъ, въ Россіи уже появился образованный слой, живущій національною жизнью, въ различныхъ слояхъ и сословіяхъ. Эта часть образованнаго слоя по образованію, по развитости уже и теперь выше „интеллигенціи". Стало быть, ни въ учрежденіяхъ политическихъ, ни во внутренней жизни націи „интеллигенція" не имѣетъ шансовъ осуществить свой захватъ. Все заставляетъ надѣяться наоборотъ, что она отовсюду будетъ все болѣе вытѣсняться. Но дѣло не въ томъ. Допустимъ, что какія-нибудь несчастья, разстройства, приведутъ Россію въ такое состояніе, при которомъ она можетъ быть захвачена въ управленіе „интеллигенціей"... Я однако желалъ бы знать: неужели человѣку искреннему, сколько-нибудь способному любить людей и желать имъ блага, можетъ быть привлекательна эта назойливая роль какого-то своеобразнаго „претендента"? Неужели умъ и чувство людей, еще не застывшихъ въ классовомъ политиканствѣ, не подсказываютъ имъ, что гораздо полезнѣе и достойнѣе служить самостоятельному развитію народа, помогать ему находиться въ томъ здоровомъ, живомъ состояніи, когда ему не нужны никакіе спасители, ни фальшивые, ни даже дѣйствительные? Мнѣ кажется такъ ясно, такъ очевидно,—что главная цѣль всякой общественной дѣятельности именно въ этомъ...

Л. Тихомировъ.

Digitized by Google

ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ВЛ. СОЛОВЬЕВЪ О САМОДЕРЖАВІИ И ЗАДАЧАХЪ РОССІИ.

Въ декабрьской книжкѣ *Вѣстника Европы* (1895 г.) г. Соловьевъ помѣстилъ статью „Значеніе Государства", въ которой, опредѣляя это значеніе вообще, особенно любопытныя строки посвящаетъ Самодержавному принципу. Какъ бы продолженіемъ этого разсужденія является въ январской книжкѣ *Вѣстника Европы* (1896 г.) статья *Византизмъ и Россія*, еще не оконченная. Полная оцѣнка излагаемыхъ въ статьяхъ взглядовъ была бы еще преждевременна. Но взгляды г. В. Соловьева заслуживаютъ во всякомъ случаѣ вниманія читателей.

Авторъ прежде всего утверждаетъ необходимость *единства* верховной власти:

„Дѣйствительное право есть то, которое заключаетъ въ себѣ условія своего осуществленія, то-есть, огражденія себя отъ нарушеній. Первое и основное условіе для этого есть общежитіе или общественность, ибо человѣкъ одинокій, предоставленный самому себѣ, очевидно безсиленъ противъ стихій природы, противъ хищныхъ звѣрей и безчеловѣчныхъ людей. Но, будучи необходимымъ огражденіемъ личной свободы, или естественныхъ правъ человѣка, общественная форма жизни есть вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченіе этихъ правъ, но ограниченіе не внѣшнее и произвольное, а внутренно вытекающее изъ существа дѣла.

„Опредѣленное въ данныхъ обстоятельствахъ мѣста и времени ограниченіе личной свободы требованіями общаго блага, или—что то же—опредѣленное въ данныхъ условіяхъ уравновѣшеніе этихъ двухъ началъ есть право положительное, или *законъ*.

„Право должно имѣть въ обществѣ дѣйствительныхъ носителей или представителей, достаточно могущественныхъ для того, чтобы издаваемые ими законы и произносимыя сужденія могли имѣть силу принудительную. Такое реальное воплощеніе права называется *властью*.

„Требуя по необходимости отъ общественнаго цѣлаго обезпеченія моихъ естественныхъ правъ, я долженъ предоставить этому общественному цѣлому: 1) власть издавать обязательные для всѣхъ, слѣдовательно и для меня, законы; 2) власть судить со-

Digitized by Google

образно этимъ общимъ законамъ о частныхъ дѣлахъ и поступкахъ, и 3) власть принуждать всѣхъ и каждаго къ исполненію какъ этихъ судебныхъ приговоровъ, такъ и вообще всѣхъ законныхъ мѣръ, необходимыхъ для общей (а слѣдовательно и моей) безопасности и преуспѣянія.

„Ясно, что эти три различныя власти — законодательная, судебная и исполнительная—суть только особыя формы проявленія единой верховной власти, въ которой сосредоточивается все положительное право общественнаго цѣлаго, какъ такого. Безъ единства верховной власти, такъ или иначе выраженнаго, невозможны были бы ни общіе законы, ни правильные суды, ни дѣйствительное управленіе, то-есть самая цѣль организаціи даннаго общества не могла бы быть достигнута.

„Государство, какъ дѣйствительное историческое воплощеніе людской солидарности, есть реальное условіе общечеловѣческаго дѣла, то-есть осуществленія добра въ мірѣ. Этотъ реально-нравственный характеръ государства подчеркнутый практическимъ духомъ римлянъ, не означаетъ, однако, что оно само, какъ думали римляне, уже есть безусловное начало нравственности, высшая цѣль жизни, верховное добро и благо".

Эту мысль г. В. Соловьевъ доказываетъ довольно слабо. Но сама по себѣ она несомнѣнна, такъ какъ, если государство есть лишь *условіе* для осуществленія добра въ мірѣ, то понятно, что добро само по себѣ есть нѣчто *иное*, и что являясь условіемъ сохраненія *права*, государство не есть то, изъ чего вытекаетъ самая *потребность* права. Потребность права вытекаетъ очевидно изъ чего-то другаго, изъ нѣкотораго начала, которое выше права, и безъ существованія котораго право было бы ненужно, не имѣло бы raison d être. Все это, повторяю, у г. Соловьева не выяснено и даже довольно запутано. Но, принимая во вниманія указанныя соображенія, легко оцѣнить справедливость основной мысли г. Соловьева.

„Византійская политическая идея,—продолжаетъ онъ,—характеризуется тѣмъ, что признаетъ въ государствѣ *сверхправное* начало, которое, *не будучи произведеніемъ [данныхъ правовыхъ отношеній, можетъ и призвано самостоятельно измѣнять ихъ согласно требованіямъ высшей правды.*

„Въ христіанской Византіи императорская власть могла почитаться священною лишь какъ особое служеніе истинному Богу. Христосъ, передъ своимъ отшествіемъ изъ области видимаго міра, сказалъ ученикамъ Своимъ: „дана Мнѣ *всякая* власть на

Digitized by Google

небѣ и на землѣ". (Матѳ. XXVIII). Слѣдовательно, съ христіанской точки зрѣнія, власть императора могла пониматься, только какъ *делегація* власти Христовой, или порученіе отъ Христа управлять „вселенною" (οἰκουμένη), какъ эти преемники римлянъ называли свою имперію. Этимъ понятіемъ государственной власти, какъ делегаціи свыше, устраняется въ принципѣ возможность личнаго произвола, и утверждается верховенство безусловнаго нравственнаго идеала. Ясно, что порученіе должно исполняться въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно дано, или въ духѣ и въ интересѣ довѣрителя. Что̀ соотвѣтствуетъ духу Христа, что̀ должно быть, при данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, сдѣлано въ Его интересѣ,—это для христіанина рѣшается его совѣстью съ достаточною опредѣленностью, и этому рѣшенію личной совѣсти принадлежитъ окончательное значеніе въ управленіи государствомъ, согласно христіанской идеѣ. Это есть то новое, что̀ внесено христіанствомъ въ область политическую. Восточный деспотъ ограниченъ неподвижными традиціонными учрежденіями и полновластенъ только въ удовлетвореніи своихъ страстей. Римскій императоръ знаетъ только физическія границы своему произволу; не отвѣчая передъ людьми, онъ не отвѣчаетъ передъ Богомъ, ибо самъ есть богъ, хотя довольно жалкій. Въ противоположность тому и другому представленію, христіанская монархія есть *самодержавіе совѣсти*. Носитель верховной власти, порученной ему отъ Бога правды и милости, не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ, кромѣ нравственныхъ; онъ можетъ все, что̀ согласно съ совѣстью, и не долженъ ничего, что̀ ей противно.

„Онъ не долженъ зависѣть отъ „общественнаго мнѣнія", потому что общественное мнѣніе можетъ быть ложнымъ; онъ не есть слуга народной воли, потому что воля народа можетъ быть безнравственной; онъ не представитель страны, потому что страна можетъ быть поглощена мертвымъ моремъ. Онъ поставленъ выше всего этого,—онъ есть подчиненный, служитель и представитель только того, что по существу не можетъ быть дурнымъ—воли Божіей, и величіе такого положенія равно только величію его отвѣтственности".

Я полагаю, что г. Соловьевъ ошибается въ оцѣнкѣ и Византіи, и особенно восточныхъ деспотій. Но собственно въ обрисовкѣ христіанскаго *самодержавія*—онъ въ сущности лишь повторяетъ ту формулу, которую я въ 1894 г. далъ въ „Носителѣ идеала" (онъ самъ впрочемъ не упоминаетъ объ этомъ). Какъ бы то ни было—мысль совершенно вѣрная. Но дальнѣйшія со-

Digitized by Google

ображенія г. Соловьева уже начинаютъ выражать его обычныя тенденціи. Онъ старается поставить въ обязанность самодержавію какое-то особенное попеченіе о *прогрессѣ*.

„Особая задача верховной государственной власти опредѣляется ея положеніемъ какъ посредствующаго дѣятеля между безусловнымъ нравственнымъ идеаломъ и данною правовою организаціей общества. Право есть, какъ мы знаемъ, равновѣсіе частнаго и общаго интереса. Но обѣ стороны заинтересованы не только въ поддержаніи своего существованія, или въ *сохраненіи* даннаго общественнаго состоянія, но и въ его *усовершенствованіи*.

„Чтобы этотъ прогрессъ правового состоянія въ нравственномъ смыслѣ или преобразованіе общественныхъ отношеній въ направленіи къ общественному идеалу было и успѣшно и достойно своей цѣли, оно должно быть дѣломъ человѣческой свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть предоставлено произволу частныхъ людей. Поэтому необходима делегація божественной власти христіанскому самодержцу съ его безусловною свободой и безусловною отвѣтственностью.

„Но при настоящемъ состояніи человѣчества, раздѣленнаго на многія независимыя государства, задача верховной государственной власти не можетъ ограничиваться охраненіемъ и усовершенствованіемъ правовыхъ отношеній внутри даннаго общественнаго цѣлаго,—она необходимо распространяется и на взаимодѣйствіе отдѣльныхъ государствъ. Здѣсь она состоитъ въ томъ, чтобы измѣнять и ихъ въ смыслѣ большей справедливости и человѣколюбія. Делегація христіанскаго самодержца относится, конечно, и къ этому историческому дѣланію. И здѣсь онъ есть служитель правды Божіей и долженъ дѣлать то, что при данныхъ условіяхъ наиболѣе способствуетъ окончательному объединенію всего міра въ духѣ Христовомъ.

„Византія не исполнила своего историческаго призванія. Во внутренней политикѣ она слишкомъ охраняла полу-языческое statu quo, не думая о христіанскомъ усовершенствованіи общественной жизни, вообще же подчиняла все внѣшнему интересу военной защиты. Но именно вслѣдствіе этихъ односторонникъ заботъ она потеряла внутреннюю причину своего бытія, а потому не могла исполнить и внѣшней своей задачи и погибла печальнымъ образомъ“...

Нравоученіе, вытекающее отсюда, совершенно ясно. „Делегація власти Христа“ дается собственно для осуществленія идей г.

Digitized by Google

Соловьева относительно прогресса и соединенія Церквей. Впрочемъ авторъ лишь бросаетъ намеки, не дѣлая пока своихъ обычныхъ излюбленныхъ выводовъ.

Гораздо ближе къ нимъ подходитъ г. Соловьевъ въ январьской статьѣ (*Византизмъ и Россія*). Тутъ ужь авторъ лишь повторяетъ то, что много разъ говорилъ раньше. Не считаю нужнымъ поэтому дѣлать много выписокъ. Между прочимъ г. Соловьевъ приводитъ дѣйствительно прекрасную формулу Ивана Грознаго, которую впрочемъ гораздо раньше его напоминалъ русскому обществу Н. И. Черняевъ въ статьѣ своей „О Русскомъ Самодержавіи", напечатанной въ 1895 году въ *Русскомъ Обозрѣніи* и затѣмъ вышедшей отдѣльною брошюрой.

„Первымъ настоящимъ носителемъ царскаго самодержавія у насъ долженъ быть признанъ Иванъ IV не только по фактической полнотѣ своей власти, но и по ясному сознанію о ея характерѣ и источникѣ. Безъ сомнѣнія, между Владиміромъ Святымъ и Петромъ Великимъ, это есть самое значительное, характерное и интересное лицо въ нашей исторіи.

„Отъ Ивана Грознаго къ намъ дошла, между прочимъ, самая вѣрная и самая полная формула христіанской монархической идеи:

„*Земля правится Божіимъ милосердіемъ и Пречистыя Богородицы милостію и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ и послѣди нами, государями своими, а не судьями и воеводы, и еже тамъ и стратиги*"...

„Эта формула безукоризненна; нельзя лучше выразить христіанскій взглядъ на земное царство. Но если это совершенное слово сопоставить съ историческимъ образомъ того, кто его произнесъ, то какой новый, потрясающій, трагическій смыслъ оно получаетъ. Царствованіе Ивана Грознаго въ ту эпоху, когда окончательно опредѣлился его характеръ, не есть только собраніе всякихъ ужасовъ, а имѣетъ болѣе глубокое значеніе *отступленія* отъ имъ самимъ формулированной монархической идеи и *противодѣйствія* имъ самимъ провозглашенной верховной власти.

„Царствованіе Ивана Грознаго было яркимъ и своеобразнымъ повтореніемъ того противорѣчія, которое погубило Византію— противорѣчія между словеснымъ исповѣданіемъ истины и ея отрицаніемъ на дѣлѣ. Онъ былъ достаточно ученъ, чтобы понять смыслъ византійской исторіи, но онъ не захотѣлъ его понять и предпочелъ раздѣлять византійскую точку зрѣнія, что *истина не обязываетъ*..

Digitized by Google

„Притомъ это не было только личнымъ грѣхомъ Ивана IV. Двоедушіе этого царя, который, предаваясь Нероновскимъ злодѣяніямъ, ссылался въ то же время на милосердіе Божіе и милость Пречистой Богородицы,—это двоедушіе поддерживалось и въ извѣстномъ смыслѣ извинялось *политическимъ двоевѣріемъ* русскаго народа. Съ одной стороны—христіанскій идеалъ царя, какъ земнаго олицетворенія и орудія Божьей правды и милости—идеалъ, поддерживаемый памятью о лучшихъ изъ великихъ князей кіевской и монгольской эпохи, а съ другой стороны—чисто-языческій образъ властелина, какъ олицетворенія грозной, всесокрушающей, ничѣмъ нравственно не обусловленной силы,—идеалъ римскаго кесаря, оживленный и усиленный воздѣйствіемъ ближайшихъ ордынскихъ впечатлѣній".

Далѣе г. Соловьевъ повторяетъ свои обычныя воззрѣнія.

„Россія въ XVII вѣкѣ избѣгла участи Византіи: она сознала свою несостоятельность и рѣшила совершенствоваться. Великій моментъ этого сознанія и этого рѣшенія воплотился въ лицѣ Петра Великаго. При всѣхъ своихъ частныхъ порокахъ и дикостяхъ, онъ былъ историческимъ сотрудникомъ Божіимъ, лицомъ истинно-провиденціальнымъ, или теократическимъ. Дѣло его состояло въ томъ, чтобы дать Россіи реальную возможность стать христіанскимъ царствомъ—исполнить ту задачу, отъ которой отреклась Византія.

„По самой идеѣ христіанства, какъ религіи бого-*человѣческой*, христіанское царство должно состоять изъ свободныхъ человѣческихъ лицъ, какъ и во главѣ его должно стоять такое лицо. Понятіе человѣческой личности въ ея безусловномъ значеніи было совершенно чуждо византійскому міросозерцанію, какъ это признается и его сторонниками. Развитіе этого существеннаго для христіанства начала, совершенно задавленнаго на Востокѣ, составляетъ смыслъ западной исторіи. Сближеніе съ Европой, которымъ мы обязаны Петру Великому, принципіальную свою важность имѣетъ именно въ этомъ: чрезъ европейское просвѣщеніе русскій умъ раскрылся для такихъ понятій, какъ человѣческое достоинство, права личности, свобода совѣсти и т. д., безъ которыхъ невозможно достойное существованіе, истинное совершенствованіе, а слѣдовательно невозможно и христіанское царство.. Нравственная обязанность, вытекавшая изъ идеи христіанскаго царства, овладѣла—вслѣдъ за немногими частными умами и мыслію русскихъ государей. Рѣшительное исполненіе

Digitized by Google

этой обязанности блистательно оправдало дѣло Петра Великаго и „петербургскую эпоху“ русской исторіи.

„Въ освобожденіи крестьянъ, какъ и въ другихъ реформахъ того же направленія, Россія въ лицѣ своего государя еще разъ послѣ Петра Великаго и на новой высшей степени своего историческаго развитія отказалась отъ византійскаго искаженія христіанства и на дѣлѣ признала то нравственное начало, которое обязываетъ къ дѣятельному добру, къ дѣйствительному исправленію и совершенствованію народной жизни“.

„Но въ этомъ прогрессѣ, — говоритъ г. Соловьевъ, — нужно идти дальше и дальше. Исполнены *нѣкоторыя* условія для того, чтобы Россія стала христіанскимъ царствомъ, или—что то же—были устранены *нѣкоторыя* препятствія на пути къ этой цѣли“.

Объ исполненіи остальныхъ условій, необходимыхъ для истинно-христіанской жизни, насъ поучаютъ, какъ извѣстно, *Вѣстникъ Европы*, *Русская Мысль*, *Русскія Вѣдомости* и прочіе союзники г. Соловьева по поддержанію истинной вѣры въ Россіи.

Какъ припомнятъ читатели, для объясненія того, что именно невѣрующіе и враги христіанства въ Европѣ были орудіемъ осуществленія истинно христіанской идеи, г. Соловьевъ изобрѣлъ особую теорію „практической благодати“, которую Богъ даетъ врагамъ Христа. Эту теорію въ настоящихъ своихъ статьяхъ г. Соловьевъ пока еще не повторяетъ, но вѣроятно не замедлитъ къ ней возвратиться.

Л. Тихомировъ.

Digitized by Google

КРИТИКА.

„КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА“ ПУШКИНА.

Историко-критическій этюдъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ чувствомъ весьма понятной робости мы приступаемъ къ разбору „Капитанской дочки“,—этого геніальнаго созданія великаго русскаго поэта, въ которомъ онъ явилъ неувядаемый образецъ художественнаго совершенства и достигъ крайнихъ граней искусства. Строгая критика можетъ указать на нѣкоторые недостатки и пробѣлы и въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, и въ „Борисѣ Годуновѣ“, но въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ слабыхъ мѣстъ: она принадлежитъ къ числу тѣхъ вѣчно юныхъ и чарующихъ произведеній, которыя никогда не утрачиваютъ своего значенія и лучше которыхъ въ томъ же родѣ ничего нельзя себѣ представить. „Капитанская дочка“—единственный русскій романъ, который можетъ выдержать какое угодно сравненіе, и на который мы можемъ смѣло указать и германо-романской Европѣ, и нашимъ соплеменникамъ-славянамъ, какъ на непререкаемое доказательство изумительной мощи русскаго народнаго генія, сказавшейся въ особенно нынѣ распространенномъ и любимомъ родѣ поэзіи, то-есть въ области романа, заполонившей собою чуть не всю современную изящную литературу. „Капитанскую дочку“ мы смѣло можемъ противопоставить и „Донъ-Кихоту“ Сервантеса, и романамъ Гете, Вальтеръ-Скотта, Жоржъ-Занда, Диккенса и Теккерея. Не говоримъ уже о сомнительныхъ твореніяхъ тѣхъ звѣздъ второй и третьей величины, которыя теперь мерцаютъ или недавно мерцали на сѣренькомъ небосклонѣ заграничной беллетристики: сравнивать „Капитанскую дочку“ съ этими твореніями, а Пушкина съ ихъ авторами значило бы впасть въ своего рода ко-

Digitized by Google

щунство. „Капитанская дочка“, подобно картинамъ Рафаэля или операмъ и Requiem'у Моцарта, никогда не будетъ забыта и всегда будетъ служить предметомъ изумленія, восторговъ и тщательнаго изученія. И въ то время, когда всѣ свѣтила нашей современной литературы канутъ въ Лету, слухъ о „Капитанской дочкѣ“

...пройдетъ по всей Руси великой,—

и чудный романъ получитъ громкую извѣстность во всемъ цивилизованномъ мірѣ, какъ одно изъ самыхъ законченныхъ, гармоничныхъ и прелестныхъ эпическихъ созданій. Въ наше время, когда рабское копированіе „растрепанной дѣйствительности“ принимается за художественную правду, а безцѣльное ковырянье въ человѣческой душѣ—за глубокое знаніе человѣческаго сердца, „Капитанская дочка“ не можетъ пользоваться такою популярностью, какая ей подобаетъ. Но когда теперешняя испорченность вкуса уступитъ мѣсто болѣе здравымъ пониманіямъ прекраснаго, „Капитанская дочка“ наложитъ яркій отпечатокъ на нашихъ романистовъ, и они будутъ воспитывать на ней свой талантъ. Опредѣляя значеніе Пушкина, Гоголь нѣкогда ппсалъ: „Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа. Это русскій человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится черезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ той же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла“. То же самое можно сказать и о „Капитанской дочкѣ“, ибо изъ всѣхъ пушкинскихъ пропзведеній преимущественно въ ней отразились русская природа, русская душа, русскій языкъ и русскій характеръ въ той чистотѣ и въ той очищенной красотѣ, которая столь поражала Гоголя въ Пушкинѣ.

Мы знаемъ, что многіе не согласятся съ нашимъ взглядомъ на „Капитанскую дочку“ и найдутъ, что мы преувеличили ея значеніе. Намъ, конечно, прежде всего укажутъ на Гоголя и на его „Мертвыя души“. Но можно ли ставить на одну доску съ „Капитанскою дочкой“ неоконченныя „Мертвыя души“, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ геніально набросанныхъ и ничѣмъ не связанныхъ между собой силуэтовъ, сценъ и картинъ, имѣвшихъ въ виду отразить, но не отразившихъ, всю Россію. Гоголь зналъ себѣ цѣну. Онъ никогда не упускалъ изъ виду той разницы въ разносторонности, широтѣ и глубинѣ даро-

Digitized by Google

ванія, которою онъ и отличался отъ своего учителя. Благоговѣніе и смиреніе, съ которыми онъ говорилъ о немъ, опредѣляютъ точку зрѣнія, съ какой надлежитъ смотрѣть на отношеніе „Капитанской дочки“ къ „Мертвымъ душамъ“. „Капитанская дочка“—одно изъ чудесъ искусства; „Мертвыя души“—это хотя и грандіозно задуманное, но не достроенное зданіе, въ которомъ ничего нельзя разсмотрѣть, за лѣсами и грудами строительныхъ матеріаловъ, кромѣ мастерски воздвигнутаго перваго этажа и кое-какихъ сооруженій втораго.

А романы графа Л. Н. Толстого, Тургенева и Достоевскаго? Неужели они не выдерживаютъ ни малѣйшаго сравненія съ „Капитанскою дочкой?“ Безъ сомнѣнія. Мы можемъ съ гордостью указать на нихъ, если иностранцы будутъ спрашивать, есть-ли у насъ Флоберы, Додэ, Шпильгагены и т. д.—и только. Но французскою литературой весь міръ интересуется не ради Флобера и Додэ, а ради Мольера, Расина и Корнеля, такъ же точно, какъ англійская литература пользуется всемірною извѣстностью не потому, что въ Англіи есть Уйдъ, а потому, что у нея есть Шекспиръ, Вальтеръ-Скоттъ и Байронъ. Не будемъ же предаваться литературнымъ мечтаніямъ о тѣхъ изъ нашихъ романистовъ, которымъ исторія литературы отведетъ такое же мѣсто, какое она отвела такимъ, безспорно, талантливымъ, но не геніальнымъ писателямъ, какъ Озеровъ, Батюшковъ, князь Шаховской и другіе. За послѣдніе 50 лѣтъ русскій романъ оттѣснилъ на задній планъ и русскую лирику, и русскую драму, но „Капитанская дочка“ по-прежнему остается для нашихъ романистовъ недосягаемымъ идеаломъ, къ которому они могутъ только стремиться, ибо изъ всѣхъ нашихъ романовъ одна „Капитанская дочка“ даетъ полное и наглядное представленіе о томъ, что такое художественная правда, въ чемъ заключается разгадка сліянія простоты съ совершенствомъ формы и какъ нужно воспроизводить русскую дѣйствительность; по своему же стилю и по его выдержанности, „Капитанская дочка“ въ полномъ смыслѣ слова безподобное произведеніе, и намъ, русскимъ, слѣдуетъ дорожить имъ и чтить его, какъ одинъ изъ величайшихъ памятниковъ, какіе создавало и когда-либо создастъ русское искусство.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Выводы нашей критики о „Капитанской дочкѣ“.—Отсутствіе критическихъ статей, спеціально посвященныхъ „Капитанской дочкѣ“.—Равнодушіе, съ которымъ встрѣтило наше общество этотъ романъ.—Письмо князя Одоевскаго по поводу „Капитанской дочки“. — Сужденія, высказанныя о ней Бѣлинскимъ.—Отзывъ Гоголя.—Отзывъ Анненкова.—Взглядъ Григорьева на „Капитанскую дочку“ въ связи съ его же взглядами на значеніе повѣстей и типа Бѣлкина.—Мнѣніе г. Страхова о „Капитанской дочкѣ“ и объ ея особенностяхъ и высокихъ достоинствахъ, какъ образчикѣ новаго, созданнаго Пушкинымъ, рода повѣствовательныхъ произведеній—*семейной хроники*.—Параллель Чернышевскаго между пушкинскою и гоголевскою прозой и его точка зрѣнія на „Капитанскую дочку“.—Оцѣнка „Капитанской дочки“, сдѣланная г. Скабичевскимъ. — Г. Незеленовъ о „Капитанской дочкѣ“.—Почему „Капитанская дочка“ доселѣ пользуется столь незначительною популярностью и стоитъ, въ смыслѣ школы, какимъ-то особнякомъ въ нашей литературѣ?

„Капитанская дочка“, этотъ непревзойденный образецъ русскаго романа вообще и русскаго историческаго романа въ частности, принадлежитъ, какъ это ни странно, къ числу литературныхъ явленій, которыми наша критика занималась очень мало. О нѣкоторыхъ повѣстяхъ и драмахъ болѣе даровитыхъ представителей школы, созданной Пушкинымъ и Гоголемъ, можно найти въ нашихъ журналахъ цѣлые десятки болѣе или менѣе обстоятельныхъ статей, но о „Капитанской дочкѣ“ у насъ нѣтъ ничего, кромѣ 5—6 небольшихъ замѣтокъ. Если собрать ихъ вмѣстѣ, составится небольшая брошюра въ четверть или въ полъ печатнаго листа, въ родѣ миніатюрныхъ изданій, выпускаемыхъ для дѣтей и народа. А между тѣмъ „Капитанская дочка“ причисляется обыкновенно къ лучшимъ, классическимъ произведеніямъ нашей словесности, составляетъ предметъ обязательнаго изученія въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ; но тѣ похвалы, которыми ее осыпаютъ, сильно смахиваютъ на общія мѣста, прикрывающія отсутствіе ясной мысли и точнаго пониманія дѣла. А все потому, что „Капитанская дочка“, какъ и другія великія созданія Пушкина, опередила свой вѣкъ, не была понята современниками, да и по сіе время не оцѣнена по достоинству.

Казалось бы, что появленіе „Капитанской дочки“ должно было произвести громадное впечатлѣніе на людей пушкинской эпохи, что оно должно было вызвать всеобщій восторгъ, какъ великое художественное откровеніе, знаменующее собою громад-

Digitized by Google

ный литературный переворотъ. Ничуть не бывало. „Капитанскую дочку“ постигла такая же участь, какъ „Бориса Годунова“ и другія, вполнѣ зрѣлыя произведенія Пушкина. Она не возбудила въ массѣ читающей публики ни изумленія, ни энтузіазма. Ея значеніе уразумѣли лишь весьма немногія, близкія къ Пушкину, лица, или, вѣрнѣе сказать, чуть ли не одинъ Гоголь. Всѣ же остальные, не замѣтивъ въ чудномъ романѣ поэта ничего особеннаго, отнеслись къ нему сдержанно и какъ бы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. „Кавказскій плѣнникъ“, „Бахчисарайскій фонтанъ“ и даже „Русланъ и Людмила“ породили гораздо больше толковъ, чѣмъ „Кипитанская дочка“, самое законченное и по истинѣ дивное прозаическое произведеніе поэта.

Этого мало. Если сравнить впечатлѣніе, произведенное на русскую публику „Капитанской дочкой“, съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее „Юріемъ Милославскимъ“, то окажется, что шумный успѣхъ, выпавшій на долю романа Загоскина, совершенно затмилъ собою тотъ скромный успѣхъ, которымъ сопровождалось появленіе геніальнаго пушкинскаго романа. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Загоскинѣ С. Т. Аксаковъ говоритъ, что восхищеніе „Юріемъ Милославскимъ“ было всеобщимъ. „Публика обѣихъ столицъ и вслѣдъ за нею, или почти вмѣстѣ съ нею, публика провинціальная, пришла въ совершенный восторгъ... Всѣ обрадовались „Юрію Милославскому“, какъ общественному и пріятному событію; всѣ обратились къ Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, ученые и литераторы,—обратились со всѣми знаками уваженія, съ восторженными похвалами; всѣ, кто жили или пріѣзжали въ Москву, ѣхали къ Загоскину; кто были въ отсутствіи—писали къ нему. Всякій день онъ получалъ новыя письма, лестныя для авторскаго самолюбія“. Съ 1829 года до 1852 „Юрій Милославскій“ выдержалъ восемь изданій и получилъ самое широкое распространеніе среди всѣхъ грамотныхъ людей Россіи. Его съ увлеченіемъ читали и перечитывали и въ барскихъ хоромахъ, и въ крестьянскихъ избахъ. Да, и въ крестьянскихъ избахъ! С. Т. Аксаковъ говоритъ, что онъ зналъ торговыхъ крестьянъ, которые разсказывали „Юрія Милославскаго“ безграмотнымъ крестьянамъ, и что онъ встрѣчалъ простолюдиновъ, которые знали не только „Юрія Милославскаго“, но и другіе, послѣ него вышедшіе, романы и повѣсти Загоскина. Сильное впечатлѣніе, произведенное „Юріемъ Милославскимъ“, сказывалось, между прочимъ, и въ нелишенныхъ комизма фор-

Digitized by Google

махъ. Въ продажѣ появилось огромное число табакерокъ и набивныхъ платковъ съ изображеніемъ разныхъ сценъ изъ этого романа. Эти табакерки и платки развозились по всей Россіи и поддерживали извѣстность сочинителя.[1] Словомъ, успѣхъ „Юрія Милославскаго“ былъ полный,—такой успѣхъ, на какой, вѣроятно, ужь никакъ не разсчитывалъ авторъ.

Ничего подобнаго не было, когда, семь лѣтъ спустя послѣ появленія въ печати „Юрія Милославскаго“, была напечатана въ четвертой книжкѣ *Современника* за 1836 годъ „Капитанская дочка“. „Капитанскую дочку“, конечно, всѣ прочли и похвалили, но она не вызвала ни общихъ восторговъ, ни горячихъ споровъ, ни шумныхъ толковъ. Ея сомнительный успѣхъ можно назвать succés d'honneur. Никто не произнесъ слова осужденія, никто не рѣшился заявить во-всеуслышаніе, что „Капитанская дочка“ плохая вещь, но равнодушіе, съ какимъ она была встрѣчена, говорило само за себя: „Капитанская дочка“ не удовлетворила общихъ ожиданій и вызвала въ массѣ читающей публики нѣчто вродѣ разочарованія. Что дѣлать? „Капитанская дочка“ ей пришлась не по-плечу. Вотъ почему она и предпочитала ей „Юрія Милославскаго“.

Значеніе „Капитанской дочки“ было плохо понято даже въ близкихъ къ Пушкину литературныхъ кружкахъ. До насъ дошло лишь одно единственное письмо, полученное Пушкинымъ по поводу его романа. Письмо это принадлежитъ князю Одоевскому[2]. Князь Одоевскій былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и высоко цѣнилъ Пушкина. Какъ же онъ отнесся къ „Капитанской дочкѣ“? Самымъ поверхностнымъ образомъ.

„Капитанскую дочку“, писалъ Одоевскій, я читалъ два раза и буду о ней говорить особо въ „Литературныхъ добавленіяхъ“. Комплиментовъ вамъ въ лицо дѣлать не буду; вы знаете все, что я о васъ думаю и къ вамъ чувствую. Но вотъ *критика* не въ художественномъ, но въ читательномъ отношеніи“. Послѣ этого предисловія слѣдуетъ цѣлый рядъ замѣчаній о мнимыхъ недостаткахъ „Капитанской дочки“. Бѣгло перечисляя эти недостатки, князь Одоевскій весьма благодушно учитъ Пушкина, какъ можно было-бы исправить ихъ. „Пугачевъ, говоритъ онъ, слишкомъ скоро послѣ того, какъ о немъ въ первый разъ упо-

[1] С. Т. Аксакова. *Разныя сочиненія*, стр. 267 – 274.

[2] *Русскій Архивъ*, 1864 г., стр. 817.

Digitized by Google

минается, нападаетъ на крѣпость; увеличеніе елуховъ не довольно растянуто; читатель не имѣетъ времени побояться за жителей Бѣлогорской крѣпости, какъ она уже взята. Семейство Гриневыхъ хотѣлось-бы видѣть еще разъ послѣ всей передряги: хочется знать, что скажетъ Гриневъ, увидѣвъ Машу съ Савельичемъ... Швабринъ набросанъ прекрасно, но только набросанъ: для зубовъ читателя трудно пережевать его переходъ изъ гвардіи офицеровъ въ сообщника Пугачева. По выраженію Іосифа Прекраснаго (князь Одоевскій говоритъ здѣсь о баронѣ Брамбеусѣ, то-есть о Сенковскомъ), Швабринъ слишкомъ уменъ и тонокъ, чтобы повѣрить возможности успѣха Пугачева, и не довольно страстенъ, чтобы изъ любви къ Машѣ рѣшиться на такое дѣло. Маша такъ долго въ его власти, а онъ не пользуется такими минутами. Покамѣстъ Швабринъ для меня имѣетъ много нравственно чудеснаго; можетъ быть, какъ прочту въ третій разъ лучше пойму."

Князь Одоевскій безусловно восхищался только Савельичемъ и Пугачевымъ. „Савельичъ, писалъ онъ, чудо. Это лицо самое трагическое, то-есть, котораго больше всѣхъ жаль въ повѣсти. Пугачевъ тоже чудесенъ. Онъ нарисованъ мастерски". Въ заключеніе своего поверхностнаго и легкомысленнаго отзыва о великомъ созданіи великаго поэта, князь Одоевскій прибавлялъ: „О подробностяхъ не говорю, объ интересѣ тоже: я не могъ ни на минуту оставить книги, читая ее даже не какъ художникъ, но стараясь быть просто читателемъ, добравшимся до повѣсти".

Очевидно, что князю Одоевскому нравилась „Капитанская дочка", но нравилась, какъ ему нравилось все, что писалъ Пушкинъ. И тонъ, и содержаніе письма доказываютъ, что кн. Одоевскій не давалъ себѣ яснаго отчета, что онъ имѣетъ дѣло съ исключительнымъ произведеніемъ, о которомъ нельзя говорить слегка и къ которому нельзя прилагать масштаба мелкой и „читательной" критики. Кн. Одоевскій не понялъ Швабрина, ибо не вдумался въ его характеръ. Онъ не понялъ и цѣли, съ которою такъ быстро слѣдуетъ въ „Капитанской дочкѣ" событіе за событіемъ въ главахъ, посвященныхъ пугачевщинѣ и приступу. Поэтъ съ умысломъ ускорилъ взятіе крѣпости и не растянулъ слуховъ о появленіи самозванца, ибо Пугачевъ палъ, какъ снѣгъ на голову, на бѣднаго Рейнсдорпа и на всю мѣстную администрацію, не давая ей опомниться и переходя отъ побѣды къ побѣдѣ, быстро слѣдовавшими одна за другой. То, что сдѣлалъ Пушкинъ глубоко обдуманно

Digitized by Google

и съ тонкимъ пониманіемъ дѣла, кн. Одоевскій отнесъ къ его промахамъ и счелъ себя вправѣ давать ему совѣты.

Не далеко ушли отъ разсужденій князя Одоевскаго и разсужденія Бѣлинскаго о „Капитанской дочкѣ".

Бѣлинскій, находившійся во вторую половину своей литературной дѣятельности подъ сильнымъ вліяніемъ Жоржъ-Занда, Герцена, Пьера Леру, Прудона и т. д., не могъ, конечно, сочувствовать тогда тѣмъ бытовымъ и нравственнымъ, чисто народнымъ и чисто русскимъ симпатіямъ, которыя выказалъ Пушкинъ въ „Капитанской дочкѣ". Но этимъ однимъ нельзя объяснить той близорукости и холодности, которыя замѣчаются въ отзывахъ Бѣлинскаго о пушкинскомъ романѣ. Онъ, видимо, не особенно нравился ему и не особенно поразилъ его: Бѣлинскій говорилъ о „Капитанской дочкѣ" весьма сдержанно даже и въ тѣ годы, когда еще не усвоилъ себѣ отрицательнаго взгляда на коренныя основы русской жизни. Понимая ея художественныя достоинства, онъ замалчивалъ ихъ и сопровождалъ свои двусмысленныя похвалы оговорками, сильно умалявшими значеніе его похвалъ.

Въ литературной хроникѣ *Московскаго Наблюдателя* за 1838 годъ, давая отчетъ о послѣднихъ произведеніяхъ Пушкина, Бѣлинскій упоминалъ вскользь и о „Капитанской дочкѣ", удѣливъ ей всего *четыре строчки*, причемъ поставилъ Пушкину въ примѣръ Гоголя. „О, такихъ повѣстей (какъ „Капитанская дочка"), еще никто не писалъ у насъ, и только одинъ Гоголь умѣетъ писать повѣсти, еще болѣе дѣйствительныя, болѣе конкретныя, болѣе творческія—похвала, выше которой у насъ нѣтъ похвалъ". (Сочиненія Бѣлинскаго, II, 329).

Въ 1839 году Бѣлинскій написалъ восторженную статью о „Ледяномъ домѣ" и „Басурманѣ" Лажечникова. (Сочиненія Бѣлинскаго, т. III). Эта статья наводитъ на мысль, что „Ледяной домъ" произвелъ на критика болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ „Капитанская дочка". По словамъ Бѣлинскаго, онъ былъ нѣкоторое время подавленъ обаяніемъ „Ледянаго дома". „Помню я, говоритъ Бѣлинскій, какъ мучилъ меня „Ледяной домъ", какъ какая-то неразгаданная загадка, какъ сбирался я тогда написать о немъ огромную статью (здѣсь рѣчь идетъ о 1835 годѣ, когда вышло первое изданіе „Ледянаго дома"), живо и увлекательно раскрыть всѣ его красоты, и какъ не могъ написать ни строки... Тяжесть подвига подавляла силы... По крайней мѣрѣ, такъ ка-

Digitized by Google

залось мнѣ тогда." Говоря о Лажечниковѣ, Бѣлинскій ни единымъ словомъ не обмолвился о неизмѣримомъ превосходствѣ „Капитанской дочки" надъ „Ледянымъ домомъ". Въ статьѣ, о которой идетъ рѣчь, Бѣлинскій мимоходомъ замѣчаетъ даже, что у насъ нѣтъ еще ни одного истинно русскаго романа и тѣмъ самымъ какъ-бы даетъ понять, что и „Капитанскую дочку" нельзя считать образцовымъ произведеніемъ.

Два года спустя послѣ статьи о Лажечниковѣ, говоря о посмертныхъ сочиненіяхъ Пушкина, Бѣлинскій снова высказалъ свой взглядъ на „Капитанскую дочку", причемъ ставилъ ее ниже „Дубровскаго", оставшагося послѣ смерти поэта въ черновомъ наброскѣ. „Повѣсть „Дубровскій", писалъ онъ, совершенно новая и доселѣ неизвѣстная публикѣ. Это одно изъ величайшихъ созданій генія Пушкина. Вѣрностью красокъ и художественною отдѣлкой она не уступаетъ „Капитанской дочкѣ", а богатствомъ содержанія, разнообразіемъ и быстротою дѣйствія далеко превосходитъ ее" (V, 321).

Такимъ образомъ, „Капитанская дочка", если вѣрить Бѣлинскому, должна быть поставлена на второе мѣсто, какъ по сравненію съ повѣстями Гоголя, такъ и между прозаическими сочиненіями самого Пушкина.

Начиная съ 1843 до 1846 года Бѣлинскій посвятилъ Пушкину одиннадцать большихъ статей, составляющихъ въ общей сложности около 600 страницъ восьмаго тома его сочиненій. Но и здѣсь Бѣлинскій не далъ себѣ труда остановиться со вниманіемъ на „Капитанской дочкѣ" и посвятилъ ей въ концѣ послѣдней статьи всего полъстраницы. „Капитанская дочка", говоритъ онъ, нѣчто въ родѣ „Онѣгина" въ прозѣ. Поэтъ изображаетъ въ ней нравы русскаго общества въ царствованіе Екатерины. Многія картины по вѣрности, истинѣ содержанія—чудо совершенства. Таковы портреты отца и матери героя, его гувернера—француза и, въ особенности, его дядьки изъ псарей, Савельича, этого русскаго Калеба [1], Зурина, Миронова и его жены, ихъ кума Ивана Игнатьевича, наконецъ, самого Пугачева съ его господами енералами; таковы многія сцены, которыхъ, за ихъ множествомъ, не находимъ нужнымъ пересчитывать". Прочитавъ эти строки, можно подумать, что Бѣлинскій признаетъ „Капитанскую дочку" геніальною вещью. Но онъ говоритъ въ заключеніи своего бѣг-

[1] Калебъ, слуга Равенсвуда, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ „Ламермурской невѣсты", романа Вальтеръ-Скотта.

Digitized by Google

лаго разбора вотъ что: „Ничтожный, безцвѣтный характеръ героя повѣсти и его возлюбленной Марьи Ивановны и мелодраматическій характеръ Швабрина, хотя принадлежатъ къ рѣзкимъ недостаткамъ повѣсти, однако, не мѣшаютъ ей быть однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы". Такова была послѣдняя и весьма сдержанная похвала, которую воздалъ Бѣлинскій „Капитанской дочкѣ", поставивъ ее на одну доску со многими *другими* замѣчательными произведеніями нашей бѣдной словесности. Его мнѣніе долго считалось у насъ непогрѣшимымъ, и его голословный, ни на чемъ не основанный отзывъ о характерахъ Гринева, Марьи Ивановны и Швабрина доселѣ прини мается многими за истину, не подлежащую сомнѣнію.

Интересно, что въ своей послѣдней статьѣ о Пушкинѣ Бѣлинскій говоритъ о „Дубровскомъ" далеко не то, что говорилъ о немъ прежде. Дубровскій, замѣчаетъ онъ—pendant къ „Капитанской Дочкѣ". Въ обѣихъ преобладаетъ пафосъ помѣщичьяго принципа, и молодой Дубровскій представленъ Ахилломъ между людьми этого рода,—роль, которая рѣшительно не удалась Гриневу, герою „Капитанской дочки". Но Дубровскій, несмотря на все мастерство, какое обнаружилъ авторъ въ его изображеніи, все-таки остался лицомъ мелодраматическимъ и не возбуждающимъ къ себѣ участія. Вообще, вся эта повѣсть сильно отзывается мелодрамой". И несмотря на такой взглядъ на „Дубровскаго", сильно отличающійся отъ взгляда, высказаннаго подъ живымъ впечатлѣніемъ перваго знакомства съ „Дубровскимъ", Бѣлинскій не взялъ назадъ своихъ словъ о сравнительномъ достоинствѣ „Капитанской дочки" и „Дубровскаго"; можно думать, онъ навсегда остался при томъ мнѣніи, что „Капитанская дочка", въ общемъ, ниже „Дубровскаго",—романа конечно, превосходнаго, но не получившаго той законченности, которою отличается „Капитанская дочка", и стоящаго, несмотря на изумительно мастерскую обрисовку характера Кириллы Петровича, несравненно ниже ея. Итакъ, Бѣлинскій не обошелъ „Капитанской дочки" гробовымъ молчаніемъ, но онъ удѣлилъ ей меньше вниманія, чѣмъ другимъ, даже второстепеннымъ, произведеніямъ Пушкина. Отношеніе Бѣлинскаго къ „Капитанской дочкѣ"—одинъ изъ его тяжкихъ литературныхъ грѣховъ. Доселѣ у насъ держится мнѣніе, что приговоры Бѣлинскаго надъ всѣми болѣе или менѣе крупными явленіями русской словесности его эпохи безусловно вѣрны, и что каждому изъ нихъ онъ отвелъ надлежащее мѣсто. Но уже одно то обстоятельство, что онъ оставилъ

Digitized by Google

безъ подробнаго разбора „Капитанскую дочку“ и не выяснилъ ея громаднаго значенія для русской прозы, доказываетъ, что ко взглядамъ Бѣлинскаго нужно относиться съ большою осторожностью, и что ихъ давно слѣдовало бы подвергнуть тщательному пересмотру.

Первый, кто понялъ и выразилъ со всею ясностью громадное историко-литературное значеніе „Капитанской дочки“, какъ одного изъ геніальнѣйшихъ созданій Пушкина и, вообще, литературы всѣхъ временъ и народовъ, былъ Гоголь. У насъ до сихъ поръ еще мало цѣнятъ его критическія статьи, а между тѣмъ въ этихъ статьяхъ, несмотря на ихъ незначительный размѣръ, можно найти не меньше глубокихъ замѣчаній, чѣмъ въ двѣнадцати томахъ Бѣлинскаго, и не только не меньше, а даже, пожалуй, больше. Бѣлинскій понималъ, какой чуткій, прозорливый критикъ жилъ въ Гоголѣ, и не разъ пользовался его указаніями. Страница, посвященная „Капитанской дочкѣ“ въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“ [1] (изданы въ 1846 г.) принадлежитъ къ числу лучшихъ страницъ нашей скудной критической литературы. Эта характеристика написана очень сжато, но она вѣрна отъ перваго слова до послѣдняго. Вотъ что говоритъ Гоголь: „Всѣ черты нашей природы въ немъ (Пушкинѣ) отозвались, и все окинуто иногда однимъ словомъ, однимъ чутко найденнымъ и мѣтко прибраннымъ прилагательнымъ именемъ. Свойство это разрасталось въ немъ постепенно, и онъ откликнулся бы потомъ цѣликомъ на всю русскую жизнь такъ же, какъ откликался на каждую отдѣльную ея черту. Мысль о романѣ, который бы повѣдалъ простую безыскусственную повѣсть русской жизни, занималъ его въ послѣднее время неотступно. Онъ бросилъ стихи единственно затѣмъ, чтобы не увлечься ничѣмъ по сторонамъ и быть проще въ описаніяхъ, и самую прозу упростилъ онъ до того, что даже никто не нашелъ никакого достоинства въ первыхъ повѣстяхъ его. Пушкинъ былъ этому радъ и написалъ „Капитанскую дочку“, рѣшительно лучшее произведеніе въ повѣствовательномъ родѣ. Сравнительно съ „Капитанскою дочкой“ всѣ наши романы и повѣсти кажутся приторною размазней. Чистота и безыскусственность взошли въ ней на такую высокую степень, что сама дѣйствительность ка-

---

[1] См. статью: „Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?“

Digitized by Google

жется передъ нею искусственною и каррикатурною. Въ первый разъ выступили истинно русскіе характеры: простой комендантъ крѣпости, капитанша, поручикъ, сама крѣпость съ единственною пушкой, безтолковщина времени и простое величіе простыхъ людей, все — не только самая правда, еще какъ бы лучше ея. Такъ оно и быть должно: на то и призваніе поэта, чтобъ изъ насъ же взять насъ и насъ же возвратить намъ въ очищенномъ видѣ". Великій русскій прозаикъ, конечно, зналъ, что говорилъ, когда назвалъ „Капитанскую дочку" рѣшительно лучшимъ русскимъ произведеніемъ въ повѣствовательномъ родѣ, сравнительно съ которымъ всѣ наши романы и повѣсти кажутся приторною размазней. Онъ, очевидно, ясно сознавалъ великое превосходство Пушкина не только надъ всѣми современными ему русскими романистами вообще, но въ частности и надъ нимъ, авторомъ „Тараса Бульбы" и „Мертвыхъ Душъ". Восторженная похвала, которую воздалъ Гоголь „Капитанской дочкѣ," лучшая похвала Пушкину, и русской критикѣ остается только раскрыть весь ея смыслъ для того, чтобы выяснить значеніе „Капитанской дочки".

Въ книгѣ Анненкова „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи" (эта книга, какъ извѣстно, вышла въ свѣтъ въ 1855 году въ видѣ перваго тома Анненковскаго изданія Сочиненій Пушкина) критической оцѣнкѣ „Капитанской дочки" удѣлено всего лишь нѣсколько строкъ, но въ нихъ такъ мѣтко опредѣлены главныя особенности пушкинской прозы и лучшаго пушкинскаго романа, что намъ нельзя обойти этихъ строкъ молчаніемъ. Анненковъ называетъ „Капитанскую дочку" „образцовымъ романомъ", „имѣющимъ теплоту и прелесть историческихъ записокъ". Говоря о томъ, что мысль объ историческомъ романѣ изъ русской жизни была любимымъ предположеніемъ Пушкина съ 1826 года, когда имъ былъ написанъ „Арапъ Петра Великаго", Анненковъ даетъ сжатую, но блестящую характеристику „Капитанской дочки" и ея стиля. „Никто болѣе его (Пушкина) не былъ способенъ къ созданію такого (историческаго) романа: его ровный, невозмутимо спокойный разсказъ, въ которомъ безъ всякаго усилія являются на сцену лица и происшествія, вполнѣ живыя и законченныя; твердыя стопы, какими ведетъ онъ происшествіе, не замазывая пустыхъ мѣстъ, не изукрашая и не пестря подробностей, что уже стало нынѣ необходимымъ условіемъ успѣха,—все это упрочивало за Пушкинымъ возможность

Digitized by Google

полнаго достиженія задуманной имъ цѣли. Даже теперь, послѣ мощныхъ произведеній Гоголя, разсказъ Пушкина, свѣтлый и мѣрно льющійся, какъ прозрачная струя, имѣетъ обаятельную прелесть для чувства эстетически развитаго..." Эта характеристика обличаетъ читателя, глубоко изучившаго Пушкина. Нельзя, однако, согласиться со всѣми замѣчаніями Анненкова о „Капитанской дочкѣ" и о пушкинской прозѣ вообще. „Несомнѣнно, говоритъ Анненковъ: что по тону разсказа „Арапъ Петра Великаго" и „Капитанская дочка" такъ схожи, какъ будто написаны вмѣстѣ, хотя ихъ раздѣляетъ цѣлыхъ девять лѣтъ. Такъ съ перваго раза, добавляетъ Анненковъ, нашелъ Пушкинъ свой оригинальный стиль, чего другіе не находятъ всю жизнь, несмотря на множество усилій". Анненковъ упустилъ изъ виду, что „Капитанская дочка"—вѣнецъ пушкинской прозы, и что „Арапу Петра Великаго" далеко до нея. Правда, „Арапомъ" „Пушкинъ положилъ основаніе простому, безыскусственному, но точному и живописному языку, который остался его достояніемъ и не имѣлъ подражателей." Но въ „Арапѣ" мы видимъ только первую, хотя и геніальную попытку къ созданію такого языка; а въ „Капитанской дочкѣ" мы уже имѣемъ дѣло съ его идеаломъ. Вообще, Пушкинъ, какъ поэтъ-прозаикъ, вовсе не сразу нашелъ свой оригинальный стиль, и самъ Анненковъ признаетъ это, усматривая цѣлую пропасть между „Капитанскою дочкой" и „Повѣстями Бѣлкина", значеніе которыхъ въ общемъ онъ опредѣляетъ совершенно вѣрно, не повторяя близорукихъ сужденій Бѣлинскаго, свысока называвшаго „Повѣсти Бѣлкина" „побасенками". [1] То, къ чему Пушкинъ только стремился въ „Арапѣ Петра Великаго" и въ „Повѣстяхъ Бѣлкина", нашло свое полное выраженіе въ „Капитанской Дочкѣ".

Изъ русскихъ критиковъ 60-хъ и второй половины 50-хъ годовъ никто не указывалъ съ такою настойчивостью на громадное значе-

---

[1] „Повѣсти Бѣлкина" должно разбирать теперь только со стороны слога, изложенія, а не содержанія, которое отъ качествъ того и другого заимствовало все свое значеніе. Такъ понималъ ихъ и самъ авторъ. Тонкая иронія, лукавый и вмѣстѣ добродушный юморъ ихъ, простота языка и средствъ, употребляемыхъ авторомъ для сцѣпленія и развитія происшествій,—заслуживаютъ и теперь вниманія. Очерки и краски „Повѣстей Бѣлкина" чрезвычайно нѣжны, и, послѣ яркой живописи Гоголя, надо уже вниманіе и зоркость любителя, чтобъ оцѣнить ихъ по достоинству." См. „Матеріалы" Анненкова, изд. 1873 г., стр. 191, 192, 281.

Digitized by Google

ніе „Капитанской дочки“ и не упоминалъ о немъ такъ часто, какъ Аполлонъ Григорьевъ. Онъ не далъ подробнаго разбора „Капитанской дочки“, но въ отдѣльныхъ, здѣсь и тамъ разбросанныхъ, замѣчаніяхъ, очень ясно высказалъ свой взглядъ на этотъ романъ. На „Капитанскую дочку онъ смотрѣлъ, какъ на осуществленіе программы романа, набросанной Пушкинымъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“.

Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины;
Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленный встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка,
Несчастной ревности мученья..
Поссорю вновь и, наконецъ,
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...

Когда поэтъ писалъ эти стихи, онъ, какъ выражается Григорьевъ, „еще не въ силахъ былъ раздѣлаться съ давившимъ его призракомъ байронизма и только постигалъ своимъ пророческимъ предвѣдѣніемъ, что все, о чемъ онъ полушутя, полусеріозно мечталъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, будетъ осуществлено или имъ самимъ, въ пору его зрѣлости, или художниками послѣдующихъ временъ“. Слѣдя за борьбою Пушкина съ разными типами и идеалами,—со смутно чувственной струей псевдоклассицизма, съ туманнымъ романтизмомъ, съ увлеченіемъ байроновскимъ Чайльдъ-Гарольдомъ, Донъ-Жуаномъ и т. д.,—Григорьевъ придавалъ громадное значеніе повѣстямъ и романамъ Пушкина, особенно „Капитанской дочкѣ“, какъ выраженію самобытнаго, чисто русскаго типа, которое выносилъ поэтъ въ своей душѣ. „Въ Пушкинѣ, говоритъ Григорьевъ, наше типовое не только сказалось, но и выразилось, то-есть, облеклось въ высочайшую поэзію, поравнялось со всѣмъ великимъ, что онъ зналъ и на что отзывался своею великою душой, пробуждая въ ней кровныя, племенныя симпатіи“. Съ этой точки зрѣнія Григорьевъ опредѣлялъ и высокое значеніе „Капитанской дочки“. „Капитанскую дочку“ онъ всегда разсматривалъ въ связи съ „Повѣстями Бѣлкина“, и видѣлъ въ ней, какъ и въ этихъ „Повѣстяхъ“, первое проявленіе трезваго пониманія русской дѣйствительности, безхитростнаго, любовнаго отношенія къ ней и, вмѣстѣ съ тѣмъ, критическаго

Digitized by Google

и даже ироническаго отношенія къ чуждымъ нашей жизни идеаламъ. „Всѣ наши жилы бились въ натурѣ Пушкина, въ настоящее время литература наша развиваетъ только его задачи—въ особенности же типъ и взглядъ Бѣлкина. Бѣлкинъ, который писалъ въ „Капитанской дочкѣ“ хронику семейства Гриневыхъ, написалъ и хронику семейства Багровыхъ; Бѣлкинъ и у Тургенева, и у Писемскаго, Бѣлкинъ отчасти и у Толстого, ибо Бѣлкинъ пушкинскій былъ первымъ выраженіемъ критической стороны нашей души, очнувшейся отъ сна, въ которомъ грезились ей различные міры“. Говоря въ другомъ мѣстѣ о „Повѣстяхъ Бѣлкина“, Григорьевъ такъ опредѣляетъ ихъ значеніе: „Передъ нами предсталъ совершенно новый человѣкъ, великій протестантъ умалился до лица Ивана Петровича Бѣлкина,—лица, хотя нѣсколько ироническаго, но все-таки подчиненнаго окружающей дѣйствительности“. „Въ Пушкинѣ, замѣчаетъ Григорьевъ въ одной изъ своихъ статей, все—наше (разумѣется, только, какъ у поэта, въ благоуханіи),—отъ любви къ загнанной старинѣ („Родословная моего героя“) до сочувствія реформѣ („Мѣдный всадникъ“); отъ нашихъ странныхъ увлеченій эгоистически обаятельными идеалами до смиреннаго служенія Савельича („Капитанская дочка“); отъ нашего разгула до нашей жажды самоуглубленія, жажды „Матери пустыни“. Но въ „Капитанской дочкѣ“ воплотилось не одно „смиренное служеніе“ Савельичей, и Григорьевъ отмѣтилъ это, указавъ на мастерскую обработку такихъ чисто народныхъ *хищныхъ* типовъ, какъ Пугачевъ. Въ своихъ окончательныхъ выводахъ Григорьевъ сводитъ значеніе „Капитанской дочки“ къ тому, что въ ней, какъ и въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, и въ „Лѣтописи села Горохина“, поэтъ достигаетъ удивительнаго отождествленія съ воззрѣніями отцовъ, дѣдовъ и даже прадѣдовъ. Относясь съ величайшимъ уваженіемъ къ критической дѣятельности Бѣлинскаго, Григорьевъ, однако, упрекалъ его въ томъ, что онъ не оцѣнилъ по достоинству повѣстей и романовъ Пушкина. „Пушкина - Бѣлкина, говоритъ Григорьевъ, Бѣлинскій положительно не понялъ; великій нравственный процессъ, который породилъ это лицо и его созерцаніе у поэта,—процессъ, который породилъ одни изъ высшихъ его созданій („Капитанская дочка“, „Дубровскій“, „Лѣтопись села Горохина“) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исходныя точки всей нашей современной литературы,—отъ него ускользнулъ, или, лучше сказать, заслонился отъ его зоркаго ока нимбомъ теорій“.

Григорьевъ былъ правъ, обращаясь къ Бѣлинскому съ только-

Digitized by Google

что приведенными упреками, хотя, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, „нимбомъ теоріи“ объясняется въ данномъ случаѣ далеко не все. Григорьевъ вѣрнѣе Бѣлинскаго понималъ значеніе пушкинской прозы и очень остроумно истолковывалъ ея внутренній смыслъ вообще и повѣстей Бѣлкина въ частности. Въ этомъ отношеніи его взгляды, въ общихъ чертахъ, имѣютъ много общаго со взглядами Гоголя. Григорьевъ понялъ и значеніе „Капитанской Дочки“, какъ поэтическаго воспроизведенія русской старины и русскаго быта. Ошибка его заключалась лишь въ томъ, что онъ придавалъ черезчуръ преувеличенное значеніе Ивану Петровичу Бѣлкину и припутывалъ этотъ типъ къ такимъ произведеніямъ поэта, которыя не имѣютъ съ нимъ ничего общаго. Бѣлкинъ—комичное лицо, характеристика котораго составляетъ у Пушкина совершенно самостоятельный художественный очеркъ (Предисловіе *отъ издателя*), и это лицо, если и сливается по языку и міросозерцанію съ какимъ-либо произведеніемъ поэта, такъ развѣ только съ „Лѣтописью села Горохина“. Бѣлкинъ стоитъ особнякомъ не только отъ „Капитанской Дочки“, съ которою сближаетъ его Григорьевъ, но даже и отъ разсказовъ, изданныхъ Пушкинымъ подъ заглавіемъ „Повѣсти Бѣлкина“. Между этими повѣстями, съ одной стороны, и языкомъ, а также понятіями и нравственнымъ обликомъ Бѣлкина, съ другой, нѣтъ и тѣни той общности, которая бросается въ глаза между языкомъ, понятіями и нравственнымъ обликомъ хотя-бы Рудого Панька и нѣкоторыми, болѣе простодушными страницами гоголевскихъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“. Въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, если такъ можно выразиться, нѣтъ ничего бѣлкинскаго. Сознавая это, Пушкинъ сдѣлалъ изъ Бѣлкина не ихъ автора, а какъ бы ихъ стенографа: каждую изъ нихъ Бѣлкинъ слышалъ отъ того или другого лица и дословно записалъ ее, не примѣшивая къ чужому разсказу ни своего своеобразнаго „стиля“, ни своихъ нравственныхъ сентенцій. Григорьевъ говоритъ о Бѣлкинѣ-Пушкинѣ; но Пушкина-Бѣлкина не было и быть не могло, ибо Пушкинъ никогда не могъ отождествить себя съ такимъ придурковатымъ простакомъ и съ такою жалкою пародіей на писателя, какимъ былъ Иванъ Петровичъ. Нечего и говорить о томъ, что Григорьевъ сильно преувеличилъ значеніе „Повѣстей Бѣлкина“. Въ этихъ „Повѣстяхъ“ Пушкинъ далъ замѣчательные образцы русской прозы. Но ихъ, конечно, нельзя ставить на одну доску съ „Капитанскою Дочкой“, ибо между небольшимъ и легонькимъ, хотя и прелестнымъ разсказомъ, и вполнѣ законч-

Digitized by Google

нымъ, глубокимъ по мысли и содержанію, геніальнымъ романомъ, цѣлая бездна. „Повѣсти Бѣлкина“ принадлежали къ числу первыхъ прозаическихъ опытовъ Пушкина, но онъ написалъ тремя годами раньше ихъ „Арапа Петра Великаго“, въ которомъ мы найдемъ не меньше, если не больше, „трезваго пониманія русской дѣйствительности, и любовнаго, хотя и нѣсколько ироническаго отношенія къ ней“, чѣмъ въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“. И по широтѣ замысла, и по живости изображенія „Арапъ Петра Великаго“, несмотря на то, что Пушкинъ набросалъ изъ него лишь нѣсколько главъ, стоитъ выше „Повѣстей Бѣлкина“, въ которыхъ мы встрѣчаемъ и такое сочиненное лицо, какъ Сильвіо, этотъ послѣдній отголосокъ байроновскаго вліянія на Пушкина, и такія тусклыя лица, какъ героиня „Мятели“. Нельзя придавать „Повѣстямъ Бѣлкина“ такого значенія, какое имъ придаетъ Григорьевъ съ точки зрѣнія народности, также и потому, что Пушкинъ обнаружилъ глубокое постиженіе народности гораздо раньше, чѣмъ написалъ эти „Повѣсти“: въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, въ „Борисѣ Годуновѣ“ и т. д. Григорьевъ думалъ, что семейную хронику Гриневыхъ („Капитанскую Дочку“) писалъ тотъ же Бѣлкинъ, но ее писалъ Гриневъ, котораго ужь никакъ нельзя смѣшивать съ безцвѣтнымъ, робкимъ, недалекимъ и забавнымъ Иваномъ Петровичемъ. Григорьевъ, однако, сдѣлалъ это и тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности ясно опредѣлить общій характеръ и значеніе „Капитанской Дочки“ и ея отношеніе къ „Повѣстямъ Бѣлкина“ и къ другимъ прозаическимъ сочиненіямъ Пушкина [1]. Несмотря на эти пробѣлы, тѣ отрывочныя замѣчанія, которыя разбросаны о „Капитанской Дочкѣ“ въ статьяхъ Григорьева, составляютъ все-таки положительно самые цѣнные отзывы объ этомъ романѣ изъ всего того, что говорилось о немъ непосредственно послѣ Гоголя. Этимъ опредѣляется и заслуга Григорьева, какъ истолкователя пушкинской прозы.

---

[1] Такъ, напримѣръ, Григорьевъ совершенно ошибочно старается втиснуть „Капитанскую Дочку“ въ рамки той семейной идилліи, о воспроизведеніи которой Пушкинъ мечталъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Нужно-ли доказывать, что—

Любви плѣнительные сны
И нравы нашей старины—

далеко не исчерпываютъ содержанія пушкинскаго романа: Пугачевъ, Хлопуша, Швабринъ, мятежные казаки, картины взятія крѣпости, мученической смерти Ивана Кузьмича и Ивана Игнатьевича, сцена дуэли, пирушка самозванца въ Бердѣ и пр. и пр. — все это довольно трудно подогнать подъ ту программу, которую набросалъ для себя Пушкинъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, но которой ему не суждено было выполнить.

Digitized by Google

Отъ взглядовъ Григорьева на „Капитанскую дочку“ всего естественнѣе перейти ко взглядамъ Н. Н. Страхова. Г. Страховъ такъ же, какъ и Григорьевъ, придастъ громадное значеніе типу пушкинскаго Ивана Петровича Бѣлкина. Разъясняя „открытіе“, сдѣланное Григорьевымъ относительно внутренняго смысла этого типа, г. Страховъ говоритъ: „протестъ противъ высокопарныхъ мечтаній, противъ увлеченія мрачными и блестящими типами, выразился у Пушкина любовью къ простымъ типамъ, способностью къ умѣренному пониманію и чувствованію“. Одной поэзіи Пушкинъ противопоставилъ другую, Байрону—Бѣлкина. Будучи великимъ поэтомъ, онъ спустился со своей высоты и съумѣлъ такъ подойти къ бѣдной дѣйствительности, его окружавшей и невольно имъ любимой, что она открыла ему всю поэзію, какая только въ ней была“. Въ другомъ мѣстѣ г. Страховъ говоритъ: „Пушкинъ въ созданіи этого типа совершилъ величайшій поэтическій подвигъ, ибо, чтобы понимать предметъ, нужно стать къ нему въ надлежащее отношеніе, и Пушкинъ нашелъ такое отношеніе къ предмету, который былъ вовсе неизвѣстенъ и требовалъ всей силы его зоркости и правдивости. „Капитанскую дочку“ нельзя разсказывать въ иномъ тонѣ и съ инымъ взглядомъ, чѣмъ какъ она разсказана, иначе въ ней все будетъ искажено и извращено. Наше русское, типовое, нашъ душевный типъ, здѣсь въ первый разъ былъ воплощенъ въ поэзію, но явился въ столь простыхъ и малыхъ своихъ формахъ, что потребовалъ особаго тона и языка. Пушкинъ долженъ былъ измѣнить возвышенный строй своей лиры. Для тѣхъ, кто не понималъ смысла этой перемѣны, она показалась шалостью поэта, недостаткомъ его генія, но тутъ-то и обнаружилась геніальная широта взгляда и вполнѣ самобытная сила творчества нашего Пушкина“.

Считая „открытіе“ важнаго значенія Бѣлкина въ пушкинскомъ творчествѣ главною заслугой Григорьева, г. Страховъ впадаетъ въ ту же ошибку, въ какую впалъ и Григорьевъ, то-есть, придаетъ Бѣлкину слишкомъ широкое значеніе и примѣшиваетъ его къ такимъ созданіямъ поэта, которыя не имѣютъ съ нимъ ничего общаго. Можно найти и въ остальныхъ замѣчаніяхъ г. Страхова о „Капитанской дочкѣ“ не мало общаго съ Григорьевымъ. Но г. Страховъ не ограничился, подобно Григорьеву, общимъ опредѣленіемъ значенія „Капитанской дочки“, онъ сдѣлалъ еще и ея характеристику; въ этой характеристикѣ многое подмѣчено и угадано очень вѣрно, но кое-что требуетъ провѣрки и оговорокъ.

Digitized by Google

Съ точки зрѣнія г. Страхова, „Капитанская дочка“ не историческій романъ; она не имѣетъ въ виду обрисовать былую жизнь, и лица, игравшія важную роль въ исторіи. „Пугачевъ, Екатерина, говоритъ г. Страховъ: являются у Пушкина мелькомъ и то въ немногихъ сценахъ. Главное вниманіе сосредоточено на событіяхъ частной жизна Гриневыхъ и Мироновыхъ; историческія событія описаны лишь въ той мѣрѣ, въ какой они прикасались къ жизни этихъ простыхъ людей. „Капитанская дочка“ есть, собственно говоря, хроника семейства Гриневыхъ. Впослѣдствіи у насъ явилось немало подобныхъ хроникъ, между которыми высшее мѣсто занимаетъ „Семейная хроника“ С. Т. Аксакова“. Объясняя, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ *семейною хроникой*, какъ художественнымъ произведеніемъ, г. Страховъ говоритъ: „Этотъ своеобразный родъ, котораго нѣтъ въ другихъ словесностяхъ, и идея котораго долго тревожила Пушкина и, наконецъ, была осуществлена имъ, можетъ быть характеризованъ двумя особенностями, на которыя указываетъ его названіе. Во-первыхъ, это—*хроника*, то-есть, простой, безхитростный разсказъ, безъ всякихъ завязокъ и запутанныхъ приключеній, безъ наружнаго единства и связи. Эта форма, очевидно, проще, чѣмъ романъ,—ближе къ дѣйствительности, къ правдѣ; она хочетъ, чтобы ее принимали за быль, а не за простую возможность. Во-вторыхъ, это—быль семейная, то-есть, не похожденія отдѣльнаго лица, на которомъ должно сосредоточиваться вниманіе читателя, а событіе, такъ или иначе, важное для цѣлаго семейства. Для художника какъ-будто одинаково дороги, одинаково герои—всѣ члены семейства, хронику котораго онъ пишетъ, и центръ тяжести произведенія всегда въ семейныхъ отношеніяхъ, а не въ чемъ-нибудь другомъ. „Капитанская дочка“ есть разсказъ о томъ, какъ Петръ Гриневъ женился на дочери капитана Миронова. Дѣло вовсе не въ любопытныхъ ощущеніяхъ, и всѣ приключенія жениха и невѣсты касаются не измѣненія ихъ чувствъ, простыхъ и ясныхъ отъ самаго начала, а составляютъ случайныя препятствія, мѣшавшія простой развязкѣ,—не помѣхи страсти, а помѣхи женитьбы; отсюда такая естественная пестрота этого разсказа; романической нити въ немъ, собственно, нѣтъ. Нельзя не подивиться геніальности Пушкина, обнаружившейся въ этомъ случаѣ. „Капитанская дочка“ имѣетъ всѣ внѣшнія формы романовъ Вальтеръ-Скотта: эпиграфы, раздѣленія на главы и т. п., но, вздумавши подражать, Пушкинъ написалъ произведеніе въ высшей степени оригинальное“.

Digitized by Google

Видя въ „Капитанской дочкѣ“ нашу первую семейную хронику и считая такою же семейною хроникой „Войну и Миръ“ графа Толстого, г. Страховъ такъ опредѣляетъ высокое достоинство „Капитанской дочки“: „Всѣмъ извѣстно, что это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ достояній нашей литературы. По простотѣ и чистотѣ своей поэзіи это произведеніе одинаково доступно, одинаково привлекательно для взрослыхъ и дѣтей. На „Капитанской дочкѣ“ (такъ же, какъ на „Семейной хроникѣ“ С. Аксакова), русскія дѣти воспитываютъ свой умъ и свои чувства, такъ какъ учителя безъ всякихъ постороннихъ указаній находятъ, что нѣтъ въ нашей литературѣ книги, болѣе понятной и болѣе занимательной, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь серіозной по содержанію и высокой по творчеству“.

Этими замѣчаніями, собственно говоря, и исчерпывается все существенное изъ того, что было высказано г. Страховымъ о „Капитанской дочкѣ“

Разбирая только-что изложенные взгляды уважаемаго критика, нельзя не остановиться, прежде всего, на мнѣніи, въ силу котораго „Капитанская дочка“ не историческій романъ, а семейная хроника. Г. Страховъ основываетъ это мнѣніе на томъ, что у Пушкина былая жизнь и историческія лица будто-бы отодвинуты на задній планъ. На самомъ дѣлѣ они играютъ въ романѣ громадную роль и обрисованы не эскизно, а съ рельефностью и полнотой, не оставляющими желать ничего лучшаго. Пугачевцы и типичные представители военной администраціи, яицкаго казачества и помѣщичьяго быта конца прошлаго вѣка занимаютъ въ „Капитанской дочкѣ“ тоже весьма видное мѣсто. Страница, посвященная Екатеринѣ II, составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ въ „Капитанской дочкѣ“. Но намъ еще придется говорить объ этомъ впереди.

Г. Страховъ противополагаетъ семейную хронику роману и видитъ въ хроникѣ особый родъ художественнаго повѣствованія. Но, во-первыхъ, семейная хроника, въ истинномъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ, ибо семейная хроника есть не что иное, какъ та же лѣтопись, но лѣтопись, рамки которой ограничены исторіей одного семейства. Семейная хроника составляетъ одну изъ разновидностей мемуаровъ, то-есть, исторической, а не художественной литературы. То, что называетъ г. Страховъ семейною хроникой есть повѣсть или романъ и отнюдь не составляетъ исключительной особенности нашей словесности. Съ такимъ же основаніемъ, съ какимъ

Digitized by Google

г. Страховъ называетъ семейными хрониками „Капитанскую дочку“ и „Войну и Миръ“, можно назвать семейными хрониками „Домби и сына“ Диккенса, „Исторію Пенденниса“ Теккерея и т. д. Трудно также согласиться со взглядомъ г. Страхова на психологію „Капитанской дочки“. Эта психологія далеко не такъ проста, какъ онъ полагаетъ; она не выставляется на показъ и не бьетъ въ глаза, но по своей глубинѣ и сложности стоитъ несравненно выше психологическаго анализа всѣхъ новѣйшихъ и всѣми признанныхъ художниковъ-психологовъ. Г. Страховъ высоко ставитъ значеніе „Капитанской дочки“ и не повторяетъ ошибочныхъ замѣчаній Бѣлинскаго, но онъ все-таки не вполнѣ оцѣнилъ достоинства этого романа, ибо низвелъ его на степень какого-то уже черезчуръ безхитростнаго и почти безсвязнаго повѣствованія о женитьбѣ Петра Гринева. Г. Страховъ упустилъ изъ виду, что въ тѣсныхъ рамкахъ этого разсказа у Пушкина отразилась Россія прошлаго вѣка, и что фабула „Капитанской дочки“ отнюдь не отличается простотой. „Запутанныхъ приключеній“ въ „Капитанской дочкѣ“ не меньше, чѣмъ въ любомъ романѣ Вальтеръ-Скотта. Вообще, подогнать „Капитанскую дочку“ подъ тотъ видъ художественныхъ произведеній, которымъ г. Страховъ даетъ названіе семейныхъ хроникъ, положительно невозможно.

То, что говоритъ г. Страховъ о „Капитанской дочкѣ“ и объ ея языкѣ и общедоступности, совершенно вѣрно.

Если г. Страховъ и Григорьевъ, по своимъ взглядамъ на „Капитанскую дочку“, всего ближе подходятъ къ Гоголю, то авторъ „Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы“, Чернышевскій, какъ критикъ „Капитанской дочки“, напоминаетъ Бѣлинскаго. Чернышевскій, такъ же какъ и Бѣлинскій, не понималъ значенія пушкинской прозы. По его мнѣнію, отцомъ русской прозы былъ Гоголь. „Онъ (Гоголь) не имѣлъ ни предшественниковъ, ни помощниковъ; ему одному наша проза обязана и своимъ существованіемъ, и всѣми своими успѣхами“. При этомъ Чернышевскій не дѣлаетъ исключенія даже для прозаическихъ сочиненій Пушкина. Пушкинъ, съ его точки зрѣнія, не заслуживаетъ названія ни предшественника, ни помощника Гоголя въ дѣлѣ созданія русской прозы. „Прозаическія сочиненія Пушкина, говоритъ Чернышевскій, далеко не имѣютъ того значенія въ исторіи литературы, какъ его сочиненія, писанныя стихами. „Капитанская дочка“ и „Дубровскій“—повѣсти

Digitized by Google

въ полномъ смыслѣ слова превосходныя. Но укажите, въ чемъ отразилось ихъ вліяніе, гдѣ школа писателей, которыхъ можно было бы назвать послѣдователями Пушкина, какъ прозаика? Но главное—Гоголь явился прежде Пушкина, какъ прозаикъ. Первыми изъ прозаическихъ произведеній Пушкина, если не считать нѣкоторыхъ отрывковъ, были напечатаны „Повѣсти Бѣлкина"; но всѣ согласятся, что эти „Повѣсти" не имѣли большаго художественнаго достоинства. Затѣмъ до 1836 года была напечатана только „Пиковая дама" (въ 1834 г.). Никто не сомнѣвается въ томъ, что эта небольшая пьеса написана прекрасно, но также никто не припишетъ ей особенной важности. Между тѣмъ Гоголемъ были напечатаны „Вечера на хуторѣ" (1831—1832 гг.), „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ" (1833 г.), „Миргородъ" (1835 г.), то-есть, все, что впослѣдствіи составило двѣ первыя части его сочиненій; кромѣ того, въ „Арабескахъ" (1835 г.),—„Портретъ", „Невскій проспектъ", „Записки съумасшедшаго". Въ 1836 году Пушкинъ напечаталъ „Капитанскую дочку", но въ томъ же году явился „Ревизоръ", и, кромѣ того, „Коляска", „Утро дѣловаго человѣка" и „Носъ". Такимъ образомъ, большая часть произведеній Гоголя, и въ томъ числѣ „Ревизоръ", были извѣстны публикѣ, когда она знала только „Пиковую даму" и „Капитанскую дочку". „Арапъ Петра Великаго", „Лѣтопись села Горохина", „Сцена изъ рыцарскихъ временъ" были напечатаны въ 1837 году, по смерти Пушкина, а „Дубровскій" только въ 1841 году. Публика имѣла довольно времени проникнуться произведеніями Гоголя, прежде нежели познакомилась съ произведеніями Пушкина, какъ прозаика" („Очерки гоголевскаго періода", стр. 15—16). Въ другомъ мѣстѣ Чернышевскій говоритъ, что наша литература обязана своею самостоятельностью преимущественно Гоголю, потому что произведенія Пушкина все еще очень близко напоминаютъ Шекспира, Байрона, или Вальтеръ-Скотта, изъ романовъ котораго, по мнѣнію критика, возникла и „Капитанская дочка".

Вотъ собственно и все, что высказалъ Чернышевскій объ одномъ изъ величайшихъ твореній Пушкина. Онъ отзывается о немъ, конечно, съ большими похвалами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ понять, что его нельзя признать вполнѣ самостоятельнымъ и что оно уступаетъ лучшимъ вещамъ Гоголя. Чернышевскій нигдѣ не говоритъ, чтобы Пушкинъ писалъ „Капитанскую дочку" подъ замѣтнымъ вліяніемъ Гоголя, но послѣдователи Чернышев-

Digitized by Google

скаго не разъ дѣлали именно этотъ выводъ изъ хронологическихъ сопоставленій своего учителя.

Главная ошибка Чернышевскаго заключается въ томъ, что онъ, увлекаясь сатирическимъ или, какъ онъ выражался, критическимъ направленіемъ Гоголя, не понялъ значенія пушкинской прозы и не видѣлъ въ ней ничего, кромѣ столь ненавистнаго ему служенія чистому искусству. Желая выдвинуть на первый планъ Гоголя и умалить значеніе Пушкина, какъ прозаика, Чернышевскій проглядѣлъ, какой крупный шагъ впередъ былъ сдѣланъ въ русской прозѣ „Повѣстями Бѣлкина", этою попыткой правдиваго изображенія дѣйствительности. Если Григорьевъ и г. Страховъ придали чрезмѣрно большое значеніе этимъ повѣстямъ такъ же, какъ и типу Бѣлкина, то Чернышевскій повторилъ ошибку Бѣлинскаго, не замѣтивъ новаторскихъ стремленій Пушкина ни въ „Выстрѣлѣ", ни въ „Барышнѣ-крестьянкѣ", ни въ „Станціонномъ смотрителѣ", ни въ „Мятели", ни въ „Гробовщикѣ". Чернышевскій упустилъ изъ виду, что переворотъ, произведенный Гоголемъ въ русской литературѣ, былъ предугаданъ и предрѣшенъ Пушкинымъ гораздо раньше Гоголя. „Арапъ Петра Великаго", „Рославлевъ", „Лѣтопись села Горохина" и нѣкоторые другіе прозаическіе отрывки Пушкина были написаны имъ прежде, чѣмъ онъ познакомился съ гоголевскою прозой. Пушкинъ шелъ, какъ прозаикъ, своимъ особеннымъ, отдѣльнымъ отъ Гоголя путемъ, причемъ иногда велъ Гоголя за собою и вдохновлялъ его, передавая ему планы задуманныхъ сочиненій („Ревизора" и „Мертвыхъ душъ"). Вліяніе Пушкина, какъ автора „Евгенія Онѣгина", „Бориса Годунова", „Графа Нулина", „Домика въ Коломнѣ", „Сказокъ", „Утопленника", „Бури" и т. д. и т. д.—несомнѣнно сказалось на Гоголѣ. Несомнѣнно сказалось также и вліяніе прозаическихъ сочиненій Пушкина на Гоголѣ, но доказать, что Гоголь имѣлъ вліяніе на Пушкина, едва-ли кому-нибудь удастся. Правда, „Капитанская дочка" вышла въ свѣтъ позже цѣлаго ряда повѣстей и разсказовъ Гоголя, но всѣ они стоятъ и въ художественномъ отношеніи, и по всестороннему и трезвому пониманію исторіи, народности, русской жизни и человѣческаго сердца неизмѣримо ниже ея. Замѣчаніе, вскользь брошенное Чернышевскимъ объ отношеніи Пушкина къ Вальтеръ-Скотту, по своей бездоказательности, не заслуживаетъ разбора, хотя и повторялось много разъ, какъ нѣчто серіозное. Настоящую цѣну этого замѣчанія мы опредѣлимъ впослѣдствіи, когда будемъ говорить о вліяніи Вальтеръ-Скотта на Пушкина.

Digitized by Google

Изъ отзывовъ о „Капитанской дочкѣ“, появившихся въ послѣдніе годы, мы отмѣтимъ лишь то, что высказали о ней г. Скабичевскій въ статьѣ „Русскій историческій романъ“ (см. его Собраніе сочиненій) и г. Незеленовъ въ статьѣ „Кѣмъ и почему пропущена одна глава изъ повѣсти „Капитанская дочка“ (см. „Шесть статей о Пушкинѣ“). Какъ извѣстно, г. Скабичевскій принадлежитъ къ той школѣ критиковъ, представителями которой считаются Добролюбовъ, Писаревъ и Чернышевскій. Въ виду этого, а также въ виду не разъ проявлявшагося безвкусія г. Скабичевскаго, можно было думать, что при разборѣ „Капитанской дочки“ онъ не сумѣетъ возвыситься надъ взглядами своихъ учителей и повторитъ всѣ ихъ промахи съ кой-какими прибавленіями. На сей разъ г. Скабичевскій, однако, измѣнилъ самому себѣ, и хотя не понялъ многаго въ лучшемъ романѣ Пушкина, но за то многое оцѣнилъ совершенно правильно. Сущность взгляда г. Скабичевскаго на „Капитанскую дочку“ сводится вотъ къ чему:

„Капитанская дочка“—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Пушкина. Въ ней поэтъ обнаружилъ „историческое безпристрастіе“, полное „отсутствіе какихъ-либо историческихъ словословій“, „глубину пониманія“, „трезвый реализмъ“, „геніальную иронію“ и ясный, прозрачный, лаконически-сжатый языкъ, доведенный до послѣдней степени простоты. Проводя параллель между „Капитанскою дочкой“ и „Тарасомъ Бульбой“, слѣдуетъ придти къ заключенію, что романъ Пушкина выше романа Гоголя. „Если сравнить, какое впечатлѣніе производитъ „Тарасъ Бульба“, съ впечатлѣніемъ, производимымъ „Капитанскою дочкой“, то „передъ вами сейчасъ же предстанетъ все то громадное различіе, которое существуетъ между южнымъ типомъ поэзіи малороссійской и сѣвернымъ великороссійской“. „Пушкинъ остерегался сказать хоть одно лишнее слово и чуждался какого-бы то ни было поднятія тона. Какъ русскій человѣкъ сѣвера, онъ точно стыдился выражать свои чувства громко и цвѣтисто и любилъ блистать сдержанностью и неизмѣнно ровнымъ, холоднымъ, объективнымъ безпристрастіемъ. Творецъ „Тараса Бульбы“, напротивъ того, выражается цвѣтистымъ языкомъ, уснащеннымъ крайне рискованными эпитетами и метафорами, что̀ еще болѣе удлиняетъ и безъ того длинные періоды; къ тому же въ этихъ періодахъ слова всегда бываютъ расположены такъ, что слогъ принимаетъ совершенно пѣвучій, словно размѣренный, тонъ. Читая нѣкоторые стихи Пушкина (напримѣръ, „Евгенія Онѣ-

Digitized by Google

гина"), вы имѣете дѣло съ простою, разговорною рѣчью и совершенно забываете, что это стихи; только риѳмы напоминаютъ объ этомъ. Читая же иную прозу Гоголя, особенно его описанія природы, вы забываете, что это проза, а не стихи. Музыка рѣчи порою до того увлекаетъ Гоголя, что онъ забываатъ изъ-за нея дѣйствительность и далеко переходитъ за предѣлы реальности". Изъ этого г. Скабичевскій дѣлаетъ тотъ выводъ, что считать Гоголя родоначальникомъ натурализма въ Россіи—большое заблужденіе. „Иниціатива истиннаго натурализма, этого сѣвернаго типа поэзіи, безпорно принадлежитъ Пушкину (конечно, въ послѣднемъ періодѣ его литературной дѣятельности, и особенно въ его прозаическихъ произведеніяхъ). Гоголь же, выступившій вполнѣ на поприщѣ натурализма только въ 30-хъ годахъ, созданіемъ „Миргорода",—является уже не иниціаторомъ, а послѣдователемъ Пушкина, его ученикомъ, воспитавшимся притомъ не только на твореніяхъ своего великаго учителя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подъ вліяніемъ его личныхъ, устныхъ наставленій... Однимъ словомъ,—въ лицѣ Пушкина сѣверный геній покорилъ своему неотразимо-энергическому, мужскому вліянію блестяще яркій, но женственно мягкій южный геній, олицетвореніемъ котораго является Гоголь".

Дѣлая сближеніе между пушкинскимъ и гоголевскимъ юморомъ, г. Скабичевскій говоритъ, что добродушный, тонкій и чисто народный юморъ „Капитанской дочки" до сихъ поръ еще не оцѣненъ въ должной мѣрѣ, хотя онъ и не уступаетъ юмору Гоголя.

Останавливаясь на разборѣ характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ „Капитанской дочки", г. Скабичевскій осыпаетъ Пушкина похвалами, и хотя про нѣкоторыя изъ нихъ и можно сказать:

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ,—

но кое-что г. Скабичевскій и тутъ подмѣтилъ вѣрно. Его приводятъ въ восторгъ, какъ художественные образы, и пушкинскій Пугачевъ, который, „словно какъ какой-то миѳическій духъ грозы и бури, внезапно вырисовывается изъ мутной мглы бурана", и Марья Ивановна, и молодой Гриневъ. Всѣхъ ихъ г. Скабичевскій считаетъ мастерски очерченными, вполнѣ живыми лицами. Но онъ не понялъ, что̀ хотѣлъ сказать ими Пушкинъ. Пугачевъ оказывается у г. Скабичевскаго самымъ заурядным бродягой и плутомъ, который при иныхъ условіяхъ навсегда остался бы обыкновеннымъ конокрадомъ, молодой Гриневъ—мелкой на-

Digitized by Google

турой, а Марья Ивановна—простой, будничной дѣвушкой, какими изобиловали всѣ захолустья конца прошлаго вѣка. На Марью Ивановну г. Скабичевскій смотритъ рѣшительно свысока и говоритъ о ней не безъ презрительной ироніи, что не мѣшаетъ ему такъ отзываться о ней въ одномъ мѣстѣ: „Марья Ивановна—дѣвушка безъ всякой аффектаціи и сантиментальности, у которой любовь и замужество соединяются въ одно неразрывное понятіе, и которая видитъ въ этомъ серіозное и, можно даже сказать, религіозное дѣло всей жизни".

О другихъ дѣйствующихъ лицахъ „Капитанской дочки" г. Скабичевскій упоминаетъ лишь мимоходомъ, но онъ уже не повторяетъ упрека, сдѣланнаго Пушкину Бѣлинскимъ за Швабрина: онъ не находитъ Швабрина малодраматическимъ злодѣемъ, а видитъ въ немъ прекрасно схваченный типъ коварнаго, деморализованнаго бреттёра временъ Екатерины II.

Такимъ образомъ г. Скабичевскій разошелся съ Бѣлинскимъ и съ Чернышевскимъ. Его параллель между прозой Пушкина и прозой Гоголя совершенно вѣрна; вѣрно также и все то, что онъ говоритъ объ отношеніяхъ между Пушкинымъ и Гоголемъ. Но „Капитанскую дочку", какъ и вообще пушкинскую прозу, нельзя считать порожденіемъ чистаго реализма. Въ ней безусловно преобладаетъ художественный идеализмъ. Нечего и говорить о томъ, что высокомѣрное отношеніе г. Скабичевскаго къ такимъ выдающимся личностямъ, какъ Марья Ивановна, молодой Гриневъ и пушкинскій Пугачевъ, крайне наивно. Бѣлинскій старался опошлить дочь капитана Миронова и ея жениха въ силу предвзятой идеи, — въ силу своего непреодолимаго отвращенія къ тѣмъ идеаламъ, представителями которыхъ они являются, г-нъ же Скабичевскій просто проглядѣлъ возвышенныя качества ума и характера Петра Андреевича Гринева и Марьи Ивановны Мироновой, хотя, какъ мы видѣли, и догадывался по временамъ, что пушкинская героиня не совсѣмъ обыкновенная дѣвушка.

Оцѣнка „Капитанской дочки", сдѣланная г. Незеленовымъ, носитъ на себѣ отпечатокъ вліянія Григорьева и г. Страхова и является развитіемъ вскользь брошеннаго замѣчанія Анненкова о томъ, что пушкинскій романъ имѣетъ: „теплоту и прелесть историческихъ записокъ".

„Между великими созданіями Пушкина, говоритъ г. Незеленовъ повѣсть „Капитанская дочка" занимаетъ несомнѣнно одно изъ первыхъ мѣстъ... Она носитъ на себѣ явные признаки полнаго

Digitized by Google

расцвѣта таланта великаго поэта. Она замѣчательна, главнымъ образомъ, въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому, что въ ней Пушкинъ съ глубокимъ сочувствіемъ отнесся къ простымъ русскимъ людямъ, къ нашей старинѣ, къ нашей обыденной дѣйствительности, съумѣвши открыть въ ней безсмертную нравственную красоту; во-вторыхъ, по своей художественности. Художественность сказалась не только въ томъ обстоятельствѣ, что герои повѣсти какъ живые возникаютъ передъ нашимъ умственнымъ взоромъ, но еще въ большемъ: ведя разсказъ отъ лица Гринева (повѣсть имѣетъ форму его записокъ), Пушкинъ до такой степени входитъ самъ въ нравственное бытіе своего героя, влѣзаетъ, какъ говорится, въ его кожу, что совершенно почти скрывается за личностью добродушнаго и любящаго просвѣщеніе, нѣсколько наивнаго, но обладающаго здравымъ умомъ, помѣщика конца прошлаго вѣка (здѣсь, можетъ быть, и начало слабой стороны „Капитанской дочки...“) Мы видимъ въ повѣсти съ осязательною очевидностью взгляды и убѣжденіе Гринева, его сочувствія и антипатіи, степень его просвѣщенія, его литературныя знанія (послѣднее, напримѣръ, въ эпиграфахъ къ отдѣльнымъ главамъ произведенія, въ различныхъ ссылкахъ). Чрезвычайно замѣчателенъ языкъ, слогъ повѣсти: къ нему какъ нельзя болѣе примѣнимо извѣстное положеніе—слогъ это человѣкъ: въ спокойномъ и вмѣстѣ живомъ теченіи простой, не изысканной рѣчи, въ употребленіи устарѣлыхъ „сей“ и „оный“, въ попадающихся порою неправильныхъ оборотахъ—такъ и видится Гриневъ. По всѣмъ этимъ причинамъ „Капитанская дочка“ — верхъ художественнаго совершенства: въ повѣсти нѣтъ ни одного неумѣстно поставленнаго слова, и ни одного слова нельзя изъ нея исключить.“ [1]

Г. Незеленовъ правъ, указывая на строгое соотвѣтствіе формы „Капитанской дочки“ съ ея содержаніемъ. Но трудно понять, почему онъ считаетъ слабою стороной „Капитанской дочки“ то, что Пушкинъ почти скрывается за личностью Гринева“. Потому-то именно „Капитанская дочка“ и дышитъ „теплотою и прелестью историческихъ записокъ“, что Пушкинъ нигдѣ не измѣнилъ разъ взятому имъ тону воспоминаній очевидца и героя описываемыхъ въ романѣ происшествій. Къ тому же самъ г. Незеленовъ признаетъ, что Пушкинъ не скрывается совершенно за личностью Гринева: онъ зачастую высказываетъ его устами свои

[1] Незеленова „Шесть статей о Пушкинѣ“, стр. 96 и 97.

Digitized by Google

мысли и придаетъ всему повѣствованію такую жизнь, рельефность и красоту, какую могли бы имѣть воспоминанія Гринева развѣ только въ томъ случаѣ, если бы онъ обладалъ талантомъ Пушкина. Вѣдь „Капитанская дочка“ не поддѣлка подъ мемуары, и Пушкинъ никого не хотѣлъ ввести въ заблужденіе, приписывая ее въ своемъ послѣсловіи Гриневу. „Капитанская дочка“— это въ полномъ смыслѣ слова историческій романъ, написанный въ стилѣ мемуаровъ.

Ужъ не намекаетъ-ли г. Незеленовъ, говоря о слабой сторонѣ „Капитанской дочки“, на то, что Пушкинъ не могъ въ своемъ романѣ, скрывшись за личностью Гринева, объяснить тѣ сложныя причины, которыя вызвали пугачевщину и ея историческое значеніе? Намъ приходилось слышать и такой упрекъ великому поэту. Но, во-первыхъ, Гриневъ описываетъ все то, что онъ видѣлъ и пережилъ, безъ малѣйшаго желанія превращаться въ глубокомысленнаго историка и политика. Единственная историческая справка, которую онъ даетъ въ началѣ шестой главы „Капитанской дочки“ о положеніи оренбургскаго края въ концѣ 1773 года и раньше, имѣетъ характеръ небольшой вставки, сдѣланной для читателей, совершенно незнакомыхъ съ исторіей пугачевскаго бунта, вставки, составляющей сжатое изложеніе всего того, что говоритъ Пушкинъ въ своей монографіи о причинахъ мятежа. Гриневъ нигдѣ не умничаетъ по поводу описываемыхъ имъ событій. Онъ даетъ только рядъ сценъ и картинъ изъ временъ пугачевщины и тогдашней русской жизни, и эти сцены и картины лучше всякихъ разсужденій показываютъ намъ психологію мятежа,—психологію его вожаковъ и панургова стада,— а также и психологію тѣхъ людей, которые вели борьбу съ самозванцемъ. Въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ и тѣни односторонняго изображенія событій и какой-бы то ни было фальши.— Чтобы покончить съ отзывомъ г. Незеленова о „Капитанской дочкѣ“, сдѣлаемъ оговорку объ его фактической ошибкѣ. Онъ ищетъ въ эпиграфахъ къ отдѣльнымъ главамъ романа указаній на литературныя знанія Гринева, упуская изъ виду, что эти эпиграфы въ пушкинскомъ послѣсловіи „Капитанской дочки“ приписываются не Гриневу, а „издателю“ его рукописи.

Г. Незеленовымъ можно завершить обзоръ всего того, что было высказано въ нашей критической литературѣ о „Капитанской дочкѣ“. Онъ вполнѣ подтверждаетъ то, что мы сказали въ началѣ этой главы: „Капитанская дочка“, это чудное, геніальное произведеніе великаго поэта, составляющее гордость и славу

Digitized by Google

нашей литературы, была почти не замѣчена нашею критикой. „Капитанская дочка“ не вызвала ни одной статьи, посвященной ея всестороннему разбору. О ней говорилось доселѣ только вскользь и между прочимъ, и если собрать все то, что было написано по поводу „Крейцеровой Сонаты“ или „Хозяина и работника“, то окажется, что каждый изъ этихъ разсказовъ графа Л. Н. Толстого возбудилъ гораздо больше толковъ и общественнаго вниманія, чѣмъ „Капитанская дочка“, несмотря на то что она читается и перечитывается болѣе полувѣка. Что это доказываетъ? Это доказываетъ, что „Капитанская дочка“, до сихъ поръ составляетъ нѣчто недоступное пониманію громаднаго большинства русскихъ образованныхъ и полуобразованныхъ людей. Она опередила свой вѣкъ и будетъ оцѣнена по достоинству только нашими потомками. Вотъ разгадка и того явленія, которое подчеркивали Чернышевскій и Анненковъ,—отсутствія подражателей „Капитанской дочки“, отсутствія школы, которая вела бы отъ нея свое начало. „Капитанская дочка“, конечно, и теперь уже оказала извѣстное вліяніе на русскую литературу, тѣмъ не менѣе она все-таки стоитъ въ ней какимъ-то особнякомъ—дивнымъ памятникомъ Пушкинскаго генія, не имѣющимъ среди остальныхъ произведеній русской словесности ничего себѣ подобнаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Время созданія „Капитанской дочки“.—Мнѣніе Анненкова и его несостоятельность.—Письма Пушкина къ графу Бенкендорфу по поводу „Исторіи пугачевскаго бунта“ и задуманнаго романа.—Какіе выводы можно сдѣлать изъ этихъ писемъ?—Наброски общаго плана „Капитанской дочки“. — Два позднѣйшіе наброска были написаны Пушкинымъ послѣ путешествія на Уралъ. – „Капитанская дочка“ писалась между 1834 и 1836 годами.

Когда Пушкинъ началъ писать, когда онъ окончилъ „Капитанскую дочку“, и чѣмъ отличалась ея первоначальная редакція отъ окончательной? Постараемся отвѣтить на эти вопроса, какъ можно обстоятельнѣе, хотя о точности въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи за отсутствіемъ ясныхъ указаній въ рукописяхъ и письмахъ поэта.

Анненковъ думалъ, что Пушкинъ писалъ „Капитанскую дочку“ одновременно съ „Исторіей пугачевскаго бунта“, въ 1833 году „Рядомъ съ своимъ историческимъ трудомъ, говоритъ онъ, Пушкинъ началъ, по неизмѣнному требованію артистической природы, романъ „Капитанская дочка“, который представлялъ другую

Digitized by Google

сторону предмета: сторону нравовъ и обычаевъ эпохи. Оба произведенія были окончены въ одно время, и когда въ августѣ 1833 года собрался опъ посѣтить Оренбургъ и Казань, то въ числѣ причинъ, побуждавшихъ его къ этой поѣздкѣ, представлялъ и необходимость довершить романъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходптъ его дѣйствіе. Коммерческія соображенія занимаютъ тутъ, какъ и всегда свою долю." (Анненкова *А. С. Пушкинъ*, матеріалы для его біографіи, стр. 353 и 354).

Анненковъ при этомъ имѣлъ въ виду черновой набросокъ письма Пушкина къ графу Бенкендорфу, — набросокъ, съ котораго поэтомъ было, вѣроятно, составлено оффиціальное прошеніе объ отпускѣ, какъ лицомъ, состоявшимъ на службѣ при Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

„Впродолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ,—писалъ поэтъ шефу жандармовъ графу Бенкендорфу, игравшему роль посредника между нимъ и императоромъ Николаемъ Павловичемъ,—занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строчки литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальству, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную. Если угодно будетъ знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему мнѣ хотѣлось бы посѣтить объ сіи губерніи. *30 іюля. Черная рѣчка*".

Намъ кажется, что Анненковъ не имѣлъ основанія сдѣлать изъ этого письма тѣ выводы, которые имъ были сдѣланы. Онъ впалъ въ ошибку, принявъ за чистую монету все, что говорится въ этомъ письмѣ. Къ тому-же онъ не совсѣмъ вѣрно истолковалъ даже и прямой смыслъ его.

Прежде всего изъ письма не видно, чтобы Пушкинъ писалъ „Капитанскую дочку" рядомъ съ „Исторіей пугачевскаго бунта". По словамъ поэта, онъ *давно* началъ свой романъ, то-есть, задолго до письма отъ 3 іюля 1833 года, но въ теченіе *двухъ послѣднихъ лѣтъ*, то-есть, съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ зачисленъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, а это, какъ извѣстно, произошло 23 іюля 1831 года, не написалъ ни одной литературной строчки, то-есть, совершенно забросилъ искусство. Слѣдовательно, если

Digitized by Google

принять за несомнѣнную правду все то, что говорится въ письмѣ съ Черной рѣчки, такъ выйдетъ, что „Капитанская дочка“ была начата не одновременно съ „Исторіей пугачевскаго бунта“, не въ 1833 году, а гораздо раньше. Пушкинъ, замѣтимъ кстати, говорилъ въ письмѣ съ Черной рѣчки, что ему нужно было только дописать романъ, но слово *дописать* не разъясняетъ намъ, даже приблизительно, какая именно часть романа была готова къ 30 іюля 1833 года: бо́льшая или меньшая.

Но, можетъ быть, Пушкинъ писалъ „Капитанскую дочку“ рядомъ съ „Исторіей пугачевскаго бунта“ въ концѣ 1833 года? Нельзя сдѣлать и такого предположенія. Во время путешествія по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ бушевала пугачевщина, ему было не до систематическаго труда надъ романомъ; онъ объѣхалъ въ теченіе сентября значительную часть Поволжья и восточной окраины Россіи; въ октябрѣ же и ноябрѣ поэтъ, проживая въ Болдинѣ, былъ занятъ, судя по всему, исключительно „Исторіей пугачевскаго бунта“, которая была имъ начерно написана еще въ Петербургѣ. 8 октября 1833 года онъ писалъ женѣ: „Вотъ уже недѣля, какъ я въ Болдинѣ; привожу въ порядокъ мои записки о Пугачевѣ, а стихи пока еще спятъ“. О романѣ ни слова. Очевидно, Пушкинъ и не думалъ писать его въ Болдинѣ. Это подтверждается и вторымъ письмомъ его къ графу Бенкендорфу.

Вернувшись въ концѣ ноября 1833 года въ Петербургъ съ совершенно готовою къ печати рукописью „Исторіи“, Пушкинъ, испрашивая черезъ графа Бенкендорфа Высочайшаго разрѣшенія издать ее въ свѣтъ, писалъ ему 6 декабря: „я думалъ нѣкогда (?) написать историческій романъ, относящійся ко временамъ Пугачева, но, найдя множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ „Исторію пугачевщины“. Осмѣливаюсь просить черезъ ваше сіятельство дозволенія представить оную на Высочайшее усмотрѣніе“. Если сопоставить письмо Пушкина отъ 30 іюля 1833 года съ его же письмомъ отъ 6 декабря того же года и придать имъ безусловную вѣру, то нельзя будетъ не придти къ заключеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ мнѣніемъ Анненкова о томъ, когда была написана „Капитанская дочка“. Пушкинъ, судя по его перепискѣ съ графомъ Бенкендорфомъ, началъ писать „Капитанскую дочку“ прежде, чѣмъ сталъ посѣщать архивы и изучать по архивнымъ источникамъ и на мѣстѣ событій исторію пугачевщины, во второй же половинѣ 1833 года онъ не кончилъ свой романъ, а наоборотъ, *оставилъ вымыселъ*

Digitized by Google

и всецѣло посвятилъ себя задуманной монографіи. Значитъ, и судя по письмамъ Пушкина къ графу Бенкендорфу, „Капитанская дочка“ еще не была доведена до конца, когда „Исторія“ уже была приготовлена къ печати.

Но этого мало: изъ переписки поэта съ графомъ Бенкендорфомъ выясняется, что онъ не только не начиналъ писать „Капитанской дочки“ въ 1833 году и раньше, но что 30 іюля 1833 года

> ... даль свободнаго романа
> (Онъ) сквозь магическій кристаллъ
> Еще не ясно различалъ.

Поэтъ говоритъ въ письмѣ съ Черной рѣчки, что „большая часть дѣйствія романа происходитъ въ Оренбургѣ и Казани“, но въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ ни одного эпизода, за исключеніемъ допроса Гринева и очной ставки его со Швабринымъ, который произошелъ бы въ Казани. Что же касается до Оренбурга, то въ немъ происходитъ лишь то, что описывается въ десятой главѣ повѣсти („Осада города“), да первая встрѣча героя повѣсти съ Рейнсдорпомъ (въ концѣ второй главы). Если допустить, что Пушкинъ былъ вполнѣ искренень съ графомъ Бенкендорфомъ, то выйдетъ, что къ августу 1833 года онъ не только не кончилъ „Капитанской дочки“, но и не выработалъ ея плана, хотя уже и думалъ о ней. Можно, конечно, сдѣлать еще одно предположеніе,—предположеніе о томъ, что кромѣ „Капитанской дочки“ Пушкинъ написалъ, а затѣмъ уничтожилъ еще одинъ историческій романъ о пугачевщинѣ, посвященный, главнымъ образомъ, изображенію оренбургской осады и казанскаго разгрома. Но такое предположеніе будетъ ужь совершенно фантастическимъ. Несмотря на то, мы не считаемъ себя въ правѣ, обсуждая вопросъ о времени созданія „Капитанской дочки“, придавать рѣшающее значеніе перепискѣ Пушкина съ графомъ Бенкендорфомъ и указаніямъ поэта на Оренбургъ и Казань, какъ на мѣсто дѣйствія романа. Дѣло въ томъ, что письмо отъ 30 іюля 1833 года Пушкинъ писалъ не безъ задней мысли и былъ при этомъ далекъ отъ желанія посвятить графа Бенкендорфа во всѣ свои литературные замыслы. Поэтому весьма рискованно искать разгадки занимающаго насъ вопроса въ письмѣ съ Черной рѣчки. Это письмо нуждается въ самой тщательной провѣркѣ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько явныхъ несообразностей, которыя допустилъ поэтъ для того, чтобы склонить графа Бенкендорфа на свою сторону и добиться разрѣшенія прожить нѣкоторое время въ Болдинѣ, посѣтивъ тотъ край, гдѣ разыгралась

Digitized by Google

пугачевщина. Все это легко можетъ быть доказано путемъ подробнаго изученія письма.

Въ этомъ письмѣ Пушкинъ говоритъ, будто за послѣдніе два года онъ не написалъ „ни одной чисто литературной строчки", а между тѣмъ, именно въ это время онъ написалъ „Пѣсни западныхъ славянъ", „Русалку", „Дубровскаго", не считая другихъ, не столь значительныхъ поэтическихъ произведеній. Но Пушкинъ умолчалъ объ этомъ въ письмѣ къ Бенкендорфу. Почему? Объ этомъ мы будемъ говорить дальше.

Добиваясь отпуска и хорошо зная литературные взгляды графа Бенкендорфа, великій художникъ называлъ свое служеніе искусству „суетными занятіями" и оправдывалъ его денежными разсчетами. Говорить-ли, что и въ этомъ случаѣ онъ писалъ не то, что думалъ? Доказывать-ли, что поэтъ взводилъ на себя напраслину, увѣряя, будто „ему совѣстно тратить время" на поэтическое творчество?

Анненковъ вдался въ обманъ, въ который Пушкинъ умышленно хотѣлъ ввести графа Бенкендорфа, и подчеркнулъ „коммерческія соображенія" поэта при созданіи „Капитанской дочки". Но въ чемъ же проявились эти „коммерческія соображенія?" Пушкинъ зналъ цѣну деньгамъ и не принадлежалъ къ защитникамъ безвозмездности литературнаго труда, держась того взгляда, что

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать,—

тѣмъ не менѣе, онъ не издалъ „Капитанской дочки" отдѣльною книгой, а напечаталъ ее, три года спустя послѣ окончанія „Исторіи пугачевскаго бунта", въ своемъ „Современникѣ". Въ виду этого, налегать на „коммерческія соображенія" Пушкина, когда идетъ рѣчь о „Капитанской дочкѣ", нѣтъ никакого основанія.

Въ письмѣ съ Черной рѣчки бросается въ глаза вотъ еще какая странность: Пушкинъ говоритъ, что ему нужно было уединиться въ деревню для окончанія романа, а попавъ въ Болдино, онъ пишетъ тамъ свою „Исторію". Предпринимая путешествіе на Волгу и Уралъ, онъ имѣлъ въ виду, конечно, собраніе письменныхъ памятниковъ и устныхъ преданій не только для „Капитанской дочки", но и для своей монографіи о пугачевщинѣ. Но онъ скрылъ это отъ графа Бенкендорфа. Въ письмѣ отъ 30-го іюля онъ упоминалъ только о романѣ, о своемъ же историческомъ трудѣ довелъ до свѣдѣнія шефа жандармовъ только по возвращеніи въ Петербургъ, въ концѣ 1833 года. Чѣмъ объяс-

Digitized by Google

няется это? Это объясняется, вмѣстѣ съ другими особенностями письма съ Черной рѣчки, служебнымъ, подневольнымъ положеніемъ Пушкина, его отношеніями къ графу Бенкендорфу и тѣмъ недовѣріемъ, которое онъ питалъ къ его уму и сердцу. Этимъ же недовѣріемъ объясняется и то, что Пушкинъ утаилъ отъ графа Бенкендорфа въ письмѣ отъ 30-го іюля, что задуманный романъ предполагаетъ посвятить изображенію пугачевщины.

Дѣло вотъ въ чемъ. Пушкинъ хотѣлъ уѣхать изъ Петербурга для того, чтобы увидѣть тотъ край, въ которомъ разыгрался мятежъ, и закончить на досугѣ свою „Исторію“. Если бы онъ откровенно заявилъ объ этомъ графу Бенкендорфу, тотъ могъ бы возбудить вопросъ, подобаетъ-ли правительству поощрять такія занятія, какъ изученіе пугачевскаго бунта, и не рисковано-ли поручать ихъ Пушкину, политическая благонадежность котораго, съ точки зрѣнія Третьяго Отдѣленія, все еще подлежала нѣкоторому сомнѣнію. Опасаясь, что графъ Бенкендорфъ усмотритъ въ собираніи преданій и письменныхъ памятниковъ о пугачевскомъ бунтѣ не только праздное, но и вредное препровожденіе времени, Пушкинъ счелъ ненужнымъ сообщать ему истинную цѣль своего путешествія [1]. Вотъ разгадка того, на первый взглядъ страннаго обстоятельства, что въ письмѣ отъ 30 іюля ничего не говорится ни объ „Исторіи пугачевскаго бунта“, надъ которой тогда работалъ Пушкинъ, ни о пугачевщинѣ. Поэтъ прибѣгнулъ къ ссылкѣ на романъ, дѣйствіе котораго происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, какъ къ самому подходящему средству для того, чтобы получить разрѣшеніе на предположенную поѣздку. Но такъ

[1] Пушкинъ основывался въ данномъ случаѣ не на однихъ предположеніяхъ, но и на опытѣ. Въ іюлѣ 1827 года онъ представилъ графу Бенкендорфу, въ числѣ другихъ произведеній, и „Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ“. Что это были за пѣсни, составляли-ли онѣ оригинальный поэтическій трудъ Пушкина, къ сожалѣнію, утраченный, или онѣ были не сочинены, а только записаны имъ, подобно тѣмъ народнымъ пѣснямъ, которыя были найдены въ его бумагахъ,—этотъ вопросъ до сихъ поръ остается спорнымъ. Отвѣтъ графа Бенкендорфа дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ первое изъ этихъ предположеній, такъ какъ въ этомъ отвѣтѣ заключается не только цензурный запретъ, но и критическій отзывъ о „Пѣсняхъ“, который едва ли бы имѣлъ мѣсто, если бы дѣло шло о созданіяхъ народной поэзіи. Графъ Бенкендорфъ писалъ, что онѣ, „при всемъ своемъ поэтическомъ достоинствѣ, по содержанію своему неприличны для напечатанія, и что, сверхъ того, Церковь проклинаетъ Разина равно, какъ и Пугачева“. (*Русская Старина*, 1874 г. № 8). Это письмо графа Бенкендорфа было для Пушкина своего рода „внушеніемъ“ держаться подальше отъ изученія и художественнаго воспроизведенія жизни и мятежей Стеньки Разина и Пугачева.

Digitized by Google

какъ поэтъ зналъ, что люди, подобные графу Бенкендорфу, относились весьма пренебрежительно къ его поэтическимъ трудамъ, то онъ и старался склонить его на свою сторону „коммерческими соображеніями“, которыя были для графа Бенкендорфа вразумительнѣе и доступнѣе соображеній литературнаго и научнаго свойства. Пушкинъ обратился къ „коммерческимъ соображеніямъ“, между прочимъ, и потому, что графъ Бенкендорфъ могъ задать себѣ вопросъ: подобаетъ-ли чиновнику, состоящему при Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и получающему казенное жалованье за архивныя разысканія, терять время на отдаленныя экскурсіи ради какихъ-то „побасенокъ“? Будучи невысокаго мнѣнія о графѣ Бенкендорфѣ, но находясь отъ него въ немалой зависимости, Пушкинъ примѣнялся къ уровню его понятій. Отсюда и тотъ пренебрежительный тонъ, которымъ говоритъ поэтъ объ искусствѣ, которому онъ посвятилъ свою жизнь... На невеселыя мысли о положеніи Пушкина и объ его „жестокомъ вѣкѣ“ наводитъ письмо съ Черной рѣчки. Если-бы Пушкинъ могъ обратиться непосредственно къ Императору Николаю со своею просьбой, все уладилось бы безъ малѣйшихъ затрудненій. Но Пушкинъ, съ его благородною гордостью и щепетильною деликатностью, не любилъ безпокоить Государя безъ крайней необходимости. Къ тому же онъ не настолько былъ близокъ ко Двору, чтобы говорить съ Императоромъ обо всѣхъ своихъ литературныхъ начинаніяхъ.

Все сказанное, надѣемся, объясняетъ, почему мы не считаемъ возможнымъ придавать письмамъ Пушкина къ графу Бенкендорфу рѣшающаго значенія по вопросу о томъ, когда была написана „Капитанская дочка“. Что къ концу 1833 года „Капитанская дочка“ не была еще написана даже вчернѣ, мы основываемся не на этихъ письмахъ, или, по крайней мѣрѣ, не на нихъ однихъ, а на цѣломъ рядѣ другихъ соображеній, основательность которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Вотъ эти соображенія:

Въ одной изъ первоначальныхъ программъ романа, получившаго впослѣдствіи названіе „Капитанской дочки“, Пушкинъ проектировалъ для него такую фабулу: „Шванвичъ за буйство сосланъ въ гарнизонъ. Степная крѣпость. Подступаетъ Пугачевъ. Шванвичъ передаетъ ему крѣпость. Взятіе крѣпости. Шванвичъ дѣлается сообщникомъ Пугачева. Ведетъ свое отдѣленіе въ Нижній. Спасаетъ сосѣда отца своего. Чика между тѣмъ чуть было не повѣсилъ стараго Шванвича. Шванвичъ привозитъ сына въ Петербургъ. Орловъ выпрашиваетъ ему прощеніе“. Изъ этой

Digitized by Google

программы, помѣченной 31 января 1833 года, видно, что первоначальный планъ историческаго романа изъ временъ пугачевщины имѣлъ очень мало общаго съ „Капитанскою дочкой“. Въ этомъ планѣ нѣтъ и рѣчи ни о семьѣ Гриневыхъ, ни о семьѣ Мироновыхъ, ни о Савельичѣ. Главнымъ героемъ романа предполагалось сдѣлать Шванвича, то-есть, Швабрина и вывесть въ романѣ нѣкоторыхъ лицъ и нѣкоторые эпизоды, которыхъ нѣтъ въ „Капитанской дочкѣ“. Такъ Пушкинъ сначала думалъ сдѣлать Шванвича предателемъ крѣпости и начальникомъ пугачевскаго отряда, идущаго къ Нижнему-Новгороду, столкнуть пугачевскаго генерала Чику (Ивана Зарубина) съ отцомъ Шванвича, и, наконецъ, закончить романъ изображеніемъ Орлова, а также, вѣроятно, и петербургскаго Двора. Изъ всей этой программы въ „Капитанской дочкѣ“ уцѣлѣли лишь ссылка Швабрина въ степной гарнизонъ (но не за бу́йство, а за дуэль) и картина степной крѣпости. Въ спасеніи Шванвичемъ сосѣда своего отца можно видѣть какъ-бы первый намекъ на содержаніе добавочной главы „Капитанской дочки“, а изъ заключительной части программы нужно сдѣлать выводъ, что Пушкинъ хотѣлъ завершить романъ царицынымъ судомъ еще тогда, когда фабула „Капитанской дочки“ не сложилась въ его воображеніи, и когда онъ только-что началъ думать о ней.

Изъ примѣчаній Пушкина къ „Исторіи пугачевскаго бунта“ видно, что поэтъ узналъ всѣ приведенныя въ нихъ подробности о Шванвичѣ и его отцѣ отъ Н. Свѣчина. Когда именно Н. Свѣчинъ говорилъ съ Пушкинымъ о Шванвичахъ,—неизвѣстно. Очень можетъ быть, что незадолго до 31 января 1833 года. Очень можетъ быть также, что первоначальный планъ романа былъ набросанъ поэтомъ подъ вліяніемъ разсказовъ Свѣчина объ одномъ изъ дѣятелей той эпохи, которая въ то время уже сильно интересовала Пушкина.

Надо думать, что Пушкинъ не придавалъ большаго значенія первоначальной программѣ задуманнаго романа и скоро совершенно забылъ о ней, ибо не могъ не видѣть всѣхъ ея недостатковъ. Она не представляла ни занимательной фабулы, ни раздолья для психологіи и всесторонняго воспроизведенія эпохи. Сосредоточивая весь интересъ на такомъ человѣкѣ, какъ Швабринъ, она давала поэту возможность ярко и выпукло представить лишь мрачныя стороны XVIII вѣка; для его же положительныхъ типовъ и явленій—въ ней не было мѣста. Вотъ почему Пушкинъ и не удовлетворился этою программой, а про-

Digitized by Google

должалъ передѣлывать ее до тѣхъ поръ, пока въ его головѣ не сложилась сложная и причудливая фабула „Капитанской дочки“, давшая поэту такой широкій просторъ, и какъ психологу, и какъ живописцу русскаго быта.

Но прежде чѣмъ Пушкинъ додумался до фабулы „Капитанской дочки“, онъ, вѣроятно, составилъ цѣлый рядъ ея программъ, изъ которыхъ выяснялся для него лишь постепенно окончательный планъ романа. Къ сожалѣнію, вся эта черновая работа почти совершенно утрачена для насъ. Кромѣ отрывка о Шванвичѣ, о которомъ мы только-что говорили, въ бумагахъ Пушкина сохранились лишь два наброска программы историческаго романа, который занималъ его воображеніе. Вотъ они.

1) „Башаринъ отцомъ своимъ привезенъ въ Петербургъ и записанъ въ гвардію, за шалость посланъ въ горнизонъ, пощаженъ Пугачевымъ при взятіи крѣпости, произведенъ въ капитаны и отряженъ съ отдѣльною партіей въ Симбирскъ, подъ начальствомъ одного изъ полковниковъ Пугачева. Онъ спасаетъ отца своего, который его не узнаетъ. Является къ Михельсону; который принимаетъ его къ себѣ; отличается противъ Пугачева-принятъ опять въ гвардію; является къ отцу въ Москву, идетъ съ нимъ къ Пугачеву.

„Старый комендантъ отправляетъ свою дочь въ ближнюю крѣпость.

„Пугачевъ взялъ одну, подступаетъ къ другой. Башаринъ первый на приступѣ. Требуетъ въ награду“...

2) Башаринъ дорогой, во время бурана, спасаетъ башкирца. Башкирецъ спасаетъ его по взятіи крѣпости. Пугачевъ щадитъ его, сказавъ башкирцу: „Ты своею головой отвѣчаешь за него. Башкирецъ убитъ ест.“.

Разберемъ оба эти наброска. Начинаемъ съ перваго изъ нихъ.

Въ немъ уже нѣтъ и рѣчи о Шванвичѣ. Шванвича замѣнилъ Башаринъ, человѣкъ уже совсѣмъ иного типа. Насколько можно догадываться, Башаринъ представлялся Пушкину чѣмъ-то среднимъ между Швабринымъ и Гриневымъ. Это былъ какой-то смутный образъ, изъ котораго поэтъ впослѣдствіи выдѣлилъ двухъ молодыхъ людей, добивавшихся руки Марьи Ивановны. Башаринъ, такъ же какъ и Шванвичъ, дѣлается сообщникомъ Пугачева, но онъ, по первоначальному замыслу Пушкина, не трусъ и не предатель, а только легкомысленный юноша съ недостаточно развитымъ чувствомъ долга. Впрочемъ, здѣсь нужно сдѣлать оговорку. Разбираемый нами набросокъ рѣзко распадается

Digitized by Google

на двѣ части, ничѣмъ между собою не связанныя и даже рѣзко противорѣчащія другъ другу. Во второй части говорится о томъ, что Башаринъ, вмѣстѣ съ Пугачевымъ, участвуетъ въ штурмѣ какой-то крѣпости, причемъ выказываетъ блестящую храбрость и чего-то требуетъ отъ самозванца въ награду за оказанную ему услугу (ужь не пощады-ли дочери стараго коменданта?). Здѣсь мы встрѣчаемъ первый намекъ на замыселъ поэта ввести въ ходъ повѣствованія будущую Марью Ивановну. О другихъ женскихъ типахъ „Капитанской дочки“ онъ тогда еще не помышлялъ, а въ первоначальной программѣ романа, какъ мы видѣли, имѣлись въ виду одни мужчины. Въ наброскѣ, о которомъ идетъ рѣчь, мы имѣемъ указаніе и на первую мысль Пушкина о капитанѣ Мироновѣ. Какъ думалъ Пушкинъ связать эпизодъ побѣды, одержанной Пугачевымъ при помощи Башарина съ первой половиной отрывка,—понять очень трудно: его никакъ нельзя пріурочить къ ходу изложенныхъ въ ней происшествій, допустить же, что этотъ эпизодъ происходитъ уже послѣ того, какъ Башаринъ посѣтилъ Пугачева вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, положительно невозможно. Слова: „является въ Москву“ и „идетъ съ нимъ (съ отцомъ) къ Пугачеву“ — показываютъ, что Пушкинъ хотѣлъ заставить Башарина загладить въ отрядѣ Михельсона временную, и скорѣе мнимую, чѣмъ дѣйствительную, измѣну присягѣ и затѣмъ столкнулъ его съ Пугачевымъ уже въ то время, когда мятежъ былъ подавленъ, а Пугачевъ показывался народу къ Москвѣ, на Монетномъ дворѣ. Иного толкованія только-что приведеннымъ словамъ нельзя дать, ибо нельзя же предположить, что Башаринъ, вновь принятый въ гвардію, перешелъ на сторону Пугачева въ разгаръ мятежа безъ всякой видимой причины. Вторая половина наброска, по всей вѣроятности, была началомъ новой программы, оставшейся неоконченною. Насколько можно догадываться, Пушкинъ, написавъ первую часть наброска, тутъ же замѣтилъ всѣ ея слабыя стороны и хотѣлъ немедленно переработать ее, но не сдѣлалъ этого тогда же, ограничившись всего тремя новыми строчками, которыя, повидимому, были написаны взамѣнъ всего того, что говорится въ первой части наброска, послѣ словъ: „пощаженъ Пугачевымъ при взятіи крѣпости“, причемъ Башаринъ превратился изъ подневольнаго и притворнаго сообщника Пугачева въ его дѣятельнаго сообщника и открытаго измѣнника.

Неудовлетворенный первымъ наброскомъ программы, предполагавшей сосредоточить весь свой интересъ на Башаринѣ, Пуш-

Digitized by Google

кинъ началъ составлять новый планъ, оставшійся тоже неоконченнымъ,—планъ, въ которомъ уже упоминается буранъ, а пощада, оказанная Пугачевымъ Башарину, объясняется заступничествомъ башкирца, спасеннаго героемъ повѣсти во время бурана. Это была первая и еще неясная мысль о второй главѣ „Капитанской дочки“ или, лучше сказать, какъ-бы предчувствіе ея. Съ теченіемъ времени башкирецъ былъ замѣненъ Пугачевымъ, и въ основу романа легла случайная встрѣча его съ Гриневымъ въ степи, во время вьюги, и на постояломъ дворѣ.

Наброски романа, предполагавшіе сдѣлать главнымъ дѣйствующимъ лицомъ Башарина, давали больше простора для поэтическаго творчества Пушкина и для всесторонняго изображенія русскаго общества временъ Екатерины II, чѣмъ первоначальный планъ, выдвигавшій на первое мѣсто Шванвича, подходили къ фабулѣ „Капитанской дочки“ ближе, чѣмъ онъ, и хотя все-таки имѣютъ съ нею очень мало общаго, но должны быть отнесены къ болѣе позднему времени, чѣмъ набросокъ о Шванвичѣ. По поводу обоихъ набросковъ о похожденіяхъ Башарина—можно повторить нѣкоторыя изъ тѣхъ замѣчаній, которыя были сдѣланы нами о первоначальномъ планѣ романа. Въ нихъ нѣтъ ни внѣшней занимательности „Капитанской дочки“, ни цѣлаго ряда дѣйствующихъ лицъ ея, воплотившихъ въ себѣ темныя и свѣтлыя стороны русской жизни второй половины XVIII вѣка. Если бы Пушкинъ написалъ романъ, руководствуясь этими набросками, онъ не могъ бы создать такого образцоваго произведенія, какъ „Капитанская дочка“. Вотъ почему онъ и оставилъ эти наброски смотря на нихъ лишь какъ на тѣ черновые и подготовительные труды, изъ которыхъ у него постепенно выработалась фабула „Капитанской дочки“. О томъ, какъ тщательно обдумывалъ Пушкинъ каждый эпизодъ ея, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдующій примѣръ. По первоначальному плану герой романа спасаетъ сосѣда отца своего, затѣмъ Пушкинъ рѣшилъ, что герой романа долженъ спасти отца своего, который его не узнаетъ. Въ добавочной главѣ къ „Капитанской дочкѣ“ Буланинъ (впослѣдствіи переименованный въ Гринева) является на помощь къ отцу въ критическую для него минуту, причемъ тотъ сразу узнаетъ его. Въ окончательной же редакціи „Капитанской дочки“ нѣтъ уже и помину о совмѣстной борьбѣ обоихъ Гриневыхъ съ бунтовщиками и о спасеніи стараго Гринева сыномъ.

Въ то время, когда Пушкинъ набрасывалъ программу романа, героемъ котораго онъ думалъ сдѣлать Башарина, „Капитанская

Digitized by Google

дочка", конечно, еще не писалась, а только задумывалась поэтомъ, ибо онъ могъ писать ее лишь тогда, когда составилъ себѣ ясное представленіе объ ея фабулѣ.

Когда же именно набрасывалась эта программа? Не раньше осени 1833 года, уже послѣ того, какъ поэтъ побывалъ на Уралѣ и объѣхалъ, вмѣстѣ съ Далемъ, оренбургскую линію крѣпостей.

Башаринъ не былъ вымышленнымъ лицомъ. Онъ находился въ Ильинской крѣпости, когда она была взята Пугачевымъ. Самозванецъ пощадилъ его по просьбѣ плѣнныхъ солдатъ и велѣлъ его такъ же, какъ и ихъ, остричь по казацки. („Исторія пугачевскаго бунта", глава IV). Въ тѣхъ архивныхъ источникахъ, которыми пользовался Пушкинъ, о Баширинѣ ничего не говорится. О Башаринѣ не упоминается и въ тѣхъ письменныхъ матеріалахъ, которыми пользовались другіе историки пугачевскаго мятежа, поэтому они и обходятъ Башарина молчаніемъ. О немъ ничего нельзя найти даже въ подробной монографіи г. Дубровина. Изъ всего этого слѣдуетъ, что Пушкинъ писалъ въ своей „Исторіи" о Башаринѣ на основаніи устныхъ преданій, собранныхъ имъ на мѣстѣ во время путешествія на Уралъ. Раньше этого путешествія, т. е. раньше сентября 1833 года, онъ и не подозрѣвалъ о существованіи Башарина, и, слѣдовательно, не могъ говорить о немъ при составленіи программы задуманнаго романа. Отсюда самъ собою является тотъ выводъ, что въ іюлѣ и августѣ 1833 года, когда Пушкинъ уже дописывалъ „Исторію пугачевскаго бунта", онъ не только не оканчивалъ „Капитанской дочки", но и не начиналъ писать, а только обдумывалъ планъ ея, причемъ все еще былъ очень далекъ отъ той фабулы, на которой онъ остановился. Между наброскомъ первоначальнаго плана, сдѣланнымъ въ началѣ 1833 года, и двумя позднѣйшими, извѣстными намъ, набросками прошло не менѣе 7—8 мѣсяцевъ, а можетъ быть и гораздо больше, и въ то время, когда Пушкинъ писалъ „Исторія пугачевскаго бунта", „Капитанская дочка" представлялась ему въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ. И неудивительно. Въ теченіе всего 1833 года Пушкинъ, занятый „Пѣснями западныхъ славянъ", „Дубровскимъ", „Русалкой", „Мѣднымъ всадникомъ", „Родословной моего героя", архивными разысканіями и „Исторіей", не могъ удѣлить много времени „Капитанской дочкѣ". Онъ думалъ о ней, но не писалъ ея и даже не составилъ ея окончательнаго плана. Окончательный планъ, судя по всему, вырабатывался у него довольно медленно. Такой выводъ явится самъ собою, если сопоставить

Digitized by Google

между собой всѣ три, извѣстные намъ, наброска романа и принять во вниманіе, сколько времени прошло между первымъ изъ нихъ и двумя послѣдними. Изъ нихъ видно, между прочимъ, что, вернувшись изъ путешествіи на Уралъ и собравъ тамъ множество устныхъ преданій о пугачевщинѣ, онъ не сразу напалъ на мысль положить въ основу своего романа видоизмѣненное преданіе объ одномъ изъ благородныхъ поступковъ Пугачева (эпизодъ съ реформатскимъ пасторомъ), упоминаемомъ въ началѣ VIII главы „Исторіи“.

Какъ бы то ни было, Анненковъ и другіе камментаторы и біографы Пушкина положительно ошибаются, думая, что „Капитанская дочка“ писалась параллельно съ „Исторіей“ и была окончена одновременно съ нею.[1] „Капитанская дочка“, какъ мы видѣли, даже не была начата къ концу 1833 года. Поэтъ сталъ писать ее не раньше 1834 года.

Когда же была окончена „Капитанская дочка“, хотя бы въ чернѣ? У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса. Въ письмѣ къ женѣ отъ 25 октября 1834 года изъ Болдина, куда Пушкинъ пріѣхалъ 13 сентября, онъ писалъ: „И стихи въ голову не идутъ и романъ не переписываю. Читаю Вальтеръ-Скотта и Библію“. Г. Поливановъ (см. его изданіе сочиненій Пушкина, IV, 238) заключаетъ изъ этихъ словъ, что осенью 1834 года „Капитанская дочка“ была уже окончена. Но гдѣ же доказательства, что говоря о романѣ, Пушкинъ разумѣлъ „Капитанскую дочку?“ Очень можетъ быть, что онъ имѣлъ въ виду „Дубровскаго“, написаннаго въ концѣ 1832 и въ началѣ 1833 года и нуждавшагося въ 1834 году лишь въ окончательной отдѣлкѣ. Навѣрное можно сказать только одно: „Капитанская дочка“ была написана между 1834 и 1836 годами. Судя по медленности, съ которою создавалась у Пушкина ея фабула, слѣдуетъ придти къ заключенію, что этотъ романъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ созданій поэта, которыя не стоили ему ни продолжительнаго труда, ни долгихъ размышленій. Безукоризненное совершенство и тщательная обработка мельчайшихъ подробностей „Капитанской дочки“ также наводятъ на мысль, что Пушкинъ долго и упорно работалъ надъ нею. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и дополнительная глава къ „Капитанской

[1] Такого взгляда держатся Гротъ (Пушкинъ, 246), Ефремовъ (Сочиненія Пушкина, изданіе Анненскаго, 384), г. Морозовъ, редактировавшій сочиненія Пушкина въ изданіи Литературнаго фонда, г. Незеленовъ (Шесть статей о Пушкинѣ, 96) и другіе. Такого же мнѣнія держится и г. Поливановъ, хотя и съ нѣкоторыми оговорками относительно времени окончанія „Капитанской дочки“.

Digitized by Google

дочкѣ". Изъ нея видно, что въ первоначальной редакціи (можетъ быть, вѣрнѣе было бы сказать: въ одной изъ первоначальныхъ редакцій) „Капитанской дочки" Петръ Андреевичъ Гриневъ носилъ имя Буланина, а Зуринъ—имя Гринева, и что этой главѣ предшествовали страницы, впослѣдствіи выброшенныя поэтомъ. Такъ, напримѣръ, герой романа узнаетъ въ ней, въ числѣ повѣшенныхъ на плывущемъ по Волгѣ плоту какого-то Ваньку и упоминаетъ о немъ, какъ о лицѣ, о которомъ говорилось раньше. „Это былъ Ванька, бѣдный мой Ванька, по глупости своей приставшій къ Пугачеву". Очевидно, что въ первоначальной редакціи „Капитанской дочки" была отведена какая-то роль и Ванькѣ, впослѣдствіи совершенно устраненному изъ романа.

Итакъ, „Капитанская дочка" писалась одновременно не съ „Исторіей пугачевскаго бунта", а, по всей вѣроятности, одновременно съ занятіями поэта, направленными къ переработкѣ „Исторіи" и къ собиранію матеріаловъ для ея втораго, болѣе совершеннаго изданія. „Я собирался,—писалъ поэтъ, возражая на критику Броневскаго,—исправить при второмъ изданіи „Исторіи" замѣченныя погрѣшности". Вотъ почему, напечатавъ „Исторію", Пушкинъ сталъ искать новыхъ матеріаловъ для изученія Пугачевщины, какъ у частныхъ лицъ (напримѣръ, у вдовы Державина), такъ и въ правительственныхъ архивахъ. Своихъ разысканій Пушкинъ не оставлялъ до самой смерти [1], и „Капитанская дочка", появившаяся въ ноябрѣ 1836 года, была написана и получила окончательную отдѣлку, какъ можно думать, уже въ то время, когда поэтъ перечиталъ все, что могъ достать о Пугачевѣ въ архивахъ, и вполнѣ разобрался въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя онъ вынесъ изъ путешествія на Уралъ, изъ бесѣдъ съ современниками мятежа и изъ наблюденій надъ жизнью дѣтей и внуковъ яицкихъ казаковъ, заварившихъ пугачевскій бунтъ. Другими словами, „Капитанская дочка", по всей вѣроятности, писалась тогда, когда у поэта было больше данныхъ для описанія пугачевщины, чѣмъ при изданіи въ свѣтъ „Исторіи пугачевскаго бунта". Этимъ, можетъ быть, и объясняется, отчасти, почему въ „Капитанской дочкѣ" нѣкоторые изъ дѣятелей мятежа, въ томъ числѣ и Пугачевъ, получили несравненно болѣе рельефныя и опредѣленныя черты, чѣмъ въ „Исторіи пугачевскаго бунта".

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Н. Черняевъ.

[1] См. Грота,—*Пушкинъ*, стр. 158—167. (Приготовительныя занятія Пушкина для историческихъ трудовъ).

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ виду преобразованія библіографическаго отдѣла, покорнѣйше просимъ гг. иногородныхъ рецензентовъ обратить вниманіе на средніе размѣры помѣщаемыхъ отзывовъ о книгахъ, и сообразоваться съ этимъ при составленіи посылаемыхъ намъ замѣтокъ.

БОГОСЛОВІЕ, ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ.

Сочиненія Іустина, епископа Рязанскаго и Зарайскаго. Томы I — X. Москва, 1895.

Преосвященный Іустинъ, въ мірѣ Михаилъ Евграфовичъ Полянскій, по окончаніи курса въ Воронежской духовной семинаріи въ 1853 году, прослужилъ 7 лѣтъ съ половиной сельскимъ священникомъ въ Воронежской епархіи. Затѣмъ, лишившись супруги, онъ въ 1862 году поступилъ въ число братства Воронежскаго Митрофаніева монастыря и въ 1863 году здѣсь постриженъ былъ съ именемъ Іустина. Въ 1864 году іеромонахъ Іустинъ перешелъ въ Кіево-Подольскій братскій монастырь и поступилъ въ 1865 году въ Кіевскую Духовную Академію, окончивъ курсъ магистромъ въ 1869 году. Назначенный сначала преподавателемъ богословскихъ наукъ въ Харьковскую духовную семинарію, а вскорѣ затѣмъ (въ 1870 г.) въ Литовскую семинарію инспекторомъ, онъ видѣлъ близко высокій образецъ ученолитературной дѣятельности въ тогдашнемъ архіепископѣ литовскомъ Макаріи. Въ 1875 году Іустинъ, въ то время уже архимандритъ (съ 1872 года), былъ избранъ въ ректоры Костромской духовной семинаріи, состоя въ то же время и профессоромъ богословскихъ наукъ. Наконецъ, съ 1885 года началось и доселѣ продолжается его епископское служеніе. Это служеніе ознаменовано было многими трудами по приведенію въ извѣстность историческихъ свѣдѣній объ епархіяхъ и обителяхъ, ко-

Digitized by Google

торыя ввѣряемы были его управленію, а равно и собственными духовно-литературными трудами. Эти-то, равно какъ и прежніе труды, преосвященный Іустинъ и рѣшилъ нынѣ издать.

Всѣ сочиненія свои преосвященный Іустинъ раздѣлилъ на десять томовъ. Т. I. „О новомъ завѣтѣ.— О евангеліяхъ.— Солнце правды—Христосъ Богъ нашъ.—Кающійся грѣшникъ.—Причастникъ св. Таинъ.—Зерцало православнаго исповѣданія.—День святой жизни.—Послѣднія минуты христіанина“. Стр. V+373. Т. II. „Свѣтила Церкви.— Нравственное ученіе св. отца нашего Исаака Сирина.— Преподобный Нилъ подвижникъ Сорскій.— Житіе и страданіе св. мученика Іустина Философа.— Жизнь святителя Димитрія Ростовскаго.—Жизнь и страданія св. мученика Ѳеодота Анкирскаго и св. 7 мученицъ-дѣвъ.— Жизнь и страданія священно-мученика Климента, епископа Анкирскаго“. Стр. VII+598. Т. III. „Божественное лицо и дѣло Господа нашего Іисуса Христа.— Очерки основныхъ положеній христіанскаго нравоученія“. Стр. X+453. Т. IV. „О Богѣ Творцѣ и Промыслителѣ міра“. Стр VI+344. Т. V. „О Богѣ Спасителѣ міра.— Смыслъ и значеніе православно христіанскаго ежедневнаго богослуженія“. Стр. III + 363. Т. VI. „О Богѣ Освятителѣ, Судіи и Мздовоздателѣ“. Стр. VII+441. Т. VII. „Догматы по Стефану Яворскому“. (Первая половина). Стр. II+409. Т. VIII. „Догматы по Стефану Яворскому“. (Вторая половина). Стр. II+416. Т. IX. „Мысли на каждый день года“. Стр. II+679. Т. X. „Святая Четыредесятница и святая Пятидесятница“. (Поученія). Стр. V + 356. Съ фотографическимъ портретомъ автора.

Уже изъ одного этого голаго перечня можно видѣть, какой богатый матеріалъ для ученаго и какой обильный запасъ духовной пищи для всякаго православнаго христіанина представляютъ эти сочиненія. Мы здѣсь имѣемъ и ученіе объ источникахъ богословія—священномъ Писаніи и священномъ преданіи и догматическое богословіе, и богословіе нравственное, и литургику, и драгоцѣнные перлы ученія святоотеческаго—древняго (св. Исаакъ Сиринъ) и новаго (преподобный Нилъ Сорскій, св. Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій) времени, и т. д. А въ IX томѣ имѣемъ глубоко поучительныя особыя на каждый день года мысли, подобныя тѣмъ, какія остались отъ извѣстнаго Вышенскаго затворника святителя Ѳеофана, хотя и совершенно самостоятельно составленныя.

Нѣкоторыя статьи представляютъ изложеніе. Такъ, напримѣръ, статья въ I томѣ, подъ заглавіемъ: „Зерцало православнаго исповѣданія“. есть сочиненіе святителя Димитрія Ростовскаго, но только въ русскомъ переводѣ преосвященнаго Іустина; слѣдующая за нею статья: „День святой жизни“, есть сочиненіе митрополита Григорія, въ сокращеніи, и т. д., чего отнюдь не скрываетъ и самъ преосвященный Іустинъ. Есть также извлеченія изъ твореній церковныхъ писателей разныхъ временъ. Все это показываетъ, какую богатую сокровищницу

Digitized by Google

православнаго ученія и назиданія имѣемъ мы въ сочиненіяхъ досточтимаго архипастыря рязанскаго. Однако сочиненія преосвященнаго Іустина, въ большинствѣ случаевъ, оригинальнаго, историческаго, толковательнаго, поучительнаго и т. д. характера.

Сочиненія преосвященнаго Іустина отличаются изложеніемъ яснымъ, простымъ, общедоступнымъ. Въ этомъ отношеніи они близко соприкасаются съ писаніями преосвященнаго Ѳеофана. Не даромъ, поэтому, аѳонцы, издавая многія писанія преосвященнаго Ѳеофана, издавали и нѣкоторыя писанія преосвященнаго Іустина въ общее назиданіе.

Въ предисловіи къ своимъ „Мыслямъ на каждый день года“ (т. IX), преосвященный Іустинъ говоритъ: „Мысли эти собираемы были въ разныхъ мѣстахъ, по разнымъ случаямъ и обстоятельствамъ въ теченіе всей моей жизни и служили мнѣ средствомъ, чтобы не увлечься чѣмъ-нибудь неподобающимъ и держаться на высотѣ своего призванія, чтобы не сбиться съ прямаго пути и идти вѣрно къ своему назначенію. Въ этомъ отношеніи онѣ принесли мнѣ великую пользу; думаю, что и другимъ онѣ будутъ такъ же полезны. Потому и рѣшился подѣлиться ими съ моими ближними“. Какъ эти „Мысли“, такъ и мысли, заключающіяся во всѣхъ остальныхъ томахъ, способны принести столь же пользы и читателямъ, а потому за нами остается долгъ принести досточтимому архипастырю рязанскому глубокую благодарность за его рѣшимость подѣлиться съ ближними этимъ его сокровищемъ. Книги изданы удобно для чтенія и по цѣнѣ всѣмъ доступны (*).

К.

Владимірское Православное Братство Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. Отчетъ о дѣятельности за 1893—94 годъ.

Это уже 15-й отчетъ о дѣятельности Владимірскаго Братства. Новые факты, встрѣчающіеся въ немъ, всего лучше свидѣтельствуетъ о его постепенномъ преуспѣваніи и о томъ значеніи, какое оно можетъ имѣть въ распространеніи народнаго образованія. Число школъ въ отчетномъ году увеличилось на 39 и нынѣ достигаетъ 1.120, такъ что въ епархіи теперь одна школа приходится на 1.193 чел. жителей. Во внутреннихъ дѣлахъ Братства замѣчаются тѣ же успѣхи. Библіотека, напримѣръ, за истекшій годъ увеличилась 264 томами, изъ коихъ 118 пріобрѣтены на средства самого Братства. Древне-хранилище Братства точно также сдѣлало нѣкоторыя пріобрѣтенія, благодаря частнымъ по-

---

[1] Цѣна I, III—VIII томовъ безъ пересылки 85 к., а съ пересылкой 1 р., цѣна II, IX и X томовъ безъ пересылки 1 р. 25 к., а съ пересылкой 1 р. 50 к. Сверхъ того, священно-церковнослужители, духовно-учебныя заведенія, монастыри и церковно-приходскія школы пользуются еще уступкой—за 9 р. получаютъ всѣ 10 томовъ и съ пересылкой на счетъ автора. Книгопродавцы пользуются такою же уступкой, только пересылку принимая на свой счетъ. Вѣсъ всѣхъ 10 томовъ 16 фунтовъ. Съ требованіями обращаться: „Рязань. Въ канцелярію епископа Іустина“.

Digitized by Google

жертвованіямъ. Изъ числа ихъ слѣдуетъ отмѣтить блюдо, нѣмецкой работы XVI вѣка, латинскую библію 1696 года и проч. Всѣхъ членовъ Братства въ 1893—94 году значилось 700 чел., изъ коихъ пожизненныхъ почетныхъ 76, пожизненныхъ дѣйствительныхъ 195, годовыхъ 130 и соревнователей 299. Что касается денежныхъ средствъ, отъ предъидущаго года оставалось денегъ по Братству, епархіальному совѣту и библіотекѣ, со включеніемъ хранящихся въ хозяйственномъ управленіи при св. синодѣ, 60 882 р. 72 к. Въ 1893—94 году поступило на приходъ 36.347 р. 63 к., а въ расходъ 40.397 р. 79 к. Такимъ образомъ въ кассѣ Братства остается къ слѣдующему 1894—95 году 59.833 р. 16 к.

ПРАВО.

Фр. Листъ. *Наказаніе и его цѣли*. Изданіе Юровскаго. Спб. 1895. стр 72. Ц. 25 к.

Въ послѣднее время народилось множество самыхъ разнообразныхъ „библіотекъ“—юридическая, русская, международная и т. д. и т. д. Издатели общедоступныхъ книжекъ Юровскіе, Канторовичи и К° сидятъ то въ Петербургѣ, то въ Кіевѣ, то въ Одессѣ и усердно занимаются перепечаткой статеекъ журнальнаго пошиба и размѣровъ не предусмотрѣнныхъ законами о литературной собственности. Это въ томъ случаѣ, если приходится создавать русскую библіотеку. „Издать же массу сочиненій“ международной библіотеки—это значитъ просто сдѣлать переводъ мелкихъ статеекъ западноевропейскихъ знаменитостей, что̀ конечно и безопаснѣе и выгоднѣе въ смыслѣ выбора. За 15—20 к. каждый читатель можетъ прочесть въ подлинныхъ выраженіяхъ продуктъ умственной работы всѣхъ западныхъ мыслителей, можетъ научиться говорить и о строѣ государствъ, о какой угодно изъ литературъ, забраться въ политическую экономію и оперировать съ фактами психологіи. Словомъ за нѣсколько рублей при усердіи можно сдѣлаться современнымъ энциклопедистомъ. Что книжечки библіотекъ разсчитаны главнымъ образомъ на доходъ для кармана издателей—это несомнѣнно. Но несомнѣнно въ то же время, что это наводненіе нашей литературы всякаго рода переводами напоминаетъ время шестидесятыхъ годовъ съ его увлеченіями знаменитостями запада. Но тогда люди были требовательнѣе. Для нихъ нужны были и переводы двухтомныхъ, солидныхъ работъ. Теперешніе умственные младенцы не въ состояніи надолго сосредоточить вниманіе надъ чѣмъ-нибудь труднымъ. По Сенькѣ издается шапка. Неужели у насъ нѣтъ ученыхъ, которые могли бы дать популярное и интересное изложеніе своихъ мыслей, отдѣльныхъ частей изучаемой ими науки? Неужели мы должны даже въ этой области—области популяризаціи обращаться къ западу? Наконецъ, неужели доставленіе умственной пищи главнымъ образомъ останется въ рукахъ евреевъ, нѣмцевъ и другихъ, но не русскихъ?

Digitized by Google

О Листѣ самомъ нечего говорить. Его работы по уголовному праву давно обратили на себя вниманіе спеціалистовъ. Нѣтъ ни одного учебника уголовнаго права, гдѣ бы не приводились мнѣнія этого ученаго. Понятно, что его „Наказаніе и его цѣли“ можетъ быть прочтено съ интересомъ тѣми, кто хочетъ *было* ознакомиться съ ученіями криминалистовъ, *преимущественно германскихъ*, по вопросу о цѣли наказанія и основахъ его существованія.

ИСТОРІЯ.

Г. Я. Кипріяновичъ. *Историческій очеркъ православія, католичества и уніи въ Бѣлоруссіи и Литвѣ съ древнѣйшаго до настоящаго времени.* Вильна, 1895 г., Ц. 1 р.

14-го декабря 1895 г. исполнилось столѣтіе возсоединенія съ Россіей западнорусскихъ областей. При смутности ходячихъ понятій, особенно усердно распространяемыхъ поляками, нерѣдко даже русскіе считаютъ этотъ исконной нашъ край „забраннымъ“ и остающимся временно въ составѣ Россіи. Поэтому весьма небезполезнымъ является по возможности частое напоминаніе объ историческомъ прошломъ этого края. Съ этой повидимому цѣлью въ Вильнѣ недавно выпущена небольшая книжечка подъ заглавіемъ „Историческій очеркъ православія, католичества и уніи въ Бѣлоруссіи и Литвѣ“. Авторъ ея—Г. Кипріановичъ, рѣшившій на страницахъ своей книги еще разъ возпроизвести исторію неудачныхъ попытокъ возсоединенія церквей и обращенія въ католичество православныхъ. Излагаемыя событія представляютъ современный интересъ еще и въ виду новой попытки представителя латинской церкви, подчинить римскому престолу восточную церковь, хотя-бы на условіяхъ введенія уніи. Мы уже пережили этотъ ненормальный опытъ и хорошо ознакомились съ постепеннымъ процессомъ порабощенія католиками и поляками православнаго русскаго населенія. Этотъ опытъ можетъ насъ лучше всего предохранить отъ безсмысленныхъ мечтаній о единствѣ церквей подъ властію папъ. Въ трудѣ г. Кипріановича изложена исторія церкви въ сѣв. западномъ краѣ съ перваго момента ея насажденія тамъ. Принесенная изъ Кіева отъ племени родственнаго (по происхожденію, духу и обычаямъ) бѣлоруссамъ и литовцамъ, находившимся въ живомъ общеніи другъ съ другомъ, вѣра православная быстро разливалась среди языческаго населенія и развивалась по восточному обряду. Занесенное сюда значительно позже латинство не имѣло успѣха не только среди крещеныхъ по греческому обряду, но и среди язычниковъ: нѣмецкіе рыцари, вводившіе здѣсь латинскую вѣру, склонны были скорѣе вколачивать ее, нежели ею просвѣщать. Не измѣнилось отношеніе массъ къ католичеству даже и тогда, когда силой обстоятельствъ Литва подпала подъ вліяніе Польши. Правда, при подавляющемъ господствѣ католиковъ въ соединен-

Digitized by Google

номъ Литовско-Польскомъ государствѣ и неразборчивости въ средствахъ среди католическаго духовенства, были случаи совращенія изъ православной въ католическую вѣру, но въ общемъ народъ крѣпко держался православія. Потерявъ надежду сразу побороть православіе, католическое духовенство рѣшило опутать русскихъ уніей и посредствомъ нея создать такое положеніе, переходъ изъ котораго въ латинство былъ бы незамѣтенъ для простого народа. Расчеты едва не увѣнчались успѣхомъ. Нужно удивляться жизненности православныхъ основъ и твердости духа населенія, которое твердо помнило вѣру отцовъ своихъ и выносило ее какъ „искру въ пеплѣ забытую", по поэтичному выраженію Св. Аѳанасія, борца за православіе. При первой же возможности, предоставленной уніатамъ, они массами вернулись въ православіе. Такимъ образомъ единеніе, которое вѣрнѣе слѣдовало бы назвать рабствомъ, сброшено, но память о немъ живетъ и до сихъ поръ въ народѣ. Стóитъ вслушаться въ эти воспоминанія, чтобы убѣдиться въ неосуществимости вторичной уніи. Фактическія событія, излагаемыя въ компиляціи г. Кипріановича, изложены довольно вѣрно, но далеко неудовлетворительна обработка ихъ. Событія часто излагаются безъ связи одно съ другимъ, зачастую приводятся подробности, не имѣющія ни малѣйшаго отношенія къ трактуемому вопросу. Самый порядокъ изложенія, избранный авторомъ, неудовлетворителенъ. Такъ сначала идетъ изложеніе движенія православія за извѣстный періодъ, затѣмъ католичество за то же время. Не говоря уже о томъ, что развитіе православія есть упадокъ католичества и наоборотъ, и что по самому существу разбираемаго вопроса эти два теченія должны быть разобраны вмѣстѣ, какъ разныя стороны одного и того же факта, принятая авторомъ система заставляетъ его самого безпрестанно повторяться и мѣшаетъ цѣльности и ясности впечатлѣнія. Отсутствіе объединяющаго начала проявляется и въ другихъ отношеніяхъ; напримѣръ, описывая дѣятельность преосвященнаго Макарія, авторъ ставитъ ему въ заслугу то, что при немъ не оставлялось приходовъ за дочерьми священниковъ, говоря же о преосвящ. Алексіѣ, г. Кипріановичъ одобрительно отзывается о возстановленіи этого-же обычая. Совершенно ненужными являются также замѣчанія въ родѣ того, что при преосвященномъ Василіи перемѣнилось 2 губернатора. Что же касается похвалы двумъ архипастырямъ за ихъ „нестяжательность", то она совершенно неумѣстна, потому что обратное явленіе въ этой средѣ скорѣе является исключеніемъ. Всѣ перечисленные недостатки въ значительной степени умаляютъ значеніе труда, вообще весьма полезнаго и проникнутаго истинно русскимъ духомъ. Мы подробно остановились на этой книгѣ потому, что появленіе изданій подобнаго рода является въ высшей степени желательнымъ въ интересахъ русскаго дѣла въ Западныхъ губерніяхъ, но въ то же время необходимо болѣе строгое и умѣлое выполненіе благихъ намѣреній.

Digitized by Google

А. С. *Къ столѣтію третьяго раздѣла Польши.* Варшава 1895 годъ.

Польская исторія — лучшій союзникъ русскаго дѣла. Чѣмъ лучше поляки вдумаются въ исторію своего отечества, тѣмъ равнодушнѣе они станутъ къ идеѣ „возстановленія Польши". Та же исторія показываетъ и русскимъ необходимость владычества Россіи. Эту истину доказываетъ и вышеотмѣченная брошюрка А. С. Авторъ приводитъ данныя, свидѣтельствующія, насколько жива еще, къ сожалѣнію, въ полякахъ идея политической самостоятельности. Статистическія свѣдѣнія, группируемыя авторомъ, всего лучше доказываютъ, однако, насколько благопріятно оказалось для развитія польской народности и польской культуры русское владычество. Что представляло изъ себя польское государство до своего паденія? Трудно представить себѣ что-либо болѣе безпорядочное, болѣе неопредѣленное, чѣмъ Польша послѣдняго вѣка. Недаромъ же польскій историкъ Лелевель сравнивалъ ее съ огромною корчмой, куда стекаются авантюристы со всѣхъ сторонъ свѣта пошумѣть и пображничать; не даромъ и русскій народъ окрестилъ ее мѣткимъ прозвищемъ „безголовой". Но едва прошло столѣтіе со времени присоединенія привислянскихъ губерній, и Польша неузнаваема! Населеніе, которое благодаря тяжелому гнету польской шляхты постоянно уменьшалось, нынѣ достигаетъ 9 милліоновъ, то есть превосходитъ населеніе самостоятельной Польши слишкомъ въ три раза. Торговля и промышленность, прежде существовавшія только въ воображеніи польскихъ патріотовъ, нынѣ достигли значительнаго процвѣтанія. Литература достигла высшей степени своего развитія, поравнявшись съ литературами другихъ народовъ, и далеко оставила за собою литературы Познани и Галиціи. Простое сопоставленіе показываетъ, насколько неразумны политиканскія поползновенія поляковъ. Нельзя не упомянуть о разоблаченіяхъ польскихъ намѣреній и либеральныхъ подуськиваній, которыя приводитъ г. С. въ своей брошюрѣ. Очень интересны сообщенія автора о заграничныхъ выходкахъ польскихъ знаменитостей, о планахъ польскихъ революціонеровъ и т. д. Вообще эта брошюра, при всей краткости, содержитъ много точныхъ свѣдѣній для ознакомленія съ положеніемъ Привисланья.

ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ, СТАТИСТИКА.

Слюнинъ Н. *Водныя богатства Приморской области.*

Русское неумѣнье пользоваться природными богатствами, которыми такъ изобилуетъ Россія, почти вошло въ пословицу. Брошюра доктора Слюнина снова показываетъ это въ отношеніи Приморской области. „Не говоря о минеральныхъ богатствахъ, говоритъ авторъ, которыхъ еще никто не изслѣдовалъ, не смотря на существующія указанія, одного рыбнаго богатства

Digitized by Google

вполнѣ достаточно, чтобы улучшить положеніе страны, создать довольство и матеріальное благосостояніе ея жителей". Въ этомъ отношеніи наше Приморье является непочатымъ угломъ, настоящимъ „золотымъ дномъ". „Казалось бы", говоритъ авторъ брошюры, „что этого баснословнаго богатства рыбы совершенно достаточно не только для мѣстнаго прокормленія жителей и собакъ, какъ перевозочнаго животнаго, но и для широкаго вывоза въ восточные порты, гдѣ на этотъ товаръ всегда существуетъ громадный спросъ; въ дѣйствительности же мы наблюдаемъ обратное явленіе. Населеніе Камчатки вымираетъ приблизительно 0,3% ежегодно. Экономическое положеніе жителей представляетъ безотрадную картину: съ тѣхъ поръ, какъ значительно уменьшилось количество пушнаго звѣря, ослабѣла и приманка для торговцевъ, приходившихъ сюда для мѣновой торговли." Крайняя бѣдность населенія не позволяетъ ему воспользоваться всѣми выгодами своего положенія въ богатомъ и обильномъ краѣ. Отсюда полная свобода эксплоатаціи природныхъ богатствъ со стороны иностранцевъ, среди которыхъ преобладаютъ японцы. „Говорить о рыбныхъ промыслахъ на дальнемъ Востокѣ—значитъ говорить о дѣятельности японцевъ въ нашихъ водахъ". Въ какой степени практикуется эта эксплоатація рыбы, и насколько велика наша бездѣятельность на Востокѣ,—можно видѣть изъ того факта, что треска, напримѣръ, доставляемая съ Сахалина въ Японію, потомъ привозится къ намъ же во Владивостокъ и поступаетъ на рынокъ. Тоже хозяйничанье иностранцевъ и то же отсутствіе эксплоатаціи со стороны русскихъ являются и въ промыслѣ морскихъ котиковъ. „Дайте возможность", говоритъ авторъ, „развить рыбные промыслы въ широкихъ размѣрахъ, имѣя всѣ данныя для этого; устройте вывозъ, что очень легко, при громадномъ спросѣ на рыбную пищу на востокѣ, избавьте отъ гнетущей кабалы настоящую торговлю урегулированіемъ ея, какъ это сдѣлано, напримѣръ, на Командорскихъ островахъ, и заброшенная Камчатка возродится. Она получитъ самостоятельную жизнь; не соболь будетъ давать ей жалкіе крохи хлѣба, а рыбные консервы обезпечатъ хорошій заработокъ, создадутъ экономическое благосостояніе жителей и разбудятъ ихъ отъ той вѣковой спячки, которая теперь тяготѣетъ надъ ними".

А. Н. Харузинъ. *Къ вопросу о происхожденіи киргизскаго народа.* (Изъ XXVI книжки „Этнографическаго Обозрѣнія"). М. 1895, стр. 92.

Небольшая брошюрка представляетъ собой извлеченіе изъ журнала, спеціально посвященнаго этнографіи и содержащаго въ себѣ не мало интересныхъ статей. Передъ нами одна изъ нихъ. Авторъ, уже извѣстный своими работами по этнографіи Киргизскаго племени (его прекрасное антропологo-этническое изслѣдованіе въ двухъ томахъ „Киргизы Букѣевской орды" обратило на себя вниманіе ученаго міра), возвращается еще разъ къ люби-

Digitized by Google

мой темѣ и задается вопросомъ о происхожденіи киргизовъ. Вопросъ этотъ, касающійся народа исключительно степного, численностью до 3 милліоновъ душъ, затрогивался уже не разъ учеными. Разнородныя мнѣнія, высказываемыя многочисленными авторами, страдали тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что искали начало происхожденія киргизскаго народа во временахъ отленныхъ и даже древнихъ. Авторъ рѣшительно отвергаетъ возможность приписать киргизамъ болѣе древнее происхожденіе, чѣмъ средина XV вѣка. Памятники говорятъ о киргизахъ (въ переводѣ казакахъ), *бродячихъ, не осѣдлыхъ* людяхъ. Такіе „бродники“ могли существовать и въ глубокой древности, а впослѣдствіи имя нарицательное, киргизъ, обратилось въ собственное по отношенію къ народности степной. Г. Харузинъ подробно останавливается на разборѣ историческихъ фактовъ и документовъ, касающихся киргизовъ, находитъ подтвержденіе своему мнѣнію въ родовыхъ преданіяхъ этого народа и тамгахъ и дѣлаетъ выводъ, полемизируя съ Вамбери, что въ киргизскомъ народѣ нѣтъ ничего цѣльнаго и кореннаго. По мнѣнію автора, въ немъ отсутствуетъ не только этнологическая и антропологическая цѣльность, но даже нѣтъ основнаго выдающагося ядра, вокругъ котораго группировались бы отдѣльные элементы. Напротивъ, все киргизское племя расплывается въ массѣ составныхъ элементовъ тюркскаго, монголо-тюркскаго и иного происхожденія.

Мысль, проводимая авторомъ и обставленная пока только доказательствами историческаго характера (не затронуты область преданій народныхъ и сопоставленіе родовыхъ именъ съ таковыми же другихъ тюркскихъ племенъ), интересна, но не нова. Русскіе ученые Красовскій, Мейеръ, Ибрагимовъ, Радловъ, Вельяминовъ-Зерновъ, П. Семеновъ и В. Григорьевъ съ давнихъ поръ отстаиваютъ ту мысль, что киргизы не были никогда народомъ, а просто степной азіатской казачиной, сложившейся изъ обломковъ тюркскихъ племенъ, имѣвшихъ прежде независимое существованіе. Весьма важно всякое развитіе этого мнѣнія, но еще болѣе было бы желательнымъ всестороннее разсмотрѣніе вопроса о происхожденіи киргизовъ.

Ялта по однодневной переписи 15 декабря 1892 года. Обработано санитарнымъ врачемъ г. Ялты П. П. Розановымъ. Симферополь, 1895 г.

Поводомъ къ произведенной переписи послужило полученное Ялтой отъ Комитета Всероссійской Гигіенической выставки приглашеніе принять въ ней участіе. Руководители дѣла выработали довольно широкую программу, въ которую входило: дать представленіе о географическихъ и климатическихъ условіяхъ, о качествѣ почвъ и водъ и даже познакомить съ окрестными видами города. Такая обширная постановка дѣла вполнѣ отвѣчала интересу, который вызываетъ къ себѣ у публики значительнѣйшій изъ южно-русскихъ курортовъ. Къ сожалѣнію, хотя перепись была предпринята въ видахъ главнымъ образомъ освѣщенія са-

Digitized by Google

нитарно-гигіеническихъ условій города, она именно въ этомъ отношеніи даетъ очень мало интересныхъ данныхъ. Точно также нѣтъ существенныхъ, и въ данномъ случаѣ самыхъ важныхъ свѣдѣній о курортѣ, о числѣ пріѣзжихъ, неизвѣстно даже число помѣщеній, могущихъ имъ быть предоставленными. Взамѣнъ того очень подробно разработаны свѣдѣнія о грамотности, національности, общественномъ и семейномъ положеніи ялтинскихъ жителей.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Орловской губерніи. Томъ VIII. Орловскій уѣздъ. Изд. Орловскаго губернскаго земства. Орелъ, 1895.

Обширный сборникъ въ 900 стр. является результатомъ статистическихъ работъ 1894 г. Въ этомъ году было произведено статистическое изслѣдованіе крестьянскихъ хозяйствъ, какъ пообщинными, такъ и подворными опросами, свѣдѣнія же, касающіяся частновладѣльческихъ хозяйствъ за небольшимъ исключеніемъ относятся къ 1889 и 1892 гг., когда они были собраны.

Какъ по богатству затронутаго матеріала, такъ и по обработкѣ его, сборникъ является весьма почтеннымъ трудомъ. Объяснительный текстъ его дѣлится на три части: въ первой заключаются свѣдѣнія о естественныхъ условіяхъ уѣзда (территоріальныхъ, геологическихъ и климатическихъ, а также распредѣленіи земель), вторая часть даетъ свѣдѣнія о доходности и производительности угодій, наконецъ третья рисуетъ положеніе населенія уѣзда. Изложены эти свѣдѣнія въ формѣ отдѣльныхъ статей, посвященныхъ отмѣченнымъ вопросамъ, и нѣкоторыя изъ нихъ („Пашня", „Территорія"), помимо обстоятельнаго освѣщенія собраннаго матеріала, отличаются мастерствомъ и легкостью изложенія, что значительно помогаетъ разобраться въ массѣ данныхъ и придаетъ живой интересъ сухимъ цифрамъ.

Въ отдѣлѣ о населеніи детально разработаны статьи о кредитѣ, задолженности и промыслахъ населенія уѣзда. Данныя, касающіяся этой стороны жизни, не совсѣмъ утѣшительны. Задолженность населенія простирается до солидной цифры, а условія этой задолженности еще печальнѣе. Всей недоимки за 1894 г. за крестьянами числилось 335.340 рублей или по 2 рубля приблизительно на десятину надѣльной земли, что составляетъ 76% ежегодныхъ платежей. Къ этому нужно прибавить выданную въ неурожайные годы и непогашенную натуральную ссуду въ 469.936 пудовъ зерна. Долги частнымъ лицамъ и кредитнымъ учрежденіямъ достигаютъ 353.873 рублей, изъ этой послѣдней суммы долги частнымъ лицамъ составляютъ 77%. Чтобы понять значеніе этой цифры, нужно принять во вниманіе условія, въ которыхъ находится этотъ родъ кредита. Размѣры % его колеблятся въ предѣлахъ 10—60; были наблюдаемы даже 100-процентныя ссуды. Это при денежныхъ займахъ, при натуральныхъ же и особенно краткосрочныхъ % достигаетъ иногда колоссальныхъ размѣровъ. Изложенное ясно показываетъ крупную задолженность населенія, а также разорительныя условія кредита.

Digitized by Google

Изъ всего числа наблюдаемыхъ займовъ незначительная доля ихъ приходится на займы общественные и товарищескіе. Подавляющее большинство составляютъ займы индивидуальные. Общественные, какъ и всегда, заключаются въ меньшихъ %, такъ что самые обременительные падаютъ на единичныхъ лицъ. Въ связи съ этимъ нѣсколько неожиданнымъ является наблюденіе, что къ частнымъ ссудамъ прибѣгаютъ главнымъ образомъ люди средняго достатка (имѣющіе 5 — 10 десятинъ). Болѣе отрадное впечатлѣніе производятъ факты, касающіеся другой стороны деревенской жизни. По всѣмъ наблюденіямъ, крестьяне проявляютъ неизмѣнное тяготѣніе къ общинному землевладѣнію, и перехода къ подворному почти не замѣчается, а бывали даже случаи, когда крестьяне, установивъ подворное владѣніе, фактически не держатся его и въ нѣкоторыхъ частяхъ, а иногда и въ цѣломъ, владѣютъ землею общинно.

Въ дѣлѣ народнаго образованія статистическія свѣдѣнія констатируютъ недостатокъ школъ.

А. А. Кауфманъ. *Хозяйственное положеніе переселенцевъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи* (по даннымъ произведеннаго въ 1894 г. по порученію губернатора подворнаго изслѣдованія). Спб. 1895.

Пока вышелъ первый томъ этого интереснаго и добросовѣстно выполненнаго, почти по той же программѣ, какъ и въ Томской губерніи, изслѣдованія. Работы были предприняты при содѣйствіи студентовъ Петербургскаго университета г. Головина и г. Ростковскаго. Въ дѣльно составленномъ и содержательномъ предисловіи г. Кауфманъ подробно останавливается на неясностяхъ, неточностяхъ работы и сомнѣніяхъ изслѣдователей, потому что во многихъ случаяхъ опрашиваемые отказывались давать точныя и полныя свѣдѣнія, такъ что приходилось оставлять опись недоконченною. Подробно останавливаясь на разборѣ недостатковъ издаваемой книги (печатана по распоряженію министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ) и будучи далекъ отъ мысли, что она не заключаетъ „существенныхъ пробѣловъ", авторъ оговаривается, что дѣлаетъ это съ цѣлью оберечь будущихъ изслѣдователей отъ ошибокъ, сдѣланныхъ въ настоящемъ.

Первая книга заключаетъ въ себѣ матеріалъ, ради удобства разбитый на три выпуска, куда входитъ, во-первыхъ, описаніе отдѣльныхъ поселковъ и приселеній, in extenso передающее содержаніе поселенныхъ бланковъ, надлежащимъ образомъ провѣренныхъ и дополненныхъ частью на основаніи результатовъ подворнаго опроса, частью по оффиціальнымъ и инымъ свѣдѣніямъ, и вовторыхъ, поселенныя таблицы съ группировкой матеріала по времени прибытія новоселовъ.

Второй томъ будетъ содержать сводную повопросную разработку матеріала и нѣкоторыя комбинаціонныя таблицы.

Digitized by Google

Данныя, сообщаемыя вышедшими книгами, весьма интересны и довольно подробны. Гг. Головинъ и Ростковскій помимо производства описей собрали попутно цѣнный матеріалъ, дополняющій вопросные пункты. Весьма важенъ былъ бы своевременный выходъ слѣдующаго тома матеріаловъ.

А. В. Смоленскій. *Чувашскія примѣты о погодѣ и вліяніи ея на хозяйство.* Казань. 1896.

Народныя примѣты нерѣдко отличаются въ высшей степени умѣлымъ выраженіемъ ряда метеорологическихъ наблюденій, производимыхъ цѣлыми поколѣніями неграмотнаго и неученаго народа. Извѣстно мѣткое описаніе и характеристика народнаго календаря, сдѣланныя Глѣбомъ Успенскимъ. Вниманіе людей науки также не разъ останавливалось на примѣтахъ. Лѣтъ около двадцати тому назадъ въ публичной лекціи о предсказаніи погоды проф. Казанскаго университета И. Н. Смирновъ коснулся чувашской метеорологіи, удивляясь тому, что Чуваши никогда не ошибаются въ предсказаніяхъ. Профессоръ былъ увѣренъ въ томъ, что долголѣтнимъ наблюденіемъ они наведены на вѣрные признаки, опредѣляющіе ожидаемое состояніе погоды, признаки, еще до сихъ поръ ускользающіе отъ науки.

Поэтому весьма не безъинтереснымъ съ научной стороны является ознакомленіе съ книжкой г. Смоленскаго, собравшаго, хотя и неполный, матеріалъ по чувашскимъ примѣтамъ о погодѣ. (первоначально былъ напечатанъ въ извѣстіяхъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи за 1895 г.). Матеріалы записаны не на мѣстѣ, а при посредствѣ знакомыхъ учителей чувашскихъ сельскихъ училищъ. Тѣмъ не менѣе изданіе ихъ, какъ первый шагъ на пути къ обстоятельному изученію народныхъ примѣтъ, заслуживаетъ большаго вниманія.

Книжка издана съ рѣдкимъ изяществомъ, почти роскошно.

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА.

Н. Страховъ. *Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ.* Книга третья. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ—въ настоящую минуту уже покойный—говоритъ, что ея появленіе не нуждается въ какомъ-либо объясненіи. По духу и по предметамъ, затрогиваемымъ въ ней, она примыкаетъ всецѣло къ первымъ двумъ книгамъ „Борьбы съ Западомъ“, сочувственно отмѣченнымъ критикой.

Настоящая книга содержитъ въ себѣ разсмотрѣніе борьбы въ прошлой и современной нашей литературѣ,—борьбы, какъ ряда колеблющихся усилій напора и отпора.

Останавливаясь на отдѣльныхъ рубрикахъ, мы находимъ въ первой главѣ „Итоги современнаго знанія“, интересныя статьи

Digitized by Google

1891 года по поводу книги Ренана „L'avenir de la science", мнѣнія итальянскаго профессора Ферріери о современныхъ научныхъ успѣхахъ и ознакомленіе русской публики съ мыслями Вогюэ о принципахъ и настроеніяхъ современнаго Запада.

Авторъ мастерски и всесторонне останавливается на мнѣніяхъ приведенныхъ писателей. Особенно безпристрастно и удачно сдѣланъ обзоръ мнѣній Ренана, съ удивительною мѣткостью охарактеризовавшаго славянскій міръ „съ его неожиданностями, хранящимися въ этомъ изумительномъ славянскомъ духѣ, съ его пламенною вѣрой, глубокою проницательностью, особеннымъ пониманіемъ жизни и смерти, съ его потребностью мученичества и жаждой идеала".

Нѣсколько пессимистически смотритъ Страховъ на конецъ нынѣшняго вѣка: по его мнѣнію, насъ постигла самая крупная неудача—разочарованье въ успѣхѣ наукъ политическихъ и соціальныхъ. Да и вообще успѣхи послѣдняго времени односторонни до того, что въ самыхъ важныхъ вопросахъ мы достигаемъ только отрицанія, или сомнѣнія. „Въ силу общераспространеннаго склада научныхъ убѣжденій падаютъ не только нравственныя, но и юридическія понятія. И невозможно указать такого философскаго направленія, такой идеи, которая могла бы получить силу въ научномъ движеніи и измѣнить его ходъ. По всему этому послѣднюю половину нашего вѣка скорѣе можно назвать временемъ упадка наукъ, чѣмъ временемъ ихъ обновленія."

Особенно пагубно отзывается это на насъ потому, что наше самобытное развитіе слабо, и мы еще неизбѣжно переживаемъ на себѣ болѣзни западно-европейской мысли. Лучшіе годы нашей молодежи тратятся на изученіе книгъ, совсѣмъ не заключающихъ въ себѣ живой и плодотворной мысли.

Не менѣе интересно содержаніе главы, трактующей о ходѣ и характерѣ современнаго естествознанія (статьи относятся къ 1892 г.). Статья эта написана была по поводу новаго изданія книги „Міръ, какъ цѣлое" и содержитъ въ себѣ взглядъ на движеніе естествознанія въ продолженіе двадцати лѣтъ, прошедшихъ со времени перваго изданія книги.

Не останавливаясь на замѣткахъ о Тэнѣ, полныхъ глубокаго критическаго анализа, отмѣтимъ отвѣтъ г. Вл. Соловьеву, сдѣлавшему новое нападеніе на книгу Н. Я. Данилевскаго.

Полемическіе пріемы г. Соловьева извѣстны давно, какъ и его ненависть къ г. Данилевскому, какъ проповѣднику національныхъ основъ.

Страховъ признается, что не остановился бы на дальнѣйшихъ выходкахъ западничающаго философа, если бы не дутое обвиненіе послѣдняго, пущенное для того, чтобы дискредитировать Данилевскаго,—это яко бы заимствованіе имъ идей у Рюккерта. Обстоятельно излагая взгляды Рюккерта, Страховъ выясняетъ разницу во взглядахъ русскаго публициста и нѣмецкаго философа. Вновь разбивая сомнительные доводы г. Соло-

Digitized by Google

вьева, авторъ книги отмѣчаетъ заслуги Данилевскаго, оставившаго неизгладимый слѣдъ въ исторической и естественно-научной мысли.

Къ числу весьма важныхъ и интересныхъ по содержанію статей относятся и критическія замѣтки по литературѣ. Тутъ помѣщены разборы книги Д. Щеглова: „Исторія соціальныхъ системъ“ (по поводу выхода втораго тома въ 1889 г.), журнала *Славянское Обозрѣніе*, В. Розанова „Легенда о великомъ инквизиторѣ“, романовъ Бело, Гюго, Ауэрбаха, и произведеній Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей. Замѣтки о Бѣлинскомъ поражаютъ читателя теплотой отношенія къ человѣку столь противоположному по взглядамъ.

Въ предисловіи Страховъ вспоминаетъ объ одной нѣмецкой книгѣ, гдѣ въ заглавіи было напечатано „третья, послѣдняя и лучшая часть.“ „Очень мнѣ бы хотѣлось, говоритъ нашъ уважаемый публицистъ, имѣть право сдѣлать такую же надпись на этой третьей книжкѣ „Борьбы“, написать, что эта книжка *послѣдняя и лучшая* изъ трехъ. Что она послѣдняя въ этомъ, кажется, мнѣ нельзя сомнѣваться, чувствуя, какъ убываютъ у меня силы и расположеніе писать. Что она лучшая — этому мнѣ хотѣлось бы вѣрить; писатель вѣдь долженъ стараться идти впередъ по мѣрѣ того, какъ проводитъ годы и десятки лѣтъ въ чтеніи и размышленіи. Но одного старанія здѣсь мало, и объ успѣхахъ своихъ стараній мнѣ слѣдуетъ ожидать и просить суда читателей.“

Предчувствіе, къ несчастью, не обмануло Н. Н. Страхова, и книга оказалась дѣйствительно *послѣднею*. Что касается достоинствъ,—мы не можемъ лишь сказать, которая изъ трехъ лучше и ярче обрисовываетъ мощный талантъ покойнаго, его чуткую душу и глубокій умъ.

Е. И. Утинъ. *Изъ литературы и жизни. Журнальныя статьи, этюды, замѣтки.* 2 т. Спб. 1896.

Авторъ принадлежитъ къ числу наиболѣе выдающихся представителей нашего либерализма, хранящаго традиціи „шестидесятыхъ годовъ“. Глубокая антипатія къ существующему строю и не разсуждающая вѣра въ идеалы „прогресса“ составляютъ основныя точки зрѣнія его литературныхъ и политическихъ теорій.

Краеугольнымъ камнемъ литературныхъ воззрѣній г. Утина можетъ служить его критическій очеркъ „Сатира Щедрина“. Значеніе этого писателя онъ видитъ въ критикѣ существующаго строя. Оцѣнка крайне узкая. Салтыковъ-Щедринъ, едва ли имѣвшій вообще опредѣленное міросозерцаніе, силенъ лишь по столько, по сколько умѣлъ понять ложь и въ представителяхъ стараго, „отживающаго“ строя, и въ проповѣдникахъ „новаго“, нападая на все, въ чемъ видѣлъ проявленіе хищническихъ и животныхъ инстинктовъ. Въ этомъ отношеніи, устраняя вопросы о размѣрѣ художественныхъ дарованій, и произведенія Гоголя и

Digitized by Google

разоблаченіе Достоевскимъ „карамазовщины“ служатъ той же цѣли, какъ и сатиры Щедрина, то-есть задѣваютъ не строй, а человѣка, въ его дурныхъ инстинктахъ. Только одно отрицаніе русскаго строя г. Утинъ усматриваетъ и у писателей народниковъ.

„Эта картина“, говоритъ онъ, по поводу произведеній нашихъ народниковъ, „въ ихъ описаніяхъ явилась въ ужасающей наготѣ; на сцену выступила страшная дикость, непроходимое невѣжество, грубость; оказалось, что въ этомъ загнанномъ народѣ нѣтъ развитія, нѣтъ ничего, что составляетъ достояніе цивилизованныхъ массъ.“ Такимъ образомъ, русскій народъ представляется г. Утину только грубою, невѣжественною массой, какимъ-то чудовищемъ, которое съ огромною косушкой въ рукахъ спитъ непробуднымъ сномъ, „лбомъ въ Сѣверъ опершись, а пятками въ Кавказъ“. Причину такого воображаемаго имъ состоянія народа, авторъ видитъ въ существующемъ строѣ. „Дикость русскихъ будетъ продолжаться, по его мнѣнію, до тѣхъ поръ, пока въ вь нашу жизнь не войдутъ дѣйствительнымъ, а не внѣшнимъ только образомъ живительные элементы европейской цивилизаціи“. Эти живительные элементы суть: свобода личности, конституціонализмъ, самоуправленіе, всеобщая подача голосовъ и т. п. идеалы. Идеальное авторъ способенъ видѣть только въ европейскихъ формахъ. Такъ разъясняя причины успѣха Германіи въ столкновеніяхъ съ сосѣдними государствами, авторъ заключаетъ: „Арміи другихъ націй не имѣли идеи, которую онѣ могли бы противопоставить идеѣ нѣмецкаго полчища, и потому, при равной степени развитія, при равной степени цивилизаціи, при равной дозѣ внутренней свободы, нѣмецкая нація должна была оказаться сильнѣе другихъ, сильнѣе той идеей, которая возвышала и воспламеняла народный духъ.“ Не странно ли, что стойкость русскаго народа въ борьбѣ не открываетъ глазъ либерала на существованіе русской идеи? Въ самомъ дѣлѣ не идеѣ ли, одушевлявшей народъ русскій, обязана Россія своимъ могуществомъ? Не глубокая ли преданность народа вѣрѣ, Царю и отечеству столько разъ отстояли Русское государство въ эпохи самаго сильнаго его разстройства? И развѣ эти идеи, рисующія цѣлое міросозерцаніе, ниже германскаго „единства?“ На всѣ подобныя соображенія г. Утинъ слѣпъ и глухъ, какъ все его псевдо-либеральное направленіе. А между тѣмъ не въ свободномъ-ли развитіи здоровыхъ сторонъ національнаго характера, казалось бы, долженъ видѣть свои задачи дѣйствительный либерализмъ?

Digitized by Google

ПЕДАГОГІЯ.

И. К. Маккавейскій. *Религія и народность, какъ основы воспитанія.* Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Кіевской духовной академіи 26 сентября 1895 года. К. 1896. Цѣна 30 к., 45 стр.

Къ рѣчамъ, произносимымъ въ торжественныхъ собраніяхъ, конечно, нельзя предъявлять строгихъ научныхъ требованій. Онѣ должны служить скорѣе постановкой вопроса, возбужденіемъ мысли, сдѣланнымъ въ легкой и интересной формѣ, нежели разрѣшеніемъ его. Рѣчь г. Маккавейскаго обращаетъ вниманіе на старый, но вѣчно волнующій вопросъ о религіи и народности, о воспитаніи въ духѣ этихъ началъ. Вопросъ этотъ старъ, но уже то одно, что о немъ всѣ трактуютъ съ увлеченіемъ и интересомъ, свидѣтельствуетъ о его жизненности и свѣжести. Для насъ, Русскихъ, это связано съ вопросомъ о нашемъ дальнѣйшемъ историко культурномъ бытіи. Пойдемъ ли мы дальше по пути, проторенному Западною Европой, будемъ ли рабски-слѣпо подражать ей, или остановимся въ своемъ увлеченіи, всмотримся глубже въ себя, свое родное, и скажемъ свое слово въ исторіи? Все это зависитъ отъ воспитанія народа, представляющаго собою одну изъ тѣхъ могучихъ силъ, которыя способны двигать по извѣстному направленію жизнь общества и цѣлаго государства. Авторъ не въ качествѣ оффиціальнаго лица, а какъ сынъ своей родины, въ торжественномъ собраніи рѣшаетъ остановить вниманіе всѣхъ на *коренномъ* вопросѣ русской жизни: „на какихъ началахъ должна быть построена наша школа и вообще все дѣло нашего русскаго воспитанія для того, чтобы общество и государство получали отъ нихъ не слабыхъ, умственно и нравственно безпомощныхъ, а здоровыхъ и бодрыхъ членовъ своихъ?“ и отвѣчаетъ: „основнымъ камнемъ всякаго разумнаго воспитанія должна быть христіанская религія. Нѣтъ въ душѣ человѣка ничего глубже элемента религіознаго, и нѣтъ въ мірѣ другаго выраженія его болѣе высокаго и болѣе жизненнаго, чѣмъ въ христіанствѣ“. Обращаясь къ исторіи, авторъ находитъ удивительное проявленіе жизненности и высокой культуры тамъ, гдѣ въ основу общественнаго воспитанія клалось религіозное начало въ противуположность нашему вѣку, вступившему на путь отрицанія вѣры и осуществленія идей французскихъ мыслителей XVIII вѣка и оканчивающему характернымъ утомленіемъ, безвѣріемъ и безжизненностью во всѣхъ отношеніяхъ.

Но начало религіозное мыслимо и плодотворно только въ конкретномъ его проявленіи, въ чертахъ религіознаго міровоззрѣнія отдѣльнаго народа. „Ядро души народа, глубокія и завѣтныя его надежды и ожиданія, ключъ къ разгадкѣ всѣхъ изгибовъ міросозерцанія — даны въ религіи народа. Религія является выразительницей и хранительницей народнаго духа и характера едва ли не въ большей мѣрѣ, чѣмъ языкъ, ибо по-

Digitized by Google

слѣдній является только звуковымъ изображеніемъ природы родной страны и всего духовнаго прошлаго народа, а въ религіозныхъ воззрѣніяхъ народа заключается высшая, идеальная сторона народной личности. Эти элементы народности тѣсно сплачиваютъ милліоны существъ въ одно цѣлое, образуя одну непреоборимую силу, которою направляется вся историческая жизнь народа. Каждая народность живетъ историческою жизнью лишь до тѣхъ поръ, пока въ ней самой живутъ начала, создающія особый индивидуальный строй его души, начала его самобытности. Безъ этихъ началъ народъ превращается въ простой этнографическій матеріалъ. Напротивъ, чѣмъ крѣпче эти начала, чѣмъ болѣе сплочены они въ одинъ организмъ, тѣмъ ярче національный обликъ и тѣмъ больше народъ можетъ разсчитывать на долговѣчность. Но для этого необходимо одно непремѣнное условіе—сознательность національныхъ основъ. Какъ жизнь отдѣльной человѣческой личности безъ опредѣленной цѣли и стремленій, безъ сознанія всѣхъ своихъ силъ и средствъ достиженія цѣли утратила бы разумность и сдѣлалась бы мертвою, такъ точно и жизнь цѣлаго народа. Только полное сознаніе своихъ силъ и способностей можетъ указать народу смыслъ его жизни, направить его шаги на историческомъ поприщѣ. Только въ народности сила жизни всякаго народа, а великаго тѣмъ болѣе. Въ признаніи народнаго, по мнѣнію нѣкоторыхъ, кроется принципъ узкаго національнаго, разъединенія. Это мнѣніе указываетъ только на недостатокъ самостоятельнаго мышленія. Народное не можетъ мѣшать „прогрессу“, не ставитъ преградъ къ единенію людей, какъ не мѣшаетъ тому же признаніе въ каждомъ изъ насъ самостоятельной и свободной личности. Вездѣ царитъ неизмѣнный законъ постепенности, въ силу котораго единичное участвуетъ въ жизни общаго только черезъ посредство среднихъ членовъ. Такъ и въ жизни человѣка въ отношеніи ко всему человѣчеству связующимъ, среднимъ звеномъ долженъ быть народъ. Самые высокіе идеалы, за которыми признано значеніе общечеловѣческихъ, не могутъ существовать безъ связи съ народностью. Только при посредствѣ послѣдней можно достигнуть первыхъ. Еще больше убѣждаемся мы въ этомъ, если обратимся къ направленіямъ въ воспитаніи государствъ Запада. Вездѣ считается необходимымъ прежде всего знакомство съ національною средой, ея интересами и задачами,—и намъ слѣдовало бы давнымъ давно итти по этому же пути, говоритъ г. Маккавейскій. Образованіе *можетъ быть плодотворно, когда, вполнѣ отвѣчая основнымъ потребностямъ народа, оно легко воспринимается и усвояется народнымъ сознаніемъ; худо*, если оно идетъ *мимо* этихъ естественныхъ началъ своего народа, или несознательно уклоняясь отъ нихъ, или намѣренно игнорируя ихъ, *замѣняя свое чужимъ, якобы лучшимъ*: ему никогда не достичь въ такомъ случаѣ значенія жизненной силы, какую имѣетъ воспитаніе истинно-народное“. Маккавейскій стоитъ за то, чтобы „сознательно провести начало народности въ воспитательное дѣло. Особенно важное зна-

Digitized by Google

ченіе имѣетъ знаніе родной исторіи. Еще Карамзинъ сказалъ: „сердце русское сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла и Сципіона". Въ настоящее же время не подлежитъ сомнѣнію, что согрѣть и развить естественное національное чувство—одна изъ первыхъ и священныхъ обязанностей русской школы и русскаго воспитанія вообще—возможно только при посредствѣ изученія исторіи русскаго народа.

„Дерзаемъ вѣрить и надѣяться, такъ заканчиваетъ авторъ рѣчь, что настанетъ время, и, быть можетъ, недалеко оно, когда наша жизнь и школа станутъ твердо на *родныхъ* своихъ, а потому истинно благотворныхъ, началахъ нашей вѣры православной и русской народности вообще". Присоединимся и мы къ этому пожеланію всѣхъ истинно русскихъ людей.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ.

Константинъ Шишло. Родной Парнасъ. *Сборникъ военныхъ пѣсенъ для всѣхъ родовъ и категорій войскъ.* 2 изд. Бузулукъ, Ц. 45 к., съ пересылкой 60 к.

Не беря на себя оцѣнку такой спеціальной книги, какъ пѣсни для солдатъ, можемъ лишь замѣтить, что сборникъ г. Шишло былъ, какъ видно изъ самой книжки, сочувственно отмѣченъ *Разведчикомъ* (1893 г. № 164). Равнымъ образомъ онъ рекомендованъ (первое изданіе) въ объявленіяхъ по войскамъ Закаспійской области, Одесскаго, Кавказскаго и Туркестанскаго военныхъ округовъ.

Ѳ. [А. Желтовъ. *Кость и золото.* Древнее сказаніе для школъ и народа, изд. И. Ф. Жиркова, Москва, 1895. 30 стр. Ц. 3 к.

Кость и золото Ѳ. А. Желтова представляетъ собою передачу древняго поучительнаго сказанія, изложеннаго довольно красиво и образно, весь смыслъ котораго сводится къ тому, что счастье не внѣ, а внутри насъ.

Дѣтская Библіотека Н. Г. Вучетича „Соловей", разсказъ для дѣтей Одесса, 1895 г. Ц. 20 к., стр. 28.

Весьма милый и симпатичный по мысли разсказъ, но въ немъ мало движенія, и онъ скорѣе понравится взрослому читателю, чѣмъ ребенку.

Д. Н. Маминъ-*Сибирякъ*. „Два разсказа" и „Послѣдняя треба". Москва, 1895 г., по 10 коп. Изданіе Д. И. Тихомирова.

Обѣ книжки вовсе не годятся для народныхъ и дѣтскихъ книжекъ. Художественность въ нихъ отсутствуетъ; интереса для

Digitized by Google

того круга читателей, для которыхъ разсказы эти предназначаются, въ нихъ мало; житейская же правда въ нихъ приспособлена согласно слишкомъ личнымъ воззрѣніямъ автора на извѣстныя условія деревенской жизни.

Ѳ. Ѳ. Тютчевъ. „Рядовой Саватьевъ", разсказъ. 2 изд. И. Ѳ. Жирковъ. для школъ и народа. Москва, 1895 г., 44 стр. Ц. 5 коп.

Ѳ. Ѳ. Тютчевъ. „Одинъ день на полѣ сраженія". 2 изд. для школъ и народа. Москва, 1895 г., 20 стр. Ц. 3 коп.

Изъ нѣсколькихъ полученныхъ редакціей дешевыхъ изданій И. Ѳ. Жиркова чрезвычайно отрадное впечатлѣніе производятъ два отмѣченные разсказа Ѳ. Ѳ. Тютчева. Оба дышатъ и жизненною и художественною правдой, написаны простымъ, но хорошимъ языкомъ, который не поддѣлывается подъ народную рѣчь, а живо передаетъ ее. Героемъ обоихъ разсказовъ является русскій крестьянинъ-солдатъ, тотъ простой, смиренный русскій человѣкъ, которымъ Русь крѣпка, въ сердцѣ котораго живетъ Богъ, и для котораго вполнѣ естественно *положить душу свою за други свои*. Въ обоихъ разсказахъ не преувеличенная идеализація русскаго мужика, а живой типъ, часто встрѣчающійся среди неиспорченнаго деревенскаго люда. Читаются оба разсказа съ захватывающимъ интересомъ, оставляя по себѣ свѣжее и ясное впечатлѣніе въ душѣ читателя.

Ив. Жирковъ. „Спасибо отцу", разсказъ для школъ и народа. Москва 1895 г., стр. 62. Ц. 5 коп.

Ив. Жирковъ. „Нѣтъ худа безъ добра", разсказъ для школъ и народа. Москва, 1895 г., стр. 32. Ц. 3 коп.

Разсказъ *Спасибо отцу* написанъ довольно живо и читается съ удовольствіемъ, но въ немъ чувствуются натяжки, недостатокъ настоящаго знанія деревни, нѣкоторый излишекъ идеализаціи и тенденція, чего особенно слѣдуетъ избѣгать въ книжкахъ для народнаго и дѣтскаго чтенія.

Нѣтъ худа безъ добра вещь совершенно неудовлетворительная, какъ по языку, такъ и по содержанію. Авторъ желаетъ возбудить въ читателяхъ отвращеніе къ охотѣ и, не жалѣя красокъ на описаніе звѣрской стороны охоты, все время совершенно игнорируетъ, что у насъ въ Россіи никто и никогда не охотится на птицу до Петрова дня, то-есть до того времени, когда всякая птица уже успѣла вывести дѣтенышей. Въ разсказѣ, кромѣ того, есть недомолвки, тенденція, языкъ же положительно плохъ.

Н. А. Рубакинъ. Испытанія доктора Исаака. Старинная быль. 3 изд. И. Ѳ. Жирковъ, для школъ и народа. Москва, 1895 г., стр. 46. Ц. 5 к.

Разсказъ почерпнутъ авторомъ изъ историческаго очерка А. Глазера изъ временъ возрожденія, во Флоренціи и Римѣ, и

Digitized by Google

содержитъ въ себѣ глубокотрогательную исторію врача эпохи Возрожденія, настолько преданнаго наукѣ, настолько проникнутаго идеей принесенія пользы человѣчеству, что онъ безропотно переноситъ самыя тяжкія испытанія, находя утѣшеніе въ конечномъ благополучномъ осуществленіи своихъ научныхъ открытій. Его единственные двое дѣтей становятся жертвой его научныхъ опытовъ. Отъ горя онъ временно лишается разсудка, но затѣмъ, по своемъ выздоровленіи, снова съ тѣмъ же рвеніемъ принимается за науку и въ концѣ концовъ примиряется съ постигшимъ его тяжкимъ несчастіемъ, которое ничтожно по сравненію съ тою великою пользой, какую его открытіе должно принести страждущему человѣчеству.

Digitized by Google

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ИЗЪ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Еврейское нашествіе.

Въ *Русскомъ Обозрѣніи* за прошлый годъ (августъ) была напечатана статья С. Минутко „Еврейское землевладѣніе въ центрѣ Россіи". Авторъ, указывая на переходъ нѣсколькихъ сотъ десятинъ земли въ Орловской губерніи въ руки Евреевъ, обращаетъ вниманіе на это новое и опасное явленіе нашей жизни. Недавно мы получили безусловно достовѣрныя (изъ оффиціальныхъ источниковъ) свѣдѣнія объ еврейскомъ землевладѣніи въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Смоленской губерніи. Цифры оказались краснорѣчивыми до чрезвычайности; считаемъ, поэтому, не лишнимъ познакомить съ ними читателей *Русскаго Обозрѣнія*.

Изъ пяти уѣздовъ Смоленской губерніи, свѣдѣнія о которыхъ намъ доставлены, менѣе всего земли въ рукахъ Евреевъ оказывается въ уѣздѣ *Краснинскомъ*—всего только *725 десятинъ 1624 сажени*. Надо при этомъ оговориться, что увеличеніе здѣсь еврейскаго землевладѣнія можетъ идти только на счетъ польскаго, такъ какъ Краснинскій уѣздъ совершенно завоеванъ Поляками.

Въ *Духовщинскомъ* уѣздѣ въ рукахъ Евреевъ находится уже нѣсколько болѣе—всего *2.785 дес. 1452 саж. удобной* земли.

Затѣмъ въ порядкѣ постепенности предпочтеніе надо отдать *Рославльскому* уѣзду. Всѣхъ имѣній, принадлежащихъ здѣсь Евреямъ, оказалось 18 и земли (опять-таки только *удобной*, то-есть подлежащей земскому обложенію) заключается въ нихъ *18.279 дес. 1.597 кв. саж.*

Переходя далѣе къ уѣздамъ Порѣчскому и Бѣльскому, мы встрѣчаемся уже съ цифрами прямо возмутительными. Землевладѣльцевъ-Евреевъ въ *Порѣчскомъ* уѣздѣ 22; въ общей сложности въ ихъ рукахъ находится земли *62.227 дес. 853 саж.* Считаемъ не лишнимъ привести имена наиболѣе крупныхъ землевладѣльцевъ: смоленскому 1 гильдіи купцу Хаиму Михелеву

Digitized by Google

Рискеру принадлежитъ 10.345 дес. 1868 кв. саж. земли. Порѣчскимъ 1 гильдіи купцамъ: Стеркѣ Залмоновой, Янкелю и Залмону Абелевымъ Зеликсонъ принадлежитъ 10.015 дес. 1000 кв. саж. Остальные участки меньше. Какъ мы слышали, порѣчское земство готовитъ ходатайство о правительственныхъ мѣрахъ для пресѣченія зла. Въ добрый часъ! Не мѣшало бы и другимъ земствамъ подумать о томъ же, пока еще не поздно.

Въ *Бѣльскомъ* уѣздѣ въ рукахъ Евреевъ находится 55 имѣній, заключающихъ въ себѣ ни болѣе, ни менѣе какъ *77.677¾* десятинъ! Это уже прямо царство іудейское. Владѣльцами самыхъ крупныхъ участковъ здѣсь оказываются: торопецкій купецъ Залмонъ Ицковъ Лившицъ, имѣющій въ одномъ имѣніи 7.438½ дес., смоленскій купецъ Берка Шмаевъ Азархъ—7.533 дес., торопецкій купеческій сынъ Бейнусъ Залмановъ Берлинъ—3.268½ дес. (послѣдній имѣетъ въ своихъ рукахъ всего—9.708 дес. земли).

Въ общемъ, въ пяти уѣздахъ Смоленской губ. въ рукахъ Евреевъ находится уже около *165 тысячъ* десятинъ земли. Нуждаются ли въ комментаріяхъ эти цифры? Интересно бы только знать, много ли осталось русскихъ землевладѣльцевъ въ такихъ уѣздахъ, какъ Порѣчскій и Бѣльскій, и много ли земли, не занятой Евреями? Впрочемъ, не все ли равно? Что не занято сегодня, то перейдетъ въ ихъ руки завтра, такъ какъ границъ этому нашествію пока еще не видно. Мы хлопочемъ объ обрусеніи окраинъ, не замѣчая такого крупнаго и возмутительнаго факта, какъ переходъ многихъ родовыхъ дворянскихъ помѣстій съ церквами и школами въ руки Евреевъ, и гдѣ же? въ центрѣ Россіи. Какъ это грустно и какъ... стыдно!

Какимъ путемъ все это совершается, законнымъ или незаконнымъ—на этотъ вопросъ пусть отвѣтятъ лица въ этомъ дѣлѣ компетентные. Для насъ же достаточно было подтвердить фактами ту мысль, которую высказалъ С. Минутко въ своей статьѣ: „Всѣ усилія правительства, направленныя въ теченіе многихъ лѣтъ къ охранѣ Россіи отъ вторженія Евреевъ въ качествѣ помѣстныхъ землевладѣльцевъ, оказались напрасными и безсильными предъ ихъ ловкостью и предъ казуистикой лицъ, служащихъ интересамъ Евреевъ.“ [1]

І. Ф.

[1] Когда мы дописывали настоящее письмо, то получили извѣстіе, повидимому, достовѣрное, что въ *Бѣльскомъ* уѣздѣ переходитъ еще въ руки Евреевъ самое крупное имѣніе — Покровъ (кн. Васильчикова), заключающее въ себѣ *18 тысячъ* десятинъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Высочайшій манифестъ 1 января въ связи съ другими обращеніями съ высоты трона въ прошломъ году.—Высочайшія указанія нашего пути.—Новѣйшая тверская „исторія“ и попытки показать ея лойяльность.—Законность вообще и слово „законность“ на нашемъ политическомъ жаргонѣ.

Въ самые смутные годы позапрошлаго царствованія, когда людямъ, мало знающимъ русскую бытовую жизнь, положеніе вещей въ нашемъ отечествѣ могло даже казаться опаснымъ и критическимъ, даже въ эти смутные годы, по общему признанію, народъ, народная масса всегда оставалась совершенно здоровой духовно и непричастной волненіямъ и безпокойствамъ, происходившимъ надъ нею, на поверхности. Нечего и говорить поэтому, что то же бодрое и здоровое спокойствіе и тихое теченіе трудовой жизни народа характеризовало собой какъ все прошлое незабвенное царствованіе, такъ и первый годъ царствованія благополучно текущаго. Но для всякаго наблюдателя нашей общественной жизни не менѣе несомнѣнно, что въ теченіе этого послѣдняго года обнаружились явныя и довольно настойчивыя попытки совершенно искусственнаго общественнаго безпокойства и политическихъ тревогъ. Если путемъ частаго возбужденія и ослабленія нервнаго напряженія можно довести до полнаго разстройства человѣческій или животный организмъ, то нѣчто подобное же можно сдѣлать и съ организмомъ общественнымъ. Нѣтъ толпы, у которой бы не было тѣхъ или другихъ ложныхъ и преходящихъ кумировъ, не было бы склонности и влеченія въ ту или другую сторону. Можно сказать даже, что чѣмъ меньше у толпы интересовъ реальной политической борьбы, тѣмъ легче ухватывается она за искусственно создаваемые политическіе интересы. И вотъ представьте себѣ, что такую толпу начинаютъ обольщать отнюдь не робкими, а совершенно опредѣ-

Digitized by Google

ленными и смѣлыми обѣщаніями, начинаютъ ежедневно безпокоить сенсаціонными слухами и раздражать разочарованіемъ постоянно несбывающихся надеждъ и ожиданій. Конечно, въ концѣ-концовъ толпа, а въ особенности наша „интеллигентная" толпа, уже утратившая всѣ сколько-нибудь самобытные идеалы и традиціи, начнетъ колебаться и волноваться.

Вотъ въ такомъ именно состояніи прожило наше общество послѣдній годъ. Несмотря на неоднократныя косвенныя заявленія правительственною властью общаго направленія внутренней политики, несмотря на совершенно ясныя и категорическія обращенія съ высоты трона, общество въ теченіе цѣлаго года продолжало волновать самые нелѣпые и вздорные слухи и ожиданія.

Уже въ манифестѣ 22 октября 1894 года о восшествіи на престолъ Верховный Вождь Русскаго народа, давая предъ лицомъ Всевышняго священный обѣтъ „всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи", вспоминалъ завѣты усопшаго Родителя Своего. Затѣмъ 17 января прошлаго года при пріемѣ депутацій, прибывшихъ для принесенія поздравленій Ихъ Величествамъ по случаю послѣдовавшаго Ихъ бракосочетанія, Государь Императоръ изволилъ сказать слѣдующія знаменательныя слова: „Пусть всѣ знаютъ, что Я, посвящая всѣ Свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его Мой незабвенный покойный Родитель." Наконецъ, обнародованъ Высочайшій манифестъ отъ 1 января настоящаго года, въ которомъ Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, объявляя всѣмъ своимъ вѣрноподданнымъ о предстоящемъ въ будущемъ маѣ мѣсяцѣ коронованіи, обращается къ нимъ съ слѣдующими словами:

„Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ въ предстоящій торжественный день Коронованія раздѣлить радость Нашу и вмѣстѣ съ Нами вознести горячую молитву Подателю всѣхъ благъ, да изліетъ на Насъ дары Духа Святаго, да укрѣпитъ Онъ державу Нашу и да направитъ Онъ Насъ по стопамъ Незабвеннаго Родителя Нашего, Коего жизнь и труды на пользу дорогаго Отечества останутся для Насъ навсегда свѣтлымъ примѣромъ."

Вотъ факты. Неужели всего этого недостаточно для того, чтобы разъ навсегда покончить съ толками о новомъ будто бы направленіи текущаго царствованія, о какихъ-то новыхъ вѣяніяхъ и смѣлыхъ ожиданіяхъ? Неужели не ясна воля Державнаго Вождя

Digitized by Google

Русскаго народа—продолжать водительство государственнаго корабля по тѣмъ же путямъ и въ томъ же направленіи, какіе создалъ и предъуказалъ Императоръ Александръ III? Дѣло стоитъ просто и ясно, и нужно обладать совершенною беззаботностью относительно дозволенности или недозволенности тѣхъ или другихъ средствъ для достиженія цѣли, чтобы послѣ всѣхъ этихъ всенародныхъ заявленій Монарха все еще продолжать смущать наше неопытное и ребячески-довѣрчивое въ политическомъ отношеніи общество новыми безсовѣстными выдумками и баснями. А что попытки къ такимъ смущеніямъ продолжались до самаго послѣдняго времени,—доказательства этому на-лицо.

Конечно, всѣмъ еще памятна исторія прошлой зимы съ тверскимъ адресомъ. Устроители ея, затѣявшіе ни болѣе, ни менѣе какъ конституціонную попытку, для того, чтобы привлечь къ себѣ людей нерѣшительныхъ или индифферентныхъ, усиленно распускали слухи о новыхъ вѣяніяхъ и о новомъ направленіи правительственной политики, наступившихъ будто бы съ перемѣной царствованія. На этой почвѣ былъ состряпанъ извѣстный адресъ части губернскаго земскаго собранія. Но неудача, постигшая его, какъ видно, никого не смутила. Едва прошелъ годъ, какъ въ той же Твери разыгралась демонстрація, по существу своему и по политическому значенію для текущаго момента, долженствовавшая произвести впечатлѣніе подобное тому, на которое былъ разсчитанъ и пресловутый адресъ.

Въ Тверской губерніи уже нѣсколько лѣтъ происходитъ довольно напряженная борьба между мѣстнымъ губернаторомъ и, одерживавшей на выборахъ побѣду земской партіей, такъ-называемыхъ, „лѣвыхъ.“ Вступивъ въ управленіе губерніей послѣ чрезвычайно слабаго и угождавшаго мѣстнымъ дѣятелямъ губернатора, нынѣшній начальникъ Тверской губерніи, камергеръ П. Д. Ахлестышевъ, сдѣлалъ много для водворенія въ губерніи законности и для поднятія пошатнувшагося въ ней престижа правительственной власти. Нигдѣ, даже въ мелочахъ, не выходя изъ предѣловъ указанныхъ закономъ, Тверской губернаторъ съумѣлъ ограничить крайности и тенденціозныя увлеченія мѣстнаго земства. Отвѣтомъ на это была упорная борьба, ведомая помощью безконечныхъ протестовъ, переписки, жалобъ въ Петербургъ и т. п. Было бы слишкомъ долго излагать всю исторію этой борьбы; скажемъ лишь, что безъ преувеличенія это была борьба „на жизнь и смерть“: или уйти губернатору, или партіи

Digitized by Google

„лѣвыхъ“ перестать существовать—по крайней мѣрѣ столь же самовластно, какъ она существовала до недавняго времени. Это необходимо знать и помнить для вѣрнаго сужденія о недавнихъ, а можетъ быть и о будущихъ тверскихъ исторіяхъ.

Скоро, вѣроятно, у насъ установится обычай, что зимній сезонъ будетъ открываться какимъ-нибудь большимъ или меньшимъ, но неизбѣжнымъ скандаломъ-сюрпризомъ на политической подкладкѣ въ городѣ Твери. По крайней мѣрѣ, вотъ уже второй годъ эти скандалы ставятся съ несомнѣннымъ успѣхомъ, занимаютъ собою публику добрую половину сезона, и снимаются со сцены при единодушныхъ и искреннихъ сожалѣніяхъ толпы, едва успѣвающей войти во вкусъ представленія.

Въ нынѣшній сезонъ мѣстомъ политическаго скандала было избрано не земское, а дворянское собраніе. Наиболѣе типичнымъ слѣдуетъ признать сообщеніе о немъ *Русскихъ Вѣдомостей* (№ 354). Приведемъ его дословно.

„Живой интересъ собранія возбудило заявленіе нѣсколькихъ дворянъ о неутвержденіи около шестидесяти дворянъ попечителями народныхъ школъ. Было выяснено, что въ числѣ неутвержденныхъ находятся лица, устроившія школы въ своихъ усадьбахъ или много лѣтъ заботившіяся о земскихъ школахъ, помогавшія послѣднимъ и деньгами, и книгами, и трудомъ. Было указано, что школа есть та почва, на которой выростаетъ связь между помѣстнымъ дворянствомъ и крестьянствомъ, и что устранять попечителей изъ дворянъ—значитъ подрывать эту связь. Руководствуясь точнымъ смысломъ 163 ст. т. XI, дворянское собраніе, по предложенію своихъ предводителей, огромнымъ большинствомъ голосовъ приняло слѣдующее рѣшеніе: „„выслушавъ заявленіе нѣсколькихъ дворянъ и признавая отношенія тверской администраціи къ мѣстному дворянству совершенно ненормальными и подрывающими положеніе дворянства среди другихъ сословій губерніи, представить объ этомъ министру Внутреннихъ Дѣлъ.““ Протестующихъ противъ такого постановленія оказалось изъ 210 человѣкъ всего 21.“

Прежде всего бросается въ глаза краткость этого сообщенія. Не требуетъ доказательствъ то, что и новое тверское происшествіе заслуживаетъ, съ точки зрѣнія общаго направленія названной московской газеты, несомнѣнно большаго вниманія; слѣдовательно, сдержанность является здѣсь всего вѣроятнѣе преднамѣренною. Чѣмъ объяснить, напримѣръ, что ни въ одной изъ газетъ извѣстнаго лагеря не были упомянуты имена доблест-

Digitized by Google

ныхъ ораторовъ, говорившихъ въ собраніи? Откуда эта скромность о происшествіи публичномъ и громкомъ, о которомъ пошелъ говоръ по всей Россіи?.. Но недальновиденъ былъ бы читатель, предложившій такіе вопросы. Сообщить имена ораторовъ! Да вѣдь въ этихъ-то именахъ все и дѣло, вѣдь если сообщить эти имена—можетъ быть дальше и читать нечего! Довольно сказать, что дѣйствующія лица новѣйшей тверской исторіи совершенно тѣ же, что и во всѣхъ другихъ тверскихъ „исторіяхъ“, чтобы все стало ясно, и чтобъ интересъ къ происшествію значительно ослабѣлъ: навѣрное опять въ сущности то же и про то же... Довольно сказать, что „эти нѣсколько дворянъ“ были извѣстные дѣятели тверской лѣвой — гг. Корсаковъ, И. Петрункевичъ, Головачевъ и другіе...

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что всенародное гласное осужденіе губернатора въ многолюдномъ собраніи, происходящемъ въ томъ самомъ городѣ, гдѣ живетъ этотъ „представитель высшей правительственной власти“, что такое осужденіе—явленіе, по самой сущности своей, безусловно не корректное. Но не имѣетъ ли оно хоть какой-нибудь оболочки законности, не придана ли ему какая-либо внѣшняя форма правомѣрности, установившагося обычая, общепринятой процедуры? Ничего подобнаго мы не видимъ въ постановленіи Тверскаго дворянства, отличающемся лишь постоянною чертой всѣхъ тверскихъ исторій—поразительною безцеремонностью.

Въ самомъ дѣлѣ, постановленіе тверскаго дворянства основывается будто-бы на „точномъ смыслѣ“ 163 ст. т. XI Св. Зак., гласящей буквально такъ: „представленія губернскому начальству и высшему правительству о нуждахъ дворянства, о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они происходили и отъ общаго какого-либо постановленія, не считаются противузаконными, когда они изложены съ соблюденіемъ всѣхъ приличій“.

При толкованіи всякаго закона можно прибѣгать ко многимъ средствамъ: можно обращаться къ его буквальному смыслу, къ разсужденіямъ, на коихъ онъ былъ основанъ при его изданіи, къ его историческому происхожденію и т. п.; но при толкованіи закона *стараго*, существующаго чуть не столѣтіе, прежде всего, конечно, необходимо считаться съ установившимся пониманіемъ закона и съ его освященною временемъ практикой.

Обсужденіе и критика дѣйствій мѣстной и даже центральной

Digitized by Google

администраціи, производимая публично и гласно цѣлымъ рядомъ ораторовъ, является у насъ чѣмъ-то столь небывалымъ, что можно было-бы подумать, что въ послѣднее время изданъ какой-нибудь новый законъ или дана какая-нибудь новая и совершенно выступающая изъ общаго нашего государственнаго строя привилегія дворянству. Но ничего подобнаго не произошло, законы о дворянствѣ, если и измѣнялись въ послѣднее время, то единственно въ смыслѣ сокращенія нѣкоторыхъ привилегій сословія. Политическія-же права его во всякомъ случаѣ не расширялись съ самаго конца прошлаго столѣтія. И дѣйствительно, законъ, на который ссылаются газеты (*Русскія Вѣдомости*, *Новое Время* и другія), есть законъ старый, существовавшій и въ дореформенную эпоху, и ст. 163 входила въ XI томъ свода законовъ изданія 1857 года, подъ № 135. Спрашивается, неужели, напримѣръ, при строгихъ порядкахъ царствованія императора Николая I эта статья уцѣлѣла бы въ сводѣ законовъ хотя одинъ день, еслибъ ее можно было толковать такъ, какъ толкуютъ ее теперь г.г. тверичи и ихъ защитники? Упомянутая 163 ст. предоставляетъ дворянству ходатайствовать: 1) о „нуждахъ дворянства", 2) о „прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій" и 3) объ „устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи". Несомнѣнно, эти постановленія страдаютъ большою неопредѣленностью. Но во всякомъ случаѣ постановленіе тверскаго дворянства, по существу своему, не можетъ быть подведено ни подъ понятіе „нуждъ дворянства", ни подъ понятіе „неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи", такъ какъ изъ послѣдующей фразы той-же статьи закона—„хотя бы они происходили и отъ общаго какого-либо постановленія"—видно, что подъ именемъ „неудобствъ" разумѣются неудачныя и нецѣлесообразныя *законодательныя постановленія* по мѣстному управленію, а не сложившіеся на практикѣ порядки. Такимъ образомъ остается разсмотрѣть, не подходятъ ли дѣйствія тверской администраціи подъ понятіе „мѣстныхъ злоупотребленій".

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что *злоупотребленіе* всегда преступно, и въ этомъ именно смыслѣ, конечно, законъ и говоритъ о „злоупотребленіяхъ" въ ст. 163. И если, помимо обычнаго пути обнаруживанія преступленій, законодатель предоставилъ цѣлому сословію обращаться ко власти съ ходатайствами „о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій", то это объясняется, конечно, желаніемъ правительства не преграждать къ себѣ доступа заявленій со стороны населенія о такихъ злоупотребле-

Digitized by Google

ніяхъ, которыя, коренясь глубоко въ бытовыхъ и государственныхъ условіяхъ жизни, ускользаютъ отъ попечительнаго надзора государственной власти. Но, повторяемъ, все это можетъ относиться лишь до безусловно преступной стороны дѣятельности администраціи. Всякое же дѣйствіе ея, правильное или неправильное, но все же не преступное, не нарушающее предѣловъ предоставленной ей власти и *могущее всегда быть обжалованнымъ* высшему правительству, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, всякое такое дѣйствіе, конечно, не подходитъ подъ понятіе злоупотребленія. Если законъ предоставляетъ губернатору дискреціонное право утвержденія или неутвержденія въ должностяхъ, или возлагаетъ на него обязанность дать отзывъ о политической благонадежности того или другого лица, то судить о правильности пользованія этимъ правомъ или выполненія этой обязанности можетъ только лицо или учрежденіе, имѣющее надзоръ за дѣятельностью губернатора, то-есть его непосредственное начальство.

Но представимъ себѣ на время, что заявленія нѣсколькихъ дворянъ на послѣднемъ тверскомъ собраніи являются вполнѣ законными, и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ... Да только то, что всѣ дворянскія собранія,—и при томъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ,— превратятся въ губернскіе парламенты, изъ которыхъ каждый будетъ обсуждать и критиковать не только все областное управленіе, но и управленіе высшее; вѣдь жаловался же дворянинъ г. Корсаковъ тверскому собранію на бывшаго министра Внутреннихъ Дѣлъ, И. Н. Дурново, за то, что послѣдній не далъ хода его прошенію. Но въ такомъ случаѣ пришлось бы прибѣгнуть къ полной реорганизаціи какъ областнаго, такъ и государственнаго управленія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ужь если заимствовать, такъ заимствовать, и если въ видѣ дворянскихъ собраній мы намѣрены завести себѣ полсотни маленькихъ парламентовъ, то слѣдуетъ позаботиться по крайней мѣрѣ о томъ, чтобъ и губернская администрація получила соотвѣтственное устройство. Когда въ парламентѣ интерпеллируется правительство, то обвиненія ему ставятся открыто, и оно имѣетъ полную возможность дать разъясненія, отпарировать удары и представить данныя, оправдывающія его образъ дѣйствій. И поэтому, если въ областное управленіе введутся такіе порядки, при которыхъ дѣятельность начальниковъ губерніи будетъ подвергаться публичной критикѣ и торжественно будутъ выноситься приговоры о нормальности или ненормальности этой дѣятельности,

Digitized by Google

то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, дать губернской администраціи право принимать участіе въ этомъ разсмотрѣніи ея дѣятельности, хотя бы въ качествѣ стороны, слѣдуетъ возложить на начальниковъ губерній обязанность давать объясненія на интерпелляціи господъ дворянъ, предъявлять къ нихъ обзору оффиціальные документы и т. п. Вѣдь открытое и всенародное признаніе дѣятельности представителя высшей правительственной власти нормальною или *ненормальною* есть фактъ самъ по себѣ весьма немаловажный, и нельзя не принять мѣръ къ составленію правильнаго взгляда на дѣятельность губернской администраціи. Если уже вводить въ компетенцію дворянскихъ обществъ въ губерніяхъ разсмотрѣніе нормальности или ненормальности дѣйствій мѣстной администраціи, то разсмотрѣніе это слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, обставить обычными гарантіями основательности и справедливости принимаемыхъ рѣшеній, хотя бы уже по одному правилу *audi alteram partem*. Тогда, быть можетъ, въ какомъ-либо дворянскомъ собраніи мы увидѣли бы начальника губерніи и мѣстнаго жандармскаго полковника съ ихъ канцеляріями и архивами; увидѣли бы этихъ начальствующихъ лицъ любезно разъясняющими господамъ дворянамъ, почему тотъ или другой мѣстный дворянинъ не утвержденъ въ должности, почему кандидатура одного предпочтена кандидатурѣ другаго и т. п. Въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, дворянскія собранія могли бы постановлять свои опредѣленія на основаніи безспорныхъ данныхъ, выслушавъ какъ обвинителей, такъ и защитниковъ...

Впрочемъ, отношеніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ изданій къ тверскому происшествію является понятнымъ въ виду общихъ принциповъ, исповѣдуемыхъ этими изданіями. Г. Суворинъ говоритъ, напримѣръ, слѣдующее: „Будь я губернаторомъ, я бы утвердилъ попечителемъ школы всякаго дворянина безо всякихъ опасеній“ [1].

Конечно, съ такой точки зрѣнія нельзя не осудить дѣятельность тверскаго губернатора, и отношеніе къ ней со стороны *Новаго Времени*, поэтому вполнѣ объяснимо. Но вѣдь нельзя остановиться на томъ, на чемъ останавливается г. Суворинъ; если утверждать всякаго дворянина, то ни одинъ дворянинъ ни въ какомъ утвержденіи не нуждался бы, и самое утвержденіе стало бы лишь ни къ чему ненужною формальностью. Затѣмъ едва-ли купецъ и кресть-

[1] *Новое Время*, № 7122.

Digitized by Google

янинъ были-бы не въ правѣ сказать, что и они заслуживаютъ не меньшаго довѣрія, чѣмъ дворяне, и что ихъ можно было-бы допускать къ попечительству надъ школами безъ всякаго утвержденія. Вотъ что неизбѣжно вытекаетъ изъ признанія г. Суворина, и съ *его точки зрѣнія* онъ, конечно, правъ. Но разъ нашъ законъ признаетъ, что попечительство надъ школами нуждается въ правительственной санкціи, разъ онъ признаетъ, что никто не можетъ быть попечителемъ школы безъ утвержденія государственной власти, правительство, конечно, должно совсѣмъ иначе отнестись и къ дѣятельности тверскаго губернатора. Никому не придетъ и въ голову желать, чтобы какой-бы то ни было губернаторъ былъ выдѣленъ изъ того общаго надзора и контроля высшаго правительства, которому подчиняются всѣ начальники губерній по закону, и чтобъ этотъ губернаторъ былъ поставленъ въ положеніе безотвѣтственнаго сатрапа; но, съ другой стороны, трудно также ожидать, чтобы правительство позволило любому дворянину публично критиковать, обсуждать и осуждать дѣятельность своихъ губернаторовъ, да еще по такимъ дѣламъ какъ отзывы о политической неблагонадежности отдѣльныхъ лицъ,—отзывы, которые, по общему порядку всѣхъ благоустроенныхъ государствъ, могутъ быть только строго конфиденціальными и обыкновенно основываются на конфиденціальныхъ же данныхъ.

Въ жизни населенія всей страны или отдѣльной провинціи обстоятельства могутъ иногда сложиться такимъ роковымъ образомъ, что протестъ населенія или сословія неизбѣжно выливается въ нелегальную форму; и какъ ни печальны подобныя явленія вообще, въ частности они, въ виду тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, могутъ вызывать къ себѣ невольное снисхожденіе; вы ясно видите, что такой протестъ—стонъ вырывающійся у населенія, въ общемъ поведеніи своемъ несомнѣнно лойяльнаго, но притѣсненіями и несправедливостями доведеннаго до забвенія предѣловъ дозволеннаго и законнаго. Но напрасно стали-бы вы искать чего-либо подобнаго въ тверскомъ случаѣ. Недовольство общества мѣстною администраціей—явленіе само по себѣ довольно обыкновенное; еще чаще возникаютъ недоразумѣнія между губернаторами и мѣстнымъ дворянствомъ. Въ прежнее время „контры“ между губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства составляли даже какъ бы одно изъ нормальныхъ условій губернскаго „политическаго равновѣсія“. Но въ случаѣ серіознаго недовольства мѣстнаго дворянства губерна-

Digitized by Google

торомъ, представители дворянства, его предводители, обращались въ Петербургъ, и голосъ ихъ всегда былъ внимательно выслушиваемъ высшимъ правительствомъ и, можно сказать, всегда бралъ верхъ, такъ какъ государственная власть издавна привыкла уважать этотъ голосъ. Но все же переводъ или отставка губернатора были въ этихъ случаяхъ исходомъ, принимаемымъ правительствомъ добровольно, безъ давленія.

Тотъ же путь былъ вполнѣ возможенъ и для тверскаго дворянства, но оно предпочло путь иной, путь открытаго давленія на правительство, путь вынесенія своей распри съ губернаторомъ на публичную арену, или, вѣрнѣе, путь всенародной атаки на губернатора при условіяхъ, въ которыхъ онъ лишенъ даже возможности защищаться. Вотъ въ чемъ дѣло, а совсѣмъ не въ томъ, что тверскіе дворяне не одобряютъ дѣятельности своего губернатора.

Поводомъ къ тверскому происшествію послужило будто-бы неутвержденіе тверскою администраціей многихъ изъ дворянъ въ званіи попечителей начальныхъ народныхъ школъ. Такіе частые и многочисленные случаи неутвержденія не составляютъ у насъ чего-либо небывалаго раньше. Многимъ памятно, вѣроятно, что въ концѣ семидесятыхъ годовъ по одной Вятской губерніи сенатъ заразъ не утвердилъ, по причинѣ политической неблагонадежности, въ должности мировыхъ судей свыше десяти лицъ, избранныхъ земскими собраніями.

Русскія Вѣдомости, а вслѣдъ за ними и другія газеты говорятъ, что будто-бы въ губерніи около *шестидесяти* (60) дворянъ не были утверждены попечителями народныхъ школъ.

Изъ самаго достовѣрнаго источника мы можемъ заявить, что эта цифра не вѣрна: не было утверждено всего-на-всего *семнадцать* дворянъ и дворянокъ, которыхъ мы и могли бы назвать по именамъ. Но и эта цифра требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Такъ, въ число этихъ неутвержденій вошли не только сами дворяне, но и ихъ жены, что иногда бываетъ совершенно неизбѣжно. Избираетъ, напримѣръ, земское собраніе попечителемъ извѣстной школы г. NN. Администрація его не утверждаетъ. Тогда на слѣдующихъ выборахъ на мѣсто NN избирается его супруга, причемъ гласные не стѣсняясь говорятъ, что г-жа NN будетъ попечительницей лишь для формы, обязанности же ея будетъ нести ея мужъ. И всякій знающій нашъ деревенскій бытъ, конечно, признаетъ, что это совершенно возможно. Но что же въ такомъ случаѣ дѣлать мѣстной администраціи? Допустить, чтобъ ея распоряженія обходились нагло и безцеремонно?..

Digitized by Google

Цифра неутвержденій по Тверской губерніи попечителей школъ представляется особенно умѣренною по сравненію съ упомянутыми неутвержденіями мировыхъ судей въ Вятской губерніи. Школы вообще, и въ Тверской губерніи въ особенности, стали у насъ въ послѣдніе годы многочисленными, и едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что число школъ въ уѣздѣ не менѣе какъ въ десять разъ превосходитъ число мировыхъ судей. Такимъ образомъ, неутвержденіе по губерніи даже 100 попечителей не было бы болѣе строгимъ, чѣмъ неутвержденіе 10 мировыхъ судей.

Затѣмъ газеты сообщали, что была не утверждена вдова какого-то предводителя, уже долго состоявшая ранѣе попечительницей, потомъ кандидатъ на должность предводителя дворянства и т. д. Но кого же думаютъ всѣмъ этимъ обморочить? Да развѣ эти званія совершенно гарантируютъ политическую благонадежность? Во всякомъ случаѣ для того, чтобы судить о правильности этихъ неутвержденій, необходимо было бы прежде всего познакомиться съ основаніями, на которыхъ они сдѣланы, къ чему дворянское собраніе не имѣло ни средствъ, ни возможности.

Во всѣхъ *исторіяхъ*, подобныхъ тверскимъ, самое интересное то, что онѣ совершаются будто бы во имя *законности*. Какимъ образомъ протестъ во имя законности мирится съ явно незаконною формой протеста—объ этомъ протестанты повидимому мало задумываются. По крайней мѣрѣ, толки о „законности“ никогда не бываютъ у насъ болѣе оживленными, чѣмъ во времена дѣйствительныхъ и лишь ожидаемыхъ либеральныхъ вѣяній, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни въ какія иныя времена не бываетъ болѣе смѣлыхъ и безцеремонныхъ попытокъ къ перемѣнамъ въ существующемъ государственномъ строѣ, попытокъ, всегда незаконныхъ, всегда подрывающихъ „законность“.

Не избѣгъ этихъ толковъ о водвореніи „законности“ и нашъ прошлый годъ. Въ особенности возобновились они съ осени въ связи съ нѣкоторыми перемѣнами въ личномъ составѣ высшаго государственнаго управленія. И какъ всегда эти толки имѣли особенное специфическое значеніе, не вполнѣ понятное для человѣка незнакомаго съ разными, нерѣдко причудливыми теченіями русской общественной мысли. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь собственно говоря, не можетъ существовать и вопроса о томъ, нужна-ли „законность“, желательно-ли ея твердое и прочное водвореніе. Законъ есть выраженіе самой *правды*, примѣненное

Digitized by Google

къ отношеніямъ гражданъ между собой и къ государству. Можно ли не желать торжества законности? Конечно, это торжество и есть конечная цѣль всякой государственной дѣятельности... Но если это такъ, то толки о законности были бы не болѣе какъ общими мѣстами и банальными фразами. Между тѣмъ они несомнѣнно имѣютъ свое значеніе и вполнѣ реальное содержаніе. „Водвореніе законности“ на русскомъ политическомъ жаргонѣ значитъ съуженіе правительственной власти путемъ ограниченія предѣловъ административнаго усмотрѣнія съ замѣной послѣдняго точными законодательными нормами. Но такое „водвореніе законности“ всегда было и будетъ, конечно, задачей всякаго законодальства въ томъ числѣ и русскаго. Всякій законъ стремится проникнуть въ жизнь возможно глубже и предусмотрѣть и предразрѣшить все, что только возможно. Но безспорно, что эта задача достижима лишь до извѣстныхъ предѣловъ, за которыми законодательныя опредѣленія, переставая приносить какую-либо пользу, являются лишь ненужною тяготой и бременемъ для населенія. Никто, впрочемъ, и не отрицаетъ неизбѣжности того, что называется административнымъ усмотрѣніемъ. Вопросъ сводится только къ его предѣламъ: сторонники „водворенія законности“ находятъ, что эти предѣлы должны быть съужены чуть-ли не до „водворенія правоваго порядка“, причемъ за образецъ, конечно, берутся наиболѣе демократическія государственныя устройства на Западѣ. Противники проповѣдниковъ „законности“ находятъ, что наше законодательство и безъ того всегда стремилось замѣнить, гдѣ возможно, административное усмотрѣніе нормами закона и что, если въ нашемъ государственномъ устройствѣ административному усмотрѣнію все-таки отведено довольно широкое поприще, то это обусловливается нашими бытовыми и соціальными особенностями, созданными всею предшествовавшею исторіей, измѣнить которыя никто не можетъ, а слѣдовательно едва ли достижимо и сколько-нибудь существенное измѣненіе и предѣловъ административнаго усмотрѣнія. Конечно, въ томъ или другомъ частномъ случаѣ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ уставовъ и положеній возможно указать излишне широкіе предѣлы административнаго усмотрѣнія, и такія указанія могутъ послужить лишь къ усовершенствованію закона. Но общая и доминирующая въ законодательной дѣятельности тенденція къ замѣнѣ точными постановленіями административнаго усмотрѣнія, вездѣ, гдѣ оно существуетъ, какъ и всякая крайность и односторонность, конечно, можетъ принести лишь большой и ничѣмъ

Digitized by Google

не вознаградимый вредъ необдуманныхъ новшествъ и неосторожныхъ заимствованій.

Послѣдствія этого тенденціознаго и неумѣреннаго стремленія все предусмотрѣть и все предразрѣшить закономъ отлично представлены въ статьѣ подъ заглавіемъ „Законъ", напечатанной въ одной газетѣ еще въ 1886 году и недавно воспроизведенной вновь *Московскими Вѣдомостями* (№ 16 тек. года). Взявъ въ примѣръ Англію, въ которой власть орудуетъ не одною буквой закона, рабски подчиняясь ей въ страхѣ отвѣтственности, но орудуетъ закономъ въ цѣльномъ и разумномъ его значеніи, какъ нравственною силой, исходящею отъ государства, и сравнивая ее съ тѣми странами, гдѣ нѣтъ древнихъ учрежденій, изъ рода въ родъ служащихъ хранилищемъ разума и искусствомъ въ примѣненіи закона, авторъ находитъ, что въ этихъ странахъ „умноженіе и усложненіе законовъ производитъ подлинно лабиринтъ, въ коемъ запутываются дороги всѣхъ подзаконныхъ людей и нѣтъ выхода изъ сѣти, которая на нихъ наброшена. Законы становятся сѣтью не только для гражданъ, но,—что всего важнѣе,—для самыхъ властей, призванныхъ къ примѣненію закона,—стѣсняя для нихъ, множествомъ ограничительныхъ и противорѣчивыхъ предписаній, ту свободу разсужденія и рѣшенія, которая необходима для разумнаго дѣйствованія власти. Когда открывается зло и насиліе, когда предстоитъ защитить обиженнаго, водворить порядокъ и воздать каждому должное, необходимо властное дѣйствіе воли, направляемое стремленіями къ правдѣ и ко благу общественному. Но если при этомъ лицо, обязанное дѣйствовать, на всякомъ шагу встрѣчается въ самомъ законѣ съ ограничительными предписаніями и искусственными формулами, если на всякомъ шагу грозитъ опасность перейти ту или другую черту изъ множества намѣченныхъ въ законѣ, — если притомъ предѣлы властей и вѣдомствъ, соприкасающихся въ своемъ дѣйствіи, перепутаны въ самомъ законѣ множествомъ дробныхъ опредѣленій,—тогда всякая власть теряется въ недоумѣніяхъ, обезсиливается тѣмъ самымъ, что должно бы вооружить ее силой, то-есть закономъ, и подавляется страхомъ отвѣтственности въ такую минуту, когда не страху, а сознанію долга и права своего — надлежало бы служить единственнымъ побужденіемъ и руководствомъ. Нравственное значеніе закона ослабляется и утрачивается въ массѣ законныхъ статей и опредѣленій, нагромождаемыхъ въ непрерывной дѣятельности законодательной машины, и напослѣдокъ самый законъ — въ сознаніи

Digitized by Google

народномъ получаетъ значеніе какой-то внѣшней силы, невѣдомо зачѣмъ ниспадающей и отовсюду связующей и стѣсняющей отправленія народной жизни..."

Но не въ одномъ только выше изъясненномъ смыслѣ понимается у насъ также „водвореніе законности". Дѣло въ томъ, что въ государственной практикѣ бываютъ случаи, когда административная власть, центральная или мѣстная, является вынужденною обстоятельствами допустить нарушеніе буквы закона ради достиженія его конечной цѣли—водворенія правды. Нельзя сказать, чтобы отдѣльные случаи подобнаго отступленія отъ закона были у насъ часты. Но все же можетъ быть они чаще, чѣмъ въ западно-европейскихъ странахъ. Объясняется это все тѣми же быговыми нашими особенностями, разбросанностью нашей территоріи, отдаленностью областной администраціи отъ центральной власти и пр. и пр. Нечего и говорить, что было бы желательно, чтобы подобныя отступленія отъ закона допускались лишь въ дѣйствительно заслуживающихъ уваженія случаяхъ и чтобы представители власти этимъ не злоупотребляли. Дѣло центральной администраціи разсмотрѣть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, есть-ли отступленіе отъ закона проявленіе злой воли или доброкачественный актъ попечительнаго и бдительнаго управленія. Но опять-таки и въ этомъ случаѣ тенденціозное стремленіе добиться полнаго прекращенія такихъ вынужденныхъ и оправдываемыхъ обстоятельствами отступленій можетъ принести болѣе вреда, чѣмъ пользы. Нетрудно заставить всѣхъ исполнять букву закона, нетрудно обратить администрацію въ автоматическую машину. Но едва-ли этимъ удовлетворительнѣе осуществятся основныя задачи управленія—огражденія земскаго мира, общественной безопасности и правъ частныхъ лицъ и осуществленіе высшихъ задачъ государственнаго существованія. Случаи необходимости отступленія отъ закона нисколько не уменьшатся, и разъ самыхъ отступленій не будетъ, разъ данный конкретный случай разрѣшится закономъ очевидно неудовлетворительно — всегда явится сторона потерпѣвшая, всегда чей-нибудь интересъ получитъ ущербъ, будь то интересъ частныхъ лицъ или сословія или интересъ государственнаго дѣла.

А. Б.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Возобновленіе сношеній Россіи съ Болгаріей и отношеніе къ этому Австріи.

27 января телеграфъ принесъ слѣдующее многознаменательное извѣстіе:

Переводъ телеграммы Его Императорскаго Величества къ Его Высочеству принцу Фердинанду въ Софію.

„С.-Петербургъ, 25 января 1896 года. Искренно поздравляю Ваше Высочество съ принятіемъ патріотическаго рѣшенія, о коемъ Вы сообщаете Мнѣ въ письмѣ Вашемъ отъ 21 сего января. Свиты Моей генералъ-майоръ графъ Голенищевъ-Кутузовъ везетъ Вамъ отвѣтъ Мой, и ему поручается присутствовать отъ Моего Имени при обрядѣ присоединенія возлюбленнаго сына Вашего къ Церкви народа Болгарскаго".

Правительственное сообщеніе. Вызывая въ 1886 году своихъ агентовъ изъ княжества Болгарскаго, Императорское правительство тогда же заявило въ сообщеніи своемъ отъ 29 ноября, что оно этою мѣрой отнюдь не имѣло въ виду порвать узы, связующія Болгарію съ Россіей. Болгарія—созданіе Россіи и обязана своимъ существованіемъ тяжкимъ жертвамъ и усиліямъ Русскаго народа. Уже въ силу этого Императорское правительство не могло не относиться съ живѣйшимъ участіемъ ко всѣмъ явленіямъ ея гражданскаго устройства, къ настоящему ея положенію и къ будущимъ судьбамъ ея. Мы неоднократно заявляли, что ждемъ лишь чистосердечнаго сознанія самихъ Болгаръ въ необходимости переворота къ лучшему, чтобы предать забвенію прошлое и положить начало возстановленію сношеній съ княжествомъ, основанныхъ на взаимномъ довѣріи и

Digitized by Google

чуждыхъ всякаго своекорыстнаго побужденія. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ. Принцъ Фердинандъ обратился къ Государю Императору съ письменнымъ ходатайствомъ о присылкѣ въ Софію особаго русскаго представителя для присутствованія при обрядѣ присоединенія къ Православной Церкви малолѣтняго принца Бориса. Три года назадъ по полученіи извѣстія о намѣреніи тогдашнихъ болгарскихъ правителей внести на утвержденіе народнаго собранія проектъ измѣненія ст. 38 Тырновской конституціи, обезпечивавшей принадлежность княжескаго дома къ Православной Церкви, Императорское правительство не могло не возвысить своего голоса противъ этого нововведенія. Оно тогда же въ сообщеніи своемъ отъ 21 февраля 1893 года предостерегало всѣхъ Болгаръ безъ различія партій о той опасности, которая грозитъ народу, готовому вступить на путь отреченія отъ вѣковыхъ и самыхъ священныхъ своихъ преданій. Голосъ Россіи, искони сострадавшей бѣдствіямъ и неустройству братскаго племени на востокѣ, проникъ въ сердца Болгаръ. Народъ болгарскій и его правители сознали необходимость оградить и укрѣпить господство въ странѣ Православной вѣры, являющейся залогомъ неразрывной духовной связи, соединяющей Россію съ освобожденною ею Болгаріей. Извѣстіе это повсюду въ Россіи встрѣчено было радостнымъ сочувствіемъ. Одушевляемый чувствами великодушія и искренняго доброжелательства къ Болгаріи, Государь Императоръ внялъ просьбѣ принца Фердинанда и Высочайше соизволилъ на удовлетвореніе ходатайства съ командированіемъ отъ Своего имени, какъ свидѣтеля воспріемника при совершеніи таинства миропомазанія надъ малолѣтнимъ сыномъ принца, свиты Его Императорскаго Величества генералъ-майора графа Голенищева-Кутузова.

Русскій дипломатическій агентъ, прибывшій въ Софію вмѣстѣ съ представителемъ Государя Императора, принялъ дѣла русскаго посольства и въ первый же день вручилъ свои вѣрительныя грамоты. Эти грамоты были переданы не принцу Фердинанду, который пока не признанъ державами княземъ Болгарскимъ, а совѣту болгарскихъ министровъ, то-есть, фактическому правительству страны. Этимъ актомъ Россія снова вступила въ офиціальныя сношенія съ Болгаріей, прерванныя на девять лѣтъ. Эъ Него говорить, что весь этотъ поворотъ въ политикѣ Болгаріи вызвалъ сильное неудовольствіе въ державахъ, которыя

Digitized by Google

привыкли смотрѣть на Болгарію, какъ на оплотъ противъ какихъ-то завоевательныхъ плановъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ,—и нигдѣ это неудовольствіе не выразилось въ такой открытой формѣ, какъ въ Австріи, гдѣ уже давно вѣрили, что связи, соединявшія Болгарію съ ея освободительницей, порваны навсегда. Все, что дѣлалось шайкой такихъ враговъ собственнаго отечества, какъ Стамбуловъ, принималось за настроеніе народа, и ликованіе народа, вызванное въ Софіи милостивою телеграммой Русскаго Царя, должно было болѣзненно отозваться на берегахъ Дуная, должно было убѣдить въ Вѣнѣ и Пештѣ, что всѣ австрійскія интриги—политическія и финансовыя—не оставили въ душѣ народа никакого слѣда и всѣ усилія правительства Франца Іосифа были потрачены даромъ.

Тѣмъ болѣе слѣдуетъ удивляться, что въ Вѣнѣ не желаютъ признать значенія происшедшей перемѣны и дѣлаютъ попытки возвратиться къ прежнему положенію. Можно понять, что для католической Австріи чрезвычайно непріятно рѣшеніе родственника австрійскаго императора и ставленника Австріи присоединить сына къ Православной Церкви, но это дѣло чувства, а не политической мудрости, и тщетна попытка правительства воспротивиться тому, чтобы въ Софіи преобладаніе Россіи стало выдающимся. Органы правительства ***Fremdenblatt*** и ***Пештскій Ллойдъ*** прямо заявляютъ, что Австрія не допуститъ преобладанія иностранной державы въ самостоятельныхъ балканскихъ государствахъ, но тутъ же прибавляютъ, что иностранныя державы должны въ собственныхъ интересахъ и въ видахъ сохраненія на Востокѣ ***status quo*** присоединиться къ этой точкѣ зрѣнія. Какъ ни кажется это смѣшнымъ, но та самая Австрія, которая во время Турецкой войны дѣйствовала противъ Болгаріи и затѣмъ въ правленіе Стамбулова и Буріана хозяйничала въ Болгаріи, какъ въ Галиціи, въ своихъ требованіяхъ опирается на Берлинскій договоръ, въ которомъ нѣтъ-де никакихъ указаній на то, чтобы Россіи были предоставлены какія-либо преимущества. Рѣшительно непонятно, чего Австрія хочетъ добиться повтореніемъ подобныхъ фразъ. Та кровь, которую проливала Россія за Болгарію, тѣ жертвы, которыя она принесла освобожденію страны, создали такія преимущества, которыхъ не въ состояніи уничтожить никакія ноты. Но и помимо этого притязанія Австрія лишены всякой почвы. Князь Бисмаркъ, который предсѣдалъ на Берлинскомъ конгрессѣ и котораго никто не заподозритъ въ недоброжелательствѣ къ Австріи, уже въ своей

Digitized by Google

знаменитой февральской рѣчи доказывалъ, что если въ договорѣ не указано на то, что конгресъ предоставляетъ Россіи особыя права, то всѣ члены конгресса согласились молча признать эти права, какъ вытекающія изъ общаго положенія. Въ отношеніяхъ державъ ничего не могло измѣниться, и Австрія въ своихъ притязаніяхъ не найдетъ никакой поддержки даже со стороны Италіи и Англіи. Органъ князя Бисмарка *Гамбургскія Извѣстія* относится потому къ заявленіямъ офиціозовъ Австріи иронически и признаетъ ихъ нѣсколько легкомысленными, потому что Австрія не имѣетъ средствъ воспрепятствовать тому, чтобы Россія воспользовалась своими правами въ Болгаріи, если это будетъ желательно народу и князю Болгаріи. Войну что-ли Австрія начнетъ? „Въ политикѣ мы считаемъ угрозы, хотя и скрытыя, совершенно ошибочною тактикой, если нѣтъ средствъ при случаѣ подкрѣпить угрозы дѣйствіемъ. Вотъ почему статьи австрійскихъ газетъ— только театральный громъ, которымъ хотятъ охранить принципіальную точку зрѣнія Австріи. Но только *in thesi*, потому что объ охранѣ ея на практикѣ, и въ особенности *tanti militari*, никто не думаетъ".

Притязанія Австріи въ глазахъ Россіи не могутъ имѣть никакого значенія, и это не только потому, что Россія не думаетъ затрогивать права балканскихъ государствъ и возвратить себѣ положеніе, признанное за ней Берлинскимъ конгрессомъ, но и потому, что сама Болгарія громко требовала выхода изъ того положенія, въ какое поставили ее недруги Славянъ, и сама обратилась къ Россіи съ моленіемъ. Какія отношенія установятся теперь между Болгаріей и ея освободительницей, касается исключительно этихъ двухъ странъ, и обѣ онѣ сумѣютъ устранить всякія притязанія Австріи—контролировать эти отношенія. Забота Австріи, доказывающей необходимость охраны самостоятельности балканскихъ государствъ, должна состоять только въ томъ, чтобы и другія государства не поняли вѣроломную политику ея по отношенію къ Славянамъ и не отвернулись отъ нея такъ же, какъ Болгарія.

Digitized by Google

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Русскаго Обозрѣнія“ въ теченіе января мѣсяца 1896 г.

В. Желиховская. Фантастическіе разсказы. Съ рисунками художника С. С. Собко. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Сергѣй Соколовъ. Астрономическія изслѣдованія. Москва. 1896 г. Ц. 1 р.

Сочиненія Шелли. Перев. съ англійскаго **К. Д. Бальмонта.** Выпускъ 4-й. Москва 1896 г. Ц. 50 коп.

Отчетъ Вятскаго Братства Святителя и Чудотворца Николая за 1894—95 годъ (годъ 13-й). Вятка. 1895 г.

Сергѣй Сперанскій. Организація указанія работы въ Берлинѣ.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Часть первая. Сентябрь — Декабрь. Выпускъ второй: Славяно-русскій прологъ. Подъ редакціей проф. А. И. Пономарева. Спб. 1896 г.

Пѣснь о колоколѣ. Поэма Шиллера. Въ переводѣ и съ предисловіемъ Осипа Кармина. Москва. 1896 г. Ц. 30 коп.

Отхожіе промыслы крестьянъ. Обзоръ Ярославской губерніи. Выпускъ II. Раздѣлъ I. Районы отхода. Ярославль. 1896 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Врачъ А. Коровинъ. Послѣдствія алкоголизма и общественная борьба съ нимъ. Докладъ, прочитанный 12 октября 1895 года въ Московскомъ Гигіеническомъ Обществѣ. Москва. 1896 г. Ц. 35 коп.

Павелъ Смирновъ, мастеръ Волжскаго Мыловареннаго завода. **Какъ дѣлаютъ мыло?** Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб. 1896 г. Ц. 20 коп.

Д. И. Тихомировъ. Вешніе всходы. Вторая книга для класснаго чтенія и бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій въ школѣ и въ семьѣ. Изд. журнала **„Дѣтское Чтеніе“.** Москва. 1896 г. Ц. 35 к.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга пятая. Подъ редакціей **В. Н. Смольянинова.** Саратовъ. 1894 г. Цѣна I тома на простой бумагѣ 2 р., на веленевой 3 р.; II, III, IV и V томы на простой—3 р., на веленевой - 4 р.

Россійскій Царственный Домъ Романовыхъ. Издатель - редакторъ **К. А. Бороздинъ.** Цѣна съ доставкой 2 р. Спб. 1896 г.

Іеромонахъ Владиміръ (Благоразумовъ). **Св. Аѳанасій Александрійскій,** его жизнь, ученo-литературная и полемико-догматическая дѣятельность. Кишеневъ. 1895 г. Ц. 2 р.

Уставъ Общества Ревнителей Русскаго Историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Спб. 1895 г.

Бэла Фельдешъ. Къ вопросу о возстановленіи металлическаго обращенія.

Охрана металлическихъ запасовъ. Докладъ Венгерской Академіи Наукъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Подъ редакціей **А. Гурьева.** Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Ѳедоръ Шперкъ. Книга о духѣ моемъ. Поэма. Часть первая. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Отчетъ Русскаго Хороваго Общества въ Москвѣ. За сезонъ 1894 — 95 года (XVII годъ). Москва. 1895 г.

Вѣнокъ на могилу Эстляндскаго губернатора С. В. Шаховского. Ревель. 1896 г Изданіе подъ редакціей Г. Янчевецкаго.

Я. П. Полонскій. Полное собраніе стихотвореній. Съ двумя портретами автора. 5 томовъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. Ц. за 5 томовъ 6 р., съ пересылкой 7 р.

Digitized by Google

Н. М. Павловъ. Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины. (862 — 1362 гг.). Томъ I. Москва. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рѣчь и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Кіевской Духовной Академіи 26 сентября 1895 года. Кіевъ. 1895 г.

Свящ. Н. Стеллецкій. Бракъ у древнихъ Евреевъ. Кіевъ. 1892 года. Ц. 2 р. съ пересылкой.

Ксавье де-Местръ. Прокаженный города Аосты. Перев. съ франц. **Н. И. Виноградова.** Москва. 1895 г. Ц. 20 к.

Проф. В. Бехтеревъ. Значеніе органовъ равновѣсія въ образованіи представленій о пространствѣ. Изданіе К. Л. Риккера. Спб. 1896 г.

М. А. Берновъ. Изъ Одессы пѣшкомъ по Крыму. Спб. 1896 г. Ц. 85 коп.

Потерянный Рай и Возвращенный Рай. Съ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ. Переводъ подъ редакціей **А. Н. Шульговской.** Выпуски I и II. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1896 г. Ц. за оба выпуска 2 р.

И. А. Купчинскій. Театръ. (Сборникъ). Москва. 1896 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Левъ Исаковъ. Степные отголоски. Сборникъ стихотвореній. Изданіе 2. Оренбургъ. 1895 г. Ц. 25 коп.

Д-ръ С. Смирновъ. По поводу устройства медицинской части при минеральныхъ водахъ на сѣверномъ Кавказѣ. Москва. 1895 года.

Въ конторѣ журнала продаются слѣдующія изданія:

К. П. Побѣдоносцевъ. Ле-Плѐ. М. 1893. Ц. 1 руб. (въ ограничен. числѣ экземпл.).

К. Н. Леонтьевъ. Востокъ, Россія и Славянство. 2 тома, по 1 р. 50 к. каждый.

Л. А. Тихомировъ. Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи. Москва. 1893 г. Ц. 20 к.

А. П. Владиміровъ. О русскомъ землевладѣніи въ Сѣверо-Западномъ краѣ. М. 1893 г. Ц. 75 к.

Г. П. Георгіевскій. Апокрифическое сказаніе. Москва. 1893 г. Ц. 10 к.

Князь Д. Н. Цертелевъ. Стихотворенія. 1883—1891. Москва. 1892 г. Ц. 2 руб.

Ю. Николаевъ. Очерки современной беллетристики. В. Г. Короленко. Москва 1893 г. Ц. 75 к.

Его-же. Тургеневъ. Критическій этюдъ. М. 1894. Цѣна 1 руб.

Н. И. Черняевъ. О русскомъ самодержавіи. Ц. 75 к.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ тридцать седьмой.

ЯНВАРЬ.

Стр.

Стихотвореніе. **В. К. Истомана** 5

Церковная школа. Статья III. **Проф. С. А. Рачинскаго**.... 6

Въ дорогѣ. Стихотвореніе, **Анатолія Александрова**..... 20

Отхожіе сельскохозяйственные промыслы. Гл. I—II **Князя Н. В. Шаховского** 21

Вчужѣ. Сказка для дѣтей пожилаго возраста. **графа Е. А. Саліаса**..... 56

Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Екатерины I. **Проф. А. С. Алексѣева**..... 76

Гордость семьи. Повѣсть. Часть первая. Гл. I—VIII. **А. В. Стернъ** 130

О Фаустѣ въ музыкальномъ изображеніи и о значеніи предмета въ музыкѣ вообще. **Г. А. Ларошa**..... 167

Человѣкъ въ бѣломъ шарфѣ. Разсказъ. **А. А. Смирнова**... 183

Опытъ о свободѣ воли. (Изъ посмертныхъ рукописей). **П. Е. Астафьева**. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. **Проф. А. И. Введенскаго**..... 220

Благовѣстъ. Стихотвореніе. **П. П**..... 233

Изъ исторіи ученаго монашества шестидесятыхъ годовъ. **Архіепископа Никанора**. Съ предисловіемъ **Свящ. С. Петровскаго** 234

Воспоминанія, замѣтки и письма. I. **А. В. Горскій. Проф. Н. С—на**..... 239

Изъ далекаго прошлаго. I. Тетушка Прасковья Егоровна. **П. П. Суворова** 288

„Кому вынется, тому сбудется“. (Погудка). Стихотвореніе. **Н. [А. Чаева**..... 299

Въ странѣ рабовъ (Изъ посмертныхъ бумагъ). **А. В. Елисѣева** 301

Письма къ Г. Беркгольцу. **Баронессы Раденъ**. (Перев. съ нѣмецк. **Е. Н. Б.**)..... 317

Коронованіе Русскихъ Государей. (Историческій очеркъ), **Г. П. Георгіевскаго**..... 327

Нервозъ Этьенетты. Разсказъ **Жана Нормана**. (Перев. съ французскаго. **Е. М. Поливановой** 351

О соединеніи церквей. (По поводу энциклики папы Льва XIII). **Проф. А. Д. Бѣляева**..... 376

Digitized by Google

Стр.

Очередная реформа. **В. Іордана** 387

Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Отрывки изъ дневника: I. Письмо **Ѳ. М. Достоевскаго** и происхожденіе очерка „Именинникъ“. II. По поводу замѣтки **И. С Тургенева** о „русскомъ языкѣ“. III. Письмо преосвященнаго **Никанора** о славянскомъ движеніи 70-хъ годовъ. **Свящ. М. А. Юркевича.** 2) Листки изъ записной книжки интересныхъ знакомствъ, встрѣчъ и разсказовъ: XI. Протодіаконъ А. А. Зиновьевъ. XII. И. Ѳ. Горбуновъ. **К. А.** 3) Отрывки изъ воспоминананій: I. Празднованіе столѣтія Московскаго университета. **Н. Ч.** 4) Письма къ К. А. Губастову. **К. Н. Леонтьева.** 406

Музыкальное обозрѣніе. Двѣ новыя русскія оперы Гл. II. (*Окончаніе*). **Проф. Н. Д. Кашкина**..... 426

Письма изъ Парижа. **И. Яковлева**..... 435

Лѣтопись печати: 1) Что дѣлать молодежи? 2) Изъ газетъ и журналовъ. **Л. А. Тихомирова**..... 451

Библіографія:

1) Къ исторіи Византіи **М. П. Соловьева**..... 467

2) *Окружное посланіе великой Константинопольской церкви.* По поводу папской энциклики о соединеніи церквей. (Изданіе редакціи *Церк. Вѣд.* С.-Петербургъ, 1895 г., 20 стр. Ц. 10 к.). **П. В.**..... 477

3) *Переписка Филарета митрополита Московскаго съ С. Д. Нечаевымъ.* С.-Петербургъ, 1895 г. **Свящ. І. Фуделя**..... 480

4) К. Ельницкій. *Инородцы Сибири и среднеазіатскихъ владѣній Россіи.* Этнографическіе очерки. Учебное пособіе. Изданіе Д. Д. Полубояринова. Стр. 1—139. Ц. 1 р. Спб., 1895 г. **А. Э.**..... 482

5) *Матеріалы для исторіи рода дворянъ Савеловыхъ.* Т. I, вып. I. Изданіе Л М. Савелова. Составилъ А. Юшковъ. Москва. **Н. А.**..... 483

Областной отдѣлъ:

1) Изъ Вильны. Еще о памятникѣ графу М. Н. Муравьеву. **А. П. Владимирова**..... 487

2) Изъ Баку. Къ армянскому вопросу. **Х.**..... 492

Внутреннее обозрѣніе..... 499

Иностранное обозрѣніе..... 503

Книги, поступившія въ редакцію:

Объявленія.

Приложеніе: Систематическій указатель содержанія *Русскаго Обозрѣнія* за 1895 г..... 1—26

Digitized by Google

ФЕВРАЛЬ.

Стр.

Мои воспоминанія. (Изъ посмертныхъ бумагъ). **А. Н. Муравьева.** Съ потретомъ автора. Примѣчанія **А. А. Третьякова** 505

Т—Ѣ. Стихотвореніе. **Графа А. А. Голенищева-Кутузова**... 54

Изъ исторіи ученаго монашества шестидесятыхъ годовъ. (Изъ посмертныхъ бумагъ). **Архіепископа Никанора**.. 545

Забытыя грезы. Стихотвореніе. **П. П. Суворова**. 570

Н. П. Гиляровъ Платоновъ, какъ иниціаторъ церковно-приходской школы. **Кн Н. В. Шаховского**.... 572

Докторша. Разсказъ капитана „Кара-Сакала". **Н. Н.Каразина** 590

Князь Адамъ Чарторыйскій. **И. П. Корнилова**..... 623

Гордость семьи. Повѣсть. Гл. IX—XV. (Конецъ первой части.) **А. В. Стернъ**..... 676

Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в. **Павла Алеппскаго.** (Переводъ съ арабской рукописи. **Проф. Г. А. Муркоса**)..... 706

Молитва. Стихотвореніе. **А. Н. Майкова**..... 754

Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Екатерины I. Гл. II—III. **Проф. А. С. Алексѣева**..... 755

Ангелъ смерти. Стихотвореніе **М. А. Лохвицкой**..... 776

Самоубійца. Разсказъ. **Графини Е. Н. Толстой**..... 777

Отхожіе сельско-хозяйственные промыслы. Гл. III **Князя Н. В. Шаховского**..... 789

Муза. Стихотвореніе. **В. К. Истомина**..... 828

Фальшивая тревога. **Spectator'a**..... 829

Въ странѣ рабовъ. Изъ посмертныхъ бумагъ (Продолженіе.) **А. В. Елисѣева**..... 858

Рыбачья лодка Стараго Пера. **Тора Гедберга.** (Переводъ со шведскаго. **С. Г.**)..... 873

О Православной Церкви. **И. В. Биркбека.** (Перев. съ англійскаго, подъ редакціей автора)..... 882

О соединеніи церквей. (По поводу энциклики папы Льва XIII). (*Окончаніе*) **Проф. А. Д. Бѣляева**..... 892

Два стихотворенія. **Гр. Ар—ко**..... 904

Луи Пастеръ. (Работы о броженіи и предохранительныхъ прививкахъ). **Доктора В. Е. Игнатьева**..... 905

Памяти Я. И. Вейнберга. Личныя воспоминанія. **Проф. П. М. Покровскаго**..... 931

Digitized by Google

Стр.

Панславистъ XVII вѣка Юрій Крижаничъ. (По неизданнымъ документамъ). **П. Пирлинга.** (Перев. съ французскаго. Съ предисловіемъ **С. А. Бѣлокурова**)..... 938

Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Отрывки изъ воспоминаній: II. К. Ф. Рулье.—III. Т. Н. Грановскій на экзаменахъ.—IV. Острота Г. И. Сокольскаго.—V. Неизданное стихотвореніе М. А. Стаховича. **Н. Ч.** 2) Письма къ К. А. Губастову. **К. Н. Леонтьева**.... 956

Музыкальное обозрѣніе. Проф. Н. Д. Кашкина..... 965

Лѣтопись печати: 1) Къ вопросу объ интеллигенціи. 2) Изъ газетъ и журналовъ. **Л. А. Тихомирова**..... 977

Критика:

„Капитанская дочка Пушкина.“ Историко-критическій этюдъ. Гл. I—II. **Н. И. Черняева**..... 1002

Библіографія:

1) Богословіе, церковная жизнь..... 1044
2) Право 1047
3) Исторія..... 1048
4) Географія, этнографія, статистика..... 1050
5) Критика, публицистика..... 1055
6) Педагогія 1059
7) Первоначальное чтеніе..... 1061

Областной отдѣлъ:

Изъ Смоленской губерніи. Еврейское нашествіе. **І. Ф.** 1064

Внутреннее обозрѣніе. А. Б..... 1066

Иностранное обозрѣніе..... 1080

Книги, поступившія въ редакцію.

Объявленія.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НА ГОДЪ **4 р.** безъ дост. и перес.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА **на 1896 годъ** *(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)*

НА ГОДЪ **5 р.** съ дост. и перес.

на ежедневную, политическую, общественную, экономическую и литературную газету

РУССКОЕ СЛОВО

(безъ предварительной цензуры).

Тотъ успѣхъ, который съ Божіею помощью выпалъ на нашу долю въ истекшій годъ и далеко превзошелъ наши скромныя надежды, тѣ живыя, сердечныя и прочныя симпатіи, которыя уже успѣли установиться между нами и читателями нашими, наконецъ, самый уже весьма значительный для столь молодой газеты и весьма разнообразный кругъ этихъ читателей—даютъ намъ силу и бодрость къ продолженію нашего посильнаго служенія родинѣ и подтверждаютъ высказанную нами ранѣе увѣренность въ необходимости пойти на встрѣчу растущей съ каждымъ днемъ потребности русскаго общества имѣть возможно болѣе недорогую и возможно болѣе освѣдомленную, полную, живую и разностороннюю ежедневную газету, здоровую и чисто-русскую по духу, стоящую выше столь чуждой ему узкой доктринерской партійности.

ЗНАМЯ *Русскаго Слова*—та же священная и широко вѣющая хоругвь, подъ которою создалась, воспиталась и выросла святая Русь; на этомъ знамени ярко горятъ и свѣтятъ великія и дорогія каждому Русскому слова: «Православіе», «Самодержавіе» и «Народность».

ЗАДАЧА *Русскаго Слова*—возможно вѣрное отраженіе русскихъ идеаловъ и завѣтовъ, русскихъ думъ и стремленій, выраженіе русскаго взгляда на дѣла внутреннія и внѣшнія, и мужественное, искреннее, правдивое и нелицепріятное служеніе, по мѣрѣ силъ, интересамъ дорогой родины, какъ матеріальнымъ, такъ и, по преимуществу, духовнымъ—въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія національнаго самосознанія и истиннаго просвѣщенія.

По поводу ожидаемаго **СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ** *Русское Слово* дастъ въ 1896 году нѣсколько иллюстрированныхъ нумеровъ газеты, посвященныхъ этому глубоко-радостному для каждаго Русскаго событію.

ПРОГРАММА *Русскаго Слова* отличается наибольшею полнотой и разнообразіемъ, заключая въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Руководящія (передовыя) статьи. 2) Телеграммы. 3) Внутреннія извѣстія. 4) Внѣшнія извѣстія. 5) Свѣдѣнія мѣстнаго характера происшествія, театръ, музыка, картины). 6) Корреспонденціи изъ провинцій и изъ-за грницы. 7) Выдержки изъ журналовъ и газетъ, критическія и библіографическія замѣтки. 8) Изложеніе, истолкованіе и разъясненіе законовъ, мѣропріятій и распоряженій правительства. 9) Фельетоны научнаго и беллетристическаго (романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и т. п.) характера. 10) Помѣщеніе время отъ времени портретовъ Особъ Императорской Фамиліи, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, относящихся до событій текущей жизни. 11) Смѣсь и шутки. 12) Объявленія.

СРОКЪ выхода—ежедневный (кромѣ дней, слѣдующихъ за большими праздниками).

Digitized by Google

Стр.

XXIV. ПАНСЛАВИСТЪ XVII ВѢКА, ЮРІЙ КРИЖАНИЧЪ. (По неизданнымъ документамъ). **П. Пирлинга.** (Перев. съ французскаго. Съ предисловіемъ **С. А. Бѣлокурова**).. 938

XXV. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ: 1) Отрывки изъ воспоминаній: II. К Ф. Рулье.—III. Т И. Грановскій на экзаменахъ.—IV. Острота Г. И. Сокольскаго.—V. Неизданное стихотвореніе М. А. Стаховича. **Н. Ч.** 2) Письма къ К. А. Губастову. **К. Н. Леонтьева**..... 956

XXVI. МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Проф. Н. Д. Кашкина.** 965

XXVII. ЛѢТОПИСЬ ПЕЧАТИ: 1) Къ вопросу объ интеллигенціи. 2) Изъ газетъ и журналовъ. **Л. А. Тихомирова**. . 977

XXVIII. КРИТИКА:

„Капитанская дочка“ Пушкина. Историко-критическій этюдъ. Гл. I—II. **Н. И. Черняева**..... 1002

XXIX. БИБЛІОГРАФІЯ:

1) Богословіе, церковная жизнь..... 1044
2) Право 1047
3) Исторія..... 1048
4) Географія, этнографія, статистика..... 1050
5) Критика, публицистика 1055
6) Педагогія..... 1059
7) Первоначальное чтеніе 1061

XXX. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ:
ИЗЪ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ. Еврейское нашествіе. **І. Ф**..... 1064

XXXI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. **А. Б**..... 1066

XXXII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ 1080

XXXIII. КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

XXXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Digitized by Google

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(Выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца).

Въ составъ каждой книги журнала входятъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: 1) **Изящная словесность** (оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, стихотворенія и т. д.) 2) **Наука** (философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч.) 3) **Критика.** 4) **Вопросы церковной жизни.** 5) **Современная лѣтопись.** 6) **Иностранныя корреспонденціи.** 7) **Лѣтопись печати.** 8) **Искусство** (обозрѣнія музыкальныя, театральныя, художественныя и др.) 9) **Библіографія** (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ науки и искусства, новости иностранной журналистики и обозрѣніе духовныхъ журналовъ.) 10) **Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей.** 11) **Областной отдѣлъ** (письма и сообщенія изъ провинціи.) 12) **Экономическія замѣтки.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода—7 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца—3 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—1 р. 25 к.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

Съ пересылкой за границу 18 рублей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ отдѣл. конт. журнала—при книжн. магаз. Н. Фену и К°, Невскій, домъ Армянск. церк., № 40, и въ библіот. Семенникова, Васильевскій Остр., 6 линія, д. № 25. Здѣсь же производится продажа отдѣльн. №№ журнала.

Подписка принимается и въ другихъ городахъ во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. *Подписку съ разсрочкой платежа просятъ адресовать исключительно въ контору редакціи.*

Книги журнала 1890—1891 гг. продаются въ конторѣ редакціи по 7 руб. за годъ, 1892—1893 гг. по 5 руб. за годъ, 1894—1895 гг.—8 руб. За пересылку доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ пять лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: *Москва, редакція Русскаго Обозрѣнія.* (Уг. Тверской и М. Гнѣздниковскаго пер., д. Спиридонова.)

Редакторъ-издатель: **АНАТОЛІЙ АЛЕКСАНДРОВЪ.**

Жалобы на несвоевременную доставку журнала редакція проситъ заявлять не позднѣе перваго числа слѣдующаго мѣсяца по выходѣ книги.

Digitized by Google